РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLVIII-й　　ЯНВАРЬ.　　1917 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложеніе: Наши дорогіе союзники.

I-я книга „Русской Старины“ вышла 18-го января 1917 г.

Библіографическій листокъ.

„Записки князя И. М. Долгорукова“ 1764—1800. Петроградъ, 1916 года. Цѣна 10 рублей.

Записки эти печатались въ „Русскомъ Библіофилѣ“ по списку, полученному отъ покойнаго Н. В. Соловьева. Оставшіеся отдѣльные оттиски въ количествѣ 200 экземпляровъ пущены теперь въ продажу. Пока вышелъ томъ первый, доходящій почти до 450 стр. и заключающій въ себѣ половину записокъ.

Князь И. М. Долгорукій былъ другомъ музъ и грацій. Несмотря на недостатокъ красоты онъ пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ и самъ былъ вѣчно влюбленъ. Онъ писалъ множество легкихъ стиховъ, а также и повѣсти въ прозѣ простой и пріятной, игралъ на сценѣ чуть не съ младенчества и вплоть до гробовой доски, любилъ театръ страстно и былъ большимъ его знатокомъ.

Несомнѣнно, что кн. И. Долгорукій является типичнымъ и виднымъ представителемъ блестящаго общества временъ Екатерины Великой и записки его, которыя онъ озаглавилъ такъ: „Повѣсть о рожденіи моемъ, происхожденіи и всей жизни, писанная мной самимъ и начатая въ Москвѣ, 1788 года въ августѣ мѣсяцѣ, на 25 году отъ рожденія моего“,—имѣютъ не только большую занимательность, но и важный историческій интересъ. **Н. Г.**

Т. О. Соколовская. „Капитулъ Феникса“. Высшее тайное масонское правленіе въ Россіи (1788—1822). Петроградъ, 1916 г. 4°. 100 стр. Цѣна 4 рубля.

(Печаталось во II томѣ „Вѣстника Общества ревнителей исторіи“).

Эта прекрасно изданная книга, иллюстрированная множествомъ снимковъ съ рѣдкихъ портретовъ масонскихъ дѣятелей и украшенная рисунками той эпохи, по своему содержанію является цѣннымъ вкладомъ въ исторію русскаго масонства. Въ этомъ своемъ новомъ научномъ изслѣдованіи г-жа Соколовская прекрасно изображаетъ какъ внѣшнюю обрядовую сторону масонства, такъ и глубокое внутреннее вліяніе его ученія на многихъ важныхъ государственныхъ дѣятелей. **Н. Г.**

Пѣсни о Бельгіи, собранныя Евгеніемъ Вильчинскимъ. Петроградъ, 1916 г.

Г-ну Вильчинскому пришла счастливая мысль собрать 61 пѣсню о героической Бельгіи, напечатанныхъ въ раз-

Открыта подписка на историческій журналъ

РУССКАЯ СТАРИНА

на 1917 годъ.

Вступая въ 1917 г. въ сорокъ восьмой годъ своего существованія, ред. журн. **„РУССКАЯ СТАРИНА“** предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ѳ. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля“. „Житейскія встрѣчи“. **Дневныя записки генерала Патрика Гордона**, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Ѳедора Алексѣевича и Петра Великаго **М. М. Богословскаго.**—Дѣтство Петра Великаго. **В. М. Бочкарева.**—Къ исторіи проведенія въ жизнь губернской реформы Екатерины II.—**В. Евгеньева.**—**Неизданная статья (1863—64) И. А. Гончарова.**—Московскія Вѣдомости (Каткова) и День (Аксакова).—**А. И. Неѣлова.**—Изъ дальнихъ лѣтъ. **Е. С. Шумигорскаго.**—Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 г. Изъ записокъ гр. Ѳ. И. Головкина. Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I.—**Дневникъ статсъ-секретаря Гр. Вилламова. Сообщено В. Я. Бахтіяровымъ.**—Изъ дневника М. И. Галкина-Врасскаго. Замѣчательныя слова Императора Николая Павловича. Изъ записной книжки М. Н. Галкина-Врасскаго. Назначеніе эстляндскимъ губернаторомъ (1868 г.). Взгляды на Остзейскій вопросъ: Императора Александра II, Императрицы Маріи Александровны, Цесаревича и Цесаревны, В. Кн. Елены Павловны, Пр. П. Г. Ольденбургскаго, В. Кн. Константина Николаевича, канцлера кн. Горчакова, гр. Б. А. Перовскаго и гр. П. А. Шувалова. **Е. А. Рагозиной.**—Дарданеллы и Египетъ при Измаилъ-пашѣ. **А. Д. Бутовскаго.**—Первые шаги на учебной службѣ. (Вр. Милютина, Исакова, Ванновскаго, Махотина), **Т. Т. Стефанова.**—Еще нѣсколько словъ о Пушкинѣ. Изъ жизни декабристовъ на Кавказѣ А. А. Бестужева (Марлинскаго) и В. Толстого. Кн. **С. П. Мансырева.**—Къ исторіи русской цензуры. **А. В. Лонгинова.**—Обзоръ записокъ графа Матвѣева и варіантъ о стрѣлецкомъ полковникѣ Сухаревѣ. **В. А. Мустафина.**—Гр. М. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ Валуеву, **А. М. Чижевскаго.**—Воспоминанія о студентахъ Кіевской духовной академіи. **М. В. Сильвергельма.** — Заколдованное зало. **А. В. Полторацкаго.**—Петръ Великій и шведскіе послы 1692 г.—**Н. А. Лашкова.**—Петровъ день въ Грузинѣ. **В. Сихарулидзе.**—Краткое увѣщаніе преосвященнаго къ народу своей епархіи о Пугачевѣ. **Л. П. Сазонова.**—Изъ-за волшебной веревочки. **Н. Морозова.**—Люди и нравы за полвѣка. **А. Вольноходова.**—Письма Драгомирова и его жены Радецкому. **М. Ф. Чулицкаго.**—Объ ученикахъ хирургической науки, обвиняемыхъ въ отбытіи отъ караула женокъ. **А. Е. Кауфмана.**—Въ гостяхъ у Саардамскаго плотника. **З. А. Слезскинской.**—Дворянство 40-хъ годовъ и литература. **А. И. Конорова.**—Проѣздъ варшавскаго архіепископа Никанора черезъ Маріамполь. **В. Грузинцева.**—Воспоминанія о Вел. Кн. Алексѣѣ Александровичѣ. **А. И. Георгіевскаго.**—Мои воспоминанія и размышленія. Записки **Н. В. Исакова.**—Военныя дѣйствія на Кавказѣ при Воронцовѣ. **Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны.** Записки генерала М. А. Домонтовича. Воспоминанія ген. Савельева, Веселовскаго, Андріяшева, Леваковскаго, Андреевскаго и др. **С. Я. Штрайха**—**Неизданныя письма Пирогова.**

Въ 1917 году будетъ обращено особое вниманіе на печатаніе воспоминаній участниковъ русско-нѣмецкой войны.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 11 р. съ пересылкой, за границу 13 р.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 5% съ каждаго рубля.

Подписка принимается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. № 18.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1917.

РИС. К. БРОЖЪ.

Ген. Роке.

Наши дорогіе союзники.

Послѣ одного изъ совѣщаній, въ прошломъ году, наши дорогіе союзники, составлявшіе тогда на западѣ душу борьбы съ нѣмцами, снялись на одной группѣ.

Теперь изъ этихъ шести лицъ у власти осталось только трое—отличающіеся необычайными дарованіями и энергіей: это главы правительствъ Англіи—Ллойдъ Джоржъ, Франціи—Аристидъ Бріанъ, а также министръ снабженій Франціи—М. Тома.

Оставили свои посты генералъ Жоффръ, его начальникъ штаба-Генералъ Кастильно и военный министръ Франціи генералъ Роке.

Вмѣсто генерала Жоффра главнокомандующимъ теперь высокоталантливый генералъ Нивель, бывшій вначалѣ войны только полковникомъ.

Мѣсто военнаго министра Франціи нынѣ занимаетъ генералъ Ліотте.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1917.

ЯНВАРЬ.—ФЕВРАЛЬ.—МАРТЪ.

СОРОКЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Электропечатня „Маякъ" Вознесенскій, 47.
1917.

Дѣтство Петра Великаго.

Несмотря на то, что литература о Петрѣ Великомъ громадна, въ его біографіи до сихъ поръ остается много неяснаго. Въ частности о его дѣтскихъ годахъ писали спеціально Забѣлинъ, Погодинъ, Астровъ и въ послѣднее время съ особой обстоятельностью проф. Шмурло[1]. Нельзя однако сказать, чтобы этими спеціальными трудами всѣ возникающіе при изображеніи этого періода жизни Петра вопросы были разрѣшены окончательно. Настоящій очеркъ, вновь пересматривая добытыя уже данныя о младенческихъ годахъ Петра Великаго, имѣетъ цѣлью указать вопросы, остающіеся открытыми и ожидающіе рѣшенія.

Петръ Великій родился въ Москвѣ въ кремлевскомъ дворцѣ въ ночь на четвергъ 30 мая 1672 г. на память преп. Исаакія Далматскаго. О мѣстѣ его рожденія, не обозначенномъ точно въ оффиціальныхъ извѣстіяхъ, существовали разныя преданія: указывались село Измайлово и село Коломенское. Но несомнѣнно, мѣстомъ рожденія Петра былъ Кремль.

Сохранилась записка о взносѣ вещей „въ хоромы" царицы Натальи Кирилловны 28 мая 1672 г.; слѣдовательно, въ этотъ день царица находилась въ Кремлѣ, во дворцѣ. Иначе, если бы она находилась въ одной изъ подмосковныхъ рези-

---

[1] **Забѣлинъ,** Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. т. I. Дѣтскіе годы Петра Великаго. М. 1872. **Его же.** Домашній бытъ русскихъ царей, часть II. М. 1915 (въ главу V вошла упомянутая статья изъ „Опытовъ"). **Погодинъ,** Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни Императора Петра Великаго 1672—1689. М. 1875. **Астровъ.** Первоначальное образованіе Петра Великаго, „Русскій Архивъ" 1875, VIII. **Шмурло,** Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго, Ж. М. Н. Пр. 1900—1902 г.

денцій, въ запискѣ было бы сказано, что вещи взяты къ царицѣ „въ походъ“ [1]). Разъ что царица жила въ Кремлѣ 28 мая, невозможно допустить, чтобы она предпринимала „походъ“ въ какое либо изъ подмосковныхъ селъ на послѣднихъ дняхъ и, можно даже сказать, часахъ беременности. Что Дворъ находился въ моментъ рожденія Петра въ Кремлѣ, видно также и изъ того, что распоряженіе о торжественномъ молебствіи по случаю этого событія, разсылалось „съ Верху“, т. е. изъ кремлевскаго дворца, а не „изъ походу“, какъ было бы сказано, если бы Дворъ находился внѣ Москвы.

О времени, точнѣе о часѣ рожденія Петра также есть разногласіе. Сохранились двѣ разрядныя записки [2]) объ этомъ событіи указывающія различно часъ рожденія. Въ одной говорится, что царевичъ родился „за полтретья (за $2^1/_2$) часа до дня“—до восхода солнца. Такъ какъ солнце 30 мая восходитъ въ Москвѣ въ 3 ч. 18′ пополуночи, то по этой запискѣ надо относить моментъ рожденія Петра къ 12 ч. 48′ ночи. Другая записка повѣствуетъ, что „въ прошломъ 180 (1672) году мая въ 30 день, **въ отдачу нощныхъ часовъ** даровалъ Богъ царевича“ и т. д. „Отдача ночныхъ часовъ“—восходъ солнца и, слѣдовательно, по этой запискѣ рожденіе Петра происходило въ 3 ч. 18′ пополуночи. Какому изъ этихъ свидѣтельствъ слѣдуетъ отдать преимущество? Думаемъ, что первому. Въ самомъ дѣлѣ изъ вступительныхъ словъ второй записки: „въ прошломъ году“ видно, что она не современна событію, а составлялась уже въ слѣдующемъ 1673 г., когда изъ памяти составителя ея могли исчезнуть мелкія подробности происшествія, первая же записка производитъ впечатлѣніе болѣе современной событію. Затѣмъ часъ рожденія, указанный первою запиской, болѣе вѣроятенъ и потому, что лучше согласуется съ дальнѣйшимъ извѣстіемъ о торжественномъ молебнѣ въ Успенскомъ соборѣ, на которомъ присутствовалъ весь дворъ, думные чины, московское дворянство и офицеры солдатскихъ и стрѣлецкихъ полковъ и московскіе гости. Молебенъ происходилъ во второмъ часу дня [3]), по нашему счету въ пятомъ утра, и, очевидно, необходимъ былъ нѣкоторый промежутокъ времени, чтобы разослать повѣстку

---

[1]) **Есиповъ**, Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ В., II, стр. 142.

[2]) Дворцовые разряды--родъ камеръ-фурьерскаго журнала.

[3]) Часы въ XVII в. дѣлились на денные и ночные. Дневные считались съ восхода солнца, а ночные съ заката.

всѣмъ приглашаемымъ на молебенъ и чтобы они собрались на него въ парадномъ платьѣ. Такой промежутокъ времени въ 4 часа съ 1-го часа пополуночи, когда, согласно съ первой запиской, родился Петръ, до 5-го часа пополуночи, когда служился молебенъ, былъ достаточенъ, тогда какъ промежутокъ съ 3 ч. 18 м. утра до 5-го часа утра, если слѣдовать второй запискѣ, былъ бы слишкомъ малъ для такихъ сборовъ [1]).

Итакъ, считаемъ, что Петръ Великій родился въ ночь на 30 мая 1672 г. въ исходѣ перваго часа пополуночи. Въ 5-мъ часу утра состоялся торжественный высочайшій выходъ въ Успенскій соборъ къ молебну, на которомъ присутствовали царевичи сибирскіе и касимовскіе, бояре, окольничіе, думные и ближніе люди, стольники, стряпчіе и дворяне московскіе въ цвѣтныхъ охабняхъ, полковники солдатскихъ полковъ, полковники, головы и полуголовы стрѣлецкихъ полковъ, именитый человѣкъ Строгоновъ и „гости"— виднѣйшіе представители купечества. Молебенъ служилъ Питиримъ, митрополитъ новгородскій, съ двумя митрополитами, 3 архіепископами и 1 епископомъ. Послѣ молебна находившееся въ соборѣ духовенство, думные и служилые чины приносили государю поздравленія. Отслуживъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, Алексѣй Михайловичъ посѣтилъ Архангельскій соборъ, монастыри Чудовъ и Вознесенскій и чрезъ Благовѣщенскій соборъ вернулся во дворецъ. Во время этого шествія въ столовой палатѣ было объявлено пожалованіе отца царицы Кирилла Полуэктовича Нарышкина и ея воспитателя Артамона Сергѣевича Матвѣева въ окольничіе, а когда государь проходилъ изъ столовой палаты за перегради, за перегородой было „сказано думное дворянство" дядѣ царицѣ Ѳедору Полуэктовичу Нарышкину. Въ то же утро послѣ обѣдни собрались въ передней комнатѣ и въ сѣняхъ передъ передней думные люди и служилые чины. Въ передней государь жаловалъ собравшихся водкою и фряжскими винами; заѣдали яблоками, дулями и грушами въ патокѣ. Въ сѣни передъ переднею выходилъ угощать водкою головъ и полуголовъ стрѣлецкихъ и подполковниковъ солдатскихъ полковъ оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово [2]).

---

[1]) Дворцовые разряды III, Приложенія, 463, 469, **Шмурло**, Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго, Ж. М. Н. Пр. 1900, августъ.

[2]) Дворц. разр. III, приложенія, 470.

Устроить обычнаго „родильнаго" стола на другой день послѣ рожденія Петра въ пятницу 31 мая было невозможно: для него требовались обширныя приготовленія, а между тѣмъ въ субботу 1-го іюня нельзя было давать параднаго пира наканунѣ праздника, въ воскресенье же 2-го наступило уже заговѣнье передъ петровскимъ постомъ. Поэтому въ этотъ день при дворѣ ограничились малымъ обѣдомъ въ царицыной золотой палатѣ „безъ зову" и „безъ мѣстъ". У стола были бояре, окольничіе, думные дворяне, ближніе люди и дьяки.

Передъ Золотою палатой въ проходныхъ сѣняхъ „кормлены Благовѣщенскаго собора священники, которые служатъ у крестовъ", т.-е. духовенство дворцовыхъ домовыхъ церквей. „Власти", т.-е. высшее черное духовенство не было приглашено по случаю наступавшаго поста. Государь жаловалъ всѣхъ водкою, закусывали коврижками, яблоками, дулями, смоквой, цукатами въ патокѣ и иными «овощами». Однимъ изъ блюдъ за обѣдомъ былъ требуемый обычаемъ при празднованіи родинъ „взваръ", который подавался въ ковшахъ [1]).

Въ субботу 29-го іюня, въ день тезоименитства новорожденнаго царевича, въ 3-мъ часу дня, по нашему счету въ 6-мъ часу утра, до обѣдни, въ церкви св. Алексія митрополита въ Чудовѣ монастырѣ совершено было надъ младенцемъ таинство крещенія. Крестилъ царскій духовникъ протопопъ Благовѣщенскаго собора Андрей Савиновъ, воспріемниками отъ купели были царевичъ Θедоръ Алексѣевичъ и сестра государя царевна Ирина Михайловна.

Къ крещенію выносила царевича назначенная къ нему въ „мамы" боярыня княгиня Ульяна Ивановна Голицына [2]). Съ новорожденнаго царевича была снята мѣрка, и въ тотъ же день 29-го іюня иконописцу Θедору Козлову заказанъ былъ образъ тезоименитаго царевичу св. апостола Петра на кипарисовой доскѣ мѣрою въ ростъ царевича: длиною 11 вершковъ, шириною въ 3 вершка [3]).

На другой день, въ воскресенье 30-го іюня, послѣ обѣдни у царя были митрополитъ новгородскій Питиримъ, высшее духовенство и игумены монастырей съ образами и съ подношеніями по случаю рожденія и крещенія царевича. Съ подношеніями явились также царевичи: грузинскіе, касимовскіе,

---

[1]) Дворц. разр. III, приложенія, 470—71.

[2]) Свид. 465,

[3]) Есиповъ. Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ I, 1.

боярская дума, ближніе люди, именитый человѣкъ Григорій Дмитріевичъ Строгоновъ, гости, члены гостиной и суконной сотенъ, представители черныхъ сотенъ и конюшенныхъ слободъ и посадскіе люди изъ городовъ. Въ тотъ же день въ Грановитой палатѣ состоялся у государя „родильный" столъ, къ которому получили приглашеніе: духовенство, служилые люди и представители торговопромышленнаго міра: гости и члены гостиной и суконной сотенъ. Чины московскаго дворянства: стольники, стряпчіе и жильцы служили, какъ всегда при парадныхъ обѣдахъ; за столомъ потчивали, кормили, чашничали, ѣсть ставили и „въ столы смотрѣли". „Родильный столъ" по обычаю отличался обиліемъ сахарныхъ блюдъ. На столъ были поданы: коврижка сахарная большая, изображавшая гербъ государства Московскаго, другая коврижка, сахарная жъ коричная, голова большая (сахару), расписанная съ цвѣтомъ, вѣсомъ два пуда двадцать фунтовъ, орелъ сахарный большой литой бѣлый, другой орелъ сахарный же большой красный съ державами по полтора пуда каждый; лебедь сахарный литой, вѣсомъ два пуда, утя сахарное литое жъ, вѣсомъ двадцать фунтовъ, попугай сахарный литой вѣсомъ десять фунтовъ, голубь сахарный литой, вѣсомъ восемь фунтовъ; городъ сахарный кремль съ людьми съ конными и съ пѣшими; башня большая съ орломъ, башня средняя съ орломъ; городъ четвероугольный съ пушками" и т. д., и т. д, Всѣ присутствовавшіе за обѣдомъ пожалованы еще сахарными блюдами, отнесенными къ нимъ на домъ. 4 іюля въ Грановитой же палатѣ состоялся „столъ крестильной". Въ тѣ же дни 30 іюня и 4 іюля были столы на половинѣ царицы Натальи Кирилловны въ ея Золотой столовой палатѣ для боярынь [1]).

Новорожденнаго царевича окружала та же царственная роскошь, въ какой проходили младенческіе годы всѣхъ царевичей XVII вѣка. Къ младенцу приставленъ былъ цѣлый штатъ. При немъ мы видимъ кормилицу Ненилу Ерофееву, впослѣдствіи (1684 г.) вышедшую замужъ вторымъ бракомъ за князя Львова. Петра долго—еще и двухъ съ половиною лѣтъ не отнимали отъ груди, и Ненилу Ерофееву должна была смѣнить новая кормилица, имя которой намъ неизвѣстно. По смерти первой „мамы" княгини Голицыной ея мѣсто заняла боярыня Матрена Романовна Леонтьева, а при ней въ помощницахъ была

---

[1]) Дворц. разр., III, 889--894 и приложенія, 463 и слѣд.

Матрена Васильевна Блохина. При дѣтской царевича состояли еще шесть женщинъ: казначея, завѣдывавшая бѣльемъ и платьемъ и пять постельницъ. Царевичъ со своимъ штатомъ помѣщался въ особыхъ пристроенныхъ къ дворцу деревянныхъ хоромахъ. Одна комната въ этихъ хоромахъ была у него обита „серебряными кожами". Въ 1674 г. ему построены были „верхнія новыя хоромы", въ нихъ въ іюлѣ этого года полы, лавки и подоконники обиты были сукномъ червчатымъ амбурскимъ". Позже въ 1676 г. въ новыхъ хоромахъ живописцу Ивану Солтанову поручено было расписать слюдяныя окна, написать „въ кругу орла, по угламъ травы по слюдѣ, а написать такъ, чтобъ изъ хоромъ всквозе видно было, а съ надворья въ хоромы, чтобы не видно было" [1]). Въ 1673 г. младенцу устроена была новая колыбель: „бархатъ турской золотой по червчатой землѣ, репьи велики золоты, да репейки серебряны невелики, въ обводѣ морхъ зеленъ, подкладка тафта рудожелта, на обшивку ременья бархатъ червчетъ веницейскій, къ яблокамъ на обшивку обьярь по серебряной землѣ травы золоты съ шелки разными". Въ колыбель былъ сдѣланъ пуховикъ „наволока камка желта травная, нижняя наволока полотняная тверскихъ полотенъ, пуху лебяжьяго чистаго бѣлаго пошло полпуда" [2]). Въ 1673 г. въ дѣтскую царевича были заказаны опахала изъ страусовыхъ перьевъ разныхъ цвѣтовъ [3]). Въ такъ называемыхъ „кроильныхъ" книгахъ царской и царицыной мастерскихъ палатъ сохранились записки съ описаніемъ одежды и обуви, которыя изготовлялись въ этихъ палатахъ для царевича. 4-го сентября 1674 г. царевичу скроены чулки на бѣличьемъ мѣху: „въ тафтѣ желтой, исподъ подложенъ бѣлей черевей"; въ декабрѣ того же года ему изготовлялись кафтанчики: „кафтанъ обьярь по червчетой землѣ, по немъ струя и травы золото съ серебромъ, въ длину съ запасомъ аршинъ, въ плечахъ ширина поларшина, рукавамъ длина полъдевята ($8^1/_2$) вершка... въ подолѣ два аршина съ четью, подпушка камка желта мелкотрава, шесть пуговокъ обшиты золотомъ волоченымъ, на петли тканъ снурокъ золотной новой" и другой кафтанъ обьярь по алой землѣ, по ней струя и травы золотыя", а также кроилась и верхняя одежда: 2 зипуна изъ бѣлаго атласу, одинъ изъ нихъ на собольихъ пупкахъ, зипунъ изъ

[1]) **Есиповъ**, Сборникъ I, 205, 206.
[2]) **Есиповъ**, Сборникъ I, 203.
[3]) **Есиповъ**, Сборникъ, I, 5.

алаго атласу на лисьихъ черевахъ. Въ іюнѣ 1673 г. царевичу кроился „опашенъ“ обьярь по червчатой землѣ, по ней травы золоты съ серебромъ“, башмаки „бархатъ червчатъ подрядъ и около стелекъ камка желта куфтерь“, шапка “обнизная (жемчугомъ) чехолъ въ тафтѣ алой, подвязки шитыя серебромъ по бѣлому атласу“ и т. д. [1]). Въ составленной въ 1676 г. описи царевичева гардероба, хранившагося „въ раковинномъ сундукѣ“, упоминаются: „ферезѣи и чюги, и кафтаны ѣздовые, и однорядки суконныя, и шубы, и опашни обьяринные золотые и серебреные, и гладкіе, и зуфные, и ферези, и зипуны золотные жъ и серебряные, и атласные, и камчатые, и тафтяные, и шапки бархатные двоеморхіе и гладкіе и суконные съ запаны и съ петли жемчужными“ [2]).

По мѣрѣ роста царевича дѣтская его наполняется игрушками, описаніе которыхъ намъ также сохранили хозяйственные документы дворцовыхъ приказовъ. Въ январѣ 1673 г. восьми мѣсячному царевичу были сдѣланы „два стрѣльца деревянныхъ потѣшныхъ на колесахъ“. Въ маѣ того же года внесена въ хоромы къ царевичу исполненная шестью костромскими иконописцами „потѣшная книга“ (книга съ картинками).

Ко дню именинъ годовалаго ребенка былъ сдѣланъ „конь деревянный потѣшный“ на колесцахъ желѣзныхъ прорѣзныхъ, обтянутый жеребячьей кожей съ сѣдломъ, положеннымъ на войлокъ, обитый серебряными гвоздиками, съ прорѣзными желѣзными позолоченными стременами и съ уздечкою, украшенною изумрудцами. Къ тому же дню были сдѣланы царевичу игрушечные два „барабанца“, размѣрами одинъ въ четверть аршина, другой въ 3 вершка. Въ іюлѣ 1673 года въ дѣтской появляется музыкальный инструментъ „цымбальцы маленькія“ съ золотымъ шнуркомъ и кистями.

Въ октябрѣ 1673 г. сторожъ Оружейной палаты изготовилъ для царевича деревянныхъ лошадокъ и пушки изъ липоваго и кленоваго дерева противъ данныхъ ему образцовъ. Въ началѣ слѣдующаго 1674 г. у царевича въ хоромахъ упоминаются другіе музыкальные инструменты: „клѣвикортъ“, на который пошло семь колодокъ струнъ мѣдныхъ и цимбалы нѣмецкаго дѣла. Въ апрѣлѣ на Пасхѣ царевичу въ хоромахъ была устроена качель на веревкахъ, обшитыхъ червчатымъ барха-

---

[1]) Есиповъ, Сборникъ I, 199 и сл., 12—13.
[2]) Есиповъ, ор. с. I, 209.

томъ [1]). Въ маѣ того же года въ Оружейной палатѣ золотили для царевича „два ларчика бархатные по желѣзу, старыя оправы, скобы и наугольники, и замки, и ключики, и подставочки“. Въ іюнѣ 1674 г. двухгодовалому Петру покупаются луки и стрѣлы: „9 лучковъ жильничковъ да къ нимъ 8 гнѣздъ северегъ“, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ живописцу Ивану Безминову велѣно было расписать золотомъ, серебромъ и красками „5 знаменъ маленькихъ по разнымъ тафтамъ, съ обѣ стороны, солнце и мѣсяцъ, и звѣзды“. Въ томъ же іюлѣ 1674 г. московскій стрѣлецъ Петрушка Щербакъ чинилъ выданную ему изъ хоромъ царицы Натальи Кирилловны „каретку“, въ которой царевичъ катался по комнатамъ. Въ августѣ покрывались серебромъ „два лука маленькіе“, были изготовлены 6 барабанцевъ, опять упоминаются двое цимбалъ и какіе то еще музыкальные „страменты“, къ которымъ дѣлались впослѣдствіи при починкѣ ихъ 204 иглы стальныхъ; въ декабрѣ въ хоромы царевичу расписывался золотомъ и красками „набатъ потѣшный“ съ привязанной къ нему серебряной тесьмой; иконописецъ Ѳедоръ Нянинъ писалъ золотомъ и серебромъ „барабанецъ“, а книжному переплетчику иноземцу Саввѣ Афанасьеву велѣно было „оболочь цымбальцы книжкою, сафьяномъ самымъ добрымъ алымъ и навесть печати золотомъ, а застежки сдѣлать изъ галуну“. Къ Рождеству царевичу дѣлались опять „набаты“. Въ январѣ 1675 г. иконописецъ Тимофей Рязанецъ писалъ царевичу „книгу потѣшную въ четверть листа“, въ февралѣ другой живописецъ расписывалъ красками для царевича „столикъ“. Въ маѣ 1675 г. въ хоромы Петра была сдѣлана „баба деревянная потѣшная“ съ украшеніями: съ серебряной цѣпочкой и серьгами. Слѣдующія затѣмъ записи 1675 года показываютъ, что 3-хъ лѣтнему Петру въ іюнѣ дѣлаются къ двумъ лукамъ тетивы, расписываются золотомъ и красками „потѣхи“: „топорокъ съ обушкомъ, топоръ простой, чеканецъ, пятокъ ножиковъ, топоръ посольской и молотокъ, пятокъ шариковъ, а колокольцы положены въ тѣ шарики (бубенчики)“; изготовляются запасныя потѣхи статей (предметовъ) со сто: булавы, буздуханы, ножики, шестоперы, чеканы, топоры посольскіе и простые, молотки, шарики. Въ ноябрѣ и декабрѣ золотится „пушечка со станкомъ и съ колесцы потѣшная“ и „четыре лучка недомѣрка“ и распи-

[1]) Забѣлинъ, Опыты, 13.

сываются золотомъ, серебромъ и красками: 5 древокъ, 5 прапоровъ (знаменъ) тафтяныхъ, 4 топора круглыхъ, 3 топора съ обушками, 2 топора простыхъ, 2 буздухана, 4 ножика, 2 пары пистолей и карабины [1]).

Такова была обстановка дѣтской царевича Петра въ первые три съ половиной года его жизни. Его хоромы со стѣнами, обтянутыми яркимъ сукномъ и обитыми серебряной кожей, озаряемыя лучемъ солнца, проникавшимъ сквозь расписныя слюдяныя окна, полны были красокъ и звуковъ. Съ тѣхъ мгновеній, какъ пробуждающееся сознаніе младенца стало воспринимать окружающія явленія, передъ нимъ открылся цѣлый міръ яркихъ, блестящихъ и звучащихъ предметовъ.

Дѣтская была полна оживленія. Жужжали стрѣлы, спущенныя съ посеребренныхъ луковъ, двигался занимавшій должно быть среди забавъ главное мѣсто деревянный конь въ богатомъ уборѣ съ позолоченными стременами и съ уздечкой, сіявшей изумрудцами, развѣвались пестро расписанныя знамена, развертывались яркія картинки въ потѣшныхъ книгахъ, пускался въ дѣло цѣлый арсеналъ игрушечнаго оружія: топориковъ шестоперовъ, обушковъ и пр., звенѣли струны цымбальцевъ и цымбалъ, должно быть бывшихъ въ большомъ употребленіи, потому что часто отдавались въ починку, стучали барабаны, раздавался звонъ маленькихъ потѣшныхъ колоколовъ—набатовъ и бубенчиковъ—вотъ тотъ волшебный міръ игрушекъ, въ которомъ протекали первые годы беззаботнаго младенчества. Замѣтимъ, что къ трехлѣтнему возрасту ясно начинаютъ обнаруживаться наклонности и вкусы царевича: въ безконечномъ запасѣ игрушекъ дѣлается отборъ; преобладаніе начинаютъ получать военныя „потѣхи".

Въ дѣтской маленькій царевичъ, вѣроятно, не одинъ; къ царевичамъ для игръ подбирали всегда сверстниковъ, дѣтей придворныхъ, въ особенности изъ царицыной родни. О томъ, что Петръ съ младенчества окруженъ былъ товарищами, свидѣтельствуетъ уже и то количество, въ которомъ заготовляются для его дѣтской игрушки: знамена, барабанцы, игрушечное оружіе. Такіе мальчики при царевичахъ жаловались званіемъ комнатныхъ стольниковъ. Однимъ изъ участниковъ дѣтскихъ игръ Петра съ младенческихъ лѣтъ былъ сынъ воспитателя царицы Артамона Сергѣевича Матвѣева будущій видный со-

---

[1]) **Есиповъ**, Сборникъ I, 3—16.

трудникъ царя—Андрей Артамоновичъ (род. 1666), пожалованный званіемъ стольника на 8-мъ году отъ роду. Изъ этого же круга комнатныхъ стольниковъ при царевичѣ вышли сотрудники Петра—Автономъ Михайловичъ Головинъ и знаменитый канцлеръ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ. Необходимой принадлежностью дѣтской царевичей въ XVII вѣкѣ были „комнатные карлы". Такихъ карликовъ упоминается при двухлѣтнемъ царевичѣ трое, въ 1679—четверо [1]).

Слѣдуетъ признать чистымъ вымысломъ разсказъ Крекшина, будто еще при жизни царя Алексѣя изъ дѣтей, окружавшихъ царевича, составленъ былъ потѣшный полкъ, носившій названіе Петрова полка. Недостовѣренъ также и разсказъ француза Невиля о томъ, что руководителемъ военныхъ забавъ царевича былъ состоявшій на московской службѣ иноземецъ Менезій, котораго царь Алексѣй Михайловичъ, умирая, будто бы назначилъ воспитателемъ Петра. Все участіе Менезія, бывавшаго, дѣйствительно, при дворѣ, могло заключаться въ томъ, что онъ видѣлъ игры Петра со сверстниками въ солдатики и, можетъ быть, далъ при этомъ, какъ военный человѣкъ, какія-либо указанія игравшимъ дѣтямъ [2]).

Гдѣ кромѣ кремлевскихъ хоромъ бывалъ Петръ въ первые младенческіе годы? Нельзя сказать съ точностью, вывозили ли его или нѣтъ въ какую-либо изъ подмосковныхъ резиденцій осенью 1672 года и весной и лѣтомъ 1673 года, такъ какъ за этотъ періодъ времени утрачены и Дворцовые разряды и записи Царскихъ выходовъ [3]). Первымъ записаннымъ въ уцѣлѣвшихъ документахъ выѣздомъ его изъ Москвы было путешестіе къ Троицѣ, куда царь Алексѣй Михайловичъ отправился „съ Государынею царицею и царевичи и съ царевны" 5-го октября 1673 г. Обыкновенно царь осенью ѣздилъ къ Троицѣ въ сентябрѣ къ 25-му на праздникъ преп. Сергія. Въ 1673 г. задержало эту поѣздку разрѣшеніе царицы Натальи Кирилловны отъ бремени дочерью царевной Натальей Алексѣевной (род. 22 августа 1673 г.). Состоявшій изъ множества каретъ царскій поѣздъ двигался медленно, подолгу останавливаясь на промежуточныхъ станахъ и прибылъ въ монастырь только 15 октября къ вечеру.

1) **Есиповъ**, Сборникъ I отд. [illegible] № 42, 43, 63, 64, 65, 74, 107, 119.
2) **Шмурло**, Критическія замѣтки, Ж. М. Н. Пр. 1901 декабрь. **Чарыковъ** Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія. Гл. 5.
3) То, что помѣщено Строевымъ въ Выходахъ подъ 1672 и 1673 г.г., относится къ 1673 и 1674 годамъ.

Проведя въ монастырѣ 16-ое, царь Алексѣй Михайловичъ отбылъ оттуда 17-го октября и возвращался съ тою же медленностью, проводя по нѣскольку дней на станахъ въ селахъ Воздвиженскомъ, Братовщинѣ и Тайнинскомъ а. 26-го октября царь съ семьею достигъ, наконецъ, Преобр - женскаго, гдѣ и оставался до 14-го ноября. 14-го ноября 1673 года онъ уѣхалъ въ Коломенское, а „великая государыня царица и великіе государи царевичи и государыни царевны изъ Преображенскаго жъ изволили притти къ Москвѣ [2])". До 14 мая 1674 г. Петръ оставался въ Москвѣ. 14-го мая „въ четвертокъ послѣ столоваго кушанья великій государь со всѣмъ своимъ государскимъ домомъ изволилъ итти въ монастырь преподобнаго отца Саввы Сторожевскаго [3])". Путешествіе совершалось опять такъ же неторопливо, какъ и предыдущая поѣздка къ Троицѣ. До 22-го мая царь прожилъ на первомъ стану по дорогѣ въ Савинъ монастырь въ селѣ Хорошевѣ, откуда 21-го мая пріѣзжалъ даже въ Москву и побывалъ въ монастыряхъ Алексѣевскомъ, Зачатіевскомъ и Новодѣвичьемъ. 22 мая Дворъ двинулся изъ Хорошева на слѣдующій станъ въ село Павлово и тамъ оставался до 25-го мая. Утромъ этого дня царь прибылъ въ монастырь, былъ у обѣдни, а послѣ столоваго кушанья въ 13-мъ часу дня—въ 4-мъ часу дня по нашему счету—посѣтилъ монастырскую больницу. Проведя у Саввы Звенигородскаго и праздникъ Вознесенія 28-го мая, Алексѣй Михайловичъ двинулся въ обратный путь 29-го мая и 30 прибылъ въ село Воробьево, гдѣ царское семейство и проводило время до 7-го іюля. Здѣсь 29 іюня были отпразднованы именины двухлѣтняго царевича. Наканунѣ государь слушалъ малую вечерню и всенощную въ селѣ Воробьевѣ. Въ самый Петровъ день къ литургіи выѣзжалъ въ Новодѣвичій монастырь и, вернувшись въ Воробьево, принималъ поздравленія и давалъ обѣдъ на чистомъ воздухѣ: „именинными" пирогами жаловалъ бояръ, и окольничихъ и думныхъ людей на Переднемъ крыльцѣ. Столъ былъ въ бархатной палаткѣ и въ шатрахъ [4]). 7-го іюля Алексѣй Михайловичъ съ семьею изъ Воробьева переселился въ Москву.

Царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ опять приходило время ро-

---

[1]) Дворц. разр. III, 906—8; Выходы, стр. 562 и сл.
[2]) Дворц. разр. III, 909.
[3]) Выходы; 14-ое мая въ четвергъ приходилось въ 1674, а не въ 1673, какъ напечатано въ выходахъ.
[4]) Выходы.

дить, и, вѣроятно, поэтому она съ 7-го іюля оставалась въ Москвѣ. 4-го сентября 1674 г. царица разрѣшилась дочерью царевной Ѳеодорой и поэтому не могла сопровождать царя въ обычной его поѣздкѣ къ Троицѣ, предпринятой 23-го сентября. 24-го октября царь Алексѣй со старшимъ сыномъ царевичемъ Ѳедоромъ посѣтилъ кремлевскіе храмы и монастыри: Успенскій и Архангельскій соборы, Вознесенскій и Чудовъ монастыри, находившіяся тогда въ Кремлѣ подворья Троицкаго Сергіева и Кирилло-Бѣлозерскаго монастырей и церковь св. Николая Гостунскаго (на Ивановской колокольнѣ). Слѣдомъ за ними по тѣмъ же монастырямъ и церквамъ ходила „Государыня царица, а съ нею государи царевичи меньшіе (т. е. Иванъ и Петръ) да государыни царевны“. Царицу въ ея богомольѣ сопровождала большая свита, въ которой были ближніе люди, стольники, мамы, верховыя боярыни, казначеи. Богомолье было предпринято передъ отъѣздомъ изъ Москвы. На другой день 25-го октября 1674 г. дворъ выѣхалъ въ Преображенское. Царь ѣхалъ въ каретѣ съ царевичемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ. За ними двигался въ каретѣ Иванъ Алексѣевичъ съ дядькою кн. П. И. Проворовскимъ. Затѣмъ въ колымагѣ, запряженной 12-ю лошадьми, ѣхала царица. „Да съ нею же государынею сидѣли въ колымагѣ: государь царевичъ и великій князь Петръ Алексѣевичъ, да меньшія государыни царевны (Наталья да Ѳедора), да мамы, да боярина Кириллова жена Полуэктовича Нарышкина Анна Леонтьевна (мать Натальи Кирилловны), да стольника и ближняго человѣка Иванова жена Кирилловича Нарышкина Прасковья Алексѣевна“; за каретой царицы ѣхали ея отецъ и воспитатель, бояре К. П. Нарышкинъ, А. С. Матвѣевъ и шли царицыны стольники, „да 40 человѣкъ дворянъ. За ними двигались еще двѣ колымаги, въ одной сидѣли „государыни царевны большія“ сестры царя Алексѣя Михайловича, въ другой „государыни“ царевны меньшія — его дочери, тѣ и другія съ ихъ верховыми боярынями. За колымагами царицы и царевенъ ѣхали въ колымагахъ „верховыя боярыни и казначеи, и карлицы, и постельницы, а всѣхъ шло за государынею царицею и за государыни царевны 30 колымагъ“, причемъ подлѣ каждой ѣхало по двое царицыныхъ дѣтей боярскихъ. Весь этотъ громадный царскій поѣздъ конвоировался еще пѣшими и конными стрѣльцами [1]).

---

[1]) Дворц. Разр. III 1089—1092.

Пребываніе въ Преображенскомъ въ эту осень 1674 г. было особенно веселымъ, по крайней мѣрѣ, отличалось „потѣхами". Два раза давалась въ Преображенскомъ придворномъ театрѣ комедія. Въ первый разъ тѣшили его великаго государя иноземцы: „какъ Алаѳерна царица (sic) царю голову отсѣкла" и на органахъ играли нѣмцы да люди дворовые боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. На этомъ спектаклѣ былъ государь со свитой, при чемъ за тѣми боярами и ближними людьми, которые не были за государемъ въ походѣ въ селѣ Преображенскомъ, посланы были въ Москву сокольники и стремянные конюхи съ указомъ быть къ государю въ Преображенское. На другомъ спектаклѣ царь присутствовалъ съ семьею: „Того жъ году", читаемъ мы въ Дворцовыхъ Разрядахъ: „была у великаго государя въ селѣ Преображенскомъ другая комедія, и съ нимъ великимъ государемъ была государыня царица, государи царевичи (но едва-ли и Петръ, которому было всего 2¹/₂ года) и государыни царевны. И тѣшили великаго государя нѣмцы жъ да люди боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева: „какъ Артаксеркcъ велѣлъ повѣсить Амана по царицыну челобитью и по Мардахеину наученью" и въ органы играли и на фіоляхъ, и въ страменты и танцовали. „А за нимъ великимъ государемъ въ комедіи были бояре и окольничіе, и думные дворяне, и думные дьяки, и ближніе люди, и стольники, и всякихъ чиновъ люди". Третье такого рода увеселеніе было на Филиппово заговѣнье—14 ноября: „была у великаго государя потѣха на заговѣнье, а тѣшили его великаго государя иноземцы да нѣмцы, да люди боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева на арганахъ, и на фіоляхъ, и на страментахъ и танцовали и всякими потѣхами разными" [1]).

Съ наступленіемъ рождественскаго поста театральныя зрѣлища съ участіемъ иноземной труппы съ музыкой и танцами должны были прекратиться; развлеченія царской семьи получили иной характеръ. „Декабря въ 7-ой день ходилъ великій государь изъ села Преображенскаго съ государынею и съ государи царевичи и съ государыни царевны въ село Измайлово тѣшиться (охотиться) и всякаго строенія смотрѣть; и кушанье раннее было у великаго государя въ селѣ Измайловѣ" [2]). На другой день 8-го декабря царь также со-

[1]) Дворц. Разр. III, 1131—32.
[2]) Дворц. Разр. III, 1128.

всею семьею: съ царицей, царевичами и царевнами выѣзжалъ „тѣшиться“ въ сосѣднее съ Преображенскимъ село Алексѣевское, гдѣ и было „раннее кушанье“. 13-го декабря Алексѣй Михайловичъ вновь отправился на охоту въ село Островъ, но на этотъ разъ уже одинъ, царская семья въ этотъ день возвратилась въ Москву такимъ же внушительнымъ поѣздомъ. Царевичъ Ѳедоръ Алексѣевичъ ѣхалъ „въ избушкѣ“ (поставленной на сани), запряженной шестью лошадьми; съ нимъ сидѣли его дядьки: бояринъ кн. Ѳ. Ѳ. Куракинъ, да окольничій И. Б. Хитрово. За нимъ двигалась „въ каптанѣ“, запряженной 12 лошадьми, царица. Далѣе царевны большія и меньшія и, наконецъ, боярыни верховыя, казначеи, карлицы и постельницы „каптанъ съ пятьдесятъ“ [1]).

Зима и весна 1674—75 г.г. были проведены царской семьею въ кремлевскихъ хоромахъ. 14-го февраля 1675 года въ прощеное воскресенье передъ началомъ великаго поста царица съ обоими царевичами Иваномъ и Петромъ и съ царевнами ходила на богомолье по кремлевскимъ соборамъ и монастырямъ въ 1-мъ часу дня, по нашему счету въ 8-мъ часу утра [2]). Такое же богомолье по кремлевскимъ церквямъ царица предприняла въ Ѳомино воскресенье 11 апрѣля одна; и затѣмъ въ тотъ же день объѣхала вмѣстѣ съ царевичами и царевнами нѣкоторые «загородные» монастыри: Новодѣвичій, Зачатіевскій и Страстной.

Посѣщая монастыри, царица жаловала игуменій съ сестрами къ рукѣ, при чемъ ее поддерживали подъ руки справа мать боярыня А. Л. Нарышкина, а слѣва боярыня Пр. А. Нарышкина, при чемъ по указу государыни первая изъ боярынь спрашивала у игуменій съ сестрами о спасеніи, а пріѣзжихъ находившихся въ монастыряхъ разныхъ чиновъ боярынь о здоровьѣ [3]).

Съ апрѣля же 1675 года начались приготовленія къ переѣзду царской семьи въ село Воробьево: были посланы туда плотники изъ стрѣльцовъ разныхъ приказовъ 300 человѣкъ, велѣно было имъ построить къ приходу великаго государя хоромы [4]). 23-го мая въ Троицынъ день указано было дум-

---

[1]) Дворц. Разр. III, 1135.
[2]) Дворц. Разр. III. 1235.
[3]) Дворц. Разр. III 1320 и 1354—5. Пропускъ въ III т. Дворцовыхъ Разрядовъ въ нѣсколько листовъ на ст. 1320 долженъ быть заполненъ записями, напечатанными на стр. 1350 «великому государю“ и т. д. 1355.
[4]) Двор. Разр. III, 1331—332.

ному дьяку Разряда Герасиму Дохтурову послать стрѣльцовъ по дворамъ къ стряпчимъ и дворянамъ московскимъ съ повѣстками, чтобы они были на слѣдующій день къ походу; а изъ приказа Большого дворца были отправлены на Воробьевы горы «всѣ государевы обиходы», т.-е., какъ мы бы сказали теперь, гофмаршальская часть. Въ тотъ же день 23 мая «послана напередъ въ походъ на Воробьеву гору съ верху нарочно боярыня Матрена Васильевна Блохина (мама царевича Петра), да съ нею 10 постельницъ да 10 дѣтей боярскихъ государыни царицы; а велѣно ей досмотрѣть во всѣхъ хоромахъ государыни царицы и государынь царевенъ, и государей царевичевъ, что все ли въ хоромахъ сдѣлано стройно и самой ей Матренѣ велѣно дожидаться приходу великаго государя» [1]. Самъ государь вмѣстѣ съ царицей передъ отъѣздомъ изъ Москвы посѣтили кремлевскіе соборы и монастыри, при чемъ во время этого богомолья передъ царской четой по случаю Троицына дня стольники несли на коврѣ «листъ и вѣникъ». Отъѣздъ состоялся въ Духовъ день, 24 мая. Царь ѣхалъ въ одной каретѣ съ царевичемъ Ѳедоромъ; царевичъ Иванъ Алексѣевичъ отдѣльно, царица въ одной колымагѣ съ царевичемъ Петромъ, съ меньшими царевнами и съ тѣми боярынями, которыя ее обыкновенно сопровождали.

Житье въ Воробьевѣ длилось на этотъ разъ съ 24-го мая по 19 іюня. Здѣсь, вѣроятно, Матвѣевъ 28-го мая «ударилъ челомъ» царю Алексѣю Михайловичу и его дѣтямъ подарками; царю подарилъ «карету черную нѣмецкую» и 6 лошадей, царевичу Ѳедору карету бархатную червчату, 6 лошадей, нѣмецкую библію съ иллюстраціями («въ лицахъ»), да музыкальные инструменты: «клевикорты да двѣ охлавки»; царевичу Петру: «карету маленькую, а въ ней 4 возника темнокаріе, а на возникахъ шлеи бархатныя, пряжки вызолочены, начельники, и гривы, и нахвостники шитые, а кругъ кареты рѣзи вызолочены, а на ней 4 яблока вызолочены, да вмѣсто желѣза кругъ колесъ мѣдь вызолочено, да кругъ, кареты стекла хрустальныя, а на стеклахъ писаны цари и короли всѣхъ земель; въ той каретѣ убито бархатомъ жаркимъ... а кругъ кареты бахромы золотыя». Кромѣ этой маленькой каретки бояринъ подарилъ еще Петру рыжаго иноходца «попона аксамитная, мунштукъ нѣмецкой съ яшмы, начелки, и нагривки и нахвостникъ шиты», да нѣмецкаго снѣгиря (попу-

[1]) Дворц. Разр. III, 1403—404.

гая?). Въ Воробьево царевичу Петру отправлялись изъ Москвы игрушки. 4-го іюня были ему сдѣланы тетивы къ двумъ лукамъ. 11-го іюня были даны деньги сторожу Никиткѣ на проѣздъ въ Воробьево: «отвозилъ онъ сторожъ коня деревяннаго къ государю царевичу и великому князю Петру Алексѣевичу" [1]). 8-го іюня, въ день ангела царевича Өедора, царь Алексѣй Михайловичъ ѣздилъ съ царевичемъ именинникомъ къ обѣднѣ въ Новодѣвичій монастырь, а царица съ двумя царевичами Иваномъ и Петромъ въ сопровожденіи свиты боярынь и постельницъ въ 20 колымагахъ къ приходской церкви къ Троицѣ (въ Воробьевѣ?). 19 іюня Дворъ переѣхалъ изъ Воробьева въ Преображенское, гдѣ пробылъ до 28-го іюня.

На другой день по пріѣздѣ въ Преображенское царь, побывавъ у обѣдни въ селѣ Покровскомъ, «послѣ кушанья» ѣздилъ съ семьею «тѣшиться» въ Измайлово, при чемъ сидѣлъ въ каретѣ съ царевичами Өедоромъ и Петромъ.

Изъ описанія этой поѣздки видно, что трехлѣтній Петръ выѣзжаетъ съ отцомъ, выходя уже такимъ образомъ хотя бы на это время изъ рукъ женскаго персонала: мамъ. 23 іюня царица выѣзжала съ царевичами Өедоромъ и Петромъ къ обѣднѣ въ село Покровское. 26 іюня Алексѣй Михайловичъ ѣздилъ изъ Преображенскаго въ Измайлово «тѣшиться» на этотъ разъ съ царицею, съ царевичемъ Өедоромъ и съ большими царевнами. Петръ не упомянутъ въ описаніи этой поѣздки, но не упомянутъ и при перечисленіи членовъ царскаго семейства, оставшихся въ Преображенскомъ. Особенностью этой увеселительной охотничьей прогулки царя былъ обѣдъ на открытомъ воздухѣ: «и кушанье было у великаго государя въ селѣ Измайловѣ въ рощѣ» [2]). Къ именинамъ Петра царское семейство 28 іюня опять вернулось въ Воробьево.

Въ день ангела царевича Петра 29 іюня царь со старшимъ сыномъ былъ въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ служили патріархъ и власти. Вернувшись отъ обѣдни въ Воробьево, государь жаловалъ бояръ и ближнихъ людей пирогами; затѣмъ былъ обѣдъ въ шатрахъ; на обѣдѣ также присутствовалъ патріархъ съ высшимъ духовенствомъ. Особенность празднованія именинъ царевича въ 1675 г. состояла между прочимъ и въ томъ, что во время обѣда царь „посылалъ отъ себя со столомъ

---

[1]) Есиповъ, Сборникъ, I 14-15

[2]) Дворц. разр. III, 1483--84.

(т.-е. съ блюдами) къ государю царевичу и великому князю Петру Алексѣевичу боярина и оружейничаго Б. М. Хитрово, завѣдывавшаго приказомъ Большого Дворца, министра двора по-нашему, «за нимъ несли кубки и ѣству стольники великаго государя по списку». Царевичъ-именинникъ благодарилъ боярина и угощалъ его: „и государь царевичъ жаловалъ за то боярина и оружничьяго Богдана Матвѣевича водкою и подачами съ кубки и съ чарки". Царица жаловала въ этотъ день пирогами свой штатъ: мамъ, верховыхъ боярынь, казначей, кормилицъ и постельницъ.

1-го іюля 1675 г. государь выѣзжалъ изъ Воробьева къ Дѣвичьему монастырю и «тѣшился» подъ Дѣвичьимъ монастыремъ «въ лугахъ и на водахъ съ соколами и съ кречетами, и съ ястребы». Царя сопровождали на охоту Наталья Кирилловна и царевичи Ѳедоръ и Петръ. Въ это послѣднее лѣто своей жизни Алексѣй Михайловичъ бывалъ во всѣхъ своихъ любимыхъ подмосковныхъ резиденціяхъ. Изъ Воробьва 14-го іюля Дворъ переѣхалъ въ Коломенское; тамъ проведено было время до 26-го іюля, когда царское семейство вернулось опять въ Воробьево, гдѣ оставалось на этотъ разъ немногимъ болѣе мѣсяца до 29 августа.

Здѣсь 27 (sic) августа праздновались именины царицы Натальи Кирилловны, а 29 августа именины царевича Ивана Алексѣевича. Къ обѣднѣ царь выходилъ въ полотняную церковь, устроенную на Воробьевѣ близъ государева двора и освященную 21-го іюня 1675 г. Въ тотъ же день 29 августа Алексѣй Михайловичъ съ семьею переѣхалъ въ Коломенское. Здѣсь 2-го сентября представлялось ему и занимавшему на особомъ тронѣ по лѣвую руку царя царевичу Ѳедору Алексѣевичу цесарское посольство, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшее въ Москву. Во время этой аудіенціи и произошелъ случай, описанный секретаремъ посольства Лизекомъ: царица тайно смотрѣла на пріемъ изъ сосѣдней комнаты, а бывшій съ ней Петръ вдругъ распахнулъ дверь и далъ случай иноземцамъ увидѣть московскую государыню. На 10 сентября, день ангела младшей царевны Ѳедоры, царь съ семьею вновь перебрался въ Воробьево, слушалъ тамъ литургію въ полотняной церкви, а 12-го сентября „со всѣмъ своимъ государскимъ домомъ" переѣхалъ въ Москву. Черезъ недѣлю 19-го сентября царское семейство выѣхало къ Троицѣ. Выѣздъ этотъ черезъ Спасскія ворота, Красную площадь, по Никольской смотрѣли поставленные по разнымъ мѣстамъ иностран-

ные посланники, и высказанныя ими впечатлѣнія отъ этого зрѣлища были записаны сопровождавшими ихъ московскими приставами. Датскій резидентъ, Монсъ Гей, стоявшій у сѣдельнаго ряда и удивлявшійся великолѣпію царскаго поѣзда, обратилъ особенное вниманіе на маленькую каретку Петра, подаренную ему Матвѣевымъ, и на окружавшихъ его карликовъ. Польскій резидентъ смотря на эту же каретку, „что была зѣло преукрашена и съ дивными маленькими возники, и тому похваляя, выдивиться не могъ"[1]). Секретарь цесарскаго посольства Лизекъ, наблюдавшій поѣздъ у Казанскаго собора, пишетъ, что „вслѣдъ за поѣздомъ царя показался поѣздъ царицы. Впереди ѣхалъ стольникъ съ двумя стами скороходовъ, за ними вели 12 рослыхъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ лошадей изъ-подъ царицыной кареты, обвязанныхъ шелковыми сѣтками. Потомъ слѣдовала маленькая вся испещренная золотомъ карета младшаго князя въ четыре лошадки крошечной породы, по бокамъ шли четыре карлика и такой же сзади, верхомъ на крохотномъ конькѣ[2])". Отъ Троицы вернулись въ Москву 3-го октября. Поздняя осень и начало зимы съ 9 ноября по 15-ое декабря были по обыкновенію проведены Алексѣемъ Михайловичемъ въ Преображенскомъ. И это было послѣднее житье его тамъ.

Безмятежно, какъ тихій лѣтній день, прошли три года и семь мѣсяцевъ дѣтства Петра съ свѣтлыми и радостными впечатлѣніями уютнаго Кремлевскаго терема и загороднаго приволья на чистомъ воздухѣ въ Воробьевѣ, Коломенскомъ и Преображенскомъ, пышныхъ выѣздовъ царя Алексѣя, его походовъ на богомолье къ святынямъ, его красивыхъ и занимательныхъ для дѣтскаго вниманія соколиныхъ потѣхъ. Вдругъ стряслась бѣда. Въ январѣ 1676 г. царь Алексѣй Михайловичъ внезапно занемогъ. 6 января онъ принималъ участіе въ торжественномъ выходѣ на Іордань, 12-го праздновалъ именины сестры Татьяны Михайловны. 19-го была при дворѣ комедія[3]) съ музыкой, но царь почувствовалъ себя нездоровымъ, слегъ въ постель и, прохворавъ 10 дней, 29 января скончался. 30 января состоялся выносъ его тѣла въ Архангельскій соборъ и погребеніе. За гробомъ несли новаго государя болѣзненнаго Θедора Алексѣевича въ креслахъ, за нимъ, по

---

[1]) Памятники дипломатическихъ сношеній V, 230 и сл.
[2]) Погодинъ, Семнадцать первыхъ лѣтъ, I.
[3]) Погодинъ, Семнадцать первыхъ лѣтъ, стр. 214.

древнему обычаю несли въ саняхъ царицу-вдову Наталью Кирилловну. Младенца царевича на похоронахъ не было.

При дворѣ должны были произойти перемѣны. Старшими дѣтьми царя Алексѣя, ихъ родственниками по матери и приспѣшниками второй бракъ отца съ Нарышкиной былъ встрѣченъ враждебно. Недружелюбное отношеніе къ молодой мачехѣ, сдерживаемое при отцѣ, теперь проявилось открыто. Царица-вдова съ ея малолѣтними дѣтьми должна была занять во дворцѣ второстепенное мѣсто. Черезъ полгода надъ ней разразился новый ударъ. 4-го іюля 1676 года ея воспитатель бояринъ А. С. Матвѣевъ, «пріятель» царя Алексѣя и его первый министръ, ближайшій совѣтникъ царицы послѣ смерти мужа, опора ея и Нарышкиныхъ, былъ отправленъ въ ссылку, сначала въ почетную въ Верхотурье на воеводство, а затѣмъ и въ заточеніе въ Пустозерскъ. Висланъ былъ изъ столицы старшій изъ братьевъ Натальи Кирилловны— Иванъ Кирилловичъ. Однако распространенныя ранѣе у прежнихъ историковъ сдѣлавшіяся ходячими представленія о томъ, что сама царица Наталья Кирилловна по смерти мужа принуждена была удалиться изъ Москвы и поселиться въ Преображенскомъ совершенно невѣрны. Проф. Шмурло доказалъ, что царица продолжала оставаться въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Она ведетъ теперь гораздо болѣе неподвижный образъ жизни, чѣмъ это было ранѣе. Весь печальный для нея 1676 годъ былъ проведенъ безвыѣздно въ Москвѣ[1]). Ребенокъ-царевичъ, разумѣется, не сознавалъ происшедшаго; въ его дѣтской продолжаются тѣ же, какъ и раньше, беззаботныя игры, и дѣтская наполняется такими же игрушками. На святой недѣлѣ велѣно было живописцу Ивану Салтанову расписать для царевича красками „гнѣздо голубей, гнѣздо ракитокъ, гнѣздо щеглятъ, гнѣздо канареекъ, гнѣздо чижей, гнѣздо барановъ, а у барашковъ сдѣлать, чтобъ была будто шерсть по нихъ сущая“[2]). 24-го апрѣля того же года тотъ же живописецъ Иванъ Салтановъ получилъ приказъ расписать красками „сиволчки“ (волоки) для царевича. 15-го мая мастеру стрѣльнаго дѣла Оружейной палаты Василію Емельянову велѣно было сдѣлать царевичу „саадакъ“ стрѣлъ, по счету 17 стрѣлъ. Въ томъ же мѣсяцѣ въ Оружейной палатѣ иконописцами Никифоромъ Бабкинымъ и Ѳедоромъ Матвѣевымъ писалась

[1]) Шмурло. Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго. Ж. М. Н. Пр. 1900. августъ, 230.

[2]) Забѣлинъ Опыты 1, 14.

Его же. Домашній бытъ русскихъ царей, часть II, 204.

по приказу боярыни Матрены Романовны Леонтьевой потѣшная книга, для чего было закуплено двѣ дести бумаги писчей, толстой, гладкой и доброй и выдано 10 золотниковъ шафрану и 100 листовъ золота листового сусальнаго. Въ іюлѣ живописцу Дорофею Ермолаеву было выдано 1 р. 19 алтынъ 4 д. за золото и краски, которыми онъ расписывалъ потѣшныя игры: пару пищалей, пару пистолей, три булавы, три пернача, три обушка, три топорика, три ножика въ хоромы къ государю царевичу Петру Алексѣевичу. Въ августѣ покрывалось бархатомъ чернымъ и вишневымъ сѣдло для царевича, вѣроятно, для ея деревяннаго коня. 31 августа живописецъ Дорофей Ермолаевъ получилъ деньги за золото и краски: „тѣмъ золотомъ и красками прописывалъ барабанецъ маленькій"; въ сентябрѣ въ хоромы царевича поступила потѣшная сабля: ножны покрыты газомъ зеленымъ, оправа мѣдная золоченая, поясъ сабельный шелковый турецкаго дѣла. Въ декабрѣ царевичу дѣлается пять барабанцевъ, а также потѣшные деревянные пистоли, карабины, пищали винтовыя съ замками[1]).

Въ 1677 г. въ концѣ августа царица выѣзжала съ дѣтьми на нѣсколько дней (29, 30, 31 августа) въ Коломенское[2]); въ концѣ сентября того же года была у Троицы. Въ этомъ „Троицкомъ объѣздѣ", какъ читаемъ въ одной изъ записей царицыной мастерской палаты, царевичу Петру была сдѣлана ферезея, обшитая серебрянымъ плетенымъ кружевомъ[3]). Въ 1678 году опять въ концѣ августа былъ выѣздъ въ Коломенское (22 августа)[4]); такъ же, вѣроятно, прошли и слѣдующіе 1679—1681 годы[5]). Къ концу 1679 г. относится перемѣна въ штатѣ царевича: изъ рукъ мамы, изъ-подъ женскаго надзора онъ переходитъ въ руки мужского педагогическаго персонала. Къ нему приставленъ дядька бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ съ помощниками, которыми были назначены думный дворянинъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ и стольникъ Тимофей Борисовичъ Юшковъ. 30 ноября 1679 года бояринъ Р. М. Стрѣшневъ приказывалъ дѣлать въ хо-

---

1) **Есиповъ**, Сбоникъ I, 16—18 ор. с. **Забѣлинъ**, Домашній бытъ русскихъ царей, часть II, прилож. IV, 2.
2) **Шмурло**, op. cit., 23.
3) **Есиповъ**, Сборникъ I, 29.
4) **Есиповъ**, Сборникъ, I, 221.
5) **Шмурло**, op. cit. 233--34: «Легенда о Преображенскомъ, какъ мѣстѣ, куда будто бы царица Наталья Кирилловна съ сыномъ Петромъ была удалена при жизни своего пасынка, должна быть оставлена и лишена права претендовать на значеніе историческаго факта"

ромы къ царевичу деревянныя потѣшныя сабли, палаши, канчѣры и топорки. 2-го декабря онъ принимаетъ «разныя потѣшки», купить которыя было поручено истопнику Семену Золотому. 13-го декабря онъ же принялъ въ хоромы царевича листъ александрійской бумаги, на которомъ Оружейной палаты живописный мастеръ Карпъ Ивановъ написалъ красками и золотомъ „двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные противъ того, какъ въ столовой въ подволокахъ написано" т. е. какъ въ столовой было изображено на плафонѣ"[1]).

Неизвѣстно, когда царевичъ Петръ началъ обучаться грамотѣ. Крекшинъ въ своемъ наполовину баснословномъ повѣствованіи о дѣлахъ Петра Великаго приводитъ дату—12 марта 1677 г., когда, слѣдовательно, царевичу шелъ пятый годъ[2]). Забѣлинъ считалъ возможнымъ пріурочить это событіе къ болѣе раннему времени и высказывалъ предположеніе, что Петра начали обучать еще при жизни отца. На эту мысль навело Забѣлина найденное имъ въ расходныхъ книгахъ Тайнаго приказа извѣстіе, что подъячій этого приказа Григорій Гавриловъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1675 г. писалъ въ хоромы къ государю азбуку и часословъ. 26-го ноября ему выдано въ награду 10 рублей, а 27-го ноября въ соборѣ Николы Гостунскаго было отслужено молебствіе для многолѣтняго здравія Петра Алексѣевича, какъ думалъ Забѣлинъ, передъ началомъ ученія, которое вообще было въ обычаѣ начинать со дня пророка Наума 1-го декабря[3]). Наоборотъ проф. Шмурло въ „Критическихъ замѣткахъ по исторіи Петра Великаго" отодвигаетъ начало занятій царевича къ концу 1675 г., когда Петру шелъ уже восьмой годъ отъ роду [4]). Итакъ, указываются три даты: 12 марта 1677 г., 27 ноября или 1 декабря 1675 г. и конецъ 1679 г. Крекшинъ, конечно, писатель недостовѣрный; его разсказъ полонъ небылицъ и выдумокъ. Но какъ можно выдумывать и сочинять точную дату, которую онъ приводитъ? Именно ея опредѣленность и точность сообщаютъ ей характеръ вѣроятности. Забѣлинъ свои соображенія высказывалъ нерѣшительно, какъ предположеніе. Но все же приведенныя имъ извѣстія тре-

---

1) **Есиповъ**, Сборникъ, I, 21.
2) **Крекшинъ**, въ Запискахъ, изданныхъ Сахаровымъ, стр. 19.
3) **Забѣлинъ**, Домашній бытъ русскихъ царей, т. I часть II, 222, ранѣе въ „Опытахъ", 33—34.
4) **Шмурло**, Op. cit. Ж. М. Н. Пр. 1902, апрѣль.

буютъ разъясненія: надо доказать, что эти извѣстія не имѣютъ отношенія къ началу занятій Петра, тогда и предположенія Забѣлина потеряютъ силу. Противъ его даты, противъ начала обученія Петра въ декабрѣ 1675 года говоритъ слишкомъ ранній возрастъ царевича; припомнимъ, что Петра отъ груди отняли только $2^1/_2$ лѣтъ, слѣдовательно, если принять дату Забѣлина—незадолго всего за годъ до начала обученія! За дату, приводимую Шмурло—конецъ 1679 года—говорятъ два сообраҗенія. Во-первыхъ, въ это время мѣняются лица, которымъ порученъ надзоръ за царевичемъ: изъ рукъ мамъ онъ переходитъ въ руки воспитателей Р. М. Стрѣшнева съ помощниками. Естественно поэтому ставить въ связь съ этой перемѣной надзора также и начало учебныхъ занятій. Во-вторыхъ, какъ разъ съ начала 1680 г. въ хозяйственныхъ дворцовыхъ записяхъ встрѣчаемъ рядъ извѣстій, касающихся учебныхъ занятій и показывающихъ, что эти занятія начались такъ 4 марта оклеенъ червчатымъ атласомъ „учительный налой" царевича; 15 марта того же года оклеенъ червчатымъ бархатомъ „букварь" царевича; 24 марта иконописецъ Тимофей Рязанецъ писалъ и расцвѣчивалъ шафраномъ „потѣшные листы" въ хоромы царевичу[1]). Предположеніе Шмурло наиболѣе вѣроятно, но все же полной достовѣрностью не обладаетъ. Остаются непоколебленными дата Крекшина и предположеніе Забѣлина. Вопросъ о времени начала учебныхъ занятій Петра надо считать пока нерѣшеннымъ и открытымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ найденъ какой-либо документъ, который позволитъ рѣшить его съ точностью.

Неизвѣстно также, кто началъ обучать Петра грамотѣ. Тотъ же Крекшинъ даетъ очень живо написанный разсказъ о началѣ занятій Петра, гдѣ первымъ учителемъ является „изъ приказныхъ" Никита Моисеевичъ Зотовъ. Крекшинъ повѣтствуетъ, какъ царь Өедоръ Алексѣевичъ обратилъ вниманіе царицы Натальи Кирилловны, что царевичу Петру приспѣло время учиться, какъ по докладу боярина Өедора Прокофьевича Соковнина былъ призванъ къ этому дѣлу Зотовъ, какъ онъ былъ представленъ царю, проэкзаменованъ въ его присутствіи Симеономъ Полоцкимъ и найденъ пригоднымъ къ новой обязанности, какъ затѣмъ патріархъ отслужилъ молебенъ и, благословивъ отрока, вручилъ его учителю, и тотъ посадилъ его за ученье, разнообразя уроки показываніемъ

---

1) Шмурло, op. cit. Ж. М. Н. Пр. 1902, апрѣль.

„куншотовъ" т.-е. картинъ, и разсказами изъ русской исторіи, къ которой мальчикъ почувствовалъ интересъ и охоту[1]). Но все ли въ этомъ разсказѣ вѣрно и Зотовъ ли началъ обучать царевича грамотѣ?

Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ въ 1669 и 1670 годахъ значится въ спискахъ подьячихъ Челобитнаго приказа, занимая среди подьячихъ этого приказа второе мѣсто съ окладомъ помѣстнымъ въ 200 четей и денежнымъ въ 35 рублей[2]). Можно думать, что Зотовъ былъ на виду въ правительственныхъ сферахъ, какъ опытный приказный дѣлецъ. Въ 1675 г. царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ была учреждена слѣдственная комиссія для разслѣдованія злоупотребленій бывшаго на Дону воеводой думнаго дворянина Ивана Севастьяновича Большого Хитрово. Въ составъ этой комиссіи вошли: бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій, думный дьякъ Стрѣлецкаго приказа Ларіонъ Ивановъ и дьякъ Челобитнаго приказа Никита Моисеевъ Зотовъ[3]). Въ 1679 г. Н. М. Зотовъ значится уже дьякомъ Владимірскаго суднаго приказа, находящагося подъ начальствомъ кн. В. В. Голицына[4]). Можетъ быть, знакомство по комиссіи 1675 г. съ думнымъ дьякомъ Ларіономъ Ивановымъ, который при Өедорѣ Алексѣевичѣ стоялъ во главѣ Посольскаго приказа, а также знакомство по Владимірскому судному приказу съ кн. В. В. Голицынымъ, въ концѣ 1670-хъ годовъ, однимъ изъ виднѣйшихъ московскихъ воеводъ, содѣйствовало дальнѣйшимъ служебнымъ успѣхамъ Зотова. Въ августѣ 1680 г. онъ получаетъ серьезное и отвѣтственное назначеніе изъ Посольскаго приказа по дипломатической части; онъ назначенъ былъ ѣхать въ Крымъ въ товарищахъ съ посланникомъ стольникомъ и полковникомъ В. М.

---

1) См. „Краткое описаніе" Крекшина въ Запискахъ русскихъ людей, изд. Сахаровымъ.

2) М. архивъ мин. юстиціи. Разрядныя книги Московскаго стола, №№ 63 и 64. Правильно называлъ Зотова подъячимъ Челобитнаго приказа Голиковъ; но неизвѣстно, почему Устряловъ считалъ его подъячимъ приказа Большого прихода. Это неправильное названіе повторилъ вслѣдъ за Устряловымъ и Ключевскій въ своемъ курсѣ, IV, 3.

3) Дворц. Разр. III, 1185 Ср. ibid. 1095—99, 1129—1130, 1255.

4) Д. А. И. IX, 105—106, въ судныхъ: въ Володимерскомъ бояринъ кн. В. В. Голицынъ, а съ нимъ стольникъ Петръ Петровъ сынъ Пушкинъ, дьяки Өедоръ Злобинъ (велѣно быть во дворцѣ), Микита Зотовъ, Иванъ Ляпуновъ (на службѣ, а нынѣ велѣно быть Сидору Поплавскому)". Подлинникъ этого акта см. М. арх. мин. юст. Записная книга московскаго стола № 19. Въ подлинникѣ отмѣтка «велѣно быть во дворцѣ» относится только къ имени Өедора Злобина, она поставлена только надъ этимъ именемъ, равно какъ отмѣтка: „на службѣ, а нынѣ велѣно быть Сидору Поплавскому" относится только къ имени Ивана Ляпунова. У имени же Никиты Зотова никакихъ отмѣтокъ въ подлинникѣ нѣтъ.

Тяпкинымъ, отправлявшимся туда для заключенія перемирія [1]).

Если бы Зотовъ въ это время, въ 1680 году, былъ уже учителемъ царевича Петра, то спрашивается, зачѣмъ понадобилось бы отрывать его отъ занятій съ царевичемъ и назначать въ посольство въ Крымъ? Дѣло объ этомъ посольствѣ сохранилось, и дьякъ Зотовъ ни въ одномъ изъ документовъ этого дѣла не называется учителемъ царевича, а это несомнѣнно имѣло бы мѣсто, если бы онъ дѣйствительно въ то время былъ учителемъ. Въ Крыму Зотовъ пробылъ зиму 1680—1681 г., участвовалъ въ заключеніи Бахчисарайскаго перемирія и вернулся въ Москву въ іюнѣ 1681 г. Такъ какъ въ Крыму было тогда моровое повѣтріе, то Тяпкинъ и Зотовъ по пріѣздѣ въ Москву подвергнуты были карантину. 22 іюня 1681 г. къ нимъ на дворъ былъ посланъ подъячій Посольскаго приказа Силинъ, съ предписаніемъ стольнику Тяпкину съ двора, гдѣ онъ стоитъ, никуда ни съѣзжать, а дьяку Зотову—отдать статейный списокъ посольства и всѣ дѣла и казну Тяпкину, а самому ѣхать въ деревню, въ Москвѣ не жить, ни съ кѣмъ не видѣться, въ городѣ никуда не разъѣзжать, платья и никакихъ товаровъ никому не давать. Зотовъ былъ очень обиженъ распоряженіемъ о выѣздѣ въ деревню и приписывалъ это распоряженіе злобѣ на него управляющаго Посольскимъ приказомъ думнаго дьяка Ларіона Иванова, съ которымъ у Зотова была уже тогда ссора и на котораго онъ подавалъ челобитье государю. Между Зотовымъ и подъячимъ Силинымъ произошелъ такой разговоръ: „А дьякъ Микита Зотовъ подъячему говорилъ и спрашивалъ, присланъ ли де къ нему съ нимъ, подъячимъ, о томъ государевъ указъ изъ Посольскаго приказу на письмѣ, что ему ѣхать въ деревню. И дьяку Миките Зотову подъячей говорилъ, что де письменнаго государева указу къ нему не прислано, а наказано говорить о томъ ему словесно. И дьякъ Микита Зотовъ говорилъ: опасеніе де онъ имѣетъ въ томъ, что къ нему письменнаго его государева указу не прислано, что ему съ Москвы въ деревню ѣхать. Такъ де онъ съ Москвы поѣдетъ въ деревню, чтобъ ему того въ побѣгъ не поставили, потому что челобитье де у него было великому государю на думнаго дьяка на Ларіона Ивановича. А онъ де его съ Москвы посылаетъ въ деревню; хотя де онъ съ Москвы въ деревню и поѣдетъ, только де добрые люди у него на Москвѣ останутся и провѣдаютъ по указу

[1]) Д. А. И. IX стр. 155--156.

де великаго государя его, Микиту, думный дьякъ Ларіонъ Ивановичъ въ деревню посылаетъ, всѣмъ де людямъ свѣтъ, а ему тьма". Зотовъ указывалъ далѣе, что Ларіонъ Ивановъ не боится заразы, пуская къ себѣ на домъ переводчиковъ и представляя ихъ переводы государю, а его Зотова считаетъ нужнымъ держать въ заперти и даже высылать въ деревню. „И переводчиковъ Ларіонъ Ивановичъ въ домы свои отпускаетъ и къ нему въ домъ ходятъ, и письма они къ нему всякія приносятъ и переводы переводятъ и тѣ ихъ письма онъ, думный дьякъ Ларіонъ Ивановичъ, доноситъ до великаго государя, а онъ де, Микита, сидитъ взаперти, въ пустомъ дворишкѣ, а нынѣ де ево жъ и въ деревню посылаетъ. А послѣ того онъ, дьякъ Микита Зотовъ, говорилъ: дѣла де у него которыя есть, отдастъ онъ стольнику Василію Тяпкину, а самъ ѣхать сбиратца будетъ и поѣдетъ съ Москвы въ Коломенскую свою деревню"[1]). По переписной книгѣ 1678 года за дьякомъ Никитой Моисеевымъ Зотовымъ дѣйствительно значилось въ Коломенскомъ уѣздѣ въ стану Большомъ Микулинѣ помѣстье въ сельцѣ Онащевѣ, а въ немъ 1 дворъ крестьянскій, дворъ задворныхъ людей и дворъ бобыльскій[2]).

Если бы Зотовъ былъ до поѣздки въ Крымъ учителемъ Петра, едва-ли его стали бы такъ безцеремонно выпроваживать изъ Москвы, такъ какъ онъ могъ бы прибѣгнуть къ заступничеству царицы или людей близкихъ къ ученику. Вѣроятно, и въ своихъ жалобахъ передъ подъячимъ Силинымъ онъ сослался бы на свое прежнее положеніе учителя. Итакъ, посылка Зотова въ посольство въ Крымъ въ августѣ 1680 г. и обращеніе съ нимъ по пріѣздѣ въ Москву лѣтомъ 1681 г. показываютъ, что до поѣздки онъ не былъ учителемъ царевича. Къ тому же ни въ одномъ оффиціальномъ документѣ онъ до поѣздки и по возвращеніи изъ посольства не именуется „учителемъ" Петра. Только съ 1683 г. въ хозяйственныхъ дворцовыхъ записяхъ мы встрѣчаемъ его имя съ званіемъ учителя. Съ той поры преподаваніе имъ Петру несомнѣнно[3]). Съ 1683 г. въ тѣхъ же записяхъ упоминается и другой, младшій, судя по размѣрамъ выдаваемыхъ ему сравнительно въ Зотовымъ наградъ, Афанасій Нестеровъ. Что Петръ учился въ 1680 г., это безспорно. Но кто велъ съ нимъ тогда занятія, предстоитъ еще изслѣдовать.

М. Богословскій.

---

[1]) М. архивъ мин. иностр. дѣлъ, дѣла Крымскія, 1681 № 7.

[2]) М. архивъ мин. юстиціи, писцовыя книги 9275. л. III об.

[3]) Есиповъ, Сборникъ. I.

И. А. Гончаровъ о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ Каткова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатаемая ниже записка Гончарова составлена имъ, какъ оффиціальнымъ лицомъ—членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія. Дѣятельность Гончарова по цензурному вѣдомству уже давно привлекала вниманіе изслѣдователей; ей посвящены статьи К. А. Военскаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1906 г., № 10), г-на Мазона въ „Русской Старинѣ“ (1911 г., №№ 3 и 12) и въ его превосходномъ изслѣдованіи о Гончаровѣ („Un maître du roman russe“. Ivan Gonchârov. Paris. 1914 г.), наконецъ, моя статья въ „Сѣверныхъ Запискахъ“ (1916 г., № 9). Во всѣхъ этихъ статьяхъ приводятся новые матеріалы, характеризующіе направленіе цензурной дѣятельности Гончарова и въ 1856—1860 гг., когда онъ состоялъ цензоромъ СПБ. Цензурнаго комитета, находившагося тогда въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, и въ 1863—1865 гг., когда онъ служилъ членомъ только-что упомянутаго совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія, и въ 1865—1867 гг., когда онъ занималъ должность члена совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. Однако, среди этихъ новыхъ матеріаловъ, весьма многочисленныхъ количественно и нерѣдко довольно цѣнныхъ качественно, записка Гончарова о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ выдѣляется и своимъ объемомъ, и своимъ содержаніемъ.

Исторія ея возникновенія въ двухъ словахъ такова. Осенью 1864 года, когда Катковъ и его органъ пользовались уже огромнымъ вліяніемъ на ту часть общества, которая, подъ

впечатлѣніемъ событій въ Польшѣ и вызваннаго ими призрака европейской войны, прониклась націоналистическими тенденціями, въ литературныхъ и даже оффиціальныхъ кругахъ много шума надѣлала полемика Каткова противъ брошюры Шедо-Ферроти „Que fera-t-on de Pologne“. Особенное вниманіе обратили на себя утвержденія Каткова, что министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ въ такой де мѣрѣ сочувствуетъ предлагаемому авторомъ брошюры либеральному проекту разрѣшенія польскаго вопроса, что организовалъ даже разсылку ея по учебнымъ заведеніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стремясь установить двуличность Головнина, Катковъ заявлялъ, что этотъ послѣдній еще недавно предлагалъ ему собрать его статьи но польскому вопросу изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“, „гдѣ высказаны всѣ главныя основанія взглядовъ, столь противныхъ г. Шедо-Ферроти“, и вызывался пріобрѣсти большое число экземпляровъ этой книги для разсылки по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, отъ каковаго предложенія онъ, Катковъ, категорически отказался (см. „Московскія Вѣдомости“, 1864 г., № 196, 6 сентября). Само собой разумѣется, что и полемика Каткова противъ Шедо-Ферроти и, въ особенности, его разоблаченія были крайне непріятны Головнину. Его недовольство Катковымъ не составляло ни отъ кого секрета, и вотъ одинъ изъ членовъ совѣта по дѣламъ книгопечатанія О. А. Пржецлавскій, считаясь, по всей вѣроятности, съ фактомъ усилившагося какъ разъ въ это время вліянія Головнина въ сферахъ, рѣшился выступить противъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Съ этой цѣлью онъ внесъ въ совѣтъ очень пространную записку о „злокачественности“ „Московскихъ Вѣдомостей“. По словамъ записки, „Московскія Вѣдомости“ составляли „аномалію въ общемъ строѣ нашего государственнаго склада и вредъ для общества, прямо и косвенно поселяя въ немъ свои собственныя мнѣнія“, причемъ дѣятельность газеты не оставалась на точкѣ „популярности естественной“, пріобрѣтенной ею по поводу польскаго мятежа, но, съ подавленіемъ сего послѣдняго, „стала уже переходить въ искусственную“, и даже осмѣлилась неуважительно осуждать дѣйствія нѣкоторыхъ высшихъ правительственныхъ лицъ, между прочимъ, одного изъ нихъ по случаю изданія брошюры Шедо-Ферроти. Предъявляя эти обвиненія, Пржецлавскій не дѣлалъ цитатъ изъ газеты, сказавъ, что въ такомъ случаѣ „пришлось бы сослаться едва-ли не на всѣ номера за какіе-нибудь полтора года“. Записка эта не встрѣ-

тила сочувствія въ остальныхъ членахъ совѣта, что, однако, не заставило Пржецлавскаго сложить оружіе, и онъ представилъ ее уже лично отъ себя П. А. Валуеву (см. „Дневникъ“ Никитенка, отъ 5-го ноября 1864 г.). Черезъ двѣ недѣли совѣту сдѣлалось извѣстнымъ распоряженіе министра разсмотрѣть эту записку и „положить на ней свое заключеніе“. Во исполненіе этого распоряженія члены совѣта представили свои письменныя заключенія. Одно изъ такихъ заключеній и было написано Гончаровымъ. Главный интересъ этого служебнаго труда Ивана Александровича въ томъ, что онъ яркими штрихами рисуетъ общественное міросозерцаніе своего автора, какъ оно сложилось въ одну изъ интереснѣйшихъ эпохъ русской общественности. Оцѣнивать направленіе „Московскихъ Вѣдомостей“ — не обнаруживъ въ то же время своего собственнаго политическаго credo, не было, разумѣется, никакой возможности. Вотъ почему печатаемый ниже документъ пріобрѣтаетъ незаурядное и біографическое и историко-литературное значеніе.

Въ заключеніе скажу, что поднятый Пржецлавскимъ походъ противъ „Московскихъ Вѣдомостей“—окончился неудачей. Валуевъ, правда, распорядился объ усиленіи цензурнаго надзора за ними, но за катковскую газету, редакторы которой уже рѣшили было демонстративно отказаться отъ ея изданія, вступился Московскій университетъ и московское дворянство. Первый заявилъ о своемъ твердомъ намѣреніи оставить во главѣ „Вѣдомостей“ прежнихъ редакторовъ, а цензуру ихъ просилъ передать ему; второе же постановило 5-го января 1865 г. выразить Каткову и Леонтьеву пожеланія, чтобы слухи о намѣреніи ихъ оставить газету не осуществились. Комитетъ министровъ, на разсмотрѣніе котораго поступило ходатайство московскаго университета, хотя и не освободилъ газету отъ предварительной цензуры, но „въ виду благонадежности и патріотическаго направленія“ издателей-редакторовъ, а также „оказанныхъ ими весьма важныхъ услугъ какъ по учебному вѣдомству, такъ и вообще передъ Россіей“—положилъ представить министру внутреннихъ дѣлъ оказать редакціи „возможныя облегченія въ примѣненіи къ нимъ цензурныхъ правилъ“. Главными защитниками Каткова оказались Д. А. Милютинъ и кн. Горчаковъ—ярые противники Головнина.

Изъ „Дневника“ Никитенка (отъ 14 января 1865 г.) мы узнаемъ, что черезъ два дня послѣ обсужденія вопроса о

„Московскихъ Вѣдомостяхъ“ въ комитетѣ министровъ участь записки Пржецлавскаго была рѣшена и въ совѣтѣ по дѣламъ книгопечатанія, который не нашелъ возможнымъ подвергать ихъ какимъ-либо взысканіямъ.

В. Евгеньевъ.

И. А. Гончаровъ о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ Каткова.

(*По поводу записки г. тайнаго совѣтника Пржецлавскаго о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“*).

„Московскія Вѣдомости“, по мнѣнію г. тайн. сов. Пржецлавскаго, заняли въ русской журналистикѣ положеніе, несообразное съ обыкновеннымъ значеніемъ газеты въ государствѣ съ неограниченнымъ монархическимъ правленіемъ. Изъ этого проистекаетъ неестественное и вредное вліяніе этой газеты на общественное мнѣніе, какъ бы въ ущербъ силѣ и значенію правительственной власти.

Таковъ главный тезисъ записки г. Пржецлавскаго. Между прочимъ авторъ, разъяснивъ подробно отличіе журналистики въ конституціонныхъ государствахъ отъ журналистики въ неограниченныхъ монархическихъ странахъ, какъ наша, указываетъ на тѣ уклоненія отъ цензурнаго порядка разсматриваемой имъ газеты, которыя, по его мнѣнію, придаютъ ей характеръ журналовъ, возможныхъ только въ конституціонныхъ государствахъ.

Въ запискѣ г. Пржецлавскаго обращаютъ на себя особенное вниманіе три обстоятельства. Во-первыхъ, авторъ поставляетъ однѣ только „Московскія Вѣдомости“ въ отвѣтственность передъ правительствомъ за такія вины, которыя, какъ очевидно для всякаго, читающаго русскія журналы, раздѣляетъ съ „Московскими Вѣдомостями“ вся русская современная журналистика. Если призвать на судъ всѣ наши журналы

вмѣстѣ, то „Московскія Вѣдомости“ окажутся болѣе виновными противъ нихъ развѣ тѣмъ, что занимаютъ между ними, какъ говоритъ авторъ „Записки“, первое мѣсто.

Во-вторыхъ, фактическая сторона обвиненій противъ „Московскихъ Вѣдомостей“ замѣчательна неполнотой и слабостью. Положительнымъ обвиненіемъ можно только принять указаніе на допущеніе въ печать статей безъ дозволенія цензуры и на намеки на высшія должностныя лица въ государствѣ. Между тѣмъ авторъ записки мало принимаетъ или совсѣмъ не принимаетъ въ соображеніе главнаго мѣрила благонамѣренности или неблагонамѣренности журнала вообще—т.-е. его основного направленія.

Наконецъ, въ третьихъ, въ изложеніи (въ концѣ Записки) вредныхъ и опасныхъ послѣдствій—отъ вліянія, которое пріобрѣли и еще пріобрѣтутъ „Московскія Вѣдомости“, авторъ впадаетъ въ замѣтное преувеличеніе и рисуетъ картину зла, у насъ невозможнаго.

Прежде нежели войду въ дальнѣйшее разсмотрѣніе сочиненія почетнаго Члена Совѣта, спѣшу оговориться, что я отнюдь не берусь быть адвокатомъ собственно „Московскихъ Вѣдомостей“, къ которымъ я расположенъ, какъ большинство Петербургской публики, т.-е. довольно равнодушно; я имѣю въ виду только выразить свое мнѣніе о томъ, что обвиненія, которыя обращены на „Московскія Вѣдомости“ и которымъ подлежатъ почти всѣ прочія газеты, не такъ важны, какъ они представляются автору „Записки“; что тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какія онъ пророчитъ, или на какія намекаетъ, ни отъ настоящаго, ни отъ дальнѣйшаго вліянія газеты на общественное мнѣніе быть не можетъ, и что, наконецъ, какъ при нынѣшнемъ, такъ и при большемъ развитіи свободы прессы, не отъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и имъ подобныхъ по направленію и убѣжденіямъ журналовъ, а съ какой-нибудь другой стороны и отъ другихъ причинъ и обстоятельствъ слѣдуетъ ожидать опасности и ограждать отъ нея общество (какъ, напримѣръ, отъ ученія крайняго матеріализма, подкапывающагося подъ религіозныя, нравственныя и государственныя основы и проч. и проч.). Обращаюсь къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“.

Кто внезапно перенесется отъ прошлаго десятилѣтія къ нынѣшнему, тотъ конечно будетъ пораженъ разницею между прежними и современными журналами: такъ далеко послѣдніе

ушли впередъ отъ первыхъ—въ значеніи, характерѣ и тонѣ. Но кто слѣдилъ за постепеннымъ развитіемъ и успѣхами журналистики и слѣдовательно наблюдалъ и причины ея возрастающаго значенія, тому конечно такой журналъ, какъ „Московскія Вѣдомости“ покажется отнюдь не исключительнымъ, а только послѣдовательнымъ, въ ряду прочихъ, и потому нормальнымъ явленіемъ.

Что же сообщило нашей журнальной прессѣ нынѣшній ея характеръ и значеніе?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить характеристика современной эпохи, сдѣланная по особому случаю въ одномъ мѣстѣ самимъ авторомъ „Записки“: „*возникновеніе новыхъ отношеній и интересовъ и усложненіе прежнихъ, вслѣдствіе крестьянской реформы, событія внѣшней политики, недавній мятежъ, ожиданіе важныхъ нововведеній*“ и т. д.

При такихъ капитальныхъ измѣненіяхъ, пошевелившихъ всѣ слои общества и народа, коснувшихся разныхъ общественныхъ и хозяйственныхъ вопросовъ, могла ли журналистика, имѣющая цѣлію и условіемъ такъ сказать своего существованіе отраженіе современной жизни, оставаться глухою, слѣпою, словомъ, мертвою въ общемъ движеніи преобразованій? Отвергать ея участіе въ этомъ движеніи и стараться видѣть въ ея дѣятельности только вредъ значитъ лишать ее всякаго серьезнаго значенія, осуждать на безмолвіе, или на такую роль, въ какой она въ нынѣшнее время оставаться не можетъ.

Журналы, и во главѣ ихъ „Московскія Вѣдомости“, не тайно, а всеоткрыто, а въ иныхъ случаяхъ съ одобренія даже самаго правительства, (какъ, напримѣръ, въ обсужденіи проекта судебной реформы) пріобрѣтали себѣ право на то положеніе, въ которое стали нынѣ. Слѣдовательно, правительство, покровительствующее всякому благонамѣренному движенію впередъ всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ общества и народа, не считало конечно вреднымъ поднять уровень и общественнаго мнѣнія, а съ нимъ и печатныхъ органовъ его—журналовъ, если призывало первое, а отчасти и второе къ обсужденію государственныхъ и общественныхъ вопросовъ. Въ судебной реформѣ, какъ самъ авторъ говоритъ, обществу разрѣшено было участвовать черезъ печатные органы въ обсужденіи этого важнаго проекта. Прежде того, въ крестьянскомъ вопросѣ, послѣ необходимыхъ предосторожностей,

пока дѣло не достигло до извѣстнаго фазиса, также открытъ былъ путь въ печать мнѣніямъ частныхъ людей; въ дѣлѣ преобразованія училищъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія, сколько мнѣ извѣстно, обратилось къ мнѣнію журнальной прессы. По вопросамъ о построеніи желѣзныхъ дорогъ, о кредитныхъ операціяхъ, о преобразованіи (или улучшеніи) быта духовенства и проч. и проч., хотя, можетъ быть, и не было дѣлаемо со стороны правительства положительныхъ предложеній къ обсужденію этихъ вопросовъ въ печати, однако же оно и не препятствовало скромнымъ и благонамѣреннымъ о нихъ отзывамъ, являвшимся, какъ всѣ могли замѣтить, очень часто во всѣхъ газетахъ и журналахъ.

Вотъ, между прочимъ, одна изъ причинъ, которыя способствовали вывести журналистику изъ прежней узкой колеи и поставить ее въ новое и болѣе важное положеніе.

Дѣятельность журнальной прессы, а также значеніе и важность ея проявились особенно ярко, какъ и слѣдовало ожидать, во время польскаго мятежа. Съ этого времени „Московскія Вѣдомости" заняли нынѣшнее свое положеніе и стали, какъ справедливо замѣчаетъ г. Пржецлавскій, на первое мѣсто. Этимъ газета обязана, говоритъ Его Превосходительство, „*искусству составленія передовыхъ статей, отличающихся необыкновеннымъ одушевленіемъ, смѣлостью воззрѣнія, настойчивостью требованій во имя русскихъ народныхъ и государственныхъ интересовъ*", т.-е. чувству патріотизма и таланту. И въ этомъ, а не въ другихъ причинахъ, т.-е. въ патріотизмѣ и талантѣ и заключается вся тайна успѣха и вліянія газеты на общественное мнѣніе.

Другая газета „День" подвизается съ неменьшимъ патріотизмомъ и съ большимъ одушевленіемъ, но съ меньшимъ искусствомъ на томъ же поприщѣ—и какая разница въ успѣхѣ и вліяніи на общество!

Про другія газеты я не упоминаю, потому что онѣ слишкомъ во многомъ расходятся въ воззрѣніяхъ съ обѣими московскими газетами.

Г. Членъ Совѣта впрочемъ въ своей отрицательной похвалѣ какъ будто признаетъ заслугу г. Каткова по польскому вопросу и называетъ пріобрѣтенную имъ популярность въ этомъ дѣлѣ *естественною*. Всю же слѣдующую затѣмъ дѣятельность, или въ точности, всю, слѣдующею дѣятельностью пріобрѣтенную популярность г. Каткова, Его Превосходительство называетъ *искусственною*. Странное и невѣрное

раздѣленіе и опредѣленіе! Авторъ „Записки“ говоритъ: „когда миновался польскій мятежъ и не было матеріала, газета стала *изыскивать*, и даже *создавать* новые матеріалы, могущіе затронуть народное чувство“. *Изыскивать* матеріалы, т.-е. слѣдить за текущими явленіями и судить о нихъ: это такъ. Въ этомъ состоитъ профессія публициста; въ противномъ случаѣ онъ долженъ сложить руки и оставлять бѣлыми листы газеты. Но *создавать* матеріалы для газеты—нельзя, или, если можно, то съ тѣмъ, чтобы занять праздное любопытство такъ называемыми *пуфами* или *утками*, а не „затронуть народное чувство“. Если бъ газета позволила себѣ два—три раза прибѣгнуть къ такому способу, т.-е. стала выдумывать матеріалы, дѣлать натяжки, превращать муху въ слона, горячиться по-пустому, то не только не продолжала бы пріобрѣтать, а скоро утратила бы и прежнее вліяніе.

Проведенную авторомъ параллель между журналами конституціонныхъ государствъ и нашими и найденное имъ сходство между первыми и „Московскими Вѣдомостями“—я нахожу невѣрными и совершенно лишними. Авторъ „Записки“ вовлекся въ подробности значенія журналовъ на западѣ и эти подробности придаютъ какой-то особенный вѣсъ самой „Запискѣ“, а не дѣлу, по поводу котораго она написана. Что общаго между тѣми журналами и „Московскими Вѣдомостями?“ Только—иногда тонъ, нѣкоторые, принятые всѣми газетами внѣшніе пріемы и обороты языка, сдѣлавшіеся общими мѣстами, кое-гдѣ сужденія, имѣющія форму совѣта, и тому подобные признаки всѣхъ газетъ въ мірѣ. Въ самой же сущности значенія, въ цѣли и *результатахъ* дѣятельности заграничныхъ газетъ я вижу совершенную разницу отъ нашихъ тамъ, гдѣ г. Пржецлавскій видитъ сходство. Слишкомъ долго и излишне было бы распространяться о существенныхъ чертахъ этой разницы, тѣмъ болѣе, что она и безъ того понятна для всѣхъ.

Въ нашихъ реформахъ, судебной, напримѣръ, въ ожидаемой реформѣ законовъ прессы и, можетъ быть, гдѣ-нибудь еще, пожалуй, отыщутся тоже наружныя подобія съ нѣкоторыми конституціонными формами и пріемами: но подобія эти и ограничиваются или объясняются тѣмъ, что нѣкоторые институты, которые правительство признало полезными даровать Россіи, есть между прочимъ и въ конституціонныхъ государствахъ. Но не эти же институты составляютъ конституцію.

Обращаясь къ „Московскимъ Вѣдомостямъ", надо припомнить, что редакція ихъ, въ другомъ своемъ журналѣ, и именно въ „Русскомъ Вѣстникѣ", если не ошибаюсь, въ прошломъ году, очень неблагопріятно отнеслась, въ одной статьѣ, къ конституціоннымъ договорамъ, или къ *письменнымъ условіямъ* между властью и народомъ, и прочнѣйшею основою государственнаго строя (въ Россіи, сколько я помню) считало взаимное довѣріе и единеніе духа между властью и подданными. Серьезная редакція „Русскаго Вѣстника", съ перенесеніемъ дѣятельности въ другой журналъ, конечно не измѣнила своихъ убѣжденій.

Вотъ, кажется, этимъ именно мѣриломъ, т.-е. сущностью основного направленія, слѣдуетъ опредѣлять дѣятельность газеты, а не подробностями, не мелкими увлеченіями, не нѣкоторою рѣзкостью и рѣшительностью въ тонѣ, даже не двумя—тремя уклоненіями отъ цензурнаго порядка.

Г. Пржецлавскій, говоря объ излишней, конституціонной, такъ сказать, смѣлости „Московскихъ Вѣдомостей", между прочимъ ставитъ имъ въ вину, *что онѣ свободно и развязно трактуютъ предметы высшей дипломатіи, оцѣняютъ и комментируютъ по-своему акты правительства* и т. д. Но какимъ же образомъ, дѣлая оплотъ Европейской журналистикѣ, напримѣръ, по польскому вопросу, могла газета обходить „предметы высшей дипломатіи", когда вся цѣль ея, вся борьба состояла въ томъ, чтобъ опровергнуть эту „высшую дипломатію" Европейской прессы, т.-е. обличить ея безстыдство? Какъ же было обойти молчаніемъ правительственные акты, начиная съ актовъ Вѣнскаго конгресса и кончая нотами князя Горчакова? Даже скромная наука, и та подала энергическій голосъ въ этой политической борьбѣ, чтобъ опровергнуть нелѣпость и ложь польскихъ притязаній и опозорить невѣжество подкупленныхъ публицистовъ.

По смыслу „Записки" выходитъ такъ, что въ этомъ случаѣ (т.-е. въ случаѣ польскаго мятежа) газета могла возвышать свой голосъ до извѣстной ноты, въ судебной реформѣ также, потому что само правительство вызывало ее на отвѣтъ, а затѣмъ она должна отречься отъ мысли и слова по другимъ вопросамъ и хранить безмолвіе, или надѣвать на себя маску неразвитости, незрѣлости и неумѣнья. Авторъ „Записки" конечно понимаетъ, что такой порядокъ вещей недостижимъ. Какой же идеалъ современной газеты имѣетъ въ виду Его Превосходительство?

Затѣмъ авторъ „Записки“ преувеличенно, какъ я сказалъ, изображаетъ послѣдствія положенія, занятаго „Московскими Вѣдомостями“. Онъ даже ставитъ такую дилемму, что „власть, или *согласуется* съ воззрѣніями и видами „Московскихъ Вѣдомостей“, и потому предвѣщаетъ коренное измѣненіе (?!) основъ государственнаго устройства, или же уклоненіе дѣлается помимо власти и она *уступаетъ* силѣ обстоятельствъ“.

Это очень важно сказано, но желательно бы было, чтобы поводъ къ тому былъ поважнѣе, нежели задоръ московской газеты.

Я не позволю себѣ объяснять мыслей высшей власти, но смѣю догадываться, что она не *уступаетъ*, а снисходительно сноситъ, вѣроятно пока считаетъ возможнымъ сносить, потому что чувствуетъ свою силу, и дѣйствуетъ, по моему мнѣнію, съ величайшимъ тактомъ. Кромѣ того, можетъ быть, въ этомъ снисхожденіи къ прыти бойкаго публициста кроется нѣкоторая доля признанія заслугъ Редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, какъ въ польскомъ дѣлѣ, такъ и по другимъ случаямъ, о которыхъ сейчасъ скажу и о которыхъ, кажется, къ сожалѣнію, не упоминается въ „Запискѣ“ (Записка дана была мнѣ на короткое время для прочтенія и у меня ея нѣтъ подъ рукой).

Редакція „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“ первая сдѣлала смѣлое и открытое нападеніе на Герцена и много способствовала къ отрезвленію молодого поколѣнія отъ его разрушительнаго вліянія. Тоже редакція всюду преслѣдовала, гдѣ замѣчала, и плоды этого опаснаго вліянія у насъ, проявлявшагося въ такъ называемомъ „нигилистическомъ“ направленіи въ самомъ юномъ поколѣніи.

Все это, вмѣстѣ взятое, т.-е. и эти сейчасъ упомянутыя немаловажныя заслуги, и горячее участіе въ польскомъ вопросѣ, и вообще патріотическое направленіе газеты—служили вмѣстѣ съ тѣмъ къ выраженію ея profession de foi и служатъ порукою добрыхъ и твердыхъ цѣлей способствовать славѣ и пользѣ отечества.

Авторъ тревожится тѣмъ, что *общество наше будто бы находится въ напряженномъ положеніи, что возникновеніе новыхъ отношеній, реформы, событія политики, недавній мятежъ и проч., все это вызываетъ страсти и способствуетъ развитію тревожнаго, возбужденнаго настроенія, которое носится въ воздухѣ.* Напротивъ, реформы не возбуждаютъ, а успокаиваютъ умы: реформы, крестьянская,

судебная, отмѣна тѣлеснаго наказанія и рядъ другихъ улучшеній и преобразованій—все это предупреждаетъ потребности общества и народа, составляетъ славу Великаго Государя и пріобрѣтаетъ Ему обожаніе подданныхъ—вотъ одно господствующее *возбужденное настроеніе* въ Россіи! Слѣдовательно, публицисту, по указанію г. Пржецлавскаго, и не предстояло въ этомъ смыслѣ обязанности *успокаивать* страсти и взволнованные умы. „Московскія Вѣдомости", сколько я помню, пробуждали одну страсть—это страсть патріотизма—противъ поляковъ и этимъ вдругъ пріобрѣла огромную популярность—и слава Богу! Въ другихъ же случаяхъ онѣ не забывали своей обязанности и успокаивали, какъ сказано выше, умы молодого поколѣнія, взволнованные Герценскимъ ученіемъ, несостоятельность и лживость котораго они энергически обличали и преслѣдовали, и тѣмъ сильно поколебали авторитетъ опаснаго героя. Слѣдовательно, и съ этой стороны редакторы „Московскихъ Вѣдомостей" свою обязанность публициста исполнили честно.

Напрасно Его Превосходительство тревожится громкой популярностью г. Каткова и его настоящимъ и будущимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе. Прежде всего надо опредѣлить, какое общественное мнѣніе? У насъ ихъ нѣсколько, или вѣрнѣе, два: Московское и Петербургское. Но послѣднее относится къ „Московскимъ Вѣдомостямъ" холодно, а журналистика Петербургская непріязненно, можетъ быть, между прочимъ, par rivalité du metier; первенствующее же общественное мнѣніе въ Россіи все, таки Петербургское. О другихъ краяхъ Россіи я не говорю, потому что населеніе наше не такъ велико, чтобы разсѣянные по разнымъ угламъ Россіи читающіе образованные люди могли гдѣ-нибудь образовать мыслящую, да еще опасную для существующаго порядка, массу!

Что касается до Москвы, то, несмотря на свою старость, она подвержена юношескимъ увлеченіямъ и нерѣдко творила себѣ кумиры, къ которымъ потомъ сама же охладѣвала. Грибоѣдовъ навсегда и вѣрно опредѣлилъ характеръ ея волненій и увлеченій въ нѣсколькихъ стихахъ: *И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ* и т. д. до стиха: *Поспорятъ, пошумятъ и разойдутся*. Самъ же г. Пржецлавскій говоритъ, что по прекращеніи польскаго мятежа, популярность „Московскихъ Вѣдомостей" становится *искусственною*. Развѣ можетъ быть опасна и вредна такая популярность, если оэт

правда? Развѣ можно выдуманнымъ матеріаломъ, подъ надзоромъ цензуры, смущать столицу и цѣлую страну, мороча публику натяжками, вымыслами и тому подобными способами?

Наконецъ, предположимъ, что г. Катковъ возвыситъ еще свой голосъ и (противъ ожиданія) станетъ касаться тѣхъ, несвойственныхъ существующему у насъ порядку сторонъ, на которыя намекаетъ Его Превосходительство, т.-е. заговоритъ о какихъ-нибудь перемѣнахъ и т. п. Кто же позволитъ ему это? И если бъ онъ вновь нарушилъ правила цензуры и напечаталъ безъ ея разрѣшенія, что могло бы помѣшать Правительству употребить всю мѣру строгости, даже, если бъ оказалось нужно, прекратить изданіе газеты? Ужели авторъ „Записки“ серьезно вѣритъ въ какое-нибудь волненіе, демонстрацію, опасность и т. п. со стороны почитателей „Московскихъ Вѣдомостей“? *Поспорили и разошлись бы*, по словамъ Грибоѣдова. Полевой былъ въ свое время очень популяренъ въ Москвѣ; „Телеграфъ“ ходилъ по рукамъ и за редакторомъ точно также ухаживала Москва. „Телескопъ“ любили тамъ; въ новое время „Современникъ“ пріобрѣлъ огромную популярность (года три тому назадъ) во всемъ молодомъ поколѣніи—и всѣ эти журналы подвергались временнымъ или совершеннымъ запрещеніямъ—и власть не встрѣтила никакого протеста, ни нареканія.

Но, кажется, объ этомъ не нужно распространяться. Какъ можетъ въ русскихъ людяхъ поколебаться вѣра въ авторитетъ правительства при неразрывномъ единеніи народа съ властью, основанномъ на глубочайшей, взаимной симпатіи и на тысячелѣтнихъ историческихъ традиціяхъ—и при томъ по поводу такихъ пустяковъ, какъ газета, потому только, что редактору ея дали обѣдъ въ клубѣ, а въ именины прислали адресъ? Не надо забывать, что побужденіями къ этимъ оваціямъ служили добрыя патріотическія чувства, которыми отличается и гордится Москва, и вѣрное выраженіе которыхъ она и оцѣнила въ газетѣ, притомъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ вся Россія мыслила и дѣйствовала совокупно, т.-е. въ польскомъ мятежѣ. Слѣдовательно, если бы Редакція газеты (чего, конечно, никто не ожидаетъ) вдругъ вздумала измѣнить своимъ убѣжденіямъ и стать на другой путь, то Москва конечно охладѣла бы къ ней, тѣмъ болѣе, что большинство почитателей газеты составляетъ не толпа бурной молодежи, а зрѣлое поколѣніе, во главѣ котораго стоятъ мыслящіе и избранные люди столицы.

Въ заключеніе мнѣ остается вполнѣ согласиться съ авторомъ „Записки“ въ справедливости упрека, обращеннаго имъ къ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, во-первыхъ, за неумѣстные намеки на высокопоставленныя въ государствѣ лица и, во-вторыхъ, за печатаніе статей безъ дозволенія цензуры.

Въ первомъ случаѣ, Редакція вышла изъ границъ такта и приличія и небрежно отнеслась къ правительственнымъ авторитетамъ, что, конечно, при повтореніи, могло бы въ иныхъ слабыхъ головахъ (а ихъ не мало) породить сомнѣнія въ твердости правительства.

Во второмъ случаѣ, Редакція взяла на себя много смѣлости, сдѣлавъ попытку обойти существующія постановленія. Совѣту по дѣламъ книгопечатанія было заявлено о взысканіи денежнаго штрафа съ виновныхъ въ нарушеніи цензурнаго порядка, т.-е. въ допущеніи въ печать статей безъ дозволенія цензуры: но повтореніе со стороны Редакціи одного и того же нарушенія два или три раза сразу показываетъ, что она предварительно измѣрила степень наказанія, вѣроятно не нашла послѣднее чувствительнымъ для себя и какъ будто напрашивалась на него. Это обстоятельство конечно не могло не обратить на себя строгаго вниманія правительства, и нѣтъ сомнѣнія, что, при новомъ подобномъ поступкѣ Редакціи газеты, будетъ положенъ предѣлъ неосторожному обращенію съдѣйствующими постановленіями. Высшее цензурное начальство, не лишая газету, по-прежнему, возможности быть полезною обществу, имѣетъ въ своемъ распоряженіи много энергическихъ средствъ напомнить забывчивой Редакціи черту, за которой кончается снисхожденіе правительства.

Членъ Совѣта по дѣламъ книгопечатанія *И. Гончаровъ.*

Неизданныя письма Н. И. Пирогова.

(Къ исторіи высшаго образованія и русско-польскихъ отношеній).

Въ настоящемъ очеркѣ печатаются неизданныя письма Николая Ивановича Пирогова, найденныя мною въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія при обслѣдованіи цѣлаго ряда «дѣлъ», относящихся къ педагогической дѣятельности знаменитаго хирурга. Наибольшая по количеству группа публикуемыхъ здѣсь писемъ (извлеченная изъ серіи «дѣлъ» о заграничныхъ командировкахъ молодыхъ русскихъ ученыхъ) относится къ самому интересному въ исторіи русской высшей школы пятилѣтію—1862—1866—когда министерствомъ народнаго просвѣщенія управлялъ А. В. Головнинъ.

Н. И. Пироговъ былъ тогда представителемъ этого вѣдомства въ Европѣ въ качествѣ руководителя молодыхъ русскихъ ученыхъ, готовившихся заграницею къ занятію профессорскихъ каѳедръ въ отечественныхъ университетахъ. А среди этихъ кандидатовъ на каѳедры были такіе выдающіеся впослѣдствіи дѣятели науки, какъ А. Н. Веселовскій, В. И. Герье, В. И. Ламанскій, И. И. Мечниковъ, А. А. Потебня, В. И. Сергѣевичъ, Н. С. Таганцевъ и многіе другіе, второстепенные ученые.

Сообщая министру о ходѣ занятій будущихъ профессоровъ и давая характеристики ихъ способностей, Н. И. Пироговъ въ этихъ письмахъ излагалъ также свое мнѣніе о постановкѣ высшаго образованія въ Россіи. Такимъ образомъ, публикуемые здѣсь матеріалы имѣютъ значительный интересъ и для исторіи развитія университетскаго вопроса за указанное пятилѣтіе, внося, вмѣстѣ съ тѣмъ, много новаго въ біографіи нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ выше лицъ. Много въ нихъ интересныхъ сообщеній по вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ, и весьма цѣнны для исторіи этого вопроса заявленія Пирогова о настроеніи русской учащейся молодежи въ связи съ польскимъ возстаніемъ.

Конечно, печатаемыя здѣсь письма имѣютъ большое значеніе для жизнеописанія самого Н. И. Пирогова. Вмѣстѣ съ соотвѣтственными письмами А. В. Головнина, графа Д. А. Толстого, И. Д. Делянова и другими документами эти письма представляютъ почти полный очеркъ жизни знаменитаго ученаго и мыслителя въ указанный періодъ, до сихъ поръ совершенно не обслѣдованный, и дополнительно освѣщаютъ его дѣятельность въ предшествующее время, съ 1856 года.

Во всей же своей совокупности эти матеріалы представляютъ любопытную страницу въ исторіи министерства народнаго просвѣщенія. Какъ университеты, по крылатому выраженію Н. И. Пирогова, суть барометры общества, такъ мѣнявшееся отношеніе министерства къ знаменитому автору этого выраженія служитъ показателемъ направленія дѣятельности министерства.

Отъ всеподданнѣйшаго доклада А. С. Норова въ августѣ 1856 года до всеподданнѣйшаго доклада графа Д. А. Толстого въ іюлѣ 1866 года русское просвѣщеніе пережило очень много, событія этого десятилѣтія въ области русской школы весьма разнообразны, и полная исторія указаннаго періода требуетъ многотомнаго изслѣдованія. Но какъ вѣхи намѣчаютъ пути, такъ документы объ отношеніи министерства къ Н. И. Пирогову опредѣляютъ общественные взгляды вершителей судебъ отечественнаго просвѣщенія.

Оффиціальное положеніе знаменитаго ученаго въ министерствѣ—своего рода барометръ отношенія правительства къ запросамъ общества въ области просвѣщенія. Пользуюсь случаемъ выразить благодарность профессору С. Ѳ. Платонову, оказавшему мнѣ содѣйствіе въ доступѣ въ архивъ, а также начальнику архива А. С. Николаеву и его помощнику В. В. Снигиреву, любезными указаніями которыхъ мнѣ часто приходилось пользоваться во время моихъ розысковъ. Письма печатаются съ сохраненіемъ главныхъ особенностей Пироговской орѳографіи.

Въ началѣ 1856 года Н. И. Пироговъ возвратился въ С.-Петербургъ изъ Севастополя, гдѣ онъ проявилъ себя однимъ изъ самыхъ преданныхъ и самоотверженныхъ сыновъ родины, страданіями которой онъ болѣлъ очень сильно и горести которой глубоко впиталъ въ свою впечатлительную душу. Сознавая, что для обновленія Россіи необходимо перевоспитать все общество, и понимая, что для этой цѣли лучше

всего подготовить новое поколѣніе, Н. И. Пироговъ рѣшилъ выступить въ печати со статьей о воспитаніи будущихъ дѣятелей жизни.

По цѣлому ряду причинъ, въ томъ числѣ и по цензурнымъ соображеніямъ, Пироговъ рѣшилъ опубликовать свои мысли о воспитаніи (о зарожденіи ихъ и объ условіяхъ ихъ развитія смотрѣть опубликованныя мною въ «Русской Старинѣ» за май 1915 года и за январь, февраль, мартъ 1916 года письма Н. И. къ невѣстѣ) въ «Морскомъ Сборникѣ», журналѣ, находившемся подъ непосредственнымъ руководствомъ великаго князя Константина Николаевича. Имѣя это въ виду, Н. И. Пироговъ послалъ великому князю слѣдующее письмо:

«Ваше Императорское Высочество!

Какъ наставникъ въ одной изъ значительныхъ спеціальныхъ школъ нашего отечества (медико-хирургическая академія), какъ воспитанникъ нѣсколькихъ отечественныхъ и заграничныхъ учебныхъ заведеній, я имѣлъ довольно случая наблюдать и сравнивать различные способы образованія молодыхъ людей.

Какъ отецъ и русскій, я постигаю всю важность воспитанія для нашей земли и искренно желаю его видѣть основаннымъ не на однѣхъ временныхъ потребностяхъ страны, но на началахъ болѣе глубокихъ и болѣе вѣрныхъ.

Прочитавъ нѣсколько статей о воспитаніи въ Морскомъ Сборникѣ, я замѣтилъ подобный взглядъ и ученыхъ авторовъ этихъ статей,—что возбудило во мнѣ смѣлость изложить откровенно мои мысли, которыя я до сихъ поръ старался тщательно сохранить для себя, убѣжденный, что онѣ мало найдутъ сочувствія».

Напечатанная въ іюльской книгѣ «Морского Сборника» за 1856 годъ знаменитая статья Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», представляющая собою блестящее литературно-философское разсужденіе о воспитаніи и требующая готовить ребенка прежде всего быть человѣкомъ,—вызвала чрезвычайный интересъ общества къ затронутымъ въ ней вопросамъ. Министерство народнаго просвѣщенія поспѣшило перепечатать эту статью въ своемъ журналѣ, при чемъ въ выноскѣ къ тексту сообщалось: «эта прекрасная статья помѣщается здѣсь по

волѣ г. министра, какъ соотвѣтствующая цѣли и назначенію журнала».

Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ, А. С. Норовъ, рѣшилъ привлечь автора «прекрасной статьи» къ участію въ направленіи дѣятельности министерства, «обязаннаго заботиться о распространеніи въ обществѣ и въ кругу нашихъ воспитателей здравыхъ и вѣрныхъ идей о воспитаніи». Повидимому, и великій князь Константинъ Николаевичъ намѣренъ былъ привлечь Пирогова къ дѣятельности по учебной части въ морскомъ вѣдомствѣ. Такое предположеніе имѣетъ основаніе въ письмѣ Н. И. Пирогова отъ 5 августа 1856 года къ А. С. Норову, которому онъ сообщалъ:

«Милостивый Государь Абрамъ Сергѣевичъ!

Честь имѣю извѣстить Ваше Высокопревосходительство, что я сегодня, 5 августа, имѣлъ счастіе объясняться объ извѣстномъ Вамъ дѣлѣ лично съ Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. По изложеніи мною хода всего дѣла и послѣ объясненія моего, что я далъ уже Вамъ слово принять на себя предлагаемую мнѣ должность попечителя учебнаго Одесскаго округа, Его Императорское Высочество согласился болѣе не удерживать меня, прибавивъ, что въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія мнѣ, дѣйствительно, предстоитъ большій кругъ дѣйствій.

И такъ, призвавъ на помощь Всевышняго, я поручаю слабыя мои силы въ полное Ваше распоряженіе и прошу только покорнѣйше Васъ сообщить мнѣ рѣшеніе до моего отъѣзда изъ С.-Петербурга (въ половинѣ августа), чтобы я имѣлъ время распорядиться по моимъ домашнимъ обстоятельствамъ, прежде нежели пущусь въ дальній путь.

Съ истиннымъ почтеньемъ и преданностью честь имѣю пребыть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Пироговъ*.

Черезъ два дня министръ представилъ Государю слѣдующій всеподданнѣйшій докладъ, которымъ опредѣлялось отношеніе вѣдомства къ автору «Вопросовъ жизни» въ ближайшіе годы (дѣло № 130791—101).

«Озабочиваясь пріисканіемъ достойнаго лица для замѣщенія съ истинною пользою вакантнаго мѣста Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа,—писалъ А. С. Норовъ,—я остановился на дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Пироговѣ и приведенъ былъ къ тому по прочтеніи его глубокомыслен-

ной статьи о воспитаніи, напечатанной въ іюльской книжкѣ «Морского Сборника» подъ заглавіемъ: *Вопросы жизни.* Это сочиненіе обнаруживаетъ въ немъ человѣка съ глубокими религіозными и педагогическими свѣдѣніями. Онъ обладаетъ не одними медицинскими познаніями, пріобрѣвшими ему европейскую извѣстность, но его можно назвать человѣкомъ истинно-ученымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ я смѣю думать, человѣкомъ вполнѣ нравственнымъ. Дерптскій Университетъ, въ которомъ онъ получилъ свое образованіе, можетъ имъ справедливо гордиться.

Всеподданнѣйше повергаю на Монаршее разрѣшеніе таковое мое предположеніе.

Авраамъ Норовъ.

9 августа 1856 года".

На подлинникѣ этого доклада Государь написалъ карандашомъ: «Переговоримъ въ Москвѣ». Помѣтка эта сдѣлана 11 августа въ Петергофѣ, а черезъ нѣсколько дней Государь выѣхалъ на коронацію въ Москву, гдѣ вопросъ о назначеніи Пирогова былъ 27 августа рѣшенъ окончательно. Указъ объ этомъ былъ опубликованъ 3 сентября 1856 г.

Принимая должность попечителя, Пироговъ въ личной бесѣдѣ представилъ Норову свою программу, заключавшуюся въ довѣріи къ обществу, въ гласности всѣхъ его дѣйствій и въ утвержденіи министерствомъ всѣхъ его мѣропріятій. Министръ согласился на эти условія и все время своего управленія вѣдомствомъ выполнялъ данное Пирогову обѣщаніе. При этомъ онъ не только утверждалъ всѣ распоряженія одесскаго попечителя, но предлагалъ ихъ другимъ попечителямъ къ свѣдѣнію и исполненію. Такимъ образомъ, вполнѣ нравственный авторъ глубокомысленныхъ «Вопросовъ жизни» оказывалъ вліяніе на ходъ просвѣщенія во всей Россіи.

Получивъ отъ министра еще въ концѣ августа частное сообщеніе объ утвержденіи Государемъ доклада отъ 9 августа, Н. И. Пироговъ послалъ А. С. Норову 29 августа 1856 года изъ Ораніенбаума, гдѣ онъ проживалъ съ семьей, слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь Абрамъ Сергѣевичъ.

Честь имѣю представить Вашему Высокопревосходительству мой послужной списокъ, взятый мною изъ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, въ которой я до сихъ поръ служилъ; указа же объ отставкѣ я до сихъ поръ еще не получалъ.

При семъ покорнѣйше прошу Васъ припомнить одно изъ моихъ условій, а именно, чтобы при переходѣ моемъ на службу въ Министерство Народнаго Просвѣщенія продолжалась бы мнѣ моя пенсія за 30-лѣтнюю службу, которую я теперь получаю.

Примите выраженіе моего искренняго и глубокаго уваженія, съ которымъ честь имѣю пребыть, Милостивый Государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Н. Пироговъ*».

Письмо это взято изъ дѣла архива министерства о службѣ Н. И. Пирогова (№ 116861—3507). Въ медико-хирургическую академію Пироговъ перешелъ изъ Дерптскаго университета въ январѣ 1841 года, вообще же срокъ его службы исчислялся съ 21 мая 1831 года, когда онъ окончилъ Дерптскій профессорскій институтъ. Во всякомъ случаѣ, къ августу 1856 года не могло исполниться 30 лѣтъ его службы, но Пирогову, какъ и другимъ участникамъ севастопольской страды, было зачтено самоотверженное служеніе родной арміи по расчету мѣсяцъ за годъ. Пенсія за всю его научно-общественную дѣятельность, прославившую русское имя во всемъ мірѣ, составляла 1849 р. 32 коп. въ годъ.

Въ концѣ сентября Н. И. Пироговъ отправился черезъ Москву въ Одессу, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ развивалась его плодотворная общественно-просвѣтительная дѣятельность. А. С. Норовъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ отмѣчалъ реформаторскую дѣятельность одесскаго попечителя, подчеркивалъ значеніе ея для развитія отечественнаго просвѣщенія и заявлялъ, что въ другихъ округахъ не замѣчается такой дѣятельности, какъ въ округѣ Н. И. Пирогова.

Не буду останавливаться на этой дѣятельности знаменитаго хирурга и педагога, не буду подробно говорить о причинахъ вынужденнаго перехода Н. И. Пирогова изъ Одессы въ Кіевъ (объ этомъ обстоятельно разсказано въ «Русской Старинѣ» за январь и февраль 1898 года, въ статьѣ г. Н. о московскомъ обѣдѣ по поводу освобожденія крестьянъ). Отмѣчу, что уходъ автора «Вопросовъ жизни» изъ Одессы вызванъ былъ разногласіемъ между нимъ и генералъ-губернаторомъ Новороссіи, графомъ А. Г. Строгоновымъ, по вопросу о значеніи свободнаго печатнаго слова для развитія родины по пути величія и славы (о взглядахъ Строгонова на задачи печати и на литературу вообще мнѣ приходилось говорить въ «Русской Старинѣ», № 2 за 1911 годъ, въ статьѣ по поводу освобожденія крестьянъ).

Остановлюсь только бѣгло на прощаніи Н. И. Пирогова съ Одессой, при чемъ для опредѣленія значенія великаго патріота въ развитіи южно-русскаго края приведу рѣчи извѣстнаго впослѣдствіи дѣятеля по министерству просвѣщенія, ближайшаго сотрудника Пирогова въ одесскій періодъ его дѣятельности, А. И. Георгіевскаго (его интересныя записки печатаются въ «Русской Старинѣ» съ февраля 1915 г.). Сообщая въ редактированномъ имъ «Одесскомъ Вѣстникѣ» объ устроенномъ профессорами Ришельевскаго лицея обѣдѣ въ честь Пирогова, А. И. Георгіевскій писалъ о значеніи личности Н. И. для обновляющейся Россіи:

«Назначеніе Ник. Ив. Пирогова, два года тому назадъ, было радостнымъ и многознаменательнымъ событіемъ для всего ученаго и учащаго,—скажемъ болѣе,—для всего служащаго сословія Россіи. Назначеніе это было почти первымъ знакомъ, что впредь однѣ лишь личныя заслуги, личныя достоинства, полное знакомство съ дѣломъ будутъ приниматься во вниманіе при замѣщеніи высшихъ государственныхъ должностей. Такъ понято было это назначеніе въ Россіи, такъ понято оно было и за границей, и почти во всѣхъ иностранныхъ журналахъ общая наша радость по этому случаю нашла отголосокъ.

Выборъ такого человѣка, какъ Пироговъ, въ одну изъ высшихъ государственныхъ должностей былъ однимъ изъ славныхъ началъ славнаго царствованія. И въ самомъ дѣлѣ: отъ чего болѣе всего зависитъ слава монарховъ и благоденствіе ихъ государствъ, какъ не отъ умѣнья выбирать людей на высшія должности? Прошло два года, и воля Монарха указала Н. И. Пирогову болѣе широкое поприще для дѣятельности, управленіе Кіевскимъ округомъ...» Далѣе приводятся рѣчи на упомянутомъ обѣдѣ, характеризующія значеніе просвѣтительной дѣятельности Н. И. Пирогова. Самой яркой изъ нихъ, самой блестящей по изложенію и обстоятельной по содержанію является рѣчь А. И. Георгіевскаго, который далъ прекрасную характеристику знаменитаго гуманиста.

Приведу ее въ существенныхъ извлеченіяхъ, такъ какъ рѣчь эта по праву занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Пироговской біографической литературѣ и незаслуженно забыта въ теченіе 60 лѣтъ. «Николай Ивановичъ! —обратился къ Пирогову А. И. Георгіевскій.—Мы чтили и чтимъ васъ не только, какъ рѣдкаго образцоваго начальника, которымъ славился нашъ край и нашъ городъ; мы чтимъ васъ еще

болѣе, какъ человѣка; мы чтимъ въ Васъ рѣдкое воодушевленіе къ общему благу, неутомимое трудолюбіе и неистощимую энергію на пользу народнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, высокія нравственныя убѣжденія и—что еще выше и еще труднѣе, какъ всякій знаетъ по опыту,—то, что весь вашъ образъ жизни и дѣйствій вы вполнѣ успѣли согласить съ вашими убѣжденіями.

И среди насъ вы жили не для себя; вы жили исключительно для великаго дѣла народнаго образованія, для науки, для бѣдныхъ страдальцевъ, для человѣчества. Какой высокій, недосягаемый образецъ для насъ, вашихъ сотрудниковъ по дѣлу народнаго просвѣщенія!.. Ваше нравственное вліяніе на всѣхъ и каждаго изъ вашихъ подчиненныхъ было въ высшей степени благотворно... Въ ваше управленіе округомъ вездѣ и мало-по-малу установлялся разумный, нормальный порядокъ: внутреннее, существенное вездѣ ставилось выше кажущагося, и мертвящему формализму нигдѣ болѣе не было мѣста...

Внѣшнее и внутреннее—это два противоположныхъ полюса. Обращайте преимущественное вниманіе молодыхъ людей на цвѣтъ и покрой платья, соблюденіе формы, и вы увидите,—какъ не разъ приходилось намъ уже видѣть,—что они становятся равнодушны къ существеннымъ своимъ обязанностямъ... Можно ли лучше приготовить ихъ къ дѣятельной и полезной жизни, какъ предоставивши имъ нѣкоторую свободу, соединенную съ неослабнымъ надъ ними наблюденіемъ, и—что гораздо важнѣе—съ сознательною отвѣтственностью за свои дѣйствія и еще болѣе за свое бездѣйствіе? И здѣсь результаты служатъ утѣшительнымъ оправданіемъ принятой вами системы...

Успѣхи въ нашемъ отечествѣ народнаго просвѣщенія возможны только при очищеніи понятій о воспитаніи и обученія, при дружномъ содѣйствіи и родителей, и наставниковъ одной общей цѣли, при ихъ взаимномъ сближеніи. Вамъ принадлежитъ честь энергическаго пробужденія въ нашей литературѣ вопросовъ о воспитаніи... Говорить ли о томъ, какъ много вы содѣйствовали къ пробужденію и въ краѣ, и особенно въ ученомъ его сословіи научной и литературной дѣятельности?..

Тяжело и грустно разставаться намъ съ вами; еще бы лѣтъ 10, и Новороссійскій край въ педагогическомъ, ученомъ и литературномъ отношеніяхъ зажилъ бы новою полною и

благодатною жизнію. Грустно и тяжело намъ уступить васъ не цѣлой Россіи, а отдѣльному учебному округу. Утѣшаемъ себя надеждою, что впереди ждетъ васъ болѣе обширное поприще, на которое давно призываетъ васъ голосъ всего мыслящаго люда Россіи и вмѣстѣ голосъ Европы... Наконецъ, мы увѣрены, что сѣмена, вами здѣсь брошенныя, не пропадутъ даромъ, а взойдутъ въ Новороссійскомъ краѣ обильною жатвою...

Изъ переписки, заключающейся въ «дѣлѣ» Н. И. Пирогова и относящейся къ одесскому періоду его дѣятельности, остановлюсь еще на одной-двухъ бумагахъ. Въ концѣ ноября 1856 года IV отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи сообщило А. С. Норову о томъ, что «Государь Императоръ по засвидѣтельствованію Попечительнаго Совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Спб. и инспектора по Медицинской части въ здѣшнихъ учрежденіяхъ Императрицы Маріи, лейбъ-медика Арендта, объ 11-лѣтнихъ, отлично-усердныхъ и безмездныхъ трудахъ въ званіи консультанта по части оперативной хирургіи, при градскихъ больницахъ, равно другихъ, какъ учебныхъ, такъ и благотворительныхъ заведеніяхъ вѣдомства помянутыхъ учрежденій, заслуженнаго профессора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Пирогова, опредѣленнаго нынѣ исправляющимъ должность попечителя Од. Уч. Округа,—Всемилостивѣйше изволилъ повелѣть: объявить ему за сіи труды Монаршее благоволеніе». Объ этомъ было сообщено Н. И. Пирогову.

Межъ тѣмъ, выслуженная Н. И. Пироговымъ пенсія ему не высылалась, и 5 декабря 1856 года онъ послалъ изъ Одессы министру народнаго просвѣщенія слѣдующее письмо:

«Г. Управляющій Министерствомъ Нар Пр., въ предложеніи 12 сентября тек. года сообщивъ мнѣ о всемилостивѣйшемъ назначеніи меня испр. д. попечителя Од. уч. округа, присовокупилъ, что объ ассигнованіи отпуска назначеннаго мнѣ содержанія и пенсіи изъ Одесскаго уѣзднаго казначейства Его Сіят-во отнесся къ г. Товарищу Министра Финансовъ.

Между тѣмъ, Херсонская казенная палата, на основаніи предложенія г. министра фин-совъ 19 сентября, дала предписаніе од. уѣзд. казнач. о производствѣ мнѣ только жалованья, столовыхъ и квартирныхъ денегъ; о производствѣ же пенсіи не сдѣлала никакого распоряженія, потому что (какъ

увѣдомилъ меня предсѣдатель палаты) объ этомъ не получено еще разрѣшенія г. министра финансовъ.

Въ слѣдствіи чего имѣю честь всепокорнѣйше просить Ваше Выс-во о сношеніи съ г. Мин-мъ фин-совъ объ ускореніи разрѣшеніемъ на производство мнѣ изъ Од. уѣзд. Казнач-ва пенсіи.

Испр. д. попечителя, дѣйств. ст. сов. *Пироговъ*».

Пришлось Н. И. Пирогову еще нѣсколько разъ (15 января и 7 марта 1857 года) напоминать объ этомъ и, наконецъ, вопросъ о пенсіи былъ разрѣшенъ. Любопытно еще въ примѣненіи къ Н. И. Пирогову слѣдующее отношеніе министерства народнаго просвѣщенія къ начальникамъ вѣдомствъ, гдѣ онъ служилъ до Одессы: «Департаментъ Н. Пр. по случаю выслуги Исправляющимъ должность Попечителя Одесскаго У. О. дѣйств. ст. сов. Пироговымъ срока къ награжденію знакомъ отличія Безпорочной службы, имѣетъ честь Покорнѣйше просить Ваше Пре во объ увѣдомленіи: ***не подвергался ли помянутый чиновникъ*** за время служенія, въ Дерптскомъ Университетѣ съ 4 марта 1836 по 18 января 1841 г. ***случаямъ, лишающимъ его права на полученіе знака Отличія*** Безпорочной службы». По образцу этого обращенія къ попечителю Дерпскаго округа были составлены и другіе запросы. Полученные отвѣты удостовѣрили, что чиновникъ Пироговъ не подвергался случаямъ, лишающимъ права на знакъ отличія.

Значительный біографическій интересъ имѣетъ слѣдующая записка Н. И. Пирогова министру, посланная изъ Одессы 27 февраля 1857 года:

«Для внесенія меня, съ семействомъ, въ Дворянскую родословную книгу я долженъ представить въ Тверское Депутатское собраніе формулярный списокъ свой, согласно 139 ст. 9 т. Св. Зак. (изд. 1842 г.) о состоян.

Почему имѣю честь почтительнѣйше просить Ваше Высокопр-во о приказаніи доставить мнѣ таковой списокъ для означенной надобности.

Испр. д. Попечителя, дѣйств. ст. сов. Пироговъ».

Изъ «Дневника стараго врача», впервые напечатаннаго въ «Русской Старинѣ» за 1884—1887 годы, и метрическихъ справокъ гг. Н. П. Розанова («Русская Старина», 1881 г., № 7) и Н. П. Кудрявцева (тоже, 1910 г., № 12) извѣстно, что Н. И. Пироговъ былъ сыномъ чиновника 9 класса комиссаріатскаго вѣдомства, отецъ котораго, судя по описа-

нію его знаменитаго внука, происходилъ изъ крестьянъ. Въ формулярномъ спискѣ Н. И, Пирогова, хранящемся въ министерствѣ, въ графѣ о званіи имѣется отмѣтка «изъ дворянъ». Въ апрѣлѣ 1857 года Пироговъ былъ утвержденъ въ должности попечителя Одесскаго округа, 1 января 1858 года онъ произведенъ былъ «за отличіе по службѣ» въ тайные совѣтники, а въ іюлѣ 1858 года былъ переведенъ попечителемъ въ Кіевъ. Обстоятельства этого перевода освѣщены выше.

Въ Кіевѣ дѣятельность Н. И. Пирогова развивалась въ томъ же направленіи, что и въ Одессѣ, но встрѣтила большія препятствія со стороны мѣстной высшей гражданской администраціи. Особенно возмущался дѣятельностью попечителя-миссіонера генералъ-губернаторъ юго-западнаго края князь Ил. Ил. Васильчиковъ, который посылалъ одинъ докладъ за другимъ о невозможности сохранить спокойствіе въ краѣ при дальнѣйшемъ пребываніи Н. И. Пирогова на посту попечителя округа и даже грозилъ отставкой въ случаѣ, если автора „Вопросовъ жизни" не уберутъ изъ Кіева.

Любопытное показаніе о борьбѣ генералъ-губернатора съ попечителемъ округа даетъ въ своихъ воспоминаніяхъ современникъ кіевской дѣятельности Н. И. Пирогова, генералъ В. Д. Кренке, который сообщаетъ: „Въ бесѣдѣ съ Васильчиковымъ я какъ-то замѣтилъ, что мѣры противъ польской пропаганды уже слишкомъ палліативны. Васильчиковъ отвѣчалъ, что это замѣчаніе совершенно вѣрно, но что онъ безсиленъ въ этомъ дѣлѣ, дѣйствуя по указанію изъ Петербурга" („Истор. Вѣстн", 1883, № 10). „Даже первое заявленіе мое о Пироговѣ, говорилъ Васильчиковъ, осталось безъ отвѣта, а при второмъ заявленіи я долженъ былъ оговорить, что, если не получу удовлетворительнаго отвѣта, то самъ долженъ буду просить увольненія отъ должности".

Тому же лицу кн. Васильчиковъ говорилъ, что, какъ хирургъ, Пироговъ, конечно, составляетъ гордость Россіи, а трактатъ его о воспитаніи юношества можетъ считаться наряду съ евангельскими поученіями. Но администраторъ онъ плохой и даже растлилъ учебныя заведенія. „При Пироговѣ,— говоритъ Васильчиковъ, по крайней мѣрѣ, въ самомъ Кіевѣ все начальство университета и гимназій потеряло всякое значеніе для гимназистовъ".

Въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ начальникъ края, говоря объ усиленіи польскаго движенія и о вовлеченіи въ него студенческой молодежи, прямо обви-

няетъ въ послѣднемъ обстоятельствѣ Н. И. Пирогова. „Къ сожалѣнію, пишетъ Ил. Ил. Васильчиковъ, попечителемъ округа, въ цѣли развитія въ учащихся понятія о чести и добрѣ, были приняты мѣры, которыя не соотвѣтствовали характеру населенія и могли не только парализовать, но нѣкоторымъ образомъ, питать вредное направленіе молодежи... Необходимо, чтобы со стороны учебнаго начальства былъ болѣе дѣятельный надзоръ за поведеніемъ учащихся и чтобы оно обращало особое вниманіе на выборъ преподавателей, руководствуясь при выборѣ не только, какъ большей частью дѣлается теперь, степенью знанія конкуррентомъ своего предмета, но и нравственнымъ направленіемъ его и образомъ мыслей въ политическомъ отношеніи" (сравнить—В. И. Чернышевъ, „Н. И. Пироговъ—попечитель Кіевскаго округа", „Русская Школа", 1910, № 12).

Межъ тѣмъ, какъ удостовѣряетъ В. Г. Авсѣенко, занимавшій во время Пирогова оффиціальную должность въ Кіевѣ, а по своимъ политическимъ воззрѣніямъ бывшій очень близкимъ по духу князю И. И. Васильчикову, „высшая мѣстная администрація не понимала плановъ Н. И. Пирогова, его сознанія человѣка подъ мундиромъ четвертаго класса; начались неудовольствія, интриги, и величайшій изъ русскихъ педагоговъ былъ отозванъ отъ своей высокой миссіи въ самое трудное для края время. Но то, что уже было имъ сдѣлано, принесло плоды, и ни одинъ изъ русскихъ студентовъ Кіевскаго университета не ушелъ въ возстаніе. Этимъ результатомъ край былъ обязанъ исключительно Пирогову".

О своихъ дальнѣйшихъ взаимоотношеніяхъ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія Н. И. Пироговъ краснорѣчиво говоритъ въ письмахъ къ баронессѣ Э. О. Раденъ, фрейлинѣ великой княгини Елены Павловны, для которой собственно и назначались эти письма. Хотя отставка Пирогова произошла въ мартѣ 1861 года, но уже въ письмѣ отъ 26 ноября 1860 года (оно опубликовано Ан. Өед. Кони въ его книгѣ „На жизненномъ пути", т. II) Н. И., съ горечью истиннаго патріота и съ печалью человѣка, искренно преданнаго родинѣ, сообщаетъ: „Наконецъ, осуществилось то, что я предчувствовалъ въ теченіе пяти лѣтъ. Министръ народнаго просвѣщенія далъ мнѣ знать, что сильная интрига очернила меня и что онъ не увѣренъ въ томъ, что ему удастся защитить меня и мой образъ дѣйствій...

Мнѣ совѣтуютъ принять другое предлагаемое мнѣ назначеніе и немедленно редактировать въ этомъ смыслѣ мое прошеніе объ отставкѣ, чего я, конечно, не сдѣлаю. Зачѣмъ я стану упорствовать въ моихъ попыткахъ быть полезнымъ отечеству моею службою. Развѣ онѣ не убѣдили меня въ томъ, что во мнѣ не хватаетъ чего-то, чѣмъ необходимо обладать, чтобы быть пріятнымъ и казаться полезнымъ...

Итакъ, я рѣшилъ, спокойно ждать отставки, благодаря Бога и за то, что Онъ сохранилъ мнѣ чистую совѣсть и незапятнанную честь. Я могу сказать, положа руку на сердце, что, вступивъ на скользкій путь попечителя округа, я старался всѣми силами и со всею, свойственной моей душѣ, энергіей оправдать предъ своимъ отечествомъ высокое довѣріе, мнѣ оказанное.

Завершая свою служебную карьеру, прошу Васъ передать великой княгинѣ, что я высоко цѣнилъ ея поддержку въ трудныя минуты моей пятилѣтней службы и не совершилъ ни одного проступка, котораго не могъ бы оправдать предъ судомъ своей совѣсти. Больше этого я не могъ сдѣлать, но сдѣлать это было для меня священнымъ долгомъ.

Я знаю, что мнѣ придется выслушать массу непріятнаго, что въ то время, когда я, объявленный неспособнымъ къ труду, буду въ качествѣ земледѣльца зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба,—на меня посыпятся разнообразныя обвиненія. Да будетъ такъ! Такъ созданъ свѣтъ и таково теченіе жизни, на которое надо смотрѣть со стоическимъ равнодушіемъ"...

Въ слѣдующемъ письмѣ къ баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ опальный авторъ „Вопросовъ жизни" пишетъ съ внѣшнимъ спокойствіемъ, сквозь которое видны страданія за несомнѣнно вредныя для родины послѣдствія ложной политики недальновидныхъ администраторовъ: „Для самого себя лично я не требую ничего лучшаго, какъ держаться вдали отъ всѣхъ этихъ запутанныхъ обстоятельствъ и предпочитаю уединеніе и деревенскую жизнь всякаго рода столкновеніямъ и непріятностямъ.

Но я не дѣлаю и не сдѣлаю къ тому перваго шага, потому что считаю такой образъ дѣйствій слабостью. Я потому буду спокойно ждать, пока со мною простятся или меня заставятъ проститься. Хотя при нынѣшнихъ обстоятельствахъ мнѣ очень трудно, на 50-мъ году жизни, вступить на новое поприще: однако, я покоряюсь судьбѣ и тѣмъ утѣшенъ, что я имѣю между моими друзьями только очень мало глупцовъ,

а между моими врагами много слабоумныхъ“ (письмо отъ 7 декабря 1860 года, включенное въ редактированное мною собраніе педагогическихъ и публицистическихъ статей Пирогова, изд. 1914 года). Здѣсь приведены только заключительныя строки этого письма. Въ предшествующей же части его изображена просвѣтительная дѣятельность Н. И. въ связи съ политическимъ состояніемъ юго-западнаго края въ то время.

Указъ объ увольненіи Пирогова отъ должности попечителя Кіевскаго округа „по разстроенному здоровью съ оставленіемъ членомъ главнаго правленія училищъ“ опубликованъ 13 марта 1861 года, и вся Россія съ рѣдкимъ для того времени подъемомъ откликнулась на это событіе. Клевета и интрига, вызвавшія печальную для русскаго просвѣщенія отставку знаменитаго педагога и общественнаго дѣятеля, нашли должную оцѣнку въ кіевскихъ рѣчахъ по поводу отъѣзда Пирогова, дѣятельности же его на пользу Россіи были посвящены обширныя статьи во всѣхъ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ.

31 марта Пироговъ послалъ министру, Е. П. Ковалевскому, на простомъ листѣ бумаги, слѣдующее собственноручное письмо, отразившее перемѣну въ его положеніи: „Членъ Главнаго Правленія Училищъ. № 1. 31 марта. Господину Министру Народнаго Просвѣщенія. Сдавъ, согласно предписанію Вашего Высокопревосходительства отъ 18 марта за № 422, должность попечителя Кіевскаго учебнаго округа дѣйствительному статскому совѣтнику Михневичу, имѣю честь донести объ этомъ Вашему Высокопревосходительству и съ тѣмъ вмѣстѣ покорнѣйше просить распоряженія Вашего объ отпускѣ мнѣ Высочайше назначеннаго жалованья изъ Винницкаго уѣзднаго казначейства (Подольской губерніи)“. Просьба эта объясняется намѣреніемъ Пирогова поселиться въ своемъ имѣніи, въ селѣ Вишня, начинающемся въ чертѣ города Винница.

Сначала Ковалевскій отвѣтилъ Пирогову, что удовлетвореніе этой просьбы невозможно и что онъ долженъ жить въ столицѣ для участія въ засѣданіяхъ главнаго правленія училищъ, но въ связи съ вступленіемъ Н. И. въ должность мирового посредника его участка министръ исходатайствовалъ, посредствомъ особаго всеподданнѣйшаго доклада, разрѣшеніе Пировогу проживать по мѣсту его крестьянской службы. Послѣ этого Н. И. Пироговъ послалъ Е. П. Ковалевскому слѣдующее письмо:

„Его Высокопревосходительству Г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

Вслѣдствіе отзыва Вашего Высокопревосходительства отъ 18 мая за № 3088 честь имѣю увѣдомить, что я согласенъ оставаться въ должности члена главнаго правленія училищъ, и прошу покорно о назначеніи мнѣ жалованья по этой должности изъ Винницкаго уѣзднаго казначейства.

Членъ главнаго правленія училищъ тайный совѣтникъ Пироговъ.

1861. Мая 29 дня. Село Вишня близъ Винницы. № 7".

Сообщилъ **С. Я. Штрайхъ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1].

1—2 августа. Въ Москвѣ находится и работаетъ «Россійское акціонерное общество химическаго производства 1914 года».

Въ качествѣ директора коммерческой части этого общества состоитъ нѣкій Леонидъ Густавовичъ Каубишъ.

Очевидно, среди акціонеровъ директоръ этотъ представляетъ величину и пользуется полнымъ довѣріемъ. Поэтому, когда правленію общества явилось необходимымъ командировать въ Лондонъ и Парижъ своего представителя, между членами его не нашлось никого болѣе подходящаго, какъ г. Каубишъ.

Послѣдній не отказался принять возложенную на него миссію и не замедлилъ отправиться въ Лондонъ, гдѣ и произошла съ нимъ довольно скандальная исторія.

По свойственной англичанамъ обстоятельности, они не постѣснялись слегка выяснить личность пожаловавшаго къ нимъ представителя московскаго предпріятія и неожиданно наткнулись на возмутившее ихъ обстоятельство.

Леонидъ Густавовичъ Каубишъ оказался прусско-подданнымъ нѣмцемъ.

Лондонскія власти лишили «россійскаго представителя» удовольствія пробраться въ Парижъ, попросивъ его возвратиться «восвояси» (?), т.-е. въ Россію.

Фактъ знаменательный и плохо рекомендующій не только «Россійское акціонерное общество химическаго производства 1914 года», но и вообще россійское общество, пережившее, какъ и первое, два года войны [2].

---

[1] См. „Русскую Старину", декабрь, 1916 г.
[2] „Нов. Вр." 1 авг. 1916 г.

Германская сестра милосердія Бунтенъ, при посѣщеніи госпиталя военноплѣнныхъ на Голодаѣ, имѣла наглость заявить, что германскіе инвалиды пользуются въ Россіи недостаточнымъ уходомъ [1]).

Въ то самое время, когда повсюду въ Россіи трудно купить бензина и за него платятъ десятерныя суммы, Бакинскіе нефтепромышленники не знаютъ, куда дѣвать все растущіе запасы бензина и рѣшили вылить 300.000 пудовъ бензина въ море. Къ счастью, объ этомъ узналъ московскій военно-промышленный комитетъ и остановилъ это....

„Новое Время“ сообщаетъ, что въ Одессѣ губернаторъ Сосновскій запретилъ члену Государ. Думы кн. Мансыреву прочесть разрѣшенную военной цензурой лекцію: «національные вопросы и Государственная Дума» [2]).

Во время войны Финляндія увеличиваетъ на громадныя суммы доходъ своей казны, въ то время, какъ мы заключали многомилліардные займы. Привлеченіе Финляндіи къ расходамъ по войнѣ по сіе время еще не состоялось.

Бои на Волыни и въ Галиціи протекаютъ успѣшно для насъ, а на Кавказѣ, къ сѣверу отъ Хамадана, наступленіе турокъ продолжается.

Разсказываютъ ужасающіе факты о томъ, какъ нѣмцы завладѣли поставкой восковыхъ свѣчей для нашихъ церквей. Не хочется вѣрить симъ позорнымъ фактамъ.

Г. Смоляниновъ въ «Новомъ Времени» [3]) приводитъ интересный разсказъ:

На посыпанной краснымъ пескомъ дорожкѣ лагеря встрѣчаю нѣсколькихъ прусскихъ солдатъ въ круглыхъ безкозыркахъ съ краснымъ околышемъ и въ сѣрыхъ однобортныхъ мундирахъ, украшенныхъ розеткой изъ французскихъ національныхъ цвѣтовъ. Подхожу къ одному изъ нихъ, высокому, худому, нѣсколько сутоловатому человѣку съ сильной просѣдью на головѣ и въ длинныхъ, топорщащихся усахъ и спрашиваю его:

---

[1]) „Нов. Вр.“ 2 авг. 1916 г.
[2]) „Нов. Вр.“ 2 авг. 1916 г.
[3]) „Нов. Вр.“ 2 авг. 1916 г.

— Что значатъ эти прекрасные цвѣта на такомъ варварскомъ мундирѣ?

— О, это цвѣта нашей матери—Франціи!—сразу воодушевляется старикъ.

— Вы французы?

— Да, изъ Альзаса.

— Вы давно въ плѣну?

— Давно... съ первыхъ боевъ еще въ 1914 году... Развѣ мы могли сражаться противъ васъ?!

— Откуда вы родомъ?

— Я? изъ Страсбурга... я тамошній профессоръ математики...

— И нѣмцы отправили васъ на войну рядовымъ?

Профессоръ улыбнулся.

— Что это значитъ для нихъ? Послѣ Лувена и Реймса, бѣдный профессоръ Жосефъ Грассе не заслужилъ бы другой участи...

— Что же вы дѣлаете здѣсь?

— Здѣсь? О, мы ежечасно молимся за нашу милую Францію, и наша молитва услышана: мы ѣдемъ къ себѣ...

На глазахъ старика блеснули слезинки. Откуда-то изъ сосѣдняго барака принесли мандолины, гитары, и въ русскомъ лагерѣ для плѣнныхъ раздались страстные, призывные звуки марсельезы...

Allons, enfants de la Patrie...

Запѣлъ хоръ «прусскихъ солдатъ» (!)—запѣлъ какъ молитву, надрывающую сердце и вызывающую невольныя слезы при одномъ только взглядѣ на этого старика-профессора, котораго нѣмцы послали на убой и который теперь—воодушевленный, съ горящими глазами, отбивая ногою тактъ, управляетъ хоромъ своихъ юныхъ друзей:

Formez vos bataillons.

Дважды пропѣли они свой чудный гимнъ и потомъ, какъ одинъ, огласили боръ восторженнымъ крикомъ:

— Vive la Russie!

— Vive la liberté!

Какая ужасная трагедія, какая злая насмѣшка судьбы... Все, что было здѣсь русскаго, могло отвѣтить имъ только одно:

— Vive la France!

Но насъ, къ сожалѣнію, здѣсь было очень мало...

3—10 августа. Г. Петровъ [1]) передаетъ интересныя свѣдѣнія о работахъ въ германскому тылу, добытыя нашими молодцами-развѣдчиками:

«На Двинѣ въ одномъ изъ мелкихъ боевъ при нашей неудавшейся развѣдкѣ за рѣкою, на германской сторонѣ». Уссейновъ былъ сбитъ съ ногъ взрывомъ воздуха при разрывѣ снаряда подлѣ, ошеломленъ до потери сознанія и, незамѣченный отходившими своими, остался лежать за кустами. За ночь отлежался, на разсвѣтѣ пришелъ въ себя и, понявъ, что онъ остался на германской сторонѣ, рѣшилъ побродить здѣсь нѣсколько дней. Спряталъ въ кустахъ подъ вѣтвями ружье и патроны, пробрался до какого-то полуразрушеннаго хутора и у старика-латыша, что одинъ остался сторожемъ при домѣ, выпросилъ старую одежду убитаго старикова сына. Переодѣтый такъ, онъ бродилъ у германцевъ въ тылу полторы недѣли.

На третій день верстъ за сорокъ уже отъ боевой линіи встрѣтилъ онъ странный обозъ. Шло нѣсколько десятковъ грузовыхъ платформъ. Видимо, это были испорченные самоходы. Тащили ихъ то лошадьми, то людьми. Людьми больше, нежели лошадьми. Лошадей впрягали только на два-три часа, а потомъ люди тащили все на себѣ. Уссейновъ подумалъ-было, что это—плѣнные, наши русскіе или французскіе солдаты. Притаившись при дорогѣ за кустами, пропустилъ обозъ мимо себя. Слышалъ и окрики на двуногихъ лошадей и отвѣты ихъ на нѣмецкомъ языкѣ. На ночь обозныхъ людей запирали въ бараки, ставили у дверей и по угламъ бараковъ часовыхъ.

Нашъ татаринъ сталъ красться слѣдомъ за этимъ обозомъ. Шли они вдоль фронта, въ сторону Риги. Дошли до Нейгута. Здѣсь, въ нѣсколькихъ верстахъ за станціей, остановились среди открытаго поля и стали рыть окопы. Рыли день и ночь. Дадутъ одной смѣнѣ рабочихъ поѣсть, соснуть и опять за работу. Работа и отдыхъ все время подъ строгой охраной часовыхъ. Мѣсто было низкое, сырое, комариное,—работать тяжело. Рабочіе, видимо, заморенные дорогою, стали болѣть. На болѣзни не обращали никакого вниманія. Слабыхъ, падавшихъ часовые прикладами поднимали на ноги и гнали на работу. Дня черезъ четыре странныхъ рабочихъ перегнали ближе къ передовымъ окопамъ. Здѣсь посылали ихъ на самыя опасныя работы. Разрушатъ русскіе снарядами линію

[1]) „Русс. Слово", 3 авг. 1916 г.

окоповъ,—линію надо возобновить. А русскіе продолжаютъ бить изъ пушекъ. Сюда, на работу подъ снарядами, и посылали германцы пригнанныхъ съ обозомъ людей. Нашъ солдатъ-развѣдчикъ заинтересовался, что за люди эти рабочіе. Замѣтивъ, что кое-кто изъ бывшихъ здѣсь крестьянъ бесѣдовалъ съ караульною командою при рабочихъ, татаринъ по-латышски разспросилъ о загадочныхъ людяхъ. Оказалось, что это—нѣмецкіе каторжники изъ германскихъ тюремъ. Здѣсь была партія въ 300 человѣкъ изъ баварскихъ каторжныхъ тюремъ.

По предложенію германскихъ властей, изъ каторжныхъ тюремъ вызывались охотники въ рабочія команды для работъ въ наиболѣе тяжелыхъ и опасныхъ мѣстахъ.

Вскорѣ за татариномъ изъ-за Двины вернулся другой нашъ развѣдчикъ. Онъ былъ глубже Уссеинова въ тылу германцевъ и около Биржъ наблюдалъ странныя работы большихъ партій нѣмецкихъ рабочихъ. Всѣ эти рабочіе имѣли очень болѣзненный, заморенный видъ. Лица у всѣхъ были впалыя, желтыя. Одѣты были эти рабочіе въ старое солдатское платье, но безъ погонъ и петличекъ. Солдатскія фуражки на головахъ были безъ кокардъ.

Нѣсколькими партіями этихъ рабочихъ въ разныхъ мѣстахъ по рѣкѣ дѣлались опыты съ какими-то чанами и насосами. Чаны были изъ желѣза въ палецъ и больше толщиною. Большіе, половинчатые. Въ каждую половину можно было помѣстить лошадь съ телѣгою. Чаны эти складывались и быстро склепывались, опускались въ воду. Затѣмъ ставили насосы и что-то качали.

Близко къ работамъ не подпускались даже германскіе солдаты, не бывшіе въ караульной при рабочихъ командѣ. Поэтому нашъ развѣдчикъ могъ наблюдать работы только издали, съ пригорка, въ полуверстѣ. По сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ, можно думать, что германцы провѣряли пригодность готовыхъ, складныхъ баковъ для наводки большихъ мостовъ на Двинѣ.

Нашъ развѣдчикъ бродилъ здѣсь по округѣ долго, возвращаясь время-отъ-времени къ Биржамъ для наблюденія за работами. На восьмыя сутки, ночью, онъ замѣтилъ на стоянкѣ рабочихъ большой переполохъ. Замелькали огни. Выгнали рабочихъ изъ бараковъ, началась провѣрка. Пошли поиски. Видимо, кто-то бѣжалъ.

На счастье, нашъ развѣдчикъ въ эту ночь ночевалъ на другой сторонѣ рѣчонки. Онъ оттуда подъ-утро слышалъ дикіе крики, вопли, а потомъ выстрѣлы. Съ восходомъ солнца всѣ рабочіе были собраны въ три большія партіи, окружены усиленнымъ конвоемъ и угнаны въ глубь тыла, по дорогѣ на Шавли.

Черезъ два дня развѣдчикъ узналъ, что и здѣсь, у Биржъ, работали также германскіе каторжники. Работы въ заклепанныхъ бакахъ, подъ водою, на днѣ рѣки, были очень тяжелыя. Заморенные каторжники то-и-дѣло падали безъ сознанія. Грозили разбѣжаться. Имъ было объявлено, что за побѣгъ одного отвѣчаютъ всѣ товарищи по партіи: разстрѣляютъ всю партію. Одинъ и не выдержалъ. Бѣжалъ, оставивъ записку:

— Я изъ каторжной тюрьмы самъ вызвался на военныя работы, но здѣсь хуже всякой каторги. Другіе—какъ хотятъ, а я бѣгу. Пусть, поймавъ меня, и казнятъ. Смерть легче такой жизни. Если палачи, какъ обѣщали, станутъ казнить за меня, за мой побѣгъ, и товарищей по партіи, я не мучаюсь совѣстью. Право, пусть лучше они сразу кончаютъ съ ними. Если властные палачи погубили Германію, не пожалѣвъ народа, станутъ ли они жалѣть насъ, осужденныхъ?

Въ исполненіе угрозы за побѣгъ одного было тутъ же разстрѣляно 15 человѣкъ, а такъ какъ даже солдаты разстрѣливали съ явнымъ неодобреніемъ казни, то остальныхъ изъ партіи, чтобы казнью ихъ не бить солдатъ по нервамъ, какъ и всѣхъ рабочихъ-каторжанъ, увели тотчасъ же куда-то на новое мѣсто.

Понятно, что при такихъ условіяхъ въ Курляндіи не только нѣтъ уже добровольныхъ охотниковъ на германскія военныя работы и обозныя службы, но и силою брать уже некого. Германцамъ и приходится вызывать изъ Германіи каторжниковъ. Даже каторжницъ. На обратномъ пути отъ Либавы въ сторону Митавы, нашего латыша догналъ обозъ. Обозъ былъ большой. Послѣ оказалось, что онъ шелъ не одинъ. За нимъ слѣдовали еще шесть такихъ же обозовъ. Обозы эти были конные и везли на большихъ фурахъ длинныя жерди, заготовленныя для свай бревна съ желѣзными кольцами наверху, желѣзные костыли. Два обоза везли что-то въ родѣ морскихъ минъ. Близко разглядѣть было нельзя. По дорогѣ на столбахъ были приказы на латышскомъ и нѣмецкомъ языкахъ:

— Сегодня и завтра въ такіе-то часы будутъ проходить военные обозы. Подъ страхомъ смерти запрещается подходить близко къ нимъ. Приказано стрѣлять безъ предупрежденія.

Издали можно было разглядѣть, что всѣ обозные солдаты выглядѣли очень моложавыми, а когда обозы останавливались на стоянку, то, несмотря на строгіе приказы, къ этимъ обозамъ, какъ мухи на сахаръ, лѣзли германскіе солдаты изъ ближайшаго штаба: писаря, денщики, конюхи. Заходили изрѣдка и офицеры. И всѣ съ оглядкой.

Загадка объяснилась, когда на одной стоянкѣ нашъ латышъ подошелъ ближе и встрѣтилъ латыша-подростка, сухоручку. Тотъ крался куда-то кустами.

— Куда?—спросилъ латышъ.

— Идемъ вмѣстѣ: пріѣхало много дѣвушекъ, будутъ сегодня танцы на полянѣ въ лѣсу. Мнѣ говорили денщики, что стоятъ на нашей мызѣ.

— Какія дѣвушки? Откуда?

— А цѣлый обозъ. Сзади еще идутъ. При обозѣ вмѣсто кучеровъ все бабы. Есть много молодыхъ. Пойдемъ. Идутъ и наши латыши, кто тутъ остался.

Пошли. Пробирались съ полчаса лѣсомъ отъ стоянки обоза,—на полянѣ, большой и укромной, солдаты парами пляшутъ, сидятъ, обнимаются. Разглядѣлъ: обозные солдаты всѣ женщины, одѣтыя по-солдатски, въ штаны, только, какъ и каторжанки-рабочіе, безъ кокардъ и погонъ. Выяснилось, что и это были охотницы изъ каторжныхъ тюремъ, которыя по доброй волѣ согласились смѣнить каторгу на обозную службу подлѣ боевыхъ позицій. Но жизнь этихъ каторжницъ шла, очевидно, много легче и веселѣе, чѣмъ жизнь каторжниковъ на окопныхъ работахъ. Обозы съ ними охранялись отъ стороннихъ глазъ, но на стоянкахъ, видимо, глаза начальства закрывались на строгіе приказы. Тутъ устраиваются цѣлыя оргіи. Начальство строго смотритъ лишь за однимъ,—чтобы эти бабьи обозы не развозили заразныя болѣзни. Поэтому всѣ возницы подъ строгимъ медицинскимъ надзоромъ: при каждомъ обозѣ фельдшерица, а чуть-что сомнительное,—на стоянкѣ строгій докторскій осмотръ, и больныя строго отдѣляются.

Этотъ же латышъ передавалъ случай, который весьма возможенъ,—его слѣдовало ожидать отъ германцевъ—но который такъ важенъ, что требуетъ не одиночнаго лишь пока-

занія, а болѣе провѣренныхъ, несомнѣнныхъ доказательствъ. Съ другой стороны, все же необходимо отмѣтить голое сообщеніе, не дѣлая пока общихъ выводовъ. Дѣло было на приморской дорогѣ изъ Германіи, отъ Мемеля на Либаву. Латышъ увидѣлъ идущій навстрѣчу ему обозъ со тщательно укрытыми возами. Шли грузовыя самоходныя платформы, но шли не собственною тягою, а въ конской запряжкѣ. На каждой платформѣ стояло по пулемету. Клади было на каждой платформѣ немного, но кладь была плотно укрыта хорошими рогожами и крѣпко увязана веревками. Обозъ усиленно охранялся полевыми жандармами и особою здѣсь конною приморскою полиціей. Впереди и сзади обоза шли большіе конные разъѣзды.

Заинтересованный таинственнымъ обозомъ, латышъ вернулся назадъ и на перекресткѣ дорогъ, гдѣ было болѣе открытое мѣсто, удобное для осмотра, взлѣзъ въ сторонкѣ на высокое дерево. Когда обозъ сталъ подходить къ перекрестку, съ боковой дороги подъѣхалъ на самоходѣ, въ сопровожденіи взвода солдатъ, какой-то важный германскій генералъ. Онъ остановилъ обозъ. Долго разспрашивалъ что-то у обознаго начальника. Пересчиталъ возы, велѣлъ снять брезенты, провѣрилъ подъ ними всѣ кипы въ рогожѣ и, наконецъ, приказалъ вскрыть одну кипу. Кипу обступили всѣ,— и офицеры, и солдаты. Генералъ смотрѣлъ что-то, давалъ смотрѣть офицерамъ, а потомъ роздалъ что-то солдатамъ. Солдаты кланялись, радостно кричали,—видимо, благодарили.

На другой день латышъ, пробираясь уже слѣдомъ за обозомъ, узналъ отъ жителей, мимо которыхъ проходили возы съ таинственною кладью, что конвойные при обозѣ солдаты показали новенькія русскія бумажныя деньги въ три и пять рублей,—говорили, что генералъ далъ имъ на память о цѣнномъ грузѣ, который они везли.

Какія это были русскія деньги? Какъ онѣ появились въ Германіи, и куда, для чего ихъ цѣлымъ обозомъ везли въ сторону Курляндіи,—пока, конечно, область догадокъ и соображеній, но вѣрнѣе всего, что это—фальшивыя бумажки казенной германской работы. Вопросъ, требующій серьезнаго и точнаго обслѣдованія.

Слышалъ отъ одного швейцарскаго подданнаго:

За два года до настоящей войны Вильгельмъ II пріѣхалъ

на маневры въ Швейцарію и по окончаніи маневровъ просилъ показать ему стрѣльбу швейцарскихъ войскъ. Показана была стрѣльба съ близкихъ разстояній, и кайзеръ былъ удивленъ необычайной мѣткостью швейцарскихъ стрѣлковъ. Онъ пожелалъ видѣть стрѣльбу на дальнія разстоянія. Подняли мишени вверхъ въ горкѣ, и по окончаніи стрѣльбы кайзеръ полѣзъ лично осматривать мишени и былъ пораженъ достигнутыми успѣхами. Послѣ этого визита германцы стали строить крѣпость Иштейнъ противъ Базеля со всѣми усовершенствованіями, и передъ настоящей войной крѣпость была совершенно готова.

Каждый швейцарецъ имѣетъ все вооруженіе, снаряженіе дома, и мобилизація свершается на полномъ ходу въ нѣсколько часовъ, при чемъ призываемыхъ просятъ (не приказываютъ) захватить провіантъ на нѣсколько дней.

Въ день объявленія войны Франціи Германіей въ Швейцаріи были призваны подъ знамена всѣ возрасты отъ 17 до 60 лѣтъ, и почти вся швейцарская армія, оставивъ небольшой заслонъ противъ Австріи, стала у Базеля въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ изъ Иштейна мимо Базеля удобнѣе всего было вторгнуться изъ Германіи, черезъ Швейцарію, во Францію. Призывные были вызваны изъ всѣхъ странъ свѣта. Швейцарская армія была совершенно готова и со средоточена гораздо раньше, нежели это успѣли сдѣлать германцы. Такимъ образомъ щвейцарцы обезпечили свой нейтралитетъ и заградили дорогу во Францію. Сосредоточенныя германскія войска нещадно бранили швейцарцевъ. Швейцарскія войска въ первый же день мобилизаціи срубили вѣковые лѣса на склонахъ горъ и обратили ихъ въ грозныя засѣки. Войска не распущены и по сіе время и охраняютъ цѣлость своей страны.

Въ Москвѣ арестованъ крупный торговецъ хлопкомъ П. Ш. Поряляковъ по обвиненію въ причастности къ преступной организаціи, скупающей золото для Германіи. Этотъ господинъ значился также русскимъ и турецкимъ подданнымъ.

Г. Буханцевъ [1]) передаетъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ на Рижскомъ фронтѣ N-ской стрѣлковой дивизій.

[1]) „Веч. Вр." 4 авг. 1916 г.

Про N-скую стрѣлковую дивизію я уже давно слышалъ восторженные отзывы. Про нее даже сложились цѣлыя легенды. Судить о ея доблести можно уже потому, что германцы обѣщали уничтожить ее до послѣдняго солдата.

Нѣмцы познакомились съ ней еще подъ Варшавой, когда доблестные полки ураганнымъ натискомъ опрокинули врага и показали силу русскаго оружія.

Въ послѣднемъ бою на рижскомъ фронтѣ N-ская дивизія, несмотря на всѣ мытарства двухлѣтней міровой войны, оказалась снова на высотѣ своего боевого достоинства. Ея полки безстрашно шли въ атаку и своимъ примѣромъ воодушевляли сосѣднія части.

У N-ской дивизіи за эту и японскую войну выработались особыя традиціи: драться до послѣдней капли крови, не вступать съ непріятелемъ ни въ какіе переговоры, умирать но не сдаваться въ плѣнъ...

Кто не помнитъ геройскій подвигъ прапорщика Обертынскаго, славнаго офицера N-ской дивизіи...

Вотъ полковой командиръ Ивановъ-Мумжіевъ, идущій подъ ураганнымъ огнемъ непріятеля въ атаку со своимъ полкомъ. Въ самый разгаръ боя полковнику доносятъ, что убитъ батальонный командиръ Гасыбовъ, и тяжело раненъ другой... Онъ бросается впередъ и лично руководитъ боемъ. Рвется снарядъ... Командиръ падаетъ контуженный. Въ этотъ моментъ ему кажется, что его полкъ уже погибъ...

— Боже мой, что я сдѣлалъ со своимъ полкомъ!

Но сейчасъ же приходитъ въ себя и собираетъ геройскія роты. А. сбоку въ это время, какъ львы, дерутся остальные полки...

Нужно было видѣть N-скую дивизію въ этомъ страшномъ, кошмарномъ бою (3—8 іюля), когда всѣ полки шли въ бой, какъ одинъ человѣкъ. Здѣсь было сплошное геройство...

И вотъ среди этого ада, всюду можно было видѣть командира геройской дивизіи, георгіевскаго кавалера двухъ степеней. Тутъ же, подъ градомъ свинца, боевой генералъ спокойно отдаетъ распоряженія...

Вотъ почему меня тянуло къ N-мъ.

Случай выдался, и я поѣхалъ вмѣстѣ съ представителями трофейной комиссіи.

— Добро пожаловать, господа!—просто встрѣтилъ насъ генералъ.

Мы засыпали его вопросами.

— Вамъ нужны герои... Ихъ у насъ много, но, къ сожалѣнію, большинство пало на этомъ гибломъ мѣстѣ.

И генералъ съ особой любовью разсказываетъ про своихъ любимцевъ.

— Въ этомъ бою всѣ дрались молодцами.

Въ полкахъ насъ встрѣтили, какъ родныхъ.

Поручикъ Зайченко, герой славнаго полка, о своихъ подвигахъ разсказываетъ нехотя, а все говоритъ о товарищахъ.

Про него разсказываютъ удивительныя вещи. Какъ-то нѣмцы довольно сильно начали забрасывать окопы бомбами и минами. Это надоѣло поручику. Онъ досталъ нѣсколько котелковъ, начинилъ ихъ пироксилиновыми шашками съ гвоздями и прочимъ желѣзнымъ хламомъ. Пристроилъ ихъ къ бомбомету и давай забрасывать нѣмецкіе окопы. Германцы всполошились, такъ какъ котелки рвались съ оглушительнымъ взрывомъ, нанося большія поврежденія. Одинъ котелокъ не разорвался, и нѣмцы были поражены своеобразной миной. Въ эту же ночь нѣмцы кричали намъ:

— Эй, русскій, зачѣмъ котелки разбрасываешь!

А то разъ, онъ пристроилъ къ небольшимъ санкамъ большую ракету и пустилъ ночью къ нѣмцамъ. Картина была грандіозная. По полю мчится какое-то огненное чудовище. Нѣмцы открыли бѣшеный огонь изъ артиллеріи и пулеметовъ. Солдаты видѣли, какъ нѣмцы бросились бѣжать изъ своихъ окоповъ.

Каждый день онъ что-нибудь да придумаетъ для нѣмцевъ. За всю кампанію Зайченко былъ три раза раненъ. Вся его жизнь на войнѣ—это сплошное приключеніе.

— Государство не даромъ деньги платитъ, значитъ, нужно работать,—это его лозунгъ.

Въ каждомъ полку мы находимъ свою исторію, своихъ героевъ. Вотъ полковой знаменосецъ. Во время сильнаго боя. снарядъ разорвался почти подъ ногами у него. Знамя разорвало и сломало на нѣсколько частей, солдата далеко отбросило въ сторону, винтовку сломало, а самъ онъ остался живъ. Отряхнувъ землю, онъ сейчасъ же сталъ у сломаннаго знамени.

За четыре дня пребыванія въ славной дивизіи передо мной промелькнули десятки героевъ, о которыхъ можно написать огромную книгу.

Интересно описаніе одного изъ боевъ на южномъ фронтѣ въ настоящее блестящее наше наступленіе[1]).

[1]) „Рус. Сл." 4 авг. 1916 г.

Дружной, тѣсной семьей сидимъ всѣ на батареѣ, возлѣ окопа.

Рабочій боевой день кончился. Только-что отобѣдали. Весело, пріятно, хорошо...

— Вашбродь! Вашбродь! Ихъ высокобродіе командиръ батареи просятъ васъ къ телефону, — докладываетъ телефонистъ.

Поднимаешься нехотя, съ лѣнцой, берешь въ руки телефонную трубку.

Лица у всѣхъ вытягиваются, прислушиваются.

— Слушаю! Я, Михаилъ Антоновичъ! Я слушаю васъ...

Минута-другая напряженнаго молчанія...

Кладешь телефонную трубку. Любопытные взоры офицеровъ обращены на тебя.

Съ нѣкоторой серьезностью говоришь имъ, что командиръ дивизіона приказалъ прибыть немедленно къ нему командирамъ батарей и офицерамъ-наблюдателямъ дивизіона. Предстоитъ, какъ сказалъ командиръ батареи, нѣчто серьезное.

Настроеніе у всѣхъ перемѣнилось. Одинъ беретъ въ руки газету, другой укладывается на гинтерѣ спать. Каждый предвидитъ себѣ работу.

Подали лошадь. Минутъ пять ѣзды,—и землянка командира дивизіона полковника И, — героя еще первыхъ дней войны и георгіевскаго кавалера. Землянка низкая, тѣсная.

Тутъ всѣ уже въ сборѣ. Ждутъ только командира 2-й батареи.

А вотъ и онъ, усталый, запыхавшійся. Молодой подполковникъ съ Георгіемъ въ петлицѣ,—герой еще японской войны. Георгія получилъ уже здѣсь.

— Ну, господа,—началъ командиръ дивизіона, — время сейчасъ особенно дорого. Сообщу вамъ пріятную новость. Господа!.. мы... наступаемъ!..

Полковникъ произнесъ эти слова съ нѣкоторой растяжкой, торжественностью, какъ-будто выжидая, какое впечатлѣніе произведутъ они.

— Слава Богу! Слава Богу!.. Давно пора!.. — облегченнымъ вздохомъ вырвалось у всѣхъ.

— Я прочту, господа, приказъ начальника дивизіи.

«Командующій арміей приказалъ И—му корпусу атаковать противника въ направленіи на сѣверо-восточный край мѣстечка Б. Главный ударъ наноситъ И. пѣхотная дивизія.

Для чего приказываю:

Лѣвый боевой участокъ: полковнику В. съ 4-ми батальонами А—скаго полка занять къ ... часамъ утра исходящее положеніе на участкѣ отъ рощи, что у господ. дв. А до высоты ... исключительно...

Правый боевой участокъ: В — скому пѣхотному полку, подъ командой полковника М., къ тому же времени занять исходное положеніе правѣе А—скаго полка, что на участкѣ исключительно отъ высоты ... до деревни Б., смѣнивъ Р—скій пѣхотный полкъ.

Означеннымъ полкамъ смѣлымъ и энергичнымъ натискомъ овладѣть первой линіей непріятельскихъ окоповъ и закрѣпиться на нихъ.

Заговорили десятки, сотни орудій, пулеметовъ, бомбометовъ. Наши усилили огонь. Вотъ онъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ напряженія. Кругомъ творится какой-то невообразимый хаосъ, въ безумномъ, дикомъ вихрѣ пляшутъ стихіи.

Не испугался, не дрогнулъ сѣрый герой...

Вотъ они уже у проходовъ... Прошли ихъ, разсыпаются вправо и влѣво... Побѣжали, ринулись въ окопы...

Могучее, грозное «а-а а!» вырвалось изъ сотенъ тысячъ грудей и вмѣстѣ съ ревомъ орудій, рокотомъ пулеметовъ понеслось, покатилось далеко-далеко.

Наши батареи перенесли огонь на тылъ, ходы сообщеній, резервы противника.

Только тотъ, кто видѣлъ, кто пережилъ, перечувствовалъ,— только тотъ можетъ понять, что за страшный, душу леденящій это былъ огонь. Его не опишешь, о немъ не разскажешь.

Противникъ, притаившись, видимо, только и ждалъ, когда двинутся въ атаку наши части. Съ безумнымъ дикимъ порывомъ отчаянія бросилъ онъ имъ навстрѣчу сотни орудій и пулеметовъ.

Наши прыгаютъ въ траншеи, завязывается страшный штыковой бой тамъ, въ окопахъ, въ лисьихъ норахъ противника.

Штыки, приклады, ручныя гранаты!..

Страшная безумная месть врагу за скорби, за униженіе.

Нѣтъ милости, пощады,—есть только сила, жажда смерти врагу.

Уже деревня Е.. охвачена полукольцомъ. Вотъ съ сѣверовосточной стороны ворвались въ нее в—цы. Ихъ съ сѣверо-

запада, со стороны высоты ... встрѣтили контръ-атакой германцы. Схватились, сцѣпились въ смертельномъ штыковомъ бою... Вотъ а—цы ринулись, пройдя первую линію окоповъ, съ лѣвой стороны въ д. Е.

Нѣмцы не выдержали,—бѣгутъ къ высотѣ.

Десятки пулеметовъ косятъ оттуда фланговымъ огнемъ.

Вотъ въ сторонкѣ, почти рядомъ съ наблюдательнымъ пунктомъ, карьеромъ выкатился взводъ нашей 2-й батареи. Прямой наводкой лупитъ по окопамъ на высотѣ...

Наши уже ворвались въ д. Е. Уже ф. М. занятъ нашими. Бѣгутъ ко второй линіи укрѣпленій.

Тамъ еще нѣсколько полосъ проволочныхъ загражденій,—нужно ихъ преодолѣть...

Уже вечеръ. Темнѣетъ... У второй линіи наши залегли.

Звоню къ командиру, прошу у него разрѣшенія перейти впередъ, ближе къ д. Е.

Мой телефѳнистъ уже тащитъ катушку съ проводомъ, а М. снимаетъ трубу. Лихорадочно бѣжитъ впередъ. Скорѣе бы добраться, добѣжать,—возстановить бы опять связь съ батареей. Помочь бы, если нѣмцы перейдутъ въ контръ-атаки,—помочь закрѣпиться.

Бѣжишь съ лихорадочной поспѣшностью впередъ, что-то несетъ тебя, точно на крыльяхъ.

Роемъ, точно мухи, навстрѣчу несутся пули. Ихъ не слышишь, не ощущаешь.

Только видишь и бѣжишь все впередъ... Скорѣе бы возстановить связь съ батареей.

Огромнымъ заревомъ пожара вспыхнула деревня Д. Догораютъ остатки ея.

Пришли на мѣсто,—новый наблюдательный пунктъ въ окопахъ первой линіи германцевъ. Они уже приспособливаются, закрѣпляются нашими. Только наладили связь съ батареей. Спокойнѣе, бодрѣе чувствуешь себя.

А пушки гремятъ и гремятъ. Устало, какъ-то хрипло дробью пулеметы, «крякалки» германцевъ садятъ и садятъ по своимъ, а теперь уже нашимъ окопамъ. Однако, усталость, страшная нечеловѣческая усталость, чувствуется во всемъ. Глаза слипаются, валишься съ ногъ. Съ батареи передали, что мнѣ на смѣну идетъ поручикъ Д. Апатія, какое-то отупѣніе сковали тѣло, мозгъ. Сказывается страшная работа нервовъ, волевого напряженія.

Повели плѣнныхъ; ихъ около 300.

Санитары подбираютъ раненыхъ, собираютъ убитыхъ. Иногда пронесется страшный, душу раздирающій крикъ «ай-ай!» раненаго. Тамъ, гдѣ-то, крикнули «ура». Звучно, громко. Затрещали пулеметы, забухали опять батареи.

При каждомъ пополненіи новички вмѣстѣ со старыми отправлялись на развѣдку. Надо отдать справедливость этимъ пополненіямъ: они были большею частью изъ послѣднихъ призывовъ,—представители, такъ-сказать, «Молодой Россіи», потомки чудо-богатырей. И они, эти молодыя силы Россіи, не только поддержали доблесть и славу своихъ предковъ, но во многомъ и превзошли ихъ. Сколько разъ приходилось удивляться хладнокровію и безразличному спокойствію этихъ юныхъ орлятъ во время ежедневнаго артиллерійскаго обстрѣла нашей позиціи. Ни разрывы обильно бросаемыхъ по насъ легкихъ и тяжелыхъ шрапнелей, ни даже непріятельскіе «чемоданы» не производили особеннаго страха на нашихъ юныхъ героевъ, у которыхъ въ концѣ создался особенный шикъ—при всякихъ порученіяхъ слѣдовать не по ходамъ сообщенія, а поверхъ окоповъ.

Не имѣя возможности противостоять нашему могучему наступленію, вотъ на какія хитрости пускаются австрійцы, по словамъ корреспондента [1]).

— Ну, сегодня, братцы, сиди тихонечко, говоритъ артиллеристъ, пробираясь по рву къ телефону.

— Стрѣлять будете?

— Надо будетъ. По моему, я открылъ у нихъ новую батарею.

— Гдѣ?

— А вотъ посмотрите сюда. Видите бѣлый домъ со снятой крышей?

— Вижу.

— А за нимъ колокольню видите?

— Вижу.

— И куполъ видите?

— Вижу. Ну, такъ что же?

— А то, что до сегодняшняго дня ни колокольни, ни купола не было.

— Какъ же такъ?

— Очень просто.

---

[1]) „Нов. Вр.“ 8 августа 1916 г.

— Но, надѣюсь, австрійцы у насъ еще церквей не строятъ?

— Разумѣется. Но они, дорогой мой, очень привыкли къ тому, что мы по церквамъ не стрѣляемъ.

— Ну?

— И ихъ поддѣлываютъ. Ставятъ вышку, увѣнчиваютъ ее куполомъ, на куполъ громоздятъ блестящій крестъ и сажаютъ подъ эту штуку наблюдателя. Да, вотъ сейчасъ увидимъ

И артиллеристъ пошелъ къ телефону.

Минутъ черезъ десять откуда-то сзади послышались выстрѣлы—наша ближайшая батарея открыла огонь. Сначала рѣдко, потомъ чаще и, наконецъ, высыпала подъ рядъ три очереди и замолкла.

Смотримъ въ трубу и дивимся: ни колокольни, ни купола нѣтъ.

— Видѣли?

— Чортъ ихъ знаетъ...

— То-то и есть. А вы подумайте — если бы это была настоящая деревянная церковь, такъ она бы ужъ давно горѣла отъ такого обстрѣла, а здѣсь—ничего, ни дымка. Да и горѣть-то нечему: жерди разсыпались и куполъ слетѣлъ... Вотъ и все. Просто!

Недавно видѣлъ на Виндавскомъ вокзалѣ монахинь въ своемъ монашескомъ одѣяніи съ повязками Краснаго Креста. Такихъ монахинь не удавалось встрѣчать за все время войны.

5-го августа. Король Фердинандъ уѣзжаетъ въ Синайсо, а Братіано въ Флорику. Обыкновенно такъ поступаютъ политическіе дѣятели наканунѣ важныхъ событій.

11—14 августа. Германскій флотъ 6-го августа сдѣлалъ попытку войти въ Сѣверное море, въ составѣ 60 вымпеловъ, но лишь только на горизонтѣ появились британскіе развѣдчики, какъ флотъ адмирала Шеера, показавъ кулакъ англичанамъ, возвратился восвояси. Германскій адмиралъ можетъ себя утѣшить тѣмъ, что германскія подводныя лодки взорвали два британскихъ развѣдочныхъ крейсера, но за то нѣмцы потеряли большой германскій линейный корабль типа „Нассау“, который при преслѣдованіи взорвала британская подводная лодка E23.

Такимъ образомъ вторичное появленіе большого герман-

скаго флота въ Сѣверномъ морѣ кончилось неудачей, и онъ обнаружилъ свое полное безсиліе передъ англійскимъ флотомъ.

За эти дни произошли событія большой исторической важности: первое—наступленіе на Балканахъ генерала Саррайля и второе—начало наступленія генерала Юденича надъ авантюрой германо-турецкихъ стратеговъ обойти его ловкій флангъ.

Контръ-маневры русскихъ войскъ на Кавказѣ противъ Изета-паши генералъ Юденичъ началъ разъединеніемъ войскъ Халиля-паши отъ войскъ Изетъ-паши занятіемъ Ішнуэ, Кале къ югу отъ Урмійскаго озера, а затѣмъ разгромомъ у с. Раята, на Мосульскомъ направленіи, неподалеку отъ Ревандуза, 4-й турецкой дивизіи съ плѣненіемъ 10 и 11 турецкихъ пѣхотныхъ полковъ.

Задерживая первоначально съ фронта наступленіе турецкихъ войскъ, занявшихъ Мушъ и Битлисъ, ген. Юденичъ перешелъ здѣсь въ наступленіе и взялъ г. Мушъ. Другія части его войскъ перешли хребетъ Биниль-Дагъ и начали наступать противъ лѣваго фланга войскъ Изетъ-паши въ Діарбекирскомъ направленіи. Къ какимъ результамъ приведетъ эта операція нашего даровитаго полководца, узнаемъ вѣроятно скоро. Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщаетъ, что тамъ операціи развиваются успѣшно.

На западномъ фронтѣ съ 1-го по 15-ое августа были незначительныя передвиженія нашихъ войскъ; мѣстами частыя контръ-атаки противника и отраженіе ихъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ.

Въ Бухарестѣ въ воскресенье, 14 августа, при участіи румынскаго короля, всѣхъ министровъ и представителей партій состоится коронный совѣтъ.

Вильгельмъ, какъ сообщаетъ „Агентство Вольфа“, отпраздновалъ день рожденія Франца-Іосифа въ австрійской главной квартирѣ, вмѣстѣ съ эрцгерцогомъ Фридрихомъ и генераломъ Фалькенгайномъ.

Послѣ оффиціальнаго торжества состоялся военный совѣтъ, продолжавшійся свыше трехъ часовъ, затѣмъ кайзеръ отправился въ свою ставку.

Вопреки обыкновенію, никакихъ рѣчей кайзеръ не произносилъ.

Финляндскія масляныя фирмы ходатайствовали передъ сенатомъ о вывозѣ 60.000 пудовъ въ Англію и Швецію. Когда же петроградскіе купцы пожелали купить это масло, то они получили только 28.000 пудовъ и Петрограду приходится получать только изъ Сибири.

Видимо господамъ финляндцамъ желательнѣе и выгоднѣе спускать масло на западъ, въ Швецію, а по нашему мнѣнію просто въ Германію, черезъ Швецію.

Чудеса творятъ нѣкоторые послѣдователи князя Мещерскаго, умершаго редактора „Гражданина"; Булацель, редакторъ „Россійскаго Гражданина", взятаго нынѣ подъ предварительную цензуру, позволилъ себѣ въ своей газетѣ крайне неприличную выходку противъ Англіи, нашей союзницы, и принужденъ былъ поѣхать извиняться къ англійскому послу.

Корреспондентъ „Нов. Времени" [1]) передаетъ, что на р. Стырѣ тянется рядъ деревень «колоній». Здѣсь жили до войны „лояльные" колонисты, которые, когда пришли нѣмцы, встрѣтили ихъ съ распростертыми объятіями и съ вѣстью о нашемъ наступленіи покинули свои дома, уйдя за отступающими. Случайно оставшіеся здѣсь на мѣстахъ старики малороссы разсказывали мнѣ много интереснаго о жизни австро-нѣмецкихъ солдатъ. Между прочимъ изъ многихъ источниковъ въ разныхъ мѣстахъ тѣ же жители передавали, что нѣмцы съѣли всѣхъ собакъ и кошекъ, при чемъ жители даже присутствовали при этомъ. Одинъ охотникъ особенно горевалъ, разсказывая, какъ на сковородкѣ, принадлежавшей его старухѣ, зажарили его любимую гончую. „И собака пропала, да и сковородку испоганили, прости Господи"—говорилъ онъ со слезами на глазахъ.

Войска генерала Лечицкаго втиснули и забили въ Карпаты австрійскія войска и такимъ образомъ обезпечили свое лѣвое крыло.

Интересный необычный смотръ (первые шаги адмирала А. В. К. воспроизводитъ корреспондентъ Русскаго Слова) [2]):

— Помню, недавно встрѣтился я съ пріятелями-моряками въ Ялтѣ,—разсказываетъ писатель А. Тамаринъ на столбцахъ „Воен. Вѣстн.".

---

[1]) „Нов. Вр." 11 авг. 1916 г.

[2]) „Русск. Сл." 14 авг. 1916 г.

Въ порту и на волнорѣзѣ суета. Толпы валятъ къ берегу.

— Что такое?

— Миноносцы пришли. Князь Т. со своими миноносцами.

Подхожу къ эскадренному миноносцу „С...“ и встрѣчаю одного изъ друзей, старшаго лейтенанта К—на, съ которымъ не встрѣчался 2 года.

— Откуда?

— Изъ-подъ Босфора. Ловили нѣмецкія подводки. Много ихъ нынче развелось.

— Удачно?

— Какъ сказать!? Одну, будто, усадили на донышко. Масло показалось. Да и то хорошо, что отогнали ихъ отъ нашихъ береговъ. Вообще, нынче онѣ сократились.

— Какъ адмиралъ?

— Нашъ К.? Изумительный человѣкъ! Непонятно, когда онъ отдыхаетъ. Три дня мотался съ нами въ морѣ и не сходилъ съ мостика. Безсмѣнную вахту держалъ. Щуплый такой, въ дѣлѣ желѣзобетонный какой-то! Ни усталости, ни надрыва. Спокоенъ, веселъ и бодръ. Только глаза горятъ ярче. Увидитъ въ морѣ дымокъ, - сразу насторожится и радъ, какъ охотникъ. И прямо на дымъ.

— Небось, поражены старики ваши!

— Да что ужъ. Ошарашены! Конфузъ полный. Самъ съ мичманами на миноносцѣ рыскаетъ, турецкіе берега шаритъ. Я-то его знаю. Еще на „Пограничникѣ“ передъ самой войной плавалъ съ нимъ.

— Да, о немъ много необычайныхъ исторій разсказываютъ!

— Еще бы! На четырехвесельномъ вельботѣ онъ 12 лѣтъ тому назадъ совершилъ небывалый по смѣлости переходъ по Ледовитому океану на островъ Беннета и затѣмъ съ вещами погибшаго барона Толя на томъ же вельботѣ возвратился обратно. Онъ же на старомъ скверномъ катерѣ, выйдя ночью изъ Владивостока, потопилъ близъ Оленьихъ острововъ четыре японскихъ транспорта съ грузомъ и войсками. А что продѣлывалъ онъ въ эту войну съ нѣмцами! Слыхали, небось, какъ въ Либавскій портъ ворвался на хвостѣ нѣмецкаго миноносца? Въ апрѣлѣ нагналъ миноносецъ „Кронпринцъ“, ворвался за нимъ въ либавскую гавань и у самаго берега потопилъ его и транспортъ „Карлсбадъ“,

а самъ на своемъ миноносцѣ спокойно ушелъ. Здѣсь онъ всего двѣ недѣли, а знаетъ все, будто родился на нашей эскадрѣ. Наши старички и то ворчатъ. Что ни день, то новая работа, отвѣтственная, большая. Прежнихъ прогулочекъ нѣтъ, о нихъ забыли. Нынче—въ море, и пожалуйте бриться.

О А. В. К. говоритъ Севастополь, говоритъ Ялта, о немъ говорятъ всѣ.

Когда нѣсколько недѣль назадъ онъ пріѣхалъ въ Севастополь, на вокзалѣ его встрѣтили начальствующія лица. Старѣйшій изъ моряковъ, вице-адмиралъ Н., поздравилъ съ высокимъ назначеніемъ и выразилъ надежду, что черноморскія волны скоро увидятъ вымпелъ адмирала Колчака.

— Да, скоро!—пробормоталъ адмиралъ.—Черезъ полчаса.

И, къ общему удивленію, онъ прямо съ вокзала поѣхалъ на Царскую пристань и оттуда на простомъ яликѣ къ ближайшему миноносцу.

Черезъ нѣсколько минутъ на миноносцѣ гремѣли якорныя цѣпи, на мачтѣ гордо рѣялъ вымпелъ и взвивались сигнальные флажки:

„По дежурной бригадѣ. Усилить топку, поднять якоря. Въ кильватерѣ выходить въ море".

Ничего непонимающіе командиры судовъ выполнили приказаніе адмирала. Эскадра вышла въ море. Большой эскадрѣ было приказано идти къ Анапѣ, а отрядъ миноносцевъ, подъ командой адмирала К., ушелъ далеко въ море, гдѣ нащупалъ шедшій къ Новороссійску крейсеръ „Бреслау". Миноносцы погнали крейсеръ въ сторону нашей эскадры. На большомъ разстояніи произошелъ бой, извѣстный уже по реляціямъ. „Бреслау" спасся бѣгствомъ только благодаря быстро наступившимъ сумеркамъ при густомъ молочномъ туманѣ.

Адмиралъ К. преслѣдовалъ «Бреслау» въ теченіе всей ночи на миноносцѣ.

Возвратившись въ Севастополь, адмиралъ выразилъ эскадрѣ благодарность за „смотръ". При такихъ условіяхъ ни одинъ адмиралъ доселѣ не производилъ смотра своей эскадрѣ.

Объ адмиралѣ говорятъ много, говорятъ всѣ, а онъ, сосредоточенный, никогда не устающій, дѣлаетъ свое дѣло вдали отъ шумихи. Почти никогда не бываетъ на берегу, зато и берегъ спокоенъ.

Въ Ялтѣ нынче говорятъ:

— Настало мирное время: у насъ К. Можно спать спокойно. Теперь турки не сунутся.

— Вообще,—закончилъ г. Тамаринъ,—молодой адмиралъ за три недѣли своего командованія успѣлъ завоевать большія симпатіи моряковъ и «береговыхъ», и популярность его растетъ со дня на день.

Примѣчаніе. Командующимъ флотомъ Чернаго моря недавно опубликованнымъ Высочайшимъ указомъ назначенъ вице-адмиралъ А. В. Колчакъ.

---

15 августа. Наконецъ таки Италія объявила войну Германіи. Событіе это не вызоветъ особенно важныхъ послѣдствій, т. к. въ дѣйствительности обѣ державы уже давно воевали.

На разсвѣтѣ 12 августа былъ произведенъ налетъ нашихъ гидроаэроплановъ на Варну, сбросившихъ бомбы въ портовыя сооруженія, гавань и противоаэропланныя батареи. Видны были попаданія бомбъ въ судно, стоявшее въ гавани, вызвавшія пожаръ на немъ, и въ мастерскія.

16 августа. День важнѣйшихъ событій. Румынія объявила войну Австріи —а Германія объявила войну Румыніи. Это событіе послѣдовало послѣ ряда двухъгодовыхъ колебаній то въ ту, то въ другую сторону. Послѣдствія выступленія Румыніи трудно исчислить. Гдѣ же плоды такъ называемаго нѣкоторыми нѣмцелюбами таланта Вильгельма. Въ чемъ они выразились къ окончательному разсчету. Теперь почти вся Европа воюетъ. Не состоятъ въ войнѣ Швеція, Норвегія, Данія, Голландія, Швейцарія, Испанія и княжество Монако.—Скажемъ, доброе слово Россіи заслужилъ Сергѣй Дмитріевичъ Сазоновъ, по инціативѣ котораго состоялось свиданіе монарховъ въ 1914 г. въ Констанцѣ, давшее теперь-таки плодотворныя послѣдствія.

Передаютъ, что Фердинандъ болгарскій отправилъ недавно въ Вѣну своего наслѣдника Бориса, который въ австрійской столицѣ игралъ двойную роль. Онъ проявилъ себя всюду германофиломъ, и только съ однимъ лицомъ, принадлежащимъ къ семьѣ Бурбоновъ, молодой наслѣдникъ болгарской короны проявилъ чисто-франкофильскія чувства. Изъ этого

можно заключить, что Фердинандъ Кобургскій, совершенно не увѣренный въ будущемъ, думаетъ въ случаѣ пораженія Болгаріи отказаться отъ трона въ пользу своего сына, который въ этомъ случаѣ немедленно объявитъ себя сторонникомъ державъ согласія.

17—18 августа. Корреспондентъ „Новаго Времени" Смоляниновъ [1]) передаетъ содержаніе фотографическихъ снимковъ, найденныхъ имъ въ блиндажѣ австрійскаго офицера.

Въ одномъ блиндажѣ, повидимому офицерскомъ, лежатъ брошенныя принадлежности для фотографіи, печатныя рамки, ванночки и даже негативы.

На одномъ изображенъ австрійскій окопъ, снятый съ тыла. Благодаря рѣзкости снимка, отчетливо видны солдаты гонведа, стоящіе въ окопѣ, прислонясь къ брустверу спиной, и съ любопытствомъ, ярко запечатлѣвшимся на ихъ смѣющихся лицахъ, любующіеся истязаніемъ русскаго плѣннаго. Его, полураздѣтаго, четыре мадьяра повалили на землю и, навалившись на него всей тяжестью, удерживаютъ на землѣ ничкомъ, въ то время, какъ двое другихъ бьютъ его палками... Въ сторонѣ австрійскій офицеръ прицѣливается ему въ голову изъ винтовки.

На другомъ—сцена привязыванія къ столбу. Русскій солдатъ подвѣшенъ высоко надъ землей и, видимо, обезсилѣвъ, грузно опалъ всѣмъ тѣломъ, удерживаясь на вытянутыхъ, какъ плети, вывороченныхъ рукахъ. Поодаль тотъ же офицеръ, что и на первомъ снимкѣ, надрывается отъ смѣха...

Г. Егоровъ описываетъ въ „Новомъ Времени" [2]) бой французскаго летчика съ нѣмецкимъ подъ Верденомъ.

Въ Верденѣ мнѣ пришлось видѣть поединокъ на воздухѣ: бой французскаго летчика съ нѣмецкимъ. Зрѣлище, захватывающее зрителя буквально до замиранія сердца.

Мы стояли на высокой земляной насыпи, сохранившейся отъ стариннаго бастіона вобановскихъ начертаній. Передъ нами открывался амфитеатръ холмовъ, мѣстами покрытыхъ лѣсомъ. Въ воздухѣ неподвижно висѣли пять-семь французскихъ привязныхъ шаровъ. Вдали, гдѣ холмы раздались, виднѣлся такой же нѣмецкій шаръ. Время отъ времени гремѣли раскаты тяжелыхъ орудій, посылая снаряды въ неви-

[1]) „Нов. Вр." 17 авг. 1916 г.
[2]) Тамъ же.

димую съ нашего мѣста цѣль. Небо въ разныхъ мѣстахъ покрыто тающими и вновь нарождающимися клочьями маленькихъ облачковъ—слѣдами разрыва снарядовъ воздухобойныхъ орудій.

— Смотрите: бошь.

Я различаю въ небѣ рѣзкую черту. Она растетъ, раздваивается. Становятся различимыми очертанія двупланнаго самолета. Размѣры его непрерывно увеличиваются: онъ идетъ прямо къ намъ. Подъ нимъ начинаютъ рваться снаряды, но онъ плыветъ на много выше ихъ и не мѣняетъ курса.

Вскорѣ невдалекѣ отъ него появляется другой самолетъ. Откуда онъ взялся? И почему наша артиллерія перестала стрѣлять въ него?

— Это нашъ,—говоритъ офицеръ.—Начнется перепалка.

Нѣмецъ идетъ почти прямо къ намъ и поэтому его перемѣщеніе въ пространствѣ для насъ едва уловимо. Кажется, что онъ еле движется. Французъ летитъ наперерѣзъ ему, и его движеніе все на виду. Какъ будто онъ настигаетъ нѣмца, а тотъ стоитъ на мѣстѣ. На самомъ дѣлѣ это зрительный обманъ: они оба летятъ съ одинаковой скоростью, сближаясь подъ угломъ.

Наконецъ ихъ курсы пересѣклись. Нашъ летчикъ внезапно взмываетъ въ высь, дѣлаетъ крутой поворотъ, чуть не опрокидываясь на крыло, и

— Пафъ-пафъ-пафъ; пафъ-пафъ-пафъ; пафъ-пафъ-пафъ,—это онъ сыплетъ выстрѣлами изъ пулемета въ нѣмца, летящаго ниже. Нѣсколько мгновеній тянутся, какъ вѣчность. Неужели не попадетъ? Хоть одной пулей? Хоть царапнетъ?

Безъ результата. Самолеты на разбѣгѣ разлетаются въ разныя стороны. Нѣмецкій летчикъ выходитъ изъ круга обстрѣла и поворачиваетъ въ сторону своихъ линій. Неужели такъ и уйдетъ?

Французъ опять дѣлаетъ крутой поворотъ, ловитъ противника въ линію пулемета и вновь сыплетъ выстрѣлами: пафъ-пафъ; пафъ-пафъ-пафъ; пафъ-пафъ-пафъ. И на этотъ разъ все мимо. Какая обида! Но что это съ нѣмцемъ? Онъ наклоняется на крыло, становится отвѣсно, безсильно падаетъ внизъ. Сначала прямо, камнемъ, а черезъ нѣсколько мгновеній—колеблясь, какъ мертвый листъ. Наконецъ-то!

Убитъ? Раненъ? Разобьется на смерть?

— Увидимъ,—отвѣчаетъ офицеръ.

Къ моему удивленію, машина, только-что падавшая

мертвымъ листомъ, останавливается въ воздухѣ, выпрямляется и вновь круто поднимается вверхъ. Какъ ни въ чемъ не бывало. Уходитъ, уходитъ. Но французъ вновь бросается за ней ястребомъ, обгоняетъ, даетъ полукругъ и вновь сыплетъ выстрѣлами. На голубомъ небѣ рѣзко вырисовываются очертанія обоихъ самолетовъ, рѣзко звучитъ дробь пулемета. А-а!—раздается подлѣ меня. Кто-то не выдержалъ напряженія и разразился восклицаніемъ: „падаетъ, падаетъ“.

Самолетъ нѣмца повернулся на крыло, сверкнулъ на солнцѣ всею своею поверхностью и, сіяя, ринулся внизъ. Какъ и въ первый разъ, онъ съ каждымъ мгновеніемъ увеличиваетъ свою скорость. Его еле можно замѣтить. Но вотъ его опять видно яснѣе. Колеблется, какъ кленовый листъ, сорванный съ дерева вѣтромъ. Падаетъ ниже и ниже, однако не столь стремительно. Въ нѣсколько секундъ, можетъ быть пять, можетъ быть двадцать, онъ упалъ, на полверсты, на полторы версты—я не знаю, насколько.

Еще нѣсколько мгновеній, и отъ него останется горсть щепокъ, обрывковъ спутанной проволоки, клочковъ шелковой матеріи и мокрое красное пятно.

Но онъ не упалъ и, кажется, всѣ вздохнули съ облегченіемъ. Совсѣмъ близко отъ земли нѣмецъ справился съ своей машиной, выровнялъ ее и низомъ-низомъ, словно сконфуженный, не осмѣливаясь подняться въ высь еще разъ, полетѣлъ въ свои линіи. Сколько разсказовъ принесетъ онъ своимъ товарищамъ. Дважды около него стояла неминучая смерть. И оба раза своимъ хладнокровіемъ и искусствомъ онъ ушелъ отъ удара занесенной косы.

— Какъ странно, говорю я: нѣмецъ самъ шелъ навстрѣчу нашему летчику; а когда они сблизились, онъ какъ будто уклонился въ сторону, чтобы убѣжать.

— Объясненіе простое. Нашъ самолетъ одномѣстный; пулеметъ у него находится наверху и бьетъ по линіи движенія. Бошъ—это былъ авіатикъ—двухмѣстный. Пулеметъ у него стоитъ, какъ и на нашихъ машинахъ, подобныхъ типовъ, не наверху плана, а на гондолѣ, почти у самой оси пропеллера. При такомъ положеніи онъ не можетъ бить прямо впередъ: слишкомъ много пуль попадало бы въ лопасти пропеллера. Пулеметъ у него перемѣщается по периламъ вправо и влѣво такъ, чтобы пули не задѣвали лопастей. Другими словами, самолетъ для боя долженъ стать къ цѣли нѣсколько бокомъ.

— Нашъ самолетъ, какъ я отчетливо видѣлъ, описалъ передъ началомъ стрѣльбы кривую.

— Они сблизились подъ угломъ. Это давало бошу возможность открыть огонь. Нашъ летчикъ, пользуясь скоростью своей машины, круто уклонился отъ своего курса и затѣмъ сталъ прямо по линіи полета непріятеля. Это дало ему возможность открыть огонь первому, а вы видѣли результатъ. Чтобы спастись, бошъ упалъ внизъ.

— Какимъ образомъ возможно стрѣлять сквозь пропеллеръ? Вѣдь пули должны попадать въ лопасти.

— Лопасть на окружности закрываетъ около 10 градусовъ. Двѣ лопасти—20, т.-е. одну восемнадцатую часть всей окружности. Если бы пулеметъ выпускалъ непрерывно струю пуль, то каждая восемнадцатая пуля попадала бы то въ одну, то въ другую лопасть пропеллера. Остальныя же пули пройдутъ въ промежутки прямо по назначенію.

— Но во всякомъ случаѣ достаточно одной пули, чтобы разбить деревянный пропеллеръ и сверзиться затѣмъ стремглавъ на землю.

— Вы, очевидно, не замѣтили, какъ устроенъ пропеллеръ на самолетахъ этого типа. Лопасти его въ угрожаемыхъ мѣстахъ подкрѣплены стальными пластинками. Пули отъ нихъ отражаются, не вредя самой лопасти. Но есть и другія машины, на которыхъ пулеметъ бьетъ сквозь ось пропеллера. Вы ихъ вѣроятно еще не видѣли.

Въ Американскомъ «New-York Times» появилось недавно воззваніе къ американскому народу императора Вильгельма. Это воззваніе сопровождается нѣсколькими строками воспоминанія о пребываніи въ обществѣ кайзера американскаго судьи изъ нѣмцевъ Альфреда Ниппертa: «24 іюня кайзеръ прибылъ подъ Верденъ привѣтствовать сына по поводу одержанной (?) имъ побѣды. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, кайзеръ пригласилъ меня къ столу. За обѣдъ село 15 человѣкъ. Императоръ былъ въ превосходномъ настроеніи. Обѣдъ состоялъ изъ простокваши, лучшей, какую я ѣлъ въ жизни (!), изъ щуки подъ бѣлымъ соусомъ, жареной телятины съ горошкомъ, цвѣтной капусты и клубники со сливками и золотистаго рейнскаго вина. Послѣ обѣда кайзеръ, закуривъ любимую, свою турецкую папироску, пригласилъ меня прогуляться. Во время этой прогулки кайзеръ много говорилъ о томъ, что онъ вынужденъ былъ объявить эту войну». Далѣе восторженный судья изъ нѣмцевъ говоритъ: «Продолжительная бесѣда съ императо-

ромъ убѣдила меня, что Гогенцоллерны вообще и въ частности императоръ Вильгельмъ принадлежатъ къ тѣмъ немногимъ монархамъ, которые являются вѣрными слугами своего народа». Этотъ же судья удостовѣряетъ передъ своими соотечественниками, что Реймскій соборъ стоитъ не поврежденнымъ, за исключеніемъ незначительныхъ готическихъ украшеній; въ лувенской ратушѣ нѣтъ ни одной царапины».

Плохо приходится кайзеру, если ему приходится прибѣгать къ такимъ защитникамъ, какъ судья гражданскаго суда въ Цинцинатти, Ниппертъ![1]).

Событія высокаго историческаго значенія развертываются передъ нашими глазами. Русскія войска перешли на румынскую территорію, а румыны вторглись въ Венгрію. «Одесскія Новости» извѣщаютъ такъ о Русскихъ войскахъ [2]):

«Русскія войска, перешедшія на румынскую территорію. всюду встрѣчаются восторженно, съ рѣдкимъ энтузіазмомъ. Населеніе проявляетъ къ русскимъ войскамъ горячее чувство симпатіи, прося исполненія русскаго гимна. Возложенныя на русскія войска операціи выполняются блестяще, и это вызываетъ восторгъ среди румынъ, готовыхъ въ самомъ близкомъ будущемъ слиться съ русскими для борьбы съ общимъ врагомъ».

О предстоящемъ выступленіи румынскихъ войскъ румынскій посланникъ въ Парижѣ передаетъ такъ [3]):

Въ тотъ моментъ, когда мы получили сообщеніе, что австрогерманское правительство уже имѣетъ въ своихъ рукахъ нашу ноту объ объявленіи войны, наши войска бросились на непріятельскую территорію. Эту внезапную атаку мы подготовили безъ всякаго шума, мы захватили ею австрійцевъ врасплохъ. Именно, чтобы обезпечить успѣхъ этому первому натиску,—насколько это было возможно и въ нашихъ силахъ, —мы до послѣдней минуты, несмотря на нервность общественнаго мнѣнія, сохраняли въ полной тайнѣ точный срокъ нашего вмѣшательства въ войну. Намъ пришлось сдѣлать все быстро и направить наши усилія туда, гдѣ находятся интересы Румыніи, т.-е. къ сѣверу.

Австро-германскій генеральный штабъ сообщаетъ черезъ Копенгагенъ о наступленіи румынъ 15 августа:

---

1) „Нов. Вр." 17 авг. 1916 г.
2) „Рус. Сл." 18 августа 1916 г.
3) Тамъ же.

На фронтѣ престолонаслѣдника, въ районѣ юго-восточныхъ и восточныхъ пограничныхъ высотъ послышались со стороны Румыніи первые выстрѣлы противъ насъ. Въ проходѣ Красной башни и въ проходахъ къ югу отъ Брасо начались авангардные бои.

Отъ 17 августа слѣдуетъ такое сообщеніе:

Во всѣхъ проходахъ на румыно-венгерской границѣ, на протяженіи 600 километровъ, наши войска вступили въ бой. Непріятель встрѣтилъ всюду упорное сопротивленіе. Однако, сильныя румынскія обходныя колонны продвинулись такъ далеко, что наши передовые отряды вынуждены были планомѣрно отойти на тыловыя, заранѣе приготовленныя позиціи.

Извѣстіе о выступленіи Румыніи произвело во всѣхъ странахъ огромное впечатлѣніе. Оно отозвалось въ сильной степени въ Австріи, Германіи, Франціи, Англіи, Италіи, Японіи и по всей Россіи.

Въ Австріи и Германіи впечатлѣніе было удручающее и угнетенное. По обыкновенію набросились на ошибки своей дипломатіи.

Дабы сгладить это невыгодное впечатлѣніе, кайзеръ съ свойственнымъ ему бахвальствомъ объявилъ войну Румыніи, по рѣшенію союзнаго совѣта.

Невольно возникаетъ вопросъ, почему вѣсть о выступленіи Румыніи произвела повсюду такое потрясающее впечатлѣніе. Отвѣтъ на это ужъ давно послѣдовалъ въ неоднократныхъ неосторожныхъ предсказаніяхъ нѣмецкихъ газетъ, которыя много разъ повторяли, что Румынія пойдетъ только съ побѣдителями.

Теперь всѣмъ стало ясно, какъ дважды два четыре, что если постоянно колеблющаяся Румынія стала на сторону державъ согласія, то за ними несомнѣнная побѣда. Остается невыясненнымъ отмѣнно глупое положеніе Греціи.

Первоначально съ большимъ недовѣріемъ отнеслись къ выступленію Румыніи японцы.

Оно и понятно, почему потомкамъ самураевъ было очень непріятно сознавать, что изъ всѣхъ союзныхъ державъ согласія одна только Японія не повела своихъ войскъ противъ австро-германцевъ въ Европѣ. Давно пора выступить японскимъ войскамъ.

---

19 августа на мѣсто генерала фонъ-Фалькенгайна началь-

никомъ полевого генеральнаго штаба назначенъ фельдмаршалъ Гинденбургъ; генералъ-квартирмейстеромъ назначенъ генералъ Лундендорфъ.

Отставка Фалькенгейна и назначеніе Гинденбурга начальникомъ штаба дѣйствующихъ силъ армій и Лундендорфа — главнымъ квартирмейстеромъ вызвали въ Берлинѣ сенсанцію.

Въ политическихъ и военныхъ кругахъ полное недоумѣніе. Ломаютъ голову надъ загадкой, чѣмъ вызвана опала Фалькенгейна, который особенно вошелъ въ фаворъ кайзера послѣ дерзкой рѣчи въ рейхстагѣ по поводу пресловутаго цабернскаго скандала. Кайзеръ демонстративно приблизилъ тогда къ себѣ Фалькенгейна, карьера котораго быстро пошла вверхъ. Фалькенгейнъ являлся застрѣльщикомъ кампаніи противъ графа Мольтке. На военномъ совѣтѣ послѣ пораженія на Марнѣ Фалькенгейнъ, въ присутствіи кайзера, подвергъ уничтожающей критикѣ планъ дѣйствій Мольтке и добился своего назначенія на его постъ. Послѣ прорыва на Дунайцѣ кайзеръ обратился къ Фалькенгейну съ рескриптомъ, въ которомъ приписывалъ успѣхъ этого дѣла именно ему. Въ послѣднее время, правда, въ руководящихъ кругахъ замѣчалось разочарованіе талантами Фалькенгейна, особенно сказавшееся послѣ побѣдъ Брусилова и успѣховъ союзниковъ на западномъ фронтѣ. Фалькенгейну вмѣняли въ вину то, что онъ не оцѣнилъ русскихъ силъ и слишкомъ довѣрился эргерцогу Фридриху, убѣдившему Фалькенгейна въ неприступности австрійскихъ укрѣпленій въ Буковинѣ и Галиціи.

Вообще же, назначеніе Гинденбурга подняло надежду нѣмцевъ. Газеты горячо привѣтствуютъ это назначеніе, воспѣваютъ гимны кайзеру, призвавшему на отвѣтственный постъ популярнѣйшаго въ странѣ вождя, и совѣтуетъ вѣрить Гинденбургу.

— Если германскому государственному кораблю суждено выбраться изъ бушующаго моря вражескихъ силъ,—пишутъ нѣмцы,—то этого можетъ достигнуть только Гинденбургъ [1]).

Какъ бы тамъ ни было у нѣмцевъ, но внѣ всякаго сомнѣнія, что кайзеръ считаетъ ихъ положеніе несомнѣнно плохимъ если отвлекаетъ съ фронта въ штабъ нелюбимаго имъ Гинденбурга и уже въ третій рядъ мѣняетъ своего начальника штаба.

---

[1]) „Рус. Сл." 19 авг. 1916 г.

Румынская главная квартира сообщаетъ:

Союзныя Императорскія Россійскія войска начали проходить Добруджу и встрѣчены населеніемъ съ энтузіазмомъ. Боевыя единицы русскаго флота прибыли въ Констанцу и содѣйствуютъ оборонѣ побережья Чернаго моря.

Сообщаютъ о первомъ столкновеніи румынскихъ войскъ съ австрійскими.

Австрійскія позиціи были обойдены обходными колоннами румынъ, и австрійцы вынуждены были быстро отступить.

Захвачено въ плѣнъ болѣе 2.000 австрійцевъ, въ томъ числѣ много офицеровъ.

СТОКГОЛЬМЪ, 18 (31), VIII. Изъ Вѣны сообщаютъ:

Въ оффиціальномъ австрійскомъ сообщеніи такъ говорится объ успѣшномъ наступленіи румынскихъ войскъ:

— Выдвинутыя впередъ австро-венгерскія войсковыя части, расположенныя на границѣ, шагъ за шагомъ планомѣрно отступаютъ, согласно распоряженіямъ, сдѣланнымъ еще задолго до начала войны. Румыны заняли Петрочени, Кронштадтъ, Кейзди-Вашаргель. Австро-венгерскія войска ведутъ бой съ сѣверными румынскими отрядами въ горахъ Берги.

По примѣру кайзера Турція объявила войну Румыніи. Вотъ, что творитъ для родины жалкій холопъ Вильгельма Энверъ паша. Радославовъ также полагаетъ, что Болгарія должна объявить войну Румыніи. Сербскія войска вступили въ Румынію, подъ начальствомъ Стефана Гаджича. Гаджичъ герой турецкой и настоящей войны.

---

20 авг. на фронтъ прибыли новые аппараты. Ихъ стали собирать и испытывать. На одинъ аппаратъ летчикъ посадилъ добровольца малоросса пулеметчика и пошелъ на пробу.

Рѣзкій толчокъ въ бокъ заставилъ, однако, пулеметчика отвлечься отъ своихъ мыслей. Живо встрепенувшись, онъ впился глазами въ бритое, энергичное лицо офицера, что-то кричавшаго ему, но что—за шумомъ машины разобрать не было никакой возможности. Наконецъ, кое-какъ знаками свободной руки и кивками головы, офицеру удалось

[1]) „Нов. Вр.“ 18 авг. 1916 г.

обратить вниманіе своего спутника на другой аэропланъ, показавшійся справа и, повидимому, идущій ему наперерѣзъ.

— Що же вінъ, куда лѣзе?.—думаетъ пулеметчикъ, но сосѣдъ не даетъ ему размышлять, спокойно и настойчиво, знаками требуетъ открыть огонь по встрѣчному аэроплану.

— Отъ-то штука какая! Германъ иде...

И пулеметчикъ завозился около своего привычнаго пулемета, но встрѣчный аэропланъ уже уклонился вправо и обстрѣливать его не было невозможно. Зато нѣмцу удалось выпустить часть ленты: пули просвистѣли надъ головой, пробивая крыло, одна засѣла въ сидѣньѣ. Аппаратъ дрогнулъ, но не отъ попаданій, а отъ крутого поворота, сдѣланнаго летчикомъ, очевидно рѣшившимъ идти прямо навстрѣчу нѣмцу.

Но нѣмецъ принялъ вызовъ, и аппараты начали быстро сближаться.,.

Выведенный свистомъ пуль изъ своего равнодушія, пулеметчикъ буквально сросся со своимъ пулеметомъ, не обращая вниманія ни на то, что дѣлается кругомъ, ни на то, что летчикъ все живѣе и живѣе машетъ ему рукой, указывая на пулеметъ, очевидно, требуя отъ него открытія огня, теперь все вниманіе хохла обращено только на нѣмца.

А нѣмецъ все ближе, ближе...

Положеніе тяжелое. Весь вопросъ въ томъ—кто раньше откроетъ огонь. И летчикъ твердой рукой направляетъ машину, стараясь уклониться отъ ея огня и въ то же время слѣдя за каждымъ движеніемъ пулемета, чтобы вывести его на линію кратчайшаго обстрѣла.

Вотъ уже близко. Кажется, до него не болѣе полуторы тысячи шаговъ,—но нашъ пулеметъ молчитъ,

— Да стрѣляй же, стрѣляй же, чортъ возьми!—надрываясь, кричитъ летчикъ сосѣду въ самое ухо.

Но пулеметъ молчитъ, а нѣмецъ уже такъ близко, что въ узкую щель между планами его аппарата рѣзко вырисовываются фигуры летчика и наблюдателя...

— Та-та-та та... Коротко, отрывисто и всего одиннадцать разъ щелкнулъ нашъ пулеметъ, и нѣмецъ, будто оборвавшись, круто пошелъ книзу. Слѣдомъ за нимъ сталъ снижаться нашъ.

Нѣмецъ разбился. Отъ его аппарата остались жалкіе обломки, вокругъ которыхъ столпились солдаты, офицеры...

Среди ихъ оживленнаго говора плавно садится на землю нашъ аппаратъ.

— Что же ты раньше-то въ него не стрѣлялъ?..—кричитъ летчикъ на своего равнодушнаго спутника, медленно вынимающаго изъ гондолы пулеметъ.

— На мушку не словівъ...—мрачно отвѣчаетъ онъ, не отрываясь отъ своего дѣла...

Послѣ продолжительнаго затишья въ частяхъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго нашихъ фронтовъ завязались бои, при чемъ за одно 18 августа взято въ плѣнъ 289 офицеровъ, 15.501 нижній чинъ, 6 орудій, 55 пулеметовъ и 7 бомбометовъ.

На Кавказѣ въ раіонѣ Огнута, на полпути между Эрзерумомъ и Діарбекиромъ, а также къ западу отъ раіоновъ Полисни-Ханы и Эрзинджана турки повели наступленіе.

Румыны успѣшно продолжаютъ наступленіе.

Между Болгаріей и Румыніей прерваны дипломатическія сношенія.

Курсъ нашего рубля поднимается.

Въ Петроградъ прибыла японская миссія и здѣсь повсюду ее чествуютъ.

Въ „Русскомъ Словѣ“ [1]) приведены интересныя подробности о Румынскомъ коронномъ совѣтѣ:

Засѣданіе короннаго совѣта длилось около трехъ часовъ. Судя по многимъ подробностямъ, которыя извѣстны отъ нѣкоторыхъ участниковъ совѣта, засѣданіе имѣло выдающійся интересъ. Самымъ замѣчательнымъ событіемъ совѣта было то, что король, объ истинныхъ намѣреніяхъ котораго мало кто имѣлъ обоснованное мнѣніе, явился на засѣданіе не съ сомнѣ-

---

[1]) „Русс. Сл.“ 20 авг. 1916 г.

ніемъ, ищущимъ вразумленія и внѣшней опоры, а съ твердой волей связать судьбу Румыніи съ Россіей и ея союзниками. Это онъ очень сильно подчеркнулъ въ первой своей рѣчи, которою онъ открылъ совѣтъ. Король сказалъ, что къ этому рѣшенію онъ пришелъ послѣ зрѣлаго обсужденія всѣхъ обстоятельствъ войны, и въ доказательство твердости и искренности своего рѣшенія король сдѣлалъ признаніе, что въ этомъ вопросѣ ему надо было побѣдить самого себя, и что это побѣду онъ одержалъ для объединенія румынскаго народа. Нужна война. Долгъ короля дать династіи эту войну, сдѣлать ее въ единеніи со всей націей.

Король сказалъ далѣе, что вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что война будетъ трудная и, быть-можетъ, продолжительная, но это не должно отвратить рѣшенія. Ромынія можетъ быть создана только путемъ борьбы и жертвъ. Если будетъ упущенъ этотъ моментъ, то другого не будетъ.

— Мы,—сказалъ король,—не призывали этой войны, но она пришла при такихъ условіяхъ, что уклониться отъ нея— значитъ измѣнить долгу.

Въ заключеніе король сказалъ, что вопросъ о войнѣ имъ рѣшенъ безповоротно, и у собравшихся онъ проситъ не совѣта, а поддержки. Въ священномъ для Румыніи дѣлѣ нужно полное національное единеніе, и объ этомъ проситъ совѣтъ. Рѣчь короля произвела на присутствовавшихъ глубочайшее впечатлѣніе.

— Я желалъ бы выслушать мнѣніе несогласныхъ со мною,—сказалъ затѣмъ король и остановилъ свой взглядъ на Карпѣ.

Но Карпъ предпочелъ имѣть мишенью для нападокъ не самого короля, а только единомышленниковъ.

— Я хотѣлъ бы,—возразилъ онъ,—познакомиться съ соображеніями предсѣдателя совѣта министровъ.

Король предложилъ слово Братіану.

Очень обстоятельная рѣчь Братіану была посвящена оправданію его политики за послѣдніе два года, и для нѣкорыхъ изъ его противниковъ,—напримѣръ, для Филипеску,— явилась волнующей неожиданностью. Они не подозрѣвали, что у Братіану, на-ряду съ дипломатической ловкостью, имѣется стройная государственная мысль.

— Противоположность интересовъ Румыніи и Австріи,— началъ Братіану,—мнѣ стала ясна еще въ 1912 году во время балканской войны, когда пришлось выбирать между

Болгаріей и Сербіей. Съ того времени каждый день приносилъ новыя доказательства неестественнаго участія Румыніи въ союзѣ центральныхъ державъ. Въ началѣ войны 1914 года я изъ многочисленныхъ бесѣдъ съ австро-венгерскимъ посланникомъ Черниномъ вынесъ убѣжденіе, что Венгрія не сдѣлаетъ Румыніи никакихъ существенныхъ уступокъ, и что отъ союза съ Австріей и Германіей намъ ждать нечего. Послѣднее оправданіе нашего участія въ союзѣ исчезло съ Выступленіемъ Италіи. Италія представляла въ тройственномъ союзѣ ту каплю латинской крови, которая дѣлала для насъ этотъ союзъ хоть сколько-нибудь терпимымъ. Наше участіе въ войнѣ на сторонѣ державъ согласія стало исторической необходимостью, но въ началѣ войны цѣлый рядъ обстоятельствъ мѣшалъ нашему выступленію, и необходимо было выждать. Съ теченіемъ времени побѣда Германіи стала сомнительной. Теперь она невѣроятна.

— Я отлично понимаю, — продолжалъ Братіану, — что нелегкое дѣло предлагаю Румыніи. Насъ ожидаетъ суровая борьба, можетъ-быть, даже неуспѣхъ. Но мы обязаны вступить на этотъ путь. Съ тѣхъ поръ какъ я подписалъ съ четырьмя великами державами дипломатическое соглашеніе, вопросъ о Великой Рымыніи пересталъ быть этнографическимъ и сталъ вопросомъ политическимъ. Теперь или позже, но онъ будетъ рѣшенъ въ духѣ нашихъ стремленій. Если мы не выступимъ, мы теряемъ все. Но не одними интересами и не однимъ трезвымъ расчетомъ опредѣляется позиція Румыніи. Въ настоящей войнѣ есть національная мораль, и есть политическая честь. Вспомните о героическомъ примѣрѣ Пьемонта. Михаилъ Храбрый потому сталъ героемъ румынской исторіи, что первый боролся за объединеніе румынской націи. Только тѣ, которые будутъ бороться за объединеніе народа, достойны исторической славы Михаила. Предлагая королю войну, я исполняю свой долгъ одновременно передъ Румыніей, передъ королемъ, передъ династіей.

Филипеску, и Таке Іонеску, два года боровшіеся за выступленіе Румыніи на сторонѣ державъ согласія, ограничились въ этомъ совѣтѣ краткими рѣчами. Они горячо поддерживали Братіану и привѣтствовали его.

Таке Іонеску, между прочимъ, сказалъ, что Румынія обязана выступить и въ томъ случаѣ, если ее ждетъ пораженіе. Румынія, не пожелавшая бороться въ настоящемъ, потеряетъ всякое право на побѣду въ будущемъ. Румынскій король, кото-

рый переступитъ черезъ Карпаты, будетъ величайшимъ національнымъ королемъ Румыніи. Сегодняшній день показалъ всѣмъ, что въ Румыніи царствуетъ не иноземная династія.

Король снова обращается къ совѣту съ рѣчью, въ которой еще разъ заявляетъ, что вопросъ о войнѣ имъ предрѣшенъ, и проситъ помнить, что историческая отвѣтственность за этотъ шагъ падаетъ на всю Румынію и противниковъ выступленія одинаково: это—дѣло національное. При этихъ словахъ король всталъ и сказалъ:

— Съ Божіей помощью впередъ!

Засѣданіе совѣта закончено. Первыми покинули дворецъ германофилы. Участники совѣта были поражены твердостью и тонкими сужденіями короля.

Таке Іонеску говорилъ мнѣ сегодня:

— Я убѣлся, что въ Румыніи есть король, а для политическаго дѣятеля это большое счастье.

Король возвратился изъ загороднаго дворца въ городской подъ вечеръ. Онъ самъ правилъ автомобилемъ и былъ одѣтъ въ походную форму.

Толпа устроила ему восторженную овацію.

---

21 августа. Развертываются событія великой исторической важности. Наше грозное наступленіе на Западномъ фронтѣ продолжается. На Кавказскомъ фронтѣ турки выбиваются изъ силъ, производя въ южныхъ направленіяхъ контръ-атаки. Наступленіе въ Трансильваніи идетъ успѣшно.

---

22 августа. На Злочевскомъ и Галичскомъ направленіи бои продолжаются. Нѣмцы направили туда подкрѣпленія изъ Германіи, Франціи и Турецкій Лѣвый флангъ ген. Лечицкаго успѣшно продвигается въ Карпатскихъ проходахъ. На рижскомъ фронтѣ германцы повели наступленіе противъ латышскихъ батальоновъ, которые контръ-атакой отбросили нѣмцевъ съ громадными потерями.

На Кавказскомъ фронтѣ Изетъ-паша дѣлаетъ отчаянныя попытки наступленія отъ Огнута до Кыги. Въ Греціи внутреннія волненія,

---

23 августа. Сегодня годовщина вступленія Государя Императора въ Верховное Главнокомандованіе Дѣйствующей арміей и флотомъ.

29—31 августа. Наши войска успѣшно дѣйствуютъ въ Лѣсистыхъ Карпатахъ въ районѣ горы Капуль, а на Кавказѣ мы овладѣли пирамидальной горой. Французы и англичане дѣйствовали за эту недѣлю успѣшно.

Работы особаго совѣщанія по установленію твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ окрылили спекулянтовъ. Во многихъ городахъ съ рынковъ привозились хлѣбъ и мука.

Спичечный синдикатъ довелъ стоимость спичекъ до небывалыхъ размѣровъ: стоимость ящика спичекъ обходится фабриканту въ 19 рублей, а синдикатъ назначилъ 40 и 42 рубля. Каково бѣднымъ людямъ. Скоро и спичку зажечь будетъ не подъ силу.

Скупщики различныхъ фирмъ разъѣзжаютъ по обильнымъ лѣсомъ мѣстамъ и разыскиваютъ продающіяся лѣсныя земли.

Вотъ какъ справляли въ Царской Ставкѣ 23 августа годовщину Верховнаго Командованія нашими арміями и флотомъ Государемъ Императоромъ [1]):

Въ 10 часовъ утра Его Величество Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, Наслѣдникъ Цесаревичѣ Алексѣй Николаевичъ и Августѣйшія Дочери Ихъ Величествъ, Великіе Князья: Борисъ Владиміровичъ, Георгій Михайловичъ и Сергѣй Михайловичъ, дежурный флигель-адъютантъ Князь Игорь Константиновичъ, начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генералъ-адъютантъ Алексѣевъ, лица Государевой свиты и всѣ чины штаба Верховнаго Главнокомандующаго направились въ штабную церковь на молебенъ.

Ихъ Величества, встрѣченные протопресвитеромъ отцомъ Шавельскимъ съ крестомъ, были привѣтствованны глубоко прочувствованнымъ словомъ, въ которомъ высказана была радость о счастливомъ періодѣ кампаніи съ того момента, какъ Его Величество непосредственно руководитъ русскими силами.

---

1) „Русс. Сл." 25 авг. 1916 г.

Закончилъ о. протопресвитеръ слѣдующими словами: «Вѣрноподданные чины Вашего штаба, готовые послужить Вамъ до послѣдней капли крови, сегодня предстали передъ лицомъ незримо обитающаго здѣсь Господа, чтобы колѣнопреклоненно возблагодарить Его за все, что Онъ черезъ Васъ явилъ намъ,—за то, что Онъ съ высоты Престола Своего благословилъ принятый Вами на Себя подвигъ; за то, что Онъ цѣлымъ и невредимымъ сохранилъ Васъ; за то, что Онъ всему міру показалъ плоды трудовъ Вашихъ,—и молитъ Господа, да и впредь не отступаетъ отъ Васъ благодать и милость Его, да поможетъ Онъ Вамъ достичь той надъ врагами побѣды, которая навѣки прославила бы Ваше имя и возвеличила Ваше царство».

Послѣ молебна Государь Императоръ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ направился въ помѣщеніе штаба, гдѣ были принесены поздравленія Его Императорскому Величеству начальникомъ штаба генералъ-адъютантомъ Алексѣевымъ, походнымъ атаманомъ Великимъ Княземъ Борисомъ Владиміровичемъ, состоящимъ при Его Императорскомъ Величествѣ Верховномъ Главнокомандующемъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Михайловичемъ, полевымъ генералъ-инспекторомъ артиллеріи Великимъ Княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ и начальниками отдѣльныхъ управленій и канцеляріи штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Его Величество, милостиво принявъ поздравленія, обратился къ присутствовавшимъ со словами благодарности за службу, выразивъ при этомъ надежду, что, съ Божіей помощью, при дальнѣйшей дружной работѣ Его штаба и предводимыхъ Его Императорскимъ Величествомъ доблестныхъ арміи и флота все еще сильный врагъ будетъ побѣжденъ.

Наканунѣ Государю Императору благоугодно было осчастливить начальника штаба слѣдующимъ Высокомилостивымъ Собственноручнымъ рескриптомъ:

«Благодарю васъ, дорогой Михаилъ Васильевичъ, отъ глубины души за неутомимо усердные и многополезные труды ваши. Высоко цѣня службу вашу, молю Бога даровать вамъ и впредь силы и здоровья до конца выдержать тяготу возложенной на васъ отвѣтственной работы.

Сердечно васъ любящій и уважающій *НИКОЛАЙ*».

Рескриптъ этотъ былъ объявленъ генералъ-адъютантомъ Алексѣевымъ въ приказѣ по штабу Верховнаго Главнокомандующаго, въ коемъ говорится:

«Безконечно счастливъ объявить Высокомилостивыя слова Государя Императора, въ глубокомъ сознаніи, что они одинаково относятся ко всѣмъ моимъ сотрудникамъ. Проникнемся этими словами и съ горячей вѣрой въ Бога, съ глубокой преданностью нашему Державному Вождю, съ прежней энергіей будемъ работать и впредь на пользу Государю, родинѣ и нашей доблестной арміи, выполняя честно и по мѣрѣ нашего разумѣнія предначертанія нашего великаго Государя».

Принявъ поздравленія, Государь Императоръ приступилъ къ обычнымъ ежедневнымъ занятіямъ съ генералъ-адъютантомъ Алексѣевымъ.

Въ половинѣ перваго въ помѣщеніи штабной столовой Государь Императоръ, Государыня Императрица и вся Августѣйшая Семья осчастливили принять отъ чиновъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго завтракъ. Самое сердечное радушіе, самое искреннее чувство безконечной любви и преданности окружали Ихъ Величества. Около Государя и Его Семьи 23-го августа собрались лица, которыя ежедневно работаютъ съ Державнымъ Вождемъ на пользу родной арміи, на счастье и славу Россіи. Когда Ихъ Величества покидали штабную столовую, то единодушное «ура» раздавалось по улицамъ Царской ставки.

Послѣ завтрака день пошелъ обычнымъ трудовымъ порядкомъ, какъ и всѣ дни въ Царской ставкѣ.

Послѣднія сообщенія изъ Берлина по вопросу объ отставкѣ генерала Фалькенгайна даютъ возможность установить картину несогласія и растерянности, господствующихъ въ высшихъ военныхъ кругахъ Германіи.

Дѣло въ томъ, что генералъ Фалькенгайнъ предлагалъ, будто бы, совершенно измѣнить весь планъ войны, доселѣ осуществлявшійся главнымъ штабомъ, но кайзеръ съ негодованіемъ отвергъ тѣ предположенія, которыя были представлены на его одобреніе.

Генералъ Фалькенгайнъ предвидѣлъ полный разгромъ болгаръ подъ двухстороннимъ натискомъ союзниковъ. Онъ былъ увѣренъ, что, наступая съ сѣвера и съ юга, союзники неизбѣжно отрѣжутъ линію сообщеній австро-германцевъ съ Турціей. Поэтому Фалькенгайнъ находилъ, что слѣдуетъ преклониться передъ неизбѣжностью и теперь же совершенно отказаться отъ веденія кампаніи на Балканахъ.

Затѣмъ Фалькенгайнъ предполагалъ сократить австро-германскій фронтъ на востокѣ, очистивъ большую часть Галиціи и отодвинувшись на линію, которая, проходя черезъ Бѣлостокъ и Брестъ-Литовскъ, на югѣ тянулась бы по теченію Буга. Этому должно было сопутствовать сокращеніе оборонительной линіи также и на румынскомъ фронтѣ отходомъ на оборонительныя позиціи по линіи отъ Оршовы до Дорна-Ватры.

По отношенію къ западному фронту Фальгенгайнъ предполагалъ немедленную эвакуацію всѣхъ областей французской территоріи, занятыхъ нынѣ нѣмцами, и организацію новой системы оборонительныхъ линій отъ Ньюпорта до Лонгви вдоль франко-бельгійской границы и затѣмъ далѣе, до франко-германской границы.

По мнѣнію Фалькенгайна, такая перестройка германскаго плана кампаніи, на основахъ чисто-оборонительной стратегіи, при значительномъ сокращеніи протяженія фронтовъ, парализовала бы силы союзниковъ и сдѣлала бы для нихъ невозможнымъ сломить австро-германское сопротивленіе.

Упорствовать же въ преслѣдованіи настоящаго плана кампаніи при теперешней растянутости фронтовъ—значило бы, какъ утверждалъ Фалькенгайнъ, навѣрняка идти къ катастрофѣ.

Однако, фельдмаршалъ Гинденбургъ заявилъ, что новый планъ Фалькенгайна былъ бы низкой трусостью, не достойной Германіи, и кайзеръ, присоединившись къ мнѣнію Гинденбурга, отстранилъ Фалькенгайна.

Впрочемъ, по свѣдѣніямъ изъ другихъ источниковъ, Гинденбургъ самъ хочетъ сократить западный фронтъ, чтобы имѣть возможность сосредоточить максимумъ силъ на востокѣ.

Какъ неотступно вспоминается нашъ разговоръ о политическихъ выступленіяхъ съ лидеромъ кадетской партіи Милюковымъ въ началѣ августа прошлаго года. «Болгарскія войска никогда не выступятъ противъ Россіи», сказалъ онъ тогда во время нашего разговора.

В. П.

М. Н. Галкина-Врасскаго.

из

Записной книжки, 1868 г.

Назначеніе эстляндскимъ губернаторомъ.

Примѣчаніе. Статья эта доставлена въ редакцію сенаторомъ Владиміромъ Яковлевичемъ Бахтеяровымъ, при чемъ на конвертѣ рукой автора сдѣлана слѣдующая надпись: Послѣ моей смерти прошу душеприказчиковъ передать для напечатанія въ „Русской Старинѣ", гдѣ въ 1901 г. были напечатаны мои воспоминанія, выдержки изъ дневника поѣздки въ Сибирь въ 1881—82 гг. М. Галкинъ-Врасскій.

Ужъ сколько лѣтъ твердили міру, что событія исторіи повторяются и что они никого ничему не учатъ, но только все не въ прокъ.

Назидательное подтвержденіе вышеприведенному читатель уразумѣетъ послѣ прочтенія ниже приводимой выписки изъ записной книжки М. Н. Галкина-Врасскаго въ сравненіи съ настоящими событіями жизни великой современной войны.

Въ 1812 году при вступленіи въ Курляндію прусскаго корпуса Іорка нѣмецкое населеніе Курляндіи и курляндскіе бароны, несмотря на неизмѣнное заявленіе въ преданности и лояльности, сплошь и рядомъ измѣняли Россіи и должностныя лица переходили на службу къ непріятелю. Послѣ войны измѣна ихъ была прощена.

Событія эти весьма малоизвѣстны въ широкихъ кругахъ публики и тщательно и умышленно замалчивались въ печати.

Выписки изъ записной книжки Галкина-Врасскаго за 1868 г. приводятъ мнѣнія различныхъ государственныхъ людей на Остзейскій вопросъ. Вкратцѣ сводка всѣхъ этихъ мнѣній состоитъ въ томъ, что остзейцы были лояльны и

преданы Россіи. Что не надо разжиганія страстей, что нужны частныя уступки, и что во всемъ виновна печать и Катковъ (ред. „Московскихъ Вѣдомостей"), который своими статьями приносилъ исключительный вредъ. Даже такого высокаго разума женщина, какъ Вел. Кн. Елена Павловна, и та называла ст. Самарина „Окраины Россіи" памфлетомъ.

Наступила настоящая война и чему мы стали свидѣтелями: печать органовъ Суворина „Новаго Времени" и „Вечерняго Времени" стала изобличать далеко не лояльные и не преданные поступки нѣмецкаго остзейскаго населенія.

Не приводя всѣхъ обвиненій въ полномъ ихъ видѣ, остановимся на слѣдующихъ фактахъ. Представители остзейскаго дворянства служили и въ русской и германской арміяхъ, проливали тамъ и тутъ свою кровь и клали свою голову въ борьбѣ за родину (какую?)

Нѣкоторыя должностныя лица Остзейскаго края перешли на службу въ Германію.

Остзейцы въ свою защиту со всѣхъ кафедръ стали заявлять, что они лояльны, что не надо разжигать страстей, что во всемъ виновата печать Суворинымъ—„Новаго Времени" и „Вечерняго Времени".

Выросъ прогрессивный блокъ и сталъ утверждать, что не надо разжигать страстей и нужно дѣлать взаимныя уступки.

Дальше идти нечего.

В. П.

21 октября 1868 г., въ Царскосельскомъ дворцѣ въ 1 ч. дня, Государь Императоръ, соизволилъ принять меня въ кабинетѣ, подалъ руку и обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

„Поздравляю съ назначеніемъ. Ты былъ въ краѣ?"— Нѣтъ, В. И. В.—„Я не сомнѣваюсь, однако, что ты сладишь. Садись. Положеніе трудное, но дѣйствуя съ тактомъ можно достигнуть, чего мы желаемъ. Теперь, какъ видишь, это вопросъ, а прежде, какъ припоминаю, въ моей молодости, никто и не думалъ смотрѣть на остзейцевъ и они сами не смотрѣли на себя какъ на чужихъ. Имена гр. Палена, Ливенъ смѣшивались наравнѣ съ нашими, чисто русскими изъ внутреннихъ губерній. Всѣ отдавали имъ должное и за пролитую кровь и ихъ службу. Теперь же ихъ упрекаютъ въ любви къ своей національности, да развѣ такая

любовь непонятна, но они и были всегда и дѣйствительно преданы—Я въ этомъ не сомнѣваюсь. Молодое поколѣнie, правда, ростетъ иначе, чѣмъ выросло предшествующее Моего времени, *и это заслуживаетъ вниманія*".

Такъ какъ при этомъ Его В-во взглянулъ на меня вопросительно, то я рѣшился указать на настоящее положеніе образованія въ краѣ и въ особенности на положеніе сельскихъ школъ, зависящихъ исключительно отъ помѣщиковъ, при чемъ коснулся желательности и пользы расширенія правительственнаго въ нихъ участія.

„Да, это такъ"—изволилъ отвѣтить Государь—„что же касается до того противодѣйствія—продолжалъ Государь—которое явилось теперь противу введенія русскаго языка, то Я сейчасъ говорилъ Эттингену [1]), что они не должны противиться, что это имъ же повредитъ. Я то же передавалъ бар. Палену, эстляндскому предводителю. Они все чего-то опасаются, чего-то ожидаютъ. Причиною газеты и взаимное разжиганіе страстей. Я говорилъ Каткову—„вы своими *безусловными* порицаніями приносите вредъ, а не пользу, достигаете противоположной цѣли". Несомнѣнно, что для общихъ государственныхъ интересовъ нужны частныя уступки, и намъ слѣдуетъ этого неуклонно держаться, но не разжигая страстей. Не обращай же—смотри—вниманія на газеты, а дѣйствуй по убѣжденію. Есть тамъ—правда—и злоупотребленія помѣщичьей власти. Такъ въ дѣлѣ Даго, они, по закону, правы, но была нужна снисходительность къ нуждающимся крестьянамъ. Ты читалъ дѣло?"

—Да, Ваше В-во, и думаю, что при тѣхъ же пріемахъ соглашенія, которыя встрѣчались не разъ у насъ при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса—можно было бы предупредить настоящій исходъ, хотя позволю себѣ повторить, что они были правы по буквѣ закона. „Да—скажу еще разъ—твое положеніе будетъ трудное, но не безвыходное, будь только остороженъ въ сношеніяхъ, будь разсчетливъ въ своихъ дѣйствіяхъ, но твердъ во всемъ, что предпримешь. Ты говоришь по—нѣмецки?—Да, могу объясняться.—„Когда ѣдешь?" —Въ концѣ декабря.—„Почему не теперь?" Въ отвѣтѣ я указалъ на желаніе предварительно ознакомиться съ нѣкоторыми дѣлами края и лично объясниться по нимъ

[1]) Былъ принятъ передъ мной. Извѣстный лифляндскій губернаторъ.

съ г.г. Министрами, а также на сознаваемую мною необходимость подробнаго ознакомленія съ мѣстнымъ законодательствомъ, неизвѣстнымъ мнѣ по прежней службѣ. Я прибавилъ еще, что въ виду собранія Landtag'а въ декабрѣ, не будучи знакомъ ни съ мѣстными условіями, ни съ тамошними дѣятелями, я желалъ бы также избѣжать могущихъ быть при этомъ сношеній, при неблагопріятныхъ для меня, по неизвѣстности еще края, условіяхъ. Въ заключеніе я упомянулъ, что м-ръ вн. дѣлъ и ген.-губ-ръ изъявили на это согласіе. Государь Императоръ, во время того какъ я объяснялъ вышеприведенное, соизволилъ дважды прерывать словами: „дѣльно", „основательно". Затѣмъ Его В-во изволилъ спросить: „Кто тамъ вице-губернаторъ?"—Баронъ Раденъ, Ваше В-во, и ему генералъ-губернаторъ не встрѣтилъ препятствія поручить на это время исправленіе губернаторскихъ обязанностей. „Ты гдѣ воспитывался?"—Въ Казанскомъ университетѣ.—„А гдѣ началъ службу?"—Въ Оренбургскомъ краѣ при гр. В. А. Перовскомъ.—„Въ Оренб. краѣ. Такъ это ты тамъ, вѣроятно, получилъ и мечи" [1]).—Въ экспедиціи, снаряженной по Высочайшему Вашего В-ва повелѣнію въ Туркменію, гдѣ участвовалъ волонтеромъ въ бывшемъ военномъ дѣлѣ съ непріязненными туркменами. — „Знаю, экспедиціей начальствовалъ Дандевиль".—Да, Ваше В-во, начальникомъ же дессанта, дѣйствовавшаго противъ Туркменіи, былъ подполк. Берновъ, командированный въ составѣ экспедиціи фельдмаршаломъ кн. Барятинскимъ.—„Помню". Послѣ этого Государь изволилъ встать и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „Ну, прощай. Дай, Богъ успѣха. Я увѣренъ въ тебѣ".—При этомъ Его В-во еще разъ протянулъ руку. Затѣмъ, отойдя ближе къ амбразурѣ окна (было въ нижнемъ этажѣ дворца) и держа меня за руку и какъ бы вглядываясь въ мое лицо. Государь прибавилъ: „ты очень молодъ, сколько же тебѣ лѣтъ, ты у меня самый молодой губернаторъ. Впрочемъ, Дурново харьковскій [2]) твоихъ же, вѣрно, лѣтъ".

Государь былъ въ сюртукѣ Царскосельскихъ кирасиръ, съ желтымъ воротникомъ.

Было записано немедленно послѣ представленія, во дворцѣ же, въ отведенномъ помѣщеніи.

---

[1]) На орд. св. Анны.

[2]) Ген. П. П. Дурново.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ принялъ въ кабинетѣ, вспомнилъ, что видѣлъ меня въ Комитетѣ Министровъ [1]; спросивъ „кого беру съ собой изъ чиновниковъ“, при чемъ говорилъ о полиціи и школахъ въ смыслѣ преобразованій.

---

24 ноября представлялся Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ въ Зимнемъ дворцѣ, въ ротондѣ у Церкви. Одновременно представлялись ген.-адъютанты Безобразовъ и Кауфманъ, поч. опекунъ Свѣчинъ, бар. Веліо, кам.-юнкеръ кн. Урусовъ (лондонскій), бар. Нолькенъ и я. Ея В-во, протянувъ руку, которую поцѣловалъ, спросила—служилъ ли я прежде въ краѣ, гдѣ былъ прежде, упомянула о трудности положенія, о бѣдствіяхъ мѣстнаго голода, спросила, когда ѣду, и пожелала успѣха.

Послѣ я подошелъ къ бывшей тутъ же въ ротондѣ фрейлинѣ гр. Александрѣ Андр-нѣ Толстой [2]). Она поздравила, но прибавила: j'aimerais mieux Vous féliciter après, plus tard. Pérofsky Vous dira son avis и пр. Затѣмъ гр. Бор. А. Перовскій представилъ меня тутъ же Вел. Князю Владиміру Александровичу, подавшему руку и разспрашивавшему о голодѣ въ краѣ.

Пріемы у Государыни Цесаревны Маріи Θеодоровны въ Аничковскомъ дворцѣ, отдѣльно, по очереди. Тутъ же были: графъ Гейденъ, еще двое военныхъ, мнѣ неизвѣстныхъ, баронъ Веліо, Новосильцовъ (Ив. П.), Казначеевъ и я. Ея Высочество коснулась моихъ прежнихъ путешествій—*какъ бы они ни были тяжелы, оставляютъ всегда пріятное воспоминаніе.*

Приглашеніе къ Вел. Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Состоявшееся представленіе въ понедѣльникъ 2 декабря, въ 1 ч. 20 м., продолжалось до $2^1/_2$ ч. Ея Высочество высказывала мысли о томъ, что во всѣхъ мѣропріятіяхъ необходимо стараться не запугивать—во всемъ видѣть заднюю мысль—

---

[1]) До назначенія губернаторомъ былъ начальникомъ Отдѣленія Канцеляріи Комитета Министровъ.

[2]) Хорошо мнѣ извѣстной по моей начальной службѣ въ Оренбургѣ, куда она пріѣзжала къ своей матери.

надо бы исходить изъ основы „Parität“ [1]); подробно разбирала вопросъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, упоминала о крестьянскомъ банкѣ въ Митавѣ, о надѣлѣ у насъ землею, объ общинномъ началѣ, передавала о бывшемъ разговорѣ Ея съ б. генералъ-губернаторомъ Индіи относительно сходства поземельнаго устройства съ нашимъ. Въ случаѣ реформъ, высказывалась за постепенность во избѣжаніе рѣзкости, за желательность, чтобы $^2/_3$ были согласны. „J'en ai parlée—a ces mrs“ (при составл. нашего крестьянск. полож., при освобожд. крестьянъ), и они воспользовались... Упомянула о неспособности барона Палена, эстляндскаго предводителя, что одинъ-де особенно способный изъ остзейцевъ—фонъ деръ Рекке, что Кейзерлингъ (попечитель)—старѣетъ, его мысль о школахъ, необходимо, чтобы преподавали при обязательности изученія русскаго языка, также мѣстные языки — эстонскій, или латышскій (смотря по мѣстности) и конечно русскій языкъ, какъ обязательный—говорила о Самаринѣ—что имъ оказана польза въ томъ, что онъ выяснилъ „le mal“ [2]), но къ чему тонъ памфлетный? „Je lui ai dit vous avez jeté un brandon“. Затѣмъ Вел. Княгиня перешла къ моимъ прежнимъ занятіямъ тюрьмами по порученному мин-ромъ Валуевымъ осмотру тюремъ за границею, къ прежнимъ порядкамъ Ср. Азіи, сказала, чтобы я напомнилъ Вел. Князю Константину Николаевичу о значеніи Красноводскаго залива для торговли съ Ср. Азіей. Пожелала успѣха. Я желаю не овацій, никакого блеска въ началѣ, но пусть полюбятъ постепенно. Noubeiez pas ce que je vous ai dit de „Parität“ je crois le mot bien trouvé“. Adieu и общія любезности. Въ началѣ пріема и въ концѣ дала поцѣловать руку.

Вел. Князь Константинъ Николаевичъ, что радъ моему назначенію, что самъ былъ только въ Ревелѣ, что встрѣчусь тамъ съ средне-вѣковыми учрежденіями, спросилъ—говорю ли по нѣмецки?—„Да, но, по возможности, не желаю говорить“.—Въ добрый часъ! Гдѣ служилъ до Комитета? Хорошая школа. Итакъ потрудись на новомъ поприщѣ—въ добрый часъ.

---

[1]) Paritas, paritatis—въ смыслѣ тождественности—согласности.

[2]) Qu'il a constati le mal, вредность, нежелательность нѣкоторыхъ условій, положеній въ краѣ.

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій—о невоспитанности нашего народа, о наружныхъ формахъ вѣроисповѣданія, сожалѣніе о голодѣ въ краѣ, о трудности крестьянскаго дѣла.

Канцлеръ князь Горчаковъ: о необходимости протеста противъ солидарности остзейцевъ съ Бокомъ. Его слово, что будетъ иначе *нѣмъ*. Валуемъ и Панинъ настроены=де въ смыслѣ нѣмецкомъ. Упомянулъ о Самаринѣ, его книгѣ. Настаивалъ на необходимости устраненія вопроса лютеранскаго, на зловредности запрещенія высказываться газетамъ на мѣстѣ, вредъ Остзейскаго комитета (архивъ ничто иное), на значеніи элементарныхъ школъ, желѣзн. дорогъ для края. Всевозможныя любезности ко мнѣ, что я ему представляюсь въ терновомъ вѣнцѣ [1]).

Графъ Борисъ А—чъ Перовскій—о затруднительности положенія *по отсутствію системы*. Лучше бурная, чѣмъ никакой. *Побольше твердости.*

---

21 ноября. Графъ Шуваловъ отецъ (Андрей П.)—о Самаринскихъ (будто-то) недомолвкахъ, желательности разрѣшенія покупать тамъ имѣнія. Восхваленіе Альбединскаго.

Шефъ жандармовъ графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ. Подтвержденіе записки Альбединскаго (общія соображенія 23 марта 1868 г.). Большое значеніе губернатора въ томъ краѣ. Честность жителей. Увѣренность въ ихъ содѣйствіи. Далѣе гр. Шуваловъ сталъ высказываться настоятельнѣе и откровеннѣе. Надо строго держаться закона. Такъ въ дѣлѣ русскаго языка, государственный контроль пошелъ въ своихъ требованіяхъ дальше своего права. „Государь съ ними самъ говоритъ неиначе, какъ по=французски. Они отстаиваютъ свое судоустройство и городское управленіе. Государь не желаетъ пока трогать ни того, ни другого.

---

[1]) Объ этомъ разговорѣ и выраженіи „въ терновомъ вѣнцѣ", князь передалъ, повидимому, тогда же барону Жомини, который потомъ, встрѣтивъ меня въ обществѣ, привѣтствовалъ меня съ этимъ...

Пожалуйста дружите, ѣздите въ клубъ, я самъ съ ними покучивалъ. Это они любятъ, а тутъ и дѣла можно будетъ обдѣлывать". Я рѣшился высказать сомнѣніе въ томъ, чтобы клубная короткость была пригодна. При неискренности балтійцевъ, нерасположеніи къ русской власти, невыдержанности многихъ, при студенческомъ бурществѣ—можно ожидать противоположнаго, желанія, напр., скопрометтировать власть, и всякаго рода сплетнямъ не было бы конца... Не лучше ли потому придержаться семейныхъ домовъ и этого рода общественныхъ отношеній. Положеніе его, графа, въ этомъ случаѣ и лично и какъ генералъ-губернатора было иное—прибавилъ я. Намъ постоянно мѣшали въ разговорѣ пріѣзжавшіе, приходила также графиня. Общее впечатлѣніе неясное. Далѣе шелъ разговоръ объ адресѣ на счетъ несолидарности съ Бокомъ и т. п. Визитъ весьма продолжительный.

М. Галкинъ-Врасской.

Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 [1]).

Дубликатъ черезъ сѣверъ. $\frac{25 \text{ января}}{5 \text{ февраля}}$ 1762 г.

(Шифромъ). Хотя у меня нѣтъ еще вполнѣ опредѣленныхъ доказательствъ, но, на основаніи того, что я слышу, я все болѣе убѣждаюсь, что императоръ обращался къ Англіи съ предложеніями, имѣющими отношеніе къ перемѣнѣ курса и его намѣреніямъ относительно насъ. Надѣясь выяснить этотъ столь важный вопросъ, я говорилъ на дняхъ съ г. Кейтомъ, воспользовавшись представившимся къ тому удобнымъ случаемъ. Несмотря на то, что г. Кейтъ относится ко мнѣ весьма дружески и не разъ это доказывалъ,—въ этомъ дѣлѣ онъ проявилъ чрезвычайную сдержанность, и я немного отъ него узналъ Онъ сказалъ мнѣ только, что не слѣдовало вѣрить всѣмъ слухамъ, распространяемымъ въ городѣ на нашъ счетъ, и что, по его мнѣнію, разумные, сдержанные люди, желающіе блага своей родинѣ, помѣшаютъ, вѣроятно, императору начать, въ настоящее время, войну съ Даніей и склонятъ его къ мирному соглашенію съ королемъ.

Г. Кейтъ далъ мнѣ понять, что самъ онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ внушать эту мысль государю, если спросятъ его совѣта или же представится удобный случай. Онъ сказалъ еще, что было бы досадно, если бы мы не воспользовались моментомъ, т. е., другими словами, — тѣмъ временемъ, пока еще извѣстіе о смерти императора не успѣло достигнуть другихъ дворовъ; изъ этихъ словъ легко было понять, что онъ освѣдомленъ о враждебныхъ по отношенію къ намъ намѣреніяхъ императора и что онъ думаетъ, что мы не успѣли заручиться содѣйствіемъ Англіи. Я счелъ нужнымъ прекратить на этомъ разговоръ. Въ теченіе бесѣды г. Кейтъ, по собственному побужденію, сказалъ мнѣ, что я, лично, не возбуждаю къ себѣ антипатіи императора;

[1]). См. „Русская“ Старина 1916 г.

по его словамъ, государь хорошо отзывался обо мнѣ, чѣмъ г. Кейтъ былъ весьма доволенъ и постарался утвердить императора въ его милостивомъ ко мнѣ отношеніи.

Мой другъ—довѣренное лицо г-на Кейта — убѣждалъ меня, что обращеніе императора черезъ англійскаго посланника къ Лондонскому Двору не есть формальное предложеніе, съ частными оговорками и условіями, но только, собственно говоря, изъясненіе въ дружескихъ чувствахъ Его Величества по отношенію къ Англіи, какъ естественной союзницѣ Россіи, съ которой императоръ выражаетъ намѣреніе,—если эта держава движима тѣми же чувствами, что и онъ, заключить еще болѣе тѣсный союзъ. Въ такихъ, приблизительно, выраженіяхъ мой другъ разсказалъ мнѣ о томъ, что приказалъ императоръ сообщить Великобританіи, при чемъ онъ высказалъ слѣдующее соображеніе: рѣшеніе императора сблизиться съ Англіей, по его мнѣнію, является для насъ скорѣе счастливымъ обстоятельствомъ, такъ какъ, по его мнѣнію, есть тысяча причинъ, по которымъ Великобританія не подниметъ своего оружія противъ насъ, тогда какъ, если бы императоръ обратился ко дворамъ вѣнскому и версальскому, предложивъ имъ дѣйствовать противъ насъ, то эти дворы пожертвовали бы нами безъ особаго угрызенія совѣсти. Эти слова утвердили меня въ подозрѣніи, что мы были упомянуты императоромъ въ его обращеніи къ Англіи, и что мой другъ полагалъ, что онъ достаточно ясно давалъ мнѣ объ этомъ понять. Я почти навѣрное знаю, что императоръ вполнѣ увѣренъ, что Англіей не было торжественно гарантировано намъ владѣніе Шлезвигомъ; мнѣ извѣстно также, что всѣ окружающіе императора льстецы стараются утвердить его въ этой мысли. Я надѣюсь, что г. Кейтъ разубѣдитъ его.

Въ настоящее время, я полагаю, первая опасность миновала, но мы не должны этимъ утѣшаться: мы не можемъ быть достаточно осторожны по отношенію къ могущественному сосѣду, чьи притязанія и ненависть къ намъ, къ несчастью, давно извѣстны.

Пріѣздъ принца Георга чрезвычайно меня безпокоитъ: увеличивъ число нашихъ враговъ, онъ представляетъ особенную для насъ опасность, такъ какъ императоръ безмѣрно его цѣнитъ и легко подастся его насовѣтованіямъ противъ насъ.

Г. Бретейль говорилъ со мной на дняхъ о коадъюторствѣ

города Любека; онъ сказалъ мнѣ, что этотъ вопросъ, вмѣстѣ съ послѣдней декларацiей о разрывѣ договора и другими нашими внушительными представленiями покойной императрицѣ по поводу императора, тогда еще великаго князя,—сильно повредили нашему дѣлу: поэтому императоръ относится къ намъ теперь такъ враждебно. Г. Бретейль высказалъ слѣдующую мысль: не поведетъ ли къ примиренiю съ императоромъ отказъ короля отъ Любекскаго коадъюторства, отъ котораго здѣсь ни въ коемъ случаѣ не откажутся. По его мнѣнiю, благородный отказъ короля теперь, когда его величество получилъ отъ управленiя города Любека эту прерогативу въ свой домъ, устранивъ такимъ образомъ всякiя притязанiя со стороны герцогскаго дома,—не будетъ имѣть характеръ принужденiя, но актъ великодушiя со стороны короля и разсчета—прiобрѣсти, отказомъ отъ небольшого преимущества, значительно большое. Дѣйствительно, если бы великое дѣло примиренiя могло состояться благодаря этому и мы получили бы, пожертвовавъ двумя графствами и коадъюторствомъ, но безъ придачи денегъ, въ полное и неотъемлемое владѣнiе всю Гольштинiю, я не поколебался бы,—если бы мое мнѣнiе въ данномъ случаѣ могло имѣть цѣну, — настойчиво совѣтовать такого рода сдѣлку. Я глубоко увѣренъ, что вы, ваше превосходительство, придерживаетесь того же мнѣнiя.

Вопросъ заключается въ слѣдующемъ: если въ третiй разъ зайдетъ рѣчь о примиренiи между королемъ и императоромъ (мысль слишкомъ для меня близкая, чтобы постоянно къ ней не возвращаться, но выполнимая, по моему мнѣнiю, только при помощи Англiи) безъ обмѣна землями, то рѣшится ли король пожертвовать, за отреченiе императора отъ Шлезвига, коадъюторствомъ взамѣнъ миллiона долларовъ, которые король прежде предлагалъ за это отреченiе. Если бы король рѣшился пойти на примиренiе, безъ обмѣна землями, то я представляю возможность вашему превосходительству, пока еще есть время, сообщить его величеству мое послѣднее соображенiе, съ просьбой увѣдомить меня, насколько оно прiемлемо.

Намѣренiе императора произвести наборъ восемнадцати полковъ въ Гольштинiи настолько всѣмъ извѣстно, что г. Петерсдорфъ говорилъ со мной по этому поводу. По его мнѣнiю, какъ бы то ни было, я долженъ передать вашему

превосходительству,—мы не должны препятствовать приготовленіямъ и расходамъ по набору и затѣмъ, прежде, чѣмъ новобранцы будутъ вооружены и соединены въ одинъ корпусъ, захватить ихъ и присоединить къ нашей арміи, если они желаютъ брать Шлезвигъ.

Я не объясняю вашему превосходительству причинъ, по которымъ, всякій разъ, я заканчиваю свои донесенія восхваленіями, такъ какъ вы легко можете сами догадаться о нихъ; я дѣлаю это, главнымъ образомъ для того, чтобы письма мои были вѣрнѣе отправлены (конецъ шифра).

Фельдмаршалъ Александръ Шуваловъ и камергеръ Иванъ Шуваловъ, которымъ графъ Петръ завѣщалъ по 100 т. руб. каждому, благородно отказались отъ своего наслѣдства въ пользу сына покойнаго. Вельможа этотъ проявилъ такую щедрость, что завѣщалъ своему врагу 25 т. руб. Такъ какъ здѣсь въ обычаѣ, чтобы первый курьеръ, привезшій управленію какого-либо большого города извѣстіе о восшествіи на престолъ государя или государыни, получалъ подарокъ, то поэтому курьеръ, доставившій въ Ригу радостное извѣстіе о восшествіи на престолъ нынѣшняго императора, получилъ 10 т. руб.

Вчера вечеромъ Его Величество оказалъ честь оберъ-камергеру графу Шереметеву, отужинавъ у него.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ $\frac{\text{29 января}}{\text{9 февраля}}$ 1672 г.

(Шифромъ). Дня не проходитъ теперь безъ того, чтобы не услышать о какомъ-либо странномъ нововведеніи или какой-либо интересной новости. Новость объ освобожденіи герцога Бирона, со всей его семьей, казалась мнѣ сначала такой необычайной, что я съ трудомъ могъ этому вѣрить, какъ я имѣлъ честь уже сообщить вашему превосходительству въ одномъ изъ моихъ предъидущихъ донесеній; однако извѣстіе это подтвердилось, и теперь никто уже не сомнѣвается въ его истинности. Къ герцогу Бирону, въ Ярославль, отправленъ баронъ Черкасовъ, его зять, чтобы сообщить ему это радостное событіе; такимъ образомъ вскорѣ онъ вернется сюда со всей своей семьей. Здѣсь извѣстно, что императоръ рѣшилъ относиться къ

нему съ уваженіемъ, но еще не знаютъ—желаетъ ли онъ возстановить Бирона во владѣніи Курляндіей или же, быть можетъ, имѣетъ относительно него какое-либо другое намѣреніе. Когда принцъ Карлъ обратился къ Его Величеству съ просьбой—разрѣшить ему прислать знатнаго вельможу, чтобы поздравить его съ восшествіемъ на престолъ, императоръ отвѣтилъ—„да“. Признаюсь, что такую непослѣдовательность можно объяснить развѣ только желаніемъ высмѣять принца Карла и потѣшиться надъ нимъ. Всѣмъ извѣстно его враждебное отношеніе къ Саксонскому дому, а также его личная ненависть къ принцу Карлу, получившему герцогство Курляндское вопреки его желанію. Императору всегда хотѣлось предоставить это герцогство принцу Георгу; въ виду того, что принцъ Георгъ пользуется большой милостью, надо думать, что ему дано будетъ предпочтеніе передъ другими претендентами. Тѣ, кто полагаютъ, что Биронъ будетъ возстановленъ въ своихъ прежнихъ правахъ, приписываютъ также намѣреніе императору выдать замужъ дочь принца Гольштейнъ-Бэкскаго за старшаго изъ двухъ сыновей Бирона. Я нахожу это предположеніе преждевременнымъ. Императоръ приказалъ величать принца Георга „высочествомъ“, ходятъ слухи, что онъ поведетъ армію противъ насъ.

Слухи о томъ, что разрывъ съ нами наступитъ очень скоро,—подтверждаются. Увѣряютъ, что тотчасъ по полученіи императоромъ отвѣта отъ Англіи,—намъ будетъ объявлена война и что императоръ въ маѣ двинетъ противъ насъ, въ Гольштинію, корпусъ Румянцева, доведенный къ тому времени до 40 тысячъ человѣкъ. Правда—въ настоящее время распространяется множество неосновательныхъ слуховъ, но я долженъ признаться, что этотъ слухъ кажется мнѣ, къ несчастью, вѣрнымъ или, по крайней мѣрѣ, изъ числа тѣхъ, къ которымъ мы должны, изъ осторожности относиться, какъ къ дѣйствительнымъ съ полнымъ вниманіемъ, чтобы имѣть возможность разумными мѣрами предупредить врага: по моему — никогда не мѣшаетъ приготовиться заранѣе.

Все меня утверждаетъ въ этой мысли, и многія лица увѣряютъ меня, секретно, что мы должны принять всѣ мѣры къ своей оборонѣ и что ударъ надъ нами разразится нынѣшнимъ лѣтомъ. Я все убѣждаюсь въ томъ, что избѣжать опасности и лучше всего охранить себя мы мо-

жемъ не иначе, какъ создавъ надежный заслонъ, который сдѣлалъ бы предпріятіе русской арміи затруднительнымъ и невозможнымъ; для этого намъ нужно своевременно занять Магдебургъ, чтобы лишить русскихъ возможности устроить себѣ базу, воспользовавшись всѣми средствами богатой и изобильной страны. Эта мѣра, быть можетъ, принудитъ русскихъ къ отступленію и затруднитъ имъ веденіе съ нами войны, потому что трудно предположить, чтобы король прусскій позволилъ имъ зимовать въ своихъ владѣніяхъ безденежно, въ счетъ будущихъ благъ; кромѣ того, что у русскихъ не хватаетъ денегъ, владѣнія короля прусскаго не настолько изобильны, чтобы имъ можно было устроить тамъ склады и оставаться продолжительное время. Мальшинъ и Домицъ находятся въ выгодныхъ географическихъ условіяхъ и, будучи укрѣплены нами и приведены въ хорошее оборонительное состояніе, помѣшаютъ вторженію русской арміи, или, по крайней мѣрѣ, осада этихъ городовъ можетъ затянуться на всю кампанію, разстроить русскую армію и принудить ее къ отступленію.

Г. Петерсдорфъ постоянно говоритъ мнѣ объ этомъ планѣ—изъ усердія къ герцогу Мекленбургскому, а также ради своей личной выгоды: онъ владѣетъ большими землями, и поэтому онъ желалъ бы уберечь свои земли и всю страну отъ раззоренія русскими. Онъ предупредилъ меня, что герцогъ Мекленбургскій человѣкъ вообще очень нерѣшительный и находится, къ тому же, подъ руководствомъ Бацевича, министра зачастую черезчуръ осторожнаго; поэтому герцогъ съ трудомъ рѣшится на такой договоръ съ королемъ, какъ вслѣдствіе свойственнаго ему отвращенія ко всякому рѣшительному шагу, а также страха передъ местью русскихъ въ томъ случаѣ, если бы, отъ чего да хранитъ насъ Господь, перевѣсъ былъ на ихъ сторонѣ; по его мнѣнію, если бы даже герцогъ, вслѣдствіе ли своей нерѣшительности или робости, не согласился на подобный договоръ съ нами, настолько же абсолютно необходимо для насъ овладѣть этой страной, чтобы вести войну внѣ нашихъ предѣловъ, сколько и въ интересахъ самого герцога, чтобы страна его была въ нашихъ рукахъ; при этомъ г. Петерсдорфъ выразилъ свою увѣренность въ томъ, что войска наши хорошо дисциплинированы, а также въ справедливости и великодушіи короля, который не откажетъ герцогу въ справедливомъ

вознаграждении, въ особенности, если благодаря этому рѣшительному поступку съ нашей стороны нарушатся замыслы русскихъ, и мы пріобрѣтемъ важныя преимущества. Кромѣ того онъ сказалъ мнѣ, что герцогъ, по всей вѣроятности, съ большой неохотой уступитъ намъ позицію Домица, но что позиція эта намъ крайне необходима въ виду переправы черезъ Эльбу, такъ какъ для насъ чрезвычайно важно имѣть господство надъ этой рѣкой, и вслѣдствіе того, что всѣ русскія войска должны будутъ пройти подъ выстрѣлами этой крѣпости. Онъ прибавилъ то рѣка эта, въ апрѣлѣ и маѣ, вся сплошь покрыта судами, нагруженными хлѣбомъ, всевозможными продуктами, лошадьми и всѣмъ необходимымъ для прусской арміи, что въ 1758 г. и 1759 г. такимъ путемъ перевезены Англіей всѣ средства вспомоществованія Пруссіи и что для шведовъ была тамъ хорошая пожива, если бы они рѣшились удалиться отъ Штральзунда или же, если бы ихъ армія была настолько сильна, чтобы раздѣлиться.

Я считалъ своимъ долгомъ освѣдомить ваше превосходительство о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ для того, чтобы вы могли использовать ихъ такъ, какъ вы найдете нужнымъ,—въ зависимости отъ рѣшенія короля.

Тотъ же г. Петерсдорфъ на дняхъ получилъ „consilium abeundi“ и поэтому послѣ завтра уѣзжаетъ отсюда. Не онъ лично заслужилъ эту немилость, — противъ него здѣсь ничего не имѣютъ, — но это слѣдствіе нерасположенія императора къ герцогу Мекленбургскому, на котораго онъ смотритъ, какъ на принца враждебнаго прусскому королю, и владѣнія котораго онъ собирается вскорѣ захватить,— какъ онъ это довольно откровенно высказываетъ, — для того, чтобы начать войну съ нами.

Г. Кейтъ немало содѣйствовалъ тому, чтобы склонить Императора къ этому чрезвычайному и несдержанному шагу, разоблачающему его истинныя намѣренія. Г. Кейтъ никогда не терпѣлъ г. Петерсдорфа: онъ не могъ спокойно видѣть человѣка, мѣшающаго его цѣлямъ и дѣйствующаго противъ интересовъ прусскаго короля. Г. Петерсдорфъ держалъ себя въ этомъ дѣлѣ очень умно и осторожно. Онъ написалъ канцлеру письмо, въ которомъ проситъ объяснить — чѣмъ онъ не угодилъ Его Величеству—своей ли особой или поступками. Канцлеръ прислалъ ему очень вѣжливый и удовлетвори-

тельный отвѣтъ; въ своемъ письмѣ онъ восхваляетъ г. Петерсдорфа и говоритъ, что отнюдь не его личныя качества, но обстоятельства требуютъ его удаленія,—давая понять, что онъ очень огорченъ этимъ обстоятельствомъ. Даже въ такомъ щекотливомъ случаѣ канцлеръ предпочелъ сказать правду, чѣмъ пожертвовать невиннымъ. Нельзя не быть тронутымъ этимъ поступкомъ канцлера, прекрасно характеризующимъ его прямодушіе и честность.

Я читалъ это письмо и у меня имѣется съ него копія, которую я пришлю вашему превосходительству, вмѣстѣ съ многими другими любопытными документами, съ первой представившейся вѣрной окказіей. Хотя уже давно г. Мерси и г. Бретейль не сомнѣваются болѣе въ чувствахъ Императора и хорошо знаютъ, чего можно отъ него теперь ожидать, но тѣмъ не менѣе они считаютъ это письмо канцлера самымъ яркимъ до настоящаго времени показателемъ намѣреній Императора.

Г. Петерсдорфъ отправится отсюда въ Варшаву. Если бы, вы, ваше превосходительство, одобрили его планъ и нашли возможнымъ имъ воспользоваться, то мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы устроили такъ, чтобы онъ былъ посланъ, по желанію герцога Мекленбургскаго, въ Копенгагенъ, въ виду того, что можетъ быть намъ полезенъ и что такого рода проектъ удобнѣе разъяснить и обсудить устно, хотя я попытался освѣтить его во всѣхъ подробностяхъ.

Въ Англію отправится не г. Гроссъ, а молодой графъ Воронцовъ[1]), племянникъ канцлера и братъ любовницы Императора. Это опять-таки продѣлка г. Кейта и новое доказательство его вліянія: исключительно его стараніями произошло это перемѣщеніе. Онъ достигъ двухъ цѣлей, а именно: зная объ анти-прусскихъ чувствахъ г. Гросса, котораго онъ не любитъ, и опасаясь вмѣстѣ съ тѣмъ его ловкости, — помѣшать тому, чтобы онъ былъ посланъ въ Англію; между тѣмъ, предлагая вмѣсто него молодого графа Воронцова, онъ надѣялся пріобрѣсти расположеніе канцлера и быть пріятнымъ M-lle Воронцовой.

Отецъ молодого графа—Романъ Воронцовъ оффиціально ходилъ благодарить за своего сына англійскаго посланника, который по истинѣ всесиленъ; онъ пользуется величайшимъ почетомъ и его справедливо называютъ люби-

---

[1]) Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, р. 1741 г.—1805.

мымъ посланникомъ. При такихъ условіяхъ для меня является не малымъ преимуществомъ, что я лично съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и что онъ желаетъ мнѣ добра больше, чѣмъ кому бы то ни было изъ иностранныхъ посланниковъ. Мнѣ не вѣрится, чтобы г. Поссе былъ оставленъ здѣсь. Такъ какъ онъ принадлежитъ къ партіи шляпъ въ Швеціи и всегда дружилъ здѣсь съ французскими посланниками, то императоръ терпѣть его не можетъ и потребуетъ его отозванія, если бы даже его дворъ, который теперь, вѣроятно, пришлетъ сюда посла, желалъ бы его здѣсь оставить.

Я вижу изъ послѣдняго письма камергера Шака, что партія шляпъ увѣряетъ, что Императоръ приказалъ объявить посланникамъ союзныхъ съ нимъ государствъ, что онъ намѣренъ продолжать прежній курсъ. Это совершенно невѣроятно; я предполагаю, что это выдумка барона Поссе, не желавшаго, что бы извѣстіе о смерти Императрицы произвело въ Швеціи черезчуръ сильное впечатлѣніе и тамъ были приняты рѣшенія, несогласныя съ его взглядами.

Все болѣе приходятъ къ тому убѣжденія, и повидимому не безъ основанія, что графъ Гордтъ вскорѣ будетъ произведенъ въ посланники прусскаго короля при этомъ дворѣ. Императоръ до сихъ поръ еще не созывалъ Государственнаго Совѣта, о которомъ послѣднее время опять заговорили. Полагаютъ, что онъ отложитъ созывъ Государственнаго Совѣта до полученія отвѣта отъ Англіи и что до тѣхъ поръ онъ не объявитъ о новомъ курсѣ и будетъ скрывать свои намѣренія относительно насъ. Пока что онъ прекратилъ дѣятельность конференціи и совершенно уничтожилъ это учрежденіе.

Недавно онъ прислалъ къ гетману кадета, чтобы онъ поучилъ гетмана пріемамъ салюта эспонтономъ. — Гетманъ очень хорошо къ этому отнесся и обернулъ все въ шутку; послѣ того, какъ юноша показалъ ему нѣсколько разъ, какъ дѣлается салютъ, гетманъ далъ ему, за его урокъ, 20 червонцевъ.

По правую сторону катафалка были расположены ордена русскій и польскій, но Его Величество самъ снялъ польскій орденъ, перенесъ его на лѣвую сторону, на правой же сторонѣ помѣстилъ орденъ прусскій.

Когда императоръ ужиналъ у г. Кейта, гдѣ общество

было весьма оживленное, тамъ находились также, по особому приказанію Его Величества, англійскій врачъ Монсэй и англичанинъ-купецъ, по фамиліи Вольфъ.

Говорятъ, что это г. Вольфъ далъ мысль Императору объявить дворянство свободнымъ: такимъ путьемъ г. Вольфъ ловко сумѣлъ заслужить расположеніе націи и пользуется теперь большимъ почетомъ. (Конецъ шифра).

Третьяго дня вернулся изъ ссылки, продолжавшейся въ общей сложности, 15 лѣтъ, графъ Лестокъ съ своей супругой, урожденной баронессой Менгденъ. Дарована свобода также всему семейству Менгденъ, въ теченіе многихъ лѣтъ находившемуся въ ссылкѣ въ глубинѣ Сибири. Вообще Императоръ вернулъ всѣхъ ссыльныхъ за крупныя преступленія и приговоренныхъ къ каторгѣ, а также тѣмъ, кому отрѣзаны языки, разрѣшено вернуться къ себѣ домой или же жить на своихъ земляхъ, если таковыя у нихъ имѣются.

Ея Величество пожаловала маленькой принцессѣ Гольштейнъ-Бэкской орденъ Св. Екатерины.

Англійскій докторъ Монсэй назначенъ главнымъ врачемъ, съ чиномъ статскаго совѣтника.

Отъ принца Карла Саксонскаго, герцога Курляндскаго, прибылъ сюда съ поздравленіями Его Величества съ восшествіемъ на престолъ генералъ-маіоръ польской службы Аршиналь.

Дворъ былъ такъ вѣжливъ по отношенію къ иностраннымъ посланникамъ, что снова увѣдомилъ насъ, что тѣло покойной Императрицы теперь выставлено подъ катафалкой; чтобы снова увидѣть покойную Императрицу, намъ слѣдовало только отправиться во дворецъ; на слѣдующій день послѣ предупрежденія мы отправились туда и въ послѣдній разъ имѣли честь видѣть эту государыню. Катафалка такъ прекрасна, что въ этомъ родѣ ничего нельзя себѣ представить великолѣпнѣе и величественнѣе. На голову покойной императрицы, уже лежащей въ гробу, надѣта корона изъ золота, стоимостью, какъ говорятъ, въ 10 т. рублей; корона эта остается на государынѣ и въ могилѣ. По обѣимъ сторонамъ катафалки выставлены знаки отличія и ордена Имперіи и два ордена иностранныхъ, а именно—прусскій и польскій. Болѣе 130 тысячъ аршинъ чернаго сукна было употреблено на ковры и обивку; даже снаружи часть дворца обтянута чернымъ сукномъ. Похо-

роны назначены на то же число, что и прежде—черезъ недѣлю, считая съ этого дня. Улицы, по которымъ будетъ шествовать похоронная процессія, покрыты лѣсами и досками; все это будетъ обито чернымъ сукномъ. Сами Ихъ Величества предполагаютъ идти за гробомъ отъ дворца до крѣпостного собора, гдѣ будетъ похоронена покойная императрица. Считаютъ, что шествіе продлится отъ 4-хъ до 5 часовъ.

Гакстгаузенъ.

Сообщ. Е. С. Шумигорскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войною 1877—78 гг. [1]

Глава XLIV.

Константинополь блестѣлъ, горѣлъ, сіялъ въ розовыхъ лучахъ восходившаго солнца...

Лѣнивая, интернаціональная Пера еще дремала подъ голубыми дымками испареній; но дѣловая Галата уже проснулась и трепетала всѣми фибрами наступавшаго рабочаго дня: вдоль набережной Золотого Рога тянулись длинныя вереницы осликовъ; но издали казалось, что двигались живыя горы всякой ноши и грузовъ. Бѣдные, злополучные герои нашихъ басенъ, чего только не навьючитъ лѣнивый обыватель Востока на ихъ терпѣливыя спины! Бочки съ водой, грузы кирпичей, мебель, желѣзо, привязанныя къ бокамъ корзины съ хлѣбомъ, бревна, доски, цѣлые стога сѣна, и нагруженные такимъ образомъ маленькіе ослики разносятъ по городу тяжести, которыя обыкновенно вѣсятъ больше, чѣмъ они сами...

Мы взяли каикъ и съѣхали на берегъ. Здѣсь уже все населеніе квартала было на ногахъ: типичныя фигуры мусульманскаго духовенства въ громадныхъ бѣлыхъ и зеленыхъ тюрбанахъ; группы носильщиковъ, водоносы, разнощики всякой провизіи; турчанки въ бѣлыхъ башмакахъ и въ яркихъ фередже, солдаты, армяне, греки въ широчайшихъ фустанеллахъ, раздутыхъ, какъ пузыри для плаванія, дервиши въ шелковыхъ, пестрыхъ халатахъ, евреи въ цилиндрахъ, сдвинутыхъ на затылокъ, персіяне въ своихъ коническихъ шапкахъ; турки и левантинцы въ красныхъ фескахъ, арабы, копты, черкесы въ бараньихъ шапкахъ и типы всѣхъ племенъ Востока мелькали передъ глазами словно живой калейдоскопъ, наполняя узкія, кривыя улицы звуками самыхъ разнообразныхъ нарѣчій...

Контора нашего „Русскаго Общества Пароходства и Торговли“, куда мы направляемся, уже была открыта; но здѣсь царитъ большая суматоха: по опустѣвшимъ комна-

---

[1]) См. „Русск. Старину“ 1916 г.

тамъ бродятъ носильщики, собирая агентскій хламъ, чтобы перевезти его съ пристани на пароходъ „Ростовъ“, гдѣ и для насъ также приготовлены каюты. Цѣлая армія турецкихъ хамаловъ, наперекоръ задорной политикѣ Оттоманской Порты, явилась къ услугамъ нашего Агентства для переноски тяжелаго груза къ берегу. Но сколько я ни наблюдаю, а уловить не могу даже и тѣни какого-либо недобраго чувства со стороны этихъ людей по нашему адресу: наоборотъ, они весело переговариваются между собой и охотно берутся за дѣло, которое обѣщаетъ имъ слишкомъ хорошій заработокъ. Отсюда не трудно было видѣть, что политика благожелательнаго нейтралитета въ данномъ случаѣ болѣе отвѣчала ихъ настроенію и, такимъ образомъ, одержала верхъ надъ всѣми дипломатическими тенденціями... Было еще рано для того, чтобы ѣхать въ посольство, а потому ничего другого не оставалось, какъ вернуться опять на пароходъ. Однако мы не долго засидѣлись тамъ: насъ манила къ себѣ громада Ая-Софіи, озаренная лучами яркаго солнца. И дѣйствительно, какъ было не отправиться туда, къ Св. Софіи, чтобы взглянуть еще въ послѣдній разъ на чудо древней Византіи, куда летятъ неудержимо на протяженіи многихъ вѣковъ мечты и грезы православнаго міра...

Мы взяли каикъ и подъѣхали къ деревянному мосту, переброшенному черезъ Золотой Рогъ. Здѣсь уже царитъ, несмотря на ранній часъ утра, прямо столпотвореніе вавилонское: пестрая до безконечности толпа, словно окрашенная во всѣ цвѣта радуги, катитъ свои живыя волны изъ Галаты въ Стамбулъ и обратно; говоръ на всѣхъ языкахъ міра, оживленіе, суматоха, ревъ ословъ, крики верблюдовъ, нагруженныхъ сверхъ мѣры—все это даетъ вѣрную картину знаменитаго библейскаго событія. Перейдя мостъ среди невѣроятной толчеи, мы вступаемъ, наконецъ, въ область древней столицы падишаховъ, гдѣ все дышитъ далекимъ прошлымъ и словно ничего не измѣнилось подъ вліяніемъ западной культуры. А на стражѣ этихъ минувшихъ вѣковъ, какъ бы озираясь на весь Царьградъ, гордо и величаво стоитъ на высокомъ холмѣ наша колыбель христіанства; но уже пятое столѣтіе украшенная золотымъ полумѣсяцемъ Ислама...

Въ мечеть Ая-Софіи мы вошли не черезъ главный входъ, а съ южной стороны въ какую-то дверь, завѣшан-

ную краснымъ сукномъ. Въ обширномъ притворѣ сѣдой мулла далъ намъ широкія туфли безъ задковъ, чтобы мы надѣли ихъ поверхъ нашей обуви; но едва лишь я сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ онѣ свалились у меня съ ногъ. Впрочемъ, инцидентъ былъ тотчасъ же улаженъ съ помощью двухъ веревочекъ, и въ такомъ видѣ мнѣ пришлось двигаться по всему храму, осматривая его съ тѣмъ глубокимъ интересомъ, который неизбѣжно сопровождаетъ каждаго переступившаго порогъ этого чуда Византійской архитектуры; надъ вашей головой виситъ каменная пропасть, захватившая въ свои объятія огромное пространство, увѣнчанное широкимъ, пологимъ куполомъ, а снизу вамъ кажется, что онъ упирается въ самое небо и, двигаясь подъ этими необъятными арками, все невольно сознаете себя какой-то жалкой мухой, залетѣвшей въ царство гигантовъ...

А оттуда сверху прямо съ голубыхъ небесъ черезъ вереницу оконъ, которыми опоясанъ точно лентой, дивный куполъ Ая-Софіи, неудержимо льются широкіе потоки яркаго свѣта, затопляя область мраморнаго исполина своими волнами и не оставляя въ тѣни даже угловъ этого обширнаго зданія. Цѣлый лѣсъ колоннъ, расположенныхъ въ два яруса, дополняетъ грандіозную картину величайшаго въ мірѣ памятника, олицетворяющаго собою въ такой совершенной формѣ идею Божества.

— Взгляните на эти зеленныя колонны,—говорилъ, обращаясь къ группѣ туристовъ, бродившихъ такъ же, какъ и мы, по всѣмъ направленіямъ, какой-то гидъ, видимо хорошо знавшій свое дѣло: онѣ служили однимъ изъ лучшихъ украшеній храма Діаны, а вотъ эти красныя принадлежали императору Аврелію и были подарены Юстиніану городомъ Римомъ; обратите также ваше благосклонное вниманіе на голубой мраморъ: онъ украшалъ храмъ Діониса и на этотъ бѣлый съ розовыми жилками, а также ярко-желтый, оба они находились въ кумирнѣ оракула Дельфійскаго. Словомъ,—закончилъ краснорѣчивый гидъ,—вся эта великолѣпная колоннада являетъ собою почти всѣ формы древняго языческаго культа...

Въ разныхъ концахъ мечети нѣсколько группъ правовѣрныхъ сидѣли на цыновкахъ и набожно склонялись лицомъ къ землѣ. Иногда они бросали въ нашу сторону не совсѣмъ дружелюбные взгляды; но мы знали, что ста-

рый мулла въ ожиданіи хорошаго бакшиша не позволитъ имъ никакой выходки, которая могла бы оскорбить насъ. И дѣйствительно, онъ былъ настолько любезенъ, что предложилъ намъ купить у него цѣлую горсть чудной мозаики, украшавшей прежде стѣны и арки собора, а теперь скрытой подъ густымъ слоемъ краски. Впрочемъ, это нисколько не мѣшало тѣмъ, кому довѣрена была охрана мечети, выбирать ее оттуда и продавать туристамъ.

— Лэди и лорды,—ораторствовалъ гидъ:—чтобы судить правильно о величинѣ Ая-Софіи, рекомедую вамъ подняться на хоры, и тогда вы можете созерцать ее въ болѣе опредѣленныхъ перспективахъ, которыя будутъ говорить сами за себя...

И дѣйствительно, когда мы взошли наверхъ, то увидѣли всю панораму зданія въ его настоящихъ размѣрахъ: арки и своды вдругъ стали прямо необъятными, а окна, вѣнцомъ окружающія главный куполъ, превратились какъ бы въ стеклянныя ворота. Эффектъ картины заключался еще въ томъ, что всѣ предметы, которые мы видѣли раньше внизу такими огромными, теперь казались намъ миніатюрными вещицами, какъ, напримѣръ, двѣ мраморныя урны колоссальныхъ размѣровъ, стоящія по бокамъ султанской ложи, уменьшились до величины обыкновеннаго графина, и я никакъ не могла представить себѣ, что это былъ лишь обманъ зрѣнія... Таковъ храмъ Юстиніана: тринадцать вѣковъ стоитъ онъ на развалинахъ древней Византіи, созерцая вокругъ себя ходъ исторіи народовъ, и неудержимо манитъ въ свои объятія нашу святую Православную Церковь...

Но вотъ грянула пушка эйлека [1]): въ мечеть стали подходить толпы мусульманъ для совершенія намаза, и очарованіе, навѣянное дивной красотой Ая-Софіи, смѣнилось вдругъ горькимъ чувствомъ...

По знаку стараго муллы, спѣшившаго къ началу богослуженія внизу, мы должны были удалиться изъ мечети; но раньше, чѣмъ покинуть хоры, я направила мой бинокль (это разрѣшается туристамъ) въ ту часть зданія, гдѣ прежде находился алтарь: тамъ, въ полукруглой нишѣ, увѣнчанной малымъ куполомъ изъ-подъ налета бѣлой краски выступаетъ и теперь силуэтъ колоссальной фигуры—это будетъ,

---

[1]) Полдень.

если присмотрѣться хорошо, священный для Православія образъ Влахернской Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ.

Отсюда я видѣла на близкомъ разстояніи крылья серафимовъ, не забѣленныхъ известью, какъ другія изображенія съ человѣческими лицами; но кое-гдѣ мѣстами, а въ особенности на хорахъ, мозаика выступала довольно ясно изъ-подъ стершейся краски.

Въ Ая-Софіи, дѣйствительно, точно наперекоръ магометанскому „кесмету" все дышетъ христіанскимъ прошлымъ, вся она какъ бы наполнена призраками и тѣнями древней Византіи...

Глава XLV.

Подъ монотонное чтеніе корана мы ушли изъ мечети и на улицѣ смѣшались съ толпой. Крики газетчиковъ, возвѣщавшихъ наступленіе историческаго момента, вывели меня изъ міра классическихъ чудесъ, которыми такъ властно была захвачена моя фантазія въ храмѣ Юстиніана...

Я невольно стала прислушиваться къ разговорамъ окружавшей насъ публики, чтобы ознакомиться такимъ образомъ съ настроеніемъ массы въ тѣ минуты, когда жребій войны былъ уже брошенъ и оставалась лишь всего только одна церемонія разрыва дипломатическихъ сношеній между Россійской Державой и Оттоманской имперіей.

— Сегодня?!.. Развѣ?... А говорили, что все это была игра русской дипломатіи?—спрашивалъ юркій эллинъ суроваго на видъ турецкаго офицера.

— Да, сегодня,—равнодушно отвѣтилъ послѣдній.

— Такъ имъ и надо!—злобно воскликнулъ первый,— зачѣмъ подняли на ноги всѣхъ славянъ!...

— Да, нехорошее дѣло затѣяли,—былъ отвѣтъ, и воинъ шагнулъ впередъ куда-то въ сторону.

Мы идемъ дальше и попадаемъ въ область Стамбульскаго базара. Здѣсь развернулась передъ нами словно живая картина грандіозной ярмарки, гдѣ царилъ хаосъ людей всѣхъ племенъ, всѣхъ климатовъ и нарѣчій. Это цѣлый городъ подъ одной общей крышей съ прорѣзанными въ ней окнами, черезъ которыя проходитъ свѣтъ, цѣлый лабиринтъ улицъ, обставленныхъ безконечными торговыми рядами, гдѣ магазины расположены не такъ, какъ вездѣ въ комнатахъ съ окнами и дверьми, а въ глубокихъ стѣнныхъ

нишахъ на высотѣ около метра отъ земли съ деревяннымъ помостомъ у входа въ помѣщеніе... Каждый родъ торговли имѣетъ здѣсь свой опредѣленный кварталъ: есть улицы ковровъ, шелковыхъ матерій, спеціально только фесокъ, трубокъ, наргиле и такъ до безконечности на громадной территоріи Стамбульскаго базара. Но самый любопытный въ немъ уголокъ это, конечно, галлерея дамскихъ туфель: здѣсь по преимуществу толпятся иностранцы, раскупая ихъ массами, а также все женское населеніе Царьграда. Отсюда мы зашли въ турецкій ресторанъ, гдѣ всегда можно было выпить прекраснаго, душистаго кофе. Хозяинъ этого заведенія, патріархальнаго вида турокъ въ огромной чалмѣ предложилъ намъ занять столикъ подъ навѣсомъ у входа. Здѣсь же рядомъ съ нами усѣлась также большая компанія левантинцевъ и грековъ изъ Фанара. Нѣкоторые изъ нихъ играли въ карты, а другіе что-то ѣли и пили, громко бесѣдуя на тему о злобѣ дня:

— Ну, конечно, если Московское правительство не угомонится съ этими своими балканскими чобанами, то въ концѣ концовъ заговорятъ пушки,—увѣренно, словно читая въ книгѣ судебъ, ораторствовалъ какой-то левантинецъ, по всѣмъ признакамъ биржевой маклеръ.

— Вѣроятно и самъ Горчаковъ ихъ премудрый теперь не знаетъ, какъ повернуть дѣло, чтобы не осрамиться на весь бѣлый свѣтъ!—вмѣшался одинъ изъ игроковъ, бросая карты и пересаживаясь ближе къ другой компаніи:—интересно, чѣмъ закончится эта глупая, безконечная исторія? Говорятъ, что изъ Русскаго посольства уже все перевезли на станціонеръ...

Взрывъ хохота былъ ему отвѣтомъ:

— Знаемъ мы всѣ ихъ фокусы! Не въ первый разъ!—выкрикивали его собесѣдники:—если не сегодня, то завтра же мы увидимъ, какъ русскіе дипломаты будутъ перетаскивать свои чемоданы обратно на Перскую улицу—знаемъ! знаемъ все это слишкомъ даже хорошо! И остроты одна другой злѣе посыпались, точно изъ рога изобилія, на голову нашего представительства въ Царьградѣ.

— Господа!—возвышая голосъ, авторитетно заговорилъ какой-то еще базарный оракулъ:—бумаги Оттоманскаго банка сейчасъ идутъ въ гору: вчера онѣ стояли довольно высоко...

— Тѣмъ ужаснѣй будетъ ихъ паденіе,—возразили ему съ хитрой усмѣшкой нѣкоторые изъ его пріятелей...

— Ну, а я думаю иначе,—послѣдовалъ гордый отвѣтъ,—и вѣроятно не ошибаюсь, утверждая, что дипломатія все уладитъ, такъ какъ Европа не желаетъ войны; но для финала всей этой комедіи уже рѣшено предъявить русскому правительству ультиматумъ, и тогда генералъ Игнатьевъ запоетъ другія пѣсни.

— Браво! Браво! Наконецъ-то подрѣжутъ когти бѣлому медвѣдю, чтобы онъ не залѣзалъ въ балканскіе лѣса, а сидѣлъ бы смирно въ своей ледяной берлогѣ!—И шумное проявленіе какого-то дикаго чувства наполнило душную атмосферу турецкаго ресторанчика.

Я никакъ не могла понять, чему радовались эти люди, въ числѣ которыхъ были наши единовѣрцы греки, а также и другіе христіане, и почему они такъ пламенно желали видѣть униженіе Россіи, поднимавшей свой мечъ за освобожденіе ихъ отъ турецкаго ига?..

Время шло, и приближалась роковая минута дипломатической церемоніи. Расплачиваясь съ хозяиномъ кафе, мой дядя протянулъ ему для размѣна оттоманскій кредитный билетъ въ 3 меджидье; но турокъ не взялъ его, а, приложивъ руку къ сердцу, выразилъ желаніе получить то, что ему слѣдовало, какими-нибудь другими денежными знаками...

— У меня сейчасъ мелочи нѣтъ,—отвѣтилъ дядя, заглядывая въ свой кошелекъ...

— Эфендимъ!—перебилъ турокъ,—я размѣняю вамъ какую угодно бумагу; но бѣда въ томъ, что каиме [1]) у насъ вообще не въ ходу, и ее нигдѣ не принимаютъ.—Но почему же такъ? Почему?—улыбаясь, спрашивалъ мой дядя, забавляясь оборотомъ дѣла,—развѣ она не гарантирована всѣмъ достояніемъ Оттоманской имперіи? Развѣ султанъ не утвердилъ ея размѣнъ на золото и серебро?

— Да будетъ воля Аллаха надъ падишахомъ, возразилъ ему вѣрноподданный Абдулъ-Гамида,—но только съ этими бумажками одно лишь горе, такъ какъ ихъ никто не беретъ, а золота негдѣ взять: его уже давно иностранцы захватили въ свои руки и ограбили нашу казну—вотъ и живи послѣ того на бѣломъ свѣтѣ.—Мобилизація! Война!

---

[1]) Оттоманская кредитка.

Война Турціи съ Россіей!—внезапно, точно по командѣ, раздались со всѣхъ сторонъ рѣзкіе, пронзительные крики газетчиковъ: эхо подхватило звуки и унесло ихъ дальше. Но вотъ ближе и громче стали повторяться отдѣльные выкрики: „Нелидовъ выѣзжаетъ въ конакъ Сафетъ-паши! Въ часъ дня Нелидовъ предъявитъ Сафетъ-пашѣ послѣдній ультиматумъ!"—и мимо насъ промчалась вереница мальчишекъ, нагруженныхъ кипами телеграммъ утренняго изданія.

— Откуда имъ такъ хорошо извѣстно, въ которомъ часу Нелидовъ сядетъ въ экипажъ?—мелькнуло у меня въ головѣ; но вопросъ остался не рѣшеннымъ...

И вдругъ точно по командѣ, вся живая масса, наполнявшая галлереи базара, дрогнула, какъ будто-бы пронизанная электрическимъ токомъ, и бросилась къ выходу на главную улицу Стамбула. Здѣсь картина общей тревоги какъ нельзя вѣрнѣе отражала въ себѣ настроеніе обывателя столицы Абдулъ-Гамида: слѣдуя по теченію за толпой, бѣжавшей къ мосту Золотого Рога, чтобы оттуда перебраться въ Перу, гдѣ все еще развѣвался нашъ русскій флагъ, я видѣла ясно, словно заглядывая въ душу каждаго изъ окружавшихъ меня людей, что не волна энтузіазма, какъ въ день разгрома сербовъ подъ Алексинацомъ, несла ихъ туда, а что-то совсѣмъ другое; но болѣе сложное и неуловимое, опредѣленіе котораго ускользало тогда отъ меня...

А тѣмъ временемъ Европейская пресса возвѣщала міру, что объявленная въ тотъ день мобилизація была принята населеніемъ Царьграда съ безумнымъ восторгомъ!...

Но какъ ни трудно было двигаться среди необъятной толпы по тѣснымъ, кривымъ улицамъ Стамбула, мы тѣмъ не менѣе шли впередъ. Наконецъ живая рѣка влилась въ болѣе широкое русло и потекла черезъ мостъ Золотого Рога къ набережной Галата; но весь этотъ кварталъ оказался прямо забитымъ сплошной массой народа, а пробраться къ туннелю подземной желѣзной дороги не было уже никакой физической возможности. Мы безпомощно топтались на одномъ мѣстѣ и не могли сдѣлать шагу впередъ, а затѣмъ ничего другого не оставалось, какъ вернуться въ Агентство и взять оттуда гида за очень хорошее вознагражденіе. Разными окольными путями и глухими переулками мы поднялись, слѣдуя за нимъ, на гребень

Перскаго холма. Тогда развернулось передъ нами зрѣлище, которое можно иллюстрировать съ помощью пера лишь только приблизительно въ такомъ видѣ:

Нашъ флагъ все также безпечно рѣетъ надъ зданіемъ Посольства; но у древка стоятъ двое служащихъ, чтобы по сигналу убрать его съ крыши; государственный щитъ уже отдѣленъ отъ фронтона и держится пока на веревкахъ для спуска внизъ. Громаднѣйшая толпа людей, какъ будто собравшихся на праздникъ со всѣхъ концовъ земли, непроницаемой стѣной окружаетъ территорію дворца; воздухъ дрожитъ отъ хаоса звуковъ, и тысячи, многія тысячи глазъ прикованы взглядомъ къ одной лишь точкѣ: нашъ орелъ, какъ магнитъ, тянетъ ихъ къ себѣ, покачиваясь слегка отъ вѣтра на удерживающихъ его веревкахъ, точно расправляя свои могучія крылья для дальняго полета—картина необычайная и потрясающая!..

Мы, наконецъ, пробились къ главному входу и взошли наверхъ. Весь персоналъ нашего дипломатическаго корпуса уже находился тамъ. Всѣ почему-то веселы и довольны, точно собирались на раутъ: молодежь утѣшается перспективами командировокъ въ другія страны, а старшіе возвращеніемъ къ себѣ домой. Нѣкоторые изъ нихъ заблаговременно приписались къ штабамъ арміи и горятъ нетерпѣніемъ отправиться на театръ войны.

Всѣ мы выходимъ на балконъ и смотримъ внизъ: у нашихъ ногъ колышется и рокочетъ, словно въ часы прилива, океанъ людей. Но какъ ни плотна живая человѣческая масса, кольцомъ охватившая весь районъ нашего Посольства, но въ центрѣ ея съ одного конца до другого прорѣзана дорожка, по обѣимъ сторонамъ которой неподвижно, какъ въ строю, тянется шеренга красныхъ фесокъ.

— А вотъ и охрана! не правда ли?—спросила я моего сосѣда, чиновника Генеральнаго консульства, указывая на красную ленту.

— О, нѣтъ!—улыбаясь, отвѣтилъ мнѣ собесѣдникъ,—это живой телеграфъ, такъ какъ онъ соединяетъ въ данную минуту русское посольство съ биржей—тамъ сейчасъ идетъ другая борьба за существованіе: ультиматумъ пока не врученъ и, кто знаетъ, въ послѣдній рѣшающій моментъ нашъ русскій орелъ еще можетъ удержаться на фронтонѣ—дипломатія вообще, какъ извѣстно, любитъ устраивать иногда политическіе сюрпризы...

Вдругъ человѣческое море колыхнулось, словно его живыя волны столкнулись между собой: на подъѣздъ вышелъ Нелидовъ серьезный, видимо озабоченный, и садился въ экипажъ.

Несмѣтная толпа, затаивъ дыханіе, разомкнулась, пропустила его и вновь сомкнулась. Протяжный, какъ стонъ больного, ропотъ огласилъ воздухъ, а затѣмъ все перемѣшалось, перепуталось въ одинъ общій хаосъ. Разобрать, что творилось тамъ внизу, не было никакой возможности; но вотъ бѣглымъ шагомъ съ примкнутыми штыками явились турецкіе жандармы, и шквалъ урагана сразу пошелъ на убыль. Такъ продолжалось около трёхъ часовъ; но публика не расходилась, точно прикованная магнитомъ къ мѣсту, гдѣ суждено было рокомъ закончиться послѣднему акту многовѣковой исторической драмы...

Наконецъ, отдаленный, протяжный, какъ шумъ прибоя, гулъ человѣческихъ голосовъ возвѣстилъ, что посолъ нашъ, исполнивъ долгъ тяжелой миссіи, уже находился въ районѣ Перскаго холма. Затѣмъ еще нѣкоторое время мучительнаго любопытства, и бурный потокъ необъятной толпы окружилъ его экипажъ...

Наступила торжественная минута: орелъ нашъ съ широко распростертыми крыльями тихо и плавно опускался книзу; флагъ, продолжая играть и рѣзвиться съ южнымъ вѣтеркомъ, скользилъ туда же вслѣдъ за нимъ, а древко медленно склонилось на руки стоявшихъ на крышѣ людей...

— Ухъ!—рявкнула живая масса, точно замахнулись надъ ея головой огненнымъ мечомъ; дрогнулъ воздухъ, какъ отъ пушечнаго выстрѣла, а многократное эхо, подхвативъ звуковыя волны, унесло ихъ на биржу: съ головокружительной быстротой полетѣли внизъ бумаги, разоряя на своемъ пути кліентовъ ажіотажа и азарта... Тотчасъ же послѣ дипломатической церемоніи вся наша русская колонія отправилась въ Галату, чтобы занять мѣста на пароходахъ и до наступленія сумерекъ переѣхать границу Босфора, гдѣ также были заложены торпеды. Я оглядываюсь въ послѣдній разъ на роскошную панораму, ярко освѣщенную вечерней зарей; но она все дальше и дальше уплываетъ отъ меня, какъ сонъ, какъ волшебный миражъ. Государственные лоцмана благополучно провели насъ черезъ минныя загражденія—еще одинъ поворотъ винта, и

мы у выхода въ Черное море: сердитыя волны съ глухимъ рокотомъ встрѣчаютъ нашу флотилію и на своихъ бѣлоснѣжныхъ гребняхъ уносятъ ее къ русскимъ берегамъ...

Е. А. Рагозина.

Конецъ.

Воспоминанія о студентахъ Кіевской духовной академіи.

(съ 1819 — 1863 гг.)

Въ 1915 году Кіевская духовная академія праздновала трехсотлѣтіе своего существованія. Разрабатываютъ исторію академіи за этотъ періодъ нѣсколько профессоровъ этой академіи. Они, конечно, имѣютъ всѣ документальныя данныя для повѣствованія о жизни академіи во всѣхъ ея отношеніяхъ.

Мнѣ судилъ Богъ знать лично студентовъ Кіевской духовной академіи, окончившихъ въ первомъ академическомъ году (съ 1819—1829 г.) по ея преобразованіи. Нѣкоторыхъ изъ студентовъ академіи я только видѣлъ, какъ, напримѣръ, знаменитаго архіепископа Иннокентія (Борисова); нѣкоторые были моими учителями, напримѣръ, Андрей Демьяновичъ Граниковъ; нѣкоторые были коротко знакомы, какъ, напримѣръ, Аѳанасій Лотоцкій, бывшій намѣстникъ Почаевской лавры и скончавшійся въ званіи архимандрита, настоятеля Мелецкаго монастыря на Волыни; нѣкоторые же были моими учениками по Волынской, Смоленской и Полтавской семинаріямъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что студенты даже и изъ тѣхъ курсовъ, изъ которыхъ мнѣ стали извѣстны, т.-е. съ перваго курса по преобразованіи, получатъ подъ перомъ гг. профессоровъ, работающихъ надъ исторіей академіи, полный и возможно всесторонній очеркъ своихъ личностей и дѣятельности. Я въ своихъ воспоминаніяхъ не претендую ни на то, ни на другое. Мои замѣтки о студентахъ академіи носятъ характеръ дѣйствительной жизни, ни чуть не выдуманной.

Съ такимъ намѣреніемъ я и приступаю къ разсказу о студентахъ Кіевской духовной академіи съ перваго курса по преобразованіи.

Студенты первыхъ курсовъ по преобразованіи имѣли своими наставниками людей истинно благочестивыхъ. Извѣстно изъ наблюденій надъ жизнью, что первыя сѣмена, посѣянныя въ какомъ бы то ни было учрежденіи, слишкомъ сильно вліяютъ въ теченіе долгаго времени, и каждое учрежденіе долго живетъ духомъ своихъ первыхъ учредителей.

Кіевская духовная академія была тѣмъ счастлива, что она въ лицѣ первыхъ наставниковъ имѣла не поддѣльныхъ подвижниковъ благочестія, изъ которыхъ замѣчателенъ архимандритъ Мелетій (Леонтовичъ), скончавшійся 1840 года въ санѣ архіепископа харьковскаго. Когда Иннокентій (Борисовъ), архіепископъ харьковскій, устраивалъ подъ церковью архіерейскаго дома въ подвальномъ этажѣ новый храмъ, и когда рабочіе стали выбрасывать землю, то нашли тамъ кости нѣсколькихъ архіереевъ, а гробъ Мелетія найденъ съ нетлѣннымъ тѣломъ. Безъ всякаго сомнѣнія, архіепископъ Иннокентій, вспоминая подвижническую жизнь своего наставника академіи, не велѣлъ его болѣе предавать землѣ; и въ настоящее время архіепископъ Мелетій въ закрытомъ гробѣ почиваетъ нетлѣнно на виду всѣхъ въ нижней церкви архіерейскаго дома.

Первый курсъ.

(1819 — 1823 гг.)

Иванъ Борисовъ, воспитанникъ Орловской семинаріи, архимандритъ и потомъ епископъ Иннокентій, магистръ перваго курса. Съ 23 сентября 1823 года инспекторъ С-Петербургской семинаріи; съ 13 декабря 1824 года баккалавръ. съ 2 сентября 1825 г. инспекторъ и съ 7 января 1828 г. экстраординарный профессоръ С-Петербургской академіи. Въ 1826 г. за уроки по богословію и за сочиненіе: «Жизнь св. священномученика Кипріана, епископа карѳагенскаго, — Жизнь св. апостола Павла и Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа» возведенъ на степень доктора богословія. Съ 17 августа 1830 года ректоръ кіевской академіи и ординарный профессоръ богословія. Съ 3 октября 1837 года епископъ чичиринскій и викарій Кіевской епархіи, эзатѣмъ вологодскій, харьковскій. Скончался въ 1857 году въ санѣ архіепископа херсонскаго.

Объ архіепископѣ Иннокентіи я могу только сказать то, что онъ проѣздомъ въ Петербургъ въ Св. Синодъ въ 1852 году остановился въ Кіевѣ, обѣдалъ у митрополита Филарета и посѣтилъ Кіевскую академію. Мы, студенты 16 и 17 курсовъ собраны были въ залъ, куда Иннокентій вошелъ въ сопровожденіи начальства и академической корпораціи. Мы ожидали отъ такого знаменитаго оратора слышать какое-нибудь назидательное наставленіе. Ничего подобнаго не было. При входѣ архіепископа пропѣли мы обычное «Царю небесный», онъ насъ благословилъ общимъ благословеніемъ; затѣмъ, окинувъ внимательно взоромъ залъ и взглянувъ на портреты, находящіеся въ немъ (а ихъ тогда было очень немного), сказалъ: все то же, портреты тѣ же. Это означало, что при его пріемникахъ по ректорству въ залѣ ничего новаго не было. Начальство поняло слова архіепископа Иннокентія такъ, что онъ не видѣлъ въ залѣ своего портрета и по отъѣздѣ обратилось съ письменной просьбой дозволить написать его портретъ и поставить въ залъ, на что со стороны Иннокентія послѣдовало согласіе.

Архіепископъ Иннокентій не производилъ какого-нибудь сильнаго впечатлѣнія своимъ внѣшнимъ видомъ. На портретахъ его изображаютъ очень интеллигентнымъ, красивымъ, съ оттѣнкомъ нѣкотораго изящества въ лицѣ. Ничего подобнаго въ Иннокентіи не было. Лицо его было простое, похожее по типу на простыхъ крестьянъ, жителей Орловской губерніи, какой онъ дѣйствительно и былъ уроженецъ. Руки его были невыхоленныя, какъ у многихъ архіереевъ, но, напротивъ, красныя, поросшія волосами. Преподавая намъ благословеніе, Иннокентій въ то же время въ полголоса разговаривалъ съ начальствомъ, что на насъ дѣйствовало непріятно, потому что мы привыкли отъ митрополита Филарета получать благословеніе съ полнымъ вниманіемъ къ тому, что намъ преподавалось. Иннокентій отъ природы ли или отъ привычки говорилъ въ носъ. Онъ такъ вліялъ на своихъ учениковъ, что многіе изъ нихъ старались подражать ему въ произношеніи, даже копировали и усваивали его почеркъ. Это впослѣдствіи время отъ времени повторялось въ Кіевской академіи даже въ пятнадцатомъ курсѣ. Михаилъ Филаретовъ, впослѣдствіи архимандритъ Филаретъ, ректоръ Кіевской академіи, затѣмъ епископъ рижскій, не будучи студентомъ курсовъ, бывшихъ при Иннокентіи, и не слушавъ его лекцій, поставилъ себѣ правиломъ подражать Иннокентію въ выго-

ворѣ. Было довольно смѣшно, когда Филаретъ, обладавшій открытымъ голосомъ, хорошимъ произношеніемъ, вдругъ вспомнивъ, что нужно ему подражать Иннокентію, начиналъ говорить въ носъ и кончилъ тѣмъ, что навсегда испортилъ свой отчетливый и открытый русскій выговоръ.

По словамъ каѳедральнаго протоіерея г. Одессы (разсказъ 1866 года) по смерти архіепископа Иннокентія его архивъ отвезли въ Петербургъ и представили въ Св. Синодъ, причемъ набралось немало томовъ, потому что, зная даровитость Иннокентія, ему поручались нерѣдко государственные вопросы.

Тотъ же протоіерей передавалъ слѣдующій случай. Во время обзора епархіи въ Крыму (тогда архіепископу херсонскому былъ подчиненъ весь Крымъ, симферопольской епархіи не было) Иннокентій заболѣлъ; пригласивъ къ себѣ протоіерея, онъ сказалъ, чтобы вечеромъ собрались всѣ, сопровождавшіе его въ путешествіи, и онъ составилъ завѣщаніе на деньги, имѣющіяся у него, которыхъ наличными около пятисотъ тысячъ. Когда явились вечеромъ, Иннокентій чувствовалъ себя лучше и о завѣщаніи не говорилъ ни слова, но принялъ всѣхъ любезно, напоилъ чаемъ и отпустилъ. Никто не смѣлъ напомнить архіерею, что собрались не для угощенія, а для составленія завѣщанія.

По пріѣздѣ въ Одессу, въ непродолжительномъ времени Иннокентій скончался, не оставивъ завѣщанія. Деньги его укралъ одинъ изъ служащихъ, такъ что Иннокентія похоронили на соборный счетъ.

Архіепископъ Иннокентій умѣлъ привязывать къ себѣ людей. Мнѣ разсказывали, что онъ по временамъ собиралъ вокругъ себя кружокъ профессоровъ университета, преподавателей семинаріи и въ этомъ кружкѣ велъ разсужденія на разныя темы. Случалось часто, что Иннокентій вступалъ съ кѣмъ-нибудь въ собесѣдованіе, предоставлялъ своему оппоненту говорить и видимо соглашался съ нимъ. Затѣмъ Иннокентій спрашивалъ своего собесѣдника: кончили; и когда тотъ отвѣчалъ, что кончилъ, тогда Иннокентій и говорилъ: вотъ вы и ошибатесь, и начиналъ свои опроверженія.

Андрей Демьяновичъ Граниковъ, воспитанникъ Воронежской семинаріи, магистръ, а съ сентября 1823 года баккалавръ, съ 6 апрѣля 1831 года экстраординарный профессоръ всеобщей гражданской исторіи, а съ марта 1836 года ординарный профессоръ.

Андрей Демьяновичъ мой наставникъ въ Кіевской духовной академіи. Безъ сомнѣнія, біографическія свѣдѣнія о немъ собраны и изложены однимъ изъ профессоровъ составителемъ исторіи академіи; я только считаю долгомъ сообщить то впечатлѣніе, какое на насъ, студентовъ, производилъ онъ.

Андрей Демьяновичъ преподавалъ намъ всеобщую гражданскую исторію; читалъ онъ лекціи по тетрадкамъ, написаннымъ на синей бумагѣ. Устныхъ разсказовъ никогда мы отъ него не слыхали.

Андрей Демьяновичъ былъ также библіотекаремъ академіи; какъ библіотекарь, онъ былъ въ высшей степени любезенъ со студентами. Выдавая книги учащимся, онъ требовалъ аккуратности по отношенію къ нимъ и не допускалъ никакихъ поврежденій. Получая обратно учебники отъ студентовъ, онъ всегда освѣдомлялся о состояніи книги. Когда мы, студенты, сдавали учебники исторіи Кайданова, Андрей Демьяновичъ говоритъ: я не смотрю уже теперь въ эти книги: знаю, что вы въ нихъ пишете много глупостей.

А мы, зная аккуратность и точность Андрея Демьяновича, записывали на поляхъ исторіи Кайданова, съ какого числа Андрей Демьяновичъ начиналъ носить шубу, съ какого числа осеннее и весеннее пальто, съ какого лѣтнее, когда являлся на уроки во фракѣ (обязательно послѣдній онъ надѣвалъ въ день ангела отца каѳедральнаго протоіерея Іоанна Скворцова, профессора богословія университета св. Владиміра) и другіе подобные дни.

На своихъ лекціяхъ Андрей Демьяновичъ былъ всегда серьезенъ. Читалъ историческіе разсказы ровнымъ, размѣреннымъ темпомъ. Воодушевлялся онъ только при чтеніи двухъ героевъ — Александра Македонскаго и Альфреда Великаго. Въ семнадцатомъ курсѣ одинъ изъ моихъ товарищей Викторъ Юркевичъ во время самаго патетическаго изложенія Андреемъ Демьяновичемъ исторіи Александра Македонскаго зѣвнулъ; Андрей Демьяновичъ замѣтилъ это и только почесалъ около носа. Въ большинствѣ исторій Кайданова это событіе было записано.

Какъ аккуратный человѣкъ, Андрей Демьяновичъ въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ описанъ Викторомъ Ипатьевичемъ Аскоченскимъ, редакторомъ - издателемъ «Домашней бесѣды», въ стихотвореніи «Очень порядочный человѣкъ».

Андрей Демьяновичъ Границовъ скончался въ 1860 году въ чинѣ статскаго совѣтника.

Павелъ Діомидовъ, воспитанникъ Орловской семинаріи. Онъ долгое время былъ смотрителемъ Переяславскаго духовнаго училища, Полтавской губерніи и при немъ Переяславская бурса была въ томъ видѣ, въ какомъ ее описалъ Нарѣжный. Ученики о немъ отзывались, какъ о добромъ человѣкѣ. Извѣстенъ тѣмъ, что любилъ давать малороссійскимъ фамиліямъ великорусскій оттѣнокъ. Такъ, напримѣръ, Гаврило, впослѣдствіи ректоръ Полтавской духовной семинаріи, дѣлался у него Гавриловымъ, и т. д.

Вообще о жизни перваго курса (1819—1823 г.г.) Кіевской духовной академіи я знаю изъ разсказовъ студента перваго курса Аѳанасія Лотоцкаго,—впослѣдствіи архимандрита Амвросія. Онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее:

Студенты жили въ такъ называемомъ старомъ корпусѣ, внизу; желѣзныхъ рѣшетокъ въ окнахъ не было. Аудиторіи находились въ верхнемъ этажѣ того же корпуса. Жизнь студентовъ академіи, по словамъ архимандрита Амвросія, была въ высшей степени свободная, стѣсненій отъ начальства не было. Пользуясь тѣмъ, что въ окнахъ не было желѣзныхъ рѣшетокъ, студенты по вечерамъ уходили черезъ окна въ городъ и, проведя тамъ сколько угодно, такимъ же путемъ возвращались назадъ.

Одинъ, по словамъ того же архимандрита Амвросія, изъ студентовъ, харьковскій уроженецъ, чаще другихъ путешествовалъ въ городъ. Въ одну ночь онъ возвратился изъ города только въ одномъ бѣльѣ, даже сапоги съ него были сняты. Кровать его стояла подлѣ окна. Проснувшись утромъ, онъ обратился къ товарищамъ съ просьбой дать ему кирпичъ. Когда ему кирпичъ былъ поданъ, онъ разбилъ два нижнихъ стекла, оцарапалъ себѣ этимъ кирпичемъ лицо, бросилъ его на полъ и, обратясь къ одному изъ товарищей, который носилъ званіе старшаго [1]), сказалъ:—Старшій, пойди скажи отцу ректору, что у меня съ окна всю одежду украли, кирпичиной ранили въ лицо, а сапоги, братцы, дайте, потому что они на окнѣ не стояли.

Старшій такъ и сдѣлалъ. Ректоромъ академіи тогда былъ архимандритъ Моисей (Антиповъ), впослѣдствіи экзархъ Гру-

---

[1]) Старшими студентами въ семинаріяхъ и академіяхъ называются лучшіе студенты—ученики семинаріи по успѣхамъ и поведенію. Имъ поручается надзоръ за порядкомъ и вмѣняется въ обязанность наблюдать за товарищами. По окончаніи мѣсяца старшій долженъ подавать инспектору вѣдомость о поведеніи каждаго изъ товарищей.

зіи. Когда старшій доложилъ объ этомъ отцу ректору, послѣдній взглянулъ на разсказъ съ улыбкой. Приказалъ эконому сдѣлать все для студента, т.-е. сшить одежду. Но догадавшись, что это продѣлка студента, распорядился вставить въ окна желѣзныя рѣшетки.

По поводу подобнаго нововведенія случались такіе курьезы.

Помѣщенія съ рѣшетками въ окнахъ имѣли видъ тюремъ; и богомольцы, проходя мимо такихъ помѣщеній и видя тамъ, за рѣшеткой, молодыхъ людей, выражали сожалѣніе, что ранніе молодые, а уже попали въ тюремное заключеніе; иные изъ благочестивыхъ богомольцевъ клали на окна деньги.

Второй курсъ.

(1821—1825 г.г.).

Антоній Мартыновскій, кончилъ академію въ санѣ іеромонаха Анатолія, впослѣдствіи архіепископъ могилевскій, воспитанникъ Подольской семинаріи. Замѣчателенъ по своимъ ученымъ произведеніямъ. Его сочиненія о римскомъ католичествѣ считаются образцовыми.

По выходѣ на покой онъ жилъ и скончался въ одномъ изъ монастырей Кишиневской епархіи. Въ монастырѣ отъ монаховъ терпѣлъ онъ сильныя притѣсненія, которыя переносилъ терпѣливо и никогда не жаловался. Когда Павелъ, архіепископъ кишиневскій, при объѣздѣ епархіи узналъ объ этомъ, то спросилъ владыку Анатолія, правда ли, что онъ отъ монаховъ терпѣлъ притѣсненія.

Анатолій отвѣтилъ, что, напротивъ, ему въ монастырѣ живется очень хорошо и непріятностей отъ монаховъ онъ не видитъ никакихъ.

Замѣчателенъ оставшійся послѣ него портретъ. Онъ былъ написанъ красками на полотнѣ, а потомъ копіи продавали въ литографированномъ видѣ. На портретѣ владыка Анатолій изображенъ такъ: Архіерей, услышавшій звонъ къ литургіи, упалъ въ глубокую думу, предъ нимъ на столѣ, на который онъ облокотился, положенъ клобукъ, и въ клобукѣ вложены

всѣ ордена, какими тогда украшались архіереи во время богослуженія [1]).

Архіепископъ Анатолій былъ друженъ и, кажется, дальній родственникъ Гричулевичей, изъ которыхъ сынъ старца Гричулевича, извѣстнаго своими очень удачными проповѣдями на малороссійскомъ языкѣ, былъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ епископомъ и также носилъ имя Анатолія.

Николай Савченко, воспитанникъ Курской семинаріи, впослѣдствіи Нафанаилъ, епископъ полтавскій, потомъ архангелогородскій, скончавшійся въ званіи архіепископа черниговскаго.

Николай Савченко былъ сначала священникомъ; овдовѣвъ, онъ принялъ монашество. Какъ епископъ полтавскій, онъ оставилъ по себѣ въ епархіи недобрую память.

Въ Архангельскѣ онъ жилъ какъ въ ссылкѣ. Никогда не обозрѣвалъ епархіи, довелъ до запустѣнія и развалинъ архіерейскій домъ и тогда просилъ у Св. Синода разрѣшеніе купить новый, что было и разрѣшено. Купленный домъ находился на берегу рѣки Двины противъ пристани, на которой въ лѣтнее время происходили днемъ и ночью разныя работы, такъ что въ архіерейскомъ домѣ не было покоя для жильцовъ.

Такъ какъ въ этомъ домѣ не было домовой церкви, то епископъ Нафанаилъ устроилъ ее на одномъ изъ угловъ второго этажа. Иконостасъ въ храмѣ писалъ Александръ Васильевичъ Вьюшинъ; всѣ иконы были написаны въ видѣ литографическихъ снимковъ; предъ иконами не было устроено мѣсто для постановки свѣчей, освѣщались онѣ лампадами, придѣланными по бокамъ на пилястрахъ, а предъ самыми иконами не было ни свѣчъ, ни лампадъ. Только одна икона Божіей Матери была живописная. Ее держали два ангела, нарисованные по бокамъ.

Изъ Архангелогородской епархіи епископъ Нафанаилъ былъ переведенъ въ Черниговскую епархію, гдѣ въ званіи

---

[1]) Въ прежнее время архіереи во время священнослуженія въ слѣдъ за крестомъ и панагіей надѣвали всѣ ордена, какіе кто имѣлъ. Чрезвычайно непріятное впечатлѣніе производило то, что одинъ изъ иподіаконовъ во время литургіи только и занятъ былъ тѣмъ, что послѣ каждаго поклона, сдѣланнаго архіереемъ, поправлялъ на спинѣ владыки орденскія ленты.

Ношеніе орденовъ во время священнослуженія отмѣнено по настоянію митрополита московскаго Іоанникія и оберъ-прокурора Св. Синода Константина Петровича Побѣдоносцева. Они хотѣли было совсѣмъ отмѣнить награды орденами духовенству, но не хотѣли дразнить, какъ выразился митрополитъ Іоанникій, петербургскаго митрополита Исидора и многихъ другихъ лицъ изъ высшаго духовенства, которые были противъ отмѣны орденовъ.

архіепископа скончался и погребенъ подъ Троицкимъ храмомъ въ монастырѣ.

Я съ нимъ впервые встрѣтился въ самомъ г. Архангельскѣ, когда былъ назначенъ настоятелемъ Пертоминскаго монастыря. Такъ какъ Нафанаилъ былъ епархіальнымъ архіереемъ, то я по долгу службы долженъ былъ ему представиться. Когда я ему представился, онъ отнесся ко мнѣ весьма благосклонно; мы съ нимъ долго сидѣли и разговаривали, подъ конецъ онъ сказалъ:—Удивительное дѣло: съ инымъ человѣкомъ ни слова не скажешь, а съ вами какъ будто мы всю жизнь прожили.

Вообще преосвященный Нафанаилъ былъ человѣкомъ всесторонне образованнымъ. Одинъ разъ онъ мнѣ цѣлый часъ говорилъ объ устройствѣ печей.

Однако, благосклонность епископа Нафанаила продолжалась ко мнѣ не долго. Нашлись люди, которые, воспользовавшись слабостью Нафанаила, охладили его добрыя отношенія ко мнѣ. У преосвященнаго Нафанаила, какъ и у многихъ другихъ стариковъ, было убѣжденіе, что онъ въ своихъ распоряженіяхъ вполнѣ самостоятеленъ. И чтобы такихъ людей вооружить противъ кого-нибудь, стоитъ имъ внушить мысль, что на нихъ вліяютъ другія лица къ нимъ близкія. То же было и съ Нафанаиломъ.

Нашлись люди, которые ему сказали, будто бы я хвалился гдѣ-то, что имѣю на него большое вліяніе, и онъ подъ такимъ вліяніемъ дѣлаетъ свои распоряженія. Преосвященный Нафанаилъ повѣрилъ этому и охладѣлъ ко мнѣ.

Когда я узналъ о причинѣ охлажденія его ко мнѣ, я ему выяснилъ, что я не только не говорилъ ничего подобнаго, но даже и не могъ сказать о какомъ-нибудь вліяніи на него потому, что въ Архангельскѣ бываю разъ, много два въ теченіе года; значитъ, съ нимъ вижусь рѣдко и то на самое короткое время, и потому не могло быть и рѣчи о томъ, что я могъ хвалиться гдѣ-нибудь близостью къ нему и вмѣшательствомъ въ епархіальныя дѣла. Преосвященный Нафанаилъ понялъ это, но тѣмъ не меньше продолжалъ относиться ко мнѣ довольно холодно.

Къ числу хорошихъ чертъ епископа Нафанаила можно упомянуть о томъ, что во время священнослуженія, совершаемаго имъ благолѣпно и безъ растягиваній, во время кажденія послѣ малаго входа, пѣвчіе пѣли по его приказанію «Заступница усердная»... вмѣсто ис полла эти, деспота.

Когда я замѣтилъ ему разъ о этой особенности его служенія, епископъ Нафанаилъ сказалъ: пусть лучше прославляютъ Матерь Божію, чѣмъ восхвалять архіерея.

Николай Кардасевичъ, воспитанникъ Подольской семинаріи. Былъ протоіереемъ въ мѣстечкѣ Радзивиловъ, Волынской губерніи. Это былъ человѣкъ честный, благородный и высокой христіанской жизни.

Я познакомился съ нимъ во время службы моей въ Волынской духовной семинаріи, которая тогда помѣщалась въ г. Кременцѣ, часто ѣздилъ къ нему въ м. Радзивиловъ (отъ Кременца 25 верстъ) и видѣлъ въ немъ всегда умнаго, отзывчиваго участника въ каждомъ моемъ горькомъ положеніи.

Отецъ протоіерей ненавидимъ былъ поляками м. Радзивилова, такъ какъ онъ былъ чисто русскаго характера и направленія. Поляки и полякующіе русскіе дѣлали положеніе отца протоіерея тяжелымъ во всѣхъ отношеніяхъ. На кладбищѣ мѣстечка находилась церковь, на которую не давали никакихъ средствъ для ея поддержки; она сдѣлалась уже непригодной для служенія. Случайно въ м. Радзивиловъ умеръ и погребенъ былъ на кладбищѣ одинъ знатный сенаторъ изъ Петербурга. Надъ могилой его была устроена часовня. Эту часовню отецъ протоіерей обратилъ въ церковь, пристроивъ къ ней притворъ. Въ самой же церкви такъ было тѣсно, что могли помѣститься только священникъ, нѣсколько пѣвцовъ и человѣкъ десять богомольцевъ и то съ трудомъ.

Всѣми силами отецъ протоіерей старался поправить главный деревянный храмъ, чего наконецъ и достигъ.

Освященіе храма съ разрѣшенія епископа волынскаго Антонія (Павлинскаго) совершилъ самъ отецъ протоіерей съ двумя преподавателями Волынской духовной семинаріи.

Онъ мнѣ ничего достойно примѣчательнаго о жизни своей и товарищей по академіи не сообщалъ.

Василій Янчевскій, воспитанникъ Черниговской семинаріи. Былъ смотрителемъ Новгородъ Сѣверскаго духовнаго училища. Онъ долгое время занималъ эту должность и въ то же время былъ уѣзднымъ протоіереемъ.

Не могу судить о немъ какъ священникѣ, но какъ о смотрителѣ училища нельзя не сказать, что это былъ человѣкъ, думавшій только о себѣ и своей семьѣ, и не обращавшій никакого вниманія на несчастное положеніе учениковъ училища.

Должности учительской онъ не занималъ въ училищѣ, а только считался ея смотрителемъ. При немъ помѣщенія для учениковъ были отведены—четыре большихъ комнаты, въ зданіи училища, которое помѣщалось въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ г. Новгородъ-Сѣверска. Они содержались въ такой грязи, что когда пріѣхалъ ревизоръ изъ черниговскихъ преподавателей семинаріи, архимандритъ Іосифъ, начальство училища не могло домыться до досокъ.

Наслоеніе грязи было такъ велико, что требовалась геркулесовская сила, чтобы смыть ее. Начальство, не видя возможности смыть грязь до половъ, порѣшило только высыпать полъ пескомъ, и ревизоръ даже не сдѣлалъ за это замѣчанія начальству.

Кормили учениковъ только для поддержанія ихъ жизни. Чтобы имѣть что-нибудь для подкрѣпленія себя, ученики бурсы—казеннокоштные придумали такое средство. Зимою, когда классы совершенно не топились и бѣдные учителя и ученики сидѣли на урокахъ въ холодныхъ помѣщеніяхъ, казеннокоштные позволяли своекоштнымъ приходить въ ихъ помѣщенія и за это каждый своекоштный долженъ былъ внести въ пользу казеннокоштнаго два-три куска сала.

Этимъ достигалось только то, что ученики своекоштные окончательно выстуживали помѣщенія казеннокоштныхъ, сами отъ того нисколько не согрѣваясь. Кромѣ того двери въ помѣщенія казеннокоштныхъ учениковъ вели изъ холоднаго коридора.

Смотритель, Василій Янчевскій, все это видѣлъ и не принималъ никакихъ мѣръ къ улучшенію быта несчастныхъ дѣтей.

Мы, ученики, видѣли его въ училищѣ очень рѣдко.

Придетъ онъ, вызоветъ инспектора Крыловскаго, съ нимъ въ отдѣльномъ помѣщеніи для инспектора проведетъ нѣсколько часовъ и уйдетъ, а ученики остаются по-прежнему въ холодѣ и голодными. Новгородъ-Сѣверская бурса гораздо была хуже всего того, что описываетъ Помяловскій въ своей С.-Петербургской бурсѣ.

Больницы не было. Дѣло дошло до того, что больные ученики лежали въ тѣхъ же помѣщеніяхъ, гдѣ и жили. Одного изъ учениковъ нашли мертвымъ въ стоячемъ положеніи у своей кроватки; но на это никто не обратилъ вниманія. Таково было отношеніе Янчевскаго къ училищу и намъ.

Учителя съ нами обращались очень грубо; пороли насъ безъ милосердія; за всякую рѣзвость назначалась учителями

порка. Сидя въ холодныхъ помѣщеніяхъ, мы одинъ разъ придумали самую невинную шалость. Сдѣлали волчки, устроили кнутики и въ промежуткахъ между уроками, чтобы согрѣться, гоняли эти волчки по коррид̀ору. Одинъ изъ учителей, священникъ Громаковскій, узналъ объ этомъ, отобралъ наши игрушки и каждаго изъ участниковъ въ этой игрѣ подвергъ наказанію. И это все смотритель зналъ и допускалъ практиковаться такому отношенію учителей къ намъ.

Помнится, была разъ одна такая сцена. Одинъ изъ учениковъ зналъ, что отецъ его доставилъ одному изъ учителей рыбы. Когда этотъ мальчикъ разъ не зналъ урока, а видно мальчикъ былъ изнѣженъ, дома розги не зналъ и боялся ее, этого мальчика учитель приказалъ высѣчь. Услыхавъ это, мальчикъ бросился къ учителю, схватилъ его за ноги и кричалъ: Господинъ учитель, пощадите, рыбки привезу. Учитель этотъ страдалъ ревматизмомъ и, когда мальчикъ схватилъ его за больныя ноги, вышелъ изъ себя, приказалъ другимъ мальчикамъ оттащить отъ себя и еще болѣе его выпороть.

Таковъ былъ строй тогда въ Новгородъ-Сѣверскомъ духовномъ училищѣ, да и въ другихъ не лучше, какъ разсказывали товарищи по академіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. ***А. М. Чижевскій.***

Собственноручное письмо графа Михаила Михайловича Сперанскаго къ Алексѣю Давыдовичу Панчулидзеву.

Милостивый Государь мой Алексѣй Давыдовичъ.

Вчерашній день съ естафетой получилъ письмо вашего превосходительства о перемѣнѣ нѣкоторыхъ статей въ предполагаемыхъ земляхъ поспѣшаю препроводить при семъ прошеніе въ казенную палату о выборѣ по послѣднему назначенію. Одно слово ваше лучше для меня всѣхъ увѣреній я надѣюсь, что перемѣна послужитъ даже къ лучшему. Поспѣшаю прошеніемъ единственно для того, чтобъ не быть предупрежденнымъ другими исканіями и чтобъ не затруднять васъ отказомъ имъ въ мою пользу. Но со всемъ тѣмъ, я бы желалъ, чтобъ прошеніе сіе пущено было въ ходъ не прежде, какъ предстанетъ къ тому необходимость, дабы между тѣмъ имѣть мнѣ время осмотрѣться и нарядить повѣреннаго. Не скрою отъ васъ, что сей повѣренный будетъ Г-нъ Халкіо..., братъ здѣшняго полицмейстера. Онъ теперь собираетъ свѣдѣнія не о добротѣ земли: ибо послѣ вашего мнѣ не нужно въ семъ никакихъ увѣреній, но о возможности и цѣнѣ продажи и лицъ желающихъ. Письмо къ Г-ну вице-губернатору при семъ прилагаю вмѣстѣ съ отвѣтомъ къ Дмитрію Алексѣевичу.

Сего дня по утру одинъ изъ здѣшнихъ моихъ пріятелей донесъ до свѣдѣнія моего и разхаивалъ одну статью въ *Сердобской округѣ отрѣзную отъ села Ключей помѣщика Норова* [1]. Не зная съ довѣренностью ни свойства сего участка ни возможности его отдачи я не смѣлъ включить его въ прошеніе; но дабы не упустить его назначенія, если бы то представилось выгоднымъ и удобнымъ я

[1] Курсивъ самого Сперанскаго.

рѣшилъ написать другое прошеніе, въ коемъ къ статьямъ отъ васъ назначеннымъ присовокупляю и сію придавая въ прочемъ сіе прошеніе въ полное ваше распоряженіе.

Примите искреннее увѣреніе въ совершенномъ почитаніи, съ коимъ честь имѣю быть вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

М. Сперанскій.

Сообщ. *Э. П. Юргенсонъ.*

Въ Пензѣ
23 Марта
1818.

Мимоходомъ.

Купоны.

Введеніе въ Имперіи единства кассы и преобразованіе государственнаго счетоводства и отчетности, совершенныя въ 1866 г. государственнымъ контролеромъ Татариновымъ, высоко подняли значеніе государственнаго контроля. Значеніе это выразилось, главнымъ образомъ, въ строгомъ порядкѣ составленія и исполненія финансовыхъ смѣтъ всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій, въ приведеніи въ точную извѣстность казенныхъ экономическихъ капиталовъ, находившихся въ разныхъ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ, затѣмъ сосредоточенныхъ въ кассахъ министерства финансовъ и особенно— въ тѣхъ авторитентыхъ заключеніяхъ, которыя контроль давалъ по множеству разнообразныхъ вопросовъ, вызванныхъ реформою. Вопросовъ этихъ было такъ много и разрѣшать ихъ нужно было такъ быстро, что оказалась необходимость образовать въ составѣ ревизіонной комиссіи контроля особый отдѣлъ, который называли «малымъ законодательнымъ отдѣломъ». Отдѣлъ этотъ работалъ сначала подъ руководствомъ Думшина, а затѣмъ Н. Н. Мамантова и Н. К. Арнольди, въ высшей степени усердно и полезно, достойнымъ образомъ поддерживая добрую славу и значеніе государственнаго контроля. Вообще первыя пять лѣтъ послѣ реформы были временемъ полнаго расцвѣта контроля: почти всѣ учрежденія, прежде чѣмъ исполнить то или иное хозяйственное мѣропріятіе, справлялись письменно или словесно—можно ли то или иное? И контроль давалъ всегда ясные мотивированные отвѣты, а учрежденія почти всегда принимали эти разъясненія безъ всякихъ возраженій.

Въ началѣ 1870 г. упомянутый отдѣлъ временно былъ порученъ мнѣ, впредь до открытія вакансіи управляющаго въ одной изъ контрольныхъ палатъ центральныхъ губерній. Черезъ полгода вакансія открылась въ Рязанской контрольной палатѣ, при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ.

По существовавшему въ то время порядку, оплаченные купоны отъ билетовъ Государственнаго банка представлялись въ натурѣ на ревизію въ контрольныя палаты заштемпелеванными и пришитыми къ листамъ бумаги, какъ оправдательные документы, при чемъ типографская краска штемпельныхъ знаковъ бывала иногда на купонахъ едва замѣтна, а иногда на нихъ оставался только чистый оттискъ. Молодой чиновникъ Рязанской контрольной палаты Ѳаворовъ, которому поручена была ревизія оплаченныхъ казначействами купоновъ, сообразилъ, что купоны съ чистыми оттисками можно снова пустить въ оборотъ, если ихъ подержать надъ паромъ изъ самовара и затѣмъ положить подъ прессъ, а пробоинки отъ иголочныхъ проколовъ затереть бѣлымъ воскомъ. Сдѣланный имъ опытъ вполнѣ удался: поддѣланные такимъ способомъ купоны безпрепятственно принимались въ магазинахъ, въ ресторанахъ, въ клубѣ и даже въ отдѣленіи государственнаго банка, какъ это видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія. Въ короткое время Ѳаворовъ сфабриковалъ такихъ купоновъ и пустилъ въ оборотъ на 11.800 руб. Это дало ему возможность зажить довольно широко. Получая въ контрольной палатѣ всего 25 руб. въ мѣсяцъ, Ѳаворовъ вдругъ сталъ дѣлать большія затраты на костюмы для себя и его двухъ сестеръ; очень часто уѣзжалъ въ Москву, посѣщая тамъ театры всегда на первыхъ мѣстахъ; возвращаясь, привозилъ сестрамъ цѣнные подарки, а нѣкоторымъ знакомымъ дорогія сигары; наконецъ въ клубѣ на танцовальныхъ вечерахъ появлялся шикарно отдѣтымъ съ дорогимъ хронометромъ и толстою золотою цѣпью, а молоденькія сестры — всегда въ свѣжихъ скромныхъ костюмахъ. Послѣ танцевъ онъ заказывалъ ужинъ на четверыхъ съ дюшесами и шампанскимъ, приглашая своего друга, молодого купца Игнатьева.

Всѣ въ городѣ замѣтили, конечно, это внезапное обогащеніе Ѳаворовыхъ, но объяснили тѣмъ, что отецъ ихъ, проживавшій постоянно въ большомъ имѣніи помѣщика Шиловскаго, у котораго онъ былъ управляющимъ, обратилъ наконецъ вниманіе на то, что дочери достигли возраста невѣстъ, что держать ихъ въ черномъ тѣлѣ, какъ раньше, было уже

неудобно, расщедрился и снабдилъ сына, какъ старшаго изъ дѣтей, значительными средствами, чтобъ дѣвочки могли быть прилично одѣты, бывать у знакомыхъ и у себя принимать (матери у нихъ не было).

Одинъ только секретарь палаты Крымскій подозрительно смотрѣлъ на такую перемѣну въ жизни Ѳаворовыхъ. Онъ объяснилъ себѣ ее предположеніемъ, что Ѳаворовъ, отправляясь каждую недѣлю дня на 2, а иногда и на 3 въ Москву, вошелъ въ какую-либо шулерскую шайку и этимъ путемъ добывалъ крупныя деньги. Но, не имѣя точныхъ на этотъ счетъ данныхъ, Крымскій никому подозрѣній не высказывалъ.

Обнаружилось преступленіе Ѳаворова такимъ образомъ:

Контрольная палата обязана была не позже первыхъ числъ іюля представить въ центральную бухгалтерію контроля вѣдомость объ оплаченныхъ въ теченіе первой половины года купонахъ отъ билетовъ Государственнаго банка. Вѣдомость эту составлялъ обыкновенно тотъ чиновникъ, на котораго возлагалась ревизія этихъ купоновъ. Въ данномъ случаѣ обязанъ былъ это исполнить Ѳаворовъ, но онъ, заперевъ свой ящикъ, гдѣ хранились купоны, самъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ Москву, А между тѣмъ изъ центральныхъ бухгалтеріи телеграмма за телеграммой: «когда будетъ представлена купонная вѣдомость? отвѣчайте срочно; отчего молчите? что случилось?» Все это вызвало въ Рязанской палатѣ переполохъ. Управляющаго Астракова въ Рязани не было, онъ проживалъ въ своемъ имѣніи; заступавшій его мѣсто старшій ревизоръ Мироновъ, больной нервный почти уже старикъ, совсѣмъ растерялся и ничего не могъ предпринять, а другой старшій ревизоръ Бѣльскій, въ отдѣлѣ котораго случилось происшествіе, недавно предъ этимъ потерявшій жену, совсѣмъ уже былъ близокъ къ помѣшательству и за нимъ установлено было постоянное наблюденіе, при чемъ изъ его квартиры убраны были всѣ рѣжущіе и колющіе инструменты, а также шнурки и веревки. И только секретарь Крымскій, о которомъ уже упомянуто выше, оказался на высотѣ положенія: онъ доложилъ Миронову, что нужно назначить комиссію, которой поручить вскрыть ящикъ Ѳаворова, провѣрить казначейскую вѣдомость съ оправдательными документами, т.-е. оплаченными купонами, и тогда составить свою вѣдомость, которую и представить въ центральную бухгалтерію. Комиссія была назначена подъ предсѣдательствомъ Крымскаго изъ двухъ помощниковъ ревизоровъ Надеждина и Смирнова; кромѣ того

Крымскій пригласилъ двухъ постороннихъ понятыхъ и вызвалъ слесаря. Когда ящикъ былъ вскрытъ, то члены комиссіи увидѣли лежавшую надъ массой купоновъ казначейскую вѣдомость, въ которой общій итогъ оплаченныхъ купоновъ былъ показанъ въ суммѣ 180.000 руб., но цифра эта оказалась перечеркнутою карандашемъ и надъ нею рукою Ѳаворова написано: „168.200 руб.“. Эта карандашная поправка ясно показала, что на разность между этими двумя суммами (т.-е. на 11.800 руб.) купоновъ недостаетъ, что по перечетѣ ихъ вполнѣ и подтвердилось. Немедленно былъ составленъ актъ, который контрольная палата препроводила прокурору для назначенія слѣдствія; вмѣстѣ съ тѣмъ палата донесла государственному контролеру.

На другой день Ѳаворовъ возвратился изъ Москвы и былъ немедленно арестованъ, при чемъ при обыскѣ купоновъ у него не найдено, а денегъ оказалось около 30 руб. На предъявленное обвиненіе Ѳаворовъ отвѣчалъ, что обревизованные купоны всѣ были въ сохранности и подъ замкомъ, а кто отбилъ ящикъ и вытащилъ изъ разныхъ пачекъ купоны, онъ не знаетъ и ни на кого указать не можетъ.

Государственный контролеръ, получивъ подробныя объ этомъ происшествіи свѣдѣнія, командировалъ въ Рязань одного изъ высшихъ чиновниковъ контроля [1]) для производства дознанія о томъ, не замѣшанъ ли въ дѣлѣ Ѳаворова еще кто-либо изъ чиновниковъ палаты. А управляющій палатою Астраковъ, опасаясь быть привлеченнымъ къ дѣлу, поспѣшилъ подать прошеніе объ увольненіи его въ отставку, каковую и получилъ.

Командированный изъ Петербурга чиновникъ, въ виду того, что происшествіе съ купонами случилось въ ревизіонномъ отдѣлѣ старшаго ревизора Бѣльскаго, обратилъ особенное вниманіе на этотъ отдѣлъ, но самая тщательная ревизія не представила никакихъ данныхъ для обвиненія Бѣльскаго въ какихъ-либо неправильныхъ дѣйствіяхъ, а отзывы видныхъ лицъ въ городѣ, какъ: губернатора, вице-губернатора и др., были въ высшей степени благопріятны для Бѣльскаго, котораго всѣ считали честнымъ и добросовѣстнымъ человѣкомъ.

Не ограничившись однако собранными свѣдѣніями, упомянутый чиновникъ, съ согласія слѣдователя, призналъ нужнымъ посѣтить тюрьму, чтобы съ глазу на глазъ вызвать

---

[1]) Николая Николаевича Мамантова.

Ѳаворова на откровенную бесѣду. Добился ли онъ отъ Ѳаворова такой откровенности или нѣтъ, осталось неизвѣстнымъ. И вообще петербургскій чиновникъ при всей его любезности былъ настолько непроницаемъ, что никто въ Рязани не зналъ, къ какому заключенію привело его разслѣдованіе купоннаго дѣла.

Что же касается Ѳаворова, то какъ до пріѣзда этого чиновника, такъ и послѣ онъ при допросахъ слѣдователя Минцлова продолжалъ утверждать, что онъ непричастенъ къ растратѣ купоновъ и еще менѣе къ выпуску ихъ въ обращеніе, что купоны у него не были всѣ въ цѣлости и что карандашную поправку между строкъ сдѣлалъ не онъ, а кто именно—не знаетъ.

Выше было сказано, что завѣдываніе такъ наз. малымъ законодательнымъ отдѣломъ было поручено мнѣ только временно впредь до открытія вакансіи управляющаго палатою; поэтому, когда Астраковъ былъ уволенъ, то немедленно послѣдовало мое назначеніе. Объявляя мнѣ объ этомъ, Островскій сказалъ, что мнѣ, конечно, «уже извѣстно, что произошло въ Рязанской палатѣ, и хотя слѣдствіемъ не выясненно съ точностью—одинъ ли чиновникъ Ѳаворовъ виновенъ въ преступленіи или замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ и старшій ревизоръ Бѣльскій, но на него косвенно падаетъ нѣкоторое подозрѣніе и положеніе его виситъ на волоскѣ. Мы даемъ вамъ ножницы, которыми вы можете волосокъ этотъ перерѣзать, и тогда Бѣльскій будетъ потерянъ для контроля навсегда. Но мы съ Александромъ Агеевичемъ [1]) надѣемся, что вы поступите осторожно». Поблагодаривъ за назначеніе, я отвѣтилъ, что прежде, чѣмъ остановлюсь на какомъ-либо рѣшеніи относительно Бѣльскаго, я представлю государственному контролеру подробный докладъ объ всемъ, что узнаю.

Первыя впечатлѣнія, вызванныя Рязанскою палатою, не были особенно пріятны: частный деревянный съ мезониномъ домъ, гдѣ палата помѣщалась, просуществовалъ, вѣроятно, много десятковъ лѣтъ, а быть можетъ — и цѣлое столѣтіе; средняя часть его подъ мезониномъ значительно осѣла, отчего боковыя части казались какъ бы выпученными. Внутри только кабинетъ управляющаго имѣлъ довольно приличный видъ, прочія же комнаты были завалены отъ пола чуть не до потолка толстыми шнуровыми книгами казначействъ и волост-

[1]) Абаза, государственный контролеръ.

ныхъ правленій за нѣсколько лѣтъ, а мезонинъ загруженъ массой книгъ почтовыхъ конторъ, отдѣленій и станцій, по вѣсу, какъ доложилъ чиновникъ, до 5 тысячъ пудовъ [1]), и вездѣ все покрыто толстымъ слоемъ пыли.

Первое же знакомство съ личнымъ составомъ палаты произвело еще болѣе тяжелое впечатлѣніе: всѣ и старшіе и младшіе чиновники имѣли крайне угнетенный видъ какъ бы въ предчувствіи, что на нихъ вотъ-вотъ опустится Дамокловъ мечъ и всѣ они очутятся вышибленными изъ колеи. Но на этотъ разъ предчувствіе ихъ обмануло: никто не былъ удаленъ, всѣ остались на своихъ мѣстахъ. Въ краткой рѣчи, обращенной къ моимъ новымъ сослуживцамъ, я объяснилъ, что по условіямъ службы въ контролѣ каждый дѣятель, которому ввѣрена самостоятельная ревизія, отвѣчаетъ самъ за себя; наблюденіе старшихъ надъ младшими ограничивается, по необходимости, только перевѣркой работы на выдержку; перевѣрять же во всей подробности оправдательные документы, шнуровыя книги, квитанціонные талоны, лѣсопорубочные билеты, оплаченные купоны и проч., распредѣляемые въ отдѣлѣ между нѣсколькими младшими чиновниками, начальнику этого отдѣла физически не возможно. Изъ сказаннаго вы видите, что я чуждъ мысли обвинить кого-либо въ попустительствѣ относительно Ѳаворова или недостаточномъ надзорѣ за нимъ. Во всякомъ случаѣ такое обвиненіе было бы преждевременно. Напротивъ я прихожу къ вамъ съ полнымъ довѣріемъ, что каждый изъ васъ исполняетъ свой долгъ, какъ велитъ законъ и совѣсть. Теперь на всѣхъ насъ лежитъ обязанность помочь слѣдователю въ розысканіи вещественныхъ доказательствъ преступнаго дѣянія Ѳаворова, и я очень прошу ихъ содѣйствія въ этомъ отношеніи.

Затѣмъ, дѣлая оффиціальные визиты представителямъ разныхъ учрежденій, я заводилъ рѣчь о Бѣльскомъ, чтобъ узнать, какое у нихъ составилось представленіе о купонномъ инцидентѣ и о возможномъ соучастіи Бѣльскаго. Всѣ: губернаторъ Болдыревъ, вице-губернаторъ. Волковъ, предсѣдатель окружнаго суда Коробьинъ, губернскій предводитель дворянства

---

[1]) Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потолокъ въ комнатѣ подъ мезониномъ осѣлъ вершковъ на 6, вся штукатурка свалилась на столы и стулья, которые значительно были повреждены. Хотя потолокъ и былъ укрѣпленъ досками и стойками, но я не позволилъ чиновникамъ заниматься въ этой комнатѣ. По моему ходатайству для контрольной палаты отведено было и приспособлено помѣщеніе въ казенномъ домѣ. Къ счастію, обвалъ штукатурки случился ночью и никто не пострадалъ.

князь Волконскій, управляющій казенною палатою Фефеловъ, городской голова Офросимовъ, а также многіе изъ второстепенныхъ лицъ,—всѣ рѣшительно отвергли мыслъ о такомъ соучастіи, напротивъ всѣ отозвались о Бѣльскомъ, какъ человѣкѣ вполнѣ порядочномъ и добросовѣстномъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что Бѣльскій былъ очень популяренъ въ Рязанской губерніи, такъ какъ, помимо контрольной службы, успѣшно занимался частною адвокатскою практикою, выступая большею частію безвозмездно въ окружномъ судѣ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ.

Успокоившись до нѣкоторой степени относительно Бѣльскаго, я всѣ усилія сосредоточилъ къ розысканію выпущенныхъ Ѳаворовымъ купоновъ, но въ теченіе двухъ мѣсяцевъ успѣха не было; такъ же безрезультатны были и всѣ мѣры, предпринятыя слѣдователемъ Минцловомъ, который высказалъ почти увѣренность, что Ѳаворовъ дѣйствовалъ очень осторожно и въ Рязани купонами не расплачивался, пуская ихъ въ оборотъ только въ Москвѣ. Но предположеніе Минцлова не оправдалось. Счастливый случай помогъ добыть неотразимое доказательство виновности Ѳаворова. Произошло это такъ:

Изрѣдка я заходилъ въ общественный клубъ почитать газеты и затѣмъ посмотрѣть на удивительную игру на билліардѣ дворянина Топоркова, привлекавшую всегда много зрителей. Одинъ изъ нихъ, капитанъ Полонскій, увидѣвъ меня, подошелъ поздороваться и побесѣдовать о мѣстныхъ интересахъ. Нужно сказать, что у Полонскаго было множество знакомыхъ во всѣхъ слояхъ общества, всѣ любили этого веселаго, остроумнаго и общительнаго человѣка. Бесѣдуя съ нимъ, я подумалъ—не слышалъ ли онъ чего-нибудь о купонахъ и Ѳаворовѣ. На мой вопросъ объ этомъ, Полонскій отвѣтилъ, что о купонахъ не только слышалъ, но нѣсколько разъ видѣлъ, какъ Ѳаворовъ расчитывался купонами съ здѣшнимъ буфетчикомъ за ужины, и онъ даже думаетъ, что у буфетчика, вѣроятно, сохранились еще нѣкоторые купоны, полученные отъ Ѳаворова; думаетъ онъ такъ потому, что буфетчикъ богатый человѣкъ, въ деньгахъ не нуждается, положилъ купоны въ укромное мѣсто, да и забылъ, что ихъ нужно размѣнять.

Немедленно мы отправились къ буфетчику, который на предложенный вопросъ совершенно спокойно отвѣтилъ, что г. Ѳаворовъ неоднократно во время танцовальныхъ вечеровъ заказывалъ хорошіе ужины на четыре персоны съ шампан-

скимъ и дюшесами, никогда не оставался должнымъ ни одной копейки, а расплачивался почти всегда купонами. Послѣдніе купоны, полученные отъ Ѳаворова весною, онъ, буфетчикъ, спряталъ въ секретный ящикъ конторки, да все за недосугомъ не собрался ихъ размѣнять. При этомъ онъ выдвинулъ ящикъ и досталъ 6 купоновъ, въ числѣ которыхъ два по $12^1/_2$ руб., а четыре по $2^1/_2$ руб. При самомъ внимательномъ осмотрѣ мы рѣшительно не могли найти что-либо такое, что давало бы поводъ заподозрить правильность купоновъ—всѣ они были чисты, безъ пятенъ и безъ оттисковъ. Но когда мы подняли купоны на высоту лампы и стали разсматривать на свѣтъ, то пробоинки отъ проколовъ иглы ясно обозначились, при чемъ неровности прорывовъ были тщательно прилажены и затерты бѣлымъ воскомъ, такъ что и наощупь были почти незамѣтны. Конечно, для большой публики подобные купоны не могли вызвать никакого сомнѣнія. Буфетчикъ, когда мы объяснили ему сущность дѣла, о которомъ онъ до тѣхъ поръ и не слышалъ, очень встревожился и спросилъ, что ему дѣлать? Мы сказали, что сейчасъ мы просимъ дать подписку, что полученные имъ отъ Ѳаворова за ужинъ въ клубѣ 6 купоновъ онъ обязывается на слѣдующій день представить судебному слѣдователю Минцлову. Вмѣстѣ съ тѣмъ я постарался, насколько возможно, успокоить буфетчика, объяснивъ, что онъ, какъ добросовѣстный пріобрѣтатель купоновъ за отпущенное кушанье, не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности и ему не слѣдуетъ напрасно волноваться; но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ будетъ спрошенъ по этому дѣлу какъ свидѣтель.

На другой день я прежде всего вызвалъ Бѣльскаго и сообщилъ о счастливой находкѣ 6 купоновъ, а затѣмъ увѣдомилъ о томъ же прокурора. Бѣльскій сильно обрадовался и нѣсколько разъ повторилъ: «спасенъ, спасенъ», а затѣмъ заявилъ рѣшительно, что теперь онъ самъ примется за розыски и дѣйствительно черезъ нѣсколько дней онъ пришелъ ко мнѣ крайне радостный и разсказалъ слѣдующее:

Обративъ вниманіе на то, что Ѳаворовъ былъ очень друженъ съ молодымъ Игнатьевымъ и допустивъ возможность, что послѣднему извѣстно что-либо о купонахъ, Бѣльскій сталъ осторожно разспрашивать, не знаетъ ли онъ чего-либо объ этомъ дѣлѣ. Игнатьевъ отвѣтилъ, что не только знаетъ, а самъ лично участвовалъ въ оплатѣ трехъ купоновъ по 625 руб. каждый. Дѣло было такъ:

«Лѣтомъ въ одинъ изъ понедѣльниковъ утромъ часовъ въ 8 пришелъ въ нашъ магазинъ Ѳаворовъ и попросилъ меня размѣнять купонъ; увидѣвъ, что купонъ былъ въ 625 руб., я сказалъ Ѳаворову, что въ кассѣ нѣтъ такой суммы; ты знаешь, что по субботамъ папаша всю кассу забираетъ въ квартиру, по воскресеньямъ мы не торгуемъ, а сегодня «понедѣльникъ»: никакой продажи еще не было. Ѳаворовъ, видимо, очень опечалился, такъ какъ, по его словамъ, ему очень были нужны деньги. Развѣ вотъ что, сказалъ я ему: у насъ наверху въ отдѣленіи государственнаго банка, кажется, уже открыта касса; давай сюда купонъ, можетъ быть удастся. Кассиръ, внимательно осмотрѣвъ купонъ, уплатилъ деньги, которыя я и передалъ Ѳаворову. Онъ очень благодарилъ и затѣмъ снова обратился ко мнѣ съ просьбой размѣнять еще два такихъ же купона, и когда я принесъ ему 1.250 руб., Ѳаворовъ не могъ скрыть своей радости и, сказавъ, что бутылка шампанскаго за нимъ, быстро вышелъ изъ магазина. Все это меня и прикащиковъ очень заинтересовало, всѣ мы были убѣждены, что процентныя бумаги, отъ которыхъ были отрѣзаны три полугодовыхъ купона (капиталъ 75.000 руб.), принадлежали Ѳаворову отцу, а не сыну, и кто-то изъ насъ сострилъ: видно, скоро Ѳаворовъ будетъ Шиловскимъ, а Шиловскій—даже не Ѳаворовымъ, т.-е. что Ѳаворовъ разбогатѣетъ, а Шиловскій разорится.

Показаніе Игнатьева Бѣльскій передалъ слѣдователю, который немедленно вытребовалъ эти 3 купона изъ государственнаго банка. Такимъ образомъ получились и вещественныя доказательства и свидѣтельскія показанія, подъ давленіемъ которыхъ Ѳаворовъ, хотя и не сознался чистосердечно, но уже не защищался горячо, какъ прежде, и ограничивался большею частію молчаніемъ. Слѣдствіе скоро было закончено и передано въ губернское правленіе на заключеніе о преданіи суду. Но до суда дѣло не дошло, такъ какъ Ѳаворовъ, давно уже подорвавшій свое здоровье разными излишествами, не выдержалъ тюремной жизни и умеръ отъ чахотки.

Что же касается Бѣльскаго, то я лично представилъ М. Н. Островскому подробный по этому докладъ и вмѣстѣ съ тѣмъ словесно доложилъ, что душевное состояніе Бѣльскаго подъ гнетомъ страшнаго подозрѣнія было въ теченіе 3—4 мѣсяцовъ настолько серьезно, что только благодаря постоянному надзору нѣкоторыхъ его знакомыхъ была предотвращена печальная катастрофа. Подумавъ немного, Остров-

скій сказалъ: передайте Бѣльскому, что какъ прежде я цѣнилъ его, такъ цѣню и теперь и буду очень радъ, если невзгода съ купонами не отразится вредно на его здоровьѣ.

Къ пасхѣ Бѣльскій получилъ орденъ Св. Анны 2 ст., а черезъ годъ онъ вышелъ въ отставку и поступилъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ округа Московской судебной палаты.

Въ заключеніе справедливость требуетъ сказать, что командированный изъ центральнаго контроля чиновникъ, какъ впослѣдствіи стало извѣстно, ничьей репутаціи не затронулъ, а обратилъ самое серьезное вниманіе на полную неудовлетворительность существовавшаго порядка уничтоженія оплаченныхъ купоновъ посредствомъ наложенія штемпелей типографскою краскою. По его представленію введены повсемѣстно штемпеля пробивные.

В. Мерцаловъ.

„Августѣйшіе кадеты“.

Въ прежнее время зачисленіе Особъ Царской Фамиліи въ кадеты дѣлалось по словеснымъ Высочайшимъ повелѣніямъ и, къ сожалѣнію, объ этомъ не объявлялось не только въ приказахъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, но и въ приказахъ по кадетскому корпусу, вслѣдствіе чего при обработкѣ историческаго матеріала приходится, въ большинствѣ случаевъ, зачисленіе великихъ князей въ списки корпуса считать со дня вступленія ихъ въ ряды кадетъ, хотя на самомъ дѣлѣ оно всегда предшествовало вступленію ихъ въ строй.

О зачисленіи же въ кадеты и даже о пребываніи въ рядахъ кадетъ великихъ князей Александра Александровича, Владиміра Александровича и принца Александра Петровича Ольденбургскаго въ архивныхъ дѣлахъ 1-го кадетскаго корпуса никакихъ свѣдѣній не найдено, и потому было бы желательно пополнить этотъ пробѣлъ хотя-бы по личнымъ воспоминаніямъ тѣхъ кадетъ, которые могли бы разсказать о времени пребыванія ихъ въ корпусѣ съ Особами Императорской Фамиліи [1]).

Со времени пребыванія Августѣйшихъ кадетъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ минуло 57 лѣтъ, и мало осталось живыхъ свидѣтелей того времени, когда они стояли въ рядахъ корпуса на строевыхъ ученьяхъ въ лагеряхъ Петергофа. Поэтому является весьма цѣннымъ воспоминаніе одного изъ бывшихъ кадетъ, который разсказалъ о первой встрѣчѣ великихъ князей съ кадетами Московскихъ кадетскихъ корпусовъ въ Московскомъ Кремлевскомъ дворцѣ.

Въ 1856 году, во время коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ, для развлеченія Августѣйшихъ дѣтей и для игръ

---

[1]) „Августѣйшіе кадеты“ П. Ѳ. Лузанова. 1902 г.

нѣсколько разъ приглашались въ большой Кремлевскій дворецъ кадеты 1-го и 2-го Московскихъ кадетскихъ корпусовъ, по четыре человѣка отъ каждаго. Кадеты бѣгали по заламъ дворца, маршировали и продѣлывали разныя военныя упражненія съ великими князьями, въ числѣ которыхъ были Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и великій князь Александръ Александровичъ. Цесаревичу было тогда 13 лѣтъ, а Александру Александровичу 11,—придумывали разныя игры и вообще рѣзвились соотвѣтственно ихъ возрасту. Слыша часто, какъ кадеты называютъ одного изъ товарищей «Саша», великій князь Александръ Александровичъ подошелъ къ этому кадету [1]) 2-го корпуса и спросилъ: „Это тебя зовутъ Саша“?—„Да, меня“, отвѣчалъ кадетъ.—„И меня зовутъ Саша, а по отчеству тоже Александровичъ“.—„Нѣтъ, Ваше Высочество, по отчеству меня зовутъ Алексѣевичъ“.—„А сколько тебѣ лѣтъ“?—„Одиннадцать“, отвѣтилъ кадетъ. „Вотъ, какъ хорошо, меня тоже зовутъ Саша и мнѣ одиннадцать лѣтъ. Вотъ только жаль, что у тебя отчество не Александровичъ, а то совсѣмъ, какъ я“.

Среди игръ, кадеты предложили играть въ жгуты. Игра заключалась въ томъ, что всѣ играющіе садятся на полъ, въ кружокъ, и не смѣютъ никуда поварачивать головы, а одинъ изъ играющихъ со спрятаннымъ въ рукавъ куртки жгутомъ изъ свернутаго платка обходитъ кругъ сзади сидящихъ и кому-нибудь подкладываетъ жгутъ. Если сидящій замѣтитъ, что жгутъ у него, то онъ быстро схватываетъ жгутъ и гонится за тѣмъ, кто ему подкинулъ, по кругу, и бьетъ его жгутомъ, пока тотъ не займетъ мѣсто бьющаго. Если же играющій не замѣтитъ, что жгутъ подложенъ ему, то подложившій, пройдя кругъ, беретъ жгутъ и бьетъ того, кто прозѣвалъ взять его. Разъ, во время игры, одинъ кадетъ подложилъ жгутъ Наслѣднику, который прозѣвалъ; тогда кадетъ взялъ жгутъ и началъ имъ ударять убѣгающаго Цесаревича, который сначала вскочилъ и побѣжалъ вдоль круга, но потомъ, видимо, сконфузился, остановился и, повернувшись къ бѣгущему сзади кадету, сказалъ: „Какъ ты смѣешь меня бить? ты долженъ помнить, что я Наслѣдникъ русскаго престола“. При этомъ возгласѣ воцарилась тягостная тишина между играющими, и кадеты сразу поняли, что дальнѣйшая

[1]) Этотъ бывшій кадетъ—нынѣ полный генералъ, служащій въ одномъ изъ высшихъ военныхъ учрежденій.

игра невозможна, такъ какъ она требуетъ равнаго отношенія къ себѣ всѣхъ играющихъ. Въ этотъ моментъ въ дверяхъ въ смежную залу раздался голосъ съ извѣстнымъ грасулированіемъ на „р“ «а ну-ка, хорошенько его, этого наслѣдника русскаго престола»! Въ дверяхъ стоялъ Государь Императоръ, прихода котораго, за шумомъ игры, никто не замѣтилъ. Наслѣдникъ побѣжалъ, согласно правилъ игры, вдоль круга и сѣлъ на свое мѣсто, а затѣмъ всѣ вскочили и вытянулись передъ Государемъ, который очень милостиво относился къ кадетамъ. Смѣхъ и шутки продолжались цѣлый день. Кадетъ отлично накормили обѣдомъ и одарили сластями. Великій князь Александръ Александровичъ игралъ по всѣмъ правиламъ игры и ловко билъ жгутомъ. Особеннаго оживленія въ немъ не замѣчалось, по все, что нужно было въ играхъ, онъ исполнялъ всегда очень корректно.

Великіе князья были одѣты въ черныхъ курточкахъ съ металлическими пуговками и въ сѣро-синихъ шароварахъ.

Какъ извѣстно, великіе князья съ малыхъ лѣтъ занимались военными упражненіями. Въ 1851 году, при открытіи памятника Императору Павлу I въ Гатчинѣ, Наслѣдникъ Николай Александровичъ былъ уже во фронтѣ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка на этомъ парадѣ, имѣя девять лѣтъ отъ роду, а великій князь Александръ Александровичъ въ это время былъ поставленъ на часы у памятника, имѣя отъ роду шесть лѣтъ. При великихъ князьяхъ были дядьки: фельдфебель Коротѣевъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и унтеръ-офицеръ Хрѣновъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, которые и обучали стойкѣ и фронту. Любимымъ занятіемъ царскихъ дѣтей были игры въ солдаты, при чемъ великіе князья надѣвали мундиры Эриванскаго полка и штурмовали деревянный брустверъ, устроенный въ залѣ Зимняго дворца. Въ 1853 году, когда великимъ князьямъ Николаю Александровичу было 10 лѣтъ, а Александру Александровичу 8 лѣтъ, Императоръ Николай 1-й пожелалъ, чтобы его внуки участвовали въ строю 1-го кадетскаго корпуса при водосвященіи 1-го августа на Кругломъ пруду, въ Петергофѣ. Послѣ церковной службы, Государь сѣлъ верхомъ, объѣхалъ ряды войскъ и пропустилъ кадетъ церемоніальнымъ маршемъ [1]).

[1]) Журналъ камеръ-фурьерской должности за 1853 годъ. Придворный архивъ.

Кромѣ домашнихъ военныхъ упражненій, Государь пожелалъ, чтобы великіе князья прошли цѣлый курсъ строевыхъ занятій среди кадетъ 1-го кадетскаго корпуса, для чего повелѣно было зачислить на лагерное время 1858 и 1859 г.г. Августѣйшихъ дѣтей въ прикомандированіи къ первому кадетскому корпусу.

Бывшій кадетъ 1-го кадетскаго корпуса (нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи въ отставкѣ) разсказывалъ, что въ 1858 и 1859 годахъ, во время пребыванія въ корпусѣ, по Высочайшему повелѣнію, были зачислены въ 1-й кадетскій корпусъ на время расположенія лагеремъ въ Петергофѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, великіе князья Александръ и Владиміръ Александровичи и принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. Ихъ Высочества жили въ Александріи и только пріѣзжали въ кадетскій лагерь для строевыхъ ученій и другихъ фронтовыхъ занятій; при чемъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ занималъ мѣсто баталіоннаго командира, а малолѣтніе великіе князья становились во фронтъ 1-ой роты.

Великому князю Александру Александровичу было въ то время 13 лѣтъ, держалъ онъ себя чрезвычайно просто, по-товарищески и даже просилъ кадетъ не называть его «Его Высочествомъ»; по его примѣру и другіе великіе князья также просто относились къ кадетамъ, кромѣ Наслѣдника.

Фронтовыя ученья въ лагеряхъ производились по 2 раза въ день, и Ихъ Высочества ежедневно пріѣзжали къ началу утренняго и вечерняго ученія, въ двухъ колясках, имѣя съ собой ружья и будучи одѣтыми, кромѣ Наслѣдника, въ кадетской формѣ, съ однимъ изъ своихъ воспитателей, которыми тогда были: генералъ-адъютантъ Зиновьевъ, генералъ-маіоръ свиты Его Величества Гогель и генералъ-маіоръ свиты Его Величества Казнаковъ.

Во фронтѣ съ великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ стояли рядомъ кадеты Щербаковъ и Щиховскій. Директоромъ 1-го кадетскаго корпуса былъ тогда генералъ-маіоръ Орестъ Семеновичъ Лихонинъ, человѣкъ очень строгій, требовательный и, по тогдашнимъ педагогическимъ правиламъ, часто прибѣгавшій къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Ротнымъ командиромъ былъ тогда капитанъ Савельевъ, а за отсутствіемъ его по болѣзни, его должность занималъ капитанъ Морбергъ, честный и прямодушный финляндецъ, до-

вольно строгій въ своихъ требованіяхъ, но за то нерѣдко и защищавшій кадетъ своей роты отъ свирѣпости начальства.

Юный великій князь Александръ Александровичъ, не сознавая, конечно, еще требованій строевого устава, часто шутилъ во время фронтовыхъ ученій или разговаривалъ съ товарищами; въ этихъ случаяхъ Морбергъ, строгій строевикъ, считавшій фронтъ «святое дѣло»—какъ только замѣтитъ, что великій князь разговариваетъ или шалитъ во фронтѣ, тотчасъ же подходилъ къ нему стро́го размѣреннымъ шагомъ, и, взявъ руку подъ козырекъ, съ финляндскимъ акцентомъ произносилъ: «Ваше Императорское Весочество, позвольте Вамъ доложить, что во фронтѣ шевелиться не полагается», и эти замѣчанія повторялись неизмѣнно однимъ и тѣмъ же тономъ съ одними и тѣми же движеніями при каждомъ случаѣ замѣченной неисправности, а случаевъ такихъ было много, и повторялись они часто.

Каждый годъ Государь Александръ II любилъ дѣлать ночную тревогу въ лагерѣ кадетъ. Времени для тревоги, конечно, никто не зналъ, но по какому-то чутью кадеты готовились къ этой тревогѣ и ждали сигнала. Августѣйшіе кадеты пріѣзжали на ночь въ лагерь и въ ожиданіи тревоги проводили ночь въ кадетскомъ лагерѣ. Капитанъ Морбергъ предложилъ великимъ князьямъ переночевать въ его палаткѣ и далъ имъ кожаную подушку [1]), на которой они и проспали ночь, а самъ Морбергъ, конечно, не ложился, а караулилъ сигналъ тревоги. Въ 1858 году, въ 4 часа утра во время сильнаго дождя, который шелъ всю ночь и образовалъ море грязи на кадетскомъ плацу, пріѣхалъ Государь и произвелъ тревогу—началось ученье, построили ротныя колонны, при чемъ великому князю Александру Александровичу пришлось стоять какъ разъ позади капитана Морберга, бывшаго впереди своей роты. Когда началось движеніе колоннъ, то кадеты стали такъ сильно притопывать ногами, что брызги грязи и воды разлетались во всѣ стороны и, конечно, великіе князья не отставали въ шалостяхъ отъ товарищей и старались ударять ногами такъ, чтобы брызги грязи попадали въ капитана Морберга. Сначала Морбергъ не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣтить, умысла кадетъ, но случилось такъ, что комокъ грязи попалъ ему около шеи, забрызгавъ лицо. Тогда Морбергъ остановилъ роту и неизмѣнно взявъ руку подъ

---

[1]) Письма М-е Морбергъ.

козырекъ, подошелъ къ великому князю и сказалъ: «Ваше Императорское Высочество, позвольте Вамъ доложить, что во фронтѣ нельзя шалить». Между тѣмъ, Государь сейчасъ же замѣтилъ остановку роты безъ приказанія, подъѣхалъ къ ротѣ и спросилъ, почему рота остановилась? — „Это я остановилъ ее, Ваше Императорское Величество", отвѣтилъ Морбергъ. «Зачѣмъ»? — спросилъ Государь. «Это неизвѣстно» — сказалъ Морбергъ. — «Какъ неизвѣстно? отвѣчай», — сталъ гнѣваться Государь, хорошо знавшій Морберга, и его постоянный отвѣтъ „неизвѣстно", когда онъ хотѣлъ скрыть виновнаго. Тогда Государь, увидѣвъ великихъ князей въ сильной грязи, даже болѣе, чѣмъ у другихъ, и замѣтивъ грязь на лицѣ Морберга, сказалъ: «А, я понимаю! ну, съ нимъ и раздѣлаюсь». Ученье кончилось, и кадетъ распустили.

На другой годъ, т. е. въ 1859 году, въ кадетскій лагерь въ Петергофѣ вновь прибыли великіе князья. По ранжиру великій князь Александръ Александровичъ долженъ былъ стоять не съ тѣми кадетами, какъ въ прошломъ году, но согласно желанію великаго князя, вновь кадетъ Щербаковъ стоялъ рядомъ съ нимъ. Снова начались ученья на кадетскомъ плацу, и снова великіе князья ежедневно пріѣзжали два раза въ лагерь 1-го корпуса. Какъ-то разъ, во время ученья, когда стояла сильная жара, и жажда мучила кадетъ, вдругъ на плацу появился, верхомъ на лошади, одинъ изъ учителей великихъ князей, кажется, г-нъ Бартъ или Вильфельденъ. Быстрымъ взглядомъ великій князь замѣтилъ у него бутылку съ лимонадомъ, которую онъ держалъ въ рукѣ со стаканомъ, а другая бутылка высовывалась изъ задняго кармана, и попросилъ у него напиться, но Бартъ отвѣтилъ: «Подождите, прежде надо старшему», и подъѣхалъ къ Наслѣднику. Тогда великій князь, обращаясь къ кадетамъ, сказалъ: „Вы понимаете, онъ, какъ нѣмецъ, старается услужить моему брату, потому что онъ Наслѣдникъ, а на меня не обращаетъ вниманія".

Другой бывшій кадетъ 1-го кадетскаго корпуса, нынѣ помѣщикъ Трухачевъ разсказываетъ, что въ 1858 и 1859 годахъ онъ былъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и стоялъ во фронтѣ вмѣстѣ съ великими князьями Александромъ и Владиміромъ Александровичами. Въ то время, говоритъ онъ, у насъ былъ строгій воспитатель Оскаръ Петровичъ Морбергъ, котораго мы, однако, любили за справедливость, но иногда и подсмѣивались надъ нимъ, называя его «пистолетомъ» за то,

что онъ удивительно кратокъ былъ на словахъ и рѣзко командовалъ въ строю. По нашему примѣру и великіе князья называли его тоже «пистолетъ».

Во время лагерей отъ капитана Морберга часто доставалось и великому князю Владиміру Александровичу, который во фронтѣ шевелился и любилъ разговаривать съ кадетами. Какъ-то разъ на Бабьихъ гонахъ саперами было возведено полевое укрѣпленіе, которое кадеты должны были штурмовать въ присутствіи Государя. Когда пришелъ баталіонъ кадетъ, то полковникъ Эліотъ, командиръ баталіона, приказалъ составить ружья въ козлы, прошелъ сильный ливень, который промочилъ кадетъ до костей. Чтобы согрѣться, кадеты стали бороться и, пользуясь тѣмъ, что подъ ногами была мокрая глина, дѣлали шарики и бросались между собой, что дѣлали и великіе князья. Одинъ мокрый глиняный шарикъ попалъ великому князю Александру Александровичу прямо въ щеку и облѣпилъ все лицо. Кадеты стали спрашивать великаго князя, не больно ли ему? и предлагали свои платки стереть грязь съ лица; но великій князь вытерся своимъ платкомъ и на всѣ вопросы отвѣтилъ: „Что вы, господа, безпокоитесь, можетъ быть, и больно, но, вѣдь, мы играли, и что за бѣда, если комъ глины попалъ и въ меня; я нисколько за это не обижаюсь" [1]). Въ это время подошелъ генералъ Зиновьевъ и просилъ прекратить эту игру. Было скомандовано «въ ружье», всѣ выстроились; пріѣхалъ Государь и начались маневры.

Великій князь Александръ Александровичъ во время лагерей держалъ себя съ кадетами просто, по-товарищески; приглашалъ кадетъ въ Александрію вмѣстѣ играть, дѣлать гимнастику и бѣгать на гигантскихъ шагахъ, что кадеты охотно и дружно исполняли при всякомъ приглашеніи. Въ дополненіе о времени, проведенномъ Августѣйшими кадетами въ Петергофскомъ лагерѣ, одно высокопоставленное лицо сообщаетъ, что въ 1859 году кадеты 1-го кадетскаго корпуса какъ-то разъ были подняты по тревогѣ ночью и перевезены на пароходахъ въ Оріенбаумъ, гдѣ произвели ночной штурмъ укрѣпленія.

Вотъ все, что можно было собрать о времени, проведенномъ въ кадетскомъ лагерѣ въ 1858 и 1859 годахъ великими князьями.

---

[1]) Письмо А. М. Трухачева отъ 12 мая 1911 года.

Въ 1911 году, при ежегодномъ собраніи въ домѣ графа С. Д. Шереметева въ память рожденія почившаго Государя Императора Александра III. 26 февраля, на бывшемъ въ этотъ день собраніи была прочитана записка о пребываніи Государя Императора Александра III въ числѣ кадетъ 1-го кадетскаго корпуса. Въ запискѣ этой разсказывалось, что, когда великій князь, будучи уже Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, какъ-то разъ встрѣтилъ на Невскомъ проспектѣ капитана Морберга, то остановился и, подозвавъ къ себѣ Морберга, очень удивился, что онъ до сихъ поръ все еще состоитъ въ капитанскомъ чинѣ, въ каковомъ состоялъ еще въ то время, когда Наслѣдникъ былъ кадетомъ. Поговоривъ съ нимъ, Цесаревичъ будто-бы сказалъ: „Мнѣ теперь некогда, а я васъ прошу зайти ко мнѣ въ Аничковскій дворецъ завтра, въ сюртукѣ, помните, въ сюртукѣ“.

На другой день Морбергъ, конечно, явился во дворецъ, но никакъ не могъ рѣшиться явиться въ сюртукѣ и взялъ съ собой въ узелокъ парадную форму. Встрѣтившій его на подъѣздѣ швейцаръ уговорилъ оставить узелокъ съ парадной формой въ швейцарской, а представиться Его Высочеству, какъ было приказано въ сюртукѣ. Только-что Морбергъ поднялся на верхъ, какъ былъ встрѣченъ Наслѣдникомъ, который взялъ его подъ руку и повелъ въ гостиную, гдѣ въ то время сидѣлъ Государь Императоръ Александръ II. Цесаревичъ подвелъ Морберга къ Государю и сказалъ: «Вотъ, папа, тотъ самый Морбергъ, за котораго я получилъ отъ тебя нагоняй, помнишь? Онъ до сихъ поръ еще капитанъ, какъ былъ и при мнѣ, помоги ему“. Тогда Государь сказалъ: «Поздравляю тебя полковникомъ». Вскорѣ Морбергъ былъ назначенъ губернаторомъ одной изъ финляндскихъ губерній. (Этотъ разсказъ генералъ Щербаковъ слышалъ отъ другихъ, но не ручается за его достовѣрность).

Когда эта записка была прочтена въ собраніи, то одно лицо изъ публики отозвалось, что разсказъ о Морбергѣ не совсѣмъ точный, и предложило дать адресъ вдовы Морберга, которая можетъ возстановить, какъ это дѣло было въ дѣйствительности. 6-го марта 1911 года вдова Шарлотта Ивановна Морбергъ прислала письмо автору этой замѣтки, въ которомъ описано, какъ покойный Морбергъ обратился къ Императору Александру III съ личной просьбой. Оскаръ Петровичъ Морбергъ два мѣсяца прожилъ въ Петербургѣ, добиваясь возможности видѣть Государя. Когда его спраши-

вали—«зачѣмъ», онъ отвѣчалъ, что «хочу видѣть Царя; я Его видѣлъ мальчикомъ, теперь хочу видѣть Царемъ; когда Морбергъ получилъ разрѣшеніе представиться, то былъ принятъ Государемъ, который подалъ ему руку и спросилъ: „Какая цѣль Вашего пріѣзда въ Петербургъ, и почему оставили военную службу? Я потерялъ Васъ изъ виду“. Морбергъ отвѣтилъ: «ищу мѣста служить, такъ какъ не имѣю средствъ воспитывать дочь Валентину. Живу у дочери Левшиной, которая сама зарабатываетъ уроками музыки въ гор. Луганскѣ. О военной службѣ много разъ сожалѣлъ». Государь спросилъ: «Удалось ли Вамъ найти мѣсто?»—«Нѣтъ, Государь, все обѣщаютъ, но ничего пока не добился», Тогда Государь сказалъ: «Ступайте къ графу Воронцову-Дашкову и скажите, что вы и Я просимъ его дать Вамъ мѣсто. Я предупрежу его».

Дѣйствительно, Морбергъ получилъ мѣсто казначея при кассѣ Его Величества, гдѣ прослужилъ болѣе трехъ лѣтъ и вышелъ въ отставку по болѣзни съ пенсіей 1300 р. въ годъ. Умеръ Морбергъ въ 1900 году.

Полковникомъ и губернаторомъ Морбергъ никогда не былъ. Умеръ онъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Вѣроятно, его фамилія смѣшана съ фамиліей Нюбергъ, который одновременно съ Морбергомъ служилъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и былъ гдѣ-то въ Финляндіи губернаторомъ.

Подушка, на которой спали Царскія дѣти, до сихъ поръ хранится въ семьѣ Морберга [1]).

Е. Каменскій.

Петроградъ 1915 года.

Примѣчаніе: Въ своихъ воспоминаніяхъ о кадетской жизни въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ Д. А. Скалонъ пишетъ: «Лѣтомъ мы пошли въ Петергофскій лагерь. Желѣзная дорога была только-что построена до Новаго Петергофа, но еще не открыта для движенія. Насъ провезли на платформахъ, и мы вступили въ лагерь въ присутствіи Ихъ Величествъ, имѣя въ сво-

---

[1]) Письмо 1911 года отъ дочери Морберга къ автору этой статьи.

ихъ рядахъ Цесаревича Николая Александровича и великаго князя Александра Александровича. Я имѣлъ счастіе стоять вмѣстѣ съ ними во 2-ой мушкетерской ротѣ. Цесаревичъ былъ очень красивъ и обходителенъ.

На одномъ маневрѣ подъ Бабьими-гонами, мы были разсыпаны въ цѣпи, и противъ насъ дѣйствовалъ 2-ой кадетскій корпусъ. Поданъ былъ сигналъ наступленія; мѣстность была въ кустахъ; кадеты стали громко разговаривать; я подбѣжалъ къ флангу цѣпи, гдѣ расшумѣлись, и прикрикнулъ на кадетъ, чтобы возстановить тишину. «Что за разговоры, не извольте разговаривать». А одинъ изъ кадетовъ оборачивается, улыбается и говоритъ: «Виноватъ, г-нъ унтеръ-офицеръ».— Это былъ Цесаревичъ.

Государыня Императрица всегда сопровождала великихъ князей и ѣздила около нашего баталіона въ коляскѣ.

На слѣдующій годъ Цесаревичъ стоялъ въ знаменныхъ рядахъ уже унтеръ-офицеромъ, и я имѣлъ счастіе стоять за нимъ во второй шеренгѣ...» («Русская Старина». 1908 г.).

Генералъ-адъютантъ Д. А. Скалонъ отрицаетъ командованіе Наслѣдникомъ Цесаревичемъ баталіономъ 1-го кадетскаго корпуса, такъ какъ онъ хорошо помнитъ, что Наслѣдникъ стоялъ во фронтѣ кадетъ и держалъ кадетское знамя. Быть можетъ, что Цесаревичъ Николай Александровичъ и бывалъ назначаемъ, для практики, командовать баталіономъ, но званія командира баталюна никогда не имѣлъ. (Записано со словъ Димитрія Антоновича).

Е. Каменскій.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ.

ныхъ періодическихъ изданіяхъ. Многія изъ этихъ пѣсенъ прекрасны и по формѣ и по содержанію, и принадлежитъ перу Щепкиной-Куперникъ, В. Брюсова, Ѳ. Сологуба, З. Гиппіусъ и др. Книга начинается Бельгійскимъ гимномъ; многія страницы посвящены герою Королю, другія—Льежу, Брюсселю, Антверпену, Бельгіи и Бельгійскому народу. Одна изъ пѣсенъ, прославляющихъ Бельгію, сложена по нашему извѣстному стихотворенію, и начинается такъ:

Ты помнишь, Бельгія святая,
Какъ ты росла, какъ ты цвѣла?
Какъ міру, въ розахъ утопая,
Ты украшеніемъ была?

Кончается пѣсня словами:

Ты вѣришь, будетъ часъ отрады,
Ты вѣришь, сбудутся мечты.
И вспыхнутъ вновь твои лампады,
И засіяютъ вновь кресты!

П.

Несторъ Котляревскій. Канунъ освобожденія. 1855—1861. Изъ жизни идей и настроеній въ радикальныхъ кругахъ того времени. Петр. 1916. Стр. 560. Ц. 2 р. 75 к.

Новая книга нашего популярнаго историка литературы и талантливаго изслѣдователя русскаго общественнаго движенія въ его литературныхъ отраженіяхъ посвящена эпохѣ великихъ реформъ. Авторъ разсматриваетъ литературное наслѣдство названной эпохи, какъ прологъ къ послѣдующимъ общественно-политическимъ событіямъ въ русской жизни и подробно останавливается на значеніи дѣятельности въ этомъ отношеніи Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевскаго и А. И Герцена. Особенно удался Н. А. Котляревскому очеркъ литературно-политической дѣятельности Герцена. Здѣсь ярко и выпукло обрисовано настроеніе самого Герцена въ указанную пору, а также выяснены условія и причины, приведшія къ разрыву радикальной молодежи съ редакторомъ „Колокола“. Вообще же вся книга написана обычнымъ для Н. А. Котляревскаго красивымъ литературнымъ языкомъ и является новымъ подтвержденіемъ вполнѣ имъ заслуженной репутаціей талантливаго изслѣдователя. Кромѣ интересныхъ очерковъ литературно-политической дятельности Добролюбова, Герцена и Чернышевскаго, Н. А. Котляревскій даетъ еще въ своей книгѣ мастерски выполненныя изслѣдованія женскаго вопроса въ эпоху великихъ реформъ, а также вліянія иностранной литературы на молодого русскаго читателя этого времени.

С. Ш.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ. Тип. „Маякъ", Вознесенскій, 47.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLVIII-й. **ФЕВРАЛЬ.** 1917 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

II-я книжка „Русской Старины“ вышла 5-го февраля 1917 года.

Библіографическій листокъ.

„Временникъ“.—Изданіе сѣвернаго кружка любителей изящныхъ искусствъ. Вып. I. Вологда 1916, стр. 122. Цѣна не обозначена.

Дѣятельность сѣвернаго кружка любителей изящныхъ искусствъ уже давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе цѣнителей и спеціалистовъ своею планомѣрностью и несомнѣнной плодотворностью. Теперь эта дѣятельность, выразившаяся въ устройствѣ выставокъ, лекцій, экскурсій и т. п. культурныхъ начинаніяхъ,—достойно увѣнчивается изданіемъ настоящаго „Временника“. Въ первомъ выпускѣ помѣщены интересныя статьи о вологодскомъ иконникѣ Гр. Агеевѣ, одномъ изъ талантливыхъ русскихъ художниковъ-самоучекъ конца XVII вѣка, принимавшемъ участіе въ росписи Архангельскаго собора, о другихъ вологодскихъ иконописцахъ того же времени, о древнихъ монастыряхъ сѣвернаго края, и рядъ очерковъ на современныя темы. Къ книжкѣ, отпечатанной съ изящной скромностью, приложены хорошо выполненные снимки съ древнихъ иконъ, съ фресокъ, сохранившихся въ старыхъ церквахъ, и др. **С. М.**

Андрей Сиротининъ. Съ родныхъ полей. Не свои стихи. Петр. 1916. Стр. 280, ц. 1 р. 85 к.

Г. Сиротининъ давно уже извѣстенъ, какъ изслѣдователь исторіи русской литературы и литературы родственныхъ славянскихъ народовъ. Въ настоящей книгѣ онъ собралъ свои стихотворные переводы изъ славянскихъ поэтовъ (польскихъ, чешскихъ, болгарскихъ, словацкихъ, сербскихъ, кошубскихъ и др.), выполненные очень внимательно и отразившіе поэтическое дарованіе автора. Въ началѣ книги г. Сиротининъ удачно помѣстилъ десять своихъ стихотворныхъ переводовъ, посвященныхъ Пушкину и составляющихъ благоуханный вѣнокъ, возложенный у подножія памятника великому русскому поэту его славянскими собратами: Нѣгошемъ, Штуромъ, Сладковичемъ, Гурбанъ-Ваянскимъ, Врхлицкимъ, Ашкерцомъ, Мицкевичемъ, Солтыкъ-Романскимъ, Вазовымъ. **М. С.**

На память о 1 октября 1914 г. Матеріалы къ исторіи журнала „Педагогическій Сборникъ“, составлено редакціею „Педагогическаго Сборника“. Петр 1916 г. Стр. 170. Не продается.

Сборникъ этотъ составленъ изъ отзывовъ всей русской печати, появившихся въ 1914 году по случаю 50-лѣтняго юбилея старѣйшаго нашего педагогическаго журнала, созданнаго при поддержкѣ гр. Д. А. Милютина Н. В. Исаковымъ и послѣдовательно редактируемаго за это время Н. Х. Весселемъ, А. Н. Острогорскимъ и И. С. Симоновымъ. Кромѣ статей, появившихся въ журналахъ и газетахъ, въ сборникѣ помѣщены привѣтственныя письма и телеграммы многочисленныхъ друзей и сотрудниковъ журнала, вѣрно и стойко служащаго завѣтамъ лучшихъ русскихъ педагоговъ-общественниковъ Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинскаго и В. Я. Стоюнина. Въ такомъ видѣ книга является, дѣйствительно, хорошимъ памятникомъ событія, знаменательнаго не только въ жизни „Педагогическаго Сборника“, но и всей русской педагогической литературы. **С. Я.**

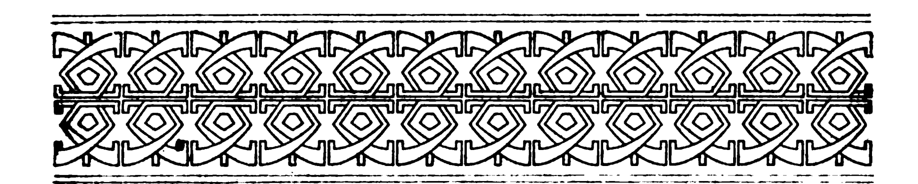
Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1914 годъ. М. 1916. Стр. 226.

Какъ и предыдущіе, настоящій отчетъ даетъ полное представленіе о многополезной и разносторонней дѣятельности Московскаго Историческаго

ДЕПУТАТЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Князь Серафимъ Петровичъ

МАНСЫРЕВЪ.



Къ портрету князя Серафима Петровича Мансырева.

Русскія имена, имѣвшія гражданское мужество энергично отстаивать державныя права Россіи въ Прибалтійскомъ краѣ, считаются единицами. Къ таковымъ принадлежали: Самаринъ, Катковъ, Манасеинъ, кн. Шаховской, архіепископы Платонъ и Филаретъ. Къ нимъ долженъ быть причисленъ современный борецъ противъ Прибалтійскаго засилья—князь Серафимъ Петровичъ Мансыревъ.

Съ университетской скамьи (1888 г.) до избранія членомъ Государственной Думы онъ провелъ на службѣ въ Прибалтійскомъ краѣ, былъ податнымъ инспекторомъ, судебнымъ слѣдователемъ, адвокатомъ, предсѣдателемъ разныхъ обществъ. Онъ служилъ тамъ и въ дореформенное время, при немъ прошли судебная, учебная и крестьянская реформы, и освободительное движеніе. Онъ тщательно изучилъ исторію края, его политическое и экономическое строеніе и особенности этой жизни, въ которой незначительная часть населенія—дворянство, пользуется всѣми правами и привилегіями, а остальные, въ томъ числѣ и державные русскіе, почти ничѣмъ. На самомъ себѣ онъ испыталъ тяготу жизни русскаго у прибалтійцевъ.

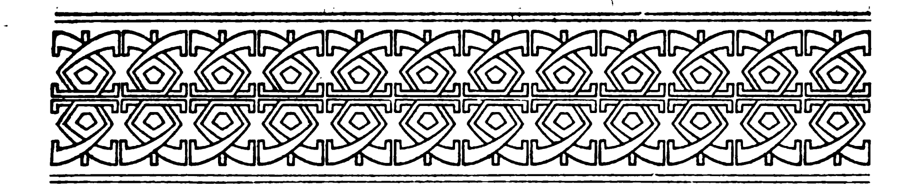
Плодомъ изученія исторіи и жизни прибалтійскаго края явилась его статья въ „Русскомъ Вѣстникѣ" въ 1896 г.—„Самоуправленіе въ Лифляндіи, въ связи съ землевладѣніемъ".

Статья эта сразу выдвинула имя князя Мансырева, какъ знатока Прибалтійскаго вопроса. Въ 1912 г. онъ былъ избранъ въ Государственную Думу депутатомъ при сильной поддержкѣ латышей. Въ Петроградѣ его дѣятельность значительно расши-

рилась. Онъ говорилъ рѣчи въ Г. Думѣ, читалъ въ разныхъ собраніяхъ лекціи и печаталъ многочисленныя статьи въ газетахъ и журналахъ и стяжалъ особую популярность.

Выдающіяся рѣчи въ Государственной Думѣ произнесены кн. Мансыревымъ о прибалтійскомъ вопросѣ 14 декабря 1912 г., 28 іюля и 3 августа 1915 г. Но тутъ поднялась противъ него вся сильная, вліятельная, прибалтійская клика. Онъ былъ вынужденъ уйти изъ кадетской партіи. За безнадежностью проведенія законопроекта о нѣмецкомъ засильи пришлось ему сложить обязанности докладчика по этому законопроекту.

На платформѣ думскаго блока не было означено борьбы противъ нѣмецкаго засилья, и князь Мансыревъ вынужденъ былъ ѣхать на гастроли по Россіи и читать тамъ лекціи о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ не безъ препонъ и запретовъ со стороны предержащихъ властей.



Изъ записокъ Н. В. Исакова.

Кавказскія воспоминанія.

(Періодъ войны съ горцами 1846 и 1848 годовъ).

Кавказскія воспоминанія Николая Васильевича Исакова имѣютъ значеніе цѣннаго первоисточника по изслѣдованію хода войны въ Дагестанѣ въ 1846, 47 и 48 годахъ и представляютъ огромный интересъ по своему содержанію.

Прежде всего, что въ этихъ воспоминаніяхъ всего дороже,— это *отсутствіе лицепріятій* и *правда.* Впечатлѣнія наблюдательнаго и просвѣщеннаго Н. В. Исакова представляютъ намъ въ истинномъ свѣтѣ ходъ войны на Кавказѣ въ періодъ 46—48 годовъ. При живомъ изложеніи непосредственныхъ впечатлѣній и массѣ характеристикъ внѣ всякихъ тенденцій и лицепріятій воспоминанія читаются съ захватывающимъ интересомъ.

Воспоминанія обнимаютъ указанный періодъ войны на восточномъ Кавказѣ послѣ столь неудачнаго для насъ похода графа Воронцова въ *Дарго* и *Ичкерію* и захватываютъ главнымъ образомъ четыре экспедиціи: первую противъ *Гергебиля*,— противъ *Салты*, вторую противъ *Гергебиля* и экспедицію *кн. Аргутинскаго* для освобожденія осажденной Шамилемъ нашей крѣпостцы *Ахты*.

До сихъ поръ принято почему-то считать, что машинально повторилъ и Исаковъ, что послѣ опыта 1845 года графъ Воронцовъ будто бы перешелъ къ правильной системѣ покоренія Кавказа, что однако совершенно невѣрно, и изложеніе событій Исаковымъ только лишній разъ подтверждаетъ, что до правильной системы было еще далеко.

Операціи 1846 года не представляли ничего существеннаго и опредѣленнаго, а въ концѣ этого года осматривавшій графъ Воронцовъ представилъ свои соображенія на 1847 годъ, соображенія о работахъ чисто оборонительнаго характера, по устройству штабъ-квартиръ на Чеченской линіи и въ сѣверномъ, среднемъ и южномъ Дагестанѣ, заселеніи р. *Сунжи* станицами, возведеніи башенъ, устройствѣ дорогъ и др. т. п. предпріятій, имѣвшихъ значеніе подготовки къ активному переходу къ правильной системѣ, при чемъ въ представленіи Воронцовымъ указаннаго проекта работъ добавлено: „никакихъ наступательныхъ дѣйствій, хотя служащихъ къ славѣ нашихъ войскъ, но не приносящихъ существенной пользы".

Но, въ началѣ 1847 года (13-го марта), подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ причинъ и вопреки мнѣнію опытныхъ кавказскихъ генераловъ, Воронцовъ рѣзко измѣняетъ установленную имъ программу дѣйствій и принимаетъ рѣшеніе вести наступательныя дѣйствія въ Среднемъ Дагестанѣ съ цѣлью постепеннаго овладѣнія сильными отъ природы и сильно укрѣпленными искусственно аулами: *Гергебиль*, *Салты*, Чокъ, Ирибъ и др.

Не желая нарушать принятаго имъ послѣ 1845 года принципіальмаго рѣшенія—*дать свободу дѣйствій главнокомандующему на Кавказѣ*, Императоръ Николай, не раздѣляя мнѣній о наступленіи въ Дагестанѣ, предоставилъ Воронцову дѣйствовать по его соображеніямъ, указавъ только между прочимъ, что Гергебиль едва-ли удобенъ для построенія здѣсь самостоятельнаго укрѣпленія.

Такимъ образомъ графъ Воронцовъ, не слѣдуя системѣ Ермолова и Вельяминова, готовился повторить ошибки многихъ лѣтъ прошлаго и наступать тамъ, гдѣ намъ слѣдовало держаться обороны, тѣмъ болѣе не предпринимать штурмы этихъ недоступныхъ лезгинскихъ ауловъ, въ которыхъ нельзя удерживаться и что являлось непроизводительной тратой силъ и средствъ и сопряжено съ лишеніями и съ громадными потерями.

Въ 1847 году была предпринята экспедиція противъ труднодоступнаго и сильнаго аула *Гергебиль*. Взятіемъ *Гергебиля*, говоритъ Исаковъ, Воронцовъ хотѣлъ поправить непріятное въ Петербургѣ впечатлѣніе, оставленное его походомъ въ Дарго въ 1845 году. Несмотря на полную неудачу подъ *Гергебилемъ*, граничившую съ пораженіемъ, Воронцовъ въ томъ же году перешелъ къ осадѣ другого подобнаго же по силѣ аула *Салты*, въ слѣдующемъ 1848 году противъ того же Гергебиля, а въ 1849 противъ *Чоха*. Правильная система покоренія Кавказа

требовала сосредоточенія всѣхъ средствъ и усилій *въ лѣсистой Чечнѣ, въ которой и заключался* ключъ къ покоренію Кавказа, а не въ дикомъ, неприступномъ и лишенномъ всѣхъ средствъ для жизни Дагестанѣ.

Хотя въ Чечнѣ и были намѣчены операціи подготовки проложенія „передовой Чеченской линіи", но далеко не въ полнотѣ и не съ требуемой энергіею, а лишь какъ полумѣры.

Только послѣ 1849 года, послѣ разгрома третьяго подобнаго аула Чоха [1]) Воронцовъ бросилъ погоню за овладѣніемъ лезгинскими аулами Дагестана, которыхъ, при желаніи, можно было находить десятками, и не предвидѣлось конца войны.

Воронцовъ видимо преслѣдовалъ задачу поражать Петербургъ донесеніями о разнаго рода „взятіяхъ" и „штурмахъ", такъ какъ Петербургъ и русское общество требовало отъ новаго начальника края скорыхъ и громкихъ дѣлъ, а правильная система покоренія Кавказа требовала времени и не давала тѣхъ громкихъ дѣлъ, которыя удовлетворяли Петербургъ и общество. Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ своего начальствованія чистолюбивый и самоувѣренный Воронцовъ подчинялся этимъ требованіямъ или неизвѣстнымъ намъ вліяніямъ, пока сила вещей не повернула его къ негромкой, непоказной и невидной правильной системѣ, т.-е. къ систематическому движенію въ Чечнѣ подступами къ югу вплоть до подножія неприступнаго Дагестана, чѣмъ отнимались у горцевъ всѣ средства къ жизни: эта и была та „постепенная атака Кавказа", о которой настаивалъ знаменитый Вельяминовъ, сравнивая Кавказъ съ крѣпостью, обороняемой многочисленнымъ и отважнымъ гарнизономъ.

Потерявъ цѣлыхъ 5 лѣтъ, Воронцовъ только съ 1850 года перешелъ къ сосредоточенію главныхъ усилій въ Чечнѣ и нѣсколько приблизился къ цѣли, но тутъ подошли событія войны 1853—55 гг., что отвлекло наши силы и средства на турецкую границу и въ Арменію, и только съ 1856 года возобновились операціи правильной системы покоренія Кавказа въ періодъ управленія краемъ княземъ Барятинскимъ. Князь Барятинскій съ крайней энергіею провелъ систему покоренія восточнаго Кавказа, имѣя

---

[1]) Осада Чоха шла подъ начальствомъ одного князя Аргутинскаго и, будучи повтореніемъ Салтовъ и Гергебиля, кончилась полнымъ разрушеніемъ аула, но князь Аргутинскій, вѣрный принципу—беречь дорогую кровь героевъ, имѣлъ гражданское мужество не предпринимать ради безцѣльнаго подвига и громкаго дѣла штурма, по обращеніи аула въ груды развалинъ, отвелъ войска назадъ, за что подвергся незаслуженному осужденію близорукихъ и неразумныхъ критиковъ.

такого организатора системы и плана, какъ незабвенный графъ Димитрій Алексѣевичъ Милютинъ, и такого главнаго исполнителя въ Чечнѣ, какъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ; благодаря дѣятельности главнымъ образомъ именно этихъ двухъ знатоковъ Кавказа, сдерживавшихъ нетерпѣливаго князя Барятинскаго, одного— какъ организатора, все тщательно предусмотрѣвшаго, и другого— какъ опытнаго исполнителя, человѣка съ несокрушимой энергіей, и, опираясь на славныя войска кавказской арміи, и состоялось покореніе восточнаго Кавказа въ 1859 году.

Осадой Гергебиля руководилъ самъ князь Воронцовъ, имѣя подъ рукой своего начальника штаба *Коцебу* и *князя Бебутова*— какъ начальника отряда. Князь Аргутинскій, предчувствуя неудачу и большія потери, былъ все время не въ духѣ. Штурмъ Гергебиля кончился полной неудачей, граничившей пораженіемъ, и сопровождался громадными потерями (5 шт.-и 32 об.-офицера, 582 н. ч., не говоря о потеряхъ отъ холеры и лишеній). На оправдательное донесеніе князя Воронцова, Императоръ Николай писалъ ему: „Получилъ съ прискорбіемъ, оно было бы еще больше, если бы я не зналъ, что вы дорожите кровью храбрыхъ войскъ и безъ крайней нужды не рѣшились бы ими жертвовать. Неудача сія служитъ однако новымъ опытомъ, что не-всегда достаточно одной отважной храбрости, чтобы одолѣть препятствіе свыше человѣческихъ силъ противъ непріятеля не менѣе храбраго и особенно искуснаго въ оборонѣ. Вы сами, это лучше знаете и мнѣ этого достаточно, чтобы остаться въ надеждѣ, что подобныя предпріятія безъ надобности не повторятся".

Тяжелая неудача подъ Гергебилемъ, крупныя потери, лишенія и личное мнѣніе Государя не остановили Воронцова въ продолженіи намѣченной имъ программы и въ то же лѣто, послѣ короткаго отдыха, Воронцовъ предпринялъ осаду подобнаго же аула Салты.

Началась новая осада, сопровождавшаяся рядомъ взаимныхъ геройскихъ подвиговъ и сопряженная огромными лишеніями и тяжкими потерями. Проявивъ обычное геройство, отбивъ два штурма и противупоставивъ нашимъ сравнительно богатымъ осаднымъ средствамъ поразительное искусство обороны, на наши мины отвѣтивъ контрминами и переживая всѣ ужасы осады, стойко держались 50 дней. Наконецъ они добровольно и благополучно ушли, оставивъ намъ кровавыя развалины аула, обошедшіяся намъ въ 100 офицеровъ и 2.000 нижнихъ чиновъ потери.

Князь Аргутинскій, при которомъ состоялъ Исаковъ въ обязанностяхъ начальника штаба, на этотъ разъ принималъ болѣе активное участіе, осада обязана была ему многими благоразумными и искусными мѣрами, и Воронцовъ долженъ былъ отдать справедливость его знанію дѣла и искусству.

Возведеніе послѣ паденія Салтовъ укрѣпленій у Ходжалъ-Махи и Цудахара, связавшихъ сѣверный Дагестанъ съ южнымъ, могло состояться и безъ кровавыхъ опытовъ подъ Гергебилемъ и Салтами.

Операціи въ лѣто слѣдующаго 1848 года противъ того же Гергебиля Воронцовъ ввѣрилъ всецѣло князю Аргутинскому, при которомъ по-прежнему состоялъ Исаковъ, и которому онъ такъ много посвятилъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ.

Князь Моисей Захаровичъ Аргутинскій Долгорукій былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся боевыхъ дѣятелей Кавказа. Слѣдуя Ермолову и Вельяминову, князь Аргутинскій былъ честнымъ и прямодушнымъ ревнителемъ нашихъ государственныхъ интересовъ на Кавказѣ, никогда не преслѣдуя ничего личнаго. Онъ превосходно зналъ Кавказъ и былъ опытный и искусный военачальникъ; осмотрительный и осторожный, онъ всегда тщательно обдумывалъ, взвѣшивалъ и подготовлялъ свои военныя предпріятія, отличаясь полной рѣшительностью, когда того требовали обстоятельства, и почти не зналъ неудачи.

Оставаясь всегда грозой для Шамиля, князь Аргутинскій, совмѣстно съ доблестнымъ героемъ многихъ дѣлъ—Робертомъ Карловичемъ Фрейтагомъ, въ теченіе цѣлаго ряда годовъ (особенно 1843, 1844 и 1845 гг.) нашихъ неудачъ на Кавказѣ спасалъ здѣсь наше положеніе [1]).

Особенностью князя Аргутинскаго была забота о солдатѣ вообще и *тщательное сбереженіе дорогой солдатской жизни*. Неразумныя и безцѣльныя жертвы солдатской жизни приводили его въ сильное раздраженіе и, зачастую, въ такой степени, что онъ терялъ всякую сдержанность, не стѣсняясь положеніемъ лицъ.

[1]) *Робертъ Карловичъ Фрейтагъ* также заслуживаетъ вѣчной памяти въ исторіи покоренія Кавказа, личность высоко-замѣчательная по знанію дѣла, заслугамъ, довѣрію и любви къ нему подчиненныхъ. Скромный, простой, невзыскательный, герой въ полномъ смыслѣ слова, но разумный и искусный военачальникъ, знаменитѣйшій командиръ Куринскаго полка, такъ и остался въ сторонѣ, ничѣмъ особенно не будучи отличенъ и даже послѣ спасенія отряда Воронцова въ 1845 г., остался незамѣтенъ.

Въ опытныхъ рукахъ князя Аргутинскаго Гергебиль палъ въ то же лѣто 1848 года, и на этотъ разъ горцамъ мы нанесли сильное пораженіе, но потери наши все же были значительны.

За Салты и второй Гергебиль князь Аргутинскій былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ—рѣдкая по времени и для Кавказа награда, показывающая, что Императоръ Николай, вдали отъ событій, оцѣнилъ князя Аргутинскаго.

Занятіе ауловъ Салты и Гергебиля въ Дагестанѣ, въ общемъ ходѣ покоренія Кавказа, имѣло ничтожное, если даже не отрицательное значеніе, и никогда не могло окупить огромной затраты времени, силъ, средствъ и особенно несоразмѣрныхъ потерь въ людяхъ, утвердиться на этихъ развалинахъ было немыслимо, да и безполезно, и мы развѣ только что лишили Шамиля возможности назначать въ этихъ пунктахъ мѣста сборовъ войскъ для производства набѣговъ въ южный Дагестанъ, но, во-первыхъ, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи другіе для этихъ цѣлей пункты, во-вторыхъ, этимъ не исключалась возможность производства самихъ набѣговъ, что Шамиль и блистательно доказалъ въ томъ же году, вторгнувшись въ южный Дагестанъ и осадивъ нашу крѣпостцу Ахты.

Войска уже были распущены на отдыхъ, когда князю Аргутинскому пришлось внезапно направить войска на новые сборы и съ возможной быстротой спѣшить на освобожденіе геройскаго гарнизона. Освобожденіемъ Ахты, исполненнымъ искусно, а гдѣ то требовалось и рѣшительно, кончается участіе Н. В. Исакова въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ. Пораженіе горцевъ на этотъ разъ было полное, и только трусость протеже Воронцова генерала Бюрно, не отрѣзавшаго съ своей колонной (на военно-ахтинской дорогѣ) отступленія горцамъ, дала имъ возможность избѣжать еще большаго пораженія.

Посланный курьеромъ съ донесеніемъ объ освобожденіи крѣп. Ахты Императору Николаю, Исаковъ, назначенный флигель-адъютантомъ, болѣе на Кавказъ не возвратился.

Нелицепріятное свидѣтельство Исакова обо всѣхъ этихъ событіяхъ весьма цѣнно.

Особенно цѣнны въ правдивыхъ разсказахъ Исакова характеристика главныхъ военныхъ дѣятелей: *графа Воронцова*, *князя Аргутинскаго*, *князя Бебутова*, *Коцебу*, *князя Барятинскаго*, *Евдокимова* и многихъ другихъ второстепенныхъ, какъ *Бюрно*, *Мищенко* (Ивана Кузьмича), *Глѣбова*, *Ушакова*, Бибанова и др.

Всѣ эти дѣятели являются передъ нами, какъ живые; особенно жизненнымъ является личность князя Аргутинскаго съ его недюжиннымъ умомъ, тонкимъ знаніемъ края и горцевъ, знаніемъ военнаго дѣла, съ его простотой, крайней невзыскательностью, непосредственностью, добродушіемъ и чудачествами.

Не отнимая у графа Воронцова его достоинствъ и заслугъ, даже находясь въ извѣстной степени подъ обаяніемъ сильно импонировавшаго графа Воронцова, правдивый Исаковъ не скрываетъ и своихъ впечатлѣній его недостатковъ и слабостей, что мы и предоставляемъ читателю. Отмѣтимъ только одну особенную слабость графа Воронцова — протежировать своимъ, зачастую неизвѣстно откуда появившимся личностямъ; такъ Исаковъ разсказываетъ о неудачныхъ дѣйствіяхъ протежируемаго Воронцовымъ неизвѣстнаго француза изъ Одессы — Бюрно, названнаго Аргутинскимъ „проклятымъ шарлатаномъ", и которому Воронцовъ давалъ отвѣтственныя должности колоннаго начальника.

При оцѣнкѣ Воронцова въ этотъ періодъ его дѣятельности необходимо принять въ соображеніе его годы, его продолжительную административную дѣятельность, при которой онъ былъ „не у военныхъ дѣлъ", а тѣмъ болѣе „не у боевыхъ", незнакомство его съ условіями веденія войны на Кавказѣ, предрасположеніе къ кавказскимъ дѣятелямъ, самолюбіе славнаго участника войнъ съ Наполеономъ, даже его побѣдителя подъ Краснымъ, что преисполнило его огромнымъ самомнѣніемъ, росту котораго способствовала лесть окружавшихъ и искавшихъ у него и, наконецъ, его нетерпѣніе оправдать въ Петербургѣ и въ Россіи свое назначеніе скорѣйшими и громкими дѣлами, отсюда и Дарго, а за нимъ—Гергебиль, Салты и Чохъ.

Единственная, хорошая сторона этихъ операцій въ среднемъ Дагестанѣ—это отвлеченіе вниманія и силъ Шамиля отъ Чечни, но изъ документовъ того времени не видно, чтобы Воронцовъ преслѣдовалъ это отвлеченіе вниманія и силъ Шамиля отъ Чечни, но тогда не слѣдовало заканчивать осаду штурмами, а ограничиться лишь тѣмъ, что продержать скопища Шамиля въ горахъ возможно долгое время въ сборѣ, подвергая сопряженными со сборами лишеніями, какъ то дѣлалъ иногда Вельяминовъ, приговаривая: „пусть терпитъ, я знаю, у него интендантъ плохой".

Конечно, за эти пять лѣтъ (1845—49 гг.) веденія нами главныхъ операцій въ среднемъ Дагестанѣ кое-что сдѣлано и въ Чечнѣ, гдѣ съ 1848 года расчищенными просѣками прошла такъ названная чеченцами „русская дорога" отъ *Владикавказа* на *Назранъ*, *Ачхой*, *Урусъ-Мартанъ* въ *Воздвиженское*, лѣвый

берегъ р. *Сунжи* покрылся казачьими станицами, а новыя штабъ-квартиры Кабардинскаго и Нижегородскаго драгунскаго полка *Хасавъ-Юртъ* и *Чиръ-Юртъ* связали Чеченскую линію на Кумыкскую плоскость съ Шамхальскими владѣніями (съ Шурой), но всѣ эти операціи можно было вести съ большими силами, средствами и энергіею, и тогда Воронцовъ дождался бы конца войны въ восточномъ Кавказѣ во время своего управленія краемъ, до войны 1853—56 гг.

Только съ 1850 года графъ Воронцовъ, хотя и не со всей требовавшейся нашими интересами энергіею, но перешелъ болѣе или менѣе къ правильной системѣ въ Чечнѣ, къ системѣ, не дававшей громкихъ дѣлъ, а требовавшей болѣе борьбы съ природой и болѣе топора и лопаты, чѣмъ штыка, болѣе разсчета и выносливости, чѣмъ безумной храбрости и вообще требовавшей здѣсь вполнѣ умѣстнаго терпѣнія.

Подобно воспоминаніямъ *барона Торнау* [1]), *графа Бенкендорфа* и *князя Дундукова-Корсакова*, воспоминанія Исакова не чужды тѣхъ поэтическихъ сторонъ службы и быта, которыми такъ полна была эта въ непрестанной близости смерти боевая жизнь Кавказа.

Полное зачастую невыносимыхъ лишеній и непрестанной смертельной опасности и, одновременно, полное какого, то притягательнаго очарованія протекало это время войны на Кавказѣ, оставившее въ кавказской арміи неизгладимый слѣдъ на ея бытѣ и на взаимоотношеніяхъ чиновъ ея и до нашего времени, и какъ вѣчна грозная и чудная природа Кавказа, такъ вѣченъ и боевой духъ славной кавказской арміи.

Б. Колюбакинъ.

I. Пріѣздъ на Кавказъ. Штабъ кн. Воронцова. Воспоминанія о Даргинской экспедиціи. II. Движеніе въ малую Чечню. III. Возвращеніе въ Тифлисъ. А. Н. Муравьевъ. Тифлисское Общество. Командировка на Сурамъ. IV. Назначеніе въ штабъ кн. Аргутинскаго. Дербентъ. Экспедиція въ Гергебиль.

I.

Въ концѣ зимы 1846 г. великимъ постомъ, я отправился на Кавказъ. Распутицей въ саняхъ и на колесахъ, я дотащился до Владикавказа. Дорога ничего не оставила въ памяти. На одной изъ станцій, за Новочеркасскомъ, обогнала меня карета, на коз-

[1]) *Баронъ Өедоръ Өедоровичъ Торнау* оставилъ замѣчательныя воспоминанія о службѣ на Кавказѣ, представляющія, помимо спеціальнаго интереса, и превосходное по идеямъ и изложенію литературное произведеніе.

лахъ которой была привязана клѣтка съ попугаемъ. Потомъ я узналъ, что одинъ изъ адъютантовъ кн. Воронцова (изъ числа одесскихъ) довольно престарѣлый, сопровождалъ въ каретѣ m-elle Hermance, ѣхавшую къ кн. Сергѣю Кочубею въ Тифлисъ, и попугай былъ ея. А въ Тифлисѣ я узналъ, что этотъ адъютантъ былъ курьеромъ, везшимъ гр. Воронцову титулъ князя, о которомъ главнокомандующій узналъ однако изъ газетъ. Таковы были нравы въ старомъ (одесскомъ) штабѣ у Воронцова.

Первое впечатлѣніе во Владикавказѣ было поразительно: близость снѣговыхъ горъ для непривычнаго глаза казалась такова, что дѣлалось холодно, смотря на нихъ. Въ первый разъ я стоялъ такъ близко къ такимъ гигантамъ; одинъ другого величественнѣе: Эльбрусъ и Казбекъ. Переѣздъ черезъ горы былъ отчасти снѣжный, черезъ только что осыпавшіеся завалы; все было громадно, мрачно, поражающе. Пропасть, при туманѣ ее наполнявшемъ, вызывала головокруженіе; безъ тумана—виднѣлись внизу какія-то точки, которыя ямщикъ называлъ аулами; пропасть казалась бездонною и такъ и тянула въ себя.

Спускаясь съ горъ въ Грузію, весна разомъ охватила меня, картины смѣнялись все болѣе и болѣе плѣнительными, дорога шла все вдоль обрывовъ, но зелени было уже много, солнце начинало сильно пригрѣвать.

Въ Тифлисѣ, представившись по начальству: главнокомандующему, начальнику его штаба Гурко [1]), его помощнику Гогелю и оберъ-квартирмейстеру Норденстаму, я сталъ знакомиться съ сослуживцами и обществомъ. Гурко былъ на отъѣздѣ, Коцебу былъ уже назначенъ. Кн. Воронцовъ, кажется, желалъ разстаться съ Гурко. Была ли этому причина Даргинская экспедиція, или и многія другія, но Гурко, проведшій нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ при Нейдгартѣ, не оставлялъ послѣ себя ни воспоминаній о военныхъ удачахъ, ни сожалѣнія, какъ о начальникѣ штаба, несмотря на всѣ его хорошія качества и солидныя военныя познанія.

Затѣмъ между служащими довольно замѣтно выдѣлялись двѣ колоніи: одна Генеральнаго Штаба, другая — такъ называемая нѣмецкая. Первая помѣщалась въ деревнѣ въ верхнемъ этажѣ. Тамъ жили: полковникъ Ходзко, полякъ по происхожденію, братъ извѣстнаго историческаго писателя, маленькій, сѣдой, старый кавказецъ, геодезистъ по спеціальности, добрый и милый, не безъ хитрости однако же; полковникъ Альбрантъ, потерявшій

---

[1]) Отецъ фельдмаршала Іосифа Владиміровича Гурко.

руку въ Даргинской экспедиціи, страдавшій постоянно отъ ранъ, всегда восторженно говорившій о подвигахъ самоотверженія и неустрашимости, очень храбрый человѣкъ и прежде дѣлавшій кампанію Персидскую, очень любившій и ласкавшій молодежь, но безъ авторитета военнаго и безъ военныхъ теоретическихъ знаній. Постоянно съ заоблачными соображеніями Альбрантъ мѣшалъ и свои недочеты въ наградахъ, считая, что за Дарго ему слѣдовало бы и Владиміра 3 ст. и чинъ генерала; Подполковникъ Генеральнаго Штаба Вранкенъ, который въ просторѣчьи назывался Вралкинымъ, былъ храбрый офицеръ, рѣчистъ, мастеръ на острое слово, куда какъ гораздъ на критику, считалъ себя нелюбимымъ новымъ дворомъ, какъ онъ называлъ штабъ и окружающихъ Воронцова. Высокій ростомъ и съ пріемами бурша, Вранкенъ былъ кривъ лицомъ: пуля разбила ему нижнюю челюсть. Онъ разсказывалъ, что въ 1844 г. непріятель ворвался въ Дагестанъ, въ аулъ Дженгутай. Вранкенъ схватилъ въ Шурѣ два батальона и два горныхъ орудія и съ поручикомъ Лагодою бросился ему навстрѣчу. Подъ Кака-Шурою онъ наткнулся на огромное скопище горцевъ; пришлось плохо совсѣмъ, но оба они были молодцы. Въ снятой ржи они отбивались, какъ отъ саранчи, насѣдавшей на нихъ, помощи было ждать неоткуда. Пуля попала ему въ открытый ротъ, когда онъ отдавалъ приказаніе Лагодѣ перевезти орудія на другое мѣсто. Его положили подъ деревомъ; очень страдая, онъ долго просилъ казака своего дать ему подъ голову подушку съ сѣдла; казакъ отвѣчалъ, что нельзя, придется можетъ быть уходить, не успѣешь подвязать. Раненый Вранкенъ и не думалъ, что можно уйти изъ этой передѣлки, и улыбнулся наивной надеждѣ казака избѣгнуть этого ада, но больше не настаивалъ. Однако же картечь раненаго тоже Лагоды и подоспѣвшая помощь выручили изъ бѣды занесшихся очертя голову молодцовъ.

Къ этимъ жильцамъ колоніи приходилъ ежедневно пѣхотный подполковникъ Колюбакинъ, Николай Петровичъ, раненый неоднократно, послѣдній разъ въ Дарго въ грудь, храбрый офицеръ, съ хорошимъ образованіемъ, говорунъ и спорщикъ первостатейный, добрый, великодушный, но вспыльчивый до чрезмѣрности, шумливый и забіяка. Его звали „немирной“ въ отличіе отъ его брата, бывшаго губернаторомъ въ Кутаисѣ, котораго звали „мирнымъ“. Въ этомъ же этажѣ, но особо, жилъ полковникъ Генеральнаго Штаба Бибиковъ (Дмитрій), когда-то бывшій Царскосельскимъ кирасиромъ, получившій и образованіе и воспитаніе, но больной, не любившій шума и по своимъ привыч-

камъ, скорѣе городскимъ, удалявшійся отъ колоніи, болѣе сближаясь съ гвардейскими офицерами, пріѣзжавшими тогда на Кавказъ ежегодно, что однако же колонія ставила ему въ вину и не долюбливала его.

Всѣ жили вмѣстѣ, у каждаго по одной комнатѣ, столовая общая, по-походному. Какъ могли—кутили, кахетинскаго не жалѣли. Отъ только-что конченной Даргинской экспедиціи оставалось разсказовъ, анекдотовъ, критическихъ отзывовъ и брани неисчерпаемый источникъ. Сюда приходили и адъютанты Воронцова, не боявшіеся слушать разсказы Колюбакина и Вранкена про Дарго. Къ Бибикову ходилъ отдѣльно бывшій лейбъ-гусарскій офицеръ Александръ Абаза [1]), теперь Нижегородскій драгунъ, раненый еще въ 1844 г. и проживающій на Кавказѣ, потому что жилось тутъ свободно и весело.

Изъ начальства, Гурко сидѣлъ за бумагами и изводилъ свой штабъ высшими соображеніями, помощникъ его, генералъ Гогель завѣдывалъ строевою частью, гарнизонною службою; онъ считался мастеромъ своего дѣла, а Кавказскія войска всегда имѣли репутацію распущенности по этой части. Норденстамъ, высокій, черный финляндецъ, уходилъ въ это время съ Кавказа; мы знали больше полковника Индреніуса, женатаго, очень хорошаго человѣка, завѣдующаго дѣлами Генеральнаго штаба.

Всѣ эти люди разошлись: Норденстамъ и Индреніусъ играютъ и теперь (въ 1882 г.) значительную роль въ сенатѣ финляндскомъ и наѣзжаютъ изъ Гельсингфорса въ Петербургъ. Ходзко я еще видѣлъ въ 1876 г. въ Тифлисѣ, женатымъ на какой-то молодой бабенкѣ. Вранкена встрѣтилъ въ 1855 г. въ Крыму начальникомъ дивизіи, Бибикова въ 1849 г. въ Венгерскую кампанію и потомъ въ Тулѣ въ 60 годахъ, женатаго на молодой женщинѣ, безъ средствъ, но съ старыми замашками гастронома и плохо уже служащей грудью. Колюбакинъ былъ въ 60 годахъ сенаторомъ въ Москвѣ, куда онъ перенесъ свою размашистую рѣчь, но былъ цѣнимъ, какъ умный и честный человѣкъ.

Другую колонію, или ея ядро, составляли: Крузенштернъ и Дюкруасси, оба чиновники особыхъ порученій при Воронцовѣ; съ ними жилъ полковникъ гр. Девьеръ, начальникъ наградного отдѣленія штаба. Всѣ трое старые кавказцы, живущіе своимъ хозяйствомъ, съ хорошимъ поваромъ, чистоплотны, немножко чопорны, но дружны съ военными, хотя и не тѣсно, не любя ихъ нѣсколько частаго разгула и неумѣренныхъ рѣчей.

---

[1]) Александръ Аггѣевичъ Абаза—впослѣдствіи государственный контролеръ, министръ финансовъ, предсѣдатель д-та государственной экономіи

Отдѣльно совсѣмъ жили кн. Михаилъ Лобановъ и гр. Константинъ Бенкендорфъ [1]). Кн. Лобановъ былъ съ юнкерскаго чина на Кавказѣ. При генералѣ Фрейтагѣ онъ жилъ въ Кумыкской плоскости въ с. Эндрей [2]) и, говорятъ, былъ женатъ тамъ по татарскому обычаю, говорилъ очень хорошо по-кумыкски. Онъ былъ очень образованный и хорошо воспитанный человѣкъ; его записки о Кавказѣ тому служить могутъ свидѣтельствомъ, хотя онѣ написаны по-французски. Онъ постоянно занимался, читалъ, вращался въ семействѣ кн. Воронцова, удалялся шумнаго товарищества и былъ мало имъ любимъ.

Гр. Константинъ Бенкендорфъ, полковникъ, флигель-адъютантъ, дѣлалъ Даргинскую экспедицію, былъ раненъ, а когда его несли на носилкахъ, непріятель ворвался въ обозъ; носильщики его бросили и ему досталось нѣсколько ударовъ шашкою по головѣ и спинѣ; къ счастію его, рядомъ ѣхалъ конногвардейскій офицеръ Шеппингъ, который, хотя самъ раненый, всталъ надъ нимъ и отмахался шашкою, иначе Бенкендорфъ погибъ бы. Этотъ отличный офицеръ и человѣкъ лечился въ Тифлисѣ отъ ранъ въ колѣнѣ, сторонясь отъ шума кутящей молодежи. Его я потомъ встрѣчалъ часто и послѣднее время, когда онъ былъ посланникомъ въ Стутгардтѣ.

Изъ адъютантовъ—кн. Александръ Дундуковъ [3]) и кн. Сергѣй Васильчиковъ—жили вмѣстѣ, у нихъ собирался народъ безпрестанно и пиръ былъ постоянный. Внизу, въ томъ же домѣ съ ними жилъ кн. Сергѣй Кочубей съ француженкой. Дундуковъ былъ запѣвалой всему. Окончивъ кандидатомъ Петербургскій университетъ во время попечительства своего отца, онъ вступилъ юнкеромъ въ Гатчинскій Кирасирскій полкъ и скоро перешелъ на Кавказъ къ генералу Нейгардту, потомъ остался по наслѣдству Воронцову. Отличный и умный малый, онъ былъ на всѣ руки, дѣятельности ненасытной, хотя здоровья деликатнаго, и всегда готовый на долгую, шумную пирушку и на службу самую трудную. Сергѣй Васильчиковъ былъ необыкновенно тихій и скромный человѣкъ; онъ, какъ тѣнь Дундукова, тоже кутилъ, пировалъ, шумѣлъ. Хорошій офицеръ, честный, всѣми любимый.

---

[1]) Графъ К. К. Бенкендорфъ, сынъ извѣстнаго съ 1812 г. кавалерійскаго генерала Константина Христофоровича Бенкендорфа, оставилъ интересныя воспоминанія, напечатанныя на страницахъ этого журнала.

[2]) Аданъ Эндэри или Андреево, какъ его больше называли на Кавказѣ.

[3]) Князь Александръ Михайловичъ Дундуковъ-Корсаковъ—впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, кіевскій генералъ-губернаторъ, Императорскій коммиссаръ въ Болгаріи, главноначальствующій на Кавказѣ.

Къ нимъ чаще другихъ пристраивался полковникъ Минквицъ, бывшій адъютантъ Канкрина; умный и забавный чрезвычайно, хорошо воспитанный и немолодой уже, но страстный охотникъ до пировъ и дамскаго общества.

Кромѣ нихъ были Моллеръ Эдуардъ, Шаховской Алексѣй [1]), Фрицъ Гейденъ [2]), Ростиславъ Давыдовъ, Адиль Гирей.

Засимъ Сафоновъ, оффиціально управляющій канцеляріей князя, и Михаилъ Павловичъ Щербининъ, дѣлецъ на всѣ руки и начальникъ походной канцеляріи, бойкій и умный человѣкъ, любилъ покутить серьезно. Наконецъ личный секретарь князя, баронъ Николаи [3]), очень образованный, совершенно благовоспитанный молодой человѣкъ, никогда не прочь отъ товарищей и никогда не дѣлаясь помѣхой на пиру, однако, какъ-то всегда не выходилъ изъ границъ благопристойности.

Было еще нѣсколько грузинъ и привезенныхъ княземъ изъ Одессы: кн. Александръ Гагаринъ, Минкельдей, маркизъ Паулучи, еще кто-то.

Въ эпоху моего пріѣзда помню много разсказовъ о прошлогодней Даргинской экспедиціи; она была еще свѣжа въ памяти. Порицаній было много, соображеній еще больше, ясно было одно что ген. Фрейтагъ быстрымъ своимъ движеніемъ изъ Герзель-аула выручилъ войска кн. Воронцова, давъ имъ возможность выбраться изъ трущобы.

Разсказывали, что когда кн. Воронцовъ былъ вызванъ въ Петербургъ для принятія командованія на Кавказѣ, Николай Павловичъ, по обыкновенію своему распоряжаться военными дѣйствіями изъ Петербурга, прочеркнулъ по картѣ прямую черту въ Дарго, слѣдуя принятой системѣ устрашать непріятеля и убѣдить его, что для русскихъ войскъ нѣтъ недоступныхъ мѣстъ въ горахъ Кавказа.

Даргинская экспедиція 1845 г. еще разъ доказала, что русское оружіе можно внести куда угодно на Кавказѣ, когда оно въ рукахъ такихъ войскъ, какъ Кавказскіе полки, но что непріятель похожъ на волну, которая васъ окружаетъ, сливается за вами и смываетъ вашъ слѣдъ. Войска, дѣйствительно, прошли по проведенной государемъ чертѣ, потеряли много, непріятель

---

[1]) Князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской, въ турецкую войну 1877—78 г. командовалъ 11 корпусомъ.

[2]) Гр. Өедоръ Логгиновичъ Гейденъ—впослѣдствіи начальникъ главнаго штаба, финляндскій генералъ-губернаторъ.

[3]) Баронъ Александръ Павловичъ Николаи, впослѣдствіи статсъ-секретарь попечитель Кіевскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія.

вездѣ уступалъ; мы вышли изъ трущобы, а трущоба все-таки осталась та же самая, хоть вновь идти разницы не будетъ никакой.

Даргинская экспедиція была сдѣлана по страшнымъ трущобамъ; никогда мы не проникали еще въ такую глубину горъ и потери были весьма значительны: горцы облѣпляли насъ со всѣхъ сторонъ, какъ пчелы, ранили и убивали нашихъ отовсюду: съ деревьевъ, чуть не изъ-подъ земли [1]). Такіе батальоны, которые прошли огонь и воду, насилу прошли черезъ Даргинскія дебри. Нѣсколько разъ положеніе кн. Воронцова было очень затруднительно; сомнѣніе въ томъ, выберутся ли войска изъ западни, въ которую попали, не разъ должно было смущать его духъ, хотя никто не видалъ на лицѣ его ни малѣйшаго признака смущенія даже и тогда, когда главнокомандующій со своей свитой долженъ былъ остановиться, и старикъ вынулъ свою шпагу для личной защиты.

Наконецъ Дарго было взято. Сухарная экспедиція принесла очень мало провіанта, прибавила огромное число раненыхъ; унесла большое число офицеровъ; три генерала было въ ней убито. Она же унесла Пассека, легендарнаго героя Кавказа. Нужно было подумать, какъ однако же выйти; было послано три охотника къ Фрейтагу съ приказаніемъ выйти навстрѣчу съ линіи. Одинъ юнкеръ, почти еще мальчикъ, дошелъ черезъ горы къ Фрейтагу и разсказалъ ему положеніе отряда, Фрейтагъ, какъ всегда, не задумываясь, во что-бы ни стало пошелъ на выручку [2]). Говорятъ, что онъ чуялъ бѣду съ войсками Воронцова и приготовился заранѣе. Когда первые его пушечные выстрѣлы возвѣстили издалека, что онъ подошелъ, войска кн. Воронцова перекрестились, радость была невообразимая. Еще одинъ бой для соединенія съ нимъ, и горцы, воображавшіе, конечно, что они отряда Воронцова не выпустятъ изъ лѣсовъ, прекратили свое преслѣдованіе.

---

[1]) Экспедиція эта имѣетъ свою большую литературу и наиболѣе цѣнны личныя воспоминанія *графа Бенкендорфа*, князя *Дундукова-Корсакова*, *барона А. П. Николаи*, адъютанта Воронцова—*Нечаева*, *барона Дельвига* и *В. А. Геймана*.

[2]) Всѣ опытные генералы Кавказа докладывали Воронцову о безплодности и даже вредѣ экспедиціи и, болѣе всѣхъ, доблестные князь Аргутинскій и Фрейтагъ. Только распорядительность, всегдашняя боевая готовность и любовь къ нему подчиненныхъ и, особенно, войскъ, помогли Фрейтагу съ поразительной быстротой собрать отрядъ достаточной силы, снабдить его провіантомъ, боевыми зарядами и патронами и выступить, а затѣмъ искусно организованнымъ и искусно веденнымъ маршемъ быстро приблизиться къ отряду Воронцова. *Б. Колюбакинъ.*

Нерѣдко я слышалъ упреки кн. Воронцову, что онъ потомъ не взлюбилъ Роберта Карловича Фрейтага, что онъ не могъ забыть ему своего освобожденія. Конечно, Фрейтагъ послѣ Даргинской экспедиціи игралъ роль, бросающуюся въ глаза: положеніе Даргинскаго отряда дошло до Петербурга, разсказамъ не было конца, критикѣ также, на это мастера были Кавказскіе офицеры. Конечно, многое было непріятно старику Воронцову. Говорили: если бы не Фрейтагъ, никто не вышелъ бы изъ Дарго. Но для такого опытнаго въ бояхъ и превратностяхъ войны человѣка, какъ кн. Воронцовъ, выручка его отряда могла имѣть смыслъ простого эпизода кампаніи и случайной раздачи ролей, больше ничего. Его прошедшее — лучшая защита противъ упрековъ, созданныхъ мелочно понимаемымъ самолюбіемъ. Князь Воронцевъ въ 1814 году сражался подъ Краснымъ съ Наполеономъ и силы непріятеля превосходили его корпусъ; я слышалъ тоже, что и тогда войска Сакена вовремя выручили его. Но несомнѣнно, что кн. Воронцовъ сражался блистательно и въ память того носилъ Георгія 2 ст., котораго не имѣли многіе гораздо старше его. Затѣмъ онъ посвятилъ себя созиданію новаго края, и все, что можетъ сдѣлать созидатель, онъ дѣлалъ изъ личной любви къ гражданскому развитію страны. Воздвигая города, развивая торговлю, пути сообщенія, возводя крымскіе дворцы, виноградники, онъ создалъ изъ Одессы третью столицу, которая во многомъ была для жизни пріятнѣе первыхъ двухъ. Между этими занятіями ему посчастливилось еще овладѣть Варной, когда кн. Меншиковъ былъ раненъ. Затѣмъ государь Николай Павловичъ вызвалъ его въ ту минуту, когда имя Воронцова сдѣлалось неразрывно связаннымъ съ Новороссійскимъ краемъ, и поручилъ ему Кавказъ [1]). Воронцовъ былъ военноначальникъ въ душѣ и организаторъ. Николай Павловичъ по военному ремеслу довѣрялъ только фельдмаршалу Паскевичу и слушался его опытности, его военнаго счастія; къ Воронцову же не имѣлъ никакихъ симпатій. Возражать Николаю Павловичу, который считалъ себя настоящимъ руководителемъ Кавказской войны, для Воронцова, который видѣлъ Кавказъ однажды при кн. Циціановѣ въ 1805 г., т.-е. 40 лѣтъ назадъ, было нельзя. Предстояло покорить цѣлый край и устроить его. Воронцову

[1]) Ворoцовъ не былъ вызываемъ въ Петербургъ, а получилъ предложеніе въ Алупкѣ, откуда прямо выѣхалъ на Кавказъ, при чемъ условіемъ назначенія Воронцову поставленъ походъ въ Дарго, въ столицу Шамиля.

В. Колюбакинъ.

было за 60 лѣтъ, но какъ бы ни было коротко будущее, оно было заманчиво величіемъ задачи. Воронцовъ все принялъ на себя и, не успѣвъ еще оглядѣться, долженъ былъ исполнить волю государя, и исполнилъ ее буквально, прошелъ по начерченной прямой линіи въ Дарго.

На Кавказѣ весь механизмъ войны въ рукахъ частныхъ начальниковъ; разъ, когда вошли въ линію, прочерченную карандашемъ по Петербургской картѣ, Гурко, Лидерсъ, Лабинцевъ, Клюге-фонъ-Клугенау, Пассекъ сдѣлались исполнителями частностей, каждый по своему разумѣнію. Тропинки черезъ трущобы лѣсныя и горныя, обозъ и орудія на высокихъ горахъ, масса раненыхъ, невозможность имѣть весь провіантъ съ собою, все это представилось также неизбѣжно и кн. Воронцову, несмотря на европейскія войны, въ которыхъ онъ составилъ себѣ репутацію отличнаго военноначальника. Этихъ условій на Кавказѣ устранить было нельзя. Одно только уменьшало затрудненія—это быстрота прохода. Такъ и дѣлали обыкновенно; за то проходили, но слѣда не оставляли. Правда, Даргинскій походъ затянулся. Конечно, Воронцовъ хотѣлъ какъ можно скорѣе пройти черезъ это испытаніе, но трущобы оказались непроходимыми; раненыхъ, сверхъ ожиданія, было множество, движеніе медленно, непріятель настойчивѣе обыкновеннаго, провіанту стало недоставать; послали цѣлый отрядъ назадъ за провіантомъ (сухарная экспедиція), онъ долженъ былъ пройти еще два раза только-что пройденный путь, и встрѣтилъ по тому же пути то же самое, какъ будто наши войска никогда его и не проходили. Этотъ отрядъ доставилъ провіанта мало и больше половины людей своихъ потерялъ. Затѣмъ вызванъ былъ отрядъ Фрейтага навстрѣчу; это самое обыкновенное стратегическое соображеніе взаимнаго содѣйствія, но когда Даргинскій отрядъ соединился съ Фрейтагомъ, то онъ имѣлъ видъ конвоя, сопровождающаго раненыхъ; въ такомъ растерзанномъ положеніи были боевые батальоны. Отрядъ же Фрейтага былъ свѣжій, бодрый; онъ зналъ только одно: „идемъ на выручку къ главнокомандующему“, такая слава за нимъ и осталась на Кавказѣ, и справедливо. Фрейтагъ выручилъ Воронцова. Но какъ же онъ бы его и не выручилъ? Судьбы войны загадочны и раздача ими ролей, кромѣ впечатлѣнія на массы, требуетъ еще справедливой провѣрки ихъ исторіей. Отрядъ Воронцова сдѣлалъ экспедицію такую трудную, которая должна остаться его славою, и слава, заслуженная Воронцовымъ, не должна тускнѣть отъ измышленій мелкихъ судей и критиковъ, которымъ Воронцовъ уже успѣлъ не понравиться за новые порядки въ

управленіи Кавказскомъ [1]). Дѣло было сдѣлано, какъ хотѣлъ Николай Павловичъ, и здѣсь, можетъ быть, завоевано начало того будущаго, которое привело къ покоренію Кавказа, но только не устрашеніемъ непріятеля. Непріятель возстановилъ по-прежнему свои раззоренные аулы и по-прежнему продолжалъ драться съ нами, какъ будто Даргинской экспедиціи никогда и не бывало. Шамиль властвовалъ еще сильнѣе, доказавъ именно этой экспедиціей, что русскіе сдѣлать съ нимъ ничего серьезнаго не могутъ. Но Воронцовъ съ своей стороны получилъ право говорить о томъ, что по его мнѣнію нужно дѣлать на Кавказѣ, и право дѣйствовать только по своему разумѣнію. Прямыя черты черезъ горы по Петербургской картѣ прекратились; это былъ первый и крѣпкій шагъ къ перемѣнѣ всей системы войны.

На первый разъ я прожилъ въ Тифлисѣ недолго; встрѣтилъ Пасху въ Сіонскомъ соборѣ при полномъ сборѣ властей; разгавливался въ колоніи Генеральнаго Штаба довольно по-походному. Познакомился съ домомъ кн. Чавчавадзе, съ его милою и умною дочерью Ниною Александровною Грибоѣдовой, участвовалъ на пиру, данномъ молодыми людьми въ ботаническомъ саду съ дамами подъ постояннымъ дождемъ, и въ прогулкѣ, послѣ этого пира, которую сильно подгулявшая молодежь производила съ музыкой до самаго утра по всѣмъ грязнымъ улицамъ Тифлиса, заходя по дорогѣ къ товарищамъ, уже спавшимъ и забавляясь шумомъ и гвалтомъ и ихъ внезапнымъ пробужденіемъ. На другой день всѣ, какъ встрепанные, вышли на службу: Дундуковъ, запѣвало на всѣхъ пирушкахъ, уѣхалъ куда-то на границу Персіи, прежде нежели мы проснулись; таковы были нравы и удовольствія [2]).

II.

Внезапное извѣстіе, что Шамиль съ большими силами прорвался черезъ линію по направленію къ Ставрополю, вызвало

[1]) Воронцовъ несомнѣнно имѣлъ громкое прошлое, но съ водвореніемъ въ Новороссійскомъ краѣ и погрузившись въ административную дѣятельность, отсталъ отъ военнаго дѣла, а тутъ и годы другіе, и нельзя все же не винить Воронцова въ экспедиціи 1845 года, послѣ которой непомѣрно усилилась власть Шамиля. Воронцовъ велъ эту экспедицію, не вѣря въ ея успѣхъ, что и писалъ графу Чернышеву, докладывая, что сдѣлаетъ все, чтобы исполнить волю Государя, хотя въ успѣхъ экспедиціи не вѣритъ.

Б. Колюбакинъ.

[2]) Дополненіемъ къ этому свидѣтельству Исакова служатъ личныя воспоминанія самаго Дундукова-Корсакова въ „Старинѣ и Новизнѣ", томы 5-й и 6-й въ которыхъ онъ упоминаетъ и о Исаковѣ.

всѣхъ изъ Тифлиса [1]). Это движеніе непріятеля въ наши предѣлы указывало, что впечатлѣніе Даргинской экспедиціи на непріятеля уже прошло. Кн. Воронцовъ выѣхалъ тотчасъ же во Владикавказъ. Офицеры Генеральнаго Штаба получили приказаніе ѣхать туда же и я въ томъ числѣ, но дѣло разыгралось до нашего пріѣзда. Войска 5 корпуса возвращались въ Россію; ихъ направили съ пути прямо на непріятеля, и, если не ошибаюсь, полковнику Левковичу съ Минскимъ, кажется, полкомъ удалось загородить ему дорогу, что не помѣшало однако ему уйти въ горы обратно безъ большихъ потерь, кое-что сжегши и разграбивши на своемъ пути по линіи. Кн. Воронцовъ воспользовался раннею весною и занялся объѣздомъ лѣваго фланга и Кабарды.

Было начало апрѣля; снѣгъ въ горахъ таялъ, и обвалы были безпрестанные; нужно было нѣсколько станцій переѣзжать верхомъ и на вьюкахъ, совѣтовали лучше ночью, когда на вершинахъ горъ подмораживаетъ. На дорогѣ догнали меня полковникъ Минквицъ и гр. Бенкендорфъ. Минквицъ увѣрилъ полковника Ната, тоже къ нимъ пристроившагося и надоѣдавшаго имъ своими разговорами, что снѣгъ, готовый уже къ обвалу, такъ чувствителенъ къ малѣйшему сотрясенію воздуха, что даже разговоръ можетъ вызвать катастрофу. Этимъ они избавились отъ извѣстнаго своей докучливостью Ната, котораго въ Генеральномъ Штабѣ терпѣть не могли.

Попавъ во Владикавказъ, нужно было дожидаться тамъ начала экспедиціи въ Чечню. Тамъ я нашелъ старыхъ товарищей по Варшавѣ: Ген. Шт. Свѣчина и Гескета [2]), прикомандировавшагося къ Сунженскому казачьему полку; къ намъ присталъ молодой человѣкъ Беклешовъ, хорошо воспитанный и хорошо образованный. Отецъ его былъ страшный чудакъ, мать жила въ

---

[1]) Извѣстный набѣгъ Шамиля въ Кабарду, парализованный опять-таки энергіею Фрейтага едва не захватившаго всю партію Шамиля, но ошибки его частныхъ начальниковъ выпустили Шамиля, вернувшагося къ себѣ путемъ огромнаго напряженія и значительныхъ потерь, вызванныхъ лишеніями этого безпримѣрнаго набѣга.

[2]) Давидъ Гескетъ, англичанинъ по происхожденію, одно время воспитывалъ дѣтей принца Ольденбургскаго. Въ дѣлахъ генералъ-адъютанта барона Николаи, находящихся въ распоряженіи князя Георгія Дмитріевича Шервашидзе, имѣется исполненный карандашомъ и рукой барона Николаи портретъ Давида Гескета съ подписью рукой того же барона Николаи—„англійскій казакъ". Дальнѣйшая послѣ службы на Кавказѣ судьба Гескета намъ неизвѣстна. Сынъ Гескета Сергѣй, офицеръ Генеральнаго Штаба, недавно умеръ въ Туркестанѣ, въ должности самаркандскаго военнаго губернатора.

В. Колюбакинъ.

Испаніи. Молодой человѣкъ, испытывая послѣдствія семейнаго разлада, искалъ дѣятельности, въ ожиданіи возможности ввести какой-нибудь порядокъ въ проматываемое отцомъ состояніе.

Владикавказъ имѣлъ репутацію и своего собственнаго общества: начальникъ, генералъ Нестеровъ, высокій, красивый мужчина, моложавый, старый кавказецъ, теперь велъ покойную жизнь съ женою, тоже высокою, полною и красивою, оба весьма хорошіе люди, но жили весьма уединенно отъ остальныхъ. У нея были двѣ сестры Куриловы; одна хорошенькая, несмотря на оставшіеся слѣды оспы. Центръ общества составляло семейство батарейнаго командира Опочинина и его жены, грузинки, рожд. кн. Орбеліани, въ просторѣчіи извѣстной подъ именемъ Бабали (Варвары); у нея была сестра Софико, молчаливая дѣвушка въ противоположность сестрѣ, некрасивая, впослѣдствіи она вышла замужъ за кн. Святополкъ-Мирскаго. Эта гостепріимная семья ежедневно вечеромъ была дома, и всѣ собирались у нихъ. Партія въ карты для однихъ, разговоры для молодежи, затѣмъ самый простой ужинъ, вотъ и все. Опочининъ имѣлъ привычку, наливая себѣ водку, обращаться къ женѣ и говорить: „съ праздникомъ, Бабаля".

Это онъ дѣлалъ вездѣ, гдѣ бы ни былъ и безъ нея, никогда не забывая обращаться въ ту сторону, гдѣ ее предполагалъ, какъ мусульманинъ къ Меккѣ. Командиромъ Навагинскаго полка былъ баронъ Ипполитъ Вревскій, бывшій офицеръ Генеральнаго Штаба, братъ состоящаго при кн. Чернышевѣ флигель-адъютанта Александра Вревскаго, умный и образованный человѣкъ, хорошій военный, гостепріимный, онъ недавно получилъ полкъ послѣ убитаго въ Дарго Бибикова[1]). Вдова покойнаго Бибикова, уже немолодая, но еще очень привлекательная, жила въ одномъ изъ флигелей, въ саду того же дома. Тутъ же жилъ молодой офицеръ казачьей артиллеріи Есаковъ, братъ того, что служилъ въ гвардейской артиллеріи; впослѣдствіи онъ женился на Бибиковой, несмотря на разницу лѣтъ.

За Ипполитомъ Вревскимъ, кромѣ необыкновенной разсѣянности, была одна еще странная черта: его нельзя было разбудить иначе, какъ положивъ мокрую салфетку на лицо. Однако

---

[1]) Убитъ при штурмѣ аула Китури въ 1858 г. въ южномъ Дагестанѣ, въ званіи начальника Лезгинскаго отряда, и этотъ эпизодъ превосходно изображенъ геніальнымъ баталлистомъ Кавказа Теодоромъ Горшельтомъ, бывшимъ свидѣтелемъ и участникомъ этого кроваваго штурма. Послѣ штурма, смертельно раненый въ грудь Вревскій былъ доставленъ въ Телавъ, гдѣ вскорѣ и умеръ и гдѣ похороненъ. Имѣется много портретовъ барона Вревскаго, исполненныхъ и тѣмъ же Горшельтомъ въ походѣ. *Б. Колюбакинъ.*

же это не мѣшало ему командовать цѣлыми экспедиціями и заслужить себѣ прекрасную репутацію. У него же жилъ гр. Штейнбокъ, изъ гвардіи переведенный въ линейные казаки и потерявшій ногу подъ Дарго; онъ смотрѣлъ старикомъ, страдалъ постоянно отъ раны, былъ умнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ, когда могъ не раздражаться.

Бригадный командиръ, ген. Полтининъ[1]), жилъ тоже во Владикавказѣ. Старый служивый на Кавказѣ, храбрый, совсѣмъ необразованный, извѣстенъ былъ своими французскими поговорками, довольно нецензурнаго свойства и конечно невозможнаго произношенія; добръ, гостепріименъ, смѣшонъ, скопившій себѣ копѣйку во время командованія тѣмъ же Навагинскимъ полкомъ. Помню еще молодого казачьяго командира барона Розена, казачьего офицера Чернова.

Жизнь во Владикавказѣ проходила въ ничегонедѣланіи. Возвращаться въ Тифлисъ было незачѣмъ, когда приготовлялась уже экспедиція, и время проводилось кое-какъ утромъ, вечеромъ иногда у Вревскаго, но большею частью у Опочининыхъ. Кавказское гостепріимство отличалось простотой и считалось какъ бы обязанностью, связанной съ командованіемъ частью, особенно въ отношеніи къ Штабнымъ лицамъ, проѣзжимъ адъютантамъ и гвардейскимъ офицерамъ. Наконецъ, дамы были всегда рады новымъ лицамъ нѣсколько болѣе свѣтскимъ, нежели ежедневная среда; дѣвушки мечтали пристроиться за командировъ, такъ какъ этимъ гарантировалось и постоянное мѣсто жительства среди русскаго населенія и обезпеченное домашнее хозяйство, очень похожее на прежнее помѣщичье.

Полтининъ тогда намѣревался еще жениться, ухаживалъ за молодыми дѣвушками; Вревскій тоже женился впослѣдствіи на молодой дѣвушкѣ Варпаховской, очень хорошей и красивой женщинѣ, погибшей въ 1887 г. въ Болгаріи, въ качествѣ сестры Краснаго Креста.

Во Владикавказѣ веселились, когда только могли, этому не мѣшало и то, что, возвращаясь домой вечеромъ по темнымъ улицамъ, часто слышались выстрѣлы; горцы подкрадывались близко; Терекъ прорѣзывалъ городъ, и по руслу его смѣльчаки пере-

[1]) Полтининъ, тоже интересный типъ стараго кавказца. Представляясь, при первомъ знакомствѣ, онъ всегда добавлялъ: „два раза раненъ, три раза контуженъ, но не разу ни сконфуженъ". Разсказываютъ, что эти слова были вышиты на значкѣ, который возили за нимъ въ походѣ, какъ за начальникомъ отряда.

В. Колюбакинъ.

стрѣливались иногда съ нашими секретами на берегу Терека, заложенными въ улицахъ города, около дома, гдѣ я жилъ, меня постоянно окликали, но со свѣчкой или фонаремъ не всегда безопасно было. У генерала Чаплица слуга вышелъ на крыльцо со свѣчкой и былъ убитъ выстрѣломъ. Все это не препятствовало танцовальнымъ вечерамъ, ужинамъ и пикникамъ.

Наконецъ кн. Воронцовъ возвратился во Владикавказъ съ новымъ начальникомъ штаба Коцебу [1]). Отрядъ былъ составленъ, и мы двинулись подъ начальствомъ ген. Лабинцова въ Малую Чечню, на р. Фортенгу.

Былъ іюнь, очень жаркіе дни и ночи. Черезъ Сунжу мы перешли къ р. Фортенгѣ. Кн. Воронцовъ со своимъ штабомъ былъ при отрядѣ. Кавалерія шла впереди по великолѣпнымъ лугамъ, покрытымъ цвѣтами. Линейные казаки охотились за козами. Чеченцы, слѣдившіе за нами, при переправѣ нашей черезъ р. Фортенгу, дали нѣсколько выстрѣловъ. Начальникъ кавалеріи, кн. Александръ Голицынъ, старый кавказецъ, не упустилъ этого случая, и стрѣльба на переправѣ и въ лѣсу за нею стала раздаваться, какъ дробь, иногда прерываемая выстрѣлами изъ орудій, которые по лѣсу разносились, какъ раскаты грома. Я въ первый разъ испыталъ чувство возбужденія, которое доставляетъ близость непріятеля, хотя этотъ первый актъ, какъ я потомъ узналъ, былъ небольшимъ кавказскимъ представленіемъ по случаю присутствія главнокомандующаго при отрядѣ. Съ послѣднимъ былъ сынъ его, Семенъ Михайловичъ, одѣтый по-черкесски, былъ Истоминъ Владиміръ, извѣстный потомъ защитою Малаховскаго Кургана въ Севастополѣ. Истоминъ былъ типъ черноморскаго моряка, съ рѣзкимъ говоромъ и сужденіями и съ пріемами капитана корабля; все это въ Штабѣ, кажется, очень нравилось, и Истоминъ этимъ пользовался. Тутъ же были Дундуковъ и Николаи, неизмѣнный секретарь Воронцова. Вся эта веселая обстановка черезъ нѣсколько дней оставила отрядъ, и мы очутились съ его дѣйствительностью и глазъ на глазъ съ нашимъ прямымъ начальникомъ, Лабинцовымъ.

Иванъ Михайловичъ Лабинцовъ имѣлъ въ то время законченную репутацію, которая не увеличилась и не уменьшилась впослѣдствіи. Когда-то позже, П. Хр. Граббе разсказывалъ мнѣ, что послѣ взятія имъ Ахульго, при представленіи государю, Николай Павловичъ его спросилъ: „Vous m'avez preparé un bon générale

[1]) Павелъ Евстафьевичъ Коцебу—впослѣдствіи графъ, генералъ-губернаторъ и командующій войсками въ Одессѣ и Варшавѣ.

en Labintzoff?"—"Non, Sir, Labintzoff, n'est qu'un bellier, avec lequel je perce les montagnes" [1])—отвѣчалъ Граббе.

Всѣ наши экспедиціи на Кавказѣ въ горы имѣли характеръ проникновенія въ недоступныя мѣста. Пока войска наши шли къ нимъ, все было благополучно, но такъ какъ, занявъ эти мѣста, оставаться тамъ почти никогда не было возможно, то за взятіемъ съ боя или даже безъ боя назначеннаго пункта, слѣдовалъ неизбѣжно второй актъ—это уходъ къ себѣ домой. Вотъ здѣсь-то и начиналась дѣйствительная трудность: горцы насѣдали съ ожесточеніемъ, спасеніе отряда лежало на арьергардѣ и на его начальникѣ. Лабинцовъ на этомъ сдѣлалъ всю свою репутацію. Хладнокровный и совершенно неустрашимый, онъ на своихъ плечахъ вынесъ не мало отрядовъ, направленныхъ всею прежнею системою войны, до взятія Дарго включительно, въ горныя непроходимыя трущобы, не исключая отряда и Граббе въ м. Ичкеріи въ 1842 г. Старый кавказецъ безъ всякаго образованія, грубый по формамъ внѣшнимъ, Лабинцовъ былъ одинъ изъ героевъ Кавказа; войска его знали, вполнѣ довѣряли ему и шли съ нимъ куда угодно, но онъ рѣдко былъ распорядителемъ военныхъ дѣйствій [2]).

Кн. Воронцовъ начиналъ новую систему покоренія Кавказа, постепеннаго подступа къ горамъ, прочнаго занятія нами всей плоскости, оттѣсненія непріятеля въ горы и предложенія ему поселиться на благодатныхъ земляхъ равнины, съ условіемъ жить мирно съ нами. Постройка укрѣпленія еще верстъ на 20 впереди тогдашней передовой линіи по рѣкѣ Сунжѣ, на р. Фортангѣ, входила также въ эту программу и была цѣлью нашей экспедиціи. Никого лучше Лабинцова не нужно было на то, чтобы построить Ачхоевское укрѣпленіе съ наименьшими потерями въ людяхъ и деньгахъ. Лабинцовъ боя не искалъ, не вызывалъ на него непріятеля и принялся за работы. Но не такъ смотрѣлъ на дѣло Штабъ отряда. Начальникъ Штаба былъ полковникъ Левъ Львовичъ Альбрандтъ, пылкій человѣкъ по характеру, храбрый, любившій войну для сильныхъ ощущеній: онъ наслаждался своимъ

[1]) Вы мнѣ хорошаго генерала приготовили въ Лабинцовѣ? Нѣтъ, Государь, Лабинцовъ только молотъ, которымъ я пробиваю горы.

[2]) Герой многихъ славныхъ дѣлъ, памятный командиръ Кабардинскаго полка, Иванъ Михайловичъ Лабинцовъ былъ замѣчательный человѣкъ даже для Кавказа, особый мастеръ руководить отступленіемъ арріергарда, былъ наравнѣ съ Фрейтагомъ, Козловскимъ, Пассекомъ, особенно любимъ войсками, которыя вѣрили ему безгранично и беззавѣтно шли за нимъ куда угодно, приговаривая „старый чортъ знаетъ свое дѣло". Иванъ Михайловичъ любилъ поворчать, когда было не по его пріемамъ, и Воронцову доставалось немало въ 1845 году. *Б. Колюбакинъ.*

положеніемъ, въ первый разъ распоряжаясь, диктуя часто двумъ вмѣстѣ, отдавая приказаніе еще двумъ, разговаривая съ пятымъ,— все вмѣстѣ, вызывая лазутчиковъ, платя имъ даже свои деньги, такъ какъ Лабинцовъ на это не давалъ ничего, ибо не хотѣлъ заниматься непріятелемъ. Альбрандтъ не удовлетворялся простымъ обиходомъ постройки укрѣпленія и очень желалъ столкновенія съ непріятелемъ. Оберъ-квартирмейстеромъ былъ Иванъ Осиповичъ Ходзко, засидѣвшійся въ полковничьемъ чинѣ на геодезическихъ работахъ. Затѣмъ Генеральный Штабъ былъ въ большомъ числѣ: всѣ, кто могъ, выпросились изъ Тифлиса: полковникъ Румфортъ, подполковникъ Броневскій, капитанъ Мацневъ, Свѣчинъ и я.

Работа кипѣла, укрѣпленіе возводилось, войска себѣ построили шалаши, ходили на рубку лѣса, на фуражировку, очищали на пушечный выстрѣлъ окружную мѣстность. Съ рабочими назначались и офицеры Генеральнаго Штаба, которымъ дѣлать было нечего. Вообще они скучали, и Альбрандтъ утѣшалъ ихъ разсказами лазутчиковъ, что непріятель уже собирается и дѣла съ нимъ будутъ непремѣнно. Но горцы ограничивались тѣмъ, что по ночамъ подвозили свои орудія и стрѣляли издалека по лагерю, нападали иногда на фуражировъ, появлялись сотни двѣ - три конныхъ смѣльчаковъ въ долинѣ и начиналась перестрѣлка съ линейными казаками. Казаки ругались съ горцами, обмѣниваясь съ ними выстрѣлами. Иногда во время перестрѣлки испуганная дикая коза неслась между двумя сторонами, и казаки и горцы съ гикомъ пускались за нею, затѣмъ разъѣзжались каждый въ свою сторону и выстрѣлы и ругательства возобновлялись. Это были больше военныя потѣхи; трава была по брюхо лошади, цвѣтовъ гибель, запахъ великолѣпный и чувство тревоги давало пріятную полировку крови. Совсѣмъ другое дѣло была непріятельская стрѣльба изъ орудій по лагерю, въ особенности ночью; ядра со свистомъ падали между палатками, попадали въ коновязи, лошади срывались, сваливали палатки. Ночная тревога и стрѣльба въ секретахъ всегда создавали суматоху, пока не образумятся со сна и не выяснится, въ чемъ дѣло. Альбрандтъ жаждалъ подкараулить орудія непріятеля и захватить ихъ, если уже нельзя вызвать его самого на бой.

Однажды я назначенъ былъ съ отрядомъ изъ пѣхоты и казаковъ съ орудіями принять оказію, идущую изъ-за Сунжи съ провіантомъ и строительными матеріалами. Съ разсвѣтомъ выступили и верстахъ въ 10 отъ лагеря, на маленькой рѣкѣ Ассѣ, остановились подождать появленія транспорта. Поставили орудія на островку горной рѣчки, бѣгущей въ кустахъ, выслали

впередъ казаковъ и расположились завтракать. Отрядомъ командовалъ подполковникъ Ушаковъ. Наша первая встрѣча была съ нимъ въ 1841 г. на экзаменѣ при вступленіи въ Академію. Онъ былъ Преображенскимъ офицеромъ, относился довольно слегка къ экзамену; онъ увѣрялъ впрочемъ, что ему испортила все дѣло географія, которую онъ, конечно, зналъ насколько прилично всякому порядочному человѣку, и какъ оказалось, дѣйствительно показывалъ на картѣ теченіе Волги всѣми пятью пальцами. Ушаковъ перешелъ на Кавказъ, былъ уже въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ, хорошій офицеръ, беззаботный, забавный, подчасъ острый балагуръ. За завтракомъ его товарищъ разсказывалъ анекдотъ о томъ: какъ разъ ночью непріятель сталъ стрѣлять по лагерю, въ то время, какъ Ушаковъ игралъ въ карты съ нѣсколькими молодыми офицерами въ землянкѣ. Одно ядро, задѣвъ за крышу землянки, обсыпало землею играющихъ, и невольно молодые люди пригнулись подъ столъ. Ушаковъ, не теряя хладнокровія, воспользовался этимъ движеніемъ и стеръ свои ремизы. Офицеры, очнувшись, съ удивленіемъ замѣтили, что цѣлый столбецъ цифръ исчезъ. Ушаковъ, отвергая такое исчезновеніе, настойчиво допрашивалъ молодежь, гдѣ же они были въ это время, и смущалъ ихъ за безотчетное движеніе испуга. Конечно, все это была только шутка, но Ушаковъ увѣрялъ, что молодежь слѣдуетъ учить не кланяться ядрамъ.

Пока мы разговаривали, на лѣвомъ нашемъ флангѣ, отъ горъ, показалась кавалерія. Высокій холмъ на открытой долинѣ за рѣкой внезапно покрылся ею. Въ серединѣ развивался большой бѣлый значекъ. Недоумѣніе наше было велико; горцевъ отъ линейныхъ казаковъ отличить нельзя на нѣкоторомъ разстояніи; полагая, что это горцы, такъ какъ въ той сторонѣ не могло быть нашихъ, орудія приказали зарядить картечью. Ожидаемый транспортъ еще не показывался, кавалерія не двигалась съ холма. Недоумѣвая, съ другой стороны, не командиръ ли это Сунженскаго полка, Слѣпцовъ, съ казаками на охотѣ, нашъ небольшой отрядъ однако же приготовился встрѣтить непріятеля и ожидалъ только его движенія. Донскіе казаки, конвоировавшіе транспортъ, наконецъ показались, и кавалерія со значкомъ, спустившись быстро съ холма по направленію транспорта, дала намъ нѣсколько минутъ большой тревоги, но выстрѣлъ картечью не былъ однако сдѣланъ. Передовые люди этой кавалеріи, во всю прыть доскакавъ до Донскихъ казаковъ, поѣхали шагомъ рядомъ съ ними въ нашу сторону. Черезъ нѣсколько минутъ вся толпа подъѣхала къ намъ со Слѣпцовымъ во главѣ. Вся эта

группа съ бѣлымъ шелковымъ знаменемъ, лихая, со своимъ лихимъ полковымъ командиромъ, грозою черкесовъ по своимъ наѣздамъ, была великолѣпна. Я не могъ налюбоваться, видя линейныхъ казаковъ въ первый разъ вблизи, въ полѣ, въ массѣ, ихъ удалью во всемъ, въ лицѣ, въ посадкѣ, въ одеждѣ. Ушаковъ разсказалъ Слѣпцову наши недоумѣнія и нашу рѣшимость. Слѣпцовъ подарилъ ему козу за то, какъ онъ сказалъ, „что ни его не разстрѣляли, ни на войска сраму не наложили". „А во всемъ", прибавилъ онъ, „хладнокровная выдержка первое дѣло".

Въ отрядѣ жилось однообразно. Изъ Штаба кн. Воронцова остались въ немъ: гр. Фрицъ Гейденъ, Минквицъ и Глѣбовъ. Общее настроеніе въ это время выражалъ Глѣбовъ довольно вѣрно: зимою, если можно—въ Петербургѣ, если нельзя—въ Тифлисѣ—повеселиться; лѣтомъ на заработки, т.-е. въ экспедицію, гдѣ непремѣнно нужно получить или чинъ, или крестъ. У насъ разъ какъ-то сдѣлали ночное движеніе въ одинъ изъ ауловъ, гдѣ, какъ увѣряли Альбрандта лазутчики, находится сборище горцевъ и ихъ орудія; всѣ были въ возбужденномъ состояніи. Темною ночью съ кавалеріей двигались тихо, неслышно переправились черезъ какую-то рѣку, на разсвѣтѣ достигли аула, въ немъ не было ни души, возвратились безъ выстрѣла и заработковъ на этотъ разъ не оказалось никакихъ.

Въ отрядѣ начальникомъ кавалеріи былъ кн. Владиміръ Голицынъ, толстый, грузный, острякъ, въ особенности по-французски. Когда-то, будучи флигель-адъютантомъ Александра Павловича, за какую-то дерзкую шалость въ самомъ дворцѣ, онъ былъ посланъ на Кавказъ. Теперь онъ былъ начальникомъ Кабарды, имѣлъ отличнаго повара, жилъ въ калмыцкой кибиткѣ съ разными походными удобствами, которыя очень любилъ, и которыя для насъ были недоступны. Страстный охотникъ играть въ карты; про него разсказывали, что разъ послѣ обѣда, когда онъ отдыхалъ, партія горцевъ показалась передъ лагеремъ; натурально сейчасъ тревога и казаки линейные выскакали впередъ на перестрѣлку. Адъютантъ Голицына, всегдашній его партнеръ въ походѣ, вошелъ разбудить начальника кавалеріи: „Ваше Сіятельство, партія". Кн. Голицынъ, со сна, взглянувъ на него, спросилъ: „А кто же третій. Отыщите прежде третьяго". Вообще это огромное туловище представляло очень оригинальнаго начальника кавалеріи.

Однако же, пока возводились на Фортенгѣ Ачхоевскія укрѣпленія, пріѣхалъ въ Тифлисъ новый генералъ-квартирмейстеръ Вольфъ, и заставъ штабъ пустымъ, послалъ вызвать изъ отряда

младшихъ: меня и Свѣчина. Гореваніе наше было не сильно, потому что надеждъ на дѣло было немного. Ясно было, что Лабинцовъ, какъ онъ неоднократно и высказывалъ, сдѣлаетъ все, чтобы съ непріятелемъ не встрѣтиться, а тѣшить свой штабъ онъ былъ не намѣренъ, даже сердился на Альбрандта за его вызовъ лазутчиковъ; не признавалъ никакихъ ученыхъ достоинствъ за астрономомъ, какъ онъ называлъ Ходзко, и не нуждался въ офицерахъ Генеральнаго Штаба, жилъ въ палаткѣ и никого не принималъ къ себѣ.

III.

Раннимъ утромъ „молодые друзья", какъ насъ отечески называлъ Альбрандтъ, выѣхали мы со Свѣчинымъ изъ отряда, товарищи насъ провожали до какого-то кургана, гдѣ выпили шампанскаго, и засимъ рысью погнали къ Сунженской станицѣ: съ нами ѣхалъ Глѣбовъ, отпросившійся во Владикавказъ погулять. Въ Сунженской станицѣ мы нашли стараго Варшавскаго товарища Гескета; онъ участвовалъ гдѣ-то въ лихой схваткѣ Сунженскихъ казаковъ, былъ раненъ и лечился. Обѣдали у Слѣпцова, который насъ кормилъ какою-то отличною рыбой изъ Сунжи. Хозяинъ, небольшого роста брюнетъ, худой, быстрый въ движеніяхъ, добрый, но вспыльчивый, имѣлъ уже прекрасную репутацію передового начальника и новую линію, новыя станицы успѣлъ поднять уже до внушенія серьезнаго страха горцамъ. Впослѣдствіи онъ былъ славенъ и погибъ рано въ одной изъ безпрестанныхъ своихъ экспедицій. Это былъ типъ передового начальника, готоваго всегда, во всякое время дня и ночи сѣсть на коня и нестись на непріятеля со своимъ значкомъ; казакамъ оставалось только по тревогѣ догонять его.

Къ сумеркамъ того же дня мы въѣзжали въ улицы Владикавказа и, встрѣтивъ Опочининыхъ, остались у нихъ провести вечеръ.

Въ Тифлисъ я пріѣхалъ съ необыкновенною головною болью, которая длилась долго и не позволяла никакого рѣзкаго движенія. Помѣстился я на одной изъ большихъ улицъ и черезъ нѣсколько дней принялъ у себя пріѣхавшаго на Кавказъ Андрея Николаевича Муравьева [1]).

Съ нимъ вмѣстѣ разъ, сидя на балконѣ, мы замѣтили по ту сторону Куры на Авлабартѣ странное движеніе и войска; въ подзорную трубу выяснилось, что дѣло состояло въ исполненіи смертнаго приговора. Я вспомнилъ о недавнемъ происшествіи:

[1]) Извѣстный писатель по церковнымъ вопросамъ.

офицеръ Правиковъ убилъ своего полкового командира за личное оскорбленіе. Въ подзорную трубу мы слѣдили за всѣми ужасными минутами приготовленія къ разстрѣлянію, и когда надѣли на осужденнаго бѣлый колпакъ, Муравьевъ отдалъ мнѣ трубу и сталъ читать отходную молитву. Я видѣлъ однако же, какъ въ минуту ожидаемаго выстрѣла бѣлую фигуру отвели отъ столба: казнь была замѣнена другимъ наказаніемъ. Вспоминаю, какой тяжелый камень свалился съ сердца.

Затѣмъ мы перемѣстились съ Муравьевымъ въ домъ Прибыля на площади, противъ дома главнокомандующаго, тутъ же жилъ и Вольфъ. Муравьевъ занялся описаніемъ Грузіи въ церковномъ отношеніи и потомъ напечаталъ очень замѣчательную книгу. Встрѣтивъ здѣсь прежняго своего знакомаго Лелли, родомъ грека, теперь начальника дипломатической канцеляріи, Муравьевъ сталъ учиться у него греческому языку, постоянно жаловался на его дурной обѣдъ, говоря, что лекарства стоятъ ему дороже уроковъ, если бы послѣдніе были не безвозмездны, и все-таки продолжалъ ходить обѣдать и послѣ обѣда брать уроки у Лелли При его поѣздкахъ по окрестностямъ я съ любопытствомъ ему сопутствовалъ и имѣлъ случай нѣсколько ознакомиться съ грузинскими церковными древностями. Монастырь Іоанна...
особенно былъ замѣчателенъ. Переправившись черезъ Куру въ бродъ, мы долго пробирались по горной тропѣ, потомъ по руслу горнаго ручья, внизу подъ ногами въ это время разразилась гроза и картина была великолѣпна. Добравшись съ большимъ трудомъ до какихъ-то развалинъ, проводникъ нашъ пошелъ сначала посмотрѣть, нѣтъ ли медвѣдей въ нихъ, такъ какъ это было ихъ обыкновенное логовище. Со свѣчами мы вошли въ очень маленькую церковь; древній алтарь изъ камня еще сохранился, можно было разобрать на немъ высѣченное рельефомъ грубое изображеніе Симеона Столпника.

Въ эту экскурсію я видѣлъ и другіе монастыри съ прекрасными высѣченными въ камнѣ узорами около оконъ и дверей и замѣчательную рѣзную работу по дереву.

Меня послали выбрать на Сурамѣ мѣсто штабъ-квартиры для артиллерійской бригады. Великолѣпный Сурамскій перевалъ, вся дорога до Сурама по берегу рѣки съ отвѣсными скалами краснаго цвѣта и ихъ фантастическими очертаніями, которыя въ лунную ночь имѣли видъ рыцарскихъ замковъ, дѣлали эту поѣздку чрезвычайно увлекательной. Черезъ Сурамъ я попалъ въ Имеретію. Изъ Кутаиса проѣхалъ далѣе, осмотрѣлъ нѣсколько старинныхъ полуразрушенныхъ монастырей и церквей, начиная

съ Гелатскаго. Узоры, высѣченные въ камнѣ вокругъ оконъ и дверей, необыкновенно красивы и указываютъ на состояніе искусства, о которомъ теперь и помину нѣтъ въ странѣ. Самая страна, красивый народъ, ихъ деревни, сады, лѣса, одежда, все чрезвычайно живописно, обиліе фруктовъ, вина, гостепріимство, лошади съ стриженной гривой (бача) и необыкновенная иноходь ихъ, прекрасное время начинающейся осени,—все было ново и привлекательно въ этомъ путешествіи. Возвратясь въ Тифлисъ, я сдѣлалъ поѣздку въ Кахетію, въ Сигнахъ и Телавъ. Она совпала со сборомъ винограда и праздникомъ въ Алавердинскомъ монастырѣ. Страна садовъ и винограда. Подъѣзжая къ монастырю уже вечеромъ, открывалось огромное зарево и слышались выстрѣлы. На обширной полянѣ стояли безчисленные таборы съѣхавшихся грузинъ съ ихъ семействами; повсюду были костры: арбы съ буйволами и ослы загромождали огромное пространство около собора; вездѣ пеклось, варилось, ѣлось и пилось въ такихъ размѣрахъ, на какіе способны только разгулявшіеся грузины Шашлыка съѣдалось неимовѣрное количество, кахетинскаго вина выпивались цѣлые мѣха, тостовъ произносилось тьма и за тостами слѣдовали выстрѣлы. Вся картина этой поляны была необыкновенно оригинальна, шумъ и гвалтъ стояли надъ ней, какъ туча, все кричало, хохотало, пѣло и стрѣляло, смѣшиваясь съ несмолкаемою зурною и лезгинкою. Такова была ночь подъ праздникъ. На другой день съ утра полная церковь женщинъ и разряженныхъ въ шелкъ и галуны мужчинъ у обѣдни. Приношенія женщинъ оригинальны: онѣ обвиваютъ нитками самый храмъ снаружи кругомъ, кто насколько можетъ, какъ паутиной.

Служба на грузинскомъ языкѣ и пѣніе для непривычнаго уха тяжелы; давка и жара невообразимыя. Послѣ обѣдни таборъ разъѣзжается, арбы укладываются и начинаютъ свою несмолкаемую скрипню. Мужчины еще догуливаютъ вчерашній день, догоняютъ верхомъ свои семейства. Мое возвращеніе въ Тифлисъ было тоже верхомъ, прямою, короткою дорогой. Во время дня вездѣ можно было остановиться, найти свѣжій чурекъ (грузинскій хлѣбъ) и за мелкую монету сторожу войти въ любой садъ, лечь подъ виноградъ и безъ помощи рукъ ѣсть огромныя, спѣлыя грозди его досыта. Вечеромъ, хотя и очень усталый, я былъ въ Тифлисѣ.

Зима прошла въ Тифлисѣ въ городскихъ удовольствіяхъ съ большимъ мѣстнымъ оттѣнкомъ. Общество Тифлисское уже приняло складку, данную ему кн. Воронцовымъ, или „дворомъ", какъ называли неохотники до новыхъ порядковъ. Князь съ ран-

няго утра занимался, въ то же время пилъ кофе, а его секретари: Щербининъ, Николаи и адъютантъ Дундуковъ писали на разныхъ столахъ его корреспонденцію. Потомъ, съ 11 часовъ, пріемъ всѣхъ на свѣтѣ: отъ высшихъ до послѣдняго оборванца-горца; затѣмъ доклады, прогулка верхомъ и тишина до обѣда, чтеніе англійскихъ и всякихъ журналовъ вслухъ разными лицами, въ томъ числѣ княгинею и сыномъ, потомъ обѣдъ, всегда съ приглашенными, а вечеромъ—партія въ ломберъ. Былъ день въ недѣлю, въ который княгиня принимала утромъ все общество, и одинъ вечеръ въ недѣлю, когда Тифлисское общество танцовало у Воронцовыхъ. Въ Тифлисѣ было нѣсколько домовъ, которые вели свою жизнь по-петербургски. У Коцебу и его жены, рожд. гр. Мантейфель, очень высокой ростомъ, очень хорошей женщины, также иногда танцовали и иногда обѣдали при безукоризненной обстановкѣ. Одинъ изъ адъютантовъ Воронцова, кн. Константинъ Суворовъ, большой чудакъ, большой музыкантъ, одѣтый въ военный мундиръ Николаемъ Павловичемъ, который не признавалъ возможнымъ, чтобы внукъ великаго фельдмаршала былъ статскимъ и жена его, дочь государственнаго контролера Хитрово, воспитанная въ домѣ, гдѣ много всегда принимали, продолжали традиціи Петербургскія и въ Тифлисѣ. Начальникъ канцеляріи главнокомандующаго Сафоновъ, женатый на богатой Маразли [1]), тоже представлялъ домъ, дававшій обѣды и балы. Хозяйка, умная брюнетка съ выразительными глазами, дѣлала и то и другое очень привѣтливо. Тифлисскимъ губернаторомъ былъ Сергѣй Николаевичъ Ермоловъ, одинъ изъ многихъ племянниковъ Алексѣя Петровича, старый генералъ, съ очень умною и энергичною женою, рожд Герзинскою. Они принимали, дѣлая это такъ же церемонно, какъ и скучно. Грузинки втягивались понемногу въ европейское общество любезностью Воронцовыхъ, и нѣсколько семействъ уже какъ будто къ нему принадлежали, несмотря на грузинскій костюмъ, который нѣкоторыя сохраняли еще на балахъ.

Семейство кн. Чавчавадзе принадлежало къ обществу прежде всего по образованію самого отца генерала; старшая дочь его, Екатерина Александровна, была замужемъ за владѣтельнымъ княземъ Давидомъ Дадіани, онъ былъ генералъ и походилъ на бѣлокураго, неуклюжаго нѣмецкаго принца. Она была очень красивая съ грузинскимъ типомъ женщина, лѣтъ 30, всегда очень

[1]) Одесскій Маразли, извѣстный по описанію Пушкинымъ Одессы—„Корсаръ въ отставкѣ Марали". Сафоновъ женатъ былъ на сестрѣ этого богача Маразли.

элегантно одѣтая по-европейски. Другая дочь, вдова Грибоѣдова, Нина Александровна, не очень хороша собой, но очень привлекательная по характеру и обращенію. Третья была еще маленькая, впослѣдствіи вышла замужъ за бар. Александра Николаи [1]). Это семейство было болѣе посѣщаемо, нежели оно само показывалось въ свѣтъ. У него жили двѣ сестры, княжны Грузинскія, внучки послѣдняго царя, обѣ красивыя, воспитанныя въ институтѣ. Одна вышла за сына, кн. Давида Чавчавадзе, другая за Элико Орбельяни. Обѣ, похищенныя Шамилемъ изъ Цинсндалъ, имѣнія Чавчавадзе, извѣстны своимъ плѣномъ и энергичными чертами своего характера. Семейство княгини Марьи Ивановны Орбельяни: мужъ извѣстный подъ названіемъ „мужа Марьи Ивановны", съ калмыцкимъ выраженіемъ лица, сама княгиня бой баба страшная; дочь хорошенькая, съ глазами маленькаго буйволенка, впослѣдствіи вышла замужъ за Владиміра Давыдова (Grammon), адъютанта кн. Барятинскаго [2]), а затѣмъ похищена послѣднимъ и сдѣлалась фельдмаршальшею. Потомъ кн. Мухранская, сестра кн. Дадіани, красивая грузинка съ тонкими чертами, жена Ивана Мухранскаго; у другого брата его, адъютанта, жена Анна, побочная дочь какого-то царевича, проживавшаго въ Москвѣ, воспитанная за границей, отъ природы очаровательная женщина, наслѣдовавшая отъ матери-француженки все, чѣмъ увлекаютъ, и увлекающихся было много. Она овдовѣвъ чуть-чуть не сдѣлалась фельдмаршальшей и вышла за какого-то итальянскаго графа. Еще было нѣсколько княгинь и княженъ, понемногу привыкавшихъ къ бѣлымъ лайковымъ перчаткамъ, къ порядочной обуви и къ дотолѣ неизвѣстной имъ опрятности. Разсказывали, что кн. Воронцовъ, желая показать что-нибудь кромѣ Грузіи этимъ княгинямъ, устроилъ для нихъ на особомъ пароходѣ поѣздку въ Крымъ, гдѣ, въ Алупкѣ, ихъ принимали по-царски, но на параходѣ, говорятъ, онѣ оставили слѣды своего пребыванія, отъ которыхъ на силу отмылись. Начальникомъ путей сообщенія былъ узкій и тонкій, въ видѣ лезвія ножа, испанецъ генералъ Эспехо, женатый на очень милой женщинѣ [3]), онъ потомъ

---

[1]) Единственная дочь Александра Павловича Николаи, Марья Александровна, понынѣ здравствующая, замужемъ за княземъ Георгіемъ Димитріевичемъ Шервашидзе, изъ рода владѣтелей Абхазіи, нынѣ гофмейстеръ Высочайшаго двора, состоитъ при вдовствующей Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ.

[2]) Князь Александръ Ивановичъ—впослѣдствіи Намѣстникъ Кавказскій, фельдмаршалъ, плѣнившій Шамиля въ Гунибѣ.

[3]) На Маріи Васильевнѣ (урожденной Крюковской), вышедшей, по его смерти, замужъ за Михаила Петровича Колюбакина.

вышелъ въ отставку и поселился въ Севильѣ. Начальникъ инженеровъ, полковникъ Ганзенъ, старый, порядочно безобразный, имѣлъ молодую, очень красивую жену и адъютантомъ при себѣ и при ней Константина Петровича Кауфмана [1]). Начальникомъ артиллеріи былъ старый кавкавецъ Козлянииновъ, небольшого роста, гостепріимный генералъ. Былъ еще старикъ Реуть, защитникъ крѣпости Шуши въ Персидскую кампанію 1826 г., старикъ Ладинскій, очень умный и хитрый правитель гражданской части. Около кн. Воронцовой ютился огромный толщины полковникъ Потоцкій, авантюристъ изъ поляковъ, видавшій на своемъ вѣку виды, въ молодости бывшій адъютантомъ у Голивара при основаніи республики въ Южной Америкѣ; очень забавный, умный и образованный человѣкъ, не знавшій, куда приклонить голову и таскавшій свое грузное тѣло по экспедиціямъ, чтобы какъ-нибудь выбраться въ чины. Былъ маіоръ Толстой изъ разжалованныхъ, прошедшій огонь и воду и мѣдныя трубы. Къ числу этихъ, состоящихъ при князѣ, принадлежатъ еще маіоръ Шеміотъ, цвѣтомъ лица эѳіопъ и съ загадочнымъ прошлымъ, управляющій образцовою фермой, гдѣ, какъ говорили, всего только и было оселъ и ослица малоазіатскаго происхожденія, что однако же маіору не препятствовало частенько являться съ портфелемъ для личнаго доклада. Живъ еще былъ старикъ, полный генералъ кн. Эристовъ, когда-то серьезный воинъ при прежнихъ главнокомандующихъ. Показывался частенько отважный генералъ кн. Андрониковъ, Иванъ Малхазычъ. Состояло много грузинъ при князѣ, который очень старался ихъ втянуть и дать участіе въ служебной карьерѣ, принадлежавшее до того почти однимъ русскимъ, что также послѣднимъ не нравилось. Молодежь считала зиму въ Тифлисѣ средствомъ вздохнуть между двумя экспедиціями; если не было приглашеній, обѣдала или въ клубѣ, или въ трактирѣ у знаменитаго Крылова [2]) на Эриванской площади, или у Дундукова, который жилъ съ Сергѣемъ Васильчиковымъ и держалъ хозяйство, имѣлъ повара и обстановку. Каждый обѣдъ былъ болѣе или менѣе сборище и поводъ весело провести время; затѣмъ вечеромъ гдѣ-нибудь танцы. На холостыхъ пирушкахъ Минквицъ и Дундуковъ были неоцѣненны, анекдотовъ и смѣшныхъ эпизодовъ было множество, свободы тоже было много.—Жизнь на Кавказѣ многимъ нравилась и тамъ заживались подолгу, какъ, напримѣръ, кн. Козловскій, Глѣбовъ,

---

[1]) Впослѣдствіи туркестанскій генералъ-губернаторъ.

[2]) Съ 1834 г. здѣсь былъ открыть первый въ Тифлисѣ ресторанъ Матасси въ сороковые годы перешедшій къ Крылову.

кн. Лобановъ.—Ѣздили въ Петербургъ на зиму или въ Москву и опять возвращались дѣлать экспедицію и понемногу втягивались въ жизнь края, которая для молодежи имѣла чрезвычайную привлекательность. Между грузинами были также фавориты, какъ Элико Орбельяни, какъ Константинъ Дадіани, младшій братъ владѣтельнаго князя, отлично танцовавшій лезгинку, бѣлокурый юноша, Адиль Гирей изъ горцевъ. Но всѣхъ интереснѣе былъ все-таки самъ старикъ кн. Воронцовъ. Передъ сумерками его можно было всегда встрѣтить верхомъ на большой буланой англійской кобылѣ, въ сопровожденіи одного линейнаго казака изъ ординарцевъ, въ сюртукѣ, завязаннаго башлыкомъ, съ тростью, заканчивающейся серебрянымъ крючкомъ. Князь совершалъ свою ежедневную прогулку по городу и за городъ, вглядываясь ближе и ближе, какъ бы вдвинуть Кавказъ въ западныя рамки.

За обѣдомъ Воронцовъ былъ такъ же простъ, какъ и обѣдъ его. Самъ онъ, послѣ супа, ѣлъ мясо изъ него же съ картофелемъ и огурцами, затѣмъ еще одно блюдо, пилъ хересъ, подчивая другихъ крымскимъ рислингомъ своихъ садовъ, затѣмъ его обѣдъ былъ конченъ, и онъ начиналъ разговаривать. Его высокая, худая фигура, темнаго цвѣта, лицо безъ усовъ, короткіе сѣдые волосы и привѣтливая улыбка, все это было для нашего молодого воображенія украшено его прошлымъ. Въ немъ былъ и Краонъ и Георгій 2 ст. и Новороссійскій край, имъ созданный, и дворецъ Шехерезады на Крымскомъ берегу, стоившій милліоны, и огромное богатство, и европейская извѣстность, и всѣ формы вельможи не нашихъ временъ. Княгиня около него была очень уже пожилая женщина, съ крупными чертами лица, съ польскимъ акцентомъ, мало привѣтливая и еще менѣе симпатичная женщина. Сынъ его, Семенъ Воронцовъ, имѣлъ скорѣе качества матери, нежели отца; онъ держался своего замкнутаго, очень небольшого кружка, былъ мало общителенъ и мало внимателенъ къ старымъ кавказцамъ, а потому и мало любимъ вообще [1]).

Недолюбливали старые кавказцы и новые порядки, вводимые Намѣстникомъ, и понятно—прежде жилось спустя рукава. Дѣлались ежегодныя экспедиціи, строились укрѣпленія и штабъ-квартиры, и частные начальники наживались отъ казенныхъ денегъ. Кн. Воронцовъ нѣсколько круто повернулъ и не все было удачно. Счастливая мысль доступности къ себѣ всѣхъ жалобъ родила ящикъ при въѣздныхъ дверяхъ въ домѣ главнокомандующаго

[1]) Въ противоположность его очаровательной супругѣ Маріи Васильевнѣ, рожденной княжнѣ Трубецкой, бывшей въ первомъ замужествѣ за Столыпинымъ.

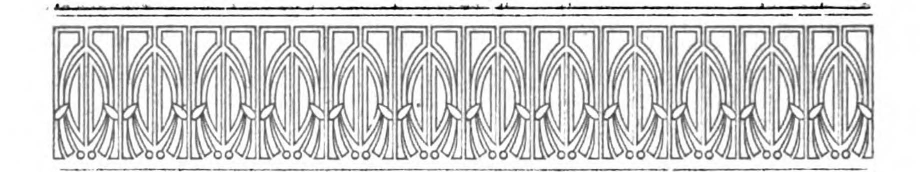
для опусканія просьбъ, и ящикъ этотъ сталъ наполняться доносами. Необходимость обуздать полковыхъ командировъ въ употребленіи для своихъ выгодъ солдатъ выразилась въ преслѣдованіи одного изъ нихъ—Копьева, можетъ быть менѣе другихъ виноватаго, но для примѣра преслѣдуемаго съ настойчивостью безпощадною. Постоянная стереотипная привѣтливость главнаго начальника возбудила недовѣрчивость къ тому, что она дѣйствительно выражала при этомъ. Нужно также сказать, что окружающіе князя, пріѣхавшіе съ нимъ изъ Одессы, смотрѣли свысока на кавказскихъ людей и мало помогали распространенію его популярности въ первые годы его управленія краемъ. Впослѣдствіи много измѣнилось въ пользу Воронцова [1]).

Сообщилъ П. Н. Исаковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Многіе почтенные кавказцы, къ примѣръ Григорій Ивановичъ Филипсонъ, ставили Воронцову въ вину разведеніе на Кавказѣ чиновничества. Что же касается до казнокрадства, то едва-ли оно ослабѣло при Воронцовѣ, если не усилилось.



Изъ жизни И. С. Тургенева.

Въ письмѣ къ В. П. Гаевскому Я. І. Монисова (Бѣлгородъ, апрѣля 12 дня 1884 г.), принимавшаго по порученію личнаго друга И. С. Тургенева барона Г. О. Гинцбурга участіе въ продажѣ Тургеневскаго имѣнія Топки (Малоархангельскаго уѣзда), переданы слѣдующія нелишенныя интереса подробности изъ жизни И. С. Тургенева. Стиль подлинника сохраненъ.

I.

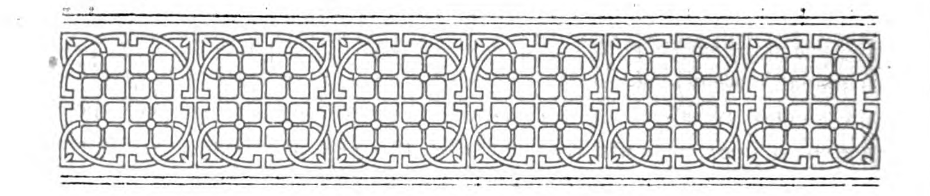
Французскій пастухъ заставилъ краснѣть Ивана Сергѣевича. Передаю его разсказъ: его отель за городскою чертою Парижа, гдѣ онъ постоянно гулялъ каждое утро въ полѣ; въ одно утро онъ отправился со слугою въ поле, и прошли по дорогѣ болѣе версты; они подошли къ грушѣ и сорвали по грушѣ изъ дерева и продолжали путь, съѣдая грушу. Они отошли нѣсколько саженъ отъ груши, ихъ остановилъ вопросомъ лежавшій тутъ же пастухъ, молодой парень. „Вы, вѣроятно, русскіе"? Иванъ Сергѣевичъ отвѣчаетъ: „почему ты угадалъ, что мы русскіе"?—Очень просто: вы любите чужое; вѣдь, груша не ваша, зачѣмъ вы ее трогали"? Отвѣтъ пастуха былъ спокойный, лежа. Иванъ Сергѣевичъ сознавалъ свою вину, зачѣмъ онъ позволилъ себѣ трогать то, что чужое.

II.

По возвращеніи его изъ Москвы (послѣ) Пушкинскаго праздника пришли къ нему бывшіе (его) крестьяне. „Зачѣмъ пришли, братцы"? „Къ твоей милости, Иванъ Сергѣевичъ!"—„Зачѣмъ"?

Помоги!" погорѣли!"—„Что же могу я вамъ помочь? Развѣ лѣсу?"— „Спасибо тебѣ и за это". И онъ приказъ отдалъ, по разспросѣ сколько пострадавшихъ, отпустить имъ двѣ десятины лѣсу строевого. Крестьяне поклонились, поблагодарили и ушли, а въ скорости возвратились. „Что вы возвратились?"—„Батюшка нашъ Иванъ Сергѣичъ! Ужъ будь такъ добръ, прибавь еще одну десятинку". Эта наглость его возмутила; онъ промолчалъ нѣсколько минутъ, какъ бы обдумывая, и приказалъ отпустить имъ еще одну десятину. Все это стоило болѣе 1.200 р.

Сообщилъ **Н. Бродскій.**



Первые шаги на учебной службѣ.

I.

Окончивъ „общіе" классы въ Петровскомъ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, я, по принятому въ то время порядку, былъ отправленъ вмѣстѣ съ моими сверстниками въ Петроградъ, въ „спеціальные" классы Дворянскаго полка.

Это было мое первое большое путешествіе по Россіи, и мнѣ хочется хоть кратко остановиться на немъ въ моихъ воспоминаніяхъ.

Тогда у насъ были только двѣ желѣзныя дороги: Петроградъ—Москва и Петроградъ—Павловскъ. До Москвы надо было ѣхать на лошадяхъ, и насъ повезли на долгихъ, цѣлымъ обозомъ, по четыре человѣка въ крытой кибиткѣ. Это была веселая и поучительная дорога. Везли насъ два офицера: капитанъ Фердинандъ Александровичъ Сильвестровичъ и поручикъ Эрнъ; оба спокойные, распорядительные и общительные люди. Мы пробыли въ дорогѣ до Москвы 24 дня, включая сюда и остановки для дневокъ. Въ пути обозъ нашъ двигался медленно, и мы много шли пѣшкомъ. Помню, какъ насъ интересовали совсѣмъ незнакомыя намъ, уроженцамъ юга, бытовыя особенности средней Россіи. И большіе города, какъ Харьковъ, Курскъ, Москва, и русскія села съ рубленными избами, вытянувшіеся въ двѣ линіи вдоль длинной улицы, и русскія поля и русская природа, все это было для насъ ново. Погода намъ благопріятствовала. Все было предусмотрѣно для нашего удобства; пріѣзжая на постоялые дворы въ полдень и вечеромъ, мы заставали уже готовый обѣдъ или ужинъ, приготовленный поваромъ, ѣхавшимъ на одинъ перегонъ впередъ.

Иногда, чтобы не мучить лошадей въ жару, мы ѣхали ночью, и какое это было наслажденіе!

Для дневокъ мы останавливались въ Харьковѣ, въ Бѣлгородѣ (здѣсь мы служили панихиду въ соборѣ, въ склепѣ, надъ гробомъ тогда не канонизированнаго еще святителя Іосафа Горленко), въ Курскѣ, въ Орлѣ, въ Тулѣ и въ Москвѣ. Въ трехъ послѣднихъ городахъ мы помѣщались въ зданіяхъ кадетскихъ корпусовъ (въ Москвѣ, въ Александринскомъ сиротскомъ корпусѣ). Въ Орлѣ мы не застали нашихъ сверстниковъ, они были уже отправлены въ Петроградъ; но я хорошо помню директора, генерала Тинькова, показавшагося намъ очень мягкимъ и гостепріимнымъ; онъ далъ мнѣ даже на память свою визитную карточку; но отъ его кадетъ, уже въ Дворянскомъ полку, мы узнали, что это былъ лютый звѣрь по части розогъ и что дѣла въ этомъ корпусѣ шли далеко не благополучно. Въ Москвѣ мы пробыли три дня, осматривали Кремль, святыни и дворцы. Мы были все время въ какомъ-то подъемѣ, который улегся только, когда послѣ желѣзнодорожнаго полуторадневнаго пути, насъ водворили во временномъ помѣщеніи Дворянскаго полка, тѣсномъ флигелѣ на Б. Спасской улицѣ, у самой каменной громады главнаго зданія.

Хочу теперь безъ большихъ задержекъ перейти къ предмету моихъ воспоминаній.

Въ то время только-что были учреждены въ кадетскихъ корпусахъ „третьи“ спеціальные классы, которые должны были служить подготовительными для академій—артиллерійской, инженерной и генеральнаго штаба. Я прошелъ всѣ три спеціальные класса и въ 1856 г., вмѣстѣ съ производствомъ въ офицеры въ л.-г. Павловскій полкъ, былъ прикомандированъ къ инженерной академіи.

Мое производство почти совпало съ днемъ моего рожденія: всего лишь за нѣсколько дней мнѣ исполнилось 18 лѣтъ. Я былъ слишкомъ молодъ и для гвардейскаго прапорщика, и для слушателя академіи, и если бы я не былъ удостоенъ перевода въ III спеціальный классъ, то меня, какъ не достигшаго еще законнаго возраста, продержали бы два года во II спеціальномъ классѣ.

Въ академіи я пробылъ всего одинъ годъ и на слѣдующее лѣто, отчасти подъ предлогомъ болѣзни, а больше потому, что хотѣлось домой, уѣхалъ въ отпускъ въ мои родныя мѣста,

Осенью того же года я выдержалъ при Полтавскомъ корпусѣ экзаменъ на репетитора фортификаціи, и къ веснѣ 1858 г. былъ утвержденъ въ этой должности.

Не буду говорить, съ какимъ удовольствіемъ я почувствовалъ себя вновь связаннымъ и съ роднымъ для меня корпусомъ, и съ Полтавой, которая тоже представлялась мнѣ какимъ-то уютнымъ, мирнымъ и живописнымъ мѣстомъ въ моихъ столичныхъ воспоминаніяхъ.

Полтава оправдала мои ожиданія. Въ дни моего пріѣзда на службу она радостно блестѣла на весеннемъ солнцѣ; въ большомъ кругломъ саду передъ корпусомъ слышенъ былъ ароматъ распускавшихся масличныхъ деревьевъ; большой институтскій садъ, надъ крутымъ спускомъ къ рѣкѣ, былъ положительно окутанъ широкою лиловою каймою душистой сирени. Внизу, на Подолѣ, Ворскла представляла величественное и захватывающее зрѣлище въ своемъ весеннемъ разливѣ. Было что-то гостепріимное и въ тѣхъ даже случайныхъ обстоятельствахъ, которыми сопровождалось мое хозяйственное устройство въ этомъ городѣ. Я помѣстился на жительство и на полный пансіонъ въ домѣ почтенной „домовитой и очень доброй старушки г-жи Гриневичъ, константиноградской помѣщицы и матери довольно извѣстныхъ тогда въ Полтавѣ Гриневичей, одинъ изъ которыхъ, Иванъ Кузьмичъ, въ слѣдующемъ октябрѣ вошелъ въ составъ комитета по крестьянскимъ дѣламъ и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ. Въ пансіонѣ я учился вмѣстѣ съ другимъ ея сыномъ, рано умершимъ Сергѣемъ, и это видимо расположило ко мнѣ старушку.

Во флигелѣ мнѣ отвели комнату съ окнами въ густой разросшійся садъ. Подъ окнами у меня цвѣли нарцисы; я могъ рвать ихъ, протянувъ только руку за окно.

Въ комнатѣ, рядомъ съ моей, я неожиданно встрѣтилъ моего однокашника по Дворянскому полку, артиллерійскаго поручика Броневскаго, раненаго въ Севастополѣ и прикомандированнаго къ корпусу.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ дѣла сложились такъ, что лучше трудно было и желать. Я почувствовалъ себя устроеннымъ такъ домовито, спокойно и пріятно, какъ этого еще не случалось со мной за годъ моей самостоятельной жизни въ столицѣ.

У бабушки я чувствовалъ себя въ семействѣ; у нея были двѣ не молодыя уже, но очень заботливыя воспитанницы, пре-

красно управлявшіяся съ хозяйствомъ. Квартирантовъ было немного, и все солидные люди.

Тутъ же въ Полтавѣ, какъ я говорилъ уже въ прежнихъ моихъ воспоминаніяхъ, въ это время въ институтѣ училась сестра моя Ольга Дмитріевна, въ корпусѣ братъ Володя, а къ осени поступилъ въ гимназію и братъ Өедя. Около того же времени пріѣхалъ въ Полтаву только-что выпущенный изъ Дворянскаго полка (тогда уже Константиновскаго корпуса) мой родственникъ и другъ, Николай Васильевичъ Кореневъ; онъ тоже поступилъ въ корпусъ репетиторомъ другого военнаго предмета, артиллеріи, и помѣстился вмѣстѣ со мною у бабушки. Всю слѣдующую зиму въ Полтавѣ прожили, какъ члены комитета по крестьянскимъ дѣламъ, мой отецъ и дядя Алексѣй Степановичъ. Понятно, что во мнѣ постепенно укрѣплялось чувство какой-то твердой и успокоительной осѣдлости въ милой Полтавѣ.

II.

Кадетскій корпусъ я нашелъ не такимъ, какимъ оставилъ его въ 1853 г. Прошло всего пять лѣтъ, а между тѣмъ, только-что войдя въ его монументальныя двери, я почувствовалъ что-то такое, чего прежде въ немъ не было. На меня пахнуло чѣмъ то будничнымъ, какъ будто чѣмъ-то опустившимся. Прежде эта швейцарская, эти пріемныя, эти своды, поражали входящихъ своею удивительною представительностью и блестящею чистотою. Теперь все это имѣло такой видъ, какъ будто тутъ не такъ уже заботятся о тщательной ежедневной уборкѣ, и давно уже не было необходимаго періодическаго ремонта. Швейцаръ выглядѣлъ совсѣмъ партикулярно, и я не узналъ въ немъ прежняго представительнаго человѣка, фигурировавшаго въ парадныхъ случаяхъ въ красной ливреѣ съ гербами и встрѣчавшаго высокихъ посѣтителей „ефрейторскимъ" салютомъ булавою. Онъ однакоже встрепенулся и разсказывалъ мнѣ потомъ, что какъ будто призналъ бывшаго фельдфебеля неранжированной роты, а потому, тотчасъ же послалъ барабанщика доложить ихъ высокоблагородію г-ну полицмейстеру.

Не прошло и пяти минутъ моего свиданія съ Володей, какъ въ комнату вошли милые Александръ Михайловичъ и Любовь Васильевна Ярошенко. Они обошлись со мною совсѣмъ по-родственному и сразу повели къ себѣ.

Чтобы не путаться въ моихъ воспоминаніяхъ, скажу, что эта первая встрѣча произошла, когда я пріѣхалъ еще держать мой экзаменъ на репетитора, и что съ тѣхъ поръ, до самаго конца моей репетиторской службы, я бывалъ въ этой милой, семьѣ какъ свой человѣкъ.

Меня радушно встрѣтили мои бывшіе наставники, а теперь сослуживцы, и учителя и офицеры. Въ ихъ обращеніи со мной было что-то трогательно добродушное, не то, что покровительственное, а патріархальное. Эти добрые люди были какъ будто рады, что въ ихъ среду попалъ ихъ бывшій питомецъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ какъ будто занимало и то, что у нихъ появился такой молодой сослуживецъ.

Все это помогло мнѣ, разумѣется, скоро освоиться съ корпусными порядками, и по мѣрѣ моего знакомства съ ними я начиналъ чувствовать, что корпусъ перемѣнился не по одному своему внѣшнему виду; во всей его внутренней жизни было много такого, чего я не зналъ въ мое кадетское время. Прошло всего пять лѣтъ, а измѣнились и порядки, и люди, и нравы.

Правда, это пятилѣтіе было значительно для русской жизни; оно было отмѣчено историческими событіями великаго значенія. Я уѣхалъ изъ Полтавы, когда тамъ только начинали еще говорить о неожиданной войнѣ съ Турціей; я вернулся спустя два года по заключеніи Парижскаго мира. Густой туманъ суроваго формализма, плотно застилавшій русскую дѣйствительность, начиналъ уже въ это время постепенно разсѣиваться, стали образовываться просвѣты и, мало по малу, начали предъявлять свои права насущныя потребности государственнаго и общественнаго строя. Это былъ большой всеобщій подъемъ, можетъ быть сначала не сразу замѣтный еще во всѣхъ общественныхъ сферахъ, но постепенно возраставшій и возмутившій собою все теченіе русской жизни.

Это движеніе видимо начинало тогда уже захватывать и такую размѣренную жизнь кадетскаго корпуса, какою она была въ мое дѣтское время.

Я намѣренно хочу нѣсколько дольше остановиться на этихъ перемѣнахъ, сразу бросившихся мнѣ въ глаза въ моемъ родномъ заведеніи. Именно въ этихъ перемѣнахъ и заключалось уже зерно того развала нашихъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ, который закончился преобразованіемъ всей системы военно-учебныхъ заведеній въ 1863 г.

Объ этомъ много уже говорили, но я глубоко убѣжденъ, что по этому вопросу не все еще сказано, а вопросъ этотъ я считаю

очень важнымъ не для однихъ военно-учебныхъ заведеній. То педагогическое одушевленіе, которымъ ознаменовалось преобразованіе кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, распространилось на всѣ учебныя и воспитательныя заведенія нашего государства, и составило эпоху въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Старинная система кадетскихъ корпусовъ рухнула не сразу, я былъ свидѣтелемъ какъ бы первичныхъ симптомовъ ея разложенія еще кадетомъ, въ Дворянскомъ полку (при мнѣ переименованномъ въ Константиновскій кадетскій корпусъ), но въ Полтавѣ я могъ наблюдать весь ростъ этого развала до катастрофы дальше которой трудно было уже идти. Я былъ въ выгодныхъ условіяхъ для наблюденія; я былъ членомъ учительской корпораціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ близокъ и къ кадетской средѣ. Въ корпусѣ были еще кадеты, которыхъ я хорошо помнилъ, когда они были въ приготовительныхъ классахъ, а я былъ у нихъ отдѣленнымъ унтеръ-офицеромъ или фельдфебелемъ. Они рады были поговорить со мной и повѣряли мнѣ иногда такія вещи, о которыхъ стали бы разсказывать не всякому изъ офицеровъ или учителей. Съ другой стороны, и въ разговорахъ съ моими почтенными сослуживцами мнѣ приходилось слышать многое такое, что говорится только въ очень интимныхъ бесѣдахъ.

Огонь разложенія невидимо тлѣлъ уже подъ покровомъ внѣшней исправности и въ то время, когда все казалось еще благополучно; чтобы найти его слѣды, мнѣ нужно припомнить мои первыя впечатлѣнія на службѣ въ корпусѣ.

III.

Въ то время въ корпусѣ не было уже серьезнаго, умнаго и добраго Егора Петровича Врангеля. Послѣ отъѣзда его въ Вильну на должность попечителя Виленскаго учебнаго округа въ 1854 г., директоромъ корпуса былъ назначенъ генералъ Юрьевъ. Я не засталъ уже и бывшаго инспектора классовъ полковника Ницкевича; на этомъ мѣстѣ я нашелъ Павла Ильича Бодянскаго, человѣка не военнаго; это случалось тогда въ кадетскихъ корпусахъ, но довольно рѣдко.

О Юрьевѣ мнѣ приходилось слышать, что до назначенія директоромъ онъ служилъ на Кавказѣ, занимая какое-то значительное мѣсто по жандармскому управленію.

По тому времени эта прежняя служба директора не могла быть для него доброй рекомендаціей въ глазахъ его новыхъ

подчиненныхъ въ учебномъ заведеніи. Объ этомъ всегда упоминалось какъ-то съ ироніей. Но и самъ Юрьевъ, какъ я его себѣ теперь припоминаю, не былъ одаренъ такими свойствами, которыя могли бы поселить расположеніе къ нему въ его подчиненныхъ.

Онъ былъ человѣкъ добрый, готовый къ благосклонному отношенію, когда все шло такъ, какъ это ему нравилось. Но у него не было такта; иногда по самому ничтожному поводу, а иногда и безъ повода, ему казалось, что онъ долженъ проявить свое чиновное достоинство. Его невысокая фигура топорщилась, въ его негромкомъ голосѣ начинали слышаться рѣшительные акценты, и онъ способенъ былъ нагонорить человѣку колкостей безъ всякаго повода. Къ кадетамъ онъ стоялъ не близко. Прежнія жестокости стали уже отходить въ то время въ преданіе; думаю, что и самъ онъ не былъ жестокъ по натурѣ, но появлялся онъ въ корпусѣ не часто и совсѣмъ не умѣлъ держать себя съ кадетами, особенно съ болѣе взрослыми. Онъ старался быть непогрѣшимо докторальнымъ и внушительнымъ, но сплошь и рядомъ прорывался, и это зорко подмѣчали юноши, не прощающіе своимъ старшимъ никакихъ слабостей; его неловкія поученія, его неосновательныя приказзнія служили предметомъ неистощимаго издѣвательства въ старшихъ ротахъ. Онъ любилъ, напримѣръ, бывать на экзаменахъ и держалъ себя всегда при этомъ, какъ человѣкъ непреложнаго авторитета во всякомъ учебномъ предметѣ. Это ставило иногда и учителей въ довольно неловкое положеніе.

Былъ такой случай: приходитъ директоръ на экзаменъ по естественной исторіи; кадетъ отвѣчаетъ о ящерицахъ. — „А знаешь ли ты о двухголовыхъ ящерицахъ?“ — съ апломбомъ спрашиваетъ директоръ. Кадетъ заминается.

„Вы имъ не говорили?“—обращается директоръ къ учителю.— „Нѣтъ“,—отвѣчаетъ спокойно, но не безъ тонкой ироніи Викторъ Родіоновичъ Варжанскій.—„Почему?“—начинаетъ уже кипятиться директоръ.—„Потому,—еще спокойнѣе отвѣчаетъ Варжанскій, что двѣ головы на одномъ тѣлѣ были бы противорѣчіемъ основному закону живого организма: его индивидуальной обособленности...“.

- „Оставьте пожалуйста ваши законы; я самъ видѣлъ двухголовыхъ ящерицъ, это такая порода на Кавказѣ“.

Разумѣется, эти двухголовыя ящерицы были тоже тщательно учтены кадетами въ дополненіе къ другимъ, болѣе или менѣе забавнымъ, промахамъ директора.

Я хорошо помню Юрьева и мнѣ кажется, что лѣтъ за десять, за пятнадцать до того времени, онъ былъ бы директоръ, какъ директоръ, не только въ губернскомъ, но и въ столичномъ корпусѣ, все покрывалось бы его чиновнымъ авторитетомъ и дѣло шло бы не хуже, чѣмъ у другихъ. Но въ тѣ годы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, онъ былъ уже директоръ не по времени. Въ этомъ была и вся его вина.

Бодянскій былъ человѣкъ полный, высокаго роста, но подвижный и, даже можно сказать, юркій. Гладко выбритый по-тогдашнему, онъ имѣлъ добродушное, располагающее къ нему выраженіе лица, и не прочь былъ вплести иногда въ разговоръ, особенно съ значительнымъ лицомъ, веселую шутку. Онъ былъ полтавскій старожилъ. До назначенія на мѣсто инспектора, онъ состоялъ редакторомъ „Полтавскихъ Вѣдомостей" и былъ человѣкомъ извѣстнымъ въ городѣ.

Припоминаю, что я раза два видѣлъ его въ корпусѣ еще въ мое кадетское время, и случалось это какъ разъ тогда, когда въ корпусъ пріѣзжалъ Ростовцевъ. Очевидно, Ростовцевъ тогда уже его зналъ и благоволилъ къ нему. Онъ встрѣчалъ его въ домѣ у Позена, гдѣ Бодянскій былъ и нужнымъ и пріятнымъ человѣкомъ, и заинтересовался этимъ ловкимъ и веселымъ собесѣдникомъ. Открылось мѣсто инспектора классовъ въ Полтавѣ, и, естественно, что на это мѣсто былъ назначенъ полтавскій учитель, лично извѣстный начальнику штаба и не чуждый русской грамотѣ и письменности.

Былъ въ корпусѣ человѣкъ, имѣвшій гораздо больше права на эту должность и по своей службѣ, и по своей серьезной образованности, и по своему, хотя и не совсѣмъ сильному, но совершенно безпартійному характеру. Это былъ Василій Ивановичъ Дудышкинъ. Думаю, что онъ и надѣялся занять это мѣсто, но его забыли, и онъ по-прежнему остался помощникомъ инспектора. Къ чести Василія Ивановича надо сказать, что никогда, ни однимъ словомъ онъ никому не выразилъ своего разочарованія, и продолжалъ дѣлать свое дѣло такъ же ровно и аккуратно, какъ всегда.

У Бодянскаго были хорошія отношенія и къ учителямъ и вообще къ служащимъ въ корпусѣ. Никакихъ сѣтованій по этому поводу не было слышно; но руководить учебнымъ дѣломъ онъ не могъ, онъ былъ человѣкъ мало образованный и потому не имѣлъ никакого авторитета у преподавателей. Въ учительской бывало обыкновенно весело, онъ умѣлъ ввернуть свое слово и въ остроумную рѣчь Пильчикова, и въ дѣловитое, иногда

колкое, замѣчаніе Котельникова; но сказать вѣское слово даже по русскому языку, въ которомъ онъ, какъ бывшій редакторъ, все-таки могъ бы разобраться, онъ не рѣшался, стѣсняясь присутствіемъ даже такого кроткаго человѣка, какъ Степанъ Ивановичъ Пономаревъ.

Положеніе Бодянскаго было тѣмъ болѣе трудно, что вскорѣ послѣ его назначенія, въ губернскихъ кадетскихъ корпусахъ были образованы два спеціальные класса; въ спеціальныхъ предметахъ этихъ классовъ онъ былъ совершенный невѣжда и, видимо, воздерживался отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ преподаваніе.

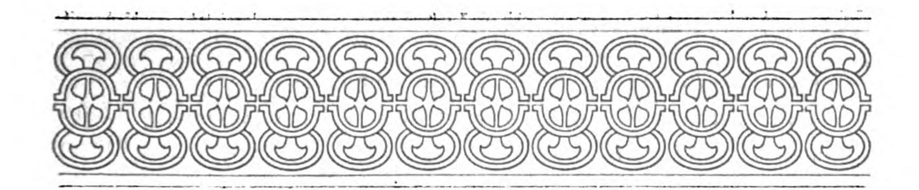
Надо особенно подчеркнуть, что, заботясь о своей популярности, Бодянскій не скупился, въ кругу учителей, на критику дѣйствій директора. Дѣло въ томъ, что Юрьевъ, самъ того не понимая, какъ бы хронически обижалъ своего инспектора только потому, что онъ былъ не военный, а штатскій человѣкъ. Никакія сужденія Бодянскаго по дѣламъ корпуснаго управленія не принимались въ расчетъ. „Ты, молъ, знай, свое мѣсто, а въ чужія дѣла тебѣ нечего соваться". Можно даже сказать, что весь генеральскій тонъ, съ которымъ обыкновенно обращался къ нему Юрьевъ, былъ оскорбителенъ для Бодянскаго, и вотъ, онъ облегчалъ свою душу, изощряясь на счетъ директора въ учительской комнатѣ. Случалось, что Юрьевъ, неожиданно войдя въ учительскую, заставалъ оживленіе, вызванное разсказами о его промахахъ, но Бодянскій удивительно умѣлъ сразу принять дѣловой видъ и ловко подойти къ директору съ какимъ-нибудь докладомъ или предложеніемъ.

Оба они относились ко мнѣ хорошо, хоть и безъ большого участія. Для Юрьева я былъ просто „исправный молодой офицеръ". Когда мнѣ приходилось читать лекціи по фортификаціи, вмѣсто учителя, М. Я. Попелло-Давыдова, уѣхавшаго держать экзаменъ, онъ заходилъ ко мнѣ въ классъ, съ инспекторомъ и адъютантомъ, и молчаливо простоявъ нѣсколько минутъ, слушая мои объясненія, короткимъ кивкомъ головы выражалъ свое одобреніе; рѣдко когда обращался онъ ко мнѣ съ вопросомъ или съ замѣчаніемъ, а просто молча, величественно выходилъ изъ класса. Говорили, что это именно и обозначало, что онъ доволенъ.

Для Бодянскаго я былъ не больше, какъ „молодой человѣкъ, у котораго на губахъ молоко еще не обсохло". Всегда обходительный и вѣжливый, онъ, однако, не считалъ меня еще доросшимъ до того нѣсколько искательнаго расположенія, съ которымъ онъ обращался къ учителямъ.

А. Д. Бутовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Былые самодуры.

(Изъ семейной хроники).

Дѣти очень любили слушать разсказы старухи-бабушки о давно прошедшихъ временахъ, о людяхъ, давно сошедшихъ со сцены. Разбирая какъ-то старыя бумаги и старые портреты, попался имъ въ руки выцвѣтшій дагерротипъ.

— Бабушка, а это кто же? спросили они.

— А это Вашъ дальній родственникъ Н. А. К. [1]).

И дѣти съ интересомъ выслушали слѣдующій разсказъ о немъ.

Въ 1857 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, окончивъ курсъ въ Смольномъ монастырѣ, я была привезена въ имѣніе отца, въ Новгородской губ., гдѣ тогда проживала вся наша семья. Цѣльныхъ восемь съ половиной лѣтъ пробыла я въ четырехъ стѣнахъ Института, ни на одинъ день не отпущенная домой, а потому, понятно, все окружающее меня было мнѣ интересно, ко всему присматривалась и прислушивалась я съ особеннымъ вниманіемъ.

Въ то время помѣщиковъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, кругомъ было много, и меня начали возить знакомиться съ ними.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ намъ на дорогѣ встрѣтилось двое саней.

Въ переднихъ—сидѣлъ господинъ, повидимому не молодой, укутанный тщательно, а подлѣ него—совсѣмъ молодой человѣкъ. Во вторыхъ саняхъ сидѣло тоже двое, изъ которыхъ одинъ, видимо слуга, держалъ въ рукахъ ружье.

---

[1]) Настоящая фамилія Николай Алексѣевичъ Кагаловъ.

Сани остановились, послѣдовали привѣтствія.

Изъ разговора отца съ встрѣченнымъ господиномъ я поняла только, что имѣніе свое онъ продалъ и уѣзжаетъ въ Петербургъ.

Долго говорить не пришлось, и мы разъѣхались. Тѣмъ не менѣе меня заинтересовалъ встрѣчный и показался мнѣ какъ будто страннымъ. Изъ разговора отца съ матерью я услышала, что спутникъ его былъ докторъ, а слѣдующіе—учитель гимнастики и человѣкъ съ ружьемъ, обязанность котораго защищать его отъ встрѣчныхъ враговъ.

— Видно не оставилъ еще своей маніи вездѣ и во всѣхъ видѣть злодѣевъ, посягающихъ на его жизнь, сказалъ мой отецъ. Да и гимнастики не забываетъ.

Бережетъ свое драгоцѣнное здоровье. Докторъ же долженъ пробовать все, что ему подается къ столу.

— Но кто же это? спросила я.

— А это твой двоюродный дядюшка, отвѣчала мнѣ мать, а мой двоюродный братъ—Николай Алексѣевичъ К.

Съ дѣтства я знала, любила и уважала своего родного дядю, Николая Александровича К., объ этомъ же родственникѣ не имѣла никакого понятія.

Заинтересованная и самою личностью новаго родственника, и тѣмъ, что услышала изъ разговора отца съ матерью, я стала разспрашивать ихъ о немъ, и вотъ что узнала.

Два брата, Романъ Алексѣевичъ и Николай Алексѣевичъ К. были дѣти богатаго Новгородскаго помѣщика.

Отецъ ихъ былъ морякомъ и участвовалъ въ кругосвѣтномъ плаваніи.

Оба сына воспитывались въ военныхъ училищахъ.

Старшій—Романъ, въ концѣ концовъ оказался юнкеромъ на Кавказѣ.

Сколько лѣтъ онъ тамъ прослужилъ, или лучше сказать прокуралесилъ, не знаю. Но наконецъ ему это надоѣло, и онъ явился къ своему командиру боевому генералу.

— Ваше Превосходительство! сказалъ онъ, скоро ли я буду произведенъ въ офицеры?

— Ну, ужъ извините, пока я живъ, этого не будетъ.

— За этимъ дѣло не станетъ, продолжалъ юнкеръ, вынимая пистолетъ и направляя его на генерала.

— Ну, нѣтъ, подождите, остановилъ его тотъ. Пускай лучше будетъ однимъ негоднымъ офицеромъ больше; а я въ своей жизни еще надѣюсь принести пользу.

Такимъ образомъ молодецъ этотъ былъ произведенъ въ офицеры и скоро вышелъ въ отставку.

Пріѣхавъ на родину, онъ однажды сидѣлъ въ гостяхъ у своей тетки.

Деревенская дѣвочка лѣтъ 12 принесла дрова и стала затапливать печь.

— Тетушка, сказалъ Романъ Алексѣевичъ, подарите мнѣ эту дѣвочку.

— Что это тебѣ вздумалось? Зачѣмъ тебѣ она?

— Мое дѣло. Подарите! Тогда это дѣлалось просто: дѣвочка была подарена племяннику.

Онъ отвезъ ее въ Петербургъ и помѣстилъ въ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ.

Самъ же продолжалъ бездѣльничать на родинѣ.

Николай Алексѣевичъ К., меньшой братъ, воспитывался въ Морскомъ корпусѣ. Въ тѣ времена тѣлесное наказаніе въ корпусахъ примѣнялось часто. И вотъ, будучи уже въ старшихъ классахъ, этому наказанію долженъ былъ быть подвергнутъ и К. Схвативъ перочинный ножикъ, онъ сталъ наносить себѣ раны; ножикъ у него отняли. Тогда онъ вырвался, побѣжалъ по корридору, разбилъ окно и стекломъ сталъ рѣзать себѣ горло.

Не знаю, подвергли ли его тѣлесному наказанію, но кончилась эта исторія тѣмъ, что его разжаловали въ солдаты и сослали въ Оренбургскіе линейные батальоны.

А въ Морскомъ корпусѣ долго сохранялось преданіе о каторжномъ К. Батальонный командиръ К. былъ финляндецъ, имѣвшій взрослую дочь.—Прослужилъ К. солдатомъ не долго: командиръ, прельщенный его богатствомъ и родовитостью, выхлопоталъ ему производство въ офицеры и выдалъ за него дочь. К. вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ Новгородскомъ имѣніи, куда конечно послѣдовала за нимъ и его молодая жена.

Здѣсь онъ повелъ совсѣмъ особый родъ жизни. Несмотря на многочисленныхъ сосѣдей-помѣщиковъ, онъ ни съ кѣмъ не знакомился, никого не принималъ и самъ ни кому не ѣздилъ. Подобной жизнью особенно тяготилась его молодая жена, привыкшая къ постоянному обществу, въ кругѣ тѣхъ же офицеровъ. Но онъ и при подобной замкнутой жизни устраивалъ женѣ пріятныя развлеченія.—Такъ напримѣръ: была у нея любимая кошка. Онъ запретъ жену въ одну комнату, а въ сосѣдней комнатѣ стоялъ большой катокъ для бѣлья. Посадитъ кошку на катокъ и катаетъ его.—Кошкѣ вреда никакого не дѣлается, но она отчаянно мяучитъ; а въ сосѣдней комнатѣ

жена доходитъ до истерики. На всѣ жалобы жены на скучную жизнь, онъ отвѣчалъ ей:

— Вотъ погоди; скоро устрою праздникъ и приглашу сосѣдей, тогда и познакомишься.

Наступила весна; Въ Новгородской губ. очень практиковалось такъ называемое „подсѣчное хозяйство". Осенью рубился молодой лѣсокъ, такъ лѣтъ 20—22-хъ; такъ называемыя тамъ „лединки". Срубленный лѣсъ лежалъ всю зиму подъ снѣгомъ, а весной, когда снѣгъ таялъ и деревья просыхали, ихъ начинали обжигать, и горящими катали по всей вырубленной полянѣ. Такимъ образомъ земля и нагрѣвалась и удобрялась теплой золой. Во время этого дѣйствія сучья сжигались, а оставшіеся стволы убирались и шли на топливо.

Землю же пахали и первый годъ сѣяли на ней пщеницу. Земля, приготовленная такимъ способомъ, давала прекрасные урожаи. На слѣдующій годъ на этой землѣ сѣяли рожь, затѣмъ два года овесъ. Послѣ чего мѣсто это забрасывалось опять лѣтъ на двадцать, пока не выросталъ на немъ новый молодой лѣсокъ.

Обжиганье и катанье по землѣ горящихъ бревенъ—работа самая тяжелая и грязная; но какъ-то такъ было заведено, что ее выполняли преимущественно женщины.

И вотъ заявляетъ К. женѣ, что предполагаемый сборъ гостей долженъ быть такого то числа. Начинаются приготовленія. Изъ Петербурга, отстоящаго отъ имѣнія верстъ на 300, выписываютъ дорогую провизію. Обѣдъ готовится человѣкъ на сто. Въ день праздника столъ убирается серебромъ, хрусталемъ, вазами съ цвѣтами. Жену К. проситъ одѣться понаряднѣе и побогаче, что она конечно выполняетъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Но въ то же время онъ объявляетъ ей, что у насъ не принято, чтобы хозяйка встрѣчала гостей: она выходитъ къ нимъ, когда всѣ уже съѣдутся.

Въ часъ, назначенный для обѣда, К. беретъ жену подъ руку и торжественно ведетъ ее въ столовую. И кого же она такъ встрѣчаетъ? Человѣкъ сто мужиковъ и бабъ въ самомъ неприглядномъ видѣ, взятые прямо съ работы, грязные, смущенные окружаютъ нарядный столъ. И съ ними-то молодая хозяйка должна была быть и мила и любезна! Неизвѣстно, какъ она справилась съ этой трудной задачей.

Можно предположить, какія отчаянныя письма писала молодая женщина своимъ родителямъ! И вотъ къ ней пріѣхала ея мать генеральша. Зять встрѣтилъ ее съ большимъ почетомъ, и по-

своему ублажалъ ее какъ могъ. Но видно не особенно было пріятно гостьѣ ухаживаніе зятя; пробыла не долго и собралась въ обратный путь.

Какъ я говорила уже, отецъ Николая Алексѣевича былъ въ кругосвѣтномъ плаваніи и привезъ изъ Китая байдарку, китайскіе костюмы и маленькія пушки, называемыя, кажется, фальконетками или мортирками.

Въ моментъ отъѣзда тещи къ крыльцу подана была коляска, запряженная четверкой прекрасныхъ лошадей. Едва гостья, простясь съ хозяевами, успѣла вмѣстѣ со своей горничной сѣсть въ экипажъ, раздался пушечный выстрѣлъ. Лошади подхватили и понесли. Дорога все время шла лѣсомъ. До ближайшей станціи было верстъ тридцать. Едва кучеру удавалось поудержать и поуспокоить лошадей, раздался новый выстрѣлъ, и лошади снова несли. Мортиры были разставлены въ нѣсколькихъ мѣстахъ по дорогѣ.

Генеральшу привезли на станцію въ обморокѣ и еле удалось привести ее въ чувства.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, она подала на зятя жалобу шефу жандармовъ. К., разумѣется, вызвали, явился скромный молодой человѣкъ, самъ несказанно огорченный послѣдствіями своей неудачно придуманной затѣи,; но, по его мнѣнію, чѣмъ же лучше всего могъ онъ почтить свою тещу, даму военную, какъ не пушечной пальбой! Не знаю, на сколько повѣрили его искренности, но отпустили съ миромъ.

Не долго прожила съ нимъ и его молодая жена: уѣхала къ своимъ родителямъ.

Не знаю, какъ была фамилія его жены; помню только, что много лѣтъ спустя, когда К. игралъ въ карты, пиковую даму всегда называлъ „Мазулиха", прибавляя при этомъ: „моя теща".

Не остался и Николай Алексѣевичъ въ своемъ имѣніи, а перенесъ свою кипучую дѣятельность въ г. Тихвинъ, куда переѣхалъ и его братецъ Романъ.—Уѣздный городъ Тихвинъ былъ въ то время довольно оживленнымъ пунктомъ, благодаря многимъ окрестнымъ помѣщикамъ и своей водной системѣ.

Братья повели жизнь, что называется, во всю, вся уѣздная администрація была ихъ друзья и пріятели, и разные пиры и кутежи не прерывались. Устраивались, напримѣръ, такіе фокусы: была въ городѣ молодая барыня, которую имъ вздумалось особенно почтить. Приближался день ея именинъ, на дворѣ дома гдѣ жили братья, сложили большую печь, и въ ней испекли огромный крендель. Въ день именинъ крендель этотъ положенъ былъ

на доски, и его несли на головахъ, а братья, въ сопровожденіи своихъ пріятелей и властей города, шли за нимъ съ открытыми головами. Прохожіе, встрѣчающіе эту процессію, тоже снимали шапки. Внести крендель въ квартиру именинницы по лѣстницѣ было нельзя, и вотъ выставили окно, и черезъ него внесли крендель въ квартиру именинницы.

Дочь городского головы имѣла счастье понравиться Николаю Алексѣевичу. Но репутація братьевъ была такова, что ее особенно оберегали отъ всякаго столкновенія съ ними.

К. нанялъ квартиру какъ разъ противъ дома головы, выписалъ изъ Петербурга молодого художника, платилъ ему, по тогдашнему времени, большія деньги за то, чтобы онъ черезъ окно ловилъ моменты ея появленія на улицѣ и понимъ нарисовалъ ея портретъ.

У молодой дѣвушки былъ женихъ—гласный думы.

На масляницѣ братья устроили катанье. Байдарка была поставлена на полозья, въ нее впрягли шестерку лошадей, сами и ихъ пріятели нарядились въ костюмы китайцевъ и отправились кататься по городу. Какъ разъ передъ домомъ головы встрѣчаетъ ихъ женихъ молодой дѣвушки, находитъ весь этотъ маскарадъ неприличнымъ и дѣлаетъ имъ замѣчаніе, раздается команда: „На байдарку его"! Слишкомъ смѣлаго молодого человѣка хватаютъ, надѣваютъ и на него китайское платье и въ такомъ видѣ катаютъ чуть не часъ по всему городу.

Напротивъ занимаемой ими квартиры жила немолодая уже барыня, дѣлать ей было нечего, и вотъ она развлекалась тѣмъ, что слѣдила за всѣмъ, что дѣлалось въ домѣ и на дворѣ братьевъ К., а затѣмъ все, что удавалось увидѣть и узнавать, разносила по городу. Выходило много курьезовъ.

Такъ дѣло было лѣтомъ, окна открыты. Между братьями начинается споръ. Дальше, больше, раздается выстрѣлъ, а черезъ часъ ясно виденъ столъ въ залѣ, и на немъ покойникъ, всполошилась наша барыня и побѣжала сообщать такую интересную новость тѣмъ, кого это особенно могло интересовать.

„Сама все слышала, сама все видѣла! Не знала только, который котораго убилъ, ужъ тамъ и панихиду служатъ!".

Кто сомнѣвается, а кто и вѣритъ. Но тутъ дверь отворяется и оба брата чуть не обнявшись входятъ въ комнату.

Надоѣло имъ потѣшаться надъ сплетницей. Какъ отучить ее?

Отправляются они на пучину и нанимаютъ человѣкъ сто рабочихъ, дѣло ихъ должно состоять въ слѣдующемъ: идетъ первый рабочій къ параднымъ дверямъ сплетницы, звонитъ, ему отворяютъ.

— Тутъ живетъ Ивановъ?

— Никакого Иванова не живетъ въ домѣ.

Рабочій отходитъ, а за нимъ, черезъ минуту, подходитъ другой. Тотъ же вопросъ, тотъ же отвѣтъ.

Идетъ третій, четвертый и такъ далѣе. Звонятъ и стучатъ, пока не отворятъ дверей. Не выдержала барыня и сама убѣжала изъ дому.

Много было продѣлано подобныхъ глупостей обоими братцами, но въ концѣ концовъ разыгралась и трагедія.

Была въ Тихвинѣ ярмарка. Пріѣзжаго народа было много. У К. были постоянныя собранія. Послѣ одного изъ особенно весело проведеннаго дня, поздно ночью гости разошлись, и остались только оба брата, да еще пріѣзжій двоюродный братъ ихъ, нѣкто У. [1]).

Бесѣда ихъ продолжалась. Братья заспорили, или лучше сказать, Николай, любившій дразнить каждаго, особенно умѣлъ раздражать брата.

И на этотъ разъ было тоже. У., насколько могъ, старался ихъ успокоить, но споръ разгорался. Къ несчастью тутъ же въ комнатѣ въ углу стояло заряженное ружье. Въ пылу спора Романъ схватилъ его и направилъ на брата. У. вскочилъ и заслонилъ собой Николая, но тотъ не унимался, и изъ-за спины У. продолжалъ дразнить брата. Раздался выстрѣлъ, пуля прошла въ груди У. на вылетъ и засѣла въ плечѣ Николая. У. остался живъ, пулю изъ плеча Николая вынули легко, но исторія эта дорого обошлась братьямъ. Началось слѣдствіе. Пріѣзжали чиновники изъ Петербурга, однихъ изъ нихъ спаивали,—другихъ задаривали. Съ У. тоже покончили миромъ, и дѣло замяли.

Къ этому времени дѣвочка, подаренная Роману теткой, выросла, окончила свое образованіе, и онъ женился на ней; можно предположить, что не сладка была ея жизнь съ подобнымъ мужемъ. Впрочемъ и продолжалась, кажется, не долго. Романъ кончилъ тѣмъ, что сошелъ съ ума.

Николай же, растративши чуть не все свое состояніе, на послѣднія оставшіяся у него деньги купилъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ имѣніе, принадлежащее малолѣтнимъ и бывшее въ опекѣ. Опекунъ оказался честнымъ человѣкомъ, и Николай Алексѣевичъ, купивъ имѣніе за 10.000, чуть не сразу продалъ сохранившагося въ амбарахъ имѣнія хлѣба тысячъ на шесть.

---

[1]) Уньковскій.

Не долго хозяйничалъ онъ тутъ. Богачъ, петербургскій купецъ, сынъ котораго очень ужъ закутилъ въ столицѣ, вздумалъ пристроить его къ дѣлу, и не нашелъ ничего лучшэго, какъ удаливъ его изъ Петербурга, посадить на хозяйство. Подвернулся Николай Алексѣевичъ, и сдѣлка состоялась. Но такъ какъ купецъ не имѣлъ права имѣть крѣпостныхъ людей, то К. купилъ по сосѣдству пустопорожнюю пустошь, и на нее переселилъ оставшихся за нимъ крестьянъ. Усадьбу же продалъ молодому купцу Щербакову за 10.000.

Пріѣхалъ молодой хозяинъ, а съ нимъ нѣмецъ-агрономъ. Началось съ постройки новаго дома, со всякими затѣями, вся обстановка котораго привезена была изъ Петербурга. Нѣмецъ-агрономъ осматривалъ поля, изслѣдовалъ почву и увѣрялъ сосѣдей помѣщиковъ, что „тутъ будетъ расти виноградъ“!

Денегъ не жалѣли.

Но не долго это продолжалось: папенька - купецъ вздумалъ самъ жениться; на непомѣрныя траты сына взглянулъ другими глазами: субсидіи прекратились, и молодой купчикъ радъ-радехонекъ былъ продать свою нарядную усадьбу тому же Николаю Алексѣевичу за 8.000.

И опять К. не долго похозяйничалъ въ ней: присоединивъ къ усадьбѣ переселенныхъ крестьянъ, онъ продалъ ее одному высокопоставленному лицу [1]) за 30.000.

Вотъ объ этой-то продажѣ и была рѣчь, при моей первой встрѣчѣ съ К.

Лѣто 1857 года семья наша прожила въ своемъ Вологодскомъ имѣніи. Возвратясь же осенью въ Новгородскую губ., мы застали К. своимъ ближайшимъ сосѣдомъ. Въ верстѣ отъ нашего имѣнія было прекрасное имѣніе генерала Корсакова. Тогда уже начали ходить слухи объ освобожденіи крестьянъ. Заядлый крѣпостникъ, чувствуя себя неспособнымъ примириться съ такой реформой, не долго думая, продалъ свое имѣніе Николаю Алексѣевичу за 40.000.

Тутъ, живя въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ К., я ближе познакомилась съ нимъ, и при каждомъ нашемъ свиданіи онъ удивлялъ меня какой-нибудь эксцентрической выходкой. Скоро я уѣхала изъ этихъ мѣстъ, а когда, года черезъ два вернулась, то не застала уже К. въ имѣніи. Онъ продалъ его графу С. [2]) за 125.000, и тутъ же купилъ новое имѣніе, верстахъ въ сорока отъ прежняго.

---

[1]) Статсъ-секретарю Танѣеву.

[2]) Графу Сумарокову.

Понятно, всѣ эти купли и продажи совершались при помощи обмана и подкупа, а на вопросъ знакомыхъ, какъ онъ устраиваетъ всѣ эти дѣла, онъ цинично отвѣчалъ: „У меня въ Петербургѣ непочатый уголъ дураковъ".

Но вотъ и его спекуляціямъ пришелъ конецъ. Учреждалось земство. Землевладѣльцы должны были представить планы и подробныя свѣдѣнія о своихъ земляхъ. Многимъ мелкопомѣстнымъ помѣщикамъ работа эта была не по силамъ, и вотъ высшее начальство просило мировыхъ посредниковъ помогать въ этомъ дѣлѣ желающимъ.

К. тоже написалъ своему хорошо знакомому посреднику, прося его пріѣхать къ нему и помочь разобраться въ такомъ трудномъ дѣлѣ.

Посредникъ исполнилъ его просьбу; два дня прожилъ у него, но помощи оказать ему не могъ. Дѣло было въ томъ, что планъ его имѣнія, которое онъ опять собирался продать, былъ весь искаженъ: гдѣ было моховое болото, тамъ значился строевой лѣсъ, гдѣ былъ пустырь — тамъ поемные луга. А такъ какъ въ Новгородской губ. такихъ болотъ особенно много, то и имѣніе это при подобномъ планѣ мѣняло свою цѣнность. Теперь предстояла ему задача: какъ быть? Представить искаженный планъ въ земскую комиссію — поземельный налогъ будетъ очень значительный. Представить настоящій планъ? Но покупатель обратится за справками въ земство, и тамъ получитъ вѣрныя свѣдѣнія. Съ тѣмъ и уѣхалъ отъ К. мировой посредникъ, не будучи въ состояніи дать ему желательнаго совѣта.

Какъ отплатить посреднику за нежеланіе его помогать въ мошенничествѣ? У К. былъ попугай. По прошествіи нѣкотораго времени Николай Алексѣевичъ приглашаетъ сосѣдей на обѣдъ. Попугай виситъ въ столовой; клѣтка покрыта темнымъ платкомъ. Во время обѣда покрышка эта снимается, и попугай начинаетъ выкрикивать отборную брань на посредника. Многіе изъ гостей, любившіе и уважающіе посредника, вышли изъ-за стола, а нѣкоторые собрались и совсѣмъ уѣзжать изъ дома. Только обѣщаніемъ, — свернуть попугаю голову, — удалось К. умилостивить своихъ гостей.

Это послѣднее, что я слышала о миломъ родственникѣ. Прожилъ онъ послѣ этого недолго, и какъ покончилъ свою дѣятельную жизнь — не знаю.

З. З.

Неизданныя письма Н. И. Пирогова [1]).

(Къ исторіи высшаго образованія и русско-польскихъ отношеній).

Для намѣчавшагося тогда направленія политики правительства по отношенію къ вопросамъ просвѣщенія и Е. П. Ковалевскій оказался слишкомъ либеральнымъ. Вскорѣ онъ былъ уволенъ отъ должности министра, и руль вѣдомства просвѣщенія былъ ввѣренъ адмиралу Е. В. Путятину. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ признано было необходимымъ вернуться къ либеральной политикѣ, и адмирала смѣнилъ А. В. Головнинъ, ближайшій сотрудникъ великаго князя Константина Николаевича.

Извѣстно, какъ широко развернулась дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія при А. В. Головнинѣ (въ „Русской Старинѣ" были разновременно опубликованы его рѣчи и записки въ защиту просвѣщенія), и какъ плодотворна она была для Россіи. Въ области высшаго образованія новый министръ также задумалъ рядъ преобразованій, и по поводу одного изъ нихъ онъ въ январѣ 1862 года разослалъ попечителямъ округовъ слѣдующее письмо:

„Имѣя въ виду большой недостатокъ въ профессорахъ при нѣкоторыхъ нашихъ университетахъ и особенно недостатокъ хорошихъ учителей въ гимназіяхъ и признавая необходимымъ обратить на приготовленіе профессоровъ и учителей большую часть экстренныхъ денежныхъ средствъ, которыя будутъ предоставлены въ нынѣшнемъ году министерству народнаго просвѣщенія, я прошу Ваше Превосходительство принять на себя трудъ сообщить мнѣ, въ возможно непродолжительномъ времени, съ Вашимъ заключеніемъ, мнѣніе совѣта университета о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя Совѣтъ признавалъ бы полезными для приготовленія въ

[1]) См. „Русскую Старину" январь 1907 года.

большемъ числѣ какъ профессоровъ, такъ и учителей гимназій для всѣхъ нашихъ учебныхъ округовъ".

Едва только намѣтивъ учрежденіе института молодыхъ кандидатовъ въ профессора, А. В. Головнинъ рѣшилъ, что дѣло это должно быть поручено Н. И. Пирогову, который волею обстоятельствъ въ расцвѣтѣ умственныхъ и физическихъ силъ, сидѣлъ въ Вишнѣ и велъ сельское хозяйство. Сообщивъ знаменитому ученому и педагогу свой проектъ, министръ получилъ отъ него въ отвѣтъ слѣдующее письмо:

Милостивый Государь,

Александръ Васильевичъ!

Приношу Вамъ искреннюю благодарность покуда лично отъ меня самого,—современемъ, надѣюсь, поблагодаритъ Васъ и русская наука,—за Ваше предложеніе и изъявляю Вамъ полную готовность исполнить его по совѣсти и по крайнему разумѣнію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте мнѣ обратить Ваше вниманіе на нѣкоторыя подробности цѣлаго предпріятія, столь важнаго по его слѣдствіямъ какъ для просвѣщенія, такъ и лично для меня.

Кому хотя нѣсколько извѣстны всѣ треволненія моего прошедшаго, тотъ не упрекнетъ меня въ излишней требовательности, если я буду покорнѣйше Васъ просить:

1) Упрочить, какимъ бы то ни было образомъ, за мною принимаемую мною новую должность хотя на нѣкоторое время (до 4 лѣтъ).

Эта, повидимому странная, просьба заставляетъ меня объяснить предъ Вами нѣкоторыя обстоятельства, лично меня интересующія. Я положилъ все мое достояніе, пріобрѣтенное годами тяжкихъ трудовъ (60.000) въ имѣніе, купленное мною съ принятіемъ на себя долга до 25.000. Отправляясь за границу на новую должность, я долженъ буду его отдать въ чужія руки на нѣсколько лѣтъ, предоставивъ всѣ его доходы на уплату долга. Если же внезапная перемѣна лишитъ меня моей новой должности, то она лишитъ меня вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣсколько лѣтъ и средствъ къ существованію, которыми я теперь пользуюсь, управляя самъ моимъ имѣніемъ и занимаясь врачебною практикою. Легко себѣ представить, съ какими трудностями и препятствіями для меня будетъ соединено новое перемѣщеніе, новая перестановка жизни и какія мнѣ будутъ предстоять матеріальныя потери.

Поэтому Вы извините меня великодушно, если я распространился о предметѣ для меня и моего семейства первостепенной важности.

2) Дозволить мнѣ взять съ собою дѣтей, изъ которыхъ двое не достигли 17-лѣтняго возраста, съ тѣмъ, чтобы они, выслушавъ курсъ Университетскаго ученія за границею, имѣли бы право впослѣдствіи выдержать испытаніе на степень въ одномъ изъ русскихъ Университетовъ прямо, безъ предварительнаго посѣщенія лекцій.

3) Дать мнѣ, кромѣ назначаемаго Вами содержанія, единовременное пособіе на подъемъ и путевыя издержки, такъ какъ я теперь не имѣю послѣ многихъ и частыхъ перемѣщеній, никакихъ болѣе средствъ подняться съ цѣлымъ семействомъ и обзавестись всѣмъ нужнымъ за границею, гдѣ, какъ извѣстно, я долженъ буду еще значительно потерять на курсѣ при размѣнѣ денегъ. Отъ Вашего благоусмотрѣнія будетъ зависѣть назначеніе для меня безобиднаго пособія.

4) Дозволить мнѣ чрезъ 1 и 2 года пріѣхать мѣсяца на 2 въ отпускъ для рѣшенія крестьянскихъ дѣлъ по выкупной операціи въ моемъ имѣніи.

5) Снабдить меня инструкціею для руководства, предоставивъ мнѣ исполненіе подробностей.

Мнѣ не извѣстно, когда начинается и долго ли будетъ продолжаться всемірная выставка въ Лондонѣ,—но я полагаю, что нужно будетъ туда отправиться въ маѣ мѣсяцѣ; между тѣмъ мой старшій сынъ (домашняго воспитанія) долженъ подвергнуться (къ) экзамену для вступленія въ университетъ; вступительный же экзаменъ въ гимназію (Немировской, ко мнѣ ближайшей) будетъ продолжаться отъ послѣднихъ чиселъ апрѣля по іюнь мѣсяцъ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы сынъ мой отправился за границу уже русскимъ студентомъ, и потому я просилъ бы Васъ покорно дозволить ему окончить весь экзаменъ до мая мѣсяца, что можно бы было сдѣлать въ первомъ же засѣданіи гимназіи 20 апрѣля; продолжительная, почти 2 мѣсячная разсрочка испытаній сдѣлана гимназіею по просьбѣ самихъ учениковъ, еще не совсѣмъ приготовившихся, и потому мнѣ кажется, не было бы противузаконнымъ сократить эту разсрочку для учениковъ, готовыхъ къ экзамену.

Наконецъ, я полагаю, что на всемірной выставкѣ найдется много такого,—касающагося до учебнаго дѣла,—что желательно бы было пріобрѣсти и для нашихъ учебныхъ заведеній въ видѣ образцовъ; въ такомъ случаѣ я просилъ бы опредѣлить

мнѣ нѣкоторую сумму, на которую я бы могъ пріобрѣсти что окажется особливо полезнымъ для нашихъ школъ.

По полученіи отвѣта я тотчасъ же приступлю къ распоряженіямъ, чтобы быть готовымъ къ отъѣзду въ опредѣленный Вами срокъ.

На присланный мнѣ проектъ Университетскаго Устава (полученный мною 25 февраля) я уже изготовилъ мои замѣчанія, которыя буду имѣть честь выслать Вамъ на будущей недѣлѣ, а о моемъ мнѣніи касательно Устава училищъ я бы просилъ позволенія сообщить его послѣ, когда я буду на мѣстѣ новаго моего назначенія или же, если оно не состоится, послѣ лѣтнихъ вакацій.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Н. Пироговъ.

1862, марта 2. С. Вишня.

Напечатанное выше письмо требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

Что касается матеріальнаго положенія семьи Пирогова, то до своей отставки по должности попечителя округа геніальный хирургъ весьма мало удѣлялъ времени платной медицинской практикѣ. Въ годы дерптской профессуры (1836—1840) онъ съ энтузіазмомъ молодого ученаго искалъ больныхъ для врачебно-научной практики и часто приплачивалъ имъ изъ своего скуднаго жалованья, такъ что нерѣдко сиживалъ безъ обѣда.

Уже будучи извѣстнымъ европейскимъ ученымъ, Пироговъ считалъ для себя роскошью ѣсть въ трактирѣ на рынкѣ пироги съ подливкой.

Будучи профессоромъ Медико-Хирургической академіи (1841—1855) и самымъ популярнымъ въ Россіи практическимъ врачемъ, Пироговъ придерживался того же порядка, что и въ Дерптѣ, въ отношеніи бѣдныхъ больныхъ, которымъ онъ щедро помогалъ изъ своего кармана. Но, конечно, условія семейной жизни, да и самыя условія его врачебной практики—къ прославленному профессору обращались самые богатые больные столицы и другихъ мѣстъ Россіи—ввели въ домашній обиходъ Пирогова гонораръ за леченіе и хирургическія операціи. Воспоминанія многихъ изъ его паціентовъ за этотъ періодъ рисуютъ отношеніе Пирогова къ больнымъ въ смыслѣ денежной оплаты его совѣтовъ и врачебной помощи, какъ образецъ безсребренничества и самоотверженія.

Но въ письмахъ къ Е. Д. Березиной и А. А. Бистромъ (первая и вторая жены Н. И.), въ которыхъ Пироговъ съ обычной своей правдивостью и суровой безпощадностью обрисовалъ себя самого, имѣется самое цѣнное и самое интересное свидѣтельство его отношенія къ матеріальной сторонѣ жизни, въ указанное время.

Такъ, въ письмѣ къ Е. Д. Березиной (начало 1842 года) Н. И. Пироговъ излагаетъ цѣль своей жизни, заключающуюся исключительно въ развитіи науки, и пишетъ: „эта цѣль до сихъ самыхъ поръ преобладала исключительно нравственнымъ моимъ бытіемъ; нѣтъ ни одной жертвы въ свѣтѣ, которой бы я не былъ въ состояніи принести моему идеалу; онъ управлялъ моими поступками, онъ облагородилъ меня, ему обязанъ я всѣмъ... Я вправѣ гордиться тѣмъ, что съ самопожертвованіемъ, безкорыстіемъ и непоколебимымъ терпѣніемъ преслѣдовалъ мою высокую цѣль... Наука составляла съ самыхъ юныхъ лѣтъ идеалъ мой; истина, составляющая основу науки, содѣлалась высокою цѣлію, къ достиженію которой я стремился безпрестанно... Что значатъ самыя утонченныя матеріальныя наслажденія въ сравненіи съ тѣмъ тихимъ, спокойнымъ, но возвышеннымъ чувствомъ, которое наполняетъ душу каждаго истинно любящаго свою науку...“

Въ письмѣ къ А. А. Бистромъ отъ 10 марта 1850 года Пироговъ также коснулся своего матеріальнаго положенія и привелъ справку относительно того, на что можетъ расчитывать его вторая жена при совмѣстной жизни съ нимъ и его двумя сыновьями и при выдѣлѣ сестеръ Н. И., жившихъ вмѣстѣ съ матерью у него. „Я считаю теперь нужнымъ познакомить тебя и съ моими средствами, съ прозаическою стороною моей жизни. Я на-дняхъ сосчиталъ мои доходы. Они различны въ различные годы. Но вотъ они круглымъ числомъ: обыкновенно они простираются до 20.000 ассигн. въ годъ. Теперь я израсходываю въ годъ не болѣе 3.000 р. серебромъ или около 12.000 р. ассигн. Женясь и раздѣляя хозяйство, мнѣ должно будетъ израсходовать, по крайней мѣрѣ, 15.000 р. ассигн... Мы должны думать и о будущихъ дѣтяхъ и еще болѣе о будущемъ воспитаніи. Мнѣ не хотѣлось бы отдавать дѣтей въ казенныя заведенія... Мы не должны забывать и бѣдныхъ; въ чемъ ты можешь отказывать себѣ безъ вреда для себя и для дѣтей, отказывай, заставляй и меня отказывать“.

Насколько самый популярный врачъ и постоянно занятый платной службой профессоръ былъ необезпеченъ матеріально въ

пору самой усиленной его работы и наибольшей работоспособности, видно изъ слѣдующихъ словъ Пирогова (въ томъ же письмѣ): „одна мысль еще тяготитъ меня, это мысль, что непредвидѣнный недугъ можетъ вдругъ лишить насъ средствъ къ спокойному и безбѣдному существованію..."

Въ годы Севастопольской страды (1854—1855) Пироговъ, конечно, не имѣлъ платной практики. Его самоотверженное служеніе Россіи и арміи, окутавшее имя чудеснаго доктора прямо легендарной славой, не оставляло времени даже и помысламъ о гонорарѣ. Потомъ пошли годы педагогически-просвѣтительной дѣятельности въ Одессѣ и Кіевѣ (1856—1861), когда Пироговъ сдѣлался кумиромъ всей бѣдноты юга и юго-запада Россіи, когда вся мѣстечковая и деревенская Русь паломничала къ нему въ чаяніи исцѣленія и уходила отъ святого доктора не только съ облегченными страданіями, но и съ рублевкой на лекарство или улучшенное питаніе. Объ этомъ—много разсказовъ въ воспоминаніяхъ и запискахъ современниковъ. Были въ это время и платные больные изъ богатыхъ помѣщиковъ хлѣбородной полосы Россіи, ихъ гонорары и составили тотъ капиталъ, о которомъ говорится въ письмѣ Головнину, какъ объ основѣ для покупки имѣнія.

Семья Н. И. Пирогова въ 1862 году состояла изъ второй жены его (А. А. Бистромъ), двухъ сыновей отъ перваго брака: Николая (родился 7 ноября 1843 года, скончался 16 ноября 1891 года) и Владиміра (родился 5 января 1846 года, скончался 23 мая 1914 года) и брата Александры Антоновны, Владиміра Бистромъ (сверстника второго сына Н. И.).

Замѣчанія на проектъ университетскаго устава и средней школы, о которыхъ говорится въ письмѣ къ министру, появились въ свое время въ печати и включены въ собраніе педагогическихъ статей Н. И. Пирогова (изданіе 1914 года). О нихъ будетъ рѣчь ниже, при замѣчаніяхъ по поводу другихъ писемъ къ Головнину. Другіе пункты письма Н. И. Пирогова выясняются изъ дальнѣйшаго.

Получивъ согласіе Н. И. Пирогова, министръ народнаго просвѣщенія представилъ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ писалъ:

„Вашему Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше разрѣшить мнѣ просить Члена Главнаго Правленія Училищъ, тайнаго совѣтника Пирогова принять на себя исполненіе за границею разныхъ трудовъ по учебной и педагогической части.

Получивъ нынѣ согласіе тайнаго совѣтника Пирогова на возложеніе на него таковаго порученія, имѣю счастье всеподданнѣйше испрашивать Всемилостивѣйшаго соизволенія на командированіе его за границу на 4 года, съ назначеніемъ ему изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія на подъемъ и на путевыя издержки 2 тыс. руб. и постояннаго содержанія въ 3000 руб. въ годъ сверхъ того, что онъ получаетъ нынѣ, состоя въ должности Члена Главнаго Правленія Училищъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю счастіе всеподданнѣйше испрашивать Высочайшаго разрѣшенія тайному совѣтнику Пирогову взять съ собою за границу дѣтей, изъ коихъ двое не достигли 17-ти лѣтняго возраста, съ тѣмъ, чтобы они выслушали курсъ Университетскаго ученья за-границей и имѣли право впослѣдствіи выдержать испытаніе на ученую степень въ одномъ изъ Русскихъ Университетовъ прямо безъ предварительнаго посѣщенія лекцій.

Ст.-секретарь *Головнинъ*.

Докладъ этотъ былъ утвержденъ 17 марта 1862 года, и Головнинъ прислалъ въ министерство собственноручный черновикъ своего письма къ Пирогову въ отвѣтъ на его запросъ въ письмѣ отъ 2 марта. Письмо было отправлено 23 марта съ нѣкоторыми измѣненіями, но я приведу подлинный текстъ А. В. Головнина, какъ болѣе ярко характеризующій отношеніе министерства въ 1862 году къ знаменитому ученому.

„Какъ спеціалистъ въ дѣлѣ педагогическомъ, какъ бывшій профессорскій кандидатъ, приготовлявщійся къ профессурѣ за границей,—писалъ Головнинъ,—какъ бывшій профессоръ Университета и Медицинской Академіи и, наконецъ, какъ бывшій попечитель учебнаго округа, имѣвшій возможность близко изучить условія, необходимыя для профессорскаго званія, Н. И. Пироговъ, безъ сомнѣнія, самъ можетъ составить наилучшій планъ его будущихъ отношеній къ профессорскимъ кандидатамъ. Министерство съ своей стороны можетъ только присовокупить, что при этомъ желательно было бы, чтобы Н. Ивановичъ оказывалъ содѣйствіе молодымъ нашимъ ученымъ къ достиженію наибольшихъ успѣховъ въ ихъ занятіяхъ:

а) указаніями каждому изъ нихъ тѣхъ профессоровъ, слушаніе которыхъ было бы для нихъ наиболѣе полезно, б) сближеніемъ ихъ съ такими профессорами, в) доставленіемъ имъ средствъ пользованія по возможности всѣми учебными пособіями, г) личными совѣтами и руководствами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ,

гдѣ молодые ученые найдутъ необходимымъ обратиться къ нему, или гдѣ самъ онъ признаетъ полезнымъ употребить свое вліяніе на нихъ.

Затѣмъ въ отношеніи къ Мини-ву обязанности Николая Ивановича могли заключаться: а) въ наблюденіи за ходомъ занятій молодыхъ ученыхъ какъ посредствомъ повѣрки ихъ отчетовъ, такъ и посредствомъ другихъ способовъ, какъ напр. аттестацій профессоровъ объ нихъ, личныхъ бесѣдъ съ ними и т. п., б) въ доставленіи мин-ву, по истеченіи каждаго семестра, составленныхъ ими отчетовъ объ ихъ занятіяхъ, съ присовокупленіемъ собственнаго заключенія по этому предмету, на основаніи всѣхъ данныхъ, имѣющихся у него въ виду для возможно вѣрной оцѣнки трудовъ и дарованій каждаго профессорскаго кандидата.

Примѣч. 1. Каждый профессорскій кандидатъ обязанъ представлять Николаю Ивановичу, по окончаніи каждаго семестра подробный отчетъ о своихъ занятіяхъ. *Примѣч. 2.* Посольства наши съ своей стороны будутъ оказывать содѣйствіе Николаю Ивановичу во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имъ это признано будетъ нужнымъ.

Вообще роль Николая Ивановича быть руководителемъ профессорскихъ кандидатовъ и посредникомъ съ одной стороны между ними и министерствомъ и съ другой — между ними и заграничными университетами и властями.

„Въ заключеніе мнѣ остается просить ваше пр-во,—писалъ Головнинъ въ письмѣ Пирогову,—увѣдомлять меня постоянно о перемѣнахъ вашего мѣстопребыванія, и сообщить вамъ, что я вполнѣ предоставляю вашему усмотрѣнію ѣхать на Лондонскую выставку или отложить это намѣреніе и прошу имѣть въ виду, что на покупку по вашему усмотрѣнію разныхъ учебныхъ пособій министерство можетъ употребить въ нынѣшнемъ году не болѣе 1 тыс. р.“.

По поводу же экзаменовъ старшаго сына Н. И. Пирогова А. В. Головнинъ написалъ попечителю Кіевскаго округа, которому подвѣдомственна была Кіевская гимназія, и предлагалъ удовлетворить просьбу Н. И., если попечитель не встрѣтитъ къ этому препятствій. Попечитель препятствій не встрѣтилъ.

Еще раньше доклада о Пироговѣ министръ представилъ слѣдующій всеподданнѣйшій докладъ, имѣвшій самое благотворное вліяніе на дальнѣйшее развитіе русскихъ университетовъ: „Имѣю счастье испрашивать Высочайшаго разрѣшенія В. И. В. отправлять по избраніи молодыхъ ученыхъ за границу для приготовленія ихъ къ должностямъ профессоровъ и преподавателей съ

выдачей имъ изъ ассигнованной на сей предметъ суммы отъ 1.600 до 2.400 р. въ годъ и съ тѣмъ, чтобы они доносили мнѣ ежемѣсячно о своихъ занятіяхъ и обязаны за каждый годъ пребыванія за границей прослужить въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія по назначенію министра два года.

Статсъ-секретарь *Головнинъ*.

Докладъ этотъ былъ утвержденъ 10 марта, и въ министерствѣ была выработана инструкція для командируемыхъ, въ которой былъ и такой пунктъ: „Независимо отъ присылки отчетовъ о своихъ занятіяхъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія, поставляется въ обязанность каждаго лица, командированнаго съ означенною цѣлью за границу, являться по временамъ за границей къ тайному совѣтнику Пирогову, сообщать ему о своихъ трудахъ и занятіяхъ, пользоваться его совѣтами и указаніями, и вообще дѣйствовать по его наставленіямъ". Условія эти подписывались всѣми кандидатами.

Н. И. Пироговъ сталъ собираться въ путь и послалъ министру письмо о положеніи своихъ личныхъ дѣлъ, а также изложилъ свой взглядъ на вновь учрежденный институтъ кандидатовъ.

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Честь имѣю увѣдомить Ваше Превосходительство, что я отправляюсь за границу около 15 числа іюня мѣсяца, такъ какъ занятія мои по ввѣренному мнѣ мировому участку и домашнія мои обстоятельства не позволяютъ мнѣ опредѣлить мой отъѣздъ до этого срока: первоначальнымъ мѣстомъ моего пребыванія за границею я избралъ Гейдельбергъ, гдѣ и желалъ бы получить дополнительное содержаніе въ 3.000 рублей, если же по какой-либо причинѣ встрѣтятся затрудненія получить эту сумму въ Гейдельбергѣ, то прошу отослать ее въ близъ лежащій Мангеймъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу покорнѣйше увѣдомить меня, когда и черезъ кого я могу ее получить.

Что касается до получаемаго мною нынѣ содержанія 2.000 р., то г. попечитель Кіевскаго учебнаго округа баронъ Николаи увѣдомилъ меня отъ 27 февраля, что оно ассигновано къ отпуску изъ Подольской Казенной Палаты; но я не знаю, какимъ образомъ, отправляясь въ іюнѣ мѣсяцѣ за границу, я могу получить

его и вообще могу ли его получить сполна; пересылка же его по частямъ за границу очевидно неудобна; если я не могу разсчитывать на полученіе этой суммы сполна до отъѣзда, то я покорнѣйше прошу о высылкѣ ея въ Гейдельбергъ, по истеченіи каждаго полугодія; въ такомъ случаѣ я бы просилъ о разрѣшеніи выдать мнѣ половину ея (т. е. 1.000 р.) до моего отъѣзда, то-есть двумя недѣлями ранѣе истеченія полугодичнаго срока. Вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣливаюсь утруждать Васъ покорнѣйшею просьбою объ отношеніи къ г. министру финансовъ о высылкѣ ко мнѣ за границу слѣдуемой мнѣ пенсіи, которую я получаю въ настоящее время изъ Винницкаго уѣзднаго казначейства.

Что касается до молодыхъ людей, отправляемыхъ за границу, то весь успѣхъ дѣла очевидно будетъ зависѣть отъ щастливаго выбора. Я буду считать первымъ моимъ долгомъ обращать вниманіе Министерства на тѣхъ изъ нихъ, которые отличатся знаніями и любовію къ наукѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ прошу и дать мнѣ право требовать объ удаленіи тѣхъ, которые окажутся неспособными къ занятію каѳедръ, такъ какъ на успѣшность выбора, сдѣланнаго на мѣстѣ самаго образованія будущаго кандидата къ занятію каѳедры, не всегда можно полагаться.

При этомъ случаѣ позвольте обратить Ваше вниманіе на одного молодого человѣка, кандидата Университета Св. Владиміра, занимающаго теперь должность учителя Исторіи въ Немировской гимназіи, котораго я считаю однимъ изъ лучшихъ преподавателей, какъ по его свѣдѣніямъ, по способу преподаванія, такъ и по рѣдкому знанію языковъ. Я писалъ объ немъ и Г. Попечителю Кіевскаго Университета.

Принося Вамъ искреннюю мою благодарность, я постараюсь оправдать по совѣсти и по крайнему разумѣнію оказанное мнѣ довѣріе Правительства. Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Пироговъ.*

№ 52. 1862. Апрѣля 22. С. Вишня.

Въ связи съ соображеніями Н. И. Пирогова объ условіяхъ успѣшности его миссіи интересно привести отрывокъ изъ его письма къ первому своему біографу д-ру І. В. Бертенсону (автору многихъ интересныхъ очерковъ о Пироговѣ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ"—1881, № 3, 1882, № 12, 1885, № 1 и др.) отъ 27 декабря 1880 года: „Головнинъ предложилъ мнѣ отпра-

виться за границу и руководить вновь учрежденнымъ профессорскимъ институтомъ. Я принялъ это назначеніе съ условіемъ, по которому я долженъ былъ имѣть вліяніе на выборъ лицъ и на организацію всего учрежденія; къ сожалѣнію, когда я уже распорядился моими дѣлами такъ, что отказъ для меня сдѣлался невозможнымъ, я получилъ инструкцію, не заключавшую въ себѣ моего главнаго условія; дѣлать было нечего; пріѣхавъ за границу, я вошелъ въ сношенія со многими профессорами, отъ которыхъ узнавалъ о занятіяхъ молодыхъ ученыхъ". (Сочиненія, т. I, изд. 1914 года).

Между тѣмъ Н. И. Пироговъ встрѣтилъ чисто полицейскія препятствія къ отъѣзду за границу, вслѣдствіе чего вынужденъ былъ послать А. В. Головнину слѣдующее письмо:

Милостивый Государь.
Александръ Васильевичъ!

Отправивъ къ Вашему Превосходительству извѣщеніе о моемъ отправленіи за-границу 15 іюня, я получилъ извѣщеніе отъ Г. Подольскаго Губернатора о томъ, что я могу получить мой заграничный паспортъ отъ г. военнаго генералъ-губернатора, сообщивъ мѣстной полиціи мои примѣты. Я обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою увѣдомить меня, не могу ли я получить паспортъ изъ С.-Петербурга, такъ какъ я отправляюсь за границу по порученію отъ министерства; въ противномъ случаѣ я бы просилъ извѣстить г. Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго генералъ-губернатора отъ министерства о моемъ назначеніи и о выдачѣ мнѣ заграничнаго паспорта для отправленія за границу съ семействомъ (женою, двумя сыновьями и братомъ моей жены, воспитывающимся вмѣстѣ съ моими сыновьями).

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Пироговъ*.

1862. Апрѣля 24. С. Вишня.

Министръ написалъ князю Васильчикову и просилъ ускорить выдачу Н. И. Пирогову паспорта. Наконецъ, 18 мая 1862 года Н. И. Пироговъ послалъ А. В. Головнину послѣднее письмо изъ с. Вишня. Въ этомъ письмѣ онъ отдавалъ распоряженія по вопросу о высылкѣ за границу жалованья, а въ заключеніе писалъ:

„Такъ какъ вамъ угодно было поручить мнѣ и руководство молодыхъ людей, посылаемыхъ изъ Русскихъ Университетовъ для усовершенствованія за границу; то прошу васъ покорнѣйше предоставить мнѣ и право излагать откровенно мое мнѣніе о сдѣланномъ выборѣ, съ тѣмъ чтобы я могъ просить васъ о поощреніи достойныхъ и удаленіи неспособныхъ".

Слѣдующее письмо Н. И. Пирогова къ министру, посланное уже изъ Гейдельберга (15 іюля 1862 г. по старому стилю), извлечено мною изъ дѣла „о командировкѣ нѣкоторыхъ лицъ за границу съ ученой цѣлью для приготовленія къ профессорскимъ каѳедрамъ" (№ 169833—4480). Въ этомъ же дѣлѣ хранится еще два письма Н. И. Пирогова, которыя приводятся въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

Милостивый государь,
Александръ Васильевичъ.

Честь имѣю извѣстить Ваше Превосходительство, что я прибылъ на сихъ дняхъ въ Гейдельбергъ, и намѣренъ остаться здѣсь около года. До сихъ поръ я еще не встрѣтилъ ни одного изъ посылаемыхъ Министерствомъ за границу. Сюда, въ Гейдельбергъ, по моему мнѣнію слѣдовало бы преимущественно направить тѣхъ изъ нихъ, которые посвятятъ себя изученію юридическихъ наукъ, медицины и химіи, такъ какъ факультеты юридическій, медицинскій и философскій особливо отличаются многими учеными профессорами, пріобрѣтшими заслуженную извѣстность. Вексель отъ бар. Штиглица я получилъ, и мнѣ желательно бы было получать и здѣсь журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, чтобы слѣдить, сколько это возможно, за ходомъ педагогическихъ дѣлъ въ Россіи. Черезъ 2 недѣли начинаются вакаціи въ университетѣ, которыя будутъ продолжаться какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ германскихъ университетахъ и учебныхъ другихъ заведеніяхъ до октября мѣсяца.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Пироговъ.*

1862, 27 іюля н. с. Гейдельбергъ.

А. В. Головнинъ предписалъ исполнить желаніе Н. И. Пирогова. Векселемъ отъ барона Штиглица Н. И. Пироговъ получилъ жалованье отъ министерства. Вскорѣ министръ получилъ отъ знаменитаго руководителя молодыхъ ученыхъ и первый от-

четъ объ исполненіи возложеннаго на него порученія (дѣло № 169833). Почему-то Пироговъ считалъ это обширное письмо (отъ 13 августа 1862 г. по старому стилю) секретнымъ. Оно интересно подробными характеристиками такихъ дѣятелей отечественной науки и педагогики, какъ І. И. Паульсонъ, Л. Н. Модзалевскій, А. В. Бессель, очень цѣнно высказанными въ немъ соображеніями Пирогова о задачахъ русской университетской науки, любопытной характеристикой М. И. Владиславлева, впослѣдствіи ректора Спб. университета.

Конфиденціально.

Милостивый Государь

Александръ Васильевичъ.

Послѣ послѣдняго моего извѣщенія нѣсколько посланныхъ отъ Университетовъ и Министерства молодыхъ людей являлись ко мнѣ, и съ нѣкоторыми изъ нихъ я уже успѣлъ познакомиться.

Изъ нихъ: І. Модзалевскій, кандидатъ С.-Петербургскаго Университета, избралъ своимъ мѣстомъ пребыванія Гейдельбергъ, гдѣ и останется весь зимній семестръ.

Онъ посвятилъ себя педагогіи. Вмѣсто теоретическихъ занятій этимъ предметомъ я совѣтовалъ ему заняться имъ болѣе практически и вступить въ находящуюся здѣсь педагогическую семинарію при университетѣ; надѣюсь, что это можно будетъ устроить. Хотя семинарія учреждена здѣсь болѣе для образованія филологовъ и теологовъ, а Г. Модзалевскій ни филологъ, ни теологъ; но тѣмъ не менѣе ему будетъ весьма полезно познакомиться на самомъ дѣлѣ съ различными пріемами, употребляемыми въ Семинаріи для образованія будущихъ наставниковъ. Будущіе учители и проповѣдники читаютъ пробныя лекціи въ школѣ, и говорятъ пробныя проповѣди въ церкви, въ присутствіи своихъ товарищей и опытныхъ наставниковъ; каждая изъ такихъ лекцій и проповѣдей на другой день разбирается критически, и замѣчанія, доходящія до малѣйшихъ подробностей, съ указаніемъ хорошихъ и худыхъ сторонъ, особливо произносимыя изъ устъ такого лица, каковъ напримѣръ знаменитый Шенкель, будутъ безъ всякаго сомнѣнія полезны для каждаго посвящающаго себя педагогіи.

Если возможно, я бы просилъ Ваше Превосходительство снабдить меня дозволеніемъ, со стороны Баденскаго Правительства, для посѣщенія здѣшнихъ учебныхъ заведеній (училищъ, гим-

назій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній); тогда я имѣлъ бы возможность ввести туда и тѣхъ нашихъ молодыхъ людей, которые желаютъ изучить педагогію на самомъ дѣлѣ; теоретически она здѣсь нигдѣ не преподается, и это, по моему мнѣнію, совершенно справедливо; потому что педагогія не столько наука, сколько искусство. Входъ же въ здѣшнія учебныя заведенія не такъ открытъ, чтобы можно было ихъ посѣщать постоянно и слѣдить за ходомъ преподаванія; поэтому-то для этого и необходимы особыя дозволенія со стороны Правительства.

Другой русскій,—уже не молодой, бывшій учитель русскаго языка въ Варшавѣ, посвятилъ себя изученію филологіи, отъ которой, кажется, уже не много отсталъ, пріѣхалъ сюда съ больною женою и началъ приготовляться къ посѣщенію лекцій филологовъ Штарка и Бера и къ занятіямъ съ ними въ филологической семинаріи; онъ будетъ, можетъ быть, въ послѣдствіи хорошимъ учителемъ, но не думаю, чтобы онъ успѣлъ сдѣлаться профессоромъ, хотя и имѣетъ уже степень магистра.

Филологъ Іонинъ, также занимающійся здѣсь, боленъ: онъ переломалъ себѣ руку: поэтому я не успѣлъ еще хорошо съ нимъ познакомиться.

Изъ Берлина пріѣзжалъ ко мнѣ сюда на нѣсколько дней математикъ Бессель; видно изъ всего, что онъ очень любитъ свой предметъ; ни о чемъ болѣе не говоритъ, какъ объ эллиптическихъ функціяхъ, и отзывается съ энтузіазмомъ о лекціяхъ Берлинскихъ математиковъ, которыя онъ посѣщалъ по рекомендаціи профессора Сомова,—о которомъ онъ тоже отзывается съ большою благодарностью;—это хорошая черта въ наше время, когда pietas erga praeceptores (піэтетъ къ наставникамъ, *С. Ш.*), все болѣе и болѣе дѣлается рѣдкимъ явленіемъ между молодыми людьми. Бессель останется въ Берлинѣ цѣлый годъ,—и это хорошо съ его стороны. По всему видно, что онъ человѣкъ развитой и обѣщаетъ много.

Хорошій выборъ былъ сдѣланъ и въ кандидатѣ естеств. наукъ Паульсонѣ; онъ былъ также у меня изъ Гиссена, отзываясь также съ восторгомъ о профессорѣ сравнительной анатоміи знаменитомъ уже Лейкардтѣ; за него (т. е. за Паульсона) я боюсь только одного, чтобы онъ не пристрастился *слишкомъ* къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ по сравнительной анатоміи; хотя эти занятія также необходимы для молодыхъ ученыхъ; но я слышалъ здѣсь жалобы отъ профес. Бунзена, что наши молодые ученые нерѣдко увлекаются желаніемъ дѣлать новыя открытія въ такихъ наукахъ, которыя, какъ химія и естествовѣдѣніе,

представляютъ къ тому, въ настоящее время, такое обширное поприще.

Увлекаясь этимъ желаніемъ, впрочемъ весьма натуральнымъ и похвальнымъ, они иногда упускаютъ изъ вида труды, менѣе привлекательные, менѣе громкіе, но представляющіе за то выгоду слѣдить за наукою во всемъ ея объемѣ. Конечно, для будущаго профессора необходимо умѣнье заниматься самостоятельно спеціальными изслѣдованіями; но еще болѣе для него необходимо умѣнье слѣдить за наукою въ полномъ ея объемѣ, и особливо при первомъ ихъ выступленіи на учебное поприще *въ нашихъ* университетахъ.

Паульсонъ отправляется на лѣто въ Гельголландъ для микроскопическихъ изслѣдованій надъ низшими классами животныхъ; и цѣлый годъ потомъ останется въ Гиссенѣ у Лейкардта, къ которому онъ привязался всею душою. Дай Богъ, чтобы пребываніе въ Германіи молодыхъ людей и сближеніе съ дѣльными, трудолюбивыми и ласковыми профессорами въ маленькихъ нѣмецкихъ университетахъ послужило доказательствомъ и для нашей молодежи, и для нашихъ русскихъ наставниковъ, какъ благодѣтельно дѣйствуетъ заслуженный авторитетъ въ наукѣ, и какъ онъ для насъ нравственно необходимъ.

Химикъ Алексѣевъ, также кандидатъ Петерб. Универс., пріѣзжалъ ко мнѣ изъ Тюбингена, гдѣ онъ занимается въ лабораторіи Штекерта работами по органической химіи; онъ также избралъ для себя спеціальныя изслѣдованія; онъ уже прежде занимался у Бунзена въ Гейдельбергѣ; но находитъ, что занятія эти болѣе полезны для новичковъ въ химіи, до какой степени это справедливо, я теперь не берусь рѣшить, но мнѣ это что-то не вѣрится. Несмотря на то, я думаю, что пребываніе его въ Тюбингенѣ (такъ какъ Алексѣевъ желаетъ себя посвятить исключительно, какъ кажется, изученію органической химіи) будетъ для него во всякомъ случаѣ полезно подъ руководствомъ такого знатока этого предмета, каковъ профессоръ Штекертъ. Выборъ мѣста занятій въ такихъ скучныхъ для жизни мѣстахъ, каковы Гиссенъ и Тюбингенъ, Паульсономъ и Алексѣевымъ доказываетъ, что они дѣйствительно хотятъ дѣльно заниматься и любятъ свой предметъ, хотя можетъ быть и слишкомъ увлекаются спеціальностями въ наукѣ.

Кандидатъ Петербургскаго Университета Шиховской поселился въ Боннѣ; мнѣ кажется, что онъ подобно своему отцу, покойному профессору ботаники и моему старинному товарищу, будетъ особливо замѣчателенъ своимъ трудолюбіемъ и знаніемъ языковъ;

ему для занятій древнею исторіею недоставало основательнаго знанія древнихъ языковъ, особливо греческаго, и онъ, понявъ хорошо необходимость этого знанія, занимался въ Боннѣ филологическимъ изученіемъ классиковъ. Это много говоритъ въ пользу его основательности, хотя можетъ быть по способностямъ онъ и не будетъ принадлежать къ числу отличнѣйшихъ кандидатовъ: такимъ онъ мнѣ показался, по крайней мѣрѣ, при поверхностномъ знакомствѣ съ нимъ. Зиму онъ намѣренъ пробыть въ Берлинѣ, а теперь въ вакаціонное время онъ отправился съ Модзалевскимъ на нѣсколько дней на Рейнъ и во Францію.

Наконецъ, на этихъ дняхъ явился ко мнѣ исключенный изъ духовной академіи студентъ Владиславлевъ, посвятившій себя изученію философіи. Такъ какъ ухо его еще не пріучено къ нѣмецкому языку (хотя онъ по его словамъ и свободно читаетъ по-нѣмецки); то онъ желаетъ предварительно пробыть зиму въ Гейдельбергѣ и слушать лекціи проф. Целлера, Рехлина и другихъ, конечно, не первостепенныхъ философовъ (главнаго изъ нихъ Куно Фишера выжили отсюда теологи въ Іену); я думаю также, что это будетъ для него на первый разъ полезнѣе, тѣмъ болѣе, что онъ, для дальнѣйшаго изученія психологіи, намѣренъ здѣсь познакомиться сначала съ физіологіею изъ лекцій извѣстнаго профессора Гелмголтца, который въ будущемъ семестрѣ будетъ читать „общіе результаты естественныхъ наукъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ".

О личности Владиславлева и о достоинствахъ его выбора трудно сказать съ перваго разу; труднѣе во всякомъ случаѣ, чѣмъ о другихъ его мнѣ извѣстныхъ товарищахъ; потому что онъ семинаристъ; у этихъ людей хорошая сторона выходитъ не скоро наружу; время и обстоятельства жизни, обтесывая ихъ, открываютъ въ нихъ иногда такія дорогія жилы, которыхъ и не подозрѣваешь сначала.

Вотъ все, что я успѣлъ узнать про нашихъ кандидатовъ. По долгу и по совѣсти сообщу вамъ въ послѣдствіи все, что буду узнавать при дальнѣйшемъ моемъ знакомствѣ съ ними. Жаль, что многіе изъ нихъ высланы за границу не во время, то есть въ срединѣ лѣтняго семестра; полезнѣе бы было высылать или въ сентябрѣ или въ апрѣлѣ; тогда бы они не потеряли бы семестръ и имѣли бы все-таки недѣли 3 времени осмотрѣться и устроиться до начала лекцій.

Я познакомился еще съ двумя личностями, на которыхъ беру смѣлость обратить Ваше вниманіе: это бывшій военный, молодой человѣкъ Якоби, занимающійся здѣсь съ большимъ рвеніемъ

зоологіею, и профессоръ духовной академіи, вѣроятно, уже Вамъ извѣстный, Осининъ. Обоихъ, мнѣ кажется, можно бы было имѣть въ виду нашимъ Университетамъ. Здѣсь русскихъ до 50 и болѣе, нѣкоторые съ семействами.

Въ Гейдельбергѣ существуетъ русская читальня, устроенная ими, въ которой получаются почти всѣ русскіе журналы, за право чтенія платится каждымъ членомъ небольшая сумма. Я отправляюсь на 2 недѣли въ Швейцарію.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Н. Пироговъ.

Гейдельдергъ. 1862. Августа 25 н. с.

Министръ поручилъ своей канцеляріи послать отъ его имени Н. И. Пирогову благодарность за письмо и написать нашему посланнику въ Карлсруэ о желаніи Н. И. Пирогова получить доступъ въ учебныя заведенія. Отмѣчу по поводу этого письма, въ дополненіе къ сказанному выше, очень обстоятельную характеристику извѣстнаго впослѣдствіи педагога Л. Н. Модзалевскаго, котораго Пироговъ цѣнилъ, какъ чрезвычайно талантливаго человѣка. Что касается Л. Н. Модзалевскаго, то онъ постоянно отзывался о своемъ знаменитомъ руководителѣ съ той pietas erga praeceptores, которую Н. И. отмѣчалъ въ А. В. Бесселѣ, даровитомъ и безвременно скончавшемся профессорѣ Новороссійскаго университета. Сынъ извѣстнаго педагога, Б. Л. Модзалевскій, извѣстный изслѣдователь русской литературы и исторіи XVIII—XIX вѣка, любезно предоставилъ въ мое распоряженіе письмо его отца къ В. Я. Стоюнину отъ 18 декабря 1862 года изъ Гейдельберга. Привожу его въ начальной части, касающейся Н. И. Пирогова, какъ руководителя будущихъ профессоровъ.

„Милостивый государь Владиміръ Яковлевичъ. Жизнь въ Гейдельбергѣ чрезвычайно благопріятствуетъ ученымъ занятіямъ: ни шуму, ни развлеченій; множество русскихъ, своя библіотека со всѣми русскими газетами и журналами. Есть и новые друзья, которыхъ можно уважать вполнѣ. Я особенно привязался къ В. Г. Варенцову—что за дѣтски-чистая и честная натура!

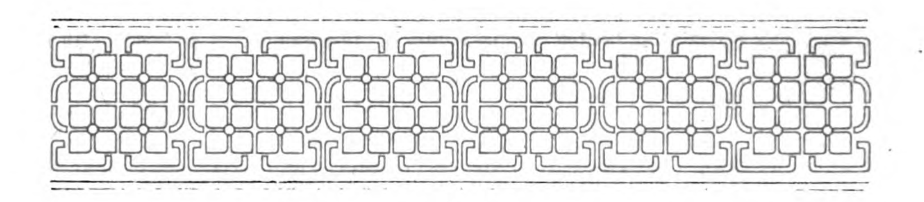
Изъ командированныхъ здѣсь живетъ человѣкъ 15. У насъ устроились учено-литературные вечера разъ въ недѣлю; каждый по очереди предлагаетъ какой-либо интересный вопросъ изъ своей спеціальности и старается разобрать его. Альбертини одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ этого маленькаго общества.

Часто также собираемся у Пирогова. Это нашъ патріархъ! Я еще не видывалъ человѣка столь *человѣчнаго*: такъ онъ простъ и вмѣстѣ глубокъ. Удивительнѣе всего, какъ человѣкъ такихъ лѣтъ и чиновъ могъ сохраниться во всей чистотѣ, и притомъ же у насъ на Руси, пережившей цѣлое Николаевское царствованіе. Поѣздка Николая Ивановича къ Гарибальди еще выше подняла его въ глазахъ здѣшнихъ и русскихъ, и поляковъ, и нѣмцевъ... *Л. Модзалевскій*".

Упоминаемый здѣсь В. Г. Вареновъ—извѣстный педагогъ и писатель (его письма къ Л. Н. Модзалевскому опубликованы Б. Л. Модзалевскимъ въ „Русской Старинѣ" за 1904 годъ, № 2) Н. В. Альбертини — извѣстный публицистъ и сотрудникъ „Голоса" по иностранному отдѣлу. Поѣздкѣ Пирогова къ Гарибальди посвящено его собственное письмо къ министру отъ 24 октября 1862 года по старому стилю.

Сообщилъ **С. Я. Штрайхъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



Письмо Якова Карловича Грота — Александру Васильевичу Головнину.

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ.

Не заставъ Васъ дома вчера утромъ, я конечно никакъ не рѣшился бы, безъ особенно важнаго повода, обезпокоить Ваше Превосходительство въ тотъ же день вторичнымъ посѣщеніемъ.

Такимъ поводомъ была полученная изъ Парижа печальная телеграмма о кончинѣ достойнѣйшаго П. А. Плетнева, послѣдовавшая за письмомъ о его предсмертныхъ страданіяхъ.

По моимъ отношеніямъ къ покойному я считалъ священною для себя обязанностью, не теряя времени, лично объясниться съ Вами не только о способахъ обезпечить будущность осиротѣвшаго его семейства, но и о возможности утѣшить вдову въ самыя тяжелыя минуты ея горя какимъ-нибудь знакомъ вниманія со стороны лицъ, которыхъ сочувствіе было бы для нея особенно дорого.

Оставшееся послѣ Плетнева потомство состоитъ изъ двухъ сыновей, изъ которыхъ старшему, Александру, 13, а младшему, Алексѣю, 11 лѣтъ, и 13-и лѣтняго внука Петра Лакіера, сына умершей въ 1852 году дочери его, который учится въ таганрогской гимназіи. (Отецъ его женился во второй разъ).

Съ совершеннымъ почтеніемъ и отличною преданностію имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Я. Гротъ.

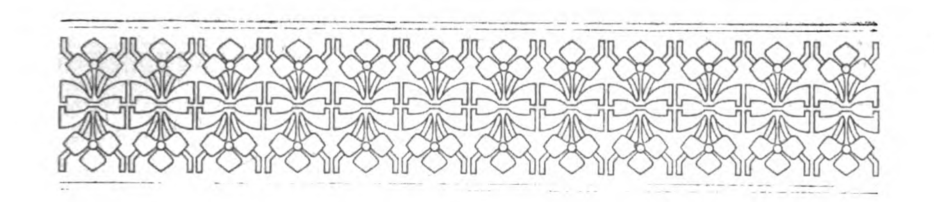
31 декабря 1865 года.

На письмѣ рукою А. В. Головнина написано:

„Прошу Васъ, почтеннѣйшій Константинъ Степановичъ [1]), поспѣшить представленіемъ отъ Академіи о пенсіи и вообще о томъ, что можно бы сдѣлать для семейства покойнаго. 31 дек.“.

Сообщилъ **Э. П. Юргенсонъ**.

[1]) К. С. Веселовскій, непремѣнный секретарь ИМП. Академіи Наукъ.



Изъ дальнихъ лѣтъ.

Я поступилъ въ Экспедицію Заготовленія Государственныхъ Бумагъ на службу въ число чиновниковъ въ 1867 году. Управляющимъ Экспедиціею въ то время былъ Өедоръ Өедоровичъ Винбергъ, человѣкъ высоко честный, умный, крайне добрый. По его проекту Экспедиція была преобразована въ учрежденіе на коммерческомъ правѣ. Будучи честнымъ, онъ не предполагалъ безчестность въ другихъ, и когда разоблачилось хищничество его подчиненныхъ, онъ не вынесъ этого и его поразилъ параличъ, закончившій его служебную дѣятельность.

Өедоръ Өедоровичъ былъ нѣмецъ, воспитавшійся въ нѣмецкой своей семьѣ, со всѣми ея традиціями. Все нѣмецкое предпочиталось имъ русскому, да еще при своемъ высшемъ начальникѣ министрѣ Рейтернѣ, тоже нѣмцѣ, онъ отдавалъ нѣмцамъ всякія преимущества; нѣмцы, сплотившись захватили въ свои руки всю власть, сильно наживались, ѣздя почти ежегодно въ свой фатерландъ. Необходимые для работъ матерьялы, если они были русскіе или другихъ государствъ, не нѣмецкіе, браковались. За выписку изъ Германіи матерьяловъ всѣ получали оттуда проценты, т.-е. каждый мастеръ, выписавшій матерьялы по своему мастерству. Были случаи, что ловкіе купцы, пріобрѣтя нѣмецкій товаръ, предлагали его Экспедиціи, но и этотъ товаръ браковался. Мастера требовали только товаръ указываемыхъ ими фирмъ въ Германіи. Въ 1867 году я засталъ такой составъ служащихъ: управляющій Винбергъ, товарищъ управляющаго Гиненрейтеръ, послѣ его смерти былъ Клейнъ, а затѣмъ Неннингеръ. Бухгалтерія состояла по штату, изъ бухгалтера, старшаго помощника и трехъ младшихъ помощниковъ. Бухгалтеромъ былъ Игнатьевъ,

вскорѣ ушедшій въ отставку, замѣстилъ его Безе, впослѣдствіи Безе тоже вышелъ въ отставку, на его мѣсто опредѣлился Гейфлейрахъ изъ военныхъ, бывшій поручикъ, вышедшій изъ Тверского кавалерійскаго училища. Это бухгалтеръ того учрежденія, въ которомъ сложность оборотовъ и учета едва-ли соотвѣтствовали образованію Тверского кавалерійскаго училища. Старшій помощникъ былъ Церъ, младшіе помощники Кирхнеръ, Повитцъ и Клее, мастера главные: Гребке, Кетчеръ, Веберъ, Корнигъ, Геллертъ, Гетцъ, Бренеръ, Циркель, Матернъ, Лугертъ, Шнейцеръ, Клейнъ, Николаи. Всѣ эти мастера кромѣ двухъ-трехъ едва умѣли говорить по-русски, а другіе и двухъ словъ не умѣли сказать по-русски, хотя прослужили въ Экспедиціи по нѣсколько десятковъ лѣтъ. Изъ русскихъ главныхъ мастеровъ не было. Нѣкоторыхъ изъ этихъ мастеровъ, незнающихъ никакого мастерства, такъ Бренера, привелъ Винбергъ къ русскому помощнику мастера Родіонову, сказавъ: вы, Родіоновъ, познакомьте Бренера съ производствомъ работъ". Родіоновъ, желая угодить начальнику, со всѣмъ усердіемъ принялся за выучку, предполагая этимъ достичь званія мастера, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Бренеръ назначенъ былъ мастеромъ, а Родіоновъ остался у него помощникомъ.

Изъ русскихъ главныхъ мастеровъ и не было; званіе мастера въ Экспедиціи пріобрѣталось не знаніемъ дѣла, съ экзаменомъ въ Ремесленной Управѣ, или какомъ-либо учебномъ заведеніи, а только отзывами нѣмцевъ-мастеровъ. Всѣ печатныя машины и инструменты выписывались черезъ посредство конторы Францъ-Марка. Машины, признаваемыя негодными отъ употребленія, относились въ подвалы, откуда черезъ нѣсколько времени продавались какъ негодный хламъ (русскіе мастеровые дѣлали на этихъ машинахъ незначительныя помѣтки); черезъ нѣсколько времени отъ Францъ-Марка пріобрѣтались новыя машины, но русскіе мастеровые видѣли, что въ замѣнъ новыхъ получались перечищеныя машины съ ихъ помѣтками. Конечно Винбергъ этого не могъ знать, уличать же кто-либо нѣмцевъ не рѣшался, такъ какъ при ловкости нѣмецкой Винбергъ отнесъ бы это къ существовавшему антагонизму къ нѣмцамъ, нѣмцы сумѣли бы такого выжить. За отсутствіемъ смотрителя, находившагося постоянно въ командировкахъ, я, какъ заступавшій его мѣсто, долженъ былъ составлять акты объ экспертизѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и другихъ государственныхъ бумагъ. Все это присылалось въ Экспедицію изъ окружнаго суда, куда доставлялось со всей Россіи. Во время сожженія кредитныхъ билетовъ въ Государственномъ

Банкѣ, я присутствовалъ при осмотрѣ и прочетѣ предназначенныхъ къ сожженію кредитныхъ билетовъ въ качествѣ эксперта, вмѣстѣ съ Совѣтомъ кредитныхъ установленій. Поступающіе кредитныя билеты въ Экспедицію, если были уже подобные имъ фальшивые, обычно свидѣтельствовались единолично мною; но если это были въ первый разъ присланы, то поддѣлка ихъ свидѣтельствовалась химикомъ и мастерами-граверами; одинъ разъ изъ Государственнаго Банка былъ присланъ 25 р. кредитный билетъ, признанный кассирами Банка за фальшивый. Осмотрѣвъ этотъ билетъ и сравнивъ его съ образцами, я призналъ его за настоящій, было только одно сомнѣніе: казалось, какъ будто бумага была нѣсколько толще. При существовавшей ручной выдѣлкѣ бумаги, толщина билетовъ не всегда была одинакова. Этотъ билетъ я передалъ для экспертизы мастерамъ-граверамъ. Заключеніе ихъ было то, что билетъ признанъ дѣйствительнымъ, печатанъ съ досокъ Экспедиціи. Это заключеніе, съ возвращеніемъ билета, было отправлено въ Госуд. Банкъ. Дня черезъ два, билетъ этотъ опять, какъ сомнительный, былъ присланъ въ Экспедицію, тѣ же граверы удостовѣрили, что онъ дѣйствительный, печатанъ съ досокъ Экспедиціи. Тогда я передалъ этотъ билетъ химику дѣйств. ст. совѣтн. Дешевову, который призналъ билетъ по бумагѣ за настоящій, но все же сталъ производить надъ нимъ разные опыты. Онъ бился съ нимъ съ недѣлю времени, наконецъ, сталъ варить его въ бензинѣ, и тутъ раздвоился одинъ уголокъ билета: оказалось, бумага была склеена изъ двухъ листовъ, какимъ клеемъ, за малымъ количествомъ, опредѣлить было невозможно. Билетъ этотъ былъ признанъ фальшивымъ по бумагѣ, но печать его осталась признанной граверами за настоящую.

Клише для формъ печатанія дѣлали нѣмцы, самые настоящіе иностранные подданные, производилось это ими въ отдѣльной комнатѣ, сколько было сдѣлано этихъ клише (матрицъ), зналъ только тотъ, который ихъ дѣлалъ.

Нѣмцы очень не любили, когда чиновникъ заглядывалъ, что они дѣлали, да и нѣмцу стоило слово сказать управляющему, что чиновникъ своими посѣщеніями мѣшаетъ ему работать, чтобы этотъ чиновникъ былъ въ опалѣ. Нѣмцы въ глазахъ управляющаго были непогрѣшимы, и тѣ же нѣмцы ѣздятъ ежегодно къ себѣ домой за границу. Клише же (стереотипы и матрицы) легко могли помѣщаться по нѣсколько штукъ въ любомъ карманѣ. Каждый нѣмецъ былъ для чиновника гроза. Нѣмцамъ-мастерамъ давались лучшія квартиры, для поѣздки за границу устраивались командировки съ подъемными и суточными деньгами. Были ма-

стера нѣмцы, которые, поступая въ Экспедицію, не знали никакого мастерства и въ ней обучались, но тотчасъ по поступленіи числились мастерами съ большими содержаніями. Былъ такой химикъ, старикъ Клейнъ, отецъ того, который былъ товарищемъ управляющаго. Этого-то химика старика Клейна спросилъ Винбергъ, изъ чего добывается глицеринъ. Клейнъ отвѣтилъ, что когда коптятъ окорока, то съ нихъ стекаетъ глицеринъ. Это былъ особенно излюбленный непогрѣшимый нѣмецъ. Любовь къ нѣмцамъ была такъ велика, что, опредѣливъ одного чиновника, управляющій при опредѣленіи не разслышалъ его фамиліи, а когда узналъ его фамилію, то, удивившись, сказалъ: „я думалъ, что онъ нѣмецъ, у него такое нѣмецкое лицо". Заболѣлъ какъ-то смотритель отдѣленія, и меня назначили его замѣстителемъ на время болѣзни, смотритель былъ нѣмецъ, родственникъ товарища управляющаго, тоже нѣмца. На второй день своего управленія по разговорной трубѣ я былъ позванъ въ нижвій этажъ моимъ помощникомъ. Прійдя туда, мнѣ объяснилъ помощникъ, что по окончаніи работъ, въ предобѣденное время, у одного рабочаго при выходѣ лопнулъ ремень, стягивающій его блузу, изъ-подъ которой вывалился мѣдный штемпель для прессовки сѣтки вѣсомъ фунтовъ семь. Сѣтка эта дѣлалась для отлива бумаги кредитныхъ билетовъ, обозначавшая внутренніе знаки. Штемпель этотъ, какъ негодный, т.-е. перекрещенный напильникомъ, лежалъ на полкѣ, какъ и другіе. Счету имъ не велось, а при уничтоженіи никакого акта не составлялось. Превращеніе же его въ негодность дѣлалось по распоряженію мастера, и всегда ли это дѣлалось рабочими, вопросъ остался открытымъ, перекрещиваніе же напильникомъ могло быть исправлено не только граверомъ, а и любымъ лицомъ. Объ украденномъ же этомъ штемпелѣ мною доложено было управляющему. Сначала онъ распорядился сдѣлать дознаніе, при которомъ оказалось, что и другіе рабочіе тоже воровали такіе же штемпеля. Обо всемъ я доложилъ управляющему, предложивъ сообщить объ этомъ сыскной полиціи, которая узнала бы, много ли было украдено и куда они продавались. Ранѣе моего прихода у управляющаго побывалъ товарищъ управляющаго, съумѣвшій представить всю эту покражу какъ простое воровство негоднаго матеріала. На будущее же время мною въ предотвращеніе подобнаго воровства были заведены счетныя книги и витрины съ замками для храненія вышедшихъ изъ употребленія штемпелей, впредь до уничтоженія ихъ по актамъ комиссіей; смотритель-нѣмецъ, родственникъ товарища управляющаго, не окончивъ срока отпуска, возвратясь, уничтожилъ со-

ставленныя мною книги, а витрины приказалъ убрать прочь. Вотъ какъ опутывали вблизи стоявшіе нѣмцы довѣрчиваго нѣмцелюбившаго нѣмца Θедора Θедоровича.

Во время же Франко-Прусской войны, когда въ Пруссіи было объявлено, что подданные Германіи, перешедшіе въ другое подданство, все-таки будутъ считаться подданными Германіи, то нѣкоторые нѣмцы Экспедиціи тотчасъ перешли въ русское подданство. Со смертью Винберга, нѣмецкое владычество въ Экспедиціи продолжалось, его смѣнилъ Робертъ Эмильевичъ Ленцъ, это былъ человѣкъ сухой, безсердечный, при немъ самое ничтожное обставлялось тайной отъ всѣхъ служащихъ, онъ строго слѣдилъ за заказами на матерьялы, выписываемые больше изъ Германіи, куда и ѣздилъ ежегодно; недолго онъ побылъ управляющимъ и былъ смѣненъ; со вступленіемъ управляющимъ князя Голицына, нѣмецкое засилье съ его владычествомъ, интригами и хищеніями прикончилось.

Нѣеловъ.

Воспоминанія студента Кіевской духовной академіи.

Третій курсъ [1]).

(1823—1827).

Стефанъ Шипулинскій, воспитанникъ Черниговской семинаріи, въ монашествѣ Рафаилъ. Магистръ академіи, съ 12 декабря 1827 года баккалавръ. По болѣзни въ 1829 году оставилъ службу при академіи.

Это, по словамъ знавшихъ его, очень умный и развитой человѣкъ. По оставленіи академіи онъ былъ преподавателемъ духовной семинаріи въ Переяславѣ Полтавской губерніи въ то время, когда тамъ былъ епископомъ Наѳанаилъ (Савченко).

Передавали, что одинъ разъ преосвященный Наѳанаилъ пришелъ къ отцу Рафаилу на урокъ священнаго писанія и на немъ, слушая отвѣты учениковъ и объясненіе преподавателя, сказалъ, что Евангеліе имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ Апостолъ. Отецъ Рафаилъ, желая посмѣяться надъ владыкой Наѳанаиломъ, сказалъ:—Да, Евангеліе имѣетъ больше значенія, чѣмъ Апостолъ: оно лежитъ на престолѣ, а Апостолъ на клиросѣ; Евангеліе отдѣлывается въ золото, серебро, бархатъ, а Апостолъ переплетается въ кожу или весьма рѣдко въ шелковый переплетъ; Евангеліе читаютъ священнослужители, начиная съ архіереевъ не ниже діакона, а Апостолъ читаетъ дьячекъ или какой-нибудь шкурникъ.

Наѳанаилъ не вынесъ подобной насмѣшки, представилъ отца Рафаила къ увольненію изъ семинаріи, и онъ скончался въ званіи архимандрита въ Кіево-Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ и погребенъ въ Ѳеофаніи.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1917 г.

Живя на покоѣ въ Кіево-Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, отецъ архимандритъ Рафаилъ велъ самую скромную жизнь.

Венедиктъ Павловичъ Чеховичъ, воспитанникъ Волынской семинаріи, магистръ академіи. Съ 14 декабря 1826 года баккалавръ, а съ 23 октября 1834 года ординарный профессоръ. Съ 1837 по 1846 гг. занималъ должность преподавателя физики въ Кіевскомъ Университетѣ св. Владиміра, а потомъ опять преподавалъ ее въ духовной академіи.

Венедиктъ Павловичъ намъ, студентамъ семнадцатаго курса, преподавалъ математику и физику, послѣднюю читалъ въ отдѣльномъ кабинетѣ и показывалъ намъ опыты. Онъ былъ очень благородный и честный учитель и знатокъ своего предмета. Я по окончаніи академіи бывалъ въ его домѣ, принятъ былъ всегда радушно и находилъ въ немъ и его семьѣ самый теплый пріемъ.

Невольно припоминается одинъ случай изъ его жизни. Въ Кіевской духовной академіи въ это время издавалось Воскресное чтеніе, основанное ректоромъ Иннокентіемъ (Борисовымъ). Статьи для печатанія составляли лица, состоящія на преподавательскихъ каѳедрахъ въ академіи. Нѣкоторые неохотно писали свои статьи, особенно не желалъ ничего помѣщать на страницахъ Воскреснаго чтенія Венедиктъ Павловичъ. Когда сослуживцы стали настаивать, чтобы онъ непремѣнно написалъ статью для журнала, Венедиктъ Павловичъ написалъ „Похвала молчанію" и затѣмъ больше никогда ничего не писалъ. Зато его статья— „Похвала молчанію" стоила по своему содержанію и характеру весьма много статей о разныхъ предметахъ, составленныхъ другими.

Венедиктъ Павловичъ Чеховичъ скончался въ 1862 году.

Алексѣй Минервинъ, воспитанникъ Воронежской семинаріи. Изъ профессоровъ Кіевской семинаріи съ 30 сентября 1831 года баккалавръ академіи, съ 17 марта 1848 года экстраординарный профессоръ русской гражданской и церковной исторіи.

Алексѣй Лукиловичъ преподавалъ намъ русскую исторію и былъ секретаремъ академическаго правленія. Это былъ человѣкъ, который совсѣмъ не занимался своимъ предметомъ и преподавалъ намъ исторію Россіи, читая по Устрялову. На первой лекціи передалъ намъ, что лучше Устрялова не скажешь, и потомъ всѣ два года младшаго курса читалъ по этому пособію.

Иногда Алексѣй Лукиловичъ съ улыбкой заявлялъ намъ, что если кто будетъ хорошо отвѣчать по исторіи, то скорѣе другихъ получитъ изъ правленія академіи нужные документы.

Скончался онъ отъ холеры въ 1851 году.

Василій Борисовичъ, воспитанникъ Подольской семинаріи, по принятіи монашества Аѳанасій. Изъ инспекторовъ Кіевской семинаріи съ 26 августа 1838 года баккалавръ; съ 5 октября 1840 г. экстраординарный профессоръ академіи; съ 23 іюля 1841 года ректоръ Вологодской семинаріи; впослѣдствіи ректоръ и профессоръ Черниговской семинаріи.

Я его знаю какъ своего ректора по Черниговской семинаріи. Это человѣкъ умный, энергичный. Поступивъ послѣ ректора семинаріи архимандрита Адріана, онъ поднялъ семинарію въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Къ сожалѣнію, онъ не долго былъ на этой должности и 5 декабря 1847 года скончался отъ холеры въ г. Черниговѣ.

Иванъ Литинскій, воспитанникъ Харьковской коллегіи; былъ преподавателемъ Черниговской духовной семинаріи.

Это былъ очень дѣльный, умный преподаватель. Отношенія его къ ученикамъ семинаріи были вполнѣ отеческія; особенно онъ въ семинаріи поднялъ чтеніе книгъ, которое требовалъ обязательнымъ, чѣмъ крайне былъ недоволенъ тогдашній библіотекарь Петръ Лаврентьевичъ Червинскій.

Въ семинаріи служилъ онъ довольно долго; къ сожалѣнію, скончался уже пожилымъ человѣкомъ отъ выстрѣла, что тогда было необычайнымъ явленіемъ.

Четвертый курсъ.

(1825—1829 г.).

Давидъ Александровичъ Подгурскій, воспитанникъ Подольской семинаріи; магистръ академіи. Изъ баккалавровъ польскаго языка съ 30 сентября 1821 года баккалавръ, и съ 24 декабря 1857 г. ординарный профессоръ физико-математическихъ наукъ. Съ 13 октября 1859 года уволенъ отъ преподаванія наукъ съ оставленіемъ въ должности ординарнаго профессора по классу латинской словесности.

Давидъ Александровичъ былъ у насъ, студентовъ семнадцатаго курса, преподавателемъ математики. Это былъ человѣкъ въ высшей степени добрый и благородный. Изъ студентовъ академіи не многіе занимались этимъ предметомъ, но Давидъ Александровичъ сносилъ все это терпѣливо.

Случались не разъ весьма курьезныя вещи. Одинъ изъ моихъ товарищей, Конокотинъ, человѣкъ весьма способный и даровитый, математикой совсѣмъ не занимался. Начальство знало какъ его даровитость, такъ и то, какъ онъ относится къ математикѣ.

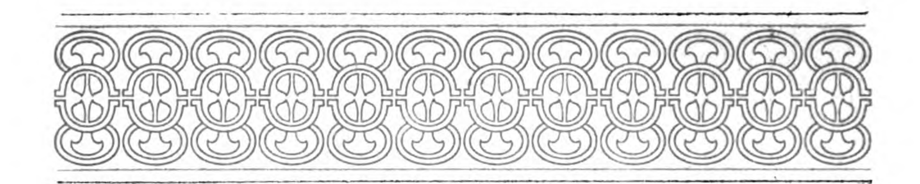
Экзаменъ по математикѣ надо было сдавать всѣмъ. По вызовѣ Конокотина, Давидъ Александровичъ предложилъ ему такой вопросъ: изъ данной точки описать круговую линію. Конокотинъ, не смущаясь, поставилъ на доскѣ точку, сдѣлалъ вокругъ нея полукругъ, не вписавъ радіуса. Экзаменаторъ и начальство, получивъ такой отвѣтъ, улыбнулись, и Конокотину поставили три.

Вообще отъ ученика требовалось знаніе одного какого-нибудь предмета, избраннаго имъ по своей охотѣ и способностямъ; по остальнымъ предметамъ можно было по нѣкоторымъ имѣть отмѣтки и неудовлетворительныя, что не препятствовало переходу изъ одного курса въ другой—лишь бы въ общемъ было не менѣе трехъ.

Въ Давидѣ Александровичѣ насъ только удивляли нѣкоторые странные пріемы при преподаваніи геометріи. Напримѣръ, когда онъ писалъ на доскѣ кругъ, то поставитъ точку для обозначенія центра круга и долго къ ней приглядывается; затѣмъ снова быстро подойдетъ и продолжаетъ чертить на доскѣ кругъ.

Сообщ. **А. М. Чижевскій.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1]).

1 сентября. Въ районѣ Силистріи на правомъ берегу Дуная идетъ бой. Румыны отбили рядъ атакъ германо-болгарскихъ войскъ и захватили при этомъ восемь легкихъ орудій.

На этомъ фронтѣ нѣмцы и ихъ приспѣшники, вѣроятно, накапливаютъ большія силы, захвативъ Туртукай, стремятся создать угрозу Букаресту.

Говорятъ, что въ виду предстоящей зимы идетъ усиленная спекулятивная скупка солдатскихъ бракованныхъ полушубковъ и недубленныхъ. Ужасающіе мародеры тыла.

Въ настоящую войну россійскіе торговцы стяжали себѣ позорную славу. Ихъ мародерство тыла превосходитъ всякіе предѣлы. По ихъ мнѣнію такого времени никогда не настанетъ. Надо пользоваться для грабежа каждымъ часомъ, минутой и секундой. Появилось особое сословіе перекупщиковъ на все, которое въ своихъ позорныхъ дѣяніяхъ не уступитъ торговцамъ. Хороши также и нѣмцелюбы, набивающіе себѣ карманы, покрывая русскимъ именемъ нѣмецкія предпріятія. Отчего, въ виду исключительнаго положенія, не создать законъ: вѣшать этихъ негодяевъ.

---

[1]) См. „Русская Старина", январь 1917 г.

Интересную и поучительную для исторіи роль въ эту войну играютъ двѣ царственныя женщины. Одна Софія, жена Константина Греческаго, въ угоду своему братцу кайзеру, принимаетъ всѣ мѣры къ полному разоренію, ущербу и позору своего новаго отечества. Другая королева румынская Марія, она исполнила все, что могла для благоденствія своей новой родины. Вотъ что говоритъ румынъ про свою королеву.

— Теперь уже нечего скрывать, что душою всего движенія въ пользу войны была наша обожаемая королева Марія. Я говорю „обожаемая" и это не преувеличеніе. Если бы вы знали, сколько она дѣлала для несчастныхъ трансильванцевъ или, какъ вы говорите, „семиградцевъ", вы бы поняли, почему румынскій народъ проникнутъ особымъ обожаніемъ къ ея особѣ. Простой народъ видитъ въ ней внучку русскаго Царя-Освободителя, съ именемъ котораго связана лучшая страница новѣйшей румынской исторіи. Наше братство по оружію было запечатлѣно пролитой кровью подъ Плевной и Гривницей и фельдмаршальскій жезлъ покойнаго короля Карла былъ не столько личной его гордостью, сколько гордостью всей румынской арміи. Оттого такое всенародное радушіе царило у насъ, когда великій князь Николай Михайловичъ привезъ намъ этотъ символъ доблести нашей арміи, оттого и приснопамятное свиданіе въ Констанцѣ носило такой величественный характеръ. Близкое родство обоихъ дворовъ, связующимъ звеномъ котораго была королева Марія, сыграло свою роль и въ новой страницѣ румынской исторіи, открывающей зарю нашего національнаго объединенія.

Мой собесѣдникъ увлекся. Онъ восхвалялъ красоту королевы, ея необыкновенную живость и подвижность, которая такъ ее роднитъ съ румынскимъ національнымъ характеромъ и которая такъ выгодно ее оттѣняла отъ спокойной и мечтательной „Карменъ-Сильва" [1]).

Прежде жаловались на министерство путей сообщенія, что оно виновно въ голодѣ съѣстныхъ припасовъ, а нынѣ министръ этого вѣдомства заявляетъ, что припасовъ привезено на станціи, только для нагрузки 50% отъ собранныхъ вагоновъ. Замѣченъ притокъ грузовъ 95% только въ Финляндіи [2]). Невольно является мысль, куда идутъ эти груза запасовъ въ Финляндію и отъ кого

[1]) „Нов. Вр." 1 сент.
[2]) „Нов. Вр." 1 сент.

Вообще Финляндію кто-то балуетъ и предполагается освобожденіе ввозимаго изъ имперіи въ Финляндію сахара отъ акциза, въ то время, когда сама Финляндія неуклонно продолжаетъ взыскивать пошлину со слѣдуемыхъ для русскихъ войскъ, защищающихъ Финляндію, грузовъ. Гдѣ эти радѣтели Финляндіи?

2—6 сентября. Наши войска въ раіонѣ р. Нараювки взяли 3.174 германца. Болгары заняли Кавалу, а гр ческія войска отправлены въ Германію. Французы заняли все плоскогорье у Комбля. Сербскія войска арміи Саррайля разбили армію Бояджіева и взяли 28 орудій.

Вотъ каковы теперь показанія германскихъ плѣнныхъ: говоря о вооруженіи и военныхъ средствахъ своей части, плѣнный коснулся и нашей арміи, ея боевой способности и, главнымъ образомъ, дѣйствія нашихъ удушливыхъ газовъ.

— Наши солдаты,—преимущественно новыхъ наборовъ, заявилъ плѣнный,—не такъ боятся вашего артиллерійскаго огня, всегда очень мѣткаго, какъ вашихъ удушливыхъ газовъ. Дѣйствіе послѣднихъ поразительно. Особенно сильны послѣдніе новые ваши составы газообразныхъ веществъ. Ваши снаряды съ газами съ самаго начала ихъ появленія являются у насъ пугаломъ. Облачко газа, появляющееся при разрывѣ перваго же снаряда, заставляетъ всѣхъ тотчасъ же надѣвать респираторы-противогазы, разводить костры и принимать другія мѣры.

Нѣсколько дней населеніе Петрограда питается какимъ-то клейстеромъ или замазкою, продаваемой подъ видомъ бѣлаго хлѣба.

Финляндія держитъ доброжелательный къ намъ нейтралитетъ. Въ военныхъ расходахъ не участвуетъ, своихъ сыновъ не посылаетъ на укомплектованіе русскихъ войскъ, шлетъ добровольцевъ въ Германію, страшно богатѣетъ, понижаетъ нашъ рубль, а молоко и масло запрещаетъ вывозить въ Россію.

Германцы на Русскій юго-западный фронтъ собрали 18 дивизій, часть перевезли изъ Франціи, часть сняли съ нашихъ фронтовъ, часть сформировали изъ прежнихъ баталіоновъ. Къ Ковелю они навезли массу войскъ и страстно желаютъ отстоять линію Ковель—Львовъ.

* * *

Въ „Русскомъ Словѣ" г. Литовцевъ такъ описываетъ знаменательный день 14 августа въ Бухарестѣ [1]).

Въ воскресенье, 14 августа, Бухарестъ проснулся очень рано. Хотя оффиціозный „Віиторулъ" наканунѣ, вечеромъ, въ спеціальномъ изданіи оповѣстилъ публику, что слухи объ исключительномъ значеніи предстоящаго короннаго совѣта являются плодомъ досужаго воображенія, никто этимъ сообщеніемъ освѣдомительнаго бюро не былъ введенъ въ заблужденіе. Подлинно-историческія событія имѣютъ особый запахъ, и никакими оффиціозными колдованіями его не уничтожишь. Публикѣ это сообщеніе понравилось. Оно было въ стилѣ Братіану—играть до послѣдней минуты.

Съ девяти часовъ утра Калеа Викторія, главная улица Бухареста, была полна народу. Многіе хотѣли увидѣть короля. Другіе надѣялись увидѣть Братіану. Быть-можетъ проѣдетъ Филипеско? Взглянуть на Таке Іонеску, отправляющагося на коронный совѣтъ.

Но король не появлялся. Онъ съ вечера переѣхалъ во дворецъ Котрочени и тамъ ночевалъ. Министры проѣхали боковыми улицами.

Появились газетчики съ экстреннымъ выпускомъ „Віиторула". Опять опроверженіе? Нѣтъ. Только сообщеніе:

— Коронный совѣтъ, предполагавшійся въ 10 часовъ утра, отложенъ до 3-хъ часовъ пополудни.

Разумѣется, ни одинъ человѣкъ не повѣрилъ сообщенію оффиціоза.

— Надо подождать, что скажутъ другія газеты.

Но никакія другія газеты не появлялись. Мелькнулъ-было вдали листъ германофильской „Дрептатеа", но сейчасъ же вмѣстѣ съ голосистымъ его глашатаемъ исчезъ въ сосѣднемъ переулкѣ, не успѣвъ ни сообщить, ни опровергнуть ничего. У входа въ редакцію „Адеверула", франкофильской газеты депутата Константина Милле, стоялъ съ ружьемъ солдатъ. Пройти

[1]) „Рус. Сл." 6 сент. 1916 г.

въ домъ можно только съ разрѣшенія Милле, что придавало посѣщенію какъ бы частный характеръ. Пошелъ въ другія редакціи,—та же картина. Было всего 11 часовъ утра; во дворцѣ еще совѣщались, а Бухарестъ фактически былъ уже во власти военнаго вѣдомства.

Толпа интеллигентовъ и простолюдиновъ, заполнявшая въ воскресенье утромъ улицы Бухареста и съ замираніемъ сердца ждавшая рѣшенія коронпаго совѣта, въ своемъ большинствѣ опредѣленно и страстно желала только одного:

— Рѣшенія.

Война или миръ (одни нѣсколько сильнѣе желали войны, другіе—мира), но этому невыносимому состоянію лихорадки и безпрерывныхъ тревогъ, этой политикѣ сквозняковъ долженъ быть положенъ конецъ.

Въ четверть второго на углу улицы Викторіи и бульвара Елизаветы показался автомобиль. Толпа, разступившись, устремилась къ нему навстрѣчу. Автомобиль замедлилъ ходъ. Толпа узнала стараго Филипеско и двухъ министровъ. Блѣдный отъ волненія, Филипеско махалъ шляпой. Всѣ поняли безъ словъ, что рѣшена война. Раздались крики:

— Да здравствуетъ Филипеско!

Автомобиль застрялъ въ густой толпѣ. Люди цѣплялись за колеса, за шоффера, и на ходу, подталкиваемые движеніемъ, бросали въ автомобиль нетерпѣливые вопросы, самимъ себѣ мѣшая разслышать отвѣтъ. Больной Филипеско отвѣчалъ больше знаками, чѣмъ словами:

— Война.

Показался еще одинъ автомобиль. Толпа устремилась къ нему:

— Осадное положеніе, мобилизація, война.

Въ секунду эти слова разнеслись по огромной толпѣ, по всѣмъ улицамъ и переулкамъ. Все тише и тише становился гулъ толпы. Въ какія-нибудь пять минутъ толпа растаяла. Всѣ разошлись по домамъ и ресторанамъ. Улицы опустѣли. Казалось, что населеніе растерялось и не находитъ въ душѣ своей непосредственнаго отвѣта на великую новость. Да, это было слишкомъ сильное впечатлѣніе, которое надо было еще переварить, переработать. Два года нейтралитета и затѣмъ:

— Въ три часа осадное положеніе.

— Въ семь часовъ мобилизація.

— Въ девять часовъ война.

Разомъ, безъ передышки.

Я слышалъ, какъ одинъ иностранецъ иронически сказалъ другому:

— Сколько энтузіазма, а?

Другой пожалъ плечами. Онъ, очевидно, понялъ, что о настроеніи толпы въ эту минуту судить еще рано, что ея задумчивая сдержанность содержательна. Онъ отвѣтилъ:

— Посмотримъ.

Войдя въ ресторанный залъ моего отеля, я увидѣлъ германскаго посла фонъ-Буше на его обычномъ мѣстѣ завтракающимъ съ нѣкоторыми членами миссіи. Тутъ же сидѣлъ болгаринъ Радевъ; они были молчаливы. Замѣтивъ меня, фонъ-Буше сталъ смотрѣть въ мою сторону и замѣтно прислушивался къ тѣмъ отвѣтамъ, которые я давалъ нѣкоторымъ лицамъ, подошедшимъ ко мнѣ спросить о рѣшеніи короннаго совѣта. Я сознательно отвѣчалъ тихо, не желая ни удовлетворить любознательность германскаго посланника, ни, тѣмъ болѣе, демонстрировать наше торжество. Было ясно, что фонъ-Буше еще не зналъ о рѣшеніи совѣта. Черезъ нѣсколько минутъ въ залъ быстро вошелъ одинъ изъ атташе германской миссіи, подошелъ къ фонъ-Буше и сообщилъ ему тихо печальную новость. Фонъ-Буше немедленно поднялся и, ни на кого не глядя, поспѣшно пошелъ къ выходу. Его лицо не выражало ничего, кромѣ желанія быть невыразительнымъ. Черезъ часъ многія лица видѣли фонъ-Буше шагающимъ взадъ и впередъ по тротуару у дома германской миссіи. Онъ рѣзко жестикулировалъ руками и былъ весь красный. Онъ негодовалъ на всѣхъ. Близкимъ лицамъ онъ въ тотъ же день заявилъ, что его обманулъ король. Правда заключается въ томъ, что его обмануло собственное воображеніе, заставившее его принять уклончивыя ссылки короля на коронный совѣтъ за благую вѣсть.

Между тѣмъ, улицы снова стали заполняться народомъ. Около четырехъ часовъ на стѣнахъ города появились красныя объявленія за подписью префекта о введеніи осаднаго положенія. Толпа ихъ читала съ равнодушіемъ. Они ничего не говорятъ воображенію. Гораздо выразительнѣе въ смыслѣ военномъ были кавалерійскіе патрули, сдерживавшіе лошадей на перекресткахъ улицъ. Кое-гдѣ возникали манифестаціи, въ которыхъ участвовали преимущественно молодые люди. Бухарестъ походилъ на большое зданіе, которое только начинаетъ загораться. То здѣсь, то тамъ вспыхиваютъ разрозненные огни, не сливаясь еще въ единое пламя. Но вотъ огненные языки, плывя по карнизу, сцѣпляются, растутъ и охватываютъ одинъ уголъ зданія и другой,— и весь домъ въ огнѣ.

Толпа на улицахъ растетъ. Уже трудно пробраться съ тротуара на тротуаръ. Уже невозможно проѣхать извозчику. Надъ толпою стоитъ плотный, густой шумъ. Шумъ ожиданія. Сейчасъ въ городской дворецъ проѣдутъ изъ дворца Котрочени король и королева. Кто видѣлъ обычные проѣзды короля по городу, при которыхъ изъ тысячи прохожихъ ему кланялись едва нѣсколько десятковъ вѣжливыхъ гражданъ, тотъ съ трудомъ вѣрилъ дѣйствительности 14-го августа. Король въ походной формѣ самъ правилъ автомобилемъ. Выѣхавъ на улицу Викторіи, онъ невольно повелъ свой автомобиль тихимъ ходомъ, лѣвой рукой держа руль, а правой все время прося дороги. Толпа сжалась и оставила для автомобиля узкій коридоръ въ два метра. Такъ среди народа, при восторженныхъ привѣтствіяхъ, объятый со всѣхъ сторонъ криками благодарности, прослѣдовалъ въ свой дворецъ король, который, по собственному его выраженію въ коронномъ совѣтѣ, „самъ себя побѣдилъ". Въ этотъ часъ онъ одержалъ побѣду и надъ чувствами своихъ подданныхъ...

Но самое главное еще было впереди. Толпѣ нуженъ былъ яркій и конкретный образъ завтрашней войны, чтобы загорѣться и вспыхнуть великимъ энтузіазмомъ.

Было ровно семь часовъ. Изъ зданія префектуры, что на улицѣ Викторіи, вышли два жандарма, предшествуемые трубачемъ. Одинъ изъ жандармовъ держалъ въ рукѣ огромный бѣлый листъ, на которомъ еще свѣжими типографскими красками были напечатаны строки приказа о мобилизаціи съ крупнымъ заголовкомъ: „Всеобщая мобилизація". Пройдя нѣсколько шаговъ, они остановились посреди улицы. Трубачъ протрубилъ нѣсколько нотъ, послѣ чего жандармъ громкимъ голосомъ прочиталъ указъ. Двинулись дальше. Но навстрѣчу имъ, вышедшимъ изъ пустыннаго угла улицы, хлынула съ внезапнымъ восторгомъ многотысячная толпа и буквально ихъ захлестнула:

— Траяска Романіа Маре! Траяска Романіа Маре!

— Да здравствуетъ Великая Румынія! Да здравствуетъ Великая Румынія!

Въ своемъ движеніи впередъ по Калеа Викторіа эта процессія втянула въ себя все живое, что встрѣчала на пути. Она устремилась, какъ лава, разлилась, какъ широкая бурная рѣка. Время-отъ-времени надъ толпою, какъ петрушки, болтались жандармы съ прокламаціей, вздымаемые на плечи манифестантовъ. Читать было невозможно: шопотъ въ бурѣ. Жандармъ только махалъ въ воздухѣ бѣлымъ листомъ, махалъ неистово, какъ пьяный, до потери сознанія. Если бы въ эту минуту на процес-

сію было возможно смотрѣть трезвымъ взглядомъ, она, навѣрное, показалась бы шествіемъ безумныхъ и бѣснующихся. Но зрителемъ въ этотъ часъ могъ быть только врагъ, а ему эта процессія должна была казаться страшной... Каждый невольно становился участникомъ процессіи и терялъ способность быть трезвымъ.

Это былъ прекрасный, незабываемый часъ. Въ такія минуты война являетъ людямъ не кровавое лицо хищнаго звѣря, а гнѣвный и священный ликъ судьи и пророка. Было прекрасно зрѣлище народа, готоваго жертвовать жизнью за то, что онъ считаетъ своей правдой.

Увольняется сенаторъ, гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, тайный совѣтникъ графъ Константинъ Паленъ—отъ придворной должности гофмейстера [1]).

---

7 сентября. На нашемъ фронтѣ ничего существеннаго не произошло. На Балканскомъ полуостровѣ значительный день въ арміи Саррайля. Союзники взяли приступомъ г. Флорину, а въ горахъ Кайначкампа сербы штурмомъ овладѣли первой линіей болгарскихъ траншей. Такимъ образомъ положеніе Монастыря послѣ этихъ побѣдъ является критическимъ. Лѣвый флангъ сербской, салоникской арміи поддерживаютъ итальянцы, наступающіе отъ Воллоны, со стороны Адріатическаго моря. За то румыны въ долинѣ р. Стрыу оттѣснены превосходными силами противника.

На персидскомъ фронтѣ наши войска заняли мостъ черезъ Фалпандъ-Чай на Казьино-Хамаданской дорогѣ и находятся въ 30 верстахъ отъ Хамадана. Здѣсь, на успѣшномъ для турокъ фронтѣ, непріятель подается назадъ.

Г. Тупинъ въ своей корреспонденціи [2]) описываетъ такимъ образомъ героическую кончину сибирскаго стрѣлка:

На носилкахъ лежитъ молодой сибирскій стрѣлокъ. Докторъ, нагибаясь, спрашиваетъ:

— Куда раненъ?

---

[1]) „Нов. Вр.“ 7 сент.

[2]) Тамъ же.

Блѣдныя губы чуть слышно шепчутъ:

— Въ животъ.

Докторъ отворачиваетъ шинель, суконную рубаху, нижняя вся въ крови. Приподымаетъ ее и долго смотритъ на рану.

Медленно подымается и, точно угадавъ безмолвный вопросъ, чуть слышно отвѣчаетъ:

— Разрывная, игра не стоитъ свѣчъ, тутъ не докторъ нуженъ, а батюшка.

Въ сосѣдней комнатѣ обрывается веселый разсказъ, на порогѣ стоитъ священникъ, съ походной дарохранительницей въ рукахъ. Проситъ уйти насъ, остается съ умирающимъ одинъ.

Сердце рвется туда къ раненому. Кончена исповѣдь, и я вхожу въ перевязочную.

Никогда не забыть мнѣ свѣтлаго, печальнаго обряда св. Причастія.

Медленно, почти беззвучно, повторялъ умирающій солдатъ за священникомъ святыя слова. Красивое лицо молодого стрѣлка поблѣднѣло, губы темнѣютъ все больше и больше, по высокому матовому лбу пробѣгаетъ предсмертная желтизна.

Оконченъ обрядъ причащенія.

Священникъ наливаетъ въ стаканъ воды и протягиваетъ умирающему. Жадно, большими глотками пьетъ онъ холодную воду, это послѣднее облегченіе.

Батюшка медленно опускается на колѣни къ изголовью смертельно раненаго.

— Ну, что, легче стало?

— Спасибо, гораздо легче.

Не знаю, солнечный ли лучъ проникъ сквозь окно въ перевязочную, но лицо раненаго солдата озаряется свѣтомъ. Ни единаго стона, ни одной жалобы, а внутри все порвано, смѣшалось, уничтожено, но нестерпимыя муки не отразились въ эти короткія минуты на его лицѣ. Боже мой, какая прекрасная смерть мученика.

Русская оффиціальная финляндская газета, въ правленіе финляндскимъ сенатомъ М. М. Боровитинова, печатаетъ статью о контрабандномъ ввозѣ въ имперію пищевыхъ продуктовъ, перечисляетъ фамиліи пользующихся русской монетой, не ведетъ военныхъ обзоровъ, не печатаетъ военныхъ корреспонденцій и даже путешествіе Государя Императора и Царской семьи и пребыванія на фронтѣ.

Просто чудеса.

Героемъ дня въ Петроградѣ является г. Крестинъ, какъ свидѣтельствуетъ „Вечернее Время“ [1]): Гласный и членъ городской комиссіи по благотворительности В. Н. Крестинъ, оштрафованный градоначальникомъ на 3.000 рублей, съ замѣной тюремнымъ заключеніемъ на 3 мѣсяца, за повышеніе платы на жильцовъ. Вѣсть объ оштрафованіи г. Крестина произвела огромную сенсацію на Выборгской сторонѣ, гдѣ у него нѣсколько большихъ домовъ и гдѣ онъ пріобрѣлъ репутацію „могущественнаго“ и немилосерднаго домовладѣльца. Кара, постигшая Крестина за мародерство, вызываетъ восторгъ. Пишутъ, словно произошло большое событіе: „Слава Богу, есть еще справедливость!“ Какой позоръ, какая чудовищная нелѣпость: гласный думы, представитель интересовъ столичнаго населенія, доводитъ себя до публичнаго ошельмованія, вызывающаго рукоплесканія и крики „мало!“ Вотъ превосходное свидѣтельство о блестящихъ достоинствахъ дѣйствующаго городового положенія, при которомъ свѣжіе люди не могутъ попадать въ гласные, и получается постоянное чередованіе изъ новыхъ и старыхъ Крестиныхъ.

Жоржъ Клемансо въ своей газетѣ „Homme Enhainé“ вслухъ и рѣзко высказываетъ лишь то, о чемъ всѣ думаютъ.

— Можно только пожимать плечами,—пишетъ Клемансо,— когда телеграфъ значительно намъ сообщаетъ, что Димитракопулосъ-де отказался отъ порученія составить кабинетъ, пригодный королю Константину. Что такое Димитракопулосъ? И что такое король Константинъ? Стать министромъ, быть королемъ — это не значитъ только сидѣть въ золоченомъ креслѣ. Тому и другому нуженъ еще народъ, которымъ управлять. При всякомъ вождѣ предполагается извѣстная группа, а не просто сборище людей, ничѣмъ не выявляющихъ своей коллективности. Этого элементарнаго условія именно недоставало тому, чѣмъ была Греція. Франко-англійская эскадра стоитъ въ Пиреѣ, а Вильгельмъ II въ Аѳинахъ, подъ псевдонимомъ Константина. Люди же, которые не годятся въ демагоги, даже по Аристофану, дѣлаютъ видъ, что играютъ въ правительство лишь для того, чтобы оправдать свое пребываніе на сценѣ. Но гдѣ же греческій народъ?

---

[1]) „Вечернее Время“ 7 сен. 1916 г.

Передаютъ, что директоръ средне-восточнаго отдѣла министерства иностранныхъ дѣлъ фонъ-Клемъ оставляетъ свой постъ, а также и посланникъ въ Тегеранѣ фонъ-Эттеръ.

Журналъ „The Graphic" приводитъ выдержки изъ недавно вышедшей въ Англіи книги „Россія въ воздухѣ" полковника Рустема Бекъ, въ которой авторъ съ восторгомъ описываетъ развитіе русской авіаціи и подвиги русскихъ авіаторовъ во время этой войны. Онъ приводитъ выдержку одного изъ приказовъ кайзера слѣдующаго содержанія: Я желаю, чтобы мои авіаторы стояли бы на такой же высотѣ проявленія своего искусства, какъ это дѣлаютъ русскіе.

Передаютъ, что на Мурманѣ нынѣшнее лѣто безчисленное количество рыбы. Къ берегамъ Мурмана подошли несмѣтныя полчища трески и другихъ тресковыхъ породъ, мелкіе же бухты и заливы сплошь забиты прекраснаго качества сельдью, которая мѣстами въ большомъ количествѣ выбрасывается волнами на берегъ. Пароходъ „Императоръ Николай II", около становища, близъ берега, въ океанѣ встрѣтилъ такія колоссальныя стаи сельди, что сельдь густо отбрасывалась носомъ парохода по обѣ стороны бортовъ. Мѣстами пароходъ, казалось, проходилъ, точно въ рыбной кашѣ. По качествамъ сельдь необычайно высокаго сорта, напоминая шотландскую сельдь. Какъ небывалое явленіе въ водахъ русскаго Сѣвера, вызвавшее общее изумленіе, нельзя не отмѣтить появленіе въ настоящее время на Мурманѣ рыбы макрели большими массами, никогда еще до сихъ поръ не зарегистрованной здѣсь.

Назначеніе Гинденбурга начальникомъ германскаго генеральнаго штаба и недавній военный совѣтъ въ германской главной квартирѣ, съ участіемъ Фердинанда и Энвера, существенно измѣнилъ характеръ веденія войны Германіей. Нейтральные источники говорятъ о томъ, что на послѣднемъ военномъ совѣтѣ, происходившемъ въ г. Майнцѣ подъ предсѣдательствомъ императора Вильгельма, произошелъ на этой почвѣ серьезный расколъ и фельдмаршалу Гинденбургу пришлось употребить всю силу своихъ доводовъ для того, чтобы убѣдить кронпринцевъ Прусскаго и Баварскаго, что даже неудача, заставляющая гер-

манцевъ отступить до самыхъ береговъ Рейна на линію сильныхъ крѣпостей, менѣе страшна, чѣмъ потеря Львова, Кракова, Перемышля, Буда-Пешта и Софіи.

Несомнѣнно, что, уступивъ часть своихъ западныхъ земель, германцы рискуютъ менѣе чѣмъ съ потерей названныхъ пунктовъ, такъ какъ это въ свою очередь будетъ равносильно утратѣ всѣхъ трехъ союзниковъ Германіи—Австро-Венгріи, Болгаріи и Турціи.

Пора подводныхъ авантюръ Тирпица, безумные штурмы Вердена и Макензеновскія фаланги перешли въ область преданій.

Въ Германіи это первый созналъ Бетманъ Гольдвегъ, который сначала повалилъ Тирпица, вооружившаго подводной войной весь свѣтъ противъ Германіи, а затѣмъ смѣстилъ Фалькенгайна, положившаго вмѣстѣ съ кронпринцемъ въ теченіе шести мѣсяцевъ полмилліона подъ Верденомъ.

Особенно странно въ этомъ, одномъ изъ послѣднихъ актовъ германскаго сопротивленія это поведеніе Фердинанда и Энвера. Въ то самое время, когда участь ихъ странъ дрожитъ на волоскѣ, они принимаютъ ревностное участіе въ борьбѣ за совершенно чуждые ихъ странамъ интересы и шлютъ свои войска на бойню ради интересовъ Германіи. Они думаютъ этимъ спасти свои страны отъ пораженія.

Конечно, германцы примутъ всѣ мѣры для отчаянной борьбы: теперь призвали 16 лѣтнихъ, призовутъ и 15 лѣтнихъ, и 14 лѣтнихъ; надо ожидать, что привлекутъ къ военной службѣ мужское населеніе Бельгіи и Польши.

Гинденбургъ всегда бывалъ на нашемъ фронтѣ и считалъ на всѣхъ военныхъ совѣтахъ нашъ фронтъ главнѣйшимъ. Съ этого онъ и началъ. Онъ перенесъ нѣмецкую главную квартиру изъ Майнца ближе къ намъ, куда-то въ Силезію. Сразу отказался отъ авантюръ подъ Верденомъ и перешелъ на французскомъ фронтѣ къ оборонѣ, хотя и активной. Идетъ уже рѣчь о сокращеніи фронта на западѣ. Наступленіе нашихъ армій юго-западнаго фронта и выступленіе Румыніи заставило его свозить отовсюду подкрѣпленія въ огражденіе Львова и Ковеля, а также и Трансильваніи. Повидимому, ему хочется опрокинуть Румынію.

При Фалькенгайнѣ не было главнокомандующихъ группами армій. Онъ съ кайзеромъ распоряжался отдѣльными арміями. Гинденбургъ и на нашемъ фронтѣ и на французскомъ учредилъ командованіе группами армій и произвелъ полную перегруппи-

ровку личнаго состава войскъ. На главные пути онъ послалъ германскія и турецкія войска, а австрійцевъ свезъ въ тѣ мѣста, которыя онъ надѣется отстоять за сверхъсильными укрѣпленіями, отчаянно запулеметенными.

Время покажетъ, насколько это ему удастся.

Германская печать начала 1915 года, времени нашего отступленія изъ Восточной Пруссіи, говорила о Гинденбургѣ и зачастую присоединяла къ его имени имена двухъ другихъ его сподвижниковъ: Гинденбургъ, Лидендорфъ (его начальникъ штаба) и Гофманъ (его генералъ-квартирмистръ).

Невольно возникаетъ вопросъ: куда же ихъ ннзначилъ Гинденбургъ? Лидендорфа онъ взялъ къ себѣ генералъ-квартирмистромъ, а Гофмана назначилъ командовать кулакомъ германскихъ армій въ Галиціи противъ насъ.

Теперь уже началось проявленіе новаго курса германской стратегіи.

Послѣ совѣта въ Майнцѣ Вильгельмъ, вмѣстѣ съ Гинденбургомъ и главнокомандующимъ на восточномъ фронтѣ Леопольдомъ Баварскимъ, отправился въ Ковель. Здѣсь былъ новый военный совѣтъ съ участіемъ Макензена. Затѣмъ кайзеръ поѣхалъ осматривать укрѣпленія Львова, а также всѣ оборонительныя сооруженія между Полѣсьемъ и западной границей Румыніи.

Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Но несомнѣнно, что въ раіонахъ Львова, Ковеля, а можетъ быть и еще въ другомъ мѣстѣ нашего фронта произойдутъ жаркіе бои.

Заграничная печать подтверждаетъ, что германцы сосредоточили въ раіонѣ Ковель—Владиміръ-Волынскій три арміи, а именно арміи генераловъ: Пухалло, Чертянскаго (раньше этой арміей командовалъ эрцгерцогъ Іосифъ-Фердинандъ) и Гофмана. Послѣдняя армія состоитъ изъ недавно прибывшихъ на восточный фронтъ германскихъ дивизій.

---

8 сентября. Въ раіонѣ жел. дор. Ковель—Ровно непріятель переходилъ въ наступленіе, нами отбитое. Въ лѣсистыхъ Карпатахъ восточнѣе горы Пантеръ мы овладѣли позиціей противника.

На солунскомъ фронтѣ сербы заняли горный кряжъ Каймакчалакъ и вступили съ побѣдой на родную землю.

На французскомъ фронтѣ за недѣлю къ сѣверу отъ Соммы продвинулись на фронтѣ въ 10 километровъ и въ глубину на 3 километра. Такой же раіонъ заняли и къ югу отъ Соммы.

Вчера нѣмцы произвели отчаянную атаку въ сомскомъ раіонѣ съ значительными силами. Французы удержали всѣ позиціи и отбили атаки съ громаднымъ урономъ для германцевъ.

Французы систематически, медленно шагъ за шагомъ отбираютъ позиціи германцевъ, осуществляя основной принципъ военнаго искусства наносить противнику возможно большія потери съ наименьшими потерями для себя.

Дивный умъ и энергія министра снабженій Франціи Тома завалила фронтъ и тылъ французской арміи такими милліонами снарядовъ, что французы могутъ обратить въ такое пахотное поле позиціи германцевъ, что отъ этихъ укрѣпленій останется только одно воспоминаніе, какъ это свидѣтельствуетъ корреспондентъ „Новаго Времени" [1]) В. Семеновъ, „*при чемъ несутъ потери около одного процента убитыми и трехъ процентовъ ранеными на все число войскъ, принимавшихъ участіе въ атакѣ*".

Такіе удары очень знаменательны. Это происходитъ потому, что необычайное обиліе снарядовъ даетъ возможность французамъ не только смести укрѣпленія нѣмцевъ, но даже уничтожать въ раіонахъ атаки почти всю артиллерію германцевъ.

Во Французской палатѣ депутатовъ товарищи г.г. Керенскаго и Скобелева Костадо и Бригонъ начали проповѣдь о мирѣ. На что Бріанъ далъ этимъ наглецамъ, поддержанный всей палатою, отповѣдь слѣдующими словами:

„Въ одинъ прекрасный день, -говоритъ министръ-президентъ,— Германія схватила ее за горло, а чтобы добраться до нея, она переступила черезъ трупъ маленькой Бельгіи, нейтралитетъ которой она сама же гарантировала. Въ теченіе уже двухъ лѣтъ Франція сдерживаетъ нападающаго насильника и постепенно оттѣсняетъ его назадъ; и въ этотъ-то моментъ вы рѣшаетесь говорить намъ о мирѣ. Какой вызовъ, какое оскорбленіе памяти нашихъ павшихъ въ борьбѣ героевъ!..

---

1) „Нов. Вр." № 14542 1916 года.

Газета „Star" сообщаетъ изъ Лондона, что новые гигантскіе бронированные автомобили англійской арміи отличаются необыкновенной величиной и быстроходностью. Эти автомобили проходятъ черезъ траншеи и черезъ воронки, вывороченныя огромными снарядами. Сотня баварскихъ солдатъ при видѣ этого чудовища сдалась командѣ автомобиля, другіе же бѣжали при его приближеніи.

Сообщаютъ, что болгары эвакуируютъ Монастырь и уже послали свои архивы въ Ускюбъ.

По свѣдѣніямъ, исходящимъ изъ высокоавторитетнаго источника, оказывается, что нашъ коварный врагъ не гнушается никакими средствами для достиженія цѣлей. Ему мало издѣвательствъ и физическихъ мученій, которыя переносятъ наши братья, имѣвшіе несчастье попасть къ нимъ въ плѣнъ. Онъ хочетъ отнять у нихъ единственное, на чемъ они могутъ успокоиться, отдохнуть, мечтать—любовь къ родинѣ, и вмѣсто этого высокаго чувства возбудить въ нихъ низкія чувства—ненависти къ родинѣ. Съ этой цѣлью германское правительство издаетъ въ Берлинѣ газету „Русскій Вѣстникъ", которая раздается даромъ военноплѣннымъ, хотя, для сокрытія истинныхъ замысловъ, на ней обозначена подписная цѣна 50—30 к. въ мѣсяцъ и за редактора подписывается какой-то Мейеръ. Такимъ образомъ, газета имѣетъ видъ частнаго изданія нѣмецко-еврейской типографской фирмы.

Въ газетѣ очень много мѣста отводится событіямъ на боевыхъ фронтахъ и оцѣнкѣ экономическаго положенія внутри Россіи, при чемъ сотрудники г-на Мейера, когда пишутъ о русскихъ войскахъ, всегда говорятъ „наши войска были вынуждены" и т. д., „наше правительство, къ сожалѣнію, не сумѣло", и т. д. и въ этомъ ихъ хитрость: они, какъ волкъ въ овечьей шкурѣ, не грубо ругаютъ Россію и все русское, а съ изворотливостью лжецовъ понемногу сѣютъ сѣмена недовѣрія ко всему русскому, вотъ почему, къ такимъ листкамъ слѣдуетъ относиться съ полнымъ недовѣріемъ. Статьи въ этой газетѣ пишутся нарочно такъ, чтобы русскіе воины, томящіеся въ плѣну, научились презирать свою великую родину, и чтобы они, вернувшись домой, сѣяли по всей русской землѣ смуту. Этотъ коварный замыселъ враговъ расчитанъ на душевную слабость нашихъ несчастныхъ братьевъ, томящихся въ жестокомъ плѣну и тоскующимъ по своимъ близкимъ, безпокоящимся за ихъ судьбу и за судьбу Россіи.

Хитрый врагъ при помощи печатнаго слова пытается капля за каплей пропитать душу своихъ несчастныхъ узниковъ ядомъ недовѣрія ко всему русскому. Германцы не разрѣшаютъ русскимъ военноплѣннымъ читать книгъ и газетъ, присылаемыхъ для нихъ изъ Россіи; расчитывая на томительную тоску ихъ по родной рѣчи, они настойчиво подсовываютъ имъ лживое произведеніе своего подлаго ума „Русскій Вѣстникъ“ [1]).

Совѣщаніями объявлены твердыя цѣны на хлѣбъ. Одни говорятъ, что онѣ велики, другіе напѣваютъ, что это крайне необходимо, ибо тогда землевладѣльцы будутъ сокращать площадь посѣвовъ. Передаютъ, что теперь уже появилась масса спекулянтовъ, которые разъѣзжаютъ въ разныхъ мѣстахъ и закупаютъ зерно за бѣшеныя цѣны.

Высокаго интереса свѣдѣнія сообщаетъ о дѣяніяхъ лойяльныхъ бывшихъ прибалтійцевъ Паула Рорбаха и Сильвіо Брэдериха по курляндскому вопросу [2]).

Еще недавно въ Германіи въ горячемъ спорѣ о судьбѣ курляндскихъ балтовъ почти торжествовало мнѣніе нѣкоторыхъ политическихъ круговъ, указывающихъ, что Германія должна отказаться отъ присоединенія „завоеванной“ Курляндіи и оставить ее въ роли „Троянскаго коня“, предназначеннаго для разложенія Россіи, что со временемъ и приведетъ германскую расу къ полной побѣдѣ надъ славянской, въ ихъ болѣе чѣмъ двухтысячелѣтней борьбѣ.

Въ настоящій же моментъ, какъ ни соблазнительнымъ казался аргументъ „Троянскаго коня“, въ Берлинѣ берутъ верхъ другія соображенія. Здѣсь многіе крупные политическіе умы уже стоятъ не только за аннексію Курляндской губерніи, но и прочихъ областей Россіи до Чудскаго озера и Пинскихъ (Ракитовыхъ) болотъ. Непроходимыя топи странныхъ болотъ и послужатъ, по ихъ мнѣнію, естественной границей между „германской культурой и азіатскимъ варварствомъ“.

Хотя разгорающійся споръ германскихъ политиковъ, взявшихся за дѣлежъ шкуры еще весьма здравствующаго русскаго медвѣдя, имѣетъ характеръ явнаго толченія воды въ ступѣ, тѣмъ

[1]) „Рус. Инв.“ № 241 1916 г.

[2]) „Нов. Вр.“ 8 сент. 1916 г.

не менѣе онъ имѣетъ для насъ весьма существенное значеніе. Насъ теперь въ особенности долженъ интересовать вопросъ, какую роль играютъ въ этомъ чисто академическомъ спорѣ и какъ къ нему относятся сами „лояльные“ прибалтійскіе нѣмцы изъ числа бывшихъ „Русскими“ и настоящіе и ихъ покровители въ фатерландѣ.

Можно начать съ *Паула Рорбаха.*

Это—постоянный сотрудникъ органа Дельбрюка, который, выясняя цѣли текущей войны, убѣждаетъ, что для Германіи было бы выгоднѣе всего отказаться отъ всякихъ аннексій на западѣ, уступками Англіи и Франціи, разъединить союзниковъ и всю тяжесть военныхъ жертвъ возложить на плечи Россіи. Другъ кайзера и идеологъ германской міровой политики, Пауль Рорбахъ, родомъ изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ. Онъ окончилъ курсъ Дерптскаго, нынѣ Юрьевскаго, университета и почитается знатокомъ Россіи. Въ одной изъ своихъ агитаціонныхъ брошюръ, изданныхъ уже во время войны, подъ заглавіемъ „Das Baltenbuch“, этотъ нѣмецъ „Троянскаго коня“, касаясь вопроса объ аннексіи русскаго запада, говоритъ между прочимъ:

„Никто изъ насъ не долженъ сомнѣваться въ томъ, что чудовищная масса русскаго колосса, съ народонаселеніемъ въ 175 милліоновъ и съ неограниченнымъ количествомъ пахотной земли, грозитъ намъ чрезвычайной опасностью, если этотъ колоссъ не будетъ ослабленъ текущей войной въ полнѣйшей мѣрѣ. Возможность ослабить Россію заключается въ томъ, чтобы не давать западной части государства органически сростись съ остальной его массой“.

Проведенная въ свое время колонизація Прибалтійскаго края до нѣкоторой степени, какъ свидѣтельствуетъ Рорбахъ, уже способствовала ослабленію Россіи. Надлежитъ, значитъ, въ томъ же направленіи дѣйствовать и впредь. Съ этой цѣлью, не теряя золотого времени, авторъ названной брошюры уже лѣтомъ 1915 г., послѣ занятія нѣмцами Курляндіи, явился туда и усердно принялся за работу проведенія сплошной нѣмецкой колонизаціи въ краѣ. Ему сразу же и весьма охотно пошло навстрѣчу курляндское нѣмецкое дворянство. На созванномъ Рорбахомъ совѣщаніи представителей курляндскихъ нѣмецкихъ помѣщиковъ послѣдніе заявили, что, въ случаѣ присоединенія Курляндіи къ германскому государству, помѣщики края согласны уступить одну треть всѣхъ своихъ 500 имѣній для разселенія нѣмецкихъ крестьянъ.

Самымъ же дѣятельнымъ и энергичнымъ поборникомъ идеи аннексіи русскаго Запада является почти вчерашній русскій „лояльнѣйшій вѣрноподданный", бывшій начальникъ Гольдингенскаго уѣзда, владѣлецъ имѣнія Курмалена, *Сильвіо фонъ-Брэдерихъ*.

Въ своей агитаціонной брошюрѣ „Daneue Ostland" онъ восторженно восклицаетъ:

„Геройскія нѣмецкія полчища теперь гонятъ Россію за Ракитовыя болота, чтобы отнять у русскихъ то, что принадлежитъ нѣмцамъ".

Онъ горячо убѣждаетъ нѣмецкій народъ:

„Литва и земли Балтійскаго побережья должны во что бы ни стало оставаться въ рукахъ Германіи.

Это послужитъ наградой самой старѣйшей нѣмецкой колоніи за ея вѣрность, съ которой она сотни лѣтъ берегла нѣмецкую культуру.

Нѣмецкій народъ долженъ завоевать востокъ и укрѣпиться тамъ.

Третья часть помѣщичьихъ имѣній и казенныя земли должны быть заселены нѣмецкими крестьянами".

По мнѣнію этого бывшаго полицейскаго чиновника, который въ свое время оказывалъ русскому правительству великую услугу, руководя знаменитыми карательными экспедиціями, „экономическіе интересы Германіи только тогда будутъ вполнѣ обезпечены, когда Россія будетъ отброшена назадъ за Чудское озеро и Пинскія болота.

Монголъ преклоняетъ свою голову только передъ силой. Уступки онъ почитаетъ за слабость".

Фонъ-Брэдерихъ указываетъ народу Германской имперіи на достойную удивленія политическую выдержанность и хитрость прибалтійскихъ нѣмцевъ:

„Маленькую свободу, которую намъ дала революція въ Россіи, мы использовали въ нѣмецкомъ культурферейнѣ, объединяя все нѣмечество и покрывая край нѣмецкими школами. И когда правительство предоставило Крестьянскому банку возможность закупать имѣнія разоренныхъ революціей помѣщиковъ, мы побили его по всей линіи и съ 1908 по 1913 гг. закупили всѣ угрожаемыя имѣнія и поселили въ нихъ до 20.000 нѣмецкихъ колонистовъ".

Дальше онъ говоритъ:

„Опять связали узлы между колонистами, которые теперь отданы великорусскимъ гуннамъ и остландамъ, гдѣ въ теченіе

семи столѣтій укрѣплялась власть германскихъ помѣщиковъ, сохранившихъ свои большія имѣнія для грядущаго нѣмецкаго національнаго развитія... Не только владѣніе собственностью, но и намѣреніе использовать таковую въ цѣляхъ національно-политическихъ составляетъ традиціонную гордость нѣмецкаго балтентума".

И преисполненный этою гордостью, фонъ-Брэдерихъ отъ лица всѣхъ „балтовъ" обращается съ призывомъ:

„Сюда, нѣмецкій народъ! Для него мы берегли съ твердой выдержанностью эту прекрасную землю, это большую колонію, которую мы теперь и отдаемъ ему"!

---

9 октября. На южномъ фронтѣ Добруджи русско-румынскія войска отразили по всему фронту всѣ непріятельскія атаки и произвели нѣсколько контръ-атакъ.

Удивительно наглый шантажъ короля Константина: Греція весьма энергичной нотой потребовала отъ Германіи немедленнаго освобожденія гарнизона Каваллы.

Старый кавказецъ приводитъ интересную характеристику Кавказскаго орла, генерала Юденича [1]).

Европейской войнѣ уже было два года. Кавказской скоро будетъ. Каждая изъ нашихъ западныхъ армій видитъ во главѣ себя уже не одного командующаго арміей. Во главѣ кавказской арміи твердо стоитъ все тотъ же генералъ Юденичъ,

Его заслуги передъ отечествомъ уже отмѣчены Государемъ Императоромъ и августѣйшимъ главнокомандующимъ кавказской арміи: генералъ Юденичъ имѣетъ 3 георгіевскихъ креста.

Я думаю, что для русскаго человѣка не только не лишне, но и нужно знать поближе, поподробнѣе, что же это за человѣкъ, который за все время кавказской войны неизмѣнно даритъ родинѣ однѣ побѣды?

Кто имѣлъ возможность близко наблюдать дѣятельность этого генерала, кто хоть немного вдумывался въ наши кавказскія операціи, тотъ никогда не скажетъ, что наши кавказскіе успѣхи только дѣло случая и счастливаго стеченія обстоятельствъ.

---

[1]) „Нов. Вр." 9 сент. 1916 г.

Это не случай, что кавказская армія, будучи пестрой по своему составу и въ общемъ далеко не въ большомъ превосходствѣ въ силахъ надъ турками, на всемъ фронтѣ въ нужномъ мѣстѣ и въ нужное время всегда оказывается въ превосходствѣ и всегда бьетъ врага. Это уже результатъ творческой работы. Это уже военный талантъ чистой воды.

Напомню вкратцѣ, что и какъ сдѣлано генераломъ Юденичемъ на фронтѣ кавказской арміи, за все время войны.

Прежде всего Сарыкамышъ.

Отлично задуманный планъ Энвера—отрѣзать главныя силы кавказской арміи, втянувшейся въ Пасинскую долину къ Кепри-Кею, не удался только потому, что Юденичъ не потерялъ присутствія духа и, будучи отрѣзаннымъ отъ тыла, сидѣлъ у Караургана и спокойно распоряжался, направляя войска.

За Сарыкамышъ генералъ Юденичъ получилъ орденъ св. Георгія 4 степени.

Въ срединѣ іюня 1915 года обозначилось наступленіе громадныхъ силъ турокъ съ мушъ-битлисскаго направленія на Алашкертскую долину и Керей.

Въ Тифлисѣ, конечно, чуть не паника. Глубокій тылъ вообще имѣетъ всегда склонность эвакуироваться слишкомъ рано.

На вокзалѣ масса публики съ чемоданами. Всѣ спѣшатъ выѣхать изъ Тифлиса.

Но генералъ Юденичъ со штабомъ переѣзжаетъ совсѣмъ близко къ фронту, чтобы слѣдить за развивающейся операціей непосредственно.

Турки прорываются у Копа, у Милязгерта и уже ворвались въ обширную Алашкертскую долину.

Они уже близко.

Но Юдиничъ спокоенъ, какъ всегда.

Онъ рано встаетъ, садится за большой столъ съ картой, утыканной флажками, читаетъ ночныя телеграммы и долго думаетъ, не спуская глазъ съ флажковъ.

Они живутъ въ его воображеніи.

Онъ создалъ планъ контръ-удара, сгруппировалъ войска, отдалъ приказанія, и напряженно ждетъ: гдѣ обозначится успѣхъ? Куда двинуть резервъ? и когда его двинуть? Онъ не торопится. Намъ, простымъ смертнымъ, кажется, что уже давно была бы пора бросить резервъ, но Юденичъ молчитъ.

За столомъ онъ пьетъ свой стаканъ чая и говоритъ о чемъ угодно, но только не объ операціи.

И вотъ онъ подсидѣлъ турокъ.

Онъ устроилъ имъ такія клещи, изъ которыхъ турки сравнительно благополучно выскользнули только благодаря случайности.

Всѣ 9 турецкихъ дивизій въ плѣнъ къ намъ не попались. Имъ ободрали хвосты и во всякомъ случаѣ наступательной операціи турокъ былъ нанесенъ непоправимый ударъ и они замолкли надолго. За эту операцію генералъ Юденичъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Наступила зима 1915 года.

На нашемъ фронтѣ прочно установилось затишье.

„Кавказскій фронтъ безъ перемѣнъ".

И мы и турки построили землянки и приготовились зимовать. Но за этимъ внѣшнимъ спокойствіемъ скрывалась энергичная работа.

Генералъ Юденичъ готовилъ туркамъ новый ударъ.

Но гдѣ?—Этого не зналъ почти никто, кромѣ тѣхъ, кому надлежало знать.

Мы, исполнители, чувствовали, что въ воздухѣ пахнетъ новой операціей, но въ какую сторону—чутье не улавливало. Генералъ Юденичъ создалъ такую обстановку, въ которой самый тонкій шпіонъ не могъ бы разобраться.

Только послѣ войны можно будетъ говорить о тѣхъ хитрыхъ стратагемахъ, которыми „запорошилъ" глаза Юденичъ всѣмъ слѣдящимъ за жизнью нашей арміи.

Тихо и совершенно ни для кого незамѣтно онъ сосредоточиваетъ въ концѣ декабря прошлаго года огромный кулакъ тамъ, гдѣ турки его не ожидали. И бьетъ турокъ въ самое уязвимое мѣсто.

Сбитая съ толку турецкая армія въ первые дни еще пыталась что-то сдѣлать, но увидѣвъ, что громадныя силы русскихъ ломятся къ Кепри-Кею съ сѣверо-востока и угрожаютъ отрѣзать главныя силы турокъ отъ ихъ базы—Эрзерума, они быстро кинулись отступать. Разгонъ этого отступленія былъ такъ великъ, что турки успокоились только тогда, когда спрятались за девебойнскія позиціи.

И вотъ совершенно неожиданно для насъ самихъ мы стоимъ передъ главной твердыней восточной Турціи.

Съ высокой снѣжной гряды на насъ смотрятъ занесенные снѣгомъ грозные форты.

— Что же дальше?—Неужели уйдемъ назадъ? Или будемъ брать Эрзерумъ?

Но не рискованно ли? Вѣдь это все же первоклассная крѣпость, а у насъ, съ нами только полевая, да горная артиллерія...

Но Юденичъ не далъ намъ долго думать и безполезно толочься на мѣстѣ. Онъ подъѣзжаетъ къ Деве-бойну, долго смотритъ на форты, на высокія зубчатыя вершины Палантекена къ югу и на дымящееся отъ непогоды высокое и недоступное Каргабазарское плато, прикрывающее деве-бойнскія укрѣпленія съ сѣвера.

И онъ рѣшилъ.

— Такъ взойдете на Каргабазаръ?..

Генералъ жмется и отвѣчаетъ:

— Что-жъ... взойдемъ. Разъ надо, то взойдемъ...

— Гм...

Генералъ Юденичъ нѣкоторое время смотритъ внизъ.

— И такъ—я рѣшилъ взять укрѣпленія Эрзерума...

И поползли русскіе полки по глубокимъ снѣгамъ и на такія высоты, которыя и лѣтомъ-то считаются непроходимыми.

Ни малая доступность, ни жестокіе холода и бури, ни упорное сопротивленіе врага не остановили стремительности нашего наступленія.

И правильно задуманный планъ удался вполнѣ.

Эрзерумъ палъ, мы продвинулись къ западу и остановились. За эту операцію ген. Юденичъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2 степени.

Но онъ не складывалъ рукъ.

Онъ уже разработалъ планъ взятія Трапезонда и вскорѣ осуществляетъ его.

Наша западная часть кавказской арміи около 4 мѣсяцевъ простояла на своихъ позиціяхъ. Къ іюню наконецъ турки раскачались. Они собрали двѣ большія ударныя группы, одну противъ Трапезонда, другую въ Діаберкирскомъ районѣ, и рѣшили сначала отнять у насъ Трапезондъ. Они уже начали приводить свой планъ въ исполненіе, какъ вдругъ кавказскія войска снова обрушиваются на турокъ тамъ, гдѣ они менѣе всего ожидали. Генералъ Юденичъ опять „подсидѣлъ" турокъ, опять незамѣтно собралъ „кулакъ" (и все это по грунтовымъ дорогамъ, на громадномъ пространствѣ!) и ударилъ почти въ тылъ туркамъ, занявшимся Трапезондомъ.

Снова суматоха у турокъ, безтолковое дерганье резервовъ, то къ Чороху, то въ долину Массатъ-да-раси, то къ Кунъ-дагу и Мамахатуню.

И наконецъ—бѣгство. Турки, сбитые со всѣхъ позицій, отступаютъ на западъ отъ Байбурта, уцѣпляясь своими арріергардами за хребты и перевалы. Мы беремъ Гюмишъ-Хану, Калкитъ, Эрзинджанъ.

Турки не въ состояніи удержать волны русскаго наступленія.

Ихъ разстроенные полки остановились къ западу отъ Эрзинджана и Гюмишъ-Ханы только потому, что остановились мы.

Но турки еще не теряютъ надежды и пытаются вырвать у насъ успѣхъ на діарбекирскомъ направленіи.

Эта операція въ то время, когда я пишу эти строки, еще въ полномъ разгарѣ, и потому естественно, о ней распространяться не буду.

Одно только пока для всѣхъ ясно, это то, что Вехибъ-пашѣ не удалось „подсидѣть" Юденича.

И то, что дѣлается сейчасъ на южномъ кавказскомъ фронтѣ, ясно говоритъ за то, что и тамъ звѣзда удачи не меркнетъ надъ головою нашего доблестнаго вождя.

Вотъ вкратцѣ то, что сдѣлано генераломъ Юденичемъ на кавказскомъ фронтѣ за истекшіе почти два года кавказской войны. Средняго роста, плотный, здоровый человѣкъ, съ длинными рыжеватыми усами, спускающимися книзу. Типъ стариннаго генерала временъ покоренія Кавказа.

Но это съ внѣшней стороны.

Подъ суровою внѣшностью кроется на рѣдкость деликатная и мягкая душа. Онъ необыкновенно отзывчивъ. И всякій, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло, кто подходилъ къ нему безъ скрытыхъ мыслей (онъ большой сердцевѣдъ и угадываетъ людей), неизмѣнно отзывается о немъ, какъ объ удивительно простомъ и доступномъ человѣкѣ.

У него совершенно нѣтъ чванства.

Ему, повидимому, въ тягость тѣ знаки особаго почета, которыми надѣляютъ его порою не въ мѣру услужливые господа.

Его ближайшіе сотрудники никогда не чувствуютъ около себя присутствія большого генерала, съ огромной властью. Онъ среди нихъ такой же, работникъ, какъ и они. Усидчивый, сосредоточенный и глубоко проникающій въ суть всякаго дѣла.

Долголѣтняя канцелярская работа не стерла красокъ съ его ума, который сохранилъ юношескую свѣжесть, блескъ и чуткую воспріимчивость.

Во всякомъ дѣлѣ онъ буквально что называется „хватаетъ быка за рога".

Какой бы ни былъ запутанный тяжелый и малопонятный докладъ, онъ быстро схватываетъ суть дѣла и такъ же быстро накладываетъ свою резолюцію крупнымъ, размашистымъ твердымъ почеркомъ. Въ отношеніяхъ съ людьми онъ, кажется, еще никому не сказалъ рѣзкаго обиднаго слова, хотя очень любитъ

подсмѣиваться и во всемъ быстро схватываетъ комическую сторону. Но его смѣхъ не задѣваетъ никого.

Самъ чуткій и даже, пожалуй, застѣнчивый, онъ щадитъ самолюбіе человѣка.

Насколько онъ деликатенъ, можно указать на одну мелочь, но характерную.

Послѣ ѣды Юденичъ любитъ выпить стаканъ-другой крѣпкаго чая.

Послѣдній стаканъ онъ долго помѣшиваетъ ложечкой, поглядывая украдкой по сторонамъ и не допивая его до тѣхъ поръ, пока не допьютъ своихъ стакановъ всѣ присутствующіе.

И никогда не встанетъ раньше, чѣмъ всѣ не кончатъ пить свой чай.

Оцѣнивая результаты дѣятельности этого человѣка и его самого, какъ человѣка, нельзя не придти къ выводу, что передъ нами настоящій русскій герой.

Онъ вышелъ изъ толпы незамѣтныхъ работниковъ и сталъ высоко надъ ними исключительно благодаря своимъ личнымъ качествамъ: большому уму, энергіи и упорству въ достиженіи поставленныхъ цѣлей.

Его сотрудники не разъ слышали такую фразу:

— Хорошо. Вы предполагаете взять эту позицію; но оправдаются ли выгоды обладанія ею тѣми жертвами, которыя будутъ неизбѣжны? Нѣтъ? Тогда лучше не надо. Тогда лучше оставайтесь на старыхъ позиціяхъ.

Это не типъ честолюбиваго полководца, цѣною страшныхъ и безумныхъ жертвъ создающаго себѣ громкое имя въ исторіи.

Нѣтъ, не одна русская мать отъ сердца поблагодаритъ нашего кавказскаго вождя за то, что онъ не послалъ на смерть ея сына для того, чтобы только воткнуть лишній листъ въ свой лавровый вѣнокъ.

Кончится война, и исторія, конечно, оцѣнитъ каждаго выдающагося дѣятеля нашего времени по заслугамъ.

Мы же, современники великой отечественной войны, ея непосредственные участники, не можемъ и не должны замалчивать, если среди насъ ярко обрисовывается дѣйствительно большой талантъ, полководецъ, удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ, чтобы быть названнымъ народнымъ героемъ.

Таковъ и есть генералъ Юденичъ.

Его имя останется яркимъ пятномъ на страницахъ исторіи кавказской войны.

А пока онъ живъ и съ нами, мы, участники кавказской войны, вѣримъ его звѣздѣ, вѣримъ его таланту и твердо убѣждены, что недалеко то время, когда врагъ нашъ будетъ сломленъ окончательно и приведенъ въ такое состояніе, когда дальнѣйшее сопротивленіе его будетъ невозможнымъ.

Юденичъ сдѣлаетъ.

Интересныя подробности сообщаютъ о дѣйствіяхъ бельгійскихъ бронированныхъ автомобилей [1]):

Недавно штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщалъ о блестящей работѣ на нашемъ юго-западномъ фронтѣ бельгійскихъ бронированныхъ автомобилей. Дѣйствительно, то, что было выполнено бельгійской бригадой бронированныхъ автомобилей, превосходитъ все, что только могла бы создать фантазія.

Бронированные автомобили прорвали фронтъ противника въ Галиціи, проникли на 150 километровъ въ глубь его расположенія, совершили по непріятельской территоріи, внося повсюду смятеніе и растройство, пробѣгъ въ 600 километровъ, снова прорвались черезъ линію войскъ противника, но значительно сѣвернѣе и присоединились къ нашимъ войскамъ, почти не понеся никакого урона въ людяхъ и не потерявъ ни одной машины.

Какъ ураганъ проносились автомобили по резервамъ противника, неся съ собой смерть и опустошеніе. Кавалерія противника при приближеніи бронированной колонны разсыпалась, пѣхота смѣталась на пути слѣдованія колонны, даже артиллерія не была въ силахъ остановить бронированнаго урагана. Австрійцы перекапывали дороги, устраивали проволочныя загражденія, но ничто не могло удержать бельгійскихъ автомобилистовъ.

Все необходимое автомобильная колонна имѣла при себѣ, но это было лишнее. Склады бензина, продовольствія, маслъ и т. д. бросались противникомъ при приближеніи колонны, и изъ нихъ можно было брать все необходимое.

Разсказъ офицера, участвовавшаго въ двухнедѣльномъ пробѣгѣ въ тылу противника, поражаетъ своей простотой и отсутствіемъ хвастливости, но видно, что пережито было за двѣ недѣли слишкомъ много.

---

[1]) „Русск. Сл." 8 сент. 1916 г.

Приводимъ картинку корреспондента о дѣйствіяхъ нашей горной артиллеріи въ Карпатахъ:

— Какимъ образомъ взобрались вы съ пушками на такую гору?—спрашиваю на батареѣ знакомаго офицера.

— На то мы горная артиллерія, а не крѣпостная!—улыбается въ отвѣтъ офицеръ.—Какъ полагается, на рукахъ втащились.

Къ втаскиванію орудій на высокія кручи съ отвѣсными скатами при помощи веревокъ, а иногда даже только скатанныхъ шинелей войска ген. Лечицкаго, оперирующія здѣсь, въ Карпатахъ, уже привыкли.

Въ Микуличинѣ я познакомился съ командиромъ конно-горной батареи, за которымъ очень прочно установилась кличка:

— Командиръ подоблачной батареи.

За исключительную способность взбираться на подоблачныя вершины.

Во время одного изъ боевъ дружнымъ натискомъ съ трехъ сторонъ наши войска вогнали значительной силы отрядъ австро-германцевъ въ узкую долину. Съ одной стороны ея тянулся холмъ, высокій, но съ доступными скатами. Поэтому противникъ отрядилъ сюда часть силъ, которыя должны были предохранить главное ядро отступающихъ отъ нашего обхода. Съ другой стороны долины вздымалась къ небу такая круча, взобраться на которую, да и то съ огромнымъ трудомъ, могли только отдѣльные люди. Поэтому на нее австро-германцы вниманія не обратили.

А, между тѣмъ, командиръ „подоблачной“ батареи вызвался занять высоту и преградить противнику путь отступленія огнемъ.

Это казалось чѣмъ-то фантастическимъ. Но, конечно, разрѣшеніе было дано.

Талантливый офицеръ выполнилъ задачу самымъ блестящимъ образомъ. Взобрался на кручу съ батареей и сталъ разстрѣливать отступавшихъ чуть ли не въ упоръ.

Какая паника началась въ рядахъ австро-германцевъ,—передать трудно. Всякая стройность отступленія, конечно, исчезла. Люди, лошади, повозки, орудія, пулеметы,—все это перемѣшалось въ одну волнующуюся, мечущуюся массу, среди которой то-и-дѣло рвались снаряды, посылаемые сверху нашей лихой батареей.

Взятые здѣсь плѣнные, не только австрійцы, но и германцы, говорили:

— Немножко больше суевѣрія, и мы могли мы подумать, что разверзлись небеса, и дождь снарядовъ обрушился на насъ оттуда!

А нѣкоторые добавляли:

— Хотя вы наши враги, но мы признаемъ, что ваша артиллерія дѣйствовала блестяще!

---

10 сентября. На правомъ берегу р. Мааса французскія войска овладѣли двумя частями непріятельскихъ траншей къ югу отъ укрѣпленія Тіомонъ.

Румынскія войска ведутъ бой въ горахъ Кабиману и Гюргюль. Одинъ изъ отрядовъ занялъ Одоргею.

Итальянскія войска къ востоку отъ Горицы приступомъ взяли новую позицію близъ Санта-Катарина.

Русско-румынскія войска въ Добруджѣ опрокинули болгаръ, которые отступаютъ.

Согласно сообщеніямъ изъ Берлина „Idea Nationale“ утверждаетъ, что на военномъ совѣтѣ, на которомъ присутствовали кайзеръ, Фердинандъ болгарскій и Энверъ-паша и собранномъ по инициативѣ Гинденбурга, былъ поднятъ вопросъ объ исполненіи плана Гинденбурга, состоящаго въ рѣшающемъ ударѣ противъ Румыніи. Необходимо было получить согласіе Болгаріи и Турціи на планъ, состоящій въ томъ, чтобы раздавить Румынію, какъ Сербію. Совѣщаніе было очень бурное. Энверъ-паша добился увѣреній, что Турція за свои жертвы получитъ значительныя компенсаціи. Планъ Гинденбурга былъ одобренъ. Согласно этому плану была собрана армія Макензена, которая въ настоящее время дѣйствуетъ въ Добруджѣ. Численность этой арміи доходитъ до 700.000 человѣкъ, и въ нее входятъ германскіе резервы и нѣсколько дивизій, взятыхъ на французскомъ фронтѣ.

Императорскимъ финляндскимъ сенатомъ отклоненъ рядъ поступившихъ ходатайствъ о разрѣшеніи вывоза сѣна въ Имперію.

Странный Сенатъ.

Наконецъ таки учреждено министерство народнаго здравія. Въ добрый часъ.

Въ Петроградѣ пребываетъ специально аккредитованный представитель Финляндіи въ лицѣ К. Тіандера. Онъ считаетъ своей прямой обязанностью обѣлять оффиціальную Финляндію во всѣхъ возводимыхъ на нее обвиненіяхъ. Онъ насаждаетъ финляндскія воззрѣнія во всѣхъ органахъ лѣвой печати. Онъ наставляетъ наше юношество въ многочисленныхъ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ [1]).

Германскій царственный клоунъ для поддержки своей, уже начинающей блекнуть, популярности, пускаетъ въ ходъ всѣ свои клоунскія штуки, то онъ ѣздитъ въ трамваѣ и беретъ у кондуктора билетъ на проѣздъ, то берется за косу, какъ простой крестьянинъ. Вотъ какова послѣдняя о томъ версія: очутившись въ Силезіи на жнитвѣ, онъ снялъ свой китель и, взявъ косу, сталъ косить вмѣстѣ съ другими жнецами. Свита его, г. фонъ-Бетманъ-Гольвегъ и другіе послѣдовали его примѣру. Доработавшись до седьмого поту, кайзеръ присѣлъ на камень и испилъ изъ грубой кружки нѣсколько глотковъ воды.

Сегодня въ „Вечернемъ Времени“ г. Мзура съ свойственной ему отчетливой обстоятельностью описываетъ „безмятежное нѣмецкое гнѣздо“: товарищество Тентелевскаго химическаго завода.

Пайщиковъ 209, изъ нихъ славянскихъ фамилій 33. Это было за полгода до войны, и къ 26 апрѣля 1916 г. въ этомъ спискѣ ничего не измѣнилось. Онъ пестритъ германскими подданными. Обширныя германскія предпріятія пайщики завода. Они получаютъ огромные дивиденды, которые теперь получаетъ этотъ заводъ.

Тентелевскій заводъ перерабатываетъ платину (добываемую только въ Россіи). Этотъ металлъ нельзя ничѣмъ замѣнить, а при такомъ составѣ пайщиковъ возможна утечка платины за границу, и заканчиваетъ свою статью вопросомъ, возможно ли оставить такое явно нѣмецкое предпріятіе безъ правительственнаго надзора?

---

[1]) „Нов. Вр.“ 10 сент. 1916 г.

11 сентября. Неопредѣленность положенія въ Греціи связываетъ по рукамъ и ногамъ армію Саррайля. Двухсмысленное поведеніе греческаго короля ставитъ въ пиковое положеніе тылъ союзной арміи. Надо съ Греціей поскорѣй прикончить во что бы то ни стало. Дипломатія уже давно изощрялась напрасно. Необходима полная диктатура генерала Саррайля.

Датскія и итальянскія газеты, на основаніи сообщеній изъ Аѳинъ, увѣряютъ, что жизнь Венизелоса въ опасности. По наущенію центральныхъ державъ, на его жизнь составленъ заговоръ. Въ продолженіе пяти дней онъ не рѣшался выйти изъ дома. Въ четвергъ, когда онъ отправился во французскую миссію, улица охранялась его вооруженными друзьями, а домъ былъ окруженъ критской гвардіей. Со своей стороны король Константинъ также опасается покушеній и остается въ своемъ замкѣ Татой, превращенномъ въ крѣпость и окруженномъ двойнымъ рядомъ траншей, охраняемыхъ пѣхотой, кавалеріей и артиллеріей.

Отъ Припяти до румынской границы мѣстами происходятъ упорные бои.

Самымъ важнымъ извѣстіемъ за послѣдніе дни является оффиціальное сообщеніе британскаго штаба объ историческомъ приказѣ генерала Фалькенгейна отъ 12-го августа, экземпляръ котораго попалъ въ руки англичанъ на Соммѣ. За нѣсколько дней до своей отставки бывшій начальникъ германскаго генеральнаго штаба въ этомъ приказѣ извѣстилъ германскую армію о необходимости строжайшей экономіи при артиллерійской стрѣльбѣ, такъ какъ производство орудій на германскихъ заводахъ отстаетъ отъ требованій фронта, гдѣ наступило опасное положеніе, въ виду необходимости замѣны громаднаго числа изношенныхъ въ бояхъ орудій.

Интересныя данныя сообщаетъ корреспондентъ „Русскаго Слова“ о новыхъ бронированныхъ англійскихъ автомобиляхъ [1]).

[1]) „Рус. Сл.“ 10 сент. 1916 г.

Въ настоящее время является возможность нѣсколько больше разсказать о тѣхъ новыхъ блиндированныхъ автомобиляхъ, которые солдаты называютъ здѣсь „лоханями“, и которымъ отнынѣ суждено стать знаменитыми. Когда я впервые увидѣлъ ихъ еще передъ сраженіемъ, то это было для меня какъ бы кошмаръ, какъ бы созданіе причудливой фантазіи въ жанрѣ Жюля-Верна. Въ глубокой и просторной котловинѣ, площадью въ нѣсколько акровъ, эти допотопныя чудища собрались, какъ стадо огромныхъ коровъ на лугу, и здѣсь продѣлывали свои эволюціи. Они были выкрашены въ цвѣтъ, подобный окраскѣ ядовитыхъ змѣй, чтобы быть менѣе замѣтными и поддѣлаться къ осеннимъ краскамъ окружающей обстановки. Они производили впечатлѣніе одушевленныхъ, но какихъ-то фантастическихъ существъ, чего-то средняго между бегемотомъ и сказочнымъ драгономъ. Мнѣ было разрѣшено проникнуть внутрь одного изъ этихъ чудищъ и осмотрѣть его внутреннее устройство. Жутко было видѣть въ сумеркахъ неуклюжія движенія этихъ чудовищъ, когда они направлялись, чтобы занять свое мѣсто среди атакующихъ колоннъ. Вы легко можете себѣ представить тотъ ужасъ, который они должны были внушить германцамъ, появившись передъ ними въ слабомъ свѣтѣ утренней зари и въ облакахъ дыма, послѣ того, какъ надъ ихъ окопами обрушился уже цѣлый ураганъ снарядовъ. Германцы, очевидно, не могли понять, что это передъ ними. Они стрѣляли по этимъ чудовищамъ, но чудовища продолжали приближаться. Германцы направляли противъ нихъ свои пулеметы, но пули скользили по бокамъ неуязвимыхъ драконовъ. И вотъ они добрались до германскихъ окоповъ, перекинулись черезъ нихъ передней парой колесъ и начали жарить изъ пулеметовъ вдоль по окопу налѣво и направо.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, когда пѣхота подоспѣвала, бой между чудовищами и защитниками траншеи былъ уже оконченъ, и „лохань“ отправлялась уже дальше, туда, гдѣ нужны были ея услуги. Особенно полезными оказались эти „лохани“ въ атакахъ противъ сильно укрѣпленныхъ пунктовъ, такъ какъ онѣ имѣли возможность приблизиться къ этимъ пунктамъ на разстояніе не мыслимое для пѣхоты безъ всякаго прикрытія. Подвигаясь лѣсомъ, эти чудовища расчищали себѣ просѣки и крушили всѣ препятствія на пути, не боясь ни ружейнаго, ни пулеметнаго огня. Разумѣется, пока это—только опытъ, но опытъ, блестяще удавшійся. Съ перваго же дня и въ одинъ часъ эти „лохани“ оказали съ чисто-военной точки зрѣнія больше услугъ и уничтожили больше непріятелей, имѣли большее вліяніе на ходъ воен-

ныхъ операцій, чѣмъ цеппелины за все время войны. Можетъ-быть, успѣхъ этихъ громадинъ не получитъ развитія соотвѣтствующаго дебюту. Несомнѣнно, что въ ихъ первомъ грозномъ эффектѣ значительную роль сыгралъ столбнякъ, напавшій на изумленнаго врага. Легко можетъ быть, что ранѣе конца этой войны или нами же, или германцами будутъ сооружены еще новыя чудовища, еще болѣе огромныя и грозныя. Возможно, что будутъ происходить столкновенія и бои между цѣлыми флотиліями подобныхъ сухопутныхъ броненосцевъ. Но, во всякомъ случаѣ, въ данный моментъ мы первые пустили въ ходъ этотъ новый факторъ военныхъ операцій. На этотъ разъ „дьявольская машина“ на нашей сторонѣ, и въ то же время, нанеся непріятелю грозный ударъ, мы ни въ чемъ не преступили подписанныхъ нами конвенцій, не допустили ничего, что было бы противно цивилизаціи.

12—13 сентября. Разсказываютъ, что болгарскія войска одѣты въ русскую форму и шинели изъ русскаго сукна съ московскимъ клеймомъ. Ихъ артиллерія французскаго изготовленія.

Газета „Journal“ отъ 23-го августа съ восторгомъ отзывается о боевыхъ качествахъ русскихъ войскъ, о храбрости русскихъ офицеровъ и летчиковъ и объ удали русской кавалеріи. Газета отмѣчаетъ, что русскіе продолжаютъ наступать на южныхъ участкахъ фронта, несмотря на то, что фельдмаршалъ Гинденбургъ сосредоточилъ въ этомъ раіонѣ огромное количество артиллеріи и послалъ противъ войскъ генерала Брусилова 18 новыхъ дивизій. Эти дивизіи составлены изъ частей, взятыхъ внутри страны и снятыхъ съ другихъ участковъ фронта, гдѣ дивизіи уменьшены нѣмцами до 3-хъ полкового состава.

Въ германской крѣпости Граудендъ происходитъ формированіе всѣхъ частей для восточнаго фронта.

По свѣдѣніямъ изъ авторитетныхъ источниковъ, на фронтѣ въ Добруджѣ наступленіе нашихъ и союзныхъ войскъ успѣшно продолжается.

Въ оцѣнкѣ событій на Балканахъ германское и болгарское сообщенія нѣсколько расходятся.

Такъ, первое говоритъ: „Въ Добруджѣ бои остановились", а второе сообщаетъ, что бои здѣсь развиваются съ крайнимъ упорствомъ, при чемъ румыно-сербско-русскія войска остановились на сильно укрѣпленной линіи къ югу отъ дороги Черноводы—Констанца.

Въ данный моментъ еще трудно сказать, попытается ли командующій непріятельскими силами въ Добруджѣ пробить брешь въ поставленной на его пути къ сѣверу преградѣ или же, удовольствовавшись достигнутымъ успѣхомъ, прекратитъ свое дальнѣйшее наступленіе.

Наступленіе нашихъ союзниковъ-румынъ въ Трансильваніи нѣсколько замедлилось, вслѣдствіе прибытія въ названный раіонъ германскихъ частей изъ Эльзаса. Пока сюда переброшена одна дивизія, которой удалось цѣною огромныхъ усилій и потерь временно потѣснить нѣкоторыя нѣсколько выдвинувшіяся впередъ румынскія части.

Изъ авторитетныхъ источниковъ сообщаютъ, что на добружскомъ фронтѣ отмѣчается небольшое продвиженіе. Наши войска имѣли успѣхъ. Взято около 2.000 плѣнныхъ.

Въ лѣсистыхъ Карпатахъ на южномъ нашемъ фронтѣ продвиженіе нашихъ войскъ продолжается.

Турецкій штабъ выработалъ новый планъ войны. Турція окончательно отказывается отъ наступательныхъ замысловъ и переходитъ къ оборонѣ. Въ Месопотаміи главной цѣлью ставится помѣшать соединенію русскихъ съ англичанами. Всѣ свободныя войска отправляются въ Европу для защиты, вмѣстѣ съ болгарами, пути отъ Вѣны въ Царьградъ.

Газета „Daily Graphic" отъ 25-го августа останавливаетъ свое вниманіе на томъ, что турки, несмотря на рядъ понесенныхъ ими въ Малой Азіи пораженій, послали свои войска въ Галицію на помощь австро-германцамъ. Казалось бы, пишетъ газета, что нѣмцамъ, въ случаѣ необходимости полученія новыхъ подкрѣпленій для галиційскаго театра военныхъ дѣйствій, слѣдовало отозвать находящіеся въ Константинополѣ германскіе полки. Однако, германское правительство сознаетъ опасность увода германскихъ войскъ изъ столицы Турціи, такъ какъ если бы нѣмецкіе полки были выведены изъ Константинополя, Турція дала бы совершенно иное направленіе своей политикѣ.

14—15 сентября.

Сюда пріѣзжаетъ Японскій принцъ Канъ-Инъ. Его усердно у насъ чествуютъ и принимаютъ съ такимъ же радушіемъ, какъ недавно принимали японскую миссію.

Должно было бы намъ принять во вниманіе, что Японія единственная союзная страна, которая за общее дѣло союза одна только не проливаетъ своей японской крови. Правильно ли это?

Приходилось прежде не разъ слышать, что противъ насъ сражаются польскіе легіонеры.

Корреспондентъ „Русскаго Слова“ [1]) и теперь подтверждаетъ, что на Стоходѣ въ бояхъ 8 сентября „среди атакующихъ было, между прочимъ, много польскихъ легіонеровъ“. Обстоятельство это петроградскому обывателю не особенно пріятно было читать, въ то время, когда съ польской стороны слышатся напѣвы о созданіи великой Польши отъ моря до моря.

Англо-французскія войска имѣли опять крупный успѣхъ: они захватили Комбль.

Желѣзныя копи около Вердена и Лонгви питаютъ желѣзомъ германскую промышленность въ составѣ 20% нѣмецкой производительности металловъ. Вотъ почему нѣмцы такъ липли къ Вердену.

Наши войска имѣютъ успѣхъ у Кирли-бабы въ лѣсистыхъ Карпатахъ и въ Персіи въ раіонѣ Хамандана.

Въ виду разбойныхъ подвиговъ летчиковъ германцевъ, румыны располагаютъ германцевъ-военноплѣнныхъ на открытыхъ мѣстахъ.

Въ Греціи развивается революціонное движеніе. Венизелосъ, опасаясь репрессіи Софіи, бѣжитъ изъ Греціи.

---

[1]) „Рус. Сл.“ 13 сент. 1916 г.

Аѳинскій корреспондентъ шведской газеты „Sven. Dag.“ телеграфируетъ, что король Константинъ по настоянію своей супруги-королевы Софіи принялъ опредѣленное рѣшеніе арестовать Венизелоса, какъ политическаго дѣятеля, ведущаго открыто политику противъ династіи и подготовляющаго будто бы государственный переворотъ. Декретъ объ арестѣ выдающагося государственнаго дѣятеля Греціи былъ уже подписанъ и врученъ для выполненія префекту Аѳинъ; но, узнавши объ этомъ въ послѣднюю минуту, премьеръ-министръ Калогеропулосъ, прибывъ ночью (арестъ долженъ былъ состояться утромъ слѣдующаго дня) въ королевскій дворецъ, сталъ настойчиво убѣждать короля Константина отказаться отъ своего рѣшенія, заявивъ, что въ противномъ случаѣ онъ немедленно проситъ объ отставкѣ кабинета и складываетъ съ себя всякую отвѣтственность за спокойствіе страны. Послѣ такого заявленія король Константинъ распорядился вытребовать по телефону во дворецъ аѳинскаго префекта, которому былъ врученъ указъ объ арестѣ Венизелоса. Прибывшій префектъ сообщилъ королю, что въ случаѣ, если Венизелосъ будетъ арестованъ, онъ, какъ начальникъ полиціи, не ручается за спокойствіе Аѳинъ.

Корреспондентъ „Новаго Времени“ [1]) приводитъ интересное описаніе изъ боевой дѣятельности нашихъ летчиковъ латышей Пульпе и Тетера.

Въ синихъ курткахъ, тонкіе, стройные, громадной толпой летчики шли за гробомъ погибшаго товарища. Рига хоронила Эдуарда Пульпе, истерзанные останки его привезли съ далекихъ полей Галиціи. Имя латыша, прогремѣвшее въ союзной намъ Франціи, пронеслось по Россіи, докатилось до Риги. Маленькій народъ потерялъ одного изъ виднѣйшихъ представителей своей интеллигенціи. Погибшій въ неравномъ бою съ германской эскадрильей, авіаторъ Пульпе окончилъ Московскій университетъ, былъ оставленъ при немъ, окончилъ высшую авіаціонную школу въ Парижѣ, считался уже до войны однимъ изъ немногихъ русскихъ теоретиковъ воздухоплаванія, внесъ много новаго въ авіаціонное дѣло. Уже подъ Верденомъ онъ сбилъ нѣсколько германскихъ аэроплановъ, былъ награжденъ орденомъ Почетнаго легіона, а послѣ трагической смерти и орденомъ св. великомученика Георгія 4-й степени.

---

[1]) „Нов. Вр.“ 15 сент. 1916 г.

Въ ясный осенній солнечный день стояли они тѣсной синей толпой у засыпанной цвѣтами свѣжей могилы своего товарища. Молодые, здоровые, сильные, съ обвѣтренными лицами, у многихъ на груди скромно бѣлѣлъ офицерскій Георгій, высшій предѣлъ мечтаній героя. Погибшій ихъ товарищъ являлся такимъ яркимъ представителемъ нашихъ авіаторовъ. Сильный тѣломъ и духомъ, исполинскаго роста, съ громадной энергіей и волей, онъ могъ вполнѣ надѣяться на себя одного. Въ себѣ, какъ въ машинѣ своей, выработалъ идеальную точность. Работалъ и отдыхалъ по заранѣе составленному расписанію, котораго придерживался неукоснительно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ до самой своей смерти. Вставалъ въ 6 ч. утра, ложился въ 11 час. вечера. Работалъ 10 час. въ сутки, остальное время посвящалось любимому спорту и отдыху.

И въ жизни и въ смерти былъ рыцаремъ, въ послѣдній разъ могъ уклониться отъ боя, но вышелъ одинъ противъ много разъ сильнѣйшаго противника и погибъ, какъ герой...

Разсказы Тетера просты и безхитростны, къ сожалѣнію, о многомъ писать неудобно. Онъ уже участвовалъ въ трехъ крупныхъ бояхъ съ германскими альбатросами и фокеромъ. Всѣ три боя прошли удачно. Тетеръ награжденъ георгіевскимъ крестомъ. Въ первый разъ шесть нашихъ аэроплановъ отправились въ тылъ къ непріятелю. Германцамъ уже сообщили, они насъ встрѣтили огнемъ своихъ зенитныхъ батарей, навстрѣчу намъ поднялся германскій воздушный флотъ.

Вотъ прямо на нашъ аппаратъ летитъ нѣмецкій альбатросъ, нѣтъ смысла принимать бой надъ позиціями противника. Мы укрываемся въ тучу. Вотъ прошла она... альбатросъ почти рядомъ... Мы уходимъ, онъ идетъ по пятамъ. Вотъ приблизился почти вплотную, полагая, что у насъ нѣтъ пулемета. Поворачиваюсь, и наблюдатель открываетъ огонь въ упоръ. Альбатросъ отскочилъ... вотъ снова съ другой стороны приближается и открываетъ огонь, мы снова отвѣчаемъ... И такъ продолжается почти до самыхъ нашихъ позицій. Альбатросъ видитъ, что дѣло не удалось, и спѣшно уходитъ...

Бой съ фокеромъ, окончившійся нашей побѣдой, произошелъ почти въ концѣ августа. Было около семи вечера. Прозрачный ясный вечеръ. Вотъ показались три аэроплана. Кажется, точно всѣ три они германскіе... Вотъ быстро подходитъ къ намъ фо-

керъ. Бой неизбѣженъ. Кто-нибудь: или мы, или фокеръ должны погибнуть... вотъ первая и послѣдняя мысль.

Фокеръ поднимается все выше и выше... вотъ онъ уже надъ нашей головой. Ясно видны черные кресты... Съ фокера летитъ сигнальная ракета... и сразу исчезла германская шрапнель, точно дождикъ прошелъ. Слышенъ ясно шумъ вражескаго мотора...

Мы рѣзко поворачиваемъ и летимъ прямо на германца. Послѣдній рѣшительный бой... На 800 метровъ нѣмецкій летчикъ открываетъ пулеметный огонь. Я качаю машину, чтобы уберечь наблюдателя-развѣдчика. Живой и горячій, онъ замеръ, какъ статуя, ждетъ момента... не отвѣчаетъ на выстрѣлы. Аэропланы летятъ все ближе и ближе навстрѣчу смерти. Ясно видны части нѣмецкаго мотора. Почему-то въ эту минуту интересна каждая мелкая деталь... Вотъ разстояніе уже въ 200 метровъ. Поручикъ К. прицѣлился... слышится одинъ за другимъ пять рѣзкихъ выстрѣловъ... Смолкъ и снова стрѣляетъ... Онъ хладнокровенъ, нѣтъ той лихорадки, что въ бою, какъ каменный... Пять или шесть выстрѣловъ, не болѣе. Напряжены всѣ чувства, и умъ и воля... Мой товарищъ на мѣстѣ, и наша работа, наши движенія, наши чувства совпали, точно одно общее тѣло... Стрѣляя, приближаемся... осталось 40 метровъ. Выстрѣлъ... случилось то, чего такъ страстно ждали, вотъ нѣмецкій аппаратъ покачнулся, накренился на бокъ, перевернулся на носъ, и камнемъ летитъ на землю.

Въ первую минуту кажется, точно это хитрый маневръ противника, выравнивая аппаратъ, готовый къ новому нападенію, но товарищъ, перегнувшійся черезъ бортъ, радостно кричитъ: „Фокеръ упалъ“, германцы поражены... Они даже не открываютъ огонь съ зенитныхъ батарей. Мы успѣваемъ туда же внизъ сбросить всѣ свои бомбы, дѣлаемъ нѣсколько круговъ и тихо летимъ къ нашимъ позиціямъ.

Внизу, навстрѣчу намъ, бѣгутъ наши товарищи, радостно пожимаютъ руки, качаютъ насъ, благодарятъ... Долго не смолкаетъ „ура“, когда мы оба, смотрѣвшіе за нѣсколько минутъ въ глаза смерти, жмемъ другъ-другу руку.

За позиціями не меньшая радость. Слышится „ура“, бой наблюдали тысячи зрителей, за насъ волновалась сѣрая безконечная волна, и теперь она радостная привѣтствуетъ нашу побѣду.

Борьба съ фокерами тяжелая, это спеціальный быстроходный типъ истребителей. Это, кажется, второй случай пораженія фокера на нашемъ фронтѣ...

---

16 сентября. Петроградскій градоначальникъ прекратилъ съ сегодняшняго дня продажу сахара въ столицѣ въ виду неприбытія грузовъ сахара.

Наши аграріи настаиваютъ на твердыхъ, выгодныхъ для нихъ, цѣнахъ на сахаръ. Стращаютъ недосѣвомъ на будущее время и необходимостью поощрять земледѣльческую страну, каковою — является Россія. Сахарозаводчики тоже за твердыя цѣны на сахаръ.

По словамъ сегодняшняго „Новаго Времени", членъ Г. Совѣта кн. Оболенскій находитъ вполнѣ естественнымъ требованіе повышенныхъ цѣнъ. Путемъ повышенія цѣнъ сахарная промышленность будетъ поощрена. Аппетиты заводчиковъ, по мнѣнію кн. Оболенскаго, это лучшій стимулъ для развитія промышленности.

Однимъ словомъ, всѣ производители захотятъ твердыхъ цѣнъ на всѣ продукты, но это вопросъ, будетъ ли легче отъ этого обывателю.

Корреспондентъ „Русскаго Слова" сообщаетъ [1]: жребій брошенъ. Послѣ долгаго періода колебаній и тщетныхъ надеждъ сговориться съ короной Венизелосъ принялъ, наконецъ, героическое рѣшеніе, соотвѣтствующее критической серьезности положенія, въ какомъ оказалось возрожденное и возвеличенное Венизелосомъ эллинское государство. Торжество революціи на Критѣ заставило Венизелоса поторопиться со своимъ рѣшеніемъ, которое въ тѣсномъ кружкѣ венизелистовъ стало извѣстнымъ со вчерашняго утра.

Всѣ приготовленія къ отъѣзду были сдѣланы при соблюденіи строгой тайны, чтобы нейтрализовать всякую возможность вмѣшательства со стороны греческаго правительства. Около трехъ часовъ пополуночи Венизелосъ вышелъ изъ своего скромнаго домика на улицѣ Ликабетъ и занялъ мѣсто въ автомобилѣ, который доставилъ его въ Фалеръ, гдѣ къ нему присоединились прибывшіе туда кучками по два, по три человѣка, около семидесяти офицеровъ, въ томъ числѣ двадцать высшихъ штабъ-офицеровъ, принадлежащихъ къ различнымъ частямъ аѳинскаго гарнизона. Вмѣстѣ съ Венизелосомъ выѣхали также и прочіе

---

[1]) „Русск. Сл." 15 сент. 1916 г.

главари либеральной партіи, какъ-то: бывшій морской министръ Міаулисъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Репулисъ, правитель Македоніи Софулисъ и другіе.

Ровно въ половинѣ пятаго утра Венизелосъ во главѣ своихъ друзей и приверженцевъ былъ на борту парохода „Эсперія", который тотчасъ же вышелъ въ море, направляясь къ Криту.

Вмѣстѣ съ Венизелосомъ отплылъ также начальникъ морскихъ силъ въ Греціи адмиралъ Кундуріотисъ, за нѣсколько часовъ до отъѣзда отправившій во дворецъ съ адъютантомъ свое прошеніе объ отставкѣ. Отъѣздъ этого доблестнаго моряка, популярнаго въ странѣ и обожаемаго флотомъ, былъ для короля и правительства ударомъ грома среди яснаго неба.

Утромъ, едва лишь извѣстіе объ отъѣздѣ Венизелоса дошло до королевскаго замка Татой, король прискакалъ въ Аѳины, гдѣ болѣе трехъ часовъ совѣщался съ министромъ-президентомъ Калогеропулосомъ, морскимъ министромъ Даміаносомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ Каранапосомъ. На этомъ совѣщаніи рѣшено было принять цѣлый рядъ срочныхъ мѣръ противъ распространенія революціоннаго броженія во флотѣ и въ гарнизонахъ столицы и провинціи. Равнымъ образомъ Карапаносу даны были инструкціи о томъ, какъ объяснить развитіе національнаго движенія правительствамъ державъ согласія, въ томъ смыслѣ, чтобы взвалить на Венизелоса всю отвѣтственность за разрывъ между династіей и народомъ.

Венизелистская печать и общественное мнѣніе, поскольку рѣчь идетъ о подавляющемъ большинствѣ, съ живѣйшимъ энтузіазмомъ привѣтствуютъ рѣшеніе Венизелоса стать во главѣ временнаго правительства, чтобы согласовать разрозненныя усилія греческихъ патріотовъ и организовать мощное народное движеніе, цѣль котораго—изгнать болгаръ съ греческой территоріи и и спасти родину отъ грозящей ей катастрофы.

Комбль, который взяли наши союзники, былъ превращенъ германцами въ грозную полевую крѣпость. Онъ находился при соединеніи французской и англійской армій. Взята масса военной добычи. Недавно, вѣроятно подъ вліяніемъ этихъ боевыхъ событій, состоялся въ Парижѣ верховный совѣтъ наступательной обороны съ участіемъ Пуанкарэ, Жоффра, Кастельно и Бріана.

Газета „Daily Graphic", отмѣчая проявленную русскими войсками во время наступленія на юго-западномъ фронтѣ величайшую доблесть, пишетъ, что достигнутые русскими войсками успѣхи объясняются не только искусной тактикой и стратегіей высшаго командованія, но и личной храбростью офицеровъ и солдатъ, а также умѣлыми дѣйствіями отдѣльныхъ войсковыхъ частей.

Пораженіе германцевъ на ковельскомъ направленіи помимо его громаднаго стратегическаго значенія заслуживаетъ особаго вниманія, благодаря тому, что находившаяся въ этомъ раіонѣ армія генерала Линцингена состоитъ почти исключительно изъ нѣмцевъ, а самъ Линцингенъ является однимъ изъ лучшихъ германскихъ генераловъ.

Изъ авторитетнаго источника сообщаютъ, что убыль орудій въ германской арміи въ послѣдніе мѣсяцы значительно превысила производство новыхъ; то же имѣетъ мѣсто и въ отношеніи снарядовъ, запасы которыхъ рѣзко уменьшились. Вслѣдствіе этого, по германской арміи отдано распоряженіе, которымъ каждому, каковы бы ни были его чинъ и положеніе, вмѣняется въ обязанность стремиться всѣми мѣрами къ устраненію этого серьезнаго положенія и прилагать всевозможныя усилія къ сохраненію матеріальной части артиллеріи, такъ какъ иначе предвидятся затрудненія въ пополненіи потерь, а формированіе новыхъ частей станетъ невозможнымъ.

Иностранныя газеты высказываютъ предположеніе, что, въ связи съ новымъ назначеніемъ фельдмаршала Гинденбурга, германцы предпримутъ рѣшительныя боевыя дѣйствія на русскомъ фронтѣ и что съ этой цѣлью нѣмецкія войска отступятъ во Фландріи, въ Артуа, въ Шампани и въ Лотарингіи, такъ какъ это дастъ имъ возможность увеличить численность своихъ войскъ, оперирующихъ на русскомъ фронтѣ, еще на 750.000 человѣкъ. Основаніемъ для этихъ предположеній служитъ то, что Гинденбургъ всегда находилъ необходимымъ сосредоточеніе главныхъ усилій германцевъ противъ Россіи и, когда Гинденбургъ былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ австро-германскихъ войскъ на восточномъ фронтѣ, то онъ немедленно потребовалъ значительныхъ подкрѣпленій и настаивалъ на прекращеніи операцій подъ Верденомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ иностранныя газеты указываютъ, что Гинденбургу будетъ очень трудно одержать рѣшительный успѣхъ на восточномъ фронтѣ, такъ какъ, распредѣливъ свои силы по всему фронту, онъ не будетъ располагать подавляющей

по численности арміей ни въ одномъ изъ его пунктовъ, если же онъ перейдетъ въ наступленіе въ одномъ раіонѣ, то русскіе начнутъ наступать въ другомъ раіонѣ. Помимо этого, отступленіе нѣмцевъ на западномъ фронтѣ немедленно же вызоветъ энергичное наступленіе англо-французскихъ войскъ.

---

17 сентября. По желѣзн. дор. Броды и Красне и раіона Пржегзанъ наши продвигаются, взято 191 оф. и 4.196 ниж. чин.

Сильное вздорожаніе рабочихъ рукъ въ Петроградѣ. Младшіе дворники считаютъ унизительнымъ брать менѣе 50 рублей въ мѣсяцъ, а поденные простые рабочіе получаютъ отъ 7 руб. до 4 руб. 25 коп.

Странное явленіе наблюдается съ завѣдомо найденными сокрытыми мародерами товарами. Ихъ конфискуютъ или продаютъ, и продаютъ ихъ по рыночнымъ цѣнамъ. Думается, что справедливо было бы ихъ продавать по цѣнамъ мирнаго времени, а за сокрытіе мародера штрафовать на половину стоимости товара.

По свѣдѣніямъ изъ Парижа, греческій король Константинъ предпочитаетъ отречься отъ трона, нежели объявить войну центральнымъ державамъ.

Масла сливочнаго масса въ Сибири. Вывоза нѣтъ, изъ него приготовляютъ мыло.

„Новое Время“ [1]), сообщаетъ, что въ концѣ августа митрополитъ Питиримъ въ качествѣ первоприсутствующаго члена Св. Синода подписалъ опредѣленіе о назначеніи іеромонаха Мардарія преподавателемъ въ единственную въ Россіи, сельскую Ардонскую

---

[1]) „Нов. Вр.“ № 14559.

духовную семинарію. Вчера іеромонахъ Мардарій получилъ предписаніе немедленно выѣхать въ Ардонъ. О. Мардарій отъ поѣздки въ отдаленный Ардонъ отказывается.

Разсказываютъ, что этотъ іеромонахъ Мардарій инокъ замѣчательной красоты.

Миновалъ уже мѣсяцъ, какъ Румынія воюетъ, при чемъ на Дунаѣ: все теченіе Дуная отъ Оршова до устья захвачено въ ея руки. Нѣмцамъ остается только желѣзнодорожный путь черезъ Сербію.

Г. Пиленко въ „Новомъ Времени" [1]) приводитъ крайне интересныя свѣдѣнія о посѣщеніи имъ Черноморскаго флота.

Засвистѣли дудки, оркестръ заигралъ, караулъ звякнулъ ружьями; точно летя по поверхности волнъ, синій адмиральскій „Буревѣстникъ", дивный быстроходный гасег съ Андреевскимъ флагомъ на кормѣ и флагомъ командующаго флотомъ на носу, сдѣлавъ изящный изгибъ, остановился у броненосца. На трапѣ показалась фигура А. В. Колчака, нервная, сухая, слегка согнутая впередъ. Въ газетахъ уже появилось много статей о „стальномъ адмиралѣ" и—я доподлинно это знаю—А. В. Колчакъ искренно негодовалъ на „вздорныя разсказни" (онъ при мнѣ стучалъ по газетѣ и грозилъ „написать въ штабъ, чтобы этого больше не разрѣшали"); поневолѣ, ограничились самымъ малымъ. Къ тому же трудно передать словомъ то впечатлѣніе сосредоточенной мощи и спокойнаго упорства, которыми неотразимо вѣетъ отъ облика новаго командующаго. Онъ выглядитъ старше своихъ лѣтъ, вѣроятно вслѣдствіе двухъ глубокихъ морщинъ, обрамляющихъ углы рта. Лицо рѣзко оттѣняется синевой коротко выстриженныхъ усовъ и бороды; глаза смотрятъ куда-то вдаль, точно прикованные къ отдаленной, но неизмѣнной цѣли; характерный крупный носъ создаетъ нѣсколько хищное выраженіе, напоминающее копчика. Какъ я ни боюсь упрековъ въ трафаретности, но не могу не сказать, что стремительная повадка адмирала и, въ особенности, сразу врѣзывающійся въ память профиль невольно и неудержимо напоминаютъ мнѣ Суворова: тотъ тоже былъ весь изъ нервовъ, изъ нервовъ, захваченныхъ желѣзной рукой хладнокровія и отваги; у того, мнѣ представляется, тоже было такое выраженіе,

---

[1]) „Нов. Вр." 17 сент. 1916 г.

что, молъ, это все пустяки, а я, вотъ, знаю суть дѣла. Какъ это соединяется съ несомнѣнною скромностью, почти застѣнчивостью,— я объяснить не умѣю.

— Я вамъ говорю, это—настоящій человѣкъ, какого намъ нужно,—съ убѣжденіемъ объяснилъ мнѣ знакомый мичманъ, недавно пріѣхавшій изъ морского корпуса.—Вотъ, вы послушайте. Привезли насъ всей компаніей изъ Питера; выстроили на ютѣ адмиральскаго судна. Выходитъ. Слегка прищуривается, немного присѣдаетъ на каждомъ шагу. Всталъ посерединѣ. Ну, думаю, сейчасъ будетъ рѣчь говорить. Намъ, вѣдь, всѣ говорили рѣчь . . . . И знаете, всѣ—одно и то же. Какой, молъ, теперь моментъ и какая, молъ, на насъ, мичманахъ, лежитъ отвѣтственность . . . . А этотъ... Знаете,—приложился къ козырьку: „всего хорошаго, господа". Повернулся и пошелъ. Ей Богу, молодчина.

— И больше ничего?

— Я же вамъ говорю... А еще слушайте. Наскочилъ на него мой товарищъ на улицѣ. Честь отдалъ, а во фронтъ не сталъ. Растерялся. Понимаете,—подходитъ къ нему, дѣлаетъ подъ козырекъ и говоритъ: „Я—командующій флотомъ". Щелкаетъ каблуками—и дальше. А? Каково? Нѣтъ, вы по-ни-ма-ете? *Представился.* Вотъ это такъ адмиралъ. Товарищъ до сихъ поръ опомниться не можетъ... Понимаете: у командующаго вѣдь есть товарищи по выпуску, которые старшіе лейтенанты! Ай-ай-яй... Молодчага!..

Истинная задача Черноморскаго флота заключалась въ томъ, чтобы блокировать угольный районъ и остановить работу турецкаго флота. Это была стратегія, въ противоположность ловлѣ „Гебена", случаю. Свою стратегическую задачу Черноморскій флотъ исполнилъ цѣликомъ, безукоризненно.

Сейчасъ турецкаго торговаго флота больше не существуетъ. Князь В. В. Трубецкой,—за эту войну выдвинувшійся съ мѣста командира маленькаго миноносца до поста начальника минной бригады и заработавшій всѣ знаки отличія до Георгія включительно,—говорилъ мнѣ: „паровыхъ судовъ я лично утопилъ пятьдесятъ; а парусныхъ—и счетъ потерялъ". Только мачты затонувшихъ судовъ, торчащія вдоль всего анатолійскаго побережья (такъ называемое „кладбище Трубецкого"), свидѣтельствуютъ о томъ, что прежде отъ Босфора до Ризе шла оживленная морская торговля на сотняхъ, тысячахъ разнотипныхъ судовъ. Те-

перь „больше и ловить нечего". На Черномъ морѣ турецкаго флага нѣтъ. Россія фактически владѣетъ всей Понтидой.

Не нужно думать, что уничтоженіе турецкаго торговаго флота далось намъ легко. Условія борьбы были очень, очень тяжелыя.

Одинъ примѣръ. Въ газетахъ какъ-то мало обратили вниманія на бой, имѣвшій мѣсто въ августѣ прошлаго года, когда кн. Трубецкой потопилъ четыре большихъ траспорта съ углемъ. А между тѣмъ, эта операція можетъ быть охарактеризована, какъ классическая, по обдуманности плана и лихости выполненія.

Туркамъ, видимо, нужно было до зарѣза получить уголь изъ Зунгулдака. Они рѣшились на героическое средство: собрали лучшіе изъ оставшихся большихъ транспортовъ и послали ихъ грузиться углемъ подъ прикрытіемъ цѣлой эскадры изъ крейсера „Гамидіе" и двухъ миноносцевъ типа „Милетъ". Командующій флотомъ приказалъ князю Трубецкому съ двумя миноносцами . . . . выйти въ море и „не допустить транспортовъ въ Босфоръ".

Легко сказать! Турки располагали двумя орудіями по 6 дм. и восемью по $4^1/_2$ дм. Съ нашей стороны было только шесть орудій болѣе мелкаго калибра. Но это еще не все. „Гамидіе" имѣетъ солидныя оборонительныя приспособленія: броневую палубу, броневую боевую рубку, систему щитовъ у орудій. У нашихъ:—вы видали когда-нибудь миноносецъ, у котораго все наверху, все на виду, все подъ открытымъ небомъ? У котораго прикрытіемъ служатъ . . . . мины, буквально нагроможденныя вдоль всей палубы. Одинъ случайный осколокъ можетъ сразу погубить такого кровнаго скакуна: кромѣ скорости и поворотливости—у него ничего нѣтъ. Наконецъ, не надо забывать и про географію: „Гамидіе" дѣйствовалъ рядомъ со своей базой, въ двухъ часахъ хода отъ уже спѣшившаго къ нему на помощь „Гебена". У кн. Трубецкого въ случаѣ аваріи или поврежденія спасенія быть не могло.

При такихъ условіяхъ начался этотъ памятный бой. И что же? Въ 6 час. 40 мин. утра начальникъ дивизіона послалъ радіограмму о томъ, что онъ „началъ бой"; „Гамидіе", миноносцы и транспорты въ это время уже шли къ Босфору. Однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ на крейсерѣ было сбито носовое оруліе. „Гамидіе" сталъ маневрировать, стремясь прижать наши миноносцы къ берегу. Но кн. Трубецкой сразу угадалъ это его намѣреніе и повернулъ миноносцы, ухитрившись даже не поте-

рять дистанціи. Турки заметались; черезъ часъ транспорты были отрѣзаны и пошли въ обратномъ направленіи, но встрѣтили заблаговременно выставленную подводную лодку: въ паникѣ бросились къ берегу и приткнулись на камни. Въ десятомъ часу утра кн. Трубецкой, отогнавъ перепуганную турецкую „эскадру“ на достаточное разстояніе, вернулся къ транспортамъ и спокойно потопилъ ихъ. Менѣе чѣмъ черезъ часъ на мѣстѣ происшествія уже оказался „Гебенъ“. Но дѣлать ему было нечего; отъ транспортовъ оставались обломки, а миноносцы спокойно шли на сѣверъ.

— Докторъ, докторъ!—вдругъ воскликнулъ одинъ изъ офицеровъ: разскажите, какъ вы принимали друга Вильгельма.

— Очень просто...

Докторъ потянулъ къ себѣ забитую окурками пепельницу.

— Прислали на крейсеръ нѣмца изъ Константинополя. Важный какой-то, штабный. Говорили: „Личный другъ Вильгельма“. Изъ штаба приказъ: „Принять съ почетомъ, но существеннаго ничего не показывать“. Командиръ призвалъ меня и приказалъ вести по крейсеру этого нѣмца. Хорошо. Пошли. У миннаго аппарата спрашиваетъ онъ у меня какую-то подробность. „Pardon, ce n'est pas ma spécialité“. „Въ батарейной палубѣ—та же исторія. Въ машинахъ: „Pardon, ce n'est pas ma spécialité“. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ, воззрился и говоритъ: „Mon cher, quelle est votre spécialitè?“—„Docteur en médicine“.—„En médicine!!“, Извелся до идола...

— Ха-ха!

— А какъ у васъ въ Ревелѣ Вильгельмъ пріѣзжалъ?

— Ну, это же старая исторія.

— Да нѣтъ, вотъ молодежь не знаетъ; пусть учится.

Докторъ сказалъ:

— Вы не знаете, А. А.?

— Нѣтъ.

— Пріѣхалъ Вильгельмъ. Стоитъ почетный караулъ отъ его полка. Полковникъ Шмидъ, капитанъ Штидъ, поручикъ фонъ-деръ-что-то. Вильгельмъ полковнику по-нѣмецки: вуръ-херъ-деръ-абъ! Тотъ стоитъ, видимо ни бельмеса не понимаетъ. Какъ гаркнетъ: „Такъ точно, Ваше Императорское Величество!“ Второй — то же. Третій—то же. Вильгельмъ позеленѣлъ. До того растерялся, что прошелъ еще шагъ впередъ и суетъ руку,—здороваться!—придворному лакею, какъ-то тутъ затесавшемуся. Лакуза и ротъ раскрылъ.

— Стой, докторъ. Подожди. Мичмана! Что бы вы сдѣлали на мѣстѣ лакея?

— Мы не лакеи.

— Безъ отговорокъ! Лакей нащелся, я вамъ скажу, *удивительно.* Я часто спрашивалъ. Кто говоритъ: поцѣловать надо было руку. Хамство. Не подать руки—грубо. Сказать, что я, молъ, лакей: глупо. Докторъ, какъ онъ сдѣлалъ?

— Онъ вдругъ повернулся по направленію вильгельмовой руки, поднялъ съ палубы воображаемую соринку и демонстративно бросилъ ее за бортъ.

— Геніально!

— Ха-ха-ха!

Вотъ сценка изъ ночного осмотра корабля:

...Спускаемся внизъ по узкой трубѣ со вдѣланными въ стѣну липкими, стальными скобами буквой покой. Больше никакой лѣстницы туда нѣтъ; все остальное задраено. Лѣзущаго бьетъ по спинѣ двойная веревка съ узлами, опущенная на всю восьмисаженную глубину: въ крайнемъ случаѣ, если все остальное будетъ перебито, по этой веревкѣ станутъ подымать послѣдніе мелкіе снаряды. Внизу матросы и офицеръ, совсѣмъ юный мичманъ, съ загорѣлымъ, какъ яблоко безусымъ лицомъ. Въ стѣнѣ сдѣланы сотни круглыхъ трубъ изъ легкаго желѣза: въ каждой—лежитъ длинный мѣшокъ съ тѣми коричневыми палками, которыя называются бездымнымъ порохомъ.

— Ну, это мѣсто для мичмана, во время боя, безопасное,— говорю въ полголоса своему спутнику.

— Не скажите. Въ Черномъ морѣ только одинъ мичманъ имѣетъ Георгія; заработалъ именно въ такомъ подбашенномъ отдѣленіи.

— Что же онъ сдѣлалъ?

— Пожаръ вспыхнулъ: потушилъ. И только. Зарядъ воспламенился; и краска загорѣлась: спокойствіе надо было сохранить.. Заставить матросовъ дѣлать то, что нужно... Да и вообще: мѣсто довольно безопасное... Но выйти изъ него, если корабль станетъ тонуть, нельзя... Корабль можетъ быть уже подъ водой—а они даже знать не будутъ! Электричество погаснетъ, элеваторъ остановится... А они будутъ работать надъ ручной подачей орудію, уже покрытому водой... пока не задохнутся.

---

18 сентября. Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ товарищъ предсѣдателя Государственной Думы, дѣйствительный статскій совѣтникъ Протопоповъ.

Странное дѣло: въ земледѣльческой странѣ Россіи со времени начала войны нѣтъ вывоза хлѣба за границу, а между тѣмъ въ столицѣ имперіи сегодня у нѣкоторыхъ булочныхъ стояли хвосты.

Американскій посолъ въ Берлинѣ Джерардъ уѣхалъ въ Америку. Вѣроятно, это обозначаетъ какія-либо новыя авантюры кайзера.

Венизелосъ прибылъ въ Солунь съ четырьмя тысячами регулярныхъ критскихъ войскъ и 10.000 добровольцевъ.

Въ „Новомъ Времени" помѣщена интересная статья В. П—ва памяти атамана Пунина, которую по ея выдающемуся интересу приводимъ дословно.

Когда кончится война, Россія узнаетъ еще много новыхъ скрытыхъ подвиговъ своихъ сыновъ-воиновъ и увидитъ, какой великій духъ живетъ въ русскомъ народѣ и какъ несокрушима въ немъ нравственная сила.

Разскажу, что знаю, о похороненномъ на дняхъ въ Павловскѣ поручикѣ Леонидѣ Николаевичѣ Пунинѣ. Не простой это былъ поручикъ, а очень извѣстный врагамъ нашимъ атаманъ нового отряда, о которомъ въ тылу мало кто у насъ знаетъ. Въ Германіи, однако, о немъ писали много нѣмецкія газеты, а германскій штабъ оцѣнивалъ головы всѣхъ чиновъ отряда. Молодой 24-лѣтній атаманъ отряда Пунинъ имѣлъ уже золотое георгіевское оружіе и офицерскій георгіевскій крестъ, владимірскій крестъ съ мечами и бантомъ и другіе ордена съ мечами.

Когда недѣлю тому назадъ въ Павловскѣ хоронили убитаго Пунина, то въ народѣ многіе обратили вниманіе на особую торжественность похоронъ и недоумѣвали на счетъ массы вѣнковъ,

изъ которыхъ часть георгіевскихъ была спеціально отъ военныхъ: отъ пѣхотныхъ полковъ, отъ уланъ, отъ гусаръ, отъ драгунъ, отъ конной артиллеріи, отъ саперъ, наконецъ, отъ Краснаго Креста. Какую связь имѣлъ герой-поручикъ со всѣми этими частями? Не служилъ же онъ во всѣхъ ихъ разомъ.

Поручикъ Пунинъ, уроженецъ Павловска, учился въ гимназіи, въ кадетскомъ корпусѣ, потомъ въ Павловскомъ военномъ училищѣ, гдѣ преподаватели и товарищи обратили особое вниманіе на его военныя способности и предсказывали ему блестящую дорогу. Не совсѣмъ это сбылось. Произведеннаго въ офицеры въ 1912 году въ 8 Финляндскій стрѣлковый полкъ, молодого подпоручика захватила великая война.

Тутъ молодому офицеру пришла въ голову идея, которая приходила и другимъ: хорошо воскресить времена партизанско-отечественной войны Дениса Давыдова и только бы примѣниться къ нынѣшнимъ условіямъ войны. Энергичному офицеру Пунину удалось осуществить свой планъ, онъ встрѣтилъ поддержку у главнокомандующаго и одобреніе военнаго министра. Молодой офицеръ былъ принятъ министромъ и ему, заурядному офицеру, удалось достичь и осуществленія своей идеи—и вотъ уже самъ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго учредилъ новую часть—„Партизанскій конный отрядъ особой важности", и молодой офицеръ Пунинъ сталъ атаманомъ этого отряда. Въ отрядъ вступили нижніе чины кавалеріи, казаковъ, артилеріи и инженерныхъ войскъ, все бывалые, боевые люди и почти всѣ георгіевскіе кавалеры. Сколько умѣнья и способности нужно было для сформированія этого отряда. Почти болѣзненно-нервный, умный и полный энергіи молодой офицеръ съ доблестью сталъ атаманомъ, и казалось всѣмъ, что онъ только и родился для этого. Въ составъ отряда вошли 14 молодыхъ, пылкихъ офицеровъ, среди нихъ есть и съ георгіевскими крестами. И они, и нижніе чины, всѣ сплотились въ одно военное, братское товарищество, всѣ прониклись одной мыслью побѣды, однимъ чувствомъ мѣшать врагу, предупреждать его нападенія, служить глазами нашей арміи, быть славой нашей родины. Они дали обѣщаніе другъ другу не сдаваться живыми, выручать другъ друга. Быстроту, натискъ, неуязвимость отряда вскорѣ почувствовали на себѣ враги, скоро они узнали не только о его существованіи, но и испытали силу этого отряда. И въ нѣмецкихъ приказахъ по арміи, и въ нѣмецкихъ газетахъ появились описанія и имена всѣхъ офицеровъ и воззванія истреблять ихъ. Слава отряда росла. Длиненъ рядъ столкновеній и подвиговъ отряда, ихъ не перечислить, но до

десятка изъ нихъ особенно сослужили службу нашимъ арміямъ. Первое такое дѣло было, когда 9 казаковъ-партизановъ налетѣли на 100 слишкомъ человѣкъ вражеской пѣхоты при двухъ офицерахъ, пробиравшейся къ намъ, и уничтожили ее всю, обративъ въ бѣгство. Партизанскій отрядъ ловилъ неутомимо развѣдочные отряды нѣмцевъ, и тѣ спеціально въ свою очередь взялись ловить партизановъ, устраивали особыя засады для нихъ, прибѣгали къ хитростямъ; такъ одинъ нѣмецкій солдатъ нарочно сдался въ плѣнъ и указывалъ мѣсто, гдѣ оставилъ каску и винтовку передъ плѣномъ.

Нѣмца сдали какъ плѣннаго въ штабъ, но когда пошли за его каской и винтовкой, то тамъ нашли и подготовленную было засаду. За всѣ 11 мѣсяцевъ постояннаго движенія и столкновеній съ врагомъ, неуязвимый отрядъ, оказывая войскамъ нашимъ важныя услуги, понесъ всего 3 потери—2 убитыхъ нижнихъ чина и 1 офицеръ—самъ атаманъ, да нѣсколько раненыхъ. Нѣмецкіе плѣнные передавали, что въ приказахъ у нихъ по арміямъ обѣщалось каждому, кто доставитъ русскаго партизана, 200 кронъ, желѣзный крестъ и трехмѣсячный отпускъ. Въ газетахъ заявляли, что за голову самого атамана будетъ заплачено 25.000 кронъ. Шла спеціальная, но неудачная охота на него. Атаманъ сложилъ свою голову по волѣ судьбы, случайно, на развѣдкѣ 3 сентября, не требовавшей его спеціальнаго участія. Въ этой многочисленной, но дружной семьѣ героевъ партизановъ убитый атаманъ былъ не только общій начальникъ и душа дѣла, но онъ былъ казначей, дѣлопроизводитель и адъютантъ у самого себя. Въ постоянной подвижности, готовности всегда быть на чеку не приходилось офицерамъ дѣлиться на строгія спеціальности, иногда каждому приходилось быть всѣмъ, а атаману—почти постоянно, и вотъ послѣ канцелярскихъ занятій онъ поискалъ, на несчастье себѣ, смѣны труда и примкнулъ къ небольшой развѣдкѣ, которая была предпринята частью отряда. Партизаны встрѣтились съ нѣмцами, вступили въ бой. Онъ не былъ убитъ моментально, его успѣли подхватить свои, но нельзя было сразу тутъ сдѣлать перевязки, а на безопасномъ пунктѣ не оказалось подъ рукой автомобиля, чтобы везти его въ городъ, въ госпиталь, и его уложили въ коляску, какая попалась. По дорогѣ онъ истекъ кровью. Въ госпиталь прибыло только тѣло. Какой скорбью разнеслась по отряду вѣсть о смерти атамана и какъ возбудила она ихъ чувства. На панихидѣ генералъ Р.-Д. высказалъ партизанамъ, что потеря атамана не только ихъ горе, но горе всей арміи.

И необычайно торжественно хоронили молодого атамана. Тѣло покойнаго перевезли въ соборъ, тамъ епископъ, съ сонмомъ духовенства—до 11 военныхъ и городскихъ священниковъ—совершилъ заупокойную литургію и панихиду. Покойнаго атамана провожали съ военными почестями въ пути до самой могилы. На конномъ лафетѣ своего отряда, не снимая съ него орудія, партизаны укрѣпили гробъ покойнаго и при массѣ народа, при двухъ хорахъ музыки, въ сопровожденіи всего партизанскаго отряда и назначеннаго батальона пѣхоты, перевезли тѣло на вокзалъ для отправленія въ Петроградъ. Впереди процессіи офицеры-товарищи несли боевые ордена покойнаго, партизаны-георгіевскіе кавалеры несли вѣнки съ георгіевскими лентами отъ частей всѣхъ родовъ оружія. Народъ стоялъ по улицамъ.

Въ Петроградъ провожать покойнаго поѣхало 4 офицера, во главѣ съ однимъ изъ эскадронныхъ командировъ, и 10 заслуженныхъ партизановъ, все георгіевскіе кавалеры, съ двумя, тремя и четырьмя крестами. Въ Петроградѣ сопровождали тѣло депутація отъ Павловскаго военнаго училища и хоръ музыки л.-гв. Петроградскаго полка. Изъ Петрограда по Царской вѣткѣ привезли тѣло атамана въ Павловскъ, и здѣсь въ придворной Маріинской церкви совершено было отпѣваніе покойнаго и погребеніе затѣмъ на мѣстномъ кладбищѣ. Гробъ атамана съ прибитой къ нему скрещенной георгіевской шашкой помѣстили на открытой печальной колесницѣ въ 6 лошадей. Новые вѣнки прибавились къ старымъ и сплошь покрыли гробъ. Офицеры-партизаны несли ордена покойнаго, партизаны—6 вѣнковъ съ георгіевскими лентами отъ родного ему полка, отъ воинскихъ частей фронта, гдѣ дѣйствовалъ партизанскій отрядъ. Въ числѣ другихъ вѣнковъ былъ вѣнокъ отъ предсѣдателя центральнаго военно-промышленнаго комитета А. И. Гучкова. Почетной стражей у гроба—партизаны, хоръ горнистовъ и музыки л.-гв. запаснаго стрѣлковаго Его Величества полка печальными маршами провожалъ процессію своего героя. Провозглашена у могилы вѣчная память животъ свой на полѣ брани положившему; со слезами на глазахъ стали на колѣни партизаны. Выросъ могильный холмъ. Водруженъ деревянный крестъ. Здѣсь эскадронный командиръ сказалъ горячее слово, держась за крестъ: „Прощай, нашъ дорогой атаманъ. Ты былъ всѣмъ для насъ. Твой духъ не угаснетъ въ насъ никогда, и мы, партизаны, клянемся (тутъ всѣ партизаны сжали въ рукахъ шашки) отомстить за тебя врагу. Атаманъ, прощай, ты слышалъ звуки музыки, ты слышалъ пѣніе, тебя провожали,

но ты не слыхалъ еще нашей партизанской стрѣльбы. Товарищи, отдадимъ нашу послѣднюю почесть".

И залпы револьверовъ огласили мѣсто вѣчнаго покоя.

Такъ проводили своего атамана партизаны.

Недавно назначенъ членомъ совѣта министерства торговли и промышленности военный инженеръ, генералъ-лейтенантъ Свенторжецкій, членъ конференціи и ординарный профессоръ Николаевской инженерной академіи и училища.

Это имя уже упоминалось въ корреспонденціи „Русскаго Слова" отъ 20 апрѣля 1916 г. Когда предсѣдатель Совѣта Министровъ ѣздилъ въ Москву для совѣщанія о ликвидаціи общества 1886 года и тамъ г. Свенторжецкій состоялъ въ числѣ временнаго управленія этого общества. Тамъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ сказалъ: Всѣмъ представляется вполнѣ опредѣленно установленнымъ, что общество является ядромъ нѣмецкихъ предпріятій въ Москвѣ. На это представители временнаго управленія общества 1886 года заявляли, что при огромномъ значеніи станціи, обслуживающей многія предпріятія, работающія на оборону, было бы неосторожно производить передачу предпріятія общества изъ однѣхъ рукъ въ другія. На это московскіе горожане твердо заявили, что оборона страны будетъ болѣе обезпечена, когда предпріятіе будетъ находиться въ русскихъ рукахъ, а не въ нѣмецкихъ рукахъ.

19—21 сентября. Румынскія войска въ раіонѣ Германштадта, атакованныя превосходными силами, отошли назадъ. На Добруджинскомъ фронтѣ союзныя войска атаковали непріятеля на всемъ фронтѣ и отбросили его центръ и правый флангъ. Германцы очень опасаются потерять связь съ Турціей и Малой Азіей, а потому и придаютъ Добруджинскому фронту особое значеніе.

Революціонное движеніе въ Греціи все усиливается.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что вывозъ германскихъ войскъ съ французскаго фронта на восточный сыгралъ громадную роль въ успѣхахъ нашихъ союзниковъ.

Германскими войсками въ Трансильваніи командуетъ генералъ Фалькенгайнъ, бывшій начальникомъ германскаго генеральнаго штаба.

Продолжаются упорные бои у высотъ праваго берега Золотой Липы, въ раіонѣ Бржузенъ. Бои идутъ успѣшно для насъ, много плѣнныхъ. Контръ-атаки непріятеля отбиваются съ большими для него потерями.

Успѣху англо-французскаго наступленія очень способствуетъ то обстоятельство, что французская авіація совсѣмъ забила германскую. Французская неподвижная авіація (колбасы) и аэропланы совершенно отчетливо корректируютъ стрѣльбу своей артиллеріи. Аэропланы нѣмцевъ рѣдко долетаютъ къ позиціи противника, и лишь только поднимается нѣмецкая колбаса, какъ французскіе летчики уничтожаютъ ихъ особыми бомбочками.

Одна дама, пріѣхавшая изъ Франціи, передавала разсказы плѣнныхъ, бѣжавшихъ изъ германской неволи. Всѣ плѣнные, съ которыми она говорила, единогласно утверждали, что самымъ тяжкимъ въ германскомъ плѣну они считаютъ принужденіе голыми руками, безъ помощи какого-либо предмета, вычищать конюшни и сорныя ямы.

Идутъ упорные бои на Волынскомъ фронтѣ, въ раіонѣ Затурцы, Воля Садовская, Шельвовъ.

Какъ назвать тѣхъ русскихъ, которые прикрываютъ своими именами нѣмецкія предпріятія. Нѣмецкая транспортировочная контора Гергардъ и Гей теперь якобы россійское предпріятіе, какъ гласятъ объявленія сего общества, называемаго акціонернымъ обществомъ, а главнымъ управляющимъ конторами общества состоитъ Бруно Августовичъ Бидерманъ. Кого убѣдитъ этотъ маскарадъ.

То же самое явленіе произошло съ нѣмецкой фирмой Дюршмидтъ, оперирующей въ Туркестанѣ и ставящей себѣ цѣлью его экономическое завоеваніе.

Будетъ ли когда у насъ изданъ законъ, подобный давно уже вошедшему въ жизнь во Франціи закону Бріана, карающему предателей отечества.

. . . .

Газета „Temps" отъ 14-го сентября пишетъ, что одержанные русскими войсками на южныхъ участкахъ фронта успѣхи побудили центральныя державы отправить значительныя подкрѣпленія на восточный театръ военныхъ дѣйствій. Большая часть этихъ подкрѣпленій состоитъ изъ германскихъ войскъ такъ какъ австрійская армія потеряла за послѣдніе три мѣсяца около 750.000 человѣкъ и не располагаетъ резервами. Въ виду этого австрійцы смогли отправить на восточный фронтъ только одинъ полкъ изъ Босніи и нѣсколько баталіоновъ ландштурма. Что касается турецкихъ войскъ, то на русскомъ европейскомъ фронтѣ сражается только одна турецкая дивизія. Нѣмцы же отправили на южные участки восточнаго фронта 28-го августа 12 дивизій, часть изъ нихъ была снята съ сѣверныхъ участковъ русскаго фронта, а другія были взяты внутри Германіи. Вмѣстѣ съ 12-ю дивизіями, посланными нѣмцами на восточный фронтъ въ началѣ іюня, общее количество германскихъ подкрѣпленій на русскомъ юго-западномъ фронтѣ достигло 24 дивизій. Изъ 12-ти нѣмецкихъ дивизій, прибывшихъ на фронтъ въ августѣ мѣсяцѣ, 9-ть находятся въ Волыни и защищаютъ Ковель и Владиміръ-Волынскій. Всего въ ковельскомъ раіонѣ Гинденбургъ сосредоточилъ къ концу августа 31 дивизію. Въ Трансильваніи австрогерманцамъ приходится защищать фронтъ длиною въ 500 километровъ. Тамъ оперируютъ, повидимому, всего 3 германскихъ дивизіи, одна изъ коихъ снята съ французскаго фронта. Австрійцы отправили на румынскій фронтъ 3 дивизіи, снятыя съ

итальянскаго фронта, одну дивизію съ албанскаго фронта и шесть дивизій съ австро-русскаго фронта, гдѣ австрійскія части были замѣнены нѣмецкими войсками. Кромѣ того, въ Трансильваніи находятся четыре турецкихъ дивизіи.

22—27 сентября. И. А. Шергинъ изъ Вологды[1]) передаетъ возмутительныя дѣянія ликвидаціи нѣмецкой фирмы Вальдгофъ, на сѣверѣ, владѣющей милліонными лѣсными дачами. Давно учреждена ликвидаціонная комиссія, но толку изъ этого по сіе время не вышло никакого.

Газета „Gaulois" отъ 14-го сентября сообщаетъ о происшедшемъ въ главной германской квартирѣ весьма важномъ военномъ совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ германскаго императора. Въ числѣ присутствовавшихъ были: болгарскій король, Энверъ-паша, эрцгерцогъ Карлъ, Бетманъ-Гольвегъ, Гинденбургъ. По свѣдѣніямъ газеты въ этомъ совѣтѣ было принято рѣшеніе начать наступленіе противъ Румыніи и кромѣ того обсуждался вопросъ о способахъ достиженія полнаго объединенія въ боевыхъ дѣйствіяхъ армій центральныхъ державъ.

На фронтѣ отъ Владиміра-Волынскаго до Днѣстра наши войска ведутъ упорные бои. Румынскія войска въ Трансильваніи между Фарагашемъ и Согносара отражали австро-германцевъ.

Корреспондентъ „Нов. Вр." [2]) свидѣтельствуетъ, какъ ведутъ бои противъ русскихъ: при наступленіи одной изъ частей русской арміи на болгаръ, послѣдніе изъ окопа выкинули бѣлый флагъ въ знакъ сдачи; тогда командиръ батальона полковникъ Н. съ своимъ адъютантомъ и нѣсколькими нижними чинами подошелъ къ непріятелю. Болгары выскочили изъ окопа и подняли на штыки какъ командира батальона, такъ и адъютанта. Все это произошло на глазахъ наступавшаго батальона. Видя такое подлое предательство, солдаты безъ какой-либо команды бросились

---

[1]) „Нов. Вр." 22 сент. 1916 г.
[2]) „Нов. Вр." 27 сент. 1916 г.

въ штыки, и братоубійцы понесли должное возмездіе, всѣ защитники окопа были переколоты.

Въ „Развѣдчикѣ" сестра милосердія кн. Зоя Голицына [1]) передаетъ разсказъ сестры о службѣ въ летучкѣ. „Вы непремѣнно поѣзжайте въ летучку, тамъ такъ хорошо, интересно и такъ много красиваго. Зимой въ лѣсу стояли. После работы всѣ собирались у костра. Ставили кругомъ свои кровати, залѣзали въ мѣшки, спали не раздѣваясь. Очень хорошо! Только ноги немного мерзли. Ну, какъ встанешь, сейчасъ же надо ихъ растереть хорошенько, и пройдетъ. Лѣсъ сосновый, высокій, весь снѣгомъ и инеемъ одѣлся, отъ костра падаютъ тѣни, розовый танцующій свѣтъ, блеститъ снѣгъ, какъ алмазы, а вдалекѣ синяя темнота... Изрѣдка пушки бухаютъ, и жутко немного и красиво очень Счастливая вы, ѣдете, а я должна возвратиться домой. Оттого и разстроилась, плакала, когда прощалась. Они всѣ милые, и солдатики родные, близкіе, безъ нихъ тяжело будетъ, какъ безъ своихъ дѣтей. Особенно первое время, какъ будто отняли руку или ногу, право. Вотъ увидите сами, не захотите домой возвращаться.

— А много пришлось работать это время?

— Нѣтъ, раненыхъ мало, все больше больные, чесоточные были, инфлюэнція, амбулаторный пріемъ, мирныхъ жителей лечили".

Петроградъ страшно бѣдствуетъ съ сахаромъ, а г.г. финнолюбы отправляютъ черезъ Петроградъ 33 вагона сахару въ Финляндію.

Въ Петроградѣ идетъ скандально-романическій процессъ гр. М. Я. Орловой-Давыдовой (Пуарэ).

Герой романа ѣдетъ возбуждать уголовный процессъ противъ своей жены и передъ поѣздкой цѣлуетъ и креститъ ее.

Близкимъ знакомымъ къ герою и свидѣтелями по дѣлу являются талантливый думскій ораторъ Маклаковъ и трудовикъ Керенскій. Тотъ самый Керенскій, который настаивалъ на переговорахъ о мирѣ и отличился особой заботливостью о нѣмцахъ-колонистахъ.

Тутъ же выяснилось, что онъ при пикантной свадьбѣ былъ

---

[1]) „Развѣдчикъ" № 1349 1916 г.

шаферомъ и послѣ свадьбы вмѣстѣ съ лакеемъ героя участвовалъ въ брачномъ пирѣ.

На Золочевскомъ направленіи въ Галиціи идутъ ожесточенные бои. Въ раіонѣ Бржезанъ наши войска овладѣли частью позицій противника. Въ Добруджѣ по всему фронту продолжается наше наступленіе, а сербскіе авангарды на Балканахъ подходятъ къ Монастырю.

„Новое Время“ [1]) сообщаетъ о тяготахъ питанія въ Берлинѣ: „Объявленіе берлинскаго магистрата о раціонахъ на недѣлю съ 11 до 17 сентября. Мяса—полфунта. Жира—менѣе четверти фунта (90 граммовъ). Хлѣба—полфунта въ день. Сахару фунтъ на двѣ недѣли. Картофеля—9 фунтовъ въ недѣлю. Яйца—одна штука въ недѣлю, молоко—только для дѣтей и больныхъ по особымъ карточкамъ“.

Пріѣзжая для научнаго образованія молодежь страшно бѣдствуетъ въ поискахъ квартиръ. Студенты и курсистки тщетно бѣгаютъ по городу. Г.г рабочіе, со своими громадными заработками заняли всѣ маленькія жилыя квартиры.

Корреспондентъ „Новаго Времени“ [2]) передаетъ интересную сцену недавнихъ боевъ въ Галиціи, какъ она представлялась съ наблюдательнаго пункта:

Какъ-то вдругъ смолкли батареи и настал̈ъ послѣдній, рѣшающій моментъ. Живая сѣрая лента словно выросла изъ земли и, ломаясь на отдѣльныя звенья, побѣжала къ проволочнымъ загражденіямъ противника.

Началась атака.

Непріятельскія батареи буквально надрывались, поливая все чугуномъ и сталью. Шрапнель бѣшено рвалась въ воздухѣ и свинцовымъ дождемъ осыпала атакующія части.

Заработали вскорѣ и наши батареи, и воздухъ снова наполнился адскимъ грохотомъ и стономъ. Вокругъ гулъ непрерывный отъ выстрѣловъ. Дрожала земля и черезъ щели досчатой крыши

[1]) „Нов. Вр.“ 24 сентября 1916 г.
[2]) „Нов. Вр.“ 29 сент. 1916 г.

пункта сыпатся мелкій песокъ. Казалось, ничто не могло уцѣлѣть при такомъ обстрѣлѣ. Что дѣлалось въ это время впереди—различить невозможно. Тамъ кипѣло и бурлило огненное море, скрывающее все въ своемъ кровавомъ туманѣ.

Тихо на пунктѣ. Лица у всѣхъ серьезны. Всѣ прильнули къ земляному скату, напряженно и молча всматриваются впередъ. Томительно тянутся минуты ожиданія. Донесеній все нѣтъ. Но вотъ загудѣлъ телефонъ. Нервно вслушиваюсь въ голосъ телефониста.

„Части Н-го (сосѣдняго съ нами) корпуса ворвались въ первую линію окоповъ и овладѣли высотой „304“. Взято въ плѣнъ 22 офицера и много солдатъ“.

Эта вѣсть вызвала особенное волненіе. Я чувствовалъ, какъ что-то подступало къ горлу. Всматриваюсь въ лица другихъ, и у всѣхъ замѣтна радость новаго успѣха.

Начальникъ штаба направляется къ телефону, чтобы выяснить положеніе на фронтѣ.

— Попросите начальника дивизіи.

— Это вы?.. Командиръ корпуса интересуется положеніемъ на вашемъ участкѣ...

— Ага! Хорошо!... Противникъ все же держится еще въ своихъ окопахъ?.. Съ его стороны сильный огонь?.. Во флангъ?.. Во флангъ небольшой?.. Ну, хорошо.

— Соедини 317-ю.

— Да! Попросите начальника штаба дивизіи. Проситъ начальникъ штаба корпуса.

Задается тотъ же вопросъ.

— Ага!.. Третій батальонъ взялъ передовые окопы въ С...ва?.. Идутъ впередъ, равняясь на заамурцевъ? Что дѣлаетъ правый флангъ второго полка?..

— Ага!.. Хорошо!.. Н—скій полкъ подбирается за вами?... Ну, спасибо.

И тутъ же, подойдя къ командиру корпуса, начальникъ штаба подробно докладываетъ о развитіи боя, указывая на планѣ новыя исходныя положенія частей.

Стрѣльба не затихаетъ. Слышенъ по-прежнему сплошной громъ. Только развѣ на лѣвомъ флангѣ, гдѣ успѣшно дерутся сейчасъ части сосѣдняго корпуса, замѣтно со стороны противника нѣкоторое ослабленіе огня. Повидимому, часть ихъ батарей уже оттянули назадъ.

Ти... ти... ти...—гудитъ снова телефонъ.

„Части N—ой дивизіи, послѣ штыкового боя, выбили противника изъ окоповъ и овладѣли первой линіей“...

— Слава Богу!—облегченно вздохнули всѣ.—Молодая дивизія выдержала блестяще свой первый экзаменъ.

Рядомъ съ этой дивизіей дерутся испытанные въ бояхъ заамурцы. Ихъ положеніе оказалось менѣе удачнымъ. Подойдя къ проволочнымъ загражденіямъ противника, они встрѣтили такой сильный пулеметный и артиллерійскій огонь, что были вынуждены залечь передъ самыми загражденіеми и окопаться. Поднять людей и двинуть впередъ не могъ даже самъ генералъ N., георгіевскій кавалеръ, которому незнакомо чувство страха. Здѣсь нужны были особыя мѣры и хитрость, чтобы облегчить участь этихъ бойцовъ.

Такое положеніе заамурцевъ вызывало замѣтную тревогу на пунктѣ. Начальникъ штаба корпуса то и дѣло справлялся по телефону, выясняя подробности хода боя. Однако, надежда на успѣхъ никого, повидимому, не покидала.

— Онъ выведетъ,—сказалъ кто-то увѣреннымъ голосомъ, намекая на генерала N.—Не то еще бывало. Вѣдь надо знать этого человѣка и помнить боевое прошлое славныхъ заамурцевъ.

Лѣвѣе З—ва, надъ темнѣющей вдали рощей, неожиданно показался непріятельскій змѣйковый аэростатъ. Блѣдно-желтый, сигарообразной формы пузырь медленно покачивался вѣтромъ, подставляя то одну, то другую сторону подъ яркіе лучи солнца.

Но стоило батареѣ выпустить нѣсколько шрапнельныхъ очередей, какъ онъ тотчасъ же началъ снижаться и вскорѣ совсѣмъ скрылся за рощей.

— Похвастался, а потомъ и струсилъ.

— „Австрійская пѣхота одиночными людьми отходитъ отъ З—ва“,—слышу голосъ телефониста.

— Это съ какой группы?.. Съ З—ской?

— А кто передаетъ? Командиръ N—го конно-горнаго дивизіона?..

Рѣшено провѣрить, совершаются ли эти перебѣжки планомѣрно или же случайно, а затѣмъ запросить, что видно съ другихъ ближайшихъ пунктовъ.

Наблюденія подтвердились, при чемъ было установлено, что австрійцы накапливаются въ лощины за деревней З—въ. Эту-то лощину и предложено мортирной батареѣ обстрѣлять, а затѣмъ періодически пускать туда снаряды.

У длиннаго стола, окруженнаго врытыми въ землю скамейками, возилось нѣсколько денщиковъ. Слышенъ звонъ посуды, торопливо разставляемой неосторожной рукой.

— Сколько офицеровъ? Поди посчитай!—командуетъ молодой поручикъ, завѣдующій въ штабѣ корпуса столовой.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже сидѣли за столомъ. Подали горячій бульонъ и къ нему пирожки изъ песочнаго тѣста. Все было очень вкусно приготовлено и могло удовлетворить требованія самаго капризнаго гастронома. Я не выдержалъ и высказалъ свое удивленіе.

— Нашъ поваръ, видите ли, служилъ раньше у одного изъ великихъ князей,—пояснилъ командиръ корпуса. У насъ кромѣ того имѣется великолѣпный кондитеръ, который до войны работалъ въ лучшей московской кондитерской. Скрашиваемъ, чѣмъ можно, эту обстановку и жизнь...

Подали второе блюдо. Не успѣли и прикоснуться, какъ услышали нервный голосъ корнета, непрерывно наблюдавшаго за противникомъ:

— На всемъ гребнѣ горы, что правѣе З—ва, замѣтны бѣгущіе люди!.. Много людей бѣжитъ!..

Быстро встали всѣ изъ-за стола и, вооружившись биноклями, прильнули плотной стѣной къ земляному скату пункта. Впереди по зеленому скату длинной возвышенности карабкались, словно муравьи, темныя фигуры. Число этихъ фигуръ постепенно увеличивалось и вскорѣ въ разныхъ мѣстахъ образовались сплошныя ползучія черныя пятна.

— Да вѣдь это австрійцы!..

— Ну, конечно, австрійцы!..

— Сколько же ихъ!..

— Да какъ бѣгутъ!.. Смотрите!.. Смотрите!..

Загудѣли телефоны, и съ разныхъ мѣстъ стали получаться радостныя вѣсти.

Наши пѣхотныя части, не взирая на сильный фланговый обстрѣлъ батареи, расположенной по ту сторону Днѣстра, зашли правымъ плечомъ во флангъ и отчасти въ тылъ, чѣмъ и вызвали въ рядахъ противника замѣшательство. Австрійцы не выдержали, и сначала отдѣльные люди, а затѣмъ и цѣлыя роты начали поспѣшно выбѣгать изъ окоповъ. И въ тотъ моментъ, когда вдругъ вытянулись во весь ростъ з—цы и, разрубая проволочныя загражденія, бросились къ ихъ окопамъ, настала общая паника. Въ дикомъ ужасѣ бѣжали австрійцы, бросая все—и оружіе и снаряженіе.

Началось общее отступленіе противника по всему фронту. Побѣда за нами.

Въ Добруджѣ успѣшно продолжаются атаки русско-румынскихъ войскъ, въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ, на Солунскомъ фронтѣ дѣйствуютъ успѣшно сербы.

Въ настоящую войну денщики офицеровъ, по примѣру прежнихъ войнъ, несутъ заботливо усердную службу у своихъ офицеровъ въ бою, походѣ и на отдыхѣ.

Я видѣлъ офицера сибирскаго стрѣлка, раненаго на Стоходѣ въ голову. При немъ въ бою неотлучно находился денщикъ и когда офицера ранили шрапнелью въ голову, то онъ вывелъ его въ безпамятствѣ изъ боевыхъ линій, отнесъ на перевязочный пунктъ, былъ при офицерѣ при трехъ операціяхъ, и довезъ его до Петрограда.

Польская публицистика проповѣдуетъ теперь одно и то же положеніе: независимое польское государство отъ моря до моря и ничего другого.

Пора и намъ подумать объ организаціи нашихъ пароходныхъ рейсовъ, особенно когда откроется свободный выходъ изъ проливовъ.

Германская подводная лодка U 53, прибывшая въ Ньюпортъ, привезла депеши для германскаго посла; выйдя изъ порта черезъ 2 часа, подводная лодка эта потопила 2 британскихъ парохода. Хорошъ нейтралитетъ дяди Сама.

Корреспондентъ „Новаго Времени“ передаетъ [1]).

Съ мельницы А. О. Груби намъ доставлены удивительные образцы муки. Это, во-первыхъ, слегшіеся комья гнилой промозглой мучной массы, поры которой заселены какими-то насѣкомыми.

Выработанная изъ этихъ комьевъ путемъ перемола мука представляетъ собою засоренный мучной порошокъ, издающій специ-

[1]) „Нов. Вр.“ 27 сент. 1916.

фическій запахъ гнили даже сквозь покровы, въ которыхъ она содержится.

Эти мучные комья, по свидѣтельству многихъ лицъ, размалываются мельницею Груби уже около двухъ мѣсяцевъ.

Корреспондентъ „Русскаго Слова“ сообщаетъ интересныя извѣстія изъ Германіи, полученныя [1]) имъ отъ одного очень освѣдомленнаго лица.

Въ началѣ іюля въ Берлинѣ состоялся военный совѣтъ, на которомъ послѣ длительныхъ дебатовъ былъ принятъ планъ Гинденбурга: форсировать Двину и начать затѣмъ наступленіе далѣе въ предѣлы Россіи.

Для осуществленія этого плана рѣшено было отдать въ распоряженіе Гинденбурга всѣ имѣющіеся въ Германіи резервы, при чемъ наступленіе предполагалось начать не позже половины августа.

Мало того: основываясь на успокоительныхъ завѣреніяхъ дипломатовъ, военные германскіе круги мечтали во что бы то ни стало втянуть къ этому времени въ войну Швецію.

Рѣшено было умышленно создавать всякаго рода „случаи“, которые заставили бы русскія военныя суда нарушать нейтралитетъ Швеціи. Для этого германскіе пароходы получили уже и надлежащія инструкціи. И, если вы припомните, въ концѣ іюля или началѣ августа дѣйствительно были два случая, когда по поводу преслѣдованія русской эскадрой двухъ нѣмецкихъ пароходовъ (названій ихъ теперь я не припомню) Швеція, подъ вліяніемъ активистской группы, заявила протестъ, указывая на, якобы, произведенное русскими судами вторженіе въ ея территоріальныя воды.

Послѣ отвѣтной ноты Россіи инцидентъ былъ улаженъ къ явному неудовольствію германофильствующихъ шведскихъ слоевъ.

Впослѣдствіи, несмотря на старанія нѣмцевъ, подобныхъ инцидентовъ уже не было.

Все же дѣятельная подготовка наступленія на рижскомъ фронтѣ продолжалась, при чемъ рѣшено было вести операціи одновременно на сушѣ и на морѣ. На Гинденбурга, которому въ то время было поручено высшее командованіе на фронтѣ отъ Рижскаго залива до Припяти, возлагались огромнѣйшія надежды. Въ частности отъ него требовалось болѣе нормальное и отвѣ-

---

[1]) „Рус. Сл.“ 24 сент. 1916 г.

чающее интересамъ дѣла размѣщеніе австрійскихъ армій между германскими на всемъ сѣверномъ фронтѣ.

Широкіе планы впервые заколебались съ началомъ наступательныхъ дѣйствій англо-французскихъ войскъ на Соммѣ.

Рѣшительный же ударъ этимъ планамъ нанесло, разумѣется, выступленіе Румыніи.

— Я читалъ въ русскихъ газетахъ,—продолжалъ далѣе собесѣдникъ,—отклики на назначеніе Гинденбурга начальникомъ германскаго главнаго штаба, а также сообщенія о тѣхъ мѣропріятіяхъ военнаго характера, которыя, будто бы, были предложены Гинденбургомъ на послѣдовавшемъ вскорѣ послѣ его назначенія военномъ совѣтѣ съ участіемъ Вильгельма.

Повѣрьте, свѣдѣнія эти страдаютъ большой неполнотой, и пробѣлы существеннымъ образомъ скрадываютъ то дѣйствительно катастрофическое впечатлѣніе, которое должна была бы производить цѣльная картина.

Прежде всего, къ новому назначенію Гинденбурга въ Германіи отнеслись и съ радостью, и съ печалью. Съ радостью—потому, что Гинденбургъ въ Германіи вообще популяренъ, Фалькенгайна же опредѣленно и открыто порицали по поводу неудачъ на западно-европейскомъ театрѣ. Съ печалью и тревогой—потому, что уходъ Гинденбурга съ восточнаго фронта въ глазахъ всѣхъ разсудительныхъ нѣмцевъ означалъ не только отказъ отъ крупныхъ активныхъ операцій на этомъ фронтѣ, но и вообще переходъ къ оборонительной системѣ войны.

Въ освѣдомленныхъ берлинскихъ кругахъ такъ и говорили, что Гинденбургъ предложитъ и проведетъ „сокращеніе" фронта на западѣ Европы, и что именно такого рода планъ кампаніи онъ поставилъ условіемъ принятія предложеннаго ему новаго поста.

Но эти разговоры велись до военнаго совѣта, состоявшагося во второй половинѣ августа.

Какой тайной ни было обставлено засѣданіе этого совѣта,—въ высшихъ столичныхъ кругахъ прекрасно были освѣдомлены о принятыхъ на немъ рѣшеніяхъ.

Я не берусь передать это рѣшеніе дословно. Но то, что я скажу, основывается на данныхъ, полученныхъ мною изъ компетентнѣйшаго источника:

Гинденбургъ говорилъ о необходимости сокращенія фронта не только на западномъ театрѣ войны.

Онъ категорически заявилъ, что пѣсенку Австріи считаетъ спѣтой. Какъ союзница Германіи, какъ самостоятельная боевая

единица, Австрія, по его мнѣнію, разгромлена безнадежно и дальнѣйшій полный крахъ ея неизбѣженъ.

При такихъ условіяхъ, подкрѣпленныхъ, вѣроятно, слишкомъ серьезной аргументаціей, Гинденбургъ рѣшился указать на необходимость подготовки новаго „оборонительнаго" фронта, начало котораго онъ отнесъ къ району Кракова, а конецъ—къ району Кенигсберга и Данцига.

Отходъ,—великій отходъ германской арміи,—такимъ образомъ принципіально признанъ уже возможнымъ въ высшихъ военныхъ сферахъ Германіи.

Комментировать это признаніе не стану.

Не могу, конечно, высказывать предположеній и по тому поводу, какими обстоятельствами военнаго характера будетъ сопровождаться намѣченный отходъ. Какъ частное, стороннее лицо, хорошо, однако, знающее настроеніе военныхъ круговъ Германіи, могу допустить, что немало еще „демонстрацій" ваши враги произведутъ, и что ими, разумѣется, сдѣлано, или сдѣлано будетъ все, чтобы вести отходъ съ боемъ и не превращать его въ простое отступленіе...

28—30 сентября. Нашимъ союзникамъ румынамъ въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ на Трансильванскомъ фронтѣ приходится туго. Новый фельдмаршалъ Фалькенгайнъ усиленно хочетъ тамъ стяжать побѣдные лавры. Удержатся ли румыны до прибытія русскихъ.

Въ Солунь прибыли Венизелосъ, адмиралъ Кондуріотисъ и генералъ Данглисъ.

Совершенно ясно, что въ прежній пріѣздъ въ Америку, германскія подводныя лодки организовали тамъ базы для ихъ питанія. А въ настоящій пріѣздъ германской подводной лодки онѣ начали топить пароходы нашихъ союзниковъ у береговъ Америки. Словомъ, нѣмцы хотятъ создать полный блескъ подводной войны. Нѣмецкія газеты сообщаютъ о возможномъ паденіи Бетманъ-Гольвега и о возстановленіи опальнаго Тирпица, организатора и яркаго проповѣдника неумолимой подводной войны. Удивительно, какъ американцы дозволяютъ, при своемъ нейтралитетѣ, боевымъ судамъ заходить въ ихъ гавани.

Вѣроятно потому, что боевая германская подводная лодка привезла лестное письмо кайзера Вильсону, о якобы предпола-

гаемомъ доставленіи припасовъ голодающимъ полякамъ, а вѣроятнѣе всего съ просьбой о посредничествѣ.

Недавно изданъ новый законъ, карающій штрафами и тюрьмой мародеровъ тыла за ихъ разбойныя цѣны и за сокрытіе припасовъ и товаровъ. Законъ изданъ, а предержащія пока мало его примѣняютъ, болѣе всего ограничиваясь штрафами. Мародеры покрываютъ свои штрафы—штрафами съ потребителей.

Въ „Новомъ Времени" [1]) приведена такая картинка встрѣчи плѣнныхъ германцевъ нашими ранеными:

„Въ моментъ выхода плѣнныхъ со двора штаба дивизіи по дорогѣ шелъ къ перевязочному отряду транспортъ съ ранеными. Тутъ произошло нѣчто неожиданное. Нашихъ кроткихъ, долготерпѣливыхъ раненыхъ охватываетъ ярость при видѣ ненавистныхъ враговъ.

— Разбойники, разрывными пулями стрѣляли, раненыхъ добивали!—несутся грозные крики. Если бы у страдальцевъ были силы, если бы не было конвоя, они возобновили бы жуткій бой безъ оружія, вотъ здѣсь, на улицѣ.

Корреспондентъ „Русскаго Слова" [2]) передаетъ о той громадной работѣ, которую выполнила для дѣйствующей арміи Москва. Особенно отмѣчаетъ ту роль, которую примѣнила Москва къ негодной одеждѣ и обуви, перевезенной туда съ фронта. И вотъ какимъ образомъ эти негодныя вещи были использованы:

Переносимся на другой край Москвы. Съ ошеломленіемъ идемъ черезъ гигантскіе амбары, заваленные сугробами старыхъ шинелей. Одинъ, другой, третій амбары... Добираемся до перваго. Вѣтка желѣзной дороги прямо къ дверямъ склада подвозитъ вагоны съ тысячами старыхъ, сношенныхъ, загрязненныхъ шинелей съ фронта.

Мы смотримъ, какъ рабочіе въ холщевыхъ халатахъ и капюшонахъ на головахъ (отъ пыли) тонутъ среди громадныхъ кучъ шинелей, пересчитывая ихъ и перебрасывая въ новыя кучи. Тяжкая пыль повисла въ воздухѣ.

---

[1]) „Нов. Вр." 28 сент. 1916 г.
[2]) „Рус. Сл." 27 сент. 1916 г.

Летятъ и падаютъ шинели, почернѣвшія отъ боевого пота, грязи окоповъ и крови воиновъ, протертыя, съ бархомой на рукавахъ и полахъ, съ пятнами и дырами.

Боевыя, заслуженныя, трудовыя шинели.

— Первымъ долгомъ шинели идутъ сюда,—указываетъ руководитель на деревянную хибарку внутри лабаза.—Это японская дезинфекціонная камера, паро-формалиновая. Шинели лежатъ въ ней два часа. А потомъ... Пожалуйте за мной!

Мы пролѣзли узкой щелью позади камеры и выбрались по другую ея сторону.

— Вотъ здѣсь,—продолжалъ онъ,—шинели вынимаются уже совершенно обезвреженныя. Гибнутъ всѣ паразиты и бациллы. Даже тифозные и чахоточные микробы, если попадаются, оказываются послѣ камеры мертвыми.

Идемъ вдоль громадныхъ горъ шинелей.

— Здѣсь сейчасъ около 300 тысячъ разныхъ вещей,—указываетъ на заваленный амбаръ нашъ вожатый,—главнымъ образомъ, шинели, а затѣмъ, мундиры, гимнастерки, шаровары. Шлютъ даже папахи.

Переходимъ среди горъ шинелей изъ одного склада въ другой. Здѣсь были раньше хлѣбные амбары съ сотнями тысячъ пудовъ зерна или муки, а теперь сотни тысячей шинелей. И руководитель смотритъ, вздыхая:

— Тѣсно, тѣсно. Мало мѣста. Надо искать еще.

Намъ показываютъ разборку шинелей. Особые мастера тщательно осматриваютъ шинели и разбрасываютъ ихъ по сортамъ. Въ одной—малая починка, въ другой—большая. Третья вся сопрѣла и какъ-будто никуда не годна. Но въ ней находятъ здоровыя части, которыя пойдутъ на погоны, на хлястики, на обшлага, на воротники.

И вотъ намъ показываютъ результатъ: крѣпкую, прочно ушитую изъ составныхъ частей шинель.

— Долго ли проносится такая?—спрашиваемъ мы.

— А столько же, сколько и новая,—отвѣчаетъ мастеръ, съ увѣренностью встряхивая ремонтированную шинель.—Два--три года проносится. Чего ей!

Поправленныхъ шинелей уже отправлено на фронтъ свыше 200 тысячъ штукъ. А дѣло только, въ сущности, начинается, расширяясь и совершенствуясь.

Чтобы окончательно удивить насъ, принесли крѣпкую попону изъ квадратиковъ сукна. Оказывается, и самые послѣдніе обрѣзки негодныхъ шинелей идутъ въ дѣло,—на попоны.

— А окупается ли все-таки возня съ этимъ старьемъ,— спросили мы,—не выходятъ ли старыя шинели и попоны не дешевле новыхъ?

— Ну, что вы!—возразили мастера и руководители.—У насъ подсчитано. Несравненно дешевле новыхъ.

И руководители съ гордостью поглядѣли на громадные завалы шинелей.

Все это гибло на фронтѣ. И все это пущено въ дѣло, давая милліоны рублей экономіи для Россіи.

Съ каждымъ днемъ нравственныя, позорныя дѣянія кайзера Вильгельма и его присныхъ выясняются все болѣе и болѣе. Недавно подводныя лодки германцевъ подошли къ берегамъ Америки и, снова послѣ нѣкотораго перерыва, стали опять топить беззащитныхъ мирныхъ гражданъ. Надняхъ въ Букарестѣ обнаружилось, что дипломатическіе представители Германіи—такіе же позорные негодяи, какъ ихъ представители сухопутныхъ войскъ, флота и самого кайзера съ его совѣтниками.

Полученныя румынскимъ правительствомъ спеціальныя свѣдѣнія побудили его произвести обыскъ въ особнякѣ германской миссіи въ Букарестѣ. Сенсаціонные результаты обыска вполнѣ оправдали эту чрезвычайную мѣру.

Въ саду миссіи обнаружены закопанные въ землѣ слѣдующіе разбойничьи предметы: адская машина, значительное количество сильновзрывчатаго вещества „экразитъ", огромная бутыль съ ядовитой жидкостью и ракеты съ порошкомъ, заключающимъ въ себѣ микробы сапа. Ядовитая жидкость и порошокъ предназначались, повидимому, для кавалерійскихъ лошадей, „экразитъ"— для болѣе серьезныхъ, но не менѣе варварскихъ предпріятій.

Ящикъ съ микробами сапа былъ адресованъ болгарскому военному агенту, при чемъ на нѣмецкомъ языкѣ были приложены указанія о способѣ употребленія сапныхъ микробовъ. На всѣхъ этихъ ящикахъ стояла печать германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Всѣ ящики были перенесены изъ помѣщеній германскаго консульства въ германскую миссію наканунѣ выступленія Румыніи. Личный составъ, оставшійся въ Букарестѣ для охраны помѣщенія миссіи, заявляетъ, что эти ящики, содержаніе которыхъ имъ не было извѣстно, были зарыты въ саду посольства по приказанію Рейнбабена, атташе германской миссіи.

Обыскъ былъ произведенъ съ вѣдома посланника Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, охраняющаго въ Ру-

мыніи интересы германскихъ подданныхъ, и въ присутствіи члена американской дипломатической миссіи. Были приглашены также понятые [1]).

Невольно напрашивается вопросъ—о какомъ международномъ правѣ можно говорить съ подобными негодяями.

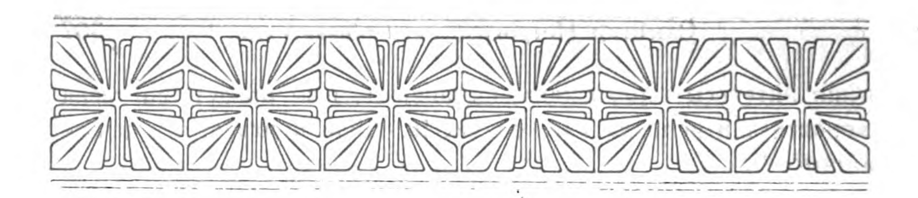
Въ Москвѣ состоялось совѣщаніе мѣховыхъ торговцевъ объ устраненіи германскаго посредничества въ мѣховой промышленности.

Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщаетъ:

Передъ позиціями Икскюльскаго предмостнаго укрѣпленія 25-го сентября въ 4 ч. 30 м. дня люди нашей заставы услышали шумъ и шипѣніе въ ближайшихъ нѣмецкихъ окопахъ и тотчасъ почувствовали запахъ ядовитаго газа. Движеніе газовъ и волны было такъ быстро, что не всѣ на заставѣ успѣли надѣть маски. Дежурный телефонистъ рядовой Китаевъ, не желая терять времени на надѣваніе маски, пренебрегъ смертельною опасностью ради долга службы и, продолжая работать у телефона, успѣлъ предупредить о начавшейся газовой атакѣ командира баталіона, а затѣмъ побѣжалъ предупредить объ опасности товарищей, отдыхавшихъ въ окопахъ позади заставы. Китаевъ успѣлъ крикнуть: газы, маски и палъ мертвымъ. Застава тотчасъ же выпустила сигнальную ракету. Нѣмцы, направивъ газовую волну, открыли заградительный огонь химическими снарядами по тылу предмостной позиціи и правому берегу Двины. Благодаря сигналамъ, защитники укрѣпленій успѣли надѣть маски, по противнику былъ открытъ ружейный, пулеметный и бомбометный огонь. Наша легкая и тяжелая артиллерія сосредоточила огонь по окопамъ противника и по облакамъ газа. Нѣмцы силами до двухъ баталіоновъ повели, вслѣдъ за первой газовой волной, наступленіе по всему фронту предмостной позиціи. Атака эта, благодаря доблестной работѣ пулеметовъ и энергичному огню нашей артиллеріи, была отбита, съ причиненіемъ нѣмцамъ большихъ потерь. При этомъ удачномъ попаданіи снаряда нашей тяжелой артиллеріи у непріятеля были разбиты баллоны съ газами. Черезъ полчаса нѣмцы вновь выпустили газъ и перешли въ наступленіе, но послѣднее было вновь нами отбито. Около 6 часовъ нѣмцы выпустили третью волну газа и пытались еще разъ произвести атаку, но безуспѣшно. Защитники Икскюльской позиціи доблестно отстояли свои позиціи. **В. П.**

---

[1]) „Рус. Сл." 28 сен. 1916 г.



Дневныя записки генерала Патрика Гордона [1].

(Продолженіе).

4-го числа отъ многихъ лицъ, недавно прибывшихъ изъ Польши, узнали, что татары разграбили Янчарикъ и увели въ плѣнъ множество людей. Приступили къ исправленію Ивановскаго бастіона. Я отправилъ туда 60 рабочихъ и приказалъ имъ выдать: 60 дубовыхъ брусьевъ и 5 возовъ ивовой фашины, чтобы положить въ фундаментъ; 40 мѣшковъ, чтобы выносить землю; шесть мотыгъ, десять лопатъ, двое граблей, тридцать досокъ, восемь топоровъ, 60 саженъ веревокъ, два лома для пробивки земли и торфа и четыре для очистки торфа и 16 долбилъ.

5 числа писалъ своимъ друзьямъ въ Шотландію, именно: графу Абердину, моему брату Джону, моему дядѣ, моимъ сыновьямъ, генералъ-лейтенанту Друммонду, подполковнику Гамильтону, г. Ѳомѣ Гордону, Байлю Гордону и Джемсу Адіе въ Данцигъ.

6 числа вода въ Днѣпрѣ не поднялась выше.

8 числа пришли люди изъ Бѣлой Церкви и Лабуни съ извѣстіями, что поляки напали внезапно на турокъ въ Меджибожѣ, убили человѣкъ 9 и взяли нѣсколько въ плѣнъ, которыхъ и отправили королю; что въ Меджибожѣ было, впрочемъ, не болѣе 60 янычаръ и 100 всадниковъ, преимущественно татаръ. Меджибожъ находится въ 12 миляхъ отъ Полоннаго и въ 9 миляхъ отъ Лабуни, которая отъ Полоннаго въ 4 миляхъ; что въ Барѣ, который отъ Каменца въ разстояніи 9 миль, а отъ Старо-Константинова въ 4 миляхъ, имѣется турецкій гарнизонъ изъ 200 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1916 г.

9 числа въ день чествованія памяти Св. Николая, было очень много народу въ Никольскомъ монастырѣ. Вода въ Днѣпрѣ все стояла на той же высотѣ.

10 числа отрядъ татаръ явился въ Павловицѣ и угналъ скотъ съ полей и луговъ.

12 числа я отправился на островъ, гдѣ паслись лошади, и тамъ обѣдалъ съ моими пріятелями и ихъ женами; я назвалъ островъ этотъ „Якобина".

13 числа прибылъ солдатъ изъ Сѣвска съ извѣстіемъ, что войска стягиваются, но не могъ сообщить, куда предполагается ихъ направить.

14 числа ѣздилъ въ Печерскій монастырь, гдѣ былъ очень хорошо принятъ архимандритомъ.

15 числа получилъ отъ боярина Петра Васильевича Шереметева очень дружественное и вѣжливое письмо, а также и отъ полковника изъ Баркова. Пришло царское повелѣніе боярину, чтобы онъ выдалъ присланнымъ отъ гетмана лицамъ все имущество, оставшееся послѣ покойной его супруги, а также домъ въ Москвѣ и недвижимое имѣніе; сынъ же его, по просьбѣ отца, останется у него; что впрочемъ Ихъ Величества ему и его сыну жалуютъ на содержаніе Борковъ.

16 числа отъ различныхъ лицъ, проѣзжавшихъ черезъ Польшу, было получено извѣстіе, что польскіе козаки выступили изъ зимнихъ квартиръ своихъ и направились къ Немирову; нѣкоторые говорили, что они дѣлаютъ это для полученія своего жалованья, другіе же, напротивъ того, утверждали, что гетманъ Могила, увѣдомивъ ихъ о приближеніи татаръ къ этому мѣсту, приказалъ имъ присоединиться къ нему. Кромѣ того, они сообщали, что литовская армія находится, по-прежнему, еще на зимнихъ квартирахъ въ Волыни и, вѣроятно, ранѣе Иванова дня не выступитъ.

Въ тотъ же вечеръ я получилъ извѣщеніе, что мое прошеніе объ увольненіи изъ страны передано въ руки лицъ, на которыхъ я возлагалъ наибольшее довѣріе и надежды, и что эти лица обѣщали предъявить это прошеніе, по моему желанію, царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ и обоимъ царямъ. Копія съ этого прошенія при семъ излагается ниже.

Я происхожу изъ знатнаго рода и уѣхалъ изъ моей родины въ чужія земли искать почестей и приличнаго содержанія. Я служилъ правдою и честью различнымъ монархамъ и когда обстоятельства побуждали меня оставлять ихъ службу, мнѣ никогда не отказывали въ этомъ; напротивъ того, мнѣ предоставляли,

когда я это просилъ, мою свободу и отпускали меня милостиво, давая лестный отзывъ о моей вѣрной службѣ.

Я прибылъ въ Россію съ почетнымъ званіемъ и не по нуждѣ, а скорѣе изъ расположенія (dartleness) и притомъ человѣкомъ не бѣднымъ, но по моему положенію скорѣе богатымъ.

Я прибылъ въ Россію единственно, чтобы послужить нѣкоторое время, въ надеждѣ, что меня отпустятъ безпрепятственно, когда мои обстоятельства того потребуютъ, подобно тому, какъ это было со мною въ другихъ странахъ и какъ это дѣлали въ этой странѣ въ отношеніи другихъ лицъ моего положенія.

Во время моего пребыванія въ Россіи я служилъ вѣрно и честно и не страшился никакихъ трудовъ и опасностей.

По возвращеніи моемъ съ родины въ 1670 году, я нашелъ, что мое жалованье мнѣ убавлено на одну треть. Поэтому я просилъ увольненія, но, не получивъ таковаго, былъ вмѣстѣ съ прочими отправленъ въ Сѣвскъ. Блаженной памяти Государь милостиво отпустилъ насъ и самъ сказалъ, что мы тамъ заработаемъ себѣ свой хлѣбъ и если въ чемъ встрѣтимъ какую-либо нужду, то должны ему только объ этомъ представить, и наша просьба будетъ тотъ же часъ уважена.

Когда же въ 1677 году я находился на службѣ Его Величества въ арміи подъ Чигириномъ, дѣйствовавшей противъ турокъ, чрезвычайный посланникъ Его Королевскаго Величества всей Британіи, эсквайръ Джонъ Гебдонъ, по приказанію Его Величества, подалъ въ посольскій приказъ, въ Москвѣ, записку (меморіалъ), въ которомъ просилъ о моемъ увольненіи отъ службы и о дозволеніи мнѣ возвратиться на родину. На это ему былъ данъ отвѣтъ, что если я по окончаніи похода буду просить увольненія отъ службы, то въ этомъ мнѣ отказа не будетъ, и согласно этому было послано надлежащее приказаніе въ иноземный приказъ.

Въ 1678 г. я возвратился въ Москву съ твердою надеждою получить, согласно Всемилостивѣйшаго обѣщанія Ихъ Величествъ, мое увольненіе. Однако, я со всѣмъ моимъ полкомъ былъ посланъ къ Чигирину и долженъ былъ отправиться не уклоняясь отъ столь опаснаго служенія и не безпокоя Его Величество просьбою о моемъ увольненіи; при этомъ было упомянуто только, что получу свободу отъ службы, если Богу благоугодно будетъ сохранить меня въ добромъ здравіи. Въ этомъ же году, лишившись всего моего имущества подъ Чигириномъ, я возвратился въ Москву, съ надеждою получить увольненіе отъ службы, но меня предупредило новое Высочайшее повелѣніе отправиться немедленно

въ Кіевъ. Предполагалось, что турки сдѣлаютъ нападеніе на этотъ городъ; я принялъ съ большою готовностью это новое порученіе, чтобы не подать вида, что отклоняю отъ себя столь опасную службу. Въ минувшемъ году, получивъ извѣстіе о кончинѣ на родинѣ моихъ родителей и о томъ, что мнѣ, за отсутствіемъ моимъ, не хотятъ отдать мое родительское наслѣдіе, я обратился къ Ихъ Величествамъ съ просьбою разрѣшить мнѣ съ семействомъ моимъ возвратиться на мою родину и, въ случаѣ невозможности мнѣ это разрѣшить, дозволить, хотя бы мнѣ лично одному, уѣхать на короткое время изъ Россіи. *Мои жалобы* (претензіи). Генералы: Ѳома Даліель и Вилліамъ Друммондъ, при мнѣ служившіе блаженной памяти Его Величеству, получали не только жалованье мѣсячное, но, кромѣ того, имъ для того, чтобы они могли жить соотвѣтственно ихъ положенію, были подарены помѣстья, приносившія значительные доходы. Генералиссимусъ Аѳанасій Трауернихтъ, послѣ осады Чигирина, при которой онъ ровно ничего не потерялъ, былъ пожалованъ однимъ штатгальтерствомъ за другимъ, черезъ что онъ разбогатѣлъ.

За всѣ трудности, понесенныя мною при осадѣ Чигирина, при которой я потерялъ все, что имѣлъ при себѣ, на сумму до 700 р., я получилъ только двѣсти рублей, какъ и мои товарищи, служившіе при арміи и ничего не потерявшіе, но только черезъ людей и инымъ путемъ разбогатѣвшіе.

Прочія лица въ генеральскихъ чинахъ имѣютъ предо мною большія преимущества въ томъ, что живутъ по гарнизонамъ, въ которыхъ они могутъ доставить себѣ многія выгоды; кромѣ того, они живутъ въ покоѣ, имѣютъ дѣтей, уже въ юныхъ годахъ занимающихъ видныя мѣста. Мои же два сына, въ обыкновенныхъ для того годахъ и по милости Его Величества достойной памяти получили мѣста фендриховъ, но скоро были смѣщены и я, не будучи въ состояніи дать имъ необходимаго образованія, принужденъ былъ отправить ихъ на родину къ моимъ родителямъ, чтобы доставить имъ воспитаніе и образованіе. Несмотря на то, что я по службѣ постоянно подвергаюсь большой опасности, большимъ трудамъ и заботамъ, тѣмъ не менѣе я долженъ бороться съ недостаткомъ и нуждою.

Отъ многихъ ранъ, многихъ годовъ жизни и тягостей военной службы я пришелъ въ болѣзненное состояніе и желаю получить настолько спокойное мѣсто въ моемъ отечествѣ, чтобы могъ привести въ порядокъ мои домашнія дѣла и озаботиться воспитаніемъ моихъ дѣтей и о моемъ здоровьи.

Частыя болѣзни являются какъ бы напоминаніями о смерти и тѣмъ необходимѣе становится прибѣгать чаще къ Св. Причастію; здѣсь пресѣчены всѣ способы и средства къ подобнаго рода духовной помощи и утѣшенію.

Я постоянно долженъ бороться съ нуждою и ничего не могу скопить моей женѣ и дѣтямъ, а потому могу не иначе, какъ съ горестью, помышлять о томъ, что послѣ моей смерти оставляю ихъ въ нуждѣ, среди чужихъ.

Такъ какъ Ихъ Величества въ моей просьбѣ съѣздить на родину отказали мнѣ въ такое время, когда Ихъ Величества со всѣми сосѣдями находятся въ мирѣ, не объяснивъ мнѣ причину отказа, то я не знаю, что мнѣ объ этомъ думать и въ какомъ положеніи я нахожусь.

Способы вспоможенія (redresses).

Вотъ способы, которыми можно было бы помочь моему затруддительному положенію. Если Ихъ Величествамъ почему-либо неблагоугодно меня отпустить на родину, то я всеподданнѣйше прошу принять во вниманіе слѣдующее.

Я до того далекъ отъ желанія жить въ покоѣ или ѣсть хлѣбъ въ бездѣйствіи, что охотно бы остался здѣсь или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ служба моя можетъ быть угодна Ихъ Величествамъ или гдѣ я въ состояніи былъ нести эту службу.

Такъ какъ я здѣсь живу среди чужихъ, гдѣ все долженъ покупать по дорогимъ цѣнамъ, даже сѣно и дрова, то расходы мои на прислугу, лошадей и прочія чрезвычайныя потребности превышаютъ мои доходы.

Чтобы я могъ служить съ удовольствіемъ и жить въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ моимъ чиномъ и положеніемъ, необходимо мнѣ получать нѣкоторое постоянное дополненіе или другого рода пособіе къ моему содержанію, чтобы я могъ жить и не находиться въ нуждѣ.

Чтобы въ случаѣ надобности и, кромѣ того разъ или два въ году, въ большіе праздники, мнѣ было бы разрѣшено. доколѣ существуетъ миръ или перемиріе съ Польшею, выписывать въ Кіевъ священника моего вѣроисповѣданія изъ ближайшихъ городовъ Польскаго королевства.

По причинѣ моихъ частыхъ болѣзненныхъ припадковъ необходимо имѣть въ Кіевѣ свѣдущаго въ лекарствахъ человѣка или доктора, который необходимъ не только для меня, но и для правителя края и прочихъ подданныхъ Его Величества.

Я здѣсь имѣю мало солдатъ подъ моимъ непосредственнымъ начальствомъ и совсѣмъ не имѣю, какъ подобало бы моему званію и генеральскому чину, штата; при мнѣ не состоитъ ни ординарцовъ, ни караула, которыхъ долженъ имѣть даже полковникъ. Поэтому слѣдовало бы прислать сюда болѣе солдатъ, что не только необходимо, но и въ высшей степени полезно для службы Его Величества. Если Ихъ Величествамъ угодно, чтобы я и долѣе оставался въ Кіевѣ, то я, по меньшей мѣрѣ, желалъ бы получить соотвѣтствующее моему рангу командованіе въ полѣ, въ случаѣ, если возникнетъ война или будетъ предпринятъ походъ противъ враговъ Ихъ Величествъ и не будетъ вѣроятности, что Кіевъ самъ можетъ подвергнуться нападенію.

Пока арміи сосѣдей Ихъ Величества находятся на зимнихъ квартирахъ и нѣтъ основанія опасаться какого-либо непріятельскаго вторженія, я желалъ, бы, чтобы Ихъ Величества признали возможнымъ отпустить меня на шесть мѣсяцевъ въ мое отечество для приведенія въ порядокъ моихъ домашнихъ дѣлъ.

16-го числа я получилъ письми отъ Виніуса и отъ г. Даніеля.

17 числа узнали, что ежедневно люди переправляются черезъ Днѣпръ, чтобы наниматься на службу къ полякамъ.

18 числа вода въ Днѣпрѣ стала спадать.

19 числа я писалъ въ Сѣвскъ Леонтію Романовичу Неплюеву, полковникамъ Гамильтону и Ронаэру, въ Бѣлградъ — генералъ-маіору графу фонъ-Грехаму. Я также послалъ Гамильтону письмо для передачи полковнику Юнгеру.

20 числа узнали отъ людей, прибывшихъ изъ Хорошишова, что въ послѣднюю пятницу козаки, въ числѣ 3.000 человѣкъ, собрались и направились со множествомъ повозокъ и продовольствіемъ къ Немирову; что полковникъ Палей имѣетъ при себѣ до 6.000 конныхъ козаковъ, очень хорошо вооруженныхъ, получающихъ отъ короля польскаго по *9 левенталеровъ* и по двѣ одежды каждый.

Я купилъ 600 квартъ водки по 6 алтынъ ведро, всего на 10 р. 80 к.

21 числа мы узнали, что не вдалекѣ отъ Бѣлгородки въ послѣдній вторникъ убиты два купца, поѣхавшіе изъ Кіева. Я получилъ письмо и извѣстія изъ Москвы.

24 числа была сильная гроза; молнія ударила въ мой дворъ и разрушила шесть дубовыхъ столбовъ до земли.

26 числа узнали, что нѣсколько татаръ появились вблизи Бѣлой Церкви и вели съ собою нѣсколько человѣкъ.

27 числа пришли различныя семейства, бѣжавшія изъ Польши. и сообщили, что покинули край по причинѣ большой дороговизны, ибо бочка ржи тамошней мѣры, меньшей, нежели кіевская, стоитъ 13 флориновъ, а также и отъ притѣсненій, чинимыхъ имъ козаками.

28 числа въ день Вознесенія Христова я обѣдалъ, съ многими другими лицами, у окольничаго.

29 числа въ день рожденія почившаго англійскаго короля англичане чествовали память его, съ немалою печалью.

30 числа были закончены крѣпостныя укрѣпленія у Печерскихъ воротъ.

31 числа греки отправились въ Польшу съ лошадьми, чтобы продать ихъ.

1 іюня я пошелъ на островъ къ моимъ лошадямъ и нашелъ ихъ всѣхъ въ хорошемъ состояніи. Вечеромъ, вскорѣ послѣ заката солнца, на западѣ появилась на небѣ огненная змѣя, которая сперва поднялась какъ ракета, а затѣмъ стала блѣднѣть и черезъ полчаса совсѣмъ исчезла.

2 числа купецъ, прибывшій изъ Лембергъ, сообщилъ, что польскій сеймъ двѣ недѣли уже окончился и что на сеймѣ рѣшено двинуться съ арміею къ Каменцу для его осады и продолжать войну съ турками со всею силою. Далѣе онъ разсказывалъ, что римскій императоръ, недѣль 5 тому назадъ, разбилъ турецкій конвой, сопровождавшій въ г. Буду большой транспортъ; что венеціане одержали въ Средиземномъ морѣ значительныя побѣды надъ турками и, наконецъ, что *Морлаки*, при содѣйствіи венеціанскаго генерала и подъ его предводительствомъ, одержали большіе успѣхи и очень опустошили турецкія владѣнія.

Въ тотъ же вечеръ прибылъ стольникъ Семенъ Протасьевичъ Неплюевъ.

3 числа я и прочіе офицеры провожали боярина въ Печерскій монастырь, откуда мы, отстоявъ богослуженіе и отобѣдавъ, возвратились назадъ.

4 числа бояринъ, стольникъ, Мазепа, бунчужный и другія лица обѣдали у меня.

5 числа Мазепа и бунчужный были присланы гетманомъ въ Кіевъ, чтобы, согласно Царскому приказу, получить драгоцѣнные камни, деньги, одежду и прочія вещи, которыя гетманъ далъ своей дочери при вступленіи ея въ бракъ. Они предъявили большой списокъ деньгамъ, которыя гетманъ въ разныя времена посылалъ своему зятю, и въ томъ числѣ даже тѣ, которыя предназначались для войска, что составляло 7.714 р. Изъ числа ихъ

2.500 р. были заплачены за домъ въ Москвѣ, который, согласно царскому приказу, также долженъ былъ быть возвращенъ гетману. Въ томъ же спискѣ показаны были всѣ подарки, которые при свадьбѣ и послѣ сдѣлали полковники и другія лица, а также разныя другія вещи, о которыхъ бояринъ не въ состояніи былъ припомнить. Стольникъ Семенъ Протасьевичъ долженъ былъ все принять отъ боярина, передать это все двумъ другимъ лицамъ и получить себѣ надлежащую росписку. Бояринъ долженъ былъ получить завѣренную копію съ росписки, чтобы онъ могъ знать, что должно достаться его сыну, по достиженіи имъ совершеннолѣтія. Бояринъ отдалъ всю серебряную посуду, вѣсившую болѣе ста фунтовъ, также жемчугъ, драгоцѣнные камни и 19 колецъ, оцѣненные въ 760 рублей, платья и мѣха стоимостью въ 1.000 р., бѣлье всякое и домашнія принадлежности всякія, полученныя его супругою отъ ея отца. Подарки же, сдѣланные ему полковниками и другими лицами, онъ не возвратилъ, потому что это требованіе было противно всякой справедливости, хотя они и были означены въ спискахъ у обоихъ уполномоченныхъ. О деньгахъ, составлявшихъ сумму 5.214 рублей, бояринъ заявилъ, что они израсходованы.

5 числа я получилъ съ драгуномъ письма отъ полковника Гамильтона и Ронаэра.

6 числа утромъ была закончена передача вещей уполномоченнымъ гетмана. Они всѣ обѣдали потомъ у боярина, при чемъ между бояриномъ и окольничьимъ возникъ споръ. Я писалъ: голландскому резиденту, г. Виніусу, г. Тройену, князю Василію Васильевичу (прося послѣдняго уволить меня на нѣкоторое время изъ страны), Петру Васильевичу—о томъ же самомъ и Леонтію Романовичу Неплюеву, передъ которымъ оправдывался въ своемъ прежнемъ представленіи въ слѣдующихъ словахъ.

Я благодарю Васъ за особенную милость, которую вы проявили въ моемъ дѣлѣ въ Москвѣ. Разсматривая мою просьбу благосклонно и справедливо, нельзя признать ее преувеличенною, потому что я прошу не болѣе того, что получили другіе и теперь еще получаютъ, не болѣе того, что требуетъ сохраненіе моей души, мое тѣлесное здоровье и мое содержаніе, соотвѣтственное моему положенію.

При объявленіи намъ въ 1669 году, что мы будемъ получать только третью часть отпускавшагося намъ ранѣе жалованья, намъ было заявлено, что не желающій служить за третью часть можетъ свободно оставить страну. Только я одинъ оказался не-

счастливъ, ибо часто просилъ уже увольненія, но не могъ его получить.

Я по доброй волѣ прибылъ въ страну, чтобы служить Ихъ Величествамъ нѣкоторое время и не былъ ни купленъ, ни взятъ въ плѣнъ. Поэтому совершенно не правильно и не справедливо, что меня не хотятъ выпустить изъ страны, по крайней мѣрѣ на короткое время.

Если бы я имѣлъ возможность привести въ порядокъ мои домашнія дѣла въ мое отсутствіе, я не подвергалъ бы себя опасностямъ подобной поѣздки и сопряженнымъ съ нею расходамъ. Но это рѣшительно невозможно, потому что дѣло съ братьями, а сыновья мои еще слишкомъ молоды, чтобы заниматься подобными дѣлами; никто же изъ постороннихъ не хочетъ вмѣшиваться въ наши дѣла; кромѣ того, имѣется еще много другихъ причинъ, о которыхъ здѣсь не могу упомянуть.

Было бы совершенно справедливо и правильно, чтобы меня вознаградили за убытки, которые терплю, отъ того, что меня задерживаютъ здѣсь. Въ такомъ положеніи, въ которомъ я нахожусь въ настоящее время, весьма естественно, что горе и заботы вызовутъ болѣзни и когда я умру, то смерть моя причинитъ расходы Ихъ Величествамъ, такъ какъ принуждены будутъ кормить и содержать мою жену и моихъ дѣтей; дѣти же, еще долгое время, не въ состояніи будутъ отправлять службу или зарабатывать себѣ пропитаніе.

Я пишу Вамъ откровенно, въ увѣренности въ вашей ко мнѣ дружбѣ и добротѣ. Прошу васъ еще разъ написать обо мнѣ съ тѣмъ, чтобы это дѣло такъ или иначе получило бы окончаніе, потому что неизвѣстность увеличиваетъ мое горе въ высшей степени.

Кромѣ того, я писалъ еще и полковникамъ Гамильтону, Ронаэру и Скотту.

7 числа около 12 часовъ я и всѣ прочіе офицеры были позваны къ боярину. Мы пришли всѣ въ канцелярію, гдѣ находился окольничій. Бояринъ передалъ ему ключи, списокъ наличнаго состава гарнизона и инструкціи. Послѣ этого мы всѣ направились въ церковь и сдали двѣ иконы и знамена царскія, заранѣе туда доставленныя. Послѣ небольшой молитвы бояринъ ушелъ и помирившись съ окольничьимъ обѣдалъ у него. Затѣмъ всѣ офицеры проводили боярина чрезъ Черторой, гдѣ было здорово выпито, а затѣмъ всѣ разошлись. Все общество провожало затѣмъ окольничаго домой, гдѣ выпили еще болѣе.

Кіевскій полковникъ Григорій Коробченко прислалъ письмо козацкому гетману Могилѣ и пытался убѣдить его покинуть польскую службу, но не получилъ на это никакого отвѣта; Могила переслалъ это письмо польскому королю.

8 числа вступилъ въ городъ избранный полкъ солдатъ. 400 человѣкъ съ десятью знаменами были отряжены изъ города, чтобы произвести ученье вмѣстѣ съ двумя полками, вновь прибывшими; послѣдніе состояли изъ 700 человѣкъ.

9 числа я получилъ извѣстіе, что сынъ боярина заболѣлъ въ Броварахъ; онъ имѣлъ два раза судорожные припадки.

Въ моемъ полковомъ спискѣ, отправленномъ въ Москву, значилось драгуновъ—123, солдатъ—149, стрѣльцовъ—287, констеблеровъ—55, всего же 594 человѣка.

10 числа пріѣхалъ офицеръ изъ Бѣлгорода и привезъ мнѣ письмо отъ генералъ-маіора графа фонъ-Грехама.

Въ тотъ же день я писалъ въ Москву боярамъ: князю Никитѣ Семеновичу (Урусову), Алексѣю Петровичу (Салтыкову), думному дворянину Θедору Андреевичу (Зыкову), писцу Ивану Бирину и дьяку Андрею Виніусу.

11 числа я отвѣчалъ лорду Грехаму съ полковникомъ Англеромъ и извинялся, что не могъ доставить требуемые 70 рублей.

Я прикончилъ дѣло съ Одоверномъ, далъ ему 50 рублей и получилъ отъ него росписку въ удовлетвореніе его различныхъ требованій.

12 числа пришло извѣстіе изъ Москвы, что многимъ полкамъ приказано выступать къ границамъ крымскимъ и къ Дону. Это послѣдовало единственно, чтобы доставить удовольствіе римско-католическому послу и чтобы его позабавить, такъ какъ онъ долженъ былъ полагать, что эти полки заставятъ обезпокоиться татаръ, къ которымъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, отправили пословъ, съ обычнымъ платежемъ денегъ за два года и съ увѣреніемъ, что не намѣрены нарушать мирныхъ отношеній съ ними, ни съ турками. Означенныя войска должны были быть подъ предводительствомъ лица знатнаго происхожденія, но не большого чина, именно стольника князя Михаила Θедоровича Сайдакова, Ивана З—ча Леонтьева и другихъ лицъ въ качествѣ ихъ помощниковъ или товарищей.

13 числа было получено извѣстіе о кончинѣ стародубскаго полковника Семеона, старшаго сына гетмана, умершаго 7 іюня; его должны были привести въ Кіевъ, чтобы предать землѣ.

14 числа было сообщено, что полковникъ Палей двинулся въ Крымъ и, какъ говорили, съ отрядомъ въ 20.000 человѣкъ, чтобы воспрепятствовать татарамъ дѣлать набѣги въ Польшу.

16 числа пріѣхалъ изъ Польши грекъ съ извѣстіемъ, что одинъ дворянинъ завѣрилъ его, что поляки расположены заключить миръ съ турками и напасть на русскихъ. Извѣстіе это имѣло мало вѣроятія и мало основанія. Я приказалъ обмѣрить внѣшніе валы большого и малаго города въ Кіевѣ. Валъ Софійской части города имѣлъ 987 саженъ, валъ малаго города только 380 с., михайловской части—210 саж., печерской—575 саж., всего же съ болверками, кромѣ внѣшнихъ укрѣпленій,—2.152 (fath) сажени. Я распредѣлилъ потомъ посты (караулы). На три внѣшнихъ воротъ приходилось 6 дневной стражи, въ софійской части 25 дневныхъ и 15 ночныхъ постовъ или карауловъ, въ маломъ городѣ 13 дневныхъ и 3 ночныхъ карауловъ; въ михайловской части 4 дневныхъ и 5 ночныхъ карауловъ, въ печерской 14 дневныхъ и 8 ночныхъ карауловъ. Это было разсчитано по малому числу гарнизона въ то время. Когда гарнизонъ будетъ многочисленнѣе, то и эти караулы должны быть увеличены.

17 числа я получилъ письма изъ Москвы отъ ротмистра Захарія Бабина отъ 5 іюня, но оно не содержало въ себѣ новостей. Зять мой сообщалъ мнѣ, что 14 числа долженъ прибыть въ Батуринъ Өедоръ Петровичъ Шереметевъ, а гетманъ направится къ р. Дону, чтобы проститься съ своимъ сыномъ. Тѣмъ временемъ бояринъ долженъ былъ пребывать въ Батуринѣ, до возвращенія гетмана. Шпіонъ Иванъ Филимоновичъ Вариловъ возвратился назадъ и сообщилъ, что сенаторы сорвали польскій сеймъ (это было невѣрно); что король съ воеводою Краковскимъ двинется къ Вѣнѣ на помощь римскому императору; что Любомірскій направится къ Каменцу и долженъ овладѣть имъ, а также тремя пашами и ханскимъ сыномъ, недавно прибывшими въ Каменецъ; что ханъ татарскій самъ съ великимъ визиремъ двинутся противъ римскаго императора; что король польскій удалился съ сейма неизвѣстно куда; что поляки очень недовольны королемъ. Говорили также, что король находится въ Яворовѣ; что литовская армія стягивается у Берестечка, но не желаетъ оказывать содѣйствіе императору, развѣ что король уплатитъ ей жалованье; что московская бочка ржи стоила 10 рублей, а потому среди бѣдныхъ обывателей царитъ голодъ. Все это шпіонъ узналъ отъ дворянина по имени Юрій Попара, который живетъ невдалекѣ отъ Лемберга. Сообщилъ **П. М. Майковъ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Музея въ области охраненія памятниковъ отечественной ста ины и развитія отечественнаго искусства. Изъ описаній рукописныхъ пріобрѣтеній Музея привлекаетъ особое вниманіе описаніе громаднаго собранія рукописей, проданныхъ Музею проф. Е. В. Барсовымъ. Къ отчету, прекрасно изданному in folio, приложено 7 превосходно выполненныхъ фототипическихъ таблицъ, воспроизводящихъ пріобрѣтенія Музея въ области художественной и палеографической, автографъ М. И. Кутузова, виды Музея. Кромѣ того, въ текстѣ отчета—много хорошо исполненныхъ цинкографій, воспроизводящихъ пріобрѣтенія Музея въ области археологіи церковной и общей. Въ приложеніи данъ ученый трудъ В. А. Городцова о культурѣ бронзовой эпохи въ Средней Россіи, снабженный 79 цинкографіями, планомъ и 3 таблицами. **С. Я.**

И. С. Симоновъ. Памяти Ник. Вас. Исакова, Петр. 1916, стр. 48, ц. 40 коп. Памяти Всев. Порф. Коховскаго, Петр. 1916, стр. 81, ц. 60 коп. Памяти Григ. Григ. Даниловича, Петр. 1916, стр. 60, ц. 50 к. Страничка изъ жизни К. Д. Кавелина, отт. изъ журн. „Педагогическій Сборникъ", Петр. 1916.

Всѣ названные въ заголовкѣ замѣтки очерки посвящены памяти выдающихся дѣятелей въ области отечественной культуры. Первыя три книги представляютъ собою тепло и обстоятельно написанные оче ки жизни и дѣятельности выдающихся педагоговъ, много и съ пользою потрудившихся на военно-педагогическомъ поприщѣ; послѣдняя брошюра представляетъ очеркъ отношеній къ военно-педагогическому вѣдомству знаменитаго К. Д. Кавелина. Въ ней приведено нѣсколько неизданныхъ писемъ Кавелина, представляющихъ интересъ для его жизнеописанія. Къ первымъ тремъ книжкамъ приложены портреты лицъ, которымъ онѣ посвящены.

С. М.

Проф. А. Я. Шпаковъ. Государство и церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ московскомъ государствѣ. Царствованіе Өеодора Ивановича. Учрежденіе патріаршества въ Россіи.

Изслѣдованіе профессора А. Я. Шпакова, доставившее ему докторскую степень, при всей своей академичности и глубокой научности, представляетъ чрезвычайный интересъ современности и злободневности. Всѣ, интересующіеся вопросомъ о возстановленіи патріаршества, задумывающіеся надъ современнымъ положеніемъ православной церкви и ея взаимоотношеніемъ къ государству, съ большой пользою для себя прочтутъ трудъ профессора Шпакова. Давно уже занимающійся изслѣдованіемъ взаимныхъ отношеній государства и церкви въ московской Руси, авторъ въ настоящемъ трудѣ своемъ талантливо изобразилъ самый интересный моментъ этихъ взаимоотношеній, моментъ учрежденія патріаршества и полученія русской церковью юридической независимости. Привлекши къ своему изслѣдованію подлинные документы изъ синодальныхъ архивовъ, проф. А. Я. Шпаковъ выясняетъ причины, приведшія къ учрежденію патріаршества, условія, при которыхъ оно создалось, и цѣли, преслѣдовавшіяся въ этомъ дѣлѣ московскими государями. Въ двухтомномъ приложеніи къ основному труду проф. А. Я. Шпаковъ воспроизвелъ, со всѣми особенностями правописанія, современные списки, хронографы и грамоты, относящіеся къ разработанному имъ вопросу и имѣющіе первостепенное значеніе. Изданіе этихъ документовъ само по себѣ представляетъ крупный научный вкладъ, такъ какъ благодаря проф. А. Я. Шпакову сохранены для науки видные въ историческомъ отношеніи списки и листы, пришедшіе отъ времени въ ветхость и находящіеся, быть можетъ, наканунѣ совершеннаго разрушенія. **С. Ш.**

дакторъ-издатель П. Н. Вороновъ. Тип. Шт. Петр. Воен. Окр.

Русская старина, 1917, №№ 3–12 (н. 4, ...)

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLVIII-й. **МАРТЪ.** 1917 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложеніе: Портретъ Михаила Ивановича Семевскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1917 года.

Подписная цѣна на 1917 годъ — 11 руб., за границу — 13 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

III-я книжка „Русской Старины“ вышла 14-го марта 1917 года.

Библіографическій листокъ.

В. Г. Дружининъ. Нѣсколько автографовъ писателей старообрядцевъ. Съ приложеніемъ фототипическихъ таблицъ. Петр. 1916.

Книга издана Императорскимъ Обществомъ Любителей Древней Письменности и содержитъ 22—отчасти двойныя—таблицы съ воспроизведеніемъ почерковъ знаменитѣйшихъ писателей старообрядцевъ, начиная съ XVII вѣка. Авторъ пояснительнаго текста къ этимъ великолѣпно изданнымъ таблицамъ совершенно справедливо заявляетъ, что опредѣленіе почерковъ писателей и изданіе снимковъ съ почерковъ даетъ возможность раскрыть новыя свѣдѣнія о литературной дѣятельности нѣкоторыхъ изъ нихъ, устанавливаетъ подлинные тексты сочиненій,—вообще очень цѣнно въ историко-культурномъ отношеніи. Что касается, въ частности, настоящаго сборника автографовъ, то онъ особенно интересенъ снимками съ подлиннаго собственноручнаго текста знаменитаго „Житія" протопопа Аввакума. **М. Т.**

Академикъ А. И. Соболевскій. Русскія фрески въ старой Польшѣ. Съ тремя фототипическими таблицами.

Академикъ А. И. Соболевскій издалъ (въ книжкѣ московскаго общества по изслѣдованію памятниковъ древности) три снимка съ фресокъ работы русскихъ мастеровъ на стѣнахъ краковскихъ католическихъ церквей. Авторъ очерка отмѣчаетъ, что въ предѣлахъ старой Польши, въ ея монастыряхъ, костелахъ и музеяхъ находится, повидимому, немало предметовъ, которые должны интересовать русскую историческую науку, и обращаетъ вниманіе отечественныхъ изслѣдователей на необходимость изученія такихъ памятниковъ для выясненія степени культурнаго взаимнаго вліянія двухъ родственныхъ народовъ. **С. Т.**

Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1914 годъ. М. 1916. Стр. 226.

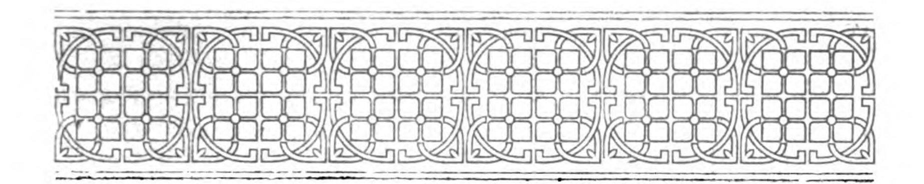
Какъ предыдущіе, настоящій отчетъ даетъ полное представленіе о многополезной и разносторонней дѣятельности Московскаго Историческаго Музея въ области охраненія памятниковъ отечественной старины и развитія отечественнаго искусства. Изъ описаній рукописныхъ пріобрѣтеній Музея привлекаетъ особое вниманіе описаніе громаднаго собранія рукописей, проданныхъ Музею проф. Е. В. Барсовымъ. Къ отчету, прекрасно изданному in folio, приложено 7 превосходно выполненныхъ фототипическихъ таблицъ, воспроизводящихъ пріобрѣтенія Музея въ области художественной и палеографической, автографъ М. И. Кутузова, виды Музея. Кромѣ того, въ текстѣ отчета много хорошо исполненныхъ цинкографій, воспроизводящихъ пріобрѣтенія Музея въ области археологіи церковной и общей. Въ приложеніи данъ ученый трудъ В. А. Городцова о культурѣ бронзовой эпохи въ средней Россіи, снабженный 79 цинкографіями, планомъ и 3 таблицами.

С. Я.

Описаніе дѣлъ архива Министерства Народнаго Просвѣщенія. Подъ редакціей заслужен. профессора С. Ѳ. Платонова и начальника архива А. С. Николаева. Т. I. Петр. 1917. Стр. 500.

Настоящимъ выпускомъ описанія дѣлъ архива министерства народнаго просвѣщенія положено начало хорошему и полезному дѣлу, имѣющему важ-

Михаилъ Семевскій



СОВЕРШИЛОСЬ.

За послѣдніе дни февраля и въ первыхъ дняхъ марта совершилось въ Петроградѣ событіе великой исторической важности— во главѣ, по волѣ народа, въ Россіи стало новое, временное, правительство.

Измѣнился строй политической и внутренней жизни Россіи.

Произошло это такъ согласно радіотелеграммы, посланной 3-го марта изъ радіотелеграфнаго отдѣленія отправлена радіодепеша слѣдующаго содержанія: „Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ, 28-го февраля вечеромъ предсѣдатель Гос. Думы получилъ высочайшій указъ объ отсрочкѣ засѣданій до апрѣля. Въ тотъ же день утромъ нижніе чины Волынскаго и Литовскаго полковъ вышли на улицу и устроили рядъ демонстрацій въ пользу Г. Думы. Къ вечеру того же дня волненіе въ войскахъ и населеніи приняло крайне тревожные размѣры.

Члены Г. Думы, собравшись на частное совѣщаніе, поручили Совѣту старѣйшинъ немедленно выработать мѣры для возстановленія порядка. Совѣтъ старѣйшинъ избралъ для этой цѣли, а также для сношеній съ огранизаціями и лицами Временный Комитетъ изъ 12 членовъ, которому и передалъ выпавшую изъ рукъ правительства власть.

Послѣ продолжительнаго обсужденія Временный Комитетъ, во главѣ съ предсѣдателемъ Думы Родзянко, рѣшилъ принять на себя функціи исполнительной власти. Въ ближайшіе дни волненія перебросились изъ столицы на окрестности и опасность приняла угрожающіе размѣры. Съ цѣлью предупрежденія полной анархіи временное правительство взяло на себя возстановленіе нормальной связи между нижними чинами и офицерами.

Въ короткій срокъ при единодушномъ настроеніи всей арміи въ пользу переворота, Комитету и сгруппировавшемуся вокругъ него Петроградскому гарнизону удалось мало-по-малу пріостановить уличные эксцессы и возстановить порядокъ въ столицѣ. Рядъ общественныхъ зданій, однако же, пострадалъ отъ господствовавшей одно время анархіи. Количество человѣческихъ жертвъ по счастью оказалось не столь значительно, какъ можно было бы опасаться.

Серьезное осложненіе создалось подъемомъ общественнаго настроенія и энергичной дѣятельностью лѣвыхъ политическихъ организацій. Временному Комитету, однако, удалось вступить въ сношенія съ наиболѣе вліятельнымъ изъ нихъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, избраннымъ въ кратчайшее время петроградскими фабриками и заводами.

Рабочее населеніе Петрограда проявило большое политическое благоразуміе, и, понявъ опасность, грозившую столицѣ и странѣ, въ ночь на 2-е марта сговорилось съ временнымъ комитетомъ Думы, какъ относительно предполагаемаго направленія реформъ и политической дѣятельности послѣдняго, такъ и относительно собственной поддержки будущаго правительства въ предѣлахъ, объявленныхъ имъ политическихъ намѣреній.

Вечеромъ 2-го марта послѣ продолжительнаго обсужденія въ тысячной аудиторіи рабочихъ, проекты, выработанные обѣими сторонами, получили одобреніе громаднымъ большинствомъ всѣхъ противъ 15 голосовъ. Соглашеніе это обѣщаетъ окончательно остановить печальныя явленія на улицахъ столицы, рѣзко осуждаемыя въ выпущенномъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ воззваніи.

Изъ ряда городовъ получаются сообщенія о присоединеніи ихъ къ дѣйствіямъ Временнаго Комитета Г. Думы и о созданіи подобныхъ же временныхъ органовъ власти. Въ Царскомъ Селѣ всѣ войска примкнули къ движенію. Попытки послать противъ столицы воинскія части изъ мѣстностей, близкихъ къ Петрограду, кончились полнѣйшей неудачей, такъ какъ посылаемыя войска немедленно переходили на сторону Г. Думы.

Возстановивъ нѣкоторый порядокъ и убѣдившись въ прочности достигнутаго успѣха, Временный Комитетъ постановилъ организовать Временное Правительство въ составѣ: предсѣдателя совѣта министровъ и министра внутреннихъ дѣлъ кн. Львова, военнаго и морского Гучкова, министра иностранныхъ дѣлъ Милюкова, министра торговли и промышленности Коновалова, министра финансовъ Терещенко, министра юстиціи соціалистиче-

скаго депутата Керенскаго, министра земледѣлія Шингарева, министра путей сообщенія Некрасова и оберъ-прокурора Синода Львова.

Послы англійскій, французскій и итальянскій признали народное правительство, спасшее страну отъ тяжелой разрухи и возстановившее вѣру въ боевую способность страны и арміи.

Въ числѣ задачъ ближайшей дѣйствительности выпущенное 3-го марта правительственное воззваніе упоминаетъ общую амнистію, свободу собраній, союзовъ, совѣсти и печати.

Подготовку къ созыву учредительнаго собранія для выработки формы правленія и конституціи страны, отмѣну національныхъ и религіозныхъ ограниченій, неудаленіе изъ Петрограда перешедшихъ на сторону движенія воинскихъ частей, о сохраненіи за нижними чинами при соблюденіи ими строгой воинской дисциплины въ строю и во время военныхъ порученій, общихъ гражданскихъ правъ.

Энтузіазмъ населенія по поводу совершающагося даетъ полную увѣренность не только въ сохраненіи, но и въ громадномъ увеличеніи силы національнаго сопротивленія. Къ тому же приходятъ и выпущенныя комитетомъ Государственной Думы заявленія, въ которыхъ постоянно упоминается о твердомъ рѣшеніи народнаго представительства и національнаго правительства сдѣлать всѣ усилія и принести всѣ жертвы для достиженія рѣшительной побѣды надъ врагомъ".

Первая телеграмма М. В. Родзянко царю.

26-го февраля предсѣдатель Государственной думы отправилъ въ ставку царю телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ продовольствія и топлива пришелъ въ полное разстройство. Растетъ общее недовольство. На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Части войскъ стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы часть отвѣтственности не пала на вѣнценосца".

Телеграмма М. В. Родзянко главнокомандующимъ фронтами.

Въ тотъ же день, 26-го февраля, предсѣдатель Государственной Думы протелеграфировалъ всѣмъ главнокомандующимъ

фронтами вышеприведенную телеграмму, снабдивъ ее просьбой поддержать, со своей стороны, передъ царемъ обращеніе предсѣдателя Государственной Думы.

Отвѣтныя телеграммы генераловъ Брусилова и Рузскаго.

Генералъ Брусиловъ отвѣтилъ:

„Телеграмму получилъ. Свой долгъ передъ родиной и царемъ исполню".

Телеграмма генерала Рузскаго гласитъ: „телеграмму получилъ. Порученіе исполню".

Вторая телеграмма предсѣдателя Государственной Думы царю.

27-го февраля, утромъ, предсѣдатель Государственной Думы обратился къ царю со второй телеграммой слѣдующаго содержанія:

„Положеніе ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи".

Телеграмма великаго князя Николая Николаевича М. В. Родзянко.

„Подана въ Тифлисѣ 2-го марта, въ 12 часовъ 45 минутъ пополудни.

„Въ Петроградъ, Предсѣдателю Государственной Думы Родзянко. (Срочно, внѣ очереди).

Сейчасъ, въ согласіи съ мнѣніемъ генералъ-адъютанта Алексѣева, обратился къ государю императору съ вѣрноподданнической мольбой ради спасенія Россіи, побѣдоноснаго окончанія войны принять рѣшеніе, признаваемое вами единственнымъ выходомъ при создавшихся роковыхъ условіяхъ.

Главнокомандующій кавказской арміей генералъ-адъютантъ Николай".

Циркулярная телеграмма кн. Г. Е. Львова.

Предсѣдателемъ Совѣта министровъ кн. Г. Е. Львовымъ 4 марта отправлена начальнику штаба верховнаго главнокомандующаго ген.-ад. Алексѣеву, городскимъ головамъ и предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ, главнокомандующимъ войсками всѣхъ фронтовъ, командующимъ войсками военныхъ округовъ, командующимъ флотами Балтійскимъ и Черноморскимъ, командирамъ портовъ и помощнику финляндскаго генералъ-губернатора слѣдующая телеграмма:

„2-го сего марта послѣдовало отреченіе отъ престола государя императора Николая II за себя и за своего сына въ пользу великаго князя Михаила Александровича.

3-го марта Михаилъ Александровичъ отказался воспріять верховную власть впредь до опредѣленія Учредительнымъ Собраніемъ формы правленія и призвалъ населеніе подчиниться временному правительству, по почину Г. Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти впредь до созыва Учредительнаго Собранія, которое своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразить волю народа".

Предсѣдатель Совѣта Министровъ Кн. Львовъ.

Заслуга Россіи и всѣмъ нашимъ вѣрнымъ союзникамъ 4-й Государственной Думы и ея высокочтимаго предсѣдателя М. В. Родзянко огромна. Въ то время, когда прежнее правительство разъединило всю внутреннюю жизнь страны, 4-я Г. Дума сплотила всю Россію воедино. Соединивъ почти всю Думу прочнымъ союзомъ прогрессивнаго блока, Г. Дума встрѣтила полное сочувствіе Государственнаго Совѣта, дворянскихъ и прочихъ организацій и въ дни тяжкаго испытанія, когда при роспускѣ Думы странѣ грозила анархія, она осталась на своемъ посту, взяла въ свои руки бразды правленія, объединилась съ крайними лѣвыми и спасла Россію.

Въ совершеніи переворота войска петроградскаго гарнизона выполнили огромную роль.

Еще при существованіи 4-й Г. Думы ей подлежитъ поставить памятникъ.

И лѣвыя организаціи, соединившись во время разрухи со всей страной, проявили также высокую государственную мудрость.

Способствовалъ также успокоенію страстей актъ отреченія бывшаго императора и в. к. Михаила Александровича.

Петроградъ волшебно переродился—въ немъ уже нѣсколько дней протекаетъ жизнь въ полнѣйшимъ спокойствіи и порядкѣ.

Теперь на просвѣтленномъ пути изстрадавшейся, свободной, Россіи предстоятъ задачи—нанести Германіи окончательное пораженіе и завершить свое внутреннее строеніе.

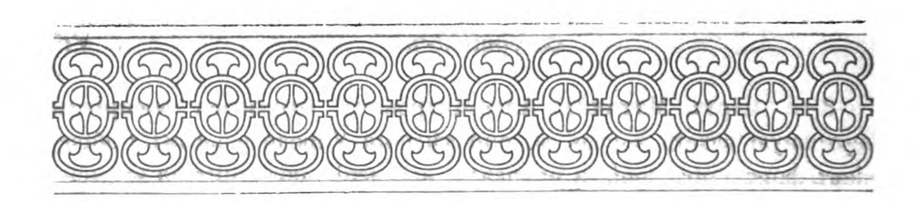
Богъ намъ на помощь!

Въ годины тяжкихъ испытаній Россія духъ надо поддержать вдохновенными строками Тютчева.

Умомъ Россію не объять,
Ее аршиномъ не измѣрить,
У ней особенная стать—
Въ Россію только можно вѣрить.

Род.

5 марта 1917 г.
Петроградъ.



Памяти Михаила Ивановича Семевскаго.

(Къ 25-лѣтію дня его кончины).

---

9 марта этого года исполнилось 25 лѣтъ со дня кончины (9 марта 1892 г.) основателя и редактора-издателя „Русской Старины" Михаила Ивановича Семевскаго.

Онъ родился 4 января 1837 года въ дворянской семьѣ Псковской губерніи Великолуцкаго уѣзда, воспитывался въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, въ дворянскомъ полку (Константиновскомъ корпусѣ), откуда былъ выпущенъ прапорщикомъ въ л. гв. Павловскій полкъ; съ полкомъ онъ отправился въ 1855 г. на коронацію въ Москву и здѣсь онъ познакомился со многими московскими литераторами и артистами, А. Н. Островскимъ А. А. Григорьевымъ, П. М. Садовскимъ, И. Ѳ. Горбуновымъ и др. Послѣдствіемъ этого знакомства было появленіе въ „Москвитянинѣ" его первой статьи: „Нѣсколько словъ о фамиліи Грибоѣдовыхъ".

Для болѣе яркаго освѣщенія его личности воспроизводимъ [1]) автобіографическую стенограмму Михаила Ивановича о началѣ его литературной дѣятельности.

„Отечественную исторію я сталъ изучать съ весьма раннихъ лѣтъ моего возраста. Я говорю „изучать" потому, что уже 15—16 лѣтъ не довольствовался однимъ учебнымъ курсомъ, а старался прочитывать, какъ говорилось въ школѣ, „постороннія книги", имѣвшія болѣе или менѣе отношеніе до родной старины. Какъ теперь припоминаю, изъ этого рода сочиненій мнѣ особенно нравились Біографіи и Словарь достопамятностей россійскихъ. Извѣстное сочиненіе Бантышъ-Каменскаго было едва-ли не первою книгою, которая прочитана была мною, и прочитана не

---

[1]) „Рус. Стар." 1892, апрѣль.

одинъ разъ, изъ отдѣла книгъ по отечественной исторіи. Какъ ни суха, повидимому, эта книга, какъ ни однообразно изложеніе біографій, въ ней помѣщенныхъ, тѣмъ не менѣе и въ нихъ—въ этихъ служебныхъ спискахъ, разбавленныхъ большею частью похвалами—я нашелъ для своего юнаго воображенія не мало фактовъ, воскресившихъ предо мною прошедшую жизнь.

„Вслѣдъ за Бантышъ-Каменскимъ подвернулись мнѣ подъ руки „Записки о Россіи“ Манштейна, переведенныя съ французскаго Глинкою. Эта одна книга уже дала мнѣ мысль къ сочинительству. Я вздумалъ, по ней, по одной этой книгѣ, составить біографическій очеркъ жизни знаменитаго канцлера Ивана Андреевича Остермана, трудился надъ этимъ нѣсколько недѣль, и самой внѣшности этой біографіи придалъ, быть можетъ, самъ того не замѣчая, такой-же видъ, какой имѣли біографическіе очерки въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго. Мнѣ было 16, много 17 лѣтъ, когда я, такимъ образомъ, выступилъ на поприще составленія, будто-бы, самостоятельныхъ очерковъ.

„Профессоромъ исторіи былъ у меня извѣстный въ свое время по бездарности Михаилъ Ивановичъ Касторскій — тотъ самый, который въ теченіе многихъ лѣтъ, благодаря какой-то протекціи, могъ занимать каѳедру въ Петербургскомъ университетѣ. Это былъ старичекъ довольно уморительной наружности, съ весьма странными ухватками и положительно не умѣвшій проговорить пóлчаса связно и логично. Преподаваніе его сводилось къ устряловскому учебнику, но разбавлялось однако одною особенностью: изрѣдка онъ обращалъ вниманіе своей аудиторіи на источники. Такъ, напр., онъ останавливался на нѣкоторыхъ подробностяхъ о лѣтописцѣ Несторѣ, на нѣкоторыхъ его продолжателяхъ и даже знакомилъ съ подлинными грамотами. Связь изложенія исторіи съ источниками къ ней у него была весьма мала, отрывочна, но тѣмъ не менѣе большое спасибо его памяти за то, что онъ далъ мнѣ, хотя и самое поверхностное, понятіе о томъ, что такое источники. Это до такой степени въ послѣдствіи времени сослужило мнѣ службу, что, какъ теперь помню, въ своей педагогической практикѣ преподаванія отечественной исторіи я не иначе преподавалъ ее, какъ опираясь на примитивныя, т. е. первоначальныя данныя къ излагаемымъ событіямъ. Страсть, или, лучше сказать, способность къ компилятивнымъ работамъ, къ обращенію съ источниками внушена мнѣ была также и нѣкоторыми другими преподавателями въ нашемъ заведеніи, которые задавали темы, требуя обработать ихъ по рекомендуемымъ книгамъ. Такъ, напр., мнѣ на 18-мъ

году жизни, довелось писать большое сочиненіе—очеркъ исторіи русскаго театра, какое-то статистическое сочиненіе, мною теперь совершенно забытое, очеркъ исторіи государственнаго совѣта— это изъ науки законовѣдѣнія, и нѣкоторыя другія. Первая изъ названныхъ компиляцій, какъ ни слаба она была, сослужила мнѣ ту службу, что дала возможность погрузиться въ исторію русской литературы XVIII столѣтія. Кто знаетъ, быть можетъ, безъ названной темы, когда бы еще довелось мнѣ перечитать журналы Новикова, Александра Сумарокова, сочиненія Екатерины II, братьевъ Эминыхъ, журналы Крылова, Рубана, Козицкаго, Дашковой и проч. и проч. Между тѣмъ, тутъ, имѣя въ виду свою литературную работу, я, такъ сказать, всецѣло погрузился въ эти сѣренькія, плохой старинной печати, книги, и цѣлыми днями просиживалъ въ публичной библіотекѣ.

„Сочиненія вышли, конечно, плохія, хотя и сопровождались весьма пышными аттестаціями преподавателей. Но масса усвоенныхъ фактовъ осталась дорогимъ пріобрѣтеніемъ для послѣдующей моей жизни. Возвращаясь къ этому труду,—я говорю объ очеркѣ русской народной комедіи, а не театра,—скажу, что, и по выходѣ изъ учебнаго заведенія, я посвятилъ ему около года довольно усидчивой работы, и руководителемъ или, лучше сказать, подстрекателемъ къ этому труду былъ извѣстный въ свое время профессоръ русской словесности и самый лучшій переводчикъ англійскихъ романовъ Иринархъ Ивановичъ Введенскій. Онъ былъ уже слѣпъ, когда я его зналъ и когда его помню. Но, несмотря на слѣпоту свою, этотъ человѣкъ сохранилъ всю горячность молодости, необыкновенную энергію и потребность возбужденія окружавшихъ его молодыхъ людей къ неустанному и упорному умственному труду. Рѣчь его была необыкновенно увлекательна, а самая наружность до чрезвычайности симпатична. Вообще вся эта фигура преждевременнаго инвалида труда дѣйствовала необыкновенно обаятельно на всѣхъ, кто сколько-нибудь ближе съ нимъ сходился. Какъ теперь помню, съ какою боязнью явился я къ нему на Петербургскую сторону, недалеко отъ Тучкова моста, въ 3 этажъ, въ весьма скромную квартиру, и давалъ отчетъ о ходѣ своихъ занятій въ публичной библіотекѣ. Какъ теперь помню, какъ сжималось у меня сердце при отчетахъ о томъ, что работа у меня далеко не спорилась такъ, какъ было бы желательно моему руководителю. Въ пылкомъ воображеніи Введенскаго этотъ трудъ уже являлся вполнѣ законченнымъ, а между тѣмъ, какъ онъ самъ не могъ видѣть изъ моихъ отчетовъ, его питомецъ барахтался лишь только въ

первоначальныхъ источникахъ къ этой работѣ—въ журналистикѣ и въ произведеніяхъ вообще русскихъ авторовъ екатерининской эпохи. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, припадокъ злой холеры унесъ Введенскаго въ могилу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и работа моя какъ бы оборвалась. Я возвращался къ ней уже, такъ сказать эпизодически, взявши на себя въ то же время преподаваніе русской словесности, а вслѣдъ затѣмъ и отечественной исторіи въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

„Крайній недостатокъ средствъ, ничтожность задѣльной платы за уроки, небольшой кругъ знакомыхъ и полное невѣдѣніе литературныхъ кружковъ, которымъ, по самому своему воспитанію, я былъ вполнѣ чуждъ, т. е. стоялъ отъ нихъ волею-неволею въ сторонѣ [1]) — все это не могло развить во мнѣ мысли когда-нибудь выступить въ печать. Видѣть какую-либо строчку своихъ писаній въ печати казалось дѣломъ столь несбыточнымъ, что не могло даже придти и въ голову 21—23 лѣтнему молодому человѣку. Между тѣмъ, это несчастіе случилось гораздо ранѣе, чѣмъ и можно, и должно было надѣяться. Смѣло говорю „несчастіе“, потому что для будущаго литературнаго работника, хотя-бы и весьма второстепеннаго, хотя-бы и не оригинальнаго, не самостоятельнаго, а компилятора, надо выступить въ печать сколь возможно позже. Преждевременное тисненіе отучаетъ отъ упорности въ работѣ, отъ всесторонней обдуманности писаннаго и, наконецъ, слабые очерки неопытнаго пера съ именемъ несозрѣвшаго автора выбрасываетъ на судъ, иногда придирчивой, но большею частью справедливой критики. Между тѣмъ рѣзкіе отзывы значительно обезкураживаютъ его и не мало доставляютъ горькихъ минутъ въ его жизни. Короче сказать, не только беллетристу въ особенности, но даже и скромному компилятору историческихъ статей я всегда посовѣтую начать сколько возможно позже выдвигаться на печатную арену. Въ моей, однако, жизни случилось какъ разъ напротивъ.

„Въ томъ кружкѣ Введенскаго, въ которымъ вращался я, вращался, впрочемъ, весьма короткое время, такъ какъ сблизился съ нимъ лишь за годъ до его преждевременной кончины, былъ гвардейскій офицеръ, нѣкто Владиміръ Николаевичъ Рюминъ, весьма расторопный и смышленый человѣкъ, который, замѣтивъ оживленіе нашей журналистики съ первыми годами царствованія имп. Александра Николаевича, рѣшился примкнуть къ этому движенію съ изданьицемъ небольшимъ по объему, но съ

---

[1]) Сношенія съ Введенскимъ предшествуютъ поѣздкѣ въ Москву.

весьма заманчивымъ заглавіемъ: „Общезанимательный Вѣстникъ“. Это былъ весьма жидкій по объему, но иллюстрированный журналъ, и, какъ по самому своему заглавію, такъ и по значенію и, наконецъ, въ особенности по иллюстраціямъ,—еще тогда довольно новымъ, ибо прежняя „Иллюстрація“ давно захирла и не существовала, а новой еще не возникало,—этотъ журналъ могъ бы очень и очень пойти, если бы успѣхъ не подѣйствовалъ на г. Рюмина совершенно обратно тому, чего можно было ожидать. Успѣхъ, повторяю, былъ, но собранныя деньги пошли на мотовство—на угощеніе пріятелей, и журналъ послѣ года или $1^1/_2$ исчезъ самъ собою. Какъ ни кратко было его существованіе, но и онъ нуждался въ сотрудникахъ. Кругъ людей пишущихъ былъ въ то время не великъ, да и всѣ пишущіе распредѣлялись по небольшому числу тогдашнихъ журналовъ. Между тѣмъ, новое изданіе било на то, чтобы открывать новые таланты. Къ тому же это было и для издателей гораздо дешевле. Въ числѣ открытыхъ дарованій и пишущій эти строки былъ заполоненъ Рюминымъ на страницы его изданія. Подмѣтивъ во мнѣ любовь къ отечественной исторіи и къ старинной отечественной словесности и нѣкоторыя усвоенныя въ этомъ отношеніи знанія, Рюминъ упросилъ меня дать ему двѣ или три монографійки. Одною изъ первыхъ была статья изъ временъ императрицы Анны Іоанновны, а именно, о ледяномъ домѣ и придворномъ бытѣ ея времени. Такимъ образомъ, чтеніе записокъ Манштейна, Бантышъ-Каменскаго и изученіе скуднаго арсенала русскихъ книгъ по русской исторіи XVIII вѣка не пропало для меня безслѣдно; оно привлекло къ составленію первыхъ статеекъ, съ которыми, повторяю, имѣлъ несчастіе слишкомъ рано выступить въ печать.

„Журналъ Рюмина растаялъ, т. е. исчезъ, но толчекъ въ литературѣ,—не имъ, а духомъ новаго времени,—былъ данъ, и новые журналы стали зарождаться чуть-ли не десятками. Едва-ли число читателей возрастало такъ быстро, какъ стало возрастать число пишущихъ, число сотрудниковъ. Сколько тогда появилось поэтовъ, критиковъ, романистовъ, въ особенности составителей картинокъ съ натуры и всевозможныхъ обличительныхъ разсказовъ. Сколько теперь я вижу разныхъ почтенныхъ чиновниковъ, предсѣдателей разныхъ учрежденій, наконецъ, статсъ-секретарей и сенаторовъ, которые въ упоминаемые мною годы, т. е. 20 лѣтъ тому назадъ, бойко подмахивали свое имя на печатныхъ страницахъ тѣхъ или другихъ, давно уже скончавшихся журналовъ! И никогда, кажется, не думалось имъ быть писателями, и исчезли-то они

разъ навсегда изъ печати весьма скоро! Но тѣмъ не менѣе, 20 лѣтъ тому назадъ (т. е. въ концѣ 1850-хъ годовъ), многіе изъ нихъ являлись сотрудниками эфемерныхъ изданій.

„Въ этой плеядѣ авторовъ почти не было трудолюбцевъ по отечественной исторіи. Область отечественной старины была заповѣдною землею, куда, подъ вліяніемъ еще мусинъ-пушкинской цензуры, не вступалъ журнальный изслѣдователь. За забраломъ устряловскаго учебника масса русской публики и не видала, и не знала положительно ничего того, что въ настоящее время знаетъ любой гимназистъ среднихъ классовъ учебныхъ заведеній. И вотъ, выступаю я съ историческими очерками изъ временъ Петра Великаго, изъ эпохи царствованія Анны Іоанновны, воспроизвожу первые дни царствованія Елизаветы Петровны, наконецъ, во всей подробности раскрываю знаменитую трагедію—дѣло царевича Алексѣя Петровича. Съ бойкостью и увлеченіемъ молодости быстро набрасываю я далеко не зрѣлые очерки; не успѣвъ строго-критически разсмотрѣть тѣ источники, изъ которыхъ черпаю свои свѣдѣнія, прочитываю груду матеріала, но матеріала печатнаго, хотя и вовсе почти невѣдомаго публикѣ. И всѣ эти скороспѣлые труды новоиспеченные журналы, каковы „Русское Слово“, „Свѣточъ“ и другіе, спѣшатъ оттиснуть на своихъ страницахъ, пользуясь тѣмъ, что цензура начинаетъ конфузиться прежняго режима задушенія всего, что только относится до разоблаченія фактовъ изъ недавней отечественной исторіи. Какъ ни незрѣлы были эти очерки, но именно, благодаря невѣдѣнію массы читателей или, лучше сказать, невѣжеству ея въ отечественной исторіи, статьи мои, не скрою, имѣли успѣхъ. Редакціи съ удовольствіемъ ихъ печатали, а я съ увлеченіемъ просиживалъ ночи за записками, а дни проводилъ въ бѣганіи по библіотекамъ, въ то время когда надо было еще не писать, а серьезно и всесторонне заканчивать свое образованіе, крайне недостаточно и весьма мало соотвѣтствующее тому поприщу, на которое судьба выдвигала меня. Но какъ уча другихъ, самъ учишься, такъ и я, сочиняя и печатая, болѣе и болѣе знакомился съ избранною мною спеціальностью. Отечественная исторія во всѣхъ ея подробностяхъ, въ особенности послѣднихъ трехъ столѣтій, сдѣлалась мнѣ извѣстна какъ нельзя лучше, до такой степени, что я весьма рано почувствовалъ стремленіе изучать ее не въ грудахъ печатнаго русскаго и французскаго матеріаловъ, а въ подлинныхъ архивныхъ источникахъ. Тутъ, на мое счастье, и духъ новаго времени помогъ удовлетворенію моего желанія.

„Въ прежнее недавнее время, въ царствованіе Николая Павловича, наши архивы были или склады полусгнившаго бумажнаго хлама, или хорошо устроенныя кладовыя, куда не проникалъ ни одинъ нескромный взоръ. Очень рѣдко, совершенно случайно, выходили изъ этихъ кладовыхъ въ крайне скромныхъ размѣрахъ новыя свѣдѣнія, большею частью по запросу самого Августѣйшаго ихъ хозяина. Поинтересовался, напр., знать Николай Павловичъ о судьбѣ Артемія Волынскаго, о судьбѣ правительницы Анны Леопольдовны, — и вотъ чиновниками крайне секретно составлялись двѣ, три записки и оставались въ копіяхъ въ рукахъ весьма немногихъ лицъ. Духъ новаго времени, повторяю, вскрылъ и затворы этихъ кладовыхъ. Подлежащія министерства на просьбы мои о допущеніи въ тотъ или другой архивъ конфузились отвѣчать отказомъ. И вотъ, предо мною послѣдовательно открылись архивы главнаго штаба, академіи наукъ, синода, куда я, впрочемъ, не имѣлъ досуга и заглянуть, и въ особенности растворился мнѣ архивъ государственный, т. е. архивъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, заключающій въ себѣ драгоцѣнные матеріалы о царствованіи Петра Великаго и о послѣдующихъ эпохахъ. Въ этомъ архивѣ я остановился именно на матеріалахъ Петровскаго времени, на что въ особенности меня наталкивало прочтеніе незадолго передъ этимъ вышедшихъ 4-хъ томовъ сочиненія Устрялова „Исторія царствованія Петра Великаго". Этотъ сухой, безъ всякаго дарованія написанный и на началѣ тисненія остановленный трудъ, однако, былъ для меня и для прочихъ любителей отечественной исторіи крайне важенъ тѣмъ, что въ немъ все было наполнено подлинными архивными матеріалами. Ближе взглянуть на эти и на неизданные еще матеріалы—вотъ что заставляло меня въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, прежде всего, остановиться на царствованіи Петра Великаго. Но и тутъ страсть къ писательству, крайне возбужденная во мнѣ запросами журналистовъ, повредила и помѣшала мнѣ, т. е. вмѣсто того, чтобы нетороппливо и всесторонне ознакомиться съ тѣми сокровищами, доступъ къ которымъ оказался для меня столь легкимъ, я, натолкнувшись на весьма интересный, правда, эпизодъ, относящійся къ судьбѣ невѣстки Петра Великаго, царицы Прасковьи Ѳедоровны Салтыковой, остановился предъ этою очень оригинальною личностью и посвятилъ нѣсколько мѣсяцевъ на составленіе очерка ея жизни. Этотъ очеркъ почти всецѣло былъ составленъ по архивному, до тѣхъ поръ невѣдомому, матеріалу. Написанъ онъ былъ, дѣйствительно, бойко, живо и, по самому

характеру своихъ матеріаловъ, не могъ остаться незамѣченнымъ. При томъ же монографія явилась на страницахъ новаго и весьма сочувственно принятаго литературнаго журнала. Это былъ литературный и политическій журналъ „Время“, съ 1860 года издававшійся братьями Достоевскими. Писательство, опять повторяю—преждевременное, тѣмъ вредно, что оно втягиваетъ въ себя съ необыкновенною силою. Такъ было и со мною. За большою монографіею о царицѣ Прасковьѣ потянулась еще большая монографія объ императрицѣ Екатеринѣ I-й. И эта монографія составлялась по архивнымъ матеріаламъ, печаталась въ томъ же журналѣ и читалась публикою съ большимъ любопытствомъ.

„Шестнадцать лѣтъ прошло послѣ появленія моихъ первыхъ историческихъ очерковъ [1]), и съ нѣкоторой точки зрѣнія нахожу ихъ, за исключеніемъ развѣ двухъ послѣднихъ, о которыхъ только-что упомянулъ, весьма слабыми. Но никогда не скажу, чтобы труды эти были бы для нашей публики того времени безполезны. Если они были для кого мало полезны, то это для меня самого, такъ какъ составленіе ихъ, поглощая у меня много времени, не допускало къ тому серьезному самообразованію, которое, однако, должно было имѣть мѣсто. Что касается до читающаго общества, то, повторяю, они были весьма полезны, и вотъ почему. Я уже выше сказалъ, что эта масса, сквозь устряловщину глядя на отечественную исторію, была въ полнѣйшемъ невѣжествѣ по отношенію къ родной старинѣ. И вотъ являются въ литературныхъ журналахъ монографіи въ весьма живой формѣ и, совершенно не обинуясь скажу, трактующія о всѣхъ историческихъ лицахъ, и въ особенности о представителяхъ власти въ Россіи XVIII вѣка, въ самыхъ простыхъ образахъ, низводя ихъ съ ходулей, на которыхъ они до сихъ поръ высились. Въ этихъ монографіяхъ эти лица были оживляемы предъ умственнымъ взоромъ читателя, со всѣми ихъ малыми и крупными недостатками, со всѣми ихъ человѣческими слабостями, со всѣми послѣдствіями въ ихъ характерахъ и ихъ дѣйствіяхъ вліянія той среды, въ которой взросли и дѣйствовали эти герои и героини, эти монархи и монархини.

„Будучи полезны для отрезвленія русскаго общества отъ устряловщины, мои историческіе этюды были въ то же время и тѣмъ тараномъ, который пробивалъ цензурную, все еще плотно сплоченную, стѣну. Десятокъ такихъ очерковъ образовалъ уже

---

[1]) Записано въ 1876 г.

настолько значительную брешь въ этой стѣнѣ, что сквозь нея проходилъ весьма свободно цѣлый рядъ и болѣе серьезныхъ, и болѣе научныхъ изслѣдованій, но все изъ области запретной— изъ области отечественной исторіи XVIII вѣка. Что это не натяжка, что толстый покровъ, который наше правительство столь усердно накидывало на нашу недавнюю старину, былъ еще слишкомъ толстъ,—лучше всего видно изъ слѣдующаго. Когда появилось нѣсколько моихъ монографій, когда вслѣдъ за публикою, съ жадностью ихъ прочитавшею, онѣ обратили благосклонное вниманіе правительства, тогда немедля состоялось слѣдующее распоряженіе—не допускать въ печать историческихъ монографій о государяхъ и государыняхъ времени послѣ смерти Петра Великаго. Такимъ образомъ, администрація наша уступала лишь не иначе, какъ съ боя, шагъ за шагомъ поле изслѣдователю отечественной новѣйшей исторіи..... Но распоряженіе 1860 года имѣло и ту хорошую сторону, что какъ-бы громогласно объявляло о полной свободѣ, которая предоставлялась русскимъ историкамъ или, правильнѣе сказать, историкамъ Россіи по отношенію ко всѣмъ вѣкамъ, событіямъ и лицамъ до 1725 года, т. е. до кончины Петра Великаго. Отнынѣ, т. е. со времени упомянутаго распоряженія и при существованіи еще на Руси цензуры, не могло быть уже и рѣчи о томъ, чтобы не допустить обнародованія тѣхъ или другихъ свѣдѣній о разныхъ Іоаннахъ, о первыхъ Романовыхъ и въ особенности о Петрѣ Великомъ. Это былъ уже шагъ впередъ, и шагъ значительный, и если мои именно монографіи вызвали помянутое распоряженіе, то за ними была бы и заслуга того невольнаго признанія свободы для изслѣдованія до 1725 года, которая, такъ сказать, была вырвана со стороны администраціи.

„Оживленіе, съ которымъ я трудился, роясь въ архивахъ, засиживаясь въ библіотекахъ и держа корректуру своихъ длинныхъ монографій въ томъ или другомъ журналѣ,—это оживленіе было не во мнѣ одномъ, оно было во всемъ русскомъ обществѣ, жившемъ не физическою, но и духовною жизнью т. е. объ этомъ только обществѣ я и говорю. Да, велико было оживленіе русскаго общества въ концѣ 1850-хъ и въ началѣ 1860-хъ годовъ! Все это кипѣло, все это говорило о реформахъ, о необходимости преобразованій тѣхъ или другихъ сторонъ въ общественномъ организмѣ, о недостаткахъ близкаго прошлаго, еще не вполнѣ отжившаго, о свѣтлыхъ, повидимому, слишкомъ смѣлыхъ, повидимому вовсе неосуществимыхъ надеждахъ на будущее! Какое особенное оживленіе замѣтно было въ литературныхъ

кружкахъ! Да и какъ ихъ было много! Какъ велики они были! Сколько совершенно свѣжихъ и до сихъ поръ совершенно чуждыхъ силъ втягивали они въ себя, людей изъ различныхъ слоевъ возрождавшагося къ новой жизни русскаго общества. Нельзя себѣ представить, какъ интересны, какъ шумны, какъ увлекательны были сходки подвижниковъ русской литературы, русской журналистики, наканунѣ, такъ сказать, освобожденія Россіи! Я говорю о крѣпостной Россіи. Въ какихъ-нибудь двухъ комнаткахъ моихъ, напр. на Спасской улицѣ, въ домѣ Трута, еженедѣльно сходилось съ полсотни лицъ, трудившихся въ журналахъ и газетахъ. За стаканомъ жидкаго чая, въ клубахъ табачнаго дыма, въ виду плохого стараго стола и едва-ли десятка стульевъ, эта полсотня толпилась и не видала, какъ летѣли часы далеко за полночь въ спорахъ замыхъ оживленныхъ. И все это были споры, толки и разсказы не о своихъ личностяхъ, не о личныхъ препирательствахъ, не о своихъ мелкихъ интересахъ—нѣтъ! все это были толки объ отечествѣ, о возрожденіи его на всѣхъ стезяхъ его жизни къ лучшему. Да, не первый я, да и далеко не послѣдній изъ той эпохи, скажу съ полною искренностью: неоцѣненное, незабвенное время, и никогда тебя не вернуть не только въ моей жизни—нѣтъ, но и въ жизни всего русскаго общества! Объ этомъ времени было слишкомъ много писано и мнѣ не къ чему прибавлять что-либо къ его характеристикѣ. Скажу только, что жилось до крайности весело, до крайности весело работалось, съ необыкновеннымъ увлеченіемъ".

Цѣлымъ рядомъ интересно написанныхъ историческихъ статей М. И. завоевалъ себѣ симпатіи и извѣстность въ обществѣ, и подготовилъ себя къ новой, болѣе широкой, дѣятельности.

Въ этотъ періодъ онъ занимался также преподаваніемъ русской исторіи и русскаго языка въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ, по оставленіи военной службы, и въ старшихъ классахъ Смольнаго института, гдѣ въ талантливыхъ лекціяхъ среди своихъ слушательницъ онъ посѣялъ любовь къ русской исторіи.

Въ 1864 г. М. И. поступилъ на службу въ Государственную канцелярію, былъ тамъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, и вышелъ въ 1882 г. въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника.

Въ 1870 году Михаилъ Ивановичъ основалъ историческій журналъ „Русскую Старину", редакторомъ-издателемъ котораго онъ пробылъ 22 года, до самой своей смерти.

Для того чтобы вполнѣ объективно выяснить значеніе для общества „Русской Старины", руководимой М. И. Семевскимъ, мы приводимъ отзывы о ней его перваго біографа [1]) и В. А. Бильбасова [2]).

Первый изъ нихъ выясняетъ такъ дѣятельность М. И. по редактированію „Русской Старины": извѣстно, какое громадное значеніе имѣла „Русская Старина", не только для спеціалистовъ, но и для всего образованнаго общества; здѣсь, обыкновенно въ живой увлекательной формѣ, читатели знакомились съ фактами прошлой жизни русскаго общества и народа, съ біографіями замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ—военномъ, духовномъ, ученомъ, художественномъ, литературномъ. Журналъ пріобрѣлъ постоянный кругъ читателей и имѣлъ пламенныхъ почитателей. „Русская Старина" была извѣстна въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества и вездѣ будила самосознаніе и честную мысль, обличала, хотя и заднимъ числомъ, грѣхи нашего давняго и недавняго прошлаго, предостерегала отъ повторенія ихъ въ будущемъ. Редакторъ „Русской Старины" умѣлъ отзываться на многія явленія современной жизни и давалъ весьма кстати такіе историческіе матеріалы, которые хорошо освѣщали текущія событія. Въ своемъ неустанномъ трудѣ по изданію журнала Михаилъ Ивановичъ находилъ дѣятельную поддержку во всѣхъ сферахъ общества: люди съ самымъ разнообразнымъ положеніемъ, отъ крестьянина и рабочаго до самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, дѣлали важные вклады матеріалами въ „Русскую Старину". М. И. обладалъ особеннымъ искусствомъ вызывать соприкасавшихся съ нимъ людей на откровенные разсказы о своемъ прошломъ, которые записывалъ и стенографировалъ, а не то побуждалъ самихъ разсказчиковъ къ составленію воспоминаній. Такъ, напр., Т. П. Пассекъ начала писать свои извѣстные мемуары „Изъ дальнихъ лѣтъ" по вызову Михаила Ивановича, несмотря на то, что ей было тогда почти 70 лѣтъ."

Василій Алексѣевичъ Бильбасовъ приводитъ такую характеристику: заслуга „Русской Старины" въ развитіи нашего народнаго самосознанія весьма значительна: на ея страницахъ появлялись какъ матеріалы, „служившіе къ чести и славѣ прежнихъ общественныхъ дѣятелей", такъ и данныя, „указывавшія на темныя стороны нашего общественнаго быта". Освѣщеніе русской старины въ этомъ направленіи укрѣпляло въ читателяхъ сознаніе

---

[1]) Михаилъ Ивановичъ Семевскій „Русск. Стар." 1892 г., апрѣль.
[2]) Памяти Михаила Ивановича Семевскаго. В. А Бильбасовъ.

необходимости предпринятыхъ правительствомъ преобразованій и служило руководствомъ для практическаго ихъ осуществленія.

Такая задача „Русской Старины", на знамени которой начертано возможно правильное освѣщеніе прошлыхъ явленій русской жизни въ XVIII и XIX стол., оказала большую услугу и наукѣ русской исторіи. Въ 267-ми книгахъ „Русской Старины" М. И. Семевскимъ напечатано до 300 мемуаровъ, записокъ, воспоминаній и нѣсколько тысячъ актовъ, указовъ, писемъ преимущественно, даже исключительно, русскихъ людей. Благодаря этому богатому матеріалу, русское XVIII стол., которому преимущественно посвящена „Русская Старина", предстало предъ русскими людьми въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, въ той русской окраскѣ, которой оно прежде не имѣло. Въ нѣсколькихъ сотняхъ изслѣдованій, разсказовъ и замѣтокъ, появившихся въ „Русской Старинѣ", лица и дѣянія XVIII вѣка освѣщены чисто русскимъ, свойственнымъ вѣку, колоритомъ, причемъ русскія явленія оцѣнены на основаніи русскихъ данныхъ".

И. А. Шляпкинъ, стоя еще передъ незарытой могилой Михаила Ивановича, сказалъ: со временъ появленія „Исторіи государства Россійскаго" Карамзина, никакое сочиненіе не имѣло такого распространенія, не подымало такъ общій интересъ къ знанію своего прошлаго, какъ „Русская Старина". Она не только знакомила насъ съ прошедшимъ, но давала уроки и для будущаго, и какіе смѣлые, хорошіе уроки"!

М. И. было издано много отдѣльныхъ книгъ, списокъ которыхъ приложенъ къ апрѣльской кн. „Русск. Стар." за 1892 г., а равно тамъ же помѣщенъ списокъ его статей, до изданія журнала.

Михаилъ Ивановичъ былъ замѣчательный общественный дѣятель. Всякое выдающееся явленіе общественной жизни и не только жизни прошлаго, но и современной его высоко интересовало, и онъ умѣлъ пробуждать и въ другихъ интересъ къ нему и поднималъ вопросъ на подобающее ему значеніе и высоту.

Ко всякому дѣлу, которое онъ вѣдалъ, которымъ онъ интересовался, онъ прикладывалъ все свое сердце, весь свой разумъ и всю свою энергію.

Его энергія и работоспособность были изумительны.

Много онъ сдѣлалъ для городского управленія Петрограда, въ городской думѣ котораго онъ потратилъ массу силъ и энергіи въ должности товарища городского головы, члена ревизіонной, финансовой и учительской комиссій, борясь противъ косности многихъ и многихъ темныхъ силъ.

Онъ былъ борецъ противъ всего нечестнаго и темнаго, всегда и вездѣ и на бумагѣ, и въ думѣ, и во всѣхъ аудиторіяхъ, и въ многочисленныхъ обществахъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ.

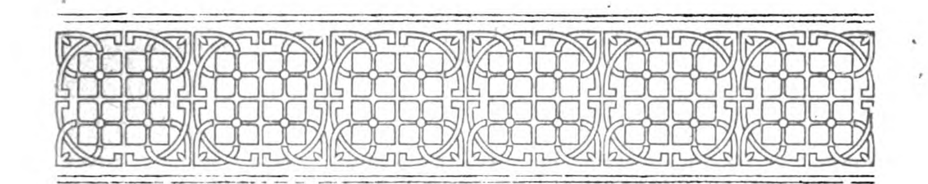
Сколько добра дѣлалъ М. И., дѣлалъ по-евангельски, правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая.

Особенно много онъ помогалъ учащейся молодежи.

Сколько онъ хлопоталъ за другихъ и по самымъ разнообразнымъ дѣламъ. Доброта его была безпредѣльна; онъ готовъ снять съ себя все и отдать неимущему.

Женатъ онъ былъ на Елизаветѣ Михайловнѣ Протопоповой, нынѣ здравствующей, и имѣлъ двухъ дочерей: Татьяну и Анастасію. Принятая на воспитаніе маленькая дѣвочка, вскорѣ послѣ кончины старшей дочери, тоже названа Татьяной.

Усиленные труды сокрушили его здоровье, и онъ умеръ 53 лѣтъ отъ роду, вскорѣ послѣ только-что прочтенной имъ лекціи о Петрѣ Великомъ въ Кронштадскомъ морскомъ собраніи.



Изъ записокъ Н. В. Исакова [1]).

Кавказскія воспоминанія.

(Періодъ войны съ горцами 1846 и 1848 годовъ).

Весною 1847 г. я былъ назначенъ въ Дагестантскій отрядъ, состоять при командующемъ въ Южномъ Дагестанѣ, генералъ-лейт. кн. Аргутинскомъ-Долгорукомъ. Мой начальникъ Вольфъ объявилъ мнѣ, что у князя Аргутинскаго офицеры Генеральнаго Штаба не уживаются; былъ Вранкенъ—ушелъ, потомъ Рудановскій—ушелъ, потомъ Маркъ—ушелъ. У Аргутинскаго, говорилъ Вольфъ, много своеобразности; стратегіи, и высшихъ военныхъ соображеній онъ не знаетъ въ томъ видѣ и въ тѣхъ формахъ, какъ мы это понимаемъ, но отлично знаетъ свой край и войну на Кавказѣ уже 20 лѣтъ; отъ природы онъ умный и хитрый; штабъ его состоитъ изъ 3 маіоровъ—Кузьмичей, черезъ которыхъ онъ все и знаетъ. „Постарайтесь учиться, научиться же въ Дагестанѣ можете многому, а что касается до отличій, то ихъ можно получить только оставаясь постоянно при отрядѣ, что и считалось всегда само по себѣ какъ бы отличіемъ"—добавилъ Вольфъ. Перспектива была неулыбающаяся, но на Кавказѣ не въ ходу было отказываться, и я на Святой недѣлѣ выѣхалъ въ Дербентъ. Посмотрѣлъ по дорогѣ Шемаху и Нуху, какъ типы персидскихъ городовъ, посмотрѣлъ въ Баку огни и огнепоклонниковъ-индѣйцевъ и въ послѣдній день Святой пріѣхалъ на мѣсто.

Дербентъ представляетъ собой открытый саркофагъ, верстъ 5 длиною, поставленный наклонно. Одинъ конецъ его, въ видѣ

---

1) См. „Рус. Ст." Февраль 1917 г.

цитадели, былъ на склонѣ горъ, другой упирался въ море, бока состояли изъ двухъ параллельныхъ стѣнъ толщиною въ нѣсколько саженъ и въ разстояніи полуверсты между собой. Между ними въ горахъ, подъ цитаделью былъ татарскій городъ, внизу къ морю военныя слободки и штабныя строенія; ближе къ морю старыя укрѣпленія Петра Великаго, дальше—все камни, о которые сильно разбивались волны Каспійскаго моря и не позволяли подходить никакому судну къ Дербенту. Дербентъ когда-то запиралъ собою проходъ морскимъ берегомъ отъ нашествій, теперь запиралъ въ себѣ какую-то безотрадную пустоту и скуку. Окрестности Дербента покрыты садами персиковыми и абрикосовыми, между которыми огромныя пространства заняты кладбищами съ большими могильными плитами, поставленными стоя. Сады были покрыты бѣлыми цвѣтами, какъ снѣгомъ. Кладбища казались огромнымъ срубленнымъ лѣсомъ, на которомъ остались одни пни.

Я въѣхалъ прямо въ помѣщеніе Штаба, никого изъ обитателей не было дома, всѣ пошли въ солдатскую слободку, на качели, взглянуть, какъ на чужой сторонѣ солдатскія семьи справляютъ Святую. Въ ожиданіи будущихъ товарищей не обошлось безъ раздумья. Наконецъ явились господа немножко на веселѣ. Здоровый дѣтина, толстый, совсѣмъ рябой подполковникъ Василій Кузьмичъ Ассѣевъ былъ первый меня привѣтствовавшій. „Ну, что, ты къ намъ?"—„Къ вамъ", отвѣчалъ я нѣсколько удивленный. „Ну, прошу любить и жаловать". За нимъ маіоръ Мищенко, Иванъ Кузьмичъ, въ парикѣ, съ сладкою улыбкою. За нимъ высокая и умная фигура Колоссовскаго. Засыпая, я невольно подумалъ: „Однако же въ порядочную трущобу судьба меня закинула". На слѣдующее утро я представился кн. Аргутинскому. Кн. Моисей Захаровичъ былъ толстый, неуклюжій, на маленькихъ, совершенно неуклюжихъ ногахъ, съ маленькими, но столь же неуклюжими руками; голова была сѣдая, лицо сильно восточнаго типа, глаза черные, какъ уголь, умные и проницательные.

Исполняя мои новыя обязанности квартирмейстера или начальника штаба отряда, я, предупрежденный въ Тифлисѣ, осторожно изучалъ новую среду. Кн. Аргутинскій въ молодости былъ вызванъ въ Петербургъ въ числѣ именитыхъ грузинъ и помѣщенъ съ кн. Андрониковымъ въ конную гвардію при командирѣ полка Арсеньевѣ. Кн. Орловъ, принявшій отъ Арсеньева полкъ, и баронъ Мейендорфъ впослѣдствіи мнѣ разсказывали, что Аргутинскій былъ неуклюжъ для фронта, совсѣмъ плохой отъ при-

роды кавалеристъ, никуда не показывался, занимался однимъ чтеніемъ спеціально военныхъ сочиненій и всегда лежа на кровати; товарищи его прозвали за это „Монтекукули". Когда ему надоѣло падать на ученьяхъ съ лошади, онъ вырвался на Кавказъ маіоромъ и отличился при усмиреніи въ Грузіи, получилъ за это Георгія 4 ст., а въ 41 г. уже генераломъ назначенъ былъ командовать въ южномъ Дагестанѣ и скоро пріобрѣлъ себѣ репутацію умнаго, знающаго и смѣлаго начальника. Я его засталъ генералъ-лейтенантомъ съ Георгіемъ на шеѣ, но и съ репутаціей хитраго, не всегда бросающагося очертя голову на выручку сосѣда, начальника. Онъ давно оставилъ привычку кабинетныхъ занятій, ничего не читалъ положительно; ни одной книги, ни бумаги у него не было въ кабинетѣ; однако же, случалось, у него вырывались цитаты изъ французскихъ комиковъ съ невозможнымъ, конечно, произношеніемъ. Все, что дѣлалось въ Европѣ, даже въ Россіи, все, что касалось общей сферы цивилизаціи, для него не представляло ни малѣйшаго интереса и было совершенно ему неизвѣстно. Онъ весь былъ поглощенъ собственнымъ краемъ, гдѣ командовалъ, зная его лучше всѣхъ, говорилъ отлично на общемъ для всѣхъ горцевъ татарскомъ языкѣ и зналъ нѣкоторыя нарѣчія племенъ. При немъ безотлучно находились три очень умныхъ и надежныхъ горца изъ разныхъ, намъ покорныхъ, ауловъ—Хаджи-Бутай, Хаджи-Ата, Неджебадинъ и вѣрный и умный переводчикъ и секретарь Абдурахманъ. Черезъ нихъ Аргутинскій зналъ, что дѣлается въ племенахъ, намъ покорныхъ, а черезъ лазутчиковъ зналъ, что дѣлается у непріятеля въ горахъ. Если онъ разговаривалъ охотно, то съ ними и съ безпрестанно выходящими секретно изъ горъ людьми, съ виду совершенными разбойниками, съ которыми онъ толковалъ по цѣлымъ часамъ. Жизнь его была чрезвычайно однообразна, обстановка самая незатѣйливая, даже плохая. Два человѣка, ему служившіе, были: одинъ—русскій лакей, пьяница и дрянь, другой гуріецъ Гладупа, храбрый и всегда готовый. Всегда можно было застать кн. Аргутинскаго въ какой-то ваточной, ситцевой фуфайкѣ, которой онъ не снималъ ни лѣтомъ, ни зимою, въ папахѣ изъ мерлушекъ, съ трубкою, лежа на постели, рѣдко сидя; ходилъ онъ вообще мало и ходилъ какъ будто бы неумѣлыми шагами. Когда кто-нибудь изъ штабныхъ приходилъ къ нему за дѣломъ, онъ по окончаніи дѣла всегда удерживалъ: „Посидите еще, поговоримте", и затѣмъ упорно молчалъ: сюжетовъ для разговора внѣ дѣлъ края у него не было совсѣмъ. О краѣ въ политическомъ отношеніи, что меня бы, напр., очень

интересовало, онъ никогда не поддерживалъ разговора; никакого соображенія на счетъ будущности края или какихъ-нибудь общихъ радикальныхъ мѣръ у него, какъ и другихъ кавказскихъ начальниковъ, не существовало. Онъ былъ холостъ, армянинъ по происхожденію, но совершенный безсребренникъ, едва могшій различить однѣ деньги отъ другихъ и никогда не державшій при себѣ денегъ. Уменъ, хитеръ, весьма добродушенъ, фамильярный со своими близкими сослуживцами, но вспыльчивый, легко переходящій въ гнѣвное настроеніе, въ которомъ онъ и уважаемому имъ человѣку могъ легко наговорить много непріятнаго, за то, правда, сейчасъ же старался изгладить это впечатлѣніе. Офицеры генеральнаго штаба ему были всегда подозрительны: ему казалось, что они были присланы для того, чтобы учить его, какъ распоряжаться отрядомъ, что онъ ревниво отстаивалъ и выживалъ ихъ изъ отряда одного за другимъ. Одинъ Кожевниковъ оставилъ въ немъ пріятное воспоминаніе, другіе, кажется, сами были причиною неуживчивости. Многое происходило, конечно, отъ общей замашки генеральнаго штаба руководить своихъ начальниковъ, когда послѣдніе не посвящены въ таинства высшей военной теоріи. Аргутинскій былъ совершенно посвященъ въ таинства той науки, какая нужна была въ Дагестанѣ, и, слѣдовательно, съ совѣтами приходить къ нему было безполезно.

Штабъ его состоялъ изъ маіоровъ Ассѣева, Василія Кузьмича Мищенко и Колоссовскаго. *Подполковникъ Ассѣевъ*, воспитанный въ Ставропольской кантонистской школѣ, грубый по наружности, безъ малѣйшаго образованія, но умный и доброжелательный, онъ былъ самымъ близкимъ человѣкомъ Аргутинскаго и употреблялся имъ тамъ, гдѣ нужна была большая довѣренность. Преданный ему, неразлучно при немъ лѣтъ 15 проведшій въ боевой жизни, онъ зналъ Аргутинскаго вполнѣ и одинъ позволялъ себѣ говорить ему въ лицо непріятныя истины и въ формѣ не всегда мягкой. Ассѣевъ любилъ иногда выпить, никогда ничего не читалъ, но писалъ и красиво и очень складно, при чемъ однако знаки препинанія отсутствовали. Лѣнивый, онъ иногда по цѣлымъ часамъ оставался въ постели, поджавши ноги, съ трубкою, выводя пальцемъ въ воздухѣ какіе-то замысловатые вензеля; это у него былъ особый тикъ. Но при всемъ этомъ зналъ край, зналъ нужды войскъ и былъ самъ хорошимъ боевымъ офицеромъ. Маіоръ *Василій Кузьмичъ Мищенко* имѣлъ тѣ же качества, что и Ассѣевъ, но все въ нѣсколько смягченномъ видѣ. Хорошій боевой офицеръ, старый кавказецъ, очень дружный съ Ассѣевымъ, онъ въ наружныхъ формахъ имѣлъ видъ пожилого

армейскаго франта, любилъ дамское общество и танцовалъ мазурку съ распущеннымъ платочкомъ. Хотя онъ былъ на второмъ планѣ у Аргутинскаго; но все, что нужно было частнымъ начальникамъ выпросить, устроить — они проводили все черезъ этихъ двухъ Кузьмичей. Но нельзя сказать, чтобы Аргутинскій вообще охотно терпѣлъ злоупотребленія и давалъ поблажку командирамъ отдѣльныхъ частей. Третій изъ штабныхъ былъ *Иванъ Григорьевичъ Колоссовскій*, высокій, съ большими усами капитанъ, съ огромными янтарными четками постоянно въ рукахъ. На немъ лежала вся письменная часть Штаба инспекторская и хозяйственная. Колоссовскій былъ болѣе образованъ, нежели Кузьмичи, дѣльный и распорядительный и хорошій военный офицеръ. Онъ впослѣдствіи доказалъ это, будучи главнымъ интендантомъ Кавказской арміи, но, къ сожалѣнію, какъ говорили, сдѣлалъ себѣ въ этой должности значительное состояніе различными операціями. Кромѣ этихъ трехъ основъ Штаба Самурскаго отряда былъ еще казначей Егоровъ, скромный офицеръ, большой честности; инженерный офицеръ Гершельманъ, образованный, хорошій малый, и докторъ Сергѣевъ, прикомандировавшійся изъ Графскаго Ширванскаго полка. Всѣ они потомъ разбрелись по міру: Ассѣевъ—генералъ-маіоромъ умеръ, не знаю гдѣ; Мищенко перебывалъ комендантомъ въ разныхъ крѣпостяхъ и умеръ въ 1878 г.; Колоссовскій долженъ былъ оставить интендантство со вступленіемъ Вел. Кн. Михаила Николаевича въ званіе намѣстника; Егоровъ командовалъ батальономъ на штурмѣ Гуниба, совсѣмъ ослѣпъ и жилъ въ отставкѣ генераломъ, ничего не получая, довольно безпомощно, къ стыду Кавказскаго начальства, раздававшаго десятки тысячъ десятинъ земли зря. Сергѣевъ былъ окружнымъ докторомъ, кажется, въ Туркестанѣ. Гершельмана я видѣлъ лѣтъ черезъ 30 еще полковникомъ въ Тифлисѣ, собирающимъ деньги на постройку протестантской церкви. Всѣ они имѣли разную карьеру, но тогда жили вмѣстѣ и старались жить дружно и мирно съ главными авторитетами—Кузьмичами. Я прожилъ съ этими людьми почти два года и прожилъ дружелюбно, по-товарищески: никогда никакого препирательства между нами не было. Они были гораздо лучше той репутаціи, которую имъ сдѣлали въ Тифлисѣ. Къ кн. Моисею Захаровичу я сохранилъ признательную память: онъ былъ расположенъ ко мнѣ, никогда не позволялъ себѣ ни одного слова дерзкаго или грубаго, на что онъ былъ очень склоненъ, когда не уважалъ человѣка. Я часто видѣлъ въ немъ расположеніе почти отеческое.

Жизнь въ Дербентѣ однообразная и скучная велась изо дня въ день, ожидая подножнаго корма въ горахъ, безъ котораго нельзя было выступить въ экспедицію. Уровень интересовъ былъ небольшой, разговоры вращались въ замкнутомъ кругу о войскахъ и штабъ-квартирахъ. Свѣдѣній о томъ, что дѣлаютъ, какъ живутъ въ горахъ различныя племена, кто и имѣлъ ихъ по давней опытности въ Дагестанѣ, не распространялъ. Прошедшія экспедиціи вспоминались участниками и давали новому человѣку кое-какія понятія о нихъ. Иногда появлялись владѣтельныя лица покорныхъ намъ племенъ. Одинъ изъ нихъ былъ братъ Кумухскаго хана, Агаларъ-бекъ, молодой человѣкъ, полковникъ нашей службы и даже впослѣдствіи флигель-адъютантъ, лихой, храбрый начальникъ Кумухской милиціи въ нашихъ отрядахъ, совершенный татаринъ, никогда не выѣзжавшій изъ Дагестана и допивавшійся до чертиковъ при удобномъ случаѣ. Самъ ханъ Казикумухскій значилъ очень мало. Другой, Джамалъ-бекъ Кайтагскій, являлся рѣже, былъ дикъ и большой пьяница, но держалъ свой народъ строго, всегда ѣздилъ съ 12 оруженосцами, за сѣдлами въ мѣшкахъ у которыхъ было по бутылкѣ портеру и по бутылкѣ рома. Джамалъ-бекъ это пилъ пополамъ и приглашалъ къ тому же своихъ русскихъ гостей. Третій, Табасаранскій бекъ-Ибрагимъ былъ образованный горецъ, т.-е. говорилъ по-русски очень хорошо и охотникъ страстный быть играть въ вистъ и преферансъ. Молодымъ человѣкомъ онъ попался въ какомъ-то заговорѣ. Ермоловъ его спасъ, посадивъ на гауптвахту, гдѣ онъ въ теченіе 2—3 лѣтъ и получилъ всю свою европейскую цивилизацію. Онъ былъ пріятный человѣкъ, но значенія въ горахъ не имѣлъ, а балагуръ былъ большой. Когда эти беки съѣдутся бывало въ Дербентъ, Джамалъ-бекъ и Агаларъ вечеромъ непремѣнно напьются и стрѣляютъ пулями въ потолокъ своей квартиры изъ пистолета. Аргутинскій всегда посылаетъ къ намъ кого-нибудь, какъ будто поговорить о дѣлѣ, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы немножко унять разгулявшихся звѣрей и предупредить несчастіе. Въ то же время Табарасанскій бекъ разсказываетъ смѣшные анекдоты за картами. Между прочимъ анекдотъ въ такомъ родѣ про свою страсть къ русскимъ пословицамъ: въ Дербентѣ былъ комендантомъ генералъ Таракановъ. Играетъ съ нимъ Ибрагимъ-бекъ въ вистъ и къ чему-то говоритъ: „Ваше Превосходительство,. лучше маленькая рыбка, чѣмъ большой тараканъ“, не договорилъ, спохватился и сталъ извиняться передъ комендантомъ.

Въ Дербентѣ въ мое время былъ комендантомъ полковникъ Дистерло, вдовецъ, у него была племянница, дѣвушка лѣтъ 20;

къ нимъ иногда собирались по воскресеньямъ вечеромъ. Были еще 2—3 родственницы служащихъ. Комендантъ жилъ въ цитадели: по узкимъ извилистымъ улицамъ, высѣченнымъ въ скалѣ, взбирались мы вмѣстѣ гурьбою, заходя за дамами по дорогѣ. Иногда сажали ихъ верхомъ, иногда несли ихъ мѣшки, въ которыхъ были башмаки для танцевъ. Въ передней 3 музыканта изъ прежнихъ кантонистовъ-жидковъ справляли намъ весь танцовальный вечеръ. Затѣмъ простой ужинъ, во время котораго съ нагрѣтаго потолка падалъ на столъ неожиданный гость скорціонъ и, тѣмъ же порядкомъ, къ разсвѣту, домой. Другихъ общественныхъ рессурсовъ никакихъ. Обѣдали всегда всѣ у кн. Аргутинскаго болѣе, нежели просто. Ужинали между собою тоже просто; послѣ ужина обыкновенное развлеченіе: въ мѣдный тазъ немного песку и два врага на битву: скорпіона и фалангу. Бой между этими двумя ядовитыми отвратительными животными продолжается иногда полчаса и кончался смертью обоихъ. Прогулка за Дербентъ иногда верхомъ, но чаще всего пѣшкомъ къ морю —пустынный берегъ, усѣянный рифами, ни одного паруса,— ни одной рыбачьей лодки. Долго стоишь на выдающихся въ море каменьяхъ и смотришь, какъ волны окружаютъ тебя при приливѣ, затѣмъ опять домой, въ тѣ же выбѣленные флигеля штаба. Книгъ никакихъ, едва одна газета ходитъ по рукамъ.

Между тѣмъ въ Штабъ-квартирахъ полковъ, въ особенности давно устроившихся, жили совершенно иначе. Во-первыхъ мѣста для нихъ были избраны обильныя лѣсомъ и водой, затѣмъ устройство ихъ въ характерѣ колоній всегда позволяло офицерамъ имѣть отдѣльный домикъ съ садомъ и хозяйствомъ. Полковой командиръ старался свои доходы съ полка загладить отчасти доставленіемъ удовольствій: устраивалъ публичный садъ, библіотеку; полковая музыка позволяла семействамъ собираться иногда танцовать; однимъ словомъ, жили въ обществѣ, хотя небольшомъ и незатѣйливомъ. Самъ полковой командиръ жилъ всегда на ногѣ прежнихъ помѣщиковъ: и большой домъ, и садъ, и баня, и лошади, и хорошій поваръ, и иногда музыка за обѣдомъ. Такъ жилъ на Куссарахъ Ширванскій полкъ и его командиръ, полковникъ Плацъ-Бекъ-Кокумъ съ огромными бѣлокурами усами, огромнаго роста, фронтовыхъ и хозяйственныхъ дѣлъ мастеръ, къ которому Аргутинскій былъ очень расположенъ.

Въ маѣ въ Дербентѣ стала распространяться холера, а между тѣмъ въ горахъ показался подножный кормъ. Войска стали выступать въ походъ. Штабъ ихъ догналъ черезъ нѣсколько дней, и отрядъ въ полномъ составѣ выдвинулся на Турчедагъ, возвы-

шенную плоскость, футовъ 5—6 тысячъ надъ уровнемъ моря. Воздухъ прекрасный, трава и вода тоже, холерные случаи прекратились сейчасъ же. Турчедагъ была дача, Красное Село Дагестантскихъ войскъ. Кн. Воронцовъ, въ это время находившійся при Сѣверно-Дагестантскомъ отрядѣ кн. Бебутова, который осаждалъ Гергебиль, вызвалъ кн. Аргутинскаго къ себѣ на свиданіе. Прямымъ путемъ черезъ горы, съ конвоемъ изъ горской милиціи, мы, съ Турчедага, сдѣлавъ 70 верстъ въ одинъ день, пріѣхали въ Гергебиль. Въ первый разъ въ этой экспедиціи привезли на буйволахъ тяжелыя орудія и сколько могли снарядовъ; сдѣлали двѣ серьезныя бомбардировки, но результать былъ слабый; горцы продолжали защищаться въ аулѣ. Гергебиль представлялъ собою возвышенную, отдѣльную отъ горнаго хребта скалу, въ видѣ сахарной головы, обнесенную на половинѣ своей высоты крѣпкою стѣною и очищенную внизу отъ строеній и всего, что можетъ скрывать атакующаго отъ выстрѣловъ гарнизона. Затѣмъ, кругомъ аула, огромные сады съ вѣковыми орѣховыми деревьями до самой рѣки Койсу, огибавшей осажденное мѣсто. Войска кн. Бебутова были уже значительно утомлены, холера, довольно сильная, ослабила ихъ ряды. Предвидя необходимость штурма, кн. Воронцовъ видѣлъ необходимость усилить войска Южно-Дагестантскимъ отрядомъ.

Переночевавъ въ палаткѣ кн. Дундукова и Васильчикова, мы пустились въ обратный путь и черезъ нѣсколько дней явились съ отрядомъ. Опередивъ его, кн. Аргутинскій пріѣхалъ въ лагерь кн. Воронцова въ ту минуту, когда онъ со штабомъ садился за столъ, накрытый на воздухѣ, на кое-какъ устроенномъ валикѣ. Кн. Воронцовъ, послѣ второго кушанья, спросилъ меня, сытъ ли я и могу ли ѣхать навстрѣчу отряду, чтобы поставить его на назначенную позицію.

Въ это время уже стемнѣло и разразилась надъ лагеремъ гроза. Я велъ отрядъ по совершенно незнакомой мѣстности, слѣдуя за офицеромъ, указывавшимъ мнѣ путь. Молнія безпрестанно освѣщала огромный оврагъ слѣва, навстрѣчу шли войска, смѣнявшіяся съ передовыхъ позицій. Я попробовалъ было спросить, какой это батальонъ идетъ, мнѣ отвѣчали изъ толпы: „первый батальонъ въ мірѣ“. Это былъ батальонъ Кабардинскаго полка. Тьма была непроглядная. Наконецъ офицеръ сказалъ: „Вашему батальону слѣдуетъ здѣсь расположиться. Я вамъ укажу опасныя мѣста на ночь. Гарнизонъ дѣлаетъ каждую ночь вылазки“. Хороша перспектива, когда ни зги не видно. Изъ передовыхъ баталіоновъ прежде всего заняли эти мѣста, а затѣмъ стали ла-

геремъ кое-какъ. На эту ночь войска не разбивали палатокъ, обсушиться было нельзя; всѣ были насторожѣ. На разсвѣтѣ мы увидѣли себя подъ носомъ у аула, въ его садахъ. Непріятель не ожидалъ такого близкаго сосѣда и сталъ бросать ядра къ намъ въ лагерь.

Мы однако же скоро устроились, заняли всѣ мѣста, куда могли проникнуть горцы ночью, перевели нашу кавалерію изъ милиціи подъ начальствомъ лихого Агаларъ-бека Кумыхскаго на ту сторону Койсу, гдѣ до цѣпи горъ была широкая долина, и вошли тотчасъ же въ роль передового отряда, защищающаго всѣ осадныя работы. Каждую ночь горцы бросались на наши посты, каждую ночь былъ страшный гикъ и стрѣльба, но результаты были неопасны.

Днемъ кавалерія наша дѣлала рекогносцировки, сцѣплялась съ горцами, сцѣпившись, преслѣдовала ихъ въ горы, но результаты были еще менѣе опасны. На Койсу былъ построенъ мостъ. Рѣка текла въ крутыхъ берегахъ съ необычайной быстротой, но инженеры наши умудрились таки это сдѣлать.

За Гергебильскими садами, на Кумыхскихъ высотахъ, стояли главныя силы непріятеля. Они пробовали согнать нашу кавалерію съ той стороны рѣки, но Агаларъ-бекъ отстоялъ. Батареи противъ аула продолжали дѣйствовать очень умѣренно, снарядовъ уже оставалось мало и ожидали ихъ подвоза. Ложементы для стрѣлковаго батальона, тогда единственнаго, вооруженнаго штуцерами, позволяли близко видѣть, что дѣлается въ аулѣ, гдѣ тоже всѣ были припрятаны подъ землею и только показывался дымокъ отъ выстрѣловъ. Это былъ какой-то улей земляной: видны были черныя въ немъ дыры, больше ничего. Артиллеристамъ удалось уловить мѣсто, гдѣ стояло одно орудіе, и сбить его, другія два дѣйствовали. Все, что наши артиллеристы разрушали днемъ, все горцы исправляли темною ночью. Цѣли для нашихъ артиллеристовъ было мало: гранаты углублялись въ аулъ, какъ въ землю, потому что всѣ сакли горцевъ были въ землѣ и они заблаговременно приготовились ко встрѣчѣ насъ, такъ какъ многое нами замышляемое горцы узнавали заранѣе.

Осада продолжалась, кн. Воронцовъ сдѣлалъ разъ рекогносцировку въ сады, едва проходимые. Конечно, хотѣлось захватить и гарнизонъ, когда будетъ бѣжать изъ аула, и втянуть съ Кудаха непріятеля въ сады, побить его тамъ и взять бывшія у него орудія, но горцы не такъ глупы. Я ежедневно отправлялся въ штабъ главнокомандующаго, верстахъ въ 13; видалъ кн. Воронцова всегда ровнаго и спокойнаго, кн. Василія Осиповича Бебу-

това, всегда привѣтливаго, и Коцебу, натурально, овладѣвшаго уже всѣми главными распоряженіями.

Разъ Аргутинскій, возвратясь изъ штаба кн. Воронцова, былъ пасмуренъ и крайне недоволенъ. „Честью васъ увѣряю, такъ комедію играть нельзя". Только я отъ него и узналъ, но приступъ былъ рѣшенъ на другой день. Полагаю, что Аргутинскій, который не любилъ терять людей, всегда осторожно и осмотрительно подготовляя себѣ успѣхъ атаки, вѣроятно не соглашался съ мнѣніемъ Коцебу и кн. Воронцова о своевременности штурма, не видя возможности еще одолѣть аулъ, еще недоступный, предвѣщавшаго на его опытный глазъ неудачу [1]). Но въ отрядѣ у Бебутова давно уже дѣлали лѣстницы, туры и фашины. Охотники были назначены. Ими вызвался командовать маіоръ Кутузовъ, когда-то служившій въ Волынскомъ полку и, по общему говору въ Штабѣ, ничего не обѣщавшій.

Наканунѣ вечеромъ я поѣхалъ за послѣдними приказаніями. По дорогѣ въ Штабъ кн. Воронцова я встрѣтилъ, верстахъ въ 2—3 отъ нашего лагеря, кавалерію; временный начальникъ этой экспедиціи, кн. Элико Орбеліани, сказалъ мнѣ, что онъ долженъ расположиться въ садахъ ночью, дабы во время штурма прервать сообщенія гарнизона съ внѣшнимъ непріятелемъ, стоявшимъ за садомъ и рѣкою, а также захватить гарнизонъ, въ случаѣ, если онъ побѣжитъ изъ аула. Сады были—тьма кромѣшная, и Орбельяни шелъ, конечно, на удачу. Онъ хотѣлъ заѣхать къ Аргутинскому, но я сказалъ, что онъ легъ спать: Аргутинскій терпѣть не могъ легко и наудачу предпринимаемыхъ вещей и наговорилъ бы ему непріятностей. Въ отрядѣ кн. Бебутова всѣ уже спали: штурмъ былъ назначенъ рано, многіе проводили послѣднюю ночь. Въ палаткѣ у Коцебу я нашелъ начальника штаба кн. Бебутова, полковника Капгера. Коцебу, лежа со своей длинной трубкой, отдавалъ послѣднія приказанія. „Вашему отряду", обращаясь ко мнѣ, „предстоитъ съ разсвѣтомъ проникнуть въ сады и стать между ауломъ и массами непріятеля, собравшагося на Койсу, не допускать послѣдняго на помощь

---

[1]) И на этотъ разъ, подобно Даргинской экспедиціи 1845 года, вина въ неудачномъ, сопровождаемомъ громадными потерями, штурмѣ, всецѣло падаетъ на графа Воронцова, не послушавшаго опытнаго князя Аргутинскаго, не говоря о томъ, что вся операція противъ Гергебиля была непроизводительна, а уже если разъ мы сосредоточили свои силы противъ Гергебиля, то было бы правильнѣе удовольствоваться тѣмъ, что отвлекли силы Шамиля отъ Чечни, гдѣ велись важнѣйшія операціи проложенія передовой Чеченской линіи. *В. Колюбакинъ.*

гарнизону и перехватить бѣгущій гарнизонъ, когда онъ броситъ аулъ, а отрядъ кн. Бебутова назначенъ для штурма".

Возвратясь въ лагерь, я передалъ Аргутинскому, что намъ предстояло на завтрашній день; изъ отрывочныхъ его ворчаній, изъ того, какъ онъ хватался за голову, я догадывался, что по его мнѣнію главнокомандующій и Коцебу берутся за дѣло слишкомъ легко, и что кн. Бебутовъ, къ военнымъ способностямъ котораго онъ относился нѣсколько критически, слишкомъ мягокъ характеромъ, чтобы отстоять свое мнѣніе, которое вѣроятно у него въ душѣ, вслѣдствіе опытности военной, было такое же, какъ и его Аргутинскаго [1]).

4 іюля, съ разсвѣтомъ, Аргутинскій пошелъ со мною въ ложементы штуцерниковъ; оттуда ясно можно было разсмотрѣть, что дѣлается въ аулѣ. Наканунѣ нашею артиллеріей была сдѣлана брешь въ стѣнѣ, и, несмотря на нашу стрѣльбу по бреши гранатами, горцы работали цѣлую ночь и къ разсвѣту брешь была заложена огромными деревьями и засыпана землею. Въ кривыхъ и узкихъ улицахъ аула были замѣтны завалы и около бреши что-то чернѣлось вновь построенное. Аргутинскій послалъ меня къ кн. Воронцову разсказать, что мы видѣли: онъ питалъ еще надежду, что штурмъ отмѣнятъ. Прискакавъ въ штабъ, я нашелъ кн. Воронцова передъ своей палаткой, съ чашкой въ рукахъ, усердно мѣшающаго сушеныя сливки, которыя долго не расходились въ чаю, совершенно спокойнаго. Я передалъ ему все подробно, онъ отвѣчалъ мнѣ, что посылалъ также и отъ себя гр. Гейдена, который привезъ ему тѣ же извѣстія, но что нужно надѣяться, что наши солдаты, съ Божьей помощью, разбросаютъ всю эту защиту штыками.

Не помню, что мнѣ отвѣчалъ на мой разсказъ Коцебу, но на счетъ штурма я не видѣлъ колебанія, да, кажется, и нельзя было поступить иначе: запасы артиллерійскіе, на которые возложена была главная надежда, такъ какъ осадныя работы и бомбардировка были испытаны въ горной войнѣ въ первый разъ, запасы эти были уже истощены и аулъ держался, посылать за новыми запасами, даже если они и были бы приготовлены, взяло бы много времени, а отрядъ уже таялъ отъ холеры, болѣзней и трудовъ; оставить аулъ такъ и отойти значило бы дать горцамъ

---

[1]) Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, прославившійся побѣдами у Башкадыклара и Кюрюкъ-дара въ 1854-мъ году, былъ также большой на Кавказѣ человѣкъ, человѣкъ большого природнаго ума и опыта, но уступалъ во многомъ Аргутинскому, особенно въ характерѣ и знаніи природы кавказской войны.

право признать нашу слабость, впечатлѣніе на наши войска было бы дурное. Послѣ Даргинской экспедиціи это бы въ Петербургѣ сочлось не въ пользу кн. Воронцова. Это-то все и осуждалъ кн. Аргутинскій [1]).

По возвращеніи моемъ къ кн. Аргутинскому, нашъ отрядъ выступилъ въ сады и сталъ скрыто въ нихъ. Въ 8 часовъ открылась бомбардировка, затѣмъ сильный ружейный огонь былъ признакомъ, что штурмъ начался. Съ нашей позиціи ничего не было видно; нервы отъ того были жестоко натянуты: что-то тамъ происходило. Черезъ часъ пріѣхалъ къ намъ Генеральнаго Штаба подполковникъ Александръ Веревкинъ, состоявшій при кн. Воронцовѣ. Втихомолку передалъ онъ кн. Аргутинскому, что требуется 2 батальона для подкрѣпленія, что первая атака не удалась, и нужно было прикрыть отступающихъ отъ аула. Кн. Аргутинскій поѣхалъ самъ съ 2 батальонами, оставляя меня съ полковникомъ Евдокимовымъ при отрядѣ. Веревкинъ шепнулъ мнѣ, что братъ Евдокимова, командиръ батальона, поддержавшаго охотниковъ, убитъ и что нужно приготовить его. Евдокимовъ былъ въ тяжеломъ положеніи: онъ зналъ, что братъ шелъ въ серьезное дѣло, и хорошаго не ожидалъ, въ особенности когда потребовали 2 батальона отъ насъ.

Вотъ какъ разсказывали послѣ очевидцы приступа: охотники съ маіоромъ Кутузовымъ, у котораго недоставало опытности, бросившись на брешь и встрѣтивъ сильный огонь изъ-за нея, свернули съ прямого направленія и попали впопыхахъ въ неразрушенныя части стѣны: лѣстницы оказались малы и они ничего не сдѣлали. За охотниками шелъ Самурскій батальонъ Евдокимова, за нимъ Графскій батальонъ Бибанова; они врѣзались прямо въ брешь, конечно, Евдокимовъ и Бибановъ впереди. Кто успѣлъ влѣзть, тотъ попалъ на крышу строенія, нарочно подставленнаго, и съ нимъ обрушился внизъ. Тутъ началась рѣзня кинжалами и бой штыками. Въ узкомъ пространствѣ горцы за стѣною поражали въ упоръ со стѣнъ, изъ дверей, изъ-подъ

---

[1]) Здѣсь Исаковъ высказывается недостаточно опредѣленно, вѣдь говоритъ же онъ, что Аргутинскій осуждалъ прежде всего самую операцію, а разъ она состоялась, то *осуждалъ штурмъ,* равно какъ и приведенные Исаковымъ мотивы. Если бы было въ его рукахъ, то онъ просто отошелъ бы безъ штурма, взявъ на себя отвѣтственность за отступленіе, какъ сдѣлалъ онъ въ 1849 г. подъ Чохомъ, не побоясь нареканій и сберегши жизнь многихъ сотенъ героевъ. Кн. Аргутинскій осуждалъ именно мотивы, побудившіе къ штурму, ибо штурмовать—играть въ руку горцамъ. Князь Аргутинскій часто прибѣгалъ къ штурму, но тамъ были другіе мотивы и онъ обезпечивалъ успѣхъ штурма.

земли, бросали сверху камни. Немногіе оттуда спаслись. Лихой, молодой командиръ Евдокимовъ былъ убитъ, извѣстный своей храбростью и боевой опытностью Бибановъ раненъ пулею и кинжаломъ, офицеры побиты. Смущенныя войска, видя передъ собой неудачу, залегли подъ самою стѣною, ожидая, что штурмъ возобновится; сигнала къ отступленію еще не давали. Горцы сверху стѣны ихъ разстрѣливали, наши солдаты по тогдашнему обычаю стрѣляли вверхъ на стѣну зря, не нанося натурально никакого вреда непріятелю. Съ нашихъ батарей вновь открытъ огонь, чтобы заставить горцевъ спуститься со стѣны. Кн. Воронцовъ, наблюдая сверху за ходомъ дѣла съ батареи, послалъ приказаніе дать войскамъ вздохнуть и вновь начать штурмъ. Кн. Бебутовъ поѣхалъ самъ отвести войска отъ аула. Мѣстность передъ ауломъ была совершенно открытая, нарочно гарнизономъ подготовленная. Какъ только залегшіе подъ стѣною наши уцѣлѣвшіе двинулись назадъ, огонь горцевъ изъ аула возобновился съ чрезвычайною силой и орудіе изъ аула попадало мѣтко въ толпу отступающихъ. 3 батальона нашего отряда подоспѣли во-время и кстати: развлекли вниманіе гарнизона и дали, хотя и съ немалою потерею, но выйти изъ-подъ выстрѣловъ войскамъ кн. Бебутова. Послѣ всего этого кн. Воронцовъ согласился, что возобновлять штурмъ нельзя. Затѣмъ безъ снарядовъ оставаться долѣе подъ Гергебилемъ было незачѣмъ и неизбѣжно было принять рѣшеніе оставить его, что было, я думаю, тяжело для кн. Воронцова [1]).

Черезъ три дня, въ теченіе которыхъ происходило медленное обстрѣливаніе аула, на разсвѣтѣ, нашъ отрядъ сталъ отступать отъ садовъ. Непріятель замѣтилъ это, когда уже обозъ былъ отправленъ и войска вышли изъ садовъ. Онъ бросился насъ преслѣдовать, мы пріостановились, дали два раза отпоръ, смѣнили цѣпь и резервы въ видѣ переката. Кн. Воронцовъ остался на мѣстѣ своего лагеря наблюдать за отступленіемъ нашего отряда, ожидая серьезнаго натиска на него, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ. Но непріятель, стоявшій за садами на Кумыхскихъ высотахъ, не успѣлъ: наше отступленіе было для него неожи-

[1]) Кровавый штурмъ Гергебиля оставилъ по себѣ тѣмъ болѣе тяжелую память, что опытные кавказцы были противъ штурма. Было бы правильнѣе отойти безъ штурма, удовольствовавшись отвлеченіемъ Шамиля съ его скопищами отъ Чечни и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что горцы тоже натерпѣлись порядочно всякихъ лишеній. „Интендантъ, я знаю, у нихъ плохой“, говаривалъ въ этихъ случаяхъ Вельяминовъ, выдерживая ихъ въ ожиданіи штурма и не предпринимая такового, если успѣхъ не былъ обезпеченъ.

Б. Колюбакинъ

данностью. Мы сдѣлали его въ большомъ порядкѣ съ ничтожною потерею. Кн. Воронцовъ хвалилъ и благодарилъ насъ, когда мы подъѣзжали къ его мѣсту наблюденія, и говорилъ, что все сдѣлано, какъ на ученьи. Затѣмъ верстъ черезъ 5 непріятель оставилъ насъ.

Черезъ нѣсколько дней отрядъ былъ уже на Турчедагѣ, ему нужно было отдохнуть, холера тотчасъ же прекратилась. Отрядъ кн. Бебутова возвратился въ С. Дагестанъ.

Недѣль 5 отрядъ оставался на Турчедагѣ; все было бы хорошо на немъ для войска, да не было дровъ и пищу варили на кизякѣ, который на вьюкахъ привозили лезгины окружныхъ селеній изъ мирныхъ, а за дровянымъ топливомъ нужно было спускаться въ глубокую долину, на сторонѣ непріятельскихъ ауловъ, подбирать кое-какіе еще остатки разрушеннаго аула Чеха, что однако же не обходилось никогда безъ раненыхъ въ отрядѣ, идущемъ за дровами, такъ какъ смѣльчаки горцы подстерегали всегда нашъ отрядъ.

Пока войска отдыхали, Штабъ дѣлалъ то же. Кн. Воронцовъ жилъ съ отрядомъ; въ штабѣ составлялась всегда партія въ вистъ и не одна. Собирались у кн. Козловскаго, человѣка неглупаго, гостепріимнаго, съ нѣкоторымъ состояніемъ; онъ проживалъ его между Москвою и Кавказомъ, котораго жизнь онъ любилъ и, какъ многіе, находилъ, что нигдѣ такъ привольно не живется, какъ на Кавказѣ. По крайней мѣрѣ на Турчедагѣ, вечеромъ въ дождь или туманъ жилось въ палаткѣ у Козловскаго или у Дундукова недурно. Кахетинское было всегда, хотя и безъ излишка, анекдоты и разсказы толстаго Потоцкаго, хотя и съ излишкомъ, были всегда забавны. Обѣдали всегда у кн. Воронцова за общимъ столомъ. „Приходите къ намъ всегда обѣдать, любезный Исаковъ“, сказалъ мнѣ однажды кн. Михаилъ Семеновичъ, и я ходилъ, если не всегда, то часто. Компанія была большая и веселая. Въ штабѣ у Аргутинскаго между Кузьмичами было однообразно и вовсе неинтересно. За обѣдъ, на открытомъ воздухѣ садилось человѣкъ 30. Докторъ князя, Андріевскій, завѣдывалъ хозяйствомъ. Весьма значущая личность въ домѣ князя, Андріевскій былъ фактотутомъ княгини; умный, хитрый человѣкъ и большой циникъ и эгоистъ, Эрастъ Степановичъ думалъ только о себѣ [1]).

[1]) Этотъ Андріевскій имѣлъ на Воронцова огромное вліяніе, и черезъ него проводились разныя дѣла, особенно по поставкамъ и подрядамъ. Андріевскій оставилъ послѣ себя большое состояніе.

По кавказскому обычаю, если полковой штабъ въ походѣ, то полковой командиръ даетъ обѣдъ въ день полкового праздника. Несмотря на то, что все везется на вьюкахъ, на обѣдѣ у Плацъ-Бекъ-Кокума было много и шампанскаго: русскіе маркитанты идутъ въ горы и трущобы за войсками, никогда не отставая. Полковой докторъ Сергѣевъ ухитрился смастерить даже кюммель, который былъ поднесенъ кн. Мих. Сем.: ежедневно передъ обѣдомъ старикъ глоталъ его по маленькой рюмкѣ, какъ лекарство.

Ночи были холодныя, туманы были часты. Передъ палатками штаба былъ обрывъ, недоступный по-нашему, горцы ухитрялись однако же по немъ подкрадываться, и разъ пуля пролетѣла черезъ палатку надъ ухомъ Коцебу, когда онъ сидѣлъ на кровати и читалъ бумаги.

Пріѣхалъ къ намъ Н. И. Пироговъ, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли у насъ плохи лекаря, и въ день его пріѣзда вмѣстѣ съ дровами принесли раненаго офицера. Натурально Пироговъ пошелъ сдѣлать перевязку. Мы всѣ бросились смотрѣть первое употребленіе эѳира для усыпленія во время операціи; кто держалъ за руку, кто за ногу бѣднаго Новоселова (онъ былъ впослѣдствіи плацъ-маіоромъ въ Царскомъ Селѣ); пока ему надѣли маску и усыпляли посредствомъ эѳира. Затѣмъ Пироговъ со своимъ ассистентомъ, маленькимъ, но очень искуснымъ хирургомъ, Неймертомъ, сдѣлали разрѣзъ въ плечѣ, Пироговъ долго искалъ пулю, сдѣлалъ еще разрѣзъ сзади плеча, искалъ обѣими руками, долго хладнокровно перевязывая артеріи лигатурою, весь самъ въ крови, однако же объявилъ намъ, что теперь пули найти нельзя и, вѣроятно, она сама выйдетъ.

Въ какой-то царскій день былъ назначенъ церковный парадъ. Что это была за фантасмагорія передъ кн. Воронцовымъ, который и самъ не зналъ, гдѣ и кому слѣдовало идти или стоять, и мы тоже ничего не знали. Полковникъ Плацъ-Бекъ-Кокумъ, бывшій конногренадеръ и фронтовикъ, только руками разводилъ отъ ужаса [1]).

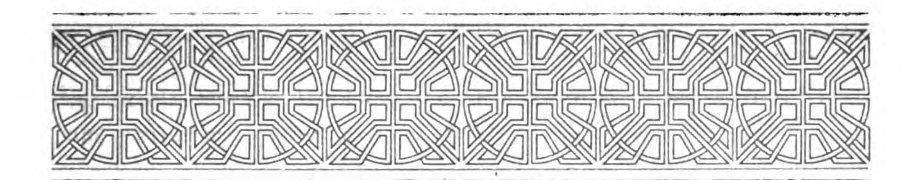
[1]) Очень характерно это свидѣтельство Исакова о неспособности славной Кавказской арміи къ тонкостямъ плацпарадной службы, но и самъ Воронцовъ, какъ умный и бывалый, также не придавалъ ей значенія. Плацъ-Бекъ-Кокумъ, офицеръ „фронтового типа", отличался большой ограниченностью и конечно, по своимъ тенденціямъ, былъ не у мѣста въ этой боевой арміи, дѣлавшей настоящее дѣло. Если не ошибаемся, по его бестактности, мы лишились Елисуйскаго султана, ушедшаго къ Шамилю. Непонятно, почему Воронцовъ держалъ его на отвѣтственныхъ постахъ.

Б. Колюбакинъ.

Кн. Воронцовъ былъ очень привѣтливъ, но улыбка его не сходила съ лица даже тогда, когда на умѣ было совсѣмъ другое. Однажды я наткнулся на разговоръ: Аргутинскій и Коцебу черезъ переводчика разносили Казикумухскаго хана за какія-то продерзости и недостатокъ топлива въ лагерѣ. Кн. Воронцовъ шелъ мимо, остановился, спросилъ, въ чемъ дѣло, затѣмъ спросилъ у хана о здоровьѣ его семейства, какъ онъ поживаетъ, отчего не пріѣдетъ въ Тифлисъ погостить, а уходя поручилъ Аргутинскому его хорошенько пожурить. Ханъ былъ въ восхищеніи и не понималъ, почему Аргутинскій грозитъ ему чубукомъ. Кн. Воронцовъ очень интересовался розысками каменнаго угля на Турчедагѣ и кромѣ горнаго офицера посылалъ на открытіе его своего камердинера Jowanni, который говорилъ на всѣхъ языкахъ и былъ на всѣ руки. Я, по крайней мѣрѣ, считалъ его за итальянца и былъ очень удивленъ, когда пришлось его представлять къ наградѣ за полезное, т.-е. за участіе въ открытіи торфа; по паспорту онъ оказался мологскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Давыдовымъ.

Сообщ. **П. Н. Исаковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



Неизданныя письма Н. И. Пирогова[1]).

(Къ исторіи высшаго образованія и русско-польскихъ отношеній).

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ.

Честь имѣю представить Вамъ мой отчетъ о томъ, что я видѣлъ и что совѣтовалъ во время пребыванія моего въ Специи. Извините, что онъ написанъ нечетко и съ помарками; я спѣшилъ доставить Вамъ, по Вашему желанію, какъ можно скорѣе результаты моей поѣздки.

Я возвратился черезъ 9 дней; по причинѣ перемѣны поѣздовъ на Швейцарскихъ желѣзныхъ дорогахъ я не успѣлъ прибыть къ консультаціи Итальянскихъ врачей и засталъ на дорогѣ д-ра Петриджа, съ которымъ вмѣстѣ и прибылъ къ Гарибальди. Впрочемъ, я и радъ, что не попалъ на общую консультацію; я бы никакъ не рѣшился одобрить изслѣдованіе раны пальцемъ, ни къ чему не ведущее, по моему убѣжденію, и даже вредное для больного; а мое несогласіе могло бы и не понравиться консультантамъ.

Одинъ, или съ д-ромъ Петриджемъ, человѣкомъ весьма добросовѣстнымъ и пріятнымъ, я могъ дѣйствовать совершенно независимо и выразить мое мнѣніе вполнѣ откровенно, что я и сдѣлалъ, какъ Вы усмотрите изъ прилагаемой записки. Я ее составилъ такъ, чтобы она сколько можно была понятна не для однихъ только врачей, но и для всей образованной публики; Вы можете изъ нея сдѣлать употребленіе, какое сами благоразсудите.

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1907 года.

Я теперь снова принимаюсь за разборъ доставленныхъ мнѣ матеріаловъ по проекту преобразованія нашихъ учебныхъ заведеній; буду работать прилежно и надѣюсь доставить Вамъ къ концу этого года соображенія по этому предмету съ полною откровенностію и такъ, какъ я самъ понимаю это дѣло.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Н. Пироговъ.

1862. 5 ноября, н. с. Гейдельбергъ.

На подлинномъ этого письма сдѣлана помѣтка рукою министра. „Доложено Его Величеству, ст. секр. Головнинъ. 5 ноября 1862 г. Къ письму подшить оттискъ отчета Пирогова о ранѣ Гарибальди, о которомъ знаменитый хирургъ пишетъ выше и который Головнинъ опубликовалъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ № 239 отъ 2 ноября 1862 г.

Письмо Пирогова о ранѣ Гарибальди помѣчено тѣмъ же 5 ноября новаго стиля. Какъ видно изъ сопоставленія помѣтокъ и датъ, министръ представилъ все это дѣло Государю уже послѣ опубликованія отчета Пирогова въ газетѣ.

Изъ этого чрезвычайно интереснаго отчета приведу здѣсь наиболѣе существенныя, историческаго и политическаго характера, извлеченія (полностью онъ перепечатанъ мною въ газетѣ „Русскій Врачъ“ за 1916 годъ, № 10, въ статьѣ „Пироговъ и Гарибальди“), предварительно же ознакомило читателей съ очень цѣннымъ свидѣтельствомъ современника и спутника Пирогова въ поѣздкѣ къ Гарибальди — письмомъ Л. Н. Модзалевскаго къ Мих. Ив. Семевскому (напечатано въ числѣ другихъ въ изданной редакціей „Русской Старины“ книгѣ „Мих. Ив. Семевскій. Его жизнь и дѣятельность“. Спб. 1895). Письмо это, отъ 22 ноября 1862 года изъ Гейдельберга, поясняетъ многое и въ предшествующемъ письмѣ Пирогова къ Головнину, и въ отчетѣ его о ранѣ Гарибальди.

„Что вамъ сказать изъ нашихъ новостей, не европейскихъ, но гейдельбергскихъ?—писалъ Л. Н. Модзалевскій М. И. Семевскому.—Развѣ о поѣздкѣ Н. И. Пирогова къ Гарибальди? Дѣло вотъ какъ было. Газетныя извѣстія очень напугали здѣшнихъ русскихъ, и родилась мысль: во 1-хъ, просить Пирогова съѣздить, и, во 2-хъ, предложить ему средства для поѣздки. Въ здѣшней русской читальнѣ собралась „чрезвычайная сходка“, человѣкъ

изъ 60-ти. Неклюдова (можетъ вы его знали) и меня выбрали міромъ, чтобы уговорить Пирогова и уладить все дѣло.

Пироговъ отвѣчалъ, что онъ бы и радъ ѣхать, да не знаетъ, примутъ ли его. Мы телеграфировали къ д-ру Прандинъ и Менотти. Отвѣтъ былъ очень благопріятный. Въ одинъ вечеръ собралось до 1000 франковъ, но Пироговъ отказался (отъ денегъ. *С. Ш.*) и просилъ кого-нибудь изъ русскихъ, знающихъ итальянскій языкъ, ѣхать съ нимъ на эти деньги въ Специю, куда и прибыли на четвертый день (30 октября) и два раза были у Гарибальди.

Пироговъ вмѣстѣ съ Петриджемъ осмотрѣвъ его рану, нашелъ пулю, которую прежде не подозрѣвали, перевелъ больного изъ тѣсной и душной комнаты въ другую и даже совѣтовалъ ему совершенно оставить Специю, что тотъ недавно и сдѣлалъ. Пироговъ явно помогъ генералу, недавно получилъ отъ него письмо и карточку.

Всѣ русскіе были въ восторгѣ отъ рѣшимости Пирогова, такъ какъ къ этому примѣшивалось кое-что политическое. Министръ нашъ, получивъ письмо Пирогова, побѣжалъ къ Государю съ докладомъ, но Государь отвѣчалъ, что „онъ въ этомъ ничего худого не видитъ". И тутъ удача! *Л. Модзалевскій*".

Взятыя Л. Н. Модзалевскимъ въ кавычки слова объ отношеніи Государя къ поѣздкѣ Пирогова, повидимому, извлечены изъ письма Головнина или кого-либо другого къ знаменитому хирургу.

Самъ онъ писалъ въ упомянутомъ отчетѣ: „Рана Гарибальди подтверждаетъ еще разъ ту извѣстную уже истину, что на свѣтѣ нѣтъ ни одного дѣла, какъ бы оно просто и ясно ни было, въ которомъ бы нельзя было найти все-таки причины къ сомнѣнію, недоумѣнію и возраженію. 31 октября я увидалъ эту знаменитую рану; За 2 дня предо мною осматривалъ ее Нелатонъ, за день была консультація 17 итальянскихъ врачей...

Войдя въ первый разъ въ комнату, гдѣ сидитъ Гарибальди на своей англійской постели, трудно подумать, что видишь предъ собою тяжело-раненаго человѣка. Ненужно и пульса щупать. Посмотрѣвъ только на больного, можно уже сказать, что у него нѣтъ ни горячки, ни жару, что онъ внутренно здоровъ, и сердцемъ, и душою. Взглядъ свѣтелъ, рука пріятно тепла. Но не такъ пріятно поражаетъ врача контрастъ хорошо сохранившагося бюста съ болѣзненною худобою конечностей. Подъ теплыми одѣялами лежатъ исхудалыя ноги...

Этотъ контрастъ не такъ страшенъ, какъ кажется, тѣмъ не менѣе онъ указываетъ врачу, на что онъ долженъ обратить вниманіе при леченіи такихъ больныхъ. Для нихъ свѣжій воздухъ и движеніе тѣла, хотя-бы пассивное, составляетъ условія жизни и успѣха въ лѣченіи, особливо когда дѣло идетъ о наружномъ поврежденіи...

Изложивъ подробно и обстоятельно свои соображенія о степени пораненія знаменитаго итальянскаго героя и о способахъ лѣченія его, геніальный русскій хирургъ далѣе пишетъ: „Мой совѣтъ, данный Гарибальди, былъ: спокойно выжидать, не раздражать много раны введеніемъ постороннихъ тѣлъ, какъ бы ихъ механизмъ ни былъ искусно придуманъ, а главное зорко наблюдать за свойствомъ раны и окружающихъ ея частей. Покуда общее состояніе больного отлично, ждать можно, и даже переждать еще не бѣда....

Въ заключеніе скажу, что я считаю рану Гарибальди не опасной для жизни, но весьма значительною, продолжительною и не совсѣмъ безопасною касательно сохраненія члена. Но покуда эта опасность не угрожаетъ еще, удастся ли ея и совсѣмъ избѣжать—это зависитъ отъ того, будетъ ли извлеченіе пули сдѣлано во-время, и какъ будетъ послѣ того направлено лѣченіе.

Правда, уже и теперь слышались голоса о необходимости отнятія члена; но эти грозныя мысли произошли, мнѣ кажется, не столько отъ серьезныхъ научныхъ убѣжденій, сколько отъ закулисныхъ или, лучше, запостельныхъ обстоятельствъ.

И больной Гарибальди, точно также, какъ и здоровый, не перестаетъ быть предметомъ дѣйствій различныхъ партій. Что же мудренаго, если и раненая его нога служитъ предметомъ національныхъ увлеченій, надеждъ и опасеній.

Покуда всѣ почитатели его могутъ быть спокойны: ни жизнь, ни нога его не находятся въ опасности. Но не нужно предаваться и излишнему оптимизму...

Я предложилъ Гарибальди еще 2 вещи: во 1-хъ, свѣжій воздухъ и, во 2-хъ, перемѣну климата на зиму. Для человѣка, привыкшаго къ дѣятельной, военной жизни, ничто не можетъ быть вреднѣе, какъ долгое пребываніе въ закрытой комнатѣ...

Климатъ Специи зимою нехорошъ для страдающихъ ревматизмомъ; въ Специи, хотя и тепло, но сыро; почва ея мягкая и впитывающая въ себя влагу... Когда я объ этомъ сказалъ Гарибальди, то первое его слово было: „Неаполь".

Н. Пироговъ.

Слѣдующее очередное письмо Н. И. Пирогова къ А. В. Головнину, отъ 3 декабря 1862 года по старому стилю (изъ дѣла № 169833), снова посвящено изображенію дѣлъ русскихъ кандидатовъ и представляетъ значительный интересъ для исторіи русской колоніи учащихся за границей. Оно любопытно и въ политическомъ отношеніи.

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ.

Посланные за границу Деларю, Степановъ (въ Гейдельбергѣ) и Зарубинъ (въ Берлинѣ) относились ко мнѣ, жалуясь на ихъ стѣсненное положеніе. Они, дѣйствительно, не получая содержанія, принуждены здѣсь занимать за проценты. Ихъ трехмѣсячные сроки уже давно прошли. Входя въ это положеніе молодыхъ людей я обѣщалъ имъ обратиться къ Вамъ и съ моей стороны и просить Васъ покорнѣйше объ ускореніи высылки денегъ.

На дняхъ у меня былъ чиновникъ отъ нашего посланника при Баденскомъ Дворѣ. Посольство получило по телеграфу вопросъ отъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ о Польской панихидѣ, которую было хотѣли здѣсь отслужить проживающіе студенты,—конечно, не русскіе, но русскіе подданные. Я ему сообщилъ, что я слышалъ стороною объ этой исторіи, которая впрочемъ никого не могла удивить, кто знаетъ поляковъ и ихъ тенденцію безпрестанно напоминать о себѣ.

Сколько я знаю, здѣсь солидарности между русскими и поляками особенной нѣтъ. О нашихъ же, посланныхъ отъ Университетовъ, можно положительно сказать, что они занимаются серьезно, и нѣкоторые изъ нихъ, кажется, вообще пользуются хорошимъ, нравственнымъ вліяніемъ на всѣхъ русскихъ студентовъ, изъ числа которыхъ, конечно, есть и недовольные, оставившіе Россію по причинѣ закрытія Университета. Всѣ русскіе студенты сложились теперь и выписываютъ на будущій годъ почти всѣ русскіе журналы и газеты. Впрочемъ, между ними также мало общаго; всѣ разбиты по кружкамъ.

На слѣдующей недѣлѣ я буду имѣть честь прислать къ Вамъ мою статью объ Университетѣ: вѣроятно, она придетъ слишкомъ поздно и не будетъ имѣть никакого вліянія на оконченный уже университетскій уставъ;—скорѣе, я не могъ ее окончить;—но я буду просить Васъ все-таки сдѣлать ее гласною.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга *Н. Пироговъ.*

Гейдельбергъ. *1862. Декабря 15 н. с.*

Упомянутый здѣсь Ш. К. Зарубинъ былъ впослѣдствіи извѣстнымъ профессоромъ хирургіи въ Харьковѣ. Головнинъ предписалъ выслать деньги кандидатамъ немедленно. О жизни русской студенческой заграничной колоніи въ связи съ русско-польскими отношеніями Пироговъ говоритъ еще въ другихъ печатаемыхъ ниже письмахъ. Своей статьи объ университетскомъ вопросѣ Н. И. касается болѣе подробно въ письмѣ къ А. В. Головнину отъ 11 декабря по старому стилю (изъ дѣла № 116861), которое печатается ниже. Оно особенно интересно высказанными въ немъ мыслями о значеніи взаимнаго ознакомленія русскихъ профессорскихъ кандидатовъ для развитія университетской науки и о роли кандидатовъ зрѣлаго возраста въ смыслѣ вліянія на своихъ молодыхъ товарищей.

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ.

Честь имѣю представить Вамъ мою статью „Университетскій вопросъ". Прошу извинить меня, что я по недостатку переписчиковъ и времени, высылаю мою рукопись съ поправками. Я знаю, что на новый уставъ моя статья не окажетъ никакого вліянія, но моя цѣль была распространить въ обществѣ болѣе здравыя понятія о значеніи университета, и потому мнѣ желательно сдѣлать гласными мои взгляды. Со стороны цензуры, кажется, это не можетъ встрѣтить препятствій; если они въ чемъ и противорѣчатъ новому уставу, то это только покажетъ ихъ недостатки и практическую невозможность осуществить ихъ на дѣлѣ.

Если же, сверхъ моего ожиданія, препятствіе встрѣтится, то я прошу Васъ покорнѣйше мнѣ дать знать, что именно не могло быть пропущено цензурою.

Про отправленныхъ отъ Министерства и университетовъ за границу, и въ особенности про живущихъ здѣсь въ Гейдельбергѣ, я не могу ничего сказать, кромѣ хорошаго. Изъ 56 имматрикулированныхъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ русскихъ, большую часть которыхъ я знаю только по слухамъ, только 2 или 3 сблизились съ здѣшними студентами. Всѣ прочіе смотрятъ на средневѣковую жизнь ихъ корпорацій почти съ презрѣніемъ; профессора, съ которыми я говорилъ, всѣ отзываются съ похвалою о русскихъ слушателяхъ.

Дѣйствительно, нѣкоторыя лекціи посѣщаются почти исключительно одними русскими, а изъ нѣсколькихъ студентовъ, записанныхъ въ корпораціи, почти никто не посѣщаетъ никакихъ лекцій. Но единодушія между нашими русскими и здѣсь нѣтъ; ни взгляды, ни направленія ихъ, кажется, не сходятся вовсе, и даже изъ посланныхъ за границу отъ правительства нѣкоторые вовсе не знаютъ другъ друга, и сходятся иногда только у меня. Мнѣ кажется это однимъ изъ недостатковъ, если будущіе профессора не будутъ знать другъ друга. Только нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ сношенія съ другими русскими студентами, штудирующими на свой щетъ, и сколько я замѣчаю, эти сношенія оказываютъ благотворное вліяніе: посланные отъ правительства люди болѣе зрѣлые, своимъ нравственнымъ вліяніемъ, противодѣйствуютъ проявленію крайностей между разнохарактерною молодежью, находящеюся здѣсь, изъ числа которой многіе недовольные, то есть пріѣхавшіе за границу вслѣдствіе закрытія университетовъ и безпорядковъ.

Черезъ этихъ же, порученныхъ мнѣ, я стараюсь, сколько могу дѣйствовать убѣждая и успокоивая и на остальныхъ. На будущій годъ, всѣ русскіе по подпискѣ собрали деньги, для выписки изъ С.-Петербурга и Москвы русскихъ журналовъ и газетъ. А недавно десять человѣкъ,—всѣ почти посланные отъ правительства, согласились еженедѣльно читать, каждый по своему предмету; многіе и другіе желали бы принять участіе въ этихъ чтеніяхъ; но такъ какъ они объявили, что не могутъ представлять такъ часто статей научнаго содержанія, то и не были включены въ число участниковъ.

Я нисколько не противодѣйствовалъ составленію этого кружка, во-первыхъ потому что я стараюсь какъ можно болѣе усилить нравственное вліяніе зрѣлыхъ людей на не зрѣлыхъ и способствовать ихъ сближенію; а во-вторыхъ я считаю гораздо надежнѣе способствовать ему путемъ открытымъ, чтобы предотвратить другой, закрытый и вредный.

Съ поляками, сколько я замѣчаю, русскіе не находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ, и тѣ, которыхъ я знаю лично или по наслышкѣ, не раздѣляютъ польскихъ понятій и тенденцій. На панихидѣ, которую поляки справляли въ еврейской синагогѣ (въ католической церкви имъ не позволили), русскихъ, какъ я слышалъ, никого не было.

Я уже имѣлъ честь увѣдомить Васъ о стѣсненномъ положеніи нѣкоторыхъ русскихъ, которые уже цѣлый мѣсяцъ бѣдствуютъ и занимаютъ деньги: они уже нѣсколько разъ просили меня

принять участіе въ ихъ судьбѣ.—Касательно меня, я также обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою приказать выслать мнѣ пенсію и жалованье за 3 мѣсяца, считая съ 1-го октября; а по 1-го октября я получилъ переведенное письмо Государственнаго Банка въ 2023 банк. марк. 3 тал.

Если Вамъ еще угодно, чтобы я послѣ Новаго Года отправился въ другіе университеты; то прошу Васъ выслать мнѣ до 400 талеровъ на поѣздку, потому что изъ моего содержанія я для этой цѣли не могу удѣлить болѣе 100 гульденовъ; мой приходъ превышаетъ только 200 гульд. мои расходы.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Н. Пироговъ.

Гейдельбергъ. *1862 г. Декабря 23 н. с.*

На подлинникѣ письма А. В. Головнинъ сдѣлалъ рядъ помѣтокъ—возлѣ сообщеній Н. И. о польско-русскихъ студентахъ, о похвальномъ поведеніи однихъ, о вліяніи другихъ, о выѣхавшихъ изъ Россіи студентахъ,—предложивъ канцеляріи „выписать отмѣченныя мѣста для Государя". Предписалъ онъ также удовлетворить всѣ другія просьбы Пирогова.

Что касается статьи Н. И. объ университетскомъ вопросѣ, то министръ приказалъ отпечатать ее, какъ и всѣ другіе матеріалы по университетской реформѣ, отдѣльной книгой: „Дополненіе къ замѣчаніямъ на проектъ общаго устава императорскихъ россійскихъ университетовъ. Университетскій вопросъ Н. И. Пирогова. Санктпетербургъ. 1863. Въ типографіи Іосафата Огрызко. Напечатано по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія. Стр. 85, in 8°". Въ концѣ статьи имѣется дата окончанія ея: 22-го декабря н. с. 1862 года, т.-е. днемъ раньше отсылки статьи при вышеприведенномъ письмѣ. Статья эта разсылалась вмѣстѣ съ другими матеріалами во всѣ университеты, отдѣльнымъ профессорамъ и другимъ лицамъ, но въ продажу не поступала (объ этомъ Н. И. сообщилъ І. В. Бертенсону въ письмѣ отъ 30 декабря 1880 г.).

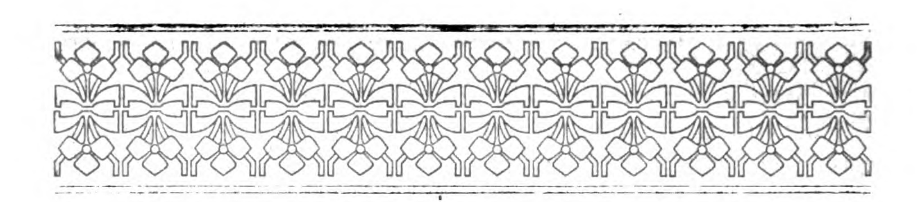
Въ оффиціозной статьѣ „По поводу новаго университетскаго устава", напечатанной по распоряженію А. В. Головнина и приложенной въ видѣ объяснительной записки къ отдѣльному изданію этого устава (Спб. 1863), имѣется очень интересный отзывъ министерства о статьѣ Н. И. Пирогова, посланной при выше-

приведенномъ письмѣ. Отзывъ этотъ весьма умѣстенъ въ очеркѣ о взаимоотношеніяхъ знаменитаго педагога и министерства народнаго просвѣщенія.

„Изъ всѣхъ высказанныхъ по поводу проекта (университетскаго устава) мнѣній, какъ русскими, такъ и иностранными педагогами,—сказано въ упомянутой статьѣ,—наибольшею цѣнностью и полнотою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наибольшею глубиною и гуманностью взгляда отличается мнѣніе члена главнаго правленія училищъ Николая Ивановича Пирогова. Едва-ли между педагогами найдется лицо, которое было бы болѣе компетентно въ вопросѣ университетской реформы, чѣмъ нашъ знаменитый авторъ „Вопросовъ жизни", которое бы лучше его знало какъ достоинства, такъ и недостатки нашихъ университетовъ и въ научномъ и въ административномъ отношеніи. Поэтому мнѣніе Н. И. Пирогова, несмотря на нѣкоторую идеальность его взгляда, въ которой онъ самъ отчасти сознается, заслуживаетъ особеннаго вниманія и изученія"... Далѣе приводятся обширныя выдержки изъ этой идеальной статьи Н. И. Пирогова (перепечатана въ Собраніи сочиненій, т. I, изд. 1914 г.).

Сообщилъ **С. Я. Штрайхъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



Изъ бумагъ А. Т. Болотова.

Письмо отъ внука моего (Алексѣя Павловича Болотова) къ его родителямъ (Павлу Андреевичу и Маріи Ѳедоровнѣ Болотовымъ) отъ 31 марта 1825 г. № 18 (стр. 189—208).

Стр. 205—8... „Намѣреніе ваше познакомится съ княземъ Голицынымъ для меня весма нравится уже потому что всѣ благомыслящіе относятся о семъ велможѣ какъ нельзя лучше и всѣ единогласно его хвалятъ, какъ умнаго, такъ и добраго человѣка,—но чтобы могъ онъ быть полезенъ своею протекціею, я не думаю, ибо онъ кажется совсѣмъ палъ, потому что онъ былъ во враждѣ съ гра: Але: Андр: Аракчеевымъ—его пріятель графъ Кочубей также какъ слышно упалъ—ибо на его мѣсто назначается Аракчеева любимецъ Апрелевъ, доброй фрунтовикъ съ дурною душею.

На счетъ собираемаго конгреса для духовныхъ дѣлъ я ничего не могъ слышать, ибо о семъ здѣсь ни кто не говоритъ. Дай Богъ! чтобы онымъ скрутили рога этому ханжѣ отцу Фотію котораго иначе здѣсь не называютъ люди благомыслящіе, какъ ужаснымъ орудіемъ Тмы, ибо такого фанатика, изувѣра, гонителя истинны можно толко находить во время среднихъ вѣковъ, когда папы свирепствовали своими инквизиціями,—вотъ наконецъ ему таки удалось уговорить графиню Орлову продать свое имѣніе, пожертвовавъ своими денгами въ монастырь и самой постричся.

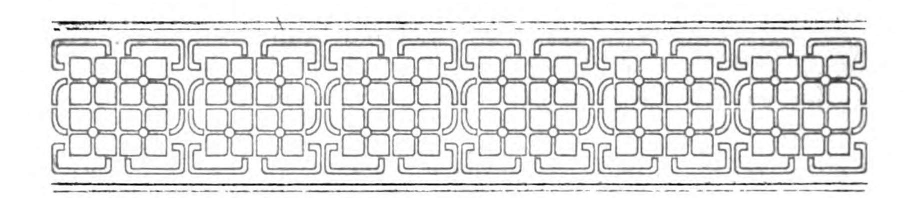
Покуда онъ пробудетъ въ семъ тріумфиратѣ (то есть Аракъ: Магницкій и Фотій) до тѣхъ поръ лучъ истины не блеснетъ. Онъ причиною запрещенія всѣхъ духовныхъ книгъ говоря что они суть ядъ.—Первой утѣснилъ военную часть второй ученную а третей духовную. Дай Богъ чтобы Государь увидѣлъ всѣ злоупотребленія“...

Письмо отъ него же къ нимъ же отъ 26 мая 1825 № 28 (стр. 283—290).

Стр. 285—88. „...На прошедшей недѣли я читалъ двѣ любопытныя бумаги, первая есть огромной указъ Синода противъ всѣхъ, *еретическихъ, безбожныхъ, чрезвычайно развращающихъ нравственность книгъ*—указъ написанъ совершенно въ духѣ 14 и 15 столѣтія когда папы были владыками Западной Европы, на концѣ приложенъ списокъ сихъ вредныхъ книгъ, и въ первыхъ поставлено воззваніе къ человѣкамъ, потомъ таинство Креста, путь ко Христу, Таулерея, Сіонскій вѣстникъ, побѣдная повѣсть и наконецъ всѣ сочиненія госпожи Гіонъ; число запрещенныхъ книгъ есть 16.—Вы скоро можетъ быть увидите его напечатаннымъ въ газетахъ, и порадуетесъ увидевъ сколь много наши пастыри и министры народного просвѣщенія (невежества) пекутся о нравственности чадъ своихъ.—вторая бумага есть циркулярное предписаніе всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ чтобы они обращали вниманіе, дабы помещики и поселянѣ, не осмеливались подчивать духовенство, ибо дошло до свѣденія Государя что одинъ изъ церковнослужителей опился, то и строго запрещается всемъ подносить симъ крепкія напитки и подтверждается что если кто изъ губернаторовъ узнаетъ что прихожанѣ не исполнятъ его волю то немедлено доносить о таковыхъ высшему началству"...

(Любопытная переписка между близкими родными, часть 1 1825 переплетена въ одну книгу, содержитъ предъизвѣщеніе А. Т. Болотова на 4 страницахъ и 43 письма его сына и внука отъ 9 января до 24 августа 1826; и отъ жены въ 31 письмѣ отъ 20 іюня описаніе опытовъ магнетизма штабъ-хирурга Парпура, между прочимъ, надъ дѣвицей Шагаровой; описаніе Петергофскихъ празднествъ въ письмахъ 38 и 39 (отъ 31 іюля и 10 августа) и общія разсужденія о наивыгодной службѣ (въ 1 письмѣ),—сборникъ сей, вмѣстѣ съ другими Болотовскими бумагами (въ томъ числѣ, царскими грамотами Болотовымъ и Никиф. Сунбулову) и экземпляромъ Путешествія Олеарія, купленныя А. Т. Болотовымъ въ 1760 въ Кенигсбергѣ, находится у Т. М. Долинино-Иванскаго въ с. Карамышевѣ Крапивенск. у. и достался ему отъ матери его Елены Михайловны, рож. Болотовой).

Сообщилъ **В. Арсеньевъ.**



Первые шаги на учебной службѣ [1]).

IV.

Открытіе двухъ спеціальныхъ классовъ въ губернскихъ кадетскихъ корпусахъ было вызвано необходимостью. Въ Дворянскомъ полку, куда отправлялись кадеты шести губернскихъ кадетскихъ корпусовъ, прошедшіе общіе классы, не доставало уже ни мѣста, ни учебныхъ силъ для дальнѣйшаго увеличенія численности привозимаго изъ провинціи контингента; а, между тѣмъ, такое увеличеніе было неизбѣжно. Близилось время, когда и вновь открытый Кіевскій корпусъ долженъ будетъ отправить своихъ кадетъ въ столичные спеціальные классы. Имѣлось, кажется, въ виду открытіе и новыхъ корпусовъ, и разумѣется, надо было дать имъ всѣмъ самостоятельное устройство. За это время произошли и другія, менѣе значительныя измѣненія по учебной части. Прибавленъ пятый общій классъ, и вмѣсто прежнихъ двухъ приготовительныхъ оставленъ только одинъ. Соотвѣтственно этому, было сдѣлано и новое распредѣленіе учебныхъ предметовъ по классамъ; курсъ былъ поставленъ серьезнѣе. Кромѣ того, вмѣсто прежнихъ двухъ обязательныхъ иностранныхъ языковъ, предоставлено было изучать только одинъ, на выборъ, въ теченіе всего курса.

Вспоминая теперь объ этихъ нововведеніяхъ, которыя я засталъ въ родномъ корпусѣ, я могу съ убѣжденіемъ сказать, что открытіе спеціальныхъ классовъ оказало огромное вліяніе на весь строй корпусной жизни.

---

[1]) См. „Русская Старина", февраль 1917 г.

Мнѣ приходилось уже говорить о воспитаніи въ кадетскихъ корпусахъ. Воспитателями были ротные командиры; младшіе офицеры только дежурили и надзирали въ свои служебные дни. Система воспитанія была проста: полнѣйшее уравненіе требованій безъ всякаго различія возрастовъ и классовъ. Кончающій курсъ почти 20-ти лѣтній юноша былъ такимъ же безправнымъ, несамостоятельнымъ и безличнымъ номеромъ, какъ и десятилѣтній мальчикъ. Въ доброе старое время такое уравненіе достигалось безпощадной дисциплиной и безудержными тѣлесными наказаніями.

Прошло, однако, время, когда такими порядками надо было поступиться, и прежніе всесильные воспитатели сразу потеряли весь свой авторитетъ въ глазахъ воспитанниковъ старшихъ классовъ. Въ мое кадетское время, въ Полтавѣ этого еще не было, но въ 1853 г. въ Дворянскомъ полку, гдѣ были въ то время одни только спеціальные классы, я уже засталъ начало развала. Дежурные офицеры были у насъ какими-то совершенно безгласными людьми и держали себя далеко отъ кадетъ. Когда ротный командиръ входилъ въ роту, намъ командовали „смирно", но этимъ и ограничивался весь его высокій авторитетъ. Разсказывали и здѣсь о прежнихъ жестокихъ поркахъ, но это было уже только преданіе. Въ мое время тамъ было для насъ одно только наказаніе,—арестъ, который назначался дозами, смотря по проступку: за куреніе—два дня, за дерзость дежурному офицеру—одинъ день и т. п. Случались крупные массовые проступки, напримѣръ, одному офицеру, ловившему въ куреніи, изрѣзали въ лагерѣ, передъ послѣднимъ смотромъ, его мундиръ; за такія продѣлки сажали подъ арестъ на очень долгое время и виноватыхъ и подозрѣваемыхъ, и кадеты тревожно ожидали, что будетъ великое сѣченіе. Однако на моей памяти даже такой случай обошелся безъ розогъ: одного исключили, а остальныхъ выпустили послѣ долгаго сидѣнія.

Къ такого рода порядкамъ сводилось въ то время воспитаніе кадетъ спеціальныхъ классовъ и въ другихъ столичныхъ корпусахъ.

Старые кадеты пожалуй помнятъ еще, какими крупными массовыми безпорядками разрѣшилась такая воспитательная система.

Въ губернскихъ кадетскихъ корпусахъ дѣло шло патріархальнѣе. Пока курсъ ограничивался только приготовительными и общими классами, авторитетъ начальства держался еще довольно прочно даже и въ старшихъ ротахъ; въ большинствѣ

корпусовъ онъ тоже дѣятельно поддерживался розгой. Но и тутъ, уже въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ, начали дѣлаться конфиденціальныя указанія свыше о болѣе умѣренномъ примѣненіи карательныхъ мѣръ. Не имѣя никакихъ другихъ средствъ для поддержанія своего авторитета, ротные командиры старшихъ ротъ и въ губернскихъ корпусахъ, тогда уже стали понемногу опускать руки. Когда открывались спеціальные классы, старая система была уже поколеблена.

Открытіе этихъ классовъ неминуемо должно было нанести ей еще болѣе сильный ударъ.

Эта перемѣна въ корпусныхъ порядкахъ и нравахъ бросилась мнѣ въ глаза съ первыхъ дней моего прибытія въ корпусъ.

Скажу прежде всего объ офицерахъ. Я засталъ между ними многихъ почтенныхъ людей, которыхъ зналъ еще когда былъ кадетомъ. Они нѣсколько обрюзгли, но, въ сущности, сохранили на себѣ тотъ же старинный офицерскій Николаевскій обликъ, какой имѣли и въ прежніе годы.

Дежурили они, однако, въ двухъ старшихъ ротахъ не совсѣмъ такъ, какъ это было прежде. Многое, чего они не пропустили бы раньше, проскальзывало теперь какъ-то мимо нихъ, не возбуждая ихъ вниманія. Чувствовалась какая-то новая струя напускного добродушія, много смягчившая ихъ отношеніе къ взрослымъ кадетамъ.

Изъ числа почтенныхъ прежнихъ офицеровъ я назову Виктора Ипполитовича Моралевскаго, Адольфа Ивановича Шпринглевскаго, Петра Ивановича Ясинскаго, Андрея Ивановича Полонскаго, Якова Яковлевича Савоини, Адама Осиповича Банецкаго, Николая Петровича Самойлова, Петра Павловича Рубца.

Засталъ я между ними и новыхъ людей. Въ числѣ ихъ было нѣсколько старыхъ полтавскихъ кадетъ; изъ нихъ Василій Алексѣевичъ Рядновъ и Иванъ Андреевичъ Боголюбовъ снискали себѣ потомъ почетную извѣстность въ военно-педагогическомъ мірѣ. Въ то время Рядновъ былъ очень красивымъ саперным офицеромъ, былъ уже женатъ, но любилъ общественныя развлеченія и превосходно танцовалъ мазурку. Поступилъ онъ дежурнымъ офицеромъ, но сразу же получилъ уроки географіи. Боголюбовъ былъ уланскимъ офицеромъ, по выпуску былъ, кажется, нѣсколько моложе Ряднова, но тоже былъ уже женатъ, и супруга его была одна изъ замѣтныхъ полтавскихъ красавицъ. Онъ пробылъ въ корпусѣ около трехъ лѣтъ и поступилъ въ академію генеральнаго штаба.

Припоминаю молодыхъ еще, но почтенныхъ Александра Ивановича фонъ-Плотта и Александра Ивановича Левенца; эти люди держали себя съ кадетами серьезно и корректно, чего я не могу сказать о нѣкоторыхъ другихъ изъ вновь опредѣленныхъ офицеровъ.

У нихъ выработалась манера держать себя съ кадетами старшихъ классовъ какъ-то совсѣмъ по-пріятельски. Такія отношенія, сами по себѣ, разумѣется, не заключаютъ въ себѣ ничего дурного, но здѣсь въ основу этой пріязни было положено явное негласное попустительство, а иногда и совсѣмъ безцеремонная критика дѣйствій начальства.

По наружности все шло какъ будто спокойно; все, что нужно было дѣлать по заведенному порядку, дѣлалось. Не было никакихъ крупныхъ проступковъ, нарушеній или неудовольствій, но при такихъ условіяхъ, втихомолку, разумѣется, могли твориться совсѣмъ безобразныя дѣла. Замѣчательно то, что объ этихъ дѣлахъ должны бы были не только догадываться, но и быть хорошо освѣдомленными тѣ изъ молодыхъ офицеровъ, которые стояли ближе къ кадетамъ, но, насколько помню, ни одинъ изъ нихъ никогда такъ и не приподнялъ этого покрова.

Разсказывали мнѣ, напримѣръ, какъ одинъ кадетъ V общаго класса (это было какъ разъ передъ открытіемъ спеціальныхъ классовъ) устроилъ въ гренадерской ротѣ лавочку различныхъ лакомыхъ для кадетъ предметовъ и продавалъ ихъ желающимъ по цѣнамъ, установленнымъ съ общаго согласія. Дѣлалось это такъ: полы въ корпусѣ были въ то время не паркетные, а крашеные; изстари было заведено мыть ихъ періодически опилками, а для храненія опилокъ въ залѣ каждой ротѣ былъ устроенъ въ полу не глубокій люкъ, плотно, почти незамѣтно прикрываемый досками. Вотъ этотъ люкъ и былъ примѣненъ для храненія товара. Не понимаю, какъ это случилось, что никто никогда не обратилъ вниманія, что тамъ дѣлается, въ этомъ люкѣ, но меня увѣряли правдивые люди, что цѣлый годъ торговли прошелъ незамѣченнымъ, и что ротный командиръ, Иванъ Романовичъ Рубанъ, и офицеры посолиднѣе и теперь бы не повѣрили, что люкомъ можно было пользоваться такъ искусно. И вотъ бойкій, предпріимчивый и лукавый кадетъ всегда имѣлъ въ своей лавочкѣ колбасу, ветчину, сало, хлѣбъ, табакъ, спички, карты и водку. Этого юношу, котораго я не хочу назвать, кадеты не любили за его низменныя нравственныя свойства, однако, его коммерческое предпріятіе, кажется, твердо держалось до выбытія его изъ

корпуса. Не помню теперь, чѣмъ онъ кончилъ, но, кажется, дальнѣйшее его поприще было неблагополучно.

Думаю, что этого случая довольно, чтобы составить себѣ понятіе о воспитательныхъ порядкахъ того времени.

Все ослабѣло: измѣнилось даже отношеніе офицеровъ къ формальнымъ сторонамъ ихъ службы. Прежде дежурство, напримѣръ, считалось дѣломъ отвѣтственнымъ; офицеръ видимо отрѣшался отъ всего обыденнаго и, въ своей парадной формѣ, серьезно исполнялъ свой долгъ. Теперь въ это дѣло было внесено что-то будничное. Помню, что Петръ Павловичъ Рубецъ, молодой и свѣтскій человѣкъ, котораго я однако помнилъ уже офицеромъ въ мои кадетскіе годы, раза два прибѣгалъ ко мнѣ съ убѣдительной просьбой продежурить за него завтра отъ такого-то до такого-то часа. На мое возраженіе, что этого вѣдь нельзя, что въ мое время я не помню такихъ случаевъ, онъ отвѣчалъ, что теперь это устраивается очень просто, что онъ скажетъ адъютанту и дастъ мнѣ знать. И я дѣйствительно дежурилъ за него не разъ, но къ счастью въ неранжированной ротѣ, гдѣ онъ числился тогда офицеромъ.

Вдумываясь въ эти порядки, я удивляюсь, что при этомъ видимомъ ослабленіи всѣхъ прежнихъ пружинъ, дѣла все еще шли по наружности довольно гладко; ничто не предвѣщало въ будущемъ какихъ-нибудь неожиданныхъ происшествій. Приписываю это твердымъ порядкамъ прежнихъ лѣтъ; жизнь была направлена такъ твердо въ опредѣленномъ направленіи, что ей трудно было выступить изъ береговъ.

Надо замѣтить, что и строевая часть тоже видимо стала ослабѣвать. Батальонный командиръ оставался все тотъ же, Θедоръ Николаевичъ Дубровинъ; но того фронтового щегольства, которымъ славился нашъ корпусъ въ прежнее время, теперь не было.

Правда, съ тѣхъ поръ очень измѣнились и прежнія строевыя требованія. Строевые уставы были переработаны; прежніе учебные шаги, замысловатые ружейные пріемы, требованіе безусловной механической точности отошли въ преданіе, и строй самъ собою долженъ былъ до нѣкоторой степени потерять свою церемоніальную представительность.

Однако, и кромѣ того, было замѣтно гораздо болѣе равнодушное отношеніе кадетъ къ строевому дѣлу. Тутъ сказывался, пожалуй, тотъ общій упадокъ воинственнаго подъема, которымъ ознаменовалось это время. Фронтовики старой школы иногда просто не понимали новыхъ строевыхъ требованій. Оказалась потребность въ практическихъ показателяхъ, и съ этою цѣлью въ губернскіе

корпуса были командированы хорошіе строевики изъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Это было въ 1859 г. Въ Полтаву прибылъ подпоручикъ л.-гв. Павловскаго полка, Иванъ Ѳомичъ Барковскій и пробылъ тутъ все лагерное время и часть учебнаго года.

Раньше я не зналъ этого моего однополчанина, такъ какъ до того не несъ еще дѣйствительной службы въ своемъ полку, но здѣсь я съ нимъ сошелся.

Позднѣе онъ поступилъ въ академію генеральнаго штаба, и мы надолго потеряли другъ друга изъ вида. Какъ показатель уставовъ, онъ держалъ себя съ большимъ тактомъ, но все-таки во время батальонныхъ ученій, производимыхъ такими маститыми командирами, какъ Дубровинъ или младшій штабъ-офицеръ Стебницкій, странно было видѣть этого подпоручика, находившагося тутъ на случай какихъ-либо недоразумѣній или справокъ. Похоже было, какъ будто и въ центральномъ управленіи поколебалось довѣріе къ способностямъ корпуснаго строеваго начальства.

V.

Я засталъ почти всѣхъ учителей, у которыхъ учился въ мое кадетское время. Выбыли немногіе; не было Корженевскаго; онъ былъ назначенъ инспекторомъ въ институтъ. Сошли со сцены еще два-три; Соссе, Риккеръ, Кай. Но общій составъ учителей увеличился; для спеціальныхъ классовъ потребовались учителя военныхъ наукъ, законовѣдѣнія, статистики.

Для характеристики тогдашняго настроенія въ учительской средѣ, мнѣ надо остановиться на учителяхъ военныхъ наукъ, и, въ особенности, на одномъ изъ нихъ, сыгравшемъ большую роль въ свое четырехлѣтнее пребываніе въ кадетскомъ корпусѣ.

Александръ Павловичъ Риттеръ, поручикъ л.-гв. Литовскаго полка, въ то время молодой человѣкъ лѣтъ 26-ти, учился въ Полоцкомъ корпусѣ, потомъ въ Дворянскомъ полку. Я помню его репетиторомъ тактики въ этомъ корпусѣ. Когда потребовались учителя въ провинцію, онъ выдержалъ учительскій экзаменъ и былъ отправленъ въ Полтаву.

Учителя военныхъ наукъ въ губернскихъ корпусахъ пользовались въ то время особымъ положеніемъ. Это были сплошь молодые люди, но содержаніе ихъ по тому времени было значительно. Они получали 1.200 р. въ годъ, хотя уроковъ у нихъ было сравнительно немного, не болѣе 8-ми въ недѣлю.

Прiѣздъ учителей военныхъ наукъ въ Полтаву произвелъ нѣкоторую сенсанцiю и въ корпусѣ и, пожалуй, въ обществѣ. Это были гвардейскiе офицеры, и преподавали они такiе предметы,—тактику, артиллерiю, фортификацiю,—о которыхъ до нихъ въ провинцiи не имѣли никакого представленiя.

Александръ Павловичъ Риттеръ какъ-то сразу занялъ видное мѣсто между учителями. Я не скажу, чтобы онъ былъ человѣкъ солидно образованный, но онъ удивительно умѣлъ всегда стоять на уровнѣ злободневныхъ вопросовъ. Онъ хорошо говорилъ, съ какой-то убѣдительной увѣренностью, и у него была рѣдкая манера благодушно иронизировать, когда собесѣдникъ его сбивался, на отживающiе уже взгляды и вѣрованiя. При этомъ онъ былъ очень общителенъ и гостепрiименъ; онъ заботливо обставилъ свою небольшую квартиру, и разъ въ недѣлю у него собирались всѣ корпусные учителя. Мало по малу авторитетъ его возросъ, и мнѣ, бывшему питомцу корпуса, странно было видѣть, что даже такiе почтенные люди, какъ Барсовъ, Зайцевъ, Пальчиковъ, очень считались со взглядами молодого офицера и остерегались его ироническихъ замѣчанiй.

Преподавателемъ артиллерiи былъ молодой л.-гренадерскiй офицеръ Николай Кузьмичъ Смирновъ. Онъ окончилъ артиллерiйскую академiю и хорошо зналъ свой предметъ. Его я помню тоже репетиторомъ въ Дворянскомъ полку. Онъ училъ насъ тамъ дѣлать старые николаевскiе патроны, которые надо было „скусывать" передъ тѣмъ, какъ они посылались въ дуло. (Была и команда такая: „скуси па-тронъ!").

Николай Кузьмичъ былъ скромный, серьезный и дѣловитый. Онъ не чуждъ былъ и просвѣтительныхъ интересовъ, но у него была какая-то щепетильность по отношенiю къ людямъ, и потому у него не было широкаго знакомства.

Съ Риттеромъ его связывали, такъ сказать, профессiональные интересы. Они вмѣстѣ прiѣхали, оба были одинаково чужiе въ Полтавѣ, оба преподавали новые предметы, и, естественно, должны были поддерживать другъ друга. Но прiязни у нихъ не было. Натуры были слишкомъ различны. Одинъ былъ человѣкъ бойкой мысли и красивой фразы, другой скромно дѣлалъ свое дѣло и былъ очень далекъ отъ какой бы то ни было рисовки.

Для фортификацiи нашелся свой домашнiй учитель. Еще когда я былъ Полтавскимъ кадетомъ, къ намъ прiѣхалъ молодой прапорщикъ л.-гв. Павловскаго полка, тоже полтавецъ, Михаилъ Яковлевичъ Попелло-Давыдовъ. Мы всѣ его тогда очень замѣтили, такъ какъ при первомъ появленiи у него была въ рукахъ

своеобразная, до того времени намъ неизвѣстная, гренадерская шапка. Онъ поступилъ къ намъ репетиторомъ новаго тогда предмета—ботаники, и кто-то намъ говорилъ, что онъ дѣйствительно былъ большой любитель и знатокъ растеній. Не знаю, держалъ ли онъ потомъ экзаменъ на учителя естественной исторіи, но у него были уроки, а когда стало извѣстно объ открытіи спеціальныхъ классовъ, онъ выразилъ готовность преподавать фортификацію. Это устроили. Первый годъ онъ преподавалъ этотъ предметъ приватно. Въ началѣ слѣдующаго учебнаго года онъ уѣхалъ держать экзаменъ и пробылъ въ отсутствіи около трехъ мѣсяцевъ. Я читалъ вмѣсто него лекціи въ обоихъ спеціальныхъ классахъ. Въ декабрѣ онъ вернулся полноправнымъ учителемъ.

Этотъ третій не подходилъ къ двумъ первымъ, для составленія гармоничнаго тріумвирата. Риттеръ и Смирновъ были для него слишкомъ столичными и много думающими о себѣ людьми, и онъ какъ-то сразу отстранился отъ нихъ. Это былъ человѣкъ не глупый, не лишенный наблюдательности и образованія и умѣвшій жить съ людьми, которые ему были нужны, но у него было много эгоизма, и близкихъ пріятелей у него никогда не было.

Я, разумѣется, не могъ и не умѣлъ разбираться въ то время въ моихъ отношеніяхъ къ людямъ; мнѣ было всего 20 лѣтъ. Не я устанавливалъ эти отношенія, а они складывались сами собой, какъ-то помимо меня.

Попелло-Давыдовъ былъ хорошъ со мной; я былъ для него человѣкъ не лишній, такъ какъ былъ силенъ въ чертежномъ дѣлѣ. Но было бы несправедливо указывать только на это; онъ любилъ показать мнѣ иногда свои растенія и своихъ очень ручныхъ канареекъ и побесѣдовать за чайнымъ столомъ, за которымъ предсѣдательствовала его немолодая уже сестра, Полина Яковлевна.

Надо однако сказать, что Смирновъ и Риттеръ относились ко мнѣ еще болѣе просто и сердечно. Я былъ для нихъ какъ бы свой человѣкъ, членъ ихъ среды.

Случилось однако такъ, что къ Риттеру я сталъ ближе, чѣмъ къ Смирнову. Александръ Павловичъ былъ въ то время рѣшительно центромъ, который притягивалъ къ себѣ всю учительскую корпорацію. Поддался и я этой притягательной силѣ, поддался и мой родственникъ, Коля Кореневъ.

Мы встрѣчались съ Риттеромъ въ домѣ Ярошенко, бывали у него почти всякій вечеръ, когда у него собирались гости;

иногда онъ заходилъ къ намъ, и мы съ уваженіемъ предавались той восторженной болтовнѣ о новыхъ вѣяніяхъ, которая составляла характерную особенность интеллигентной молодежи того времени.

Мы встрѣтились съ Риттеромъ потомъ въ Петроградѣ, и я сохранилъ съ нимъ отношенія до конца его жизни. Онъ умеръ рано и онъ не былъ счастливъ... Во всякомъ случаѣ онъ пережилъ свое молодое, блестящее время и умеръ просто очень заурядныиъ учителемъ тактики. Я сказалъ уже, что онъ былъ кадетомъ Полоцкаго корпуса, прибавлю, что и у него были хорошіе задатки тѣхъ старыхъ полочанъ, которые оставили свое имя на разныхъ поприщахъ дѣятельности: Власовъ, Даниловичъ, Демьянинковъ, Семевскій, Дубровинъ... но онъ какъ-то рано выдохся: онъ оставался Рудинымъ въ то время, когда надо было начинать становиться уже Базаровымъ...

Кромѣ учителей военныхъ наукъ, были новые учителя и по другимъ предметамъ. Раньше я упомянулъ о молодомъ учителѣ географіи, Ряднове. По русскому языку новыми людьми для меня были: Степанъ Ивановичъ Пономаревъ и Николай Петровичъ Илляшевичъ. Первый былъ серьезный, спокойный и мягкій человѣкъ, пользовавшійся по своимъ познаніямъ большимъ авторитетомъ у кадетъ спеціальныхъ классовъ; второй—очень молодой, бойкій, расторопный и говорливый, но безъ серьезнаго содержанія. Былъ новый учитель исторіи, тоже совсѣмъ молодой, прапорщикъ Щелканъ. Много у него было самоувѣренности, много задора, но были у него, кажется, и хорошія знанія. Онъ оказался впослѣдствіи украинскимъ либераломъ и долженъ былъ уйти изъ корпуса.

Былъ новый учитель законовѣдѣнія для спеціальныхъ классовъ г. Вакуловскій; засталъ я неожиданно среди корпусныхъ учителей очень немолодого уже начальника пансіона, въ которомъ я учился, Николая Николаевича Ганнота; было нѣсколько новыхъ преподающихъ изъ числа дежурящихъ офицеровъ, но фондъ учительскій для общихъ классовъ оставался прежній, такой же, какой былъ и въ мое кадетское время.

Возвращаясь къ кадетамъ, хочу отмѣтить особенность, которая пожалуй можетъ показаться даже мало вѣроятной для людей, не знакомыхъ съ жизнью тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ. Но, провѣряя себя, думаю, что вѣрно передаю дѣйствительное положеніе вещей. Особенность эта состояла въ томъ,

что, несмотря на большіе непорядки по части воспитательной, классныя занятія кадетъ шли своимъ обыкновеннымъ ходомъ и никакого разстройства въ нихъ не замѣчалось.

Считаю такое явленіе характернымъ для того времени. За три съ лишкомъ года моей службы репетиторомъ, я не слыхивалъ отъ учителей сѣтованій на какое-либо замѣтное общее ослабленіе интересовъ къ учебному дѣлу. Бывали, разумѣется, лѣнтяи, какъ и всегда, но число успѣшно идущихъ не уменьшалось, и, что замѣчательно, въ числѣ успѣшныхъ находились иногда кадеты, совсѣмъ невысокіе по своему поведенію.

Въ спеціальныхъ классахъ замѣчался даже какой-то усиленный интересъ къ учебному дѣлу. Съ этимъ интересомъ къ знанію въ спеціальныхъ классахъ, какъ и съ упадкомъ дисциплины въ прежнихъ кадетскихъ корпусахъ, я тоже познакомился еще кадетомъ въ Дворянскомъ полку. Тамъ, при полномъ небреженіи къ требованіямъ воспитывающаго начальства и вообще при не очень высокомъ нравственномъ уровнѣ массы, замѣтно было какое-то всеобщее уваженіе къ учебному дѣлу. Тотъ или другой учитель давалъ иногда поводъ къ насмѣшкамъ надъ своими странностями, но преподаваемый имъ предметъ всегда оставался дѣломъ серьезнымъ, даже у такихъ, которымъ онъ не легко давался.

Иногда этотъ интересъ къ учебному дѣлу приводилъ даже въ Дворянскомъ полку къ нарушенію твердо установленныхъ классныхъ требованій; такъ, на заранѣе ожидаемые сенсаціонные уроки русскаго языка у Иринарха Ивановича Введенскаго, исторіи у профессора Касторскаго, статистики и политической экономіи у Самойловича (младшаго) собиралось большое число слушателей изъ другихъ отдѣленій, такое, что нельзя было всѣмъ и усѣсться; и вся эта масса убѣгала сюда отъ учителей, которые имѣли уроки въ другихъ отдѣленіяхъ. При огромномъ комплектѣ кадетъ въ Дворянскомъ полку, учителя обыкновенно не твердо знали своихъ учениковъ и въ лицо и по фамиліи, и такія перемѣщенія изъ одного отдѣленія въ другое происходили по большей части довольно гладко.

Вдумываясь въ такія явленія, я приписываю ихъ не только таланту названныхъ учителей, но и многимъ другимъ причинамъ, коренившимся въ устройствѣ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ. При томъ полномъ разъединеніи воспитательной и учебной части, о которомъ я говорилъ уже въ прежнихъ моихъ воспоминаніяхъ („Годы моего ученья" и пр.), учебное дѣло шло своимъ порядкомъ, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было другихъ условій кадетской жизни. Къ тому же учителя составляли въ то время

корпорацію несравненно болѣе интеллигентную и болѣе серьезную, чѣмъ строевое начальство; и, что бы тамъ ни дѣлалось въ ротахъ, учебное дѣло шло своимъ правильнымъ и размѣреннымъ ходомъ. Это, разумѣется, заставляло и кадетъ смотрѣть на ученье съ уваженіемъ, какъ на основную часть ихъ подготовки къ предстоящей имъ жизни.

Для иныхъ стимуломъ служило, конечно, и то, что учебными успѣхами опредѣлялось старшинство по выпуску; но думаю, что тотъ общій интересъ къ знанію, о которомъ я говорю, опредѣлялся не погонею за баллами...

Здѣсь, въ Полтавѣ, въ спеціальныхъ классахъ не было такихъ преувеличеній, но учителя были довольны кадетами и говорили о нихъ, какъ о сознательныхъ самостоятельныхъ работникахъ, съ которыми пріятно имѣть дѣло.

Здѣсь отношенія этихъ старшихъ кадетъ къ учителямъ были очень просты, искренни и всегда почтительны; авторитетъ учителя стоялъ твердо. Я самъ имѣлъ возможность близко наблюдать эти отношенія.

Я занимался въ спеціальныхъ классахъ фортификаціоннымъ черченіемъ, обыкновенно я бывалъ ассистентомъ на годовыхъ и полугодовыхъ экзаменахъ по военнымъ предметамъ; у меня была работа и въ общихъ классахъ: я репетировалъ со слабыми по математикѣ и по физикѣ, и обыкновенно занималъ уроки, незанятые учителями этихъ предметовъ или военныхъ наукъ. Въ лѣтніе мѣсяцы меня назначали руководителемъ топографическими работами кадетъ, и, припоминая все это теперь, я не могу указать на какія-нибудь замѣтныя проявленія небрежности.

На топографическихъ работахъ у меня бывало три или четыре партіи, по четыре человѣка въ каждой; это былъ обыкновенный порядокъ для мензульныхъ съемокъ. Партіи работали въ разныхъ раіонахъ. Мы выходили на цѣлый день; кадеты снабжались хлѣбомъ, котлетами, яйцами и работали самостоятельно; я могъ посѣщать ихъ, провѣрять и направлять ихъ работы только урывками и хорошо помню, что работы шли обыкновенно очень правильно; всѣ работали охотно, весело, умѣло, а нѣкоторые и съ увлеченіемъ. Я самъ приходилъ иногда въ изумленіе отъ хорошаго качества этихъ работъ при повѣркѣ ихъ комиссіей. Былъ у меня старшимъ въ одной партіи юноша, очень способный, но считавшійся совсѣмъ не дисциплинированнымъ. Послѣ провѣрки работъ его партіи комиссіей, Григорій Васильевичъ Котельниковъ ласково сказалъ

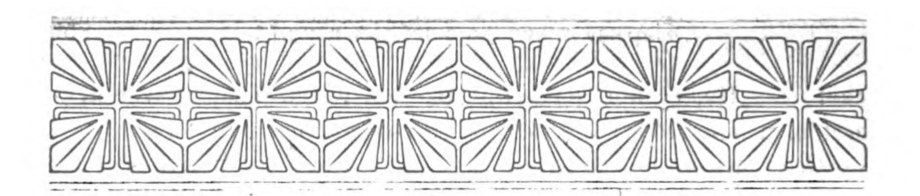
ему: — „Ну, сударь мой, ты, кажется, здѣсь нашелъ свое призваніе, и дай тебѣ Богъ хоть на этомъ остепениться"...

Останавливаюсь на этомъ нѣсколько долго потому, что это хорошія, дорогія для меня воспоминанія моей молодости. Милаго юношу я вижу и теперь, какъ живого, съ его смѣлыми и острыми глазами, и готовъ бы былъ, какъ прежде, сказать ему бодрое поощрительное слово.

Такимъ образомъ странное раздѣленіе воспитанія и ученія, на которое теперь мы можемъ смотрѣть съ недоумѣніемъ, спасло въ то время отъ паденія по крайней мѣрѣ одну изъ этихъ составныхъ частей того общаго воспитательнаго дѣла, которое должны были выполнять эти заведенія.

А. Д. Бутовскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



Воспоминанія Михаила Аѳанасьевича Гунаропуло.

I.

Мои воспоминанія.

Прежде чѣмъ начать говорить о себѣ, считаю нужнымъ объяснить свое происхожденіе; это тѣмъ болѣе является необходимымъ, такъ какъ я ношу греческую фамилію.

Предки мои, по происхожденію греки, жили на островѣ Хіосѣ; изъ разсказовъ отца и документовъ видно, что они происходили изъ духовнаго званія, что изъ нихъ многіе были епископами, архіереями и вообще въ средѣ народонаселенія той мѣстности занимали первенствующее положеніе, что они владѣли помѣстьями и обладали значительнымъ состояніемъ.

Въ 1770 году, во время войны русскихъ съ турками, былъ распространенъ упорный слухъ между греческимъ населеніемъ о томъ, что Императрица Екатерина II, объявляя войну Турціи, имѣетъ въ виду возстановить Византійскую Имперію и вообще позаботиться объ освобожденіи грековъ отъ турецкаго ига. Такая вѣсть, весьма естественно, магически воздѣйствовала на грековъ, а потому какъ только русская эскадра, подъ начальствомъ графа Орлова, показалась въ Средиземномъ морѣ, то греки, жители разныхъ острововъ, не замедлили возстать противъ своихъ вѣковыхъ угнетателей. Дѣдъ мой Дмитрій съ братьями Аѳанасіемъ и Степаномъ Юрьевичами Гунаропуло имѣвшіе по своему общественному положенію большое вліяніе на народъ, населяющій островъ Хіосъ и на другія мѣстности, безъ особеннаго затрудненія подняли своихъ соотечественниковъ на войну съ турками. Такимъ образомъ, мой дѣдъ съ братьями, устроивъ изъ принадлежащихъ имъ коммерческихъ судовъ брандеры, которыми при знаніи морского дѣла и знакомые съ мѣст-

ностью, стоянкой турецкаго флота при Чесмѣ, совершали поджогъ турецкихъ кораблей, чѣмъ весьма естественно содѣйствовали русской эскадрѣ уничтожить турецкій флотъ.

Брандеръ—это судно, наполненное легко воспламеняющимися и взрывчатыми веществами, служившее для поджога непріятельскихъ кораблей: они употреблялись еще въ глубокой древности, но случаи, когда они наносили серьезный вредъ непріятелю, чрезвычайно рѣдки, въ битвѣ же при Чесмѣ дѣйствія брандеровъ были замѣчательно удачны.

Кончилась война, заключенъ 1874 году 21 іюля весьма выгодный для Россіи Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, но въ силу обстоятельствъ, можетъ быть независѣвшихъ отъ русской политики, Греція, а главное греки, которые возстали во время войны противъ турокъ, остались ни при чемъ. Исторія намъ говоритъ, что освобожденіе и возстановленіе Греціи было завѣтной мечтой Екатерины Великой, всѣ лучшіе люди Россіи того времени были такого же настроенія; престарѣлый фельдмаршалъ Минихъ и знаменитый Потемкинъ были главными совѣтниками Императрицы относительно возстановленія Византійской Имперіи. Съ этой цѣлью второму внуку Императрицы было дано имя Константинъ, котораго прочили на Византійскій престолъ; но такія желанія оказались лишь мечтой, что же относится до грековъ, то нельзя отвергать, чтобы возстаніе осталось безслѣдно для ихъ идеи возстановленія Греціи, оно имѣло значеніе въ смыслѣ пробы для послѣдующихъ возстаній, увѣнчавшихъ успѣхъ, если не для возстановленія Византійской Имперіи, то для возстановленія Греціи, нынѣ существующей.

Собственно я, потомокъ грековъ, мечтавшихъ возстановить Византію, не могу отнестись равнодушно, какъ русскій патріотъ, къ тому, что такая мечта моихъ предковъ не осуществилась. Не въ интересахъ Россіи было бы возстановленіе Византійской Имперіи. Въ то время для нашихъ русскихъ дипломатовъ самаго насущнаго вопроса, а именно вопроса славянскаго, какъ-бы не существовало, между тѣмъ съ возстановленіемъ Греціи въ предѣлахъ Византійской Имперіи, населяющіе Балканскій полуостровъ славяне неминуемо должны бы были попасть подъ владычество грековъ; такой исходъ едва-ли былъ бы полезенъ для Россіи, а главное, Константинопольскій и Дарданельскій проливы, въ рукахъ грековъ, служили бы большимъ тормозомъ для будущности Россіи, въ смыслѣ коммерческомъ и стратегическомъ.

Историческое призваніе Россіи состоитъ не въ возстановленіи Византійской Имперіи, а въ освобожденіи вообще христіанъ отъ турецкаго ига и образованіи изъ нихъ мелкихъ, по національности, государствъ, подъ непосредственнымъ своимъ покровительствомъ, не позволяя и не допуская ни въ какомъ случаѣ вторгаться въ ихъ дѣла западнымъ державамъ, и паче всего Германіи и Австро-Венгріи; всѣми силами стараться поддерживать православіе, составляющее самую важную связь нашу съ населеніемъ Балканскаго полуострова и другихъ мѣстностей, составляющихъ нынѣ Турецкую Имперію. Константинопольскій и Дарданельскій проливы должны составлять наше наслѣдіе послѣ турокъ, все вниманіе и стремленіе Россіи должны быть обращены на эти важнѣйшіе для насъ пункты; только обладая этими пунктами, за Россіей можетъ быть, навсегда, обезпечено ея благосостояніе, могущество и первенствующее положеніе въ Европѣ, и только тогда Европа выйдетъ и освободится изъ настоящаго ненормальнаго положенія и отъ тяготѣющаго надъ ней милитаризма и только тогда будетъ наслаждаться всеобщимъ и полнѣйшимъ миромъ.

И такъ, послѣ заключенія мира, положеніе возставшихъ грековъ, а главное моего дѣда съ братьями, какъ главныхъ руководителей, сдѣлалось безвыходнымъ. Жертвуя жизнью, состояніемъ и въ концѣ концовъ вмѣсто ожидаемой свободы стать лицомъ къ лицу съ турецкими палачами, несомнѣнно результатъ печальный, а потому ничего болѣе имъ не оставалось, какъ согласиться на предложеніе Русскаго Правительства эмигрировать въ Россію.

Такимъ образомъ, мой дѣдъ Дмитрій съ братьями, Аѳанасіемъ и Степаномъ, оставляютъ все свое недвижимое и движимое имущество и вообще все свое состояніе, и вмѣстѣ съ возставшими соотечественниками, греками, сходятся на корабль и отправляются въ новую невѣдомую для нихъ страну, при чемъ отъѣзжающіе не могли безслѣдно разстаться съ своею приходскою церковью, иконостасъ и всю внутренность церкви взяли съ собой. Прибывъ въ г. Херсонъ, построили церковь, въ которой установили привезенную съ собой святыню; эта церковь до настоящаго времени называется Греческой, привезенный рѣзного орѣха иконостасъ съ иконами существуютъ и понынѣ.

Отправившіеся въ путь эмигранты не избѣгли непріятностей, проходя проливы, имъ угрожала опасность попасть въ руки турецкаго правительства, но благодаря алчности турецкихъ чиновниковъ, предки мои спаслись отъ опасности, отдавъ имъ все

деньги, драгоцѣнности, какія съ собой имѣли, и даже всѣ ризы съ иконъ.

Послѣ долгаго странствованія и бѣдствій, эмигранты прибыли въ г. Херсонъ безъ всякихъ средствъ къ существованію; они, какъ я сказалъ выше, были совершенно ограблены турками, единственная драгоцѣнность, какимъ-то образомъ, осталась у дѣда—фракъ съ золотыми пуговицами, по мѣрѣ надобности онъ отрѣзалъ пуговицы, продавалъ и этимъ кормилъ свою семью.

По прибытіи эмигрантовъ въ г. Херсонъ старшій изъ братьевъ моего дѣда Аѳанасій отправился въ С.-Петербургъ. Императрица Екатерина приняла его весьма благосклонно, выслушала его докладъ по поводу ихъ эмиграціи въ Россію, оставила его служить при Дворѣ Ея Величества, но чѣмъ именно, не знаю, моему же дѣду и брату его, Степану, пожаловала каждому по двѣнадцати тысячъ десятинъ земли въ Новороссійскомъ краѣ, Степану въ Херсонскомъ уѣздѣ, гдѣ нынѣ существуетъ село Заселье, а дѣду Дмитрію въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи.

Къ крайнему нашему семейному сожалѣнію, ни мой дѣдъ, ни братъ его, Степанъ, Всемилостивѣйше подаренной землею не воспользовались; нѣтъ сомнѣнія, что они не предполагали въ то время, какое громадное богатство оставили бы своимъ наслѣдникамъ, а потому мы и не должны ихъ въ этомъ винить, такъ какъ сдѣлано было это въ силу обстоятельствъ, которымъ они невольно вынуждены были подчиниться. Въ то время Новороссійскій край, только-что присоединенный къ Имперіи, представлялъ совершенную пустыню отсутствующимъ населеніемъ, земля не имѣла почти никакой цѣнности, но главная причина заключалась въ томъ, что они не имѣли возможности, въ странѣ совершенно имъ незнакомой, не зная русскаго языка, отправиться въ свои имѣнія и чѣмъ-либо заняться, не имѣя никакихъ средствъ и возможности пріискать рабочихъ; моя же бабушка натерпѣвшись не мало ужасовъ отъ турокъ, наотрѣзъ отказалась отъ земли въ Таврической губерніи, выражаясь, что онѣ еле вырвались изъ рукъ турокъ, а отправятся къ татарамъ, которые тѣ же турки,—если не хуже, а потому мой дѣдъ и братъ его Степанъ отказались отъ земли, получивъ вмѣсто нея незначительное денежное вознагражденіе отъ казны, на которое обзавелись небольшими хуторами въ 8-ми верстахъ отъ г. Херсона—на Веревчиной балкѣ, которые и понынѣ называются Степановскими.

На этихъ хуторахъ, состоящихъ изъ 300 десятинъ земли, дѣдъ мой съ братомъ Степаномъ развели прекрасные фруктовые

сады. Переживъ своихъ братьевъ, Степанъ, котораго еще я видѣлъ, помню его уже совершенно дряхлымъ старикомъ, ходилъ онъ одѣтымъ въ форменномъ военномъ сюртукѣ, имѣлъ чинъ маіора, жилъ онъ постоянно въ своемъ хуторѣ. Послѣ смерти дѣда завѣдываніе его хуторомъ перешло къ Степану.

Въ то время, какъ я сказалъ выше, пустынный Новороссійскій край отсутствовалъ мѣстнымъ населеніемъ, въ силу чего вновь поселявшіеся владѣльцы земель, для исполненія потребностей сельскаго хозяйства, принимали бѣглыхъ крѣпостныхъ изъ внутреннихъ губерній имперіи. Правительство, сознавая эту необходимость, разрѣшало даже землевладѣльцамъ приписку бѣглыхъ къ ихъ имѣніямъ; несомнѣнно, не обходилось безъ того, чтобы многіе бѣглые такой припиской не злоупотребляли, а именно: припишется, возьметъ паспортъ и ужъ больше не является и не вноситъ подушныхъ податей въ казну. Такихъ субъектовъ мой двоюродный дѣдъ Степанъ приписалъ не малое количество; образовалась громадная сумма недоимокъ казнѣ, подушныхъ податей на его хуторахъ; кончилось тѣмъ, что послѣ смерти его, для пополненія недоимокъ, эти хутора правительствомъ были проданы съ публичнаго торга.

Въ саду хутора двоюроднаго дѣда Степана Юрьевича Гунаропуло похороненъ знаменитый филантропъ Говардъ, который былъ пріятелемъ Степана Юрьевича и жилъ у него на хуторѣ, заболѣлъ же въ деревнѣ Фалѣевкѣ, въ 15-ти верстахъ отъ гор. Херсона, куда его пригласили въ качествѣ врача, оказать медицинскую помощь помѣщицѣ, заболѣвшей чумой, умеръ онъ въ Херсонѣ, на смертномъ одрѣ просилъ похоронить его въ хуторѣ своего пріятеля, Степана Юрьевича Гунаропуло, завѣщательная его просьба исполнена, могила его съ устроеннымъ памятникомъ до настоящаго времени существуетъ; но кромѣ этого, блаженной памяти Говарду воздвигнутъ памятникъ въ г. Херсонѣ, вблизи острога, который онъ нерѣдко посѣщалъ для душевныхъ утѣшеній его обывателей.

Отецъ мой Аѳанасій Дмитріевичъ Гунаропуло, родился въ 1791 году и, какъ видно изъ его формулярнаго списка, въ 1808 г., 18 января поступилъ въ Кронштадское Артиллерійское училище юнгою, младшимъ унтеръ-офицеромъ 1809 году 23 марта, среднимъ—1810 году марта 5, старшимъ 17 іюня 1810 года, юнкеромъ 1810 году 19 августа произведенъ въ констапели 8 февраля 1811 г., въ унтеръ-лейтенанты 1814 года 26 іюля, въ лейтенанты 1820 года 26 февраля, въ капитанъ-лейтенанты 27 марта 1829 года, переименованъ въ капитаны 18 февраля 1831 года,

кампаній шестимѣсячныхъ сдѣлалъ на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ—семь, въ турецкую войну, будучи командиромъ лодки „Безпокойная“ и завѣдывая на отрядѣ канонерскихъ лодокъ и Іоловъ артиллеріею, находился въ сраженіяхъ 1828 года при покореніи крѣпости Варны, во время дѣланія брешь-батареи и приступа на бастіонъ и въ 1829 году при взятіи батарей у мѣстечка Чанчане-Скалесси, награжденъ 8 октября 1829 г. орденомъ Св. Анны 3-й ст. съ бантомъ, за хорошее дѣйствіе артиллеріи и полученную въ первомъ изъ означенныхъ сраженій контузію въ лѣвую ногу. 12 января 1830 года Св. Владиміра 4-й ст., за отличную усердную службу, 3 декабря 1834 года орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й ст., за безпорочную выслугу въ офицерскихъ чинахъ 25 лѣтъ, 13 декабря 1835 года полугодовымъ окладомъ жалованья за отличную усердную службу; имѣетъ медаль за Турецкую войну 1828 года, аттестовался всегда хорошо. Въ 1838 году, согласно прошенію, уволенъ отъ службы за раною подполковникомъ съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья.

Женился отецъ на моей матери, дочери капитанъ-лейтенанта Аѳанасія Рафтопуло, Олимпіадѣ въ 1831 году, которая получила въ приданое, въ Херсонскомъ уѣздѣ, 1.625 десятинъ земли на Веревчиной балкѣ съ 50-ю душами крестьянъ.

По выходѣ въ отставку, покойный отецъ съ семьей своей поселился въ имѣніи, полученномъ матерью моею въ приданое, гдѣ онъ прожилъ безвыѣздно до самой смерти, послѣдовавшей въ 1855 году, гдѣ и похороненъ, матушка же послѣдніе годы своей жизни прожила въ Херсонѣ.

Родился я въ г. Николаевѣ въ 1835 году 18 октября, третьимъ, до меня род. Дмитрій, умершій груднымъ ребенкомъ, послѣ него родилась сестра Варвара. Семья наша была большая; не стану вспоминать о умершихъ еще маленькими дѣтьми, насъ же взрослыхъ было шесть: сестра Варвара, я, Спиридонъ, Аѳанасій, Егоръ и Николай. Вся наша семья жила постоянно безвыѣздно въ деревнѣ, отецъ былъ хорошій хозяинъ, занимался ретиво сельскимъ хозяйствомъ и страстный былъ охотникъ до садоводства, эту отрасль хозяйства онъ превосходно зналъ и, несмотря на то, что онъ развелъ превосходный фруктовый садъ, пространствомъ болѣе 12-ти десятинъ, садовника не держалъ, посадка деревьевъ, калировка, щепа и подчистка деревьевъ всегда происходила подъ его личнымъ наблюденіемъ.

Имѣніе моей матери, какъ я сказалъ выше, состояло изъ 1.625 десятинъ земли и 50-ти душъ крѣпостныхъ, полученныхъ

моей матушкой въ приданое, помѣстье это, названное „Варваровкой“, вновь устроенной усадьбой, лежало на Веревчиной балкѣ, въ которой былъ огромный прудъ, довольно широкій, длиною болѣе 7-ми верстъ; возлѣ пруда на удобной, низменной, вдавшейся къ пруду полукругомъ мѣстности, покойный отецъ развелъ великолѣпный фруктовый садъ, берега пруда были обросшіе вербой, осокоремъ и другими лѣсными деревьями такъ, что для нашей мѣстности, скудной древесной растительностью, мѣстоположеніе нашей усадьбы было довольно красиво, отстояла она отъ г. Херсона въ 35 верстахъ.

Помню себя съ шести лѣтъ, однимъ словомъ, почти съ того времени, когда началъ учиться грамотѣ. Какъ-то отецъ, пріѣхавъ изъ Херсона, подозвалъ меня къ себѣ и говоритъ: тебѣ, Миша, пора начинать учиться, вотъ я привезъ тебѣ азбуку; не помню, что я ему отвѣтилъ, но только на другой день посадилъ меня отецъ къ себѣ на колѣни и началъ я зубрить: а, б, в, такимъ образомъ, то отецъ, то матушка учили меня и сестру Варю читать и писать, не помню, на сколько мы успѣвали въ этомъ ученіи, но когда пришло время учиться второму моему брату Спиридону, то въ одно прекрасное время отецъ привезъ изъ Херсона учителя, какого-то молодого человѣка, звали его Яковомъ Петровичемъ, фамиліи его не помню; съ этого времени я, сестра Варя и братъ Спиридонъ ежедневно, регулярно начали серьезно учиться.

Первый нашъ учитель пробылъ у насъ около трехъ лѣтъ; затѣмъ онъ поступилъ на коронную службу въ Херсонѣ, мы, дѣти очень были этимъ довольны, такъ какъ его не любили; замѣнилъ его нѣкто Александръ Александровичъ фонъ-Фрезе, уроженецъ Остзейскихъ провинцій, весьма образованный человѣкъ, служилъ онъ въ какомъ-то гвардейскомъ полку, въ Петербургѣ, и вслѣдствіе какой-то непріятной исторіи принужденъ былъ выйти въ отставку; какимъ образомъ попалъ онъ въ Николаевъ, не могу объяснить, только помню, что его привезли изъ Николаева, было это въ 1845 году. Съ этого времени, кромѣ обыкновенныхъ предметовъ, начали мы изучать французскій и нѣмецкій языки, нашъ гувернеръ говорилъ съ нами одинъ день по-французски, а другой—по-нѣмецки. Порядокъ занятій гувернеромъ былъ установленъ слѣдующій: вставали въ 6-ть часовъ утра, гуляли большую часть времени въ саду и въ полѣ до половины 8-го часа, затѣмъ пили чай, въ 8 часовъ начали учиться до половины 12-го, въ 12 обѣдали, послѣ обѣда гуляли, въ 2 часа собирались въ классъ и занимались до пяти часовъ, въ 6-ть пили чай или молоко и

въ 9-ть часовъ ложились спать. Гувернеръ нашъ, блаженной памяти, Александръ Александровичъ, какъ я сказалъ выше, былъ образованный, благовоспитанный и гуманный человѣкъ, обращался съ нами всегда ласково и весьма деликатно, допускалъ съ нами гулять и играть крестьянскихъ дѣтей, внушалъ намъ относительно крѣпостныхъ самыя гуманныя идеи, такъ что мы нисколько не шокировались обществомъ крестьянскихъ дѣтей и имѣли между ними не мало друзей. Такія усвоенныя мною идеи много способствовали мнѣ впослѣдствіи на поприщѣ моей общественности, при реформѣ крестьянскихъ учрежденій, какъ бывшему мировому посреднику 1-го призыва.

Къ крайнему нашему сожалѣнію, нашъ гувернеръ имѣлъ несчастную слабость, или, лучше сказать, пагубную страсть, пить запоемъ, случалось это съ нимъ два или три раза въ годъ и продолжалось нѣсколько дней; пробылъ онъ у насъ четыре года, послѣдній годъ онъ сталъ запивать чаще, такъ что отецъ вынужденъ былъ его уволить.

Уволеннаго фонъ-Фрезе замѣнилъ отставной штурманскій офицеръ, нѣкто Пчельниковъ; этотъ наставникъ былъ математикъ, иностранные языки зналъ плохо, такъ что практика и изученіе иностранныхъ языковъ прекратились, взамѣнъ чего занялись болѣе серьезно остальными предметами, а въ особенности математикой, такъ какъ отецъ подготовлялъ насъ къ поступленію во флотъ, при чемъ покойный отецъ говорилъ намъ: „знайте дѣти, что ариѳметика есть душа математики, какъ тѣло безъ души мертво, такъ математика безъ ариѳметики есть ничто“.

Въ нашъ классъ постепенно входили младшіе братья: Аѳанасій и Егоръ, послѣдній, Николай, по малолѣтству при мнѣ еще не начиналъ учиться.

Въ свободное время отъ занятій, а если таковаго не было, по очереди отрывая отъ классныхъ занятій, отецъ бралъ насъ съ собою при похожденіи и поѣздкахъ своихъ по сельскому хозяйству, поучалъ онъ насъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства, такъ что мы, а въ особенности я, какъ старшій, практически былъ знакомъ со всѣми отраслями хозяйства. Помню, какъ покойный отецъ толково съ увлеченіемъ объяснялъ намъ каждую отрасль хозяйства: говорилъ ли о скотоводствѣ, овцеводствѣ, коноводствѣ, хлѣбопашествѣ и садоводствѣ—во всемъ онъ на дѣлѣ и воочію показывалъ результаты своихъ трудовъ, которые были настолько хороши и увлекательны, что мы невольно получали не только ко всему объясняемому охоту, но даже страсть. Въ свободное время отъ классныхъ занятій, для насъ лучшаго не

было удовольствія, какъ бѣгать всюду, гдѣ происходятъ работы, меня же въ особенности занимало и увлекало садоводство, такъ что, смѣло могу сказать, что я по садоводству прошелъ полный курсъ.

Покойный отецъ еще до 19-ти лѣтняго моего возраста хлопоталъ о принятіи меня и братьевъ Спиридона и Аѳанасія въ корпусъ на казенный счетъ, но не знаю, по какой причинѣ не удалось ему опредѣлить насъ первыхъ трехъ, были же приняты послѣдніе два брата, Егоръ и Николай, которые и были отвезены въ Воронежскій и Тамбовскій корпуса.

Такимъ образомъ, въ ожиданіи пріема въ корпусъ, протекло время до достиженія мною шестнадцатилѣтняго возраста, то есть, такой возрастъ для дворянина, при которомъ по убѣжденіямъ того времени было необходимо поступить на службу, и на службу непремѣнно военную, что считалось чуть ли не самой священной обязанностью, но, независимо этого, побужденію и желанію поступить именно въ военную службу предшествовало мое воспитаніе.

Еще съ ранняго дѣтства у насъ былъ заведенъ отцомъ порядокъ по вечерамъ собирать насъ вокругъ себя и вести съ нами бесѣды. Помню хорошо эти прекрасныя и увлекательныя для насъ бесѣды: посреди комнаты стоитъ круглый столъ, на столѣ свѣчи, сидитъ за столомъ отецъ, сбоку матушка, съ другой стороны гувернеръ, а вокругъ стола мы, дѣтвора. Прежде всего каждый изъ насъ, дѣтей, старался похвастать родителямъ, что онъ дѣлалъ по хозяйству, выслушивали дѣланныя отцомъ по этому поводу замѣчанія. Затѣмъ отецъ и гувернеръ начали говорить замѣчательные почему-либо эпизоды изъ исторіи Россіи, Греціи и другихъ государствъ, много говорили о подвигахъ русскихъ войскъ, о русскихъ и греческихъ герояхъ, о 12-мъ годѣ, о войнахъ съ турками и главное о турецкомъ игѣ, тяготѣющемъ надъ Балканскими христіанами, такія бесѣды возбуждали въ насъ восторженный патріотизмъ. Такое настроеніе о военныхъ подвигахъ, объ отношеніяхъ турокъ къ христіанамъ до того вкоренилось въ нашихъ мысляхъ, что мы кромѣ военной службы ни объ какой другой службѣ не мечтали. Насколько такія бесѣды производили на насъ впечатлѣнія, можетъ служить то обстоятельство, что когда, въ 1848 году, наши войска сражались съ венграми, то я, 13-ти лѣтній мальчикъ, со слезами просилъ отца опредѣлить меня въ дѣйствующую армію.

II.

Итакъ, достигнувъ 16-ти лѣтняго возраста, я настоятельно просилъ отца опредѣлить меня въ военную службу; мнѣ какъ-то было невыносимо оставаться дома, мнѣ казалось, что я ничего не имѣю опредѣленнаго, мнѣ казалось, что, поступивъ на службу, я буду хотя что-нибудь значить въ своемъ, горячо любимомъ, отечествѣ. Послѣ семейнаго совѣта рѣшено было опредѣлить меня въ Нассаусскій уланскій полкъ. Назначенъ былъ день выѣзда, было это въ 1851 году лѣтомъ, въ какомъ мѣсяцѣ,— не помню.

Грустно было мнѣ разставаться съ горячо любимыми родителями, сестрой и братьями; наканунѣ отъѣзда, обходилъ я всѣ мѣста, аллеи и бесѣдки въ саду, гдѣ съ такимъ удовольствіемъ беззаботно провелъ свое дѣтство, каждый кустикъ, каждое дерево для меня были дороги, со всѣмъ этимъ я прощался, причемъ невольно навертывались слезы; такое настроеніе наводило на разныя грустныя размышленія, но непреодолимое желаніе поступить на службу до того было сильно, что я съ нетерпѣніемъ ждалъ дня отъѣзда.

Передъ выѣздомъ собралась вся семья; усѣлись, поднялись, помолились, и началось прощаніе. Благословила меня дорогая матушка, подкатила къ крыльцу коляска четверней, попрощался я со всѣми дворовыми людьми, съ домашней прислугой, сѣлъ съ отцомъ въ коляску, и отправились въ мѣстечко Ѳедоровку, оно же Новая-Одесса, отстоящую отъ нашего имѣнія въ 120 верстахъ; это мѣстечко въ то время принадлежало военному поселенію, гдѣ находился штабъ Нассаускаго уланскаго полка.

На другой день прибыли въ Новую-Одессу и немедленно отправились къ командиру полка, полковнику Карабчевскому, гдѣ въ пріемной комнатѣ застали нѣсколько офицеровъ. Отрекомендовавшись, отецъ заявилъ полковнику просьбу о принятіи меня въ полкъ; Карабчевскій отвѣтилъ, что у него въ полку много юнкеровъ, а потому онъ стѣсняется болѣе принимать; затѣмъ спросилъ отца, какое онъ имѣетъ состояніе; отецъ отвѣтилъ, что слѣдуемыя деньги въ реверсъ онъ внесетъ, состоянія же лично кромѣ выслуженной за 35 лѣтъ пенсіи онъ не имѣетъ; имѣетъ же незначительное состояніе, имѣніе его жены, въ которомъ онъ проживаетъ. На это полковникъ Карабчевскій сказалъ, что онъ принялъ за правило принимать въ полкъ юнкеровъ лишь лицъ состоятельныхъ; такой отвѣтъ возмутилъ отца; обра-

тившись къ находившимся въ комнатѣ офицерамъ, онъ сказалъ: „вотъ, господа, какія идеи проповѣдываетъ г-нъ полковникъ, онъ цѣнитъ въ людяхъ не службу Государю и Отечеству, а умѣніе нажить состояніе“; затѣмъ, обратившись къ полковнику, сказалъ: „такія убѣжденія, г. полковникъ, мой сынъ слышитъ впервые, а потому здѣсь ему не мѣсто“, поклонился и вышелъ. На заявленіе отца Карабчевскій ни слова не сказалъ, на поклонъ отца отвѣтилъ поклономъ, и этимъ наше представленіе окончилось. Впослѣдствіи служа ужъ въ Бугскомъ уланскомъ полку, присутствующіе при этой сценѣ офицеры мнѣ говорили: что грозный видъ отца съ Георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ и его слова произвели такое впечатлѣніе на Карабчевскаго, что онъ въ ту минуту не нашелся что-либо отвѣтить, присутствующіе же офицеры вполнѣ симпатизировали отцу. Дѣйствительно, высказанный взглядъ Карабчевскаго былъ для меня чѣмъ-то новымъ и въ то же время непонятнымъ, а для отца возмутительнымъ, такъ какъ онъ намъ ничего подобнаго не проповѣдывалъ; одно всегда онъ намъ твердилъ, какъ ужъ я объяснялъ выше: любовь къ Монарху и Отечеству, для чего не жалѣть жизни, а въ разговорахъ съ знакомыми и родными о будущности нашей онъ иначе не относился, какъ говоря „э, что сыновья, они солдаты и имъ пуля въ лобъ“; съ такимъ убѣжденіемъ мы росли и ни о какомъ матеріализмѣ никогда не разсуждали.

Послѣ этой неудачи, отправились мы въ штабъ Бугскаго уланскаго полка въ мѣстечко Новый-Бугъ. По пріѣздѣ отправились къ командиру полка, полковнику Гастферу. Дорогой отецъ мнѣ говоритъ: „ну, Миша, если здѣсь будетъ неудача, то отвезу тебя въ Николаевъ и опредѣлю въ Гардемаринскую роту во флотъ“. Надобно сказать, что съ дѣтства я имѣлъ большую страсть къ верховой ѣздѣ, а потому не разбирая въ то время, по своей молодости, о выгодности той или другой службы, имѣлъ желаніе поступить именно въ кавалерію, а потому очень боялся неблагопріятнаго результата у командира полка Гастфера, но, какъ оказалось, опасенія мои были напрасны: полковникъ Гастферъ принялъ отца весьма радушно, на меня же произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе; его прекрасное, открытое и симпатичное лицо дышало такимъ благородствомъ, такой добротой, что при первомъ же свиданіи онъ внушилъ къ себѣ расположеніе и уваженіе. Сравнивая его съ Карабчевскимъ, я очень обрадовался, что судьба меня привела служить подъ командой человѣка, къ которому сразу почувствовалъ расположеніе, которое не измѣнялось и впослѣдствіи.

Итакъ, послѣ нѣсколькихъ словъ судьба моя была рѣшена согласіемъ Гастфера принять меня въ полкъ. Отъ Гастфера мы отправились къ полковому адъютанту, поручику Любецкому, которому отецъ вручилъ мои документы; послѣ весьма любезнаго пріема насъ Любецкимъ, онъ сообщилъ отцу, что увѣдомитъ его о времени явки моей въ полкъ для окончательнаго пріема, затѣмъ мы отправились домой.

Еще за годъ до поступленія моего на службу отецъ купилъ домъ въ г. Херсонѣ; къ половинѣ октября семья наша переѣхала въ Херсонъ. Съ нетерпѣніемъ я ожидалъ извѣщенія отъ полка, наконецъ, въ ноябрѣ отецъ получилъ письмо отъ полкового адъютанта, въ которомъ онъ увѣдомлялъ о срокѣ, въ который я обязанъ былъ явиться.

Сборы мои были не долгіе, такъ какъ въ ожиданіи моего отъѣзда заблаговременно все было готово; вручилъ мнѣ отецъ деньги, для вклада въ полковой денежный ящикъ положенные 500 рублей, далъ мнѣ повозку, пару лошадей, кучера и 50 рублей на расходы.

Такимъ образомъ изъ имѣнія я отправился въ м-ко Новый-Бугъ; какъ теперь помню свое путешествіе, которое на первыхъ порахъ было не совсѣмъ удачно: данныя мнѣ лошади не совсѣмъ были бойкія, къ тому же грязная дорога до того была тяжела, что мы въ первый день еле доѣхали до селенія Явкино, отстоящаго въ 35 верстахъ отъ нашего имѣнія; пристяжная лошадь совершенно пристала и далѣе на ней совершать путешествіе было немыслимо; а потому на другой день выѣзда, оставивъ повозку съ багажомъ и коренной лошадью съ кучеромъ въ Явкинѣ, сѣлъ верхомъ на приставшую пристяжную лошадь, препроводилъ ее въ имѣніе, взялъ лучшую и отправился далѣе.

По пріѣздѣ въ Штабъ полка, въ мѣстечкѣ Новый-Бугъ, явился полковому командиру, затѣмъ полковому адъютанту; дали мнѣ пакетъ съ моими документами, съ которыми я отправился являться къ бригадному командиру генералу Комару въ мѣстечко Ѳедоровку, оно же Новая-Одесса, дивизіонному командиру генералу Фишбаху въ г. Вознесенскъ и корпусному командиру въ г. Елисаветградъ.

Въ Новомъ-Бугѣ я познакомился съ вновь опредѣляющимся въ полкъ нѣкимъ Ломаковскимъ, сыномъ помѣщика Екатеринославской губерніи, съ которымъ мы вмѣстѣ на моей повозкѣ отправились по всѣмъ мытарствамъ. Новый мой товарищъ Ломаковскій кончилъ курсъ въ Одесскомъ Лицеѣ и какъ старшій меня лѣтами несомнѣнно былъ практичнѣе и опытнѣе меня, а

потому я былъ очень доволенъ его компаніей. Послѣ явки бригадному командиру, отправились мы въ Вознесенскъ къ начальнику дивизіи, а оттуда въ г. Елисаветградъ къ корпусному командиру.

Всѣмъ означеннымъ командирамъ мы явились, и всѣ они послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ давали намъ разныя наставленія, на что мы отвѣчали: „покорнѣйше благодаримъ и слушаемъ", предостерегали насъ отъ такихъ проступковъ, о которыхъ я, проживъ до 16-ти лѣтняго возраста въ кругу родной семьи, никогда не имѣлъ понятія, да и вообще мое воспитаніе сопровождалось въ строгой дисциплинѣ и въ строгихъ нравственныхъ началахъ, я не боялся своего отца, а настолько его любилъ и глубоко уважалъ, что всѣ его приказанія и совѣты считалъ для себя закономъ.

И такъ, послѣ всѣхъ нашихъ странствованій, выдержавъ при корпусномъ штабѣ установленный экзаменъ (каковой Ламаковскій, какъ кончившій курсъ въ Лицеѣ, не держалъ), мы возвратились въ Новый-Бугъ, гдѣ насъ зачислили на дѣйствительную службу въ Бугскій уланскій полкъ.

По пріѣздѣ въ Новый-Бугъ я сейчасъ же заказалъ для себя обмундировку, облачился въ военную форму, привинтилъ шпоры, и не удивляйтесь, благосклонный читатель, тому, что меня, 16-ти лѣтняго юношу, все это занимало отъ юнкерскаго мундира до звука шпоръ, но болѣе всего меня занимало и внушало себѣ самосознаніе своего достоинства, что я дескать не какой-нибудь недоросль изъ дворянъ, а членъ великой, могучей Россійской арміи. Съ такимъ пріятнымъ настроеніемъ я отправился знакомиться съ офицерами и юнкерами, находящимися въ штабѣ полка, бывалъ у нѣкоторыхъ на вечеринкахъ; бывали также въ Новомъ-Бугѣ танцовальные вечера, въ которыхъ участвовалъ какъ любитель танцевъ.

Такимъ образомъ провелъ я время въ Новомъ-Бугѣ до рождественскихъ праздниковъ, на которые, взявши отпускъ, отправился домой.

Не могу вполнѣ выразить того возбужденно-пріятно-душевнаго настроенія, съ какимъ я возвращался домой.

Въ то блаженное время, еще не успѣвши испытать въ своей жизни никакихъ непріятностей, не знавши никакихъ заботъ, наслаждаясь лишь любовью близкихъ сердцу родныхъ, которыхъ я стремился поскорѣе обнять послѣ хотя кратковременной, но зато первой разлуки. Боже! Какимъ мнѣ показался долгимъ 88-ми верстный путь изъ Новаго-Буга въ наше имѣніе, въ кото-

ромъ никого изъ семьи я не засталъ, всѣ ужъ выѣхали въ Херсонъ. Съ большимъ восторгомъ встрѣтили меня дворовые люди; бывшая моя няня, увидѣвъ меня въ юнкерской формѣ, заплакала, на вопросъ мой, чего она плачетъ?—„Да якъ же паничу отвѣчаетъ, мы сподивались побачить васъ охвицеромъ, а вы тильки москаль", не могъ я не улыбнуться и не расцѣловать бывшую свою няню,—при этомъ объяснилъ имъ: что сразу нельзя быть офицеромъ, а вотъ, Богъ дастъ, черезъ два года пріѣду къ нимъ офицеромъ. Вспоминая въ настоящее время о такихъ случаяхъ, невольно сгрустнется, не о тѣхъ, разумѣется, правахъ, какія имѣли помѣщики надъ своими крестьянами, а о той привязанности, о той духовной связи, каковыя большей частью существовали между крестьянами и ихъ господами. Все это осталось лишь преданіемъ, ужъ, разумѣется, какіе-нибудь Разуваевы, Колупаевы, Гершки и Ицки, замѣнившіе нѣкоторыхъ помѣщиковъ, завладѣвшихъ ихъ имѣніями и поставившихъ за правило выжимать изъ имѣнія все, что только возможно, не могли возстановить прежнихъ тѣхъ патріархальныхъ отношеній съ крестьянами, какія существовали съ ихъ бывшими господами.

На другой день рано утромъ, я отправился изъ имѣнія въ Херсонъ. Трудно описать тотъ восторгъ и ту радость, съ какими меня встрѣтили родные, такія минуты въ жизни бываютъ рѣдки. Спустя немного времени, я пришелъ къ отцу въ его кабинетъ и представилъ ему отчетъ въ данныхъ мнѣ на расходы по поѣздкамъ, 50-ти рубляхъ. Зная его аккуратность, у меня было все записано до послѣдней копѣйки, при этомъ, помню оставшуюся сдачу 1 руб. 70 коп.—отецъ подарилъ мнѣ; итакъ, за 48 руб. 30 коп. я проѣздилъ мѣсяцъ, продовольствовалъ себя, кучера, пару лошадей и еще сшилъ себѣ юнкерскую форму; разумѣется, всему этому способствовала дешевизна, какая въ то время существовала. Рождественскіе праздники въ кругу семьи провелъ я очень весело; сестра Варенька начала выѣзжать, и мнѣ по праву юнкера разрѣшалось бывать на балахъ и вечерахъ. Въ то время въ Херсонъ на зиму съѣзжались сосѣдніе помѣщики, въ числѣ коихъ было у насъ много родственниковъ, всѣ дни въ недѣлѣ были разобраны, и веселились на славу; чиновный людъ не отставалъ въ этомъ случаѣ отъ помѣщиковъ, а потому составлялось большое общество во главѣ губернатора и губернскаго предводителя дворянства; баламъ, вечерамъ, любительскимъ спектаклямъ и пикникамъ не было конца. Херсонъ становился шумнымъ городомъ, экипажи съ лакеями въ ливреяхъ безпрестанно сновали по улицамъ города. Ничего подобнаго въ

настоящее время въ г. Херсонѣ нѣтъ; никакого коренного общества, за исключеніемъ двухъ-трехъ домовъ, нѣтъ.

Выше я сказалъ, что младшіе братья были приняты на казенный счетъ въ корпуса, второй же братъ Спиридонъ и третій Аѳанасій отданы были въ пансіонъ въ Николаевѣ для приготовленія къ опредѣленію въ Гардемаринскую роту, для поступленія во флотъ; такимъ образомъ наша большая семья разбрелась по разнымъ мѣстамъ.

Срокъ моего отпуска приближался, наканунѣ выѣзда отецъ позвалъ меня въ свой кабинетъ и объявилъ, что назначаетъ мнѣ по пяти рублей въ мѣсяцъ. Когда мы въ 1853 году выступили въ походъ, то эта сумма была удвоена; разумѣется, такая сумма была недостаточна, и одинъ Богъ знаетъ, какъ я обходился, но тѣмъ не менѣе я не рѣшался что-либо сказать объ этомъ не только отцу, но даже добрѣйшей матушкѣ.

По пріѣздѣ въ полкъ, въ началѣ января 1852 года, явился по начальству, назначили меня въ 4-й фланкерный дивизіонъ, 8-й эскадронъ, командиромъ котораго былъ ротмистръ Рузи. Эскадронъ былъ расположенъ въ селеніи Казанкѣ. Прибывъ въ эскадронъ; явился командиру, принялъ онъ меня весьма радушно, просилъ приходить обѣдать; квартиру мнѣ отвели у поселянина-старовѣра, каковыми была населена чуть ли не вся Казанка; въ этой квартирѣ я имѣлъ отдѣльную отъ хозяевъ комнату; и вотъ съ этого времени я началъ вести самостоятельную жизнь.

Прежде всего я позаботился кое-какъ убрать свою комнату, разумѣется, объ какой-либо мебели не могло быть никакой рѣчи, исключая простого стола и скамейки; кровать моя состояла изъ нѣсколькихъ досокъ, на которыя положена была солома, сверхъ соломы коверъ, а затѣмъ постельное бѣлье съ подушкой; на столъ выложилъ свои книги, которыхъ взялъ изъ дому сколько было возможно, преимущественно учебныя и канцелярскія принадлежности, этимъ вся уборка комнаты закончилась; затѣмъ отправился къ хозяину условиться относительно продовольствія, самоваръ у меня былъ свой, а также сахаръ и чай; необходимо было устроиться на счетъ обѣда и хлѣба къ чаю. Хозяинъ мой оказался хорошимъ человѣкомъ, сперва не соглашался брать съ меня какой-либо платы за обѣдъ, такъ какъ нижніе чины по положенію въ военныхъ поселеніяхъ продовольствовались на квартирахъ отъ хозяевъ, но послѣ моихъ настояній онъ согласился брать съ меня за обѣдъ по три рубля въ мѣсяцъ; разумѣется, хозяева для меня отдѣльно не готовили, а давали мнѣ то, что готовилось для нихъ самихъ. Такіе обѣды

состояли изъ борща, каши, иногда вареников, плациндъ, пампушекъ съ чеснокомъ, галушекъ и вареников съ капустой, а въ большіе праздники давалось мясо, баранина и курица; можетъ быть такіе обѣды, въ смыслѣ гастрономическомъ, и не выдерживали критики, но для меня были вкусны; въ настоящее время имѣя возможность держать хорошаго повара, я съ удовольствіемъ заказываю нѣкоторыя изъ означенныхъ блюдъ.

Приглашеніемъ эскадроннаго командира пользовался рѣдко, во-первыхъ, квартира моя была отъ его квартиры очень далеко, а во-вторыхъ, я былъ очень застѣнчивъ, а потому стѣснялся частымъ посѣщеніемъ, другихъ же офицеровъ при эскадронѣ не было, всѣ они были гдѣ-то въ командировкахъ, юнкеровъ, кромѣ меня, въ этомъ эскадронѣ также не было; объяснялось это тѣмъ, что село Казанка считалось скучной стоянкой, а потому всегда просились назначать въ другія болѣе веселыя мѣста, я же въ этомъ случаѣ предоставилъ свое назначеніе волѣ начальства.

Служба моя началась хожденіемъ ежедневно въ конюшню того взвода, въ который былъ назначенъ, поочередно съ унтеръ-офицерами эскадрона, дежурилъ по конюшнямъ, подъ вѣдѣніемъ дежурнаго состояли дневальные, обязанность дежурнаго наблюдать надъ своевременнымъ надѣваніемъ лошадямъ торбъ съ зерномъ, водопоемъ, чисткой лошадей, конюшенъ и вообще за всѣми порядками въ конюшняхъ; о чемъ рапортовалъ при явкѣ въ конюшни какого-либо начальства.

Каждый день занимался я верховой ѣздой, маршировкой и ружейными пріемами, военные уставы изучалъ на квартирѣ. Всѣ эти премудрости усвоилъ я довольно скоро, въ особенности верховую ѣзду, такъ что когда весной пріѣхалъ въ Казанку командиръ полка смотрѣть эскадронъ, то я ужъ участвовалъ въ унтеръ-офицерской ѣздѣ въ манежѣ, при чемъ сознаю, что я былъ въ этомъ случаѣ отчасти обязанъ прекрасно вымуштрованной лошади.

Помню хорошо вахмистра эскадрона нѣкоего Морозенко, красивый мужчина и большой руки службистъ, ѣздилъ превосходно, былъ строгъ съ солдатами и частенько ихъ наказывалъ. Морозенко былъ въ Петербургѣ въ образцовомъ полку, о чемъ много говорилъ, часто я съ большимъ удовольствіемъ слушалъ его разсказы, въ особенности когда они касались въ чемъ-либо Императора Николая Павловича, котораго мы боготворили.

Въ маѣ мѣсяцѣ нашъ эскадронъ отправился на полковой весенній компаментъ въ м. Кривой-Рогъ, куда собрался весь полкъ здѣсь почти каждый день происходили полковыя ученія, насъ же

юнкеровъ, отъ всего полка независимо участія нашего въ полковыхъ ученіяхъ собирали отдѣльно и учили фронтовой службѣ; при этомъ я имѣлъ возможность познакомиться со всѣми юнкерами нашего полка.

Во время компамента пріѣхалъ смотрѣть полкъ вновь назначенный начальникъ дивизіи генералъ Фишбахъ. Еще до его пріѣзда разсказывали объ немъ разные ужасы, а потому ждали его какъ грозу, какимъ онъ дѣйствительно оказался; во время смотра выговорамъ, распеканіямъ не было конца, всѣмъ досталось, начиная съ полкового командира и кончая солдатомъ.

По окончаніи смотра начальникъ дивизіи пожелалъ видѣть юнкеровъ въ пѣшемъ строю. Собрали насъ на плацъ, поставили по ранжиру; подъѣзжаетъ начальникъ дивизіи, послѣдовала команда—„смирно", „на караулъ", подошелъ генералъ, поздоровался, молодецки отвѣтили „здравія желаемъ, Ваше Превосходительство"; все бы, казалось, какъ слѣдуетъ быть, но къ сожалѣнію здѣсь вышелъ небольшой казусъ, подошелъ генералъ къ правому флангу и остановился; на правомъ флангѣ по росту стоялъ юнкеръ нѣкто Магнусъ, на котораго начальникъ и вперилъ свой взглядъ. Надобно сказать, что Магнусъ хотя былъ высокаго роста, но не имѣлъ никакой фигуры, у него какъ будто вмѣсто костей были хрящи, не имѣющіе устоевъ, а потому вмѣсто фронтальной стойки онъ представлялъ изъ себя далеко не тотъ видъ, какой требуется во фронтѣ, тѣмъ болѣе еще это выражалось его ненормальнымъ состояніемъ при держаніи карабина „на караулъ", вотъ этотъ бѣдный Магнусъ и обратилъ на себя вниманіе грознаго генерала Фишбаха, отъ чего весьма естественно онъ потерялся, чѣмъ еще болѣе показался несоотвѣтствующимъ правиламъ фронтовой стойки. Это обстоятельство взволновало генерала, прошелъ онъ по фронту, скомандовали намъ „на плечо", затѣмъ продѣлали мы ружейные пріемы, промаршировали, и этимъ смотръ окончился, генералъ остался недовольнымъ.

Послѣдствіемъ этого смотра было образованіе изъ насъ отдѣльной полковой юнкерской команды, начальникомъ этой команды назначили командира 4-го фланкернаго дивизіона подполковника Ржонсницкаго.

По окончаніи компамента отправились всѣ юнкера въ мѣсто пребыванія подполковника Ржонсницкаго, въ село Николаевку, гдѣ расположились на квартирахъ.

Подполковникъ Ржонсницкій былъ большой службистъ и формалистъ, первый ѣздокъ въ полку, строгъ, по рожденію и духу полякъ, все это мы знали, а потому держали ухо остро; частыми

ученіями порядочно онъ насъ мучилъ, но мы не роптали, а въ точности исполняли его требованія, ученья происходили два раза въ день; нужно отдать справедливость Ржонсницкому, онъ сильно насъ подтянулъ по фронтовой части, такъ что бывало, на ученіяхъ—ружейные пріемы, маршировка и верховая ѣзда вызывали на суровомъ лицѣ Ржонсницкаго довольную улыбку.

Сборъ юнкеровъ въ одну команду имѣлъ большое значеніе для насъ не по одной только фронтовой службѣ, здѣсь мы познакомились, узнали другъ-друга, составилось товарищество, дружба, постоянно были вмѣстѣ, много читали, разсуждали, спорили, что несомнѣнно приносило извѣстную пользу не для одной только военной выправки; къ чести сказать нашей команды: изъ препровожденій времени карты и кутежи были совершенно изгнаны. Но разумѣется—въ семьѣ не безъ урода, былъ между нами одинъ субъектъ, который иногда въ одиночку любилъ выпить. Не помню фамилій всѣхъ юнкеровъ, но съ удовольствіемъ назову тѣхъ, которые остались у меня въ памяти, какъ добрые и дорогіе товарищи: Александри, Мухартовъ, Ломаковскій, двоюродные братья Юзефовичъ 1-й и Юзефовичъ 2-й, Береславскій, Челищевъ, Магнусъ, Тарнавскій, Есауловъ, Гаюсъ, Зубицкій, и впослѣдствіи во время войны прибыли изъ остзейскихъ провинцій два Остенъ-Сакена и Гейкинъ, прекрасные молодые люди во всѣхъ отношеніяхъ. Гдѣ вы въ настоящее время, мои дорогіе товарищи? Куда васъ забросили волны житейскаго моря, да и много ли васъ осталось въ живыхъ?

Въ августѣ нашъ полкъ, а въ томъ числѣ и мы отправились на осенній компаментъ въ Вознесенскъ, гдѣ мы, юнкера, разбрелись по своимъ эскадронамъ. Еще до выступленія полка было извѣстно о имѣющемъ быть Царскомъ смотрѣ войскъ, собранныхъ въ Вознесенскѣ, состоящихъ изъ 5-го пѣхотнаго корпуса и 5-й кавалерійской дивизіи, которая состояла изъ 4-хъ полковъ: Бугскаго и Нассаускаго уланскихъ полковъ и двухъ гусарскихъ: Александрійскаго и Ахтырскаго, съ 9-й и 10-й конными артиллерійскими батареями.

Въ ожиданіи Высочайшаго смотра безпрерывно производились ученія, церемоніальные марши и маневры, такъ что для развлеченій оставалось весьма мало времени; жара и пыль, во время ученія, до того утомляли и мучили, что по окончаніи ученій только о томъ и думали, какъ бы добраться до постели и отдохнуть.

Наконецъ дождались мы пріѣзда Государя. Трудно выразить то настроеніе, тотъ духъ, которыми были одушевлены войска,

чувствуя, что они находятся въ одномъ городѣ со своимъ обожаемымъ Верховнымъ Вождемъ.

Не стану говорить о святомъ чувствѣ долга и любви вообще каждаго русскаго къ своему Царю. Въ Бозѣ почившій Императоръ Николай Павловичъ въ глазахъ русскаго воинства былъ тотъ олицетворенный идеалъ русскаго Богатыря, котораго рисуетъ русскій воинъ лишь въ своемъ воображеніи. Величественная осанка Императора, могущественный взглядъ, присущій именно лишь только Царской Особѣ, производили магическое дѣйствіе на русскаго воина; если не всякій военный имѣлъ счастіе видѣть своего Царя, то все это передавалось тѣми, которые хотя одинъ разъ имѣли счастіе его видѣть; такія сообщенія воодушевляли солдата, а потому, несмотря ни на какія претерпѣваемыя иногда невзгоды, сопряженныя съ службой, все забывалось и думали только о Царѣ и предстоящемъ Высочайшемъ смотрѣ.

Въ назначенный день Высочайшаго смотра весь корпусъ и наша кавалерійская дивизія выстроились въ полковыя колонны. Стоимъ въ трепетномъ ожиданіи, этотъ трепетъ былъ не отъ страха и не въ ожиданіи какой-либо грозы, нѣтъ, это былъ тотъ трепетъ, который наполняетъ сердце какою-то особенною радостью.

Ждали мы не долго, раздается команда „смирно“; въ одно мгновеніе водворилась полная тишина, и въ то же время будто электрическій токъ пробѣжалъ между рядами, глаза заискрились и сосредоточились въ одну точку; раздается команда „сабли—вонъ, пики въ руки, слушай! сабли вонъ! господа офицеры!“ Трубачи заиграли маршъ. Подскакиваетъ на бѣломъ конѣ Русскій Богатырь Императоръ, за нимъ многочисленная свита, музыка смолкла, слышимъ звонкій голосъ обожаемаго Царя: „Здорово, Бугцы“!

Раздался невѣроятно громкій дружный залпъ одновременно цѣлаго полка: „здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество“, за тѣмъ крики „ура!“ и гимнъ хора трубачей слились вмѣстѣ, все это произвело на меня такое впечатлѣніе, какое можетъ быть единственнымъ въ жизни.

По объѣздѣ Государемъ полковъ начался церемоніальный маршъ поэскадронно. Этотъ маршъ всегда производилъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе, мнѣ нравилась эта торжественность прохожденія мимо начальника подъ звуки прекрасно музыкальнаго марша, играемаго хоромъ трубачей; эти звуки возбуждали какое-то особенно пріятное настроеніе не только у солдатъ, но даже и у лошадей, и вы не удивляйтесь, любезный читатель, если

я скажу, что наши лошади не только иногда понимали нѣкоторую команду, но даже сигналы.

Уланскій фронтъ, въ полной парадной формѣ при цвѣтныхъ отворотахъ на груди, при красивыхъ киверахъ и при пикахъ съ трехцвѣтными флюгерами, представлялъ изъ себя весьма красивую картину, едва-ли не единственную, по своей красотѣ въ арміи; при этомъ сознаніи и при искреннемъ желаніи пройти молодцами мимо своего обожаемаго Государя, все это насъ приводило въ такое настроеніе, при которомъ дѣйствительно прошли молодцами; послѣдовала Высочайшая благодарность! Раздался отвѣтъ: „рады стараться, Ваше Императорское Величество".

По окончаніи церемоніальнаго марша, возвращаемся съ пѣснями на квартиры въ самомъ лучшемъ настроеніи. Слышали разговоры между г.г. офицерами, что Государь остался очень доволенъ нашимъ полкомъ, благодарилъ полкового командира; такія вѣсти еще болѣе насъ навели на веселое настроеніе.

На другой день вышли войска на площадь, всѣ веселые и довольные, повторилась при проѣздѣ Государя та же церемонія, какъ и вчера, начались маневры, все шло исправно. Помню, нашъ 4-й дивизіонъ, какъ фланкерный, разсыпали въ цѣпь, куда мы лихо карьеромъ проскакали, затѣмъ по сигналу: „займите, фееверки, позиціи"—собрались къ своимъ частямъ; бойко проскакала артиллерія впередъ, снялась съ передковъ, раздалась пальба орудіями. Первый дивизіонъ нашего полка, подъ командой подполковника Оприцы, пустили въ атаку; вдругъ видимъ, что фронтъ дивизіона разстроился и произошло смятеніе; оказалось на пути какое-то препятствіе, которое послужило причиной разстройства фронта. Этимъ обстоятельствомъ Его Величество остался недоволенъ. Бугскій полкъ не получилъ Царской благодарности и по Высочайшему повелѣнію оставленъ въ Вознесенскѣ учиться подъ руководствомъ генерала графа Ламберта. Ученіе это заключалось въ томъ, что каждый день выводили полкъ на площадь, строили его развернутымъ фронтомъ и разными аллюрами водили впередъ и назадъ. Хотя очень трудно было удерживать равненіе—при развернутомъ фронтѣ цѣлаго полка, состоящаго изъ восьми эскадроновъ, но тѣмъ не менѣе полкъ ходилъ на ученіяхъ превосходно, чѣмъ и заслужилъ Высочайшее прощеніе и отпущенъ восвояси.

По прибытіи на постоянныя квартиры, многіе изъ насъ, юнкеровъ, а въ томъ числѣ и я, отправились домой. Родныхъ засталъ въ имѣніи, гдѣ пробылъ одну недѣлю.

Наканунѣ Рождественскихъ праздниковъ пріѣхалъ домой въ г. Херсонъ, гдѣ пробылъ въ продолженіе всѣхъ праздниковъ. Изъ Николаева пріѣхали братья, такъ что вся семья была въ сборѣ за исключеніемъ брата Егора, который былъ въ корпусѣ.

Провелъ время праздниковъ въ Херсонѣ въ кругу родныхъ и знакомыхъ очень весело и пріятно, много танцовалъ. Танцами, признаюсь, я любилъ заниматься. Съ большимъ вниманіемъ покойный отецъ выслушалъ мой разсказъ о Царскомъ смотрѣ, по окончаніи чего произнесъ „Богатырь".

Эту зиму юнкерская команда была въ Штабѣ полка въ Новомъ-Бугѣ, завѣдывалъ ею подполковникъ Оприца. Квартира моя была далеко отъ центра мѣстечка, почти цѣлую зиму была сильная грязь, эти неудобства лишали меня возможности посѣщать своихъ знакомыхъ, а потому большую часть времени употреблялъ на чтеніе, что составляло для меня самое любимое занятіе; книги доставалъ вездѣ, гдѣ только возможно; къ крайнему сожалѣнію, въ то время при полку библіотеки не существовало; каждую поѣздку домой не пропускалъ случая запастись книгами, большею частью научными и историческими.

III.

Въ половинѣ февраля 1853 года пронесся у насъ слухъ о томъ, что нашему полку предстоитъ походъ на направленію къ границамъ Молдавіи и Валахіи. Желая удостовѣриться, насколько такая интересная новость справедлива, отправился я къ адъютанту Любецкому; вхожу въ пріемную, застаю полную комнату офицеровъ и юнкеровъ, всѣ говорятъ о предстоящемъ походѣ. —„А, здравствуй, Марзулинка", такое прозвище дали мнѣ товарищи, „поздравляемъ съ походомъ".—„Да правда ли?" отвѣчаю.—„Спроси у Любецкаго".—„Правда, Гунаропуло", говоритъ Любецкій,—„получена изъ дивизіи бумага, черезъ два мѣсяца въ походъ".

Для военныхъ походъ, для какихъ-либо военныхъ дѣйствій, составляетъ немаловажную эпоху; сколько надеждъ, мечтаній на повышеніе, на награды, наконецъ, двойное жалованье, подъемныя, фуражныя, все это представляетъ такую пріятную перспективу, которая дѣйствительно радуетъ и веселитъ душу; а потому все общество было въ самомъ веселомъ настроеніи; я вполнѣ и во всемъ сочувствовалъ своимъ товарищамъ, но одно, чего я искренно желалъ, такъ это проститься съ родными: Богъ знаетъ, думалось мнѣ, придется ли возвратиться; съ этой мыслью подошелъ я къ

адъютанту и спрашиваю: „скажите, назвавъ его по имени и отчеству, могу ли я разсчитывать на полученіе отпуска на нѣсколько дней, чтобы съѣздить домой проститься съ родными"? —„Невозможно, отвѣтилъ онъ, всякіе отпуски воспрещены"; затѣмъ немного подумавъ:—„знаете что, говоритъ мнѣ добрый Любецкій, я могу вамъ устроить поѣздку въ Херсонъ, для полка необходимо принять въ Херсонѣ порохъ и гильзы, для этого съ фурштатской подводой командируется для пріема унтеръ-офицеръ, если вы согласитесь принять это порученіе, то будете командированы вмѣсто унтеръ-офицера".—„Не только согласенъ, отвѣчаю, но не нахожу словъ выразить вамъ свою искреннюю благодарность"; такимъ образомъ совершенно неожиданно устроилась моя поѣздка въ Херсонъ.

Въ началѣ марта снарядили мнѣ полковую фурштатскую повозку съ кучеромъ-солдатомъ, на которой отправился я въ имѣніе, лежащее по дорогѣ въ г. Херсонъ. Въ имѣніи оставилъ казенный экипажъ съ лошадьми и солдатомъ, а на экономическихъ лошадяхъ отправился въ г. Херсонъ. Мои родители кое-что слышали про предстоящій походъ, а потому несказанно были обрадованы моимъ пріѣздомъ. Первымъ дѣломъ я отправился по командировкѣ по пріему пороха и гильзъ, каковую исполнилъ въ точности; пробылъ дома не болѣе трехъ дней. Снарядили меня дорогіе родители, насколько возможно, разными вещами, отслужили напутственный молебенъ, попрощался, матушка благословила меня перекрестила, поцѣловала, опять перекрестила, опять поцѣловала; безъ слезъ, разумѣется, не обошлось, благословлялъ меня также отецъ образкомъ Святого Николая, кованнаго серебра, греческой работы съ греческой надписью, при чемъ сказалъ: „вотъ тебѣ, Миша, икона, съ которой сражался съ турками твой дѣдъ и я, твой отецъ, эта икона все время похода и войны была у меня на груди, и Господь помогъ мнѣ выйти изъ всѣхъ сраженій, въ которыхъ я участвовалъ, цѣлымъ и невредимымъ". Въ полку шли разныя приготовленія къ походу, офицеры запасались вьюками, вьючными лошадьми, а нѣкоторые повозками, однимъ словомъ, всѣ были спѣшно заняты предстоящимъ походомъ.

Въ началѣ апрѣля въ день, назначенный для выхода, собрался полкъ на площадь, провожалъ и осматривалъ полкъ присланный изъ Петербурга флигель-адъютантъ полковникъ князь Васильчиковъ, отслужили молебенъ и двинулись въ походъ. Весьма трогательная картина была при видѣ прощанія офицеровъ и солдатъ съ своими семействами, которыя провожали полкъ до перваго привала.

Походная жизнь имѣетъ свою прелесть, но, несомнѣнно, сопряжена и съ неудобствами, что меня на первый разъ затрудняло; вслѣдствіе ежедневныхъ переходовъ, отъ непривычки, я чувствовалъ себя совершенно разбитымъ, но затѣмъ впослѣдствіи такъ я свыкся, что, несмотря ни на какую погоду и ни на какія дальніе переходы, даже при форсированныхъ маршахъ, не чувствовалъ никакой усталости.

Обозрѣніе новыхъ мѣстностей, встрѣчаемыхъ въ пути, знакомствъ съ новыми людьми доставило мнѣ не малое удовольствіе; съ большимъ любопытствомъ разспрашивали насъ, куда мы идемъ и съ кѣмъ предполагается воевать? Нѣкоторые доморощенные политики увѣряли насъ, что изъ морской пучины вышелъ громаднаго роста народъ и поднялъ войну противъ Русскаго Царя; впослѣдствіи до нѣкоторой степени оправдалось инстинктивное предположеніе народа. Дѣйствительно, подняли войну противъ Русскаго Царя пришедшіе изъ-за моря рослые народы. Въ то время въ газетахъ не очень-то распространялись о политикѣ, а потому намъ неизвѣстно было о цѣли нашего похода, впрочемъ, смотря по направленію пути, предполагали воевать съ турками.

Изо дня въ день собирался полкъ по звуку генералъ-марша на площадь, выстраивался, затѣмъ выдвигались эскадроны отдѣленіями по дорогѣ, выскакивали пѣсельники впередъ каждаго эскадрона и такимъ порядкомъ съ музыкой и пѣснями двигались далѣе.

Походъ нашъ сопровождался слѣдующимъ порядкомъ: пройдя съ утра верстъ около 10, останавливались на полчаса, пройдя столько же, дѣлали привалъ на часъ, затѣмъ еще одинъ небольшой привалъ, и послѣ этого останавливались на ночлегъ. Ежедневные переходы совершали приблизительно по 30 верстъ; черезъ два, а иногда черезъ три дня дѣлали дневки.

Не могу безъ досады вспомнить одного обстоятельства, которое при настоящихъ моихъ воспоминаніяхъ много бы способствовало къ описанію нашего похода, не только какихъ-либо замѣчательныхъ случаевъ, но и вѣрное опредѣленіе чиселъ и мѣсяцевъ нашихъ переходовъ, стоянокъ и многихъ другихъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ случаевъ, встрѣчавшихся на пути нашего слѣдованія. Съ начала нашего похода я велъ дневникъ, въ который аккуратно ежедневно все записывалъ—время переходовъ, стоянокъ, названій мѣстностей и рѣшительно всѣ чѣмъ-либо замѣчательные случаи, что было извѣстно моимъ товарищамъ и нѣкоторымъ офицерамъ.

Такимъ порядкомъ я довелъ свой дневникъ до возвращенія полка въ Россію; въ скорости по возвращеніи въ Бессарабію, пришелъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, корнетъ М., знавшій, что я веду дневникъ, обратился ко мнѣ съ убѣдительной просьбой дать ему дневникъ на нѣсколько времени. Разсчитывая на его аккуратность, я имѣлъ глупость дать ему; черезъ нѣсколько времени узнаю, что М. уѣхалъ въ Новый-Бугъ, а полкъ нашъ въ это время двинулся въ Добруджу, затѣмъ узнаю, что М. женился и до нашего возвращенія въ Новый-Бугъ подалъ въ отставку и куда-то выѣхалъ навсегда; такимъ образомъ, я потерялъ его изъ виду и дневника своего болѣе не видѣлъ.

На первое время нашъ походъ окончился прибытіемъ въ Тираспольскій уѣздъ, гдѣ полкъ расположился на квартирахъ въ селеніяхъ по берегу рѣки Днѣстра. Штабъ полка въ с. Плоскомъ, населенномъ русскими раскольниками, а нашъ 4-й дивизіонъ въ селахъ: Теи, Спеи и Такмазеи, населенныхъ исключительно молдаванами. Здѣсь я впервые началъ учиться говорить по-молдавански. Берега Днѣстра обладаютъ обиліемъ древесной растительности, — фруктовые сады и виноградники, расположенные на крутыхъ берегахъ, составляли живописныя картины, все это послѣ скучныхъ и голыхъ Херсонскихъ степей доставило намъ немалое удовольствіе, при прогулкахъ въ тѣнистыхъ и роскошныхъ садахъ и лѣскахъ.

Простоявъ въ этой мѣстности не болѣе мѣсяца, мы двинулись далѣе, перешли Днѣстръ у г. Бендеръ и безостановочно пришли въ мѣстечко Леово, гдѣ и была назначена переправа черезъ рѣку Прутъ, которую перешли 20-го іюня 1853 года въ авангардѣ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Анрепа-Эльметъ и вступили въ княжество Молдавію, и съ этого числа по 3-е іюля слѣдовали форсированнымъ маршемъ безъ дневокъ для занятія г. Бухареста. Такое наше спѣшное стремленіе занять Молдавію и Валахію было цѣлью предупредить переправу турокъ черезъ Дунай въ княжества, а также убѣждало насъ, что война можетъ быть съ турками.

3-го іюля мы прибыли въ г. Бухарестъ, столицу Валахіи; подходя къ этому городу, насъ встрѣтила многочисленная публика во главѣ духовенства,—полкъ и вообще весь авангардъ расположился подъ городомъ лагеремъ. На другой день отправился съ товарищами обозрѣвать городъ, особеннаго впечатлѣнія Бухарестъ на меня не произвелъ, улицы, какъ и вообще въ румынскихъ городахъ, узкія, кривыя, особенныхъ замѣчательныхъ построекъ не помню, но вообще городъ большой и шумный.

Изъ Бухареста выступили 6-го іюля къ г. Журжѣ, гдѣ расположились лагеремъ на берегу Дуная и простояли по 27 іюля; противоположный берегъ съ крѣпостью Рущукомъ былъ занятъ турецкими войсками, война еще не была объявлена, а потому никакихъ непріязненныхъ дѣйствій между нами не происходило.

Изъ-подъ Журжи отправился нашъ полкъ къ окрестностямъ Бухареста, гдѣ простояли до октября мѣсяца, а оттуда двинулись въ мѣстечко Рушиде-Веде, гдѣ расположились на зимнія квартиры.

Молдавія и Валахія, или такъ называемая нынѣ Румынія представляетъ богатую страну, обладаетъ обиліемъ растительности, прекрасными лѣсами, садами, виноградниками и изумительнымъ плодородіемъ почвы; но, несмотря на такую благодать, народонаселеніе крайне бѣдно и выглядываетъ угнетеннымъ, живетъ въ невзрачныхъ избахъ и большею частью въ землянкахъ (бурдояхъ), засѣваютъ исключительно кукурузу, каковая служитъ для нихъ въ видѣ мамалики главной пищей. Единственно, что я замѣтилъ и на что обратилъ вниманіе, такъ это занятіе ими, преимущественно женщинами, въ большихъ размѣрахъ шелководствомъ: въ каждой избѣ находились шелковичные черви, при чемъ обыватели при отводѣ квартиръ убѣдительно насъ просили въ избѣ не курить, такъ какъ черви не выносятъ табачнаго дыма; разумѣется, мы исполняли эти просьбы.

Виноградные сады большею частью принадлежали владѣльцамъ земель, у крестьянъ же незначительные виноградники были въ ихъ усадьбахъ.

Видѣвши, какимъ благосостояніемъ отличается населеніе Бессарабіи, которое большею частью по національности тѣ же молдаваны, уже не говорю о русскихъ и нѣмецкихъ селахъ, я просто поражался непривлядностью населенія Румыніи; присматриваясь къ положенію, быту и нравамъ населенія, я замѣтилъ, что оно весьма невѣжественно, отличается отсутствіемъ строгой нравственности и совершеннымъ равнодушіемъ къ религіи; не имѣя собственной земли, населеніе подвергается невѣроятной эксплоатаціи арендаторовъ земли, что, разумѣется, и служитъ главной причиной ихъ бѣдности.

По пути нашего слѣдованія, насъ встрѣчали священники въ бѣдномъ облаченіи, съ хоругвями и иконами; для насъ, привыкшихъ въ подобныхъ церемоніяхъ видѣть особую торжественность и благоговѣйность, представлялось все это такъ мизерно, бѣдно, отсутствіемъ же, въ подобныхъ случаяхъ, благоговѣй-

ности, напримѣръ: при несеніи хоругви и иконы были въ шапкахъ, что производило на насъ непріятное впечатлѣніе.

Во времи стоянки въ Руше-де-Веде намъ сдѣлалось извѣстнымъ неудачное дѣло съ турками подъ Ольтеницей, гдѣ произошла незначительная стычка съ переправившимися турками, это первое непріятное извѣстіе для нашего самолюбія, но за то возбудило мечтанія отплатить туркамъ при первой же возможности.

Полугодовое наше шатаніе по Валахіи надоѣло, все думалось: когда же наконецъ въ дѣло? и что это такое происходитъ, что-то непонятное; заняли Молдавію и Валахію, но что же дальше? стоимъ и не двигаемся, такое положеніе дѣйствовало на насъ удручающе, а тутъ еще это неудачное дѣло подъ Ольтеницей; мы и не догадывались въ то время, что надъ нашимъ отечествомъ надвигается грозная туча въ видѣ европейской коалиціи, которая несомнѣнно до нѣкоторой степени отразилась на нашу стоянку въ Молдавіи и Валахіи.

Въ новый 1854 годъ получается приказъ нашему полку немедленно выступить; на слѣдующій день полкъ въ цѣломъ составѣ двинулся форсированнымъ маршемъ въ Малую Валахію къ городу Калафату, находящемуся на берегу Дуная напротивъ турецкой крѣпости Виддина, который уже былъ занятъ турками, прошли городъ Краевъ и пришли въ селеніе Галиче-Мари 15 января, гдѣ вступили въ составъ Маловалахскаго отряда.

Съ этого времени для насъ началась боевая жизнь, съ разными лишеніями, приключеніями, сопряженными съ жизнью, ведущей лицомъ къ лицу непріятеля; мое же положеніе какъ еще нижняго чина улучшилось, благодаря добрѣйшему ротмистру князю Жевахову, съ которымъ я познакомился лишь походомъ.

На походѣ не доходя до г. Бухареста подъѣхалъ ко мнѣ недавно принявшій 2-й эскадронъ ротмистръ князь Филиппъ Ивановичъ Жеваховъ, который былъ женатъ на моей кузинѣ, урожденной Шниръ, и передъ походомъ овдовѣвшій, съ которымъ не знаю почему я еще не былъ знакомъ.

„Здравствуйте, Гунаропуло, обратился ко мнѣ князь. Здравствуйте, Ваше Сіятельство, отвѣчаю ему. Извѣстно ли Вамъ, говоритъ князь, что Вы мнѣ приходитесь родственникомъ? Слышалъ, что Ваше Сіятельство были женаты на моей кузинѣ, но я не имѣлъ удовольствія съ ней быть знакомымъ. Я, Васъ прошу, отвѣчаетъ князь, по родственному поселиться у меня и для этого перейти во 2-й эскадронъ. Горячо поблагодарилъ его за такое вниманіе, но просить о переводѣ отказался, такъ какъ, не желалъ этимъ возбудить неудовольствіе своего эскадроннаго командира

Рузи, которымъ я былъ очень доволенъ.—„А если Васъ переведутъ безъ Вашей просьбы?"—„Тогда значитъ судьба",—отвѣтилъ я. Князь любезно со мной простился. Черезъ недѣлю состоялся мой переводъ во 2-й эскадронъ. Когда я пошелъ къ ротмистру Рузи поблагодарить его за его ко мнѣ вниманіе, какъ командира и проститься по случаю перевода, онъ мнѣ сказалъ, что ему извѣстно, что мой переводъ состоялся не по моей просьбѣ.

Организованный Маловалахскій отрядъ сначала состоялъ изъ небольшого количества, подъ командой нашего начальника дивизіи генералъ-лейтенанта Фишбаха.

Былъ ли этотъ отрядъ поставленъ просто для наблюденія за турками или же цѣль его состояла въ томъ, чтобы не допустить турецкимъ войскамъ переправиться черезъ Дунай въ Калафатъ, сказать не умѣю, впрочемъ полагаю, что послѣднее, такъ какъ впослѣдствіи были попытки прогнать турокъ, успѣвшихъ занять Калафатъ обратно, но серьезныхъ средствъ къ этому не принималось. Однимъ словомъ, дѣйствовали какъ-то нерѣшительно, впослѣдствіи же мы навѣрно знали, что нашимъ нерѣшительнымъ дѣйствіямъ была причиной г-жа политика, которая благопріятствовала туркамъ, а потому они преспокойно переправились изъ крѣпости Виддинъ черезъ Дунай въ Калафатъ. Командующимъ подкрѣпленнымъ Маловолахскимъ отрядомъ былъ назначенъ генералъ графъ Анрепъ-Эльмптъ, послѣ же Читатскаго дѣла этотъ отрядъ поступилъ подъ команду генерала Липранди, эта послѣдняя перемѣна командующаго, какъ нужно полагать, была причиной нераспорядительности генерала Анрепа въ Четатскомъ дѣлѣ. Дѣло это произошло слѣдующимъ образомъ: селеніе Четати вблизи Калафата занималъ небольшой авангардный отрядъ, состоявшій изъ трехъ баталіоновъ при четырехъ орудіяхъ и двухъ сотенъ казаковъ подъ командой полковника Баумгартена; на этотъ отрядъ 25 декабря утромъ напали турки въ количествѣ 10-ти тысячъ человѣкъ, полковникъ Баумгартенъ геройски отбивался, въ подкрѣпленіе Баумгартена, Анрепъ послалъ незначительный отрядъ подъ командой генерала Бельгарда, эти два героя отстояли честь Русскаго оружія, ихъ отряды геройски дрались, турки вынуждены были поспѣшить отступить съ большими потерями, геройски преслѣдуемые дивизіономъ Александрійскихъ гусаръ.

Нераспорядительность генерала Анрепа усматривали въ томъ, что онъ, имѣя свободными части войскъ, могъ двинуть ихъ въ дѣло, отрѣзать и совершенно уничтожить отступавшихъ турокъ, но что онъ этимъ благопріятнымъ случаемъ не воспользовался.

Безпрепятственная переправа турецкихъ войскъ и Четатское дѣло обратили серьезное вниманіе нашего главнокомандующаго генералъ-адъютанта князя Горчакова, который прибылъ въ Маловалахскій отрядъ и 16 января было объявлено наступательное движеніе отряда на селенія Гуніи и Модловито, близъ Калафата, которые были заняты турками.

Помню хорошо этотъ день для насъ знаменательнымъ тѣмъ, что впервые предполагалось, что завтра можетъ быть придется драться съ непріятелемъ, наши чудо-богатыри солдаты съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ приготовлялись; для меня же это было какое-то новое чувство, соединенное съ давно желаннымъ любопытствомъ увидѣть на дѣлѣ что-то такое, которое представлялось лишь въ воображеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ навѣвало грусть при воспоминаніи объ родныхъ.

Въ этотъ день я проснулся еще до свѣта, вышелъ изъ землянки, гдѣ насъ помѣщалось нѣсколько человѣкъ, и началъ горячо возносить молитвы Всевышнему; затѣмъ вошелъ въ землянку, разбудилъ товарищей, и начали мы готовиться къ выступленію.

Съ разсвѣтомъ подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго князя Горчакова весь отрядъ двинулся въ боевомъ порядкѣ по направленію къ Калафату: шли мы цѣлый день, турки поспѣшно заблаговременно отступали, безъ всякаго съ ихъ стороны препятствія, допустили насъ занять всѣ близъ Калафата лежащія селенія, только лишь по направленію къ сел. Четати слышны были нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ. Такое поспѣшное отступленіе турокъ дозволило нашему отряду сдѣлать въ одинъ день то, что предполагалось сдѣлать въ два дня.

Поздно вечеромъ нашъ полкъ остановился въ сел. Голенцахъ, пришли мы усталые, голодные, цѣлый день кромѣ сухарей ничего не ѣли, обозы и маркитанты остались далеко позади, и прибыли лишь на другой день. Жители того села ушли, къ нашему благополучію нѣкоторая живность осталась на произволъ судьбы. Наши голодные солдаты такимъ благопріятнымъ случаемъ воспользовались, такъ что и на нашу долю кое-что перепало, въ видѣ вареныхъ курочекъ, которыхъ мы съ большимъ удовольствіемъ скушали, можетъ быть въ смыслѣ реквизиціи мы поступили неправильно, съѣвши курочекъ, предварительно не справившись, кому онѣ принадлежатъ, но что дѣлать—голодъ не свой братъ.

На другой день, т. е. 17 января послѣдовало обложеніе Калафата, это обложеніе не имѣло значенія въ томъ смыслѣ, какъ

вообще понимается обложеніе со всѣхъ сторонъ крѣпости, обложеніе Калафата было лишь только со стороны Малой Валахіи, но совершенно спокойно турки могли сидѣть въ Калафатѣ, имѣя у себя въ тылу на другой сторонѣ рѣки Дуная крѣпость Виддинъ, соединенную съ Калафатомъ мостомъ. Въ этотъ же день главнокомандующій князь Горчаковъ подъ личнымъ своимъ начальствомъ произвелъ рекогносировку Калафатскихъ укрѣпленій, при этомъ въ цѣпи была ружейная перестрѣлка.

Со дня обложенія Калафата нашъ полкъ, постоянно ежедневно несъ аванпостную службу и ежедневно былъ въ перестрѣлкахъ и въ прикрытіяхъ при дѣйствіяхъ конной артиллеріи Не могу не сказать нѣсколько словъ объ нашемъ въ то время вооруженіи. Нашъ нижній чинъ уланъ въ то время былъ вооруженнымъ тремя видами оружія:—пикой, саблей и карабиномъ; на практикѣ самое дѣйствительное и существенное оружіе было для улана пика, а затѣмъ сабля, карабинъ гладкоствольный составлялъ для него лишь излишнее бремя, въ виду того, что на стрѣльбу никакого вниманія не обращалось, а тѣмъ болѣе при вооруженіи непріятеля штуцерами наши карабины, бившіе лишь на близкое разстояніе, никакого значенія не имѣли. Иногда турецкая цѣпь, зная достоинство нашей стрѣльбы, приближалась, тогда сейчасъ же слѣдовала команда: „пики къ атакѣ маршъ-маршъ"; насколько помню, въ большей части турки не принимали и не выдерживали нашихъ атакъ и удирали подъ защиту своихъ укрѣпленій.

Бывали случаи, что какая-нибудь шальная пуля кого-либо изъ нашихъ ранитъ и убьетъ, но такіе случаи были очень рѣдки.

По прибытіи нашемъ въ сел. Голенцы, послѣ сдѣланной главнокомандующимъ рекогносцировки два дивизіона 1-й и 2-й нашего полка подъ командой полковника Оприцы отправились въ сел. Пояны, отстоящее отъ сел. Голенцы въ 12-ти верстахъ на лѣвомъ флангѣ нашей демаркаціонной линіи, другіе же два дивизіона остались въ сел. Голенцахъ, я состоялъ въ 1-мъ дивизіонѣ.

Ночью наша цѣпь постоянно провѣрялась начальствомъ, часто для повѣрки являлся поручикъ Генеральнаго Штаба Черняевъ, впослѣдствіи генералъ, Туркестанскій герой. Для насъ, нижнихъ чиновъ, болѣе всего непріятны были ночные разъѣзды, зима была суровая, часто были мятели, и вотъ извольте въ темную ночь въ сильную мятель и морозъ отправиться въ разъѣздъ, состоящій изъ унтеръ-офицера или юнкера и двухъ рядовыхъ на разстояніи какихъ-нибудь 6 или 7-ми верстъ, часто бывало, что разъѣзды блуж-

дали и благодаря лишь инстинкту лошадей возвращались благополучно. Тяжелая аванпостная служба, а тѣмъ паче зимняя, частыя тревоги заставляли насъ быть постоянно на чеку, а потому объ какихъ-нибудь теплыхъ избахъ не могло быть и рѣчи, помѣщались мы просто въ куреняхъ, посреди этого куреня была яма, въ которой горѣлъ костеръ, что и служило для насъ помѣщеніемъ, замѣняющимъ теплую комнату; и чтожъ: больныхъ не было, а такая жизнь какъ будто придавала болѣе бодрости.

Помню, въ одну изъ ночей, когда нашъ эскадронъ отдыхалъ послѣ дежурства въ цѣпи, вышло приказаніе перемѣнить названіе лозунга и пароля, узнали, что съ цѣпи бѣжалъ къ туркамъ рядовой 1-го эскадрона, этого рядового за нѣсколько дней до его бѣгства я видѣлъ за что-то арестованнымъ; мнѣ говорили, что онъ знаетъ татарскій языкъ: спустя немного времени передался намъ отъ турокъ одинъ черкесъ, который намъ сообщилъ: что когда прискакалъ къ туркамъ нашъ солдатъ, то его заставили одѣться въ полную парадную форму и въ такомъ нарядѣ отвели его къ пашѣ: для ясности считаю нужнымъ сказать, что мундиръ и бѣлье солдата находились въ кругломъ продолговатомъ чемоданѣ, который постоянно находился привязаннымъ сзади сѣдла.

2-го февраля нашъ отрядъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди двинулся къ Калафату, гдѣ подъ огнемъ непріятельскихъ укрѣпленій была произведена рекогносцировка, а 7-го ночью было общее наступательное движеніе всего Маловалахскаго отряда къ Калафату, подошли мы къ нему очень близко, остановились въ боевыхъ колоннахъ; провезли мимо насъ лѣстницы и другія принадлежности для штурма, ну, думаемъ, вотъ когда начнется настоящее дѣло, а между тѣмъ начинаетъ насъ одолѣвать сильный морозъ, что дѣлать, стоимъ, мерзнемъ. Хорошо слышимъ изъ Калафата шумъ человѣческихъ голосовъ и колесный грохотъ по мосту; по всей вѣроятности, турки не ожидали нашего въ темную ночь наступленія, къ тому жъ, какъ извѣстно, большой морозъ служитъ для нихъ плохимъ помощникомъ и судя по грохоту мы предполагали, что турки бѣгутъ по мосту изъ Калафата въ крѣпость Виддинъ, вотъ, думаемъ себѣ, когда будетъ конецъ злополучному Калафату, между тѣмъ стоитъ на мѣстѣ пѣхота, стоитъ артиллерія, стоимъ и мы, все стоимъ и долго, очень долго стоимъ, ждемъ не дождемся чего-то интереснаго, наконецъ дождались: прискакиваетъ ординарецъ, наше начальство зашевелилось, что такое? думаемъ. Раздается команда: „налѣво кругомъ маршъ“, вотъ и дождались, чтобы отправиться

назадъ въ свои курени, и это, думаемъ, не дурно, но зачѣмъ же была продѣлана вся эта ночная диверсія, а эта диверсія, какъ тогда говорили, стоила заболѣванія не менѣе ста человѣкъ, отморозившихъ себѣ разные члены.

На пути нашего возвращенія увидѣли стожокъ соломы, возлѣ котораго нашъ дивизіонъ сдѣлалъ привалъ, мгновенно стожокъ запылалъ, съ удовольствіемъ мы обогрѣлись и лишь только этимъ заключился нашъ ночной подвигъ.

Рекогносцировки для обозрѣнія непріятельскихъ укрѣпленій производились очень часто, думаю, что эти укрѣпленія были изучены до тонкости, а такъ какъ противъ Калафата послѣ ночного движенія ничего серьезнаго не предпринималось, то мы не могли понять, для чего же производятся эти рекогносцировки, считаю не лишнимъ описать двѣ изъ нихъ, какъ болѣе замѣчательныя.

24 февраля со стороны селенія Поянъ, полковникъ Генеральнаго Штаба Веймарнъ производилъ обозрѣніе непріятельскихъ укрѣпленій подъ прикрытіемъ трехъ дивизіоновъ нашего полка, 1-й подъ командой полковника Оприцы, а 3-й и 4-й подъ командой подполковника Ржонсницкаго, двухъ сотенъ казаковъ при двухъ орудіяхъ 9-й конной батареи, подъ общей командой полковника Веймарна, который находился на лѣвомъ флангѣ Расположеніе этого отряда было слѣдующее: первый дивизіонъ, въ которомъ я состоялъ, былъ на правомъ флангѣ, 3-й и 4-й при двухъ орудіяхъ на лѣвомъ флангѣ, разстояніе между означенными дивизіонами было приблизительно около 4-хъ верстъ холмистой мѣстности въ такой степени, что первому дивизіону не видно было, что происходитъ на лѣвомъ флангѣ.

Держащіе разъѣзды казаки донесли командиру 1-го дивизіона, что турецкая кавалерія въ нѣсколькихъ колоннахъ вышла изъ Калафата и направляется къ нашему лѣвому флангу, т. е. къ 3-му и 4-му дивизіонамъ. Выслушавъ донесеніе разъѣзда, полковникъ вызвалъ меня, подскакиваю къ нему: „возьмите" приказываетъ мнѣ полковникъ,—„двухъ рядовыхъ и какъ можно скорѣй поѣзжайте къ отряду лѣваго фланга и посмотрите, что тамъ дѣлается". Беру рядовыхъ, скачемъ и съ перваго же возвышеннаго холма довольно ясно увидѣлъ, что турецкая кавалерія въ количествѣ, превышающемъ силу дивизіоновъ, стремится зайти въ флангъ нашимъ дивизіонамъ, которые отступаютъ почти рысью; немедленно возвращаюсь и докладываю полковнику съ указаніемъ, съ какого холма я замѣтилъ положеніе нашихъ дивизіоновъ; немедленно нашъ 1-й дивизіонъ полной рысью былъ двинутъ къ указанному мною возвышенному холму. Турецкая кавалерія,

замѣтивъ этотъ маневръ, угрожающій ея тылу, немедленно прекратила преслѣдованіе нашихъ дивизіоновъ и начала спѣшно отступать.

5-го апрѣля была сдѣлана рекогносцировка подъ командой нашего начальника дивизіи генерала Фишбаха. Въ этой рекогносцировкѣ участвовали: Александрійскій и Ахтырскій гусарскіе полки, нашъ Бугскій уланскій полкъ, казачій полкъ и двѣ конныхъ батареи: 9-я и казачья батарея, цѣпь состояла изъ казаковъ и двухъ фланкерныхъ эскадроновъ Ахтырскаго гусарскаго полка; остальная кавалерія построена была въ боевомъ порядкѣ готовая къ атакѣ, въ интервалахъ находилась артиллерія; въ такомъ порядкѣ отрядъ быстро подвигался впередъ по направленію къ Калафату, наконецъ наша цѣпь бросается въ атаку на турецкую цѣпь, колонны двинулись рысью. Турецкая цѣпь по обыкновенію удираетъ. Турецкія колонны отступаютъ, передъ нами открылся весь турецкій лагерь изъ зеленыхъ палатокъ. Вдругъ раздался залпъ изъ турецкихъ батарей, сперва снаряды перелетали, затѣмъ ложились около насъ, наши колонны начали отступать шагомъ, турки провожаютъ насъ ядрами и гранатами, свистъ и жужжаніе которыхъ раздаются безпрерывно: состоя передъ 2 взводомъ, вижу, что фронтъ начинаетъ изъ шага переходить въ рысь, въ это время подскакиваетъ къ фронту командующій эскадрономъ поручикъ Перепелицынъ, громко командуетъ: „шагомъ, шагомъ, господа офицеры, успокойте фронтъ", что относилось и ко мнѣ, стоящему передъ взводомъ. Приказаніе командующаго эскадрономъ и принятыя мѣры взводными командирами воздѣйствовали на фронтъ, который даже перешелъ на малый шагъ, а сзади продолжали турки провожать насъ ядрами: отойдя на извѣстную дистанцію, послѣдовала команда: „стой, во фронтъ!" Артиллерія выскочила впередъ, снялась съ передковъ и начала обстрѣливать турецкую батарею, которая не унималась и продолжала насъ угощать, стоявшихъ на мѣстѣ, прикрывая свою артиллерію. Въ это время я замѣтилъ, что разорвалась граната возлѣ нашего уважаемаго храбраго командующаго эскадрономъ поручика Перепелицына, вижу съ нимъ что-то не ладно, подскочилъ къ нему старшій офицеръ, позвалъ двухъ унтеръ-офицеровъ, которые проводили раненаго въ лазаретную фуру; онъ оказался сильно контуженнымъ въ голову. Передъ 3-мъ взводомъ стоялъ корнетъ Яндоловскій, ядро упало возлѣ него и подняло такую массу земли, которая обдала его съ лошадью, подъѣзжаю къ нему, спрашиваю, не ранены ли Вы? нѣтъ, отвѣ-

чаетъ, оказалось, что онъ также былъ контуженъ въ голову, впослѣдствіи кончилось сумасшествіемъ и смертью.

Любо было смотрѣть на дѣйствіе нашей артиллеріи, не долго турки громили, наша артиллерія скоро заставила ихъ замолчать, послѣ чего мы отправились въ свои мѣста. Это была послѣдняя заключительная рекогносцировка, которая лишила насъ прекраснаго, во всѣхъ отношеніяхъ, офицера Перепелицына, который ужъ болѣе въ полкъ не возвращался.

Наконецъ 13 апрѣля Мало-Валахскій отрядъ двинулся изъ-подъ Калафата по направленію къ городу Краіево и остановился въ городѣ Слатинѣ, нашъ же Бугскій полкъ отдѣлился отъ того отряда и былъ двинутъ къ окрестностямъ Бухареста.

На второмъ переходѣ отъ города Слатина слышу, что зовутъ корнета Мухортова, проходимъ дальше, вижу: стоитъ коляска, запряженная цугомъ въ шесть лошадей, въ которой сидитъ штабъ-офицеръ въ формѣ Александрійскаго гусарскаго полка, къ нему подъѣхалъ корнетъ Мухортовъ, которому этотъ штабъ-офицеръ передалъ письмо и узелокъ, какъ оказалось съ золотомъ, и поѣхалъ по направленію къ городу Слатину. Спрашиваю у Мухортова, кто это? отвѣчаетъ, что это полковникъ Карамзинъ, который привезъ ему отъ брата, камеръ-юнкера Мухортова, письмо и деньги, ѣдетъ же онъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, въ каковой онъ недавно поступилъ изъ отставки. Предполагалъ ли Карамзинъ, что полкъ, который онъ встрѣтилъ, вслѣдствіе его увлеченія, будетъ спустя три недѣли возвращенъ обратно въ Слатинъ, и могли ли мы себѣ представить, что этотъ пріѣхавшій штабъ-офицеръ въ непродолжительное время такъ печально кончитъ свою жизнь и своимъ увлеченіемъ принесетъ большое несчастіе Александрійскому гусарскому полку, отличившемуся въ эту же войну храбростью.

Шли мы не спѣша небольшими переходами съ дневками, прошли Бухарестъ и не доходя къ назначенному мѣсту нашъ полкъ потребовали обратно въ Слатинъ форсированнымъ маршемъ, что такое, думаемъ, случилось? подходимъ къ Слатину, видимъ, что на площади, гдѣ стояла артиллерія, стоятъ четыре передка безъ орудій, что это значитъ? спрашиваемъ, узнаемъ печальную исторію: два дивизіона Александрійскаго гусарскаго полка разбиты, много раненыхъ убитыхъ, взятыхъ въ плѣнъ и лишились четырехъ орудій, полковникъ Карамзинъ убитъ. По разсказамъ очевидцевъ все это несчастіе произошло такимъ образомъ. По отступленіи Мало-Валахскаго отряда изъ-подъ Калафата, турецкія войска въ приличномъ разстояніи слѣдовали за нами; нашъ

отрядъ остановился въ г. Слатинѣ. Командующему отрядомъ генералу Липранди донесли, что не въ далекомъ разстояніи отъ Слатина за рѣкой, названія которой не помню, показываются турецкія войска. Генералъ Липранди распорядился сдѣлать рекогносцировку, съ этимъ распоряженіемъ отправился Начальникъ Штаба отряда полковникъ князь Васильчиковъ къ графу Алопеусу командиру Александрійскаго гусарскаго полка; не доѣзжая квартиры Алопеуса, проѣзжалъ Васильчиковъ мимо квартиры полковника Карамзина, который, стоя у окна, увидѣлъ Васильчикова, спросилъ, куда идете?—Къ Алопеусу отвѣчаетъ князь; Алопеусъ боленъ и не встаетъ съ постели, говоритъ Карамзинъ, тогда князь Васильчиковъ объявилъ Карамзину съ какимъ порученіемъ онъ ѣдетъ къ Алопеусу; услышавъ объ этомъ, Карамзинъ сталъ убѣдительно просить Васильчикова доложить генералу Липранди о порученіи ему отряда для рекогносцировки, тѣмъ болѣе, что онъ, Карамзинъ, является старшимъ штабъ-офицеромъ въ полку.

Назначаютъ Карамзина. Отрядъ въ составѣ двухъ дивизіоновъ Александрійскаго гусарскаго полка съ двумя сотнями казаковъ при четырехъ орудіяхъ 9-й конной батареи подъ командой полковника Карамзина отправляются, при чемъ генералъ Липранди командировалъ состоять при отрядѣ офицера Генеральнаго Штаба Черняева.

Не доходя до рѣки, за которой, какъ донесли генералу Липранди, показывались турки, стоялъ трактиръ, возлѣ котораго отрядъ остановился, а Черняевъ съ взводомъ казаковъ перешелъ мостъ, отправился для предварительнаго обозрѣнія, при чемъ предупредилъ и просилъ Карамзина не трогаться съ мѣста до его возвращенія.

Пока Черняевъ обозрѣвалъ мѣстность, Карамзинъ широко угощалъ гг. офицеровъ, закусокъ и вина было привезено въ изобиліи, угостили и солдатъ, благо въ трактирѣ оказалось много мѣстнаго вина; окончивъ закуску и выпивку, страсти разыгрались, забылъ или же просто не обратилъ должнаго вниманія Карамзинъ на предупрежденіе и просьбу Черняева не трогаться съ мѣста до его возвращенія, скомандовалъ: „садись!" и отрядъ тронулся, перешли мостъ, у котораго прикрытія не оставили, а спѣшно двинулись впередъ по мѣстности, обросшей лѣсками, закрывавшими отъ взора мѣстность въ даль. Пройдя значительное разстояніе, увидѣли карьеромъ возвращающагося Черняева, ко-

торый, увидѣвъ ѣдущій отрядъ не мало изумился! Что вы сдѣлали. г. полковникъ? спрашиваетъ Черняевъ. Отчего меня не подождали? Впередъ идти не только невозможно, но дай Богъ, чтобы отрядъ успѣлъ благополучно отступить! Какъ отступить? Мы безсмертные гусары и будемъ отступать, никогда! возражаетъ ему Карамзинъ. „Впередъ!“ командуетъ полковникъ. Вышли на открытую поляну и ихъ взорамъ открылись густыя колонны турецкой кавалеріи, въ нѣсколько разъ превышающія отрядъ Карамзина. Начала дѣйствовать артиллерія, но въ это время непріятель обходитъ фланги и угрожаетъ прикрытію артиллеріи, идетъ въ атаку нашъ эскадронъ, не выдерживаетъ, посылаютъ въ подкрѣпленіе другой, но превышающая масса турокъ атаковала нашъ отрядъ съ фронта и фланговъ, отрядъ не выдерживаетъ, принужденъ въ безпорядкѣ отступать и скопляется съ артиллеріей у моста, который уже былъ занятъ турками, вотъ здѣсь и произошло что-то невозможное, все столпилось въ безпорядкѣ и начали спасаться въ одиночку и въ этомъ хаосѣ четыре нашихъ орудія остались въ рукахъ турокъ. Вотъ что мы слышали отъ очевидцевъ: командующій отрядомъ Карамзинъ за свое увлеченіе въ этомъ несчастномъ дѣлѣ заплатилъ своею жизнью.

Простоялъ нашъ полкъ въ Слатинѣ до 6-го іюня, выступилъ опять въ окрестности Бухареста, а 22-го іюня двинулся къ г. Журжѣ и присоединился къ отряду, стоявшему въ Журжѣ подъ командой генералъ-лейтенанта Соймонова.

Въ это время наши войска, обложивъ крѣпость Силистрію, собирались штурмовать эту крѣпость, къ штурму все уже было готово, предвидѣлся полный успѣхъ, но, какъ оказалось, злой рокъ и г-жа политика не переставали насъ преслѣдовать, въ самый моментъ предполагаемаго штурма Селистрію оставили, а потому пока наши войска изъ-подъ Силистріи могли бы подойти на такое растояніе, чтобы имѣть необходимую связь съ остальными отрядами, весьма важно было во что бы то ни стало удержать турокъ подъ Рущукомъ, лежащимъ напротивъ г. Журжи, и препятствовать имъ совершить переправу чрезъ Дунай, не удержи Соймоновъ турокъ подъ Рущукомъ они могли принести намъ не мало бѣдъ, такъ какъ отряды еще не успѣли стянуться для безопаснаго слѣдованія обратно въ русскіе предѣлы.

Несомнѣнно, турки хорошо были освѣдомлены о положеніи нашихъ отрядовъ и сознавали, что въ данный моментъ Журжа представляетъ для насъ весьма важный стратегическій пунктъ, а потому стянули подъ Рущукъ около 30 тысячъ войскъ.

Задача для Соймонова была нелегкая, тѣмъ болѣе, что отрядъ его былъ малочисленный, состоялъ онъ, кажется, изъ двухъ или трехъ пѣхотныхъ полковъ, незначительное число казаковъ и подошедшій нашъ Бугскій уланскій полкъ, однимъ словомъ, турецкія войска превышали нашъ отрядъ почти въ три раза, независимо этого возвышенный берегъ Рущука обстрѣливалъ свободно лежащіе между Рущукомъ и Журжей острова.

Недоходя до Журжи на разстояніи 12-ти верстъ, 24-го іюня нашъ полкъ остановился на ночлегъ въ какомъ-то селѣ, рано утромъ 25-го слышимъ непрерывную орудійную пальбу, по тревогѣ полкъ выступилъ къ Журжѣ, гдѣ уже происходило сраженіе и было въ полномъ разгарѣ. Турецкія войска подъ прикрытіемъ батарей переправились на вышеуказанные острова гдѣ, собственно и происходило сраженіе, наша пѣхота стойко держалась. Турки безпрестанно подвозили пароходами подкрѣпленія, орудійная и ружейная пальба положительно была похожа на выбиваемую дробь на барабанѣ, нашъ полкъ къ крайнему нашему огорченію стоялъ въ бездѣйствіи, острова, гдѣ происходило сраженіе, представляли изъ себя плавни, густо заросшіе камышемъ, совершенно неудобные для кавалерійскихъ атакъ.

Такимъ образомъ слѣзши съ лошадей, держа коней въ поводу, стоимъ на берегу Дуная, только слушаемъ гулъ орудій, возлѣ насъ стояла конная полубатарея, видимъ: подъѣзжаетъ Валахская повозка, съ которой спрыгнулъ генералъ въ папахѣ, подбѣжалъ къ стоящей артиллеріи, скомандовалъ: „артиллерія за мной!“. Она двинулась за генераломъ рысью на островъ и скрылась, въ это время одинъ изъ турецкихъ пароходовъ подходилъ къ острову съ десантомъ; артиллерійскіе залпы не допустили высадки, подходившій пароходъ спѣшно ретировался; впослѣдствіи мы узнали, что этотъ храбрый генералъ былъ Хрулевъ.

Спустя немного времени командуютъ 2 дивизіону, командиромъ коего былъ подполковникъ Бакаевъ, садиться и на рысяхъ ведутъ его на островъ, но оказалось, какъ я объяснилъ раньше, дѣйствовать противъ непріятеля кавалеріи въ плавнѣ немыслимо, а потому дивизіонъ возвратился обратно. Раздается команда: „садиться всему полку“, ведутъ насъ на рысяхъ съ праваго на лѣвый флангъ по берегу Дуная, въ одномъ мѣстѣ прожужжали ядра, проходили мимо перевязочнаго пункта; Боже! что тамъ происходило! Какая масса раненыхъ, при чемъ я замѣтилъ, какъ много людей расходуется на уборку раненыхъ, если раненый

еще можетъ двигать ногами, его ведутъ двое, носилки съ раненымъ несутъ четыре человѣка, при массѣ раненыхъ, какое громадное число людей выбываетъ съ фронта.

Прибылъ полкъ на лѣвый флангъ, опять слѣзли, стоимъ, начали посвистывать пули, пріѣхавшій къ намъ адъютантъ бригаднаго командира Терпиловскій, услышавъ свистъ пуль, сказалъ: „э! да у Васъ здѣсь не совсѣмъ безопасно, надо—уѣзжать". Разумѣется, сказано это въ шутку, такъ какъ, кто трусить, тотъ этого не выскажетъ, не позволитъ самолюбіе; въ сраженіи главную роль играетъ самолюбіе, полагаю, что никто не станетъ отвергать присущаго человѣку чувства самохраненія, но чувство исполненія долга и самолюбія настолько превышаетъ все остальное, что лучше быть убитымъ, чѣмъ кто-либо замѣтитъ выказанную въ чемъ-либо трусость.

Солнце стало заходить, но сраженіе продолжалось, начало темнѣть, орудійная пальба продолжалась, затѣмъ смолкла и ружейная, сраженіе прекратилось, остатки пѣхотныхъ полковъ оставили острова, турки, понесшіе большія потери, не имѣли средствъ и возможности насъ преслѣдовать. Такимъ образомъ наши пѣхотные полки сражались съ ранняго утра до поздняго вечера безъ смѣны и безъ какихъ-либо подкрѣпленій противъ значительно превышающаго количествомъ непріятеля, не упустивъ своихъ позицій, а лишь только наступившая ночь и прекращеніе атакъ непріятеля дали возможность незначительнымъ остаткамъ полковъ оставить острова и перейти на берегъ города Журжи.

Къ моему крайнему сожалѣнію благодаря моему товарищу М., который взялъ у меня, какъ я сказалъ уже выше, мой дневникъ, я въ настоящее время положительно забылъ названіе этихъ храбрыхъ полковъ, насколько вспоминаю, кажется, одинъ изъ этихъ полковъ назывался Орловскимъ.

На другой день рано утромъ выстроились мы за городомъ, жители массами оставляли городъ въ ожиданіи пришествія турокъ, но они послѣ геройскаго сопротивленія нашихъ чудо-богатырей не рѣшились дѣлать какое-либо наступленіе. Оставивъ Журжу, отрядъ нашъ отошелъ на возвышенный берегъ Дуная—гдѣ стали лагеремъ,—спустя три дня нашъ отрядъ увеличился приходомъ войскъ изъ-подъ Силистріи, полкъ нашъ все время несъ аванпостную службу, держалъ цѣпь и разъѣзды. Возлѣ дежурнаго полуэскадрона помѣстился артиллерійскій офицеръ съ унтеръ-офицеромъ съ двумя рядовыми съ ракетами. Этотъ офицеръ, какъ видно, былъ шутникъ, намъ объявилъ, что онъ въ

настоящее время представляетъ изъ себя, въ отрядѣ, весьма важную особу и занимаетъ великое положеніе, стоитъ ему только пустить ракету и весь отрядъ подымется. Хотите! Я вамъ докажу. „А завтра попадете подъ судъ",—отвѣчаемъ ему.—„Ну, ужъ тамъ, что будетъ, а если захочу, то подыму весь отрядъ". Спустя немного времени эта важная особа изъ великаго перешла въ лежачѣе положеніе—что-то бредила и затѣмъ къ нашему удивленію, наша надежда на спокойствіе отряда заснула, благо при ней состоялъ унтеръ-офицеръ, который несомнѣнно въ случаѣ надобности исполнилъ бы обязанности, крѣпко уснувшаго, офицера.

Къ нашему отряду прибылъ главнокомандующій князь Горчаковъ; 4 іюля произвелъ усиленную рекогносцировку для обозрѣнія непріятельскихъ позицій—между Журжей и Слободзеей; затѣмъ 15 іюля отрядъ двинулся къ рѣкѣ Пруту, а 24 августа нашъ полкъ переправился у селенія Вадулай-Исакчи и вступилъ въ Бессарабію.

Грустно и больно было думать о нашей полуторагодичной безцѣльной кампаніи, но тѣмъ не менѣе воротиться въ отечество имѣло свою прелесть. когда мы перешли Прутъ и вступили въ предѣлы Россіи, то я слѣзъ съ лошади и поцѣловалъ землю горячо любимаго своего отечества.

На другой же день, 29 іюля, нашъ полкъ двинулся къ Дунаю, переправившись у крѣпости Исакчи, вступили въ Бабадагскую область, она же Добруджа, въ то время эта область почти сплошь была населена малороссами и великоруссами, преимущественно старовѣрами; пробыли въ этой области до 18 сентября, затѣмъ возвратились въ Бессарабію и въ окрестности гор. Болграда стали на зимнія квартиры. Полгода назадъ я былъ представленъ къ производству.—меня произвели въ 1-й чинъ корнета, не знаю. почему это производство запоздало, наконецъ въ половинѣ октября получается приказъ о производствѣ меня съ 20 сентября; хотя къ этому производству я былъ подготовленъ, но тѣмъ не менѣе былъ весьма обрадованъ, что наконецъ превратился изъ нижняго чина въ офицерское званіе. Дорогіе и добрые товарищи сердечно поздравили меня, нашлось и шампанское, такъ что церемонія поздравленія вышла по всѣмъ правиламъ.

По возвращеніи полка въ Бессарабію, я подумывалъ, какъ бы это устроить, чтобы хотя на нѣсколько дней съѣздить домой, вѣдь для этого всего нужно сдѣлать какихъ-нибудь 300 верстъ. Бывши еще юнкеромъ, я не рѣшался объ этомъ хлопотать, но когда меня произвели и вслѣдствіе этого нужно было обмундироваться, а также пріобрѣсти упряжныхъ лошадей съ повозкой,

то эти причины какъ бы давали мнѣ право рѣшиться просить на нѣсколько дней отпускъ. Съ этой мыслью я отправился въ штабъ полка къ полковому командиру. Добрый полковникъ Гестферъ сперва помялся, но тѣмъ не менѣе неоффиціально разрѣшилъ мнѣ отлучиться на двѣ недѣли. Такъ какъ я намѣренъ былъ взять изъ имѣнія пару лошадей и повозку, то для этого взялъ съ собой денщика и съ восторгомъ отправился домой; на нанятой подводѣ до гор. Аккермана, тамъ переправился черезъ Днѣстровскій лиманъ, оттуда въ Одессу и Николаевъ, изъ Николаева прямо въ имѣніе, гдѣ засталъ родителей и сестру Вареньку; два брата Спиридонъ и Аѳанасій были въ Севастополѣ въ Гардемаринской ротѣ, другіе же два меньшихъ брата Егоръ и Николай въ корпусѣ.

Внезапный и неожиданный мой пріѣздъ произвелъ въ домѣ сенсацію—восторговъ и радостей не было конца, бѣдные родители радовались моему пріѣзду и въ то же время горевали объ двухъ сыновьяхъ, которые были въ Севастополѣ. „Ну, для чего этихъ дѣтей оставили въ Севастополѣ, говорила добрая матушка, какую могутъ они принести тамъ пользу!“—Говоря это, она не знала, что этихъ дѣтей гардемариновъ водили на батарею и что изъ нихъ были раненые.

Когда смертельно ранили начальника штаба Черноморскаго флота адмирала Корнилова, то послѣднія его предсмертныя слова были: „немедленно отправить гардемариновъ въ Николаевъ“.

Пробывъ съ родными нѣсколько дней, взялъ съ имѣнія пару лошадей, повозку и отправился въ полкъ, гдѣ и зажилъ на собственномъ хозяйствѣ.

Наши стоянки въ Бессарабіи часто мѣнялись, на зимнія квартиры полкъ нашъ прибылъ въ окрестности гор. Кишинева, и въ этомъ городѣ помѣстился штабъ полка.

Офицеры часто требовались въ штабъ полка въ Кишиневъ, для занятія карауловъ, но въ виду того, что стоянка эскадрона, въ которомъ я состоялъ, была близъ Кишинева, то я и безъ этого требованія довольно часто посѣщалъ Кишиневъ; товарищъ мой корнетъ Александри, бессарабскій помѣщикъ, имѣлъ родныхъ въ Кишиневѣ, съ которыми меня познакомилъ, а черезъ нихъ познакомился и въ другихъ домахъ, гдѣ и проводилъ время съ большимъ удовольствіемъ. Въ ту зиму въ Кишиневѣ вслѣдствіе присутствія военныхъ: уланъ, гусаръ и другихъ было шумно и весело, вечера и балы не прекращались, послѣ двухлѣтняго странствованія и походно-военной жизни веселились мы на славу, не обошлось, разумѣется, безъ того, чтобы

наша молодежь не влюблялась, нѣкоторые женились; не минуло и меня сія чаша, тоже влюбился, да вѣдь какъ,—чуть была дѣло не дошло до брачныхъ узъ. Но вѣрно была не судьба и сія чаша прошла мимо меня.

Въ февралѣ 1855 г. получилось печальное извѣстіе о смерти Императора Николая Павловича, въ это время я былъ въ эскадронѣ, эта печальная вѣсть меня крайне поразила. Неудачныя наши дѣла на Дунаѣ, господство въ Черномъ морѣ непріятельскаго союзнаго флота, высадка непріятеля въ Крымъ и обложеніе Севастополя, все это на меня производило удручающее состояніе, единственная была надежда и вѣра въ то, что Императоръ Николай нашъ Богатырь, выведетъ Россію изъ этого труднаго положенія и вдругъ—печальное извѣстіе, что его не стало. Что же теперь будетъ съ Россіей, думалось мнѣ, всѣ надежды, которыя меня еще утѣшали, оборвались и я сталъ горько рыдать. Въ это время вышелъ ко мнѣ съ печальнымъ лицомъ эскадронный командиръ князь Филиппъ Ивановичъ Жеваховъ. „Скажите Бога ради, обратился я съ рыданіемъ къ нему, что теперь съ нами будетъ?“ „А что будетъ, отвѣчаетъ Филиппъ Ивановичъ, нынѣшній Государь, гуманный и добрѣйшій человѣкъ, постарается заключить миръ“. „Да! миръ! отвѣчаю я, но какой миръ, вотъ вопросъ?“. „Ну, это трудно сказать, ужъ разумѣется не блестящій, Севастополь еще не Россія, слѣдовательно, унывать и отчаяваться не слѣдуетъ, все перемелется и Россія подъ владычествомъ нынѣшняго Императора возродится въ могущественное Государство, пойдемъ ко мнѣ пить чай. „Пошли къ нему, собрались туда же офицеры много говорили о печальномъ извѣстіи.

На другой день собрался въ церкви весь нашъ дивизіонъ гдѣ командиръ дивизіона сообщилъ намъ печальное извѣстіе о смерти Императора Николая. Солдаты плакали, затѣмъ привели насъ къ присягѣ Императору Александру II.

Въ началѣ 1856 г. нашу семью постигло большое несчастіе, скончался нашъ отецъ, это печальное извѣстіе привело меня въ совершенное отчаяніе, а потому я немедленно отправился домой, семью засталъ въ г. Херсонѣ въ большомъ горѣ. Покойный отецъ былъ, какъ я сказалъ выше, сильно контуженъ и раненъ, это контузія и рана отозвались подъ старость, кромѣ этого онъ страдалъ удушіемъ, какъ старый морякъ, сильно горевалъ о Севастополѣ, родномъ городѣ для каждаго моряка, потревожила его также непріятная исторія, случившаяся съ братомъ Егоромъ, котораго мальчика 13-ти лѣтъ, за какую-то шалость

въ корпусѣ снабдили, какъ тогда говорили, теплой одеждой и отправили на родину. Съѣздилъ въ имѣніе, гдѣ особенныхъ безпорядковъ не замѣтилъ, но тѣмъ не менѣе усмотрѣлъ, что строгаго хозяйскаго глаза нѣтъ, а потому въ то же время предвидѣлъ, что мнѣ, какъ старшему въ семьѣ, долго служить не придется.

Въ то время уже шло дѣло къ миру, нѣкоторыя части нашихъ войскъ возвращались изъ Крыма, проходили чрезъ Херсонъ, переправляясь черезъ Днѣпръ изъ Алешекъ Таврической губерніи, нашъ же полкъ оставался еще въ Кишиневѣ, куда я по прошествіи моего кратковременнаго отпуска отправился.

Черезъ нѣсколько времени по моемъ прибытіи, нашъ полкъ двинули форсированнымъ маршемъ въ Подольскую губернію на берега Днѣстра. Мы уже думали, что не съ австрійцами ли что нибудь будетъ, но оказалось, что наше назначеніе было не пропускать черезъ Днѣстръ двинувшихся массами помѣщичьихъ крестьянъ изъ Херсонской и Екатеринославской губерній.

Оказалось, что помѣщичьи крестьяне Херсонской и Екатеринославской губерній массами двинулись къ Днѣпру чтобы, перейти въ Таврію, между ними пронесся нелѣпый слухъ, что у моста черезъ Днѣпръ стоитъ зеленая палатка, въ которой ожидаетъ ихъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, который объявляетъ крестьянамъ волю и раздаетъ грамоты на землю и что, если кто либо изъ крестьянъ не явится, то такого припечатаютъ; при этомъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ курьезовъ: собираются крестьяне, приходятъ къ своему помѣщику, у котораго спрашиваютъ, что имъ дѣлать? что вышелъ указъ всѣмъ имъ идти въ Таврію, жаль намъ васъ, говорятъ крестьяне, вы намъ были добрый панъ, а треба идти; какъ ни увѣрялъ ихъ помѣщикъ, что это все пустые, нелѣпые слухи, но ничего не помогло. Отвѣчаютъ: „Кажуть якъ не пидемо, то усихъ припечатаютъ", на другой день все село двинулось.

Были и такіе случаи: крестьяне уходятъ, за ними ѣдетъ помѣщикъ, очень дружно продолжаютъ путь, затѣмъ крестьяне спрашиваютъ помѣщика,—якъ же воно буде, пане, тамъ въ Тавріи? „И тамъ я буду съ вами", отвѣчаетъ помѣщикъ. „Гмъ! чешутъ затылокъ крестьяне; по этому дѣлу выходитъ що мы и тамъ будемъ ваши?"—„А то чьи?" Опять чешутъ затылокъ, затѣмъ одинъ изъ коноводовъ командуетъ: „хлопцы, вертаемся назадъ", и такимъ образомъ возвращаются обратно.

Принятыя правительствомъ энергичныя мѣры остановили движеніе, всѣ крестьяне возвратились, насколько помню, по занимаемой нашимъ полкомъ линіи попытокъ движенія крестьянъ черезъ Днѣстръ не было.

Считаю нужнымъ упомянуть, что въ нашемъ имѣніи и вообще въ Херсонскомъ уѣздѣ было совершенно покойно.

Въ Подольской губерніи нашъ полкъ простоялъ до осени, затѣмъ возвратился на прежнія стоянки въ военныхъ поселеніяхъ Ново-Бугскаго округа.

Еще въ Кишеневѣ нашъ полковой командиръ Гестферъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ бригады, полкъ сдалъ вновь назначенному командиромъ полковнику Штакельбергу; командиромъ бригады послѣ генерала Комара былъ у насъ генералъ Козловскій, впослѣдствіи командиръ пѣхотной дивизіи.

Командиромъ Нассаускимъ уланскимъ полкомъ былъ полковникъ Радекъ, Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ графъ Алопеусъ, Ахтырскимъ гусарскимъ полковникъ Сальковъ.

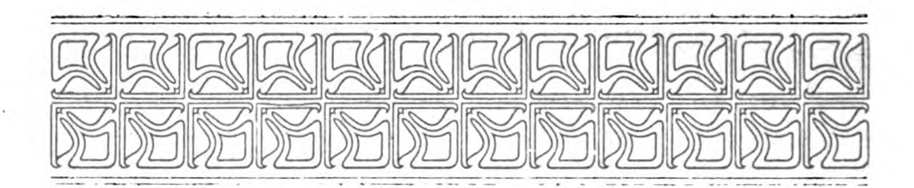
Командирами дивизіоновъ нашего полка были: 1-го полковникъ Оприца, 2-го подполковникъ Бакаевъ, 3-го полковникъ Блюмъ и 4-й полковникъ Ржонсницкій.

Командиры эскадроновъ были ротмистры: 1-го Лишинъ, 2-го Григорьевъ, 3-го Редингъ, 4-го Роговскій, 5-го Жилинскій, 6-го Эрбергъ 7-го князь Жеваховъ принялъ отъ раненаго Сокольскаго и 8-го Рузи.

Въ этомъ году Александрійскій и Ахтырскій гусарскіе полки были отчислены отъ нашей 5-й дивизіи, а вмѣсто ихъ поступили въ нашу дивизію Веймарскій и Лейхтенбергскій гусарскіе полки.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1857 года неожиданно я получилъ извѣстіе о смерти въ Петербургѣ нашего двоюроднаго дяди, тайнаго совѣтника Аѳанасія Аѳанасьевича Гунаропуло, бывшаго губернатора Бѣлостокской области, послѣ котораго осталось значительное состояніе, къ которому мы совмѣстно съ другими семьями нашихъ родныхъ дядей являлись наслѣдниками, а потому для предъявленія правъ нашей семьи и утвержденія въ правахъ наслѣдства я немедленно отправился въ С.-Петербургъ.

М. Гунаропуло.



Воспоминанія студента Кіевской духовной академіи [1]).

Пятый курсъ.

(1827—1831 г.).

Николай Миткевичъ, воспитанникъ Черниговской семинаріи, въ монашествѣ Григорій. Магистръ академіи, съ 23 октября 1831 года баккалавръ; съ 14 октября 1833 года инспекторъ и профессоръ богословскихъ наукъ Казанской семинаріи; съ 23 іюля 1836 года инспекторъ Кіевской академіи; съ 24 декабря 1837 года ректоръ Ярославской семинаріи, затѣмъ архіепископъ калужскій. Въ Калугѣ епископомъ онъ былъ очень долго съ 1851 по 1869 годъ, что на одной епархіи рѣдкость.

Архіепископъ Григорій отличался строгостью жизни и не меньшей строгостью въ административномъ отношеніи, за что одинъ изъ учениковъ семинаріи, обиженный имъ, въ день Вознесенія во время совершенія Григоріемъ литургіи въ Лаврентьевскомъ монастырѣ (въ г. Калугѣ), ударилъ его подковой въ високъ. Къ счастью, Владыка получилъ только небольшое пораненіе.

Я съ архіепископомъ Григоріемъ лично хорошо былъ знакомъ. По его представленію я Святѣйшимъ Синодомъ былъ лишенъ званія архимандрита и монашества въ 1872 году. Когда я 28 августа, въ самый день выслушанія указа Св. Синода о лишеніи меня духовнаго званія, явился къ Григорію, онъ меня принялъ, окруженный своими келейниками.

Со времени удара, полученнаго имъ отъ семинариста, онъ боялся всѣхъ лицъ, представлявшихся ему. Когда я ему покло-

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1917 г.

нился въ ноги, Григорій сказалъ:—Зачѣмъ вы кланяетесь, вы уже не нашъ.

Я ему отвѣтилъ:—Хотя я и паршивая овца, но вашего стада. Григорій тогда могъ бы принять участіе въ моемъ положеніи, но онъ послѣ нанесеннаго ему оскорбленія относился ко всѣмъ совершенно равнодушно.

Въ послѣдствіи времени я велъ съ нимъ переписку по вопросу о Оптинской пустыни. Но объ этомъ будетъ помѣщено въ моей автобіографіи.

Надо еще сказать, что Григорій былъ очень красивъ, лицо его было очень типично и носило на себѣ слѣды архіерея-подвижника.

Скончался архіепископъ Григорій въ 1874 или 75 году.

Иванъ Петровичъ Максимовичъ, воспитанникъ Кіевской семинаріи; магистръ академіи; былъ профессоромъ Кіевской духовной семинаріи, съ 17 августа 1836 года баккалавръ, а съ 1 марта 1848 года ординарный профессоръ академіи по еврейскому языку.

Иванъ Петровичъ преподавалъ намъ, студентамъ, еврейскій языкъ и былъ помощникомъ библіотекаря. Кромѣ еврейскаго языка преподавалъ намъ еще библейскую археологію. Зналъ свой предметъ основательно и преподавалъ намъ очень интересно. Извѣстенъ онъ былъ и тѣмъ, что обладалъ замѣчательнымъ остроуміемъ, что иногда и обнаруживалъ во время своихъ уроковъ.

Скончался въ 1861 году.

Изъ этого пятаго курса былъ еще епископъ Вассіанъ (свѣтское имя я не помню), онъ былъ ректоромъ Черниговской семинаріи. Со мной лично былъ знакомъ, передавалъ мнѣ свою фамилію, но мною она забыта. Отъ ректорства по ограниченности своихъ способностей былъ уволенъ. Затѣмъ былъ настоятелемъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ. Назначенъ былъ епископомъ пермскимъ и скончался въ этомъ званіи на Пермской каѳедрѣ.

Шестой курсъ.
(1829—1833).

Петръ Семеновъ Арсеневъ, воспитанникъ Воронежской семинаріи, въ монашествѣ Ѳеофанъ. Магистръ академіи. Изъ баккалавровъ нѣмецкаго языка, съ 3 марта 1836 года, баккалавръ философскихъ наукъ; съ 22 октября 1839 года экстраординарный профессоръ, съ 1845 года ординарный профессоръ. Съ 1836 года состоялъ адъюнкомъ по каѳедрѣ философіи въ университетѣ Св.

Владиміра, гдѣ продолжалъ преподаваніе и по поступленіи въ монашество, которое принялъ 11 октября 1844 года. 16 іюля 1846 года возведенъ въ санъ архимандрита, съ 31 декабря 1846 года инспекторъ академіи. Заболѣвъ чахоткой, онъ просился въ Римъ и въ мартѣ 1850 года уволенъ былъ по прошенію отъ академической службы и опредѣленъ настоятелемъ при посольской церкви въ Римѣ.

Архимандритъ Ѳеофанъ замѣчателенъ какъ увлекательный философъ. Когда онъ преподавалъ свои лекціи въ университетѣ Св. Владиміра, то его уроки особенно по психологіи такъ увлекали студентовъ, что его послѣ лекціи выносили на рукахъ на подъѣздъ.

Я его видѣлъ проповѣдующимъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. Онъ былъ очень худой, сильно близорукъ, носилъ очки. Видъ его былъ симпатичный.

Замѣчателенъ Арсеній еще и тѣмъ, что съ его поступленія въ начальники миссіи, архимандритъ сталъ носить не фраки и сюртуки, а рясы. Ѳеофанъ первый заявилъ, при назначеніи его въ миссію, что онъ приметъ назначеніе въ Римъ только тогда, когда ему дозволятъ носить бороду и монашеское одѣяніе. Доложили объ этомъ Императору Николаю I. Императоръ Николай I пожелалъ, чтобы ему лично представили Ѳеофана, и послѣ бесѣды съ нимъ изъявилъ свое соизволеніе на оставленіе рясы за начальниками Римской миссіи.

Скончался Ѳеофанъ въ Римѣ 31 марта 1852 года и погребенъ на кладбищѣ рядомъ съ могилой художника Брюлова.

Съ 1830 года начальство въ Кіевской духовной академіи принялъ Иннокентій (Борисовъ). Сдѣлавшись ректоромъ академіи, по замѣчанію Антонія (Амфитеатрова), бывшаго ректора Кіевской академіи, Иннокентій оказывалъ громадное вліяніе на направленіе академіи. По словамъ Антонія, Иннокентій подорвалъ въ академіи раціонализмъ, бывшій главнымъ направленіемъ среди студентовъ.

Седьмой курсъ.

(1831 - 1835 г.).

Климентъ Муретовъ, воспитанникъ Рязанской семинаріи. Магистръ академіи, въ монашествѣ Дмитрій. Съ 7 октября 1835 г. баккалавръ, а съ 6 сентября 1837 года ординарный профессоръ богословія; съ 4 февраля 1838 года инспекторъ академіи; а съ

24 апрѣля 1841 года ректоръ; съ 23 декабря 1850 года епископъ тульскій, затѣмъ херсонскій, ярославскій, волынскій и снова херсонскій, гдѣ и скончался.

Впервые я съ нимъ познакомился въ Одессѣ. Въ Одессу я пріѣхалъ въ началѣ марта 1866 года и съ разрѣшенія преосвященнаго Димитрія поселился въ архіерейскомъ домѣ. Прожилъ я тамъ до августа мѣсяца; часто съ владыкой участвовалъ въ служеніи литургіи въ соборѣ и слыхалъ его прекрасныя проповѣди.

Преосвященный Димитрій былъ человѣкъ рѣдкой доброты и совершенно нестяжательный. О пребываніи его въ Тульской епархіи я слыхалъ отъ одного моего друга, офицера Платона Александровича Вердеревскаго слѣдующій разсказъ.

Преосвященный Димитрій, будучи тульскимъ епископомъ, освящалъ въ домѣ родственника офицера Платонова церковь. Послѣ освященія храма помѣщикъ предложилъ владыкѣ деньги, но преосвященный Димитрій ихъ не взялъ. Тогда эти деньги въ запечатанномъ конвертѣ положили ему въ карету. Когда Димитрій ѣхалъ отъ помѣщика, нищіе, завидя карету, стали кланяться и просить милостыню. Вмѣсто денегъ преосвященный выбросилъ имъ пакетъ съ деньгами. Нищіе подняли пакетъ, пришли въ село, прямо на барскій дворъ, и разсказали лакеямъ, какъ они просили милостыню, и вмѣсто денегъ баринъ выбросилъ имъ какую-то бумагу. Лакеи узнали въ этой бумагѣ пакетъ съ деньгами, положенный владыкѣ въ карету ихъ бариномъ. Доложили о случившемся помѣщику. Помѣщикъ позвалъ нищихъ, вскрылъ предъ ними пакетъ, показалъ имъ деньги и отдалъ ихъ.

Въ Одессѣ приходилось мнѣ слышать такіе же разсказы объ удивительномъ безкорыстіи и нестяжательности преосвященнаго Димитрія. Это былъ человѣкъ дѣйствительно высокой христіанской жизни.

Нельзя умолчать еще объ одномъ случаѣ. Во время возстанія населенія въ г. Одессѣ противъ евреевъ, преосвященный Димитрій не побоялся выѣхать въ толпу, остановилъ погромъ, за что послѣ іудеи поднесли ему библію на еврейскомъ языкѣ съ приличной надписью.

Скончался онъ 14 ноября 1884 года скоропостижно.

Восьмой курсъ.
(1833 - 1837).

Александръ Аретинскій, воспитанникъ Орловской семинаріи, магистръ академіи, въ монашествѣ Серафимъ; съ сентября 1837 г.

баккалавръ богословскихъ наукъ; съ 19 іюня 1842 года инспекторъ и профессоръ въ Казанской академіи, затѣмъ викарій Кіевской епархіи, а потомъ архіепископъ воронежскій.

Я представлялся преосвященному Серафиму въ 1862 году при перемѣщеніи меня изъ Волынской духовной семинаріи на должность инспектора Смоленской духовной семинаріи. Принятъ былъ имъ очень радушно, участвовалъ въ совершеніи литургіи въ Кіево-Михайловскомъ-Златоверхомъ монастырѣ, по окончаніи которой приглашенъ былъ на обѣдъ. За обѣдомъ присутствовали намѣстникъ Кіево-Печерской лавры Іоаннъ, впослѣдствіи архіепископъ полтавскій и жившій на покоѣ въ митрополическомъ домѣ въ Кіевѣ, Александръ, бывшій епископъ полтавскій. Епископъ Александръ былъ замѣчательный разсказчикъ, онъ во время обѣда разсказами своими заинтересовалъ всѣхъ.

Серафимъ въ послѣдствіи времени сдѣланъ былъ архіепископомъ воронежскимъ, довольно долго управлялъ воронежской паствой и былъ любимъ за свою истинно-христіанскую жизнь.

Достойно замѣчанія и то, что за обѣдомъ прислуживалъ около стола въ качествѣ послушника молодой очень красивый монахъ Филаретъ, изъ гимназистовъ. Затѣмъ преосвященный Серафимъ взялъ его въ Воронежъ, возвелъ тамъ въ санъ епископа. Но не долго Филаретъ провелъ въ этомъ санѣ, такъ какъ скончался раньше Серафима отъ скоротечной чахотки.

Преосвященный Серафимъ былъ очень красивъ собой и очень симпатичный, почему его и въ Кіевѣ и въ Воронежѣ осаждали почитательницы, и онъ по своей мягкости въ характерѣ и вѣжливости въ пріемѣ не могъ отказывать имъ, когда онѣ безъ всякой церемоніи въ разное время дня осаждали его покои.

Такой наплывъ почитательницъ подавалъ поводъ къ разнымъ сплетнямъ о личной жизни преосвященнаго Серафима.

Иванъ Матвѣевичъ Бобровницкій, воспитанникъ Кіевской семинаріи, магистръ академіи; съ сентября 1837 года баккалавръ и съ 19 января 1859 года ординарный профессоръ греческаго языка. Съ 20 ноября 1848 года по 6 ноября 1857 года, а также съ 23 ноября 1861 года по іюнь 1869 года преподавалъ сей языкъ въ обоихъ отдѣленіяхъ.

Иванъ Матвѣевичъ былъ у меня преподавателемъ греческаго языка, преподавалъ очень сухо, вяло и тѣмъ нисколько не располагалъ студентовъ заниматься этимъ предметомъ. Онъ нерѣдко переиначивалъ фамиліи студентовъ, которыхъ вызывалъ къ отвѣту, что вызывало смѣхъ среди студентовъ,

Кромѣ преподавателя Иванъ Матвѣевичъ состоялъ секретаремъ редакціи „Воскреснаго Чтенія“, издававшагося тогда при Кіевской академіи.

Разъ посылая одного изъ моихъ товарищей съ посылкой на почту за полученіемъ денегъ, когда дѣло дошло до подписи, съ важностью сказалъ: „пишите ста-а-тскій совѣтникъ“. Тогда этотъ чинъ былъ очень важный, такъ какъ въ то время чины давались очень медленно и чинъ статскаго совѣтника трудно было получить въ академіи.

Иванъ Матвѣевичъ былъ женатъ на Орловой, дочери кіевскаго протоіерея, моей хорошой знакомой. Въ послѣдствіи времени дочь Ивана Матвѣевича вышла замужъ за доцента Кіевской академіи Лошкарева.

Николай Проценко-Михайловъ, воспитанникъ Черниговской семинаріи.

Въ то время лучшимъ черниговскимъ семинаристамъ къ ихъ фамиліи прибавляли фамилію Михайловъ.

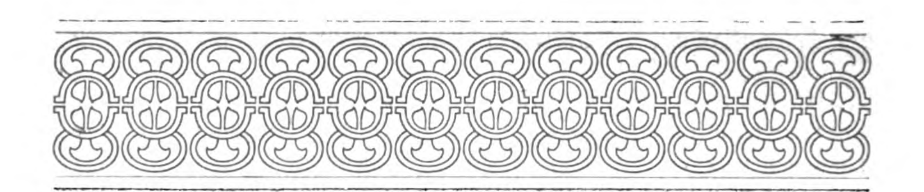
Это дѣлали потому, что Михаилъ (Десницкій), епископъ черниговскій, впослѣдствіи митрополитъ петербургскій, оставилъ для черниговскихъ семинаристовъ при Кіевской академіи деньги, изъ которыхъ нѣкоторымъ давали стипендіи съ прибавленіемъ къ его фамиліи Михайловъ.

Проценко-Михайловъ былъ моимъ преподавателемъ въ Черниговскомъ духовномъ училищѣ. Это былъ человѣкъ очень умный, очень даровитый и дѣльный знатокъ своего предмета. Читалъ онъ намъ философскіе предметы очень интересно, особенно насъ заинтересовалъ философіей. Мы, ученики, охотно изучали его лекціи. Онъ также преподавалъ и латинскій языкъ.

Впослѣдствіи Проценко-Михайловъ принялъ санъ священства, былъ священникомъ при Черниговскомъ богоугодномъ заведеніи. Скончался онъ въ Черниговѣ въ своемъ домѣ.

Сообщ. **А. М. Чижевскій.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



Дневныя записки генерала Патрика Гордона [1]).

(Продолженіе).

18 іюня прибыли изъ Польши купцы, увѣрявшіе, что сеймъ закончился и постановилъ вести войну съ турками со всѣми силами; что гарнизонъ Каменца усиленъ татарскимъ конвоемъ и тремя пашами со всѣми необходимыми припасами; что паша Силистріи имѣетъ главное начальство надъ всею турецкою арміею, которая въ этомъ году должна дѣйствовать противъ Польши, и что при ней находится также ханскій сынъ; что татары изъ Каменца весьма часто въ тайнѣ дѣлаютъ набѣги на деревни въ Украйнѣ и жителей частью убиваютъ, частью уводятъ съ собой въ плѣнъ, со всѣмъ ихъ имуществомъ. Они же сообщили, что польскіе начальники съ войсками стоятъ у Заслава; что за бочку ржи, которая на одну треть меньше кіевской, платятъ 6 гульденовъ шиллингами, полагая по три доброю монетою на гульденъ.

19 числа я писалъ г. Виніусу, Захарію Бабину и Ивану Бирину, съ стрѣльцомъ изъ полка Семена Капустина.

Вечеромъ я получилъ письма отъ католическихъ священниковъ и отъ г. Гуаскони изъ Москвы.

20 числа прибылъ полковникъ Битоевскій. Стрѣлецъ, выдававшій себя за царскаго комнатнаго прислужника, былъ привлеченъ къ суду. Онъ уже положилъ голову на плаху, какъ былъ помилованъ и наказанъ только кнутомъ.

21 числа былъ посланъ на развѣдку Михаилъ Сусловъ.

[1]) См. „Рускую Старину“ февраль 1917 г.

22 числа я распредѣлилъ работы по постройкѣ моста между полками. Мой полкъ состоялъ изъ 432 человѣкъ; полкъ отборныхъ солдатъ изъ 830 человѣкъ, полкъ Вохина изъ 478 чел., Озерова изъ 498, Голицына изъ 409 чел. и Капустина изъ 409 чел., весь же гарнизонъ изъ 3.056 человѣкъ.

23 числа въ день св. Іоанна мы отправились въ поле.

24 числа прибылъ думный дворянинъ Иванъ Степановичъ Телепневъ, а вечеромъ оба дьяка Никита Θедоровичъ Полунинъ и Левъ Никифоровичъ Нечаевъ.

25 числа прибыли въ Кіевъ оба сына гетмана и различные офицеры, имѣя съ собою около 1.000 человѣкъ конницы, большая часть которыхъ была помѣщена въ Печерскомъ.

26 числа я отправился на островъ осмотрѣть лошадей.

27 числа тѣло умершаго стародубскаго полковника Симеона, сына гетмана, было перевезено на лодкѣ по сю сторону Днѣпра, гдѣ братья покойнаго и полковники, вмѣстѣ съ другими лицами, вышли навстрѣчу гробу и сопровождали оный до Хрестецкаго извоза; тутъ ожидали ихъ архимандритъ и настоятели съ прочимъ духовенствомъ. При этомъ были также въ нарядѣ 800 мушкетеровъ, съ восемью знаменами, по четыре на каждой сторонѣ, среди которыхъ шествіе двинулось къ Печерскому храму, гдѣ послѣ обѣдни была сперва произнесена проповѣдь, послѣ оной отслужена панихида, затѣмъ тѣло умершаго предано землѣ, рядомъ съ тѣломъ его сестры. Сынъ умершаго, лѣтъ 4-хъ скончавшійся незадолго передъ этимъ, былъ привезенъ вмѣстѣ съ отцомъ и похороненъ съ нимъ одновременно. Каштелянъ, вмѣстѣ съ полковниками и другими офицерами, отправились присутствовать при панихидѣ умершаго. Проводивъ прахъ до самой могилы, они послѣ пошли въ домъ гетмана, гдѣ былъ поминальный обѣдъ.

Я имѣлъ объясненіе съ каштеляномъ.

29 числа, въ день Св. Петра и Павла, который также былъ днемъ ангела молодого Царя, окольничій устроилъ пиръ. При возглашеніи здравія Царя стрѣляли два раза изъ 25 пушекъ, а затѣмъ были даны по два выстрѣла изъ 12 орудій, при возглашеніи здравія членовъ царскаго семейства и потомъ еще по два выстрѣла изъ 6 орудій, когда пили здоровье гетмана и царскихъ слугъ. Сыновья гетмана съ полковниками, присутствовавшими при этомъ, порядочно выпили и остались ночевать въ Броварахъ. 4 полковника съ генералъ-адъютантомъ остались чтобы присутствовать, хотя и безъ права голоса, при выборѣ кіевскаго митрополита.

1 іюля пришелъ ко мнѣ думный дворянинъ и посовѣтовалъ не настаивать долѣе объ увольненіи на родину, обѣщая при этомъ, что онъ самъ будетъ хлопотать и заботиться, чтобы я былъ удовлетворенъ по моему желанію. Я получилъ письма изъ Москвы.

2 числа собралось духовенство ближайшихъ мѣстъ, чтобы присутствовать при выборѣ митрополита.

3 числа прибылъ мой зять.

4 числа прибыли мои люди изъ Москвы. Письма были получены перваго числа отъ слѣдующихъ лицъ: г. Меверелля отъ 24 февраля 1685 г. изъ Лондона; г. Даніэля изъ Риги отъ 26 марта и 2 марта; полковника Гордона изъ Ганновера отъ 12 декабря 1684 г.; г. Гартмана изъ Москвы отъ 21 декабря 1685 года; г. Гуаскони изъ Москвы отъ 29 апрѣля и 10 іюня; г. Виніуса отъ 2 іюня: голландскаго резидента отъ 29 мая и 5 іюня; Петра Шмидта отъ 29 апрѣля и 20 іюня; П. Боя отъ 10 іюня: полковника Менгдена отъ 10 іюня; г. Шлатера отъ 12 іюня; г. Тройена отъ 11 іюня; полковника Гамильтона изъ Сѣвска отъ 26 іюня; полковника Ронаэра отъ 26 іюня и, наконецъ, письма съ комплиментами отъ многихъ русскихъ дворянъ отъ различныхъ чиселъ.

5 числа я съ многими другими присутствовалъ на празднествѣ у полковника Сергѣя Ѳедоровича Головцына.

(Оставленъ пробѣлъ для 6-го числа).

7 числа я ѣздилъ на покосы. Въ этотъ же день вытащили якорь у моста и опять его уронили.

8 числа послѣ нѣсколькихъ собраній для избранія новаго митрополита, выборъ палъ большинствомъ голосовъ на князя Четвертинскаго, епископа Луцкаго. Этотъ епископъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ бѣжалъ изъ Польши, будучи, по его словамъ преслѣдуемъ ради его религіи; его хотѣли принудить перейти въ унію. Онъ привезъ съ собою лучшее домашнее имущество, приборы, серебро, сервизы, одежду и цѣлый рядъ прислуги. Проживъ нѣкоторое время въ Козельскѣ онъ обратился къ гетману, и послѣдній, по его просьбѣ, писалъ въ Москву, послѣ чего епископъ получилъ дозволеніе пріѣхать въ Батуринъ. Тутъ онъ получалъ небольшое годовое содержаніе (хотя тѣ, которые ему оное производили, считали таковое довольно значительнымъ). Многіе считали своею обязанностью доставить этому епископу приличное мѣсто, такъ какъ онъ искалъ убѣжища въ Россіи. Поэтому явилось предложеніе избрать его митрополитомъ кіевскимъ. Послѣдній до сего времени былъ подчиненъ патріарху констан-

тинопольскому, назначался и посвящался имъ. Епископъ луцкій требовалъ только свободнаго исповѣданія своей вѣры, не предъявляя какихъ-либо притязаній на повышеніе или болѣе важную должность. Тѣмъ временемъ онъ, однако, позволилъ себя склонить на принятіе сана митрополита, съ условіемъ, что будетъ назначенъ и посвященъ въ тотъ санъ патріархомъ московскимъ, а не константинопольскимъ. Онъ привелъ въ пользу этого нѣсколько основаній, которыя, однако, не пожелалъ сдѣлать общеизвѣстными, чтобы не вызвать какихъ-либо неудовольствій и столкновеній. Онъ, между прочимъ, высказалъ, что патріархи константинопольскіе уже съ давнихъ поръ и, въ особенности въ настоящее время, виновны, въ симоніи; что нѣкоторые находятся въ числѣ враговъ христіанства, къ которымъ поэтому нельзя съ увѣренностью и свободно обращаться: по меньшей мѣрѣ ему извѣстно, что вселенскіе патріархи, во время ихъ пребыванія въ Москвѣ въ 1660 и 1667 годахъ, дали письменное уполномочіе московскому патріарху или царю въ томъ, что московскій патріархъ, въ случаѣ нужды и когда не послѣдуетъ ущерба Церкви, можетъ назначать и посвящать во всѣ духовныя должности, не сносясь съ патріархомъ константинопольскимъ и не извѣщая его объ этомъ. Тѣмъ не менѣе и несмотря на настоятельныя просьбы и представленія гетмана, вопросъ этотъ оставался долго неразрѣшеннымъ въ Москвѣ, и только позднѣе на это изъявили согласіе. Было учреждено поэтому собраніе (или синодъ), на которое кромѣ настоятелей и игуменовъ кіевскихъ, были приглашены и пріѣхали изъ другихъ мѣстъ весьма немногія духовныя лица того же званія: просто собрались священники въ небольшомъ числѣ. Архіепископъ черниговскій также былъ приглашенъ, но не далъ никакого отвѣта и не пріѣхалъ, хотя его и ждали. Причиною этому были преимущественно настоянія присланныхъ отъ гетмана лицъ. Архимандритъ Печерскаго монастыря подалъ заявленіе о томъ, чтобы исключеніемъ себя изъ зависимости константинопольскаго патріаршества онъ не навлекъ бы какого-либо ущерба привилегіямъ настоятеля Печерскаго монастыря и чтобы сей послѣдній не оказался бы подчиненнымъ кому-либо иному, чѣмъ это было до сего времени. Это предостереженіе не только было записано, но и внесено въ протоколъ этого торжественнаго избранія. Послѣ этого протоколъ былъ подписанъ и посланъ гетману, а духовенство разъѣхалось.

9 числа купцы, прибывшіе изъ Польши, сообщили, что казацкій полковникъ Палѣй съ 300 всадниками прибылъ въ Бѣлую Церковь, чтобы прикрывать прилегающія мѣстности, что онъ

остальныхъ своихъ людей оставилъ въ Рокитномъ и въ узкихъ проходахъ, что гетманъ казаковъ Могила занялъ всѣ проходы и находится въ Немировѣ. Я писалъ въ Москву своимъ друзьямъ, отъ которыхъ получилъ письма, а также въ Сѣвскъ съ дьякомъ Иваномъ Степановымъ Шапкинымъ, а также г. Гартману и разнымъ лицамъ за границею и, наконецъ, г. Джону Бальтусу и маіору Гамильтону.

11 числа отъ людей, прибывшихъ изъ Лабуни, Полоннаго и другихъ мѣстъ, узнали, что гетманъ, полководецъ Яблоновскій, воевода Русскій прибылъ въ Лембергъ и разослалъ приказы, чтобы армія стягивалась къ Гliніаному.

14 числа я ѣздилъ на покосы.

15 числа въ день памяти князя Владиміра, перваго христіанскаго князя Россійскаго, было совершено богослуженіе въ нижнемъ городѣ, въ Братскомъ монастырѣ. Голова князя, пока опасались нашествія турокъ, была торжественно перенесена въ верхній городъ, при чемъ ее несли вокругъ замка: послѣ заключенія мира это уже не совершалось.

16 числа дьякъ Иванъ Степановичъ Шапкинъ уѣхалъ изъ Кіева.

17 числа узналъ, что поляки получили приказаніе стягиваться къ Глиніаному, что казаки также должны идти туда же и что они въ слѣдующій день туда направятся.

18 числа прибылъ Ал... Би... въ Кіевъ и силою заставилъ причалить свои бревна къ пристани. Я приказалъ маіору Корнелію Корету подать каштеляну объ этомъ заявленіе, какъ о поступкѣ несправедливомъ и незаконномъ.

19 числа по означенному дѣлу была подана жалоба, и я имѣлъ объясненіе съ каштеляномъ. Въ тотъ же день каштелянъ праздновалъ именины своего сына и устроилъ пиръ.

20 числа Михаилъ Сусловъ подалъ свое донесеніе. Пріѣхалъ въ Кіевъ доминиканскій священникъ изъ Ченстохова и получилъ разрѣшеніе остаться въ Печерскомъ.

21 числа приступили къ крѣпостнымъ работамъ у Кіевскихъ воротъ. Игуменъ или настоятель, бѣжавшій изъ Луцка, прибылъ въ Кіевъ.

22 числа былъ отправленъ въ Москву съ донесеніями развѣдчиковъ Михаила Суслова, Петра Силинко и помянутаго доминиканскаго священника, которыя всѣ сходились въ томъ, что польская коронная армія стягивается у Глиніанаго, а литовская у Берестечка; что это лѣто четыре паши съ ханомъ крымскимъ должны вторгнуться въ Польшу; что республика не дала своего

согласія на то, чтобы доходы съ Украйны предоставлены были бы казакамъ; что литовцы недовольны и требуютъ жалованья; что Познанскій воевода и различныя другія лица явятся въ качествѣ уполномоченныхъ, чтобы вести переговоры о постоянномъ мирѣ съ Россіею; что Лачинскій и польскіе военно-начальники, региментары съ отрядами войскъ укрѣпились въ Лоховицѣ и что, наконецъ, казаки получили приказаніе двинуться въ Меджибожу, гдѣ и получатъ жалованье и одежду.

23 числа я отправился на луга и приказалъ не заготовлять себѣ болѣе сѣна, потому что было уже накошено на 15 байдаковъ и 15 человѣкъ заготовили до 1.500 кучъ.

24 числа праздновали память двухъ святыхъ Бориса и Глѣба.

25 числа былъ день имeнинъ одной изъ великихъ княженъ. Духовенство собралось въ церкви Св. Софіи для отправленія обычнаго богослуженія и молилось о здравіи и благоденствіи великой княжны.

26 числа у меня обѣдалъ каштелянъ и всѣ главнѣйшія лица гарнизона съ ихъ женами, при чемъ всѣ были очень веселы.

27 числа я былъ боленъ отъ кутежа прошедшаго дня (Pochmiele).

28 числа было очень жарко, а 29 была необычайная жара.

30 числа пріѣхали два священника изъ Польши съ извѣстіемъ, что польская армія собралась у Глиніанаго и намѣревается напасть на Баръ и Меджибожъ; что никакіе турки или татары въ Украйнѣ не появлялись; что ханъ со всѣми татарами двинулся въ Венгрію.

31 числа я получилъ обратно письма, отправленныя мною 5-го мая моимъ друзьямъ въ Шотландію съ купцомъ въ Данцигъ, потому что купецъ, узнавъ, что можно продать юфть дороже въ Силезіи, нежели въ Данцигѣ, поѣхалъ въ Силезію. Волкъ разорвалъ на островѣ молодую кобылу, мнѣ принадлежавшую; я поѣхалъ на островъ осмотрѣть моихъ лошадей.

Доходъ съ кабака за водку, медъ и пиво въ этомъ мѣсяцѣ составилъ 274 рубля.

1-го августа я узналъ, что деньги для выдачи жалованья Кіевскому гарнизону доставлены въ Сѣвскъ. Съ каждаго третьяго байдака на мосту кинули якорь.

2 числа полковникъ Иваницкій просилъ дозволить доминиканскому священнику прибыть въ Кіевъ, чтобы окрестить его сына; аббатъ же этого не разрѣшилъ по той причинѣ, что онъ уже, со своей стороны, писалъ о томъ же гетману и до полу-

ченія отъ послѣдняго отвѣта не можетъ отпустить куда-либо священника.

3 числа явились два запорожскіе казака изъ Сѣчи и сообщили, что донскіе казаки, на малыхъ своихъ судахъ, проникли въ Азовское море, а также и въ Черное, произвели нападанія на турецкія и татарскія земли и причинили значительныя опустошенія. Эти казаки неоднократно приносили въ Москвѣ жалобы на то, что турки изъ Азова и татары причиняютъ имъ всякаго рода обиды, но въ Москвѣ, по ихъ жалобамъ, не только ничего не сдѣлали, но строго воспретили имъ оказывать какія либо непріязненныя дѣйствія въ отношеніи турокъ и татаръ. Казаки не вытерпѣли подъ конецъ и на своихъ малыхъ судахъ проникли въ моря: (Palus Meotis) Азовское и (Euxine) Черное и произвели нападенія на турецкія и татарскія земли, за что турки, въ свою очередь, изъ мщенія напали на Торъ и увели въ плѣнъ 500 человѣкъ. Кромѣ того, крымскій ханъ послалъ къ гетману (кошевому атаману) двухъ лицъ съ жалобою на нарушеніе мира казаками.

4 числа братъ городового судьи Герасимъ Өедоровичъ Фадрина принесъ мнѣ въ закладъ вещи полковника Ритера и просилъ меня выдать подъ нихъ деньги, оставивъ вещи у себя; это была одежда почти вся поѣденная молью.

5 числа бояринъ имѣлъ совѣщаніе съ окольничимъ.

6 числа послѣдовало приказаніе, чтобы подполковники не смѣли ѣздить верхомъ по двору окольничаго.

7 числа имъ прочли приказъ, чтобы они держали караулъ у воротъ.

8 числа я писалъ въ Москву: голландскому резиденту, полковнику фонъ Менгдену, патеру Шмидту и де-Бойе, г. Вяніусу и Шлатеру и г. Подвину, а также Венедикту Андреевичу Змѣеву, Емельяну Игнатьевичу Украинцеву и Бирину; кромѣ того, въ Сѣвскъ: полковникамъ: Гамильтону и Ронаэру, Леонтію Романовичу Неплюеву и Семену Протасьевичу. Солдаты подали просьбу, чтобы домъ ихъ полковника не былъ сломанъ.

9 числа подполковникъ Гильдъ отправился изъ Кіева въ Москву, и офицеры гарнизона провожали его до моста.

10 числа я получилъ письмо отъ полковника Михаила Васильевича изъ Гадяча и узналъ достовѣрно отъ его слуги, что татары выжгли Торъ, разрушили замокъ и увели въ плѣнъ множество лицъ. Я далъ приказаніе сломать большую комнату полковника, потому что печь ея была сломана ранѣе.

11 числа я получилъ извѣстіе, что полковникъ Палѣй отправился къ польскому королю. Я согласился на просьбу солдатъ не ломать большую горницу въ домѣ ихъ полковника, или въ противномъ случаѣ за это пришлось бы уплатить изъ царской казны, такъ какъ, по ихъ словамъ, они выстроили ее изъ собранныхъ съ полка денегъ. Тутъ пришелъ въ домъ окольничаго думный и вступилъ въ сильный споръ съ полковникомъ Левистономъ и со мною, на что я и Левистонъ, на другой день, принесли жалобу окольничему на думнаго.

14 числа мы оба вторично подали жалобу за нашими подписями и требовали, чтобы она была бы отправлена въ Москву.

15 числа, въ день Успенія Божьей Матери, было большое стеченіе народа въ Печерскомъ монастырѣ.

16 числа я получилъ чрезъ капитана письмо отъ правителя Переяславля (штатгальтера?).

17 числа цѣны были: за бочку ржи 18 алтынъ, овса—5 гривенъ и пшена (просо)—20 алтынъ.

18 числа Кіевскій казачій полковникъ получилъ приказаніе оставаться въ Кіевѣ и строго наблюдать, чтобы никакой хлѣбъ зерновой не вывозился въ Польшу.

19 числа получено извѣстіе изъ Москвы о кончинѣ боярина Ивана Михайловича Милославскаго 21 іюня.

20 числа я писалъ съ драгуномъ правителю Переяславля.

22 числа получилъ письмо изъ Москвы отъ Захарія Бабина.

23 числа умерла вдова капитана Космусъ отъ принятаго ею яда. Какъ говорили, у нея нашли немного меркурія; она утромъ толкла его въ ступкѣ и умерла внезапно; черезъ два дня ее предали землѣ.

26 числа въ день именинъ царицы Наталіи Кирилловны я былъ на острову и смотрѣлъ своихъ лошадей.

27 числа окольничій ходилъ по валу и осматривалъ обвалившіяся части его.

28 числа прибылъ изъ Польши скорнякъ и разсказывалъ, что коронная армія стоитъ у Днѣстра, не вдалекѣ отъ Подаеца и туда же направляется и литовская армія, что новыхъ силъ турецкихъ или татарскихъ еще не пребывало въ Украйну и что по слухамъ король находится въ Варшавѣ.

29 числа въ день Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя и день именинъ старшаго изъ царей были отслужены молебствія о здравіи и благоденствіи Его Величества, и затѣмъ все духовенство и прочія знатныя особы были угощаемы правителемъ; при возглашеніи здравія Его Величества и Царскаго семейства стрѣ-

ляли по три раза изъ 15 орудій и затѣмъ еще два раза изъ десяти орудій.

Дворянинъ, имѣвшій письма отъ польскаго гетмана къ казацкому, былъ задержанъ въ Осетрѣ и объявилъ, что поляки устраиваютъ мосты черезъ Днѣстръ, намѣреваясь двинуться противъ татаръ и разграбить Молдавію и Валахію.

30 числа было доставлено свѣдѣніе, что полковникъ въ Гадячѣ и бунчужный посланы гетманомъ произвести разслѣдованіе о смерти его сына. Разсказывали, что при подробномъ разслѣдованіи оказалось много виновныхъ въ томъ, что они околдовали его.

31 числа вода стала снова прибывать въ Днѣпрѣ. Ночью пришло изъ Сѣвска извѣстіе, что правитель 21 числа сего мѣсяца выступилъ и двинулся на Валуйку, гдѣ долженъ происходить размѣнъ плѣнныхъ; что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ везетъ съ собою деньги татарамъ за два года, которыя, согласно мирному договору, должны быть имъ уплачиваемы; что онъ впрочемъ совершенно недоволенъ даннымъ ему порученіемъ или точнѣе данною инструкціею, такъ какъ предоставляется ему все устроить по его усмотрѣнію, что, повидимому, нѣсколько опасно.

20 сентября обѣдалъ у меня Яковъ Өедоровичъ Борзиковскій со своею супругою и другіе мои друзья.. Я писалъ отвѣтныя письма г.г. Меверелю и Гартману и полковникамъ: фонъ-Менгдену, Гамильтону и Ронаэру.

21 числа я получилъ письма и газеты изъ Москвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстіе, что возставшіе въ Англіи и Шотландіи потерпѣли пораженіе и предводители онаго захвачены и казнены. Кромѣ того, я по почтѣ получилъ письмо отъ моего старшаго сына, отъ своего дяди и брата Джона отъ 4 и 5 іюля 1685 г., также отъ моего второго сына Джемса изъ Данцига отъ 30 іюня, съ письмомъ г. Адіе, подъ адресомъ г. Бейе. Я получилъ еще письмо изъ Сѣвска, которымъ меня увѣдомляли о тяжкой болѣзни моего тестя.

Вновь избранный митрополитъ кіевскій, Гедеонъ и Святополкъ князь Четвертинскій, бывшій одно время епископомъ въ Луцкѣ, поѣхалъ изъ Батурина въ Москву, чтобы быть посвященнымъ московскимъ митрополитомъ.

22 числа я посѣтилъ архимандрита и былъ принятъ имъ очень радушно и разговаривалъ съ нимъ. Былъ отправленъ въ Москву капитанъ.

23 числа начали вставлять штурмовые колья въ крѣпостныя укрѣпленія у Кіевскихъ воротъ.

24 числа я послалъ мои сѣвскія письма съ Мирономъ.

25 числа узнали, что полковникъ Палѣй разбилъ отрядъ татаръ въ 500—600 человѣкъ и многихъ изъ нихъ частью убилъ, частью взялъ въ плѣнъ; что императорскія войска одержали побѣду надъ турками и ханъ со своими татарами направился противъ римскаго императора въ Венгрію.

Праздновали память св. Сергія.

26 числа явились купцы изъ Польши и разсказали, что польская армія направляется изъ Усти къ Снятину; что литовская армія также идетъ туда же; что сильный отрядъ конницы будетъ высланъ, но неизвѣстно въ какомъ направленіи и съ какою цѣлью. Подтвердилось также извѣстіе, что полковникъ Палѣй, какъ выше сказано, разбилъ татаръ. Всѣ эти извѣстія я сообщилъ г. Виніусу, въ письмо которому вложилъ также письмо къ г. Адіе и своему сыну Джемсу въ Данцигъ и просилъ его переслать приложенныя письма съ первою почтою.

29 числа укрѣпленія съ лѣвой стороны у Кіевскихъ воротъ были закончены.

30 числа явились купцы изъ Польши и подтвердили движеніе польской и литовской армій. Кромѣ того, они сообщили, что императоръ разбилъ турокъ наголову и рѣшилъ двинуться далѣе въ Венгрію и тамъ стать на зимнія квартиры; онъ писалъ объ этомъ польскому королю, чтобы онъ провелъ свою армію черезъ Молдавію и съ этой стороны сдѣлалъ бы нападеніе на Венгрію; они теперь приступили къ этому согласному движенію. Купцы сказывали также, что полковникъ Палѣй разбилъ вышеупомянутый отрядъ татаръ, между Лоховицею и Янополемъ, такъ что изъ числа 600 человѣкъ взято въ плѣнъ 40 человѣкъ и убѣжало около 30 человѣкъ, всѣ же остальные были убиты; а послѣ этого соединился теперь съ нѣкоторыми эскадронами польской кавалеріи и двинулся къ Каменцу, чтобы воспрепятствовать набѣгамъ гарнизона во время отсутствія арміи.

Я получилъ обстоятельное извѣстіе о пораженіи въ Шотландіи графа д'Аржейля и герцога Монмута въ Англіи и о казни ихъ обоихъ, а также написанные по этому случаю латинскіе стихи:

Sat se iam erutam tenet mature Majestas и далѣе
Rex Argile ambit Scotus, Monmutius Anglus
Esse: perit. Regem qui petit ense suum
Eruto maturo Majestas Anglo pericolo est,
Scote tuo Regi, plaude Britanno tuo.

Надгробная надпись герцогу Монмуту была слѣдующая:

Mutius ense petit regem et Monmutius,errant,
Hic caput inuitus, sponte dat ille manum.

Графу же Аргейлю была составлена слѣдующая надгробная надпись:

Ecce sub argilo jacet hic Argile cruento
Non oculis Argus, sed fraude Argivus Ulysses.

1 октября я получилъ изъ Сѣвска письма съ драгуномъ, которыя три недѣли назадъ были посланы туда. Въ этотъ день былъ праздникъ Покрова Божіей Матери.

2 октября былъ нездоровъ отъ кутежа прошлою ночью.

3 числа писалъ полковникамъ Ронаэру и Гамильтону и Семену Протасьевичу Неплюеву.

4 числа уѣхалъ изъ Кіева капитанъ Кристи, которому я вручилъ мои отвѣтныя письма: голландскому резиденту, на его письмо отъ тридцатаго прошлаго мѣсяца: Мевереллю, Гартману и полковнику фонъ-Менгдену на ихъ письма отъ 20 сентября; моему сыну Джемсу, г. Адіе и Виніусу—на письма отъ 26 ч.; г. Іосифу Вульфу на его письмо отъ 28 сентября и различнымъ русскимъ дворянамъ и друзьямъ, съ просьбою ходатайствовать передъ Ихъ Величествами о разрѣшеніи мнѣ пріѣхать на короткое время въ Москву.

5 числа пришло извѣщеніе, что во всѣхъ польскихъ городахъ, по случаю побѣдъ короля надъ турками, была пушечная пальба и звонили въ колокола; что польскія арміи уже выступили, чтобы отрѣзать Крымскому хану отступленіе на возвратномъ его пути изъ Венгріи; что оба паши, стоявшіе у Цецоры, узнавъ о пораженіи турецкихъ армій и приближеніи къ нимъ арміи польской, отступили и что, наконецъ, императорскія войска заняли, по словамъ однихъ, *Нейзидель*, а по словамъ другихъ также и г. Буду.

Супруга городского судьи, подозрѣвая своего мужа въ близкихъ сношеніяхъ съ одною женщиною, которую онъ недавно выдалъ за служащаго человѣка, и не найдя мужа своего въ церкви за раннею службою, отправилась прямо въ домъ молодыхъ, искать своего мужа и, не найдя его тамъ (потому что онъ дѣйствительно былъ въ церкви, хотя жена его и не видѣла тамъ), приказала двумъ своимъ слугамъ бить молодую до того, что она умерла. Когда же мужъ умершей хотѣлъ похоронить свою жену, то казаки, узнавшіе обо всемъ, ему не дозволили и приставили къ тѣлу покойной стражу, которая должна была стоять до тѣхъ поръ, пока убійцы не будутъ привлечены къ отвѣтственности.

Казаки послѣ этого донесли о происшествіи гетману. Городской судья отправился къ правителю и просилъ назначить ему стражу, дабы казаки, пользуясь его отсутствіемъ (онъ намѣревался ѣхать также къ гетману), не учинили въ его домѣ какого-либо своеволія. Жена же его въ это время скрылась; мужъ ея говорилъ, что не знаетъ, куда она отъ него ушла.

6 числа прибылъ полковникъ Бѣлой Церкви по имени Харитонъ или Харко, послѣ того какъ былъ у короля и просилъ его объ освобожденіи казаковъ отъ всякаго десятиннаго и другихъ сборовъ и податей. Онъ привезъ милостивое письмо и повелѣніе, что казаки ни кому ни малѣйшихъ податей платить не должны.

7 числа узнали, что 30 валахскихъ семействъ строятся пониже Іорданскаго монастыря, на землѣ Кирилловскаго монастыря, съ согласія его настоятеля и что за одинъ пфеннингъ дается 12 до 15, такъ называемыхъ, шиллинговъ мѣдныхъ; о всемъ этомъ писали гетману и просили его разрѣшенія.

8 числа я писалъ въ Шотландію графу Абердину, моему дядѣ, брату Джону и моимъ сыновьямъ по адресу г., Адіе, также г. Мевереллю и ректору коллегіи іезуитовъ, на шотландской сторонѣ города Данцига. Эти письма, а также 300 флор. на содержаніе сына Джемса, въ іезуитской коллегіи въ Данцигѣ, я отправилъ съ кіевскимъ купцомъ по имени Мартынъ Зейтцъ.

Въ тотъ же день я послалъ письма мои въ Шотландію, отъ 5-го числа къ генералу лейтенанту Друммонду, подполковнику Гамильтону, г. Ѳомѣ Гордону съ письмами Вильяма Гордона къ маркизѣ Гунтлей, лэди Питфоддельсъ и священнику въ Ротемэ.

10 числа былъ день смерти первой моей дорогой супруги; я оплакивалъ ее съ глубокимъ и искреннимъ сожалѣніемъ.

11 числа подполковникъ Ал. Цапля напалъ на капитана съ патрулью и разбилъ ихъ.

12 ч. я началъ перевозить сѣно и приказалъ доставить на первый разъ большую копну.

13 ч. было перевезено остальное сѣно, всего до 63 возовъ.

14 числа я приказалъ привести лошадей съ острова. Это былъ день рожденія англійскаго короля, и я, съ прочими земляками, отпраздновалъ его, по обыкновенію, торжественно; мы пили здоровье Его Величества и также прочіе тосты виномъ изъ моихъ собственныхъ виноградниковъ.

15 числа уѣхалъ упомянутый выше купецъ Мартынъ (Зейтцъ) изъ Кіева въ Данцигъ. Въ эту ночь пришелъ лазутчикъ Ми-

хаилъ Сусловъ и доставилъ слѣдующія извѣстія: Польская армія вступила въ Молдавію; при этомъ возникли нѣкоторыя несогласія между обоими полководцами и каждый изъ нихъ шелъ отдѣльно со своею арміею. Коронный и великій маршалъ съ 18.000 человѣкъ лучшаго войска двинулся прямо навстрѣчу непріятелю, татары на него напали, но послѣ перестрѣлки принуждены были отступить. Поляки ихъ горячо преслѣдовали и многихъ убили и взяли въ плѣнъ. Наконецъ, татары заманили ихъ до самой турецкой арміи, которая стояла въ полномъ боевомъ порядкѣ. Турки нѣкоторое время стрѣляли по полякамъ изъ большихъ и малыхъ орудій и, принудивъ, наконецъ, ихъ отступить, стали въ свою очередь ихъ преслѣдовать до самаго лагеря свѣжими войсками, состоявшими изъ турокъ и татаръ, и затѣмъ осадили лагерь поляковъ. Тѣмъ временемъ польскій коронный маршалъ далъ объ этомъ знать подчиненнымъ ему начальникамъ, а также и въ литовскую армію и просилъ ихъ помощи. Татары же совсѣмъ неожиданно подошли къ лагерю короннаго польскаго маршала и угнали большую часть лошадей его. Въ Лембергѣ и другихъ городахъ, при трубныхъ звукахъ, объявили, чтобы все дворянство вооружалось и собиралось выступить съ королемъ на помощь великому коронному маршалу. Въ Кіевѣ эти извѣстія доставили большое удовольствіе и были въ тотъ же день сообщены въ Москву съ особымъ гонцомъ. Сусловъ сказывалъ, что онъ эти извѣстія получилъ въ Лабуни отъ слугъ полковника Лазинскаго, прибывшихъ за продовольствіемъ изъ арміи, а также узналъ о нихъ въ Лембергѣ.

16 числа прибылъ казакъ изъ Немирова въ 8 дней и разсказалъ, что гетманъ Могила 4 числа сего мѣсяца, со своими казаками, числомъ 5.000 человѣкъ, двинулся изъ Немирова къ арміи и что онъ ровно ничего не слыхалъ о томъ, что сообщилъ Сусловъ. Купецъ изъ Бѣлой Церкви Александеръ прибылъ въ Кіевъ и повторилъ то же самое.

17 числа прибыли изъ Полоннаго казаки съ тѣми же извѣстіями.

18 числа пріѣхали казаки изъ Острога и разсказали, что два валаха, прибывшіе изъ Лемберга, присоединились къ нимъ на пути, ночевали съ ними вмѣстѣ двѣ ночи и разсказывали, что во время ихъ пребыванія въ Лембергѣ, при трубныхъ звукахъ, было объявлено, что все дворянство должно собраться, двинуться на помощь великому коронному маршалу, осажденному въ Молдавіи турками и татарами.

Сусловъ, будучи человѣкомъ, который за деньги хорошо служитъ, былъ снова отправленъ добывать свѣдѣнія и ожидать конца предпринятаго поляками дѣла.

19 числа были выведены нѣкоторые плоты изъ моста и сдѣланы всѣ приготовленія, чтобы на другой день его развести.

20 числа мостъ былъ разведенъ и всѣ якоря до послѣдняго вытащены изъ воды.

21 числа прибыло много повозокъ, но возчики ничего не слыхали о всемъ томъ, что разсказалъ Сусловъ. Я приказалъ также вытащить якоря изъ Черторoя. На мосту въ этомъ году было 44 якоря. Кромѣ этихъ, имѣлись еще 101 якорь и 7 полуякорей, у которыхъ были сломаны лапы; всего имѣлось 146 якорей и 7 полуякорей.

16 ноября маіоръ Коретъ приказалъ окрестить своего ребенка и оставилъ католическаго священника къ обѣду. Я получилъ письма и газеты изъ Москвы отъ голландскаго резидента и отъ г. Виніуса.

17 ноября сынъ полковника Иваницкаго былъ крещенъ, и я вмѣстѣ съ другими офицерами у него обѣдалъ.

18 числа я и прочіе офицеры обѣдали у полковника Левистона, а 19-го католическій священникъ отправился въ Печерскій.

20 числа по новому стилю былъ уже праздникъ Св. Андрея, который иноземные офицеры праздновали должнымъ образомъ.

22 числа иноземные католическіе офицеры исповѣдывались, причащались Св. Таинъ и затѣмъ всѣ вмѣстѣ у меня обѣдали.

23 числа означенные офицеры слушали проповѣдь. Ребенокъ Брескаго былъ крещенъ.

24 ч. католическіе офицеры обѣдали у меня и затѣмъ уѣхали. Я приказалъ ихъ проводить четыремъ рейтерамъ миль пять. Отъ патера Маковіуса я получилъ обстоятельное свѣдѣніе о положеніи поляковъ въ отношеніи турокъ и татаръ, такъ какъ онъ находился все время въ Польшѣ. По его словамъ, поляки получили извѣстіе о великой побѣдѣ, одержанной императорскими войсками надъ турками при Стригоніумѣ, а также о занятіи Нейзиделя. Поляки, находясь при устьѣ Віески, гдѣ, устроивъ мостъ въ три недѣли, ожидали тщетно прибытія литовской арміи, которая, имѣя хорошую стоянку въ Волыни, не спѣшила подходить. Татары не могли явиться изъ Крыма въ большомъ числѣ, потому что донскіе казаки, нарушивъ съ ними миръ, угрожали вторгнуться въ Крымъ. Поляки хорошо сдѣлаютъ, если вступятъ въ Валахію, чтобы этимъ сдѣлать диверсію туркамъ. Валахи отпра-

вили различныхъ посланныхъ, чтобы заувѣрить польскихъ военноначальниковъ, что татары имѣютъ не болѣе 10.000 человѣкъ; что сераскиръ паша, при себѣ имѣя только одну или двѣ тысячи человѣкъ, стоитъ съ ними при Цецорѣ и не отваживается подойти ближе къ Каменцу. Валахи же очень склонны соединить свои войска съ польскими, чтобы противостоять общему врагу и уничтожить его. Союзники часто настаиваютъ, чтобы поляки предприняли что-либо и не пребывали бы въ бездѣйствіи, въ то время какъ союзники ихъ одерживаютъ побѣды. Все это побудило короннаго маршала рѣшиться на вторженіе въ Валахію или скорѣе въ Молдавію, а потому онъ послалъ сказать литовской арміи, пришедшей уже въ Подолію, оставивъ Паша съ 16 ротами польской конницы, чтобы она прикрывала страну. Когда же она дошла уже до Снятина, то фельдмаршалъ Потоцкій, каштелянъ Краковскій, проявилъ о желаніе идти далѣе, а потомъ и совсѣмъ отъ этого отказался. Коронный же маршалъ Яблоновскій двинулся черезъ Буковину (большой лѣсъ или дикое мѣсто, которое тянется вдоль рѣки Прута на юго-западъ). Пройдя Буковину, поляки оставили свою пѣхоту и повозки и съ одною кавалеріею двинулись впередъ, но недалеко ушли, потому что 1-го октября нов. стиля на нихъ напали татары. Поляки ихъ, однако, разбили и даже преслѣдовали, но недалеко, потому что стали появляться турки. Видя значительное число непріятелей, поляки стали отходить къ своей пѣхотѣ, въ сторонѣ вала (Walles). Отъ плѣнныхъ и другихъ лицъ поляки узнали, что тутъ находится самъ ханъ съ 10.000 человѣкъ, а также и сераскиръ съ 20.000 человѣкъ и что послѣдній послалъ съ наивозможною поспѣшностью за своимъ сыномъ, который съ 20.000 человѣкъ кавалеріи направлялся въ Венгрію и его ожидали съ часу на часъ. Непріятели имѣли хорошія свѣдѣнія о движеніи поляковъ и побудили населеніе теперь возстать и напасть на поляковъ и преградить имъ отступленіе лѣсомъ (Буковиною). Поляки теперь увидѣли свою ошибку и поняли, что были нѣкоторымъ образомъ введены въ заблужденіе. Они рѣшили отступать въ вагенбургѣ, въ хорошемъ порядкѣ и притомъ какъ можно скорѣе; это они выполнили съ большимъ мужествомъ и при хорошемъ предводительствѣ. Турки и татары преслѣдовали ихъ почти по пятамъ и не разъ производили отчаянныя на нихъ нападенія, въ надеждѣ прорвать вагенбургъ, но всякій разъ были отражены стойкостью и храбростью польской пѣхоты, при чемъ терпѣли большія потери отъ картечныхъ выстрѣловъ. Два раза турки въ различныхъ мѣстахъ почти что про-

рвались чрезъ вагенбургъ. Польская пѣхота въ одномъ отдѣлѣ накинулась на повозки маркитантовъ и не обращая вниманія на совѣты офицеровъ, предалась пьянству, пока не появились польскіе всадники и поразбили бочки съ виномъ; тѣмъ не менѣе многіе были уже до того пьяны, что ихъ уволокли по землѣ между лошадьми. Въ это самое время турки съ этой стороны сдѣлали смѣлое нападеніе и если бы въ это мѣсто не подошла скорая помощь, конечно, прорвались бы и уничтожили бы вполнѣ поляковъ. При этомъ, тѣмъ не менѣе, было убито болѣе ста человѣкъ пьяныхъ солдатъ. Въ другой разъ казаки, разъѣзжая по сторонамъ, слишкомъ далеко заѣхали и подверглись нападенію турокъ, которые обратили ихъ въ бѣгство. Всѣ бы казаки погибли при этомъ, если бы къ нимъ не подоспѣли на помощь нѣсколько ротъ литовской пѣхоты. Тѣмъ не менѣе ихъ полковникъ Грицько былъ взятъ въ плѣнъ и до 200 казаковъ было убито. Цѣлыхъ двѣ недѣли обѣ стороны постоянно вели перестрѣлку, въ которой турки и татары теряли гораздо болѣе христіанъ; послѣдніе были очень осторожны и постоянно подвигались въ своемъ вагенбургѣ, имѣя всегда удобные случаи поражать враговъ своихъ изъ пушекъ, гранатами и ружейною стрѣльбою. Въ трехъ миляхъ отъ Снятина поляки, постоянно преслѣдуемые турками, были встрѣчены, оставленными ими, своими земляками. Поляковъ было не болѣе 15.000 человѣкъ и 3.000 человѣкъ стояли въ Снятинѣ, подъ начальствомъ помощника полководца, къ которому подъ конецъ подошли нѣсколько ротъ литовскихъ войскъ. Ханъ отправилъ сына своего съ 20.000 татаръ опустошить въ конецъ Волынь и Подолію, начиная съ Острога; онъ выгналъ изъ всѣхъ деревень всѣхъ жителей и животныхъ, оставивъ только однѣхъ свиней, которыхъ магометане не касаются и не дѣлаютъ изъ нихъ никакого употребленія. Послѣ этого польская армія, не предпринимая ничего, расположилась на зимнія квартиры.

Я получилъ еще извѣщеніе, что польскій посланникъ воевода Познанскій съ другимъ изъ Литвы и римско-императорскій посланникъ находятся на пути въ Москву и должны всѣми мѣрами и способами стараться подвигнуть русскій дворъ на союзъ съ ихъ дворами, противъ враговъ христіанства.

Въ этотъ день у русскихъ—день Св. мученицы Екатерины—я былъ приглашенъ къ окольничему и вернулся порядочно навеселѣ домой.

25 ноября я былъ цѣлый день очень нездоровъ отъ кутежа минувшимъ вечеромъ. Съ драгуномъ я получилъ письма изъ

Сѣвска отъ правителя Леонтія Романовича Неплюева, отъ стольника Семена Протасьевича Неплюева и отъ полковника Ронаэра, Гамильтона и Скотта.

26 числа солдаты получили полугодовое жалованье, а судья казацкихъ войскъ прибылъ въ Кіевъ съ кіевскимъ полковникомъ для разслѣдованія по жалобѣ на городового судью и его жену.

27 числа судья и всѣ должностныя лица имѣли засѣданіе по означенному дѣлу: выслушивали стороны, разспрашивали ихъ и, признавъ виновными и городового судью и его жену, приговорили ихъ къ тюремному заключенію, чѣмъ судья остался доволенъ. Онъ былъ взятъ подъ стражу изъ казаковъ, въ ратушу.

28 числа за пять часовъ до разсвѣта пріѣхалъ изъ Москвы одинъ изъ моихъ стрѣльцовъ и привезъ мнѣ повелѣніе пріѣхать въ Москву. Я также получилъ извѣстіе о смерти подполковника Гильда, умершаго сего 14 октября и погребеннаго 20 числа, со всевозможнымъ, для нѣмецкой свободы въ Москвѣ, великолѣпіемъ.

29 числа вечеромъ пришелъ ко мнѣ правитель со всѣми полковниками, послѣ санной поѣздки, и мы довольно порядочно выпили.

30 числа я ѣздилъ на охоту, которая была очень удачна.

1 декабря ѣздилъ въ Печерскій монастырь, простился съ архимандритомъ, простоялъ обѣдню и обѣдалъ у архимандрита, очень хорошо меня угостившаго.

2 декабря я посѣтилъ Кіевскаго полковника и городового судью въ ратушѣ.

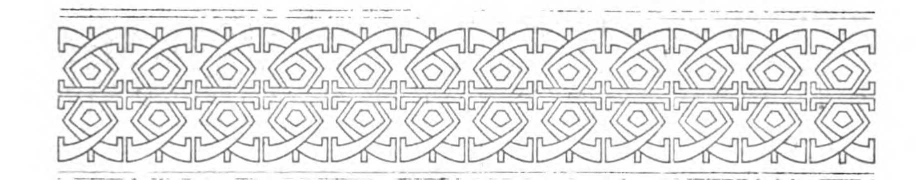
3 числа получилъ дружественное письмо отъ думнаго дворянина Авраама Ивановича Хитрово.

На слѣдующій день я прощался съ моими друзьями, а затѣмъ нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали мнѣ прощальное посѣщеніе.

Этимъ кончается дневникъ Гордона за 1685 годъ.

Сообщ. **П. М. Майковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



Изъ записной книжки „Русской Старины“.

Изъ Домостроя XIX вѣка.

Какъ далеки отъ закрѣпощенной семьи XVI вѣка, построенной въ Домостроѣ по идеальному пониманію іосифлянской партіи, всѣ свѣтлыя мечты о брачной жизни, которыя выносилъ въ душѣ и пытался осуществить священникъ начала XIX в. Высокое представленіе о семьѣ, какъ союзѣ двухъ равныхъ силъ, взглядъ на жену, какъ друга-товарища въ свободномъ строительствѣ жизни, глубокая человѣчность и тонкая деликатность во взаимныхъ отношеніяхъ рѣзко выступаютъ въ печатаемомъ ниже документѣ, достойномъ занять почетное мѣсто среди матеріаловъ, рисующихъ семейную жизнь русской старины. Авторъ этого документа—Лавръ Прохоровичъ Соколовъ, сынъ священника села Краснаго, Крапивенскаго уѣзда, Тульской губ., Прохора Матвѣевича; онъ получилъ образованіе въ Тульской духовной семинаріи и Петербургской духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1827 году со степенью старшаго кандидата; затѣмъ нѣкоторое время былъ профессоромъ Могилевской семинаріи. Здѣсь онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью священника города Могилева, Анной Ивановной, и былъ посвященъ въ санъ священника. Въ 1839 г. онъ былъ опредѣленъ протоіереемъ Могилевскаго каѳедральнаго собора, а въ 1841 г. переведенъ въ Москву настоятелемъ прихода Николая Чудотворца, что на Пескахъ, гдѣ и скончался въ 1860-хъ годахъ.

Брачный договоръ.

Статья 1.

Мы любимъ другъ друга искренно; чувствуемъ, что одинъ безъ другого не можетъ быть счастливы, и потому соединяемся на вѣки, чтобы жить вѣрными супругами.

Статья 2.

Лавръ посвящаетъ все бытіе свое Аннѣ, чтобы неутомимымъ прилежаніемъ доставить ей спокойную и безпечную жизнь.

Статья 3.

Анна напротивъ будетъ стараться разумнымъ хозяйствомъ содержать себя и мужа на золотой дорогѣ посредственности, равно удаленной отъ излишества и недостатка.

Статья 4.

Такъ какъ въ супружествѣ часто малѣйшія бездѣлицы бываютъ источникомъ большихъ несогласій, то обязываемся въ маловажныхъ вещахъ уступать другъ другу безъ малѣйшаго прекословія.

Статья 5.

Въ одеждѣ каждый сообразается со вкусомъ другого. Лавръ будетъ остерегаться небрежности, чтобы Аннѣ ничто не могло казаться въ немъ непріятнымъ; Анна будетъ избѣгать излишества въ нарядахъ, дабы свѣтъ не могъ подумать, что она ищетъ нравиться другимъ мужчинамъ. Главнѣйшимъ наружнымъ нашимъ украшеніемъ будетъ опрятность, потому что противное тому, въ людяхъ, живущихъ между собою въ короткомъ обращеніи, неминуемо влечетъ за собою отвращеніе.

Статья 6.

Слова *хочу*, *требую*, *приказываю*—навсегда исключается изъ нашего домашняго словаря.

Статья 7.

Въ обществахъ Анна никогда не допуститъ себя ни до малѣйшаго знака неуваженія къ своему супругу. Ничто не ободряетъ столько молодыхъ вертопраховъ, какъ презрѣніе къ мужу, которое можетъ дозволить себѣ легкомысленность жены.

Статья 8.

Лавръ будетъ почитать Анну, чтобы и другіе почитали ее. Никогда ласкательствами, выходящими за предѣлы обыкновенной учтивости, не доставитъ онъ посторонней женщинѣ торжества, оскорбительнаго для его супруги.

Статья 9.

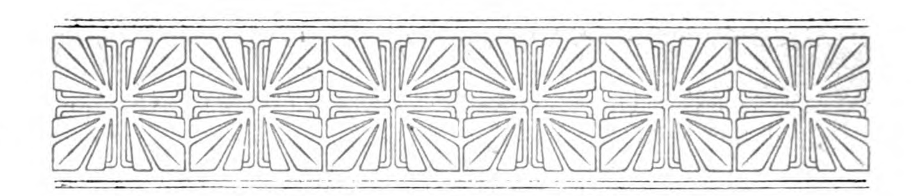
Въ выборѣ знакомыхъ мы будемъ оба поступать со всевозможною осмотрительностію и отнюдь не станемъ терпѣть ложныхъ и коварныхъ друзей, которые подобно змѣѣ, отогрѣтой у груди, могли бы нарушить мирныя удовольствія нашего союза.

Статья 10.

Между *моимъ* и *твоимъ* не будетъ у насъ никакого различія. Главнѣйшую нераздѣльную нашу собственность составляетъ взаимная любовь, и это сокровище, которое въ другихъ сердцахъ быстро текущее время часто уноситъ съ собою, должно, подъ его покровомъ, возрастать и укрѣпляться въ насъ болѣе и болѣе до нашей кончины.

Сей добровольный договоръ нашъ обязуемся исполнить свято и безъ всякаго опущенія, въ чемъ клянемся предъ Серцевѣдемъ нашимъ Богомъ—Лавръ Соколовъ и Анна Соколова.

Сообщилъ **Н. Бродскій.**



Ахъ зачѣмъ было огородъ городить?

Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія экзаменовался для поступленія въ одну изъ военныхъ академій кавалерійскій поручикъ.

Испытаніе производилось по фортификаціи и профессоромъ былъ генералъ К., очень строгій на экзаменахъ и извѣстный острословъ. Поручикъ на всѣхъ доскахъ воспроизвелъ прекрасные чертежи долговременныхъ укрѣпленій, но поясненія къ чертежамъ давалъ совершенно недостаточныя.

Наведенія профессора мало помогали дѣлу, и словесный докладъ былъ очень плохой. Послѣ неоднократныхъ попытокъ въ этомъ направленіи экзаменаторъ сказалъ: знаете, поручикъ, Ваши чертежи и Ваши къ нимъ объясненія напоминаютъ мнѣ ту пѣсню, которыя пѣли наши солдаты при штурмѣ многочисленныхъ укрѣпленій Воли.

Ахъ, зачѣмъ было огородъ городить?
Ахъ, зачѣмъ было капусту садить?

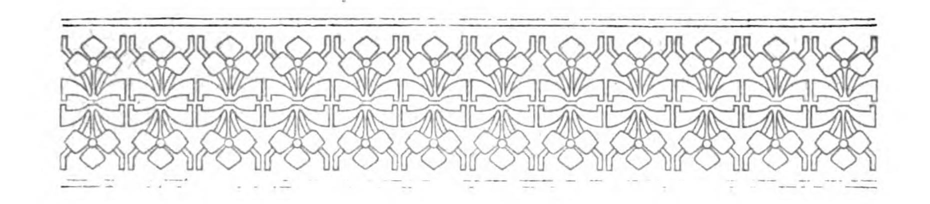
— А мнѣ при этомъ, господинъ профессоръ, припоминается иная пѣсня:

Ахъ, ты с—нъ с—нъ,
Камаринскій мужикъ.

Сказавъ эти слова, поручикъ поклонился, положилъ мѣлъ и сѣлъ на скамейку.

Офицеръ принятъ въ академію не былъ и дурныхъ для него послѣдствій приведенная имъ пѣсня не имѣла.

Сообщ. **В. П.**



Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1]).

1—2 октября. Командующій Балтійскимъ флотомъ адмиралъ Канинъ освобожденъ по нездоровью отъ командованія Балтійскимъ флотомъ, съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта, а на его мѣсто назначенъ вице-адмиралъ Непенинъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ указаны заслуги родинѣ адмирала Канина [2]).

* * *

Наконецъ-таки союзная дипломатія заговорила настоящимъ языкомъ съ германскимъ фельдмаршаломъ. Греціи предъявили ультиматумъ: экипажи греческаго флота покинули свои суда и союзники заняли очищенные греками форты и суда.

Давно бы пора это сдѣлать.

* * *

Нѣмцы, профессора богословскаго факультета Юрьевскаго университета, во главѣ съ деканомъ, вышли въ отставку, въ виду требованія читать лекціи на русскомъ языкѣ.

* * *

Группой московскихъ гласныхъ, съ Н. В. Тесленко во главѣ, подано въ Московскую городскую думу заявленіе о томъ, что, не взирая на всѣ усилія, общество 1886 года до сихъ поръ еще не ликвидировано.

Недавно общество 1886 года приступило къ рѣшительному и непомѣрному повышенію цѣнъ на электрическую энергію,

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1917 г.

[2]) „Нов. Вр.“ 1 окт. 1916 г.

доводимую въ отдѣльныхъ случаяхъ до 100 и даже до 150%. Это повышеніе цѣнъ должно служить обогащенію нѣмецкихъ акціонеровъ германскаго треста за счетъ жителей Москвы, которые и безъ того несутъ большія жертвы въ связи съ войной, начатой противъ насъ Германіей—родиной общества 1886 года и „Электропередачи". Кромѣ того, представитель московскаго городского управленія въ особомъ управленіи, образованномъ по дѣламъ общества 1886 года, встрѣчаетъ къ себѣ отношеніе, не соотвѣтствующее достоинству Москвы и городского управленія [1]).

Предсѣдателемъ управленія по дѣламъ общества состоитъ военный инженеръ, генералъ Свенторжецкій.

* * *

Съ нѣмецкими плѣнными у насъ въ Россіи обращаются необычайно гуманно и кормятъ ихъ прекрасно.

Лично мнѣ пришлось осмотрѣть помѣщенія для военноплѣнныхъ и попробовать ихъ пищу. Помѣщеніе было сухое и хорошее. Всѣ военноплѣнные были очень чисты, съ чистымъ бѣльемъ; былъ грязенъ только кузнецъ, вернувшійся съ работы. Плѣнные были хорошо откормлены, а нѣкоторые изъ нихъ были до того упитаны, что щеки, казалось, скоро должны были лопнуть отъ жиру.

Пришлось попробовать хорошій картофельный супъ и вкусную пшенную кашу, при $^1/_4$ ф. мяса и $2^1/_2$ ф. хлѣба на каждаго. Кашеваромъ былъ плѣнный, при помѣщеніи была лавочка съ продажей обихода солдата; цѣны недорогія.

При встрѣчѣ по пути одного изъ унтеръ-офицеровъ, присматривающихъ за плѣнными, я спросилъ, какъ обращаются съ плѣнными; я получилъ слѣдующій характерный отвѣтъ:

„О томъ, чтобы дать ему въ морду, и думать не моги.—Даже и грозить-то ему ничѣмъ не дозволено".

Въ Сибири на предложеніе использовать для плѣнныхъ внутренности убитыхъ быковъ, въ виду трудности достать мяса, предержащіе по завѣдыванію германскими плѣнными отвѣтили положительнымъ отказомъ.

Для сравненія приводимъ разсказъ нашего офицера Ф. Ф., приведенный въ № 1616 „Вечерняго Времени" 1916 г.

Трудно представить, какъ страшно бѣдствуютъ наши плѣнные солдаты. Это буквально какія-то голодныя бродячія тѣни. По словамъ Ф. Ф., пища для нихъ ужасающая. Напримѣръ, хлѣбъ состоитъ изъ смѣси кукурузы, картофеля, желудей, конскихъ

---

[1]) „Рус. Сл." 27 окт. 1916 г.

каштановъ, бобовъ, а для пышности и рыхлости, подбавляется тертая солома, и лишь изрѣдка отруби. Муки—въ немъ ни капли.

Изъ-за этой вѣчной голодухи между ними—массовыя смерти на почвѣ истощенія. Мрутъ, какъ мухи. Больно смотрѣть, особенно, когда ничѣмъ не можешь помочь. Обращеніе съ ними страшно грубое. Самое обыкновенное наказаніе—это сковываніе на 24 часа руки съ щиколкою. Это ужасно мучительная вещь. Затѣмъ идетъ подвѣшиваніе: связываютъ ноги, этимъ же канатомъ стягиваютъ сзади руки, послѣ чего канатъ перекидываютъ черезъ блокъ въ потолкѣ и тогда подтягиваютъ на часъ или два. Наказаніе кончается обыкновенно глубокимъ обморокомъ. Затѣмъ существуетъ утонченная инквизиція, долженъ оговориться, это только въ лагеряхъ, гдѣ коменданты съ исключительно звѣрскими инстинктами. Какъ говорятъ, отличаются этимъ преимущественно офицеры изъ чеховъ, что и звучитъ какъ-то особенно непонятно и странно.

Провинившагося кладутъ въ тѣсный гробъ, дно котораго состоитъ изъ поперечныхъ острыхъ брусковъ, и крышку плотно привинчиваютъ, проворачивая въ ней дыру противъ головы для того, чтобы наказываемый не задохся. Тѣ плѣнные, которые видѣли это, говорятъ, что на религіознаго человѣка наказаніе это производитъ ужасное впечатлѣніе. Не мудрено, если иногда такіе положенные живьемъ въ гробъ выходили оттуда психически разстроенные.

* * *

3 октября. Упорные бои въ раіонѣ Корытицы и Кирлибабы. Къ югу отъ Дорна Ватры противникъ атакуетъ большими силами.

Итальянцы одерживаютъ значительные успѣхи на пути къ Тріесту.

* * *

Нейтральный журналистъ, находящійся при штабѣ принца Леопольда Баварскаго, приводитъ отзывы нѣмецкихъ военныхъ авторитетовъ о русскомъ солдатѣ.

Они говорили, что мы имѣемъ дѣло съ противникомъ необыкновенной храбрости, изумительной выдержки и безпримѣрной преданности дѣлу.—„Русскій солдатъ въ цѣломъ—идеалъ воина".—Онъ идетъ въ атаку такъ же великолѣпно, какъ и защищается.

Кромѣ того, германцы не могли не отмѣтить выдающихся качествъ русской артиллеріи и ростъ нашего воздушнаго флота. Впрочемъ всѣ виды родовъ войскъ, по словамъ нѣмцевъ, представлены въ русской арміи въ настоящій моментъ въ изобиліи.

* * *

29 сентября подводная лодка „Тюлень", подъ командой старшаго лейтенанта Китицына, вблизи Босфора, послѣ часового неравнаго для нея артиллерійскаго боя съ турецкимъ вооруженнымъ военнымъ транспортомъ „Родосто" въ 6.000 тоннъ водоизмѣщенія, бывшимъ подъ командой германскихъ офицеровъ, захватила этотъ транспортъ и, несмотря на причиненныя ему въ бою поврежденія, привела его въ Севастополь.

* * *

Въ г. Никополѣ (Екат. у.) проживаетъ нѣмецъ, милліонеръ Шоръ, имѣющій въ городкѣ первоклассную мельницу. Онъ скупаетъ во всей округѣ пшеницу и рожь. Но не въ скупкѣ крестьянскаго зерна таинственность гера Шора, а въ слѣдующемъ: какъ передаютъ сосѣдніе съ нимъ крестьяне, „на деревнѣ" получилось изъ плѣна письмо, въ которомъ плѣнный солдатъ-односелецъ умоляетъ своихъ односельчанъ упросить гера Шора, дабы онъ написалъ въ Германію, чтобы военные германскіе чины возвратили злополучному плѣннику отобранныя у него одежду и обувь, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ останется на зиму и безъ одежды и безъ обуви. Аналогичное, затѣмъ, письмо получилось, какъ передаютъ въ томъ же районѣ, и отъ одного интеллигентнаго плѣнника. Возникаетъ вопросъ: кто же такое этотъ таинственный геръ Шоръ, слово котораго имѣетъ такое громадное значеніе въ германскомъ военномъ лагерѣ? Казалось бы, что можетъ имѣть общаго мирный никопольскій скупщикъ съ воинственнымъ германскимъ кайзеромъ? Но если между ними существуетъ какая-нибудь связь, то не направляются ли всѣ наши подозрительныя операціи съ продовольственными продуктами какою-то сильною рукою изъ Германіи [1]).

* * *

Корреспондентъ „Русскаго Слова" [2]) разсказываетъ, что дѣлаетъ въ Москвѣ изъ сапожныхъ обносковъ дѣйствующая армія:

О, да, потрясающія повѣсти могли бы разсказать о нашей арміи эти сотни тысячъ обносковъ...

[1]) „Нов. Вр." 30 сент. 1916 г.

[2]) „Русск. Сл." 29 сент. 1916 г.

Но лучше всякихъ сожалѣній и вздоховъ та существенная энергія, которая сумѣла для пользы арміи воскресить къ новой жизни эти сапожные отбросы.

Сотни тысячъ обносковъ въ громадномъ подвалѣ, сотни тысячъ въ ящикахъ, которые грудами навалены на дворѣ.

— Раньше слали съ фронта обноски розсыпью, а теперь начали присылать въ ящикахъ,—объясняетъ завѣдующій.

Это значитъ, что пренебреженіе къ обноскамъ смѣняется нѣкоторымъ вниманіемъ.

Изъ подвала вереницей выѣзжаютъ тачки съ рваными сапогами, направляясь черезъ дворъ въ большой досчатый баракъ.

Мы входимъ за тачками. Здѣсь, въ баракѣ, первая обработка изношенной обуви.

Особые мастера быстро и ловки хватаютъ сапоги, зорко осматриваютъ, слегка раздираютъ голенище, пробуя, не сопрѣла ли кожа, и разбрасываютъ по сортамъ. Одни годны въ починку, въ другихъ годны лишь голенища, третьи совсѣмъ негодны. Но всѣ безъ исключенія идутъ въ обработку.

Годные сапоги развѣшены и разложены въ порядкѣ. Первая забота каждаго сапога найти себѣ близнеца, чтобы составить пару.

— И вотъ видите,—показываетъ мастеръ подобранную пару,— вотъ видите, приблизительно одинаковые. А одинъ изъ нихъ воевалъ подъ нѣмцемъ, а другой можетъ-быть подъ австріякомъ, въ Галиціи. Ничего не подѣлаешь,—разрозненные прибываютъ.

Дальше на столахъ идетъ разборка обуви. Отрѣзаютъ годныя голенища и сейчасъ же клеймятъ ихъ (М. Г. У.—московское городское управленіе). Эти голенища разсылаются затѣмъ по многочисленнымъ сапожнымъ мастерскимъ отдѣла, и къ нимъ придѣлываются головки.

Рваные опорки и прѣлые сапоги отбрасываются, но не выбрасываются.

— Опорки пересылаемъ во Владыкино,—сообщаетъ, улыбаясь, руководитель,—и вотъ увидите, какія тамъ изъ нихъ чудеса дѣлаютъ. Уже 700 тысячъ штукъ туда переслано.

Мимоходомъ на пути, на Разгуллѣ, заглянули мы въ одно помѣщеніе. Въ верху лѣстницы черный медвѣдь, поднявъ лапу, глядѣлъ на насъ непривѣтливо.

— Здѣсь былъ ресторанъ „Римъ"—объяснилъ спутникъ.

А теперь шелъ здѣсь рабочій гулъ.

Въ одной изъ большихъ комнатъ, за длинными верстаками сидѣли тѣсными рядами мастера, и непрерывной дробью стучали

молотки, звякали ножи, мелькала дратва. Въ другихъ комнатахъ шла закройка. Еще дальше—жужжали машины, около которыхъ сидѣли, согнувшись, женщины. И вездѣ густо пахло кожей, клеемъ, дегтемъ, варомъ.

Здѣсь на старыя голенища, вымытыя въ чанахъ, вычищенныя и смазанныя дегтемъ съ ворванью, надѣлывались новыя головки.

Такихъ мастерскихъ у отдѣла много разсыпано по Москвѣ и много внѣ Москвы, въ окрестностяхъ и по другимъ губерніямъ.

Мелькнула Москва, Бутырская застава, побѣжало шоссе среди зелени полей и лѣсовъ, и вотъ мы во Владыкинѣ.

Идемъ черезъ длинный дворъ. Вдали рядъ деревянныхъ бараковъ, вѣтка желѣзной дороги и какія-то черныя кучи огромной величины.

— Какъ уголь насыпанъ!—замѣчаетъ нашъ вожатый.

Проходимъ и видимъ черную гору опорковъ.

— Недавно прибыли 180 тысячъ штукъ, — сообщаетъ завѣдующій.

Опять мы смотримъ на зеленые, рыжіе, рваные, размызганные обноски, которые здѣсь, лишенные голенищъ, еще жалостнѣе на видъ. Есть, впрочемъ, и съ голенищами. Это тѣ сопрѣлые обноски, которые признаны въ симоновскомъ складѣ совершенно непригодными.

Передъ бараками сидятъ женщины и, отрѣзая негодныя голенища отъ негодныхъ опорковъ, разбрасываютъ ихъ по разнымъ корзинамъ.

Входимъ въ баракъ. Гулъ, говоръ, стукъ молотковъ, лязганье ножей.

Въ перегородкахъ сидятъ ратники въ защитнаго цвѣта рубашкахъ съ крестами на фуражкахъ, и одни отколачиваютъ молотками каблуки отъ опорковъ, бросая ихъ въ корзины, другіе отдираютъ клещами подошвы, третьи, четвертые, пятые раздираютъ, разрѣзаютъ опорки на составныя части, и въ корзины летятъ по сортамъ стельки, подошвы, подметки, переда, каблуки, закладки, задники. Обноски и опорки какъ бы разсыпаются въ прахъ, въ негодный мусоръ, чтобы вдругъ снова пойти въ дѣло и неожиданно превратиться въ новые сапоги.

Мы идемъ въ конецъ барака и видимъ чаны, гдѣ моются негодныя голенища, мягкія и жесткія части опорковъ. Затѣмъ отчищаютъ ихъ отъ грязи. Затѣмъ даютъ провянуть. Затѣмъ спеціалисты начинаютъ выкраивать изъ негодныхъ голенищъ пласты для подошвы, для подметокъ и для головокъ.

Мы смотримъ на сапожное чудо,—какъ изъ старыхъ лоскутовъ, просмоленныхъ смолой и варомъ и наложенныхъ одинъ на другой, получается толстая подошва.

И мастеръ съ увлеченіемъ говоритъ:

— Подошва поднялась въ цѣнѣ почти въ восемь разъ: была 60—70 рублей пудъ, а теперь—350—400 рублей. А вотъ у насъ получается изъ ничего подошва не хуже.

Намъ подносятся готовые сапоги, сдѣланные „изъ ничего", изъ отбросовъ и обносковъ.

Крѣпкіе, солидные сапоги съ богатырскими, толстыми подметками, испещренными, какъ мозаикой, мелкими гвоздями.

— И носятся восхитительно,—съ убѣжденіемъ говоритъ одинъ изъ мастеровъ, — производили опыты. Не уступятъ новымъ. А подметка наша удобнѣе новой для солдата. Она мягкая и гибкая, какъ пробка, и совершенно не пропускаетъ воды. Смола. И старая кожа вообще болѣе непроницаема для воды.

Мы идемъ въ мастерскую, гдѣ за верстаками, сидя на своихъ обычныхъ кадушкахъ („липкахъ"), десятки мастеровъ стучали молотками и звякали ножами, превращая очищенныя, промытыя, просмоленныя части опорковъ въ новые сапоги.

Главные мастера надѣлывали головки къ старымъ голенищамъ, дѣлали начерно подошвы и подметки, а ихъ помощники доканчивали второстепенную работу. Рядъ бородачей, пожилыхъ ратниковъ, дѣлалъ, напримѣръ, только „мозаику", т.-е. вбивалъ въ пять слоевъ подметки частую сѣть гвоздей, сбивая подметку въ толстую, плотную, слитную массу.

И по стѣнамъ висѣли готовые сапоги съ крупными латками, просмоленными голенищами, свѣжими головками и толстыми подошвами.

Одинъ изъ мастеровъ съ той особенной ловкостью, быстротой и точностью движеній, которыя бываютъ у всякаго талантливаго мастера, когда посторонніе смотрятъ на его работу, на нашихъ глазахъ, забирая горстями гвозди въ ротъ и молніеносно работая молоткомъ, сдѣлалъ союзку сапога и прибилъ къ нему толстую подметку.

Въ это время зазвенѣлъ звонокъ къ обѣду, и ратники-мастера шумно поднялись со своихъ „липокъ", надѣли куртки и направились толпой въ столовую.

Въ кладовой мы полюбовались на внушительныя пары сапогъ съ увѣсистыми подошвами, которыя густо увѣшивали стѣны и лежали стопами на полу. Тысячи паръ такихъ воскрешонныхъ сапогъ направляются теперь въ армію.

И когда мы, пройдя черезъ бараки, снова увидѣли громадную черно-зеленую кучу опорковъ передъ вѣткой желѣзной дороги, эта картина показалась намъ уже менѣе безотрадной. Находчивость и выдумка вездѣ умѣютъ скрашивать и улучшать жизнь. И чудесное превращеніе негодныхъ опорокъ въ годные сапоги, кажется, слѣдуетъ поставить отдѣлу снабженія въ особую заслугу.

Дальше по Владыкинѣ проѣхали мы до великолѣпной и обширной сапожной мастерской, которая превратилась въ цѣлую фабрику.

Корпуса какой-то сгорѣвшей и покинутой мануфактуры приспособлены здѣсь для громаднаго сапожнаго дѣла.

И для этого мирнаго труда примѣненъ трудъ военноплѣнныхъ.

Мы прошли черезъ нѣсколько этажей двухъ-трехъ корпусовъ.

За длинными верстаками, усыпанными гвоздями, молотками, ножами, склонялись нерусскія лица, и непрерывная дробь молотковъ наполняла обширное помѣщеніе.

— Обратите вниманіе на ритмъ работы,—сказалъ нашъ вожатый,—онъ оживленнѣе, быстрѣе, чѣмъ у нашихъ мастеровъ.

Общая картина, пожалуй, была оживленнѣе. Какъ рычаги въ машинѣ, безъ паузъ, почти равномѣрно опускались и поднимались десятки рукъ, и глаза мастеровъ сосредоточенно не отрывались отъ работы.

Около каждаго верстака сидѣла артель, и наблюдалось оригинальное распредѣленіе работы: крайній съ одного конца начиналъ сапогъ, передавалъ другому, тотъ, сдѣлавъ свою часть, передавалъ третьему, и на другомъ концѣ выходилъ цѣльный сапогъ.

Такъ какъ артель получала сдѣльную плату за каждую пару сапогъ, то, кромѣ навыка къ правильной работѣ, привезеннаго съ Запада, артель, видимо, руководилась и расчетомъ. Поэтому всякій лѣнивый работникъ получалъ подбадриванье въ самой артели.

— Работоспособность у нихъ, — говорилъ завѣдующій этой своеобразной фабрикой, — несомнѣнно, выше, чѣмъ въ нашихъ мастерскихъ. Обычно считается, что въ недѣлю каждый русскій мастеръ можетъ приготовить около пяти паръ сапогъ. У насъ сейчасъ вырабатывается около шести паръ. А вскорѣ мы надѣемся дойти до семи паръ.

Для пользы дѣла пришлось приспособиться къ нѣкоторымъ особенностямъ плѣнныхъ работниковъ.

Напримѣръ, они не могли ѣсть русскихъ щей, и это отражалось на ихъ настроеніи и трудоспособности.

Отъ супа и каши они повеселѣли и утѣшились.

На этой сапожной фабрикѣ изъ стараго матеріала идутъ въ дѣло только крѣпкія голенища.

Головки и подметки дѣлаются изъ новаго товара.

Мы прошли по всѣмъ отдѣленіямъ, гдѣ стругается, вычищается, смазывается разныхъ сортовъ кожа. Все идетъ стройно и великолѣпно. И не безъ права одинъ изъ главныхъ мастеровъ, постучавъ по новой, глянцевитой, твердой и толстой подошвѣ крѣпко ушитаго сапога, увѣренно сказалъ:

— Ужъ отъ насъ, по крайней мѣрѣ, не выйдутъ сапоги съ картонными подошвами.

* * *

4 октября. Нѣмцы ведутъ наступленіе въ раіонѣ Дорна-Ватры значительными силами въ тылъ нашего соприкосновенія съ трансильванской румынской арміей, а также и по всему этому румынскому фронту. Всѣ атаки противника въ раіонѣ Дорны-Ватры отбиты.

* * *

5 октября. Нѣмцы хотѣли, сосредоточить большую армію въ Трансильваніи, раздѣлить румынскую армію на двѣ части и отдѣлить румынскія войска отъ русскихъ.

* * *

Со всѣхъ фронтовъ пишутъ одно и то же: почта это единственное наше развлеченіе, единственная отрада.

* * *

Притокъ вкладовъ въ сберегательныя кассы за текущій годъ возросъ на 1.009.200 рублей.

* * *

Проф. Мигулинъ устанавливаетъ, что по росписи 1917 г., обыкновенные и чрезвычайные государственные расходы (кромѣ военныхъ) съ избыткомъ могутъ быть покрыты въ 1917 г. обыкновенными доходами, и нужно изыскать рессурсы для оплаты всѣхъ военныхъ займовъ, при этомъ профессоръ полагаетъ, что этими рессурсами являются государственныя монополіи, и что пора это разработать и ввести въ жизнь [1]).

* * *

[1]) „Нов. Вр." 5 окт. 1916 г.

Въ Америкѣ профессіональное образованіе стоитъ на высокой степени развитія. Тамъ существуетъ энергично дѣйствующій комитетъ, который разыскиваетъ молодежь, обладающую исключительными способностями и не окончившую курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Пора бы и намъ послѣдовать этому примѣру.

* * *

Въ № 1350 „Развѣдчика“ кн. З. Голицына такъ описываетъ производство операцій.

На сосѣднемъ столѣ больной, безъ сознанія, изрѣдка мычитъ что-то, и руки съ длинными пальцами ищутъ въ воздухѣ, скребутъ по груди. Самъ большой, здоровенный.

Старшій врачъ меня подзываетъ.

— Посмотрите. Осколкомъ ранило. За такой короткій срокъ— и вотъ что...—Черепъ уже сбрили и на немъ съ лѣвой стороны продольная рана. Мозгъ обнаженъ, ровно пульсируетъ, на подушку стекла струйка розоватой жидкости.

— Да, присмотритесь. Такъ и прыгаютъ.

Дѣйствительно, кругомъ раны и въ ней отъ іода появились маленькіе бѣлые черви...

— Боже, отчего это?...

— Ночью раненъ. Вѣроятно, лежалъ на землѣ, не сразу нашли...

— Его оставить?—спрашиваетъ фельдшеръ.

— Эвакуировать — говоритъ Николай Дмитріевичъ и коротко вздыхаетъ.

Онъ болѣетъ душой, какъ и всѣ тутъ, положимъ, но онъ особенно, потому, что онъ старшій, онъ тотъ, кто можетъ спасти, болѣетъ за всѣхъ своихъ раненыхъ, какъ за родныхъ дѣтей, до послѣдней возможности напрягаетъ свои знанія, всѣ усилія, и ужъ если онъ махнулъ рукой, то, значитъ, человѣческія силы уже болѣе не дѣйствительны. И брови его сдвигаются; голосъ звучитъ глухо. Много, много прошло за эти полтора года черезъ его руки, а человѣческое чувство состраданія и жалости все такъ-же сильно. Онъ всегда спокоенъ, угрюмъ даже, напрасно словъ не любитъ тратить, сразу діагноза не ставитъ.

— Николай Дмитріевичъ, посмотрите больного?

Подойдетъ, внимательно оглядитъ кругомъ, спроситъ когда, какъ было, нащупаетъ, увѣрится, потомъ молчитъ и думаетъ. Видно, что сложная сѣть соображеній, доводовъ плюсовъ и минусовъ проходитъ въ головѣ, пока не рѣшитъ твердо и спокойно: дѣлать то-то—и тогда можно быть увѣреннымъ, что дѣйствительно нужно было такъ, а не иначе. Закуритъ папи-

росу—умственная работа кончена, борьба знанія съ болѣзнію пришла для него къ одному знаменателю, и надо начать ея физическое исполненіе. Любо дорого смотрѣть, когда они оба — докторъ Мошковъ и сестра Красовская — работаютъ вмѣстѣ: точно спѣлись давно, давно понимаютъ другъ друга, и не нужно имъ объясненій: ни одного лишняго жеста, ни одного праздного слова,—короткія фразы и моментальное исполненіе, предугадываніе желаній.

— Піаны... шарики... желобовидный зондъ... пилу...—слышно отрывисто во время операціи, и внимательные живые глаза сестры будто ловятъ въ воздухѣ еще только зародившееся требованіе.

Идетъ операція. Принесли запаснаго, съ окладистой русой бородой, здоровеннаго мужчину, отъ котораго, кажется, такъ и тянетъ хатой бѣлой и уютной, черной вспаханной землей и здоровымъ полевымъ кандеромъ. Во время боя въ околодкѣ наскоро перевязанная рука безпомощно виситъ, и онъ ее поддерживаетъ другой здоровой; повязка вся промокла алой свѣжей кровью, даже поблѣднѣлъ въ лицѣ.

— Что у тебя?

— Руку оторвало.

— Чѣмъ?

— Бомбой.

Разбинтовали. Живое сочное мясо разворочено чуть пониже плеча, изъ вены такъ и хлещетъ алой кровью, повисли жилы синія, напряженныя, протянулись нервы, бѣлая кость раздроблена въ мельчайшіе кусочки.

— Вотъ что, братецъ, придется тебѣ руку отнять—говоритъ Николай Дмитріевичъ.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, я и самъ такъ думалъ, потому она уже негодная совсѣмъ и болитъ очень.

— Какъ же это тебя?

— Шли въ атаку, уже шаговъ на двадцать подступили, я чуть впереди, потому взводный, а онъ какъ броситъ бомбой, она возлѣ меня и разорвалась. Зашатался, деревцо было, удержался за него, самъ кричу: бей, братцы, нѣмца—смерть! Рота прошла впередъ, а я руку подхватилъ и побѣгъ на перевязку.

Уложили на столъ, сняли рубашку, на лицо одѣли маску, фельдшерица капала хлороформъ, спросила имя... Николай Заваленко... велѣла считать, пока можетъ. Разъ... два, три, четыре, пять... слышался ровный голосъ. Дошелъ до сорока пяти, запу-

тался, началъ сначала, помолчалъ немного, вздохнулъ—и крѣпко заснулъ.

— Готово?

— Да, уже.

— Быстро какъ!

— Усталъ, бѣдный, и видно, вина не любилъ, тѣ трудно, долго не засыпаютъ, иногда буйствуютъ даже.

Одинъ нашъ землячокъ пѣлъ во снѣ залихватскія пѣсни и смѣялся, остальные всѣ больше молчатъ и терпятъ, таковы уже проявленія натуры у этихъ скромныхъ, сѣрыхъ и великихъ своей внутренней силой людей.

Тихо спалъ Заваленко. Иногда его звали: — Николай, слышишь?—и онъ отвѣчалъ—такъ точно.

Николай Дмитріевичъ работалъ: ланцетъ впивался въ живое мясо, туго перевязанныя вены перестали хлестать алымъ содержимымъ, порозовѣвшія ниточки шелка уже соединили разорванное мясо и пила сдѣлала свое дѣло, проскрипѣвъ по кости... Странно было видѣть бѣлую, мѣстами забрызганную кровью, съ повисшими безпомощно пальцами руку Заваленко, оставшуюся въ объятьяхъ санитара... Это была лишь одна минута, потомъ ее унесли. Вскорѣ вмѣсто развороченнаго плеча Николай Дмитріевичъ сдѣлалъ небольшую аккуратную рану.

— Довольно, я кончаю уже.

Маску сняли. Подняли вѣки. Глаза ясные, остановившіеся смотрѣли вверхъ безцѣльно. Еще нѣсколько увѣренныхъ движеній—и плечо оказалось забинтованнымъ. Больного подняли. Онъ обвелъ глазами кругомъ себя. Сильно и сладко до тошноты пахло хлороформомъ, лежали окровавленные инструменты въ сторонѣ, внизу тазъ полный красной ватой, бинтами и какими-то кусочками, окровавленный халатъ врача... Ярко, до боли, свѣтитъ въ глаза лампа и вдалекѣ что-то бухаетъ... Понялъ, закрылъ глаза, зашатался.

— Ну, ничего, теперь уже все прошло...

Николай Дмитріевичъ облегченно вздохнулъ, пошелъ мытъ руки.

Заваленко понесли въ палатку. Позднѣй подходили къ нему, спрашивала, какъ себя чувствуетъ.

— Печетъ сильно... Слава Богу, что лѣвой пришлось такъ, а не правой, она кой-что работать можетъ еще...

А въ перевязочной уже новые одинъ за другимъ, идутъ сами, кто можетъ, несутъ на носилкахъ, тащутъ на спинѣ санитары.

Маленькій рябой человѣкъ охаетъ, отвернувшись отъ своей развороченной разрывной пулей руки. Входное отверстіе небольшое на ладони, а сверху разбиты три пальца, выпятились бѣлыя кости.

— Проклятый австріецъ, разрывной что надѣлалъ... Ой, печетъ!..

Потомъ вдругъ умолкъ, поблѣднѣлъ, такъ что веснушки яснѣй выступили на лицѣ и весь какъ-то осунулся, легъ на скамейку. Обморокъ, слабенькій бѣдный...

Молодой полякъ. Тонкія, рѣзкія черты лица, черные глаза. За сутки на ногѣ газовая гангрена. Въ ранѣ осколки, переломъ кости, куски одежды и, вѣроятно, попала земля. Издаетъ сильный запахъ и мясо не красное, а сѣро-синее.

— Послушай, братецъ, у тебя нога въ очень скверномъ состояніи и необходимо ее отнять. Ты довѣряешься мнѣ и позволяешь это сдѣлать?

— Не, не моги, не вытерплю...

— Да ты и чувствовать не будешь; мы тебѣ дадимъ сонныхъ капель, ты знать ничего не будешь... Необходимо это сдѣлать потому, что у тебя начинается зараженіе крови, ты умрешь тогда. Повѣрь, что мнѣ лучше было бы сохранить тебѣ ногу, но нельзя, никакъ нельзя, хуже будетъ...

— Не, не хочу, не моги...

Уговаривали долго и старшій врачъ, и молодой, недавно пріѣхавшій, тоже полякъ, увѣщевалъ его на родномъ языкѣ, и батюшка и сестры—ничто не помогло... Не соглашается.

Николай Дмитріевичъ волновался, чувствовалъ, что человѣкъ самъ себя губитъ изъ упрямства или по собственной волѣ... Просилъ его даже.

Другіе раненые ждали своей очереди, а молодой полякъ только моталъ отрицательно головой, и взглядъ черныхъ блестящихъ глазъ становился все рѣзче, брови на тонкомъ желтомъ лицѣ сдвигались. Перевязали и рѣшили оставить пока... Черезъ два дня еще перевязали. Запахъ шелъ такой, что при открытыхъ окнахъ перевязочной невозможно было дышать. Мясо посѣрѣло, вверхъ по бедру и боку пошли частыя черныя пятна... Гангрена... Когда его принесли въ палатку, онъ подозвалъ сестру.

— Сестра... Видишь, хорошо, что ногу не отрѣзали... Теперь лучше, не болитъ уже—и какой-то острый, злорадный огонекъ былъ въ черныхъ глазахъ. Лицо еще пожелтѣло, бѣлки тоже, все лежалъ отвернувшись, ничего не ѣлъ и только командовалъ:

— Сестра!.. подай пить.

Когда намъ велѣли двинуться впередъ и эвакуировали весь госпиталь, его ночью въ двѣнадцать часовъ, послѣднимъ наканунѣ отъѣзда, перевязали. Весь бокъ черный,—пошло дальше и на грудь... Запахъ гніенія былъ невыносимъ. Большинство сестеръ вылетѣло изъ перевязочной, одна Красовская геройски докончила дѣло... Когда залила іодомъ, то изъ гніющаго мяса ползли жирные сѣрые черви... Утромъ его одного положили на повозку для отправки. Уже не просилъ пить, молчалъ. Черные, какъ вишни, глаза въ заостренномъ лицѣ смотрѣли, не мигая, строго... Понималъ ли онъ свою ошибку или шелъ самъ на это... Богъ вѣсть, какая сложная работа происходила за эти дни въ этой замкнутой, непонятной душѣ...

* * *

6 октября. Союзныя войска высадили небольшой дессантъ въ Персіи; союзные моряки заняли греческія суда Аверовъ, Килькисъ и Лемносъ, а лордъ Грей въ Лондонѣ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ греческимъ королевичемъ Георгомъ.

На обывательскій глазъ уже давно прошла пора совѣщаній съ греками. Слишкомъ много съ ними совѣщались, а слишкомъ мало настоящимъ образомъ поступали.

Поменьше словъ и побольше дѣла, господа союзные дипломаты.

* * *

Въ раіонѣ Огерянъ, въ 22 верстахъ къ югу отъ Ковеля, нѣмцы атаковали съ удушливыми газами наши окопы, но были отбиты. Упорные бои идутъ на Владиміро-Волынскомъ направленіи у Коротницъ и на Львовскомъ отъ Бржезанъ. На Карпатахъ на фронтѣ Делятынь, Мармарошъ-Сигетъ, также идутъ упорные бои. На этомъ направленіи прибыли новые германскіе полки съ французскаго фронта.

* * *

На кавказскомъ фронтѣ одинъ изъ нашихъ разъѣздовъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ такого событія [1]).

Разъѣздъ медленно сталъ подходить къ концу ущелья, которое замыкалось огромной скалой. На нее и предстояло подняться.

Вокругъ все та же тишина, и только издалека едва доносятся глухіе орудійные выстрѣлы.

---

[1]) „Нов. Вр.“ 6 октября 1916 г.

Вдругъ гдѣ-то близко затрещали винтовки; звуки неслись съ вершины скалы, на которую разъѣздъ уже началъ взбираться. Мгновеніе, и всѣ прижались къ каменистому скату.

На самомъ краю утеса показался всадникъ... Его фигура была отчетливо видна на фонѣ прояснившагося неба. Онъ задержался на секунду и вслѣдъ затѣмъ ринулся вмѣстѣ съ конемъ съ крутого отвѣса. Казаки не успѣли еще отдать себѣ ясный отчетъ во всемъ видѣнномъ, какъ въ томъ же утесѣ показалось еще нѣсколько всадниковъ. Въ нихъ казаки уже безошибочно признали курдовъ. Очевидно, они гнались за всадникомъ, бросившимся въ бездну.

Курды въ первый моментъ какъ бы растерялись, заметались по краю крутого отвѣса и, сообразивъ, въ чемъ дѣло, стали быстро опускаться на своихъ цѣпкихъ, какъ кошки, лошадкахъ въ глубину ущелья.

Тамъ, внизу, у группы чахлыхъ деревьевъ, съ трудомъ можно было различить два темныхъ пятна, образовавшихся отъ труповъ всадника и коня.

Что курды направлялись именно туда, въ этомъ ни у кого изъ казаковъ не было сомнѣнія: слишкомъ знакомъ имъ ихъ неизмѣнный обычай—сначала ограбить, а затѣмъ и поглумиться надъ трупомъ.

Рѣшено было устроить курдамъ неожиданную встрѣчу и, давъ возможность спокойно спуститься съ горы, захватить ихъ.

Укрываясь за выступами и неровностями ската, разъѣздъ быстро спѣшился и залегъ за камни.

Все ближе и ближе подбирались курды. Ихъ было всего 8 человѣкъ, при чемъ одинъ изъ нихъ ѣхалъ нѣсколько впереди и, безпечно жестикулируя рукой, что-то кричалъ остальнымъ.

Едва они успѣли выѣхать на ровное мѣсто, какъ изъ-за камней раздались дружные ружейные залпы.

Четыре всадника метнулись въ сторону и тутъ же замертво упали на землю. Другіе опрометью бросились назадъ. Пули полетѣли имъ въ догонку и сразили еще одного всадника; остальные подняли руки.

Казаки быстро скрутили ихъ и связали веревкой всѣхъ трехъ вмѣстѣ. Послѣ этого направились къ тому самому мѣсту, гдѣ лежалъ погибшій товарищъ.

Жуткое представилось зрѣлище...

Вмѣсто человѣка, на землѣ лежала безформенная масса, а рядомъ на откосѣ, мертвая лошадь, съ сильно оскаленными зу-

бами. Можно было разобрать только, что одѣтъ этотъ человѣкъ въ черкеску. Земля какъ бы раздалась подъ тяжестью упавшаго со страшной высоты тѣла и, взрыхленная по краямъ, напиталась просочившейся кровью; голова расплющилась и подвернулась подъ плечи, а правая рука, нѣсколько откинутая въ сторону, такъ и застыла въ предсмертной судорогѣ на винтовкѣ, крѣпко сжатой грубыми пальцами.

При осмотрѣ у него нашли записную книжку, изъ которой и узнали, что принадлежитъ она приказному 2-й сотни, Н-го полка Кубанскаго казачьяго войска, Семену Подковѣ. Въ этой же книжкѣ лежалъ и секретный пакетъ съ двумя крестами на имя командира .... полка, Сибирскаго казачьяго войска. На пакетѣ помѣтка: „Отъ начальника Кубанской дивизіи".

Пакетъ этотъ былъ немедленно отправленъ съ однимъ изъ казаковъ по назначенію, а трупъ Семена Подковы предали землѣ и завалили сверху камнями, чтобы не лежалъ онъ здѣсь открыто на потѣху курдамъ, да на съѣденье воронью.

Перекрестились казаки, сѣли на коней и двинулись по узкой тропѣ въ дальнѣйшій путь, ведя за собой плѣнныхъ курдовъ.

Верстъ восемь, должно быть, проѣхали они, пока, наконецъ, показались раскинутые шатры штаба Кубанской дивизіи. Туда они и доставили плѣнныхъ, сдали оружіе съ убитыхъ курдовъ и записную книжку Подковы.

О происшедшемъ съ приказнымъ Подковой было подробно доложено начальнику дивизіи, который, какъ оказалось, лично отправилъ Подкову съ секретнымъ пакетомъ, приказавъ во что бы то ни стало и возможно скорѣе доставить его командиру Сибирскаго казачьяго полка.

Приступили къ опросу плѣнныхъ курдовъ. И вотъ что они показали:

„Верстахъ въ шести отъ вашего штаба мы увидѣли казака и погнались за нимъ. Казакъ сталъ уходить. Но курдскіе кони оказались рѣзвѣе, и мы видѣли, что ему не уйти отъ насъ. Казакъ сбросилъ съ плечъ винтовку и первый подскакавшій къ нему на семьдесятъ шаговъ курдъ получилъ мѣткую пулю въ лобъ и тотчасъ же скатился съ сѣдла на землю. Та же участь постигла и еще двухъ. Остальные продолжали погоню и уже стали, было, настигать казака. Казакъ, видя, что впереди отвѣсная пропасть, вдругъ круто повернулъ въ сторону. Но въ это время двое курдовъ помчались ему наперерѣзъ. Уйти теперь уже не было ему возможности. Это понялъ и онъ и, повернувъ

коня кругомъ, снова помчался къ пропасти. Когда же подскакалъ къ самому обрыву, то задержался, но не надолго, поднялъ коня на дыбы и вмѣстѣ съ нимъ бросился съ обрыва...

Не хотѣлъ живымъ даться въ руки, погибъ, свято выполнивъ присягу: „Всякую ввѣренную мнѣ тайность хранить буду“.

* * *

Германцы удерживаютъ 35% изъ денегъ, присылаемыхъ русскимъ плѣннымъ. У насъ штабъ Казанскаго округа приказалъ примѣнить эту мѣру къ плѣннымъ нѣмцамъ и у насъ. Давно пора примѣнить и въ другихъ округахъ.

* * *

Г. Ренниковъ при поѣздѣ строющейся Мурманской ж. д. описываетъ такъ работу экскаватора [1]):

Горятъ вокругъ экскаваторовъ яркіе костры, бросая вверхъ искры, точно огненное дерево растетъ и дрожитъ золотыми осенними листьями. И среди костровъ стоитъ американецъ-великанъ Marion, тяжело дышитъ, рычитъ, воетъ. Вытягивая внизъ желѣзную пасть, онъ впивается въ землю зубами, отрывая глыбы ея, и торжествующе поднимаетъ голову, наполнивъ ротъ добычею. Затѣмъ поворачиваетъ медленно шею, застываетъ надъ стоящей внизу платформой и открываетъ нижнюю челюсть. Съ грохотомъ падаетъ на платформу песокъ, а освобожденная отъ ноши гигантская пасть точно съ радостью щелкаетъ челюстью, стряхивая остатки песка, и возвращается опять назадъ. Все здѣсь—вытягиваніе шеи съ зубчатымъ надрѣзомъ, зубы надъ челюстью, тяжелыя лапы, которыми экскаваторъ упирается въ землю помимо колесъ,—все напоминаетъ какое-то страшное чудовище, котораго нѣтъ въ природѣ, но которое могло существовать когда-то въ неясныя далекія времена. Все въ немъ есть, кромѣ души; но съ душой уже заключенъ соотвѣтственный контрактъ. Это—механикъ, сидящій внутри и управляющій работой машины. Душа тоже пріѣхала изъ Америки вмѣстѣ съ экскаваторомъ и пріѣхала на очень недурныя условія—по 25 рублей за сутки; говорятъ, однако, что одухотворяетъ она экскаваторъ отлично. Со стороны кажется, будто легко чудовищу глотать землю и передавать ее на сторону. Но по отзывамъ знатоковъ сдѣлать Marion'а умнымъ животнымъ не такая простая задача. Чтобы дѣйствительно стать душой машины, необходимо самому чутъ ли не быть виртуозомъ. Достаточно только гдѣ-нибудь перекрутить или недокрутить, и пасть дѣлаетъ глубокое движеніе: то экскаваторъ обращается въ обжорливаго звѣря, не могущаго вытащить собственной морды

[1]) „Нов. Время“ 6 окт. 1916 г.

изъ пищи, то проявляетъ отсутствіе аппетита и отворачиваетъ въ сторону физіономію, какъ капризный отъѣвшійся бульдогъ.

Есть тутъ кромѣ американца и другой экскаваторъ, нашъ, путиловскій. Онъ по размѣрамъ еще больше, чѣмъ Marion, и работаетъ также хорошо; но при мнѣ онъ не приводился въ дѣйствіе. Какая польза отъ этихъ чудовищъ, видно изъ того, что каждый „укусъ" земли экскаваторомъ даетъ четверть куба земли, а при работѣ пасти большого формата и вдвое больше: полъ-кубической сажени. Въ общемъ работа одного экскаватора замѣняетъ ежедневную работу 500 землекоповъ.

* * *

7—9 октября. Нѣмцы уже начали наборъ поляковъ въ Петроковской губерніи въ свои войска. Передаютъ, что сначала будетъ пополняться польскій корпусъ Пильсудскаго, который предлагалъ собрать съ Польши для нѣмцевъ 700.000.

* * *

Въ раіонѣ Кнапина, Куропатникова и Дорна Ватры идутъ упорные бои. Атаки непріятеля въ Добруджѣ отбиты съ большими потерями для противника.

* * *

Г. Пиленко въ „Новомъ Времени" талантливо описываетъ свое пребываніе на эскадренномъ миноносцѣ черноморскаго флота: отнюдь не всѣ миноносцы такого типа, чтобы они могли уйти напримѣръ отъ „Бреслау". Этимъ суденышкамъ, значитъ, всегда грозитъ вѣрная гибель: дѣло случая... Встрѣтятъ или не встрѣтятъ... Но чѣмъ меньше и безпомощнѣе судно, тѣмъ болѣе лихо держатъ себя команды и офицеры. Привычка...

— Мы ни отъ кого въ морѣ не уходимъ, а всѣхъ атакуемъ,— съ гордостью говорилъ одинъ бравый командиръ...

Онъ забывалъ прибавить, что старенькая машина и не позволяетъ ему уйти отъ какого бы то ни было современнаго судна.

Команда держитъ себя соотвѣтственно.

— Легъ я спать послѣ вахты,—разсказывалъ мнѣ знакомый лейтенантъ,—и велѣлъ разбудить себя въ восемь часовъ утра. Знаете, какими словами исполнилъ это порученіе мой вѣстовой? „Ваше Высокоблагородіе, извольте вставать; такъ что во-первыхъ,—*во-первыхъ* безъ десяти восемь, а во-вторыхъ, намъ въ корму двѣ мины идутъ".

* * *

Мой собесѣдникъ разсказалъ мнѣ, какъ онъ знакомился съ миноносцемъ и его личнымъ составомъ. „Теперь мирные масштабы надо бросить".

— Стояли мы на рейдѣ. Я тогда командовалъ другимъ миноносцемъ: и поменьше, и угольнымъ, а не нефтянымъ. Хорошо сижу въ каютѣ. Приходитъ вѣстовой. „Ваше Высокоблагородіе..: пріѣхалъ капитанъ второго ранга... желаетъ васъ видѣть". Выхожу наверхъ. Дѣйствительно. Стоитъ капитанъ второго ранга. Здоровается. Молчитъ. „Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?"—„Какъ чѣмъ?" „Я пріѣхалъ принимать миноносецъ".—„Какой миноносецъ?"—„Да вотъ вашъ".—„Странно. А позвольте спросить: я-то куда дѣнусь?"—„Вы назначены командиромъ миноносца „...ный".—„Удивительно, что я еще ничего не знаю; приказы сюда не пришли". Ну, слово за слово, сговорились. „Отчетность, молъ, и денежныя суммы сдамъ вамъ сегодня вечеромъ". Поѣхалъ я сюда на новый мой миноносецъ. Вижу, вотъ старшій офицеръ—знакомый; прежде съ нимъ плавали. А остальные—молодежь, никого не знаю.

Онъ скинулъ пепелъ съ папиросы.

— Ну вотъ, и надо же такую удачу... Только я на миноносецъ—начальникъ дивизіона поднимаетъ сигналъ выходить въ море черезъ четыре часа. Миноносецъ-то на N футовъ длиннѣе моего прежняго; циркуляція совсѣмъ другая, ходъ въ полтора раза больше. Тьфу!.. думаю: что же, офицеры не выдадутъ... Машина налаженная, должна работать безъ отказа.. Хорошо. Вышли въ море. Одно меня утѣшало: случайно оказалось, что идти мнѣ въ парѣ съ Васей (онъ кивнулъ головой на товарища). Я съ нимъ и на угольномъ дивизіонѣ плавалъ вмѣстѣ. Офицеръ умѣлый, не подведетъ. Правда, Вася?

— ...И вотъ началась страда. Такіе три денька выдались, что, право, точно нарочно. Слушайте: первый день!.. Первый день: встрѣчаемъ лайбенку. Мало ихъ теперь осталось... Такъ себѣ, дрянь лайбенка. „Какой грузъ?" „Керосинъ". „А, керосинъ... Хорошо... Снять команду".

— И паруса,—вмѣшался въ разговоръ Василій Ивановичъ.

— Паруса, конечно: не пропадать же имъ. У насъ всѣ брезенты надъ палубой турецкіе. Прочные... Прекрасные.

— А въ это время,—прервалъ его командиръ,—дозорный кричитъ: „Дрючекъ, по правому борту!" Перископъ, значитъ. Разворачиваюсь направо, какъ полагается,—прямо на подводку. Вдругъ смотрю: батюшки! да это, дѣйствительно только дрючекъ, а не перископъ!..

И одновременно кричатъ: „Темный предметъ налѣво!" „Подводка, направо!" Фью!.. Понимаете, это я попался въ засаду: двѣ подводки на позиціи оказались. „Мины"!.. Одна изъ подво-

докъ выпустила двѣ мины прямо мнѣ подъ носъ. „Стопъ!.. Полный ходъ назадъ!“ Бороздятъ мины море быстро: вотъ, вотъ, ударятъ... Однако прошли подъ носомъ удачно... „Мины сзади!“ Надо же такую удачу!.. Они, значитъ, выпустили: двѣ немного впереди, а двѣ назадъ. Я какъ стоялъ у машиннаго телеграфа, такъ сразу и кинулъ обѣ ручки на „самый полный впередъ“. Телеграфъ въ машину—электрическій, ходитъ совсѣмъ легко... На томъ, на угольномъ миноносцѣ—телеграфъ былъ у меня съ цѣпной передачей. Тянешь—такое впечатлѣніе, точно все судно въ рукѣ... А здѣсь однимъ пальцемъ трахъ!.. Думаю, невозможно намъ выскочить... да и для машины это ужасно. Все ровно: погибать!.. Ну, спасибо инженеръ-механику... сразу перекинулъ на другія турбины... Это надо было видѣть... Какъ конь, миноносецъ сразу прыгнулъ. Ей-Богу! Просто—вынесло насъ впередъ... какъ мамочку!.. Завернуло... Хотя у нихъ и сорокъ узла ходу, однако, пронесло... Прошли еще двѣ бѣлыя струи... Пріятное ощущеніе. Девяносто шесть тысячъ рублей въ двѣ минуты истратили турки даромъ.

— А еще гидро было...

— Постой, Вася, не перебивай... все по порядку. Надо же такое совпаденіе. Съ бака слышу голосъ: „ерепланъ!“—„Гдѣ? Какъ?“ Посмотрѣлъ вверхъ: прямо у меня на клотикѣ виситъ. Охъ ты, Боже мой!.. Я вправо, онъ вправо. Я влѣво—онъ, какъ привязанный...

— Да вѣдь у него ходъ больше вашего?

— Положимъ, что больше... Но онъ ныряетъ: вверхъ, внизъ, вверхъ, внизъ... Кромѣ того, наше виляніе помогаетъ. Вотъ онъ приблизительно и уравниваетъ свой ходъ по нашему. Долго онъ насъ томилъ... Ни разу такъ долго не приходилось ждать... По совѣсти вамъ скажу: за эти двадцать минутъ въ точности я узналъ, каково настроеніе куропатки подъ ружьемъ! Просто, вытерпѣть невозможно; такъ и хочется закричать: „Кидай!.. да, кидай же, проклятый!“ Смотришь на него, какъ дуракъ, это, вѣдь, извѣстная штука—всѣ подтвердятъ,—что когда находишься подъ непріятельскимъ аэропланомъ, то имѣешь твердое убѣжденіе: слѣдующая бомба—обязательно тебѣ въ правый глазъ... Наконецъ, бацъ!.. восемь бомбъ! И всѣ мимо!

— Букетъ,—сказалъ Василій Ивановичъ.

— Это—что-то особенное!..

— Слушайте,—сказалъ командиръ,—второй день. Началось опять съ лайбы. Эту мы сожгли. Понимаете, не могу сказать, гдѣ это было... Такое мѣсто пріятное, надо было дыму туркамъ

пустить... „На-те, молъ, вамъ, такіе, сякіе"... Хорошо. Команду сняли...

— Паруса,—настойчиво сказалъ Василій Ивановичъ.

— Паруса, конечно.

— А гротъ ты не снялъ... поторопился... Гротъ потомъ горѣлъ...

— Гротъ, Вася, былъ рваный...

— Хорошо... Зажгли мы керосинъ. Запылала лайба, какъ пять „Гебеновъ", хвостами связанныхъ. А я еще говорилъ: „Теперь ждите Мустафу". Это былъ тамъ летчикъ, его такъ наши подводки окрестили. Дѣйствительно, не прошло и полчаса,—Мустафа, тутъ, какъ тутъ. Привязался, однако, не ко мнѣ, а къ Васѣ, такъ что я могъ спокойно наблюдать.

— Да, признаться...

... Мы фотографію снимали, больше дѣлать было нечего... Вася, какъ ты отъ него спасался?

— Очень просто... Онъ меня не долго мучилъ, всего какія-нибудь три минуты. Не успѣлъ я оглянуться: вкось шпаритъ, наперерѣзъ моему курсу и швыряетъ бомбы... Двѣ! двѣ! двѣ! двѣ!.. Значитъ, первая пара на правомъ траверсѣ,—еще двѣ, но гораздо ближе... Третья пара должна попасть въ самое судно. Я командую: „Право, на бортъ!.." Завернули штурвалъ до отказа... Миноносецъ накренился градусовъ на пятнадцать. Рулевой старшина даже испугался, началъ отпускать. Но я къ нему... руку на штурвалъ: „такъ держать!" Накренились мы и прошли. Идея очень простая: тамъ, гдѣ бомбы уже упали, слѣдующихъ не будетъ. И дѣйствительно: третья и четвертая пары оказались уже за лѣвымъ бортомъ. Вотъ и все...

* * *

— ... Интересно.

— Подождите. Третій день! Такъ ужъ намъ въ этотъ разъ везло. Поднимаютъ на „ . . . тѣ" сигналъ изъ трехъ флаговъ. „Подводка". Опять! Впрочемъ, что жъ тутъ удивительнаго: самыя условія работы таковы, что приходится подставлять бока. Мнѣ, скажемъ, дается задача: ходить вокругъ вотъ этой корки хлѣба и слѣдить... Ну, ходимъ и ходимъ. Муха не пролетитъ. А подводка легко меня выслѣдитъ при такихъ условіяхъ. Я вѣдь, какъ привязанный, мотаюсь... Хорошо!.. Разобрали мы сигналъ и ждемъ... Утро раннее, красота!.. Эхъ, какъ эта красота иногда портитъ настроеніе!.. Ждемъ... Вдругъ... „Вправо дрючекъ". Повернули прямо на него. Какъ вамъ сказать: управляюсь я не слишкомъ артистически, но и не очень плохо: среднее... Въ

самый перископъ не угодилъ, а оказался онъ у меня футовъ на девять вправо. На полномъ вѣдь ходу... Почему лодка не погружалась,—не знаю. Зазѣвались, или что-нибудь случилось. Только перископъ пошелъ, значитъ, вдоль моего борта. Ей Богу!.. И все ближе и ближе, совсѣмъ рядомъ. Что тутъ было!.. Господи, что тутъ было!.. Команда прямо въ ражъ пришла. Боцманъ схватилъ кошку; бѣжитъ, старается зацѣпить... Матросы похватали палки отъ брашпиля, швыряютъ, сбить хотятъ. Гдѣ тутъ!... Толстый вѣдь онъ, большой!... а у меня, значитъ, никакого оружія на такомъ разстояніи... Ни орудіемъ не выстрѣлишь, ни пулеметомъ.

* * *

— Такъ вотъ я и познакомился съ господами офицерами. Въ мирное-то время полгода надо, а тутъ—въ три дня. Въ мирное время маску можно носить. А когда двѣ подводки сразу—такъ маска-то спадетъ...

— Да...

* * *

По подсчету харбинскихъ газетъ, по 15 іюля черезъ Владивостокскій портъ прошло въ Россію 28 милліоновъ паръ американской партикулярной обуви по назначенію въ Москву, Петроградъ, Одессу и другіе города.

Этого количества обуви достаточно, чтобы обуть все городское населеніе Россіи, рѣшительно все отъ мала до велика.

Гдѣ же обувь, однако?

* * *

ХАБАРОВСКЪ [1]). Состоялось торжественное открытіе желѣзнодорожнаго моста имени Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича черезъ Амуръ, на Великомъ Сибирскомъ пути.

Мостъ черезъ Амуръ является первымъ въ Россіи по величинѣ. Длина его 1.217 саженъ. Стоимость сооруженія—13.500.000 рублей.

На освященіи присутствовали: товарищъ министра путей сообщенія Н. Л. Щукинъ, пріамурскій генералъ-губернаторъ П. Л. Гондатти и другіе высшіе представители края.

Отнынѣ начнется сквозное движеніе Владивостокъ—Петроградъ по россійской территоріи, минуя Манчжурію.

* * *

[1]) „Рус. Сл.“ 7 окт.

Лучшіе люди Россіи ушли на фронтъ; за то тылъ кишитъ милліонами негодяевъ, мародеровъ грабителей и заячьихъ душъ. Подлые грабители соединяются въ акціонерныя товарищества, синдикаты, которые во всемъ страшно поднимаютъ цѣны. Банки даютъ ссуды подъ продовольственные запасы и тоже участвуютъ въ грабительскихъ предпріятіяхъ. Вагоновъ подъ перевозку припасовъ нѣтъ, гдѣ ихъ надо. Изъ одной губерніи не пропускаютъ припасовъ въ другую, указывая, что этого не разрѣшаетъ интендантство. Нѣтъ никакого общаго продовольственнаго плана тыла. Больно слушать всѣ эти извѣстія, когда всѣ припасы есть въ Россіи, въ житницѣ всего міра. Господа создатели прогрессивнаго блока Думы съѣзжаются въ Петроградъ, говорятъ, говорятъ и говорятъ. Лѣвые собираются дѣлать политическіе запросы.

* * *

Въ Добруджѣ нѣмцы опять начали наступленіе.

* * *

Газеты сообщаютъ, что отношенія между Греціей и союзниками нѣсколько улучшились вслѣдствіе объясненій, данныхъ королемъ Константиномъ англійскому посланнику.

Совершенно нелѣпое сообщеніе. Можетъ ли быть какое улучшеніе отношеній между державами согласія и рабомъ кайзера Константиномъ. Удивительно глупую роль играетъ дипломатія согласія относительно Греціи. Ее постоянно водятъ за носъ приспѣшники кайзера.

* * *

Г. Пиленко въ „Новомъ Времени“ [1]) указываетъ на особое значеніе чистоты воздуха въ подводныхъ лодкахъ.

Оказывается, что главнымъ врагомъ подводныхъ экипажей является вовсе не углекислота; на нее не обращаютъ даже вниманія.

— Мы больше всего страдаемъ отъ влажности воздуха, доходящей до ста процентовъ, и отъ собственныхъ испареній. Практика показала, что человѣкъ, въ особенности производящій сильную мускульную работу, даетъ въ окружающій воздухъ какія-то совершенно неизслѣдованныя наукой и никакой химіи не поддающіяся органическія выдѣленія. Уничтожить эти страшно ядовитые газы можно только провѣтриваніемъ, ничѣмъ другимъ.

— И скоро они начинаютъ чувствоваться?

— По совѣсти скажу, эта область еще остается совершенной загадкой. Мы только можемъ констатировать внѣшнія явленія: сначала люди страшно потѣютъ, обливаются; позже, потъ оста-

[1]) „Нов. Вр.“ 9 окт. 1916 г.

навливается, но человѣкъ и это терпитъ безъ особаго ущерба для себя, такъ, приблизительно 12 часовъ; но потомъ есть какой-то критическій моментъ; прибавьте еще два часа—начинаются признаки явнаго отравленія; явленія въ печени, остановка мочи, даже отеки ногъ; дышать становится тяжело, точно все время лѣзешь на крутую гору; малѣйшее движеніе даетъ шумъ въ ушахъ. Тутъ уже волей-неволей, надо подниматься.

* * *

10 октября. Въ Добруджѣ наши и румынскія войска, подъ натискомъ противника, нѣсколько отошли назадъ.

* * *

Теперь въ деревняхъ крестьяне богаты деньгами, а потому совершенно не вывозятъ хлѣба нынѣшняго урожая на базары. Они это дѣлаютъ потому, что берегутъ хлѣбъ на черный день, опасаясь недорода въ 1917 году.

* * *

Америка хочетъ снабжать Россію обувью изъ аллюминія, съ доставкой по 8 руб. пара [1]).

* * *

Корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" [2]), разсказывая о томъ, что мѣстность въ Лѣсистыхъ Карпатахъ страдаетъ отсутствіемъ жилыхъ помѣщеній, приводитъ такой разсказъ:

Недавно я слышалъ, какъ одинъ солдатикъ, посланный на развѣдку для отысканія какого-либо жилья для полкового штаба, возлѣ указанной высоты, докладывалъ начальнику:

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, никакъ невозможно... Климата тамъ вовсе нѣтъ, а одна только мѣстность.

* * *

Корреспондентъ „Русскаго Слова" [3]) приводитъ письмо англійскаго офицера съ описаніемъ катастрофы въ Сѣверномъ морѣ:

„Вечеромъ въ пятницу, 18-го мая,—пишетъ молодой морякъ своей матушкѣ,—мы вышли въ море вмѣстѣ съ остальнымъ флотомъ, и въ шесть часовъ утра на слѣдующій день нашъ крейсеръ вмѣстѣ съ другимъ находился на развѣдкѣ, держась на нѣсколько миль впереди остального флота. Я былъ у себя въ каютѣ и спалъ на койкѣ, какъ вдругъ меня разбудили и едва

---

1) „Нов. Вр." 10 окт. 1916 г.

2) „Бирж. Вѣд." № 15850 1916 г.

3) „Рус. Сл." № 231 1916 г.

не сбросили съ койки два непосредственно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ ужасныхъ взрыва. Машины сразу остановились, и электричество въ лампочкахъ потухло. Я наскоро одѣлся и, схвативъ электрическій фонарь, бросился въ машинное отдѣленіе. Тамъ было темно, но люди были всѣ на своихъ мѣстахъ.

Такъ какъ вода заливала уже нижнюю палубу, а помпы безъ пара не могли работать, то я приказалъ людямъ выбираться изъ машиннаго отдѣленія, а самъ отправился съ рапортомъ къ командиру. Наверху кипѣла работа: вся команда была занята спускомъ на воду шлюпокъ (у насъ ихъ было только четыре), плотовъ и выбрасываніемъ за бортъ деревянныхъ брусьевъ и досокъ. Нашъ корабль, между тѣмъ, началъ уже мало-по-малу погружаться носовой частью. Я сбѣжалъ къ себѣ въ каюту, надѣлъ спасательный поясъ, захватилъ свои часы, свои любимыя золотыя запонки, присланныя вами, милая матушка (кстати: я еще забылъ поблагодарить васъ за нихъ, но онѣ и теперь на мнѣ, когда я пишу это письмо), и пять золотыхъ браслетовъ отъ одного плимутскаго ювелира, изъ которыхъ я долженъ былъ выбрать одинъ въ подарокъ Еленѣ ко дню ея рожденія. Я очень жалѣю, что не вспомнилъ захватить съ собой подаренный вами прелестный серебряный ящичекъ для папиросъ. Къ счастью, другой вашъ подарокъ, перстень съ печаткой, былъ у меня на рукѣ.

Едва я вернулся на палубу, какъ мы замѣтили перископъ снова приближающейся къ намъ подводной лодки и тотчасъ открыли по ней огонь изъ нашихъ шестидюймовыхъ орудій. Германецъ отвѣтилъ намъ на это третьей торпедой, ударъ которой пришелся какъ-разъ въ одну изъ угольныхъ камеръ на носу. Вслѣдъ за взрывомъ ея надъ носовой частью корабля взметнулся огромный столбъ воды, увлекшей съ собою куски угля и всякіе обломки. Обрушившись, этотъ смерчъ задѣлъ одну изъ нашихъ четырехъ лодокъ, но, къ счастью, никого не убило и даже не ранило. Корабль началъ погружаться быстрѣе, а потому, по приказанію командира, мы всѣ собрались на бакѣ и оттуда попрыгали за бортъ. Я отплылъ подальше отъ тонувшаго корабля и тутъ, чтобы легче держаться на водѣ, ухватился за плававшій подлѣ меня, деревянный брусъ. Вокругъ меня на водѣ было еще нѣсколько десятковъ человѣкъ, въ свою очередь, цѣплявшихся за какіе-нибудь обломки. Такъ какъ сопровождавшій насъ крейсеръ вынужденъ былъ уходить отъ подводной лодки, то въ виду не было ни одного судна, которое могло бы оказать намъ помощь. Вода была не слишкомъ холодна, но расходившаяся зыбь то-и-дѣло захлестывала насъ мусоромъ и

грязью, а нефть съ корабля, толстымъ слоемъ широко расплывшаяся по поверхности воды, разумѣется, не дѣлала нашего положенія болѣе пріятнымъ. Перекатываясь мнѣ черезъ голову, волны заставляли меня захлебываться отвратительной на вкусъ смѣсью соленой воды съ нефтью. Черезъ три четверти часа я уже выбивался изъ силъ и былъ готовъ пойти ко дну, но всякій разъ, какъ я уже начиналъ погружаться, Сѣверное море казалось мнѣ столь отвратительнымъ на вкусъ, что я изъ послѣднихъ силъ барахтался, чтобы вынырнуть. Какъ-разъ въ это время показались два миноносца, направлявшіеся къ намъ на всѣхъ парахъ. Приблизившись къ намъ, они быстро спустили шлюпки, и одна изъ нихъ,—это былъ китоловный вельботъ,—подобрала меня вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ нашихъ матросовъ. Въ шлюпкѣ мнѣ сразу стало страшно холодно,—гораздо холоднѣе, чѣмъ въ водѣ. Мы уже подходили вдоль борта къ одному изъ миноносцевъ, какъ вдругъ замѣтили несущуюся прямо на него по поверхности воды торпеду. Мы начали кричать миноносцу: „Берегись мины!". Онъ полнымъ ходомъ бросился въ сторону, и торпеда прошла мимо, а мы всѣ неистово кричали „ура". Вторая торпеда, слѣдовавшая сейчасъ же за первой, прошла уже далеко отъ миноносца. Въ другой миноносецъ также была выпущена торпеда, и онъ принужденъ былъ отойти. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нашихъ, державшихся на водѣ, видя, что миноносцы какъ бы уходятъ, пришли въ отчаяніе, и даже тѣ, на комъ были спасательные пояса, поднявши руки вверхъ, пошли ко дну.

Между тѣмъ, миноносцы, описавъ кругъ, вернулись назадъ и живо подобрали всѣхъ насъ. Къ великой моей радости, тотъ миноносецъ, на который я попалъ, подобралъ еще восемь моихъ товарищей офицеровъ. Намъ сейчасъ же дали сухое чистое бѣлье, а также водки и горячаго какао, чтобы согрѣться. Офицеры миноносца приняли насъ какъ нельзя болѣе радушно и угощали всѣмъ, что только у нихъ было.

* * *

11—12 октября. Вмѣсто Б. В. Штюрмера предсѣдателемъ Совѣта Министровъ назначенъ А. Ф. Треповъ. Вечерняя Биржевая сообщаетъ, что новый предсѣдатель Совѣта Министровъ былъ съ визитомъ у предсѣдателя Государственной Думы. Знакъ добрый, пора бы давно чинамъ кабинета работать совмѣстно съ представителями народа на благо родины, на пораженіе врага, забывъ всѣ личные счеты.

* * *

Какіе аховые господа Константиновцы, свидѣтельствуетъ извѣстный разсказъ съ „Чернильницей" Ралліса [1].

Г. Раллисъ былъ тогда премьеромъ. Въ Аѳины пріѣхалъ видный представитель англійскаго правительства по дѣлу государственной финансовой операціи. По окончаніи своей миссіи англичанинъ былъ принятъ королемъ, который ему между прочимъ подарилъ часы со своимъ вензелемъ изъ брилліантовъ. Въ день отъѣзда англичанина изъ Аѳинъ премьеръ Раллисъ далъ въ его честь обѣдъ. За обѣдомъ заговорили о часахъ короля и гости министры, и выдающіеся аѳинскіе политическіе дѣятели выразили желаніе посмотрѣть часы. Англичанинъ вынулъ ихъ, и часы пошли по рукамъ гостей. Разговоръ продолжался, обѣдъ подходилъ къ концу, но часы къ собственнику не вернулись. Англичанину надо было спѣшить на поѣздъ, и онъ обратился къ хозяину съ просьбой найти часы и прислать ему до отхода поѣзда. Сконфуженный Раллисъ, какъ только англичанинъ уѣхалъ къ себѣ въ гостиницу, набросился на своихъ гостей, указывая имъ на неловкость и позоръ происшедшаго и умолялъ своихъ гостей спасти его и свою честь. Для большаго удобства Раллисъ предложилъ потушить электричество, чтобы тому, кто случайно забылъ въ своемъ карманѣ часы, удобнѣе было ихъ положить на письменный столъ въ кабинетѣ хозяина, куда всѣ и перешли. Огонь былъ потушенъ. Черезъ нѣсколько минутъ Раллисъ устремился съ волненіемъ къ своему письменному столу. Но увы! не только онъ на немъ часовъ не нашелъ, но съ него исчезла его художественной работы чернильница!

* * *

Дни непріятныхъ извѣстій, отъ которыхъ уже отвыкли. На Добруджинскомъ фронтѣ отступаютъ, и непріятель овладѣлъ Констанціей, Раегово и Черноводомъ. Къ Макензену отовсюду свезены подкрѣпленія, а генералъ Саррайль, прикрѣпленный крѣпко Константиновскими якорями, наступаетъ крайне медленно. Крайне удивительно, какъ дипломатія согласія выковываетъ эти якоря, своими странными разговорами съ кайзерскимъ холопомъ и его присными.

Румынскія войска въ Трансильваніи у Придаолу, Кипмолунга въ долинѣ Жіуля отошли назадъ; за то къ югу отъ Дорна-Ватры нашими передовыми частями противникъ сбитъ съ ряда высотъ.

* * *

[1] „Веч. Вр." 11 октяб. 1916 г.

Докторъ Констансовъ сдѣлалъ сообщеніе въ Өеодосіи объ открытіи имъ сыворотки для леченія при отравленіи рыбнымъ ядомъ [1]).

* * *

Извѣстный насадитель германскаго засилья въ Россіи С. Ю. Витте очень поощрялъ развитіе нашихъ частныхъ коммерческихъ банковъ, являвшихся зачастую просто филіальными отдѣленіями Deutscher Bank'a и неизмѣнно исполнявшихъ его велѣнія. То же идетъ и теперь. Приказано давать деньги подъ припасы. Выдерживать припасы для возвышенія цѣнъ и тѣмъ вносить страшную разруху въ дѣло довольствія въ Россіи. Это было въ точности исполнено, и въ дѣлѣ вакханаліи цѣнъ нѣкоторые банки оказали цѣнную услугу Германіи. Таково мнѣніе знатоковъ этого дѣла.

* * *

В. М. Дорошевичъ въ „Русскомъ Словѣ" [2]) передаетъ такой интересный разсказъ:

Мы проѣхали Окну.

Страшную, разрушенную Окну.

Гдѣ былъ нашъ весенній прорывъ.

Медленно поднялись на горку. Галиційскія бабы въ бѣлоснѣжныхъ рубахахъ и яркихъ, горящихъ на солнцѣ платкахъ еще задѣлываютъ шоссе, разрытое снарядами.

Миновали станцію...

Какое-то каменное кружево!

Которое, Богъ его знаетъ, какъ держится, стоитъ и не падаетъ.

Пошли кукурузныя поля съ могилами среди кукурузы.

Видимъ,—какая-то баба съ котомкой у дороги машетъ руками и что-то кричитъ.

Можетъ-быть, нуждается въ помощи?

Я приказалъ шофферу остановиться.

Баба, запыхавшись, задыхаясь, бѣжала къ намъ со всѣхъ ногъ.

— Милые, будьте милые. Подсадите меня. Ой, ноженьки мои меня не носятъ! Подсадите. Заплачу я вамъ, что слѣдуетъ!

— Да тебѣ куда?

— А до Садогори я, аль до Садагура, аль до Задагуры. Не знаю, какъ по-ихнему прозывается. Одинъ такъ говоритъ, дру-

---

[1]) „Нов. Вр." 11 окт. 1916 г.

[2]) „Рус. Сл." № 233, 1916 г.

гой этакъ. Подсадите, будьте милые! Ноженекъ я подъ собой не чую. Ой, не чую!

— Да гдѣ это, Садогура-то твоя?

— А въ той сторонѣ. Подъ Черновицами какими-то, не подъ Черновцами. Какъ ихъ тамъ зовутъ!

— Такъ это, матушка, еще верстъ съ восемьдесятъ!

— Ой, милые, что жъ я дѣлать-то буду? Какъ дойду?

— Мы какъ-разъ въ Черновицы ѣдемъ.

— Ой, мои милые! Ой, посадите! Заплачу сколько слѣдуетъ!

— Ладно ужъ съ твоей платой! Садись!

— Ой, милые! Вотъ такъ милые!

Баба въ одинъ мигъ положила свою котомку и усѣлась между мной и шофферомъ, намъ на колѣни.

— Шины отъ бабъ лопаются!—замѣтилъ шофферъ,—загрузили автомобиль!

— И милые! Скрызь вамъ благополучно будетъ!

Исчезло съ лица просительное, тоскливое выраженіе. Баба утерлась и оказалась молодой, красивой женщиной, съ веселыми ясными, радостными глазами.

— Ты сама-то откуда? Здѣшняя? Русинка?

— А рассейская я. Алена я. Зачѣмъ здѣшняя? Изъ-подъ Каменца мы, изъ-подъ Подольскаго.

— А теперь-то куда же идешь?

— А къ мужу я. Вотъ.

Она достала изъ-за пазухи платочекъ, изъ платочка телеграмму.

— Читайте. Неграмотна я.

Телеграмма:

— Пріѣзжай мѣстечко Садогоръ.

— Вотъ, вотъ! Садогоръ. А одинъ говоритъ: Задигура, а другой говоритъ Садогуръ, а третій—невѣдомо що. По-нашему они плохо балакаютъ. Безъ понятія! Одинъ говоритъ: вправо тебѣ, другой—влѣво тебѣ, третій—сюда иди, а еще какой—сюда, баба, ступай. Кручусь я, кручусь. Сколько верстъ ноженьками перемѣряла!

— Да что жъ, у тебя пропускъ есть?

— А какой пропускъ?

— Документъ, паспортъ, свидѣтельство? Вѣдь, здѣсь война, армія, завсеванная страна, чудачка ты!

— А вотъ!

Она достала изъ платочка еще бумажку.

— Батюшка далъ. Прописалъ: Алена, изъ нашего села. Я до батюшки пошла, батюшка и далъ.

— Какъ же ты, пѣшкомъ?

— А пѣшкомъ.

— Все время пѣшкомъ?

— Скрызь пѣшкомъ.

— Ты заплатить хотѣла. Что жъ, у тебя деньги есть?

— А есть.

— Сколько же у тебя денегъ?

— А два рубля.

— Съ двумя рублями и пошла?

— А и пошла. Больше не было.

— Какъ же ты такъ съ двумя рублями?

— А хатъ брошенныхъ много. Скрызь все брошенныя. Гдѣ хочешь,—тамъ и заночуй. А гдѣ которые жители остались,— ночевать пустятъ.

— А ѣсть-то какъ же?

— А гдѣ солдаты изъ котла покормятъ. Солдатская, молъ, я жена. Къ мужу на побывку иду. Въ пулеметчикахъ у меня мужъ, пулеметной команды. Ну, и покормятъ. А гдѣ своихъ сухарей пожую. Изъ дома взяла.

Двѣ недѣли, за границей, съ двумя рублями, пѣшкомъ.

— На долго ты къ мужу?

— А на два дня. Два дня побуду и назадъ пойду. Намъ долго нельзя. Трое дѣтей у насъ. Долго отлучаться нельзя.

За два дня свиданія такой путь!

— Давно ли ты замужемъ?

— А десять лѣтъ.

— Тебѣ-то сколько лѣтъ?

— А двадцать семь лѣтъ.

— Что жъ, стосковалась очень?

Баба разсмѣялась.

— А извѣстно, стосковалась. Два года не видѣлись. Съ самаго начала онъ, какъ войну ударили. Его изъ запаса и взяли. Писалъ письмо,—пулеметчикъ онъ, пулетной команды. А больше: живъ ли, нѣтъ ли,—неизвѣстно. И вдругъ телеграммъ: „Пріѣзжай“. Неграмотная я,—плакала. Думаю: „Телеграммъ,—значитъ вбитъ“. Иду до батюшки, чтобъ прочиталъ, а сама, дура, плачу. А батюшка прочиталъ: „Пріѣзжай“.

Баба разсмѣялась радостно, сквозь веселыя слезы.

* * *

Въ то самое время, когда Германія тащитъ на поля сраженій послѣдняго турецкаго, болгарскаго и польскаго солдата, и ста-

вить въ строй возвращеннаго изъ русскаго плѣна инвалида, дипломатія согласія не сумѣла заставить японцевъ превратиться изъ нейтральной державы, снабжающей только Россію боевымъ снаряженіемъ, въ державу дѣйствительно союзную. Появленіе японскихъ корпусовъ на Балканскомъ фронтѣ оказало бы рѣшающее значеніе на ходъ войны.

Недавнія слова въ японскомъ парламентѣ барона Моното о какихъ-то *особыхъ* интересахъ Японіи на Дальнемъ Востокѣ и въ то же время доброжелательное отношеніе Америки къ державамъ согласія совершенно не совмѣщаются вмѣстѣ.

Слова нѣкоторыхъ японскихъ дѣятелей о томъ, что японцы не могутъ сражаться въ чужихъ странахъ, не выдерживаютъ никакой критики. Вѣдь русскія и англійскія войска сражались въ чужой землѣ во Франціи, а французскіе, англійскіе и русскіе полки воюютъ не на своей родинѣ, на Балканскомъ полуостровѣ.

Намъ кажется, что отказъ японцевъ отъ союзныхъ дѣйствій на поляхъ сраженій наводитъ на печальныя размышленія и грозитъ въ будущемъ очень печальными послѣдствіями.

* * *

Caveant consules.

По отзывамъ швейцарскихъ газетъ, лѣтомъ 1917 г. нѣмцы, замышляютъ наступленіе на Россію. По плану Гинденбурга наступленіе надо вести на сѣверный фронтъ. Люндендорфъ думаетъ, и съ нимъ соглашается кайзеръ, что надо идти въ Бессарабію и на Одессу.

В. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1917 г.

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и воспоминанія.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. — Матеріалы и замѣтки.

Приложенія:

Библіографическій листокъ.

1. Записки кн. И. М. Долгорукова. 1764—1800. Петроградъ. 1916 г.—**Н. Г.** (на обложкѣ январской книги).

2. Т. О. Соколовская „Капитулъ Феникса". Высшее тайное масонское правленіе въ Россіи (1788—1822). Петроградъ. 1916 г.—**Н. Г.** (тамъ же).

3. Пѣсни о Бельгіи, собранныя Евгеніемъ Вильчинскимъ. Петроградъ. 1916 г.—**П.** (тамъ же).

4. Несторъ Котляревскій. Канунъ освобожденія. 1855—1861. Изъ жизни идей и настроеній въ радикальныхъ кругахъ того времени. Петроградъ. 1916 г.—**С. Ш.** (тамъ же).

5. „Временникъ". — Изданіе сѣвернаго кружка любителей изящныхъ искусствъ. Вып. I. Вологда 1916, стр. 122. Цѣна не обозначена. — **С. М.**—(на обложкѣ февральской книги).

6. Андрей Сиротининъ. Съ родныхъ полей. Не свои стихи. Петр. 1916. Стр. 280, ц. 1 р. 85 к.—**М. С.** (тамъ же).

7. На память о 1 октября 1914 г. Матеріалы къ исторіи журнала „Педагогическій Сборникъ", составлено редакціею „Педагогическаго Сборника". Петр. 1916 г. Стр. 170. Не продается. — **С. Я.** (тамъ же).

8. Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1914 годъ, М. 1916. Стр. 226 —**С. Я.** (тамъ же).

9. И. С. Симоновъ. Памяти Ник. Вас. Исакова, Петр. 1916, стр. 48, ц. 40 коп. Памяти Всев. Порф. Коховскаго, Петр. 1916, стр. 81, ц. 60 коп. Памяти Григ. Григ. Даниловича, Петр. 1916, стр. 60, ц. 50 к. Страничка изъ жизни К. Д. Кавелина, отт. изъ журн. „Педагогическій Сборникъ", Петр. 1916 г.—**С. М.** (тамъ же).

10. Проф. А. Я. Шпаковъ. Государство и церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ московскомъ государствѣ. Царствованіе Ѳедора Ивановича. Учрежденіе патріаршества въ Россіи.— **С. Ш.** тамъ же).

11. В. Г. Дружининъ. Нѣсколько автографовъ писателей и арообрядцевъ. (ъ приложеніемъ фототипическихъ таблицъ Петр. 1916.—**М. Т.** (На обложкѣ мартовской книжки).

12 Академикъ А. И. Соболевскій. Русскія фрески въ старой Польшѣ. Съ тремя фототипическими таблицами.—**С. Т.** (тамъ же).

13. Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1914 годъ. М. 916. Стр. 226.—**С. Я.** (тамъ же).

14. Описаніе дѣлъ архива Министерства Народнаго Просвѣщенія. Подъ редакціей заслужен. профессора С. Ѳ. Платонова и начальника архива А. С. Николаева. Т. I. Петр. 1917. Стр. 500.— **С. Ш.** (тамъ же).

15. Записки декабриста Горбачевскаго. Съ приложеніемъ и со вступительной статьей Б. Е. Сыроѣчковскаго. Издательство „Задруга". М. 1916. Стр. 360. Ц. 2 р.—**С. Ш.** (тамъ же).

ное значеніе для изученія исторіи русской культуры. По проекту комиссіи по изученію дѣлъ архива, руководимой профессоромъ С. Ѳ. Платоновымъ, предполагается издать подробное описаніе всѣхъ матеріаловъ и документовъ по исторіи русскаго просвѣщенія, сохранившихся со времени учрежденія Императрицей Екатериной II „Комиссіи о народныхъ училищахъ". Въ первомъ томѣ опубликованы матеріалы, относящіеся къ 1782—1803 годамъ, причемъ на-ряду съ описаніемъ приводятся также выдержки изъ наиболѣе интересныхъ въ историческомъ отношеніи документовъ, а иногда послѣдніе печатаются и полностью. Комиссія, работающая при ближайшемъ участіи А. С. Николаева, который вообще преданъ архиву и заботится о превращеніи его изъ хаотическаго собранія бумагъ въ благоустроенное культурно-историческое учрежденіе,—съумѣла придать первому тому своего изданія значительную обще-литературную цѣнность введеніемъ въ книгу ряда интересныхъ очерковъ и статей спеціалистовъ вопроса. Такъ, въ разсматриваемомъ изданіи напечатаны статьи проф. С. В. Рождественскаго—„Значеніе Комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ въ исторіи политики народнаго просвѣщенія въ XVIII—XIX вв.", И. Л. Маяковскаго и В. В. Снигирева—введенія къ различнымъ группамъ матеріаловъ, П. Н. Столпянскаго—о старомъ Щукиномъ дворѣ, гдѣ помѣщаются разныя учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, проф. И. И. Лаппо—„Виленская Академія, іезуитскія коллегіи и ихъ документы"—введеніе къ напечатанной въ книгѣ интереснѣйшей группѣ матеріаловъ по исторіи польско-литовскихъ просвѣтительныхъ учрежденій. Къ первому тому приложены фототипическія и цинкографическія воспроизведенія съ подлинныхъ указовъ, журналовъ, плановъ и другихъ документовъ, съ портретовъ Императрицы Екатерины II, Императора Александра I, Ѳ. И. Янковича-де-Миріево, графа П. В. Завадовскаго. Все это въ техническомъ отношеніи выполнено прекрасно, какъ хорошо, впрочемъ, издана и вся книга. Надо полагать, что руководители министерства дадутъ комиссіи возможность продолжать ея дѣло, очень полезное для исторіи русской культуры и необходимое для многочисленныхъ изслѣдователей этой исторіи, которые болѣе не будутъ вынуждены непроизводительно затрачивать трудъ и время на разборъ дѣлъ архива при изученіи той или иной эпохи или опредѣленнаго вопроса.

С. Ш.

Записки декабриста Горбачевскаго. С**ъ приложеніями и со вступительной статьей Б. Е. Сыроѣчковскаго. Издательство „Задруга". М. 1916. Стр. 360. Ц. 2 р.**

Записки И. И. Горбачевскаго давно извѣстны, какъ самый цѣнный матеріалъ для изученія внутренней исторіи движенія, подготовившаго декабрьскія событія 1825 года. Особенно много даютъ онѣ для выясненія взаимоотношеній „Южнаго общаго" и „Общества Соединенныхъ славянъ", слившихся въ концѣ концовъ въ одну организацію. Кромѣ этого, записки Горбачевскаго имѣютъ значеніе, какъ сводъ фактическихъ данныхъ о событіяхъ въ Черниговскомъ полку С. И. Муравьева-Апостола, какъ точный и обстоятельный разсказъ о дѣлѣ Сухинова. Къ запискамъ приложены письма Горбачевскаго къ друзьямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ публикуются здѣсь впервые, а одно изъ нихъ, въ свое время опубликованное Н. О. Лернеромъ и П. Е. Щеголевымъ, даетъ яркія характеристики самыхъ видныхъ участниковъ событій 14 декабря 1825 года и друзей ихъ. Здѣсь интересны сообщенія Горбачевскаго и М. Бестужева объ отношеніи декабристовъ къ А. С. Пушкину, котораго они не хотѣли посвящать въ свои тайны. Къ книгѣ приложено два портрета И. И. Горбачевскаго. Издана она дешево.

С. Ш.

[Р]едакторъ-издатель П. Н. Вороновъ. Тип. Шт. Петр. Воен. Окр.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLVIII-й. **Апрѣль, Май, Іюнь.** 1917 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

IV — VI книжка „Русской Старины“ вышла 11-го іюня 1917 г.

Библіографическій листокъ.

Викторъ Никольскій. История русскаго искусства. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Т. I. М. 1915, стр. 252, съ 305 иллюстраціями въ текстѣ и 16-ю приложеніями.

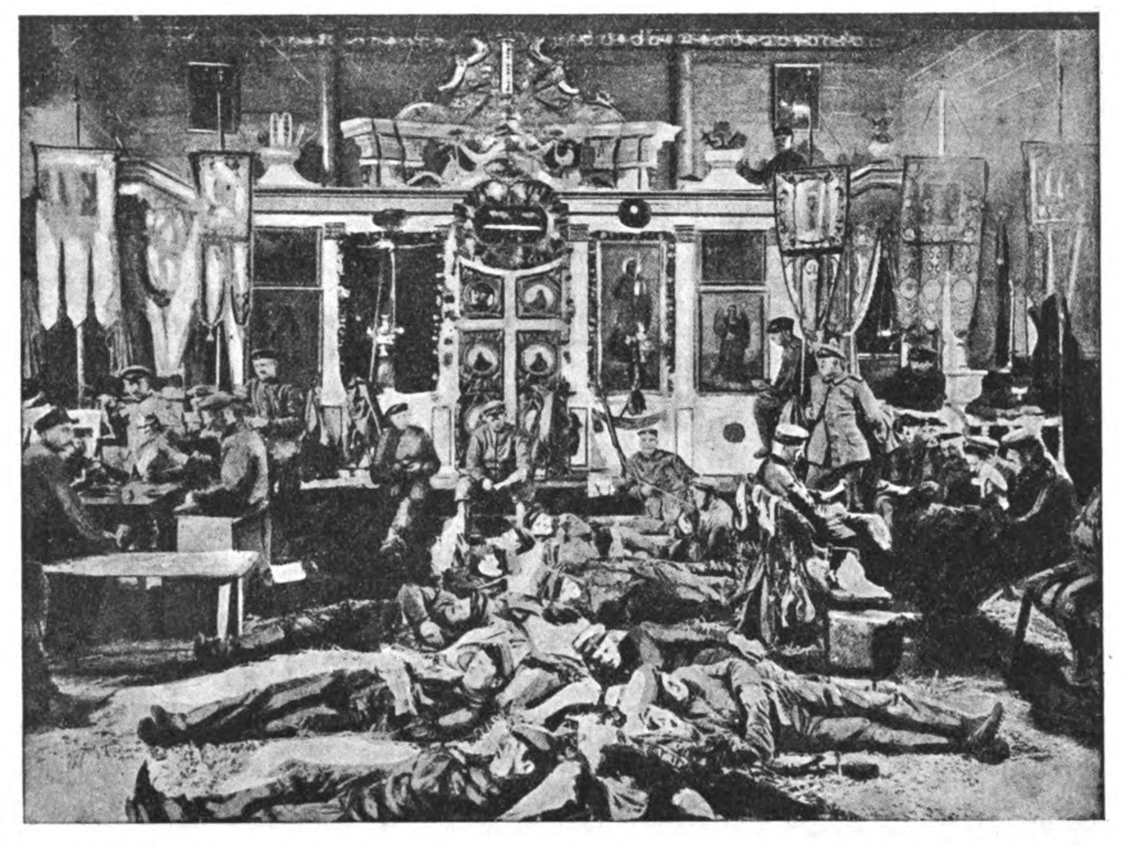
Г. Никольскій, зарекомендовавшій себя серьезнымъ изслѣдователемъ русскаго искусства и глубокимъ знатокомъ его, извѣстенъ уже нѣсколькими хорошими трудами въ этой области. Теперь онъ выпустилъ въ роскошномъ изданіи И. Д. Сытина цѣлую энциклопедію русскаго искусства, въ которой даетъ общій обзоръ развитія въ Россіи архитектуры, скульптуры и прикладного искусства съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Трудъ этотъ составленъ не только на основаніи обильнаго матеріала, собраннаго многочисленными предшественниками автора, но и по непосредственному изученію памятниковъ. Г. Никольскій, въ соотвѣтствіи съ серьезно понятыми задачами своего труда, подробно останавливается на изображеніи древняго періода, когда слагались русскіе художественные вкусы и идеалы, когда художественное творчество носило эпическій характеръ. Въ связи съ этимъ онъ и приводитъ многочисленныя иллюстраціи къ тексту, воспроизведя въ своей книгѣ образцы древняго русскаго зодчества, прикладного искусства, живописи, узоровъ и пр. Въ виду обширности темы г. В. Никольскій сдѣлалъ свой обзоръ очень сжатымъ и заканчиваетъ первый томъ изслѣдованія XVIII-мъ вѣкомъ, захватывая даже отчасти XIX вѣкъ. Кромѣ нѣсколькихъ сотъ иллюстрацій въ текстѣ, выполненныхъ въ техническомъ отношеніи очень хорошо, къ книгѣ приложено 16 иллюстрацій на отдѣльныхъ вкладныхъ листахъ, прекрасно выполненныхъ въ краскахъ и фототипіей. Книга включена въ хорошій полотняный переплетъ, украшенный стильнымъ узоромъ.

С. Я.

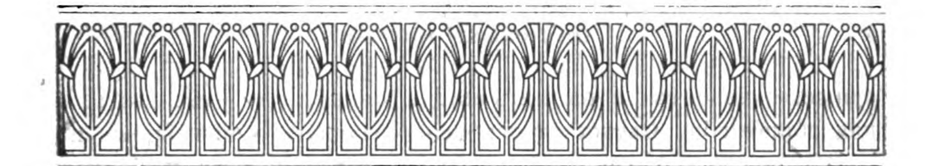
Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ. Петр. 1917. Стр. 145. Ц. 1 р. 50 к.

Въ обширной литературѣ о великомъ русскомъ мыслителѣ-педагогѣ книга графа А. А. Мусинъ-Пушкина не можетъ претендовать ни на оригинальность темы, ни на своеобрзность метода работы, ни, наконецъ, на тщательность выполненія поставленной себѣ авторомъ задачи. Хотя графъ Мусинъ-Пушкинъ и заявляетъ, что онъ въ своемъ трудѣ пытался избѣжать недостатка другихъ работъ о Пироговѣ, идеями котораго авторы пользуются-де съ предвзятой цѣлью оправданія своихъ партійныхъ программъ и взглядовъ,— но именно ему и не удалось избѣжать этого недостатка. Составилъ почти всю книгу изъ выдержекъ, взятыхъ изъ разныхъ педагогическихъ произведеній Н. И. Пирогова, графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ свои собственныя разсужденія по поводу этихъ выдержекъ сводитъ исключительно къ полемикѣ съ школьной политикой графа П. Н. Игнатьева, обвиняя его въ слѣдованіи по пути ложнаго либерализма, въ потаканіи „улицѣ" и т. п. грѣхахъ. Нападая, въ другихъ своихъ работахъ, на школьную политику Л. А. Кассо, нашъ авторъ не замѣчаетъ даже противорѣчія въ своихъ выступленіяхъ противъ графа П. Н. Игнатьева, который, во всякомъ случаѣ, шелъ по пути, намѣченному для дѣятелей отечественнаго просвѣщенія великимъ русскимъ педагогомъ. Крайне неудачно также сравненіе школьныхъ идеаловъ Пирогова съ идеалами графа Д. А. Толстого, въ каковомъ сравненіи графъ Мусинъ-Пушкинъ слѣдуетъ чрезвычайно странному выводу проф. Т. В. Локотя. Не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и необоснованно также заявленіе автора о томъ, что радикальный лагерь причислялъ Пирогова къ гасителямъ просвѣщенія, что радикальная печать смотрѣла на него, какъ на крайняго ретроградa, что Пироговъ „сознательно высказывался противъ распространенія частнаго образованія". Впрочемъ, читателю „Русской Старины", гдѣ печаталось и печатается все наиболѣе цѣнное изъ литературно-политическаго и педагогическаго наслѣдія Пирогова, достаточно ясно несоотвѣтствіе выводовъ автора книги о Пироговѣ точному смыслу и содержанію литературнаго-педагогическаго наслѣдія знаменитаго гуманиста.

С. Ш.



Постой нѣмцевъ въ русской церкви. Фотографическій снимокъ изъ нѣмецкаго журнала съ надписью: „Deutsche Einquaztierung in einer russischen kirche“. (Изданіе чрезвычайной слѣдственной комиссіи).



Житейскія встрѣчи.

V.

Извѣстныя слова московскаго митрополита Платона о томъ, что перегородки между людьми до неба не доходятъ, могли примѣняться къ условіямъ жизни русскаго общества съ большими оговорками. Конечно, до неба, какъ свидѣтельствовалъ знаменитый іерархъ, онѣ не доходили, но стоитъ припомнить хотя бы безправное положеніе старообрядцевъ, отданныхъ на жертву разнымъ „ревнителямъ о вѣрѣ", чтобы видѣть, какъ высоко подымались эти перегородки вертикально даже въ предѣлахъ одного вѣроисповѣданія. На-ряду съ ними твердо и неколебимо, стояли перегородки горизонтальныя, дѣлившія общество—провинціальное въ особенности—на рядъ слоевъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга закономъ, бытовыми особенностями, традиціями, застарѣлыми обычаями и предвзятою отчужденностью. Выйти за предѣлы ихъ было очень трудно, если не обладать молчалинскою приспособляемостью и скалозубовскимъ усердіемъ, которое „все превозмогаетъ". Сколько душевныхъ силъ, исключительныхъ способностей и упорнаго труда было потрачено выдающимися людьми, стремившимися пробиться къ свѣту, къ наукѣ или общественной пользѣ сквозь узкія щели этихъ перегородокъ! Сколькіе „занозили" при этомъ свое сердце или поступились своимъ человѣческимъ достоинствомъ...

Тѣмъ цѣннѣе были тѣ, кто занималъ, въ томъ или иномъ отношеніи, видное положеніе и не обращалъ вниманія на эти перегородки,—тѣ, кто, не считаясь съ ними, умѣлъ подъ сословною, племенною или вѣроисповѣдною оболочкою разглядѣть духовное

существо человѣка и оцѣнить его настоящій, а не удѣльный вѣсъ для общежитія. Служа одновременно укоромъ и примѣромъ погрязающему въ близорукой односторонности обществу, такіе люди широкихъ взглядовъ пріучали послѣднее къ оцѣнкѣ личности независимо отъ наклееннаго на нее ярлыка—и направляли разрозненные общественные взгляды къ однимъ и тѣмъ же нравственнымъ идеаламъ.

Иногда такими людьми бывали лица съ оффиціальнымъ положеніемъ. Стоитъ припомнить, напримѣръ, В. А. Арцимовича на губернаторствѣ въ Тобольскѣ и Калугѣ или К. К. Грота въ той же роли въ Самарѣ,—умѣвшихъ объединить вокругъ себя сотрудниковъ, работавшихъ по подготовкѣ и осуществленію освобожденія крестьянъ, и находившихъ отдыхъ отъ житейской борьбы и злостныхъ инсинуацій не за карточнымъ столомъ, а въ кругу спаянныхъ одинаковыми стремленіями мѣстныхъ дѣятелей—или, подобно Гроту, говорившихъ послѣ тяжелаго дня своимъ сослуживцамъ: „а не почитать ли намъ Пушкина?".

Чаще эта роль принадлежала выдающимся по характеру, независимому общественному положенію и вліянію женщинамъ. Такія встрѣчались иногда и преимущественно въ провинціи и въ Москвѣ. Ихъ имена мелькаютъ въ мемуарахъ современниковъ, и одну изъ нихъ яркими чертами обрисовалъ Толстой въ своей русской Иліадѣ. Обыкновенно оффиціальнымъ средоточіемъ, вокругъ котораго вращалась губернская жизнь такъ называемаго общества, являлась жена начальника губерніи, становившаяся во главѣ мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій и различныхъ предпріятій въ этомъ родѣ и быстро вырабатывавшая въ себѣ по отношенію къ окружающимъ благосклонность взора и улыбку благоволенія. Но высшее служилое губернское населеніе рѣдко пускало прочные корни на мѣстѣ, подвергаясь переводамъ и повышеніямъ. И на-ряду со смѣняющимися, какъ китайскія тѣни, мимолетными образами высшихъ представительницъ служебнаго сословія нерѣдко возникалъ прочный и устойчивый образъ „старожилки". Ее обыкновенно окружали не „всепокорнѣйшіе слуги" и поспѣшныя подражательницы манеръ и вкусовъ, а свободно выросшее почтеніе на почвѣ признанія ея ума, житейскаго опыта и сложившагося годами участливаго и самостоятельнаго отношенія къ явленіямъ окружающей жизни. Мѣнялись и уходили представители бюрократіи и мѣстныя власти, а „сторожилка" оставалась неизмѣнно на своемъ посту—авторитетная, безъ казеннаго обличья,—свободная во мнѣніяхъ и зорко-разборчивая, несмотря на тра-

диціонное гостепріимство, въ оцѣнкѣ людей. Смерть подобной женщины въ годы дѣятельной ея жизни оставляла долго ощущаемую пустоту,—смерть въ преклонномъ возрастѣ развертывала въ пережившихъ ее цѣлый клубокъ свѣтлыхъ воспоминаній.

Такою была недавно скончавшаяся въ Харьковѣ 85 лѣтъ отъ роду, *Александра Гавриловна Харина*. Жена и затѣмъ вдова богатаго помѣщика Воронежской губерніи, выросшая въ зажиточной семьѣ, она вошла въ жизнь Харьковскаго общества во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, когда послѣ Крымской войны на пышно распустившійся крѣпостной бытъ въ его разнообразныхъ проявленіяхъ повѣяло первымъ дыханіемъ морозныхъ утренниковъ. Освобожденіе крестьянъ, неизбѣжная близость котораго чувствовалась въ воздухѣ, взволновало провинціальную жизнь до дна. Въ ея мертвящія формы и догматы проникли микробы разложенія и возрожденія, вызывая ожесточеніе многихъ владѣльцевъ „крещеной собственности", надѣявшихся, подобно знаменитому московскому сатрапу Закревскому, что „въ Петербургѣ оставятъ эти глупости",—и восторженную готовность содѣйствія со стороны отдѣльныхъ группъ. При видимомъ внѣшнемъ спокойствіи провинціальное общество глубоко раскололось. Если оффиціальнымъ лицамъ волей иль неволей не приходилось рѣзко протестовать противъ шедшихъ изъ Петербурга указаній, то не зависящимъ отъ службы, но тѣмъ не менѣе выдающимся въ обществѣ людямъ, желавшимъ „сохранить свое лицо", приходилось неизбѣжно присоединиться къ одному изъ двухъ образовавшихся теченій. Жадный къ воспріятію новыхъ впечатлѣній, живой и гибкій умъ и чуткое сердце указали Александрѣ Гавриловнѣ, на чьей сторонѣ сущая правда и справедливость. Она безповоротно стала на сторону новыхъ началъ русской жизни, начатыхъ съ отмѣны крѣпостного права, и неизмѣнно осталась на протяженіи шести десятилѣтій вѣрною широкимъ взглядамъ на необходимость послѣдовательнаго гражданскаго обновленія родины. Всегда радостно относившаяся къ осуществленію великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, она съ нескрываемою грустью и негодованіемъ отмѣчала ихъ искаженіе, систематическое замедленіе или лукавое непониманіе необходимой между ними гармоніи. Ея обширный домъ, въ видѣ замка въ стилѣ поздней англійской готики, окруженный тѣнистымъ садомъ, былъ не только гостепріимно открытъ во дни пріемовъ и домашнихъ празднествъ, собиравшихъ „весь Харьковъ", но и являлся мѣстомъ умственнаго отдыха и обмѣна серьезныхъ взглядовъ для осѣдлыхъ и пріѣзжихъ представителей науки и ли-

тературы и для судебныхъ и общественныхъ дѣятелей. Здѣсь велись долгія и ничѣмъ не стѣсняемыя бесѣды по острымъ или назрѣвшимъ вопросамъ, и нерѣдко читались доклады по разнымъ отраслямъ знаній или находившіяся еще въ рукописи выдающіяся произведенія, какъ, напримѣръ, „соната Крейцера“ до ея появленія въ свѣтъ.

Образованная и начитанная, умѣвшая сохранить въ своемъ обиходѣ добрыя стороны прошлой жизни,—привѣтливая, однако безъ назойливаго и неразборчиваго хлѣбосольства, она умѣла объединять у себя—для всѣхъ легко и удобно,—и молодежь, проникнутую „радостью жизни“, и оживленный смѣхъ дѣтскихъ игръ, и уравновѣшенность уже отживающихъ людей, и тревожную отзывчивость зрѣлыхъ людей на требованія и задачи дѣйствительности. Вотъ почему вновь поселившемуся не на краткій срокъ въ Харьковѣ, нерѣдко на-ряду съ желаніемъ узнать, какое впечатлѣніе произвели на него губернаторъ, архіерей и другіе „командующіе на заставахъ“—предлагался вопросъ: „Ну, а съ Александрой Гавриловной вы имѣли случай познакомиться“?

Искать знакомства съ нею и дорожить имъ побуждали не только ея несомнѣнный умъ и житейскій тактъ, но и ея не показная, а искренняя сердечность въ отношеніяхъ къ людямъ. Воспитанная въ старой школѣ вѣжливости и приличія,—нынѣ, къ сожалѣнію, почти упраздненной,—она относилась со вниманіемъ и вдумчивостью ко мнѣніямъ своихъ собесѣдниковъ и *умѣла*,—что рѣдко у насъ случается—*слушать*. Но она была далека отъ молчаливой терпимости или поддакиванія, хотя бы и въ шутливомъ тонѣ, тому, что по ея убѣжденію было вредно или дурно въ общественной или частной жизни. Ея сердцу была чужда слезливая и неразборчивая чувствительность и поспѣшное распахиваніе дверей души предъ всякимъ мимоидущимъ. Но отзывчивое на дѣйствительное горе и муку, ея сердце способно было трогательно раздѣлять первое и тонко понимать вторую. Когда ей приходилось встрѣтиться съ настоящимъ страданіемъ, а приходилось часто—она не ограничивалась соболѣзнованіемъ, а стремилась не только успокоить, но и придумать исходъ изъ создавшагося положенія. Кончина ея не можетъ не вызвать во многихъ благодарныхъ воспоминаній о тѣхъ дняхъ, когда, входя со сжатымъ болью сердцемъ и омраченною душою въ ея свѣтлый, уютный кабинетъ—они уходили оттуда успокоенные нравственно и нерѣдко облегченные въ своей матеріальной нуждѣ. Чуждая всякаго внѣшняго оказательства творимаго ею добра, она слѣдовала завѣту о правой рукѣ, не вѣ-

дающей, что дѣлаетъ лѣвая, и любила втихомолку „подвязывать крылья“ людямъ бѣднымъ, трудоспособнымъ и даровитымъ, но безпомощнымъ на первыхъ шагахъ своего житейскаго пути. Вмѣстѣ съ тѣмъ она считала себя обязанною принимать активное участіе въ общественной благотворительности и въ поддержаніи разныхъ мѣстныхъ учрежденій общественнаго характера. Много лѣтъ она была дѣятельнымъ членомъ Харьковскаго Благотворительнаго Общества и Попечительницею двухъ женскихъ гимназій—казенной и частной, содержа въ одной изъ нихъ на свой счетъ рядъ воспитанницъ. Уже въ очень преклонномъ возрастѣ одушевилась она идеей почтить благородную житейскую и научную дѣятельность знаменитаго Харьковскаго окулиста, профессора Гиршмана, устройствомъ глазной больницы его имени, и стала во главѣ кружка, собравшаго на это подъ ея руководствомъ около 60.000 рублей.

Я узналъ ее въ 1869 году при довольно оригинальныхъ условіяхъ. Въ 1867 году въ Харьковскомъ судебномъ округѣ была введена судебная реформа, внесшая большое оживленіе въ мѣстное общество. Старыхъ приказныхъ людей и подъячихъ, въ плотномъ кругу которыхъ тонули отдѣльныя достойныя личности, смѣнили люди съ повышеннымъ образовательнымъ цензомъ, съ живымъ словомъ вмѣсто мертвой канцелярской переписки, съ горячимъ желаніемъ осуществить на практикѣ свѣтлые завѣты творцовъ Судебныхъ Уставовъ. Въ судѣ раздалось свободное слово защиты,—недавній рабъ, подлежавшій, еще пять лѣтъ назадъ, продажѣ и покупкѣ, возсѣлъ на скамьѣ присяжныхъ рядомъ съ представителями всѣхъ сословій,—наука въ живомъ и поучительномъ обмѣнѣ взглядовъ и выводовъ между экспертами—профессорами университета пришла на помощь гласному отправленію правосудія. Между молодыми людьми, имѣвшими счастье быть призванными на служеніе новому судебному строю, было много пріѣзжихъ изъ уже открытыхъ Петербургскаго и Московскаго округовъ. Харьковское общество отнеслось къ нимъ съ большимъ интересомъ, какъ бы повторяя слова поэта: „здравствуй племя младое, незнакомое“! Но всѣ они, отдаваясь всецѣло новому дѣлу, были крайне заняты и фактическое сближеніе ихъ съ лучшими представителями мѣстнаго общества, не принадлежавшими къ судебному вѣдомству, совершалось медленно.

Къ числу этихъ молодыхъ людей принадлежалъ и я. По должности Товарища Прокурора Харьковскаго Окружнаго суда я давалъ заключенія въ городскомъ Съѣздѣ мировыхъ судей и

выѣзжалъ два раза въ мѣсяцъ для того же въ уѣздные города Валки и Богодуховъ,—имѣлъ подъ своимъ наблюденіемъ пять слѣдственныхъ участковъ и часто выступалъ въ засѣданіяхъ по дѣламъ съ присяжными засѣдателями. Все это совершенно не давало возможности бывать въ „обществѣ“ —и рѣдкій досугъ приходилось проводить въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ. Лѣтомъ 1869 года крайнее переутомленіе и малокровіе, сопровождаемое горловыми кровотеченіями, вынудили меня поѣхать, по совѣту врачей, во Франценсбадъ, воды котораго въ то время считались чуть ли не панацеею отъ всѣхъ „лихихъ болѣстей“.

Однажды, придя въ Post-Hof, гдѣ предстояло обѣдать съ семьей члена Харьковской Судебной Палаты Яблонскаго, я засталъ сидящую съ ними незнакомую мнѣ даму, подъ сорокъ лѣтъ, высокую и стройную, съ умными свѣтло-карими глазами и мягкими чертами не красиваго, но привлекательнаго лица. Шелъ оживленный разговоръ, въ разгарѣ котораго насъ забыли назвать другъ другу, быть можетъ предполагая, что мы уже знакомы. Послѣ обѣда Яблонскіе ушли „отдыхать“, а я и моя незнакомка вышли въ паркъ, пробродивъ и просидѣвъ въ немъ болѣе двухъ часовъ, увлеченные бесѣдой на разныя общественныя и житейскія темы.

Тонкая наблюдательность, остроумныя обобщенія, богатый жизненный опытъ, справедливое отношеніе къ людямъ, въ личности которыхъ моя собесѣдница искусно отмѣчала свѣтъ и тѣни, объясняя послѣднія и подчеркивая первый—и, наконецъ, вдумчивое отношеніе ея къ явленіямъ нашей государственной и бытовой жизни, и удивили, и очень заинтересовали меня. Время пролетѣло незамѣтно. Спросить, съ кѣмъ я „имѣю честь“ бесѣдовать, было неловко. Чувствовалось лишь, что это давняя Харьковская жительница. У входа въ гостиницу, гдѣ она остановилась, на ея вопросъ: „извините меня, но я вѣдь не знаю, съ кѣмъ именно провела я это время?“—я назвалъ себя. „Ну вотъ, какъ это странно... Я Харина, и у меня не разъ являлось желаніе познакомиться съ вами, но мнѣ говорили, что вы нелюдимъ, и я не хотѣла стѣснять Васъ своимъ приглашеніемъ или получить вѣжливый отказъ“. „Я дѣйствительно, очень занятъ,—отвѣтилъ я—а вы, какъ я слышалъ, занимаете въ Харьковѣ такое исключительное положеніе, что я не стремился, подобно многимъ, идти къ вамъ на поклонъ“. „Ну вотъ видите,—сказала она, улыбаясь,—сама судьба устроила наше знакомство и я надѣюсь, оно будетъ продолжаться“.

Съ тѣхъ поръ среди размѣренной и однообразной жизни водяного курорта мы встрѣчались почти ежедневно, и я имѣлъ возможность оцѣнить выдающійся умъ Хариной и ея замѣчательную способность дать каждому чувствовать себя легко и свободно. Иногда мы предпринимали вмѣстѣ съ Яблонскими поѣздки въ окрестные маленькіе городки—Эгеръ, съ его историческими воспоминаніями, Фалькенау, а также ѣздили въ Карлсбадъ, тогда еще не соединенный желѣзной дорогою съ Франценсбадомъ. Послѣдняя поѣздка оставила во мнѣ живое воспоминаніе объ остроуміи Яблонскаго и своеобразномъ способѣ выражаться его жены—сестры знаменитаго Мечникова—рѣчь которой изобиловала совершенно неожиданными оборотами. Такъ, напримѣръ, находя, что освѣщеніе улицъ въ Карлсбадѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ во Франценсбадѣ, она сказала намъ: „а, вѣдь, здѣсь гораздо фонарѣе, чѣмъ у насъ“.

Я оцѣнилъ, въ это время, и вдумчивую сердечность Александры Гавриловны. На порогѣ молодости мнѣ пришлось много страдать отъ сомнѣній и скорби, вызываемыхъ однимъ изъ тѣхъ житейскихъ гордіевыхъ узловъ личнаго характера, развязать которые не всегда хватаетъ умѣнія, а нерѣшительная мысль о разрубаніи которыхъ причиняетъ безысходную боль. Она умѣла чутьемъ понять мое душевное состояніе, хотя я о немъ никогда не говорилъ, и съ тонкою и догадливою деликатностью помогла мнѣ разобраться въ томъ, что меня смущало и угнетало. Вернувшись осенью въ Харьковъ, я уже пошелъ къ ней, какъ къ старому и испытанному другу, и затѣмъ, перейдя на службу въ Петербургъ, унесъ съ собой воспоминаніе о ея домѣ и семьѣ какъ о чемъ-то мнѣ родномъ и близкомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя судьба послала мнѣ счастливую возможность въ свою очередь смягчить материнскіе горе и тревогу Хариной, вызванные характерными условіями режима времени конца 70-хъ годовъ, о чемъ я подробно разскажу въ моихъ воспоминаніяхъ судебнаго дѣятеля.

Харьковъ былъ поприщемъ первыхъ шаговъ моей судебно-общественной дѣятельности. Въ немъ остались сослуживцы и друзья, бывшіе „сотрудниками жизни“ въ моей молодости. И гдѣ бы я ни былъ потомъ, при всякой возможности воспользоваться краткимъ отдыхомъ, я чувствовалъ, что „невольно къ этимъ берегамъ (довольно впрочемъ невзрачнымъ) влечетъ меня невѣдомая сила“... И въ теченіе сорока лѣтъ неоднократно посѣщалъ я дорогой мнѣ по воспоминаніямъ городъ, всегда находя радушный пріютъ въ обширномъ домѣ Александры Гавриловны. Иногда пре-

бываніе въ немъ были довольно продолжительны. Такъ, назначенный по высочайшему повелѣнію руководить изслѣдованіемъ причинъ крушенія 17-го октября 1880 года императорскаго поѣзда между станціями „Борки“ и „Тарановка“ и проживъ на мѣстѣ катастрофы три недѣли, я поселился затѣмъ у Хариной, что освобождало меня отъ неудобства пребыванія въ гостиницѣ, гдѣ было бы трудно оградиться отъ назойливыхъ и любознательныхъ посѣтителей,—и давало возможность сосредоточиться исключительно на сложныхъ перепитіяхъ дѣла, взволновавшаго всю Россію. Не могу не отмѣтить, что хозяйка, предоставившая въ мое распоряженіе для дѣловыхъ объясненій свою прекрасную залу, была такъ деликатна, что никогда не разспрашивала меня ни о какихъ подробностяхъ слѣдствія, несмотря на то, что ее, конечно, осаждали просьбами и разспросами именно объ этомъ.

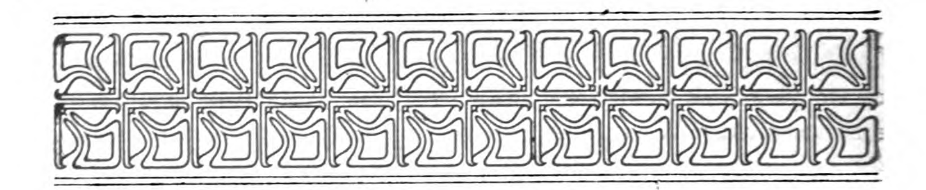
Увѣренность моя въ томъ, что, вырвавшись изъ столичной дѣловой суеты, я найду у Хариной на нѣсколько дней тихое пристанище для физическаго и умственнаго отдыха, никогда меня не обманывала. И теперь, когда я пишу эти строки, передо мною возникаетъ рядъ дорогихъ мнѣ образовъ тѣхъ людей, которые составляли кругъ постоянныхъ посѣтителей всѣми ими искренно уважаемой хозяйки, бывая у нея каждый проѣздъ или приходя обычными гостями.

Я вижу—грузнаго, съ милой улыбкой и тяжелою поступью, Максима Максимовича Ковалевскаго, вносящаго въ бесѣду свой живой юморъ и добросердечную серьезность; оригинальную фигуру профессора Дмитрія Ивановича Каченовскаго, соединявшаго съ возвышенными общественными идеалами нѣжную и поэтическую любовь къ природѣ и искусству, и слышу его тихое, всегда какъ бы взволнованное слово; вижу чуткихъ и отзывчивыхъ профессоровъ Стоянова, Сумцова и Краснова съ его увлекательными разсказами изъ области этнографіи и землевѣдѣнія; создателя ботаническаго сада удивительнаго по богатству акклиматизируемыхъ породъ растеній, близъ заштатнаго городка Краснокутска (Харьковской губерніи), Ивана Ивановича Каразина, полнаго внутренняго огня и жажды дѣятельности; почтеннаго патріарха мѣстныхъ земскихъ учрежденій Егора Степановича Гордѣенко; моихъ товарищей, сотрудниковъ и уважаемыхъ противниковъ въ стѣнахъ суда Фукса — Морошкина и профессора Владимірова; вижу полную энергіи и жизни фигуру извѣстнаго хирурга В. М. Грубе; всѣми любимаго, сіявшаго тихимъ свѣтомъ безконечной доброты В. Г. Пономарева; Г. А. Тобизена, умѣло соединявшаго свою губернаторскую власть

съ сочувствіемъ всѣмъ лучшимъ общественнымъ начинаніямъ, и, наконецъ, милаго въ своей кротости, возвышеннаго въ своемъ умѣньѣ сострадать и знаменитаго въ своей медицинской профессіи блѣднаго, усталаго и всегда забывающаго о себѣ Леонарда Леопольдовича Гиршмана, упоминая имя котораго, хочется сказать: „tale nomen nullum par elogium". И, какъ связующее звено между этими разнообразными людьми, рисуется мнѣ она, такъ недавно почившая, „насытясь днями" жизни, полной разумнаго содержанія, и ушедшая въ другой міръ съ твердымъ и теплымъ упованіемъ на милосердіе Пославшаго ее въ этотъ.

А. Ѳ. Кони.

25 декабря 1916 года.



Актъ объ отреченіи Государя Императора Николая II отъ престола Государства Россійскаго въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича.

(Вѣстникъ Временнаго Правительства 1917 г. № 1).

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуетъ доведенія войны, во что бы то ни стало, до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли Мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали Мы за благо отречься отъ престола Государства Россійскаго и сложить съ себя верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, Мы передаетъ наслѣдіе наше брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляемъ его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу.

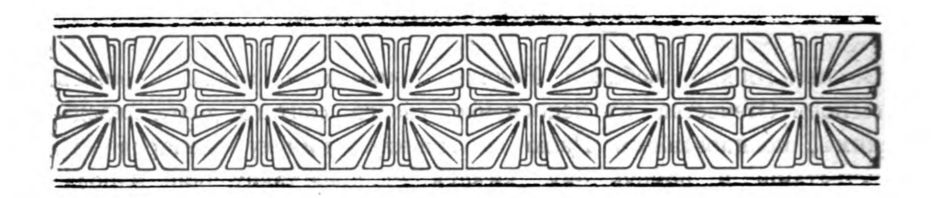
Во имя горячо любимой Родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ему, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ".

Гор. Псковъ.
2-го марта 15 час. 5 мин. 1917 г.

Скрѣпилъ: министръ императорскаго двора, генералъ-адъютантъ графъ *Фредериксъ*.



Актъ объ отказѣ Великаго Князя Михаила Александровича отъ воспріятія верховной власти и о признаніи имъ всей полноты власти за Временнымъ Правительствомъ, возникшимъ по почину Государственной Думы.

(Вѣстникъ Временнаго Правительства 1917 г. № 1).

Тяжкое бремя возложено на Меня волею брата моего, передавшаго мнѣ императорскій всероссійскій престолъ въ годину безпримѣрной войны и волненій народныхъ.

Одушевленный единою со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принялъ Я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспріять верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ, чрезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи, установить образъ правленія и новые основные законы Государства Россійскаго.

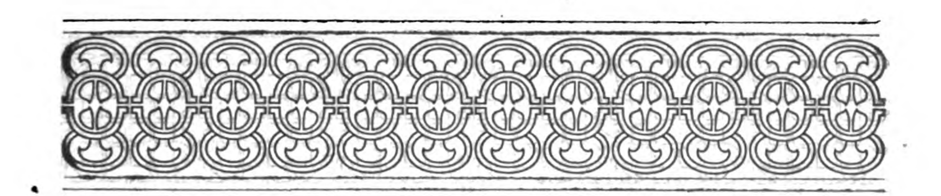
Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти; впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа.

На подлинномъ подписано:

„МИХАИЛЪ".

---

3 марта 1917 г.
Петроградъ.



Николай II о самомъ себѣ.

Въ 1905 году, во время освободительнаго движенія, одинъ изъ товарищей министровъ, подавшій прошеніе объ отставкѣ, представлялся императору Николаю II.

Во время разговора представлявшемуся былъ предложенъ вопросъ.—Чѣмъ Вы будете заниматься, когда покинете службу?

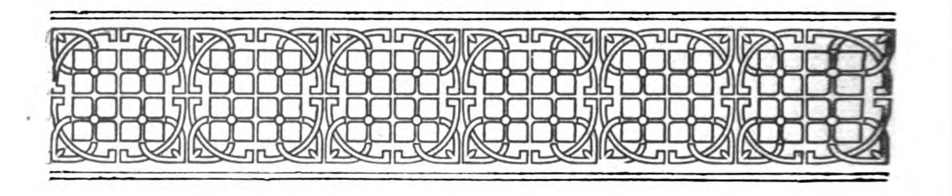
— Уѣду въ деревню и буду тамъ заниматься историческими работами.

— Ахъ, какъ я бы хотѣлъ быть на Вашемъ мѣстѣ.

Помолчавъ немного, императоръ закончилъ пріемъ словами: „Я родился въ день Іова многострадальнаго [1]) и все, что бы я ни задумалъ, ничто мнѣ не удается".

П.

[1]) 6 мая.



МИМОХОДОМЪ.

Моя губернаторская эпопея.

„Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ".

Политическія дѣла.

Приступаю къ изложенію политической дѣятельности и, главнымъ образомъ, нижеслѣдующаго политическаго дѣла, которое единственно и глубоко-несправедливо было причиной выхода моего изъ губернаторства Томской губерніи.

Въ половинѣ августа 1880 г. отъ директора департамента полиціи барона Веліо я получилъ такую телеграмму:

„Если партія государственныхъ преступниковъ № 26 находится въ предѣлахъ Томской губерніи, прошу отдѣлить отъ ней и задержать Петра Боголюбова, партію отправить дальше, донести министру".

Партія находилась въ гор. Маріинскѣ (Томск. губ.), почему дана была телеграмма исправнику о задержаніи Боголюбова.

Дня черезъ 4 получена мною шифрованная депеша непосредственно отъ министра графа Лорисъ-Меликова слѣдующаго содержанія:

„По Высочайшему повелѣнію.

„Государь Императоръ, по новомъ разсмотрѣніи дѣла о дворянинѣ Петрѣ Боголюбовѣ, признавъ его ни въ чемъ неповиннымъ, всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: совершенно освободить дворянина Боголюбова и возвратить на родину не въ качествѣ арестованнаго. Прошу исполнить и увѣдомить".

(Подписано) Графъ Лорисъ-Меликовъ.

Черезъ 2 дня посланный мною стражникъ привезъ ко мнѣ Боголюбова, котораго впрочемъ я уже и раньше видѣлъ, когда осматривалъ партію № 26. Это былъ юноша 18 лѣтъ, худой, замореный со впалыми глазами и землистымъ цвѣтомъ лица; одѣтъ онъ былъ въ шерстяную рубашку; бѣлье сильно заношенное; багажа никакого.

Объявивъ ему царскую милость, которою онъ, видимо, былъ очень тронутъ, я сказалъ, что потомъ поговорю съ нимъ подробно, а между тѣмъ спросилъ, есть ли у него какой-либо багажъ и сохранились тѣ 36 руб., которые находились на рукахъ у партіоннаго офицера [1]? Боголюбовъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣтилъ, что верхнее пальто и бѣлье, какое было у него, онъ отдалъ больному и совершенно бѣдному товарищу и на его же имя просилъ ротмистра переписать 36 руб.

Затѣмъ я предложилъ ему отправиться въ гостиницу, куда принесутъ ему бѣлье, взять приготовленную уже тамъ ванну и вообще привести себя послѣ дальней дороги въ порядокъ, а въ 5 часовъ придти ко мнѣ обѣдать.

Вотъ, печальная повѣсть, которую разсказалъ Боголюбовъ послѣ обѣда.

„Отецъ мой былъ старшимъ совѣтникомъ Черниговскаго губернскаго правленія, и пока онъ былъ живъ, наша семья (мама, старшій братъ Иванъ и я) существовала довольно хорошо.

„Умеръ отецъ, когда мы были въ школьномъ возрастѣ, и скоро стали мы испытывать большія затрудненія. Братъ успѣлъ кой-какъ кончить гимназію и поступилъ въ Кіевскій университетъ, а я въ 16 лѣтъ отъ роду дошелъ только до 6 класса, а дальше въ Черниговѣ жить было нечѣмъ. Поэтому при помощи одного знакомаго я уѣхалъ въ Харьковъ и поступилъ въ ветеринарный институтъ. Но не прошло и полгода, какъ по телеграммѣ начальника Черниговскаго жандармскаго управленія я былъ арестованъ и заключенъ въ одиночную камеру Бѣлгородской тюрьмы, гдѣ я пробылъ ровно годъ; затѣмъ былъ переведенъ въ Вышневолоцкую тюрьму и по истеченіи 6 мѣсяцевъ былъ присоединенъ къ партіи № 26 и отправленъ въ Восточную

---

[1]) Губернаторы обязаны были осматривать каждую партію госуд. преступниковъ, слѣдовавшихъ чрезъ ихъ губерніи; провѣрять у партіонныхъ начальниковъ денежныя книжки и самую наличность; выдавать преступникамъ и принимать отъ нихъ письма и наконецъ разбирать претензіи.

Сибирь подъ надзоръ полиціи. Въ чемъ меня обвиняли, я не знаю; никто объ этомъ мнѣ не заявлялъ и никто не дѣлалъ мнѣ никакого допроса. Только изъ письма мамы, случайно переданнаго мнѣ, я узналъ, что въ Черниговѣ былъ у кого-то (но не у насъ) сдѣланъ обыскъ, при чемъ найдена была карточка Богдановича и на ней карандашемъ былъ написанъ нашъ адресъ. Обратились къ мамѣ, она сказала, что я въ Харьковѣ, а гдѣ старшій сынъ, не знаетъ, такъ какъ уже болѣе 10 мѣсяцевъ не получаетъ отъ него никакихъ извѣстій. Еще мама сообщила, что она переѣхала на хуторъ близъ Стародуба, куда и мнѣ придется отправиться".

Тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ разсказъ несчастнаго, загубленнаго мальчика. О, жандармы! много вы надѣлали злыхъ дѣлъ... и остались неуязвимы. Въ теченіе продолжительной (56-лѣтн.) службы я не слышалъ, чтобъ кто-либо изъ жандармовъ подвергся какому-либо наказанію, несмотря на ужасный произволъ, который они себѣ позволяли и позволяютъ. Подумайте: на полтора года бросить въ одиночное заключеніе 16-лѣтняго мальчика, ни въ чемъ неповиннаго!.. И кто же? Какой-то тамъ полковникъ или ротмистръ такъ распоряжаются свободой, здоровьемъ и самою жизнью гражданъ.

Разставаясь съ Боголюбовымъ, я предупредилъ, что завтра онъ получитъ проходное свидѣтельство и прогонныя изъ казны деньги, а послѣзавтра онъ долженъ отправиться въ путь съ послѣднимъ рейсомъ парохода (31 августа).

Независимо этого, въ виду наступившаго холоднаго времени, я послалъ Боголюбову въ гостиницу теплое пальто, шапку, галоши и плэдъ, всего на 75 руб., изъ которыхъ 25 руб. уплатилъ въ магазинъ я изъ собственныхъ, а остальные были взяты изъ благотворительной суммы, собранной моею женою со спектаклей и концертовъ для воспособленія воспитанницамъ женскаго духовнаго училища, которыхъ содержали впроголодь.

Боголюбовъ доѣхалъ до Стародуба благополучно, какъ извѣстилъ онъ меня письмомъ. Но чрезъ 2 мѣсяца Стародубскій исправникъ донесъ, что Боголюбовъ вскорѣ по пріѣздѣ умеръ отъ чахотки, которою, по заявленію врача, былъ уже давно боленъ.

Во избѣжаніе какого-либо недоразумѣнія нахожу неизлишнимъ упомянуть, что въ Сибири нѣтъ предводителей дворянства, ихъ замѣняютъ губернаторы. Поэтому къ столь жестоко и безвинно пострадавшему дворянину, признанному самимъ госуда-

ремъ „ни въ чемъ неповиннымъ“, я обязанъ былъ отнестись не только формально, но и съ нѣкоторымъ теплымъ участіемъ, какъ предводитель дворянства, и тѣмъ хоть въ минимальнѣйшей долѣ смягчить горечь нанесенной дворянину обиды.

Само собою разумѣется, что никто не зналъ содержанія шифрованной депеши, но всѣ видѣли, что изъ Маріинска привезенъ государственный преступникъ, узнали, что онъ у губернатора обѣдалъ, что ему на складочныя деньги куплено теплое платье и, наконецъ, что онъ уѣхалъ, неизвѣстно куда.

И вотъ, не зная главнаго, т.-е. депеши, а только на основаніи внѣшнихъ данныхъ, начальникъ жандармскаго управленія полковникъ Александровъ соорудилъ такой доносъ:

„Губернаторъ Мерцаловъ самовольно освободилъ изъ Сибири государственнаго преступника Боголюбова, изъ-за котораго Вѣра Засуличъ стрѣляла въ генерала Трепова, сдѣлалъ для него обѣдъ и подписку и отправилъ, неизвѣстно куда“ [1]).

Повидимому, сначала этому доносу не было придано значенія потому, вѣроятно, что директоромъ былъ еще баронъ Веліо, который зналъ это дѣло и видѣлъ, конечно, всю нелѣпость измышленія полковника Александрова. Но когда перемѣнился министръ (графъ Игнатьевъ) и директоръ (Плеве), да вѣроятно другіе младшіе чины,—то вмѣсто наведенія справки въ департаментѣ съ шифрованной депешей и моими донесеніями министру признано было нужнымъ выяснить это дѣло окольнымъ путемъ, что и возложено было на товарища прокурора Кіевской судебной палаты М. Р. Романова при содѣйствіи жандармскаго капитана Иванова, командированныхъ въ Сибирь собственно для разслѣдованія причинъ и способовъ побѣговъ государственныхъ преступниковъ.

Сей юный товарищъ прокурора не нашелъ ничего умнѣе, какъ обратиться къ тому же полковнику Александрову, который и подтвердилъ, конечно, содержаніе своего доноса, а капитанъ Ивановъ дѣйствовалъ преимущественно съ задняго крыльца, добиваясь истины (?) у горничныхъ, прачекъ и проч.

И вотъ, на основаніи такого дознанія департаментъ полиціи съ шефомъ жандармовъ Оржевскимъ составилъ всеподданнѣйшій обвинительный докладъ, который оказался, какъ это будетъ

[1]) Прискорбный инцидентъ „Боголюбовъ — Треповъ — Вѣра Засуличъ“ произошелъ, если не ошибаюсь, въ 1867 году, и очевидно, тотъ Боголюбовъ не имѣлъ ничего общаго съ 18-лѣтнимъ юношей, котораго по высочайшему повелѣнію я долженъ былъ освободить въ 1880 году, т.-е. 13 лѣтъ спустя.

видно ниже, полнѣйшею жалкою нелѣпостью, поставившею Оржевскаго въ необходимость принесть предъ Императоромъ Александромъ III извиненіе въ напрасно взведенномъ на меня обвиненіи, а мнѣ лично сказать: „мы виноваты, впали въ ошибку, но не ошибается тотъ, кто ничего не дѣлаетъ".

Но буду разсказывать по порядку.

Въ концѣ 1882 года я потерялъ единственнаго сына, юношу 16 лѣтъ, и до такой степени былъ потрясенъ этимъ несчастіемъ, что по совѣту мѣстныхъ врачей и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ я предпринялъ поѣздку въ Петербургъ, чтобы воспользоваться совѣтами профессоровъ Боткина и Мержеевскаго для возстановленія моего разстроеннаго здоровья.

Но въ Петербургѣ меня ожидало новое несчастіе. Директоръ депар. общ. д. Заика объявилъ мнѣ, что мною недоволенъ новый (уже 4-й) министръ графъ Д. А. Толстой и что я долженъ немедленно отправиться къ товарищу министра статсъ-секретарю Дурново для личныхъ объясненій.

Объясненіе состоялось въ томъ же день. Дурново объявилъ мнѣ, что департаментъ полиціи въ особомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ обвинилъ меня въ слѣдующемъ:

1) что я окружилъ себя поляками и покровительствовалъ евреямъ и нигилистамъ;

2) что относительно государственныхъ преступниковъ я въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1881 г. выразилъ мысль о необходимости освободить Томскую губернію отъ дальнѣйшей ссылки упомянутыхъ лицъ, въ виду скораго открытія въ Томскѣ университета, а между тѣмъ самъ же переводилъ поднадзорныхъ въ Томскъ, подъ предлогомъ отсутствія въ уѣздныхъ городахъ запроса на интеллигентный трудъ;

3) что я въ разговорѣ съ аккредитованнымъ (по высоч. пов.) лицомъ выразился о государственныхъ преступникахъ, что это—борцы за идею, къ которымъ я не могу не относиться съ нѣкоторой долей симпатіи;

4) что я самовольно освободилъ государственнаго преступника Боголюбова и сдѣлалъ въ пользу его сборъ;

5) что разрѣшилъ шестерымъ госуд. преступникамъ проводить умершаго ихъ товарища на кладбище;

6) что допустилъ уголовнаго (не политическаго) ссыльнаго Корша завѣдывать неоффиціальною частью „Томскихъ губернскихъ вѣдомостей";

7) что я перевелъ изъ Каинска въ Томскъ государственнаго преступника (по д. 193) Мокіевскаго-Зубокъ съ семьей по той причинѣ, что онъ мой родственникъ (по матери),

и 8) что томскій епископъ Петръ признаетъ меня малоправославнымъ, а почему?—не объяснилъ.

Вотъ, обвинительный актъ, предъявленный мнѣ департаментомъ полиціи.

Прежде всего я заявилъ г-ну Дурново, что для возстановленія въ памяти того, что происходило въ теченіе трехъ лѣтъ, мнѣ необходимо самому прочесть докладъ, и тогда я дамъ *письменный* отвѣтъ. Но товарищъ министра отказалъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не уполномоченъ на это министромъ, а предложилъ теперь же объясниться словесно.

Но какъ только на каждый пунктъ я начиналъ давать объясненія и возраженія, какъ Дурново останавливалъ меня, говоря: „о, ваше превосходительство" такимъ тономъ, что—значитъ—мои объясненія и возраженія, которыхъ я еще и не высказалъ, совершенно излишни и не заслуживаютъ никакого вниманія. Послѣ трехъ-четырехъ возгласовъ его „о, ваше превосходительство" я увидѣлъ, что никакого толка изъ этого объясненія не будетъ и, чувствуя, что такой грубый недобросовѣстный пріемъ, допущенный г-мъ Дурново, можетъ довести меня до крайняго раздраженія, я заявилъ ему, что всѣ эти обвиненія представляются или вздорнымъ вымысломъ или клеветою, а затѣмъ спросилъ его: не заключается ли въ докладѣ чего-либо опорачивающаго нравственную сторону моей губернаторской дѣятельности? На это Дурново отвѣтилъ, справившись въ докладѣ: „здѣсь сказано, что не только сторонники, но и враги—всѣ единогласно признали Мерцалова честнымъ и безупречнымъ въ нравственномъ отношеніи человѣкомъ".

Затѣмъ я снова его спросилъ: чего желаетъ отъ меня министръ?—„Министръ предлагаетъ вамъ перейти въ Акмолинскую область".

Подумавъ немного, я сказалъ, что служить въ той области, которая подчинена степному генералъ-губернатору Колпаковскому, не считаю возможнымъ, такъ какъ населенію Западной Сибири, равно какъ и мнѣ, дѣятельность его давно извѣстна далеко не съ блестящей стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ пришла мысль, что графъ Толстой станетъ бросать и меня изъ губерніи въ губернію подобно тому, какъ перебрасывалъ онъ умнаго, чест-

наго администратора, губернатора Щепкина, и др. Въ виду этого я рѣшился совсѣмъ уйти изъ министерства внутр. дѣлъ, о чемъ и заявилъ г-ну Дурново съ тѣмъ, что прошеніе объ отставкѣ пришлю по возвращеніи въ Томскъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я сказалъ, что безъ службы я существовать не могу и надѣюсь, что впослѣдствіи, когда мое здоровье возстановится, со стороны министерства внутр. дѣлъ не встрѣтится препятствія къ поступленію моему снова въ одно изъ учрежденій, кромѣ упомянутаго министерства. Дурново отвѣтилъ, что я могу быть вполнѣ покоенъ на этотъ счетъ: министерство дастъ самый лучшій отзывъ. (Впослѣдствіи же, когда Дурново сталъ министромъ, онъ слова своего не сдержалъ).

Къ указанному выше рѣшенію выйти въ отставку, помимо изложенныхъ обстоятельствъ, побудилъ меня рѣшительный совѣтъ проф. Боткина прекратить по крайней мѣрѣ на одинъ годъ всякія умственныя занятія, въ виду рѣзко выраженнаго малокровія, нарушеннаго питанія, душевнаго равновѣсія и могущихъ произойти оттого крайне неблагопріятныхъ послѣдствій.

Два съ половиною года я былъ въ отставкѣ. Не буду распространяться о тѣхъ душевныхъ и матеріальныхъ невзгодахъ, которыя претерпѣлъ я съ семьей въ теченіе этого немалаго времени низачто — нипрочто, какъ это будетъ видно далѣе. Ограничусь изложеніемъ дѣйствительныхъ событій, которыя произошли, когда, оправившись нѣсколько послѣ болѣзни, я началъ хлопотать о поступленіи снова на службу.

Прежде всего я обратился къ моему старинному сослуживцу статсъ-секр. Петрову, который управлялъ кабинетомъ Е. В. и въ министерствѣ Императорскаго двора былъ всесильнымъ человѣкомъ. Петровъ, повидимому, очень охотно обѣщалъ меня устроить, предупредивъ однако же, что онъ исполнитъ это, когда будетъ утвержденъ уже подготовленный проектъ реформы министерства двора. Утвержденіе это, прибавилъ онъ, послѣдуетъ, вѣроятно, осенью 1883 г. Но когда осенью утвержденія не случилось, Петровъ увѣрилъ, что въ новый годъ непремѣнно все будетъ приведено къ концу. За новымъ годомъ послѣдовалъ великій постъ, потомъ пасха и т. д. Словомъ, болѣе полутора года Петровъ ограничивался разными предлогами, скрывая истинную причину (т.-е. нежеланіе моего поступленія въ министерство), и въ то же время поддерживая во мнѣ надежду на успѣхъ.

Убѣдившись, что Петровъ ведетъ по меньшей мѣрѣ странную игру, я обратился къ министру госуд. имуществъ Мих. Никл.

Островскому, который по прежней службѣ въ госуд. контролѣ относился ко мнѣ весьма благосклонно; при чемъ я не скрылъ отъ него ни одной причины выхода моего въ отставку. Островскій прямо сказалъ, что онъ устроитъ меня, если министерство внутр. д. дастъ благопріятный отзывъ. Увы! дня черезъ три Островскій объявилъ мнѣ, что отвѣтъ Дурново (онъ тогда уже былъ министромъ) получился отрицательный.

Тогда я рѣшился идти напроломъ. Подготовивъ подробную записку, которая текстуально изложена ниже, я отправился къ товарищу министра и шефу жандармовъ Оржевскому и попросилъ особой аудіенціи; онъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ и спросилъ: „чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ?".

Я сказалъ буквально слѣдующее:

— „Когда мнѣ приходилось наложить руку на какого-либо мошенника-взяточника волостного писаря, я предоставлялъ ему возможность представить въ свое оправданіе не только словесныя, но и письменныя объясненія, и только по всестороннемъ обсужденіи представленныхъ имъ данныхъ принималъ окончательное рѣшеніе. А вы, выше п-во, сами признавъ меня человѣкомъ честнымъ и порядочнымъ, лишили меня того, что принадлежало мнѣ по закону, т.-е. права представить письменное объясненіе".

— „Да вѣдь съ вами объяснялся Ив. Никл. Дурново"!

— „Нѣтъ, онъ со мною не объяснялся, а только изъ вашего доклада вычитывалъ обвинительные пункты и какъ только я начиналъ свои возраженія, онъ немедленно прекращалъ ихъ возгласомъ: „о, ваше п-во" и вычитывалъ дальше. Я нахожу, что это было грубо-лицемѣрное и недобросовѣстное исполненіе формы, чтобы имѣть право сказать министру, что порученіе исполнено—объясненіе было".

Повидимому, мое заявленіе произвело на Оржевскаго нѣкоторое впечатлѣніе, и онъ спросилъ, что я отъ него желаю?

Я не сразу отвѣтилъ на его вопросъ, а сначала сказалъ, что мой духовный отецъ протопресвитеръ военнаго и морского духовенства Желобовскій увѣрилъ меня, что генералъ Оржевскій человѣкъ суровый, но справедливый, умѣетъ правду найти и умѣетъ ее поддержать. Вотъ, въ виду такого свидѣтельства высокоуважаемаго пастыря, я и пришелъ къ вашему п-ву съ просьбою прочесть со вниманіемъ безъ предвзятаго недовѣрія вотъ эту записку и затѣмъ поступить, какъ долгъ вамъ укажетъ.

Оржевскій отвѣтилъ, что онъ исполнитъ мою просьбу и пересмотритъ дѣло.

Записка, врученная Оржевскому.

По поводу предъявленныхъ мнѣ обвиненій, прежде всего признаю необходимымъ сказать, что принимая предложеніе бывш. генералъ-губернатора Западной Сибири, ген.-ад. Казнакова, занять должность губернатора въ Томскѣ, я далъ ему слово употребить всѣ усилія для выполненія слѣдующей поставленной имъ мнѣ задачи: „поднять нравственный уровень чиновниковъ Томской губерніи, находившійся, по мнѣнію ген.-ад. Казнакова, въ крайне незавидномъ состояніи, очистить губернію отъ многихъ накопившихся десятками лѣтъ злоупотребленій и неурядицъ, особенно въ государственномъ хозяйствѣ, и наконецъ повести операцію постройки зданій Сибирскаго университета такъ, чтобы милліонныя средства, пожертвованныя на это дѣло частными лицами, обществами и государствомъ, не были растрачены, а получили строго правильное назначеніе". Не мнѣ, конечно, судить, насколько удачно выполнилъ я эту широкую и трудную задачу; но не могу не упомянуть, что оба генералъ-губернатора, при которыхъ прошла моя 3-лѣтняя служба въ Томскѣ, Казнаковъ и Мещериновъ, всегда относились ко мнѣ вполнѣ благосклонно, а Правительствующій Сенатъ, въ который многія дѣла Томской губерніи поступали въ порядкѣ управленія или по апелляціоннымъ и кассаціоннымъ жалобамъ, или по моимъ протестамъ, во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ признавалъ мои дѣйствія законными; наконецъ, контрольная палата не сдѣлала на меня ни одного начета ни по постройкѣ университета, ни по тюремнымъ (крайне сложнымъ) расходамъ, ни по другимъ хозяйственнымъ операціямъ, возложеннымъ на губернатора.

Такимъ образомъ и данное мною ген.-ад. Казнакову нравственное обязательство, и самое положеніе дѣлъ въ Томской губерніи, переполненной уголовными, ссыльными, вносившими развращающее вліяніе и въ среду чиновниковъ, поставили меня въ необходимость обратить главное вниманіе на нравственную сторону чиновнаго состава, удалить все то, что не соотвѣтствовало нравственнымъ требованіямъ, и выдвинуть честныхъ, добросовѣстныхъ и дѣловыхъ людей. Въ этомъ была моя задача и въ ней заключается разгадка моихъ дѣйствій. Выбирать людей по національностямъ, а не по нравственнымъ качествамъ, едва-ли

было бы соотвѣтственно положенію обстоятельствъ: Томская губернія не Сѣверо-Западный край, и политическія иллюзіи не могутъ найти въ ней почву; она нуждалась въ дѣятеляхъ честныхъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали.

Затѣмъ относительно 1-го пункта доклада заявляю, что въ теченіе 3 лѣтъ мною принято на службу въ Томскую губернію всего *шесть* чел. католиковъ и польскаго происхожденія и притомъ преимущественно изъ лицъ, занимавшихъ уже должности по государственной службѣ въ Акмолинской области и Тобольской губерніи. Но въ то же время лицъ *не* польскаго происхожденія и *не* католиковъ было принято и перемѣщено свыше 100 чел. На самыя важныя должности, какъ-то: крестьянскихъ чиновниковъ, исправниковъ и полицеймейстера, за двумя исключеніями, назначены все русскіе и православные. Повторяю: я стремился окружить себя людьми честными и дѣловыми, въ политической благонадежности которыхъ не было никакого повода сомнѣваться. Самыми близкими ко мнѣ и довѣренными лицами были: сначала начальникъ судебнаго отдѣленія канцеляріи губернатора Худяковъ, а послѣ перемѣщенія его на высшую должность,—чиновникъ особыхъ порученій Соловскій,—оба православные и сибиряки.

Евреямъ я не оказывалъ ровно никакого покровительства, если не считать тѣхъ строгихъ мѣръ, какія по моему приказанію были приняты полиціями, когда въ трехъ мѣстахъ готовились анти-еврейскіе безпорядки. Одному только еврею, томскому 1 г. купцу Манасевичу-Мануйлову я дѣйствительно оказывалъ нѣсколько большее вниманіе по той причинѣ, что онъ всегда принималъ живое и значительное участіе въ пожертвованіяхъ на разныя благотворительныя дѣла и былъ однимъ изъ полезнѣйшихъ директоровъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета. Но такое же вниманіе я оказывалъ и нѣкоторымъ жертвователямъ русскимъ, напр., Пушникову, Пастухову, Вяткину, Валгусову и др.

2) Что касается моихъ отношеній къ сосланнымъ подъ надзоръ полиціи государственнымъ преступникамъ, то рѣшительно отвергая бездоказательное обвиненіе въ какомъ-то покровительствѣ имъ, обязываюсь объяснить, что всѣ мои дѣйствія строго согласовались съ тѣми руководящими указаніями, какія находились въ предписаніяхъ генералъ-губернаторовъ и особенно въ слѣдующихъ циркулярахъ министровъ: а) графа Лорисъ-Меликова о томъ, чтобы мѣстныя власти были къ нимъ справедливы, не вызывая излишнею придирчивостію ненужнаго раздраженія и озлобленія, и б) графа Игнатьева о важномъ значеніи труда

вообще и о благодѣтельномъ его вліяніи на государственныхъ преступниковъ, которые при правильныхъ и постоянныхъ занятіяхъ мало-по-мало могутъ освобождаться отъ своихъ заблужденій. Этимъ циркуляромъ поставлено губернаторамъ въ обязанность озаботиться, чтобы поднадзорные могли находить себѣ дозволенныя занятія. А такъ какъ оба эти циркуляра до выхода моего въ отставку не были отмѣнены, то, конечно, они были для меня обязательны. Въ виду сего я требовалъ, чтобы полиція относилась къ поднадзорнымъ вѣжливо и терпѣливо, а затѣмъ старался устраивать этихъ лицъ, преимущественно семейныхъ, въ купеческихъ конторахъ, на заводахъ, крупчатныхъ мельницахъ и пр., гдѣ ихъ трудомъ были довольны. Какого-либо исключительнаго покровительства поднадзорнымъ не оказывалъ и многія претензіи и ходатайства оставлялъ безъ послѣдствій. Единственная цѣль, которой я стремился достигнуть моими дѣйствіями по отношенію къ поднадзорнымъ, это—лишить ихъ возможности и желанія совершить побѣгъ и рано или поздно покуситься на какое-либо крупное предпріятіе. Достигнулъ ли я этой цѣли—объяснено въ концѣ этой записки.

Департаментъ полиціи упрекаетъ меня, что относительно этихъ же лицъ я былъ непослѣдователенъ: во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1881 г. выразилъ мысль о необходимости освободить Томскую губернію отъ дальнѣйшей ссылки преступниковъ *всякихъ* категорій, а въ томъ числѣ и поднадзорныхъ, въ виду скораго открытія въ Томскѣ университета, а между тѣмъ самъ же переводилъ лицъ поднадзорныхъ на жительство въ Томскъ, подъ предлогомъ отсутствія въ уѣздныхъ городахъ запроса на интеллигентный трудъ.

Это—правда, но не вся. Кромѣ этого мотива я неоднократно заявлялъ и генералъ-губернатору и департаменту полиціи, что въ Томской губерніи лица поднадзорныя могутъ быть поселяемы только на земляхъ государственныхъ имуществъ; на земляхъ же кабинета Е. В. никакіе ссыльные не могутъ быть размѣщаемы на основаніи закона 1808 г., подтвержденнаго въ 1824 г. Поэтому всѣ поднадзорные размѣщались только въ городахъ Томскѣ, Каинскѣ, Маріинскѣ и Нарымѣ; въ остальныхъ же 4 городахъ: Барнаулѣ, Колывани, Бійскѣ и Кузнецкѣ, какъ находящихся въ районѣ кабинетскихъ земель, поднадзорные не были поселяемы. Но средства надзора въ уѣздныхъ городахъ Каинскѣ и Маріинскѣ и безуѣздномъ Нарымѣ были и остаются крайне недостаточными, а именно: въ первыхъ двухъ по 3 поли-

цейскихъ чиновника (не считая исправника, который находится почти постоянно въ разъѣздахъ), по 4—6 городовыхъ и по 2 стражника, а въ Нарымѣ 1 полиц. чиновникъ и 1 стражникъ. При такихъ условіяхъ надзора, размѣстить всѣхъ высланныхъ въ мое время въ Томскую губернію (до 100 чел.) поднадзорныхъ въ трехъ упомянутыхъ городахъ едва-ли было бы осторожно, особенно въ Нарымѣ, откуда во время навигаціи весьма легко скрыться на лодкѣ или на торговомъ суднѣ. Въ Томскѣ же составъ нижнихъ полиц. чиновъ простирается до 100 чел. при 8 конныхъ стражникахъ и 12 полиц. чиновникахъ, что представляло возможность установить дѣйствительный, а не фиктивный надзоръ за госуд. преступниками. Притомъ же въ Томскѣ было поселено не болѣе 30 чел., т.-е. столько же, сколько въ Каинскѣ и въ Маріинскѣ, а въ Нарымѣ до 10 чел., и многіе изъ числа поселенныхъ въ Томскѣ назначены были туда по распоряженіямъ ген.-губернаторовъ Казнакова и Мещеринова, отмѣнять которыя я не имѣлъ права.

3) Въ докладѣ департамента полиціи указывается далѣе еще на разговоръ мой съ какимъ-то аккредитованнымъ лицомъ, о нашихъ революціонерахъ, которыхъ я назвалъ „нашими непримиримыми“ (intransigents), я остановился на вопросѣ:— „что намъ, т.-е. западно-сибирской администраціи, дѣлать съ ними, какова наша задача по отношенію къ нимъ?“ Полагаю, сказалъ я, что наша задача примирить ихъ съ существующими условіями, успокоить ихъ раздраженіе, исправить, сдѣлать ихъ возможно полезными членами общества. Иначе, какъ такимъ образомъ, я не могу понимать свою задачу, потому что если бы правительство признавало ихъ „совершенно отпѣтыми“, то конечно нашло бы имъ мѣсто на каторгѣ или размѣстило бы ихъ по центральнымъ тюрьмамъ, а не прислало бы къ намъ въ Томскую или Тобольскую губ. Останавливаясь наконецъ на вопросѣ о способахъ выполненія этой задачи, я сказалъ, что людей убѣжденныхъ, хотя и заблуждающихся (фанатиковъ) можно исправить, по моему мнѣнію, не палкой, а убѣжденіемъ же и терпѣніемъ.

Повидимому, г. Романовъ согласился съ этимъ взглядомъ.

4) Департаментъ полиціи приписываетъ мнѣ еще слѣдующіе безтактные поступки:

а) Освобожденіе государственнаго преступника Боголюбова и сборъ въ пользу его денегъ.

Примѣчаніе. Это—не тотъ Боголюбовъ, изъ-за котораго Вѣра Засуличъ въ 1867 г. стрѣляла въ генерала Трепова.

О Боголюбовѣ я получилъ въ концѣ августа 1880 г. отъ Лорисъ-Меликова по Высоч. повелѣнію шифрованную телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Государь Императоръ, по новомъ разсмотрѣніи дѣла о *дворянинѣ* Боголюбовѣ, признавъ его ни въ чемъ неповиннымъ; всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ совершенно освободить дворянина Боголюбова и возвратить на родину не въ качествѣ арестованнаго".

Послана была телеграмма въ Маріинскъ объ отдѣленіи Боголюбова отъ партіи № 26 и о доставленіи его ко мнѣ. Въ сопровожденіи стражника привезенъ былъ чахоточный юноша 17—18 лѣтъ, голодный и крайне плохо одѣтый, безъ всякаго багажа и безъ денегъ. По разспросамъ оказалось, что Боголюбовъ мой землякъ и сынъ моего знакомаго (бывш. старш. совѣтника Черниговскаго губернскаго правленія). Прежде всего я пригласилъ дворянина Боголюбова отправиться въ гостиницу и привесть себя въ порядокъ отъ дорожной пыли, а потомъ придти ко мнѣ обѣдать, въ кругу моей семьи. Затѣмъ на слѣдующій день, снабдивъ прогонными деньгами изъ казны на 1 лошадь и теплымъ платьемъ, (на покупку котораго я пожертвовалъ собственныхъ 25 руб. и взялъ изъ благотворительнаго фонда 50 р., а всего 75 руб.) и отправилъ на пароходъ, уходившій послѣднимъ рейсомъ.

Воздерживаюсь отъ всякихъ комментаріевъ къ наименованію Боголюбова государственнымъ преступникомъ *послѣ того*, какъ Государь Императоръ соизволилъ наименовать его дворяниномъ и признать совершенно свободнымъ и неповиннымъ. Равнымъ образомъ въ виду сказаннаго выше едва-ли стоитъ останавливаться на фантастическомъ „общественномъ обѣдѣ и таковой же подпискѣ".

5) б) Разрѣшеніе шестерымъ госуд. преступникамъ проводить умершаго ихъ товарища (Поспѣлова) на кладбище.

Тутъ явное недоразумѣніе: мною по предварительномъ соглашеніи съ жандармскимъ полковникомъ Александровымъ разрѣшено было упомянутымъ 6 арестантамъ находиться въ *острожной* церкви при отпѣваніи Поспѣлова, умершаго въ тюрьмѣ въ одиночномъ заключеніи. Арестанты эти, подъ конвоемъ 6 жандармовъ, нѣсколькихъ надзирателей и тюремнаго смотрителя, были переведены изъ ихъ камеръ только черезъ коридоръ въ острожную церковь и послѣ отпѣванія снова отведены каждый въ свою камеру. Ни о какихъ проводахъ на кладбище не возбуждалось и вопроса.

6) в) Допущеніе уголовнаго (не политическаго) ссыльнаго Евгенія Корша завѣдывать по вольному найму неоффиціальною частью „Томскихъ губернскихъ вѣдомостей".

Хотя законъ и разрѣшалъ мнѣ пригласить для этого дѣла лицо по моему усмотрѣнію, но приглашеніе Корша—сознаюсь—было ошибкой съ моей стороны, хотя вынужденной. Губернская типографія, при переходѣ въ мое распоряженіе, была въ полномъ разстройствѣ: долговъ на ней частныхъ было 2½ тыс., казенныхъ 6 т., машины испорчены, шрифты переломаны, бумаги ни листа. Привесть типографію въ порядокъ возможно было, по мѣстнымъ условіямъ, единственно только такимъ улучшеніемъ неоффиціальной части Губ. Вѣд., чтобы она привлекла частныхъ подписчиковъ. Задача, очевидно, трудная вездѣ, а въ Сибири, гдѣ такъ ничтоженъ процентъ образованныхъ и способныхъ людей изъ числа лицъ граждански-правоспособныхъ,—задача эта еще труднѣе. Скрѣпя сердце пришлось взять Корша, какъ опытную рабочую силу. Цѣль достигнута: частные долги вполнѣ уплачены, кредитъ возстановленъ, матеріалы доставлены въ изобиліи и года чрезъ два возможно было пополнить казенный долгъ. Независимо этого при распространеніи газеты почти до 1 т. экземпляровъ, администрація имѣла возможность сообщать населенію правильные взгляды и свѣдѣнія, въ противовѣсъ тѣмъ инсинуаціямъ и превратнымъ толкамъ о сибирскихъ порядкахъ, какіе постоянно печатались въ маленькихъ газетахъ обѣихъ столицъ.

7) Еще нѣсколько словъ о политич. ссыльныхъ.—Въ числѣ ихъ находился нѣкто Мокіевскій-Зубокъ (по д. 193), мой родственникъ по матери. Упрекаютъ меня въ томъ, что будто бы я перевелъ его изъ Каинска въ Томскъ. Это—неправильно. Мокіевскій пріѣхалъ добровольно въ Сибирь, когда я еще не былъ губернаторомъ, съ цѣлью вступить въ законный бракъ съ Надеждой Субботиной (по д. 193), поселенной въ гор. Каинскѣ вмѣстѣ съ матерью Софьей Субботиной. Когда они повѣнчались, то мать и дочь стали ходатайствовать непосредственно предъ ген.-губ. Мещериновымъ о переселеніи въ Томскъ, на что и послѣдовало разрѣшеніе его въ концѣ 1880 г.

Сначала Мокіевскій по переѣздѣ въ Томскъ.занимался въ конторѣ купца Михайлова, а потомъ открылъ свою собственную торговлю и все время велъ себя безукоризненно. Нѣсколько обысковъ, произведенныхъ у него, не обнаружили ничего предосудительнаго. А затѣмъ, когда у Мокіевскихъ родился сынъ, то они совсѣмъ замкнулись въ семьѣ, даже переѣхали отъ ма-

тери на другую квартиру и рѣдко съ нею видѣлись. Переселить при такихъ условіяхъ это семейство въ другой городъ только потому, что онъ мой родственникъ, значило бы раззорить его и, быть можетъ, вернуть его на путь прежнихъ заблужденій, отъ которыхъ онъ почти освободился. Притомъ же и въ видахъ надзора, какъ уже объяснено выше, мнѣ было удобнѣе держать его въ Томскѣ, чѣмъ въ другомъ городѣ. Въ этихъ видахъ же я даже неоднократно призывалъ его къ себѣ какъ родственника и еще очень молодого человѣка и старался предостерегать его отъ увлеченій, что мнѣ почти и удалось. Я не хочу сказать, что я могъ пользоваться имъ и для иныхъ чисто правительственныхъ цѣлей; для этихъ цѣлей мнѣ служили иныя лица— отвѣтственныя.

8) Наконецъ въ докладѣ департамента упоминается, что томскій архіерей Петръ признаетъ меня мало православнымъ, но не поясняетъ—въ чемъ же выразилось это „малоправославіе". Это— не болѣе какъ несправедливый и легкомысленный извѣтъ, такъ какъ съ обрядовой церковной стороны я всегда былъ исполнителенъ, съ точки же искренности вѣрованія, я своимъ поведеніемъ и дѣйствіями несомнѣнно и, такъ сказать, документально доказалъ, что евангельская заповѣдь „вѣра безъ дѣлъ мертва" не была для меня пустымъ звукомъ. Достаточно упомянуть, что мною обезпечено существованіе Владимірскаго пріюта, въ которомъ содержится до 120 дѣтей (мнѣ удалось собрать капиталъ въ 54 тыс. р.), на женскую гимназію по подпискѣ собрано 11½ тыс., на домъ общежитія при Сибирскомъ университетѣ 24 т.; на разныя благотворительныя дѣла (въ томъ числѣ на улучшеніе пищи воспитанницъ женскаго училища епархіальнаго вѣдомства) расходовалось мною ежегодно отъ 2 до 3 тыс., собранныхъ преимущественно отъ спектаклей и концертовъ, которые устраивала моя жена. Для того же, чтобъ въ 3 года собрать столь значительную сумму (до 100 тыс. р.), нужно было и самому жертвовать не мало и кромѣ того въ религіозно-нравственномъ отношеніи пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ общества. Извѣтъ епископа Петра тѣмъ болѣе неблаговиденъ, что проистекаетъ изъ личнаго его неудовольствія на меня, съ одной стороны потому, что я не исполнилъ ни одного его незаконнаго требованія о расторженіи раскольничьихъ браковъ, совершенныхъ „по благословенію стариковъ", а съ другой—за невысокое мнѣніе мое о сельскомъ духовенствѣ Томской губ., изложенное во всеподан. отчетѣ за 1880 г.

Въ заключеніе позволю себѣ указать на результаты моей политики относительно поднадзорныхъ.

Между тѣмъ какъ въ сосѣднихъ губерніяхъ Тобольской и Енисейской было ежегодно отъ 5 до 10 побѣговъ госуд. преступниковъ, у меня въ Томской губ. въ теченіе 3 лѣтъ бѣжала одна политическая Бутовская, вскорѣ пойманная и водворенная въ Маріинскъ. Былъ еще одинъ побѣгъ (Орловъ), но въ немъ администрація была неповинна, такъ какъ Орловъ бѣжалъ изъ рукъ жандармовъ послѣ заарестованія его по дѣлу о госуд. преступленіи, дознаніе о которомъ производилось въ концѣ 1881 и въ 1882 г. и; и самая поимка Орлова, безъ всякаго преувеличенія, была результатомъ принятыхъ мною мѣръ. (Объ этомъ имѣется обширная переписка въ департаментѣ полиціи). Затѣмъ въ теченіе 3 лѣтъ не было ни одного столкновенія поднадзорныхъ ни съ чинами полиціи, ни съ гражданами; напротивъ, всѣ они проживали вполнѣ скромно и предавались дозволеннымъ занятіямъ, какъ-то: въ купеческихъ конторахъ, на разныхъ заводахъ, мукомольныхъ мельницахъ, въ экипажныхъ заведеніяхъ и проч.

Пересмотръ дѣла.

Чрезъ 3 мѣсяца послѣ описаннаго свиданія, я получилъ изъ департамента извѣщеніе, что генералъ Оржевскій приметъ меня въ четвергъ въ 11 час. дня. Въ этотъ пріемный день представляющихся и просителей было до 70 человѣкъ Ровно въ 11 ч. Оржевскій появился изъ кабинета и, обведя взглядомъ весь рядъ, подошелъ прямо ко мнѣ, подалъ руку и любезнымъ тономъ пригласилъ пройти въ слѣдующую комнату, чтобъ подробнѣе объясниться.

Довольно быстро покончивъ съ просителями, Оржевскій обратился ко мнѣ съ такими словами: „Мы очень виноваты предъ вами; наша ошибка. Ну, что дѣлать? не ошибается тотъ, кто ничего не дѣлаетъ". Затѣмъ онъ разъяснилъ, что главные пункты обвинительнаго доклада вполнѣ опровергнуты новымъ начальникомъ Томскаго жандармскаго управленія, полков. Акцыновымъ, которому было поручено провѣрить мою записку на мѣстѣ по документамъ. Прежде всего онъ прислалъ ту шифрованную депешу о дворянинѣ Боголюбовѣ, которую я получилъ по высоч. повелѣнію отъ графа Лорисъ-Меликова, и слѣдовательно самое главное обвиненіе о самовольномъ освобожденіи

государственнаго преступника Боголюбова отпадаетъ. Затѣмъ удостовѣрилъ: что госуд. преступники размѣщены по городамъ соотвѣтственно средствамъ надзора; что многіе изъ нихъ, какъ были при Мерцаловѣ приняты въ купеческія конторы, на заводы и мельницы, такъ и остаются тамъ; что побѣгъ изъ Томской г. совершила одна только Бутовская (уже возвращенная), страдающая, повидимому, носталгіей; что Мокіевскій-Зубокъ пріѣхалъ въ Сибирь вполнѣ добровольно и перемѣщенъ съ семействомъ изъ Каинска въ Томскъ по распоряженію ген.-губ. Мещеринова, и что объ остальныхъ пунктахъ доклада и записки Акцыновъ надѣется представить свѣдѣнія въ непродолжительномъ времени, напр. чрезъ мѣсяцъ.

Но прошелъ мѣсяцъ, прошло два, а отъ Оржевскаго, какъ говорится, ни отвѣта, ни привѣта. Поэтому, списавъ копію съ моей записки, поданной Оржевскому, я отправился къ М. Н. Островскому и, передавъ ему копію, подробно разсказалъ о двухъ своихъ свиданіяхъ съ шефомъ жандармовъ.

Какъ прочтенная Островскимъ записка, такъ и мой разсказъ произвели на него большое впечатлѣніе, и онъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ сказалъ: „что же это онъ ни шьетъ—ни поретъ, довольствуется вамъ обѣщаніями, а къ дѣлу не приступаетъ; постойте-ка, что онъ мнѣ скажетъ?“ и, подойдя къ телефону, онъ вызвалъ Оржевскаго и попросилъ сегодня прислать дѣло о бывшемъ томскомъ губернаторѣ Мерцаловѣ, котораго онъ намѣренъ принять на службу въ свое министерство. Оржевскій отвѣтилъ, что сейчасъ самъ привезетъ это дѣло.

Какое объясненіе произошло между Островскимъ и Оржевскимъ, я не знаю, такъ какъ при этомъ не былъ; но вотъ какое объясненіе было у Островскаго съ покойнымъ Императоромъ Александромъ III, какъ чрезъ недѣлю послѣ нашего свиданія передалъ мнѣ Островскій.

Въ докладной день министра госуд. имуществъ (понедѣльникъ) у Государя, курьеръ вечеромъ принесъ мнѣ записку Михаила Николаевича такого содержанія:

„Отъ души поздравляю: по волѣ Государя вы устроены въ министерство Императорскаго двора. Приходите завтра между 2 и 3 час., объясню подробно“.

Въ назначенный часъ я былъ въ кабинетѣ Островскаго, который разсказалъ слѣдующее:

„Вчера, по окончаніи доклада о министерскихъ дѣлахъ, я обратился съ просьбою къ Государю о разрѣшеніи мнѣ принять

на службу бывш. томскаго губернатора Мерцалова. Государь, немного подумавъ, отвѣтилъ, что Мерцаловъ, кажется, ушелъ изъ Томска недобровольно; помнится, его обвинили главнымъ образомъ въ томъ, что онъ самовольно освободилъ важнаго госуд. преступника Боголюбова, чествовалъ его публичнымъ обѣдомъ, сдѣлалъ для него подписку и затѣмъ отправилъ, неизвѣстно куда; потомъ что онъ окружилъ себя поляками и евреями, оказывалъ особое покровительство сосланнымъ подъ надзоръ полиціи государственнымъ преступникамъ и проч., и во всемъ этомъ Мерцаловъ не могъ представить никакого объясненія, но, прибавилъ Государь, „не могу не упомянуть, что въ представленномъ мнѣ докладѣ прямо заявлено, что всѣ—и друзья и враги—признаютъ его безукоризненно честнымъ человѣкомъ. Это, конечно, большой плюсъ".

Когда Государь остановился, перечисливъ очень подробно всѣ 8 пунктовъ доклада, я просилъ позволенія представить мои соображенія и, получивъ согласіе, сказалъ:

„Я знаю Мерцалова 18 лѣтъ сначала по службѣ въ государственномъ контролѣ, куда я его и опредѣлилъ, а затѣмъ постоянно имѣлъ объ немъ свѣдѣнія чрезъ близкихъ лицъ, между прочимъ, и чрезъ статсъ-секретаря Петрова, и зналъ его какъ искренняго патріота и безусловно добросовѣстнаго чиновника. Попавъ въ до-реформенную губернію, которой въ служебной сферѣ присущи были многія неблаговидныя свойства, какъ-то: взяточничество, вымогательство, казнокрадство, утрата вексельныхъ дѣлъ и проч., Мерцаловъ какъ ни былъ остороженъ, по необходимости наступилъ на застарѣлыя мозоли и тѣмъ неизбѣжно вызвалъ неудовольствіе. Недовольные элементы, зная, что съ нравственной и юридической стороны губернаторской дѣятельности Мерцаловъ неуязвимъ, стали строить свои обвиненія на политической почвѣ, обративъ особое вниманіе департамента полиціи на допущенномъ будто бы Мерцаловымъ самовольномъ освобожденіи госуд. преступника Боголюбова, на особой близости его съ „поляками и евреями" и проч. Порученное департаментомъ товарищу прокурора Романову негласное дознаніе произведено было крайне поверхностно и бездоказательно. Несмотря однако же на явную недостовѣрность этого дознанія, оно послужило основаніемъ для доклада или вѣрнѣе обвинительнаго акта. Актъ этотъ, по порученію бывш. министра графа Д. А. Толстого, былъ предъявленъ Мерцалову статсъ-секретаремъ Дурново. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать; что Иванъ Николаевичъ поступилъ несовсѣмъ правильно: онъ перечислилъ всѣ 8 пунктовъ доклада, но

не далъ себѣ труда выслушать объясненія Мерцалова и отказалъ ему въ разрѣшеніи подать письменное объясненіе, сказавъ, что онъ не уполномоченъ на это, а въ заключеніе предложилъ Мерцалову перейти въ Акмолинскую область. Но, увидѣвъ изъ этого, такъ наз., объясненія, что министерство осудило его, даже не выслушавъ его, Мерцаловъ предпочелъ вовсе уйти изъ этого вѣдомства и отъ перемѣщенія въ Акмолинскую обл. отказался. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сказалъ, что безъ службы съ семьей существовать не можетъ и надѣется, что со стороны министерства не встрѣтится препятствія къ поступленію его снова въ какое-либо учрежденіе другого вѣдомства. Статсъ-секретать Дурново далъ слово, что Мерцаловъ можетъ быть покоенъ на этотъ счетъ: министерство дастъ самый лучшій отзывъ, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ какъ графу Воронцову-Дашкову, такъ и мнѣ далъ отзывъ... отрицательный.

„Въ такомъ тяжеломъ положеніи Мерцаловъ находится болѣе двухъ лѣтъ и наконецъ, получивъ свѣдѣніе, что хотя генералъ Оржевскій и очень суровый, но справедливый человѣкъ, онъ представилъ ему свою объяснительную по всѣмъ 8 пунктамъ записку и просилъ пересмотрѣть его дѣло.

„Записка эта слѣдующаго содержанія...

„Я прочиталъ вашу записку, и Государь выслушалъ ее съ величайшимъ вниманіемъ. Затѣмъ я сказалъ, что новый начальникъ Томскаго жандарм. управленія полковникъ Акцыновъ, которому поручено было провѣрить записку по документамъ губернаторской канцеляріи, удостовѣрилъ, что все, изложенное въ запискѣ, безусловно правильно, при чемъ прислалъ подлинную шифрованную телеграмму о совершенномъ освобожденіи по высочайшему Вашего Величества повелѣнію дворянина Петра Боголюбова и о возвращеніи его на родину".

„Докладъ мой, видимо, произвелъ большое впечатлѣніе, и Государь сказалъ: *„бѣдный человѣкъ! за что его такъ обидѣли?!"* а затѣмъ прибавилъ: „Мнѣ помнится, Мерцаловъ желалъ поступить въ министерство двора, такъ нужно дать ему хоть въ этомъ удовлетвореніе за всѣ перенесенныя невзгоды, и я прошу васъ сказать Петрову, чтобъ онъ представилъ докладъ".

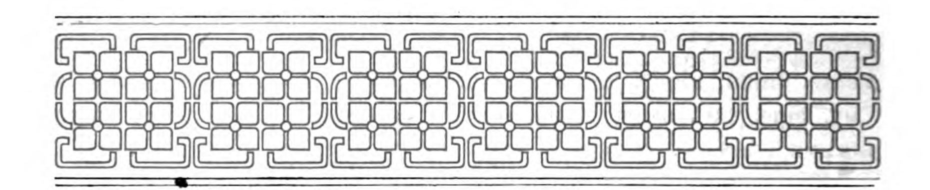
Горячее участіе Островскаго въ моей судьбѣ, результатомъ котораго была моя полная реабилитація въ глазахъ Государя, глубоко меня тронуло, и отъ волненія я не помнилъ, въ какихъ выраженіяхъ (конечно нескладныхъ) я высказалъ ему благодар-

ность. Видя, вѣроятно, мою растерянность, Островскій сказалъ: „ну, еще разъ поздравляю; теперь у васъ твердая почва подъ ногами"; затѣмъ обнялъ и поцѣловалъ меня, и мы разстались.

Только чрезъ полгода послѣ назначенія моего по министерству двора мнѣ удалось представиться министру графу Воронцову-Дашкову, который, между прочимъ, сказалъ, что Оржевскій поступилъ очень благородно, сознавшись предъ Государемъ въ сдѣланной ошибкѣ. Я согласился съ этимъ, но прибавилъ, что было бы гораздо лучше, если бы Оржевскій придержался закона и, прежде чѣмъ составлять обвинительный докладъ, потребовалъ отъ меня объясненіе.

Такъ кончилась моя губернаторская эпопея.

Сообщ. В. Мерцаловъ.



Цыганка предсказываетъ годъ смерти Александру II.

Разсказъ этотъ, переданный гофъ-медикомъ Крюковымъ и впослѣдствіи одною очень извѣстною начальницею сестеръ милосердія, состоялъ въ слѣдующемъ: за нѣсколько мѣсяцевъ до послѣдней турецкой кампаніи Александръ II выѣхалъ на охоту въ Никольское и по обыкновенію былъ въ партикулярной одеждѣ. Прогуливаясь по лѣсу, императоръ подошелъ къ цыганскому табору. Въ это время подбѣжала къ нему молодая женщина съ предложеніемъ поворожить.

— А можешь ли ты мнѣ сказать, когда я умру?—спросилъ съ улыбкой Александръ II, въ полномъ сознаніи, что оборванка не узнала его.

— Могу, но этого тебѣ лучше не знать—отвѣчала она.

— Говори, я не изъ трусовъ—сказалъ императоръ, давая ей кредитный билетъ.

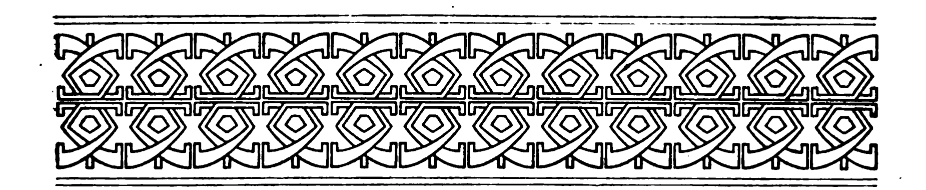
Ворожея посмотрѣла ему на руку и спросила:

— Въ какомъ ты году родился?

— Въ 1818-мъ.

— Ты умрешь — произнесла она зловѣщимъ тономъ — въ 1881 году и тихо возвратилась въ таборъ.

Сообщ. **В. Мелега.**



Неизданныя письма Н. И. Пирогова [1]).

(Къ исторіи высшаго образованія и русско-польскихъ отношеній).

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 26 декабря 1862 года по старому стилю) Н. И. Пироговъ возвращается къ вопросу о цензурѣ его статьи, которой послѣдняя, очевидно, и не подвергалась, и высказываетъ свое мнѣніе объ инцидентѣ съ будущими профессорами В. И. Модестовымъ и А. Г. Новоселовымъ. Инцидентъ этотъ—довольно пустяшный. Сущность его достаточно ясна изъ письма Пирогова, который горою вступился за своихъ кандидатовъ и предупредилъ грозившую имъ непріятность.

Милостивый Государь,

Александръ Васильевичъ!

Я сейчасъ получилъ Ваше письмо отъ $\frac{23 \text{ дек.}}{4 \text{ янв.}}$ и не понимая, почему Вы вмѣстѣ съ моею статьею, посланною по почтѣ, не получили и моего письма, начинаю опасаться, не пропало ли оно, поэтому и рѣшаюсь повторить еще разъ его содержаніе. Мнѣ бы необходимо было знать какія мѣста именно исключены, потому что я занимаюсь теперь составленіемъ новой статьи, и мнѣ бы не хотѣлось и ее подвергать цензурнымъ операціямъ, тѣмъ болѣе, что если направленіе не противорѣчитъ нашимъ цензурнымъ постановленіямъ, то перетолковъ отдѣльныхъ мѣстъ и выраженій я не боюсь, привыкнувъ уже довольно къ ложнымъ слухамъ на мой счетъ.

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1917 г.

Касательно статей Новоселова и Модестова, надѣлавшихъ шуму, котораго они не стоили,—и главное цензурованныхъ еще къ тому и въ Кельнской газетѣ, кѣмъ-то изъ Петербургскихъ, не могу не замѣтить, что эти статьи, по свидѣтельству самихъ авторовъ, вовсе не назначались ими для печати; онѣ были только выраженіемъ ихъ первыхъ впечатлѣній, которыя, какъ извѣстно, могутъ быть ложны; вся ошибка состояла въ томъ, что имъ слѣдовало бы удержаться, не быть откровенными, подождать и вникнуть; но они считали своею обязанностію увѣдомить министерство объ этихъ первыхъ впечатлѣніяхъ, не скрывая ихъ.

Нѣтъ ничего мудренаго, что учившимся въ нашихъ университетахъ и никогда не слыхавшимъ нѣмецкихъ лекцій, первое, что кинется въ глаза—это сухость изложенія и подробность, которая легко можетъ показаться мелочностію. Ко всякому направленію нужно сначала привыкнуть, и у нѣмцевъ есть пословица: „vor lauteren Baümen sicht man den Wald nicht". И Модестовъ, и Новоселовъ, съ непривычки, испытали на себѣ справедливость этой пословицы, и потому невиноваты, что первое впечатлѣніе на нихъ нѣмецкихъ лекцій было невыгодное. Это меня убѣждаетъ еще болѣе въ необходимости для нашихъ, посылаемыхъ за границу, особенной подготовки. Съ нами, когда мы пріѣхали во времена оны въ Германію, послѣ подготовки въ Дерптѣ, этого не случалось.

Теперь Модестовъ мнѣ пишетъ изъ Бона, что онъ въ восхищеніи отъ Ричля. Но худо то, что отъ преждевременной огласки статьи Новоселова въ нѣмецкой газетѣ, уже начали тревожиться нѣмецкіе профессора, какъ я слышу, и это можетъ имѣть на посланныхъ непріятныя слѣдствія, можетъ выйти скандалъ; не нужно забывать, что нѣмецкое общество чрезвычайно щекотливо и не переноситъ колкихъ замѣчаній на его авторитеты.

Вообще, я полагаю, что съ требованіемъ отъ посланныхъ различныхъ извѣстій, отчетовъ и статей не нужно быть взыскательными; имъ нужно дать болѣе времени для обдуманія,—иначе, нельзя ожидать ничего серьезнаго и способна выдержать критику; люди болѣе дѣльные, изъ боязни себя скомпрометировать, поневолѣ, ограничутся однако формальностію и сухимъ перечнемъ своихъ занятій, если отъ нихъ будутъ требовать слишкомъ часто отчетовъ, а менѣе совѣстливые принуждены будутъ писать размашисто, но безъ толка или съ опасностью уронить себя, что для ихъ будущности не очень выгодно. Дѣльные, семестральные отчеты были бы, какъ я уже заявилъ однажды, гораздо надежнѣе и основательнѣе.

Мое содержаніе и пенсію я получилъ по 1 октября, и прошу Васъ покорнѣйше велѣть мнѣ поскорѣе выслать за слѣдующіе мнѣ три мѣсяца. Мои расходы точь въ точь соотвѣтствуютъ приходу, и долго ждать мнѣ также трудно, какъ и посланнымъ за границу кандидатамъ. Я разсчиталъ, что поѣздка моя по германскимъ университетамъ будетъ стоить не менѣе 400 талеровъ, и потому если Вамъ еще угодно, чтобы я ее сдѣлалъ; то прошу васъ также покорнѣйше выслать и эту сумму впередъ, иначе мнѣ невозможно будетъ распорядиться и оставить Гейдельбергъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Пироговъ.*

Гейдельбергъ. *7 января, н. с. 1863.*

Черезъ нѣсколько дней министръ послалъ Н. И. Пирогову по поводу всѣхъ его сообщеній о русскихъ профессорскихъ кандидатахъ за границей слѣдующее письмо (дѣло архива канцеляріи министра № 21—180).

М. Г. Николай Ивановичъ.

Государь Императоръ изволитъ обращать всегда особенное вниманіе, при всеподданнѣйшихъ докладахъ моихъ, на сообщаемыя Вашимъ Превосходительствомъ извѣстія о нашихъ профессорскихъ кандидатахъ, находящихся за границею, и вообще о молодыхъ Русскихъ, которые занимаются въ иностранныхъ университетахъ. Посему я покорнѣйше прошу Васъ, по окончаніи предположенной Вами поѣздки по Германскимъ Университетамъ, принять на себя трудъ доставить мнѣ, сколь возможно подробныя свѣдѣнія о занятіяхъ нашихъ молодыхъ ученыхъ и о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія произведутъ на Васъ Университеты Германіи.

Примите увѣреніе въ отличномъ почтеніи и преданности

Головнинъ.

28 января 1863 г.

Въ то же время министръ предложилъ попечителямъ учебныхъ округовъ обращать вниманіе на отчеты молодыхъ ученыхъ, чтобы имѣть возможность судить о нихъ впослѣдствіи при выборахъ профессоровъ на свободныя каѳедры. Отчеты эти печата-

лись въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія" за 1862—1866 годы, и почти во всѣхъ ихъ имѣются ссылки кандидатовъ на содѣйствіе, оказанное имъ Пироговымъ во время ихъ научныхъ занятій за границей. Нѣкоторые изъ нихъ отмѣчаютъ, что пользовались и врачебными совѣтами знаменитаго ученаго. Изъ упоминаній о вліяніи Н. И. Пирогова отмѣчу ссылки знаменитаго языковѣда А. А. Потебни (1863, январь), Л. Н. Модзалевскаго (1862, октябрь и декабрь), В. И. Модестова (1863, январь), и извѣстнаго историка литературы О. Θ. Миллера (февраль), извѣстнаго философа М. М. Троицкаго (мартъ), извѣстнаго физика Θ. Н. Шведова (1865, октябрь).

Въ слѣдующемъ письмѣ Н. И. Пирогова (отъ 2 марта 1863 года по старому стилю) изъ Берлина находимъ отвѣтъ на приведенное выше письмо А. В. Головнина, просившаго Н. И. объѣхать нѣмецкіе университеты. Имѣются въ немъ также свѣдѣнія о кандидатахъ, свидѣтельствующія, что Н. И. Пироговъ въ заботахъ о развитіи науки въ Россіи обращалъ вниманіе и на тѣхъ молодыхъ ученыхъ, которые поѣхали учиться на свой счетъ. Такихъ онъ особенно поощрялъ.

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ.

Какъ я ни желалъ посѣтить разомъ всѣ германскіе университеты, въ теченіе прошлаго семестра; но не успѣлъ: пріѣхавъ въ Берлинъ, я едва засталъ окончаніе курса, и потому откладываю вторую половину моей поѣздки въ южные университеты и нѣкоторые сѣверные до будущаго семестра; а теперь послѣ 6-недѣльной поѣздки возвращаюсь опять въ Гейдельбергъ, къ моему семейству, которое безъ меня все переболѣло корью.

Въ началѣ будущаго семестра, т.-е. въ маѣ, думаю снова пуститься, чтобы окончить мой осмотръ; но въ 2 или 3 отдаленнѣйшіе университеты, какъ Кенигсбергъ, Киль и пр., мнѣ едва-ли удастся попасть. О результатахъ я теперь ничего не могу еще Вамъ представить, хотя и осмотрѣлъ уже цѣлые 8 университетовъ; мнѣ казалось бы болѣе вѣрнымъ отложить мой отчетъ, покуда осмотрю всѣ; впрочемъ, по возвращеніи въ Гейдельбергъ, во всякомъ случаѣ, представлю Вамъ нѣкоторыя изъ моихъ соображеній; а теперь позвольте обратить Ваше вниманіе на двухъ молодыхъ людей, которыхъ я встрѣтилъ въ Вюрцбургѣ и Іенѣ, и которымъ обѣщался извѣстить Васъ.

Первый, въ Вюрцбургѣ, это докторъ медицины Казанскаго университета Никаноръ *Хржонщевскій*, посланный сначала отъ Университета, а потомъ отъ Министерства. Онъ началъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ гистологическихъ работъ, какъ я самъ имѣлъ случай убѣдиться изъ его препаратовъ; профессоръ патологич. анатоміи Ферстеръ просилъ меня также убѣдительно, чтобы я похлопоталъ оставить его еще за границею, и я съ удовольствіемъ исполняю его порученіе; между тѣмъ срокъ пребыванія за границею Хржонщевскаго уже кончается, или даже окончился, въ мартѣ 63-го, и ему предстоитъ одно изъ двухъ: или ѣхать, бросивъ неоконченными всѣ работы, или оставаться здѣсь и умирать съ голода: онъ получаетъ, кажется, не болѣе 900 рублей, и сверхъ того оставилъ въ Казани жену съ ребенкомъ, которой также посылаетъ на содержаніе; онъ мнѣ показался нѣсколько эксцентричнымъ, — это доказываетъ и его ранняя женитьба; но его прилежаніе и способность къ анатомическимъ работамъ очевидны.

Второй, Діонисій Порцжежинскій, родомъ изъ Одессы, учившійся въ Москвѣ, магистръ фармаціи, и живетъ въ Іенѣ на свой щетъ. Объ немъ я уже имѣлъ честь Васъ увѣдомить, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и послалъ къ Вамъ даже его аттестаты; но отвѣта еще не получалъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ ассистентомъ у недавно скончавшагося профессора химіи Лемана (который объ немъ и свидѣтельствовалъ), весьма прилеженъ и очень скроменъ. Онъ желалъ бы вступить въ число кандидатовъ Министерства.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Пироговъ*.

Берлинъ 63. *Марта 14 н. с.*

А. В. Головнинъ затребовалъ въ канцеляріи справку объ упомянутыхъ Пироговымъ молодыхъ людяхъ. Справка эта характерна помѣткою „5 марта“, свидѣтельствующею, что письма Н. И. Пирогова передавались министру и прочитывались имъ въ самый день ихъ полученія изъ-за границы. Мнѣніе Пирогова объ осмотрѣнныхъ имъ заграничныхъ университетахъ изложено имъ въ письмахъ изъ Гейдельберга, напечатанныхъ въ газетѣ „Голосъ“ въ 1863—1864 годахъ и включенныхъ въ собраніе его педагогическихъ статей (изд. 1914 года).

Слѣдующее письмо (отъ 10 апрѣля 1863 года по старому стилю) интересно упоминаніемъ статьи Пирогова „о воскресныхъ школахъ". (Къ ней онъ возвращается въ письмѣ отъ 16 мая). Статья „о воскресныхъ школахъ" представляетъ собою очень цѣнный для исторіи русскаго просвѣщенія, горячо написанный очеркъ, въ которомъ изложена фактическая сторона дѣятельности Н. И. Пирогова по устройству, первыхъ въ Россіи, кіевскихъ воскресныхъ школъ. Здѣсь же охарактеризована вредная для родины, близорукая политика администраторовъ въ родѣ И. И. Васильчикова, преслѣдовавшихъ всякое проявленіе дѣятельности общества въ области просвѣщенія народа (статья включена въ собраніе сочиненій Н. И., изд. 1914 г.).

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ.

Честь имѣю представить Вамъ небольшую записку о воскресныхъ школахъ, которую, если Вы найдете это возможнымъ, я просилъ бы напечатать какъ приложеніе къ запискѣ, составленной княз. Ширинскимъ-Шахматовымъ, и присланный ко мнѣ недавно Министерствомъ.

Такъ какъ я въ маѣ мѣсяцѣ долженъ снова выѣхать для осмотра Университетовъ, а между тѣмъ я не получилъ еще слѣдующаго мнѣ содержанія и пенсіи за 3 мѣсяца; то я обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею прозьбою о приказаніи выслать мнѣ до моего отъѣзда, во-первыхъ: трехмѣсячное жалованье и пенсію и во-вторыхъ и 3/т. дополнительнаго содержанія, которое я получилъ въ прошломъ году 1-го мая с. с. по 1-е мая с. с. 1863. Не получивъ этихъ суммъ заблаговременно и не обезпечивъ тѣмъ моего семейства, я не могу отправиться изъ Гейдельберга на продолжительное время для исполненія даннаго мнѣ порученія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга *Н. Пироговъ.*

Гейдельбергъ. 1863. Апрѣля 22 н. с.

Министръ отдалъ записку Н. И. Пирогова въ печать и предписалъ выслать деньги немедленно. Статья о воскресныхъ школахъ помѣчена 20 апрѣля (конечно, новаго стиля). Теперь она

включается свободно въ собраніе сочиненій Пирогова (начиная съ 1887 года), но въ свое время считалась секретною, и печатные экземпляры ея хранились на строгомъ учетѣ въ особомъ шкафу въ департаментѣ министерства. „Секретность" записки Н. И. Пирогова вызвана общимъ тогдашнимъ отношеніемъ правительства къ воскреснымъ школамъ, которыя 10 іюня 1862 г. были закрыты за якобы вредное вліяніе ихъ на рабочія массы. Вопросу о воскресныхъ школахъ въ связи съ просвѣтительной дѣятельностью Н. И. Пирогова въ Кіевѣ будетъ мною посвященъ особый очеркъ, основанный на секретной перепискѣ разныхъ вѣдомствъ, заключающій въ себѣ письма Н. И. Пирогова и донесенія князя И. И. Васильчикова съ указаніемъ на вредное направленіе дѣятельности попечителя-миссіонера.

Перехожу къ письму Н. И. Пирогова на имя министра отъ 16 мая 1863 года по старому стилю. Въ немъ интересно сообщеніе о запискѣ профессорскихъ кандидатовъ въ пользу русскихъ солдатъ, раненыхъ при усмиреніи польскаго возстанія. Вторая половина письма, касающаяся частныхъ дѣлъ Пирогова и впечатлѣній его отъ посѣщенія педагогическаго съѣзда въ Мангеймѣ (25—28 мая н. с.), здѣсь не приводится.

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ.

Опасаясь, что не затерялось ли мое письмо отъ 22 апрѣля н. с. (какъ это теперь случается иногда), съ которымъ вмѣстѣ я имѣлъ честь представить Вамъ и мою записку о воскресныхъ школахъ, я рѣшился напомнить о содержаніи этого письма и, сверхъ того, увѣдомить Васъ еще о нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ.

Въ письмѣ моемъ, оставшемся безъ отвѣта, я просилъ Васъ покорнѣйше о высылкѣ мнѣ къ 1-му мая с. с. 3 тыс. слѣдующихъ мнѣ за 1863-й на дополнительное содержаніе, такъ какъ вексель на эту сумму за 1862-й я получилъ также 1-го мая с. с. По этому случаю я откладываю и поѣздку мою по германскимъ университетамъ, ожидая съ каждою почтою увѣдомленія на мою прозьбу.

Мнѣ желательно бы было также знать и объ участи моей статьи о воскресныхъ школахъ кн. Ширинскаго-Шахматова, изложивъ откровенно все, что зналъ о первыхъ воскресныхъ школахъ, возникшихъ во время моего попечительства въ Кіевѣ.

Находящіеся въ Гейдельбергѣ русскіе, посланные за границу отъ Министерства, составили записку въ пользу раненыхъ русскихъ солдатъ въ Польшѣ; къ нимъ присоединились, конечно, и другіе русскіе, живущіе въ Гейдельбергѣ.

Канд. Неклюдовъ, о которомъ я писалъ Вамъ, теперь находится въ Берлинѣ и увѣдомилъ меня, что онъ отказывается отъ вспомоществованія его ученымъ занятіямъ...

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Пироговъ.*

Гейдельбергъ. 1863. Мая 28 н. с.

На подлинникѣ—помѣтка Головнина: „Записка его о воскресныхъ школахъ напечатана и послана ему. Она считается *секретною*, равно какъ и записка кн. Шихматова". Кандидатъ Неклюдовъ, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, — извѣстный впослѣдствіи криминалистъ и государственный дѣятель Н. А. Неклюдовъ. Письма о немъ Пирогова въ обслѣдованныхъ мною дѣлахъ нѣтъ.

Слѣдующее письмо Пирогова къ министру — отъ 20 іюня 1863 года по старому стилю—очень цѣнно своимъ сообщеніемъ о настроеніи русской учащейся молодежи въ связи съ польскимъ возстаніемъ. Далѣе интересны соображенія геніальнаго хирурга о постановкѣ преподаванія на медицинскихъ факультетахъ.

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ.

Отправляясь сегодня же въ путь для осмотра Германскихъ университетовъ, я имѣю честь увѣдомить Васъ, что вексель на сумму 1900 гамб. марокъ (за треть моего добавочнаго содержанія) я на этихъ дняхъ получилъ. Вексель на имя Діон. Поржинскаго высылаю при семъ, по Вашему приказанію, обратно. Изъ суммы 150 пр. тал., высланной мнѣ для покупки книгъ, я условился съ здѣшнимъ книгопродавцемъ Викторомъ о высылкѣ въ Департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 50 экзем. „Pulchs. Bruchtabelle" 1862 г., а таблицы Гиллярдта, на остальныя деньги, вышлю изъ Вѣны.

На этихъ дняхъ я получилъ изъ Департамента нѣсколько посылокъ съ книгами и брошюрами; но къ сожалѣнію между

ними не нашелъ журнала Министерства, который я не получалъ уже съ марта мѣсяца.

Деньги, собранныя по подпискѣ, проживающими въ Гейдельбергѣ и Геттингенѣ русскими, въ пользу нашихъ солдатъ, раненыхъ въ Польшѣ, я переслалъ при письмѣ нашему посольству въ Баденѣ. Теперь здѣсь немного русскихъ студентовъ, изъ нихъ только 6 посланныхъ отъ Правительства. Духъ здѣсь вообще значительно улучшился; о крайнихъ направленіяхъ вовсе не слышно; поляковъ, кромѣ 4 или 5, совсѣмъ нѣтъ. Польская неумѣренность замѣтно сблизила различныя партіи, прежде имъ безусловно сочувствовавшія.

Кандидатъ Алексѣевъ, занимающійся химіею у пр. Веллера въ Геттингенѣ, просилъ меня о позволеніи отправиться на ваканціонное время (въ августѣ) въ Россію, по домашнимъ обстоятельствамъ. Я, съ своей стороны, не нахожу препятствія и предлагаю ему, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, явиться въ Департаментъ. Два другихъ химика, посланные отъ Харьковскаго Университета *по медицинской химіи*, находятся въ затруднительномъ положеніи. Это Г.г. Тихоновичъ и Гарницкій. Они вовсе не медики, и университетъ, высылая ихъ, имѣлъ очевидно въ виду не ту медицинскую химію (физіологическую и патологическую), которая взошла по новому проэкту въ составъ медицинскаго преподаванія; а просто общую химію, преподаваемую медикамъ.

Не зная физіологіи и патологіи, конечно, нельзя быть профессоромъ медицинской химіи, а начать за границею учиться этимъ 2-мъ наукамъ и узнать ихъ въ 2 года невозможно. Поэтому, я далъ этимъ господамъ совѣтъ, не развлекаясь и не вдаваясь въ изученіе наукъ для нихъ совершенно новыхъ, сосредоточить всю свою дѣятельность на усовершенствованіе себя въ общей химіи, тѣмъ болѣе, что и въ спискѣ командированныхъ за границу (напечатанномъ и присланномъ мнѣ изъ Департамента) они значатся въ отдѣлѣ физико-математическаго факультета.

Осенью сообщу Вамъ о результатахъ моей поѣздки.

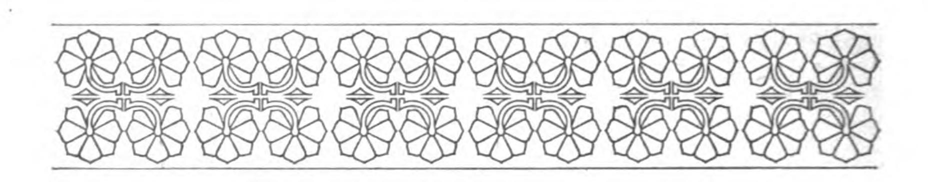
Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Пироговъ.

Гейдельбергъ. 1863. Іюля 2 н. с.

Сообщ. **С. Я. Штрайхъ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



Княжна Долгорукова (Юрьевская) въ Крыму въ 1880 году [1]).

Княжна Долгорукова пріобрѣла дачу недалеко отъ Муравьева и, построивъ въ ней новый домъ, пользовалась особеннымъ расположеніемъ добраго и мягкосердечнаго Александра II, который послѣ смерти супруги своей и выдачи замужъ единственной, нѣжно любимой дочери, очутился въ положительномъ одиночествѣ и, чувствуя вокругъ себя враждебный хаосъ, искалъ или долженъ былъ искать кого-нибудь, кто зналъ бы его симпатіи, привычки и желанія, а такъ какъ княжна Долгорукая съ первыхъ дней юности находилась при дворѣ, то естественно, что Александръ II питалъ къ ней самое дружественное расположеніе и въ обществѣ ея находилъ все то, что напоминало прежній душевный покой и безмятежные дни его лучшихъ стремленій и дѣяній.

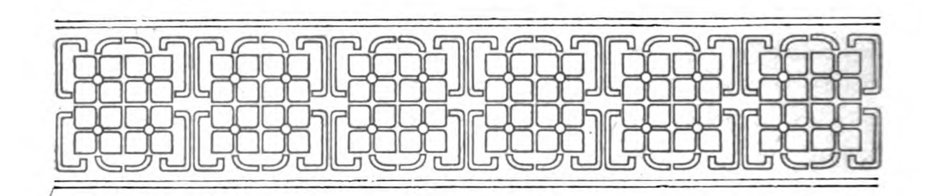
О княжнѣ Долгоруковой, переименованной въ кн. Юрьевскую, къ сожалѣнію ничего не приходилось слышать хорошаго. Всѣ служившіе или знавшіе ее считали ее крайне надменною, ко всему относившеюся съ презрѣніемъ. Она ни на кого не смотрѣла, ни съ кѣмъ не говорила, никого кромѣ Рылѣева не принимала и никого изъ прислугъ не одаряла. Единственными пріятелями ея были: двѣ дикія козы, масса кроликовъ и ослица, которую она навѣщала каждое утро и кормила изъ своихъ рукъ бѣлымъ хлѣбомъ. Ослица эта до того была избалована ею, что, выходя въ садъ, безнаказанно пожирала лучшія растенія, и когда гнались за нею, то вбѣгала не только на корридоръ, но даже въ столовую своей покровительницы. Избалованный до крайности

[1]) Впослѣдствіи морганатическая жена Александра II.

оселъ этотъ — однажды до того испугалъ Александра II, что онъ съ ужасомъ отскочилъ на нѣсколько шаговъ, не понимая, какое это чудовище выглянуло изъ окна маленькаго домика, завитаго плющемъ, мимо котораго онъ проходилъ вечеромъ, и никакъ не могъ допустить, чтобы туда забрался оселъ. Прислуга и садовники терпѣли отъ козъ и кроликовъ, которыхъ дѣти выпускали для своей забавы: они положительно истребляли грядки съ клубникою, которая требовалась ежедневно княгинею Юрьевскою, а между тѣмъ никто не осмѣливался жаловаться ей на этихъ безпощадныхъ животныхъ.

Дача кн. Юрьевской отличалась отъ всѣхъ южнобережскихъ тѣмъ, что она ограждена была высокою каменною стѣною, кладенною на извести, и имѣла три въѣзда: первый со стороны Ливадской тропинки съ горы; второй отъ рѣчки къ новому дому, а третьи ворота открывались для ѣдущихъ по почтовому тракту чрезъ имѣніе Мейера. Александръ II безпрестанно измѣнялъ свой маршрутъ не потому, что въ этомъ предстояла какая-нибудь надобность, а смотря по тому, какою дорогою онъ ѣхалъ и на чемъ. Александру II очень нравилось, когда при въѣздѣ его встрѣчалъ въ полной солдатской формѣ съ ранцемъ за плечами небольшой сынокъ княгини и отдавалъ ему честь по военному артикулу, при чемъ императоръ испытывалъ его ловкость различнаго рода командами и самъ училъ его, если замѣчалъ ошибки или неумѣніе.

Сообщ. **В. Мелега.**



Изъ записокъ Н. В. Исакова [1]).

(Продолженіе).

V. Осада аула Салты. VI. Темиръ-Ханъ-Шура. Поѣздка въ Баку. VII. Вторая экспедиція въ Гергебиль.

Былъ конецъ іюля; оставалось еще много хорошаго времени. Предыдущее ничего не принесло въ этомъ году, нужно же было однако закончить его чѣмъ-нибудь приличнымъ. Стали поговаривать о новой экспедиціи. Какъ только стихла нѣсколько холера въ долинахъ, 26 іюля мы въ два перехода спустились съ Турчидага къ с. Салтамъ, подвезли на буйволахъ тяжелыя орудія, разработавъ для этого дороги и спуски, и заложили правильныя траншеи передъ ауломъ. Салты стояли въ долинѣ между двухъ хребтовъ невысокихъ горъ и запирали ее; съ лѣваго фланга аула былъ глубокій оврагъ, справа рѣчка, а за нею высоты командовали ауломъ. Сзади аула были обширные сады, террасами спускающіеся по направленію къ Салтинскому мосту черезъ р. Койсу; дорога шла къ нему изъ аула по глубокому оврагу, для насъ скрыто. Аулъ былъ обнесенъ высокою стѣною съ башнями. Гарнизонъ рѣшилъ защищаться. Инженерныя работы были поручены подполковнику инженеровъ Эдуарду Ивановичу Кеслеру. Штабъ съ частью войскъ сталъ на ближайшихъ высотахъ, внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, войска заняли долину. Работъ у Кеслера закипѣла. Гр. Фрицъ Гейденъ съ охотниками заложилъ близко къ стѣнѣ первую траншею: подползъ по рву подъ стѣны аула и измѣрилъ разстояніе въ глухую темную ночь удачно и получилъ за это Георгія 4 ст. Кн. Алексан-

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1917 года.

дру Гагарину поручено было укрѣпиться съ 2 батальонами со стороны, а съ тыла, охраняя лагерь, былъ Графскаго Ширванскаго полка батальонъ Бибанона. За штабомъ въ лощинѣ стоялъ обозъ и маркитанты; ежевечерне тамъ былъ торгъ и огни. У кн. Воронцова палатка была поднята, горѣли свѣчи; онъ по вечерамъ игралъ съ сыномъ и б. Николаи въ ломберъ, какъ отдохновеніе отъ дневныхъ тревогъ и заботъ. Непріятель, привлеченный этой иллюминаціей съ высотъ, окружающихъ нашу позицію, началъ каждый вечеръ стрѣлять по этимъ огнямъ изъ орудій, которыя подвозилъ отъ Салтинскаго моста. Аргутинскому было непріятно, что въ командуемомъ имъ отрядѣ главнокомандующій видитъ такую наглость горцевъ, и онъ вознамѣрился наказать ихъ. Пока мы къ этому подготовлялись, каждый вечеръ нѣсколько непріятельскихъ гранатъ рвало надъ площадкой, гдѣ стояла палатка кн. Воронцова. Онъ прерывалъ свою партію и выходилъ смотрѣть на нихъ, какъ на представленіе, заложивши за спину руки; около него всегда собиралась штабная группа, въ которой однажды Коцебу открылъ, что маленькій докторъ прятался за него при разрывѣ гранаты. „И нашли же вы за кого прятаться", сказалъ онъ смущенному маленькому пріѣзжему доктору. (Коцебу былъ самъ очень маленькаго роста).

Аргутинскій былъ не въ духѣ: всею осадою завладѣлъ Коцебу. Это было въ порядкѣ вещей: шли инженерныя работы, строились брешь-батареи; Аргутинскій ничего въ этомъ не смыслилъ, но сердился, что ему какъ будто выпадала второстепенная роль внѣшнихъ дѣйствій, когда главнокомандующій былъ у него въ отрядѣ, какъ бы въ гостяхъ. Стычки съ Коцебу у него доходили уже до неприличія. При какомъ-то объѣздѣ онъ вышелъ до того изъ себя (мнѣ разсказывали свидѣтели, я самъ тутъ не былъ), что онъ назвалъ Коцебу „мальчишкой", а Коцебу его „армяшкой". Я не вполнѣ, признаюсь, вѣрю этому, но я его видѣлъ въ очень возбужденномъ состояніи при возвращеніи и, вѣроятно, что-нибудь крупное произошло.

Приготовляясь къ ночному движенію, чтобы прекратить дерзкое обстрѣливаніе нашего лагеря, Аргутинскій, какъ всегда, хранилъ свое намѣреніе въ тайнѣ, никому, кромѣ преданныхъ своихъ татаръ, не говорилъ о немъ. Обыкновенный признакъ, что у него голова была занята какимъ-нибудь планомъ, былъ одинъ и тотъ же: онъ ничего не ѣлъ кромѣ супу и пилъ только немножко портеру въ теченіе нѣсколькихъ дней, дабы сохранить свѣжесть мыслей и обдумать заранѣе всѣ подробности случайностей.

Въ это время, поднимали ежедневно войска на гору засвѣтло, чтобы пріучить непріятеля видѣть это движеніе и принимать его только за желаніе оградить нашъ лагерь. Я, въ свою очередь, попался разъ за какое-то позабытое мною приказаніе Аргутинскаго; онъ сердито мнѣ сказалъ: „Если вы хотите, Николай Васильевичъ, служить со мной, то исполняйте мои приказанія непремѣнно". Черезъ нѣсколько минутъ, когда мы возвращались съ позиціи, онъ, какъ будто ничего не бывало, говоритъ: „Что, любезный Николай Васильевичъ, ты такой молчаливый сегодня". Онъ былъ медвѣдь, и когда сердитъ, и когда хотѣлъ заставить забыть, что онъ былъ сердитъ. Но это была единственная размолвка со мною, вина, впрочемъ, была моя. Однако же Коцебу мнѣ жаловался на кн. Моисея Захаровича, за его неприличныя выходки; я былъ старый подчиненный Коцебу и опасался, какъ бы не попасть между двухъ огней, но это прошло безъ послѣдствій.

7 августа до заката солнца войска были подняты по обыкновенію на гору; непріятель могъ издали сосчитать, что это тѣ же 2 горныхъ орудія, 2 баталіона и сотня конной милиціи, но когда стемнѣло, то къ намъ присоединились войска изъ лагеря и отрядъ изъ 6 баталіоновъ пѣхоты со всѣми горными орудіями для движенія на лагерь непріятеля былъ готовъ. Кавалерія была впереди, состояла изъ разныхъ племенъ дагестанскихъ, подъ командою маіора кн. Гагарина, поддержаннаго дивизіономъ Нижегородскихъ драгунъ, которому кн. Воронцовъ хотѣлъ дать случай отличиться. Пока войска въ страшной темнотѣ устраивались, выдвигались, прибывали, пріѣхалъ къ отряду кн. Воронцовъ, спросилъ меня, гдѣ бы ему прилечь. Разослали бурку у одного изъ батальоновъ, и онъ приказалъ мнѣ разбудить его тотчасъ же, какъ батальону придется двигаться. Старый боецъ сейчасъ же заснулъ, окруженный адъютантами, чтобы въ темнотѣ его какъ-нибудь не зацѣпило. Аргутинскій передъ движеніемъ передалъ мнѣ свое намѣреніе сдѣлать внезапное наступленіе, но не сказалъ мнѣ, что насъ ожидаетъ со стороны непріятеля, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ уже имѣлъ.

Войска ощупью подвигались впередъ, я подъѣхалъ разбудить кн. Воронцова, адъютанты стали спорить со мной. Князь услыхалъ, „Что, пора", спросилъ онъ, „если пора, такъ поѣдемъ", сѣлъ на своего темносѣраго „Багу", и, какъ ни въ чемъ не бывало, потихоньку поѣхалъ за двигающимися ощупью батальонами. Стало брезжить, войска прибавили ходу, мѣстность для меня была совсѣмъ незнакомая; открытая голая поверхность горнаго

хребта. Послышались первые выстрѣлы. Аргутинскій мнѣ сказалъ: „Возьмите, любезный Н. В., ½ баталіона и 2 орудія и, вправо выдвинувшись, вы увидите внизу непріятельскій лагерь, откройте огонь; наша кавалерія должна быть скоро въ лагерѣ, если кн. Гагаринъ такой молодецъ, какъ говоритъ главнокомандующій".

Черезъ 150 шаговъ вправо я очутился въ какомъ-то окопчикѣ, въ которое я вдвинулъ 2 горныхъ орудія. Внизу подо мною, въ глубокой лощинѣ была какая-то невообразимая кутерьма. Сколько можно было разобрать, это былъ бивуакъ непріятеля, какъ видно многочисленнаго по объему. Много было и палатокъ. Кавалерія наша неслась въ лощину; вся эта татарва спросонья кидалась и стрѣляла; кони вырывались, всадники пѣшкомъ соскакивали въ кручу, спасаясь отъ нашей кавалеріи. Гранаты моихъ 2 орудій падали тамъ, гдѣ были кучи народа. Ясно было, что мы настигли ихъ дѣйствительно врасплохъ. Однако же кн. Аргутинскій исчезъ. Онъ съ 2 передовыми батальонами, не останавливаясь надъ лощиной, бѣгомъ обогнулъ ее, и все, что тамъ было, въ видѣ пѣхоты и главныхъ силъ непріятеля, бросилось внизъ по скаламъ, не пробуя дать какой бы то ни было отпоръ. Я поѣхалъ посмотрѣть, что дѣлается у Аргутинскаго, такъ какъ у меня представленіе уже кончилось. На пути я встрѣтилъ батальонъ, производящій страшную стрѣльбу; оказалось, что за непроходимымъ оврагомъ отъ него уходилъ одинъ лезгинъ, махавшій шапкой въ знакъ того, что онъ сдается. Весь батальонъ разрядилъ по немъ свои ружья, а лезгинъ все-таки ушелъ. Я нашелъ кн. Аргутинскаго пѣшкомъ на спускѣ, поддерживаемаго своимъ, вѣрнымъ Хаджи Бутаемъ. Впереди его стрѣлки наши пускали свои штуцерныя пули въ догонку бѣгущимъ стремглавъ внизъ, ошалѣвшимъ непріятелямъ [1]). Аргутинскій былъ въ большомъ духѣ и смотрѣлъ какъ охотникъ, сдѣлавшій сюрпризъ своимъ гостямъ. Движеніе было хорошо разсчитано, дѣло было лихое, въ полчаса времени непріятель былъ разметанъ, какъ песокъ. Общее возбужденіе увлекло бы насъ далеко, если бы Аргутинскаго не пришли звать къ главнокомандующему. Пыхтя и отдуваясь, поддерживаемый съ двухъ сторонъ, тучный Моисей Захаровичъ поднимался въ гору съ видомъ начальника, который умѣетъ и знаетъ, что можно сдѣлать съ кавказскими войсками.

---

[1]) Только одинъ стрѣлковый баталіонъ имѣлъ штуцера, а вся масса пѣхоты лишь гладкоствольныя винтовки съ ничтожной дѣйствительностью, и можно утвердительно замѣтить, что стрѣльбы въ пѣхотѣ у насъ не было, а была только пальба.' *Б. Колюбакинъ.*

Кн. Воронцовъ былъ доволенъ этою удачей, первою въ нынѣшнемъ году, и высказалъ Аргутинскому много такихъ пріятныхъ вещей, которыя послѣднему пришлись по сердцу. Коцебу съ нами не было: онъ оставался командовать въ лагерѣ, слѣдовательно, ничто не нарушало его хорошаго расположенія. Пока собирались войска, главнокомандующій прилегъ за большимъ камнемъ, и мы всѣ, усталые, тоже за каменьями.

По возвращеніи въ лагерь, пробираясь между палатками, я наткнулся у одной изъ нихъ на голую ногу, отрѣзанную выше колѣна, обутую въ сѣрый носокъ. И палатка и нога принадлежали бѣдному кн. Гагарину. Онъ впереди своей милиціи внесся въ лощину, гдѣ былъ лагерь, былъ раненъ, отнесенъ въ лагерь; позвали Пирогова, который позвалъ нѣсколько врачей посмотрѣть и отнялъ ногу въ науку ихъ неумѣлости, о консервативной хирургіи ни онъ, да и никто тогда не думалъ. Намъ невольно стало тогда приходить на мысль, не слишкомъ ли уже это быстро и нельзя ли, въ случаѣ подобномъ, быть подальше отъ Пирогова. Гагаринъ лежалъ довольно бодро, на его желѣзной походной кровати, въ головахъ, висѣла Анна 2 ст. Онъ былъ доволенъ. Жоржъ Гагаринъ былъ сынъ Павла Павловича Гагарина (впослѣдствіи предсѣдателя Государственнаго Совѣта), служилъ давно въ линейскихъ казакахъ, и несмотря на эту ампутацію жилъ очень долго и только тучнѣлъ чрезмѣрно.

Когда я проснулся, на постели у меня сидѣлъ Василій Денисовичъ Давыдовъ, гвардейскій офицеръ артиллеристъ, въ отчаяніи, что не пріѣхалъ нѣсколькими часами ранѣе. У него былъ въ отрядѣ братъ.

Черезъ два дня мы сдѣлали такое же ночное движеніе въ правомъ флангѣ нашей позиціи также по высотамъ, но тамъ непріятеля не нашли.

Осадныя работы шли своимъ чередомъ. У непріятеля было нѣсколько орудій. Каждую ночь онъ дѣлалъ вылазки на нашихъ работахъ въ траншеяхъ, но этимъ работы не замедлялись.

Пріѣхалъ къ намъ въ лагерь инженерный ген. Бюрно, родомъ французъ, служившій въ Новороссійскомъ краѣ у кн. Воронцова, который къ нему благоволилъ и былъ не прочь дать ему случай отличиться. Инженерное дѣло было въ неспособныхъ рукахъ Кеслера, но туда мѣшаться не допускалъ Коцебу. Бюрно придумалъ портить воду въ единственной рѣкѣ, протекавшей черезъ нашъ лагерь и входившей въ аулъ, сталъ устраивать плотины изъ навоза и ежедневно приносилъ кн. Воронцову утромъ бутылку воды, для убѣжденія степени навознаго настоя, получае-

маго отъ насъ гарнизономъ вмѣсто воды. Потомъ предложилъ проектъ занятія отдѣльнымъ отрядомъ садовъ Салтинскихъ и тѣмъ прекращенія сообщенія гарнизона съ внѣшней помощью, расположенною у Салтинскаго моста, откуда смѣнялись защитники аула и доставлялся имъ провіантъ и снаряды. Предложеніе было разумно. Аргутинскій колебался только ввѣрить что-либо изъ своихъ войскъ неизвѣстному шарлатану-французу, какъ онъ его называлъ, и назначилъ 2 батальона съ 2 горными орудіями и полковника Бибанова, чтобы имѣть въ отрядѣ этомъ солиднаго начальника, и чтобы „проклятый шарлатанъ не надѣлалъ глупостей", и приказалъ мнѣ быть также при г. Бюрно при занятіи садовъ.

Утромъ рано мы почти безъ выстрѣла заняли сады, горцы не ожидали этого. Сады всѣ были на террасахъ, одну изъ нихъ выбрали довольно обширную и стали на ней укрѣпляться, ожидая однако же, что горцы попробуютъ освободить свои сообщенія, на которыхъ мы располагались.

Принялись за траншеи, за прикрытія для батареи изъ двухъ орудій, засѣки. Бюрно былъ въ восхищеніи отъ удачнаго исполненія его плана, который онъ справедливо считалъ довольно труднымъ, ибо все движеніе сдѣлалось почти на ружейный выстрѣлъ отъ аула, а между тѣмъ въ садахъ не нашли ни одного горца. Два батальона: Графскій и Самурскій работали усиленно, чтобы прикрыться поскорѣе. Командиры ихъ, Бибановъ и Болотниковъ, еще разъ встрѣтились въ своей боевой жизни; въ первый разъ, въ 1843 г., еще молодыми, они нечаянно попались въ укрѣпленіи Низовомъ и выдержали долгую осаду и нѣсколько приступовъ, были не разъ въ отчаянномъ положеніи, но отстоялись и укрѣпленіе спасли. Они представляли два разные типа кавказскихъ командировъ: Бибановъ былъ умный отъ природы, съ образованіемъ университетскимъ, чрезвычайно энергичный и съ большою репутаціей отлично храбраго человѣка, суровый, угрюмый, мало общительный, съ привычкой нѣсколько разъ въ день пропускать чарку водки съ пирожкомъ, что онъ называлъ „пыжами"; болѣе правильная его трапеза состояла вечеромъ изъ тертой рѣдьки съ хрѣномъ. Въ общемъ лагерномъ расположеніи подъ Салтами, онъ стоялъ на скверномъ мѣстѣ, гдѣ нельзя было зажечь свѣчи въ палаткѣ: горцы подкрадывались каждую ночь и его батальонъ ночевалъ обыкновенно въ завалахъ, не отвѣчая на огонь бросавшихся горцевъ до минуты, когда дѣлалъ общій залпъ; горцы затѣмъ его покидали до слѣдующей ночи. И командиръ и батальонъ были отличные. Кн. Аргутинскій на-

значилъ его въ экспедицію Бюрно, чтобы имѣть надежнаго человѣка при неизвѣстномъ французѣ. Другой командиръ, Болотниковъ, старый кавказскій офицеръ, съ нѣкоторою опытностью, но положительно безъ всѣхъ качествъ Бибанова. Пріѣхалъ Аргутинскій посмотрѣть, что дѣлается у Бюрно, послѣдній въ большомъ ударѣ, ломаннымъ русскимъ языкомъ насказалъ ему съ три короба. Аргутинскій, понимая очень хорошо, что можетъ быть съ этимъ отрядомъ, приказалъ какъ можно скорѣе окончить прикрытіе, не трогаться изъ него, если привезутъ котлы поздно, не варить пищи до другого дня, съ наступленіемъ сумерекъ быть въ полной готовности.

Я долженъ былъ остаться до окончанія работъ, нарисовать и пріѣхать сообщить, какъ проведенъ день. Ко мнѣ изъ любопытства пристроился датскій офицеръ Дюпло, храбрый молодой человѣкъ, дѣлавшій съ нами экспедицію (онъ погибъ въ Шлезвигъ-Голштинскую войну генераломъ). Непріятель старался намъ мѣшать, но раненыхъ у насъ было немного: мѣстность позволяла скрыто работать. Когда было все кончено, и Бюрно при мнѣ сговорился съ Бибановымъ, какъ расположиться и какія мѣры принять на ночь, я съ Дюпло часу въ 5 уѣхали въ лагерь. На дорогѣ встрѣтили котлы на вьюкахъ, высланные отъ полковъ, когда получены были въ нихъ свѣдѣнія, что батальоны прочно заняли позицію. Какъ теперь вижу, на худыхъ артельныхъ коняхъ, съ обѣихъ сторонъ по двѣ опрокинутыя черныя большія чашки. Если бы кому пришло на мысль ихъ воротить, сколько бы жизней было сохранено. Вотъ что однако же произошло: съ наступленіемъ сумерекъ всякое сообщеніе съ лагеремъ было прекращено, и Бюрно, находясь на отдѣльномъ посту, не могъ ожидать помощи ниоткуда. Онъ это зналъ отъ Аргутинскаго. Какъ только стемнѣло, мы въ лагерѣ услышали перестрѣлку, очевидно, въ садахъ. Огонь сталъ учащаться и перешелъ въ непрерывный, чрезвычайно сильный, прерываемый безпрестанными глухими выстрѣлами изъ орудій, по гулу ясно было, что они стрѣляютъ картечью. Очевидно было, что наша отдѣльная позиція въ горахъ была сильно атакована горцами. Положеніе въ лагерѣ было томительное, ночь темная, рисковать на помощь войсками было нельзя. Всѣ батареи въ лагерѣ открыли огонь по аулу, стрѣлки, ближайшіе къ аулу, открыли учащенный огонь тоже, чтобы страхомъ общей атаки на аулъ отвлечь нападающаго отъ нашего отряда въ садахъ. Послѣ 2 часовъ огонь въ садахъ замолкъ. Можно было надѣяться, что отрядъ отстоялъ позицію. Нужно было какъ-нибудь дождаться разсвѣта. Съ раз-

свѣтомъ Аргутинскій поѣхалъ въ сады; уже по дорогѣ, какимъ-то путемъ, дошли до насъ смутныя свѣдѣнія, что отрядъ понесъ большія потери. Обогнувъ аулъ, мы приближались къ рѣчкѣ, издали было видно много бѣлыхъ рубашекъ: солдаты изъ садовъ брали воду. Въ эту минуту черезъ рѣчку понесли кого-то на носилкахъ, покрытыхъ буркою, солдаты, бравшіе воду, сняли шапки, стали на колѣни, перекрестились и поклонились въ землю. Аргутинскій догадался: „Бибановъ убитъ", проговорилъ онъ съ грустнымъ и раздраженнымъ вздохомъ. Я было попробовалъ отвлечь эту мысль. „Нѣтъ, любезный Н. В.", сказалъ онъ, „другого солдаты не будутъ такъ провожать". Поровнявшись съ носилками, офицеръ, ихъ провожавшій, взялъ подъ козырекъ и проговорилъ: „Полковникъ Бибановъ", прежде нежели мы его спросили. Аргутинскій цѣнилъ его, какъ лучшаго батальоннаго командира, въ немъ онъ чувствовалъ потерю для своихъ войскъ и предчувствовалъ бѣду въ отрядѣ у Бюрно. Вотъ что оказалось: котлы пришли незадолго до сумерекъ; несмотря на уговоръ, Бюрно разрѣшилъ варить пищу, въ виду очень большой усталости солдатъ, проработавшихъ безсмѣнно цѣлый день по укрѣпленію. Уже было темно, когда одна рота спустилась въ оврагъ, внѣ укрѣпленія, къ котламъ; другая шла на смѣну, ружья были оставлены въ укрѣпленіи. Въ эту минуту подстерегавшіе горцы бросились въ большомъ числѣ на эти роты; свалка произошла страшная, большая часть изъ нашихъ, застигнутые врасплохъ, остались на мѣстѣ. Страшно было взглянуть на этотъ оврагъ, два офицера, бывшіе съ ними, лежали тамъ же. Непріятель, ободренный этимъ первымъ успѣхомъ, окружилъ укрѣпленіе и намѣревался уничтожить этотъ отрядъ, судя по ожесточеннымъ его атакамъ.

Бибановъ, легко раненый въ голову, однако же хладнокровно распоряжался, велѣлъ всѣмъ лечь, стрѣлять съ фасовъ только залпами, этимъ спасъ отрядъ, ошеломленный этимъ нападеніемъ. Голосъ Бюрно былъ слышанъ изрѣдка: „мадамъ картечка". Храбрый молодой артиллерійскій офицеръ выжидалъ и обдавалъ горцевъ картечью, когда они дерзко кидались къ орудіямъ. Онъ не спѣшилъ однако же, зная, что зарядовъ немного, а ночь длинна. Команда Бибанова была слышна долго, пока пуля въ грудь не прекратила ее на вѣки, но отрядъ ободрился и отстоялся. Мы потеряли и въ укрѣпленіи много. Раненыхъ сносили, позади укрѣпленія рыли большую могилу; поджидали священника. Картина была раздражающая. Аргутинскій былъ въ негодованіи. Онъ прежде поблагодарилъ солдатъ и офицеровъ за то, что это

было не легко и въ катастрофѣ они не виноваты. Гнѣвъ его обрушился на подполковника Болотникова, оставшагося цѣлымъ: „Я нисколько не пожалѣлъ бы, если бы вы были на мѣстѣ Бибанова. Сколько вы потеряли вашею глупостью людей. Хорошіе батальоны разстроили. Если бы у васъ въ головѣ было больше мозгу, нежели шарлатанства". Всѣ эти несвязныя слова и упреки были по адресу Бюрно, ибо Болотниковъ въ присутствіи Бибанова не имѣлъ никакого голоса. Но какъ могъ Бибановъ допустить такой явный безпорядокъ въ такомъ опасномъ мѣстѣ, это оставалось для насъ загадкой. Возвращаясь въ лагерь, я невольно подумалъ: если бы котлы съ дороги вернулись, не было бы катастрофы. Но тамъ былъ Бибановъ, слѣдовательно, не было сомнѣнія въ благоразумной распорядительности. Если бы мнѣ не было приказано пріѣхать, я бы остался тамъ на ночь и понесъ бы упрекъ за все случившееся, хотя нѣтъ сомнѣнія, что Бюрно и Бибановъ меня не послушались бы, я слишкомъ молодъ и неопытенъ.

Черезъ нѣсколько дней по настоянію Аргутинскаго Бюрно былъ оттуда смѣненъ и его замѣнилъ командиръ Графскаго полка Плацъ-Бекъ-Кокумъ. Непріятель сильныхъ нападеній уже не предпринималъ; укрѣпленія улучшились и гарнизонъ усилился, но почти ежедневно по уступамъ горъ, командующихъ садами, въ опредѣленный часъ непріятель подходилъ съ орудіями и пускалъ въ нашу позицію десятка два ядеръ и гранатъ; затѣмъ музыканты его, изъ бѣглыхъ солдатъ, играли нашу зорю, и непріятель удалялся. Такое представленіе непріятель давалъ въ часъ, когда у главнокомандующаго кончали обѣдать и выходили на террасу, откуда было видно все, какъ на ладони, и помѣшать этому было рѣшительно нечѣмъ, несмотря на безпрестанныя жалобы Кокума, котораго ежедневно разстрѣливали, хотя по справедливости сказать, съ очень небольшою потерею у насъ въ людяхъ. Такъ какъ на войнѣ все обращается въ шутку, не мало забавлялись въ штабѣ и этимъ представленіемъ, и самъ Аргутинскій въ своемъ интимномъ кругу подсмѣивался надъ Кокумомъ, говоря: „Какой Андрей Петровичъ сдѣлался безпокойный, чѣмъ же тамъ стоять не хорошо". Осадныя работы подвигались впередъ. Василій Кузьмичъ Мищенко, назначенный траншей-маіоромъ, былъ раненъ въ животъ навылетъ. Пироговъ ему сказалъ: „Если черезъ 3 дня у васъ будутъ кишки дѣйствовать, вы будете живы". Бѣдный Мищенко былъ тогда женихомъ. Какимъ крикомъ онъ оповѣстилъ сосѣдей по палаткамъ, что онъ спасенъ, когда на 3 день онъ дѣйствительно совершилъ такой простой

актъ всегдашней жизни, который доказываетъ, что кишки дѣйствуютъ. Эта рана не помѣшала ему жениться, имѣть много дѣтей и жить еще долго.

Другой эпизодъ былъ грустнѣе. Къ отряду подошло подкрѣпленіе: Евдокимовъ привелъ 2 баталіона Дагестанскаго полка. Въ одномъ изъ нихъ 2 ротами, какъ младшій штабъ-офицеръ, командовалъ адъютантъ кн. Воронцова Глѣбовъ. На позиціи къ Евдокимову упало нѣсколько шальныхъ непріятельскихъ пуль изъ-за оврага, для насъ недоступнаго. Онъ выслалъ тотчасъ же Глѣбова съ его 2 ротами прогнать непріятеля. Въ это время кн. Воронцовъ со штабомъ ѣхалъ встрѣтить эти новоприбывшіе баталіоны. Завязалась перестрѣлка. Надъ оврагомъ былъ въ копнахъ снятый хлѣбъ; стрѣлки залегли, а Глѣбовъ пѣшкомъ ходилъ между ними. Непріятель былъ на близкомъ разстояніи, и пули свистѣли даже мимо свиты кн. Воронцова. Кого-то подняли на носилки. Кн. Воронцовъ сказалъ гр. Гейдену посмотрѣть, не Глѣбовъ ли это. Гейденъ поскакалъ и воротился съ горькими словами. „Глѣбовъ раненъ въ голову".—„Ахъ, бѣдный Глѣбовъ, опять", произнесъ старикъ съ грустью. Принесли носилки, пуля попала надъ глазомъ; Глѣбовъ еще дышалъ, но глаза очень вдругъ опухли, надежды не было никакой. Кн. Козловскій тотчасъ же вынулъ у него изъ кармана все, что было, а были тамъ письма, которыя компрометтировали бы одну женщину, которую всѣ любили. Глѣбовъ былъ хорошій товарищъ, лихой офицеръ, онъ попробовалъ Кавказа, посланный туда въ экспедицію изъ конной гвардіи; ему это полюбилось, и онъ остался адъютантомъ у Нейдгарта. Рука была на повязкѣ и не служила, ротъ нѣсколько прикривленъ отъ раны въ лицо, нога прихрамывала отъ пули. Но онъ все ходилъ въ экспедиціи и рѣдко возвращался не раненый. Безработный, безъ денегъ, безъ родныхъ, онъ былъ очень храбръ и всегда очень влюбленъ въ кого-нибудь. Въ Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ зимою, его очень баловали. Онъ живо дѣйствовалъ на воображеніе молодежи своею отвагою, военными похожденіями и свѣтскими успѣхами и былъ очень популяренъ, хотя часто раздражался, не любилъ нѣмцевъ, ссорился иногда, но все это приписывалось болѣзненному настроенію. Разъ, когда онъ проѣзжалъ по линіи курьеромъ, горцы его взяли въ плѣнъ, привязали къ лошади и вплавь черезъ рѣку протащили въ горы едва живого отъ изнеможенія. Онъ просидѣлъ въ плѣну, кажется въ сырой ямѣ, куда спускали по веревкѣ воду и сухой хлѣбъ. Выкупъ, котораго ожидали горцы, не приходилъ, потому что былъ запрещенъ, чтобы отвадить

горцевъ подстерегать нашихъ, въ ожиданіи за каждаго получить деньги, но выкрасть плѣннаго допускалось. Если находился такой смѣльчакъ изъ мирныхъ горцевъ, съ нимъ сговаривался кто-нибудь изъ начальниковъ и потомъ ему платили серьезную сумму. Такъ былъ выкраденъ изъ ямы Глѣбовъ и въ одну ночь привезенъ на линію. Эти оба путешествія и жизнь въ ямѣ разстроили его здоровье, но онъ велъ прежнюю беззаботную жизнь.

На другой день мы проводили гробъ, привязанный къ двумъ лошадямъ на носилкахъ. Въ Шурѣ его встрѣтили слезы, которыхъ не скрывали. Въ Тифлисѣ его смерть отозвалась горькими слезами, которыя нужно было скрывать во что бы то ни стало. Его было жаль и какъ товарища, и какъ офицера блестящей храбрости, у котораго могло быть еще многое впереди.

Осадныя работы шли; начали выдаваться однообразные дни. Я жилъ въ палаткѣ съ бар. Деллингсгаузеномъ, адъютантомъ Коцебу, прикомандированнымъ къ нашему отряду, отличный во всѣхъ отношеніяхъ молодой человѣкъ (теперь командиръ корпуса). Иногда собирались завтракать у Дундукова, иногда засиживались, подавался арбузъ, въ который клали абрикосовъ и вливали бутылку рома. Кн. Воронцовъ, узнавъ отъ сына объ этомъ, приказалъ себѣ сдѣлать то же самое и нашелъ это очень вкуснымъ. Обѣдъ его для цѣлаго штаба состоялъ обыкновенно изъ супа и баранины. Его докторъ, Андреевскій, завѣдывалъ хозяйствомъ походнымъ и получалъ за спиною всю брань штабныхъ, когда было плохо или когда въ экспедиціи были стаканы, съ которыхъ позолота сошла внутри, или кахетинскаго было мало. Кн. Воронцовъ всегда самъ обѣдалъ со штабомъ и приглашалъ многихъ и за обѣдомъ разсказывалъ много анекдотовъ изъ кампаніи 12 и 14 г. Но скоро старикъ вынужденъ былъ запереться въ совершенно темную палатку и не выходить, такъ у него разболѣлись глаза. Каково было выдержать это, когда драма Салтинская приближалась уже къ концу.

9 сентября былъ назначенъ штурмъ аула. До разсвѣта всѣ собрались въ траншеяхъ, но наученные неудачею Гергебиля намѣревались овладѣть ауломъ постепенно: сначала разбить стѣну и на ней укрѣпиться съ батареями, чтобы откуда громить внутренность аула. Всѣ распоряженія этого дня были удачны. Коцебу по повѣреннымъ часамъ у всѣхъ батарейныхъ командировъ началъ и кончилъ сильную бомбардировку аула. Затѣмъ заложенныя мины подъ стѣною взорвали часть стѣны; охотники быстро заняли воронки отъ взрывовъ и часть стѣны и стали

прикрываться, складывая изъ камней себѣ завалы. Непріятель однако же скоро опомнился и открылъ огонь изъ разныхъ щелей аула, неуловимыхъ, почти изъ-подъ земли, кромѣ того сталъ бросать массу камня, остраго, который ранилъ въ голову и ушибалъ больно вездѣ, гдѣ попадалъ. Аргутинскій пошелъ поблагодарить охотниковъ; на лѣвомъ флангѣ ихъ были драгуны, между ними мой пріятель Беклешевъ. Онъ ужасно рвался въ охотники, и когда я говорилъ объ этомъ Аргутинскому, онъ не соглашался. „Что тебѣ за охота, Н. В., брать на свою душу", говорилъ онъ мнѣ, „одинъ сынъ у матери, будутъ еще случаи отличиться". Здѣсь, увидавъ молодого человѣка съ повязанной головой, онъ похвалилъ его и поздравилъ его съ Георгіемъ. Восхищенный Беклешевъ просилъ въ эту минуту одной только награды, и я подѣлился съ нимъ моими папиросами. Однако же не всѣмъ обошлось это дешево. Выйдя влѣво изъ траншеи, мы замѣтили, что одинъ изъ баталіоновъ, поддерживавшихъ охотниковъ, въ увлеченіи атаки прошелъ слишкомъ влѣво отъ охотниковъ и наткнулся на неразрушенную часть стѣны и залегъ подъ стѣною; непріятель сверху стѣны разстрѣливалъ его и забрасывалъ камнями. Нужно было его тотчасъ же убрать оттуда. Аргутинскій разсердился, хотѣлъ послать кого-нибудь сказать тупому батальонному командиру Пригарѣ, чтобъ сейчасъ же отступалъ. До стѣны аула было саженъ сто совершенно открытаго мѣста. Съ нимъ было только насъ двое: я и ротмистръ Адиль Гирей (состоявшій при кн. Воронцовѣ). Я однако же замѣтилъ, что Аргутинскій хотѣлъ что-то сказать мнѣ, но повернулся къ Адиль Гирею и послалъ его къ стѣнѣ. Мѣсто было скверное, мы остались ждать исполненія, да и Адиль Гирей легко могъ быть раненъ, нужно было кому-нибудь передать приказаніе. Однако же онъ дошелъ благополучно, но когда баталіонъ поднялся, чтобы быстро отступить, много черныхъ пятенъ осталось навсегда подъ стѣною. Тяжело останавливаться на мысли, что при поспѣшности ухода остались подъ стѣною можетъ быть не одни убитые. Возвратившагося Адиль Гирея Аргутинскій похвалилъ, а маіора Пригару разругалъ страшно и подѣломъ, за напрасную потерю въ батальонѣ, что совершенно зависѣло отъ его неумѣнья владѣть батальономъ въ огнѣ. Пригара положилъ себѣ на животъ и грудь десть писчей бумаги, и дѣйствительно одна пуля попала и не пробила ее. Аргутинскій, узнавъ объ этомъ, еще разъ разругалъ его.

Не знаю, какимъ способомъ, но острые, небольшіе камни летѣли въ насъ изъ аула во множествѣ, такой попалъ мнѣ

въ ногу, когда я шелъ сзади Коцебу. Отъ боли я невольно произнесъ непечатное восклицаніе, Коцебу обернулся. „Peut on jurer de cette manière, mon cher“ [1]), проговорилъ чопорно Коцебу и затѣмъ вслѣдъ, отъ попавшаго въ него камня, не удержался отъ рѣзкаго слова. Пока стѣнка устраивалась, какъ новое закрытіе, и насыпались барбеты для орудій, перестрѣлка шла. Гдѣ-то въ укромномъ уголку траншеи пріютился поваръ кн. Козловскаго, по фамиліи Зубокъ, и жарилъ бараній шашлыкъ; мы по очереди его навѣщали. Зубокъ былъ и хорошій стрѣлокъ, непрочь отъ времени до времени пролѣзть на стѣнку и пустить пулю въ аулъ. Кажется, впослѣдствіи онъ гдѣ-то былъ подстрѣленъ не за свое дѣло, а поваръ былъ прекрасный для похода.

Къ вечеру эта новая ограда, командующая внутренностью аула, была вооружена артиллеріей, и полковникъ Захаръ Степановичъ Манюкинъ съ Мингрельскими батальонами поставленъ охранять новую позицію. Когда все было сдѣлано, мы воротились въ лагерь. Ночью Манюкинъ выдержалъ неоднократное нападеніе, горцы не разъ старались овладѣть орудіями, рукопашный бой былъ безпрестанный, мы были слишкомъ близко къ непріятелю, но Манюкинъ, весь избитый камнями, удержался. Аулъ внутри представлялъ груду стѣнъ каменныхъ, въ которыхъ разобрать ничего было нельзя, но изъ невидимыхъ дыръ безпрестанно показывался дымокъ. Горцы сидѣли въ какихъ-то подземельяхъ, и наши артиллерійскіе снаряды терялись въ этой грудѣ камней.

13 сентября рѣшились овладѣть частью аула, которая виситъ на единственномъ пути отступленія гарнизона, надъ обрывомъ. Съ разсвѣтомъ, послѣ получасового бомбардированія со всѣхъ батарей, охотники вскочили въ аулъ и быстро заняли его часть, которая была отдѣлена отъ остальной еще цѣльными, высокими стѣнами. Непріятель, ошеломленный артиллерійскимъ огнемъ, куда-то запрятался, выстрѣловъ отъ него не было. Я смотрѣлъ черезъ стѣну въ аулъ, стоя на барбетѣ орудія, и сталъ звать Аргутинскаго подняться посмотрѣть, какъ хорошо охотники занимаютъ аулъ. Онъ отвѣчалъ, что уже видѣлъ, „а впрочемъ, дайте мнѣ руку, любезный“. Я помогъ ему вскарабкаться на барбетъ.

Онъ только взглянулъ черезъ стѣну и присѣлъ, схватившись за щеку. „Я раненъ“, сказалъ онъ. „Это камень, князь“. Мы

---

[1]) „Можно ли такъ браниться, милый мой“.

спустили его съ барбета и съ помощью Дундукова и Сергѣя Васильчикова повели назадъ въ траншеи. „Возвратитесь, господа, на свои мѣста, я дойду". Ему сдѣлали операцію въ траншеяхъ. Пуля попала ему въ щеку и вышла за ухомъ, къ счастью, ничего не повредивъ. Но я не могъ однако же внутренно не сознаться, что сдѣлалъ большую глупость, приглашая старика смотрѣть черезъ стѣну, пуля, на волосъ только отклонившись, могла бы убить его. Начальника нельзя выставлять и объ этомъ нужно не забывать въ собственномъ увлеченіи.

Коцебу принялъ начальство. Охотники рвались черезъ неразрушенныя стѣны аула, стрѣльба и крики „ура!" были страшные. Коцебу остановилъ однако же это, потери были бы напрасныя: разгоряченныя штурмомъ войска могли бы попасть въ какія-нибудь подготовленныя трущобы. Занятое мѣсто имѣло саж. 100 или 150 квадратныхъ. Слѣдовало удовольствоваться тѣмъ, что сдѣлано, несмотря на всѣ возгласы и подсказыванія нѣкоторыхъ, что нужно воспользоваться настроеніемъ войскъ и занять весь аулъ. Кипятился особенно датскій офицеръ Дюпло, храбрый и славный офицеръ. Однако же стоило не малаго труда успокоить войска. Скоро оказалось, что занятое мѣсто имѣетъ что-то пустое подъ собой.

Нѣсколько человѣкъ было ранено изъ-подъ земли. Смѣльчаки спустились по крутой стѣнкѣ оврага, чтобы высмотрѣть, откуда выстрѣлы—оказалось подземное помѣщеніе, заложенное сверху хворостомъ и землею. Человѣкъ 15 отчаянныхъ горцевъ засѣли и не сдаются, несмотря на всѣ уговоры нашихъ татаръ. Стали бросать въ нихъ ручныя гранаты, они ихъ выбрасывали въ оврагъ. Это длилось часа два. Наконецъ согласились выйти, повѣривъ, что ихъ оставятъ живыми. Такъ и вывели одного за другимъ этихъ звѣрей. У входа въ это логовище стоялъ молодой саперный юнкеръ. Одинъ изъ выходившихъ, въ остервенѣніи, замахнулся на него кинжаломъ; тогда нашъ татаринъ ловко вырвалъ у него кинжалъ, пригнулъ его на колѣни, и я слышалъ только звукъ кинжала по бритой головѣ, какъ по сахарной, и видѣлъ, какъ онъ полетѣлъ въ кручу. Но этотъ былъ самъ виноватъ, остальные остались живы.

День уже склонялся къ вечеру; для войска тоже онъ оканчивался и, можно сказать, безъ большихъ потерь. Повсюду шли работы прикрытія и укрѣпленія на ночь, въ ожиданіи послѣднихъ отчаянныхъ усилій горцевъ. Солнце садилось на нашу сторону, стѣнка, отдѣлявшая нашихъ стрѣлковъ отъ непріятеля, была саженяхъ въ 15; она была сложена изъ каменьевъ разру-

шенной стѣны, кое-какъ засыпана; щелей было въ ней много и при заходящемъ солнцѣ на нашей сторонѣ, щели эти изъ аула для горцевъ свѣтились насквозь. Когда они закрывались для нихъ, это значило, кто-нибудь проходилъ мимо, винтовки горцевъ были наготовѣ, сейчасъ же слѣдовалъ выстрѣлъ.

Такъ попался гр. Гейденъ. Мы съ нимъ обходили стѣнку и посматривали въ щели, что дѣлается въ аулѣ. Вдругъ онъ быстро отошелъ въ сторону, сказавъ мнѣ: „Я раненъ" и разстегнулся. Рана была въ животъ. Его взяли подъ руки Моллеръ и Васильчиковъ, я шелъ сзади, и хоть увѣрялъ, что это должно быть камень, но я сзади видѣлъ въ сюртукѣ его дырку, изъ которой показалась подкладка, все имѣло видъ, что пуля прошла насквозь. Гейденъ шелъ бодро сгоряча на перевязочный пунктъ въ траншеи. Докторъ его перевязалъ, онъ тотчасъ же, пока былъ въ силахъ, написалъ брату. Видимо онъ самъ сознавалъ положеніе свое опаснымъ.

Возвращаясь къ передовой позиціи, я наткнулся въ траншеяхъ на площадку довольно большую. На рей въ нѣсколько рядовъ порядкомъ лежали убитые въ этотъ день. Фельдфебеля ротъ проходили ряды, приглядывались, узнавали своихъ, записывали имена и ставили въ головахъ каждаго по маленькой зажженной свѣчкѣ. Великолѣпный закатъ солнца послѣдними лучами смѣшивался съ этимъ убогимъ погребальнымъ свѣточемъ на мертвыхъ лицахъ, искаженныхъ страданіемъ; спокойныхъ было немного. Всѣ павшіе въ этотъ день были собраны на послѣдній смотръ. Товарищи, привыкшіе къ потерямъ, дѣлали его довольно равнодушно. А сколько слезъ было пролито по деревнямъ широкой матушки Россіи. И такъ каждый годъ и не одинъ разъ въ годъ, и не въ одномъ мѣстѣ тогдашняго рынка человѣческимъ мясомъ—Кавказа.

Стало смеркаться; всѣ распоряженія на ночь были сдѣланы, я поѣхалъ въ лагерь. Въ этотъ день два раза пуля попала въ рядомъ стоящаго со мной: при началѣ штурма ранила кн. Аргутинскаго, въ концѣ дня гр. Гейдена, положенія же наши были одинаковы, таковы случайности войны. Я остановился прежде всего у палатки главнокомандующаго. Кн. Воронцовъ вслѣдствіе сильной болѣзни глазъ уже нѣсколько дней не выходилъ изъ совершенно наглухо затворенной палатки, надъ которой была поставлена еще большая лазаретная, подбитая сукномъ. „Войдите, любезный Исаковъ". Совершенная темнота не позволяла мнѣ различить, гдѣ именно сидитъ князь. „Вы цѣлый день провели внизу, спасибо за сегодняшній день. Надѣюсь, что рана кн.

Моисев Захаровича не опасна. Обнимите меня, любезный Исаковъ". Я ощупью нашелъ его сидящимъ на кровати, сверхъ сюртука я нащупалъ на немъ шелковый теплый халатъ. Когда я выходилъ изъ палатки, запыхавшійся толстый Потоцкій, присѣвъ, чтобы перевести духъ, могъ только выговорить: „Непріятель бѣжитъ изъ аула". Я поскакалъ на лѣвый флангъ нашей позиціи, ближайшей къ аулу. Тамъ командовалъ кн. Александръ Гагаринъ. Вмѣсто отвѣта я нашелъ его съ офицерами сидящими впереди своихъ укрѣпленій окруженными солдатами. „Вотъ, какъ видите", отвѣчалъ онъ мнѣ. Въ аулѣ были слышны крики, въ садахъ выстрѣлы, изрѣдка пушечные. Ясно было, что непріятель бѣжалъ изъ аула и спасался черезъ сады. Въ одну секунду извѣстіе разнеслось по всему лагерю. Я поѣхалъ сказать кн. Воронцову, что видно и слышно изъ ближайшихъ къ аулу пунктовъ, и поспѣшилъ къ кн. Аргутинскому. Уже я зналъ вскорѣ послѣ первой перевязки его раны, что она неопасна. Я нашелъ его въ постели. „Я прошу у васъ извиненія, князь, за мою непростительную неосторожность; зачѣмъ мнѣ было указывать вамъ это глупое мѣсто на батареѣ". На это мое искреннее извиненіе при входѣ въ палатку, онъ отвѣтилъ шуткой: „Ничего, любезный Н. В. Мы свои—люди сочтемся, я тебя тоже подведу".— „Это будетъ плохо для меня, князь. До сихъ поръ вы меня не подводили, я даже замѣтилъ, когда нужно было вызвать Пригару изъ-подъ стѣны, вы начали приказаніе въ мою сторону, а кончили его, обращаясь къ Адиль Гирею". „Нѣтъ, любезный, извини: за мною этого не водится, когда дѣло требуетъ, я не жалѣю никого, какъ и себя не жалѣю". Затѣмъ мнѣ хотѣлось поскорѣе узнать, что съ Гейденомъ. Палатка его была наглухо закрыта, казакъ, дремавшій у ея входа, сказалъ, что никого пускать не велѣно. Я узналъ въ штабѣ, что Пироговъ объявилъ, что рана опасна и только послѣ переведенной ночи можно будетъ сказать что-нибудь опредѣленное. Бѣдному Фрицу Гейдену тяжела была эта ночь; 10 шансовъ противъ одного было въ пользу смертнаго приговора. Мы всѣ его чрезвычайно любили и жалѣли. И всего-то было только минутное любопытство, платиться за него жизнью было тяжело.

Наконецъ весь шумъ и гвалтъ въ аулѣ и садахъ утихъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ аула уже показались огни: солдатики не утерпѣли и подожгли. Натянутые нервы въ теченіе 70 дней нѣсколько распустились. Сонъ въ лагерѣ былъ благотворный, только въ передовыхъ частяхъ еще долго былъ говоръ. Въ одинъ часъ все преобразилось: непріятель исчезъ, экспедиція кончена,

на нынѣшній годъ мерещится только отдыхъ въ штабъ-квартирахъ. Зима—значитъ передышка.

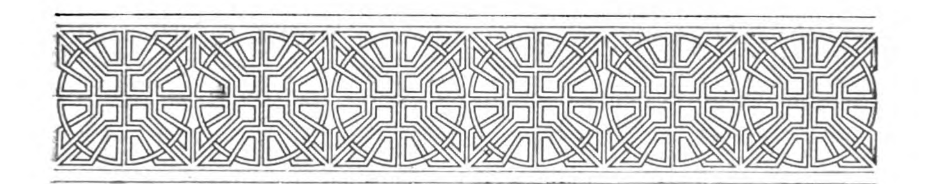
На разсвѣтѣ выйдя изъ палатки, какъ будто все перемѣнилось: великолѣпное морозное утро, нигдѣ ни одного выстрѣла, аулъ весь въ огнѣ, какъ жаровня. Конечно, нужно испытать это чувство, чтобы знать, какъ оно пріятно.

Другія заботы начались: нужно отправить раненыхъ, похоронить тѣла, тяжелыя орудія спровадить. Прежде всего я пошелъ узнать, что Гейденъ. Прихожу, палатка настежь открыта, Гейденъ сидитъ на постели въ красной канаусовой рубашкѣ, сіяющій. „Что, Фрицъ, какъ ты?"—„Пироговъ сейчасъ осматривалъ, сказалъ, что буду живъ". Я его крѣпко обнялъ и крѣпко былъ радъ.

Въ аулѣ я нашелъ цѣлый лабиринтъ саклей, соединенныхъ между собой завалами, какими-то подземными ходами, повсюду продѣланы дыры для бойницъ, вездѣ мѣста прикрыты сверху отъ нашихъ ядеръ и гранатъ; какія-то разбросанныя тряпки отъ одежды, смрадъ отъ неубранныхъ тѣлъ, бродящіе солдатики. Во многія мѣста нельзя было проникнуть отъ огня. Вотъ все, что осталось трофеями 70 дней борьбы и нашихъ потерь. Я невольно подумалъ, что на будущій годъ мы навѣрное найдемъ аулъ возобновленнымъ, и волна опять зальетъ нашъ кровавый слѣдъ, и опять придетъ очередь вновь брать Салты.

Сообщилъ **П. Н. Исаковъ**.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



Университетъ пятидесятыхъ годовъ.

(Изъ воспоминаній Н. Леваковскаго).

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“ Этими словами великаго поэта какъ нельзя приличнѣе, мнѣ кажется, начать свои воспоминанія объ университетской эпохѣ. Впечатлѣнія такъ живы, все было такъ недавно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все такъ необыкновенно, такъ мало вѣроятно!

Дико, небрежно, непозволительно-уродливо велось дѣло преподаванія въ гимназіи, что же мы встрѣтили въ университетѣ?

На первомъ планѣ стояла выправка и наблюденіе за исправнымъ надлежащимъ исполненіемъ формы. Съ этою цѣлью, инспекторъ еженедѣльно (а то и чаще) собиралъ насъ въ одной изъ большихъ аудиторій и окруженный своими помощниками, какъ ликторами, осматривалъ всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности, дѣлалъ замѣчанія и выговоры. Въ особенности преслѣдовались бѣлые воротнички сорочекъ, виднѣвшіеся изъ-за стоячаго синяго воротника, и длинные волосы. Носители воротничковъ были прямо отводимы субъинспекторомъ въ карцеръ, а имѣвшіе волосы, превосходившіе длиной извѣстную казенную норму—отсылаемы въ цырюльню, съ приказаніемъ остричься надлежащимъ образомъ и немедленно явиться для освидѣтельствованія. Были случаи, что приходилось стричься по три раза въ одинъ и тотъ же день; однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока начальство не признавало стрижку удовлетворительной. При этомъ случалось и такъ, что кто нибудь, отправленный вторично остричься, не желая подвергаться этой операціи въ третій разъ, стригся съ

отчаянія такъ, что, какъ говорится, не за что было ущипнуть. Торжествующій, являлся онъ вновь на смотръ, но опять бѣда:

— На что вы похожи! кричалъ на него инспекторъ.

— Посмотрите на себя! Что вы солдатъ, что-ли? Что вы не знаете: какъ надо стричься? и т. д.

Нѣсколько инспекторовъ перемѣнилось за время пребыванія моего въ университетѣ, и ни одинъ изъ нихъ не надоѣдалъ намъ столько этими смотрами, какъ нѣкто Грипиенбергъ, отставной полковникъ артиллеріи, незлобивый, въ сущности, человѣкъ, онъ былъ рѣшительно несносенъ своими безконечными назиданіями и наставленіями. Его затруднялъ русскій языкъ, и потому смотры его были безконечно длинны. Собравши всѣхъ въ аудиторію, онъ входилъ на каѳедру и начиналъ свою назидательную бесѣду; но, къ несчастію, обыкновенно забывалъ, что онъ хотѣлъ намъ сказать.

— Что я имъ хотѣлъ сказать? обращался онъ въ такихъ случаяхъ къ группѣ ликторовъ (помощниковъ), стоящихъ возлѣ каѳедры. На этотъ обычный вопросъ, одинъ изъ субъинспекторовъ, спеціалистъ по части стрижки волосъ (Засядко) подсказывалъ ему:

— Про волоса!

— Нѣтъ, серіозно отвѣчалъ инспекторъ, припомнивши самъ и обращаясь къ намъ:

— Скоро, господа, Крещенскій ярмарктъ.

— Мы знаемъ! отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ, постойте, продолжалъ инспекторъ; пріѣдетъ много ремонтеровъ, такъ вы съ ними не кутите!

— Что вы, полковникъ, отвѣчаетъ кто-то изъ толпы; кто вамъ сказамъ такую глупость, что мы кутимъ съ ремонтерами?

— Это я самъ догадался! серіозно отвѣчаетъ инспекторъ.

Однажды, онъ собралъ насъ по нижеслѣдующему поводу:— Господа! сказалъ нашъ инспекторъ своимъ ломанымъ русскимъ языкомъ,—попечитель [1]) сердится, что вы ходите по улицамъ!

— Какъ? спросили съ недоумѣніемъ.

— Да, пояснилъ инспекторъ, онъ сказалъ, что, вѣроятно, гг. профессора задаютъ очень маленькіе уроки студентамъ, потому что они всегда ходятъ по улицамъ.

Мы успокоили инспектора, объяснивши, что уроки намъ задаютъ не маленькіе, но только мы скоро выучиваемъ ихъ.

---

[1]) С. А. Кокошкинъ.

Онъ посмотрѣлъ на насъ недовѣрчиво, но все-таки удовольствовался отвѣтомъ.

При подобномъ инспекторѣ, особенной строгости, разумѣется, не могло быть. Студенты пошаливали, но въ большей части случаевъ удавалось скрыть концы.

Между тѣмъ попечитель требовалъ полнаго порядка и тишины. Инспекторъ, каждый день, являясь съ рапортомъ къ попечителю, получалъ отъ него выговоры и нахлобучки, созывалъ опять насъ, стараясь своимъ ломанымъ языкомъ разъяснить намъ что-то. Изъ этихъ рѣчей мы ясно понимали только одно, это то, что инспекторъ получилъ выговоръ; шалости продолжались по-прежнему.

Только бывало и слышно, что такихъ-то студентовъ начальство едва не застало играющими на билліардѣ въ гостиницѣ, но они ловко ушли; такихъ-то чуть не накрыли закусывающими въ гастрономической лавкѣ, но имъ удалось скрыться.

Попечитель зналъ обо всемъ этомъ чрезъ полицеймейстера, а инспекторъ ничего не зналъ и продолжалъ получать ежедневно распеканія. Въ виду такого критическаго положенія, Грипенбергъ придумалъ мѣру, которая, по его мнѣнію, должна была доставить всѣхъ виновныхъ въ его руки. Насъ занумеровали, и сдѣлано это было такимъ образомъ: когда мы являлись на лекціи и оставляли шинели и фуражки въ такъ называемой сборной залѣ (каждый на своемъ мѣстѣ), въ это время казенный портной являлся съ готовыми нумерами, вырѣзанными изъ сукна, и нашивалъ каждому на подкладкѣ какъ шинели, такъ и фуражки. Нумера эти, для студентовъ разныхъ факультетовъ, были для чего-то разнаго цвѣта.

Какъ теперь помню: я былъ № 77, зеленый. Цѣль этого нумерованія была та, чтобы субъинспекторамъ дать возможность узнать фамиліи студентовъ, застигнутыхъ ими, напр., въ гостиницѣ. Но и эта военная хитрость мало помогала, студенты не стали оставлять шинелей при входѣ, въ общей передней, и шалости продолжались, а вмѣстѣ съ ними и попечительскія распеканія непосредственному нашему начальнику. Мы собственно любили этого инспектора, но никто даже ни разу не подумалъ о томъ, что онъ за насъ же получаетъ внушенія.

Онъ былъ очень красивый мужчина. Въ особенности картиненъ онъ былъ во время церемоніи, какъ, напр., перенесенія иконы весной изъ города въ монастырь и обратно—осенью. Мы всѣ, въ полной парадной формѣ, непремѣнно должны были участвовать въ этой процессіи, предводительствуемые инспекторомъ

верхомъ на вороноиъ конѣ. Въ такія минуты мы даже гордились, до нѣкоторой степени, своимъ непосредственнымъ начальникомъ, въ особенности послѣ столкновенія его, во время одной изъ церемоній, съ ненавистнымъ намъ полицеймейстеромъ, маіоромъ Серебряковымъ. Этотъ послѣдній, въ пылу распоряженій, обыкновенно забывалъ все окружающее и, желая усилить то или другое изъ данныхъ имъ приказаній, не стѣснялся при этомъ употреблять непечатныя слова. Однажды, съ такимъ усиленнымъ распоряженіемъ онъ обратился къ студентамъ. Инспекторъ, услышавши это, строго замѣтилъ ему:—Маіоръ, вы забываетесь! и такъ какъ Гриппенбергъ былъ полковникъ, то маіоръ, сдѣлавши ему подъ козырекъ, тотчасъ замолкъ.

Кромѣ описанныхъ собесѣдованій для внушенія порядка, не безынтересны репетиціи или приготовленія въ ожиданіи пріѣзда высокопоставленныхъ лицъ. Упражненія наши при этомъ состояли въ томъ, что инспекторъ изображалъ высокопоставленную особу, а мы должны были привѣтствовать его. Для этого онъ уходилъ въ корридоръ, а мы, выстроенные рядами, ожидали въ залѣ прихода его. При появленіи инспектора, мы должны были выкрикнуть: „Здравія желаемъ, Ваше Превосходительство!“ и при томъ непремѣнно съ раскатомъ на концѣ. Репетиція продолжалась до тѣхъ поръ, пока инспекторъ не находилъ, что мы выкрикиваемъ достаточно ровно, выразительно и раскатисто.

Если приготовленія къ пріему высокопоставленныхъ особъ были причиной такихъ заботъ, то легко представить, что же было, когда особа дѣйствительно пріѣзжала! Насъ собирали въ университетъ часовъ съ 8-ми утра, еще нѣсколько разъ репетировали встрѣчу, при чемъ особу изображалъ уже самъ С. А. Кокошкинъ.

И тутъ никогда не обходилось безъ курьезовъ. Попечитель постоянно затруднялся отличать „факультетъ“ отъ „аудиторіи“ и постоянно ошибался. Однажды, въ ожиданіи пріѣзда кого-то, инспекторъ студентовъ спрашиваетъ у Кокошкина:

— Какъ прикажете построить студентовъ, Ваше Превосходительство?

— Поставьте ихъ въ залѣ, по аудиторіямъ! отвѣчаетъ попечитель.

Недолго впрочемъ пришлось намъ быть подъ начальствомъ Гриппенберга. Попечитель потерялъ терпѣніе и, видя, что всѣ внушенія инспектору не достигаютъ цѣли, приказалъ ему подать въ отставку. По поводу этого событія, кто-то выпустилъ слухъ, что дѣло было такимъ образомъ:

Инспекторъ явился, по обыкновенію, съ утреннимъ рапор-

томъ къ попечителю, при чемъ тотъ объявилъ ему, что: „мы, полковникъ, вмѣстѣ служить не можемъ!“ Гриппенбергъ съ восторгомъ возвращается домой и передаетъ женѣ, что „генералъ выходитъ въ отставку!“

На мѣсто его былъ назначенъ тоже полковникъ, но полковникъ, что называется, другого пошиба. Не любя тратить словъ понапрасну, онъ каждое неисполненіе правилъ студентами сопровождалъ одной и той же весьма энергической мѣрой—удаленіемъ изъ университета.

Каждый день только и было слышно, что то того, то другого постигла страшная кара.

Будучи самъ лютераниномъ, инспекторъ строго наблюдалъ за исполненіемъ существовавшаго въ то время распоряженія обязательно посѣщать церковь каждый праздникъ. Для выясненія, кто былъ въ церкви и кого не было, по окончаніи церковной службы, производилась перекличка, и на слѣдующій день виновные подвергались выговору или аресту. Многіе приходили только на перекличку, но, тѣмъ не менѣе, церковь всегда была полна если не молящимися, то, по крайней мѣрѣ, присутствующими студентами.

Не мало бѣдъ причиняло также распоряженіе—носить по праздникамъ, до полудня, полную форму, а отъ полудня до шести часовъ вечера — полуформу (полную парадную форму составляли: мундиръ, шпага и шляпа; а полуформу—сюртукъ и тѣ же шпага и шляпа).

Въ собранія, въ такіе дни, полагалось являться въ мундирѣ, а въ театры въ полуформѣ. Разсчитывая на русское „авось“, кто-нибудь рѣшался выйти недалеко изъ дому, въ праздникъ, прямо въ сюртукѣ и фуражкѣ (какъ напр. къ близко живущему товарищу); а тутъ, какъ-разъ, на бѣду, попадетъ навстрѣчу субъинспекторъ. Карцеръ не минуемъ. А если, Боже сохрани, повстрѣчалъ попечителя, еще того хуже!

До чего была доведена субординація, видно между прочимъ изъ слѣдующаго: при приближеніи мая мѣсяца, нашъ строгій полковникъ издалъ приказъ, чтобы всѣ студенты построили себѣ новыя, бѣлыя панталоны и при томъ у одного и того же, избраннаго имъ самимъ портного, за условленную цѣну: 5 руб. 50 коп. Цѣль этого распоряженія, какъ намъ объясняли, была—достичь возможнаго однообразія въ покроѣ панталонъ и цвѣтѣ употребленнаго на нихъ матеріала (или, какъ мы объясняли: чтобы раздѣлить барышъ пополамъ съ портнымъ, т. к. по низкому достоинству подобная постройка не стоила болѣе 2 руб. 50 коп.).

Тѣмъ не менѣе всѣ безпрекословно, хотя и съ сокрушеннымъ сердцемъ, несли назначенную дань портному, получали отъ него никуда негодную вещь и являлись на смотръ инспектору. Такимъ образомъ, значительная часть времени проходила въ приданіи намъ наружнаго вида и нѣкоторыхъ внутреннихъ свойствъ, между которыми первое мѣсто занимала способность воспринимать и исполнять въ точности распоряженія начальства, заботливому попеченію котораго мы ввѣрены.

Но не одни смотры и парады составляли цѣль пребыванія нашего въ университетѣ: мы обязаны были, опять-таки подъ опасеніемъ карцера, посѣщать лекціи профессоровъ по существующему росписанію.

Эта перспектива карцера студентамъ, не явившимся на лекціи, служила для нѣкоторыхъ профессоровъ прекраснымъ, въ высшей степени дѣйствительнымъ средствомъ если не заинтересовать, то, по крайней мѣрѣ, привлечь слушателей на лекцію. Это средство давало возможность такимъ лекторамъ читать изъ года въ годъ, по однимъ и тѣмъ же, пожелтѣвшимъ отъ времени запискамъ (тетрадкамъ), не затрудняя себя пополненіями и соотвѣтствующими измѣненіями давно составленнаго, а иногда и по наслѣдству полученнаго курса.

Лекціи такихъ профессоровъ начинались медленнымъ, лѣнивымъ доставаніемъ изъ кармана списка студентовъ, такою же медленной и лѣнивой перекличкой и записываніемъ отсутствующихъ. Послѣ этого, лекторъ пряталъ списокъ, вынималъ изъ другого кармана тетрадку, или, прямо, нѣсколько листковъ книжки и начиналъ монотонно читать.

Первый способъ практиковался чаще второго потому, что если профессоръ читаетъ по писанной тетрадкѣ, значитъ, читаетъ свое, а во 2-хъ вырванные листы легко терялись, разрознивались, и читающій по нимъ лекторъ становился такимъ образомъ часто въ затруднительное положеніе, не находя того, что, какъ онъ твердо зналъ, должно было слѣдовать, а вмѣсто ожидаемаго встрѣчалъ кусокъ какой-нибудь новой фразы, при томъ еще начинающійся послѣ запятой.

Подобныя чтенія насъ нисколько не удивляли: мы привыкли къ нимъ, еще сидя на гимназической скамейкѣ; слѣдовательно, произошла только очень небольшая перемѣна: измѣнились лица и фамиліи наставниковъ, а суть дѣла осталась та же. Тѣмъ не менѣе, все это хотя такъ живо въ памяти, но такъ необыкновенно въ настоящее время!

Прежде всего, весьма естественно, приходятъ на память тѣ профессора, съ которыми приходилось встрѣчаться чуть не ежедневно, въ теченіе всего университетскаго курса (т. е. профессора своего факультета), а потомъ, вслѣдъ за ними, весь сонмъ ученыхъ мужей съ ихъ особенностями и повадками. Профессоръ зоологіи, А. В. Чернай, полунѣмецъ, получехъ, настоящій типъ профессора, по нашему мнѣнію, сухой и бездушный, былъ аккуратенъ, какъ нѣмецъ, и лѣнивъ, какъ славянинъ.

Не затрудняя ни себя, ни насъ глубокимъ изученіемъ науки, онъ являлся на лекціи съ учебникомъ зоологіи Симашко, написаннымъ для гимназій, раскрывалъ его на соотвѣтствующей страницѣ, произносилъ неизмѣнное: М.м. Г.г.—Нашъ авторъ говоритъ... и начиналъ послѣ этого прямо читать по учебнику. Почему онъ называлъ Симашко „нашимъ авторомъ", это осталось для насъ неизвѣстнымъ (можетъ быть потому, что онъ купилъ эту книгу). Имѣя въ завѣдываніи зоологическій кабинетъ, Чернай никогда не пускалъ насъ въ него; но при этомъ постоянно говорилъ:—Когда обстоятельства будутъ благопріятствовать, я буду имѣть случай показать вамъ на препаратахъ и чучелахъ то, что указываетъ „нашъ авторъ".

Но такихъ благопріятныхъ условій мы не могли дождаться и, потерявши всякую надежду, уговорили сторожа, за извѣстную плату, пустить насъ, подъ его наблюденіемъ, въ кабинетъ въ свободное время. Обѣщаніе гонорара сломило непреодолимое препятствіе,—мы были впущены въ кабинетъ; мало того: служитель былъ настолько любезенъ, что даже былъ нашимъ чичероне.

Здѣсь кстати будетъ прибавить къ сказанному, что сокрытіе кабинетовъ отъ любопытныхъ взоровъ студентовъ относилось не исключительно только къ зоологическому, но ко всѣмъ существовавшимъ кабинетамъ. Причина этого страннаго явленія, кажется, та, что начальство, заботясь о чистотѣ, боялось пускать студентовъ, чтобы, чего Боже сохрани, не нанесли грязи на ногахъ.

Профессоръ ботаники, В. М. Черняевъ, человѣкъ извѣстный своими обширными свѣдѣніями по ботанической систематикѣ вообще и флорѣ Украйны въ частности, но положительно лишенный дара слова и способности передать что-либо, представлялъ интересное для того времени явленіе—человѣка страстно преданнаго наукѣ.

Съ ранняго утра, онъ являлся въ аудиторію, садился на каѳедру, раскладывалъ вокругъ себя растенія, смотрѣлъ на нихъ, сличалъ, удивлялся; а въ это время приходили въ аудиторію и

уходили изъ нея студенты различныхъ курсовъ и даже студенты другихъ факультетовъ (ради курьеза).

Черняевъ, замѣтивши, напр., что пришла новая партія слушателей, обращался къ нимъ съ такою рѣчью:

— А что, пришли? Ну, и прекрасно! Вотъ вы видите, вотъ вы знаете, что это такое?—говорилъ онъ, держа въ рукахъ какое-то сухое растеніе и, не дождавшись отвѣта (да его не могло и быть, т. к. пришедшіе рѣшительно не знали, что имъ показываютъ и зачѣмъ!), продолжалъ:

— Да нѣтъ! я вотъ вѣдь и самъ... и престранное дѣло („престранное дѣло" была его любимая поговорка), смотрю и не понимаю; а вы какъ? Вы вѣдь думаете, что взялъ, да и что! Престранно, какъ у насъ студенты... Вотъ, когда я былъ въ Швеціи... а возьмите вы, напр., любое болото, или нѣтъ, лучше морковь; посмотрите, что она такое? А какъ вы думаете? А я вамъ скажу, что если микроскопомъ, такъ и на высокую степень можно и т. д., пока слушатели не уйдутъ.

Иногда чтеніе происходило не въ повѣствовательной формѣ, а съ вопросами и отвѣтами:

— Вы, престранное дѣло, медики? спрашивалъ онъ пришедшихъ.

— Нѣтъ, естественники, отвѣчаютъ тѣ.

— Ну, да это престранно, все равно! А знаете вы мужика Власа?

— Нѣтъ, не знаемъ, отвѣчаютъ слушатели.

— А презанятный, я вамъ скажу, мужикъ! Вотъ вы и берите примѣръ и наблюдайте и смотрите. Вы думаете, наши науки какъ? Все, престранно, относится къ нашему предмету! А какъ по-вашему: есть сладкая омела.

— Есть, отвѣчаемъ мы наугадъ, желая утѣшить профессора.

— А почему? спрашиваетъ тотъ.

Вопросъ ставитъ насъ въ нѣкоторое затрудненіе, но одинъ изъ товарищей, понаходчивѣе, отвѣчаетъ:

— Пѣсня такая есть!

— Есть; вотъ и престранно; вотъ и прекрасно! Какая же это пѣсня? допытывается неугомонный профессоръ.

— Я, В. М., сказать не могу, я слышалъ только, какъ поютъ ее.

— Пусть онъ, В. М., пропоетъ, заявляемъ всѣ мы, хоромъ.

— И прекрасно, и преотмѣнно, и прелюбезно! Вѣдь вы какъ

думаете? Вѣдь что? Вѣдь престранно; вѣдь вотъ оно можетъ въ природѣ не существуетъ, а близко къ тому!

Курьезу ради, мы настаиваемъ, чтобы слышавшій пѣсни о сладкой омелѣ спѣлъ бы ее тутъ же. Черняевъ поддерживаетъ; вызвавшійся показываетъ видъ, что стѣсняется, а самъ, наскоро, придумываетъ хотя нѣкоторое подобіе пѣсни про омелу. Наконецъ объявляетъ, что „можетъ“ и поетъ:

„Брали дивки омелу...
Ой омела, омела,
Сладкая омела“!

— А дальше не помню, заявляетъ онъ серьезно. Мы, какъ говорится, помираетъ со смѣху, а Черняевъ, пришедши въ восторгъ, разглагольствуетъ:

— Нѣтъ, постойте, нѣтъ! Вы, странное дѣло, не смѣйтесь! Вѣдь вы что думаете? Вѣдь вы какъ? А я вамъ скажу... и т. д.

Во время этихъ чтеній (если только это можно назвать чтеніями) возлѣ каѳедры безотлучно находился старикъ-служитель при ботаническомъ кабинетѣ, нѣкій Лобазъ, нерѣдко также самъ принимавшій участіе въ чтеніи лекціи, или же привлекаемый къ этому участію Черняевымъ.

Въ пылу чтенія, Черняевъ, напр., однажды обращается къ намъ съ вопросомъ, по обыкновенію крайне не ясно высказаннымъ. Какъ потомъ выяснилось, мы должны были отвѣтить: „злаки!“ Но, повторяю, мы рѣшительно не могли сообразить—чего отъ насъ требуютъ.

— Вотъ, престранное дѣло, и стыдно студентамъ, заявляетъ Черняевъ. А вотъ Лобазъ, такъ тотъ скажетъ!

— А ну, Лобазъ, скажи: безъ чего человѣкъ не можетъ жить?

— Бизъ жинки, Ваше—скородіе, отвѣчаетъ тотъ простодушно.

— Однако престранно, какъ ты глупъ! замѣчаетъ на это Черняевъ.

Неутомимый, какъ лекторъ, Черняевъ былъ, несмотря на старость, неутомимъ и на экскурсіяхъ, которыя онъ часто дѣлалъ со студентами.

Во время одной такой ботанической прогулки студентовъ съ Черняевымъ, при переходѣ по мосткамъ, переброшеннымъ чрезъ довольно глубокій ручей, одинъ изъ студентовъ облокотился на перила, чтобы получше разглядѣть какое-то водное растеніе; перила обломились, и неосторожный студентъ упалъ въ воду; запутавшись въ шинели, онъ довольно долго барахтался, стараясь выйти изъ затруднительнаго положенія.

— А вотъ, кстати, кричитъ ему съ мостковъ Черняевъ, достаньте-ка намъ славный экземпляръ Caltha palustris.

Молва о громадномъ, необыкновенномъ интересѣ чтеній Черняева, благодаря нашимъ стараніямъ, распространялась все болѣе и болѣе.

Аудиторія часто наполнялась чуть не биткомъ посторонними слушателями. Черняевъ, какъ сказано, не обращавшій никогда вниманія на то, кто наполняетъ аудиторію, радовался, что „наша наука, престранное дѣло, вѣдь какъ?“.

Желая доставить возможность познакомиться съ этими лекціями и лицамъ, не бывающимъ на нихъ, мы общими усиліями записали одну изъ нихъ дословно и пустили въ ходъ [1]).

Дошли эти записки до декана, ректора; пошли и далѣе.

Сначала не вѣрили возможности подобныхъ чтеній; начали наводить справки у окончившихъ курсъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; тѣ подтвердили, что и при нихъ было то же самое,— что записанная лекція даетъ вполнѣ вѣрную картину ботаническихъ чтеній. Черняевъ сразу очутился въ опалѣ у высшаго начальства; потребовали отъ него представленія програмы, потребовали, кстати, отчетовъ объ израсходованіи суммъ, разновременно полученныхъ имъ на экскурсіи, навели, за-одно, справку о его ученой степени; оказалось, что таковой онъ не имѣетъ (онъ имѣлъ только званіе лекаря). Попробовалъ онъ написать програму, но, какъ человѣкъ, не привыкшій къ писанію, остановился на первой же строкѣ. То же послѣдовало и съ требуемымъ отчетомъ. А тутъ, кстати, подоспѣлъ срокъ какого-то пятилѣтія, и Черняевъ былъ уволенъ отъ службы за выслугой лѣтъ.

Такимъ образомъ, нашъ курсъ былъ послѣднимъ, слушавшимъ этого необыкновеннаго лектора.

Почти настолько же, какъ и Черняевъ, былъ обиженъ природой и профессоръ физики и физической географій В. И. Лапшинъ., Выразить какую-нибудь, даже самую обыкновенную мысль, было для него неодолимымъ препятствіемъ. Затрудняясь постоянно къ прискaніи словъ, Лапшинъ пересыпалъ свою рѣчь безпрестаннымъ потвореніемъ, притомъ совершенно не кстати, излюбленной имъ поговорки „стало быть“ (или какъ выходило у него отъ поспѣшности „сталъ-быть, сталъ-быть“), сопровождая это искусственнымъ кашлемъ. Выходило нѣчто ужасное! Языкъ не слушался своего хозяина, да и только и какъ на зло ему, произносилъ:

[1]) Приведенныя вышецитаты заимствованы изъ этой лекціи.

— Лошади, стало быть, овцы, стало быть, свиньи... и другія птицы.

За этимъ слѣдовалъ ужаснѣйшій напускной кашель, потомъ „сталъ-быть“ и далѣе:

— Мы, сталъ-быть, молча упомянули...

или:

— Для примѣра, стало-быть, возьмемъ примѣръ; напримѣръ.

Но его затрудняла собственно не одна только рѣчь. Не мало хлопотъ представляли и тѣ несложныя математическія выкладки, какія встрѣчаются даже въ гимназическомъ курсѣ физики. Взявши въ руки мѣлъ, Лапшинъ храбро приступалъ къ вычисленію, бойко стучалъ мѣлкомъ, но скоро останавливался, начиналъ сильно кашлять, стиралъ написанное, произносилъ нѣсколько разъ, ни къ селу, ни къ городу: „сталъ-быть, сталъ-быть“, и вновь начиналъ вычислять; новая неудача: желанный результатъ не давался, какъ кладъ въ руки. Видя такую неудачу и еще нѣсколько разъ кашлянувъ, профессоръ уходилъ за доску и тамъ начиналъ стучать мѣлкомъ; мы оставались въ это время въ ожиданіи благополучнаго разрѣшенія нечаянно встрѣтившагося затрудненія. Добившись, наконецъ, искомаго, профессоръ выходилъ, весь красный, изъ-за доски и (произнесши опять нѣсколько разъ „стало-быть“) доводилъ благополучно до конца злосчастное доказательство.

Лишенный способности выражать словами то, что онъ желалъ передать, Лапшинъ любилъ, какъ говорится, наводить другихъ (т.-е. помогать при отвѣтѣ) и окончательно сбивалъ съ толку отвѣчающаго. Предлагаетъ, напримѣръ, онъ однажды на репетиціи (а таковыя были у насъ каждую недѣлю) какой-то вопросъ студенту, на который слѣдовало отвѣтить: „давленіе“. Но вопросъ былъ поставленъ спрашивающимъ такимъ образомъ, что отвѣчающій затруднился. Профессоръ начинаетъ наводить его; студентъ не можетъ догадаться. Лапшинъ приходитъ въ азартъ и начинаетъ помогать усиленно:

— Ну, какъ же, стало-быть, ну, какъ же? Да вы представьте себѣ, стало быть, что вы стоите, я, стало-быть, подошелъ сзади, стало-быть, нагнулъ васъ, сѣлъ вамъ на спину, и началъ, стало-быть, производить... Ну, что же я началъ производить?...

Студентъ въ недоумѣніи и, повидимому, не рѣшается высказать.

— Давленіе, стало-быть, давленіе! досказываетъ самъ Лапшинъ, потерявшій надежду услышать желаемый отвѣтъ.

Замѣчательно то, что этотъ человѣкъ, всю свою жизнь, какъ говорится, шелъ противъ природы: лишенный способности гово-

рить, онъ, по выслугѣ лѣтъ въ Харьковскомъ университетѣ, перешелъ во вновь открывшійся Новороссійскій; прослуживши тамъ 5 лѣтъ, онъ былъ забаллотированъ, поселился въ Ѳеодосіи и тамъ читалъ публичныя лекціи по физикѣ.

Профессоръ минералогіи и геогнозіи, Н. Д. Борисякъ, упростилъ лежавшія на немъ, какъ на лекторѣ, обязанности до послѣдней степени: онъ прямо не являлся въ университетъ, а если когда и приходилъ (вѣроятно отъ скуки), то лекціи все-таки не читалъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ (въ родѣ того, что „погода располагаетъ болѣе ко сну, нежели къ минералогическимъ занятіямъ"). За нѣсколько дней передъ экзаменомъ, онъ пренаивно объявлялъ студентамъ:

— А я, господа, узналъ, что у васъ на дняхъ экзаменъ изъ минералогіи! Прочесть курсъ, значитъ, мы уже не успѣемъ! Какъ же тутъ быть-то? Развѣ вотъ какъ сдѣлать? Есть у меня старенькія записки; онѣ коротенькія, ну, да это еще лучше! Возьмите-ка вы ихъ, да прочитайте!

Записочки читались, и экзаменъ проходилъ благополучно.

Своеобразны и въ высшей степени необыкновенны были лекціи православнаго богословія, обязательныя для студентовъ всѣхъ факультетовъ.

Лекторомъ былъ знакомый, нашъ прежній гимназическій наставникъ, П. И. Лебедевъ. Но тутъ мы его увидѣли уже другимъ. Увидѣли и удивились! И прежде было замѣтно, что онъ, до нѣкоторой степени, стѣснялся своимъ саномъ (и даже костюмомъ), а тутъ это выразилось уже крайне рѣзко. Для приданія интереса чтеніямъ, для привлеченія студентовъ, вообще неохотно посѣщавшихъ (и посѣщающихъ) лекціи священника, онъ устраивалъ изъ нихъ какія-то глумленія.

Вотъ образчикъ: читая напр. о сотвореніи міра (въ то время кромѣ собственно богословія, по программѣ, полагалась и священная исторія), онъ, по обыкновенію, ни на кого не смотря, говорилъ своимъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— Во второй день Господь Богъ, какъ повѣствуютъ, сотворилъ твердь или видимое небо; но, какъ извѣстно въ настоящее время, никакой тверди не существуетъ! Слѣдовательно, чтоже сотворилъ Господь Богъ въ этотъ день? Ничего! Или: говоря о наградѣ въ будущей жизни—вѣчномъ созерцаніи Божества, лекторъ прибавлялъ:

— Но, позволю себѣ спросить: не надоѣстъ ли это? Одно и то же скучно!

При этомъ онъ зорко слѣдилъ, чтобы кто-нибудь изъ слушателей не вздумалъ записывать его лекцій. Однажды, новичекъ студентъ, не знавшій объ этомъ запрещеніи и желая, вѣроятно, показать профессору свое усердіе, вздумалъ записывать. Лебедевъ замѣтилъ это, и его, какъ будто, передернуло; но онъ продолжалъ чтеніе. Кончилась лекція; Лебедевъ, поблагодаривши студента за вниманіе, проситъ у него лекцію, обѣщая исправить. Студентъ, ничего не подозрѣвая, разумѣется съ удовольствіемъ, соглашается, довольный тѣмъ, что профессоръ обратилъ вниманіе на его рвеніе: Приходитъ Лебедевъ на слѣдующую лекцію, вновь благодаритъ студента за вниманіе.

— Но, прибавляетъ онъ, какъ-бы между прочимъ, въ вашу лекцію, къ сожалѣнію, вкралось семь ересей! Сколько же ихъ будетъ, когда вы также успѣшно составите весь курсъ?

Общій смѣхъ. Студетъ сконфуженъ. Желаніе записывать пропало окончательно.

Чтеніямъ соотвѣтствовали иногда и отвѣты студентовъ.

Сказаннаго, кажется, достаточно для того, чтобы составить себѣ надлежащее понятіе объ университетской наукѣ описываемаго времени и ея носителяхъ.

Оставимъ же пока въ покоѣ отдѣльныя личности и поговоримъ о цѣлой корпораціи, обратимъ вниманіе на особенность ея въ то время, особенность, къ счастію, безслѣдно исчезнувшую и составлявшую позоръ и пятно ея. Я говорю о взяточничествѣ того времени. Брали безъ зазрѣнія совѣсти, брали безъ всякаго стыда съ кого только можно и сколько можно! Были, разумѣется, и личности незапятнанныя, мы ихъ, какъ пріятныя и отрадныя исключенія, и оставимъ въ покоѣ, помянувши добрымъ словомъ ихъ добрую память.

Самымъ обыкновеннымъ, заурядныхъ и, такъ сказать, безобиднымъ способомъ взяточничества было пансіонерство. Мы называемъ этотъ способъ безобиднымъ потому, что онъ примѣнялся къ людямъ со средствами, людямъ, которые, не стѣсняясь, могли, бросивши тысячу, другую, сдѣлаться пансіонеромъ того или другого профессора, застраховать такимъ образомъ себя отъ необходимости учить скучныя тетрадки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть полную надежду окончить курсъ кандидатомъ. Между профессорами, имѣвшими пансіонеровъ, существовало взаимное условіе—поддерживать на экзаменѣ опекаемыхъ ими питомцевъ. Если кто изъ профессоровъ не имѣлъ пансіонеровъ,

то имѣвшіе ихъ должны были выплачивать ему извѣстную часть получаемыхъ ими доходовъ, и дѣло, такимъ образомъ, шло какъ заведенная машина: рука руку мыла и обѣ чисты были.

Нежелавшіе подвергать тебя стѣсненіямъ и непріятности жить у профессора могли получить вожделѣнное кандидатство единовременнымъ взносомъ, раздѣленнымъ на части, пропорціонально числу участниковъ въ процедурѣ предстоящихъ экзаменовъ и передачи этой части каждому лично, по принадлежности. Назначенную для раздѣла сумму можно было передать и прямо одному изъ профессоровъ-предпринимателей для раздачи прочимъ. Но этотъ послѣдній способъ, впрочемъ, влекъ за собой иногда нѣкоторыя неудобства, въ особенности если взносъ былъ сдѣланъ незадолго до экзамена и дѣлежъ не былъ еще произведенъ. Откупившійся студентъ являлся на экзаменъ, разумѣется, ничего не зная, но смѣло бралъ билетъ и начиналъ молчать въ ожиданіи помощи со стороны купленнаго профессора. Тотъ, не имѣя еще свѣдѣній о предстоящей добычѣ, и не думаетъ выводить экзаменующаго изъ затруднительнаго положенія. Профессоръ-предприниматель, получившій деньги, сидя тутъ же за экзаменаторскимъ столомъ, начинаетъ кашлять, моргать, стараясь вразумить недогадливаго товарища. Тотъ, наконецъ, замѣчаетъ сигналы, принимаетъ ихъ къ свѣдѣнію, перемѣняетъ свой строгій тонъ и начинаетъ отвѣчать самъ, такъ что экзаменующемуся приходится только говорить „да“ или „нѣтъ“ и экзаменъ оканчивается благополучно.

Но, какъ сказано, далеко не во всѣхъ случаяхъ взяточничество велось такъ безобидно. Часто взятку вымогали у человѣка ничего не имѣющаго, но, къ несчастію, принужденнаго держать экзаменъ у того, или другого хищника. Беззастѣнчивость, наглость доходила до того, что брали не только деньгами, брали вещами, брали что подъ руку попало! Вотъ сцена, характеризующая это постыдное время.

Молодой человѣкъ держитъ вступительный экзаменъ [1]) въ университетѣ изъ латинскаго языка, у профессора Лукьяновича. Экзаменующіеся поставлены имъ въ двѣ группы: заплатившихъ, не заплатившихъ контрибуцію. Юноша, о которомъ идетъ рѣчь, какъ человѣкъ, ничего неимѣющій, попалъ, разумѣется, во вторую группу (т.-е. не заплатившихъ). Доходитъ до него очередь; онъ отвѣчаетъ, какъ слѣдуетъ, но экзаменаторъ

[1]) Въ то время, кромѣ окончательныхъ экзаменовъ въ гимназіи, производились вступительные экзамены въ университетѣ.

не довольствуется этими отвѣтами, пишетъ ему неудовлетворительную отмѣтку и заявляетъ, чтъ онъ долженъ „еще подготовиться“, т.-е. другими словами: побывать у экзаменатора на дому, подъ видомъ урока, заплатить ему и получить, такимъ образомъ, желаемую отмѣтку. Та же участь постигаетъ и другихъ юношей одной съ нимъ группы; остальные выдерживаютъ экзаменъ, несмотря на то, что отвѣчали значительно хуже. На слѣдующій день злополучный юноша отправляется къ профессору, въ надеждѣ умолить его, но напрасно. Тотъ твердитъ одно: „Вамъ надо подготовиться!“

Юноша откровенно говоритъ, что онъ и радъ бы, но у него ничего нѣтъ!

— Ну, какъ ничего нѣтъ?—заявляетъ профессоръ.—Ну, если нѣтъ денегъ, то можетъ быть есть что-нибудь изъ вещей. Можетъ, у васъ есть родительское благословеніе?—допытывается профессоръ.

Юноша заявляетъ, что родительское благословеніе у него дѣйствительно есть, но что оно имѣетъ цѣну только для него самого, такъ какъ это—маленькій деревянный образокъ. И, объяснивши это, онъ какъ-то конфузливо и нерѣшительно прибавилъ:

— Есть у меня серебряная ложка.

— Ну, что же? И то дѣло! принесите ее завтра, и мы и позаймемся!—говоритъ беззастѣнчивый профессоръ.

Черезъ два дня назначена переэкзаменовка; знанія испытуемаго оказываются удовлетворительными.

Для пополненія сказаннаго, я прибавлю, что секретари факультетовъ (профессора) брали по 2, по 3 рубля за справку въ дѣлахъ (напр. за сообщеніе отмѣтокъ, полученныхъ студентомъ на экзаменѣ).

Тѣмъ же пріемамъ слѣдовалъ помощникъ попечителя, кн. Цертелевъ, устроившій при томъ правильную систему взяточничества: каждый, являвшійся къ нему по какому-нибудь дѣлу, былъ препровождаемъ въ пріемный залъ, гдѣ и оставался одинъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ; этимъ временемъ онъ долженъ былъ воспользоваться и положить на этажеркѣ, подъ находившуюся тамъ книгу, бумажку той или другой цѣнности, соотвѣтственно важности просьбы. По прошествіи этихъ нѣсколькихъ минутъ, въ залъ являлся Цертелевъ и прежде всего подходилъ къ знакомой этажеркѣ; если тамъ оказывалось должное приношеніе, онъ выслушивалъ просьбу, если же нѣтъ, то, круто повернувшись, онъ объявлялъ, что не имѣетъ времени, и уходилъ.

Что же дѣлалъ попечитель? Неукоснительно наблюдалъ за порядкомъ и чистотой! Ревностно преслѣдуя поставленную себѣ цѣль, онъ все-таки не могъ окончательно достигнуть желаемаго, что сильно безпокоило и раздражало его начальническое сердце.

Такъ, напр., посѣщая фундаментальную библіотеку университета, онъ не могъ равнодушно видѣть существующаго тамъ безпорядка: маленькія книги стоятъ возлѣ большихъ, придавая цѣлому чрезвычайно непріятный видъ для глазъ его, привыкшихъ къ правильному строю.

Каждый разъ, видя этотъ безпорядокъ, онъ приказывалъ исправить его и привести библіотеку въ надлежащій видъ и распоряженіемъ этимъ ставилъ библіотекаря въ чрезвычайно затруднительное положеніе.

Однажды попечитель пригрозилъ даже присылкой роты солдатъ, съ тѣмъ, чтобы, при помощи ихъ, достичь желаемаго, но, къ счастію для университета, не привелъ въ исполненіе этой угрозы.

Не мало раздраженія доставляли попечителю, время отъ времени повторявшіяся, ходатайства Совѣта университета о разрѣшеніи пріобрѣсти тѣ, или другія новыя книги для той же фундаментальной библіотеки (а выписка эта, въ то время, производилась не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя). Кромѣ боязни увеличенія безпорядка въ библіотекѣ пріобрѣтеніемъ новыхъ сочиненій, попечитель при этомъ имѣлъ въ виду и экономію казнѣ, а потому рѣдко соглашался уважить ходатайство. Желающіе выписать ту или другую книгу должны были хлопотать объ этомъ чрезъ людей, близкихъ къ попечителю.

Однажды, на одну изъ такихъ просьбъ, попечитель, будучи въ духѣ, согласился, но все-таки сдѣлалъ упрекъ:

— Гг. профессора всегда такъ, одной книжки не выучатъ, а уже просятъ купить другую! Сколько у нихъ въ библіотекѣ книгъ, а я думаю, и половины не выучили!

Отказывая, такимъ образомъ, университету въ необходимыхъ расходахъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей (какъ, напр., онъ упорно противился постройкѣ обсерваторіи), попечитель успѣлъ скопить весьма солидную сумму, которая и хранилась въ видѣ, такъ называемыхъ, спеціальныхъ средствъ университета. Когда экономія эта достигла значительной цифры, попечитель, желая показать министру свое умѣнье хозяйничать, сообщилъ ему объ этомъ остаткѣ, въ надеждѣ на глубокую за это признательность. Но случай зло посмѣялся надъ экономнымъ попечителемъ: благодарности онъ не получилъ, а деньги прика-

зано было переслать въ Казанскій университетъ, просившій объ отпускѣ суммы, необходимой для постройки опять-таки злосчастной обсерваторіи, которую Харьковскій университетъ и выстроилъ, но не себѣ, а Казанскому университету.

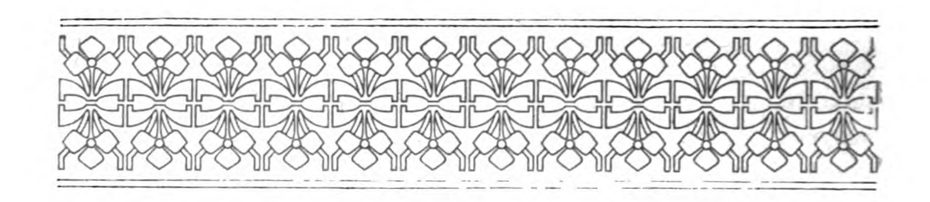
Заботясь о порядкѣ, чистотѣ и экономіи, попечитель не оставлялъ безъ вниманія, въ случаѣ надобности, и учебную часть.

Совѣтъ университета, по ходатайству физико-математическаго факультета, просилъ Кокошкина о разрѣшеніи ввести въ курсъ математики для студентовъ естественнаго разряда „Коническія сѣченія“.

— Только лишняя пачкотня будетъ,—заявилъ на это ходатайство попечитель;—притомъ, по-моему, это гораздо удобнѣе и приличнѣе въ ветеринарномъ заведеніи!

Сообщ. **О. Н. Леваковская.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



Пребываніе А. В. Суворова въ м. Опошнѣ, Зеньковскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

По дорогѣ изъ Полтавы на Зеньковъ, на неровной мѣстности, перерѣзанной балками и рѣчкой Тарапунькой (Опошней), впадающей въ р. Ворсклу, расположено м. Опошня, окруженное со всѣхъ сторонъ фруктовыми садами и рощами.

Это одно изъ древнѣйшихъ поселеній не только въ уѣздѣ, но и въ краѣ, которое существовало уже въ XII вѣкѣ. По словамъ Георгія Кониcскаго, въ окрестностяхъ Опошни, въ с. Рублевкѣ, былъ взятъ подъ арестъ и отправленъ въ Кіевъ армянскій еврей Мартынъ Мнихъ, который и разсѣивалъ здѣсь свои бредни подъ именемъ греческаго іеромонаха. Но насколько достовѣрны эти свѣдѣнія—судить не беремся.

Въ половинѣ XVII вѣка Опошня числилась въ числѣ казачьихъ сотенныхъ мѣстечекъ. Въ 1668 г., въ окрестностяхъ ея чернью убитъ гетманъ Бруховецкій, котораго выдалъ Дорошенко

Въ шведскую войну, въ 1709 г., Опошня была театромъ военныхъ дѣйствій. Сюда изъ Зенькова была перенесена главная квартира Карла XII, который находился здѣсь съ 26 февраля по 2 марта. По преданію, онъ квартировалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится домъ волостного правленія. Опошня и ея окрестности была разорена и частью сожжена шведами, ушедшими отсюда въ Великія Будища, Зеньковскаго уѣзда (въ 12 вер.), которое затѣмъ постигла та же печальная участь.

Въ 1764 г. Опошня принадлежала Гадячскому полку.

Въ іюнѣ 1777 г. Суворовъ, находясь съ войсками въ Крыму будучи боленъ лихорадкою, съ разрѣшенія князя Потемкина

пріѣхалъ въ Полтаву, гдѣ жила жена его съ дочерью Наталіей (род. 1 августа 1775 г.), а затѣмъ отсюда „для перемѣны воздуха" переѣхалъ въ Опошню, Зеньковскаго уѣзда, гдѣ и прожилъ до самой зимы. Суворовъ выбылъ изъ Опошни въ январѣ 1778 г., когда былъ назначенъ Потемкинымъ начальникомъ войскъ въ Кубани.

Проживая въ Опошнѣ, Суворовъ квартировалъ въ домѣ протоіерея тамошней Покровской церкви Стефана Тонсаровскаго (построена въ 1748, а вмѣсто нея новая деревянная въ 1891 году), умершаго въ 1792 г. Домъ этотъ достался въ 1820 г. священнику Андрею Станиславскому, а затѣмъ уже послѣ его смерти, послѣдовавшей въ началѣ 1870 г., переходившій въ разныя руки, по ветхости былъ разобранъ, а мѣсто куплено казакомъ Даніиломъ Ивановичемъ Хоменкомъ, который болѣе 15 лѣтъ тому назадъ выстроилъ здѣсь новый домъ, существующій и понынѣ.

Проживая въ Опошнѣ, Суворовъ, во время богослуженій въ Покровской церкви, читалъ апостола и пѣлъ на клиросѣ. Эти чудачества Суворова повлекли къ крупнымъ семейнымъ непріятностямъ, едва не поведшимъ къ раздору обоихъ супруговъ.

Сообщ. **В. Е. Бучневичъ.**

Дневныя записки генерала Патрика Гордона[1]).

(Продолженіе).

ГЛАВА III.

1686 годъ. Отъѣздъ Гордона въ Шотландію чрезъ Ригу, Бременъ, Лондонъ. Возвращеніе обратно въ Москву. Назначеніе его чрезвычайнымъ посланникомъ Англіи въ Россіи. Отказъ ему въ этомъ званіи со стороны царя.

1-го января 1686 г. я былъ крестнымъ отцомъ на крестинахъ у маіора Даніила Страсбурга и тамъ обѣдалъ. Я получилъ отвѣтъ боярина на мое письмо, а также приказаніе дьякамъ предоставить католическому священнику восемь дней срока.

4-го числа. По приказу Алексѣя Чаплина я получилъ 4 воза сѣна и затѣмъ еще 17 возовъ и три шефеля овса. Я писалъ моей супругѣ и зятю съ его слугами и просилъ, чтобы онъ ихъ наградилъ. На этой недѣлѣ я посѣтилъ многихъ бояръ, у которыхъ не былъ съ пріѣзда.

6-го числа. Обѣдалъ у подполковника Лефорта. Я не ходилъ смотрѣть торжественную процессію и священнодѣйствіе на рѣкѣ.

10-го числа. Возвратился бояринъ. Я и полковникъ Менезесъ ждали его до шести часовъ, потому что онъ пріѣзжалъ отъ двора. Поужинавъ вмѣстѣ, я поговорилъ съ нимъ о католическомъ священникѣ. и бояринъ обѣщалъ доложить все дѣло царямъ.

Я обѣдалъ съ полковникомъ фонъ-Трейденомъ.

11-го числа. Обѣдалъ у боярина, но онъ еще ничего не сказалъ рѣшительнаго о священникѣ и выразилъ, что должно имѣть терпѣніе.

---

[1]) См. „Рус. Ст.“ Мартъ 1917 г.

13-го числа. Я писалъ съ сѣвскимъ стрѣльцомъ тестю и женѣ въ Сѣвскъ.

15-го числа. Сдѣлали опись имуществу умершаго подполковника Гильда. Я писалъ со слугою думнаго дворянина своимъ пріятелямъ въ Кіевъ и Сѣвскъ и обѣдалъ у новаго правителя Кіева, князя Юрія Семеновича Урусова.

16-го числа. Я располагалъ говорить о дѣлахъ генералъ-лейтенанта Друммонда съ Джемсомъ Кукомъ, но не пришлось.

17-го числа. Обѣдалъ у полковника Гулица, а вечеромъ посѣтилъ еще нѣкоторыхъ лицъ.

18-го числа. Дѣло съ Джемсомъ Кукомъ кончилось миролюбно, и я, по договору, получилъ только 400 рублей. Я настаивалъ предъ бояриномъ, чтобы меня выпустили изъ страны, и въ вслѣдствіе этого онъ приказалъ мнѣ написать о томъ просьбу.

19-го числа. Я подалъ просьбу объ увольненіи меня на нѣкоторое время изъ страны и по оной состоялось повелѣніе отпустить меня, но чтобы жена и дѣти мои оставались въ Москвѣ.

20-го числа. Я подалъ просьбу о выдачѣ мнѣ полугодового жалованья и также прогоновъ. Приказано было изготовить по этому предмету выписку.

21-го числа. Обѣдалъ у Виніуса, а вечеромъ былъ на брачномъ пиршествѣ у полковника фонъ-деръ-Вейде.

23-го числа. Оставшееся послѣ подполковника Гильда имущество было оцѣнено и частью продано.

25-го числа. Я обѣдалъ у Вульфа и былъ у Лефорта на крестинахъ ребенка, получившаго имя Даніила. Я пытался помирить полковниковъ фонъ-Менгдена и Ронаэра, но тщетно. Я получилъ приказаніе принять мое годовое жалованье и оставить мою жену въ Кіевѣ.

26-го числа. Удостоился быть у Ихъ Величествъ, при цѣлованіи рукъ. Младшій царь, Петръ Алексѣевичъ, поднесъ мнѣ самъ чарку водки и приказалъ скорѣе возвратиться.

27-го числа. Я былъ допущенъ къ цѣлованію руки царевны Софіи, которая тоже очень настаивала, чтобы я скорѣе пріѣхалъ обратно и привезъ съ собою одного изъ моихъ сыновей.

28-го числа. Поѣхалъ въ Черную Грязь и простился съ бояриномъ, который меня просилъ скорѣе возвратиться, чтобы не подвергнуть его тюремному заключенію, такъ какъ онъ поручился за мое возвращеніе; при этомъ онъ просилъ меня писать ему съ каждою почтою. Послѣ этого я простился съ генералъ-лейтенантомъ Трауернихтомъ, полковникомъ Шелемъ и другими лицами.

29-го числа. Писалъ по почтѣ, въ конвертѣ г. Вульфа, ген.-лейтен. Друммонду и господину Меверелю и сообщилъ имъ, что получилъ разрѣшеніе выѣхать изъ страны и на слѣдующій день покидаю Москву. Ген.-лейт. Друммонду я писалъ еще о состоявшемся съ г. Кукомъ соглашеніи и о томъ, что послѣдній, не получивъ въ Москвѣ никакихъ векселей, выплатилъ Вульфу деньги, съ тѣмъ, чтобы онъ выслалъ или перевелъ ихъ изъ Архангельска; онъ надѣялся заработать на этомъ десять процентовъ. Послѣ я обѣдалъ съ Боетенантомъ и другими лицами и простился въ городѣ съ государственнымъ секретаремъ и г. Виніусомъ, который, по приказанію перваго государственнаго министра иностранныхъ дѣлъ Ихъ Величествъ, далъ мнѣ словесное порученіе. Наконецъ въ слободѣ я распростился съ голландскимъ резидентомъ и со своими искренними друзьями.

4-го февраля. Въ Новгородѣ я отказался допустить таможенныхъ къ осмотру моихъ вещей; чиновники никакъ не соглашались не осматривать меня, потому что имѣли повелѣніе осматривать лицъ всякаго состоянія. Я объяснялъ, что это приказаніе должно понимать такъ, что оно касается купцовъ и другихъ лицъ, но не военнослужащихъ, особенно въ такомъ званіи, какъ я, и приводилъ тому различные примѣры. Они же ссылались на приказаніе, за нѣсколько дней только-что полученное, я же указывалъ на распоряженіе правителя, который однако не пожелалъ вмѣшиваться въ это дѣло, но выдалъ мнѣ разрѣшеніе ѣхать далѣе, что отъ него зависѣло. Онъ оказался очень любезнымъ и ласковымъ при моемъ посѣщеніи его, поздно вечеромъ.

5-го числа февраля. Я снова послалъ къ правителю за полученіемъ приказанія.

Онъ сказалъ, какъ и ранѣе, что, по его мнѣнію, я могу ѣхать далѣе; онъ вполнѣ справилъ меня въ путь и обѣщалъ мнѣ дать, по моему желанію, двухъ стрѣльцовъ для сопровожденія. Между тѣмъ я узналъ, что начальникъ таможни собралъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ съ тѣмъ, чтобы меня не выпускать изъ моего помѣщенія или же чтобы задержать на пути. Поэтому я послалъ еще разъ къ правителю узнать отъ него рѣшительно, дѣлается ли вышесказанное по его приказанію и будетъ ли онъ содѣйствовать подобнымъ насиліямъ. Правитель завѣрялъ, что онъ этого дѣлать не будетъ, но также не станетъ вмѣшиваться въ дѣла таможеннаго смотрителя, потому что послѣдній получаетъ свои инструкціи прямо, непосредственно изъ Москвы, а мнѣ предоставляется дѣлать, что признаю себѣ за лучшее. Послѣ обѣда

я приказалъ своимъ людямъ изготовиться, рѣшившись, несмотря на противодѣйствіе, проложить себѣ дорогу силою чрезъ городъ.

Смотритель таможни, узнавъ объ этомъ, пришелъ ко мнѣ и требовалъ, чтобы я, не допуская до осмотра моихъ вещей, разрѣшилъ, по крайней мѣрѣ, ихъ опечатать и сложить въ церковь или другое надежное помѣщеніе, до полученія дальнѣйшихъ приказаній изъ Москвы. Сперва я на это готовъ былъ согласиться, чтобы не быть задержаннымъ въ пути. Но, видя, что правитель теперь болѣе меня поддерживаетъ, и не усматривая основанія къ тому, чтобы онъ перемѣнилъ свое ко мнѣ расположеніе, я рѣшился отказать въ осмотрѣ моихъ вещей и послалъ вмѣстѣ съ тѣмъ собственноручную записку къ правителю, въ которой приносилъ жалобу на таможеннаго смотрителя и его помощниковъ. Я писалъ, что они меня оскорбили, поставивъ стражу у моихъ вещей и задержавъ меня самого, причинили мнѣ большой вредъ и убытки; я просилъ его все это записать и сообщить въ Москву. Все это было принято правителемъ. Я поѣхалъ далѣе и, безъ затрудненія миновавъ городъ и проѣхавъ мостъ черезъ р. Волховъ, продолжалъ безпрепятственно мой путь. Лошади достаточно утомились, и я, въ двадцати пяти верстахъ отъ города, остановился въ деревнѣ ихъ кормить, а затѣмъ уже ночью, проѣхавъ еще 25 верстъ, прибылъ въ деревню Мшагу. Я уплатилъ въ Новгородѣ прогонные за десять лошадей всего 25 алтынъ, а здѣсь за то же число одинъ рубль 5 алтынъ и 2 деньги.

Изъ Новгорода я писалъ г. Виніусу, полковнику Менезесу и моей женѣ.

6-го числа. За три часа до разсвѣта, я выѣхалъ и уже въ полный день прибылъ въ Солоницу, проѣхавъ 15 верстъ, гдѣ узналъ отъ дворянина, пріѣхавшаго въ четвертомъ часу ночи, что таможенный смотритель, съ главнѣйшими чинами своими, послѣ бурныхъ споровъ съ правителемъ, получилъ отъ него повелѣніе ѣхать съ писцомъ и многими стрѣльцами въ погоню за мною, осмотрѣть мои вещи на мѣстѣ и если въ числѣ ихъ окажутся купеческіе товары, немедленно ихъ отобрать. Въ случаѣ же моего на это несогласія задержать меня лично и со всѣми вещами привезти обратно въ городъ или по крайней мѣрѣ меня задержать въ томъ мѣстѣ, гдѣ меня настигнутъ. Услыхавъ все это и располагая хорошими лошадьми, я обѣщалъ возчикамъ дать щедро на водку, если они повезутъ меня быстро, и направился на Опочку, куда прибылъ, проѣхавъ 35 верстъ. Въ Опочкѣ я отдохнулъ всего полчаса, покормилъ лошадей и, сдѣлавъ

40 верстъ, пріѣхалъ въ Загорье около трехъ часовъ ночи. Здѣсь я смѣнилъ лошадей, заплативъ за каждую по пяти копѣекъ, и до разсвѣта прибылъ въ г. Псковъ, проѣхавъ 35 верстъ.

7-го числа я отправился къ правителю, князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому. Онъ меня принялъ очень ласково, приказалъ тотъ же часъ снарядить меня въ путь и просилъ меня, когда все будетъ готово къ моему отъѣзду, зайдти къ нему проститься съ нимъ. Я нанялъ шесть лошадей до г. Риги и заплатилъ за каждую по одному рублю, 8 алтынъ и деньгу одну.

Вечеръ я провелъ у правителя съ его друзьями и только около 10 часовъ вечера выѣхалъ изъ Пскова. Я немедленно заснулъ въ повозкѣ, а возчики, которые были пьяны, проѣхавъ 20 верстъ, остановились у какого-то дома. Проснувшись, я немедленно разбудилъ ихъ побоями и заставилъ тотъ же часъ ѣхать далѣе. За часъ до разсвѣта я прибылъ въ Печерское и около обѣда былъ уже въ Нейгаузенѣ, гдѣ лейтенантъ по имени Эрикъ Готъ былъ комендантомъ. Я заявилъ о себѣ въ замкѣ, объяснивъ мое званіе, и получилъ отъ него свидѣтельство на проѣздъ.

Покормивъ немного лошадей и отправивъ назадъ взятыхъ въ Псковѣ, я миновалъ различные постоялые дворы (корчмы); дорога около трехъ миль была холмистая. Я ночевалъ въ одномъ изъ такихъ дворовъ. Селенія, очень рѣдко встрѣчаемыя, носятъ названія владѣльцевъ, которымъ они принадлежатъ.

9-го числа рано утромъ, съ пѣтухами, я поѣхалъ далѣе, переправился чрезъ Черную рѣку и скоро остановился обѣдать, проѣхавъ 15 миль. Затѣмъ я переправился чрезъ р. Гавію (Аа) и заночевалъ въ корчмѣ, среди совершенно пустой мѣстности, проѣхавъ пять миль.

10-го числа отдохнувъ часа три, добрался опять до корчмы, проѣхавъ шесть миль. Тутъ я кормилъ лошадей немного, переправился чрезъ р. Аа и обѣдалъ въ Вольмарѣ, въ гостиницѣ, проѣхавъ двѣ мили.

Ночь я провелъ въ корчмѣ, но до полуночи пустился въ дорогу и 11-го числа, миновавъ нѣсколько корчмъ, прибылъ въ Рубинъ, сдѣлавъ три мили, а къ разсвѣту добрался до Брогла, проѣхавъ одну милю. Дорога тутъ была худая, снѣгъ большею частью уже разстаялъ. Проѣхавъ еще двѣ мили, я сталъ кормить лошадей. Послѣ одной мили, я въ третій разъ переправился чрезъ рѣку Аа и остановился ночевать въ корчмѣ Хилькинъ, въ трехъ миляхъ

отъ г. Риги. Близко отъ города, въ Саранковѣ, живетъ баронъ фонъ-Менгденъ.

12-го числа я взялъ съ собою въ проводники хозяина корчмы. Онъ долженъ былъ провести насъ мѣстами, въ которыхъ еще снѣгъ не стаялъ. Мы выѣхали рано утромъ и послѣ большихъ трудностей добрались въ Ригу къ восьми часамъ. Я остановился у цырюльника по имени Гардера въ Песочной улицѣ (Sandstrasse).

Въ тотъ же вечеръ я написалъ моей женѣ, полковникамъ Менезесу и фонъ-Менгдену, г. Виніусу, Гуаскони, боярину В. В. Голицыну и послалъ письма съ аптекаремъ Христіаномъ Эйглеромъ, котораго встрѣтилъ въ Ригѣ, на обратномъ его пути въ Москву. Аптекарь посѣтилъ меня вмѣстѣ съ купцомъ Маркусомъ Люисомъ, и я вручилъ ему различные подарки моимъ знакомымъ въ Москвѣ.

13-го числа я писалъ правителю псковскому князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому и купцу Іоанну Фохту, оказавшему мнѣ въ Псковѣ много услугъ. Различные друзья посѣтили меня и уговорили перебраться въ городъ; я нанялъ себѣ помѣщеніе у вдовы Бевер‌манъ, въ улицѣ Св. Якова. Послѣ обѣда г. Рихардъ Даніель прислалъ за мною сани и просилъ совершить съ нимъ вмѣстѣ поѣздку по р. Двинѣ. Я отправился съ различными англичанами,—мужчинами и женщинами, проѣхалъ значительное разстояніе по р. Двинѣ внизъ по теченію и затѣмъ былъ приглашенъ въ домъ, находившійся въ форштадтѣ, гдѣ и пробылъ 2—3 часа.

Таможенные служители прислали справиться, не имѣю ли я при себѣ товаровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявили, что необходимо осмотрѣть мои вещи и сундуки.

14-го числа обѣдалъ у Даніеля и былъ хорошо угощенъ.

15-го числа обѣдалъ у госпожи Фразеръ, а вечеромъ былъ у г. Ватсона.

16-го числа, нанялъ фурмана (извощика) до г. Мемеля, съ телѣгою, въ двѣ лошади, за десять спеціэсъ-талеровъ.

17-го числа писалъ г. Боетенанту и сообщилъ ему, что такъ какъ въ его сундукѣ имѣлась опись вещамъ, въ немъ находившимся, то онъ долженъ былъ уплатить за нихъ пошлины $2^1/_2$ процентовъ со стоимости указанныхъ вещей; другіе же два чемодана, принадлежащіе г. Гартману и ванъ Совме, были взяты въ таможню, гдѣ и будутъ находиться, пока не будетъ произведена спеціальная опись вещамъ, въ нихъ находящимся. При этомъ чемоданы вскроютъ, вещи осмотрятъ, опишутъ и оцѣнятъ; всего этого съ вещами г. Боетенанта не дѣлали. Я заплатилъ за свои

вещи пошлины 13¼ талеровъ, за ѣду—полъ-талера и за пищу моихъ слугъ—десять штюберовъ.

Послѣ обѣда я выѣхалъ изъ Риги, при чемъ Даніель и Фрезеръ проводили меня по ту сторону р. Двины. Я заночевалъ въ корчмѣ Шруденъ, въ трехъ миляхъ отъ Риги, и заплатилъ полъ-талера и дѣвушкамъ далъ 4 полтаракса.

18-го числа я прибылъ въ г. Митаву, въ трехъ миляхъ отъ г. Риги, резиденцію герцога Курляндскаго. Тутъ имѣется замокъ, укрѣпленный землянымъ валомъ, а также горнверкомъ, сооруженнымъ со стороны рѣки. Городокъ съ валомъ очень милъ. Я писалъ г. патеру Маковіусу, въ письмѣ на имя патера Штурма, заплатилъ за обѣдъ 32 пфенига или полтараксъ. Я переправился чрезъ три рѣчки и остановился ночевать въ Дуплинсъ-Кругѣ, проѣхавъ три мили. Я уплатилъ 3 пфен. за пиво и 4 пф. за сѣно, которое взято съ собою.

19-го числа я переправился чрезъ небольшую рѣчку и прибылъ къ церкви Св. Анны, а затѣмъ, проѣхавъ три мили, обѣдалъ въ Блиденгъ-Кругѣ и уплатилъ за пиво 8 пфен. Отъѣхавъ еще три мили, заночевалъ въ Фронсбергъ-Кругѣ, гдѣ заплатилъ за все 9 пенсовъ.

20-го числа. Я перебрался черезъ р. Виндаву и остановился обѣдать, проѣхавъ четыре мили. Тутъ находился каменный домъ, принадлежащій герцогу Курляндскому, окруженный съ четырехъ сторонъ каменною стѣною. Я заплатилъ за пиво и яйца—12 пфен. Проѣхавъ двѣ мили далѣе, я остановился на ночь въ Кругѣ, гдѣ заплатилъ за пиво 7 пф. и за солому 3 пф.

21-го числа. Выпалъ сильный снѣгъ. Проѣхавъ двѣ мили, прибылъ къ дому дворянина. гдѣ купилъ небольшія сани за одинъ талеръ и заплатилъ за пиво 11 пф. Теперь поѣхали ходчѣе. У Кристбурга я переправился чрезъ маленькую рѣчку и скоро послѣ этого прибылъ къ р. Бартау, на паромѣ переправился на другой берегъ и остановился на ночь въ хорошемъ домѣ, отъѣхавъ всего пять миль. Тутъ я заплатилъ за кровать и пиво всего 18 пф. и далъ служанкѣ 1 пф.

22-го числа. Я добрался до Рютцона-Круга, послѣ трехъ миль ѣзды. Снѣгъ совершенно стаялъ, и я былъ принужденъ бросить сани, потому что за нихъ мнѣ ничего не давали, по причинѣ плутовства какого-то купца, ѣхавшаго вмѣстѣ со мной изъ Риги и старавшагося, при всякомъ случаѣ, всегда сорвать съ меня что-нибудь. Здѣсь я заплатилъ за пиво и яйца 18 пф. Теперь я приблизился уже къ морскому берегу. На паромѣ я переѣхалъ рѣку Святую Аа, и сейчасъ же остановился въ хорошемъ домѣ, въ

разстояніи съ небольшимъ двѣ мили отъ того мѣста, гдѣ обѣдалъ. Здѣсь за ужинъ пяти лицамъ и двумъ моимъ слугамъ, а также за пиво и постели было уплачено всего два флорина и горничной на чай 4 пф. Теперь мы находились на польской землѣ, въ староствѣ Полангенъ.

23 числа я пріѣхалъ въ самый Полангенъ, маленькій городокъ, населенный бо̀льшею частью евреями. Таможенныя пошлины взимаются здѣсь евреями, которые и вносятъ въ казну ежегодно извѣстную за нихъ сумму. Здѣсь я выдалъ себя за польскаго полковника, но тѣмъ не менѣе долженъ былъ заплатить немного таможенной пошлины, именно всего около одного талера и 12 пф. двумъ сборщикамъ и еще по 12 пф. каждому изъ ихъ помощниковъ. Кромѣ того за водку и бѣлый хлѣбъ пришлось заплатить 18 пф.

Изъ Полангена, отъѣхавъ три мили, я прибылъ въ Мемель, при чемъ одну милю проѣхалъ по владѣніямъ курфюрста Бранденбургскаго. Тутъ море, особенно въ бурное время, выбрасываетъ на берега янтарь, собирать который имѣетъ право на польскомъ берегу каждый изъ его мѣстныхъ жителей; на бранденбургскомъ же берегу сборъ этотъ дозволяется тѣмъ только, которые къ этому сбору приставлены. Англичане получили привилегію свободно торговать, въ теченіе 10 лѣтъ, при устьѣ рѣки Святой Аа, обѣщавъ за это устроить тутъ безопасную гавань, къ чему однако мало надежды, по той причинѣ, что предъ рѣкою, при впаденіи ея въ море, находятся большія, песчаныя отмели, да и весь берегъ песчанистъ, вездѣ открытъ и не можетъ быть очищенъ отъ песка. Въ Мемелѣ меня допрашивали, кто я такой. Я объявилъ стражѣ, что отвѣчу на этотъ вопросъ въ своей квартирѣ, и, прибывъ въ оную, вручилъ одному изъ стражниковъ запечатанное письмо на имя коменданта, подполковника Крюгера, которымъ сообщилъ ему, кто я такой и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его дозволить мнѣ оставаться неизвѣстнымъ въ городѣ. Вслѣдъ за этимъ комендантъ прислалъ мнѣ сказать, что онъ сейчасъ меня посѣтитъ. Дѣйствительно чрезъ полъ-секунды онъ пришелъ, привѣтствовалъ меня очень радушно и почтительно просилъ меня придти къ нему на слѣдующій день запросто къ его солдатскому обѣду. По уходѣ коменданта пришелъ пикинѐръ отъ главнаго караула, чтобы стоять на часахъ у моихъ дверей.

24 чис. утромъ комендантъ прислалъ ко мнѣ офицера, съ приглашеніемъ къ нему на обѣдъ. Въ одиннадцать часовъ онъ прислалъ за мною экипажъ, вмѣстѣ съ капитанъ-лейтенантомъ Шаппель, англичаниномъ; при этомъ было еще шесть порядочно

одѣтыхъ слугъ, около повозки, кромѣ моихъ слугъ. Комендантъ очень хорошо меня угостилъ и такимъ же порядкомъ доставилъ меня обратно домой. Я далъ сопровождавшему меня человѣку одинъ талеръ, кучеру—полъ-талера; стоявшихъ на караулѣ у моихъ дверей я приказалъ накормить и выдалъ имъ по полуталеру при отъѣздѣ. Я уплатилъ рижскому фурману за 6 лошадей и три повозки 27 спеціалъ-талеровъ, кромѣ денегъ за пиво. Я теперь нанялъ повозку въ 5 лошадей, за 10 талеровъ. Юрій Паульсонъ и аптекарь должны были также уплатить свои доли. Имѣя только одного слугу и багажъ свой, я нанялъ двѣ верховыя лошади для себя и слуги и заплатилъ за каждую три талера и озаботился немедленно ихъ прокормленіемъ, а также доставкою третьей лошади для гонца и такимъ порядкомъ продолжалъ свой путь до Кенигсберга, потому что отъ толчковъ въ повозкѣ я былъ совсѣмъ боленъ и разбитъ. Въ Мемелѣ я заплатилъ за ѣду, вино и пищу солдатъ, включая и Юрія Паульсона, 12 флоритовъ,—горничной на чай 15 пф. и кромѣ того купилъ ей же янтарный крестъ и три браслета за $4^1/_2$ талера.

Мемель очень укрѣпленное мѣсто, особенно замокъ, который по плану мнѣ показанному комендантомъ, долженъ быть укрѣпленъ еще сильнѣе; къ этому изготовлена уже большая часть необходимыхъ матеріаловъ. Ежемѣсячное жалованіе солдатъ составляетъ шесть флориновъ, изъ нихъ на 2 флор. имъ поставляютъ хлѣба, 2 флор. они получаютъ на руки на всякіе мелкіе расходы, пиво, съѣстные припасы и другія вещи, а два флорина удерживаютъ офицеры и снабжаютъ солдатъ башмаками, чулками, рубашками и прочими необходимыми предметами. Капитанъ получаетъ въ мѣсяцъ 32 талера, поручикъ—18 талер., а фендрихъ—12 талер.

Прибывъ въ Данцигъ, я нанялъ 5-го марта повозку по талеру въ день и поѣхалъ на шотландскую сторону города, гдѣ былъ въ іезуитской церкви при богослуженіи. Послѣ обѣда меня посѣтилъ ректоръ іезуитской коллегіи. Я ему сообщилъ, что намѣренъ взять съ собою моего сына, узнавъ, что онъ зараженъ началами реформатскаго исповѣданія (кальвинизма); я опасался, чтобы онъ не былъ совсѣмъ совращенъ въ эту религію.

Послѣ этого я посѣтилъ также г. Брауна и Форбса и совѣщался съ докторомъ о мальчикѣ Даніилѣ (слугѣ).

6 числа я обѣдалъ съ различными моими земляками у Джемса Брауна, гдѣ былъ очень хорошо угощенъ. Я писалъ моей женѣ, моему зятю и полковнику Ливистону въ Кіевъ, боярину князю В. В. Голицыну, г. Виніусу, а также полковнику Крюгеру въ

Мемель, г. Георгу Грею въ Кенисбергъ. Первыя письма я отправилъ въ пакетѣ на имя г. Георга Фразера въ Ригу. Я нанялъ повозку (шезу) въ три лошади до Штетина за восемьдесятъ флориновъ.

7-го числа былъ у іезуитовъ при богослуженіи, на шотландской сторонѣ и простившись съ ними обѣдалъ у г. Форбса, гдѣ меня очень хорошо угостили.

8-го числа приготовлялся къ отъѣзду. Друзья мои прислали мнѣ въ изобиліи всякихъ съѣстныхъ припасовъ на дорогу. Я простился съ г. Броуномъ и Форбсомъ и размѣнялъ на дорогу сорокъ дукатовъ. Мои расходы въ Данцигѣ были слѣдующіе: за двѣ пары башмаковъ—5 флор., за шинель моему сыну—9 тал. 2 грош. 14 пф.; за наемную повозку—4 тал.; за ѣду и пиво—10 тал. 2 флор. 10 пф.; на чай горничной—1 тал. 1 флор. 14 пф.; на чай кучеру—2 флор.; инспектору коллегіи іезуитовъ—3 тал. 16 пф.; за стирку бѣлья—1 флор. 13 пф.; горничрой г. Брауна—12 пф.; доктору, для моего больного слуги Даніила—одинъ талеръ; за лѣкарство—4 тал.; аптекарю—1 флор. 4 пфен.; за отправку письма по почтѣ—14 пфен.

9 марта. Мы начали день тѣмъ, что вмѣстѣ съ главою шотландцевъ, проживающихъ въ Данцигѣ, поѣхали въ Хармансъ; мои соотечественники, проживавшіе въ Данцигѣ, угощали меня въ этомъ веселомъ мѣстѣ, въ разстояніи полу-мили отъ города. Затѣмъ я прибылъ въ Загорское; въ двухъ миляхъ отъ Данцига и полумилѣ отъ Путски, имѣя дорогою холмы, въ правой рукѣ. Миновавъ Оливу, мы проѣхали Картезіанскій монастырь съ лѣвой стороны, заплатили за $5^1/_2$ стопъ (stoup.) пива 16 съ половиною грошей, за постели—6 грошей, за водку и $3^1/_2$ гроша за повозку.

10 числа. отъѣхавъ одну милю, прибыли въ г. Нейштадтъ. Это маленькій, открытый городокъ со многими церквами и священными мѣстами, а затѣмъ, чрезъ двѣ мили далѣе, остановились въ кругѣ (харчевнѣ), послѣ чего, чрезъ двѣ мили, прибыли въ Лауенбургъ, гдѣ имѣетъ пребываніе судъ для всей этой мѣстности. Городъ Лаценбургъ обнесенъ кирпичною стѣною, съ многими круглыми башнями и квадратными строеніями; по широкой сторонѣ протекаетъ рѣка, которая могла бы быть проведена кругомъ города, но значительные холмы съ восточной стороны препятствуютъ обратить этотъ городъ въ значительную крѣпость. Въ былыя времена этотъ городъ, со всѣмъ округомъ, принадлежалъ польскому королевству, но по Оливскому договору онъ перешелъ во власть электора Бранденбургскаго.

владѣнія котораго находятся въ двухъ съ половиною миляхъ на востокъ отъ города. Мы проѣхали еще двѣ мили далѣе и остановились въ кругѣ, принадлежащимъ какому-то генералу.

11 числа. Дорога, по которой мы ѣхали весь этотъ день и вчерашній, также пролегала по песчаной мѣстности и каменистому грунту съ холмами по обѣимъ сторонамъ, покрытыми большими дубами и другими деревьями; но деревья съ лѣвой стороны дороги были лучше. Мы проѣхали два или три холма, пересѣкавшихъ намъ дорогу въ долинѣ. Въ полдень я уплатилъ 9 грошей за три ступы пива и три гроша за свинину. Остановились въ новомъ кругѣ, принадлежавшемъ Корналль Грунку, въ 4-хъ миляхъ отъ Стольпе, гдѣ я уплатилъ за пиво, яйца и постель—22 гроша съ половиною.

12 марта съ разсвѣтомъ направились къ р. Пусса, гдѣ находится дворянская усадьба, деревня, мельница въ разстояніи одной съ половиною мили и затѣмъ обѣдали въ Стольпе, маленькомъ городкѣ, который находится въ 10 миляхъ отъ Данта и въ 24 миляхъ отъ г. Штетина. Я заплатилъ здѣсь за пиво и уху (супъ изъ рыбы) семь грошей и за рыбу—три гроша, послѣ чего двѣ мили по ровной и безплодной мѣстности до маленькаго городка Слагъ, сдѣлавъ четыре мили. Около городка протекаетъ здѣсь рѣка, называемая . . . .; тутъ много красивыхъ рощъ и лѣсовъ. Этотъ городокъ пользуется болѣе значительными привилегіями, нежели другіе города. Я уплатилъ здѣсь за помѣщеніе 2 гильдера и 6 грошей и за кушанье—3 гроша. Этотъ городокъ имѣетъ развалившуюся кирпичную стѣну и валъ; фланкирующія башни находятся также въ разрушеніи.

13 числа мы ѣхали по болѣе плодородной и болѣе населенной мѣстности, миновали различныя деревни съ церквами и послѣ двухъ миль прибыли къ маленькому городку Занову, проѣхавъ по болотистой мѣстности, а потомъ по мосту чрезъ рѣку, называемую Грабовъ. Мы тутъ узнали, что отъ сего мѣста до берега моря всего около двухъ миль разстоянія, что земля очень плодородна и что тутъ, вдоль всего берега отъ Путска, живутъ поселяне, называемые Heekell boures; они зажиточные и обрабатываютъ поля, ихъ окружающія; доходы же съ полей собираются офицерами электора. Это мѣсто незащищенное. Отсюда мы сперва ѣхали по холму, называемому Гольденъ-бергъ, откуда имѣли очень красивый видъ кругомъ, во всѣ стороны, а затѣмъ спустились въ равнину и скоро прибыли въ городъ Кесслинъ. Это хорошенькій городокъ, обнесенный валомъ, при чемъ съ одной его стороны протекаетъ рѣка, а по другой тянется болото

Эта мѣстность называется Cassilia. Мѣстами каменный валъ города осыпался, а также и земляной, послѣдній вѣроятнѣе всего размытъ водою. Всѣ эти города, за исключеніемъ Слея, называются ampt town т. е., должностные города, они являются электоральными судебными городами, съ замками или точнѣе электоральными домами, въ которыхъ пребываютъ офицеры, называемые Amptman, имѣющіе по закону наблюденіе за городами и прилегающими къ нимъ землями, управленіе ими, а также и сборъ съ нихъ доходовъ и всякаго рода повинностей, а равно всякихъ причитающихся съ нихъ платежей, судебныхъ пошлинъ и сборовъ. Я заплатилъ тутъ за яйца, пиво и молоко, взятыя на обѣдъ, 13 грошей.

Проѣхавъ добрую милю, мы прибыли въ городъ Керлинъ, также электоральный замокъ или домъ, и переправившись чрезъ р. Персангу (при устьѣ которой находится городъ Кольбергъ), протекающую у города и замка, продолжали ѣхать двѣ мили, имѣя рѣку въ правой рукѣ, и миновали новыя деревни, находившіяся по обѣимъ сторонамъ дороги, а также многіе дворянскіе дома, весьма красиво расположенные.

Вся мѣстность была неплодородна. Мы обѣдали въ кругѣ, принадлежавшемъ ландрату Мандевиллю, это мѣсто въ трехъ миляхъ отъ Кольберга (приморскій портъ въ правой рукѣ, въ двухъ миляхъ отъ г. Трептова, главнаго мѣста всего округа, въ той же правой рукѣ). Мы уплатили тутъ 12 грошей и, проѣхавъ затѣмъ по плоской мѣстности, прибыли въ маленькій городокъ Платэ, съ двумя герцогскими дворцами, имѣя въ правой рукѣ Гриффенбергъ, а въ лѣвой Рогенвальдъ, два частныхъ владѣльческихъ городка. Платэ окруженъ старымъ, каменнымъ валомъ; тутъ же кругомъ протекаетъ рѣка и стоятъ мельницы. Прежде была также большая мельница въ деревнѣ Великій Сабовъ, лежащей въ правой рукѣ отъ города Гваркенбергъ. Мы тутъ уплатили 1 флор. 3 гроша и дали горничной на чай одинъ пенни. Здѣсь уговорился я съ моимъ фурманомъ о доставкѣ меня отъ штетинской дороги въ Берлинъ, за лишніе десять доллеровъ (dollers).

14 марта прибылъ въ Нейгардтъ, маленькій городокъ, съ разрушеннымъ валомъ и рвомъ съ водою, а также съ замкомъ, на сѣверной сторонѣ, окруженнымъ земляныиъ валомъ съ фланками и развалившимися башнями. Затѣмъ послѣ двухъ миль прибыли въ Марсавъ, маленькій городокъ, съ разрушившимся кирпичнымъ валомъ, а мѣстами и двойнымъ землянымъ рвомъ.

онъ принадлежитъ графинѣ... Проѣхавъ затѣмъ еще двѣ мили, мы прибыли въ Старргардъ, лучшій и красивѣйшій городъ Померанія, въ разстояніи пяти миль отъ г. Штетина, семнадцати миль отъ г. Берлина и пятнадцати отъ г. Позена. Старргардъ, а также Стольпе, Шланка и Кесслинъ управляются городскимъ совѣтомъ, а не амтманомъ, какъ другіе города. Съ сѣверной стороны Старргардъ очень сильно укрѣпленъ, имѣетъ кирпичный валъ съ башнями и кромѣ того еще и земляной; рѣка Іена образуетъ тутъ какъ бы ровъ съ водою, протекая по городу, гдѣ стоятъ мельницы. По другой сторонѣ находится сухой ровъ. Эта рѣка впадаетъ въ датское море, а та въ р. Одеръ.—Уплативъ за обѣдъ и за пиво 1 флор. 2 гроша, мы поѣхали далѣе, видѣли дорогою много небольшихъ деревень, но съ церквами и ночевали въ кругѣ, при р. Штромѣ, проѣхавъ двѣ мили. Я уплатилъ здѣсь за пиво—пять штверовъ и 1 далъ служанкѣ; за рыбу и молоко—пять грошей.

15 марта. Ѣхали по болотистой мѣстности къ р. Плоненакотъ, гдѣ имѣются развалины двухъ фортовъ, и перебрались по мосту, здѣсь устроенному, а затѣмъ свернули вправо къ деревнѣ Рисханъ, послѣ чего пріѣхали въ маленькій городокъ Перитсъ, въ плодородной мѣстности, изобилующей разными плодами и арбузами (melon). Онъ находится въ 3-хъ миляхъ отъ Старгарда и въ двухъ миляхъ отъ маленькаго городка Бона или Баненъ. Миновавъ затѣмъ много деревень, пріѣхали въ Баненъ, имѣющій обвалившійся кирпичный валъ и слѣды двойного земляного вала, а также на западной сторонѣ—озеро и болото. Мы проѣхали далѣе добрую милю до деревни Маріенталь, гдѣ обѣдали и уплатили 8 грошей да еще за рыбу 4 гроша. Миновавъ границы Помераніи и отъѣхавъ полторы мили далѣе, мы прибыли въ городъ Клейнбергъ. Въ полумилѣ отъ этого города и въ разстояніи десяти миль отъ Берлина (главнаго города Бранденбургской марки), начинается эта марка. Клейнбергъ очень красиво расположенъ и окруженъ кирпичною стѣною, обвалившеюся во многихъ мѣстахъ. Тутъ я уплатилъ за обѣдъ одинъ рейхсъ-талеръ.

16 числа мы проѣхали три мили, обѣдали у р. Одерѣ въ мѣстечкѣ Кустринкенъ и я заплатилъ за рыбу и пиво—семнадцать штюнеровъ и еще за обѣдъ—18 штюверовъ. Послѣ этого поѣхали песчаными полями и затѣмъ лѣсомъ къ большой рощѣ, по которой проѣхали четверть мили и остановились въ Фрегенвальдѣ,—маленькомъ городкѣ, съ каменными воротами, но безъ вала. Мы остановились въ постояломъ дворѣ и уплатили за пиво, свѣчи, яйца и масло—18 штюверовъ.

Фрегенвальде находится въ шести миляхъ отъ Берлина и въ такомъ же разстояніи отъ Кюстрина.

17 числа проѣхавъ три большія мили, мы обѣдали въ Вурицовѣ и уплатили десять штюверовъ. До Берлина оставалось три мили, и я заплатилъ за проѣздъ этихъ двухъ миль за меня и людей моихъ одинъ талеръ и 12 добрыхъ грошей, далъ горничной одинъ флоринъ, цырюльнику—два добрыхъ гроша, фурману—изъ Данцига—48 флор. и два флор. на водку и чтобы вывезти меня изъ города—два флорина.

Тутъ я встрѣтилъ гамбургскаго купца, ѣхавшаго съ Франкфуртской ярмарки, онъ убѣдилъ меня ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, обѣщая доставить меня днемъ ранѣе въ Гамбургъ, нежели возятъ обыкновенные возчики и дешевле. Я согласился и насъ, такимъ образомъ, поѣхало теперь семь человѣкъ, купецъ имѣлъ съ собою двухъ людей. Я выѣхалъ изъ Берлина въ той же шезѣ, въ которой пріѣхалъ изъ Данцига, но проѣхавъ немного, пересѣлъ за городомъ въ большую открытую повозку, которая была не совсѣмъ удобна.

18 числа проѣхали черезъ р. Шпрэ, по мосту, который имѣлся, и затѣмъ, отъѣхавъ одну милю далѣе, отдыхали въ кругѣ два часа и уплатили за всѣхъ насъ десять добрыхъ грошей.

19 числа—отъѣхавъ три мили, направились на Линумъ, близъ котораго шведы въ 16... году проиграли сраженіе съ бранденбургцами при Гакланборгѣ, а затѣмъ прибыли къ маленькому городку Фербелину, гдѣ въ сраженіи былъ взятъ въ плѣнъ Толь. Тутъ мы переѣхали по мосту и послѣ большого переѣзда прибыли въ Рутценъ,—деревню, принадлежащую дворянину, гдѣ отдыхали и обѣдали въ деревнѣ, въ разстояніи одной мили отъ Фербелина. Здѣсь мы добыли свѣжихъ лошадей, заплативъ за нихъ восемь талеровъ. Кромѣ того мы уплатили тутъ за обѣдъ девять добрыхъ грошей и затѣмъ пустились далѣе. Съ небольшаго холма мы могли видѣть около 36 церквей. Затѣмъ ѣхали деревнею Вильдборгъ, на небольшомъ ручьѣ, которая была укрѣплена, а затѣмъ чрезъ Каузеръ,—также деревня съ фортомъ, но безъ болверка. Тутъ я заплатилъ три добрыхъ гроша за двѣ мили, до другого мѣстечка, расположеннаго на острову со старымъ кирпичнымъ валомъ, называемаго Киретцъ, гдѣ уплатилъ за пиво, масло и хлѣбъ шесть добрыхъ грошей и, взявъ свѣжихъ лошадей, проѣхали еще три мили и переправились чрезъ рѣку Минъ, которая является границею владѣній электора Бранденбургскаго. Полъ. мили далѣе обѣдали въ деревнѣ, называе-

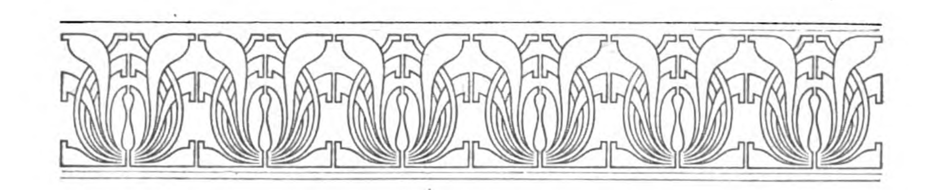
мой Керлинъ и уплатили, 14 грошей. Оставивъ въ лѣвой рукѣ Лентсъ, мы перебрались чрезъ р. Эльбу по мосту и прибыли къ дому дворянина и къ деревнѣ, называемой Бингъ, на р. Эльбѣ, а затѣмъ въ с. Трипке. Здѣсь уплатили за пиво, хлѣбъ и прислугу 13 грошей. Трипке—деревня въ трехъ миляхъ, гдѣ мы взяли свѣжихъ лошадей и пріѣхали въ Нейгаузъ на р. Эльбѣ, деревню въ 2-хъ миляхъ, гдѣ, взявъ снова свѣжихъ лошадей, проѣхали, въ ночное время, черезъ маленькій городъ Битцбургъ, гдѣ имѣется укрѣпленіе, принадлежащее герцогу Саксенъ-Лауенбургскому въ 2-хъ миляхъ. Затѣмъ при дневномъ уже свѣтѣ добрались въ Лауенбургъ, проѣхавъ одну милю. Онъ принадлежитъ саксонскому семейству, которое имѣетъ тутъ свой дворецъ. Затѣмъ одну милю далѣе мы смѣнили лошадей въ деревнѣ. проѣхали еще три мили до маленькаго города Баредорфа, принадлежавшаго ранѣе городамъ Гамбургу и Любеку, но теперь герцогъ Люнебургскій силою занялъ это мѣсто и въ немъ живетъ. Я остановился здѣсь на полчаса, пока справилъ свой переходъ и скоро затѣмъ 20 числа прибылъ въ Гамбургъ (2 мили). Во время этого переѣзда я видѣлъ много пріятныхъ домовъ и садовъ, принадлежащихъ городу Гамбургу, а также небольшой фортъ, гдѣ была кровавая стычка между подданными герцога Люнебургскаго и обывателями Гамбурга. Этотъ городъ очень пріятно и красиво расположенъ на рѣкѣ Эльбѣ и чрезвычайно удобенъ для торговли; это какъ бы настоящій центръ сѣверной части Европы, желающей имѣть хорошихъ сосѣдей и всякаго рода удобства.

22 марта. Въ этотъ день мужчина и женщина, граждане города, были ведены изъ тюрьмы къ дому, гдѣ совершено было убійство, и тутъ передъ домомъ каменными щипцами рвали у нихъ мясо съ рукъ и ногъ, а потомъ повели на мѣсто казни за городъ; тамъ они были колесованы. Въ этотъ вечеръ меня великолѣпно угостилъ г. Натаніэль Кембриджъ, англійскій резидентъ и главный торговецъ англійской компаніи.

23 числа. Нанявъ кучера по талеру въ день, я поѣхалъ въ Альтону, а оттуда къ рѣкѣ Сейдъ, гдѣ отправился на англійскій корабль, который былъ зафрахтованъ въ Лондонъ. Я далъ за доставку меня на бортъ корабля—марку и матросамъ на водку полъ талера. Получилъ письмо отъ моего зятя изъ Кіева и отъ г. Виніуса изъ Москвы отъ 9 февраля.

Сообщилъ **П. М. Майковъ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



Излеръ и „Минеральныя Воды“ въ 1849-мъ году.

Въ 1849-мъ году, во время холеры, свирѣпствовавшей въ Петербургѣ, среди понятной паники въ населеніи, Иванъ Ивановичъ Излеръ—содержатель сада „Минеральныя Воды“, или по-просту „Минерашекъ“ [1]), бодро продолжая угощать публику увеселеніями, однажды устроилъ концертъ, весь сборъ съ котораго пожертвовалъ въ пользу пострадавшихъ отъ ужаснаго бѣдствія.

О поступкѣ Излера было доложено Николаю I-му. Императоръ неожиданно явился въ „Минерашки“ на обычный концертъ и, вызвавъ Излера, сказалъ ему:—„Спасибо тебѣ, Излеръ, за доброе дѣло. Я пріѣхалъ лично поблагодарить тебя“.—Прослушавъ нѣсколько нумеровъ, Николай I уѣхалъ.

Излеръ, не знавшій, чѣмъ выразить свое удовольствіе, рѣшилъ угостить всю публику шампанскимъ. Появились лакеи съ бокалами на подносахъ.

Знаменитый цыганъ Илья Соколовъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, пропѣлъ тогда слѣдующіе куплеты, посвященные Излеру:

„Хвала тебѣ, нашъ Излеръ благородный,
„Несчастныхъ другъ и страждущихъ людей,
„Ты не умрешь и въ памяти народной
„Ты будешь жить на славу нашихъ дней.

* * *

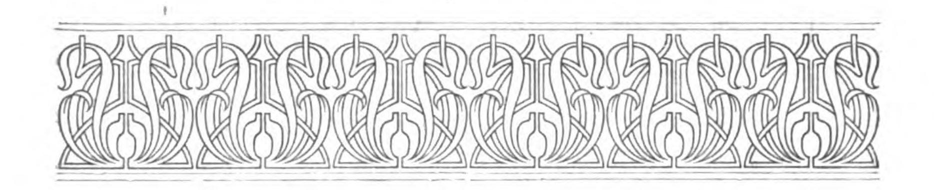
---

[1]) Тамъ, гдѣ теперь „Аркадія“.

„Въ тѣ дни, когда мы въ страхѣ трепетали
„И грозный бичъ тревожилъ всѣ умы,
„Въ твоихъ садахъ мы весело гуляли...
„Ты помнишь ли? Но не забудемъ мы!

Петербургское общество охотно посѣщало „Минерашки“, кушало вафли, приготовляемыя какою-то голландкою Гебгардтъ, и увлекалось цыганами. Представители „золотой“ молодежи вступали даже въ бракъ съ очаровательными цыганками.

Сообщилъ **В. А. Бернацкій.**



Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1]).

13 октября. Извѣстія болѣе утѣшительныя: въ Трансильваніи румынскимъ войскамъ удалось остановить натискъ превосходныхъ силъ противника, и въ Добруджѣ натискъ противника нѣсколько ослабѣлъ.

Французы у Вердена прорвали фронтъ германцевъ на 7 километровъ по фронту и на 3 километра въ глубину и взяли 3.500 плѣнныхъ а также знаменитый фортъ Дуомонъ. Англичане также продвинулись впередъ и укрѣпились.

Гаагскій корреспондентъ стокгольмской газеты „Sven. Dag." разсказываетъ объ инцидентѣ, на-дняхъ разыгравшемся съ первенцемъ императора Вильгельма въ окрестностяхъ потсдамскаго дворца. Послѣ объѣзда восточнаго фронта, гдѣ престолонаслѣдникъ посѣтилъ: Либаву, Митаву, Вильну и Ковель, германскій кронпринцъ, прежде, чѣмъ возвратиться въ свою штабъ-квартиру на западномъ фронтѣ—въ Метцъ, для свиданія съ супругой, остановился на нѣсколько дней въ Потсдамѣ. Здѣсь престолонаслѣдникъ съ кронпринцессой Цессиліей совершалъ по утрамъ утреннія прогулки на автомобилѣ, заѣзжая то въ ту, то въ другую усадьбу побесѣдовать съ поселянами. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ автомобиль кронпринца и его супруги остановился у усадьбы нѣкоей Ульманъ. Не успѣлъ кронпринцъ

[1]) См. „Русская Старина", мартъ 1917 г.

соскочить съ подножки автомобиля и открыть дверцу, чтобы помочь своей супругѣ сойти на землю, какъ на порогъ усадьбы выскочила немолодая простоволосая женщина (какъ оказалось, вдова усадьбовладѣльца Ульмана, съ двумя сыновьями въ эту войну убитаго подъ Верденомъ) и съ крикомъ:

— Вонъ, вонъ, Верденскій убійца!..

упала на землю и въ припадкѣ, съ пѣною у рта, стала кататься у ногъ ошеломленныхъ высокихъ гостей. Престолонаслѣдникъ не зналъ, что предпринять, съ кронпринцессой сдѣлалось дурно. Въ это время на крыльцо выскочили двѣ молодыя женщины—невѣстки старухи Ульманъ—и втащили обезумѣвшую свекровь въ домъ. Кое-какъ успокоивъ супругу, кронпринцъ усѣлся въ автомобиль и умчался въ Потсдамъ. Въ тотъ же день военная цензура особымъ распоряженіемъ въ редакціи берлинскихъ газетъ воспретила оглашеніе этого инцидента. Однако, о случаѣ съ кронпринцемъ узнали корреспонденты иностранныхъ газетъ, и въ одномъ изъ гаагскихъ изданій вскорѣ была напечатана спеціальная телеграмма изъ Берлина, съ изложеніемъ происшествія [1]).

Принцъ Генрихъ прусскій назначенъ главнокомандующимъ германскимъ флотомъ, и кайзеръ торжественно заявилъ, что пострадавшія суда въ битвѣ у Скагерака исправлены, и погибшія замѣнены новыми, и что германскій флотъ опять готовъ напасть на англійскій.

Германскій офицеръ, потопившій „Лузитанію“ лейтенантъ, командиръ Максъ Валентинеръ, сынъ высшаго духовнаго лица въ Зонденбургѣ. Когда „Лузитанія попала“ въ районъ его обстрѣла, то онъ выпустилъ мину и хотя убѣдился, что она попала въ цѣль и пароходъ получилъ смертельное поврежденіе, онъ всетаки выпустилъ вторую мину для того, чтобы ускорить гибель судна. За одно изъ самыхъ страшныхъ убійствъ въ исторіи цивилизованнаго міра кайзеръ наградилъ Валентинера желѣзнымъ крестомъ.

---

[1]) „Бирж. Вѣд.“ № 15854—1916 г.

На юго-западномъ фронтѣ:

За послѣднее время были неоднократные случаи, что нѣмцы оставляли электрическіе фонари, которые при употребленіи оказывались маленькими адскими машинами и взрывались съ сильнымъ разрушительнымъ дѣйствіемъ.

Г. Ренниковъ [1]) приводитъ рядъ интересныхъ разсказовъ, во время своего небольшого путешествія по Бѣлому морю и его берегамъ.

У Чесской губы, существуетъ село Неша. Оно отрѣзано отъ міра лѣтомъ и можетъ сообщаться съ губерніей только зимою. Здѣсь давно женщины достигли того, о чемъ мечтаетъ у насъ г-жа Шабанова. Ходятъ онѣ въ мужскомъ костюмѣ, стригутъ волосы, ведутъ самостоятельно безъ мужчинъ свое хозяйство, а если почувствуютъ къ кому-нибудь нѣжное чувство, то идутъ навстрѣчу этому чувству безъ всякихъ формальностей, пока не надоѣстъ. Дѣти здѣсь у той и у другой стороны—общія, при чемъ дѣлятся этими дѣтьми полюбовно, безъ консисторіи и окружнаго суда.

А европейская культура тутъ прививается, понятно, трудно. Взять хотя бы свиней, которыхъ на рѣкѣ Мезени пробовалъ развести одинъ изъ лѣсничихъ. Привезъ этихъ свиней лѣсничій въ село Койнасъ въ мѣшкѣ и случайно не досмотрѣлъ: свиньи разбѣжались. Въ Койнасѣ поднялась паника. Не видавшіе никогда свиней, койнасцы сначала попрятались по избамъ, а потомъ отправили къ лѣсничему депутацію: пусть, молъ, сдѣлаетъ клѣтку и запретъ своихъ звѣрей, иначе придется стрѣлять въ нихъ. Съ трудомъ лѣсничему удалось убѣдить койнасцевъ, что свиньи полезныя домашнія животныя, что такія культурныя европейскія страны, какъ, напримѣръ, Германія, почти цѣликомъ выросли на свиньяхъ, и что въ послѣднее время не столько собака, сколько свинья стала истиннымъ другомъ человѣка.

Интересный случай, какого не встрѣчалъ никогда въъ жизни, пришлось наблюдать здѣсь въ кандалакской церкви. Отслуживъ молебенъ, епископъ Наѳанаилъ вступилъ съ крестьянами въ бесѣду относительно ихъ

---

[1]) „Нов. Вр.“ 13 окт. 1916 г.

нуждъ и наболѣвшихъ вопросовъ. И вотъ крестьяне начинаютъ жаловаться на своего священника о. Павла, который случайно въ эти дни былъ въ отъѣздѣ.

— Ужъ уговорите его, ваше преосвященство! Такъ нельзя. Это не годится.

— Что такое, о чемъ вы?

— Да все объ о. Павлѣ, ваше преосвященство. Не беретъ денегъ съ насъ о. Павлелъ ни копѣйки. Развѣ это порядокъ?

— Вѣрно, вѣрно,—раздается хоромъ.—Что же за порядокъ: батюшка, а денегъ не принимаетъ!

— Мы его уже просили, ваше преосвященство. Пусть назначитъ, сколько за что. Или смотря по бѣдности, съ каждаго сколько каждый можетъ. Ничего слушать не хочетъ. Видимъ мы, какъ ему трудно-то съ семьей. И живетъ тѣсно и бѣдно. А хоть бы что! Самъ рыбки наловитъ— и питается.

— Ну, вы бы ему добровольными приношеніями помогали,— совѣтуетъ преосвященный.—Кто рыбы, кто хлѣба.

— Не беретъ, ваше преосвященство! Заставить его нужно. Святой очень онъ у насъ!

Наѳанаилъ задумывается. Такой рѣдкій казусъ не легко рѣшить въ епархіальной практикѣ.

— Не могу ничего сдѣлать, дѣти мои,—говоритъ наконецъ преосвященный.—Если не хочетъ брать, то это его воля, заставлять не могу. А вы ему домъ постройте, помогайте трудомъ, облегчите жизнь. И ведите себя такъ, чтобы радовать его своимъ поведеніемъ, что и будетъ вознагражденіемъ.

— Ужъ мы стараемся, ваше преосвященство!

— Мы его уважаемъ и любимъ, можно сказать, очень!

---

14 октября. Румыны въ Трансильваніи стали устойчивѣй, а въ Добруджѣ наши и румыны отходятъ къ сѣверу отъ линій Гирсово—Кастапъ Кіой.

Борющійся противъ державъ согласія германскій волкъ, хотя давно уже прекратилъ попытки къ большимъ наступленіямъ, тѣмъ не менѣе постоянно старается производить впечатлѣніе готовности къ наступательнымъ операціямъ. Съ этой цѣлью на всѣхъ фронтахъ въ угрожаемыхъ участкахъ сосредоточиваются соотвѣтственно крупныя силы. Наибольшей плотности расположеніе непріятеля достигаетъ на французскомъ фронтѣ. Тамъ, на протяженіи 600 верстъ, собрано приблизительно 125 дивизій.

Слѣдующій по плотности фронтъ—это нашъ. Здѣсь одна германская дивизія приходится на 10 верстъ, и всего, слѣдовательно, на протяженіи 1.300 верстъ сосредоточено около 130 дивизій. На итальянскомъ фронтѣ 30 дивизій приходится на 450 верстъ, или одна дивизія на 15 верстъ. Далѣе, въ Трансильваніи и на македоно-албанскомъ фронтахъ 16—18 дивизій занимаютъ протяженіе въ 550—600 верстъ, что составляетъ въ среднемъ одну дивизію на 35 верстъ.

Исходя изъ приведенныхъ данныхъ, можно считать, что на европейскихъ фронтахъ и на Балканахъ противникъ имѣетъ всего около 340—345 дивизій. Изъ нихъ 230 германскихъ, 85 австро-венгерскихъ, 19—20 болгарскихъ и отъ 5 до 6 турецкихъ. Такъ какъ дивизія состоитъ въ среднемъ изъ 15.000 человѣкъ, то въ общемъ у германцевъ имѣется здѣсь около пяти милліоновъ бойцовъ. Въ этомъ числѣ нужно считать кавалерію и артиллерію.

Изъ приведеннаго числа дивизій около 10—15 дивизій находятся во внутреннемъ резервѣ. Затѣмъ въ Азіатской Турціи, въ предѣлахъ Босфора, Дарданеллъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ оперируетъ около 45 дивизій. Такимъ образомъ, общую численность непріятельскихъ войскъ можно считать приблизительно въ шесть милліоновъ.

Войска эти распредѣлены слѣдующимъ образомъ: на французскомъ фронтѣ около 1.800.000, на русскомъ—2.000.000, на итальянскомъ — 450.000, въ Трансильваніи—250.000, въ Добруджѣ—150.000, на македоно-албанскомъ фронтѣ 250.000 и, наконецъ, внутреннихъ резервовъ около 150—200.000.

Г. Лагофетъ въ „Развѣдчикѣ“ [1]) приводитъ такія картинки съ фронта:

Въ одномъ изъ блиндажей, изъ котораго только-что выбили германцевъ, собирается значительное число стрѣлковъ, толпящихся около входа и входящихъ внутрь помѣщенія. Характерный запахъ спирта разносится по воздуху. Вся эта группа тотчасъ же привлекаетъ къ себѣ вниманіе командира роты, уже находящагося далеко впереди.

— Подпрапорщикъ, узнайте, что тамъ такое, и гоните этихъ ротозѣевъ сюда,—кричитъ онъ пожилому фельдфебелю, который уже и самъ, замѣтивъ что-то неладное, бѣжитъ къ блиндажу.

---

[1]) „Развѣдчикъ“ № 1352—1916 г.

Черезъ нѣкоторое время изъ блиндажа слышится сердитый голосъ подпрапорщика, и оттуда къ ротному командиру подбѣгаетъ посланный съ докладомъ.

— Рому бочку нашли и всякихъ иныхъ напитковъ... Просятъ разрѣшить по стаканчику выпить... съ устатку... подпрапорщикъ спрашиваютъ, какъ прикажете.

Поручикъ, разомъ уяснивъ себѣ могущія быть послѣдствія, отрывисто, но вполнѣ твердо отдаетъ приказаніе:

— Бочку разбить и все на землю вылить, бутылки же перебить... и подожечь все сейчасъ же.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ блиндажа поднимается свѣтлый дымокъ, а стрѣлки съ видомъ разочарованія бѣгутъ къ своей ротѣ, подгоняемые крѣпкимъ словомъ подпрапорщика.

— Это уже не первая находка,—разсказываетъ ротный командиръ.—Теперь у нѣмцевъ и австрійцевъ повидимому ввели правило при отходѣ и оставленіи окоповъ обязательно оставлять въ нихъ большіе запасы спиртныхъ напитковъ; очевидно, они разсчитываютъ, что атакующіе, найдя ромъ и вино, сейчасъ же начнутъ его пить и, напившись, сдѣлаются совершенно негодными къ бою, вслѣдствіе чего ихъ и легко будетъ выбить изъ занятыхъ ими окоповъ или же еще легче уйти отъ преслѣдованія.

Почти во всѣхъ непріятельскихъ окопахъ приходится находить и уничтожать массу вина!

— — —

Испуганныя выстрѣлами, всѣ птицы по-одиночкѣ летятъ назадъ, и лишь собравшись въ огромныя стаи, по направленію боя летитъ воронье, оглашая поля своимъ зловѣщимъ крикомъ.

— У, погань, кровь чуютъ,—сердито бросаетъ пожилой вахмистръ, видя, какъ почти изъ подъ ногъ лошадей поднимается воронья стая.

— И какъ только они узнаютъ, гдѣ бой идетъ, прямо какъ будто и они приказъ читаютъ. Въ обыкновенное время ихъ нигдѣ не видать, а чуть начнется наступленіе, сейчасъ же ихъ цѣлыя тучи появляются не иначе, какъ другъ другу вѣсть даютъ...

— — —

Грабежи мародеровъ тыла достигли крайнихъ предѣловъ дальше которыхъ идти нельзя. Конечно, самый больной вопросъ для каждаго изъ насъ это вопросъ о хлѣбѣ насущномъ и въ какомъ же онъ положеніи находится?

До войны Россія кормила хлѣбомъ всю Европу при ежегодномъ вывозѣ хлѣба болѣе милліарда пудовъ. Съ начала войны вывозъ хлѣба прекратился, запасы его остались внутри страны, и затѣмъ произошло ужасающее для Россіи явленіе: хлѣба якобы стало мало, хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ, и его стали продавать испеченымъ ужасающаго качества. Для того чтобы получить этотъ жалкій хлѣбъ, даже въ столицѣ Имперіи, въ Петроградѣ теперь, передъ булочными стоятъ длинные хвосты обывателей. Въ августѣ въ Москвѣ мало было чернаго хлѣба. Невольно возникаетъ вопросъ, гдѣ скрыты милліарды пудовъ хлѣба? На хлѣбныя зерна установили недавно твердыя цѣны, по которымъ его мало продаютъ. Для муки твердыхъ цѣнъ нѣтъ. Какъ ни распинаются отдѣльныя лица улучшить невозможное положеніе, изъ этого пока еще ничего не выходитъ.

Свѣдущіе люди говорятъ, что нынѣшній урожай, лучше прошлаго года, что хлѣбные запасы хранятся въ амбарахъ господъ мукомоловъ, хлѣботорговцевъ и биржевиковъ, т. е. въ ихъ хлѣбныхъ амбарахъ запасы зерна исчисляются въ милліардъ пудовъ. Мукомолы покупаютъ мѣшокъ за 10 и 11 рублей, продаютъ его за цѣны 25, 27, 30 и 35 рублей. Они скупили хлѣбъ по дешевымъ цѣнамъ и держатъ его въ своихъ пакостныхъ рукахъ, что же надо дѣлать съ этими позорными людьми, имя коимъ мукомолы, хлѣботорговцы и биржевики. Съ нихъ надо начать прекращеніе вакханаліи мародерства тыла. Ихъ запасы надлежитъ реквизировать, необходимо отказаться отъ денежныхъ штрафовъ.

Надо судить ихъ военнымъ судомъ — тюрьма, арестантскія роты и висѣлица должны быть карами этихъ позорныхъ людей.

Нельзя медлить въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ обезпеченіе населенія продовольственными и другими запасами.

Трудно представить болѣе дикое явленіе: урожай, слава Богу, лучше прошлаго года. Запасовъ зерна милліардъ пудовъ. Хлѣбъ отвратительнаго качества и его обывателю можно купить, простоявъ 4 часа въ длинномъ хвостѣ.

Пишутъ, министерство земледѣлія и внутреннихъ дѣлъ оспариваютъ другъ у друга верховодительство по продовольственному дѣлу.

Полный позоръ для правительства: вмѣсто объединенія кабинета министры дѣйствуютъ враждебно другъ противъ друга и противъ Россіи.

Министръ путей сообщенія вѣщаетъ, что у него много вагоновъ стоятъ пустыми. Изъ одной губерніи въ другую не пропускаютъ припасовъ. Только министерство народнаго довѣрія можетъ спасти Россію отъ продовольственнаго краха.

15—18 октября. Приходится слышать мнѣніе, что видную роль въ устройствѣ довольствія страны надо возложить на частные банки, т. е. на тѣ учрежденія, которыя въ дѣлѣ продовольствія имперіи внесли такую разруху.

Германскія подводныя лодки блокируютъ побережье Норвегіи и топятъ норвежскіе пароходы.

Собираются думскіе депутаты, происходятъ засѣданія бюро прогрессивнаго блока. Обсуждался продовольственный вопросъ. Заключеніе по этому вопросу предложено внести въ бюджетную комиссію Государственнной Думы. Составленіе заключенія предложено выработать П. Н. Милюкову и В. В. Шульгину.

Во французскомъ лагерѣ при Майи устроенъ для нашихъ войскъ православный храмъ. Зданіе для православной церкви построено въ видѣ полевого барака, изящно отдѣланнаго, съ водруженными надъ нимъ православнаго образца крестами. Въ моментъ прибытія русскихъ войскъ стѣны зданія расписывались въ русскомъ стилѣ. Отдѣлку церкви закончили французскіе художники, пользуясь указаніями прибывшихъ съ войсками православныхъ русскихъ священниковъ. Французскими же художниками былъ прекрасно написанъ православный иконостасъ.

Богослуженія въ этомъ храмѣ стали совершаться неопустительно въ праздничные и воскресные дни, и въ будни—сообразно обстоятельствамъ или требованіямъ церковнаго устава.

Православный храмъ въ военномъ лагерѣ сталъ предметомъ глубокаго и трогательнаго вниманія со стороны всѣхъ, кто посѣщалъ лагерь. Первымъ почетнымъ гостемъ храма былъ генералъ Гуро, герой, котораго боготворитъ вся Франція. Въ составъ войскъ, находящихся подъ его командой, вошли и русскія войска.

Генералъ Гуро извѣстенъ во всей Франціи какъ человѣкъ искренно и глубоко вѣрующій. При посѣщеніи лагеря русскихъ

войскъ онъ выразилъ желаніе непремѣнно быть въ русской церкви.

Православные военные священники отдали должное имени героя и его душевному настроенію.

Въ епитрахили съ крестомъ въ рукахъ, священникъ привѣтствовалъ Гуро слѣдующими словами:

„Ваше превосходительство. Русскія войска, только-что представлявшіяся вамъ, знаютъ о вашей доблести и чисто христіанскомъ мужествѣ въ борьбѣ со злымъ и хитрымъ врагомъ вѣры Христовой. Въ нашемъ лицѣ они молятъ Господа Бога о ниспосланіи вамъ благодатной помощи въ предстоящихъ вамъ боевыхъ трудахъ и какъ военачальнику и какъ одному изъ лучшихъ солдатъ славной французской арміи. Да благословитъ васъ Богъ".

При послѣднихъ словахъ священникъ осѣнилъ генерала Гуро крестомъ, а генералъ подошелъ къ священнику и благоговѣйно приложился къ кресту. Затѣмъ онъ, въ свою очередь, отвѣтилъ кратко, но опредѣленно и съ выраженіемъ глубокой убѣжденности сказалъ, что „войска, воодушевленныя вѣрой въ Бога, непремѣнно достигнутъ побѣды".

Въ сопровожденіи священниковъ Гуро осмотрѣлъ весь храмъ, весьма внимательно отнесся къ объясненіямъ объ устройствѣ храма и съ большимъ интересомъ разсматривалъ образа Иверской иконы Божіей Матери, архистратига Михаила, Александра Невскаго и выслушалъ краткую исторію образовъ и отношенія къ нимъ православнаго вѣрующаго міра.

Поблагодаривъ духовенство, Гуро отбылъ изъ церкви для дальнѣйшаго осмотра лагеря. Это было 2 мая.

13 мая лагерь посѣтилъ президентъ Французской республики Пуанкарэ и также счелъ своимъ долгомъ быть въ русской церкви.

Какъ и генерала Гуро, президента священникъ привѣтствовалъ рѣчью и осѣнилъ крестомъ.

Пуанкарэ благодарилъ за привѣтъ и сказалъ, что всюду, гдѣ бы ни были русскія войска, Франція позаботится о томъ, чтобы дать имъ возможность молиться по ихъ культу.

Послѣ этого президенту республики былъ показанъ храмъ и даны объясненія относительно его устройства.

Въ Кіевѣ арестованы, по распоряженію военныхъ властей, сахарозаводчики И. Б. Бабушкинъ и Ю. Гепнеръ.

Арестъ былъ произведенъ въ ночь на 13-е октября, по предписанію высшихъ военныхъ властей, распорядившихся произвести у И. Б. Бабушкина и Ю. Г. Гепнера обыскъ и, независимо отъ результатовъ его, подвергнуть обоихъ сахарозаводчиковъ аресту.

Въ производствѣ обысковъ и арестовъ принимали участіе чины полиціи.

Одновременно съ Ю. Г. Гепнеромъ арестованъ и его братъ, завѣдывающій его сахарной конторой, П. Г. Гепнеръ.

Арестованные И. Б. Бабушкинъ, Ю. Г. Гепнеръ и П. Г. Гепнеръ ночью же подъ усиленнымъ конвоемъ были переведены въ Лукьяновскую тюрьму.

Аресты Бабушкина и Гепнера произвели ошеломляющее впечатлѣніе на кіевскихъ сахарозаводчиковъ и вызвали въ городѣ сенсацію [1]).

19—20 октября. Въ иностранныхъ газетахъ сообщаютъ довольно опредѣленно, что Гинденбургъ, передъ принятіемъ главнаго командованія, поставилъ кайзеру непремѣнное условіе—полную самостоятельность дѣйствій, и Вильгельмъ на это согласился.

Въ Харьковѣ на многолюдномъ совѣщаніи по вопросу о хлѣбной повинности, какъ передаетъ „Южный Край“, уполномоченный министерства земледѣлія по хлѣбнымъ заготовкамъ заявилъ, что въ то время, какъ наши русскіе города въ Харьковской губерніи—этой житницѣ Россіи, не могутъ получить ни куля хлѣба, въ Финляндію хлѣбъ вывозится въ громадномъ количествѣ и безпрепятственно. Финляндскій сенатъ даетъ колоссальные наряды на вагоны, и всѣ мукомолы и спекулянты грузятъ муку для Финляндіи съ необычайной готовностью и поспѣшностью. Что это значитъ?

Г. еньчковскій [2]) передаетъ, какъ трогательно заботливо относятся въ бою наши старые солдаты къ молодымъ:

— Только это я раздумываю, какъ слѣва, въ сосѣдней ротѣ, „ура“ грянуло, добрались, значитъ. Мои повскакали и

[1]) „Рус. Сл.“ № 239—1916 г.
[2]) „Нов. Вр.“ 20 окт. 1916 г.

впередъ, а этотъ желторотый, что есть духу впереди всѣхъ. Свищу, кричу, не тутъ-то было, удержишь ихъ саврасыхъ!

— „Онъ"-то оглядѣлъ, да на насъ тоже въ атаку. Вижу, дѣло не плохо, а съ умомъ его нужно дѣлать,—обойтить съ лѣваго флангу, гдѣ уже въ окопы наши ворвались, и дѣлу конецъ. Мои-то такъ и сдѣлали, лѣвѣе забираютъ, только малецъ въ сторонѣ остался и претъ впередъ.

— Ложись, бѣглымъ огнемъ ихъ окаянныхъ!—кричу. Прилегли и стали стрѣлять, малецъ тоже стрѣляетъ. „Они" повернули и назадъ въ окопы, мы за ними. Малецъ же опять впередъ удираетъ, назадъ не обернется. Увидалъ его этотъ самый нѣмчура, и къ нему. Смотри, смотри,—кричу,—стрѣляй.

— Ничего не выходитъ; бѣгутъ другъ на друга и, того гляди, штыками столкнутся. Побѣгъ его выручать, да пуля проклятая въ ногу попала, замѣшкался. Вижу, они совсѣмъ рядомъ а мой штыкомъ промахнулся, другъ другомъ скачутъ.

— Ковыляю, а все бѣгу на выручку. Вижу, нѣмецъ изловчился, и моего бацъ въ бокъ штыкомъ. Тотъ кубаремъ далеко отлетѣлъ и поднимается, а нѣмчура къ нему.

— Что ты нехристь, ты окаянный, не вишь: дите передъ тобою!—ору что есть мочи и наперерѣзъ къ нему.

— Нѣмчура ужъ штыкъ занесъ, чтобы мальца приколоть, да тутъ я самъ подоспѣлъ и его въ брюхо важно прикололъ. Свалился и встать не можетъ. Отдышался я, ногу перевязалъ, мальцу бокъ посмотрѣлъ, рана малая, больше ушибъ его нѣмецъ. А нѣмчура лежитъ и охаетъ, кровь изъ брюха брызжетъ. Далъ онъ мнѣ свою перевязку и по-евоному проситъ помочь.

— Что-жъ думаю, тоже Божья душа, грѣхъ обидѣть и не помирать же ему изъ-за такой малости. Перевязалъ его, пойдемъ, говорю. Не можетъ; самъ сѣсть не умѣетъ. Ну, подняли и понесли. Винтовку его ему въ руку сунулъ, и кулакомъ пригрозилъ, чтобъ не потерялъ.

— Такъ четыре версты несли, разъ тридцать отдыхали.

— А наши ихнія позиціи все-таки забрали, баютъ, что нѣмцы какъ овцы удираютъ!

— Ахъ, малецъ, малецъ, попуталъ ты меня, не въ жисть бы въ сей разъ меня не ранило.

Противно слушать извѣстія, что компанія державъ согласія улучшила свои отношенія къ рабу кайзера и его сестры—Константину Греческому. Какъ дважды два четыре видно, что толку

изъ этого улучшенія не будетъ никакого. Передаютъ, что на первомъ планѣ поддерживаются династическіе интересы.

По распоряженію военныхъ властей, въ ночь на 17-е октября арестованъ прибывшій въ Петроградъ директоръ кіевскаго отдѣленія Русскаго для внѣшней торговли банка директоръ-распорядитель Александровскаго и Корюковскаго товариществъ сахарныхъ заводовъ, директоръ Кіевскаго страхового общества „Саламандра" и директоръ ряда других крупныхъ предпріятій А. Ю. Добрый [1]).

Недавно Жоффръ приказомъ по арміи рекомендовалъ книгу капитана Андре Лафарга „Ученіе объ атакѣ". Въ этой книгѣ авторъ придаетъ громадное значеніе равненію солдатъ во время атакъ. Самые трусливые, если имъ внушалось, что они должны идти въ ровной линіи съ остальными товарищами, оказывались храбрецами. Для атакующихъ массъ самымъ бодрительнымъ окликомъ было: „Равняйтесь". Опытъ послѣднихъ мѣсяцевъ, примѣненный во второй французской арміи, показалъ, что этотъ методъ приноситъ великолѣпные результаты. Солдаты идутъ въ атаку, какъ на парадѣ, и быстро выполняютъ данное имъ заданіе.

Секретъ этотъ уже давно разгаданъ нашимъ Драгомировымъ въ его поученіяхъ „равненіе по переднимъ".

Разсказываютъ, что въ большихъ и малыхъ аптекарскихъ магазинахъ снова появились свѣжаго розлива карлсбадскія воды, одно время исчезнувшія съ рынка, маріенбадскія редукціонныя пилюли Шиндлеръ-Барная продаютъ у насъ теперь даже по обыкновенной цѣнѣ, регулинъ, валидоль, бониваль и прочіе продукты знаменитой фирмы Бауера можно найти во множествѣ петроградскихъ аптекарскихъ складовъ. Все это находитъ сбытъ и какой! Берутъ съ бою, только дайте!

21—23 октября. Желая отвлечь наше вниманіе отъ поддержки Румыніи, германцы въ нѣкоторыхъ частяхъ галиційскаго фронта ведутъ отчаянныя атаки на наши передовые окопы, поддерживая атаку ураганнымъ огнемъ артиллеріи.

Дипломатія согласія все улучшаетъ свое положеніе къ королю Константину, а король Константинъ, разумѣется, остается

[1]) „Рус. Сл." 1916 г. № 240.

отчаяннымъ нѣмцелюбомъ. Политика идетъ однимъ путемъ, а жизнь другимъ, сегодня извѣстія изъ Аѳинъ сообщаютъ: въ виду новыхъ манифестацій противъ союзниковъ въ Аѳинахъ, адмиралъ Фурне высадилъ французскихъ моряковъ, которые и заняли городской театръ.

Священникъ Александръ Агешикъ [1]) описываетъ трогательныя сцены на перевязочномъ пунктѣ. Раненыхъ быстро общими силами сортируютъ. Среди лежащихъ на телѣгахъ есть уже умершіе по пути—ихъ относятъ за палатку, покрывая сверху ихъ окровавленными шинелями, есть настолько тяжелые, что не подаютъ никакихъ признаковъ жизни—такихъ стараются въ первую голову взять на перевязку. Тяжелыхъ раненыхъ—въ животъ, грудь и голову съ раздробленіемъ костей относятъ на носилкахъ въ одну палатку, легкихъ направляютъ или несутъ въ другую, а тѣхъ, кто можетъ самостоятельно двигаться, располагаютъ на разостланной соломѣ подъ деревьями, такъ какъ въ палаткахъ не хватаетъ мѣста для всѣхъ. А раненые все прибываютъ. Молчатъ, стиснувъ зубы отъ нестерпимой боли, но когда приходится поднимать страдальцевъ съ телѣгъ, класть на носилки, нести въ палатки, и ихъ нечеловѣческое терпѣніе истощается. Кричатъ, молятъ.

— Осторожнѣй, потише, ради Бога, братцы, полегче, ой, не выдержу! Докторъ, скорѣе отрѣжьте ногу или что сдѣлайте, не могу терпѣть.

— Полно, братъ, чего раскисъ, рана пустячная, черезъ мѣсяцъ хоть танцовать иди,—ободряетъ, какъ можетъ, фельдшеръ растянувшагося во всю длину телѣги молодца-развѣдчика съ двумя георгіевскими крестами на богатырской груди.

— Ой, яки тамъ танцы; у мене живетъ пробитый и кишки лѣзутъ; батюшка, попросите, чтобы скорѣе перевязали, а то не выдержу.

Раненыхъ въ животъ мучитъ страшная жажда, они просятъ, молятъ глотокъ воды и непремѣнно холодной. Мало не дать воды, надо объяснить, что этотъ глотокъ воды можетъ погубить его.

— Хоть одну каплю, батюшка, горло давитъ, не выдержу.

Вытераешь ротъ мокрымъ полотенцемъ, смачиваешь языкъ нѣсколькими каплями церковнаго вина, и сколько благодарности въ этихъ лихорадочно блестящихъ глазахъ!

---

[1]) „Н. В." 1916 г. № 45912.

Вотъ гдѣ видны ужасы войны, не тамъ на боевой линіи, гдѣ черезъ упавшихъ однихъ бѣгутъ другіе бодрые и сильные, гдѣ надъ стонами первыхъ берутъ верхъ побѣдные клики вторыхъ, а здѣсь, на этой Голгоѳѣ русскаго народа. Здѣсь можно увидѣть много новаго и важнаго въ великой душѣ русскаго человѣка и прежде всего его необычайное, святое терпѣніе. Вотъ бравый развѣдчикъ съ зеленой каймой на залитой кровью гимнастеркѣ. Черезъ сбившуюся повязку изъ широкой раны на животѣ видно что-то красное—сальникъ, а онъ, герой, разсказываетъ мнѣ о своихъ подвигахъ, за которые получилъ два Георгія, проситъ послѣ смерти его отослать ихъ въ родное село Смоленской губ., „на память родителямъ и всему селу", проситъ передать имъ низкій поклонъ и поставить свѣчку „за мою душу".

Типичный малороссъ-полтавецъ съ пробитой грудью, съ трудомъ дыша, проситъ „дать сновідъ" и прерывающимся гососомъ разсказываетъ о своей семьѣ. Жена и 5 человѣкъ дѣтей. Живутъ въ чужой хатѣ. Передъ войной купилъ „плацъ", еще остался долженъ за него сто рублей, хотѣлъ построить свою хату:

— Напишите, батюшка, что я раненъ, но не тяжело, а тамъ, Богъ дастъ, вернусь, хоть калѣкой какъ-нибудь справлюсь—и долгъ выплачу и хату „збудную".

Нервы не выдерживаютъ, хочется закрыть лицо руками и рыдать. Но надо быть спокойнымъ.

— Батюшка, скажите—я скоро умру?

— Да что ты голубчикъ, у тебя переломъ ноги. Если даже придется отнять, то и то еще не послѣднее дѣло. Теперь прекрасно пристраиваютъ и безплатно искусственныя ноги—будешь ходить.

— Ну, какая бы нога ни была, все не то, что своя родимая.

— Батюшка—нельзя ли, чтобы скорѣй на перевязку... Пить, пить... Подняться мнѣ нужно!

Скоро становлюсь знакомымъ со всей палатой. Подходы къ живой душѣ открыты, раненые немного успокоились—можно приступить и къ исполненію чисто пастырскаго долга.

— Братцы, вы тяжело ранены, помолимся съ вами, призовемъ Господа, чтобы Онъ далъ вамъ силу перенести ваши тяжкія страданія. Желающіе могутъ поисповѣдываться и причаститься. Кто хочетъ принять Святыя Тайны во исцѣленіе души и тѣла?

— Я, батюшка, я хочу, меня причастите,—слышится со всѣхъ сторонъ. Просятъ почти всѣ страдальцы, ждутъ, ищутъ помощи свыше.

Въ углу палатки лежитъ рослый, крѣпкій татаринъ-кавалеристъ, съ типичнымъ скуластымъ лицомъ и узкими глазами. У бѣдняги прострѣлена грудь, очевидно, задѣты легкія—съ трудомъ дышитъ.

— Батюшка, ты и меня причасти, пожалоста не откажи, Богу за тебя молиться буду.

— Но ты вѣдь, голубчикъ, татаринъ, тебя нельзя причастить.

— Я хочу быть христіанинъ, только пожалоста не откажи.

— Послѣ, послѣ поговорю съ тобой.

Закинувъ за голову руки лежитъ, стиснувъ зубы, молодой развѣдчикъ. На лицѣ не только страданіе, но и какое-то злостное отчаяніе. Раненъ въ животъ—ненадежный, но на вопросъ мой, обращенный ко всѣмъ, молчитъ.

— Тебѣ бы, голубчикъ, тоже нужно причаститься—рана у тебя тяжелая, попросимъ помощи у Господа.

— Нѣтъ, не надо,—отчеканиваетъ онъ,—спасибо вамъ, батюшка, но не надо—мнѣ ужъ все равно, ничто мнѣ не поможетъ, чувствую, что что-то сидитъ у меня вотъ тутъ. Попросите, чтобы скорѣй меня перевязали.

— Хорошо, попрошу, но ты не волнуйся, успокойся, прибодрись. Если будешь унывать духомъ, хуже тебѣ будетъ. Крѣпись, тогда и перевязку перенесешь легче, осколокъ извлекутъ, можетъ быть, Богъ дастъ тебѣ силу подняться. А я что могу, то радъ тебѣ сдѣлать для твоего облегченія. Какъ звать тебя, откуда ты?

Доброволецъ изъ Вятской губ. Василій Воронинъ, два брата на войнѣ, дважды былъ раненъ, на груди двѣ георгіевскія медали, дома старики родители, зажиточные люди. Изъ глазъ вдругъ брызнули спасительныя слезы, исчезло злобное выраженіе лица, оно стало доброе, наивно-довѣрчивое, какъ у ребенка, и весь онъ сталъ ласковый, мягкій, какъ воскъ.

— Батюшка, неужели я умру? Ну, все равно не даромъ: билъ я нѣмцевъ здорово, ненавижу ихъ. О, много я ихъ выбилъ, и если бы Богъ далъ подняться, я бы имъ еще показалъ себя. Неужели я умру?

— Нѣтъ, не умрешь, встанешь, въ тебѣ такъ много еще силы. Только не падай духомъ, проси помощи у Бога.

— И причащающіеся и не причащающіеся всѣ помолимся усердно Господу Богу, чтобы далъ вамъ Онъ силы Своей и облегчилъ ваши тяжкія страданія.

Палата стихаетъ. Только слышенъ шопотъ напряженной молитвы и глухіе стоны страдальца, лежащаго въ безсознательномъ состояніи съ разбитой головой.

Сколько трогательныхъ просьбъ, порученій на исповѣди, какая удивительная простота въ тотъ страшный моментъ, когда страдалецъ послѣднимъ прощальнымъ взглядомъ окидываетъ свою земную многотрудную жизнь и передъ нимъ приподнимается завѣса жизни вѣчной. Тайна ея открывается этимъ страдальцамъ въ самомъ страданіи ихъ, оттого они такъ спокойны, они уже больше живутъ тамъ, чѣмъ здѣсь, на этихъ окровавленныхъ тюфякахъ, гдѣ болитъ и стонетъ ихъ израненное тѣло. Громко, внятно повторяютъ всѣ слова молитвы передъ причастіемъ—„Вѣрую, Господи, и исповѣдую", благоговѣйно причащаются Святыхъ Тайнъ и какъ-то сразу примиряются со всѣмъ, успокаиваются.

— Покорнѣйше благодаримъ васъ, батюшка, что потрудились, много лѣтъ вамъ священствовать.

Подхожу къ Татарину, который еще настойчивѣе проситъ причастить и его. Оказывается, умѣетъ креститься, знаетъ „Отче нашъ" и „Спаси, Господи". Послѣ бесѣды крещу его скорымъ чиномъ и причащаю новопросвѣщеннаго Николая Святыхъ Тайнъ.

Иду въ другую палатку, въ садъ, гдѣ тоже стали класть тяжело раненыхъ за неимѣніемъ мѣста въ палаткахъ. Благо что вечеръ, ясный, теплый. Среди раненыхъ много нѣмцевъ, захваченныхъ въ окопахъ при наступленіи.

А въ перевязочной палаткѣ кипитъ работа. Перевязочныхъ столовъ только пять, поэтому многихъ перевязываютъ въ сидячемъ положеніи. Тутъ же молодой хирургъ производитъ необходимыя операціи, ампутируетъ безнадежно раздробленныя конечности, извлекаетъ изъ ранъ осколки. Надъ шумящимъ спиртовымъ стерилизаторомъ бѣлая фигура сестры милосердія, двѣ другія сестры помогаютъ у операціонныхъ столовъ. Трудная работа длится долго, до утра, да и то далеко не всѣ перевязаны. Мобилизованы всѣ медицинскія силы, даже ветеринарные врачи, но перевязываютъ и оперируютъ только шесть человѣкъ, а подвозятъ все новыхъ и новыхъ. Бой былъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ за всю кампанію. Устали всѣ смертельно, но менѣе всего усталость видима на сестрахъ.

— Бинтъ, ваты, пинцетъ, — отрывисто бросаетъ врачъ, но сестра и безъ словъ понимаетъ, что нужно. Быстро безмолвно дѣлаютъ онѣ свое дѣло. Врачи нѣсколько разъ выходятъ изъ

перевязочной передохнуть, а эти хрупкія созданія несутъ свое многотрудное дежурство безсмѣнно, онѣ не знаютъ усталости.

Изъ оперативной выносятъ на носилкахъ Василія Воронина. Радостное, счастливое лицо. Справляюсь о его здоровьѣ, но онъ ничего не отвѣчаетъ, только безмолвно цѣлуетъ мой наперсный крестъ, руки и за что-то горячо благодаритъ. Оказывается, у него извлекли изъ живота совершенно цѣлую діафрагму тяжелаго снаряда, желѣзный кружокъ въ четыре съ половиной дюйма въ діаметрѣ и полдюйма толщины. Какимъ-то чудомъ этотъ кружокъ, вѣсомъ не менѣе фунта, пробилъ только кожу на животѣ и тамъ застрялъ, не повредивъ даже брюшины. Поздравляю счастливца, радостно показывающаго всѣмъ „нѣмецкій блинъ“. Его относятъ въ палатку, и онъ скоро засыпаетъ спокойнымъ сномъ.

Поданъ транспортъ. Раненыхъ отправляютъ въ дивизіонный лазаретъ. Всѣ рвутся ѣхать, всѣмъ поскорѣе хочется быть подальше отъ этого мѣста страданій, до котораго то и дѣло доносятся раскаты ночной артиллерійской перестрѣлки. Но прежде чѣмъ эвакуировать раненыхъ, необходимо ихъ подкормить; многіе цѣлыя сутки не ѣли, такъ какъ въ бою не до ѣды. Здѣсь на сцену выступаетъ приданный къ дивизіонному перевязочному отряду передовой питательный пунктъ Краснаго Креста. Благодѣтельная придача. Значеніе ихъ огромно. Изголодавшагося, усталаго до смерти, потерявшаго много крови отъ раненія солдата тамъ накормятъ горячимъ супомъ, напоятъ чаемъ, подкрѣпятъ его упавшія физическія силы. На питательныхъ пунктахъ работаютъ тоже сестры „питательницы“, работаютъ тяжело, такъ какъ хочется всѣхъ накормить, кого можно.

— Сестрица, устали, много накормили?

— Охъ, устала. Сколько накормили—не знаю, у насъ счетъ идетъ по выданнымъ порціямъ. Нѣкоторыя съѣдаютъ по двѣ порціи. Порцій за сутки выдано болѣе двухъ тысячъ.

На фронтѣ къ сожалѣнію входитъ въ моду судить и пересуживать сестеръ милосердія, критиковать ихъ и даже злословить на нихъ. Но чтобы правильно судить о сестрѣ милосердія, строгимъ судьямъ нужно наблюдать ее не тогда, когда она въ минуты досуга въ кружкахъ знакомыхъ заливается веселымъ смѣхомъ или катается верхомъ, а въ работѣ, среди страждущихъ и умирающихъ. Здѣсь сестра милосердія показываетъ себя такимъ героемъ, такой самоотверженной выносливой работницей, что предъ ней нельзя не преклониться.

Къ утру большинство тяжело раненыхъ перевязаны, многіе

переправлены въ лазареты, на перевязочномъ пунктѣ работаютъ лишь фельдшера, остальные изъ персонала тянутся къ своимъ палаткамъ, чтобъ забыться на нѣсколько часовъ тяжелымъ сномъ [1]).

Французы захватили въ бою у Вердена 66 орудій, 144 пулемета и 6 тысячъ плѣнныхъ.

Разрѣшено допустить женщинъ съ образованіемъ не ниже средняго на занятіе должностей не выше VIII кл., съ правами государственной службы, въ министерствѣ путей сообщенія и въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія.

Германцы устраиваютъ своей тылъ: кладутъ съ помощью плѣнныхъ и жителей массу рельсовъ, чтобы возможно скорѣе перебросить войска съ мѣста на мѣсто.

Въ узлахъ дорогъ ставятъ резервныя группы войскъ, чтобы быстро перекатить ихъ съ одного мѣста на другое.

Пріѣхавшіе депутаты сообщаютъ [2]):

Астраханскій депутатъ С. И. Франгуловъ разсказываетъ о дороговизнѣ въ Астрахани:

— Уловъ рыбы небывалый, а цѣны на нее такія стоятъ, какія астраханцамъ и не снились. Сельдь копченая 60 к. штука, плетушка съ одной дюжиной тарани—5 р., тогда какъ обычная цѣна стояла 60—70 к. Къ свѣжей рыбѣ приступу нѣтъ, готовы сгноить половину, а по сходной цѣнѣ не продадутъ.

— Да какой же расчетъ гноить?—недоумѣваетъ депутатъ Хаустовъ.

— А очень простой: одну половину сгноитъ, а другую продастъ втридорога, за отсутствіемъ продукта на рынкѣ.

— А какъ фрукты?

— Обиліе, но тоже дороговизна страшная. Вначалѣ, когда виноградъ былъ по 12—15 к. за фунтъ, нѣсколько богатыхъ торговцевъ купили весь и подняли цѣны до 60 коп.

— Въ Крыму,—сообщаетъ таврическій депутатъ,—фруктами свиней кормили для того, чтобы создать искусственный недостакъ ихъ и поднять цѣны.

---

[1]) „Н. В.“ 1916 г. № 14592.
[2]) „Веч. Вр.“ 1916 г. № 1638.

Желая оправдать совершенно незаконный съ международнымъ правомъ наборъ войскъ въ Польшѣ, германскій кайзеръ обнародовалъ чрезъ своего генералъ-губернатора 23 сего октября слѣдующее воззваніе къ полякамъ:

„Сегодня германскимъ генералъ-губернаторомъ въ Варшавѣ генераломъ фонъ-Безелеромъ объявляется населенію актъ, которымъ возвѣщается слѣдующее:

„Германскій императоръ и императоръ австрійскій и король Венгріи, основываясь на твердой увѣренности въ окончательной побѣдѣ ихъ оружія и вдохновляясь желаніемъ указать путь къ счастливой будущности польскимъ областямъ, которыя ихъ храбрыя арміи цѣною тяжелыхъ жертвъ отняли у русскаго государства, пришли къ соглашенію создать изъ этихъ областей самостоятельное государство подъ наслѣдственнымъ монархическимъ управленіемъ и съ конституціоннымъ устройствомъ.

Болѣе точное опредѣленіе границъ королевства Польскаго предполагается въ будущемъ.

Новое королевство, тѣсно примкнувъ къ обѣимъ союзнымъ державамъ, найдетъ въ этомъ тѣ гарантіи, которыя ему требуются для свободнаго развитія его силъ.

Вопросъ о потребности его въ собственной арміи будетъ рѣшенъ согласно славнымъ традиціямъ польскихъ армій прежнихъ временъ и воспоминаніямъ о храбрыхъ польскихъ соратникахъ въ настоящую войну.

Союзные монархи съ полной увѣренностью надѣются, что ихъ пожеланія о государственномъ и національномъ развитіи Польскаго королевства въ настоящее время получатъ осуществленіе какъ съ точки зрѣнія общей политической обстановки въ Европѣ, такъ и съ точки зрѣнія благополучія и безопасности своихъ собственныхъ странъ и народовъ. Великія западныя сосѣднія державы королевства Польскаго съ радостью будутъ взирать на ростъ и процвѣтаніе на ихъ восточной границѣ свободнаго, благополучнаго и довольнаго своимъ національнымъ самоопредѣленіемъ государства".

Трудно себѣ представить болѣе наглаго провокаціоннаго акта миѳической свободы истерзанной германцами Польши. Ни о Галиціи, ни о Познани, ни о Силезіи ничего не сказано. Дается якобы самостоятельность Польшѣ, подъ эгидой наслѣдственнаго нѣмецкаго управленія для того, чтобы поляки начали воевать противъ Россіи. Протоколъ ст. 44, подписанный Германіей и Рос-

сіей, гласитъ: „воспрещается принуждать населеніе занятой области къ принятію участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ собственной страны".

Конечно, для такихъ звѣрей-сверхчеловѣковъ, какъ германцы, такое постановленіе есть только простой клочекъ бумаги.

Будемъ ждать, какъ откликнутся на нѣмецкій призывъ поляки здѣсь и тамъ.

Арестованы по распоряженію военныхъ властей на театрѣ военныхъ дѣйствій кіевскіе сахарозаводчики: Израиль Бабушкинъ, Іоель Гепнеръ и Абрамъ Добрый за противодѣйствіе снабженію арміи сахаромъ, умышленное сокращеніе выпуска сахара на внутренній рынокъ Имперіи и злонамѣренный вывозъ сахара за границу въ ущербъ снабженію таковымъ арміи и населенія.

28—29 октября. По свѣдѣніямъ изъ авторитетныхъ источниковъ, наше наступленіе въ Добруджѣ успѣшно продолжается.

Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ, южнѣе горы Ла-Мунтелу, происходилъ рядъ удачныхъ для насъ дѣлъ, при чемъ нами захвачены пулеметы.

Г. Петровъ въ „Русскомъ Словѣ" [1]) описываетъ ужасающія злоключенія Симбирскаго, Московскаго и Самарскаго уполномоченныхъ въ покупкѣ муки въ Сызрани. Даетъ яркія картины, какъ г.г. мукомолы нагло издѣвались надъ уполномоченными, и предлагаетъ выполнить 3 условія для обузданія мародеровъ-мукомоловъ.

Первое условіе: надо оставить всякую надежду на патріотизмъ, на добрую волю, даже на простую элементарную торговую честность большинства россійскихъ хлѣбниковъ и мукомоловъ. Растущая всюду нужда въ мукѣ, при изобиліи хлѣба еще старыхъ урожаевъ, есть вопросъ государственной необходимости. Поэтому какъ для военныхъ надобностей были взяты сотни заводовъ и фабрикъ для работы на оборону, такъ необходимо взять въ вѣдѣніе государства или опредѣленныхъ общественныхъ организацій всѣ россійскія крупныя мельницы. Когда крестьяне будутъ знать,

---

[1]) „Рус. Сл." 27 окт. 1916.

что они, продавая свое зерно по твердымъ цѣнамъ, не ростятъ безумныхъ барышей купцамъ-скупщикамъ, а отдаютъ хлѣбъ прямо государству или населенію, то они охотнѣе повезутъ хлѣбъ въ общественные склады, и тамъ сразу раскупорится одно изъ самыхъ широкихъ горлъ полученія хлѣба. Явится въ изобиліи зерно, и подешевѣетъ размолъ зерна.

Второе условіе: объявить реквизицію всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ на складахъ хлѣбниковъ-мукомоловъ, гдѣ бы эти запасы ни были: на пристаняхъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ мельничныхъ амбарахъ. Для этого затребовать всѣ торговыя книги фирмъ, провѣрить по нимъ наличность и заплатить себѣ, стоимость съ надбавкою всѣхъ наложенныхъ расходовъ, плюсъ законный процентъ прибыли.

Третье и послѣднее, однако, неизбѣжное условіе, обязательное участіе прокурорской власти въ обслѣдованіи книгъ и складовъ мукомольныхъ фирмъ. Въ Нижнемъ прокурорская власть обошла склады магазиновъ, торгующихъ обувью, и въ одинъ день нашла 50 тысячъ паръ калошъ. Въ хлѣбныхъ и мукомольныхъ складахъ прокурорская власть найдетъ не 50, а если угодно, то и въ пять разъ больше хлѣба и муки. Хлѣба въ Россіи много, нужда населенія въ хлѣбѣ грозитъ стать крайнею, и хлѣбъ долженъ быть доставленъ.

Вотъ катехизисъ кайзера, его присныхъ, германскаго солдата и обывателя:

Воровство, это у нихъ—„компенсація".
Грабежъ—„аннексія".
Разбойный набѣгъ—„оккупація".
Открытое похищеніе—„реквизиція".
Разграбленіе—„контрибуція".

Увозъ германскихъ войскъ на русскій фронтъ все расширяетъ и расширяетъ побѣды французовъ, англичанъ и итальянцевъ.

Вотъ какъ наши нѣмецкіе колонисты теперь относятся къ русскимъ [1]).

Разскажу одинъ характерный случай, который произошелъ со мною и нѣсколькими моими товарищами въ селѣ Богдановкѣ (нѣмецкой колоніи), Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи. Мы устраивали пробный пробѣгъ автомобилей, и случай занесъ

[1]) „Нов. Вр." 1916 г. № 14599.

насъ, голодныхъ и озябшихъ въ село Богдановку, въ которомъ благодушествуютъ нѣмцы. Здѣсь мы разсчитывали поѣсть и обогрѣться, но не тутъ-то было: нѣмцы передъ носомъ закрывали двери и кричали изъ окна по-нѣмецки, что у нихъ рѣшительно ничего нѣтъ, и впустить насъ къ себѣ они не могутъ; тогда одинъ изъ моихъ товарищей обратился къ одному колонисту Якову Тефсу по-нѣмецки, и вотъ произошло чудо,—двери домовъ широко распахнулись, провизіи оказалось сколько-угодно и какой-угодно и деньги за нее колонисты брать не хотѣли, объясняя, что они не желаютъ ни за какія деньги давать что-либо лицамъ, обращающимся въ ихъ селѣ къ нимъ по-русски, но для лицъ, говорящихъ по-нѣмецки, у нихъ, конечно, всегда всего найдется въ волю. Вотъ характерный примѣръ, изъ котораго можно сдѣлать удивительный выводъ: чтобы русскому въ Россіи не оставаться въ дорогѣ голоднымъ, ему необходимо свободно объясняться по-нѣмецки.

Боевыя дѣйствія 28 октября ознаменовались на барановичскомъ фронтѣ у Скробова занятіемъ германцами на этомъ маленькомъ участкѣ нашихъ передовыхъ окоповъ. Это происходитъ на нашемъ центральномъ фронтѣ, значитъ, германцы отсюда увозятъ свои войска.

Къ югу отъ Дорна Ватры въ Лѣсистыхъ Карпатахъ нѣмцы захватили у насъ нѣкоторыя высоты въ Трансильваніи, къ западу отъ долины Бузео нѣмцы на 4 версты оттѣснили румынъ. У Предоля румыны атаковали германцевъ, а у Кимполунга отбили ихъ атаку.

Въ Добруджѣ русско-румынскія войска тѣснятъ нѣмцевъ и ведутъ бои за Черноводскій мостъ.

По подсчету голосовъ въ телеграммахъ 29 октября оказывается, что президентомъ Сѣверно-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ выбранъ не Юзъ, а переизбранъ Вильсонъ.

Бетманъ Гольвегъ съ обычной ему наглостью вѣщаетъ съ каѳедры рейхстага, что Германія совершенно невинна въ возникновеніи войны, и что несомнѣнной виновницей войны является Россія. Нѣмецкій канцлеръ нахально заявляетъ свою готовность стать во главѣ международнаго союза для предупрежденія кровавыхъ столкновеній и огражденія малыхъ народовъ отъ насилія въ будущемъ.

Эта кровавая, насильная Германія будетъ ограждать слабыхъ. Заявленіе это просто комично.

Г. Меньшиковъ въ № 14602 „Новаго Времени" въ своей статьѣ „Драма военноплѣнныхъ" выступилъ съ дико-нелѣпымъ предложеніемъ объ обмѣнѣ военноплѣнными съ нѣмцами, теперь же, не дожидаясь конца войны. По его мнѣнію это будетъ выгодно и для насъ и для нѣмцевъ, и вотъ по какимъ доводамъ. Можетъ быть своевременно поставить вопросъ: имѣется ли какой-либо смыслъ взаимно томить въ плѣну почти равночисленное количество захваченныхъ рабочихъ силъ, которыя, по возвращеніи ихъ на родину, нисколько не измѣнили бы равновѣсія воюющихъ сторонъ.

Плѣнъ въ условіяхъ нынѣшней войны не можетъ не быть ужаснымъ. Но проще было бы обмѣнять военноплѣнныхъ теперь же, если простая ариѳметика доказываетъ, что по отношеніи силъ и на ходъ войны этотъ обмѣнъ никакого вліянія не окажетъ Вотъ каковы доводы господина Меньшикова.

Петроградскому обывателю приходилось не разъ на страницахъ своихъ замѣтокъ заявлять, что обмѣнъ инвалидами съ нѣмцами, за исключеніемъ принципа гуманности, есть вовлеченіе Россіи въ невыгодную для нея сдѣлку. Нѣмцы мѣняютъ инвалидовъ почти негодныхъ ни для какой дѣятельности и почти обрѣченныхъ на смерть. Ни къ какому полезному дѣлу мы ихъ пристроить не можемъ, они расточаютъ у насъ только скорбь и уныніе, при чемъ къ каждой партіи инвалидовъ нѣмцы всегда ухитряются пристроить своихъ шпіоновъ.

Намъ нѣмцы присылаютъ инвалидовъ дохлыхъ, изнуренныхъ, изморенныхъ голодомъ. Мы же шлемъ инвалидовъ сытыхъ, хотя и нѣсколько тоже изувѣченныхъ. Что же дѣлаютъ нѣмцы съ возвращенными отъ насъ сытыми, не измученными голодомъ инвалидами.

Всѣ наши бѣжавшіе плѣнные единогласно показываютъ, что въ Германіи изувѣченнымъ инвалидамъ устраиваютъ ноги, ихъ примѣняютъ ко всякому дѣлу, а занимавшихъ прежде мѣста инвалидовъ шлютъ немедленно на фронтъ.

Что же предлагаетъ господинъ Меньшиковъ обмѣнять на равныхъ условіяхъ. Позвольте спросить, гдѣ же эти равныя условія обмѣна. Меньшиковъ находитъ положеніе нашихъ плѣнныхъ ужаснымъ. И дѣйствительно, наши плѣнные изморены постояннымъ голоданіемъ, непосильной работой и австро-германскими

пытками до такой степени, что четвертый изъ нихъ умираетъ и что многіе и многіе изъ нихъ несомнѣнно кандидаты на тотъ свѣтъ. Такихъ то, изможженыхъ людей будутъ слать намъ на обмѣнъ. Съ другой стороны, австро-германскіе военноплѣнные— халатнымъ попечительствомъ откормленные у насъ, какъ свиные борова, особенно германцы.

Г. Меньшиковъ предлагаетъ обмѣнъ сытыхъ и здоровыхъ на крайне истощенныхъ, изъ которыхъ многіе кандидаты на тотъ свѣтъ. Какія же это равныя условія.

Стыдитесь, г. Меньшиковъ, своему предложенію, именно въ такое время, когда у нѣмцевъ каждый человѣкъ на счету, они изнемогаютъ отъ недостатка въ людяхъ, когда нѣмцы, при всей своей ненависти къ полякамъ, возстанавливаютъ Польшу, лишь только для того, чтобы произвести въ Польшѣ наборъ.

А въ это время г. Меньшиковъ предлагаетъ обмѣнять милліонъ плѣнныхъ. Нѣмцы будутъ очень признательны г. Меньшикову за этотъ милліонъ, которымъ они немедленно усилятъ свой фронтъ и еще затянутъ войну.

Слышалъ такое повѣствованіе отъ одного русскаго, обладающаго хорошимъ состояніемъ и значительными связями.

Передъ настоящей войной его сестра лѣчилась въ Киссингенѣ и находилась тамъ въ полномъ обладаніи умственныхъ и нравственныхъ силъ.

Началась война. Начались терзанія этой женщины: сказали что она русская шпіонка, и заключили ее въ тюрьму. Братъ сталъ усиленно хлопотать черезъ разныя посольства о ея освобожденіи. Помогало мало, но ему присылали громадные счета за ея довольствіе, которые онъ, надѣясь на освобожденіе, уплачивалъ аккуратно, черезъ нейтральныя посольства. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и ему черезъ нейтральное посольство сообщаютъ, что его сестра переведена въ монастырь, откуда посылись ему большіе счета за ея довольствіе, за которое производилась немедленная уплата, какъ и прежде. Усилились хлопоты по ея освобожденію, не имѣвшіе никакого успѣха. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и братъ получаетъ черезъ нейтральное посольство, что сестра переведена въ сумасшедшій домъ въ Германіи. Опять пошли большіе счета съ немедленной уплатой.

Несчастный братъ поѣхалъ въ Данію и въ приграничномъ съ Германіей городѣ сталъ усиленно хлопотать объ освобожденіи несчастной, доходя просьбами по президента Американской рес-

публики. Онъ посылалъ въ Берлинъ за больной сестеръ милосердія, но напрасно. Братъ лишился также и сна и цѣлыя ночи проводилъ въ скитаніи по городу. Онъ рѣшилъ пріобрѣсть американскій паспортъ, поѣхать выручать самому. Онъ хотѣлъ явиться въ американское консульство хлопотать, какъ американскій гражданинъ. Вдругъ, неожиданно, привезли сестру совершенно помѣшанную, которая при свиданіи не узнала брата.

Когда несчастная убѣдилась, что братъ ея не тюремщикъ и не производитель пытокъ, то она разсказала, какъ въ ея желудокъ наливали громадное количество воды и клали на постель, запрещая шевелиться. Словомъ, тюремщики-германцы производили пытки водой самыхъ варварскихъ временъ. Несчастная и теперь осталась въ прежнемъ положеніи.

Несчастный братъ закончилъ свой разсказъ слѣдующими словами:

„Я не поѣду жить въ Германію, не подамъ руки нѣмцу, не сяду за одинъ столъ съ нѣмцемъ и не пущу за порогъ своей квартиры нѣмца“.

В. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Г. Головинъ.

Императоръ Николай I-й по характеристикѣ современника его, эмигранта-публициста Ивана Гавриловича Головина.

Иванъ Гавриловичъ Головинъ—извѣстный эмигрантъ-публицистъ царствованія Николая I-го, много поработавшій за границей для распространенія идей свободы въ Россіи и особенно бичевавшій тяжелое царствованіе современнаго ему государя Николая I-го. Иванъ Гавриловичъ родился въ 1819 году и принадлежалъ къ старому дворянскому роду въ Россій. Будучи въ 1843 году въ отпуску въ Парижѣ, Головинъ отпечаталъ здѣсь трудъ свой—трактатъ о политической экономіи, чѣмъ вызвалъ гнѣвъ Николая I-го. Неоднократно вызываемый въ Петербургъ письмами Дубельта и Бенкендорфа къ нашему тогда послу въ Парижѣ Киселеву, Иванъ Гавриловичъ, справедливо предвидя себѣ ссылку или тюрьму, отказывался отъ возвращенія на родину. Заочно послѣ этого осужденный въ ссылку въ Сибирь и лишенный всѣхъ правъ состоянія (все имущество Головина взято въ казну), Головинъ навсегда остался за границей, принявъ въ 1845 году англійское подданство.

Проживая за границей, Иванъ Гавриловичъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Лейпцигѣ выпустилъ на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ цѣлый рядъ трудовъ, изъ коихъ намъ извѣстны: „La Russie sous Nicolas I-ier“ (1845), „Russland und Alexander II (1857), „12 лѣтъ въ Англіи“ и „Бѣглецъ“. Всѣ эти труды попадали въ Россію запрещенными и, помимо печатныхъ, по рукамъ ходило много очерковъ Головина въ рукописяхъ, часть изъ которыхъ мы видѣли въ собраніи П. Я. Дашкова.

Свидѣтельство правдиваго, просвѣщеннаго и глубоко любящаго свою родину Ивана Гавриловича Головина имѣетъ большую цѣнность, также и какъ современника Николая I-го и очевидца событій, которыя онъ переживалъ въ зрѣломъ возрастѣ и вполнѣ сознательно.

Имѣющійся въ нашемъ собраніи подлинный автографъ отъ 1859 г., при портретѣ И. Г. Головина [1]), заключаетъ въ себѣ строки, характерныя и для Головина и для его времени. „Удивительно, сколько маленькихъ тиранновъ создаетъ русскій режимъ“, пишетъ Головинъ въ этомъ автографѣ.

„Почти всѣ люди господствующаго класса—маленькіе деспоты, и я сказалъ бы, что въ Россіи либеральными и гуманными людьми являются только просвѣщенныя женщины. Пріятно имѣть возможность властвовать и отчего же не властвовать съ пріятностью? Но рабство уничтожило всякое чуство приличія и благопристойности“.

Въ этомъ обращеніи Головина все сказанное для времени Николая I-го въ большей своей части остается справедливымъ и до послѣднихъ дней стараго режима.

Для характеристики Головина необходимо также привести предисловіе къ его труду „La Russie sous Nicolas I-ier“, которое одновременно объясняетъ и цѣли и побужденія публицистическихъ выступленій Ивана Гавриловича.

Б. Колюбакинъ.

„Ѳома Головинъ (предокъ Ивана Гавриловича), призываемый Борисомъ Годуновымъ къ возвращенію на родину“, начинаетъ Головинъ свое предисловіе, „отвѣтилъ, что онъ вернется на родину только тогда, когда въ ней исчезнутъ слѣдующія положенія-поговорки: „все, что мое—есть царское“, „близокъ къ царю—близокъ къ смерти“ и „не бойся суда, а бойся судьи“. Прошло два вѣка, и въ несчастьяхъ Россіи не произошло много перемѣнъ. Вопреки торжественно провозглашенныхъ законовъ къ конфискаціи присоединенъ секвестръ; близость къ царю—хорошее предзнаменованіе только для его куртизановъ; преслѣдованію подвержены люди независимые и просвѣщенные, и русскій судъ есть исполнитель предначертаній свыше. Старыя пословицы

---

[1]) Въ нашемъ собраніи имѣется литографированный портретъ И. Г. Головина (Leipzig. Verl. von Hch. Hübner) съ русской подписью Иванъ Гавриловичъ Головинъ и брата его Ѳедора—изъ серіи литографій Вагнера. Братъ его былъ въ чести у Николая I-го, будучи шталмейстеромъ двора его. *Б. К.*

замѣнены новыми: До Бога высоко—до царя далеко, кто служитъ, тотъ жалуется (плачется), въ противовѣсъ пословицѣ, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ.

Взамѣнъ жестокостей старины явились злоупотребленія другого рода, и если бы я пожелалъ подражать злому языку моего предка, я бы сказалъ: я вернусь, когда вся Россія будетъ повышена въ чиновниковъ 14-го класса (съ котораго чина русскій обыватель избавленъ отъ тѣлеснаго наказанія), во-вторыхъ, когда нѣмцы будутъ стоить не больше русскихъ [1]) и въ третьихъ, когда перо на вѣсахъ общественной жизни будетъ имѣть вѣсъ и значеніе желѣза [2]).

Мое счастье не можетъ быть полнымъ безъ счастья моихъ согражданъ. Не надѣясь увидѣть въ скорости осуществленіе этого положенія и при невозможности этому способствовать, живя въ Россіи, я отказываюсь отъ жизни въ ней тѣмъ съ большей легкостью, что я надѣюсь быть полезнымъ Россіи, живя за границей. Не первымъ и не послѣднимъ буду я описывать порабощеніе Россіи и не первымъ выступаю я съ протестомъ противъ притѣсненій моей родины. Я никогда не достигну энергіи русскаго поэта, сказавшаго: „Въ Россіи въ чести лишь царь, да кнутъ, и русскіе дураки кричатъ ура, тогда какъ имъ слѣдовало бороться".

Не буду я никогда на высотѣ и этого стиха: „Я видѣлъ Россію, преклоненную у алтаря, цѣпями бряцая, съ согбенной выей, она молилась за царя".

Если я говорилъ дурно о Россіи, то только любя ее. Къ недостаткамъ иностранцевъ мы относимся безразлично, тогда какъ недостатки своихъ братьевъ насъ возмущаютъ, такъ какъ мы всегда строги къ тѣмъ, кого любимъ. Кромѣ того Россія для меня понятіе абстрактное; великую и прекрасную Россію я хотѣлъ бы видѣть еще болѣе возвеличенной. По отношенію же правительства я не считалъ нужнымъ быть снисходительнымъ, считая его виновнымъ въ многочисленныхъ бѣдствіяхъ, омрачающихъ Россію, а потому я считалъ бы малодушіемъ быть къ нему снисходительнымъ. Несправедливость правительства по отношенію ко мнѣ не сдѣлала меня несправедливымъ по отношенію къ нему.

---

[1]) При Николаѣ I-мъ нѣмцы пользовались предпочтеніемъ болѣе чѣмъ когда-либо. Всѣ высшіе посты, большинство чиновниковъ и офицеровъ гвардіи замѣщалось нѣмцами. *Б. К.*

[2]) Однако эти требованія русскій, любящій родину, могъ бы предъявить и при Николаѣ II-мъ. Не даромъ, говорятъ, что идеаломъ послѣдняго былъ Николай I-ый. *В. К.*

Наоборотъ, оно увеличило мою осмотрительность, доказывая вины всякой несправедливости. Люди власти не смѣютъ или не желаютъ возвысить голоса. Они ловятъ рыбу въ мутной водѣ и потому продолжаютъ мутить эту воду. Они-то и есть настоящіе измѣнники родинѣ и настоящіе возмутители.

Неужели человѣкъ, который имѣлъ смѣлость сдѣлаться свободнымъ, чтобы имѣть возможность разоблачить всю низость и все невѣжество правительства, заслуживаетъ только негодованіе и презрѣніе? Гласность имѣетъ ту хорошую сторону, что заблужденіе съ временемъ само собой разрушается, тогда какъ истина живетъ и пріумножается. То же повторится и съ моей книгой: всякое остервенѣніе противъ меня будетъ происходить или отъ ослѣпленія или отъ злой воли, которая не считается съ намѣреніями и видитъ только эффектъ данной минуты.

Я приводилъ только такіе анекдоты, за источникъ которыхъ я ручаюсь. Достаточно, чтобы анекдотъ получилъ распространеніе въ народѣ, чтобы онъ нашелъ мѣсто и въ исторіи, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ характеризуетъ человѣка, къ которому онъ относится. О великихъ людяхъ и о хорошихъ государяхъ приводятъ такія черты, которыя говорятъ только въ ихъ пользу; но настолько и тяжело свидѣтельствованіе о государяхъ злыхъ и неспособныхъ.

Если бы я высказалъ все то, о чемъ я долженъ былъ молчать, и если бы я огласилъ всѣ тѣ испытанія, которымъ подвергалось все то, что я долженъ былъ высказать, то не было бы никакихъ сомнѣній въ правдивости моихъ разсказовъ. Впрочемъ достаточно сказать, что я ничего не выдумалъ.

Да что стоитъ Николаю доказать, что мое сужденія о его заслугахъ лживы и что онъ вполнѣ достоинъ царствовать надъ порученнымъ его попеченію народомъ? Пусть прикажетъ онъ исполнить это своимъ приспѣшникамъ.

Пусть онъ скажетъ Орлову, что отнынѣ онъ будетъ управлять съ кротостью, правдивостью и довѣріемъ и что онъ упраздняетъ тайную полицію!!

Пусть онъ скажетъ Блудову, что, собравъ всѣ русскіе законы, онъ убѣдился въ томъ, что ихъ нужно предать огню, такъ какъ они недостойны ни вѣка, въ которомъ мы живемъ, ни Бога, ни людей, и что онъ ихъ замѣнитъ справедливыми и мудрыми законами.

Пусть онъ скажетъ Панину, что грабителямъ мѣсто въ Сибири, а не у власти.

Пусть онъ скажетъ Уварову, что ему не нужно этого шарлатанства въ цивилизаціи, и онъ требуетъ цивилизаціи небесной чистоты.

Пусть онъ скажетъ Перовскому, что имя его должно слиться съ величайшимъ актомъ нашего вѣка—освобожденіемъ крестьянъ и что, если въ скоромъ времени помѣщики не раскрѣпостятъ своихъ крестьянъ, крестьяне сами это сдѣлаютъ, такъ какъ рабовъ не можетъ и не должно быть въ христіанской странѣ.

Пусть онъ скажетъ Нессельроде, что Францiя, этотъ очагъ цивилизаціи, заслуживаетъ его уваженія и не можетъ быть его врагомъ.

Пусть также скажетъ онъ, что Польша достаточно страдала и какъ Господь сорвалъ съ его глазъ завѣсу, покрывающую ихъ, и что онъ снимаетъ съ Польши цѣпи.

И сказавъ все это—пусть же онъ и исполнитъ обѣщанное.

Тогда исторія измѣнитъ свой приговоръ, она скажетъ, что онъ много погрѣшилъ, но искренно раскаялся, и поставитъ его имя на-ряду съ тѣми, кого чтятъ народы.

Неужели недостаточно того порицанія, которое возбуждаютъ всѣ его дѣйствія?

Не думаетъ ли онъ, что только заблужденіе и ложь на сторонѣ цивилизованнаго міра и что вся мудрость и благородство на его сторонѣ?

Конечно, если царствованіе абсолютныхъ монарховъ есть удовольствіе, то неизмѣримо радостнѣе даровать свободу тому народу, которымъ управляешь; но подобная высокая радость дана только душамъ чистымъ и прекраснымъ [1]).

Парижъ 14 іюля 1845 года.

---

[1]) Таково откровеніе просвѣщеннаго русскаго человѣка сороковыхъ годовъ, и такихъ людей и такихъ откровеній было много въ Россіи въ теченіе всего XIX вѣка. Мы недостаточно только знаемъ ихъ. Иванъ Гавриловичъ Головинъ не былъ выдающимся человѣкомъ и дѣятелемъ, это былъ рядовой человѣкъ тысячи. Онъ былъ только представителемъ и явился выразителемъ общественной мысли сороковыхъ годовъ, но выдѣлившимся тѣмъ, что сила правды, вѣрнѣе, чувство правды и любви къ свободѣ у него были въ такой степени, что онъ рѣшился бросить отчій домъ, родину, жизнь почета и комфорта для свободной и честной жизни изгнанника, полной лишеній, но въ возможности громкаго осужденія въ собраніяхъ и въ печати правительства своей родины. Вотъ что выдвинуло его изъ толпы людей, равныхъ ему по образу мыслей, но молчавшихъ и терпѣвшихъ тотъ гнетущій порядокъ, который Россія свергла только въ 1917 году. *Б. Кол—нъ.*

Когда проходишь по Романовской портретной галлереѣ, взоръ съ удовольствіемъ останавливается на мужественныхъ и національныхъ чертахъ Петра I, недостатки котораго были недостатками его страны и его вѣка, а качества были качествами генія. Тѣ же черты пріятно видѣть въ Аннѣ I-ой, которой, во имя дяди, прощаешь пороки, которые въ сущности можно свалить на недостойнаго царедворца-курляндца Бирона. Затѣмъ съ Петромъ III всякое сходство окончательно—теряется: русскій человѣкъ недоумѣваетъ, откуда онъ взялся?! Черты, осанка—несомнѣнно нѣмецкія и онъ съ трудомъ выговариваетъ имя Гольштейнъ-Готторпъ.

„Нѣмецъ“ ненавистное слово для русскаго; подъ словомъ нѣмецъ—нѣмой славянинъ или человѣкъ слова обобщалъ всѣхъ инсстранцевъ [1]). Но вернемся къ Романовской галлереѣ. Какъ бы то ни было, но Петръ III внукъ Петра I, а русскіе безгранично обожаютъ своихъ царей, отъ внуковъ и правнуковъ. Но все-таки, съ какихъ это поръ мать передаетъ своимъ дѣтямъ имя своего отца. Отъ Петра III перейдемъ къ его женѣ Екатеринѣ II. Русскій, вспоминая, что ей онъ обязанъ присоединеніемъ Крыма и Литвы, готовъ дружески отнестись къ этой мужественной женщинѣ и ласково называетъ ее матушкой. Но при видѣ Павла I — онъ столбѣнѣетъ. Эти черты рѣшительно ничего не говорятъ его сердцу; эти черты не Екатерины и не Петра III, еще менѣе Романовыхъ. Извѣстно, что Петръ III былъ неспособенъ къ брачному сожительству, а потому приказаніе Сената Екатеринѣ о допущеніи Салтыкова къ царскому ложу по истинѣ жестоко, если этотъ вельможа походилъ на своего сына [2]). Какъ могъ Сенатъ совершить такую оплошность, дѣлая такое предложеніе женщинѣ, которая знала толкъ въ мужчинахъ? Странная игра природы! Павелъ походилъ на

---

[1]) Эту антипатію русскихъ съ нѣмцами раздѣляютъ и поляки, у которыхъ существуетъ пословица: „пока свѣтъ существуетъ—полякъ не будетъ братомъ нѣмца“.

[2]) Знатокъ иконографіи русскихъ дѣятелей покойный П. Я. Дашковъ отрицалъ сходство Павла съ Салтыковымъ и считалъ Павла скорѣе сыномъ Петра III, на котораго онъ походилъ и вкусами и страстями.

Б. Колюбакинъ.

финна изъ-подъ Стрѣльны: рыжіе волосы, курносый и типичное упрямство даютъ поводъ предположить что какимъ-то образомъ его подмѣнили. Сенатъ приказалъ, чтобы у Екатерины родился сынъ; а что, если родилась дочь, и эта дочь умерла?! Странѣ былъ нуженъ наслѣдникъ; честолюбивая Екатерина стремилась сохранить власть, и близость воспитательнаго дома, въ которомъ находилось много финскихъ дѣтей,—все это въ общей совокупности даетъ поводъ дѣлать предположенія, которыя могутъ быть и дѣйствительностью, а именно что дѣвочку, родившуюся мертвой, подмѣнили сыномъ какого-нибудь финна. Иначе, какъ же объяснить вздернутый и сплюснутый носъ, а рыжія волосы Павла и ненависть Екатерины къ своему сыну Павлу? Пушкинъ оригинально изображалъ національность царствующей династіи. Онъ наливалъ въ кубокъ стаканъ хорошаго краснаго вина въ честь Петра I, русское происхожденіе котораго было внѣ сомнѣнія, затѣмъ онъ наливалъ въ кубокъ стаканъ воды въ честь отца Петра III и, казалось, можно было этимъ ограничиться и опорожнить кубокъ, но, онъ вливалъ еще стаканъ воды, въ честь Екатерины II—принцессы Ангальтской. Быть можетъ можно было на этотъ разъ влить и стаканъ вина, но, боясь ошибиться, онъ смѣло вливалъ четвертый стаканъ воды въ честь Маріи Өеодоровны, матери Николая I; затѣмъ пятый стаканъ вливался въ честь нынѣшней императрицы Александры Өеодоровны. Въ концѣ концовъ получилась жидкость, столь слабо окрашенная, что раздавался дружный хохотъ, когда Пушкинъ просилъ присутствующихъ рѣшить, было ли это вино или вода.

Насколько Павелъ былъ уродливъ физически и духовно, настолько его жена, принцесса Виртембергская была красива, Отъ этого брака родился Александръ, который походилъ на мать, какъ и она красивый тѣломъ и духомъ [1]). Константинъ во всемъ походилъ на отца и былъ настолько уродливъ, насколько былъ золъ. Николай былъ красивъ только тѣлесно. Михаилъ былъ и не очень добръ и не очень красивъ.

Кромѣ похищенія Екатериной престола, что было преступно по словамъ самого Николая, выразившаго однажды изумленіе

---

[1]) Съ красотой духа Александра позволимъ себѣ не согласиться съ И. Г. Головинымъ, ибо двоедушіе, хитрость, неискренность и коварство Александра всесвѣтно извѣстны.

В. К—ъ.

почему его бабку называютъ „великой", несмотря на ея распутство, исторія упрекаетъ Екатерину еще въ томъ, что она дала дурное воспитаніе своему сыну. Она ненавидѣла Павла, считая его недостойнымъ себя сыномъ, навязаннымъ ей, и не могла примириться съ мыслью, что онъ долженъ ей наслѣдовать на тронѣ. Она запустила его образованіе, что вмѣстѣ съ бѣшенымъ характеромъ и привело его къ насильственной смерти.

Екатерина все свое время посвящала внуку Александру, но воспитаніе его было слишкомъ чуждо обычаямъ страны и не согласовалось съ національнымъ духомъ Россіи, и кромѣ того у него не хватило рѣшимости завершить то, что онъ считалъ справедливымъ и полезнымъ.

Слабый и добрый въ одинаковой степени, настолько честный, настолько либеральный, онъ только успѣлъ бросить въ народъ зачатки свободы, которые его преемнику было угодно заглушить.

Напуганный смутами, которыя ему оставилъ въ наслѣдство братъ, Николай думалъ, что стоило ему только дѣлать наоборотъ того, что дѣлалъ Александръ, чтобы хорошо царствовать, а именно: преслѣдовать свободу во что бы то ни стало, быть настолько національнымъ, насколько его предшественникъ былъ иностранцемъ и наконецъ настолько православнымъ, насколько тотъ былъ католикомъ. Онъ обманулъ надежды, которыя падавалъ при своемъ вступленіи на престолъ, возвѣщая, что царствованіе его будетъ только продолженіемъ царствованія брата.

Воспитаніе Николая было столь поверхностнымъ, какъ и воспитаніе его другихъ братьевъ, которыхъ не готовили къ трону [1]). За все время царствованія Александра онъ не занималъ должности выше начальника дивизіи [2]); на этомъ посту онъ пріобрѣлъ узкій умъ и пристрастіе ко всему военному, пристрастіе, которое онъ довелъ впослѣдствіи до смѣшного.

Онъ былъ настолько необразованъ, что слово мнѣ пишетъ безъ „ѣ", что равносильно тому, если бы слово Nicolas писали бы по-французски безъ буквы s, а его деспотизмъ таковъ, что до

---

[1]) Великій князь Константинъ не могъ написать двухъ словъ по-русски, но зато довольно правильно писалъ по-французски. Я слышалъ, что одного московскаго студента сослали за то только, что въ его коллекціи автографовъ находился автографъ в. к. Михаила съ надписью „благожелательный Михаилъ", при чемъ благожелательный написано съ буквою „ѣ". Извѣстно, что большинство русскихъ министровъ не умѣютъ грамотно писать на своемъ родномъ языкѣ и не всѣ могутъ оправдаться тѣмъ, что владѣютъ многими иностранными языками, какъ всѣ великіе князья. *И. Г. Головинъ.*

[2]) Головинъ ошибается,—не выше командира бригады. *Б. Колюбакинъ.*

сихъ поръ ни одинъ государственный человѣкъ не посмѣлъ ему указать на столь часто совершаемыя имъ ороографическія ошибки.

Удивительно, какъ это до сихъ поръ ни одинъ русскій писатель не догадался уничтожить эту злополучную букву, хотя бы изъ желанія угодить своему государю? Любимымъ и ежедневнымъ чтеніемъ Николая служитъ „Сѣверная Пчела"—ничтожнѣйшая изъ газетъ, издаваемыхъ на бѣломъ свѣтѣ. На поляхъ Его Величество изволитъ дѣлать помѣтки; на одномъ изъ листовъ, которые всѣ тщательно собраны въ Эрмитажѣ, мы читаемъ, что слова губернскій судъ, уѣздный судъ нужно печатать болѣе крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ.

Линейное судно „Россія" служитъ разительнымъ доказательствомъ непросвѣщеннаго деспотизма Николая. Осмотрѣвъ судно, когда оно находилось еще на верфи, Николай нашелъ, что ходить на немъ было тѣсно, и приказалъ увеличить проходы; мнѣніе его взяло верхъ надъ мнѣніями знатоковъ этого дѣла, и въ результатѣ судно сдѣлалось однимъ изъ самыхъ плохихъ ходоковъ русскаго флота и имъ почти не пользуются.

Когда у Николая является фантазія управлять судномъ, а это случается всякій разъ, когда онъ выходитъ въ море,—командиръ судна предусмотрительно становится за его спиной, дабы своими сигналами помѣшать точному исполненію приказаній Его Величества, приказаній, которыя неизбѣжно повели бы судно къ гибели вмѣстѣ съ его августѣйшимъ пассажиромъ. Его выстрѣлъ въ Шумлѣ—пародія на Наполеона при Монтеро. Артиллерійскій офицеръ опредѣлилъ разстояніе до цѣли внѣ досягаемости орудія; но Николай все же приказалъ дать выстрѣлъ и снарядъ конечно не долетѣлъ.

Турецкая кампанія 1828—29 г.г. заставила замолчать лжецовъ, которые старались превозносить военные таланты Николая.

Нужно отдать ему справедливость, что со времени кампаніи 1828 года у него хватило ума отказаться отъ личнаго руководства военными операціями, ограничиваясь лишь руководствомъ маневрами.

Невозможно командовать съ бо́льшимъ изяществомъ; голосъ его покрываетъ всѣ остальные голоса и лучше командовать въ строю невозможно. Нельзя не любоваться его способностью замѣчать въ самыхъ отдаленныхъ рядахъ малѣйшую погрѣшность въ обмундированіи и снаряженіи солдата или офицера. Ни одна пуговица, ни одинъ крючекъ не ускользнетъ отъ его бдительнаго ока. Впрочемъ этотъ талантъ присущъ всей императорской фамиліи, и сколько разъ друзья родины съ невыразимой горечью думали,

что если бы эта способность была приложена къ предметамъ болѣе важнымъ и болѣе достойнымъ вниманія монарха, тогда получились бы безцѣнные для блага страны результаты.

„Берегись", сказалъ однажды Николай, на маневрахъ у Шлиссельбурга, генералу Ник. Ник. Муравьеву (по прозванію—Карскому) въ присутствіи всего дипломатическаго корпуса, „берегись, я тебя разобью". „Ваше Величество", отвѣтилъ храбрый генералъ: „на войнѣ меня никогда не побѣждали". На разыгравшемся маневрѣ онъ разбилъ наголову Его Величество, никогда ему этого не простившаго [1]). Какъ ты находишь моихъ запасныхъ? спросилъ Николай у Муравьева. „Ваше Величество", отвѣтилъ слишкомъ откровенный Муравьевъ, „ихъ нужно было видѣть двѣ недѣли тому назадъ, когда они пришли изъ дому, тогда это была толпа нищихъ". Государь жестоко ему отомстилъ.

На слѣдующій день, при видѣ наступленія корпуса Муравьева, онъ замѣтилъ послѣднему: „вашъ корпусъ похожъ на толпу нищихъ". Достойный генералъ вышелъ въ отставку, и страна вдвойнѣ страдала оттого, что въ Николаѣ не обрѣла Фридриха II (прусскаго) [2]).

Эти запасные, въ сущности, самая несчастная выдумка.

Всей правды не всегда рѣшишься сказать, но когда страна страдала—нужно имѣть мужество громко высказаться.

Государь сократилъ срокъ дѣйствительнаго пребыванія на службѣ солдата съ 25-ти на 22 года для армейскихъ и съ 20-ти на 15-ть для гвардейскихъ полковъ и остающееся сверхъ этихъ сроковъ время солдаты оставались на учетѣ, каждый годъ призывались принимать участіе на маневрахъ, въ случаѣ же войны призывались въ строй—въ свои части. При исполненіи этой мѣры забыли только главное, а именно ихъ содержаніе. Переставъ быть крестьянами, они перестаютъ быть и хорошими солдатами; ненужные арміи, для деревни они являются обузою и съ трудомъ находя способъ пропитанія,—сѣютъ безпорядокъ и недовольствіе среди сельскаго населенія. Помѣщики ихъ боятся, крестьяне не хотятъ ихъ знать, и такимъ образомъ правительство

---

[1]) Ник. Ник. Муравьевъ былъ уволенъ въ отставку и находился въ ней 13 лѣтъ, пока не былъ призванъ командовать войсками на Кавказѣ въ 1854 году, когда на Кавказѣ дѣла шли изъ рукъ вонъ плохо. Увольненіе Муравьева, бывшаго генералъ-адъютантомъ, въ отставку нарушило обычай или законъ, по которому генералъ-адъютанты никогда не увольнялись въ отставку.

Б. Колюбакинъ.

[2]) Фридрихъ II имѣлъ, какъ извѣстно, репутацію человѣка, прощавшаго и не помнившаго личныхъ обидъ. *Б. К.*

вмѣсто дисциплинированныхъ солдатъ создаетъ опасныхъ и умудренныхъ опытомъ пролетаріевъ [1]).

Николаю обыкновенно рѣдко отказываютъ въ силѣ характера, который онъ будто бы въ высшей степени проявилъ въ день вступленія на престолъ. Но оказывается, что его только съ трудомъ уговорили показаться передъ бунтовавшими, и также извѣстно, что передъ тѣмъ, какъ покинуть дворецъ, онъ горячо молился Богу. Чему приписать это обстоятельство, чувству набожности или страха?!. Онъ былъ достаточно скрытенъ, чтобы афишировать первое чувство и скрывать другое. На площади онъ былъ блѣденъ и дрожалъ въ то время, когда его приверженцы утверждали, что „все погибло", тогда какъ все шло къ лучшему. Мятежники, не имѣя военнаго начальника, оставались въ бездѣйствіи цѣлый день, и рѣшимость наконецъ дѣйствовать явилась у Николая только къ вечеру. Привезли пушки, и вотъ 12 пушекъ стали противъ 300 человѣкъ, противъ которыхъ было выстроено еще 13.000 вѣрныхъ войскъ. Въ мятежниковъ стрѣляли съ сотни шаговъ, затѣмъ стрѣляли въ народъ вдоль Галерной улицы и по набережнымъ. Одна женщина выглянула въ окно—снарядъ оторвалъ ей голову. „Какъ печально началось мое царствованіе!"—воскликнулъ Николай, вернувшись во дворецъ.

Баронъ Д*, бывшій воспитатель Николая, спросилъ его однажды, какъ у него, котораго онъ всегда считалъ такимъ слабымъ, хватило столько рѣшимости. „Вопросъ шелъ о тронѣ", отвѣчалъ Николай, а за такую ставку въ игрѣ стоило, въ самомъ дѣлѣ, выказать смѣлость. Въ порывѣ странной скромности Николай сказалъ маркизу Кюстину: „я только сдѣлалъ свое дѣло". Въ оффиціальной газетѣ было напечатано, что Николай, встрѣтивъ во дворцѣ роту взбунтовавшихся гренадеръ, которые не отдали ему честь, сказалъ имъ, что очевидно они заблудились и что имъ слѣдуетъ идти на Исаакіевскую площадь и присоединиться къ мятежникамъ. Царедворцы шли дальше, разсказывая, что во дворцѣ онъ приказалъ гвардейскимъ саперамъ навести на себя ружья, взять прицѣлъ, выдержалъ ихъ взоры, а затѣмъ скомандовалъ опустить ружья.

---

[1]) Эта затѣя, которую поддерживалъ Николай, цѣли конечно не достигла по причинѣ своей теоретичности. Нашлись дѣятели на высшихъ ступеняхъ, которые возражали, но Николай, какъ извѣстно, не терпѣлъ возраженій, а главное, что близкія и окружающія лица не были способны къ возраженіямъ и такихъ, какъ Муравьевы (Николай, Михаилъ и Александръ) или кн. Васильчиковъ, было не много. *Б. К.*

Когда бунтъ былъ окончательно подавленъ и солдатъ вели уже арестованными и связанными, великій князь Михаилъ впервые за цѣлый день попался имъ навстрѣчу и началъ поносить ихъ отборными ругательствами. Одинъ изъ солдатъ, осмѣлившійся не скинуть шапки, получилъ по лицу ударъ кулака его высочества [1]). Послѣ побѣды Николай прибѣгъ къ милости. Слѣдственная комиссія присудила главныхъ заговорщиковъ къ четвертованію—царь замѣнилъ четвертованіе висѣлицей.

Висѣлица была новинкой въ Россіи и Николаю выпала честь ввести ее въ Россіи. Пришлось выписать палача изъ Швеціи, такъ какъ у насъ не нашлось такового.

Во время казни трое изъ осужденныхъ сорвались съ петли еще живыми. Николая спросили, какъ съ ними поступить? „Снова повѣсить"—былъ отвѣтъ Николая. Муравьевъ, котораго снова заставили подняться на висѣлицу, сказалъ по-французски: „Dans ce fichu pays on ne sait seulement pas pendre un homme". Рылѣевъ сказалъ, что онъ, какъ бывшій офицеръ, подлежалъ разстрѣлянію, а не другой какой казни. По поводу этихъ казней поэтъ написалъ безсмертное четверостишіе (французскій текстъ не даетъ возможности опредѣлить автора, да и передать въ стихахъ).

Рылѣевъ, этотъ русскій Шенье, былъ въ числѣ повѣшенныхъ. Цвѣтъ русскаго дворянства былъ безжалостно скошенъ. Чего же хотѣли заговорщики? Конституціи, которую самъ Александръ жаждалъ всей душой; даруя конституцію Польшѣ, онъ выразилъ глубокое сожалѣніе, что не можетъ сдѣлать того же для своей страны [2]). Кто знаетъ, быть можетъ среди заговорщиковъ были люди, которые только и участвовали въ заговорѣ изъ желанія угодить своему государю?

Бывшій посолъ Марковъ находился на смертномъ одрѣ, когда его племянникъ сталъ ему разсказывать подробности мятежа и закончилъ такъ свое повѣствованіе: „однимъ словомъ, все про-

---

[1]) Другой солдатъ, очевидецъ этой сцены, разсказывая мнѣ объ этомъ на смертномъ одрѣ, выражалъ свое возмущеніе настоящаго солдата.

И. Головинъ.

[2]) Это увлеченіе со стороны Головина. Александръ,—самъ деспотъ въ душѣ и съ улыбкой только ангела, никогда не далъ бы конституціи Россіи и эпоха его царствованія съ 1815 г. до смерти одна изъ ужаснѣйшихъ и наиболѣе реакціонныхъ въ Россіи. На почвѣ этой эпохи и возросъ Николай I-ый. Именно эта тяжкая эпоха реакціи и господства нѣмцевъ и русскихъ изувѣровъ и вызвала протестъ лучшихъ людей. *В. К.*

изошло, какъ во Франціи".—„Ты ошибаешься, другъ мой", отвѣтилъ Марковъ, „во Франціи сапожники захотѣли быть господами, а здѣсь—господа захотѣли быть сапожниками". Если это былъ только упрекъ, то онъ обращается въ похвалу. Однажды Государь позвалъ къ себѣ одного изъ своихъ генераловъ, онъ былъ страшно взволнованъ. „Имѣешь ли ты представленіе объ этой брошюрѣ", спросилъ онъ, подавая ему проектъ о конституціи, который только, что нашли въ бумагахъ Константина.

„Нѣтъ", отвѣтилъ генералъ, а вамъ, ваше величество, была ли она извѣстна?"—„Развѣ я бы такъ судилъ заговорщиковъ 14 декабря, если бы зналъ о ея существованіи", отвѣтилъ растерянный государь. „Скажи мнѣ, кто редактировалъ проектъ?" Генералъ могъ только назвать имя переписчика—князя В... [1]).

Однако участь жертвъ благороднаго заблужденія, тѣхъ, которыхъ въ Россіи иначе не называли, какъ несчастными, не была смягчена послѣ этого открытія. Только радостныя событія, происходящія въ царской семьѣ или предпріятія, которыя нуждались въ Божьей помощи, нѣсколько облегчали ихъ положеніе. Такъ, напримѣръ, въ день объявленія войны Турціи, Николай, выходя изъ Казанскаго собора, приказалъ Бенкендорфу отдать распоряженіе о томъ, чтобы сняли кандалы съ осужденныхъ за 14 декабря. Но, когда, по окончаніи срока каторги, Бенкендорфъ хотѣлъ назначить имъ для жительства лучшіе города Сибири, чтобы имѣть возможность лучше за ними слѣдить, Николай этому воспротивился: О чемъ ты думаешь, сказалъ онъ, „развѣ можно дать имъ возможность пользоваться благами жизни въ лучшихъ центрахъ края".

Взявъ карту Сибири, Николай собственноручно отмѣтилъ для мѣста ихъ жительства самыя отдаленныя, самыя пустынныя, мѣста этого печальнаго края. Вслѣдствіе этого распоряженія несчастные болѣе страдали на поселеніи, чѣмъ на каторжныхъ работахъ, которыя собственно сами по себѣ не были для нихъ тяжелыми и благодаря которыхъ они имѣли утѣшеніе жить всѣ вмѣстѣ [2]).

Первый завѣдывавшій осужденными, собранными въ Нерчинскѣ, встрѣтилъ ихъ въ халатѣ и со словами: „что вы тамъ харахоритесь, съ васъ тутъ живо собьютъ спѣсь".

---

[1]) Не князь ли Вяземскій.

[2]) Это было болѣе чѣмъ жестоко и совершено незакономѣрно, здѣсь обнаружилъ Николай чувство мстительности, недостойное монарха.

Б. К.

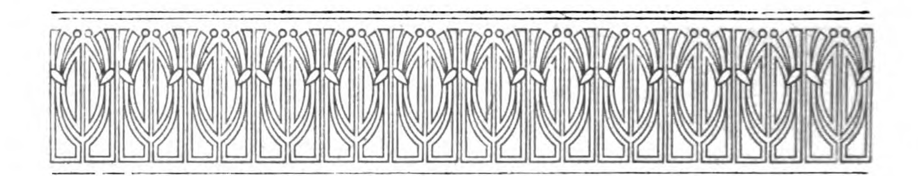
По первой жалобѣ на этого завѣдывающаго, на его грубость, Николай его прогналъ и на его мѣсто назначилъ генерала Лепарскаго добраго, просвѣщеннаго человѣка, командовавшаго раньше конно-егерскимъ имени Николая полкомъ.

Сосланные же не могли нахвалиться своимъ новымъ начальствомъ. Приведемъ еще случай въ пользу Николая. Одинъ изъ заговорщиковъ, князь Оболенскій, былъ его личнымъ врагомъ. На всѣ вопросы Николая онъ отвѣчалъ по-французски, не титулуя его, а называя: „monsieur". Комиссія, желая угодить Николаю, приговорила его къ смертной казни. Николай вычеркнулъ его имя, сказавъ: „это низость!" Но одинъ полковникъ Московскаго полка, у котораго по службѣ раньше были столкновенія съ Николаемъ, былъ осужденъ строже другихъ и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые всего менѣе воспользовался рѣдкими и скудными милостями своего бывшаго начальника. „Что Вамъ сдѣлалъ Вашъ Государь", спросилъ Николай у одного изъ заговорщиковъ, которому онъ дѣлалъ честь лично его допрашивать. „У насъ былъ не одинъ, а два Государя", былъ отвѣтъ, „вашъ братъ и Аракчеевъ", и такъ какъ онъ продолжалъ въ подобномъ тонѣ, то присутствовавшій на допросѣ Михаилъ Павловичъ не выдержалъ и вскрикнулъ: „ему нужно заткнуть глотку штыкомъ".

„Вы только-что спрашивали", продолжалъ обвиняемый на эту грубость великаго князя, „зачѣмъ намъ конституція, и я вамъ отвѣчу, что она нужна, чтобы было невозможно подобное обращеніе".

Сообщ. **Б. Колюбакинъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



Русская политика герцога Карла Шведскаго [1]).

Изъ англійскихъ архивовъ.

„Нужно быть очевидцемъ ребяческаго поведенія двора, чтобы составить себѣ представленіе о жалкихъ задачахъ, выдвигаемыхъ шведской иностранной политикой. Швеція стремительно идетъ къ своей гибели и пытается напортить тѣмъ державамъ, которыя могли бы ей еще оказать поддержку".

Эти слова взяты изъ донесенія англійскому правительству отъ 4 декабря 1795 г. и принадлежатъ повѣренному въ дѣлахъ въ Стокгольмѣ, Шарлю Арбутноту. Молодой, дѣльный и честный дипломатъ, впервые назначенный на отвѣтственный постъ, былъ отлично освѣдомленъ во внѣшней политикѣ Швеціи и ея внутреннемъ положеніи, и его депеши своему правительству очень содержательны. Въ частности же онъ сообщалъ своему правительству много важнаго, благодаря близкому знакомству съ русскими дѣлами при стокгольмскомъ дворѣ. Это было время регентства Карла, который номинально управлялъ Швеціей за несовершеннолѣтіемъ короля Густава Адольфа, фактически же всѣмъ распоряжался любимецъ герцога Рейтергольмъ. Въ концѣ регентства ясно обнаружился кризисъ иностранной политики, вызванный легкомысліемъ Рейтергольма и слабостью герцога. Въ послѣднихъ числахъ августа 1795 г. Арбутнотъ увѣдомилъ государственнаго секретаря графа Барка, что 28 августа между Англіей, Россіей и Австріей заключенъ оборонительный союзъ, направленный противъ Франціи.

---

[1]) Взято изъ книги L. Wahlström, Gustavianska Studier, Stockholm Nordstedt u. Söhner Verlag. 1914.

Въ интересахъ союзныхъ державъ было привлечь на свою сторону нейтральныя страны, въ частности Швецію и Данію. Въ задачу Арбутнота поэтому входило стремиться къ ослабленію французскаго вліянія въ Швеціи и усиленію русскаго.

Въ началѣ декабря 1795 г. вновь назначенный русскій посланникъ, баронъ Будбергъ, прибылъ въ Стокгольмъ, откуда его предшественникъ Румянцевъ уѣхалъ еще въ августѣ 1794 г. Будбергу въ виду желательности сближенія Россіи съ Англіей было предписано завязать дружескія отношенія съ Арбутнотомъ, и уже на первыхъ порахъ онъ былъ очень откровененъ съ англійскимъ дипломатомъ, и даже показывалъ ему свою корреспонденцію. Впрочемъ, общество Будберга врядъ ли было пріятно Арбутноту. Русскій посланникъ уже однажды пріѣзжалъ въ Стокгольмъ съ порученіемъ и сумѣлъ возбудить такую ненависть, что въ его теперешнемъ назначеніи, писалъ Арбутнотъ, усмотрѣли желаніе довести до бѣшенства шведское правительство. Будбергъ въ короткое время возстановилъ противъ себя и дворъ, и дипломатическіе круги.

Отношеніе къ Будбергу ярко выразилось въ презрительномъ пріемѣ, оказанномъ ему въ первомъ же оффиціальномъ представленіи. Русскаго посланника герцогъ-регентъ встрѣтилъ съ хлыстомъ въ рукѣ. „Какъ бы предупреждая Будберга, что при малѣйшемъ знакѣ непочтительности, онъ сдѣлаетъ ему практическое внушеніе".

Но этой довольно наивной демонстраціей шведскаго правительства только внѣшне проявилось безцеремонное отношеніе къ Россіи. На самомъ же дѣлѣ, позволяя себѣ публично оскорблять русскаго посланника, втайнѣ уступали его угрозамъ. Будбергъ самъ говорилъ Арбутноту, что ему было поручено выразить неудовольствіе русской императрицы шведской политикой, въ частности переговорами о союзѣ съ Франціей и противорѣчащей планамъ Екатерины помолвки юнаго короля Густава Адольфа съ Мекленбургской принцессой. Будбергъ показывалъ Арбутному телеграмму русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Остермана, въ которой рѣзко выражался гнѣвъ императрицы на Швецію— „она выставляетъ себя на великій скандалъ всей Европы, принимая отъ этихъ цареубійцъ деньги на вооруженія. Если бы не приближалось совершеннолѣтіе короля, она была бы готова пойти на открытый разрывъ съ Швеціей".

Но вызывающее поведеніе Будберга внушило шведскому правительству такой явный страхъ передъ гнѣвомъ императрицы, что уже въ серединѣ февраля оно было серьезно озабочено, какъ

бы разстроить помолвку, переговоры о которой начались въ августѣ, а 1 ноября закончились оффиціальнымъ объявленіемъ. И вотъ на 11 февраля было созвано совѣщаніе по этому поводу и рѣшено было, если не разстроить обрученія, то во всякомъ случаѣ отложить свадьбу. Неоффиціальнымъ мотивомъ послужило нежеланіе этого брака юнымъ королемъ. Герцогиня Шарлотта, супруга регента, видѣла портретъ Мекленбургской принцессы и отзывалась о ней, какъ о чрезвычайно некрасивой особѣ, похожей на „нарядившуюся горничную“. Лица же, видѣвшія принцессу, прямо говорили, что у нея былъ горбъ на спинѣ.

Насколько императрицѣ хотѣлось снова вернуть свое утраченное вліяніе въ Швеціи, видно изъ того факта, что она въ февралѣ этого же года отправила генерала Будберга, кузена посланника, съ неоффиціальнымъ, но отвѣтственнымъ порученіемъ въ Стокгольмъ. Онъ долженъ былъ разузнать о господствовавшемъ настроеніи умовъ въ Швеціи и добиться перемѣны политики въ желательномъ императрицѣ направленіи.

Арбутнотъ находитъ, что у генерала Будберга былъ умѣренный и сдержанный характеръ, но съ англійскимъ посланникомъ онъ былъ изумительно откровененъ, настолько, что оставлялъ его цѣлый часъ одного съ депешами къ русскому правительству. Будбергъ говорилъ Арбутноту, что Швеціи слѣдовало бы довести себя до такого положенія, чтобы не возбуждать ни въ комъ никакихъ опасеній. Для этого ей слѣдовало бы уменьшить свои границы до прежнихъ размѣровъ, т.-е. Россія должна взять Финляндію, а Данія Готеборгъ, предполагая, что датчане предпочтутъ союзъ съ Россіей и Англіей въ выборѣ комбинаціи съ другими державами.

Но въ планы могущественнаго Рейтергольма, противника сближенія съ Россіей, фактически устроившаго помолвку короля съ принцессой Мекленбургской, совершенно не входило назначеніе генералу Будбергу оффиціальной аудіенціи при дворѣ. Послѣднему пришлось поэтому прибѣгнуть къ услугамъ негласныхъ посредниковъ. Онъ нашелъ ихъ въ небольшомъ кругу французскихъ эмигрантовъ, жившихъ тогда въ Стокгольмѣ, какъ и при всѣхъ европейскихъ дворахъ. Въ частности графиня де-С.-Пріестъ, жена бывшаго министра Людовика XVI, могла быть ему полезна, хотя она жила въ Стокгольмѣ, но получила субсидіи отъ Россіи и охотно предложила генералу свои услуги. Затѣмъ французскій артиллерійскій офицеръ, преподававшій королю военныя науки, Сюрмэнъ, также негласно помогалъ Будбергу, но

самымъ важнымъ его посредникомъ сдѣлался швейцарскій авантюристъ Фердинандъ Христинъ.

Сынъ банкира изъ Ивердена въ Нефшателѣ, агентъ Колонна, генеральнаго финансоваго контролера при Людовикѣ XVI, онъ пользовался деньгами отца, помогая Колонну въ его комбинаціяхъ. Послѣдовательно секретарь эмигрантскаго совѣта въ Кобленцѣ, агентъ французскихъ принцевъ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ разсчитывалъ на мѣсто „chargé d'affaires" или даже посланника, но обманутый въ своихъ надеждахъ Колонной, ѣдетъ въ Лондонъ въ качествѣ агента французскихъ принцевъ, и, наконецъ, осенью 1795 г. попадаетъ въ Стокгольмъ по дорогѣ въ Петербургъ.

Здѣсь онъ возбудилъ всеобщее любопытство, а послѣ его хвастливыхъ увѣреній, что Людовикъ XVI посылалъ его для переговоровъ со своими братьями, самъ герцогъ Карлъ имъ заинтересовался и далъ ему аудіенцію. Авантюристъ очаровалъ своимъ разговоромъ даже умную герцогиню Шарлотту, и только юному королю онъ показался подозрительнымъ тѣмъ, что, выдавая себя за швейцарскаго маіора, носилъ на придворномъ балу старыя шведскія эполеты и шведскую шпагу. Но не всѣ были такъ проницательны, и въ салонѣ графини де-Пріестъ, центрѣ эмигрантскихъ и дипломатическихъ круговъ, Христинъ скоро сдѣлался желаннымъ гостемъ. Здѣсь же онъ познакомился съ Сюрмэномъ и Арбутнотомъ и сблизился съ ними. Онъ надѣялся устроить выгодную женитьбу въ Петербургѣ, и желая поднять свои акціи оказываніемъ услугъ русскому правительству, онъ скоро близко познакомился съ положеніемъ русскихъ дѣлъ въ Стокгольмѣ. Генералъ Будбергъ, который не пользовался репутаціей дипломата, часто прибѣгалъ къ ловкому перу Христина и поручалъ ему составлять депеши своему правительству, а швейцарецъ иногда уносилъ ихъ къ себѣ и шифровалъ.

Не добившись аудіенціи при дворѣ, генералъ былъ радъ найти помощника въ лицѣ Христина, передъ которымъ всѣ двери были открыты. Когда же герцогъ при встрѣчѣ съ Христиномъ самъ заговорилъ о Россіи, швейцарецъ попросилъ у Будберга разрѣшенія „раскрыть герцогу глаза на истинные интересы Швеціи" и предупредить его, что „недоразумѣнія между Россіей и Швеціей могутъ перейти въ войну, если Швеція не поспѣшитъ переговорами помѣшать этому".

Будбергъ наивно выразился: „Я полагалъ, что тѣмъ охотнѣе долженъ согласиться на предложеніе въ виду его увѣренія, что

онъ заботится только о всеобщемъ благѣ, и я могу его „désavouer", если его слова будутъ плохо приняты или не совпадутъ съ тайными намѣреніями императрицы".

Благодаря Сюрмэну, преподавателю короля, Христинъ присутствовалъ 23 февраля при „lever" герцога и когда герцогъ „дружести заговорилъ съ нимъ о Россіи и спросилъ, знаетъ ли онъ, что императрица вооружается, Христинъ попросилъ и получилъ аудіенцію, которая была назначена на слѣдующій же день.

Въ указанное время Христинъ засталъ герцога одного, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

Христинъ заявилъ, что ему извѣстна точка зрѣнія Швеціи— воевать съ Россіей, но такъ какъ теперь еще можно найти выходъ для избѣжанія войны, то онъ считаетъ своимъ долгомъ сообщить объ этомъ герцогу.

Герцогъ возразилъ, что онъ всегда поступалъ какъ „лояльный рыцарь" и по отношенію къ императрицѣ, и если она нападетъ, то всѣ партіи въ Швеціи сплотятся вокругъ него, чтобы защищаться до послѣдней капли крови.

Послѣ довольно дерзкаго возраженія Христина, что напротивъ правительство имѣетъ массу враговъ, которые сейчасъ же воспользуются этимъ случаемъ для открытаго выступленія, а императрица, объявляя о войнѣ, разошлетъ манифестъ, который раскроетъ народу глаза на истинныхъ защитниковъ войны, она же рѣшилась на это съ болью въ сердцѣ, вынужденная невозможностью терпѣть дольше у своихъ границъ гибельную систему, которую она напрасно старалась всѣми способами разрушить. Герцогъ снизошелъ до отвѣта; онъ не сдѣлалъ ничего ни для нарушенія добрыхъ отношеній, ни для сближенія, и прибавилъ: „Я слишкомъ хорошо знаю высокомѣріе русскихъ министровъ, достаточно мнѣ будетъ сдѣлать малѣйшій шагъ, какъ мнѣ начнутъ говорить дерзости и вообразятъ, что я испугался вашихъ угрозъ".

Христинъ увѣрялъ герцога, что императрица будетъ очень расположена вступить въ переговоры, но пусть совѣтники герцога не воображаютъ, что можно ихъ начать только съ цѣлью выиграть время. Императрица питаетъ чисто материнскую нѣжность къ королю и она не хочетъ, чтобы взрывъ ненависти между двумя народами обрушился на юнаго короля, который не повиненъ въ его возникновеніи. Она надѣется, что благодаря же-

стокой войнѣ, которая случится раньше, чѣмъ король возьметъ бразды правленія въ свои руки, можно будетъ избавить Швецію отъ политической зависимости, къ которой привела страну теперешняя система".

Герцогъ, на котораго, повидимому, произвели сильное впечатлѣніе слова Христина, спросилъ его, какъ можно сблизиться съ императрицей, когда она навѣрно потребуетъ нарушенія помолвки короля и союза съ Франціей, а герцогъ не можетъ иначе, какъ опозоривъ себя, порвать дѣло, зашедшее такъ далеко.

На совѣтъ Христина сослаться на желаніе короля и выгородить себя, герцогъ спросилъ, неужели его считаютъ человѣкомъ, который каждую минуту мѣняетъ мнѣніе, но Христинъ все же посовѣтовалъ согласиться на союзъ, который иначе его можетъ заставить подписать императрица на условіяхъ, которыя она ему будетъ диктовать, опираясь на свои войска.

Онъ распространялся также о русской арміи, о ея выгодномъ внѣшнемъ положеніи, между тѣмъ какъ Швеція можетъ противоставить только плохо дисциплинированную армію безъ генераловъ, негодную артиллерію, запутанные финансы, партіи, всеобщее неудовольствіе, союзъ съ народомъ безъ правительства и т. д. Въ заключеніе онъ умолялъ герцога остерегаться всего, что даетъ ему ложное представленіе объ истинномъ положеніи дѣлъ. Герцогъ спросилъ его, подъ честнымъ словомъ, говорилъ ли онъ обо всемъ этомъ съ другими. На отвѣтъ Христина, что только съ Сюрмэномъ, герцогъ взялъ его за обѣ руки и довѣрчивымъ тономъ спросилъ: „дѣйствительно ли вы честный человѣкъ, господинъ Христинъ, и могу ли я открыться вамъ"? На утвердительный отвѣтъ онъ сказалъ, что не знаетъ, желаетъ ли онъ войны, но во всякомъ случаѣ предпочитаетъ пасть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ опозорить себя.

— Укажите мнѣ выходъ, которымъ можно защитить честь, и я готовъ пойти на все, что вы мнѣ предложите.

Христинъ рекомендовалъ ему обратиться къ генералу Будбергу, какъ подходящему посреднику; но герцогъ сказалъ, что это невозможно, въ настоящее время ему приходится „щадить слишкомъ много людей", въ Швеціи не могутъ забыть объ оскорбленіи, нанесенномъ шведскому посланнику въ Петербургѣ; пусть Христинъ спроситъ опредѣленнѣе русскаго генерала, чего желаетъ теперь императрица, но не проговорится, что вопросъ исходитъ отъ герцога.

Больше всего озабочиваетъ его, если императрица потребуетъ нарушенія помолвки. Затѣмъ онъ привелъ мало правдоподобную исторію, что однажды начатые переговоры о помолвкѣ юнаго короля съ русской великой княжной разстроились изъ-за желанія императрицы, чтобы великая княгиня имѣла православную часовню и священника своей религіи, что противорѣчитъ основнымъ положеніямъ шведскаго королевства, и закончилъ, что нарушилъ бы союзъ съ Франціей, если бы нашелъ выгоду въ другой комбинаціи, и сдѣлалъ бы все зависящее, чтобы возстановить прежнія хорошія отношенія между Россіей и Швеціей.

Во время слѣдующаго разговора, 26 февраля, Христинъ, успѣвшій повидать генерала Будберга, передалъ герцогу, что императрицѣ чрезвычайно не нравится шведско-французскій союзъ, а также нарушеніе Дротнингольмскаго трактата. Лучшее же средство прекратить всѣ недоразумѣнія — это королю и герцогу поѣхать въ Петербургъ. Герцогъ возразилъ, что это невозможно, оба не могутъ покинуть страны. Императрица же должна усмотрѣть доказательство искренняго желанія сближенія между Россіей и Швеціей въ фактѣ отозванія шведскаго посланника Сталя изъ Франціи. Герцогъ обѣщалъ Христину передать обо всемъ королю, но счелъ нужнымъ предупредить его, что король не очень расположенъ къ Россіи. и думаетъ, что императрица насъ не любитъ".

Христинъ горячо протестовалъ, эти мысли королю внушаетъ Рейтергольмъ, и просилъ дать ему аудіенцію у Рейтергольма, чтобы онъ могъ доказать ошибочность этого предубѣжденія. Герцогъ разрѣшилъ, но предупредилъ, что Рейтергольмъ можетъ „наболтать глупостей. Я поддерживаю этого человѣка, онъ мнѣ необходимъ, но вообще онъ страшно горячая голова, экзальтированно настроенный".

На просьбу Христина объ аудіенціи Рейтергольмъ отвѣтилъ согласіемъ, но высокомѣрно прибавилъ: что его ничуть не интересуетъ узнать, что Христинъ говорилъ герцогу. Аудіенція состоялась 27 февраля, при чемъ министръ такъ сурово обошелся съ Христиномъ, обнаружилъ укоренившуюся ненависть къ Россіи въ такихъ выраженіяхъ, что генералъ Будбергъ, донося объ этомъ, не рѣшился ихъ повторить.

Въ частности Рейтергольмъ забылся до послѣднихъ предѣловъ, позволилъ себѣ личные грубые выпады противъ императрицы, увѣрялъ, что православной религіи никогда не утвердиться въ Швеціи и т. д.

Въ концѣ разговора Христинъ выразился слѣдующимъ рѣзкимъ образомъ: „Герцогъ меня хотя предупредилъ, что вы можете наболтать глупости, но я думалъ, что онѣ будутъ касаться меня. Если бъ я только могъ себѣ представить, что Вы осмѣлитесь наговорить мнѣ нѣчто подобное про императрицу, я, разумѣется, не сталъ бы подвергаться выслушиванію этого. Я слишкомъ ясно вижу, что всякая надежда на переговоры потеряна, разъ Вы руководитель правительственнаго совѣта. Желаю Вамъ не имѣть повода раскаиваться въ эксцессахъ, которымъ Вы осмѣлились предаваться". Уходя, Христинъ, объявилъ, что „такого скандала быть можетъ еще не было съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ короли и министры", на что Рейтергольмъ возразилъ, „что въ прежнія времена этого нельзя было сказать".

Послѣ этого Христинъ написалъ герцогу письмо, прося о новой аудіенціи, только, чтобы имѣть случай сказать, что „Швеція удаляется отъ честнаго и счастливаго пути.

„Иностранецъ, не побуждаемый никакими эгоистичными цѣлями, болѣе безпристрастенъ, чѣмъ заинтересованныя лица, но навѣрно государи рѣдко встрѣтятъ людей, которые безкорыстно захотятъ подвергнуться непріятностямъ, навлекаемымъ на нихъ непрошенными лицами".

Христинъ подвергалъ себя большой опасности, никто не признавалъ въ немъ оффиціальнаго посредника, такъ что швейцарецъ даже не могъ бы требовать защиты ни у одного посланника.

Съ этой запиской въ рукѣ Христинъ самъ пошелъ къ герцогу, который принялъ его въ ночномъ халатѣ, такъ какъ онъ только-что вскочилъ съ кровати. Сперва герцогъ вспылилъ, но когда Христинъ сказалъ, что онъ будетъ хранить молчаніе о выходкѣ Рейтергольма, такъ какъ „отчетъ о ней могъ бы дать больше, чѣмъ одинъ поводъ для войны", и повторилъ нѣкоторыя изъ выраженій Рейтергольма, то герцогъ отвѣтилъ, что онъ осуждаетъ и „désavouait" Рейтергольма съ начала до конца. „Не думайте, что Рейтергольмъ пользуется такимъ вліяніемъ, какъ говорятъ, онъ мнѣ полезенъ и нуженъ, но онъ не руководитъ мною. Онъ можетъ имѣть свой образъ мыслей, я же думаю совершенно иначе".

Въ частности герцогъ заявилъ, что склоненъ къ сближенію съ императрицей и не позволитъ воспрепятствовать въ этомъ Рейтергольму, который уже противъ своей воли долженъ былъ согласиться на отозваніе Стааля изъ Франціи. Съ королемъ герцогъ еще ни о чемъ не говорилъ, почему и не принялъ въ тотъ

же день генерала Будберга. Онъ рѣшилъ отсрочить совершеннолѣтіе короля на 4 мѣсяца, согласно завѣщанію покойнаго короля. Къ этому времени Густавъ Адольфъ будетъ въ состояніи самъ управлять королевствомъ, а съ герцога спадетъ большое бремя.

Во время слѣдующей аудіенціи, 2 марта, Христинъ сказалъ герцогу, что хотя онъ осыпанъ его милостями, но все-таки онъ не могъ добиться его довѣрія, что касается правды въ общественныхъ слухахъ. Въ частности генералъ Будбергъ потерялъ уже 2 недѣли и не могъ добиться аудіенціи, и общество не можетъ уже вѣрить искренности сближенія съ Россіей до тѣхъ поръ, пока избѣгаютъ переговоровъ съ лицомъ, въ тысячу разъ болѣе подходящимъ для ускоренія рѣшенія. Противъ „добрыхъ намѣреній герцога“ борется Рейтергольмъ, а такъ какъ ему, Христину, неудобно спорить съ министромъ, который пользуется довѣріемъ герцога, то онъ видитъ себя вынужденнымъ отступить.

Герцогъ возразилъ, что Рейтергольмъ, у котораго „желѣзный, неподатливый характеръ“, былъ чрезвычайно раздраженъ нарушеніемъ помолвки само по себѣ, а еще больше—возможностью обвиненія его въ страхѣ передъ Россіей, и герцогъ увѣренъ, что рѣзкость Рейтергольма была вызвана опасеніемъ, какъ бы Христинъ этого не подумалъ.

Что касается генерала Будберга, то онъ можетъ получить аудіенцію въ слѣдующее воскресенье, когда король будетъ здоровъ, и прибавилъ тихимъ голосомъ: „я хочу сближенія съ императрицей, но скажу вамъ между нами, что во всякомъ случаѣ страшно трудно выпутаться изъ тисковъ, которыми вы насъ окружили. Мы устроили бракъ, мы его разстраиваемъ, ахъ, это ужасно“.

— Да, вотъ еще новость: Суворова, послѣ того, какъ онъ осмотрѣлъ финскія крѣпости, услали въ Персію, за тысячи верстъ отъ насъ.

Затѣмъ событія показали, что герцогъ опять уступилъ Рейтергольму, генералу Будбергу отказали въ аудіенціи въ воскресенье, подъ предлогомъ, что королю это неудобно, и Христинъ уже начиналъ безпокоиться за свое участіе въ этихъ переговорахъ, такъ какъ герцогъ явно его „désavouait“. Онъ могъ только завѣрить честнымъ словомъ Будберга, что все, что онъ ему передавалъ, была правда.

Еще одну услугу оказалъ Христинъ генералу; онъ просилъ Сюрмэна позондировать короля на урокѣ. Сюрмэнъ разсказалъ своему ученику о разговорахъ Христина съ герцогомъ и Рейтер-

гольмомъ. Король просилъ Сюрмэна передать Христину благодарность, Рейтергольма же порицалъ, объ императрицѣ онъ отзывался съ уваженіемъ, но ничего не сказалъ насчетъ укрѣпленія добрыхъ отношеній съ Россіей. Тогда Сюрмэнъ написалъ записку, изложивъ выгоды отъ союза съ Россіей, король прочелъ ее, но не осмѣлился сохранить ее, иначе онъ будетъ вынужденъ показать ее герцогу, и тогда Сюрмэнъ будетъ погибшимъ человѣкомъ.

Христину удалось также вывѣдать черезъ друга короля о его намѣреніяхъ насчетъ женитьбы. Король не хотѣлъ жениться на Мекленбургской принцессѣ и откровенно сказалъ объ этомъ герцогу, но оффиціально не рѣшился высказаться изъ чувства ложнаго стыда. Онъ ничего не имѣетъ противъ брака съ великой княжной, но Рейтергольмъ все еще льститъ себя надеждой женить его на Мекленбургской принцессѣ. Это была уже послѣдняя услуга Христина Будбергу. Видя, что отношеніе герцога къ нему измѣнилось, онъ началъ давать отбой и подѣлился планами съ Арбутнотомъ. Англійскій посланникъ намекнулъ, что довѣріе къ Арбутноту разсматривается, какъ услуга Англіи, и уговаривалъ Христина сообщать ему обо всѣхъ переговорахъ за счетъ Россіи. Христинъ согласился только при условіи, если Арбутнотъ рекомендуетъ его англійскому посланнику въ Петербургѣ—Уитворту—куда Христинъ теперь ѣдетъ, и обѣщаетъ, что Воронцовъ, русскій посланникъ въ Лондонѣ, ничего объ этомъ не будетъ знать.

Христинъ уѣхалъ 25-го марта, послѣ того, какъ онъ 20-го получилъ приказаніе шведскаго правительства покинуть страну. Конечно, Рейтергольмъ догадался, что за кулисами что-то происходитъ, и сразу положилъ конецъ откровеннымъ разговорамъ герцога съ Христиномъ. Герцогъ даже не осмѣлился дать прощальной аудіенціи Христину. Положеніе было такое, что генералъ Будбергъ просилъ обо всемъ сообщать ему только черезъ Арбутнота, такъ какъ не хотѣлъ, чтобы его сношенія съ Христиномъ стали извѣстны. Фактически же онъ желалъ скорѣйшаго отъѣзда Христина изъ Швеціи, ибо публика уже узнала о выступленіи герцога и Рейтергольма. О Христинѣ въ шведской исторіи больше ничего не было слышно, но думаютъ, что онъ остался въ Россіи и пользовался тамъ покровительствомъ старой княгини Варвары Туркестановой.

Естественно, что шведское правительство старалось свести на нуль переговоры герцога съ Христиномъ, упорно отрицало, что герцогъ даже одну минуту слушалъ его. Но французскій послан-

никъ въ Стокгольмѣ Le Hoc разсказывалъ со словъ государственнаго канцлера Спарре, что герцогъ нѣсколько дней былъ исполненъ рѣшимости исполнить требованія императрицы; но въ конечномъ счетѣ вліяніе любимца Рейтергольма оказалось сильнѣе.

Въ виду этихъ обстоятельствъ генералъ Будбергъ увидѣлъ безнадежность попытокъ сближенія со шведскимъ правительствомъ. Не одинъ шведъ не осмѣливался приблизиться къ его дому, а иностранные дипломаты, за исключеніемъ Арбутнота, входили къ нему „съ дрожью“ и очень рѣдко.

Самъ генералъ рѣшилъ не появляться при дворѣ, даже если его пригласятъ, и когда оффиціальный пріемъ былъ ему, наконецъ, назначенъ, приблизительно 15 марта, онъ сказался больнымъ. Офицеръ, который явился къ нему 4 апрѣля съ приглашеніемъ отъ герцога, не былъ принятъ.

Теперь въ планы Будберга входило побудить императрицу серьезно угрожать войной и выставить предлогомъ выходку Рейтергольма. Но Арбутнотъ, который лично старался о сохраненіи мира между Швеціей и Россіей, находилъ печальнымъ, „чтобы равновѣсію Сѣвера могла угрожать необъяснимая глупость и наглость одного лица“, и онъ 7 апрѣля имѣлъ разговоръ съ государственнымъ канцлеромъ Спарре и предупредилъ его, что уже союзъ съ Франціей поставилъ Швецію въ опасное положеніе, которое выходка Рейтергольма еще усилила, и онъ, бывая часто въ обществѣ обоихъ Будберговъ, знаетъ, что Екатерина въ высшей степени раздражена, и „Финляндія, однажды завоеванная, уже не будетъ возвращена“.

Въ случаѣ возникновенія войны, симпатіи Англіи не будутъ на сторонѣ Швеціи, и даже если бы это случилось, Англія не въ состояніи была бы помочь ей. Если Рейтергольмъ дѣйствительно любитъ свою страну, онъ долженъ ее покинуть, и промедленіе въ данномъ случаѣ можетъ оказаться гибельнымъ. Спарре заявилъ, что не подозрѣвалъ, что опасность такъ велика, и призналъ, что Рейтергольмъ, котораго онъ очень уважаетъ, долженъ покинуть страну.

Будбергъ очень благодарилъ Арбутнота, когда тотъ передалъ ему о разговорѣ, и англійскій дипломатъ, по его словамъ, поступилъ такъ, зная, что въ глубинѣ души императрица не желаетъ войны съ Швеціей. Арбутнотъ очень старался получить согласіе своего правительства на посредничество, и скоро оно его увѣдомило, чтобы онъ никоимъ образомъ на далъ повода къ недоразумѣнію, будто существуетъ натянутость въ отношеніяхъ Англіи и Россіи. Ему же писали изъ Англіи, что шведское пра-

вительство старается создать тренія между обѣими державами, намекая, что отношенія между Швеціей и Англіей могли бы быть дружественнѣе, чѣмъ въ такое время, когда „Швеція требуетъ субсидіи отъ враговъ Англіи и старается натравливать Турцію на Россію и Австрію".

Арбутнотъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, продолжалъ дѣло посредничества. Черезъ него шведское правительство освѣдомлялось о желаніяхъ Будберга, и послѣдній отвѣтилъ, что не имѣетъ разрѣшенія начать переговоровъ, пока Рейтергольмъ останется въ странѣ, и совѣтовалъ отправить письмо императрицѣ. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Будберга съ довѣреннымъ герцога, барономъ Гамильтономъ, генералъ потребовалъ прекращенія всякихъ сношеній съ Франціей и оффиціальнаго объявленія о разстройствѣ помолвки. Гамильтонъ отвѣтилъ, что его правительство, въ доказательство искренности своихъ намѣреній, рѣшило прекратить всякія вооруженія и желало бы знать, какого рода аудіенцію генералъ желаетъ получить, но Будбергъ сухо отвѣтилъ, что неумно прекращать вооруженіе и излишне теперь принимать его, когда онъ больше всего желаетъ быть отозваннымъ назадъ, что дѣйствительно и случилось.

По отъѣздѣ генерала Будберга переговоры продолжались между посланникомъ Будбергомъ и довѣренными лицами герцога, много стараній прилагала также графиня де Ст.-Пріестъ, но въ концѣ концовъ шведскому посланнику въ Петербургѣ Штедингу удалось лестью подѣйствовать на Рейтергольма и склонить его къ уступчивости, въ результатѣ чего герцогъ и король написали слѣдующее частное письмо императрицѣ. Вотъ текстъ письма герцога.

Стокгольмъ, 16 апрѣля 1796 г.

„Въ настоящее время, когда, повидимому, дружеское объясненіе еще можетъ загладить печальныя послѣдствія недоразумѣній, которыя слишкомъ долго длились между обоими дворами, я считаю счастьемъ, что могу безъ обиняковъ раскрыть мое сердце по этому поводу передъ вашимъ императорскимъ величествомъ, убѣжденный, что вы не ошибетесь какъ относительно побужденія, которое двигало мною, когда я предпочелъ этотъ путь всякому другому, и не сомнѣваетесь въ чувствѣ глубокаго уваженія, которое я всегда питалъ къ вашей высокой особѣ.

Узы крови и родства, въ связи съ согласіемъ, которое еще держится между двумя націями, должны, какъ мнѣ кажется, помочь отбросить обоюдную мысль о всякихъ вражескихъ планахъ. Между тѣмъ настоящее положеніе быть можетъ давно

привело бы къ нарушенію мира, отъ чего выиграли бы только тайные враги обоихъ государствъ. Я тѣмъ болѣе убѣжденъ въ этомъ въ настоящую минуту, что имѣлъ случай видѣть ихъ тайныя козни, клонившіяся къ возбужденію недовѣрія между нами и незамѣтному подрыву довѣрія, которое лежало въ основѣ нашей дружбы. Таково, Мадамъ, мое мнѣніе о настоящемъ положеніи.

Меня очень угнетаетъ, что я раньше не нарушилъ молчанія. Въ случаѣ—въ чемъ я не сомнѣваюсь, ваше императорское величество одушевлены одинаковымъ желаніемъ согласія и мира, я нахожу, что съ обѣихъ сторонъ ничего другого не надо, какъ только „забыть прошлое“, и не входя въ дальнѣйшее представленіе по этому поводу, съ позволенія вашего императорскаго величества, съ сегодняшняго дня мы будемъ разсматривать насъ какъ двухъ добрыхъ друзей и родственниковъ, которые послѣ довольно продолжительной разлуки неожиданно находятъ другъ друга.

Я ожидаю только, Мадамъ, вашего отвѣта на мое предложеніе, чтобы затѣмъ я могъ съ радостью возобновить мои старыя отношенія съ вашимъ императорскимъ величествомъ, и я ничего не упущу, чтобы показать вамъ искренность моихъ намѣреній въ этомъ отношеніи.

Согласіе, которое еще держится между двумя государствами и которое поддерживается вашимъ императорскимъ величествомъ можетъ быстро, если вы это пожелаете, открыть путь къ болѣе тѣснымъ отношеніямъ, которымъ не помѣшаетъ соглашеніе, заключенное Швеціей въ силу необходимости или временныхъ обстоятельствъ; это значитъ, что теперешнее довѣріе Швеціи къ Франціи ограничилось бы тѣмъ, что необходимо для сохраненія нейтралитета или мира“.

Что императрицу не очень обрадовало это письмо, явствуетъ изъ холоднаго тона ея отвѣтнаго письма герцогу и королю.

Русскому министру Маркову поручено было объяснить шведскому посланнику Штедингу, что императрица желаетъ публичнаго признанія помолвки короля съ Мекленбургской принцессой недѣйствительной, а затѣмъ скорую помолвку съ ея внучкой, при чемъ Марковъ подчеркнулъ, что „медлительность противна природѣ императрицы“. Она и слышать не хочетъ разговора о соглашеніи, которое не покоится на прочномъ основаніи „семейнаго союза“, и дьявольскія козни, которыя втихомолку куютъ противъ насъ, наполняютъ ея сердце тысячью подозрѣній“.

Въ дальнѣйшемъ императрица не возбуждала больше вопроса о бракѣ и удовольствовалась приглашеніемъ герцога и короля

лѣтомъ въ Петербургъ, каковое посѣщеніе должно было закончить вопросъ объ отношеніяхъ государствъ. И герцогъ въ новомъ письмѣ увѣрялъ императрицу, что помолвка съ Мекленбургской принцессой окончательно разстроится, когда король достигнетъ совершеннолѣтія.

Будбергу же въ Стокгольмѣ сказали, что объявленіе о разстройствѣ помолвки откладывается только изъ опасенія передъ гнѣвомъ французскаго правительства. Генерала Будберга, который въ началѣ мая уѣхалъ домой, скоро отправили обратно въ Стокгольмъ, но на этотъ разъ въ качествѣ посланника. Чтобы умиротворить Россію, отстранили отъ дѣлъ Спарре въ началѣ іюня, подъ предлогомъ, чтобы онъ не „болталъ глупостей" на министерскомъ совѣщаніи. Но Арбутнотъ передаетъ, что Спарре сказалъ французскому повѣренному въ дѣлахъ, что если только Франція согласится дать Швеціи опредѣленную сумму, то она будетъ въ состояніи выйти изъ опаснаго положенія.

Рейтергольмъ хотя заступился за Спарре, говоря, развѣ такъ важно, если „старикъ болталъ", но это не помогло, онъ начиналъ уже безпокоиться за свою судьбу. Въ письмѣ къ другу короля, Флемингу, который могъ быть ему полезенъ, когда король вступитъ на престолъ, онъ пишетъ въ концѣ мая.

„По устнымъ донесеніямъ курьеровъ, а по собственнымъ депешамъ, кажется, что наша ссора не будетъ стоить крови. Но что старуха не понимаетъ дружбы иначе, какъ въ формѣ брака, это совершенно ясно. Но время и обстоятельства сдѣлаютъ ее хладнокровнѣе и терпѣливѣе, если стремленіе видѣть свою внучку счастливой приводитъ ее къ подозрительности и сварливости въ первую минуту, то, по моему мнѣнію, надо снисходительно отнестись къ ней въ виду ея старости и страстнаго желанія этого почетнаго союза".

Даже Штедингъ находилъ, что императрица проявляетъ большой личный интересъ къ предстоящему шведскому визиту въ Петербургѣ. Онъ пишетъ Рейтергольму, своему другу:

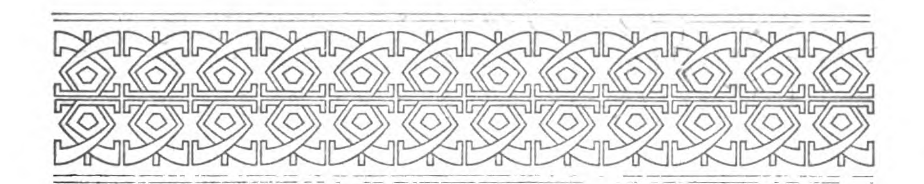
„Какъ видишь, во всемъ этомъ проглядываетъ женщина, и не въ малой долѣ тщеславіе. Вѣрно то, что императрица, хотя уже такая старая, не безъ основанія разсчитываетъ понравиться своимъ личнымъ обаяніемъ, и я не знаю никого, кто умѣлъ бы, какъ она, создавать радость и заставить себя полюбить, если ей этого дѣйствительно хочется".

27 іюня генералъ Будбергъ вернулся обратно въ Стокгольмъ, но отнесся очень сдержанно къ Арбутноту, и тотъ уже ничего не узнавалъ отъ генерала, происходитъ ли что-нибудь между

Швеціей и Россіей и желаетъ ли шведское правительство, чтобы русское положило конецъ недоразумѣніямъ между Англіей и Швеціей. Уже изъ другого источника онъ узналъ, что шведское правительство желаетъ установленія границы у Финляндіи, сохраненія въ силѣ Дротингольмскаго договора и уплаты субсидіи за это время, далѣе, чтобы императрица использовала Англію и Испанію для защиты шведской торговли отъ Франціи, и, наконецъ, что русское правительство заговоритъ о бракѣ не раньше, чѣмъ самъ король это сдѣлаетъ. Генералъ разсердился и сказалъ, что императрица имѣетъ больше права ставить условія. Уже опять переговоры могли быть прерваны, но Штедингъ все уладилъ, и 2 августа Арбутнотъ донесъ англійскому правительству, что поѣздка въ Петербургъ рѣшена, и императрица согласна принять всѣ условія Швеціи.

Извѣстно, чѣмъ кончилась эта поѣздка. Арбутнотъ же чувствовалъ давно, что Рейтергольмъ интригуетъ противъ него, стараясь возбудить подозрѣніе русскаго правительства, что онъ старается создавать недоразумѣнія между Англіей и Россіей, и обвинилъ его въ грубыхъ и неприличныхъ выраженіяхъ объ императрицѣ. Разумѣется, Арбутнотъ зналъ, что эта выдумка не можетъ имѣть никакого успѣха у Будберговъ, но онъ чувствовалъ себя обиженнымъ и просилъ отозвать его изъ Стокгольма. „Я предпочелъ пахать землю въ Англіи, чѣмъ оставаться въ странѣ съ правительствомъ, которое обращается съ иностранными дипломатами, какъ съ тайными агентами непризнанныхъ правительствъ“. Онъ покинулъ Швецію 27 января 1797 года.

Л. Гаусманъ.



Воспоминанія И. В. Е. отъ дѣтства до смерти.

(1841—1869 г.).

Правдивый и искренній разсказъ о жизни человѣка отъ его дѣтства до возмужалаго возраста представляетъ обыкновенно много поучительнаго и интереснаго. Такимъ разсказомъ являются „*Воспоминанія*“ бывшаго въ шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія и преждевременно скончавшагося преподавателя-инспектора Пинской, а затѣмъ Бѣлостокской гимназіи *И. В. Е.*

Съ возрастомъ въ индивидуумѣ смѣняются, незамѣтно для него самого, его интересы, стремленія, воззрѣнія. Дитя интересуется не тѣмъ, что интересуетъ юношу или возмужалаго человѣка, и наоборотъ. Такую смѣну читатель замѣчаетъ и въ „Воспоминаніяхъ“.

Описывая свою личную жизнь, авторъ не вольно изображаетъ и ту среду, то общество, въ которомъ ему приходилось жить и дѣйствовать.

Такимъ образомъ „Воспоминанія“ представляютъ для читателя интересъ психологическій, педагогическій и бытовой.

Издатель.

I. Дѣтство и ученіе въ Рѣчицкомъ приходскомъ училищѣ.

28 мая 1841 года я родился и 28 мая я окончилъ гимназію; 3 іюня меня крестили и 3 іюня я окончилъ университетъ, какое стеченіе обстоятельствъ. Въ одинъ день я явился на свѣтъ и явился членомъ общества, т. е. сдѣлался гражданиномъ его; тоже: въ одинъ день я сдѣлался причастнымъ святынѣ истины и святынѣ познанія и усовершенствованія.

Жизнь свою я началъ тѣлесными страданіями, которыя заставили сомнѣваться въ возможности моего существованія, но докторъ, принявшій участіе въ моемъ мученіи, уничтожилъ сомнѣніе родныхъ, предсказывая мнѣ быть его послѣдователемъ въ общественной дѣятельности, но предсказанія его не сбылись. Я принялъ другой путь, идя по которому, я долженъ стремиться къ осуществленію своего назначенія, какъ человѣка и какъ члена общества, среди котораго мнѣ пришлось жить.

Я былъ дитя — и жилъ какъ дитя. Я не понималъ жизни и не понималъ своего значенія въ мірѣ. Я помню то блаженное время, когда постоянная беззаботная улыбка довольства сіяла на моемъ лицѣ, и только иногда смѣнялась слезою, вызванною невозможностью удовлетворить моему капризу. Но явленіе слезы у ребенка однозначно съ явленіемъ росы передъ восходомъ солнца, столь быстро исчезающей дѣйствіемъ первыхъ лучей дневного свѣтила. Когда мнѣ было три года, я былъ взятъ бабушкой въ деревню. Здѣсь жизнь моя казалась мнѣ тогда раемъ. Нѣжная привязанность старушки заставляла ее удовлетворять моимъ дѣтскимъ прихотямъ. Я помню два случая, въ которыхъ проявилась моя дѣтская гордость и вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательное выраженіе чувства моего личнаго достоинства. Однажды мнѣ велѣли поздороваться способомъ, свойственнымъ ребенку (поцѣловать руку), съ одной женщиной. Бросивъ на нее испытующій взглядъ и замѣтивъ ея грубую наружность и простоту костюма, я, вмѣсто исполненія приказанія, сказалъ ей дерзость, соотвѣтствующую моему возрасту и понятію. Этотъ мой поступокъ не понравился какъ повелителямъ, такъ и ожидавшей отъ меня исполненія приказанія, и я былъ наказанъ лишеніемъ удовольствія быть въ ихъ обществѣ, что мнѣ сильно было по душѣ, ибо этого я желалъ бы получить вмѣсто награды. Другой же случай былъ

слѣдующій. На шестомъ году я былъ отданъ для обученія одной дамѣ или дѣвицѣ (этого не помню). Наружныя качества ея еще и теперь не изгладились у меня изъ памяти. Она была высокаго роста, стройная, красивая лицомъ и довольно молода. Она принялась меня учить азбукѣ. Первые уроки были очень удачны, и своими успѣхами я приводилъ въ восторгъ свою наставницу. Ежедневныя похвалы сыпались на мою голову, и ежедневно я получалъ отъ бабушки подарки за свои успѣхи. Но этому положенію суждено было существовать не долго. Однажды, сидя за азбукой, я сильно задумался. Мысленно я перенесся въ прошедшее, передо мной, какъ сновидѣніе, явились съ своими увлекательными для младенца видами дни моей безграничной и ничѣмъ не прерываемой рѣзвости, столь ощутительной и картинной въ ребяческомъ возрастѣ. Разгорѣвшееся дѣтское воображеніе сдѣлало мой слухъ нечувствительнымъ къ словамъ моего ментора. Она приказывала и заставляла, а я безмолвствовалъ; я весь былъ, казалось, далеко отъ того мѣста, гдѣ передо мной лежала отвратительная для меня въ эту минуту азбука, и гдѣ такъ безплодно исчезали въ воздухѣ слова моей наставницы, терявшей уже хладнокровіе и терпѣніе. Я радъ бы былъ, если бы открылся случай ускользнуть изъ этой обители премудрости, которая была для меня душна и невыносима. Случая ожидать долго мнѣ не пришлось: менторъ мой, раздосадованный моимъ невниманіемъ, нарушивъ приличіе, ударилъ меня по рукѣ. Этого было достаточно, чтобы вызвать бурныя слезы обиды, которыя провели меня до самыхъ дверей безпрепятственно.

Возвратившись домой, я не замедлилъ разсказать все случившееся бабушкѣ и представить оное въ сколь возможно большихъ размѣрахъ. Одной слезы, явившейся на моемъ лицѣ, достаточно было, чтобы произвести на старушку сильное вліяніе и заставить ее избавить меня отъ начатыхъ мною занятій и доставить мнѣ возможность наслаждаться прежнею жизнью и попрежнему пѣть и веселиться, подобно птичкѣ, выпущенной случайно изъ клѣтки на волю. Съ этой минуты со мной снова сроднилось спокойствіе и прежнее ученіе—мученіе, вмѣстѣ съ пріобрѣтенными познаніями, почерпнутыми изъ области знанія моей учительницы, исчезло. Итакъ, первая попытка неудачна, и щепь науки не привита.

Все окружавшее меня представлялось для меня совершенствомъ. Я наслаждался всѣмъ, что только болѣе или менѣе могло доставить мнѣ удовольствіе. Внимательный взоръ старушки предугадывалъ всѣ мои желанія. Но это положеніе моей жизни

не долго продолжалось. Насталъ урочный день, въ который мнѣ объявили о моемъ выѣздѣ въ г. Р. Это извѣстіе поразило меня сильнѣе молніи, и слезы градомъ полились изъ глазъ. Мнѣ казалось прежде, что никакая сила не въ состояніи разлучить меня съ тѣмъ мѣстомъ, къ которому я привязался всею душою, и вдругъ я долженъ былъ повиноваться одному слову и безпрекословно садиться на повозку, которая стремилась умчать меня далеко отъ оставляемаго мѣста и разлучить меня съ нимъ навсегда. Когда лошади, повинуясь голосу извозчика, тронулись съ мѣста, я бросилъ печальный взоръ назадъ и, находясь подъ гнетомъ тяжелаго настроенія и тоски, уснулъ.

Меня привезли въ Р., въ домъ родителей. Я не узналъ мать и отца и былъ дикъ и угрюмъ, но потомъ немного освоился съ своимъ положеніемъ. Ласки матери успѣли вызвать привязанность къ ней, и по истеченіи нѣкотораго времени, я успѣлъ сблизиться съ братомъ и сестрою, и ихъ присутствіе возвратило мнѣ прежнюю веселость и покой. Я даже хладнокровно и съ улыбкой дѣтской прощался съ бабушкой, и выѣздъ ея былъ для меня неощутителенъ.

Дома мало-по-малу начали меня осваивать съ необходимостью возобновить ученіе, и лестныя фразы вызвали во мнѣ энергичное стремленіе къ ученію. Меня опредѣлили въ приходское училище, въ первый классъ. Ревностное занятіе съ самаго начала подавало большую надежду. По просьбѣ родителей, учитель обращалъ на меня особенное вниманіе. Но энергія моя скоро угасла.

Во мнѣ появилась лѣность, побуждавшая часто обманывать самого учителя, который, не замѣтя во мнѣ странной перемѣны, всегда довѣрялъ моимъ дѣтскимъ увѣреніямъ. Но время открыло глаза моему педагогу. Онъ началъ слѣдить за моими поступками и успѣлъ отгадать во мнѣ проявленіе худого начала. Съ этого времени отношенія его ко мнѣ перемѣнились, онъ сталъ обходиться со мною самымъ жестокимъ образомъ, въ надеждѣ силою своей власти и своими жестокими пріемами искоренить развивавшуся во мнѣ лѣность и побудить меня къ ревностнымъ трудамъ. Но все было напрасно. Я нѣсколько успѣвалъ, благодаря способностямъ, но не трудамъ. Внимательный педагогъ, замѣтивъ во мнѣ большія способности, требовалъ отъ меня много, а въ результѣ выходило всегда мало. Все это было причиною того, что я пробылъ въ первомъ классѣ три года, въ продолженіе которыхъ я едва успѣлъ достигнуть возможности перейти во второй классъ. Тогда мнѣ было всего девять лѣтъ.

Во второмъ классѣ я совершенно перемѣнился. Успѣхами своими я превзошелъ всѣхъ, кто хотѣлъ только соперничать со мной. Многое я выигрывалъ здѣсь памятью. Я помню, что часто только слушая то, что училъ мой старшій братъ, я всегда безъ затрудненія могъ отвѣчать учителю заданное. Или: мнѣ стоило только со вниманіемъ выслушать разсказъ учителя, чтобы все имъ сказанное усвоить памятью. Во мнѣ возродилось самолюбіе. Я радовался своему перевѣсу надъ другими товарищами по классу и всегда старался поддержать оный, что мнѣ всегда и удавалось безъ труда.

Въ классѣ, подвергаясь строгости учителя, мы вели себя чинно и всегда притворялись кроткими овечками, но, выйдя за ограду заведенія, мы не пропускали случая, открывающаго намъ возможность сдѣлать какую-либо продѣлку. Какъ извѣстно, въ приходское училище поступаютъ дѣти разныхъ сословій; насъ дворянъ было только пятеро. Мы образовали отдѣльный кружокъ, не проникаемый для прочихъ, и дружно отстаивали всякую свою шалость, которая всегда дѣлалась сообща. Этотъ нашъ союзъ и эта общность дѣйствій до такой степени были прочны и всегда соблюдаемы, что учитель, уличивъ въ винѣ одного, никогда не ошибался, наказывая насъ всѣхъ. Онъ зналъ хорошо, что преступленіе, въ которомъ замѣшанъ одинъ изъ насъ, относилось и ко всѣмъ. Мы имѣли особенное удовольствіе раздражать евреевъ, почему при всякомъ удобномъ случаѣ старались ихъ оскорблять. Самымъ удобнымъ случаемъ было собраніе ихъ въ синагогѣ, куда мы не замедляли посылать имъ свои привѣты бросаніемъ камней въ окна, стекла которыхъ нерѣдко попадали на головы присутствующихъ. Смятеніе ихъ и шумъ, производимые нашимъ поступкомъ, приводили всегда въ восторгъ насъ, часто принужденныхъ искать спасенія отъ преслѣдованія разъяренной толпы въ мѣстахъ самыхъ неудобныхъ для существованія. Находясь часто въ подобныхъ обстоятельствахъ, мы развили въ себѣ способность скоро бѣгать. Это было причиною увѣренности, что всякое преслѣдованіе насъ со стороны евреевъ будетъ тщетно. Постоянныя жалобы евреевъ успѣли даже надоѣсть учителю, такъ что онъ рѣдко когда слушалъ со вниманіемъ жалобные разсказы ихъ о послѣдствіяхъ нашихъ похожденій, а слѣдовательно и рѣдко когда взыскивалъ.

Ледъ зимою, вода лѣтомъ составляли главный предметъ нашихъ невинныхъ развлеченій. Весной и осенью мы по большей части проводили свободное время въ лѣсахъ, на лугахъ и на поляхъ, гдѣ иногда страдали чужіе гуси, лишаясь части перьевъ

изъ своихъ крыльевъ (тогда писали гусиными перьями). При этомъ намъ казалось, что приносимъ существенную пользу хозяину, лишая гусей возможности улетать вмѣстѣ съ дикими, существованіе которыхъ и пути, ими предпринимаемые, были намъ извѣстны изъ различныхъ разсказовъ.

Наступилъ выпускной публичный экзаменъ, на которомъ присутствовали всѣ знатнѣйшіе члены города. Видъ собравшейся публики произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе. Отвѣчая на предлагаемые мнѣ вопросы, я какъ-то невольно прослезился, чѣмъ нехотя обратилъ на себя вниманіе публики. Я былъ награжденъ похвальнымъ листомъ и отъ радости не зналъ, гдѣ его сохранить, опасаясь, чтобы кто-либо его отъ меня не отнялъ. Находясь въ такомъ положеніи, я спряталъ его такъ, что послѣ и самъ не могъ найти, и онъ исчезъ, оставивъ по себѣ только воспоминаніе. Итакъ, я окончилъ приходское училище; что со мною будетъ далѣе, это не возмущало моего спокойствія. Однажды во время отсутствія отца, который былъ въ это время въ постоянныхъ разъѣздахъ, мать начала упрекать насъ въ нашей праздности. Это мнѣ сильно не понравилось, и я, не долго думая, отправился въ присутственныя мѣста просить о принятіи меня на службу. Когда я подошелъ къ дому, гдѣ находилась канцелярія стряпчаго, паническій страхъ и нерѣшимость овладѣли мною. Я стоялъ долго передъ неприступнымъ хранилищемъ правосудія, и дѣтскія грезы все сильнѣе и сильнѣе тяготили мою голову. Передо мной явились, съ одной стороны, слова матери, которыя побуждали стремиться къ занятію, съ другой стороны—картина затворничества, которую я долженъ былъ испытать, сидя за столомъ въ канцеляріи почти по цѣлымъ днямъ. Эти два положенія находились въ равновѣсіи и ни одно изъ нихъ не могло безъ побудительной причины восторжествовать. Мнѣ бы, можетъ быть, пришлось пробыть въ такомъ положеніи довольно долго, если бы вышедшій въ это время письмоводитель не вывелъ изъ него. Когда онъ сравнялся со мной и по знакомству одарилъ меня нѣсколькими словами, довольно лестными, я, наконецъ, осмѣлился изложить ему причину моего прихода. Онъ слушалъ меня со вниманіемъ, и когда я окончилъ, онъ повелъ меня въ канцелярію и далъ мнѣ нѣсколько бумагъ для переписки. Это сначала меня сильно обрадовало, но, просидѣвъ цѣлый день въ канцеляріи, я уже началъ отыскивать причину, которая дала бы мнѣ возможность не явиться на слѣдующій день. Пріѣздъ отца далъ мнѣ возможность остаться одинъ день безъ занятій, не предполагая, впрочемъ, что этотъ

случай совершенно меня избавитъ отъ канцелярской работы. Отецъ, узнавъ о моемъ похожденіи, сильно разсмѣялся и позволилъ мнѣ отдыхать все каникулярное время, послѣ котораго рѣшился отдать насъ, для пріобрѣтенія познаній въ языкахъ, гувернеру, занимавшемуся въ то время въ Р. обученіемъ дѣтей и приготовленіемъ ихъ въ гимназію. Каникулы прошли, и мы дѣйствительно были отданы для обученія этому гувернеру. У него мы пробыли полгода и новаго ничего не вынесли изъ его заведенія. Между тѣмъ, время приближалось къ выѣзду въ г. М. Я весь былъ преисполненъ мыслью о дворянскомъ училищѣ, куда предполагали насъ помѣстить; ученическій костюмъ представлялся въ моихъ глазахъ въ самыхъ очаровательныхъ краскахъ. Я часто задумывался надъ своимъ будущимъ положеніемъ, и во время этихъ грезъ я представлялъ себя въ кругу учениковъ, принадлежать къ обществу которыхъ мнѣ казалось совершенствомъ, то представлялъ себя перенесеннымъ изъ М. въ г. Р. и гордо взирающимъ на прежнихъ своихъ товарищей, при чемъ улыбка самодовольства всегда осѣняла мое лицо; болѣе же всего меня очаровывала картина явленія моего въ ученическомъ костюмѣ передъ лицомъ одной дѣвушки, которая была въ то время однихъ со мною лѣтъ, и къ которой я безсознательно привязался еще во время нашего общаго пребыванія въ заведеніи вышеупомянутаго гувернера.

Отъѣздъ въ Мозырь.

День нашего отъѣзда въ М. наступилъ, наконецъ. Я помню, съ какимъ нежеланіемъ отецъ собирался въ путь. Ему никакъ не хотѣлось разстаться съ мѣстомъ, гдѣ онъ родился и прожилъ почти никуда не выѣзжая все прошедшее время, но мать настаивала. Приготовленіе къ выѣзду казалось намъ чрезвычайно долгимъ и скучнымъ. Прощанія и посѣщенія всѣхъ знакомыхъ были для насъ очень непріятны, потому что имъ мы приписывали причину нашего замедленія къ выѣзду, къ которому мы такъ жадно стремились. Наконецъ наступила минута безмолвной тишины. Лица всѣхъ были печальны и сумрачны, что насъ не мало удивило, потому намъ казалось, что всѣ должны быть столь же веселы при мысли объ отъѣздѣ, какъ и мы. Началась молитва и прощаніе, сопряженное, какъ всегда водится, со слезами. Всѣ эти пріемы казались для меня странными, а представившаяся въ первый разъ совершавшаяся тогда церемонія была непонятна.

Лошади, измученныя долгимъ ожиданіемъ пассажировъ и находясь подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ мороза, начали рыть снѣгъ копытами и своимъ фырканьемъ желали выразить свое неудовольствіе. Для насъ были приготовлены всѣ удобства къ дорогѣ. Нанятый тарантасъ былъ обширенъ и хорошо сдѣланъ. Всѣ ѣхавшіе вмѣстились въ немъ, кромѣ отца и меня: мы расположились вдвоемъ на маленькихъ саняхъ, въ которыя была впряжена наша лошадь. Мы выѣхали, но едва успѣли проѣхать нѣсколько верстъ, какъ послышался изъ тарантаса голосъ: „Собаченку забыли". Этими словами выражалось желаніе ихъ, чтобы мы съ отцомъ вернулись за нею назадъ. Это мнѣ крайне не понравилось, и я принужденъ былъ употребить уловку, которая могла бы удержать насъ отъ возвращенія.

Я сказалъ отцу, что видѣлъ своими глазами, какъ собака побѣжала впередъ. Это мнѣ помогло, и, мнѣ повѣривъ, поѣхали дальше, въ полной надеждѣ, что собачка бѣжитъ впереди, но ея, къ несчастію, не было, за что, конечно, я получилъ выговоръ, который снесъ прехладнокровно, потому что сознавалъ свою вину. Я не знаю, или это отъ радости, что мы ѣдемъ въ М., или отъ плотной одежды, въ которую я былъ облеченъ, но я не чувствовалъ холода, хотя былъ довольно сильный морозъ. На дорогѣ съ нами случилось приключеніе. Проѣзжая черезъ болото, лошади, погоняемыя сильно кучеромъ, вдругъ провалились. Вотъ и остановка, думалъ я, ропща въ то же время и на лошадей и на кучера. Прошло довольно долгое время, пока ихъ вытащили и отправились дальше. Когда мы подъѣзжали къ городу и увидѣли церкви и каменные дома, у меня сильно забилось сердце. Я видѣлъ скорое достиженіе своей долго ожидаемой цѣли. Находясь подъ вліяніемъ восторга и волненія, я погрузился въ размышленія и началъ строить новые планы своихъ дѣйствій; во мнѣ нечаянно возродились новыя желанія и новыя намѣренія.

Переѣхавъ рѣку благополучно, мы очутились, наконецъ, въ городѣ. Погода была самая несносная. Снѣгъ вмѣстѣ съ дождемъ и сильнымъ завываньемъ вѣтра встрѣтили насъ. Это обстоятельство лишило меня возможности осматривать городъ и его строенія, которыя послѣ Р-хъ избушекъ казались мнѣ великолѣпными. Мы заѣхали къ одному знакомому Б., на дворѣ котораго я узналъ свои вещи, отправленныя еще до нашего отъѣзда. Этотъ Б. содержалъ учениковъ, съ которыми хозяинъ дома не замедлилъ познакомить меня. При первомъ знакомствѣ нѣсколько мальчиковъ моихъ лѣтъ окружили меня и начали забрасывать своими вопросами и различными разсказами объ ихъ учениче-

ской жизни, что меня болѣе всего интересовало. Одинъ изъ нихъ, который сидѣлъ въ углу и держалъ таблицу, обрадованный возможностью хоть на нѣкоторое время избавиться отъ наскучившей ему таблицы, съ особеннымъ стараніемъ принималъ участіе въ нашихъ разговорахъ, посматривая по временамъ на высокаго, стройнаго мужчину, который былъ гувернеромъ этой квартиры и подъ руководительствомъ котораго мнѣ пришлось быть. Время летѣло незамѣтно. Новые люди, новыя картины жизни поглотили все мое вниманіе. Съ одной стороны предстоящее мнѣ положеніе ученика дворянскаго училища представлялось мнѣ въ самыхъ блестящихъ краскахъ, а съ другой стороны учебныя занятія, именно, постоянное заучиванье задаваемаго, отвлекали меня отъ новизны положенія. Взяться за ученье и повторить пройденное было для меня не очень пріятно.

Намъ пришлось ночевать въ домѣ, комнаты котораго, вѣроятно, не были отапливаемы въ теченіе цѣлой зимы. Онѣ были холодны и сыры. Протопивши нѣсколько разъ, мы, не предусмотрѣвъ послѣдствій этого обстоятельства, расположились отдыхать. На другой день утромъ мы были ни живы, ни мертвы. Угаръ охватилъ насъ сильнѣйшимъ образомъ, и мы подъ его дѣйствіемъ пробыли цѣлыя сутки. На слѣдующій день квартира была нанята, и мы сейчасъ же перебрались въ нее. Она состояла изъ пяти обширныхъ комнатъ, и одна изъ нихъ досталась мнѣ и старшему брату. Все это какъ-то поднимало меня въ моихъ глазахъ. Быть обитателемъ отдѣльной комнаты, имѣть въ виду скорое поступленіе въ дворянское училище и облачиться въ форменный сюртукъ, все это меня, какъ мальчика, приводило въ восторгъ.

Родители, желая, чтобы мы поступили во второй классъ, для поступленія въ который мы не вполнѣ были приготовлены, отдали насъ для обученія гувернеру Б., который занимался съ нами нѣсколько мѣсяцевъ, до вакацій, въ теченіе которой мы окончательно приготовились подъ руководствомъ А. Б., ученика седьмого класса Минской гимназіи.

III. Въ Мозырскомъ дворянскомъ училищѣ. Отъѣздъ въ Слуцкъ.

Прошли каникулы, и мы, т.-е. я и старшій братъ, были призваны на испытаніе. Оно прошло довольно удачно, и мы очутились во второмъ классѣ. Все окружавшее насъ казалось

какимъ-то страннымъ, и долго намъ пришлось привыкать къ новому образу жизни и дѣятельности. Свыкнувшись со всѣмъ, мы пошли по слѣдамъ своихъ товарищей въ успѣхахъ и шалостяхъ.

Ученіе во второмъ классѣ шло успѣшно, только одна географія мнѣ какъ-то не давалась. Не знаю, или учитель былъ предубѣжденъ противъ меня, или я не могъ удовлетворить его желанію моими знаніями, довольно того, что этотъ предметъ воспрепятствовалъ мнѣ получить награду при переходѣ въ третій классъ.

Не то ужъ было въ третьемъ классѣ. Своими успѣхами я превзошелъ многихъ и успѣлъ обратить на себя вниманіе учителей. Однажды учитель математики, обращаясь къ цѣлому классу, сказалъ, что изъ всѣхъ учениковъ одинъ только И. Е. идетъ ровно и безукоризненно занимается. Учитель русскаго языка тоже поставилъ меня въ число первыхъ своихъ учениковъ. Его примѣру послѣдовали и прочіе. Результатомъ всего этого было то, что я получилъ въ награду книгу, которая у насъ считалась первою наградою. Съ этого времени начинается цвѣтущее состояніе моихъ учебныхъ занятій, несмотря на лихорадку, которая мучила меня въ теченіе почти цѣлаго года. Въ награду за наши успѣхи, родители позволили намъ съѣздить въ Р. къ знакомымъ и роднымъ. Нельзя представить себѣ, какою радостью мы были преисполнены при наступленіи дня нашего выѣзда. Къ тому же открылся удобный случай: одинъ изъ нашихъ дальнихъ родственниковъ посылалъ лошадей въ Р. за своими дѣтьми и изъявилъ свою готовность свезти насъ на этихъ лошадяхъ, что было и сдѣлано. Дорогой я далъ волю своей юношеской фантазіи. Я мечталъ о пріемѣ и встрѣчѣ знакомыхъ и родныхъ.

Во мнѣ величаво отзывалось самолюбивое сознаніе своего достоинства, а книжка въ золотомъ переплетѣ придавала ему еще большую силу. Я представлялъ себѣ въ роскошныхъ красках встрѣчу съ бывшими товарищами по училищу, и осанка моя принимала въ ту минуту важную позу. Мы пріѣхали. Но мечты и въ десятой долѣ не осуществились. Все какъ-то было по-прежнему. Насъ встрѣтили, какъ-будто жильцовъ этого города. Да впрочемъ мнѣ не было возможности наслаждаться пріятными впечатлѣніями города. Я былъ боленъ и изнемогалъ подъ гнетомъ лихорадки, которая начала дѣйствовать мучительнѣе прежняго. Правда, гдѣ я ни показывался въ домъ, вездѣ былъ забрасываемъ похвалами и удивленіемъ о моемъ умственномъ развитіи, что возродило во мнѣ особенное стремленіе къ важничанью. Однажды къ Я. Н., у котораго я проживалъ, пришелъ К. Д.,

нашъ родственникъ, и за наше сухое привѣтствіе, состоящее въ неловкомъ поклонѣ, онъ не лестно о насъ отозвался. Это вооружило насъ противъ него, и мы постановили у него не быть, что, конечно, и исполнили, несмотря на угрозы Я. Н., который хотѣлъ заставить насъ отправиться къ нему. И только передъ выѣздомъ, напуганные до-нельзя Я. Н., мы рѣшились сдѣлать ему визитъ и вмѣстѣ попрощаться; при томъ же условились, если только К. Д. будетъ насъ упрекать, и по родственному праву, котораго мы впрочемъ не признавали, будетъ обходиться съ нами невѣжливо, сейчасъ же распрощаться и уходить; но, впрочемъ, онъ какъ бы предугадалъ наше постановленіе, и мы были имъ приняты довольно радушно и гостепріимно. Попрощавшись по заведенному обычаю съ родными и знакомыми, мы оставили Р., тѣмъ болѣе, что каникулы уже подходили къ концу, и намъ предстояло новое занятіе въ старшемъ классѣ. Дорога была довольно весела. Погода намъ благопріятствовала. Только однажды, заночевавъ въ лѣсу, мы были сильно напуганы волками, которые избрали мѣсто притона около насъ и запѣли по-своему. Это конечно заставило насъ отказаться отъ удовольствія провести ночь подъ открытымъ небомъ, въ лѣсу, и мы должны были ретироваться назадъ въ оставленную нами деревню, гдѣ и провели ночь подъ вліяніемъ несносныхъ насѣкомыхъ.

Мы пріѣхали въ М., немного опоздавъ къ учебнымъ занятіямъ, за что получили маленькій выговоръ. Но впечатлѣніе, произведенное имъ, исчезло при видѣ бабушки, которая гостила у насъ и къ которой мы были сильно привязаны. Мнѣ притомъ объявили, что М. Р. хотѣла пригласить меня заниматься съ ея дѣтьми, но по причинѣ моего отсутствія пригласила другого. Это немного меня опечалило, но я все-таки не терялъ надежды на подобное занятіе, тѣмъ болѣе, что мысль распоряжаться своими деньгами поглотила мое вниманіе. Вотъ гдѣ зародышъ стремленія жить собственными трудами, такъ сильно проявившагося при этомъ случаѣ, и такъ сильно сопутствовавшаго мнѣ въ дальнѣйшей жизни.

Въ четвертомъ классѣ я созналъ потребность науки и серьезно принялся за нее, и это мое стремленіе увѣнчалось успѣхомъ. Я былъ первымъ ученикомъ, и послѣ экзамена, окончившагося самымъ удачнымъ образомъ, я получилъ первую награду. Всѣ знающіе меня, въ томъ числѣ учителя и ученики, считали меня самымъ способнымъ ученикомъ. Отъ моихъ успѣховъ родители были въ восторгѣ. Мать и бабушка называли меня „философомъ", придавая этому слову свойственное ему

значеніе. Я не принадлежалъ къ числу шалуновъ и свободное время проводилъ въ кругу дѣвицъ одного со мною возраста, въ чемъ находилъ единственное удовольствіе. Нѣсколько дѣвицъ мнѣ сразу понравилось, и я былъ въ сильномъ затрудненіи, которой дать предпочтеніе. Слѣдствіемъ чего было то, что переносилъ свою расположенность отъ одной къ другой и у каждой изъ находилъ особенную внимательность и громкій отголосокъ. Конечно, сознаніе своего достоинства во мнѣ было сильно развито, и я не иначе становился поклонникомъ той или другой дѣвицы, какъ убѣдившись въ ея взаимномъ сочувствіи. При чемъ романтическія сцены съ каждой изъ нихъ продолжались не долго. Я любилъ разнообразіе, и стоило только явиться новой, могущей расположить къ себѣ, чтобы, оставивъ прежнюю, устремить на нее все свое вниманіе. Во время каникулъ, при переходѣ изъ четвертаго въ пятый классъ, я былъ снова приглашенъ М. Р. заниматься съ ея дѣтьми. Нельзя вообразить мою радость, мой восторгъ, которыми я былъ преисполненъ, получивъ это предложеніе. Я перебрался въ домъ Р. и началъ заниматься со всѣмъ усердіемъ, но, къ несчастію, дѣти были избалованы, и мнѣ трудно было съ ними возиться, тѣмъ болѣе, что я самъ былъ еще очень молодъ. Мнѣ едва окончилось тогда четырнадцать лѣтъ, и столько же было старшему ученику. При ихъ худыхъ наклонностяхъ трудно было удержать ихъ въ послушаніи и заставить учиться. Пробывъ вакацію, я оставилъ этотъ домъ. По рекомендаціи учителя П. я былъ приглашенъ аптекаремъ Я. заниматься съ его племянникомъ. Это для меня было удобнѣе, ибо всѣ мои занятія ограничивались только приготовленіемъ его къ урокамъ. Занятія мои были успѣшны. Ученикъ получилъ переводъ, и я получилъ благодарность. Результатъ моихъ классныхъ занятій былъ не менѣе предыдущаго успѣшенъ. Я окончилъ пятый классъ съ первою наградою и тѣмъ окончилъ дворянское училище. Отецъ и мать не были приготовлены къ тому, чтобы меня встрѣтить съ аттестатомъ въ рукахъ, и это явленіе ихъ сильно поразило. Я же со своей стороны началъ мечтать о гимназіи. Въ теченіе этого года дѣятельность сердца сосредоточена была на дочери одного учителя Е. П., и мечта о ней унесена была со мной и въ гимназію. Интересно было наше съ ней прощаніе. Сообразныя нашимъ понятіямъ нѣжныя слова сыпались съ одной и съ другой стороны. Минута разлуки прошла въ воспоминаніяхъ, которыя были для насъ не безынтересны.

Въ концѣ іюля я съ матерью отправился въ Р., чтобы оттуда отправиться въ одну изъ гимназій. Въ теченіе цѣлой вакаціи всѣ домашніе размышляли постоянно, въ какую именно гимназію меня отослать. Но, несмотря на долгія размышленія, они ничего положительнаго не сдѣлали и поручили все случаю. Пріѣхавъ въ Р., мы заѣхали къ Я. Н., пріемъ котораго, угрюмый и недружелюбный, мнѣ сильно не понравился. При первой встрѣчѣ, онъ съ досадою спросилъ: „Чего вы пріѣхали? Какъ будто нельзя было изъ М. его отвезти въ какую-либо гимназію?“ Онъ, вѣроятно думалъ, что я пріѣхалъ требовать отъ него помощи, и успокоился только тогда, когда узналъ, что я снабженъ всѣмъ необходимымъ къ выѣзду. Этотъ его пріемъ, эти его отзывы возбудили во мнѣ чувство обиды, и я постановилъ никогда не прибѣгать къ его помощи, хоть бы и въ самыя критическія минуты. Не такой пріемъ былъ сдѣланъ намъ въ домѣ Л. С. Онъ радъ былъ видѣть своего племянника, стремящагося къ развитію и образованію. Онъ принялъ живое участіе въ моемъ отъѣздѣ въ гимназію. По его старанію, я былъ приглашенъ Р. П. ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ С—ую гимназію. Онъ радъ бы былъ пособить мнѣ въ случаѣ необходимости, но его стѣсненныя обстоятельства ему препятствовали. Но для меня, начинающаго понимать жизнь и людей, этого достаточно было, чтобы оцѣнить его добрую душу. Передъ выѣздомъ въ гимназію, меня пригласили въ деревню, гдѣ я пробылъ цѣлую недѣлю, находясь постоянно подъ вліяніемъ нетерпѣливаго ожиданія скорѣйшаго выѣзда. Наконецъ и онъ наступилъ. Намъ пришлось ѣхать черезъ Р., въ которую мы прибыли ночью, и остановились у З. Мнѣ не хотѣлось ночевать въ незнакомомъ домѣ, имѣя родственниковъ въ этомъ городѣ, но долженъ былъ повиноваться П., тѣмъ болѣе, что мы намѣрены были передъ восходомъ солнца оставить г. Р. Я не предугадалъ мысли и намѣренія моего спутника и положился на его слова. Но онъ затѣвалъ совершенно другое. Онъ не думалъ о выѣздѣ, и въ головѣ его мелькали мысли о предстоящихъ именинахъ дочери хозяйки дома, въ которомъ мы остановились. На другой день послѣ нашего пріѣзда въ Р. я началъ настаивать къ скорѣйшему выѣзду, между тѣмъ со стороны моего товарища не было никакого желанія. Чтобы заставить меня остаться по его желанію, онъ подговорилъ кучера меня обмануть тѣмъ, что будто бы лошадь сильно заболѣла и выѣздъ невозможенъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая, чтобы горожане знали о нашемъ пребываніи въ городѣ, принудилъ меня хитростью не показываться къ роднымъ, что было поводомъ совершившейся странной исторіи.

Того же дня вечеромъ мы по необходимости вышли на рынокъ, а оттуда зашли къ доктору Э., сынъ котораго былъ нашимъ товарищемъ. Въ это же время пришелъ туда Я. Н. Здѣсь-то самымъ явнымъ образомъ выказался его дерзкій нравъ и суровый характеръ. Онъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы оскорбить меня самымъ жестокимъ образомъ. Его стремленіе не оставило меня даже и въ домѣ Л. С., куда я прибылъ послѣ описаннаго случая. Здѣсь-то онъ заставилъ меня горько заплакать и со слезами оставить сей домъ. Первое нападеніе съ его стороны выходило изъ предположенія, будто бы я прокутилъ деньги, взятыя мною изъ дому для прожитія въ г. С. Онъ былъ увѣренъ въ моей бережливости и предусмотрительности, и я не знаю, что было причиною подобнаго предположенія, вслѣдствіе котораго онъ такъ жестоко унизилъ меня въ глазахъ посторонняго лица, а потомъ и въ домѣ родственниковъ. Изъ этого предположенія онъ вывелъ заключеніе, что я не достигну предпринимаемой цѣли, что всѣ издержки, представившіяся его фантазіи и выведенныя изъ сферы несущественной, потеряны. Впрочемъ, чего онъ въ это время не создалъ въ своемъ воображеніи, и все это свалилось на меня, пятнадцатилѣтняго юношу. Наконецъ-то я оставилъ г. Р., и оставляя его, я сильно обрадовался, что избавляюсь отъ невыносимаго ига, которое я влачилъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, находясь подъ гнетомъ несправедливыхъ нападеній. Вотъ мнѣ пришлось въ первый разъ совершить одному безъ руководителя путешествіе и начать жизнь вполнѣ отъ меня зависящую. Путешествіе наше, продолжавшееся пять дней, было преисполнено разнообразныхъ приключеній. Несмотря на то, что я ѣхалъ на лошадяхъ П., мнѣ приходилось нѣсколько разъ на дорогѣ съ нимъ перессориться, послѣ чего только нѣкоторыя обстоятельства мирили насъ. Однажды мы, по причинѣ песчаной дороги, слѣзли съ повозки и пошли пѣшкомъ. Я изъ любопытства узнать, сколько верстъ мы проѣхали, отдѣлился отъ него и подошелъ къ верстовому столбу, который былъ отъ насъ на разстояніи, быть можетъ, пятидесяти саженъ. Въ это время П. сѣлъ на повозку и велѣлъ погонять лошадей, которыя удалились отъ меня по крайней мѣрѣ на версту. Эта шутка меня сильно разсердила. Я не рѣшился съ досады ихъ догонять и пошелъ шагомъ. Видя это, П. велѣлъ остановить лошадей, чтобы обождать меня, и когда я приблизился, онъ полонъ радости, что заставилъ меня пройти значительное разстояніе по песчаной дорогѣ и подъ зноемъ солнечныхъ лучей, сталъ звать меня на повозку. Я, ничего не отвѣчая, отправился дальше.

Потомъ, выведенный изъ терпѣнія его словами, сказалъ, что я не намѣренъ продолжать путь съ такимъ человѣкомъ, который въ тяжеломъ положеніи другого ищетъ для себя удовольствія. Я намѣренъ былъ дойти до первой деревни пѣшкомъ и тамъ нанять себѣ лошадей. Но упрямство мое было парализовано усталостью, и я принужденъ былъ сѣсть въ повозку и такимъ образомъ отказаться отъ своихъ намѣреній.

По просьбѣ моей тетки Э. Е., мы заѣхали къ управляющему имѣніемъ П., г-ну В., гдѣ находилась моя двоюродная сестра М. Переодѣвшись на постояломъ дворѣ, мы наконецъ подъѣхали подъ крыльцо незнакомаго дома и незнакомыхъ его владѣтелей. Прежде нежели мы вошли, между нами завязалась пререторжка, кому первому войти и рекомендоваться. Очередь, впрочемъ, пала на меня, такъ какъ мой интересъ и заставилъ насъ заѣхать. Едва я успѣлъ отрекомендоваться, какъ ко мнѣ подвели двухъ барышенъ одинаковаго роста и довольно между собою похожихъ, только цвѣтъ волосъ различалъ ихъ. Конечно въ блондинкѣ я узналъ свою сестру. Мы тамъ пробыли недолго. Пріемъ холодный, какъ хозяевъ, такъ и преимущественно моей сестры, заставилъ меня понуждать моего спутника къ скорѣйшему выѣзду, между тѣмъ какъ онъ намѣренъ былъ остаться; тѣмъ болѣе, что это былъ день ангела хозяйки и къ вечеру имѣли собраться гости. Одинъ нашъ поступокъ дѣйствительно унизилъ насъ въ глазахъ хозяевъ и вызвалъ собою мнѣніе довольно для насъ нелестное. П. курилъ, и это не воспрещалось ему дома. Этимъ правомъ онъ и здѣсь воспользовался. Между прочимъ предложилъ онъ и мнѣ папиросу. Я былъ еще далекъ отъ того, чтобы курить, но взялъ папиросу въ руки, желая черезъ это показаться болѣе солиднымъ, зажегъ ее, что бы она въ рукахъ дымилась, и бросилъ ее почти цѣлую въ назначенный для этого сосудъ. Этотъ нашъ поступокъ, какъ я впослѣдствіи узналъ, былъ предметомъ разговора и сужденій. Этотъ домъ мы оставили съ довольно непріятнымъ чувствомъ: сожалѣли, что заѣхали.

Когда мы въѣзжали въ гор. С., насъ застигъ проливной дождь, подъ дѣйствіемъ котораго мы пробыли нѣсколько часовъ. Мы промокли съ ногъ до головы. Наконецъ мы въѣхали въ городъ и остановились у еврея Ш., содержателя постоялаго двора. Осушившись немного, мы отправились на ученическую квартиру М. П. Я, какъ ни съ кѣмъ незнакомый, усѣлся и молча слушалъ разговоры учениковъ высшихъ классовъ. Нужно замѣтить, что я былъ чрезвычайно низкаго роста, судя по которому бесѣдующіе предполагали, что я, вѣроятно, пріѣхалъ во второй или

третій классъ. Одинъ изъ нихъ спросилъ П., въ который классъ я поступаю; онъ отвѣтилъ ему, что въ шестой и буду его гувернеромъ. Этотъ отвѣтъ былъ принятъ имъ съ недовѣрчивостью и съ улыбкою, и онъ остался при своемъ предположеніи, принимая меня за ученика низшихъ классовъ. На другой день по пріѣздѣ, я отправился, по рекомендаціи Ш., къ содержателю ученической квартиры Г., намѣреваясь у него остановиться. Онъ, желая воспользоваться моею молодостью, хотѣлъ меня надуть. Но не тутъ-то было. Я, замѣтя его стремленіе, до возможности сжалъ его требованія и ограничилъ ихъ различными условіями, и этимъ поступкомъ удивилъ его до невѣроятности. Еще мнѣ предстоялъ шагъ, по тогдашнему моему пониманію, исполинскій—явиться къ директору, о которомъ мнѣ наговорили много страшнаго, между тѣмъ онъ былъ очень хорошій человѣкъ.

IV. Въ Слуцкой гимназіи. Окончаніе гимназическаго курса. Отъѣздъ въ Кіевъ.

Со страхомъ и трепетомъ я на другой день утромъ, взявъ свой аттестатъ изъ М. дворянскаго училища, отправился къ директору. Подойдя къ дверямъ, я почувствовалъ сильное біеніе сердца и находился въ нерѣшимости: отворять ли дверь. Наконецъ, идя по требованію необходимости и желанія скорѣе сбросить съ души тяготѣвшій камень, я вошелъ. Директоръ не заставилъ себя долго ожидать. Услышавъ стукъ дверей, онъ вышелъ изъ другой комнаты, и моимъ глазамъ предсталъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, средняго роста и миловидной наружности. Въ глазахъ его выражалась доброта и доброжелательство. Съ перваго раза онъ мнѣ понравился, а его пріемъ мгновенно разсѣялъ все навѣянное мнѣ различными разсказами.

Я былъ зачисленъ въ число учениковъ пятаго класса и не поступилъ въ шестой потому, что много предметовъ, излагаемыхъ въ четвертомъ и пятомъ классахъ, были для меня неизвѣстны. Даже чтобы удержаться въ пятомъ классѣ, я долженъ былъ черезъ два мѣсяца приготовиться изъ цѣлаго курса латинскаго языка и ботаники, положеннаго въ четвертомъ классѣ, чего я достигъ, впрочемъ, съ большимъ успѣхомъ, и своими отвѣтами по латинскому языку привелъ въ удивленіе даже самого учителя, который не могъ допустить, чтобы я успѣлъ такъ много сдѣлать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

На квартирѣ, гдѣ я остановился, находились мои товарищи

по училищу, и мнѣ съ самаго начала было довольно весело. Не прошло и недѣли, какъ я успѣлъ уже поссориться съ гувернеромъ нашей квартиры. Я не хотѣлъ въ глазахъ его стоять наравнѣ съ учениками ему подчиненными, и онъ, замѣтя это, употреблялъ всѣ усилія, чтобы меня подчинить своей власти. Однажды онъ, приписавъ мнѣ какую-то продѣлку, сдѣланную его учениками, началъ мнѣ дѣлать различныя замѣчанія, я не смолчалъ и наговорилъ ему больше, нежели онъ ожидалъ. Это заставило его жаловаться на меня начальству. Впрочемъ все сошло на первый разъ благополучно.

Занятія мои въ гимназіи увѣнчались успѣхомъ. Замѣченный по своей спбсобности къ математикѣ, я былъ приглашенъ въ домъ З. репетиторомъ. Съ этого времени я началъ жизнь самостоятельную и вполнѣ отъ меня зависящую. Въ обращеніи съ учениками я старался держать себя на „далекой дистанціи" и не допускалъ къ сближенію съ ними. Я остерегался всего, что могло бы отклонить отъ того пути, по которому я слѣдовалъ, а потому я и не имѣлъ друзей. Тѣ, которые сближались со мною, находились нѣкоторымъ образомъ въ зависимости отъ меня и подчинялись моему вліянію. Живя вдали отъ гимназіи и отъ ученическихъ квартиръ, я былъ совершенно устраненъ отъ товарищей. Однако изъ квартирующихъ въ той части города, гдѣ жилъ я, составился довольно дружный кружокъ, во главѣ котораго мнѣ пришлось быть.

Во время моего репетиторства я сносилъ множество непріятностей по причинѣ случайныхъ обстоятельствъ. Однако все переживалось въ моей душѣ, все уничтожалось мыслію о моей дѣятельности, о моихъ планахъ и стремленіяхъ. Другой, будучи на моемъ мѣстѣ, давно бы упалъ подъ гнетомъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя меня окружали, я же боролся съ ними, имѣя въ виду руководящую идею, ею только укрѣплялся, и она возбуждала во мнѣ энергію къ предпринимаемымъ трудамъ. Не разъ горькая слеза, орошавшая опечаленную душу, уничтожалась надеждою одержать вѣнецъ побѣды надъ обстоятельствами.

Я пробылъ цѣлый годъ въ домѣ З., не выѣзжая даже на праздники. Наступилъ экзаменъ. Все пошло очень удачно, и я удостоился награды при переходѣ въ высшій классъ. Не разсчитывая уѣзжать и на каникулы, я извѣстилъ объ этомъ родителей письмомъ, что ихъ сильно опечалило. Впрочемъ обстоятельства сложились иначе. Товарищи, ѣхавшіе въ М., уговорили меня ѣхать съ ними, при томъ обстоятельство, заставлявшее меня остаться, открыло мнѣ возможность уѣхать. М-мъ З., въ домѣ

которой я репетировалъ, просила меня остаться и на второй годъ у нея. Слѣдовательно, я былъ обезпеченъ и могъ располагать каникулами по произволу. Конечно остаться у нея зависѣло отъ стеченія обстоятельствъ. Но во всякомъ случаѣ я былъ спокоенъ. Родители, желая, чтобы я пріѣхалъ, написали ко мнѣ письмо черезъ еврея, ѣхавшаго въ г. С., и уговорили его забрать меня, когда онъ будетъ возвращаться. Но въ это время я былъ уже въ дорогѣ. Лошади были наняты до Петрикова, откуда мы отправились водою. Мы пріѣхали въ М. въ воскресенье утромъ, и я, оставивъ судно, пошелъ домой. Передъ самымъ домомъ я встрѣтилъ Т., который объявилъ мнѣ, что меня съ нетерпѣніемъ ожидаютъ. Войдя на дворъ, я встрѣтилъ сестру. Она меня не узнала. Черезъ годъ я значительно измѣнился. Она замѣтя, мое стремленіе приблизится къ ней, убѣжала въ кладовую, куда и я отправился, гдѣ встрѣтилъ мать и одну барышню, которая при моемъ появленіи тоже убѣжала. Мать встрѣтила меня со слезами. Поздоровавшись съ нею, я отправился въ комнаты, гдѣ встрѣтилъ отца съ улыбкою довольства. Поздоровавшись со всѣми, я началъ переодѣваться, чтобы пойти въ церковь. До обѣдни я успѣлъ познакомиться съ семьей Г., которая была въ дружбѣ съ нашимъ домомъ. Вечеръ этого дня я провелъ очень весело; подобнымъ же образомъ были проведены и всѣ прочіе дни, словомъ, вся вакація.

Общество было подобрано, и всякій разъ члены его собирались у кого-нибудь. Общество кавалеровъ, державшихся дружно между собою, состояло изъ двоихъ насъ, т.-е. меня и старшаго брата, Д. Г., и еще нѣсколькихъ лицъ. Мы составили кружокъ, объединенный общими интересами и стремленіями. Однажды, чтобы доставить себѣ и обществу маленькое развлеченіе, мы затѣяли спектакль, который долженъ былъ устроиться въ нашемъ домѣ. Приготовленія къ этому спектаклю тянулись почти цѣлый мѣсяцъ. Пьесою избрали мы Фра-Діаволо, въ которой участвовали: Д. Г. въ роли атамана; я въ роли старшаго разбойника—Родриго; братъ мой въ роли младшаго разбойника; сестра моя Н. и А. Д. въ роляхъ дѣтей. Другая игранная пьеса была „Заключенный еврей", которую выполнилъ В. Ш.; третья состояла изъ разговора доктора и чиновника, исполненная мною и Л.; и наконецъ въ заключеніе были представлены живыя картины. Сцена была устроена довольно изрядно. Всѣ принадлежности и необходимыя вещи были взяты у содержателя театра для пріѣзжающихъ актеровъ.

Приглашенная публика состояла изъ учителей дворянскаго училища и нѣсколькихъ семействъ, находившихся въ дружбѣ съ нашимъ домомъ. День спектакля наконецъ наступилъ. Собравшаяся публика насъ немного озадачила. Мы никогда не надѣялись видѣть на своемъ спектаклѣ такъ много зрителей. Для смѣлости мы распили графинъ вишневки, которая значительно подѣйствовала на голову брата; но къ счастью его роль была совсѣмъ незначительная, а то, чего добраго, испортилъ бы все дѣло; намъ же, напротивъ, придала больше смѣлости и энергіи. Первыми лицами, которыхъ должна была увидѣть публика, были я и Д. Г. Мы стали одинъ противъ другого, чтобы съ поднятіемъ кулисы начать разговоръ. Костюмы наши были изрядные. Подъ ихъ покровомъ трудно было насъ и узнать. Я имѣлъ на себѣ красную русскую рубаху, подпоясанную широкимъ такого же цвѣта поясомъ, на которомъ висѣлъ длинный ножъ. На головѣ у меня была черкесская шапка. Къ этому всему нужно прибавить еще изрядную бороду, искусственно приготовленную. Кулиса поднялась. Глаза всѣхъ зрителей, какъ пронзительныя стрѣлы, были устремлены на насъ. Однако мы начали превосходно и своей игрой привели въ восторгъ всю публику. Словомъ, спектаклемъ всѣ остались очень довольны. Но живыя картины намъ не удались. Въ аптекѣ дурно приготовили бенгальскій огонь. И какъ только его зажгли, вся комната наполнилась удушливымъ дымомъ, что заставило всѣхъ присутствующихъ искать спасенія, толпясь къ дверямъ. Намъ, лежавшимъ въ это время на полу, досталось больше всего, потому что пришлось уходить послѣдними. Однако этимъ не кончилось. Въ сосѣдствѣ съ нами жили Г. Къ нимъ-то и отправилась вся публика. Къ тому же явилась музыка, и начался формальный балъ. Всѣ танцовали до усталости. Здѣсь впрочемъ произошла маленькая сцена, которая доставила удовольствіе моему самолюбію. Одна дѣвица, М. К., будучи ко мнѣ неравнодушна еще прежде, игрою моею сильно очаровалась, словомъ, я ей сильно понравился. Когда подошелъ къ ней Д. Г. пригласить на танцы, она отвѣтила, что кромѣ, какъ со мной, ни съ кѣмъ больше не танцуетъ и не будетъ танцовать въ теченіе вечера. Мать этого кавалера, обидѣвшаяся этимъ отвѣтомъ ея, сообщила мнѣ все сказанное, въ надеждѣ, что я за это не буду съ нею тоже танцовать, чтобы этимъ показать ей, что она не должна въ обществѣ дѣлать различія между танцующими; но я, впрочемъ, вопреки ея желанію и надеждѣ, танцовалъ съ нею почти цѣлый вечеръ. Съ этого времени мы жили какъ братъ съ

сестрою, и дружба наша была неразрывная, такъ что въ послѣдствіи времени она перешла въ высшее чувство...

Пріятно вспоминать былое, особенно когда оно увѣнчано пріятнымъ воспоминаніемъ. Я оставилъ М., полонъ мечтаній и чувствъ. Дорога между М. и С. не представляла ничего особеннаго, или, лучше сказать, совершенно изгладилась изъ памяти. Подъѣзжая подъ С., я встрѣтилъ учителя М., который объявилъ мнѣ, что я назначенъ гувернеромъ на его квартирѣ. Это меня не мало обрадовало, и я съ восторгомъ въѣхалъ въ городъ. Явившись къ директору, который немного попенялъ на меня за поздній пріѣздъ, я отправился къ учителю М., условился съ нимъ и сейчасъ же переѣхалъ къ нему на квартиру. Немного спустя, я посѣтилъ м-мъ З., которая съ сожалѣніемъ узнала, что я не могу быть у нея.

Несмотря на столь выгодное положеніе, я провелъ этотъ годъ самымъ мучительнымъ и несноснымъ образомъ. Вся квартира наполнена была помѣщичьими дѣтьми, донельзя избалованными. Обращеніе же учителя съ ними было очень слабое, такъ что мнѣ съ ними трудно было справиться. Въ этомъ году я ѣздилъ уже на Рождественскія каникулы въ М., и передо мною снова предстала перспектива удовольствій и развлеченій. Впечатлѣніе, произведенное моимъ печальнымъ положеніемъ въ С., исчезло, какъ грозная туча, отъ сильнаго порыва вѣтра. Душа и сердце ожили снова и ожили для того, чтобы съ большею силою и энергіею переносить все то, что мнѣ предстояло. Во время этихъ праздниковъ я познакомился съ двумя дѣвицами П. Р. и А. Ш. изъ которыхъ первая произвела на меня сильное впечатлѣніе. Видя ее первый разъ въ церкви, я обратилъ на нее все свое вниманіе, но, увы, я могъ только рѣдко съ нею видѣться. На новый годъ, въ день ангела моего отца, былъ у насъ вечеръ; собраніе было большое, но, чтобы открыть танцы, не было достаточно барышенъ. Вотъ мы съ Д. Г., взявъ лошадей, отправились приглашать ихъ. Но по дорогѣ заѣхали въ трактиръ и тамъ въ честь этого дня черезъ мѣру кутнули. Слѣдствіемъ чего было то, что на дорогѣ я себѣ гдѣ-то сильно расшибъ ногу и пространалъ ею почти цѣлый годъ, такъ что доктора, видя невозможность излѣчить ее, запретили мнѣ участвовать въ танцахъ. Дѣйствительно, барышенъ мы собрали, но сами не могли танцовать, отказываясь болью головы. Но меня, впрочемъ, какъ хозяина, заставили по крайней мѣрѣ начать, что я исполнилъ, но кажется не совсѣмъ-то удачно.

На Крещеніе наше семейство отправилось къ Т., куда и я побрелъ; но, замѣтя, что тамъ ничего интереснаго нѣтъ и что общество состоитъ изъ лицъ пожилыхъ, я, подъ предлогомъ боли ноги, отправился домой.

Черезъ два часа пришелъ посланецъ отъ Т., прося, чтобы я, если только могу, пришелъ къ нимъ снова, потому что у нихъ собралось молодое общество и между прочимъ П. Р., присутствіе которой только и заставило меня пойти вторично, несмотря на сильное страданіе.

Этотъ вечеръ мы провели очень весело; я забылъ даже о своей болѣзни и веселился не хуже другихъ, хотя въ послѣдстви времени дорого мнѣ пришлось заплатить за минуту удовольствія. Больнымъ я уѣхалъ въ С. Мы оставили М., умчавъ за собою одни воспоминанія о прошедшемъ, и очарованные прелестными картинами, такъ часто представлявшимися нашимъ взорамъ. Съ самаго начала нашего пути, каждый изъ насъ казался печальнымъ, задумчивымъ и разсѣяннымъ. У всякаго на душѣ былъ камень, сложившійся впечатлѣніемъ внезапнаго измѣненія своего положенія. Въ мѣстечкѣ А. мы остановились проводить еврейскій шабашъ. Погода была пасмурная, дождливая, и ледъ былъ покрытъ водою. Въ этомъ мѣстечкѣ я имѣлъ родственника І. П., къ которому, по причинѣ болѣзни и несносной погоды, не могъ пойти. Я послалъ къ нему еврея, увѣдомить его о моемъ пріѣздѣ и изъяснить ему причину, по которой я не могу видѣться съ нимъ въ его домѣ. Онъ тотчасъ пріѣхалъ на своей лошадкѣ, и, пробывъ нѣсколько времени, уговорилъ насъ отправиться къ нему въ домъ. Я, какъ человѣкъ нездоровый, поѣхалъ съ нимъ въ экипажѣ, а прочіе пришли пѣшкомъ. Мы у него провели почти всю ночь довольно весело. Отъ излишка напитковъ нѣкоторые переступили законъ приличія своими поступками, однако все какъ-то прошло незамѣтно. Передъ утромъ всѣ улеглись спать, но І. П. мнѣ не далъ покоя своими разсказами, которые продолжались до самаго дня.

На другой день мы пригласили къ себѣ І. П. и отплатили ему возможнымъ угощеніемъ. Во время нашей пирушки подъ окошками показалась музыка, которая возвращалась съ еврейской свадьбы. Мы ее призвали, и она во всеуслышаніе грянула на своихъ пискливыхъ инструментахъ. Недоставало только барышенъ, чтобы открыть танцовальный вечеръ.

Музыканты, обрадованные возможностью заработать противъ ожиданія, усердно работали, поражая присутствующихъ своими раздирающими душу звуками. Всѣ окошки были заняты зрите

лями съ улицы. Вѣроятно, многимъ изъ нихъ это наше похожденіе показалось довольно страннымъ, но ихъ удивленіе насъ развлекало. Къ вечеру все успокоилось. Распрощавшись съ гостемъ, мы уѣхали, довольные тѣмъ что еще разъ намъ удалось повеселиться и по крайней мѣрѣ въ воображеніи припомнить былое, отголоскомъ котораго было это происшествіе. Мы пріѣхали въ С., просрочивъ довольно много времени. М., у котораго я былъ гувернеромъ, уже началъ было отчаиваться въ моемъ пріѣздѣ и намѣренъ былъ просить директора о назначеніи ему другого гувернера, и когда я пріѣхалъ, онъ далъ мнѣ стороною понять о моей неаккуратности, но я объяснилъ свое опозданіе болѣзнью. Впрочемъ, эта просрочка не обошлась безъ взысканія со стороны гимназическаго начальства. Въ этомъ полугодіи замѣчательно только сближеніе мое съ Д. Г., котораго родители, поручая моему покровительству, просили по возможности помогать ему въ необходимомъ. Несмотря на мое близкое съ нимъ знакомство, я однако не могъ основательно разгадать его наклонностей, нравственныхъ правилъ, привитыхъ окружающею его средою. Я сильно ошибся въ немъ, и моя ошибка причинила мнѣ немаловажныя потери. Во время его бытности въ С., я нѣсколько разъ получалъ отъ него слезныя письма съ просьбою объ одолженіи ему денегъ, потребность которыхъ, какъ онъ выражался, поставила его въ крайне затруднительное положеніе. Я, конечно, вѣрилъ его словамъ и дѣлился послѣднимъ, совершенно не предугадывая въ немъ позорную маску. Ему нужны были деньги, чтобы имѣть возможность съ удовольствіемъ проводить время, длившееся отъ праздности.

Моя ошибка получила достойное возмездіе. Меня обвинили въ сообщничествѣ съ нимъ въ дѣланіи долговъ и даже почли главною причиною. Впрочемъ, гдѣ человѣку за добро не платятъ зломъ. Онъ однако ознаменовалъ себя въ глазахъ родителей и гимназическаго начальства неблаговиднымъ поступкомъ, затѣявъ убѣжать, самъ не зная куда. Онъ былъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города пойманъ. Прощеніе родителей и ихъ мольбы къ нему не повторять другой разъ такого предпріятія открыли мнѣ глаза.

Со времени этого событія, открывшаго мнѣ характеръ и направленіе Д. Г. и поставившаго меня въ неловкое положеніе передъ тѣми, кто зналъ мои отношенія къ этой личности и къ его родителямъ, я началъ устраняться послѣднихъ, что имъ сильно не понравилось. Они, впрочемъ, причину моего быстраго

разрыва приписали иному обстоятельству, клонившемуся не въ мою пользу. Впрочемъ, я по принципу—не обращать вниманія на все неосновательное и ложное, не придавалъ значенія ихъ отзывамъ.

Шестой классъ я окончилъ съ успѣхомъ и на каникулы выѣхалъ въ М., обезпеченный квартирою, которую мнѣ назначили еще во время акта.

Послѣ каникулъ я возвратился въ С. и поселился на квартирѣ П., гдѣ, какъ сказано, я назначенъ былъ гувернеромъ. Прежде всего я обратилъ свое вниманіе на ввѣренныхъ моему надзору учениковъ, чтобы на первыхъ же порахъ возбудить въ нихъ должное уваженіе къ моей личности. Вслѣдствіе сего, я, поступая довольно сурово съ учениками, получилъ выговоръ отъ директора—за слѣдующій поступокъ. Однажды я съ учениками отправился гулять. Въ ихъ числѣ былъ Х., который считался первымъ ученикомъ въ гимназіи и во все время своей бытности былъ безупречнымъ. Когда мы возвращались, онъ безъ вѣдома моего отсталъ отъ насъ и возвратился спустя лишь полчаса. За это самовольное отступленіе отъ порядка я его наказалъ. Онъ пожаловался своему родственнику П., а тотъ директору, который не пропустилъ сего случая и сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе. Наложеніе мною наказанія на такъ высоко поставленнаго въ глазахъ учековъ Х. сильно на нихъ подѣйствовало, что имѣло благотворныя послѣдствія.

Послѣ этого начинается для меня періодъ жизни спокойной и пріятной. Я былъ уважаемъ какъ учениками, такъ и хозяевами квартиры, и въ то же время былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ товарищами по классу. Во время рождественскихъ праздниковъ я выѣзжалъ въ М.; морозы были довольно сильные, а у меня тогда еще не было другой теплой одежды. Однако молодая кровь грѣла. Я не чувствовалъ дѣйствія холода, хотя пальто мое скорѣе могло служить для лѣтнихъ прохладныхъ ночей, чѣмъ для зимы. Мысль о скоромъ свиданіи съ родными и интересными для меня лицами поддерживала теплоту крови, и она успѣвала парализовать дѣйствіе морозовъ. Впрочемъ, за мое ревностное стремленіе видѣться съ родными, я получилъ выговоръ довольно серьезный отъ матери, которую я встрѣтилъ на улицѣ, и которая, побранивъ меня за мое смѣлое предпріятіе, отправила меня домой, а сама пошла за предположенными покупками. Этихъ праздниковъ я совершенно не помню, и, можно сказать, потому, что они прошли обыкновеннымъ обыденнымъ порядкомъ, какъ и всякое другое время.

Послѣ праздниковъ въ моей душѣ сильно зашевелилась мысль о предстоящемъ окончательномъ экзаменѣ. Она меня безпокоила тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣзче вырабатывалось желаніе получить какое-либо преимущество, которое бы вполнѣ соотвѣтствовало моимъ успѣхамъ въ предыдущихъ классахъ. Мнѣ казалось довольно несообразнымъ, получая во всѣхъ классахъ награды, оканчивая заведеніе, выйти изъ него съ однимъ аттестатомъ. Побуждаемый этою мыслью, я началъ заблаговременно работать. Но, чтобы сильнѣе укрѣпить въ себѣ стараніе, я рѣшился на праздники Р. Х. уѣхать въ Р., чтобы, отдохнувъ немного, взяться за дѣло съ новыми силами, новымъ усердіемъ. Я согласился съ А. Э. и Э. С. ѣхать вмѣстѣ, и мы намѣрены были отправиться на почтовыхъ сейчасъ же послѣ исповѣди и причастія. Однако вскорѣ планъ нашъ разстроился, ибо за Э. С. прислали лошадей. Такъ какъ мы согласились ѣхать вмѣстѣ, то и принуждены были ѣхать на его лошадяхъ. Дорога была несносная. Разстаявшій снѣгъ вездѣ наполнялъ водою дороги, и намъ пришлось ѣхать очень медленно, перенося различныя испытанія. На дорогѣ у меня около праваго глаза образовался огромный вередъ, который уничтожилъ во мнѣ веселое настроеніе. Онъ повредилъ мнѣ во многомъ, ибо по пріѣздѣ въ Р. я долженъ былъ нѣсколько дней просидѣть дома. Мы пріѣхали въ Р. довольно рано, и я рѣшился заѣхать къ Я. Н. Войдя въ домъ, я никого не нашелъ въ немъ; несмотря на это, я велѣлъ извозчику сносить вещи. Бабушка, находившаяся въ то время во флигелѣ, замѣтя такое смѣлое распоряженіе незнакомаго лица въ чужомъ домѣ, выслала служанку узнать о причинѣ моего пріѣзда и въ то же время посовѣтовать мнѣ обождать до прибытія хозяина дома и не торопиться со вноскою вещей. Служанка, настроенная старухой важно вступила въ комнату, гдѣ я началъ уже распаковывать чемоданъ, и, желая казаться представительницей дома, по причинѣ отсутствія хозяевъ, начала что-то глагольствовать повышеннымъ тономъ, желая тѣмъ самымъ указать на ея теперешнее значеніе; но, видя, что я на ея привѣтственныя фразы не обращаю вниманія, нѣсколько разъ посмотрѣла на меня подозрительно и съ видимымъ недоумѣніемъ отправилась восвояси, недовольная неудавшимся посольствомъ. Изумленная разсказами служанки, старуха рѣшилась сама изслѣдовать причину моего пріѣзда и въ то же время намекнуть мнѣ въ неумѣстномъ моемъ распоряженіи въ чужомъ домѣ. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что она меня не узнаетъ, а потому и замаскировался. Я объявилъ себя чиновникомъ, пріѣхавшимъ изъ столицы съ важнымъ пору-

ченіемъ. Въ это время она приняла видъ весьма радушной и гостепріимной хозяйки, но все таки намекнула мнѣ, что мои смѣлыя распоряженія въ чужомъ домѣ могутъ повлечь за собою худыя послѣдствія. Не желая удерживать ее въ недоумѣніи, я рѣшился открыть себя, вслѣдъ за чѣмъ послѣдовали слезы съ ея стороны, какъ чувствительной бабушки, возрадовавшейся явленіемъ ея любимаго внука. Въ это время она смотрѣла на меня съ особеннымъ наслажденіемъ и безпрестанно благодарила Бога, позволившаго ей еще разъ видѣть своего внука. Я однако, не дождавшись Я. Н., одѣлся поприличнѣе и отправился въ домъ Л. С. Тамъ меня тоже не узнали, не предполагая, чтобы я могъ пріѣхать на праздники В. Х. Семья Л. С. была приглашена на время праздниковъ въ деревню. Они хотѣли, чтобы и я ѣхалъ съ ними, но мнѣ однако удалось отказаться, чему я былъ очень радъ, потому что время провелъ я въ Р. довольно весело: постоянно бывалъ на вечерахъ, даваемыхъ чиновниками города. Но впрочемъ и этотъ праздникъ не обошелся безъ странныхъ приключеній. Послѣ всенощной, выйдя изъ церкви, я остановился у церковнаго крыльца, чтобы вмѣстѣ съ Я. Н., который не окончилъ еще своихъ моленій, отправиться въ его домъ. Въ это время одна дѣвица П. Л. подошла ко мнѣ, и, начавъ со мною разговоръ, заставила своимъ движеніемъ оставить занятое мною мѣсто. Во время бесѣды я до такой степени увлекся разговоромъ, что не замѣтилъ, какъ очутился возлѣ ея дома, который находился отъ церкви на довольно значительномъ разстояніи. Однако, несмотря на ея просьбы, я не рѣшился зайти въ домъ, желая поспѣшить къ Я. Н. Едва я вступилъ на крыльцо его дома, какъ былъ пораженъ неестественно сердитымъ видомъ Я. Н., который, какъ замѣтно, приготовилъ мнѣ привѣтъ довольно оскорбительный. Вмѣсто привѣтствій, приличныхъ этому дню, онъ со злобою сказалъ, что хотѣлъ уже и вещи мои переслать въ домъ Л. С., гдѣ, по его мнѣнію, я долженъ былъ быть до этого времени. Это меня сильно взволновало. Я оставилъ ту комнату, въ которой онъ былъ, и ушелъ въ маленькую, чтобы тамъ наединѣ излить тоску души своей, что мнѣ пришлось такимъ образомъ встрѣтить столь долго ожидаемый праздникъ. Пробывъ, впрочемъ, у него не долго, я отправился въ домъ Л. С., гдѣ радостные и веселые пріемы членовъ оставшейся семьи развѣяли тучи, вызванныя недавно случившимся. Послѣ этого я началъ постоянно разрывать цѣпи, наложенныя на меня стремленіями Я. Н., и часто отказывался отъ собственнаго удовольствія, чтобы только дать себѣ возможность дѣйствовать болѣе или менѣе самостоятельно.

На второй день праздника я былъ приглашенъ на вечеръ въ домѣ Д. Э., гдѣ была именинница. Съ утра я затѣялъ приготовляться къ этому торжественному балу, на которомъ намѣрены были быть всѣ знатныя лица города. Однако мои планы разстроились. Я. Н., или съ какою-либо тайной цѣлью, или изъ особенныхъ видовъ уговорилъ меня итти съ нимъ съ поздравленіями. Совѣстно было отказаться, и я рѣшился. Но что же вышло. Онъ повелъ меня по всѣмъ лачужкамъ, гдѣ я встрѣчался постоянно съ лицами, мнѣ не знакомыми, и гдѣ мое присутствіе было совершенно неумѣстно. По необходимости я принужденъ былъ въ нѣкоторыхъ домахъ ограничиться только видомъ наружности ихъ, не входя въ комнаты, что, впрочемъ, не ускользнуло отъ вниманія любопытныхъ, и они почтили меня названіемъ „гордый" сравнительно съ Я. Н. Въ семь часовъ вечера я отправился въ домъ Д. Э., гдѣ уже всѣ комнаты были наполнены гостями. Открылись танцы, которые тогда служили единственнымъ развлеченіемъ молодежи. Во время этого вечера я былъ приглашенъ на другой вечеръ къ К., но, идя къ нему, я встрѣтился съ гуляющими дѣвицами, присоединился къ нимъ и, проходя съ одной улицы на другую, совершенно забылъ о моемъ намѣреніи и такимъ образомъ опоздалъ. Поздно же не хотѣлось уже итти, и я счелъ за лучшее оставить свое намѣреніе. Объ этомъ моемъ поступкѣ узналъ Я. Н. Вечеромъ, когда всѣ домашніе собрались, онъ началъ высказывать свое неудовольствіе, а я, замѣтя это, рѣшился защищать самостоятельность своихъ дѣйствій, вслѣдствіе чего между нами произошла размолвка, окончившаяся недовольствомъ другъ другомъ. Это натянутое отношеніе продолжалось почти до времени моего выѣзда изъ Р. На четвертый день праздниковъ пріѣхала изъ деревни семья Л. С. и тѣмъ открыла новое поле для увеселеній. Но сколько ни веселись, все-таки наступитъ моментъ, который заставитъ человѣка отказаться отъ развлеченій и приняться за серьезное дѣло. Такимъ моментомъ для меня было время выѣзда въ гимназію. Все исчезло, какъ видѣніе, оставивъ только по себѣ пріятное воспоминаніе.

Я пріѣхалъ въ С. и началъ заниматься приготовленіемъ къ экзамену. Чѣмъ ближе было время экзамена, тѣмъ тревожнѣе было состояніе духа, блуждающаго въ непроницаемомъ туманѣ неопредѣленнаго. Различныя предположенія неудачнаго окончанія дѣла, случайная возможность неосуществленія предположенныхъ желаній возмущали душевное спокойствіе. Наконецъ наступило время окончательнаго испытанія. Насколько мнѣ при-

ходилось душевно содрогаться передъ началомъ каждаго экзамена, настолько послѣ окончанія душа наслаждалась спокойствіемъ и довольствомъ. Экзамены окончились для меня удачно. Едва окончилось послѣднее засѣданіе членовъ Педагогическаго Совѣта, какъ всѣ уже знали, что я и В. получили право на чинъ 14-го класса. Это наше возвышеніе не понравилось многимъ, желавшимъ стать выше насъ.

На другой день послѣ засѣданія, учитель В., призвавъ меня къ себѣ, поздравилъ съ чиномъ, доставившимъ мнѣ внутреннее удовлетвореніе.

Чтобы попрощаться приличнымъ образомъ съ учителями, мы рѣшили устроить имъ балъ. Мѣстомъ его былъ избранъ садъ П. Тутъ представилась картина, вполнѣ достойная воспоминанія. Видъ учениковъ, окончившихъ только-что гимназію и довольныхъ тѣмъ, что имъ удалось хоть этимъ путемъ выразить свою благодарность за труды учителей, и видъ послѣднихъ, замѣчающихъ въ своихъ питомцахъ чувство искренняго уваженія къ ихъ значенію, рождали въ душѣ зрителя благотворныя мысли.

Послѣ этого вечера, оставившаго въ насъ неизгладимое впечатлѣніе, каждый изъ насъ задумалъ уѣзжать. У меня извозчикъ былъ нанятъ еще двумя днями предъ этимъ торжественымъ днемъ. И вотъ на другой день, когда я еще спалъ и видѣлъ сладкія грезы, навѣянныя прошедшими событіями, еврей, подъѣхавшій къ моей квартирѣ, разбудилъ меня и напомнилъ, что пора выѣзда наступила. Но у меня еще не было свидѣтельства, и я, уговоривъ извозчика обождать нѣсколько часовъ, сейчасъ же отправился къ директору, который немедленно снабдилъ меня свидѣтельствомъ, ибо аттестатъ долженъ былъ быть отосланъ къ Попечителю Округа. Собравшись совершенно и попрощавшись съ кѣмъ успѣлъ, я съ грустью и сожалѣніемъ оставилъ можетъ быть навсегда г. С., бросая слезные взоры на мелькавшіе дома, около которыхъ мнѣ пришлось проѣзжать. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ прежде окончанія гимназіи, съ такимъ же сожалѣніемъ я оставлялъ ее теперь. Мнѣ бы хотѣлось остановить умчавшееся время, чтобы еще облачиться въ форму ученика и возобновить ученическую жизнь, но, увы, минувшаго возвратить нельзя, и оно осталось только неизгладимымъ въ воспоминаніи. Всю дорогу я провелъ въ размышленіи о прошедшемъ и мечтѣ о будущемъ, и только видъ нашего дома, къ которому я подъѣхалъ, измѣнилъ мои мысли. Въ 7 часовъ утра я былъ уже дома. Всѣ домашніе встрѣтили меня

съ большою радостью, тѣмъ болѣе, что въ эту минуту я своимъ появленіемъ разсѣялъ мысль, тяготившую ихъ въ послѣднее время о моемъ намѣреніи прямо изъ С. ѣхать въ университетъ. Первые дни моего пребыванія дома пролетѣли незамѣтно въ разсказахъ о различныхъ случаяхъ, встрѣчавшихся во время разлуки, но потомъ наступило время подумать о дальнѣйшемъ моемъ образованіи. Въ это время положеніе мое было затруднительное, между тѣмъ какъ оно, смѣняясь день за днемъ, все рѣзче и рѣзче напоминало о необходимости скораго выѣзда, но куда именно, этотъ вопросъ не былъ еще рѣшенъ. Кромѣ того я затруднялся въ выборѣ факультета. Въ моемъ воображеніи постоянно смѣнялись одинъ другимъ: математическій, юридическій и медицинскій факультеты, и всякій изъ нихъ казался для меня доступнымъ. Но математическій привлекалъ меня болѣе всѣхъ, однако какая-то невидимая сила, приковывая и привлекая меня ко всѣмъ сказаннымъ факультетамъ, не дозволяла мнѣ принять тотъ или другой кругъ дѣятельности. Необходима была побудительная причина. Ее-то я хотѣлъ найти въ совѣтахъ отца, къ которому я и обратился съ вопросомъ, но онъ, не желая связывать моей личной воли, предоставилъ выборъ мнѣ самому.

Въ одинъ прекрасный іюльскій день, по возвращеніи брата моего М. изъ канцеляріи, мы сѣли съ нимъ около раствореннаго окошка, обращеннаго на улицу, и, разсматривая проходящихъ, разговаривали между собою о предстоящемъ времени моего выѣзда; разговоръ нашъ по причинѣ своей неопредѣленности какъ-то не клеился, и мы больше заинтересованы были открывавшеюся намъ изъ окна картиною равнины, прорѣзанной волнующеюся рѣкою, нежели своимъ разговоромъ. Вдругъ братъ мой всталъ со стула и началъ присматриваться къ какой-то незнакомой по виду личности. Чѣмъ ближе она приближалась, тѣмъ пристальнѣе онъ всматривался въ черты ея лица. Наконецъ, узнавъ въ ней бывшаго нашего товарища по училищу, онъ опрометью бросился на улицу къ нему навстрѣчу и послѣ дружественныхъ привѣтствій и разспросовъ онъ пригласилъ его къ себѣ. Но тотъ, по причинѣ спѣшнаго дѣла, отложилъ свой визитъ къ намъ до перваго удобнаго случая. На другой день онъ явился къ намъ и въ комнатѣ встрѣтилъ меня перваго. Онъ меня не узналъ, ибо я дѣйствительно со времени разлуки съ нимъ значительно перемѣнился. Послѣ нѣсколькихъ словъ нашего разговора, я узналъ, что цѣль его прибытія въ М. была та же, которая заставляла меня оставить въ скоромъ времени

этотъ городъ. Это извѣстіе не мало меня обрадовало, потому что послѣ разговора съ нимъ время и мѣсто моего отъѣзда сдѣлалось болѣе опредѣленнымъ.

Главная тема нашего разговора была — избраніе факультета. Я, не зная его намѣренія, началъ возносить математическій факультетъ и какъ-то невольно заявилъ свое намѣреніе поступать на оный, и въ ту же минуту я узналъ, что мы сошлись въ своихъ планахъ. Имѣя въ виду одинъ и тотъ же факультетъ, мы рѣшились и ѣхать вмѣстѣ въ Кіевскій университетъ, чтобы, нанявъ въ Кіевѣ общую квартиру, заниматься вмѣстѣ. Время нашего выѣзда изъ М. было назначено 10-го іюля въ 10 часовъ вечера. Наконецъ наступилъ незамѣтно и день выѣзда. Всѣ наши домашніе ожидали извозчика до 11 часовъ, но потомъ, утомленные нетерпѣливымъ ожиданіемъ, рѣшились немного вздремнуть, только я и моя сестра Н. были болѣе терпѣливы. Совершенно приготовленный къ дорогѣ, я сидѣлъ на чемоданѣ, утопая въ мысляхъ о предстоящемъ отъѣздѣ, о времени поступленія въ университетъ, и эти мысли уносили меня въ волшебный и очаровательный міръ. Сестра моя, сидя около окна, устремила все свое вниманіе на меня, какъ бы желая своимъ испытующимъ взоромъ проникнуть въ сферу моихъ мыслей. Ея нѣжное лицо, освѣжаемое по временамъ повѣваніемъ лѣтняго ночного вѣтерка, выражало какую-то неуловимую задумчивость, и ея едва замѣтное періодическое встряхиваніе головой, казалось, выражало желаніе отбросить и разсѣять мысли, которыя наполняли въ эту минуту ея душу. Звукъ подъѣхавшаго экипажа вывелъ насъ изъ этого задумчиваго положенія. Мы взглянули другъ на друга, и въ эту минуту неуловимое выраженіе тоски мгновенно отразилось на нашихъ лицахъ. Мы оставили свои мѣста и рѣшились разбудить всѣхъ спящихъ, чтобы совершить обрядъ прощанія. Въ это время ударилъ часъ ночи. Я былъ радъ, что отецъ и мать, находясь подъ вліяніемъ сна, распрощались со мной безъ лишнихъ слезъ, которыхъ я всегда былъ врагомъ. Слезы всегда вызывали во мнѣ какую-то досаду, и я уѣхалъ въ этотъ разъ гораздо спокойнѣе по причинѣ ихъ отсутствія.

Нетерпѣливое наше желаніе скорѣе достигнуть мѣста, въ которое мы стремились, дѣлало нашу поѣздку и скучною и продолжительною. Къ счастью, нѣкоторыя случайныя происшествія насъ немного развлекали. На дорогѣ мы приняли еще одного пассажира—еврея, который ѣхалъ тоже въ университетъ, и онъ своими странностями насъ немного развлекалъ.

На половинѣ дороги нанятый нами извозчикъ своими продѣлками часто выводилъ насъ изъ терпѣнія, что и разряжалось бранью. Наконецъ мой спутникъ, выведенный изъ терпѣнія, обратился за содѣйствіемъ станового пристава, который сильно напугалъ извозчика и тѣмъ заставилъ его измѣнить методъ своихъ поступковъ.

Подъѣзжая къ Кіеву, я имѣлъ случай видѣть слѣды страшнаго опустошенія, произведеннаго бурею. Почти на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ дремучіе лѣса испещрялись громадою вываленныхъ разрушительною силою вѣтра деревьевъ. Находившіяся на пути направленія вѣтра деревни съ полуразвалившимися домами представляли не менѣе поразительное зрѣлище, которое увеличивалось печальнымъ выраженіемъ лицъ встрѣчавшихся крестьянъ, пострадавшихъ отъ бури. Лишившись единственнаго пріюта, они расположились цѣлымъ таборомъ на улицахъ полуразрушенной деревни. На четвертый день послѣ нашего выѣзда изъ М., въ 5 часовъ утра мы наконецъ замѣтили позлащенныя главы Кіевскихъ храмовъ. Казалось, цѣль была достигнута, и мы находились въ глазахъ города, но много еще пришлось намъ проѣхать, пока мы очутились въ самомъ городѣ. Видъ города меня сильно поразилъ. Я съ восхищеніемъ бросалъ взоры на всѣ стороны и вездѣ находилъ что-либо новое для любопытнаго глаза. Но глазъ человѣческій, по своему свойству, скоро привыкаетъ къ новымъ предметамъ, и стоитъ только разъ пристально всмотрѣться въ новые предметы, чтобы потомъ смотрѣть на нихъ, какъ на вещь давно видѣнную. То же случилось и со мной; все, что прежде поражало взоръ и обращало на себя сильное вниманіе, нѣсколько спустя дѣлалось обыкновеннымъ.

V. Въ Кіевѣ. Первыя впечатлѣнія.

По пріѣздѣ въ Кіевъ, мы остановились на Хоревой улицѣ, на Подолѣ. Въѣхавъ во дворъ постоялаго дома, загроможденнаго множествомъ повозокъ, я, оставивъ своего спутника около тарантаса стеречь вещи, отправился по лѣстницѣ, ведущей на второй этажъ гостиницы, къ хозяину, чтобы занять номеръ и условиться о цѣнѣ; но каково же было мое удивленіе, когда хозяинъ, вышедшій съ видомъ самонадѣянности мнѣ навстрѣчу, указавъ мнѣ на маленькую въ одну кубическую сажень комнатку, потребовалъ отъ меня рубль серебра въ сутки. Это заставило меня не мало задуматься, тѣмъ болѣе, что нельзя было предуга-

дать, сколько сутокъ придется намъ просидѣть въ гостиницѣ до отысканія постоянной квартиры. Съ печальнымъ видомъ я возвращался къ тарантасу и придумывалъ средства выйти изъ этого невыгоднаго для меня положенія. Къ счастью моему, я встрѣтилъ около крыльца какую-то женщину. Я подошелъ къ ней началъ разспрашивать о квартирѣ и между прочимъ разсказалъ ей свою встрѣчу съ хозяиномъ гостиницы, и просилъ ее указать мнѣ болѣе выгодное и для себя и для кармана кратковременное помѣщеніе. Она посовѣтовала мнѣ обратиться къ священницѣ Пил., которая жила недалеко отъ гостиницы, и, имѣя обширное помѣщеніе, отдавала свои комнаты въ наемъ для пріѣзжающихъ. Я не замедлилъ послѣдовать ея совѣту. Войдя въ указанный мнѣ домъ, я встрѣченъ былъ старушкою, которой по виду казалось лѣтъ пятьдесятъ. Это была хозяйка дома. Кроткое выраженіе ея лица, ласковый пріемъ обѣщали мнѣ удачный успѣхъ. Я разсказалъ ей причину своего пріѣзда въ Кіевъ и откуда я прибылъ. Это послѣднее свѣдѣніе произвело на нее пріятное впечатлѣніе, потому что она сама была родомъ изъ тѣхъ же мѣстъ. Мнѣ какъ-то не хотѣлось разочаровываться въ надеждѣ на предполагаемую удачу имѣть за удобную для насъ цѣну хорошее помѣщеніе, а потому я долго не рѣшался открыть ей причину своего визита. Но наконецъ я приступилъ къ дѣлу. Она съ готовностью предложила мнѣ довольно обширную и опрятную комнату и потребовала самую умѣренную плату. Я съ радостью принялъ ея предложеніе и сейчасъ же опрометью бросился на постоялый дворъ, что бы перевезти свои вещи. Устроившись немного въ новомъ кратковременномъ жилищѣ, я съ товарищемъ отправился узнать, гдѣ находится университетъ, и вмѣстѣ увидѣться съ знакомымъ мнѣ С., который жилъ въ университетѣ. Это было въ два часа по полудни. Жаръ былъ невыносимый, какого намъ никогда не приходилось испытывать въ мѣстахъ прежняго жительства. Преслѣдуемый сильнымъ зноемъ, котораго дѣйствіе еще сильнѣе увеличивалось отъ путешествія нашего на гору, которою сообщается Подолъ съ Крещатикомъ, я едва могъ достигнуть до половины Крещатика. Почувствовавъ сильное утомленіе, я не могъ итти дальше и принужденъ былъ взять извозчика, который и привезъ насъ къ университету. Величіе зданія и красота архитектуры поразили насъ, и мы невольно простояли около часа подъ стѣнами того зданія, въ которомъ мы должны были довершить свое образованіе. Наконецъ взоръ нашъ насытился видомъ сего зданія, и мы отправились искать моего знакомаго. Но тщетны были наши поиски въ томъ

зданіи, гдѣ одинъ житель не знаетъ другого; потерявъ надежду его отыскать, мы отправились на свою квартиру, чтобы утолить голодъ, который замѣтнымъ образомъ далъ себя чувствовать. Послѣ завтрака, горя нетерпѣливымъ желаніемъ скорѣе отыскать С., который бы могъ намъ немало принести пользы въ смыслѣ ознакомленія съ городомъ, я отправился снова въ университетъ. Послѣ долгихъ исканій и разспросовъ, я наконецъ напалъ нечаянно на старика-служителя при студенческой больницѣ, указавшаго мнѣ корридоръ, въ которомъ жилъ мой знакомый. Войдя въ указанный корридоръ, я увидѣлъ множество дверей, которыя меня снова озадачили. Я бросился въ первую дверь и былъ встрѣченъ молодою женщиною, которая меня отправила дальше. Отворивъ вторую дверь, я былъ встрѣченъ четырьмя старичками — служителями больницы, и тутъ-то окончился предѣлъ моего мытарства. Послѣ нѣкотораго совѣщанія одинъ изъ служителей привелъ меня къ дверямъ, отворивъ которыя, я увидѣлъ молодого человѣка въ сѣренькомъ сюртучкѣ, сидѣвшаго въ вольтеровскомъ креслѣ за книгою. Въ немъ-то я и узналъ того, котораго такъ долго искалъ. Въ мгновеніе, когда встрѣтились наши взоры, съ радостнымъ, восклицаніемъ: „ахъ!" мы бросились другъ другу въ объятія.

Исполненный неописанной радости, что мнѣ удалось наконецъ найти знакомое лицо въ городѣ, я попросилъ его ознакомить меня на первыхъ порахъ съ болѣе интересными видами города. Онъ повелъ меня на площадь, окружающую церковь Андрея Первозваннаго и находящуюся на одномъ изъ большихъ возвышеній города. Картина, открывшаяся моему взору, была восхитительна. Передо мной открылась цѣлая Подольская часть, находящаяся въ долинѣ и омываемая Днѣпромъ. Лучи палящаго солнца, отраженные отъ разнообразно окрашенныхъ желѣзныхъ крышъ и широко разлитой рѣки, образовали чудную картину. Я долго не могъ оторвать своего взора отъ представившагося моему вниманію вида, но невыносимо-сильный зной заставилъ наконецъ почувствовать необходимость искать болѣе прохладнаго пріюта. Сойдя съ этой площади, мы разошлись восвояси, ибо мой знакомый, побуждаемый дѣлами службы, спѣшилъ домой, чтобы устроить все, составляющее предметъ его профессіональной дѣятельности, притти къ намъ на цѣлый вечеръ. Хотя я не былъ еще ознакомленъ съ мѣстностью города, однако, замѣтивъ болѣе рельефные предметы, расположенные на пути къ моей квартирѣ, я, не блуждая, возвратился домой.

На Подолѣ мой взоръ привлеченъ былъ колодцемъ, надъ которымъ устроена статуя Самсона, раздирающаго пасть льва, изъ которой вытекаетъ струя чистой кристалловидной воды, служащей самымъ лучшимъ средствомъ для утоленія жажды, вызванной необходимостью взбираться на горы. Около этого колодца всегда можно видѣть огромное стеченіе людей, изъ коихъ часть привлечена любопытствомъ видѣть устройство фонтана, а другая часть—необходимостью прохладиться и освѣжить свои силы. Сію послѣднюю легко отдѣлить отъ общей массы по выраженію лица, которое рельефно представляетъ досаду и нетерпѣливое желаніе скорѣе достигнуть возможности приблизиться къ колодцу и удовлетворить своей жаждѣ. Отъ стремленія каждой личности—приблизиться къ нему прежде другихъ всегда происходитъ толкотня, которая рѣдко проходитъ безъ приключеній. Заинтересовавшись однимъ изъ такихъ приключеній, я вдругъ услышалъ звукъ, который казался происходящимъ отъ одновременнаго удара по нѣсколькимъ колокольчикамъ различной величины. Этотъ звукъ повторился нѣсколько разъ и потомъ умолкъ. Желая узнать причину этого явленія, я обратился къ близъ стоявшей около меня личности съ вопросомъ по этому предмету. Онъ, осмотрѣвши меня съ головы до ногъ, съ замѣчаніемъ, что видно я новичекъ въ этомъ городѣ, объяснилъ мнѣ, что это часы въ Лаврѣ пробили двѣнадцать часовъ. Только-что успѣлъ онъ окончить свою фразу, какъ послышался выстрѣлъ изъ пушки. А это что? спросилъ я его. Это, батюшка—родимый, сигналъ, означающій, что уже двѣнадцать часовъ, и служащій средствомъ для всякаго, имѣющаго свои часы, свѣрять ихъ. Послѣ этого онъ началъ разсказывать мнѣ, кто всѣмъ этимъ занимается и кто ввелъ это въ употребленіе, но я, видя его страстишку высказывать свои знанія, оставилъ его и пошелъ восвояси, чтобы распорядиться на счетъ обѣда, потребность въ которомъ сильно отозвалась въ моемъ усталомъ организмѣ.

Въ 4 часа по полудни явился С., и мы провели время до глубокой ночи въ разсказахъ о прошедшей нашей жизни и преимущественно въ обсужденіи того предмета, который былъ причиною нашего пріѣзда въ Кіевъ. Такъ какъ было уже поздно, мы оставили его у себя ночевать.

На другой день, по просьбѣ нашей, онъ отправился въ городъ отыскивать намъ квартиру. Къ вечеру квартира была нанята, и мы на слѣдующій день, распрощавшись съ своей хозяйкой, переѣхали въ нее. Нанятая нами квартира находилась на Тарасіевской улицѣ въ домѣ полковницы Сув. Она состояла

изъ одной довольно обширной комнаты и, что важнѣе всего, она была недалеко отъ университста. Переѣхавъ на новую квартиру, мы сейчасъ же занялись мыслью о поступленіи въ университетъ. Но мысль эта, насколько радовала и интересовала насъ, настолько, вслѣдствіе неудобствъ жизни, помрачалась обстоятельствами, съ которыми трудно было на первыхъ порахъ свыкнуться.

Мы столовались въ сосѣднемъ домѣ. Скудный обѣдъ нашъ, служа намъ пищею на цѣлый день, былъ недостаточенъ для утоленія голода, и не разъ приходилось голоднымъ садиться за столъ и такимъ же вставать изъ-за него. Чтобы помочь бѣдѣ, мы рѣшились покупать на базарѣ хлѣбъ и масло, которые не разъ служили намъ дессертомъ послѣ обѣда, а также ужиномъ и завтракомъ. Но масло, впрочемъ, оказалось для насъ неудобнымъ по неимѣнію сосуда, въ которомъ можно было бы его держать, а также и по неимѣнію мѣста, гдѣ бы можно было сохранять его отъ дѣйствія теплоты; по этой причинѣ оно въ скоромъ времени было замѣнено свинымъ саломъ. Случалось не разъ, несмотря на сильное желаніе ѣсть, отказываться отъ обѣда по причинѣ отвратительнаго вкуса подаваемыхъ блюдъ. Однажды я съ такимъ энтузіазмомъ отскочилъ отъ стола, что едва не разломалъ стула, на которомъ сидѣлъ. Причиною тому была жареная картофель, вкусъ которой явнымъ образомъ указывалъ намъ присутствіе въ ней свѣчного сала. Не менѣе этого мучили насъ отвратительныя щи, приготовленныя изъ скорлупинъ гороха, боба и фасоли, которыя напоминали намъ нѣчто въ родѣ ѣды, приготовляемой для рогатаго скота. Отказаться отъ стола было невозможно, такъ какъ мы по неопытности своей заплатили хозяйкѣ за два мѣсяца впередъ. Впрочемъ, мы за мѣсяцъ сорвали, а за остальныя деньги должны были обѣдать у нея до конца мѣсяца.

Первою нашею заботою, обезпечивши себя столомъ и квартирою, было поступленіе въ университетъ. Въ послѣднихъ числахъ іюля мы, написавъ прошенія, отправились съ ними для подачи. Прошенія были написаны на имя попечителя округа, и намъ казалось, что ему и нужно было подавать. Мы и отправились къ помощнику попечителя, потому что самого попечителя не было въ городѣ. Помощникъ попечителя, какъ это не къ нему относилось, отправилъ насъ въ канцелярію. Много труда стоило намъ, пока мы отыскали канцелярію. Такъ какъ намъ казалось, что всѣ дѣла, относящіяся къ университету, совершаются въ канцеляріи попечителя, то очень возрадовались, увидѣвъ нако-

нецъ вывѣску съ надписью „Канцелярія Попечителя". Но и здѣсь намъ не удалось осуществить свое желаніе, ибо, пройдя всѣ комнаты этой канцеляріи и обезпокоивъ всякаго попавшагося намъ навстрѣчу, мы наконецъ узнали, что прошенія о поступленіи въ университетъ нужно подавать ректору университета. Искать квартиры ректора мы уже не были въ состояніи, будучи сильно изнурены, и мы отложили свои намѣренія до слѣдующаго дня.

На другой день, въ 10 часовъ, мы отправились къ ректору, который къ нашему утѣшенію жилъ на той же улицѣ, гдѣ была и наша квартира, и мы такимъ образомъ по крайней мѣрѣ избавились отъ невыносимыхъ отъ зноя прогулокъ по мостовымъ города К. Мы вошли въ его квартиру. Первымъ лицомъ, попавшимся намъ навстрѣчу, была его дочь, которая, какъ замѣтно было по обстановкѣ, передъ нашимъ приходомъ занималась музыкой, но, услышавъ наши шаги, встала съ занимаемаго ею прежде мѣста и приблизились къ дверямъ, чтобы насъ встрѣтить, полагая, что мы изъ числа ея знакомыхъ; но наше появленіе, какъ существъ ей совсѣмъ незнакомыхъ, заставило ее отойти на средину залы, гдѣ она, отвѣтивъ мастерски на нашъ привѣтливый поклонъ, указала намъ боковую дверь, за которою въ вольтеровскомъ креслѣ сидѣлъ передъ столомъ, забросаннымъ книгами и бумагами, ея отецъ, исполняющій должность ректора университета. Это былъ старикъ съ довольно симпатичнымъ и пріятнымъ лицомъ германскаго типа. Голова его казалась немного подавшеюся впередъ, что, конечно, произошло отъ умственнаго усидчиваго труда, свойственнаго людямъ его положенія. Онъ принялъ насъ благосклонно, съ непритворною вѣжливостью и, предложивъ намъ стулья, завелъ съ нами разговоръ о нашемъ интересѣ. Пересмотрѣвъ тщательно врученные нами документы и вчитавшись въ содержаніе нашихъ аттестатовъ, въ которыхъ, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ, было написано, что мы окончили гимназію съ правомъ на чинъ 14-го класса,—онъ наконецъ намъ объявилъ, что насъ будутъ экзаменовать только по русскому языку. Это извѣстіе насъ обрадовало, и въ воображеніи нашемъ снова начала проясняться надежда на поступленіе въ университетъ, уничтоженная предъ тѣмъ разсказами о несчастныхъ случаяхъ, встрѣчавшихъ поступающихъ въ университетъ во время экзамена.

VI. Студентъ Кіевскаго Университета.

Окончаніе университетскаго курса.

1-е августа 1859 года было назначено днемъ испытанія для поступленія въ университетъ. До 1-го августа оставалось нѣсколько дней, которые мы, т.-е. я и товарищъ, посвятили подготовкѣ къ экзамену и разсматриванію города, который своими привлекательными видами увлекалъ наше вниманіе на всякомъ шагу.

Величественность и изящество церквей и строеній, чудно обдѣланныя горы поглощали все наше вниманіе и приводили въ удивленіе. Наканунѣ 1-го числа, я, идя мимо университета, замѣтилъ на дверяхъ его приклеенный листъ бумаги, около котораго суетилось нѣсколько молодыхъ людей. Я подошелъ туда, и первое слово, бросившееся мнѣ въ глаза, была моя фамилія помѣщенная въ числѣ лицъ, приглашаемыхъ къ испытанію. Сильно забилось ретивое при видѣ этого листа бумаги, исписаннаго фамиліями, и дрожь пробѣжала по моему тѣлу при мысли, что въ слѣдующій день рѣшится моя участь. Сейчасъ же я побѣжалъ на квартиру, чтобы передать видѣнное мною моему товарищу.

Цѣлый вечеръ мы провели въ кругу своихъ товарищей, которые точно такъ же, какъ и мы, заинтересованы были слѣдующимъ днемъ, и одинъ другого старался напугать предположеніемъ случайности неудачнаго экзамена.

Со страхомъ, трепетомъ и усиленнымъ біеніемъ сердца, я, забравъ необходимыя книги и тетради, отправился на экзаменъ. Войдя въ университетъ, я встрѣтилъ въ корридорѣ огромное множество молодыхъ людей, разбившихся на группы, въ которыхъ была одна и та же тема разговора.

Въ 10 часовъ прибывшій въ университетъ ректоръ пригласилъ насъ въ аудиторію, куда мы бросились опрометью, чтобы занять болѣе удобныя мѣста. Такъ какъ былъ экзаменъ по русскому языку, по которому мнѣ только и нужно было экзаменоваться, то я, разложивши передъ собою бумагу и перья, съ волненіемъ ожидалъ прибытія экзаменатора. Но не прошло и пяти минутъ, какъ ректоръ, войдя въ занятую нами аудиторію, раздѣлилъ насъ на три группы и для каждой назначилъ отдѣльную аудиторію. Мнѣ пришлось перейти въ ту аудиторію, въ которой экзаменаторомъ назначенъ былъ профессоръ Лениченко, котораго, по строгости его испытанія, всѣ боялись. Но я,

впрочемъ, былъ спокоенъ, потому что могущая неудача испытанія меня не тревожила, во-первыхъ, потому, что я надѣялся на себя, а, во-вторыхъ, я устроилъ себѣ планъ, въ случаѣ невыдержанія, поступить въ вольнослушатели.

Экзаменаторъ не заставилъ себя долго ожидать. Общій говоръ прекратился, и водворилась тишина, прерываемая по временамъ шелестомъ бумаги, приготовляемой для письма подъ диктовку. Продиктованное было написано, и сочиненіе на заданную тему приготовлено. Мы вышли изъ аудиторіи, волнуемые неизвѣстностью послѣдствій нашего экзамена. Это тревожное состояніе до такой степени овладѣло мною, что я на третій день рѣшился искать квартиры секретаря Совѣта, чтобы отъ него узнать о послѣдовавшемъ результатѣ. Но мнѣ не удалось отыскать его, а потому я и отложилъ свои поиски до слѣдующаго дня.

На другой день, въ 10 часовъ утра, я въ сильно взволнованномъ настроеніи отправился въ канцелярію правленія. Приблизившись къ столику, около котораго сидѣлъ секретарь, я обратился къ нему съ просьбою удовлетворить моему любопытству. Онъ спросилъ мою фамилію, и, пересмотрѣвъ экзаменаціонный листъ, отвѣтилъ на мою просьбу очень лестнымъ выраженіемъ: „Вы зачислены въ число студентовъ по причинѣ очень удовлетворительно выдержаннаго экзамена". Это извѣстіе до такой степени меня обрадовало, что я съ четвертаго этажа, въ которомъ тогда находилась канцелярія Совѣта, опрометью сбѣжалъ на улицу и быстрыми шагами отправился на квартиру, что бы подѣлиться своею радостью съ товарищами и въ то же время передать и имъ объ удачности ихъ испытанія. На слѣдующій день послѣ испытанія мы устроили у себя пирушку въ честь новаго нашего мундира, въ который мы имѣли уже право облечься. Мы совершенно успокоились и предались разсматриванію города. Но спокойствіе мое было нарушено слѣдующимъ: черезъ недѣлю послѣ нашего испытанія, на тѣхъ же дверяхъ университета, на которыхъ я первый разъ увидѣлъ свою фамилію, я замѣтилъ ее вторично. Мнѣ предстояло новое испытаніе, вопреки увѣреніямъ ректора, который во время моей бытности у него, сказалъ, что мнѣ нужно будетъ экзаменоваться только по русскому языку, а между тѣмъ меня вызывали держать экзаменъ еще по двумъ предметамъ. Не теряя времени, я тотчасъ же отправился къ ректору. Когда я разсказалъ ему о видѣнномъ мною, онъ удивился и приписалъ это ошибкѣ. По его совѣту, я отправился къ секретарю Совѣта, чтобы узнать причину этого

вызова. Отъ него я узналъ, что въ моемъ прошеніи не помѣщенъ факультетъ, на который я желалъ поступить, а потому, чтобы дать мнѣ возможность поступить на какой угодно факультетъ и потомъ переходить съ одного на другой безпрепятственно, меня вызвали къ экзамену изъ двухъ добавочныхъ къ русскому языку предметовъ. Но такъ какъ я рѣшился уже поступить на математическій факультетъ, то и былъ избавленъ отъ лишняго труда. Вызовъ былъ уничтоженъ рукою секретаря, на прошеніи былъ означенъ факультетъ, на который я поступалъ, и я вполнѣ успокоился. Съ неописаннымъ восторгомъ я надѣлъ студенческую форму, и въ моемъ воображеніи засіяло во всемъ блескѣ величіе моего сана. Казалось, въ эту минуту выше меня и важнѣе не было никого въ мірѣ. Итакъ я студентъ университета. Ставши студентомъ, я рѣшился отпраздновать начало новой жизни. Были приглашены товарищи, и мы кутнули порядкомъ. Разогрѣтое напитками воображеніе представило намъ въ эту минуту нашу новую жизнь въ такихъ картинахъ, которыя только встрѣтить можно въ описаніи рая Магомета. Она и дѣйствительно была пріятна, и впечатлѣнія, оставленныя ею, неизгладимы изъ памяти.

Въ самомъ началѣ кругъ моихъ товарищей ограничивался нѣсколькими знакомыми по гимназіи лицами, а также нѣсколькими изъ нашего курса, съ которыми я успѣлъ познакомиться.

Свободное занятіе, ревность къ труду, обширное поле для мысли и ума поглотили меня въ самомъ началѣ. Я чувствовалъ, что началъ умственно развиваться и идти впередъ быстрыми шагами. Это сознаніе послѣдовательно возвышало меня въ своихъ собственныхъ глазахъ. Занятія шли довольно удачно. Я работалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, которые составляли нашъ кругъ.

28 ноября, когда занятія въ университетѣ прекратились, я, сговорившись съ нѣсколькими товарищами, отправился съ ними въ Р. на праздникъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1917 г.

ТОМЪ СТО СЕМИДЕСЯТЫЙ.

апрѣль, май, іюнь.

Записки и воспоминанія.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. — Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

Приложенія:

Сказки—утѣхи досужія. Вступительная статья Е. А. Ляцкаго, изд-во „Огни". Петр. 1916. Стр. 260. Ц. 2 р.

Изд-во „Огни" выпустило прекрасную книгу, культурная цѣнность которой опредѣляется эпиграфомъ къ тексту: „сказка—въ печали утѣха, въ радости—забава". Избраны сказки Е. А. Ляцкимъ и М. Н. Чернышевскимъ и снабжены вступительной статьей Е. А. Ляцкаго, выясняющаго значеніе сказки, какъ памятника народной словесности, отражающаго преданія родной старины, поэтическія вѣрованія и мечтанія народа, его задушевные идеалы и стремленія. Книга снабжена красивой стильной обложкой и рамкой вокругъ текста (на каждой страницѣ), работы художника Д. И. Митрохина. Собранныя въ книгѣ произведенія народной словесности всѣ принадлежатъ къ циклу старинныхъ сказокъ, хранящихъ преданія древняго русскаго эпоса, величаваго въ своемъ спокойствіи и мудромъ сліяніи съ природой. Въ концѣ книги даны объясненія непонятныхъ современному читателю словъ. Книга красиво отпечатана въ нѣсколько красокъ и, по нынѣшнимъ цѣнамъ, стоитъ въ продажѣ очень дешево.

С. Ш.

Воспоминанія братьевъ Бестужевыхъ. Записки Н. В. Басаргина. Редакція П. Е. Щеголева. Изд-во „Огни". Петр. 1917. Стр. 382 и 346. Ц. 3 р. 50 к.

Читатели „Русской Старины" знакомы съ записками и воспоминаніями декабристовъ. Большинство изъ нихъ въ различное время опубликовано на страницахъ „Русской Старины", гдѣ печатались также многочисленные очерки объ этихъ выдающихся людяхъ прошлаго вѣка. Но разбросанные по разнымъ журналамъ и спеціальнымъ изданіямъ, записки и воспоминанія декабристовъ недоступны читателю, который вслѣдствіе этого лишенъ возможности ознакомиться систематически съ любопытными памятниками русской литературы и русской общественности. Вотъ почему представляется особенно желательнымъ переизданіе ихъ отдѣльными книгами. Собранные вмѣстѣ и приведенные въ порядокъ умѣлою рукою такого знатока и талантливаго изслѣдователя эпохи 20—30-хъ годовъ минувшаго столѣтія, какъ П. Е. Щеголевъ, отрывки изъ записокъ братьевъ А., М. и Н. Бестужевыхъ даютъ читателю яркую картину событій, развившихся вокругъ 14 декабря 1825 года, и блестящія характеристики самыхъ крупныхъ дѣятелей этого движенія. Записки Н. В. Басаргина, выявляющія благородный и скромный характеръ автора, содержащія много интересныхъ сообщеній для характеристики императора Николая Павловича, представляютъ также цѣнный матеріалъ по бытовой исторіи Россіи начала XIX вѣка и по исторіи Сибири за 50—60-ые годы. Въ общемъ, обѣ эти книги являются цѣннымъ вкладомъ въ литературу о декабрьскихъ событіяхъ 1825 года, въ которыхъ приняли участіе представители самыхъ родовитыхъ русскихъ фамилій, оставившіе намъ образцы истиннаго патріотизма и самоотверженной любви къ родинѣ. Къ запискамъ приложены вступительные очерки П. Е. Щеголева объ авторахъ записокъ и примѣчанія, въ которыхъ даются біографическія свѣдѣнія о лицахъ, упоминаемыхъ въ книгахъ.

С. Ш.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ.** Тип. Шт. Петр. Воен. Окр.